

МАТИЦА СРПСКА
ОДЕЉЕЊЕ ЗА КЊИЖЕВНОСТ И ЈЕЗИК

ЗБОРНИК
МАТИЦЕ СРПСКЕ ЗА СЛАВИСТИКУ

MATICA SERBICA
DEPARTMENT OF LITERATURE AND LANGUAGE
MATICA SRPSKA JOURNAL OF SLAVIC STUDIES

Покренут 1970. године
До књ. 25. (1983) под називом *Зборник за славистику*

Главни уредници

Од 1. до 43. књиге др Милорад Живанчевић,
од 44. до 53. књиге др Миодраг Сибиновић,
од 54–55. до 82. књиге др Предраг Пипер
Од 83. књиге др Корнелија Ичин

Уредништво

др Корнелија Ичин, главни уредник (Филолошки факултет Универзитета у Београду), др Марта Бјелетић (Институт за српски језик САНУ), др Џон Боулт (Универзитет Јужне Калифорније, Институт модерне руске културе, САД), др Михаил Вајскопф (Јеврејски универзитет, Израел), др Вилем Вестстејн (Факултет хуманистичких наука Универзитета у Амстердаму, Холандија), др Дојчил Војводић (Филозофски факултет Универзитета у Новом Саду), др Роналд Врон (Калифорнијски универзитет, САД), др Ханс Гинтер (Универзитет у Билефелду, Немачка), др Зоран Ђерић (Академија умјетности Универзитета у Бањој Луци, Српско народно позориште у Новом Саду), др Александра Корда Петровић (Филолошки факултет Универзитета у Београду), академик Наталија Корнијенко (Институт за светску књижевност РАН, Русија), академик Луиђи Магарото (Универзитет «Ка Фоскари», Италија), др Синити Мурата (Факултет за стране студије Универзитета „Софија“, Јапан), др Људмила Поповић (Филолошки факултет Универзитета у Београду), др Љубинко Раденковић, дописни члан САНУ (Балканолошки институт САНУ), др Игор Смирнов (Универзитет у Констанцу, Немачка), академик Андреј Топорков (Институт за светску књижевност РАН, Русија), академик Анатолиј Турилов (Институт за славистику РАН, Русија), академик Борис Успенски (Напуљски универзитет за источне студије—НИУ „Висока школа економије“, Италија—Русија), академик Роберт Ходел (Институт за славистику Универзитета у Хамбургу, Немачка)

Editorial board

Kornelija Ičin, PhD, Editor-in-Chief (Faculty of Philology, University of Belgrade), Marta Bjeletić, PhD (Institute for Serbian language of the SASA), John Bowlt, PhD (University of South California; Institute of Modern Russian Culture, USA), Zoran Đerić, PhD (Academy of Arts, University in Banja Luka; Serbian National Theatre in Novi Sad), Hans Günther, PhD (University of Bielefeld, Germany), Academician Robert Hodel, PhD (University of Hamburg, Germany), Aleksandra Korda Petrović, PhD (Faculty of Philology, University of Belgrade), Academician Nataliya Kornienko, PhD (Institute for World Literature of the RAS, Russia), Academician Luigi Magarotto, PhD (University Ca' Foscari, Italia), Shinichi Murata, PhD (Faculty of Foreign Studies of the University "Sofia", Japan), Ljudmila Popović, PhD (Faculty of Philology, University of Belgrade), Ljubinko Radenković, corresponding member, PhD (Institute for Balkan Studies of the SASA), Igor Smirnov, PhD (University of Konstanz, Germany), Academician Andrey Toporkov, PhD (Institute for World Literature of the RAS, Russia), Academician Anatoly Turilov, PhD (Institute of Slavic Studies of the RAS, Russia), Academician Boris Uspensky, PhD (University of Naples for Eastern Studies — National Research University Higher School of Economics, Italy — Russia), Dojčil Vojvodić, PhD (Faculty of Philosophy, University of Novi Sad), Ronald Vroon, PhD (Department of Slavic Languages and Literatures of the University of California, USA), Michael Weisskopf, PhD (Hebrew University of Jerusalem, Israel), Willem Weststeijn, PhD (Faculty of Humanities of the University of Amsterdam, the Netherlands)

ISSN 0352-5007 | UDC 821.16+811.16(05)

**ЗБОРНИК
МАТИЦЕ СРПСКЕ ЗА
СЛАВИСТИКУ**

100

НОВИ САД • 2021

МАТИЦА СЕРБСКАЯ
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

MATICA SRPSKA
DIVISION OF LITERATURE AND LANGUAGE

СЛАВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
REVIEW OF SLAVIC STUDIES

100

НОВИ САД

САДРЖАЈ — CONTENTS — СОДЕРЖАНИЕ

СТУДИЈЕ И РАСПРАВЕ

Предраг Пипер	Словенство и савремени свет	15
---------------	---------------------------------------	----

ФИЛОЛОГИЈА И ЛИНГВИСТИКА

Светлана Толстая, К проблеме синонимии в праславянской лексике	43	
Борис Успенский, Слово <i>царь</i> в истории русской письменности.	61	
Јасмина Грковић Мејдор, О три глагола <i>надања</i> у старосрпском: <i>надати се</i> , <i>издати се</i> , <i>цквати/цфати се</i>	77	
Анатолий Турилов, Что значат слова «азбучные стихи Константина Философа» в Минее праздничной XIV в. старого собрания Национальной библиотеки Сербии № 135 (293)? К вопросу об авторстве древнейших славянских азбучных стихир.	85	
Персида Лазаревић Ди Ђакомо, Почетна анализа и претпоставке о рукопису бр. 261 из Знанствене књижнице у Задру.	93	
Жанна Варбот, К этимологии слав. <i>*šatriti</i> / <i>*šatрати</i> / <i>*šetiriri</i>	109	
Vjeslav Boriš	Hrvatska dijalekatska imenica <i>zulo/zjulo</i>	115
Андрей Топорков, Фольклорные материалы И. П. Сахарова в статьях В. Г. Белинского о народной поэзии	119	
Любинко Раденкович, Мифологические персонажи для устрашения детей у славян	135	
Галина Кабакова, «Дорожная» еда в терминологии и традиционных представлениях конца XIX — начала XXI века	157	
Анатолий Загнітко, Прийменниково-просторова семантика в сучасних інтерпретаціях: граматичний і лексикографічний виміри	169	
Владимир Плунгян, Геометрия русского словоизменения: о традиционных и нетрадиционных таблицах склонения	187	
Jarmila Paněvová, K vybraným typům deverbativních adjektiv v češtině (v porovnání s ruštinou)	205	
Maciej Grochowski, Szyk leksemów homonimicznych o postaci <i>jak</i>	219	
Борис Норман, К проблеме феминитивов: объективная реальность, языковая картина мира и метаязыковая оценка	231	
Розанна Бенаккьо, Суффикс <i>-inat</i> в резьянском диалекте и его параллели в сербском и хорватском языках.	247	
Људмила Поповић, Комуникативне формуле у српском језику: питања типологије и анализе	263	

КНИЖЕВНОСТ И УМЕТНОСТ

Игорь Смирнов, К теории пародии.	297
Марк Липовецкий, Теория трикстера	305
Petar Bojanić, Neprijatelj i prekid neprijateljstva. Da li je moguć jedan „srpsko-ruski“ protokol za uspostavljanje mira?	341
Людмила Сараскина, Федор Достоевский: «У нас, русских, две родины: наша Русь и Европа».	353
Валерий Гречко, Семиотика пространства в рассказе Чехова «Скрипка Ротшильда»: несколько интертекстуальных параллелей	371
Robert Hodel, Stihovna forma. Komparativni pogled na ruskú liriku 20. vijeka	389
Владимир Фещенко, Creatio ex lingua. Параметры языковых новаций в художественных и научных текстах эпохи русского авангарда.	405
Корнелия Ичин, Прологомены к <i>Некоторому количеству разговоров</i> А. Введенского	427
Ефим Курганов, Владимир Набоков и <i>Книга Еноха</i>	449
Рита Джулиани, <i>Образы Италии</i> П. П. Муратова — единственный в своем роде шедевр русской литературы	455
Леонид Геллер, Соцреалистический классицизм, или Некоторые статистические наблюдения о месте классического наследия в советской культуре	469
Михаил Вайскопф, Рихард Вагнер, Франц Кафка и Александр Грин: К истории одного либретто.	485
Jeremy Howard, Vladimir Markov's <i>Staircase in Moonlight</i> : Questions of Russian modernist chinoiserie and Sinological modernism	507
Екатерина Бобринская, Новая антропология в творчестве Василия Чекрыгина.	527
Nicoletta Misler, John E. Bowlt, Transfixed by Meridians of Darkness: Frantsisko Infante and Nonna Goriunova	543

ОКО ВЕЛИМИРА ХЛЕБЬНИКОВА

Александр Парнис, Хлебников — Маяковский — Митурич: к истории одного конфликта	559
Ronald Vroon, Velimir Khlebnikov's "Hunger" poems: a textual-critical analysis	597
Willem G. Weststeijn, Death in the early lyric poetry of Velimir Khlebnikov	615
Роман Тименчик, Из именного указателя к Записным книжкам Анны Ахматовой (Велимир I).	623

КОНТЕКСТИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Наталья Корниенко, «Социальный роман» Андрея Платонова: контексты творчества и эпохи	647
Луиджи Магаротто, Трагические решения в романе <i>Чевенгур</i> Андрея Платонова	663
Ханс Гюнтер, Пространство и время: Андрей Платонов и Освальд Шпенглер	685

VERBUM IURO

Игорь Пильщиков, Денис Иоффе, Русский мат: вчера, сегодня, завтра	691
Игорь Пильщиков, Русский мат: что мы о нем знаем? (О происхождении и функциях русской обсценной идиоматики).	709

Александр Жолковский, Секс в рамках — 2021	761
Денис Иоффе, К вопросу о перформативной многозначности русского мата	781
Юрий Левинг, Портрет героя в Инстаграме: #Это не он	813
Валерий Отяковский, Барков, Прутков и прочие: о «Стихах поэзии» лейтенанта Пидоренко В. П.	847

ИЗ УСПОМЕНА СЛАВИСТА

Zuzanna Topolińska, Z pamiętnika językoznawcy	865
Сусуму Нонака, Беседы с Б. Ф. Егоровым о смехе и истине	871

ХРОНИКА

Моника Спивак, «Привет из Москвы!»: Международная научная конференция «Андрей Белый в изменяющемся мире: к 140-летию со дня рождения писателя» (26–29 октября 2020).	877
--	-----

IN MEMORIAM

„За суштинe, које су сталне, време не постоји“ (Кроз призму свједочанства о једној изузетној личности). In <i>memoriam</i> : Академик Предраг Пипер (1950–2021) (<i>Дојчил П. Војводић</i>)	893
---	-----

Регистар кључних речи	921
Списак сарадника	930
Рецензенти	933
Упутство за припрему рукописа за штампу	934

САДРЖАЈ — CONTENTS — СОДЕРЖАНИЕ

STUDIJE I RASPRAVE — ARTICLES AND TREATISES

Predrag Piper	Slavs in the contemporary world	15
---------------	---	----

PHILOLOGY AND LINGUISTICS

Svetlana Tolstaya, On the problem of synonymy in the proto-slavic vocabulary	43	
Boris Uspensky, The word <i>car'</i> in the history of Russian language	61	
Jasmina Grković-Major, On three verbs of hoping in old serbian: <i>nadati se</i> , <i>uzdati (se)</i> , <i>upvati/ufati (se)</i>	77	
Anatoly Turilov, What do the words "Alphabetpoems by Konstantin the Philosopher" mean in the fourteenth-century holiday mine in old collection of the national library of Belgrade № 135 (293)? The question about the authority of the ancient slav ic alphabetic verse	85	
Persida Lazarević Di Giacomo, Initial analysis and some hypotheses regarding manuscript no. 261 conserved in the Scientific library of Zadar	93	
Zhanna Varbot, Towarda etymology of slav. <i>*šatriti/ *šatрати/ *šetriti</i>	109	
Wiesław Boryś	The croatian dialectal noun <i>zulo/zjulo</i>	115
Andrey Toporkov, Folklore materials of I. P. Sakharov in V. G. Belinsky's articles on folk poetry	119	
Ljubinko Radenković, Slavic mythological characters for frightening children	135	
Galina Kabakova, Nomadic food in the terminology and traditional representations (end of the 19 th — beginning of the 21 th century)	157	
Anatoly Zagnitko, Prepositional and spatial semantics in modern interpretations: grammatical and lexicographic dimensions	169	
Vladimir Plungian, The geometry of Russian inflection: on traditional and non-traditional declension tables	187	
Jarmila Panevová, On selected types of deverbal adjectives in czech (in comparison with Russian)	205	
Maciej Grochowski, The order of the Polish homonymic lexemes in the shape of <i>jak</i>	219	
Boris Norman, The problem of feminitives: objective reality, linguistic picture of the world and metalinguistic assessment	231	
Rosanna Benacchio, The suffix <i>-inat</i> in the resian dialect and its serbian and croatian parallels	247	
Ljudmila Popović, communicative formulae in serbian: problems of typology and analysis	263	

LITERATURE AND ART

Igor Smirnov, About theory of parody.	297
Mark Lipovetsky, Theory of trickster	305
Petar Bojanić, The enemy and termination of enmity. Is a “Serbo-Russian” protokol of peacepossible?	341
Liudmila Saraskina, Fyodor Dostoevsky: «We, Russians, have two motherlands: our Russia and Europe»	353
Valerij Gretchko, The semiotics of space in Chekhov's story “Rothschild's fiddle”: some intertextual parallels	371
Robert Hodel, Verse form. Comparative view with the russian lyric of the 20 th century	389
Vladimir Feshchenko, Creatio ex lingua. Parameters of language innovations in artistic and scientific texts of the russian avant-garde era.	405
Kornelija Ičin, Prolegomenon to the A. Vvedensky's <i>Certain quantity of conversations</i>	427
Efim Kurganov, Vladimir Nabokov and <i>The book of Enoch</i>	449
Rita Giuliani, Pavel Muratov's <i>Obrazy Italii</i> — a unique masterpiece of russian literature	455
Leonid Heller, Socialist realist classicism, or some statistical observations of the position of classical heritage in soviet culture	469
Michael Weisskopf, Richard Wagner, Franz Kafka and Alexander Grin: Towards the history of one libretto	485
Jeremy Howard, Vladimir Markov's <i>Staircase in Moonlight</i> : questions of russian modernist chinoiserie and sinological modernism	507
Ekaterina Bobrinskaya, New anthropology in the works of Vasily Chekrygin	527
Nicoletta Misler, John E. Bowlit, Transfixed by Meridians of Darkness: Frantsisko Infante and Nonna Goriunova	543

REGARDING VELIMIR KHLEBNIKOV

Alexander Parnis, Khlebnikov — Mayakovsky — Miturich: about the history of the conflict	559
Ronald Vroon, Velimir Khlebnikov's “Hunger” poems: a textual-critical analysis	597
Willem G. Weststeijn, Death in the early lyric poetry of Velimir Khlebnikov	615
Roman Timenchik, From names index to Anna Akhmatova's notebooks (Velimir I).	623

CONTEXTS OF ANDREY PLATONOV

Nataliya Kornienko, “Social novel” by Andrey Platonov: contexts of creativity and epoch	647
Luigi Magarotto, Tragic solutions in the novel <i>Chevengur</i> by Andrey Platonov.	663
Hans Günther, Space and Time: Andrey Platonov and Oswald Spengler	685

VERBUM IURO

Igor Pilshchikov, Dennis Ioffe, Russian “mat”: yesterday, today, and tomorrow.	691
Igor Pilshchikov, Russian “mat”: what do we know about it? (On the origin and functions of russian obscenities)	709

Alexander Zholkovsky, Sex framed — 2021	761
Dennis Ioffe, Debating russian obscene performativity and polysemy: the curious case of russian mat	781
Yuri Leving, Portrait of a Hero in a Digital Interior: '# This is not it'	813
Valerii Otiakovskii, Barkov, Prutkov and others: on the "Verses of poetry" by lieutenant Pidorenko V. P.	847

FROM THE MEMOIRS OF THE SLAVISTS

Zuzanna Topolińska, Z pamiętnika językoznawcy	865
Susumu Nonaka, Conversations with B. F. Egorov about laughter and truth	871

CHRONICLE

Monika Spivak, "Greetings from Moscow!": International Scientific Conference «Andrey Bely in a Changing World: To the 140th anniversary of the writer's birth» (October 26–29, 2020)	877
--	-----

IN MEMORIAM

"For Everlasting Essentialities Time never dies" (Through the Prism of Testimony about an extraordinary person). In memoriam: Academician Predrag Piper (1950–2021) (<i>Dojčil P. Vojvodić</i>)	893
---	-----

Register of key words	921
List of contributors	930
Reviewers	933
Instructions for authors	934

Част да приреди јубиларни, 100. број *Зборника Маџице српске за славистику* припала је овој редакцији. Памтећи прегалаштво, пожртвованост и истрајност претходних уређивачких колегијума, које су предводили академик Милорад Живанчевић, професор Миодраг Сибиновић и академик Предраг Пипер, желимо овом приликом да им одамо признање и најдубљу захвалност за посвећени вишедеценијски рад на обликовању часописа.

Током педесет година постојања часопис се развијао у више праваца, ширећи своја интересовања из домена науке о књижевности и науке о језику ка блиским дисциплинама попут уметности, филозофије, историје, социологије, психологије, статистике. Тиме се повећавао и број сарадника, па је с временом часопис постао превасходно међународног карактера. Висок ниво студија у часопису учинио је да он буде видно присутан у научном свету не само по цитираности, већ пре свега по жељи еминентних истраживача да објављују у *Зборнику Маџице српске за славистику*.

Чињеница да *Зборник Маџице српске за славистику* постоји у највећим светским библиотекама на свим континентима, као и библиотекама свих универзитета, на којима се проучавају славистичке дисциплине, довољна је потврда квалитета часописа, али и обавеза да перманентно буде бољи у погледу садржаја научно релевантних чланака и расправа.

Осврћући се на полувековни живот часописа, изражавамо наду да смо дали бар мали допринос Матици српској, нашој најстаријој просветној и културној установи, у истраживању словенског језичког, књижевног и културног наслеђа, а самим тим и очувању нашег духовног бића. Верујемо да ће и наредне генерације, преузимајући кормило од наше редакције, осећати једнаку привилегију стварања *Зборника Маџице српске за славистику* под окриљем неприкосновене Матице српске.

Уредници

Честь подготовить юбилейный, 100-й номер *Славистического сборника Матицы сербской* выпала на долю нашей редакции. Помня о труде, преданности и постоянстве предыдущих редколлегий во главе с академиком Милорадом Живанчевичем, профессором Миодрагом Сибиновичем и академиком Предрагом Пипером, хотелось бы лишний раз высказать им свою признательность и глубочайшую благодарность за многолетнюю работу по формированию журнала.

В течение пятидесяти лет своего существования журнал развивался в разных направлениях, расширяя свои интересы от литературоведения и языкознания в сторону близких им дисциплин, таким как искусство, философия, история, социология, психология. Тем самым увеличивалось и число авторов, так что со временем журнал стал преимущественно международной ориентации. Высокий уровень исследований в журнале способствовал и тому, что он занял видное место в научном мире не только на основании ссылок на него, но, прежде всего, на основании желания выдающихся ученых публиковать в нем свои работы.

Сам факт, что *Славистический сборник Матицы сербской* обрел свое место в крупнейших мировых библиотеках, а также в библиотеках всех университетов, в которых изучается славистика, наиболее красноречиво говорит о качестве журнала. Одновременно это обязывает журнал непременно совершенствоваться в выборе научно обоснованных и актуальных статей и полемики.

Оглядываясь на полувековую историю журнала, хотелось бы надеяться, что и он внес хотя бы небольшой вклад в культурную миссию Матицы сербской, нашего старейшего просветительского и научного учреждения, в дело изучения славянского языкового, литературного и культурного наследия, а заодно — в дело сохранения нашего духовного бытия. Мы не сомневаемся, что и следующие поколения, наследуя нашей редакционной коллегии, так же будут чувствовать привилегию, работая над созданием *Славистического сборника Матицы сербской* под эгидой незаменимой Матицы сербской.

Редколлегия

It is this editorial board's honour to prepare the centennial issue of the *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*. Remembering the hard work, sacrifice and persistence of previous editorial boards led by Academician Milorad Živančević, Professor Miodrag Sibinović and Academician Predrag Piper, on this occasion we would like to express our deepest gratitude and recognition for decades of their hard work in shaping this journal.

During the fifty years of the journal's existence it has developed in several directions, spreading its interest from the domain of literary and linguistic science towards other close disciplines like art, philosophy, history, sociology, psychology and statistics thus increasing the number of associates and turning the journal into an international one. A great number of research papers in the journal have made it visible and present in the scientific world, not only in terms of citations, but also in terms of many prominent researchers who want to publish their papers here.

The fact the *Matica Srpska Journal of Slavic Studies* can be found in all the greatest world libraries on all continents, as well as in the libraries of all universities that have Slavic studies, testifies of the journal's quality as well as an obligation to be constantly better in the selection of scientifically relevant papers and discussions.

Looking back on the half of the century of the journal's existence we are hopeful that we have contributed at least somewhat to the Matica Srpska, our oldest educational and cultural institution and, consequently, to the preservation of our spiritual being. We believe that next generations who take the steering wheel from our editorial board will feel equally privileged to craft the *Matica Srpska Journal of Slavic Studies* under the auspices of the irreplaceable Matica Srpska.

Editorial Board

Предраг Пипер

Српска академија наука и уметности
predrag.piper@ua.ru

Predrag Piper

Serbian Academy of Sciences and Arts
predrag.piper@ua.ru

СЛОВЕНСТВО И САВРЕМЕНИ СВЕТ

SLAVS IN THE CONTEMPORARY WORLD

Овај рад има за циљ да да општу слику Словенства, као словенских народа и култура посматраних у целини, на почетку треће деценије 21. века, у светлу кризе у којој се савремени свет налази и која се одражава на словенски свет. У првом делу рада посебна пажња посвећује се основним питањима којима је одређено Словенство данас — културним, религијским, демографским и другим, питањима идентитета, као и центрифугалним и центрипеталним процесима којима је одређена његова садашњост и будућност. У другом делу чланка у центру пажње су они процеси у савременом свету који се најизразитије преламају на судбини и Словенства у целини, и појединих словенских народа понаособ. Ти процеси су већином изразито кризне природе, а идеолошки, политички, економски, образовни, културни, војни и други облици њиховог испољавања у основи су духовне и есхатолошке природе. Тиме је одређена актуелна супротстављеност доминантних погледа на свет, вредносних система, архетипова и културних кодова. Не умањујући значај националних и културних словенских идентитета, као ни научне, културне, економске и сваке друге међусловенске и међународне сарадње, аутор заступа мишљење да је за судбину Словенства у савременом свету од кључног значаја афирмисање свега што води духовном јединству словенских народа у мери у којој је то могуће у постојећем кризном периоду на размеђу историјских и цивилизацијских епоха.

Кључне речи: словенство, култура, језик, садашњост, будућност, криза, идентитет, глобализам, антиглобализам, систем вредности, поглед на свет.

The purpose of this article is to present in general terms the picture of the Slavs at the beginning of the third decade of the 21st century, as a totality of Slavic peoples and cultures, in the light of the crisis in which the modern world, in particular the Slavic, is immersed. In the first part of the work, special attention is paid to cultural, religious, demographic, and other issues, problems of identity of modern Slavs, as well as centrifugal and centripetal processes that determine its present and future. In the second part of the article, the focus is on those processes in the modern world that significantly affect the fate of the Slavs in general and individual Slavic peoples in particular. Most of these processes are characterized by a crisis nature, while ideological, political, economic, educational, cul-

tural, military, and other forms of their manifestation are mainly of a spiritual and eschatological nature. This opposition of the form and essence of global problems determines the actual confrontation between the dominant worldviews, value systems, archetypes, and cultural codes in the modern world. Without diminishing the importance of national and cultural Slavic identity, as well as scientific, cultural, economic, and any other inter-Slavic cooperation, the author claims that for the Slavs in the modern world it is extremely important to assert and support everything that leads to the spiritual unity of the Slavic peoples as much as possible in the current crisis period at the junction of historical and civilizational eras.

Key words: Slavs, culture, language, present, future, crisis, identity, globalism, anti-globalism, value system, worldview.

Овај рад представља покушај да се у главним цртама сагледа статус Словенства данас, посебно с обзиром на глобалне процесе у савременом свету, на које је већ пала сенка будућих догађаја.

Словенсѿво је збирна именица и најчешће значи словенске народе и културе посматране у целини. У том значењу ће се реч Словенство користити и у излагању које следи. Словенство може значити и осећање припадности словенским народима, или карактеристичне опште одлике словенских народа по којима се они разликују од других народа (иако реалност таквих својстава није општеприхваћена) и које су предмет етнопсихологије (Павленко — Таглин 2005). Словенство у том значењу неће бити предмет разматрања у овом раду.

У временима када је већи део словенских народа живео у саставу несловенских држава, односно држава са несловенском политичком елитом, идеја Словенства надањивала је Словене на борбу за ослобођење и уједињење, што је имало различита тумачења с неједнаким степеном разрађености, мање или више различите циљеве и покушаје примене у политичкој или културној делатности. Зато се не може говорити о јединственој концепцији Словенства у прошлости као ни данас. У вези с тим неопходно је у историјској перспективи разликовати панславизам (издиференциран по више основа) од теорије словенске књижевне узајамности и од неославизма, словенофилства као и ужих, специфичних појмова, нпр. аустрославизма и југославизма. Идеја панславизма настала је пре два века у оквиру националног буђења Словена у Аустријској царевини. Касније је она доживела више успона, падова и трансформација, благородних узлета, али и политичких злоупотреба (Болдин 2018). Панславистичке идеје обично су биле сузбијане уочи и у току великих европских ратних катаклизми, а јачале су после словенских ослободилачких победа.

Када се говори о садашњости, може се констатовати да је појам Словенства данас доста избледео као и свесловенска самосвест. Слично је и са романским и германским народима, где је ужа национална свест раније него код Словена почела да потискује, и потиснула је, ширу националну свест, да би је затим наткрилила подељеност по верској основи, а затим и по идеолошкој, што је мењало садржај, али не и компоненту јаче или слабије изражене различитости у односу на словенски свет или његов већи део.

Од последњих деценија прошлог столећа Европска унија се укрупњавала, а словенски свет се уситњавао. У појединим словенским земљама центрифугалне силе су споља подстицане, центрипеталне силе су се изнутра све слабије томе опирале. Европска унија све више личи на неформалну наследницу Западног римског царства, затим Каролиншког царства, па Француског царства у XIX веку, и немачког Трећег рајха у XX веку, упркос познатим идеолошким, државно-правним и другим разликама. Ни један од тих периода није донео Словенству процват, напротив, а и данас јаз између западних земаља и више словенских земаља остаје или се повећава. Од краја XX века одвија се процес дробљења словенског простора и прегруписавање уједињене европске куће, у коју су ушли само неки словенски народи, при чему су предност, с једним изузетком, добиле већински неправославне словенске земље. Са становишта западноевропске цивилизације међу Словенима су постојале и постоје привилеговани народи и они који тај статус нису имали и немају га, а који су већински православни. Тај процес је посебно јасно видљив на примеру српског народа, који је данас раздвојен у неколико држава и ослабљен политички, економски и територијално. Процес уситњавања словенског простора није завршен. Он се јасно види у догађајима на Косову и Метохији, Босни и Херцеговини, Македонији, Србији, Украјини, Белорусији. Међународне организације нису увек играле позитивну улогу у тим процесима. Њихову делатност су често карактерисали двоструки стандарди према странама у конфликту, кршење међународног права и коришћење оружане силе против оних који су се опирали наметаним решењима (Гуськова 2020).

У демографском погледу Словенство је на очигледној низбрдици. У Европи вековима постоје три велика етничка масива — словенски, германски и романски. Словенски се уситњава и смањује. Само у Русији 2020. године 2,5 пута мање људи се родило него што је умрло. Становништво Русије само те године смањило се за скоро 700 хиљада људи (Чернышев 2020). Становништво Србије се годишње смањи за око 35 хиљада (Републички завод 2021), а око 140 хиљада деце у Србији се годишње не роди због насилних прекида трудноће, фактички због чедоморстава пре рођења деце. Становништво Хрватске се у 2020. години смањило за 21 хиљаду становника. Демографска статистика није охрабрујућа ни у другим словенским земљама.

Поред тога, на неким геополитичким тачкама тиња, а понегде повремено и букти, међусловенска омраза, по правилу подстицана или подржавана споља. У словенским земљама као, уосталом, и у већем делу света, све више се даје на наоружање, што такође није без утицаја са стране. Већина земаља које окружују Србију су у северноатлантском војном савезу и убрзано се наоружавају слично као што су пре осам деценија земље око Југославије биле у овој или оној врсти савеза са нацистичком Немачком уочи њеног напада на СССР. Однос САД, Канаде, Велике Британије и водећих земаља ЕУ према Русији, највећој словенској земљи, све отвореније је непријатељски и већ се званично говори о тачки замрзавања односа.

За разлику од ситуације од пре неколико деценија, интересовање за учење и проучавање словенских језика, књижевности, култура и националне историје у многим земљама стагнира или постепено опада. Филолошке студије се негде мање, а негде више потискују културолошким, које су, разуме се, такође потребне, али могу бити мање везане за идентитетске теме него што је то случај са студијама језика и књижевности. Колико је то одраз глобализацијских тенденција усмерених на маргинализовање националних идентитета, а колико има друге узроке, то треба да буде предмет специјалних истраживања.

С друге стране, а што је добро, у словенским земљама се примећује известан пораст броја славистичких научних скупова, часописа, зборника, дисертација, објављених монографија и научних чланака, о чему најбоље сведочи научна хроника и библиографија. Колико је у том погледу квантитет дао нови квалитет, показале научна критика и будућа славистичка историографија. Типолошка, компаративна и контрастивна славистичка проблематика и даље су предмет пажње, али без изразитих помака.

Једна од најзначајнијих научних установа за проучавање словенских народа и њихових култура је Институт за славистику Руске академије наука, основан 1947. године. Славистички институти постоје и у већини других словенских земаља.

На научном плану ширу словенску компоненту су једним делом задржали и међународни славистички конгреси, који су ипак мање посвећени Словенству као целини, а више појединим словенским језицима, књижевностима и културама. Слично је и са славистичким конгресима, симпозијумима и другим научним скуповима у појединим земљама. За разлику од славистичких конгреса свесловенски конгреси немају исти научни реноме. Они имају и политичке циљеве, али видљивије истичу потребу за међусловенском сарадњом.

Међусловенска културна сарадња траје мада се не би могло рећи да цвета. Она је највидљивија у раду мањинских словенских заједница у инословенским срединама и у раду друштава пријатељстава с појединим другим словенским народима иако има и друге облике (концерти, изложбе, симпозијуми итд.). Највидљивија свесловенска спона јесте обележавање празника Св. Ћирила и Методија као Дана словенске писмености и културе, што је у Словенству широко мада и неједнако прихваћено, а све више добија и споменичка обележја. Данас велику улогу у афирмисању словенских језика и култура има Међународни фонд словенске писмености и културе, који је посебно заслужан за обележавање Дана словенске писмености и културе.

У Лењинграду и Москви су 1991. и 1992. године одржана три конгреса Словенског сабора. На последњем од њих учествовало је 897 делегата из 134 организације Русије, Украјине, Белорусије, прибалтичких земаља, Казахстана, Молдавије, Пољске, Словачке, Србије, Бугарске, Канаде, САД, Француске и Црне Горе.

У словенском свету популаран је и Међународни филмски фестивал словенских и православних народа „Златни витез“, основан 1992, који је

од 2010. године фестивал филма, позоришта, музике, књижевности и сликарства, посвећен, пре свега, Словенству и православљу као и неговању моралних вредности.

Од 1992. сваке године уметници из словенских и других земаља се окупљају на Међународном фестивалу уметности „Словенски базар“ (чији је пуни назив Међународни фестивал уметности „Словенски базар“ у Витебску), а велики допринос зближавању Словена даје и Институт за словенску културу (до 2016. године Државна академија словенске културе Руског државног универзитета „А. Н. Косигин“).

Од 2004. године делује и Форум словенских култура, са главним седиштем у Љубљани, који има за циљ да повеже културне посленике из словенских земаља и укључи их у рад на заједничким пројектима, посвећеним првенствено словенском културном наслеђу и његовој афирмацији, као што су Конкурс „Жива“ за најбољи словенски музеј, пројекти Сто словенских романа, Културне маршруте словенског света на карти Европе, Словенска престоница културе.

У већини словенских земаља активне су организације које негују идеју уже или шире схваћеног словенског јединства. Многе од њих улазе у Међународни савез друштвених асоцијација „Свесловенски сабор“, основан 1995. године.

У Прагу је 1998, после полувековног прекида, одржан Седми међународни словенски конгрес, посвећен 150-годишњици Првог словенског конгреса, одржаног 1848. године. Крајем XX и почетком XXI века основано је више организација сличних назива са циљем учвршћивања односа међу словенским народима. За време рата земаља НАТО пакта против Југославије организација Словенски комитет основала је Међународни словенски трибунал. Одржана су четири заседања трибунала: у Јарослављу, Кијеву, Београду и Берлину. Важан догађај био је и Конгрес словенских народа Белорусије, Русије и Украјине, одржан 2001. у Москви. У Прагу је 2011. године био обновљен Свесловенски комитет са циљем да се учвршћују политичке, економске, културне и духовне везе међу словенским народима.

Политиколошка проучавања Словенства као целине мање су актуелна, што важи и за панславистичке идеје, које се сада јављају више по изузетку и данас су периферног значаја. Целина савременог и будућег Словенства је мање него у претходна два века предмет истраживања, а још је мање идеја Словенства део геополитичких планова и концепција у државама са словенским као већинским становништвом. Да ли је разлог томе у чињеници да концепција Словенства као могуће политичке целине до сада није дала резултата, или је то последица геополитичких околности (део Словенства је обухваћен евроатланским интеграцијама, а део није), или је то последица циљаног разбијања Словенства не само као целине, него и као мањих целина (распад СССР-а, Чехословачке и Југославије), или се вековна подела на два словенска верска блока Pax Slavia Latina и Pax Slavia Orthodoxa показала трајнијом и дубљом од разлога против подела, или је то део дубљих

геополитичких промена и процеса, који једне етничке и геополитичке масиве уздижу, а друге дробе (ма ко тим процесима с неким циљем управљао) — то су само главна питања (можда привременог) затамњења идеје Словенства у савременом свету.

Међутим, све јача међусобна планетарна повезаност држава, народа и друштава одражава се и на Словенство и у добром и у рђавом смислу. Ако је чињеница да је данас свет у вишеструкој и никада већој кризи (у многим мада не и у свим аспектима), што је не само очигледна чињеница, него и предмет многобројних научних истраживања, онда не чуди што многа лица те кризе видимо и у савременом Словенству. Један аспект те кризе тиче се словенског идентитета.

Словенски идентитет данас нигде није по значају испред ужег, националног идентитета. За разумевање словенског идентитета важно је знати да је идентитет кључна одлика народа и појединца који не желе да се осећају као безличне јединке, или као бројеви у глобалном дигиталном логору, какав се већ помаља из блиске будућности, па, између осталог, и из књиге познатог идеолога глобализације Жака Аталија *Крајика историја будућности* (Attali 2011).

Идентитет је свест о суштинској истоветности појединца или колектива у простору, времену и друштву без обзира на неке мање важне међусобне разлике у поређењу са другим појединцима и колективима. Без идентитета, мање или више израженог, нема самопоштовања, али ни здраве самокритичности ни појединца, ни народа, а без тога нема ни опстанка, јер губитком самопоштовања почиње губитак идентитета, а губитак идентитета води нестајању.

Важан део идентитета је (само)назив. Постојање етнонима Словени, који су давно прихватили преци словенских народа, поред њихових ужих етнонима, јасно показује да постоји једно од главних обележја словенског идентитета. Међутим, унутар Словенства постоје и разлике, које су се временом и продубљивале, што је често било подстицано од оних који Словенима нису били наклоњени. Радило се, и ради се, на верској, етничкој, културној и државној фрагментаризацији словенског простора и подстицању партикуларне свести и међусловенских антагонизама. То се систематски продубљује, не без суделовања оног дела Словенства који се мање или више десловенизовао или има неку засебну политичку рачуницу. Тако је недавно у Србији буњевачки говор добио статус књижевног језика, а било је покушаја да се тај статус да и српским торлачким говорима.

Наравно, има много узрока словенским историјским невољама. Словени су имали и имају више непријатеља, али део одговорности је и на самим Словенима. Познати духовни савет „Не тражи од Бога лакши терет, него јача леђа“, упућивао би у овом контексту или на то да Му се Словени нису (довољно) обраћали, или да нису тражили оно што им је најпотребније, или да је из невидљивих разлога Промисао била да је Словенима сада

овако како је, што не искључује наду да може бити боље, али да и они морају бити бољи.

Национални идентитет, као саставни део личног идентитета сваког појединца, свакако је важан, али је за верујуће људе изнад њега по важности верски идентитет, што је за највећи део Словена хришћански идентитет. Уколико је јачи истински хришћански идентитет (јер једно је бити крштен, а друго је бити хришћанин укупним начином живота, односно тежити томе), утолико су мање важне националне и личне специфичности, које не треба одбацити, него их треба на најбољи начин унапређивати и афирмисати. Кратко речено, духовно јединство словенских и других народа важније је од државног, политичког, економског итд. Што су Словени у духу ближи једни другима, а тиме и Творцу, то ће се боље узајамно повезивати и у стварима световног живота тежећи од савеза ка саборности, од световног ка светом, што је позната идеја (нпр. Леонтјев 1885–1886; Поповић 1940; Велимировић 1996).

Словенска племена су давна прошлост. Било их је најмање осамдесетак (Николић 2006) и више не постоје осим у траговима, па мало који Словен данас има јак племенски идентитет ако га уопште има.

Регионална припадност, нпр. Зећанин, Крашован, Сибирац, Сремац и сл., у словенском свету постоји, али нема јачу идентитетску тежину.

Национална припадност, негде јаче, негде слабије изражена, код Словена несумњиво постоји, али је, с једне стране, код неких мање или више ослабљена под утицајем глобалистичких тенденција и стварања претежно потрошачког друштва, а с друге стране, често је предмет политичких манипулација, које нису у интересу Словенства у целини нити словенских народа понаособ.

Идеолошка припадност такође је важан критеријум повезивања или диференцирања унутар Словенства. Званично све већински словенске земље прихватају или бар не одбацују у потпуности идеологију либералног капитализма, који широм света прераста у корпоративни капитализам, а назива се и инклузивни капитализам или надзирани капитализам, и у суштини води ка тоталном па и тоталитарном капитализму са тенденцијом да прерасте у кастинско друштво (кастински социјализам) са само два друштвена слоја у целом свету: врло малим управљачким слојем и широким слојем за опслуживање првог (Катасонов 2019). Тај врло широки слој би био под неком врстом потпуне дигиталне контроле, без приватне својине и готовине, са социјалним лифтом који директно зависи од тзв. политичке коректности појединца оличене у његовој политичкој послушности, тј. ко је мање послушан тај је више друштвено маргинализован (искључивање из медија, са друштвених мрежа, са посла...), све до физичког елиминисања. О томе све више расправљају водећи историчари, економисти, политиколози и други стручњаци (нпр. Четверикова 2015, Катасонов 2018, Фурсов 2018). Једно лице нове стварности је помаљање класне природе интернета. Ко на интернету не пише и не говори по вољи незваничних господара све-

та, он се све чешће забрањује макар био и председник државе, нобеловац или експерт из вирусологије или имунологије. Стога јача утисак да државама мање управљају они који су добили власт на изборима, а више планетарни „политбиро“ у дубокој сенци, који генерише кризе и бави се кризним менаџментом.

Један од највећих српских мислилаца друге половине XX и почетка овог века Жарко Видовић, професор историје цивилизација, либерализам је сматрао злом горим од фашизма (Видовић 2020). Развој догађаја све више оправдава такву његову оцену.

Има међу Словенима присталица и друкчијих идеологија, политичких система и погледа на свет, али они за сада немају снаге да се успешније конфронтирају са (нео)либерализмом. Свет је до те мере отишао у правцу глобалног тоталитаризма да је такве оцене данас већ непожељно јавно износити без ризика од осуде за политичку некоректност и без ризика од непријатних мера.

У каквом свету је Словенство данас? Ако се на савремени тренутак у историји Словенства и човечанства у целини погледа из угла технолошког напретка, медицинског напретка, продужења просечног животног века и многих дивних примера племенитости и пожртвованости милиона јавности непознатих људи широм света, поред других лепих околности, по таквом утиску могло би се закључити да живимо у времену најбољем од свих запамћених (упркос неким пролазним тешкоћама), а да ће у времену које долази бити још боље за све, или бар за већину. У основи тог оптимизма је широко прихваћено схватање да је ново увек боље иако то противуречи и животном искуству и увидима у успоне и падове великих цивилизација, ако не и човечанства у целини. Раније су поједине цивилизације биле мање или више аутономне, па је залазак једне могао бити истовремен с рађањем негде другде неке друге,¹ а данас је свет толико повезан да упркос различитим појединачним историјама човечанство има све више заједничку будућност, што се, разуме се, односи и на Словенство.

Оно што не охрабрује, јесте чињеница да је технолошки напредак човечанства праћен моралним назадовањем великог дела оних који доносе битне одлуке, као и широком злоупотребом јавне речи, усавршавањем технологије убијања и њеном све широм применом, масовним електронским контролисањем људи, вештачким болештинама, опасним лековима и још много чим другим. Упоредо с тим све већи део планетарног богатства убрзано се концентрише у рукама све мањег броја људи, који држе кормило власти и полуге глобалног управљања и јавног информисања, а који не представљају морално узорне личности, него су по правилу супротност томе (за шта се користи термин какократија, или какистократија, од грч.

¹ Што је подробно проучио А. Ц. Тојнби (Тојнби 2002), који је је у основи, али без непосредног ослоњања, наставио концепцију културноисторијских типова или цивилизација историчара културе и геополитике Н. Ј. Данилевског, изложеноу 1869. (Данилевский 2018).

κάκιστος „најгори“, в. Oberth 1976). Болести врхова шире се у многим правцима по друштвеном ткиву човечанства премашујући по распрострањености раније размере и алкохолизма, и наркоманије, и коцкања, и проституције, педофилије, трговине робљем, а, поред низа других друштвених зала, и психичких болести (од којих болује око 790 милиона људи, тј. 10,7% човечанства, по Ritchie — Roser 2018), итд.

У западној цивилизацији, којој знатним делом припада и Словенство, све је мање бракова, никад више развода, никад више чедоморстава, никад више људи по затворима, никад више оних који умиру насилном смрћу, никад више нових порока, као и посвемашње јавне хипокризије; селективне бриге за људска права и злоупотребе тога појма; апсолутизације људских права и релативизације разлике између нормалног и ненормалног, култа забаве без обавезе, који деградира одговорност; култа хедонизма — све до подстицања најнижих страсти; врхунског спорта као спреге модерног гладијаторства, политике и криминала... Емпатија атрофира, стид нестаје, расте отупелост на лажно и ружно, па је стога све више лажног хуманизма, лажног патриотизма, хришћанства „за по кући“, или само недељом, или двапут годишње. Пошто је помањкање савести као и склоност ка изопаченостима знак душевне оболелости и удаљавања од Творца, питање је да ли прави господари света, већим делом невидљиви или делимично видљиви, делују сами од себе или их све покреће онај који је антипод божанском.

Проблеми савременог света, који се итекако тичу данашњег Словенства, вишеструки су — политички, економски, војни, културни, образовни и др. Криза расте, конфликти се умножавају, што ипак не сме да пасивизује, него треба да мобилише да се са ослонцем на историју и традицију, на духовне вредности и научна сазнања истрајава на правом путу, да се превазилазе проблеми тачног препознавања природе кризе, проблеми спорог освешћивања, проблеми постављања јасних циљева, проблеми помањкања воље за делањем и други (Пипер 2020).

Питања васпитања и образовања су међу најважнијима на почетку новог века и у већински словенским земљама и у целом свету, јер је реч о борби за душе деце и омладине у процесу њиховог одрастања и формирања, од чега зависи будућност народа и држава. То су, поред осталог питања као што су ова. Да ли је један од циљева радикалне реформе образовања деформисање, слабљење и брисање колективног, историјског памћења? Колико је дигитално образовање глобално поништавање темеља цивилизације коју знамо? Да ли су ново васпитање и ново образовање, или још горе, образовање без васпитања, савремени данак у крви, будући да се наметањем деци радикалног новог система вредности ствара непремостив јаз између њих и њихових родитеља и предака? Ко и како обликује душе и умове деце путем планова, програма и уџбеника конципираних по наруџбини неолибералних управљача? По којим принципима и са којим циљевима се то ради? Да ли је развој технологије штампане речи у Новом веку у основи

прогрес или регрес — потпуна дигитализација као културна деградација? Да ли је општа дигитализација образовања циљано заглупљивање човечанства? Да ли би тзв. обавезна он лајн настава била само први корак на том путу? Да ли је један од главних циљева реформе — васпитати децу да заволе електронски кавез, у чему се донекле већ успело? Да ли је добро да се уместо истинског образовања, општег и посебног, толико инсистира само на стварању компетенција за одређене услужне делатности као примарном циљу образовања, и у крајњем исходу да се знања замене компетенцијама? Колико дигитална школа доприноси стварању друштва састављеног од касте малобројних управљача и касте представника различитих услужних делатности? Зашто се продубљује јаз између најквалитетнијег образовања, пре свега, за децу најбогатијих, и полуобразовања за све остале? Ко управља кризом у образовању? Ко зарађује на рушењу традиционалног образовања? Ко из власти ради на уништавању породице и зашто? Од тих и многих других сродних питања васпитања и образовања, о којима се све више, али још недовољно расправља, зависи будућност словенских народа можда и више од успеха на плану политике, економије или наоружања (више о томе в. Фурсов 2012).

Личност са ширим знањем и образовањем боље сагледава целину и прозире суштину проблема па је стога онима који управљају актуелним глобалним процесима такав човек непожељан. Сада превлађујући део људи види стварност као у разбијеном огледалу, често без снаге па и без жеље за напором да се таква непотпуна и искривљена слика света превлада. Шири се и учвршћује идеологија која релативизује па и брише границе између добра и зла, границе између нормалног и ненормалног, између издајника и оних који то нису, између религија и секти (Филимонов 2009; Филимонов 2019), шири се идеологија која велике и трајне вредности мрви у шодер и шљаку, уноси дезоријентисаност и ствара контролисани идејни хаос, који се тако претвара у простор за ширење новог идеолошког поретка. Свим тим проблемима захваћена су више или мање и словенска друштва.

Сва је прилика да пројекат стварања глобалног друштва у којем се већина претвара у особље за опслуживање мале, али моћне политичко-финансијске елите (Оцић 2016) није завршен, али да је његова реализација доста одмакла. Пошто мањина не може искључиво силом принудити већину на послушност, прибегава обмањивању. Већина неупућених и збуњених обрађује се средствима информисања, која умногоме служе манипулисању и наопаком обликовању јавног мњења, а обрађује се и дигиталним образовањем, из којег је васпитање редуковано, избачено или наопако постављено (Четверикова 2015). Настава се све више замењује тренинзима и радионицама, учитељи инструкторима, а опште знање компетенцијама за вршење одређених услуга итд. Дуг је и стрмоглав пут који је штампана реч прешла од Гутенберга до Цукерберга (Закерберга), који је српско школство прошло од Светог Саве до Ђерђа Сороша (Димитријевић /прир./ 2007), његовог Фонда за отворено друштво и њему блиских, а врло утицајних невладиних

организација са државном потпором, „независних“ издавачких кућа и сл. У лову на дечје душе путем цртаћа, игрица, друштвених мрежа и телевизије, која је често отров и за одрасле, а камоли за оне са слабијом отпорношћу, у много чему се иде на обликовање личности којима ће бити усађене вредности пожељне за идеологе неолибералног глобализма.

Разуме се, лакше је управљати необразованим, алкохолизованим, дрогираним, развраћеним, болесним, отуђеним, криминализованим, депресивним или агресивним и завађеним људима мање или више испраних мозгова, него здравим, зрелим, образованим и самосвесним људима васпитаним у породицама са чврстим моралним начелима. Зато је данас у словенским као и несловенским земљама и породица на удару са више страна — од покушаја редефинисања и обезвређивања те основне ћелије друштва, демотивисања рађања итд. — до јувеналног законодавства којим се, поред осталог, деца подстичу на потказивање родитеља држави и на рушење родитељског ауторитета уз никад веће могућности да деца буду одузета од родитеља и дата на васпитавање онима које држава одреди по својим критеријумима да за новац (пре)васпитавају туђу децу у духу политичке коректности, новог морала и нове (не)нормалности.

Злоупотреба језика такође је једна од највидљивијих карактеристика нашег времена. Стање друштва одувек се огледало у његовом језику и у односу друштва према језику. Џорџ Орвел би данас нашао обиље нових упечатљивих примера новоговора, чија се суштина своди на прикривање истине и обмањивање јавности. Ратне паликуће се пресвлаче у миротворце, награда за мир се даје онима који изазивају, подржавају или воде ратове, шири се поплава непрозирних и рогобатних скраћеница чија је једна од главних функција да прикрију на шта се стварно односе, вештачки се мења граматика да би се прилагодила захтевима политичке коректности итд. Они који мисле друкчије олако се проглашавају расистима, фашистима, нацистима, комунистима или терористима да би уклањање тако етикетираних политички „некоректних“ прошло без значајнијег отпора јавности, која, у већем делу, лако прихвата такву анестезију савести и скидање са себе одговорности за прећутно саучесништво. Злоупотреба језика било је, додуше, одувек у врло разноврсним облицима (богохулства, лажи, преваре, издаје, оговарања клевете, полуистине итд.). Развој медија омогућио је да злоупотребе и скрнављења језика добију вртоглаво високе тираже. Нажалост, Словенство у том погледу на заостаје много за тзв. развијеним земљама (Пипер 2006).

Средства за масовно информисање су највећим делом постала средства за масовно дезинформисање, за циљано обликовање јавног мњења према нечијем интересу, пре свега, у сфери политичког и комерцијалног маркетинга и пропаганде. Уосталом, приватни власници медија, који су скоро невидљиви јавности, у већем делу света су у спрези с видљивим и невидљивим центрима политичке и финансијске моћи, па су зато данас

медији великим делом средство такве „елите“ за обликовање политички пожељног јавног мњења, ставова и вредносног система најширих друштвених група. Велики део друштвених проблема нашега времена изазван је злоупотребом језика у јавној комуникацији. Усавршава се лингвистичко и психолошко манипулисање јавношћу, које је, поред других, прецизно описао Ноам Чомски (Чомски 1994; Чомски 2000).

Фокусирање на прави проблем, његово препознавање и усредсређивање пажње на њега, главни је услов решавања проблема, а савремени медији углавном настоје да то онемогуће и да систематски одржавају расејавање пажње и погрешно фокусирање јавности наративима о појединачним скандалима, аферама, пороцима и сл. Разуме се, ако постоји масовно манипулисање, треба прво искључити манипулаторе одустајањем од коришћења њихових папирних и електронских извора дезинформисања, и правити строгу селекцију извора којима се може поклонити поверење.

Иако је по Д. С. Лихачову култура оно са чиме један народ може изаћи пред Бога (Лихачев 2016), дакле оно што је у том народу најбоље и Њему најближе, упркос томе, или баш зато — у наше време забава све више потискује културу која оплемењује човека, а то су обично најнижи облици забаве. Вулгаризација уметности и медија обесмишљава морална начела, која би морала бити у темељу друштва, и на којима би морао бити заснован систем вредности. Демократизација, као ширење слободе избора, често се извргава у вулгаризацију и то све више постаје неписана норма, погубна за напредак и појединца и друштва. Брига за језичку и културну чистоту односа међу људима, посебно на јавном месту, убрзано нестаје (Пипер 2020).

На Светском економском форуму у Давосу одржаном почетком 2019. године обзнањено је, поред осталог, да 26 људи на Земљи поседује богатство колико и 3,8 милијарди представника сиромашнијег дела човечанства. Међу тих 26 најбогатијих нема Словена, а и да их има, то за Словенство вероватно не би значило ништа, јер онима који исповедају религију новца (Катасонов 2019) национална припадност не значи много. Први самит у Давосу, одржан 17 година раније, имао је као главну тему како смањити јаз између богатих и сиромашних. О томе су расправљали само они најбогатији и, наравно, тај јаз није смањен него је наставио да се повећава, средњи друштвени слој се и даље тањи и нестаје, а ствара се друштвени систем који чини узак круг баснословно богатих и врло широк и све шири круг оних незапослених образованих људи (прекаријат) који се због стања сталне друштвене несигурности дуго и често узалудно надају да буду примљени на неки посао. Остали су препуштени превременом нестајању, док неки могу бити искоришћени, поред осталог, као јефтин ресурс резервних органа за пресађивање појединцима који то могу да плате. Они који још нису потонули у беду, углавном се пасивно надају да ће њих и њихову децу то ипак некако мимоићи, а беда у коју све већи део човечанства тоне није само материјална, него и морална, културна, духовна, укратко — општа.

Велики део становништа западне хемисфере све више оскудева — не толико у материјалним добрима (јер технолошки развој то многим донекле компензује), него, пре свега, у духовним и моралним принципима и вредностима, што је највећи губитак за сваки народ, који тако губи имунитет против зла и постаје све подложнији масовном разлагању. У тој ситуацији често постављана питања „Шта ће бити сутра?“, или „Шта ће бити следеће године?“, и слична, не досежу до суштине ствари, пошто они који креирају и контролишу постојећи хаос, размишљају у дужим временским периодима, и организовано планирају ланац предстојећих потеза, као алгоритам непочинства којем се не може парирати краткорочним неповезаним реакцијама.

Већински православне словенске државе с неједнаким успехом опирају се процесима глобализације, која је данас у свету доминантна политичка идеја и која се све агресивније намеће. Ако је до средине друге деценије овог века глобализам био у неоспорном замаху, сада је на делу све очигледнија конфронтација глобализма и суверенизма (Кољевић Грифит 2021).² Антиглобализацијско буђење одвија се с тешкоћама, али је у току, а упоредо с тим постепено јача и међусловенска сарадња. То се испољава у разрађивању јединствене стратегије међусловенске економске сарадње, у заједничком учешћу у приватизацији и инвестицијама, у супротстављању створеној пракси насилног разбијања јединства територије и државног суверенитета; у јачању сарадње помесних православних цркава; разрађивању и реализовању програма интерпарламентарне сарадње; ширењу и продубљивању медијске сарадње; повећавању броја специјалних емисија о историји међусловенских веза, организовању научних скупова о заједничким проблемима, коришћењу механизма народне дипломатије — путем сарадње школа, факултета, уметничких друштава итд. (Гуськова 2020).

Једна од најважнијих компоненти глобалне кризе је религијске природе. Иако је у својој тестаментарној књизи *Ко смо ми? Изазови америчког националног идентитета* Семјуел Хантингтон предвиђао да ће XXI век бити век религије и то — протестантског хришћанства (Huntington 2004), прве две деценије овог века не иду у прилог таквим очекивањима. С једне стране у току је процес глобалне дехристијанизације, с друге процес умножавања секти и назова цркава, с треће покушаја да се преко Светског савета цркава све то помеша у једну религију и једну цркву с једним поглаваром. Ни словенски свет није изван тих процеса. Њихово наличје јесте и најтеже искушење савременог православног хришћанства — нарастајућа опасност раскола: неке помесне цркве не опште, неке владике не помињу своје па-

² Глобализам има јаку подршку у Ватикану. Од 8. децембра 2020. римски папа заједно са 27 представника најкрупнијих корпорација руководи светским Саветом за инклузивни капитализам. Почетком марта 2021. папа је позвао на увођење новог светског поретка, а почетком априла обратио се Светској банци и ММФ-у с позивом за увођење „глобалног управљања“ због опасности од пандемије. Врло шкртим извештавањем медија о тим крупним догађајима они се фактички држе на периферији пажње шире јавности.

тријархе, негде на простору једне помесне цркве бесправно настаје друга помесна црква. Уз то се понегде одступа од канона, од начела црквеног свејединства (нпр. у начину служења литургије), од начела саборности (поједине саборно донете одлуке се не спроводе) итд., што, нажалост, нису једини симптоми искушења пред којима се налази савремено хришћанство (Видовић 1993; Антонић 2015).

Данашња светска олигархијска елита склона је окултним и езотеричким учењима и ритуалима, што повремено, али све чешће, допире до јавности. Релативизовање традиционалних вредности огледа се максималној толерантности и према ономе што се вековима доживљавало као антипод добру. Један од претходних председника САД Барак Хусеин Обама први је потписао указ којим се одобрава сатанистичка „црква“ у тој земљи па је у Детроиту испред сатанистичког храма подигнут три метра висок кип сатане. Тај пример се почео следити по Европи (Хвџа-Олинтер 2000). Сатанизам се, за сада незванично, практикује и у Србији, поред других секти (Ђорђевић 2020), чији се број у медијима процењује од 40 до 150.

Једна верзија таквог тровања умова и душа људи јесте ницање сваковрсних неопаганских секти. Данас у словенском свету има преко двеста неопаганских словенских назовицркава, са својим припадницима, жрецима, измишљеним ритуалима и божанствима, верским текстовима и сајтовима. Има их и у Србији (Лутовац 2012; Обшуст 2013; Радуловић 2015; Андријашевић 2018а; Андријашевић 2018б). С друге стране, у току су и покушаји ватиканизације дела православног света (Аврамов 2000, Четверикова 2012) што се све видљивије уклапа у процес глобалног дехристијанизовања планете, релативизовања основних истина, мешања религија у духу Њу ејџа и стварања „новог света“ са светском антицрквом. Тако би се појам човека његовим привременим преосмишљавањем у натчовека, супермена и „људи посебног кова“ могао завршити у постчовеку и нечовеку као човеку без човечности. О глобалној дехристијанизацији све више јавно говоре не само теолози (нпр. Филимонов 2019) и социолози (нпр. Антонић 2015), него и политичари, као, на пример, амерички политичар и публициста Патрик Бјукенен, који констатује да већина америчких грађана себе и даље сматра хришћанима, али да би садашњу доминантну културу правилније било звати постхришћанском, или чак антихришћанском, јер су вредности које се славе антитеза хришћанском учењу (Бјукенен 2003). У Европској унији годишње око 420 хиљада људи напусти хришћанство, пре свега да не би плаћали порез за нешто у шта не верују. Цркве су све празније и то није почело са антиепидемијским мерама (међутим, код муслимана су атеизација и конвертитство изузетно ретки). За приближно шест векова у земљама западне цивилизације пређен је пут од хуманизма до трансхуманизма и постхуманизма, односно од прве победе атеизма, у време Француске револуције, до озваничавања сатанизма у XXI веку.

Да ли се све отворенија дехристијанизација тиче и Словенства? Дехристијанизација је у току и у данашњој Русији (Словохотова 2021), и у Ср-

бији (Антонић 2015). У Београду у овом веку још није подигнута нити започета ниједна нова црква. И у Русији и у Србији број развода и насилних прекида трудноће неспојив је са хришћанском етиком. И у традиционално католичкој Пољској у току је борба за легализацију абортуса. Чешка, која се сматра колевком Моравске мисије Светих Тирила и Методија, одавно има процентуално највећи број атеиста међу словенским земљама и међу европским земљама (Цукерман 2021). У Загребу је 7. јуна 2021, на годишњицу једног сатанистичког убиства, отворен Музеј Хрватског Ареопага, у којем је поред осталог, у духу Њу ејца изложено и неколико стотина магијских, окултних и сличних експоната, а који се налази на петом спрату торња цркве Светог Антуна.

На хришћанство све јаче удара и ново законодавство, поготову у сфери породичних односа. Политичка коректност (коју прописују партије на власти), као нови морал (део „нове нормалности“) све више се ставља испред традиционалног, грађанског и хришћанског морала.

Поред тога, у току је мигрантски антихришћански поход на Европу, нова велика сеоба народа, одлично организована, финансирана и вођена, на коју из одређених разлога врло попустљиво или чак благонаклоно, готово покровитељски, гледају у врховима Европске уније.

С друге стране, у току је очигледна припрема за нови војни поход на исток, као антихришћански, антиправославни, глобализацијски па и пљачкашки.

Антихришћанска димензија новог светског поретка није претпоставка нити је то теорија завере, јер је општепознато да су неке од познатих и утицајних политичких личности као, на пример, Збигњев Бжезињски и Карл Билт изјавили да је од краја XX века главни противник Запада — православље, дакле не комунизам, него православље, а православље је највећим делом *Pax Slavia Orthodoxa*. То није нови поглед Запада на Словенство, али је он сада постао политички сасвим огољен. У том светлу речи Дотојевског записане пре једног и по века данас се читају као пророчке: «У России есть две всемирно исторические задачи, это — Славянство и Православие» (Достоевский 1877).

Одвајање науке од религије, које је у Европи добило широк замах пре мање од три века (а започело много раније), означило је почетак процеса стварања науке као нове религије, чије се аксиоме помоћу манипулисања јавним мњењем могу претварати у етаблирана јавна мишљења и у научне догме, па затим и у идеологеме и чије је оспоравање законски кажњиво. Оно што је испрва представљано као легитиман алтернативан и недогматски поглед на свет, временом све отвореније испољава своју антихришћанску суштину иако се они који тиме управљају понекад декларишу као припадници одређених верских деноминација. Етика научних истраживања је на све већим искушењима, научни резултати као да се све чешће наручују тако да одговорају не истини, него идеолошким, политичким или финансијским интересима моћних наручилаца, било да је реч о футуролошким

пројекцијама развоја човечанства, о могућем крају историје, о пореклу појединих народа, о језичком идентитету, о озонским рупама, о климатским променама, о штетности осиромашеног уранијума, о недовољно испитаној штетности мобилних мрежа пете генерације, о хемтрејлерима, о злоупотреби биотехнологија, посебно у области генетског инжењеринга, у области генетски модификоване хране, масовне и принудне употребе псевдовакцина (што су најчешће недовољно клинички испитане експерименталне генске терапије сумњивог садржаја) итд., све до редефинисања самог појма човека и будућности човечанства. У том смислу промене које су највидљивије као технолошке, економске, политичке, цивилизацијске у основи су морално-духовне промене, мање или више прикривене политичком реториком.

На идеолошком плану то је данас још увек преовлађујућа идеологија неолиберализма као актуелне фазе либералног капитализма. Та идеологија је у већем делу света етаблирана као безалтернативна, непорецива и законом заштићена. Њено оспоравање се званично не подржава, а може и да се санкционише као неки вид нарушавања политичке коректности, чиме глобални неолиберализам клизи у једину допуштenu државну идеологију и у тоталитаризам, о чему се пише ретко и шкрто.

У дигиталном друштву, које се све чвршће укоренењује, планира се и све отвореније се заговара укидање или преосмишљавање самог појма човека укрштањем модерних робова са чиповима, па робова са роботима, стварањем биоробота, киборга, андроида, постљуди а затим и модерних аватара, човеколиких робота, који ће служити самоизабраној елити, њеној врхушци и ономе који њоме управља из најдубље таме. Питање је, наравно — како се одупрети рашчовечавању човека и човечанства, како спасти личност у условима све гласније најављиваног (као „прогресивна“ неминовност) трансхуманизма и постхуманизма, како сачувати и развијати традиционалне вредности? (Филимонов 2009). Ту, разуме се, нема места за националне културе, ни словенске нити неке друге, а степен угрожености је сразмеран постојећој ослабљености националних идентитета.

У тој ситуацији — ни појединац, ни држава, ни народ не могу само посматрати шта се збива, нити пуштати да их догађаји носе, него се по мери своје људскости свако мора према томе активно одредити ма колико личне снаге изгледале слабе. Појединци и народи с развијенијим осећањем за смисао историјских процеса и неугаслом самосвешћу тако и чине. Позната је улога пасионарних личности у историји,³ али је важан и цивилизацијски значај пасионарних народа, били они бројношћу мали или велики. Словенски народи су много пута дали примере пасионарности, спремности за велика дела, који изразито мотивишу.

³ По теорији П. С. Сорокина, познатијој по развијенијем облику који је добила код Л. Н. Гумиљова, в. Сорокин 1993, Гумиљев 2001, Осипов 2013.

Велике друштвене промене припремане далеко од очију јавности понекад се незванично најављују знатно пре њиховог увођења, за шта се користе и наизглед споредни облици обликовања јавног мњења као забава, стрипови, цртани филмови, или књижевност, поготову дела са социјалном тематиком, научна фантастика и антиутопије, одн. дистопије или какотопије. Јавност се тако прво навикне на саму идеју о могућој промени па се затим мање опире увођењу те промене у живот. Пример за то су нека дела антиутопијске књижевности (нпр. Херберта Џорџа Велса, Едгара Моргана Форестера, Олдуса Хакслија, Џорџа Орвела, Јелене Блавацке, Алисе Розенбаум (Ајн Рент)), од којих су нека могла настати по поручбини као лажно пророчанство са циљем да се читалац убеди у неминовност и непобедивост зла које долази. Такви аутори могу бити добро упућени у планове њима блиских врло утицајних кругова, чије идеје разрађују у књижевној форми (што је за неке, као Х. Ц. Велс и О. Хаксли, врло извесно).⁴

Да ли постоји планови господара света који се држе даље од очију јавности? Ако се на то јавно покуша указати, по правилу следи одговор да треба одбацити конспиролошке теорије завере, настале у болесним умовима, а подразумева се да такве „болеснике“ треба изоловати и елиминисати на разне начине, за шта постоје многобројне тужне потврде. С друге стране, све је више примера да су неке идеје првобитно подсмешљиво квалификоване као тзв. теорије завере временом добиле неупитан статус легитимног предмета научног дискурса. Најупечатљивији пример за то је идеја о радикалном вештачком смањивању броја људи на Земљи, односно о контролисаној глобалној депопулацији. Помињања да могу постојати такви планови донедавно су грубо исмевана као теорије завере, док је данас то већ легитиман предмет научних и политичких скупова,⁵ а литература њему већ је врло обимна. Маска се, дакле, скида кад постане непотребна.

Планове о тзв. негативном расту човечанства и о томе да индустрију треба обуздати, јер превише троши природне ресурсе и загађује средину, међу првима су почели у ужим круговима обзнањивати представници Римског клуба (основаног 1968). Представници тзв. Чикашке економске школе (познате по подршци Пинеочеовом режиму и по теорији економске шок

⁴ Ако се у социјално оријентисаним антиутопијама начелно разликују два правца, мање или више помешана: поменуте антиутопије које циљано најављују планиране дубинске друштвене промене и, с друге стране, антиутопије које су само плод пишеве фикције и имагинације, интуиције, наслућивања и прозирања, онда словенске књижевне антиутопије већином иду у ову другу групу, почевши од дела Драгутина Ј. Илића и Лазара Комарчића до Јевгенија Замјатина, Карела Чапека, Борислава Пекића, Ивана Јефремова, Аркадија и Бориса Стругацког или Владимира Војновича, поред многих других великих представника тога жанра (в. Ајдачић /ур./ 1999). О словенској димензији научне фантастике в. такође: Стефановић 2020.

⁵ На пример, Анатолиј Чубајс, генерални директор руске државне корпорације за нанотехнологије, још 2011. на Међународном форуму о нанотехнологијама развијао је тезу Римског клуба да се становништво планете мора смањити на 2,5 милијарде, ако не и до 1,5 милијарде (Исаев 2021).

терапије, в. Клајн 2009) инсистирају на томе да је индустрија сувишна, што кореспондира са идејама Римског клуба. Када се зна да су главни прокламовани циљеви Римског клуба: драстично смањивање становишта; деиндустријализација (и њена замена дигитализацијом); ограничавање националних суверенитета; глобализација власти, која би водила јединственој светској влади, онда многе ствари постају јасније, поготову из угла доминантних процеса у савременом свету. Концепцијски су сличне у различито време настале организације *Мон Пелерин*, *Трилајтерала*, *Билдебершки клуб*, *Комитет 300* или *школа/секција руских „методолога“-сајентолога* (од којих су неки стекли и данас имају висока места у руском државном апарату) и др., које прате и предвиђају, а вероватно и планирају дугорочне процесе и тенденције (Аврамов 1998).

У оквиру процеса који би се по идеји и термину Херберта Џорџа Велса могао назвати „јавна завера“ (open conspiracy) поменуте тезе разрађују се, на пример, у књигама истакнутог члана Билдебершког клуба Жака Аталија (нпр. Attali 2011), а посебно у најновијој књизи *Covid-19: Велико ресетиовање* Клауса Шваба (коаутор књиге је Тјери Малере), једног од оснивача Светског економског форума у Давосу и истакнутог заговорника идеја Римског клуба. Централни део наслова те књиге *Great Reset*, која је нека врста манифеста новог светског поретка, тачније би било превести као *Велико рушење* света који познајемо, јер ресетовање подразумева неку врсту обнављања, а код аутора те књиге нема говора о обнављању било чега, него о рушењу свега познатог ради стварања сасвим новог и застрашујућег (Шваб — Малере 2020). Оне који су склони да све што им не одговара припишу тзв. теоријама завере вреди подсетити да су поменуте организације (биле) и реалне и легалне, да своје планове делимично оглашавају, колико сматрају да их треба учинити јавним, а неке од њих повремено делују и у сарадњи са ОУН.

Да ли је човек заиста дошао до граница својих могућности, како неки тврде, и треба ли да уступи место вештачкој интелигенцији или, прво, неким прелазним облицима, па затим да се повуче из историје (еутаназија или самоубиство човечанства — „са елементима достојанства“ како кажу поборници еутаназије)? Прогностичар и футуролог Аурелио Печеи (први председник Римског клуба), у књизи *Квалитет човека* развија антрополошку тезу да садашњи квалитет човека не одговара потребама новог времена. Тиме је Печеи започео припремање терена за широко прихватање идеје биоробота као технолошки „побољшане“ верзије људске врсте (Рессеи — Ikeda 1985).

У чему је суштина? О томе расправљају професори универзитета историчари, правници, економисти, лингвисти, теолози, антрополози..., а њихови гласови нису скривени мада су медијски доста пригушени. Светски господари новца очигледно желе да буду и господари света, укључујући све „људске ресурсе“. У суштини у том новом свету будућност би имали и већ

имају, пре свега, малобројни, најмоћнији и самоизабрани, а уз њих и они који би им били потребни да их као специјалисти опслужују, често са уграђеним техничким „побољшањима“, док би остали били само непотребна „биомаса“, сувишна уста без права на будућност. Свет је на највећој историјској вододелници (Катасонов 2015; Фурсов 2018). Почине сасвим нова епоха. Отварају се врата у врли нови свет страшнији од књижевних антиутопија. Може се поставити питање да ли је то почео рат против човечанства, чије је једно лице рат против земаља и појединаца који се опиру потпуној глобализацији. Иако они који сада желе све, дакле, не само новац, него апсолутну власт, све отвореније показују шта смерају, многи обични људи то не примећују или игноришу. Мења се и свет и свест човека, али не истим темпом. На том размеђу је будућност света и, разуме се, будућност Словенства.

Пре приближно два века код словенских народа у Аустријској монархији био је актуелан покрет националног буђења. Данас постаје све актуелније буђење не само Словенства, него целог човечанства, које је егзистенцијално угрожено плановима и деловањем моћне мањине у чијим је рукама највећи део политичке и финансијске снаге. Иза димне завесе од епидемије проглашене променом дефиниције за пандемију почела је демонтиража светског економског система и велика прерасподела светских богатстава, која све виши личи на почетак планетарног грађанског сукоба. Светска економска криза не може се лечити вакцинацијом људи, али пандемија и вакцинација могу донекле маскирати наметање сасвим нових односа у свету. После актуелне пандемије свет ће, наравно, бити тешко препознатљив, а најављују се и сасвим нова ограничења живота обичних људи. Што због лењости ума, што због плашљивости душе, или због немогућности да дође до тачних информација, многи нису свесни реалности у којој живе и надају се да ће и то некако проћи. Међутим, у животима људи и историји народâ многе прилике су неповратне, а заваравања и оклевања могу бити кобна. Све је више, али је још премало, научника и уметника који покушавају да разбуде успавани део човечанства и да га покрену на одбрану најбољег у свету у којем живе.

Разуме се, у склопу свих тих општих околности има много и посебних узрока словенским невољама. Словени су кроз историју имали и имају више непријатеља, али део одговорности је и на њима. На Словенима је, а, пре свега, на онима који воде словенске народе и већински словенске државе, али и на сваком појединцу, да препознају добро у себи и у другима и да се са сличнима себи повежу у словенском, али и несловенском свету, како би добро у целини било јаче и отпорније, подржавајући се узајамно на начин који неће бити партијски нити уопште политички, који превазилази дводимензионално схватање света и историје, који укључује као главну — новозаветну димензију, која човека повезује с вечним. Ко се узда само у себе, духовно је слеп и нема изгледа на спасење, али га има онај ко се

узда у Промисао и Божју помоћ (Катасонов 2016). Тај се не пита шта ће бити, јер је то већ објављено пре два миленијума, него се труди да достојно дочека оно што ће доћи. Бог обично чини добро нашим рукама, а на нама је да будемо што достојнији сарадници, за шта је потребно и духовно и етичко обнављање сваког човека. Због толиког броја и облика кризних места у данашњем свету не треба, наравно, ни роптати, ни очајавати, нити се предавати, него треба упркос свему истрајавати у добрим намерама и делима, па и радовати се и уздати се да нас неће оставити Онај који своје не оставља.

Корени добра, али и корени зла су, као што се зна, врло дубоки. Напетост расте. Да ли је боље правити се да смо само беспомоћни мали пасивни објекти, изговарати се да је тако увек било и увек ће бити, или треба да се запитамо где је наше место и наша обавеза у свему томе, свих заједно и сваког понаособ? То није питање избора најбоље идеологије, нити најбоље политике, нити најбоље странке, нити најбоље војске и оружја, нити најбољег земаљског вође. То је питање налажења најбољег у себи у датим околностима, укоренењем у начело ванвременског добра (Пипер 2020).

За поборнике материјалистичког погледа на свет, поглед у будућност често не сеже много даље од сопственог краја и судбине непосредних потомака, евентуално, и ближе будућности свог народа. За верујуће хришћане оријентир у овим питањима је Свето Писмо и, посебно, његова завршна глава (Димитријевић — Србуљ /прир./ 2003; Флоровски 2017). Овде је учињен покушај да се изложи кратак преглед важнијих појавних облика данашње глобалне кризе, која се итекако тиче Словенства у савременом свету, премреженом идеологијом глобалног либерализма. Чак и ако бисмо били последњи људи у последњим временима (а надамо се да није тако), то нас не осуђује на клонулоост, него нас обавезује на прегнућа.

Да би човек знао правилно да се постави, мора да схвати шта се дешава с њим и око њега, да се наоружа знањем, тачном дијагнозом и терапијом, да се отргне од конформистичке ослабљености и хедонизма, од летаргије и апатије, од страха и панике (страхови обичних људи су главно оруђе власти), мора да пробуди осећање одговорности за своје најближе, спремност да поднесе и велике непријатности, спремност на жртву. Не смеју се имати илузије, али се морају имати идеали. Њима су се водили највећи међу прецима данашњих Словена. Они су тиме потомцима много дали, али су их на најбољи начин много и обавезали. Најзад, ништа се не дешава случајно него по Промислу, који треба препознати и следити и у складу с њим живети, упркос свему другом, идући од савеза ка саборности, од секуларног ка сакралном.

Захваљујући стремљењима таквим циљевима, Словенство је опстало и одржало се и у највећим историјским искушењима, захваљујући таквим стремљењима, оно може и данас одолети надирућим искушењима и с више оптимизма гледати у будућност (Велимировић 2014).

ЛИТЕРАТУРА

- Аврамов Смиља. *Трилайтерална комисија: Свешка влада или свешка ширанија*. Ветерник-ЈДИЈ, 1998.
- Аврамов Смиља. *Ојус Деи, Нови крстиацки поход Вајикана*. Ветерник, Нови Сад, 2000.
- Ајдачић Дејан (ур.). *Анџиујојије у словенским књижевностима*. Уредник Дејан Ајдачић. Београд: Јанус, 1999.
- Андријашевић 2018а: Иван Андријашевић, „Лингвокултуролошки аспекти словенског неопанганизма“. Београд, 2018, 31 стр., необјављено.
- Андријашевић 2018б: Иван Андријашевић, „Лингвистички аспекти словенских неопанганистичких друштава“. Београд, 2018, 54 стр., необјављено.
- Антонић Слободан. „Дехристијанизација и српско друштво“. *Сјанање сјвари*, 16. фебруар 2015 <<https://stanjestvari.com/2015/02/16/слободан-антонић-дехристијанизациј>> [28.6.2021].
- Боддин В. А. *Панславистские политические концепции: генезис и эволюция*. Москва: Аквилон, 2018.
- Бьокенен Патрик. *Смерть Запада*. Москва: АСТ, 2003.
- Велимировић Николај. *Сан о словенској религији*. Београд: Слободна књига, 1996.
- Велимировић Николај. „Словенско време“. *Сабрана дела*. Књ. 3. Шабац: Манастир Светог Николаја, 2014: 128–133.
- Видовић Жарко. „Криза и православље“. *Српски књижевни гласник* 11–12 (1993): 124–138.
- Видовић Жарко. „О фашизму и либерализму“. *Scribd*, Sep 13, 2020 <<https://www.scribd.com/document/475902089>>, [28.6.2021].
- Гумилев Лев. *Этногенез и биосфера Земли*. Санкт-Петербург: Кристалл, 2001.
- Гуськова Елена. „За славянами ли будущее“. Выступление на конференции “Восточно-славянская цивилизация: поиски единства”. *Русское воскресение*. 2020 <<http://www.voskres.ru/bratstvo/gusykova.htm>>, [28.6.2021].
- Данилевский Николай. *Россия и Европа*. Москва: Алгоритм, 2018.
- Димитријевић Владимир (прир.). *Од Свешког Саве до Берђа Сороша: школсјиво у Србији на њрекрејници*. Београд: Хришћанска мисао, 2007.
- Димитријевић Владимир, Србуљ Јован (прир.). *Гледајте да се не ујлацише: духовни мисао нашег доба*. Београд: Светило, 2003.
- Достоевский Федор. *Дневник писателя: Ежемесячное издание*. Санкт-Петербург, 1877.
- Ђорђевић Драгољуб. *Секше и куљови*. 2. неизмењено изд. Нови Сад: Прометеј; Ниш: Машински факултет, 2020.
- Исаев А. „Чубайс о сокращении населения планеты Земля с 7 млрд до 1,5 млрд человек“. *Яндекс.Дзен*. 4.7.2021. https://zen.yandex.ru/media/8324/chubais-o-sokraschenii-naselenii-a-planety-zemlia-s-7-mlrd-do-15-mlrd-chelovek-60e2d810716f6b471afdc4a?utm_campaign=dbr.
- Катасонов Валентин. *Антикризис. Выжить и победить*. Москва: Алгоритм, 2015.
- Катасонов Валентин. *История как Промысл Божий*. Москва: Кислород, 2016.
- Катасонов Валентин. Катасонов. *Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма*. Москва: Aegitas, 2019.
- Кољевић Грифит Богдана. *Промена епоха и Запад на раскршћу*. Београд: Catena mundi, 2021.
- Леонтьев Константин. *Восток, Россия и Славянство*. В 2 т. Москва, 1885–1886.
- Лихачев Дмитрий. „Русская культура“. *День за днем* <<http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=215>>, [28.9.2016].
- Лутовац Зорана. „Родноверне организације у словенским земљама“. *Родна вера: зборник њексјива о сјарај вери Словена и њеној обнови*. Приредила Весна Какашевски. Београд: Самиздат, 2012: 120–134.
- Николић Драган. „Словенски свет на размеђи племенских савеза и раних држава“. *Славистика Х* (2006): 286–312.
- Обшуст К. *Конструкција словенсјива у јолицици и науци: Сјварање (све)словенских ѡрадиција, идеолошке концепције о словенском јединсјиву и њихове рефлексије*. Београд: Центар за алтернативно друштвено и културно деловање, 2013.
- Осипов Г. А. „Пассионарность: Модельно-междисциплинарный подход“. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 14/3 (2013): 325–331.

- Оцић Часлав. „Криза смисла: крај рада или ново ропство?“. *Crimen: časopis za krivične nauke* 7 (2016): 119–127.
- Павленко В. Н., Таглин С. А. *Общая и прикладная этнопсихология*. Москва: Т-во научных изданий КМК, 2005.
- Пипер Предраг. „Языковые аспекты глобализации в славянских странах“. *Глобальный кризис: метакультурные исследования*. Т. 2. Шуя: Шуйский государственный педагогический университет, 2006: 215–217.
- Пипер Предраг. „Савремени свет као предмет кризологије“. *Савремени човек и савремени свет*. Ур. Селимир Радуловић. Књ. 5. Нови Сад: Матица српска, 2020: 7–37.
- Поповић Јустин. *Досијојевски о Европи и словенцију*. Београд: Издавачко-просветна задруга, 1940.
- Радуловић Немања. „Неопаганизам у Србији“. *Савремена српска фолклористика* 2. Београд: Универзитетска библиотека „Светозар Марковић“, 2015, стр. 455–478.
- Републички завод: *Републички завод за статистику. Процене становништва*, 2021 <<https://www.stat.gov.rs/sr-Latn/oblasti/stanovnistvo/procene-stanovnistva>>, [28.6.2021].
- Словохотова Вероника. «В России стало меньше верующих? О чем говорит исследование ВЦИОМ». *Правмир*, 19 марта 2021. <<https://www.pravmir.ru/v-rossii-stalo-menshe-veruyushhih-o-chem-govorit-issledovanie-vciom>>.
- Сорокин Питирим. *Главные тенденции нашего времени*. Москва: ИС РАН, 1993.
- Стефановић Зоран. „Словенска димензија Енциклопедије научне фантастике Зорана Живковића и њени социокултурни одједи“. Саопштено на међународној видеоконференцији „Словенска научна фантастика код Срба“ 29. октобра 2020. — Српски научни центар и научно друштво за словенске уметности и културе. [необјављено]
- Тојнби Арнолд Џозеф. *Проучавање историје*, I–VI. Београд: Службени лист СРЈ; Подгорица: ЦИД, 2002.
- Филимонов Валерий. *Человек должен оставаться человеком*. Санкт-Петербург: Сатисъ, 2009.
- Филимонов Валерий. „Россию пытаются встроить в систему всемирного Содома“. *Русская народная линия*. 25.9.2019 <https://ruskline.ru/news_rl/2019/09/25/rossiyu_rutayutsya_vstroit_v_sistemu_vsemirnogo_sodoma>, [28.6.2021].
- Флоровски Георгиј. *Есхатологија Цркве: Јеванђеље васкрсења*. Пожаревац: Епархија браничевска, 2017.
- Фурсов Андрей. „Реформа“ образования сквозь социальную и геополитическую призму. Москва: Наш современник, 2012.
- Фурсов Андрей. *Водораздел. Будущее, которое уже наступило*. Москва: Книжный мир, 2018.
- Хвьяля-Олинтер Андрей. „Современный сатанизм в Европе“. *Люди погибли: Сатанизм в России. Попытка анализа*. Москва: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000.
- Цукерман 2021: Фил Цукерман, „Самые ‘неверующие’ страны мира“ <<https://pooha.net/society/countries/276-unbelieving-countries-top10>>.
- Чернышев Евгений. «Демографические итоги–2020». — *Накануне.Ru* <<https://www.nakanune.ru/articles/116728>>.
- Четверикова Ольга. *Завера ѱајизма ѱројив хришћансјива*. Београд: Света Русија, 2012.
- Четверикова Ольга. *Диктатура “просвещенных”: дух и цели трансгуманизма*. Москва: Благословение, Техинвест-3, 2015.
- Четверикова Ольга. *Демонтаж суверенитета*. Москва: ЗАО ИД «Аргументы недели, 2016.
- Чомски Ноам. *Језик и одговорност: засновано на разговорима са Мицу Рона*. Ниш: Градина, 1994.
- Чомски Ноам. *Нужне илузије: контрола ума у демократским друшћивима*. Нови Сад: Светови, 2000.
- Шваб Клаус, Малере Тьери. *Covid-19: Великая перезагрузка*. <https://ekniga.org/dokumentalnaya-literatura/dokumentalistika/254193-covid-19-velikaya-perezagruzka.html> [28.6.2021].
- Attali Jacques. *A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century*. Skyhorse Publishing Inc., 2011.
- Huntington Samuel. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon & Schuster, 2004.

- Klajn 2009: Naomi Klajn, *Doktrina šoka: Procvat kapitalizma katastrofe*. Beograd: Samizdat, 2009.
- Oberth Hermann. *Kakokratie, der Weltfeind* Nr. 1. Feucht, Uni-Verlag, 1976.
- Peccei Aurelio, Ikeda Daisaku. *Before It Is Too Late*. Kodansha USA Inc, 1985.
- Ritchie Hannath, Roser Max. *Mental Health*. 2018 <<https://ourworldindata.org/mental-health>>, 28.6.2021.

REFERENCES

- Ajdačić Dejan (ur.). *Antiutopije u slovenskim književnostima*. Beograd: Janus, 1999.
- Andrijašević Ivan. „Lingvokulturološki aspekti slovenskog neopaganizma“. Beograd, 2018a, 31 str., neobjavljeno.
- Andrijašević Ivan. „Lingvistički aspekti slovenskih neopaganističkih društava“. Beograd, 2018b, 54 str., neobjavljeno.
- Antonić Slobodan. „Dehristijanizacija i srpsko društvo“. *Stanje stvari*, 16. februar 2015 <<https://stanjestvari.com/2015/02/16/slobodan-antonih-dekhristijanizacij/>>, [28.6.2021].
- Attali 2011: Jacques Attali, *A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century*. Skyhorse Publishing Inc., 2011.
- Avramov Smilja. *Trilateralna komisija: Svetska vlada ili svetska tiranija*. Veternik-LDIJ, 1998.
- Avramov Smilja. *Opus Dei, Novi krstaški pohod Vatikana*. Veternik, Novi Sad, 2000.
- Boldin V. A. *Panslavistskie politicheskie koncepcii: genezis i evolyuciya*. Moskva: Akvilon, 2018.
- B'yukenen Patrik. *Smert' Zapada*. Moskva: AST, 2003.
- Chernyshev Evgenij. «Demograficheskie itogi–2020». *Nakanune.Ru* <<https://www.nakanune.ru/articles/116728>>.
- Chetverikova Ol'ga. *Diktatura «prosveshchennyh»: duh i celi transgumanizma*. Moskva: Blago-slovenie, Tekhinvest-3, 2015.
- Chetverikova Ol'ga. *Demontazh suvereniteta*. Moskva: ZAO ID «Argumenty nedeli, 2016.
- Cukerman Fil . „Samye ‘neveruyushchie’ strany mira“ <<https://pooha.net/society/countries/276-unbelieving-countries-top10>>, 2021.
- Četverikova Olga. *Zavera papizma protiv hrišćanstva*. Beograd: Sveta Rusija, 2012.
- Čomski Noam. *Jezik i odgovornost: zasnovano na razgovorima sa Micu Rona*. Niš: Gradina, 1994.
- Čomski Noam. *Nužne iluzije: kontrola uma u demokratskim društvima*. Novi Sad: Svetovi, 2000.
- Danilevskij Nikolaj. *Rossiya i Evropa*. Moskva: Algoritm, 2018.
- Dimitrijević Vladimir (prir.). *Od Svetog Save do Đerđa Soroša: školstvo u Srbiji na prekretnici*. Beograd: Hrišćanska misao, 2007.
- Dimitrijević Vladimir, Srbulj Jovan (prir.). *Gledajte da se ne uplašite: duhovni smisao našeg doba*. Beograd: Svetilo, 2003.
- Dostoevskij Fedor. *Dnevnik pisatelya*. Ezhemesyachnoe izdanje. Sankt-Peterburg, 1877.
- Đorđević Dragoljub. *Sekte i kultovi*. 2. neizmenjeno izd. Novi Sad: Prometej; Niš: Mašinski fakultet, 2020.
- Filimonov Valerij. *Chelovek dolzhen ostavat'sya chelovekom*. SPb.: Satis», 2009.
- Filimonov Valerij. „Rossiyu pytayutsya vstroit' v sistemu vseмирnogo Sodoma“. *Ruskaya narodnaya liniya* 25.9.2019 <https://ruskline.ru/news_rl/2019/09/25/rossiyu_pytayutsya_vstroit_v_sistemu_vseмирnogo_sodoma>, [28.6.2021].
- Florovski Georgij. *Eshatologija Crkve: Jevandjelje vaskrsenja*. Požarevac: Eparhija braničevska, 2017.
- Fursov Andrej. „Reforma“ obrazovaniya skvoz' social'nyu i geopoliticheskuyu prizmu. Moskva: Nash sovremennik, 2012.
- Fursov Andrej. *Vodorazdel. Budushchee, kotoroe uzhe nastupilo*. Moskva: Knizhnyj mir, 2018.
- Gumilev Lev. *Etnogenez i biosfera Zemli*. Sankt-Peterburg: Kristall, 2001.
- Gus'kova Elena. „Za slavyanami li budushchee“. Vystuplenie na konferencii «Vostochnoslavjanskaya civilizaciya: poiski edinstva». *Russkoe voskresenie*. 2020 <<http://www.voskres.ru/bratstvo/gusyukova.htm>>, [28.6.2021].
- Huntington Samuel. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon & Schuster, 2004.

- Hvylya-Olinter Andrey. „Sovremennyj satanizm v Evrope“. *Lyudi pogibeli: Satanizm v Rossii. Popytka analiza*. Moskva: Moskovskoe Podvor'e Svyato-Troickoj Sergievoj Lavry, 2000.
- Isaev A. „Chubajs o sokrashchenii naseleniya planety Zemlya s 7 mlrd do 1,5 mlrd chelovek“. *Yandex. Dzen*. 4.7.2021 <https://zen.yandex.ru/media/8324/chubais-o-sokraschenii-naseleniia-planety-zemlia-s-7-mlrd-do-15-mlrd-chelovek-60e2d810716f6b471afdcc4a?utm_campaign=dbr>.
- Katasonov Valentin. *Antikrizis. Vyzhit' i pobedit'*. Moskva: Algoritm, 2015.
- Katasonov Valentin. *Istoriya kak Promysl Bozhij*. Moskva: Kislod, 2016.
- Katasonov Valentin. *Religiya deneg. Duhovno-religioznye osnovy kapitalizma*. Moskva: Aegitas, 2019.
- Klajn Naomi. *Doktrina šoka: Procvat kapitalizma katastrofe*. Beograd: Samizdat, 2009.
- Koljević Grifit Bogdana. *Promena epoha i Zapad na raskršću*. Beograd: Catena mundi, 2021.
- Leont'ev Konstantin. *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo*. V 2-h t. Moskva, 1885–1886.
- Lihachev Dmitriy. „Russkaya kul'tura“. *Den' za dnem* <<http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=215>>, [28.9.2016].
- Lutovac Zorana. „Rodnoverne organizacije u slovenskim zemljama“. Kakaševski Vesna (ur.). *Rodna vera: zbornik tekstova o staroj veri Slovena i njeni obnovi*. Beograd: Samizdat, 2012: 120–134.
- Nikolić Dragan. „Slovenski svet na razmeđi plemenskih saveza i ranih država“. *Slavistika X* (2006): 286–312.
- Oberth Hermann. *Kakokratie, der Weltfeind* Nr. 1. Feucht, Uni-Verlag, 1976.
- Obshust K. *Konstrukcija slovenstva u politici i nauci: Stvaranje (sve)slovenskih tradicija, ideološke koncepcije o slovenskom jedinstvu i njihove refleksije*. Beograd: Centar za alternativno društveno i kulturno delovanje, 2013.
- Očić Časlav. „Križa smisla: kraj rada ili novo ropstvo?“. *Crimen: časopis za krivične nauke* 7 (2016): 119–127.
- Osipov G. A. „Passionarnost': Model'no-mezhdisciplinarnyj podhod“. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* 14/3 (2013): 325–331.
- Pavlenko V. N., Taglin S. A. *Obshchaya i prikladnaya etnopsihologiya*. Moskva: T-vo nauchnyh izdanij KMK, 2005.
- Peccei Aurelio, Ikeda Daisaku. *Before It Is Too Late*. Kodansha USA Inc, 1985.
- Piper Predrag. „Yazykovye aspekty globalizacii v slavyanskih stranah“. *Global'nyj krizis: metakul'turnye issledovaniya*. T. 2. Shuya: Shujskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2006: 215–217.
- Piper Predrag. „Savremeni svet kao predmet krizologije“. Radulović Selimir (ur.) *Savremeni čovek i savremeni svet*. Knj. 5. Novi Sad: Matica srpska, 2020: 7–37.
- Popović Justin. *Dostojevski o Evropi i slovenstvu*. Beograd: Izdavačko-prosvetna zadruga, 1940.
- Radulović Nemanja. „Neopaganizam u Srbiji“. *Savremena srpska folkloristika* 2. Beograd: Univerzitetska biblioteka „Svetozar Marković“, 2015, str. 455–478.
- Republički zavod: Republički zavod za statistiku. Procene stanovništva, 2021 <<https://www.stat.gov.rs/sr-Latn/oblasti/stanovnistvo/procene-stanovnistva>>, [28.6.2021].
- Ritchie Hannath, Roser Max. *Mental Health*. 2018 <<https://ourworldindata.org/mental-health>>, [28.6.2021].
- Shvab Klaus, Malere T'eri. *Covid-19: Velikaya perezagruzka* <<https://ekniga.org/dokumentalnaya-literatura/dokumentalistika/254193-covid-19-velikaya-perezagruzka.html>>, [28.6.2021].
- Slovohotova Veronika. «V Rossii stalo men'she veruyushchih? O chem govorit issledovanie VCI-OM». *Pravmir*, 19 marta 2021 <<https://www.pravmir.ru/v-rossii-stalo-menshe-veruyushhih-o-chem-govorit-issledovanie-vcziom>>.
- Sorokin Pitirim. *Glavnye tendencii nashego vremeni*. Moskva: IS RAN, 1993.
- Stefanović Zoran. „Slovenska dimenzija Enciklopedije naučne fantastike Zorana Živkovića i njeni sociokulturni odjeci“. Saopšteno na međunarodnoj videokonferenciji „Slovenska naučna fantastika kod Srba“ 29. oktobra 2020. Srpski naučni centar i naučno društvo za slovenske umetnosti i kulture. [neobjavljeno]
- Tojnbj Arnold Džozef. *Proučavanje istorije*. I–VI. Beograd: Službeni list SRJ; Podgorica: CID, 2002.
- Velimirović Nikolaj. *San o slovenskoj religiji*. Beograd: Slobodna knjiga, 1996.

Velimirović Nikolaj. „Slovensko vreme“. *Sabrana dela*. Књ. 3. Šabac: Manastir Svetog Nikolaja, 2014: 128–133.

Vidović Žarko. „Križa i pravoslavlje“. *Srpski književni glasnik* 11–12 (1993): 124–138.

Vidović Žarko. „O fašizmu i liberalizmu“. Scribd, Sep 13, 2020 <<https://www.scribd.com/document/475902089>>, [28.6.2021].

Предраг Пипер

СЛАВЯНСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Резюме

В данной статье в общих чертах представлена картина славянства в начале третьего десятилетия XXI века, как совокупности славянских народов и культур, в свете кризиса, в который погружен современный мир, в частности славянский. В первой части работы особое внимание уделяется культурным, религиозным, демографическим и другим вопросам и проблемам идентичности современного славянства, а также центробежным и центростремительным процессам, определяющим его настоящее и будущее. Во второй части статьи в центре внимания находятся те процессы в современном мире, которые существенным образом отражаются на судьбах славянства в целом и отдельных славянских народов в частности. Эти процессы в большинстве своем отличаются кризисным характером, тогда как идеологические, политические, экономические, образовательные, культурные, военные и другие формы их проявления носят в основном духовный и эсхатологический характер. Этим противопоставлением формы и сущности глобальных проблем определяется актуальное противостояние доминирующих мировоззрений, систем ценностей, архетипов и культурных кодов в современном мире. Не умаляя значения национальной и культурной славянской идентичности, а также научного, культурного, экономического и любого другого межславянского и международного сотрудничества, автор придерживается мнения, что для славянства в современном мире крайне важно поддерживать все, что ведет к духовному единству славянских народов насколько это возможно в нынешний кризисный период на стыках исторических и цивилизационных эпох.

Ключевые речи: славянство, культура, язык, современный мир, будущее, кризис, идентичность, глобализм, антиглобализм, система ценностей, мировоззрение.

ФИЛОЛОГИЈА И ЛИНГВИСТИКА

Светлана М. Толстая

Институт славяноведения Российской академии наук
smtolstaya@yandex.ru

Svetlana Tolstaya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
smtolstaya@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ СИНОНИМИИ В ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ

ON THE PROBLEM OF SYNONYMY IN THE PROTO-SLAVIC VOCABULARY

Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам изучения синонимии праславянской лексики, реконструируемой в *Этимологическом словаре славянских языков*. Известный словарь избранных индоевропейских синонимов К. Д. Бака включает материал славянских языков неполно (не все языки и только их литературные варианты), но даже и он позволяет сделать некоторые заключения о явлении синонимии в славянских языках. На нескольких примерах (синонимические ряды глаголов речи, лексика со значением 'любить, любовь', 'искать', 'кормить', 'ошибка, ошибаться') в статье показаны возможности интерпретации синонимических рядов с использованием понятий и приемов современной семантики и семантической реконструкции.

Ключевые слова: славянские языки, праславянский язык, лексика, семантика, синонимия, семантическая реконструкция, этимология, этимологическое гнездо, лексическая типология.

The article is devoted to the theoretical and practical issues of studying the synonymy of the Proto-Slavic vocabulary, reconstructed in the *Etymological Dictionary of Slavic Languages*. The well-known dictionary of selected Indo-European synonyms by C. D. Buck includes the material of the Slavic languages incompletely (not all languages and only their literary variants), but even it allows us to draw some conclusions about the phenomenon of synonymy in the Slavic languages. Using several examples (synonymic series of speech verbs, vocabulary with the meaning 'to love,' to seek', 'to feed', 'mistake'), the article shows the possibilities of interpreting synonymic series using the concepts and techniques of modern semantics and semantic reconstruction.

Keywords: Proto-Slavic language, vocabulary, semantics, synonymy, synonymic series, etymology, semantic reconstruction, lexical typology.

1. Понятие синонимии применительно к праславянской лексике

Праславянский лексикон, каким он предстает, например, в *Этимологическом словаре славянских языков* (ЭССЯ), не является лексико-семантической системой в том понимании, какое предписывается теоретической семантикой, строго ориентированной на системные отношения в лексике одного языка. По выражению создателя этого словаря акад. О. Н. Трубачева, «не нужно ждать от словаря отражения системы языка» (Трубачев 2004: 445). Тем не менее, многие исследователи, в том числе и сам О. Н. Трубачев, не раз обращались к проблемам омонимии, многозначности и (в меньшей степени) синонимии праславянской лексики. Действительно, набор значений, приводимый в ЭССЯ для каждого слова, отражает системность семантических отношений между словами совсем в другом смысле, чем словарь любого современного славянского языка. Если какие-то слова имеют совпадающие значения в перечне значений, приводимых в словарных статьях праславянского словаря, то это еще не значит, что они были синонимами в праславянском языке. Эти совпадающие значения могут быть вторичными, т. е. возникшими позже, в результате процессов семантической деривации, или они могут быть ареально разграниченными, приуроченными к разным территориям, и потому не вступать друг с другом в системные отношения. Или же они могут быть хронологически разведенными: в одном языке совпадающие значения могут сохраняться до нашего времени, в другом — утратиться в процессе семантической эволюции. И тем не менее, при всей условности понятия праславянский язык, стоящее за каждым праславянским словом семантическое пространство отнюдь не является аморфным, оно пронизано системой внутренних связей и регулярных отношений, развивающих потенции исконной лексической единицы в рамках типологических закономерностей, но отражающих также и результаты взаимодействия с другими единицами словаря и другими родственными языковыми идиомами.

Из всех категорий лексической семантики (таких как полисемия, синонимия, омонимия, антонимия и др.), категория синонимии наименее «привязана» к лексической системе одного языка, поскольку основанием синонимии служат не семантические отношения единицы лексической системы с другими единицами, а денотативная общность слов, их соотносительность с одним и тем же понятием, явлением, реалией или ситуацией внеязыковой действительности. Поэтому мы не можем говорить о полисемии или антонимии применительно к разным языкам, но можем говорить о синонимии в отношении разных языков или диалектов (т. е. о так называемых межъязыковых или междиалектных синонимах). Такой подход в зависимости от выбранного ракурса может носить либо этимологический, либо типологический характер; в первом случае круг лексики будет ограничен генетически общим корпусом лексем (лексико-словообразовательным гнездом), во втором — когнитивным членением избранных понятийных полей независимо от генетического родства сравниваемых языков.

Проблема синонимии, таким образом, в некоторой степени смыкается с задачами общей лексической (или лексико-семантической) типологии, дисциплины, которая в последнее время активно развивается и имеет уже значительные реальные результаты. Сравнивая лексику разных языков, мы можем в качестве общего основания использовать только экстралингвистические элементы (реалии, свойства, ситуации), а в качестве метода сравнения — «поиск параметров вариативности» (Рахилина, Плунгян 2007: 13). Иначе говоря, типологическим показателем будет служить то, какие свойства и признаки реалии или ситуации получают в том или ином языке лексическое выражение. При таком подходе синонимами в разных языках (родственных или неродственных) могут считаться те лексические единицы, которые в сравниваемых языках приложимы к одной и той же денотативной единице, независимо от того, что применительно к другим внеязыковым ситуациям они могут не совпадать. Например, праславянские глаголы **xoditi* / **jъti* и **laziti* имеют очень широкие семантические спектры, которые пересекаются лишь частично, но, например, их дериваты в значении 'вход' в современных славянских языках оказываются синонимичными: рус., укр., болг. *вход*, чеш., словац., словен. *vchod*, серб. *улаз*, макед. *влезој*, хорв. *улаз*; ср. еще болг. *вляза*, *влизам* 'войти', 'проникнуть', 'влезть', из чего следует, что исходные праславянские глаголы **xoditi* / **jъti* и **laziti* (**lazati*) обладают свойством синонимичности. Но применительно к праславянскому лексикону мы сможем опереться только на тот спектр значений в отдельных славянских языках, который представлен в ЭССЯ.

Когда речь идет о праславянской лексике, дело осложняется тем, что тождественность или нетождественность семантики лексической единицы мы можем устанавливать только на этимологическом уровне, отвлекаясь от разных способов словообразовательного, грамматического или морфологического оформления. Иначе говоря, синонимичными могут оказаться лексемы, реконструируемые как разные части речи, разные словообразовательные и морфологические модели и т. д. Это значит, что по существу речь идет либо о корневой, либо (что по существу то же самое) о гнездовой синонимии¹.

Установление синонимических отношений между единицами праславянского словаря (т. е. совпадающих значений в семантическом спектре

¹ Ср. анализ серии синонимичных праславянских гнезд: **plesti*, **vežti*, **verti*, **verzti* в статье А. А. Калашникова, где дается следующее заключение о характере гнездовой синонимии: «Есть реалии, обозначавшиеся, вероятно, словами только одного гнезда, например, **pletje* 'плечо'. В значительной части случаев одна и та же реалия обозначалась существительными нескольких гнезд. <...> Иногда же в нескольких гнездах представлены целые ряды образований, например, ограда, плетень, назывались **plotь*, **o(b)plotь*, **perplotь*, **zaplotь*, **o(b)plota*, **plety*, **perpletь*, **poplěta*, **vora*, **vorь*, **ob(v)ora*, **privora*, **zavora*. Ср. также многочисленные названия веревки, жгута, шнура, завязки в гнездах **verzti* и **vežati*» (Калашников 1994: 86). Относительно названия плеча автор не совсем прав, ср. в близком значении 'шея, задняя часть шеи, шейные позвонки' рус. диал. *вязы* (СРНГ 6: 77), укр. *в'язи*, бел. *вязы*, пол. *więzy*, словац. *väzu*. Русскому выражению *голова на плечах* соответствует украинское *голова на в'язах*: «Аби голова на в'язах, а розум буде» (Гринченко 1: 261).

разных слов) наталкивается и на трудности другого рода. В ЭССЯ слова толкуются на русском языке, и дефиниции цитируемых источников даются в переводе, что уже само по себе чревато неточностью толкований (и тем самым неадекватным соотношением с внеязыковой действительностью). Тем не менее даже сравнение таких дефиниций дает некоторый импульс к поиску синонимических отношений. Например, если мы видим, что в толковании глаголов **lězti*, **lazati*, **laziti* и их производных (ЭССЯ 14, 15) устойчиво повторяются значения ‘ходить’, ‘идти’, ‘передвигаться’, ‘подниматься вверх по поверхности’ (по земле, вверх, вниз), ‘карабкаться’, ‘ползти’, ‘входить внутрь, проникать’ и т. п., то мы получаем представление о том, что речь идет о той же общей ситуации перемещения в пространстве, что и в случае глагола **xoditi*/**jьti*, но о разных «параметрах вариативности», т. е. о включении дополнительных признаков, касающихся субъекта передвижения (человек, животное), направления (вверх, вниз), способа (медленно, прижимаясь к горизонтальной или вертикальной поверхности и т. п.). Более того, глагол с первичным значением ‘лезть’, ‘лазить’ может иметь общие значения не только с **xoditi*/**jьti*, но и с такими «специализированными» глаголами передвижения, как ‘ползать’ и даже ‘плавать’, ср. серб. *лазити* ‘ползать’, ‘медленно ходить, тащиться’, рус. диал. *лазить* ‘входить (в дом, в амбар)’, ‘быть способным ходить’, ‘бегать по лесу (в языке охотников)’ и др., пск. *лазка* ‘вход в подполье’ и др. (СРНГ 16: 244); олонекск. *плыть* ‘ползти (о змеях, насекомых, животных, человеке)’, ‘медленно, с трудом передвигаться, тащиться’ и т. п. (Тер-Аванесова 2011). Подобные примеры заставляют взглянуть на проблему праславянской синонимии, во-первых, с учетом лексической типологии и применительно к целому блоку словаря (лексико-семантическому полю)², а, во-вторых, с учетом регулярных моделей семантической деривации.

2. Словарь синонимов К Д. Бака и его славянская часть

Для славянской лексики пока еще нет словаря синонимов, подобного известному словарю индоевропейских синонимов К. Бака (Buck 1949), хотя такой словарь не только теоретически возможен, но и безусловно необходим. Более того, из его мысленного образа исходят многие наши представления о праславянской лексике. Необходимость обращаться к этому образу возникает у исследователя всякий раз, когда он, занимаясь тем или иным словом или группой слов (в этимологическом, ареалогическом, семасиологическом или этнокультурном аспекте), испытывает потребность узнать, какие другие слова, сочетания слов или конструкции способны выразить

² Можно привести несколько примеров успешной реализации такого подхода: *Aquation. Глаголы движения в воде: Лексическая типология*/Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. Москва: Индрик, 2007; *Концепт боль в типологическом освещении*/Ред. В. М. Брицын, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Г. М. Яворская. Київ, 2009; *Глаголы звуков животных: типология метафор*/Сост. Е. В. Рахилина. Москва: Языки славянской культуры, 2015.

ту же мысль, понятие, идею, обозначать те же реалии; эти знания составляют необходимый элемент семантической реконструкции. И только на общем фоне этого смыслового поля он может понять принципы его членимости и мотивационные модели номинации, лежащие в основе лексики данного поля. Иначе говоря, он не может упустить ономаσιологический план лексикологии. Неслучайно словарь Бака имеет подзаголовок «К истории идей». В сознании каждого исследователя словарь существует одновременно в двух его ракурсах — семасиологическом (от слова к значению) и ономаσιологическом (от значения к слову); в первом случае исследователя интересует семантическое поле слова, во втором — лексическое поле его денотата (понятия, явления, ситуации). Для изучения многозначности, семантического спектра и семантической структуры слова важен первый ракурс; для изучения синонимии и механизмов категоризации понятий — второй. Ономаσιологический словарь теоретически может быть как идеографическим, как словарь Бака (в этом случае встает дополнительная проблема классификации и рубрикации денотативной сферы), но в принципе может быть и алфавитным, тогда один из сравниваемых языков (или реконструируемый набор слов) становится языком-посредником. Во втором случае общая идеографическая схема, из которой исходит исследователь, остается имплицитной, но она все равно не может не приниматься во внимание при составлении словника.

Для практических нужд в качестве дополнения к этимологическому словарю славянских языков (в сущности сочетающему толковый и исторический принцип) необходим хотя бы самый схематичный словарь основных синонимов (т. е. межъязыковых соответствий) праславянской лексики. По масштабу охватываемой лексики такой словарь мог бы примерно равняться известному и очень полезному словарю основной общеславянской лексики Ф. Копечного (около 2000 слов) (Кореšny 1981) и служить его зеркальным отражением. Но в принципе (в дальнейшей перспективе) такой словарь межславянских синонимов должен был бы учесть не только литературные, но и диалектные слова, репрезентирующие соответствующие реалии и понятия (как это делают и этимологические словари славянских языков).

Костяк такого словаря славянских синонимов по существу содержится уже в словаре Бака, который, с одной стороны, является идеографическим, а с другой стороны, он подчинен этимологическому принципу, т. е. демонстрирует генетические связи индоевропейских языков (этот аспект словаря отражен прежде всего в этимологических комментариях). При этом необходимо учесть, что славянская часть этого словаря весьма редуцирована в нескольких отношениях. Во-первых, словарь включает материал не всех славянских языков, а только некоторых: именно: сербскохорватского (в его хорватском варианте), чешского, польского и русского, плюс — имеющиеся данные (естественно, весьма ограниченные) старославянского языка.

Во-вторых, Бак учитывает только данные литературных славянских языков, поэтому в него включена не только исконная общеславянская лек-

сика, но и относительно поздние заимствования (например, *школа, комната, кровать, базар, магазин, материя*) и новообразования (с.-х. *namještaj, rokičstvo*, чеш. *nábytek*, рус. *обстановка* и т. п.). Бак строит свой словарь по идеографическому принципу, что позволяет ему охватить все основные сферы экстралингвистической действительности: 22 тематических группы индоевропейских слов: мир природы, жизнь человека как физического, психического и социального существа, его физическую и умственную деятельность, круг абстрактных понятий, таких как пространство, время, число и количество и т. д. В словаре представлено более 1000 синонимических рядов. Даже с учетом названных выше ограничений (по составу славянских языков и отсутствию основных диалектных лексем) этот материал заслуживает анализа и интерпретации с точки зрения славянской лексикологии; он может быть показательным в нескольких важных отношениях, в том числе в этногенетическом и этнокультурном. Обратим внимание на число членов синонимических рядов и их структуру.

2.1. Безальтернативная лексика. На индоевропейском фоне славянские языки выделяются своим поразительным единством: среди всех синонимических рядов, включенных в словарь Бака, насчитывается огромное число позиций, представленных одним праславянским словом во всех рассмотренных славянских языках (это не значит, конечно, что у этих слов не может быть синонимов в отдельных языках). Такие ряды, состоящие из одного члена, встречаются в самых разных тематических рубриках (привожу примеры для краткости по-русски):

природа — *песок, море, озеро, река, свет 'lux', ветер, снег, лед, пламя, дым, пепел;*

термины родства: *дед, отец, внук, брат, сестра, свекор, сирота, вдова;*
названия животных: *овца, коза, осел, гусь, щенок, мышь, птица, рыба, волк, лев, медведь, лиса, олень, слон, пчела, муха;*

анатомия человека и животного: *тело, мясо, борода, рог, голова, мозг, ухо, нос, зуб, горло, рука, локоть, нога, ноготь, крыло, перо, вымя, пупок, сердце, яйцо;*

физиологические действия, свойства и продукты деятельности:

дышать, зевать, кашлять, чихать, плевать, лизать, спать, будить, родить, жить, умирать; слабый, здоровый. рана, ленивый, глухой, немой, слепой, пьяный, есть, голод, пить, сосать, мешать, печь, котел, тесто, молоть;

пища: *мясо, говядина, соль, мед, масло, вино, пиво;*

растения: *яблоко, груша, липа, орех, ягода, корень, лист, цвет, береза, трава, пшеница, ячмень, кукуруза, рис;*

физические действия и состояния, орудия и материалы: *прясть, шить, игла, шило, нить, бритва, ключ, свеча, орать 'пахать', борозда, копать, вилы, грабли, борона, сеять семя, жать, серп, тереть,*

лить, мести, метла, тесать, доска, ковать, золото, серебро, глина, плести, долото, пасти, трясти, плыть, плавать, лететь, идти, нести, расти, мощь, весло, дать, иметь, пустить, лежать, сидеть, стоять, оставить;

имущественные отношения: *красть, богатство, богатый, долг, доход, цена, купить, продать, дорогой;*

свойства и положение в пространстве: *высокий, низкий, верх, дно, сторона, бок, далеко, запад, велик, мал, долгий, краткий, широкий, редкий, глубокий, узкий, плоский, левый;*

время, число, количество: *мало, полный, пол (половина), один, первый, три, новый, восток, перестать, часто, день, ночь, полдень, вечер, утро, вчера, неделя, понедельник, вторник, четверг, пятница, суббота, месяц, зима;*

свойства: *сладкий, горький, кислый, темный, белый, черный, твердый, мягкий, гладкий, острый, зеленый, тупой, тяжкий, легкий, мокрый, сухой, чистый, неясный, тайный;*

состояния и занятия: *видеть, слушать, радость, смеяться, играть, плакать, слеза, хотеть, грех, вина, хвала, мудрый, учиться, школа, петь, язык, имя, книга, страна (страница);*

социальные институты: *город, царь, князь, сосед, гость, помощь, мир, поражение, оборона, засада, право, суд, судить, судья, бог, молиться, святой, крестить, постить(ся), ангел.*

Сам по себе перечень этих кардинальных для архаического состояния языковой и культурной традиции сфер жизни и понятий показателен.

Высокий процент по существу безальтернативной лексики в славянских языках обеспечивает соответствующий показатель лексической близости славянских языков (Журавлев 1994). Столь же высокую степень близости славянских языков обнаруживает статистический анализ их ядерных лексиконов (Меркулова 2017).

С другой стороны, общий корпус лексики демонстрирует отнюдь не случайное распределение по идеографическим рубрикам, что позволяет реконструировать на его основе существенные черты праславянской материальной и духовой культуры (Журавлев 1996; 1998; 1999).

В некоторых синонимических рядах Бака сопоставляемые языки имеют по два «внутренних» славянских синонима, например: для понятия ‘узкий’ **oъzъkъ* и **těsъnъ*, что с большой вероятностью свидетельствует об их синонимическом статусе в праславянском. То же можно сказать об устойчивых синонимических отношениях между ст.-слав. *rězati, sešti, krojiti* — с.-х. *rezati, sjeci* — чеш. *rezati, krajeti, sekati* — пол. *krajać, rznąć, rąbać, ciąć, siec* — рус. *рубить* (необходимо добавить *сечь*).

Кроме того, есть немало рядов, в которых лексическое единство славянских языков нарушается только одним отклонением, например: в номинации дерева выделяется чеш. *strom*, в названии месяца (луны) — пол.

księżyc (отчасти и рус. *луна*), в номинации женщины — пол. *kobieta*, в названии курицы — чеш. *slépice*, в названии глаза — рус. *глаз*, в названии шерсти — рус. *шерсть*, в ряду наименований хлеба — хорв. *kruh*. Для понятия 'густой' во всех языках представлено прилагательное **gostь*, а в ст.-слав. **čęstь*; рус. *прыгнуть* выделяется на фоне общего для остальных языков **skočiti* и т. п. (здесь учитываются только данные словаря Бака).

2.2. Структура синонимических рядов (распределение синонимов по языкам). При наличии разных языковых единиц в славянских языках для обозначения одного и того же денотата мы можем видеть их распределение по языкам и разного типа ареальные противопоставления, например, противопоставление южнославянских и севернославянских языков или западно- и южнославянских и — восточнославянских, или какие-то более эксклюзивные соотношения, что немаловажно для изучения славянского глоттогенеза. Например, понятие 'мелкий (неглубокий)' выражается в ст.-слав., чешском, польском и русском словом **měľькь*, а в с.-х. и пол. соответственно *plitak* и *plytki*. Ср. еще ареально распределенные ряды: *oxotiti se — loviti — polovač, čěliti — lěčiti — goiti, dver' — vrata, okno — prozor, žito — obilí — zbože — chleb* и т. п.

Можно привести еще некоторые регулярные соответствия между славянскими языками в распределении синонимов типа *бежать* и *течь*, *класть* и *ставить*, *конец* и *край*, *слышать* и *чують* (**čuti*), *сыпать* и *лить*, *жечь* и *палить* и т. п. Анализом синонимических рядов сербскохорватской лексики на общеславянском фоне успешно занимается Е. И. Якушкина (Якушкина 2020).

В принципе ту же и гораздо более точную географическую информацию можно получить из «Общеславянского лингвистического атласа» (его лексической серии), но этот источник, с одной стороны, гораздо уже и избирательнее по охвату тематических полей, а, с другой, наоборот, он гораздо богаче, т. к. включает не только литературные, но и (прежде всего) диалектные свидетельства. Например, на карте L 1918 (ОЛА 2020) «большой (по размеру или по объему)» представлен следующий синонимический ряд: *velikъ — большой — sь-dorv-ъ — golěmъ — dužь — єdrъ — godьnъ — materъ — grubъ — obgromъ — gromadъ — tučьnъ — grqzьnъ — orst-ľь — tьlstъ — krupьnъ — dьlgъ — nagľь*, тогда как в словаре Бака мы находим для этого понятия несравненно более скромный лексический ряд: для сравниваемых языков на фоне единой лексемы **velikъ* выделяется только рус. *большой*.

Многие синонимические ряды из словаря Бака отличаются полным несходством по языкам, что означает, что соответствующие реалии или понятия в них получили свою номинацию сравнительно поздно: *zapalka — žigica — sirka — šibica — спичка или kartofel — bulba — krompir — ziemniak*³.

³ Здесь нельзя не вспомнить известную работу А. В. Исаченко по лексической типологии славянских литературных языков, сравнивающую названия новых (или новопоиме-

2.3. Тематическая группировка синонимических рядов. Такие разнородные ряды характерны для номинации разных понятийных категорий: общие понятия

věšť — stvar — věc — rzecz — вещь, дело
odežda — riza — ruho — haljine — šaty — oděv — suknie — platje
skot — stoka — dobytek — bydlo⁴
семья — rodina, obitelj — porodica, dom
ткань — platъ — sukno — rǫbъ — čoha — latak, látka — chusta — материя

конкретные понятия

источникъ — ключъ — извор, колодец, студенец — pramen — źródło — родник
trup — tělo, navъ — leš — mrtvac, mrtvola — ciało

действия

tvoriti, dělati — činiti, raditi — praviti — robiti
tiskati — žeti — gnesti — tlačiti — daviti'
jęti — xvatiti — grabiti — xytiti — xopiti
plъziti, (prě)smykati sę — puzati, gmizati, plaziti se — lézti — pełzać, czołgać się — пресмыкаться, ползать.

признаки

debelъ — debeo — tłusty — gruby — толстый; skorъ — brz — hitar — rychlý — prędki — szybki — быстрый, скорый, шибкий;

отвлеченные понятия

ст.-слав. *образъ* — с.-х. *oblik, lik* — чеш. *podoba, tvar* — пол. *kształt, postać* — рус. *образ, вид.*

Анализ таких синонимических рядов представляет интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, существенно то, к каким именно тематическим сферам такие разнородные ряды относятся (например, в большей степени к абстрактным и общим понятиям, в меньшей степени — к конкретным реалиям и каким именно). Во-вторых, такие ряды демонстрируют разные мотивационные модели и способы номинации одних и тех же внеязыковых сущностей, что важно как в когнитивном и этнолингвистическом плане, так и с точки зрения лексической типологии. В-третьих, важно то, как эти синонимы соотносятся семантически, географически, хронологически (исторически), как они связаны с этнокультурными представлениями. В свое время Н. И. Толстой показал, что на основании анализа названий годовых сезонов в разных славянских языках и семантики соответствующих слов (единые для всех языков номинации для зимы и лета и разные

нованных) реалий в славянских языках, таких как *перо, ручка, карандаш, железная дорога, картофель, сетчатка глаза* и др. (Исаченко 1958). К сожалению, это направление не получило продолжения в славистике.

⁴ Здесь можно было бы добавить в.-слав. *худоба* — *товар* — бел. *жывёла* — серб. *марва, благо* — пол. *inwentarz* и др.

для весны и осени) реконструируются древние представления о членении года на два (зима — лето), а не четыре сезона (Толстой 2003).

Здесь можно вспомнить еще пример Бенвениста: славянские (особенно русские) названия свиньи и поросенка, восходящие к двум и.-е. названиям свиньи (**su-* и **porc-*), идеально отражают их исконную семантику: ‘взрослое животное’ и ‘молодое животное’ (тогда как на материале многих других индоевропейских языков делались предположения о другом их семантическом соотношении, а именно: ‘домашняя свинья’ и ‘дикая свинья’) (Бенвенист 1995).

Очевидно, что даже тот ограниченный материал синонимии славянских языков, который содержится в словаре К. Д. Бака, может быть предметом специального семантического, словообразовательного, этимологического, исторического и этнолингвистического исследования. Например, названия ткацкого стана, разные в разных языках, указывают не только на одновременность возникновения соответствующих орудий и их номинаций, но и их разные источники и мотивационные модели: *postavъ — krosna — stan — razboj — stav — warsztat — stanok*; ср. также названия производственных действий: *krasiti — bojadisati — farbati — barwiti* и т. д. Семантический ряд названий беременной женщины: *беременная — neprazna — trudna — bređa — noseća — téhotná, březi* дает возможность наблюдений над вторичной, (в основном эвфемистической) номинацией. Потенциал таких семантических рядов значительно возрастет в связи с подключением данных из остальных славянских языков и тем более диалектов. Очевидно, что привлечение лексического материала всех славянских языков не только дополнит, но и скорректирует картину славянских синонимов.

3. Аспекты и перспективы изучения синонимических рядов в праславянской лексике

Анализ синонимических рядов (пра)славянской лексики по материалам ЭССЯ дает возможность реконструировать характерные для языковой номинации каждой сферы действительности мотивационные модели и релевантные признаки, положенные в основу номинации. Приведу примеры некоторых синонимических рядов, которыми мне приходилось заниматься подробнее; в них учтены данные большинства славянских языков и частично диалектов.

3.1. Синонимический ряд глаголов речи, включает следующие лексемы: **govoriti*, **kazati*, **rekti*, **mъlviti*, **povedati* / **poveděti*, **praviti*, **golgolati*, **velěti*, **besědovati*, **dumati*, **sъbъrati* / **sъbirati*, словац. *vrvaviet*. В каждом славянском языке может быть выделено несколько «основных» глаголов, которые своей частотностью, синтаксической поливалентностью, полифункциональностью и полисемантической резко контрастируют с остальными единицами словаря *dicendi*, отличающимися несравненно меньшей частотой, более специализированными значениями и закрепленностью

за ограниченным кругом речевых ситуаций и контекстов (ср., например, значения и узус рус. *молвить, гласить, заявлять, бубнить, шептать* и т. п.). Этимологический анализ позволяет выявить в этом ряду глаголов следующие мотивационные модели номинации: 1) ‘шуметь, издавать звук’ → ‘говорить’ (**govoriti*, **mъlviti*, **golgolati*, словац. *vrviet* ‘говорить’ [Králik 2015: 669]); 2) ‘указывать, узнавать, помечать’ → ‘говорить’ (**kazati*, **povedati*); 3) ‘брать, собирать’ → ‘понимать, читать’ → ‘говорить’ (макед. *збор, зборувам* от **съbъrati*); 4) ‘делать’ → ‘говорить’ (**praviti*); 5) ‘сидеть, общаться’ → ‘говорить’ (**besédovati*); 6) ‘думать’ → ‘говорить’ (болг. *дума* ‘слово’, диал. *думам* ‘говорю’ (БЕР I: 446)); 7) ‘хотеть, изъявлять волю, желание’ → ‘говорить’ (**velěti*). Показательно, что большинство этих глаголов являются деноминативами, и, следовательно, столь важное отличительное свойство человека, как способность говорить и сама «деятельность» говорения, не имели в праславянском собственного обозначения, кроме **rekti*. Подробнее см. (Толстая 2019: 191–215).

3.2. Синонимический ряд для понятия «любить» и «любовь» включает основные лексемы (гнезда) с этим значением: **l'ub-* (рус. *любить, любовь*), **mil-* (польск. *miłość*), **lask-* (чеш. *láska*), **kox-* (польск. *kochać*), **vol-* (с.-х. *волети*) и **vyk-* (болг. *обич* < **ob-vyk*), а также, во вторую очередь: **dorg-* (болг. *драгувам* ‘любить’), **drug-* (рус. диал. *дружник* ‘любовник’), **xot-* (рус. *похоть*), **gal-* (болг. *галя* ‘любить’), **god-* (с.-х. *годити* ‘нравиться’, рус. *угодный*), **norv-* (рус. *нравиться*), *(*po*)*dob-* (польск. *podobać się*), **prijat-* (рус. новг. *приятка* ‘возлюбленный, возлюбленная’), **žal-* (рус. диал. *жалеть* ‘любить’). Этимологический и семантический анализ этого ряда номинаций позволяет выделить ключевые для данного семантического поля смыслы (мотивы) — желания, хотения (**xotěti*, **volěti*, **želati*, **želěti*); заботы, опеки (**l'ub-*, **mil-*, **kox-*), физического контакта как способа выражения чувства (**kox-*, **lask-*, **l'ub-*), сострадания, жалости (**mil-*, **žal-*), привычки, обычая, нрава (**ob-vyk-*, **norv-*), радости и удовольствия (**l'ub-*, **dorg-*, **kox-*) Подробнее см. (Толстая 2019: 216–238).

3.3. Синонимический ряд глаголов со значением ‘искать’ в славянских языках включает гнезда: **ъsk-* (ст.-слав., др.-рус. *искати*, рус. *искать*, с.-х. *искаѣти*, словен. *iskati*), **šuk-* (польск. *szukać*, укр. *шукати*, белор. *шукать*), **ględ-* (чеш. *hledat*, словац. *hľadať*), **trag-* (с.-х. *ѣтражѣти*), **irs-* (болг. *търся*), **bar-* (болг. *барам*, макед. *бара*), **dъr-* (болг. *дуря*, серб. *дирати*), **sok-/sak-* (макед. *сака*, болг. *сакам*, с.-х. *сочѣти*, укр. *сочити*, белор. *сачыць*, рус. диал. *сачить, сочить*). Для того чтобы понять логику этих номинаций и их мотивировок, необходимо обратиться к исходной ситуации поиска и способам ее категоризации. К числу наиболее релевантных признаков относятся: состояние субъекта поиска, его желание, стремление, намерение (ср. болг. *искам* ‘хотеть’), потребность найти что-то или кого-то; характер объекта поиска (конкретный, известный предмет или неопределенный, т. е. объект выбора); характер самого предиката (действие или состояние; дей-

стве, производимое руками, ногами, глазами, ср. чеш. *hledat*, словац. *hl'adat* в значении 'искать' и т. п.). Подробнее см. (Толстая 2019: 153–172; ЕВРика 2018).

3.4. Лексическое поле пищи включает следующие основные группы (гнезда) праславянских имен и глаголов: **ed-* (*еда, есть*), **kъrm-* (*корм, кормить*), **pit-* (*питать, пища*), **trav-* (польск. *strawa*), **syť-* (*сытый, насыщать*), **xorn-* (юж.-слав. *храна, храниѣи*, кашуб. *xarna*), **živ-* (польск. *pożywienie*, чеш. *živit*), **sil-* (польск. *posilek*), **krěp-* (польск. *krzepić*). Эта разнородность означает, что соответствующие номинации сложились не в праславянском, а в отдельных славянских языках, и довольно поздно, хотя использовались при этом лексические ресурсы очень древние — праславянские и индоевропейские. Кроме этих основных номинаций в славянских языках и диалектах существуют и другие лексические единицы с общим значением 'кормить(ся)' и 'питать(ся)', у которых пищевые значения находятся на периферии их семантических спектров. Таковы, например, **pasti*, **godovati*, **xovati*, **bergti*, **stergti*, **gojiti*.

Семантический спектр этого поля, помимо собственно пищевых значений, включает продукты регулярных семантических моделей: каузативы со значением 'давать пищу' (**kъrmiti*, **xorniti*, производные от соответствующих имен со значением 'еда, пища'); 'держат, содержать, разводить скот' (**xovati*, **pasti*, **godovati*, а также **bergti*, **stergti*); 'делать сытым, насыщать' (глаголы, производные от причастных форм **syťь*, **pitь*); 'каузировать жизнь, наделять жизнью, жизненными силами' (дериваты именных основ **živ-*, **sil-*, **krěp-*). Эта лексика обнаруживает устойчивую семантическую связь кормления с мотивами содержания, заботы, защиты, сохранения, наблюдения, ухода, лечения, воспитания, возвращения и т. п. Подробнее см. (Толстая 2019: 239–261).

3.5. Синонимический ряд со значением 'ошибка', 'ошибаться' включает гнезда: **blazn-* (ст.-слав. *блaзнъ, блaзна*), **blęd-* (польск. *blęd*), **grěx-* (юж.-слав. *грѣшка*), **хуб-* (чеш. *chyba*, укр. *хиба*), **мах-* (рус. *промах*, серб. *йромашиѣи*), **myl-* (польск. *omyłka, potyłka*, чеш., словац. *omyl*), **šib-* (рус. *ошибка, ошибаться*). Одни из этих номинаций могут быть отнесены к общеславянскому лексическому фонду (таковы **grěx-*, **blęd-*, **blazn-*), другие характерны для одной группы языков (как зап.-слав. **myl-*), третьи ограничены рамками одного языка (рус. *ошибка*). Большая часть перечисленных этимологических гнезд имеет широкий спектр значений, причем семантика ошибки, как правило, не является для них главной, а может быть вполне периферийной. Совокупное семантическое пространство, очерчиваемое лексикой ошибок, оказывается чрезвычайно широким, но в нем отчетливо выделяются повторяющиеся мотивы, внутренне связанные с понятием ошибки и определяющие типы ошибок (потеря направления, непопадание в цель, колебание), причины совершения ошибки (помрачение сознания, воздействие на субъекта внешних сил, обман, соблазн), последствия ошиб-

ки для объекта действия (недостаток, ущерб) и для самого субъекта (вина, преступление). Повторяемость этих мотивов в разных гнездах свидетельствует об их внутренней связи на концептуальном уровне, на уровне понятий и представлений о мире и человеке, традиционной системы ценностей и нормативов поведения. Подробнее см. (Толстая 2019: 261–288).

3.6. Если далее рассмотреть семантические спектры каждого из перечисленных гнезд, то мы получим представление о том, как членится и концептуализируется соответствующее смысловое пространство лексическими средствами разных славянских языков, какие признаки обозначаемых реальных ситуаций становятся релевантными для языковой номинации (каковы «параметры вариативности») и как соотносятся между собой разные единицы общеславянского лексикона (разные члены межславянского синонимического ряда).

Как и в лексической системе одного языка, в общеславянском лексиконе существуют многозначные слова, разные значения которых могут входить в состав разных синонимических рядов, образуя своего рода синонимическую сеть. Например, глагол **xorniti* может быть членом следующих синонимических рядов: 1) со значением ‘хоронить, погребать’ (**xorniti — *xovati — *grebti — *kopati — *klasti — *prętati — *gojiti — *kojiti — *ryti — *valiti*), 2) со значением ‘кормить, содержать’ (**xorniiti — *krmiti — *xovati — *gojiti — *pasti, —*bergti*) и 3) со значением ‘сохранять, беречь’ (**xorniti — *pasti — *prętati — *bergti*). Совокупное семантическое пространство этих рядов оказывается очень широким, и некоторые его звенья как будто не имеют между собой никаких смысловых связей, например, значения ‘хоронить’ и ‘кормить’ у глагола **xorniti* (ср. рус. *хоронить, похороны* и серб. *хранити, храна*). Однако анализ этих рядов показывает, что подобные связи можно считать закономерными и мотивированными метонимическими отношениями между обозначаемыми ситуациями. Если в гнезде **xorniti* пищевые значения непосредственно связываются с семантикой защиты (и далее сохранения, сбережения) через идею, так сказать, каузации жизни, то в гнезде **xovati* эти два смысла (‘пища’ и ‘защита’) соединяются в значении ‘пасти скот, кормить его, выхаживать’, и далее ‘растить, разводить’. Устойчивость этой связи подтверждает семантический спектр глагола **pasti*, в котором при основном значении ‘пасти, кормить (скот)’ широко распространено значение ‘хранить, охранять, спасать’. Что же касается семантики погребения, то она, как кажется, представляет собой продукт семантической деривации на основе значения ‘прятать, укрывать’, органически вписывающегося в семантическую структуру гнезд **xorniti* и **xovati* и связанного с доминантным понятием защиты. Для **prętati* маргинальное значение ‘хоронить’ продолжает его главное значение ‘убирать, скрывать, отправлять’. Подробнее см. (Толстая 2019: 41–61).

3.7. Еще один аспект проблемы праславянской синонимии связан с явлением семантического параллелизма, или системной (гнездовой) синони-

мии, когда некоторые лексемы (или гнезда) вступают в синонимические отношения не в отдельных своих значениях, а сразу в нескольких (или даже во всех) своих значениях (как **xorniti* и **xovati* в предыдущем примере). Параллелизм праславянских гнезд **kras-* и **květ-* обнаруживается при последовательном сравнении их семантических спектров в разных языках. Выделяются четыре группы значений (ситуаций, денотативных сфер), в которых члены обоих гнезд используются для номинации одних и тех же явлений или объектов реального мира. К таким общим сферам относятся: 1) вегетация растений (ср. рус. *цвет, цвести*, серб. *цвети, цвасићи*, пол. *kwiat, kwitnąć* и бел. *краса, краска* ‘цветение злаковых растений, садов’); 2) физиология человека (ср. в значении ‘кровь’: рус. диал. *краска* и *цвет*, в значении ‘румянец’, ‘здоровый цвет лица’: рус. *краски*, укр. карпат. *цвет*, в значении ‘менструация’, рус. диал. *краска* ‘то же’, серб. *женски цвети, месечни цвети* и т. п.); 3) свадьба (рус. *краса, красота* ‘лента, символ девичества’, укр. *квітка* ‘веночек просватанной девушки’, пол. *panienski kwiatek* ‘девичество’); 4) свет и цвет (рус. диал. *красный* ‘ясный, солнечный’, серб. *цвети* ‘пламя свечи’ и т. п.).

Столь же отчетливый параллелизм обнаруживают гнезда **glux-* и **slěp-*, синонимия которых (ср. *слепая улица, глухой забор* и т. п.) основывается на семантике закрытия, преграждения пути. О явлении семантического параллелизма см. подробнее (Толстая 2008: 99–172).

Явление семантического параллелизма не позволяет исследователю ограничиться сугубо денотативным (ономасиологическим) аспектом синонимии, выбираемом при типологическом взгляде на вещи, поскольку для многозначных лексических единиц синонимические отношения оказываются неотделимыми от явления многозначности и задачи семантической реконструкции, т. е. этимологического взгляда на вещи. Попытку согласовать эти два подхода (типологический и семантический) более полувека тому назад предпринял Н. И. Толстой, предложивший для типологического изучения славянской лексики метод анализа семантических микрополей, выделяемых не на логико-понятийном основании, а на основании семантического спектра «опорного» слова семантического микрополя. Например, лексема **godina* служит опорной лексемой для семантического микрополя, в которое входят понятия (смыслы, семантические единицы) ‘дождь’, ‘время’, ‘погода’, ‘год’, ‘час’, выражаемые также другими лексемами, которые тем самым вступают в синонимические отношения с лексемой **godina*, а нередко и с другими лексемами этого поля (Толстой 1997).

4. Заключение

Таким образом, проблема синонимии праславянской лексики имеет несколько автономных аспектов — теоретический (понятие синонимии и синонимического ряда применительно к реконструированному праславянскому языку, методика выявления и анализа синонимических рядов,

типы синонимических рядов, соотношение синонимии и многозначности, типологическая верификация синонимических отношений и др.) и практический (создание разного объема и назначения синонимических словарей славянских языков). Мне кажутся насущно необходимыми для дальнейших этимологических и этнолингвистических исследований общеславянской лексики два типа межъязыковых синонимических словарей славянской лексики: один, ориентированный на этимологические задачи и отражающий синонимию реконструируемого праславянского языка, и другой — элементарный синонимический словарь общеславянской лексики, ориентированный на типологические задачи (в духе упоминавшейся работы Исаченко по лексической типологии). И тот и другой словарь не только имели бы практическое значение в качестве источников, но и открывали бы большие возможности для постановки и решения теоретических вопросов славянской лексикологии. Эти два аспекта — этимологический и типологический — тесно связаны друг с другом. Еще раз сошлюсь на О. Н. Трубачева: «...этимология и связанная с ней реконструкция древнего значения важна не только сама по себе и для себя, но и для полного адекватного анализа современного значения слова, и это отражает интереснейшую, еще недостаточно исследованную сторону языка, когда древние связи происхождения, забываемые в коммуникации, латентно живут и периодически маркируются в словоупотреблении, в разных стилях речи» (Трубачев 2004: 118). Можно добавить, что в синонимических рядах праславянской лексики заключен огромный потенциал для выявления этих древних связей и их семантической и типологической интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист Э. «Лексическая оппозиция *sus* : *rogus* и ее пересмотр». Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва, 1995: 38–44.
- БЕР — Български этимологичен речник. София, 1971–. Т. 1–.
- Гринченко Б. Л. (ред.). *Словарь украинского языка*. Т. 1–4. Киев, 1907–1909.
- ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Москва: Лабиринт, 2018.
- Журавлев А. Ф. *Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства*. Москва: Индрик, 1994.
- Журавлев А. Ф. «Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики». *Очерки истории культуры славян*. Москва: Индрик, 1996: 116–144. [То же в кн.: Журавлев А. Ф. *Эволюции смыслов*. Москва: Языки славянских культур, 2016: 39–64].
- Журавлев А. Ф. «К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении)». *Проблемы славянского языковедения. Три доклада к XII Международному съезду славистов*. Москва: Институт славяноведения, 1998: 71–87. [То же в кн.: Журавлев А. Ф. *Эволюции смыслов*. Москва: Языки славянских культур, 2016: 85–95].
- Журавлев А. Ф. «Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики». *Славянское и балканское языковедение. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры*. Москва: Индрик, 1999: 7–32. [То же в кн.: Журавлев А. Ф. *Эволюции смыслов*. Москва: Языки славянских культур, 2016: 65–83].
- Исаченко А. В. «К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков». *Slavia* 27/3 (1958): 334–352.

- Калашников А. А. «Из истории славянских синонимов». *Этимология. 1991–1993*. Москва: Наука, 1994: 79–88.
- Меркулова И. А. *Лексическая нуклеология славянских языков*. Дисс. докт. филол. наук. 2017 г. ОЛА — *Общеславянский лингвистический атлас*. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 12. Личные черты человека. Москва — Санкт-Петербург, 2020.
- Рахилина Е. В., Плунгян В. А. «О лексико-семантической типологии». Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). *Aquamotion. Глаголы движения в воде: Лексическая типология*. Москва: Индрик, 2007: 5–26.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Москва — Ленинград, 1965–. Вып. 1–.
- Тер-Аванесова А. В. «Плыть и глаголы плавания в архангельских говорах». *Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева*. Москва: Индрик, 2011: 337–341.
- Толстая С. М. *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Москва: Индрик, 2008.
- Толстая С. М. *Мир человека в зеркале языка*. Москва: Индрик, 2019.
- Толстой Н. И. «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I–II». Толстой Н. И. *Избранные труды*. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. Москва: Языки русской культуры, 1997: 44–100.
- Толстой Н. И. «Времени магический круг (по представлениям славян)». Толстой Н. И. *Очерки славянского язычества*. Москва: Индрик, 2003: 27–36.
- Трубачев О. Н. «Реконструкция слов и их значений». Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 1. Москва: Языки славянских культур, 2004: 107–122. (первая публикация: *Вопросы языкознания* 3 (1980)).
- Трубачев О. Н. «О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология». Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 1. Москва: Языки славянских культур, 2004: 441–452.
- Якушкина Е. И. *Сербскохорватская лексика в общеславянском контексте*. Дисс. докт. филол. наук. Москва: МГУ, 2020.
- Buck C. D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago — London, 1949.
- Kopečný F. *Základní všeslovanská slovní zásoba*. Praha: ACADEMIA, 1981.
- Králik L'. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava, 2015.

REFERENCES

- Benvenist E. «Leksicheskaya oppozitsiya sus : porcus i ee peresmotr». Benvenist E. *Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov*. Moskva, 1995: 38–44.
- BER — *B'lgarski etimologichen rechnik*. Sofiya, 1971–. Т. 1–.
- Buck C. D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago — London, 1949.
- EVRika! Sbornik statej o poiskah i nahodkah k jubileju E. V. Rahilinoj*. Moskva: Labirint, 2018.
- Grinchenko B. L. (red.). *Slovar' ukraïnskogo yazyka*. Т. 1–4. Kiev, 1907–1909.
- Isachenko A. V. «K voprosu o strukturnoj tipologii slovarnogo sostava slavyanskikh yazykov». *Slavia* 27/3 (1958): 334–352.
- Kalashnikov A. A. «Iz istorii slavyanskikh sinonimov». *Etimologiya. 1991–1993*. Moskva: Nauka, 1994: 79–88.
- Kopečný F. *Základní všeslovanská slovní zásoba*. Praha: ACADEMIA, 1981.
- Králik L'. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava, 2015.
- Merkulova I. A. *Leksicheskaya nukleologiya slavyanskikh yazykov*. Diss. dokt. filol. nauk. 2017 g. OLA — *Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas*. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya. Vyp. 12. Lichnye cherty cheloveka. Moskva — Sankt-Peterburg, 2020.
- Rahilina E. V., Plungyan V. A. «O leksiko-semanticheskoy tipologii». Majsak T. A., Rahilina E. V. (red.). *Aquamotion. Glagoly dvizheniya v vode: Leksicheskaya tipologiya*. Moskva: Indrik, 2007: 5–26.
- SRNG — *Slovar' russkikh narodnyh govorov*. Moskva — Leningrad, 1965–. Vyp. 1–.

- Ter-Avanesova A. V. «Plyt' i glagoly plavanija v arhangel'skih govorah». *Slova. Koncepty. Mify. K 60-letiju A. F. Zhuravleva*. Moskva: Indrik, 2011: 337–341.
- Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksichesкая semantika v obshchесlavjanskoj perspektive*. Moskva: Indrik, 2008.
- Tolstaya S. M. *Mir cheloveka v zerkaleazyka*. Moskva: Indrik, 2019.
- Tolstoj N. I. «Iz opytov tipologicheskogo issledovaniya slavyanskogo slovarnogo sostava. I–II». Tolstoj N. I. *Izbrannye trudy*. T. I. Slavyanskaya leksikologiya i semasiologiya. Moskva: YAzyki russskoj kul'tury, 1997: 44–100.
- Tolstoj N. I. «Vremeni magicheskij krug (po predstavlenijam slavyan)». Tolstoj N. I. *Ocherki slavyanskogo yazychestva*. Moskva: Indrik, 2003: 27–36.
- Trubachev O. N. «Rekonstrukcija slov i ih znachenij». Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istorija. Kul'tura*. T. 1. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2004: 107–122. (pervaya publikacija: *Voprosy yazykoznanija* 3 (1980)).
- Trubachev O. N. «O semanticheskoi teorii v etimologicheskom slovare. Problema omonimov podlinnyh i lozhnyh i semanticheskaya tipologiya». Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istorija. Kul'tura*. T. 1. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2004: 441–452.
- Zhuravlev A. F. *Leksiko-statisticheskoe modelirovanie sistemy slavyanskogo yazykovogo rodstva*. Moskva: Indrik, 1994.
- Zhuravlev A. F. «Material'naya kul'tura drevnih slavyan po dannym praslavyanskoi leksiki». *Ocherki istorii kul'tury slavyan*. Moskva: Indrik, 1996: 116–144. [To zhe v kn.: Zhuravlev A. F. *Evolucii smyslov*. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2016: 39–64].
- Zhuravlev A. F. «K rekonstrukcii drevneslavjanskogo mirovideniya (o kategorijah “doli” i “mery” v ih yazykovom i kul'turnom vyrazhenii)». *Problemy slavyanskogo yazykoznanija. Tri doklada k XII Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov*. Moskva: Institut slavyanovedeniya, 1998: 71–87. [To zhe v kn.: Zhuravlev A. F. *Evolucii smyslov*. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2016: 85–95].
- Zhuravlev A. F. «Drevneslavjanskaya fundamental'naya aksiologiya v zerkale praslavyanskoi leksiki». *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kul'tury*. Moskva: Indrik, 1999: 7–32. [To zhe v kn.: Zhuravlev A. F. *Evolucii smyslov*. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2016: 65–83].
- Yakushkina E. I. *Serbskohorvatskaya leksika v obshchесlavjanskom kontekste*. Diss. dokt. filol. nauk. Moskva: MGU, 2020.

Светлана Толстој

ПРОБЛЕМ СИНОНИМИЈЕ У ПРАСЛОВЕНСКОЈ ЛЕКСИЦИ

Резиме

Чланак је посвећен теоријским и практичним питањима проучавања синонимије прасловенске лексике, реконструисане у „Етимолошком речнику словенских језика“. Познати речник изабраних индоевропских синонима К. Д. Бака садржи непотпун материјал о словенским језицима (заступљени су тек поједини језици и то само у својој књижевној варијанти), али чак и он даје могућност да се дође до одређених закључака о појави синонима у словенским језицима. У чланку су на неколиким примерима (синонимски нивои глагола говорења, лексика са значењем „воleti, љубав“, „тражити“, „хранити“, „грешка, грешити“) представљене могуће интерпретације синонимских нивоа уз употребу појмова и поступака савремене семантике и семантичке реконструкције.

Кључне речи: словенски језици, прасловенски језик, лексика, семантика, синонимија, семантичка реконструкција, етимологија, етимолошко гнездо, лексичка типологија.

Борис Успенский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва
borisusp@gmail.com

Boris Uspensky

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow
borisusp@gmail.com

СЛОВО *ЦАРЬ* В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

THE WORD *CAR'* IN THE HISTORY OF RUSSIAN LANGUAGE

Слово *царь* впервые появляется в русском языке в результате фонетических изменений, вызванных потерей еров (редуцированных гласных). Однако только в XV веке это слово узаконивается в русском литературном (церковнославянском) языке. Утверждается, что его узаконение в церковнославянском языке было вызвано вторым южнославянским влиянием.

Ключевые слова: русский литературный язык, церковнославянский язык, утра-та еров, второе южнославянское влияние, церковное пение.

The word *car'* appears first in the Russian vernacular language as a result of the phonetic changes produced by the loss of the *jers* (reduced vowels). However it is only in the XVth century that this word becomes legitimized in the Russian literary (Church Slavonic) language. It is argued that its legitimization in Church Slavonic was prompted by the Second South Slavic influence.

Keywords: Russian literary language, Church Slavonic, loss of the *jers*, Second South Slavic influence, Church singing.

В рассуждении титула русские думают, что слово *царь*, употребляемое русскими государями, важнее всех титулов на свете. Императора Римского они именуют *цесарем*, производя это имя от Цезаря; прочих же государей *королями*, подражая полякам; владельца персидского называют *кизель баша*, а турецкого *великий господарь Турский*, т. е. великий господин Турецкий. Слово *царь*, по их мнению, находится в Св. Писании, где Давид, Соломон и другие государи названы: царь Давид, царь Соломон. Посему они говорят, что имя

царя, которым Богу удобно было некогда почтить Давида, Соломона и других властителей иудейских и израильских, гораздо более прилично государю, нежели слово *цесарь* и *король*, изобретенное человеком и присвоенное, по их мнению, каким-нибудь завоевателем.

(Записки капитана Маржерета, 1607 г.)

1. Когда и как в восточнославянской письменности появляется слово *царь*? Древнейшие памятники письменности не знают подобной формы: в них представлены слова *цѣсарь*, *цесарь*, *цьсарь*, которые выступают как наименование Царя Небесного, библейских правителей и императора. После татаро-монгольского нашествия эти наименования распространяются на ханов Золотой Орды и их наследников, которых начинают называть так же, как называли византийского императора. В дальнейшем все эти значения переносятся на форму *царь*, и со временем это слово становится наименованием русского монарха: оно входит в великокняжеский, а затем в царский и императорский титул. Называя себя царем, русский великий князь в первую очередь ориентировался на наименование татарского хана¹; в дальнейшем — после венчания на царство Ивана IV в 1547 г. — эта ориентация сменяется ориентацией на византийского императора (см. подробнее: Чернявский 2002: 455; Успенский 2000: 35)².

2. В славянских рукописях формы *цѣсарь*-, *цесарь*-, *цьсарь*-, так же как и сменившая их форма *царь*-, как правило, пишутся под титулом: *цѣр* или *цѣр*-. Это обстоятельство существенно затрудняет исследование эволюции этих форм. В некоторых рукописях эти слова вообще не раскрываются; из старославянских памятников к таким рукописям относятся Синайский евхоло-

¹ Слово *царь* появляется в великокняжеском титуле вскоре после освобождения от татарского господства (1480 г.), причем — показательным образом! — в сношениях с Востоком: Иван III называет себя *царем всея Руси* в посланиях в Крым 1484–1487 гг. (Сб. РИО, XLI, №№ 10, 12, 19, с. 41, 45, 71). Эти послания обращены не к самому крымскому хану, а к его подданным или вассалам; можно предположить, что русский великий князь пользуется в этих случаях языком, знакомым его адресатам, т. е. уподобляется татарскому хану.

Впоследствии Иван IV говорит о *Российском царстве* в том же смысле, в каком он говорит о *царстве Казанском* и *царстве Астраханском*. Так, например, его послание в Швецию 1573 г. заканчивается словами: «Писано [...] лѣта 7081-го [...], государствя нашего 40-го, а царств наших Россіского 26-го, Казанского 21-го, Астороханского 18-го» (РИБ, XXII, стлб. 52, № V); аналогичным образом заканчиваются и другие его послания. *Государем Иван IV* стал после смерти своего отца (1533 г.), *царем Российским* — после венчания на царство (1547 г.), *царем Казанским* — после завоевания Казани (1552 г.), *царем Астраханским* — после победы над Астраханью (1555 г.); Российское, Казанское и Астраханское царства выступают здесь на равных правах. При Борисе Годунове к наименованиям *царь Казанский* и *царь Астраханский* прибавляется *царь Сибирский*. После завоевания Крымского ханства (1783 г.) император именуется *царем Херсониса Таврического*; слово *царь*, отвечающее традиционному наименованию крымского хана, сочетается с грецизированной формой *Херсонис* и таким образом вводится в византийский культурный контекст (см.: Успенский 2000: 49–51).

² Особый нюанс этому восприятию придавало то обстоятельство, что Византийской империи к тому времени давно уже не существовало; тем самым русские ориентировались не на реально существующую традицию, но на свое представление о императорской власти.

гий, Саввина книга и Енинский апостол. Вместе с тем в ряде древнейших рукописях — как старославянских, так и русских — наряду с сокращенной формой, можно встретить и полное написание соответствующих слов, которое позволяет судить о том, что скрывается за формой, написанной под титлом. В старославянских рукописях это сокращение, как правило, раскрывается как *цѣсарь*-. Особенно информативна в этом плане старославянская (древнеболгарская) Супрасльская рукопись, в которой форма *цѣсарь*- в преобладающем большинстве случаев представлена в полном (не подтитльном) написании (см.: Мейер 1935: 284)³. Случаи такого написания наблюдаются и в других старославянских памятниках: в Киев. листках (л. 4об. bis), в Мариинском ев. (с. 31, 125, 129, 189, 192, 234, 248, 255, 293, 294, 303), в Зографском ев. (л. 175об.), в Ватиканском ев. (с. 204, 205 bis, 209), в Синайской пс. (л. 93об.), в Клоцове сб. (лл. 3об., 11 quater, 11об., 12об. bis), в Праж. листках (лл. 1, 2, 2об.)⁴.

Старославянское *цѣсарь* по своему происхождению представляет собой заимствование из готского *kaisar* ‘император’ или же из латинского *Caesar* (Фасмер IV: 290–291; Мошинский 1971: 57–58); переход *k* в *c* обусловлен так называемой второй палатализацией заднеязычных согласных⁵. Предполагается, что это не может быть заимствование из греческого, поскольку греческие заимствования в славянских языках (более поздние, нежели готские) не обнаруживают эффекта второй палатализации (см.: Мошинский 1971: 57–59). Ср. в этой связи ст.-сл. *кесарь* ~ *кесарь* из ср.-греч. *καῖσαρ*, которое, как и *цѣсарь*, восходит к лат. *Caesar* (Фасмер II: 226; Фасмер 1909, 85). В отличие от слова *цѣсарь*, которое может обозначать как светского правителя (прежде всего императора), так и Христа, *кесарь* обозначает только светского правителя. Противопоставление этих слов нашло отражение в Евангелии (Ин. XIX, 15): *не имамы цѣсарѣь развѣь кесарѣь* (Супрасльская рукопись, с. 435), *не имамъ цесара тѣькмо кесара* (Мстиславово ев., л. 167г) и т. п. Слово *кесарь*, в отличие от *цѣсарь*, никогда не пишется под титлом.

3. В русских памятниках письменности XI–XIII вв. в полном (не подтитльном) написании наряду с формой *цѣсарь*- мы встречаем *цесарь*- и *цъсарь*-. Если написание *цѣсарь*- соответствует старославянскому, то *цесарь*- и *цъсарь*- представляют собой специфические русские формы. В трех древнейших памятниках русской письменности — Остромирове ев. 1056–1057 г., Изборнике 1076 г. и Архангельском ев. 1092 г. сокращенная форма *цѣ*- или *цѣр*-

³ В одном случае в Супрасльской рукописи представлена диалектная форма *цасарь*-. *цасарюу* Вос. (с. 192). Такая же форма встречается — также однажды — в болгарском Слепенском ап. XII в.: *цасарь* Gen. pl., с. 72; Евр. VII, 1). О рефлексе *ѣ* > *a* после сибилантов в древнеболгарском см.: Младенов 1979: 99.

⁴ Ср. также в Фрейз. листках: *w cesarstwo* Acc. (II, 63).

⁵ Ср. другие заимствования из готского или других германских языков с тем же эффектом: *цата*, ср. гот. *kintus*; *оцѣтъ*, ср. гот. *aket*, *akeit* (слово дошло до нас в форме род. падежа ед. числа: *aketis*, *akeitis*). Слово *цъькы* возводится к реконструируемой готской форме **kirikô* или др.-бав. *kirikô*. См.: Фасмер IV: 300; ЭССЯ III: 198; ЭССЯ XXXII: 11; Дильс I: 129 (§ 47, примеч. 6).

раскрывается только как *цѣсарь-*; никаких других огласовок эти памятники не знают (Остр. ев., лл. 17в, 18в, 18г, 63а, 94г; Изб. 1076 г., лл. 5, 114, 193, 205об.; Арх. ев., лл. 55, 62об., 63об. bis). В Изборнике 1073 г., наряду с сокращенной формой, широко представлена форма *цѣсарь-*, подобно тому как обстоит дело в Супрасльской рукописи; последовательное написание *цѣсарь-* может объясняться здесь влиянием болгарского протографа (см. данные о написании данной формы: Симеонов II: 192). В Тип. уставе XI–XII вв. в полной форме преобладает старославянское написание *цѣсарь-* (лл. 29, 35а, 36в, 36, 38, 40б, 54, 97об., 119, 120об., 121об. bis, 123, 123об.); в других случаях сокращение *цѣ-* или *цѣр-* раскрывается здесь как *цѣсарь-* (лл. 97, 101 об., 116 об.). Также в Мстиславовом ев. XII в. сокращение *цѣр-* чаще раскрывается как *цѣсарь-* (лл. 9г, 35а, 36в, 37а, 39б, 40а, 40б bis, 40в ter, 43в, 46г, 73г, 79г, 99г, 110а, 122г, 153г, 158а, 161а, 197г, 198г) и лишь спорадически мы находим *цѣсарь-* (лл. 118г, 119а, 167г). Наконец, в ряде русских памятников письменности в полном написании представлена форма *цѣсарь-*, ср. единичный пример уже в Ильиной кн. XI в.: *цѣсарѣ Вос.* (л. 11 об.; во всех других случаях соответствующие слова написаны здесь под титлом). Это самый ранний известный нам пример подобного написания. В нотном Стихираре XII в. (ГИМ, Син. 279), где вообще нет подтительных сокращений, мы встречаем все три формы полного написания, которые были указаны выше: *цѣсарь-* (лл. 15об., 16 bis, 38, 40, 44об., 78, 83об., 90об.), *цѣсарь-* (лл. 12об., 13, 14об., 15, 18об., 19, 20, 20об., 22, 24, 32об., 33, 36, 47об., 53, 56об., 57, 61, 62, 63 bis, 63об., 68об., 72об., 73об. bis, 74, 74об., 76, 77об., 78об., 80об., 90, 91об.) и *цѣсарь-* (лл. 3, 9об., 10об. bis, 56об., 83об.). Между тем, в другом нотном стихираре — Стихираре 1157 г. (ГИМ, Син. 589), где также отсутствуют сокращенные (подтительные) написания, мы находим только форму *цѣсарь-*⁶. Написание *цѣсарь-* характерно и для памятников XIII в., см., например, Троицкий кондакаръ XII (?) — XIII в. (РГБ, ф. 304.I, № 23, лл. 41, 55об., 61), Житие Нифонта XIII в. (РГБ, ф. 304.I, № 35, л. 136об., 170), упсальский фрагмент служебной Минеи второй пол. XIII в. (Стеенсланд 2013: 175).

Очевидно, что написание *цѣсарь-* отражает старославянскую (южнославянскую) орфографию, тогда как *цѣсарь-* представляет собой собственно русскую (восточнославянскую) форму. Есть все основания полагать, что написание *цѣсарь-* отражает русское книжное (церковное) произношение. Русский писец, копировавший тексты, восходящие к южнославянскому протографу, как правило, сталкивался с сокращенной формой соответствующих слов. Эти слова читались в соответствии с русской нормой церков-

⁶ Приведем полный перечень интересующих нас словоформ из Стихираря 1157 г.: *цѣсарь* Nom. sg. (лл. 138об., 164об., 173, 173об.), *цѣсаря* Gen.-Acc. sg. (лл. 35об., 37об., 56, 63об., 65об., 83об., 85, 86, 87об., 108, 121), *цѣсарю* Dat. sg. (л. 157), *цѣсареви~цѣсареви* Dat. sg. (лл. 31, 40 bis, 66об., 80, 182об.), *цѣсаремь* Abl. sg. (л. 176об.), *цѣсарю~цѣсарю* Voc. (лл. 89об., 97об., 138, 138 об.), *цѣсари* Nom. pl. (л. 63), *цѣсарѣ~цѣсарѣ* Nom. pl. (лл. 11, 87об.), *цѣсарь* Gen. pl. (л. 19), *цѣсарьмъ* Dat. pl. (л. 138об.), *цѣсаря* Acc. pl. (л. 139); *цѣсарица~цѣсарица* (лл. 11, 14, 176), *цѣсарицю* Acc. sg. (л. 160об.), *цѣсарицею* Abl. sg. (л. 174об.); *цѣсаревы* Nom sg. adj. (л. 86); *цѣсарьско~уоумоу* Dat. sg. adj. (л. 48об.), *цѣсарьскоу* Acc. sg. adj. (л. 49), *цѣсарьскы* Acc. pl. adj. (л. 138).

ного произношения, которое и обнаруживается в случайных случаях полного, а не сокращенного написания (см.: Мошинский 1971: 62). Формы цѣсар- и цесар-, судя по всему, произносились при этом одинаково: в текстах эти формы варьируются, ср. вариантные формы в Тип. уставе: цѣсарь ~ цесарь, цѣсарьству ~ цесарьству (лл. 121об., 116об.); в Мстиславовом ев.: цѣсаря ~ цесаря, цѣсарьствѣ ~ цесарьствѣ (лл. 99г, 119а); в Стихираре (ГИМ, Син. 279): цѣсаря ~ цесаря (лл. 38, 62). Вообще русское церковное (книжное) чтение *ѣ* и *ѣ* в древнейший период, по-видимому, не различалось по качеству гласного: слоги с этими буквами были противопоставлены по твердости-мягкости предшествующего согласного⁷. Это противопоставление нейтрализовалось после согласных, фонетически не варьирующихся по твердости-мягкости, в частности, после согласного, обозначаемого буквой *ц* (см.: Успенский 2002: 166–167 (§ 7.8); Живов 2017: 724).

Можно предположить, вместе с тем, что форма *цсар-* произносилась таким же образом, как *цесар-*. В самом деле, в русском книжном произношении X–XII вв. буква *ь* («ерь») читалась так же, как буква *є* («есть») (см.: Успенский 1997: 145–162), и таким образом формы *цѣсар-*, *цесар-*, *цсар-*, по-видимому, не различались в церковном чтении. Ср. вариантные формы в Стихираре (ГИМ, Син. 279): *цесарица* ~ *цъсарица* (лл. 63, 9об.).

Так обстояло дело в книжной традиции. Вместе с тем, в разговорном языке форма *цъсар-* произносилась с редуцированным гласным: после падения редуцированных этот звук исчезает, образуя форму *цар-*. Таким образом, русское *цар-* представляет собой результат падения редуцированных с последующей ассимиляцией согласных. Форма *цъсар-*, как мы видели, засвидетельствована в русских книжных (церковнославянских) памятниках; в разговорной речи соответствующая форма была подвержена процессам фонетической эволюции.

Иная картина представлена у южных славян. Здесь достаточно рано наблюдается форма *цар-*, притом что форма *цъсар-* в южнославянской письменности не засвидетельствована; она восстанавливается из южнославянской формы *цар-* по аналогии с тем, как обстояло дело в восточнославянских языках. Следует полагать, таким образом, что в южнославянских языках в свое время была форма **цъсар-*, аналогичная той, которая зафиксирована в древнейших памятниках русской письменности. Несомненно, она восходит к старославянской форме *цѣсар-*, хотя механизм этого перехода остается неясным⁸.

⁷ Характерным образом противопоставление этих букв снимается в певческих текстах, написанных так называемым растяжным письмом (предполагающем повторное обозначение тянущегося гласного в соответствии с длительностью его звучания в певческом исполнении): при передаче протяжения гласного, обозначаемого буквой *ѣ*, буквы *ѣ* и *є* могут чередоваться, причем обычно *ѣ* переходит в *є*. Ср., например, в Тип. уставе: *нынѣє* (л. 56), *радзимѣѣєєєєєєєє* (л. 90об.) (см.: Успенский 2002: 168, § 7.8; здесь же и о других кондакарях).

⁸ Э. Бернекер полагал, что слово *царь* восходит к сокращению **цъсарь*, результату контракции из *цѣсарь*, подобно рус. *вашество* из *Vаше превосходительство*, польск. *jego mość* из *jego miłość*, исп. *Usted* из *Vuestra Merced* и т. п.; в форме *цъсарь* он видел чисто ор-

4. Так же, как и формы *цѣсарь*–/*цесарь*– и *цсарь*–, форма *царь*– писалась обычно под титулом, обозначаясь такими же сокращениями (*цѣ*– или *цѣ*–), однако полное написание этой формы наблюдается в древнерусских текстах очень редко. Наиболее ранний из известных нам примеров полного написания *царь*– ожидаемым образом встречается не в книжной (церковнославянской), а в деловой письменности, и принадлежит тексту, который написан в Польше — при этом несомненно, восточнославянским писцом. Речь идет о договоре сыновей Гедимины (Евнутия, Кейстута и Любарта Гедиминовичей) и их племянников (Юрия Наримунтовича и Юрия Кориатовича) с польским королем Казимиром и мазовецкими князьями Семовитом и Казимиром Тройденовичами. Договор был заключен в 1352 г., договорная грамота дошла до нас в оригинале, хранящимся в Главном архиве древних актов в Варшаве (Archiwum Główne Akt Dawnych, Zbiór dokumentów pergaminowych, № 651). Здесь читаем:

а поидеть ли *царь* на лахи. а люво князи темнии. князем литовьскимъ помагати.
(Соболевский и Пташицкий 1903: табл. 46; Карский 1962: 375).

Слово *царь* относится здесь к хану Золотой Орды⁹, *князья темнии* — к темникам (татарским военачальникам).

До крещения Литвы (1387 г.) у литовских князей не было своей канцелярии как института, для оформления договоров с соседями они прибегали к услугам писцов другой договаривающейся стороны. Цитируемая грамота была написана писцом Казимира Великого, очевидно, галицко-волинского происхождения (см.: Курашкевич 1932: 336–339); известны и другие грамоты, написанные, по-видимому, этим же писцом¹⁰.

5. Форма *царь*– в договорной грамоте 1352 г. представляет собой, несомненно, явление живой речи. В книжных текстах XIV в. такая форма не встречается, и в книжном произношении, по-видимому, еще сохранялась форма *цѣсарь*–. Об этом свидетельствуют певческие тексты, которые в связи с перестройкой азбучного обучения и утратой традиции книжного произношения еров начинают переписываться в это время с заменой ера на о, еря на е (независимо от фонетической позиции); таким образом на письме фиксируется старое книжное произношение, традиция которого начинает утрачиваться¹¹. Соответственно, форма *цсарь*– в певческих тек-

фографическое явление, фонетически никак не обусловленное (“r[ussische] цѣсарь im XI. Jh. ist wohl nur Schreibung für царь” — Бернекер 1924: 127). С этим трудно согласиться: приводимые им примеры контракции специфичны для форм обращения (forms of address) и весьма мало напоминают употребление слова *царь*, которое не характеризуется какими бы то ни было коммуникационными ограничениями. Объяснение *цѣсарь* из *цсарь* кажется очевидной натяжкой.

⁹ Именно в этом значении соответствующее слово (*car* ~ *carz*) становится известным в польском языке.

¹⁰ Автор глубоко признателен С. В. Полехову за консультацию и ценные указания.

¹¹ Имеем в виду так называемое явление хомонии — хомового или наонного пения (см.: Успенский 1997: 179–184; Успенский 2002: 145–146, 153, §§ 7.5.3, 7.5.5; Владышевская

стах либо сохранялась, предполагая чтение ь как [е], либо переписывалась как *цѣсар-*.

По сравнению с формой *цѣсар-*, сохранявшейся в той или иной мере в книжном произношении, разговорная форма *цар-* должна была восприниматься как усеченная, искаженная. Возникает вопрос: когда эта форма попадает в книжные тексты? Ответить на этот вопрос помогают, опять-таки, певческие тексты, где сокращения сакральных слов (*nomina sacra*) не приняты и где соответствующие слова по необходимости пишутся полностью. Обращение к этим текстам позволяет проследить появление и распространение интересующей нас формы.

Так, в стихирах Иосифо-Волоколамского монастыря XIV в. (РГБ, ф. 113, № 3) и Румянцевского собрания XIV–XV вв. (РГБ, ф. 256, № 420) мы еще не встречаем формы *цар-*; мы находим здесь *цѣсар-* и иногда *цѣсар-*. Так, например, в Волоколамском стихираре: *земьнии цѣсари* (л. 13), *цѣсарица* и *непорочънаѧ невѣста* (л. 12), *предповелѣнаѧ цѣсарица* (л. 12об.), *всѣхъ цѣсарица* (л. 12об.), *цѣсарьство твое христе воже цѣсарьство всѣхъ вѣкъ* (л. 5об.); в Румянцевском: *въ истину всѣхъ цѣсара христа бога* (л. 8), *дньсь вѣрныхъ цѣсара вѣра явлаеться* (л. 17об.), *предъ цѣсари и мучители* (л. 21), *цѣсарьство твое христе воже цѣсарьство всѣхъ вѣкъ* (л. 5), *цѣсарьмъ цѣсарь и богъ богатый* (л. 174об.) и, вместе с тем, *всачьскому цѣсарю* (л. 193об.), *невесное цѣсарьство* (л. 196об.). Ср. аналогичные формы в Троицком стихираре XIV–XV вв. (РГБ, ф. 304.I, № 439): *цѣсареви* (л. 37), *цѣсарю* (л. 53), *цѣсарьство* (л. 3). Над буквой ь («ерь») в *цѣсар-* всегда стоит певческий знак, следовательно соответствующий слог произносился (выпевался). По всей вероятности, в это время в пении еще сохранялась древняя традиция книжного произношения ь как [е]; некоторое время спустя эта традиция начинает забываться и певческие тексты были переписаны с заменой ь на е, ъ на о. Характерным образом в Троицком стихираре XV в. (РГБ, ф. 304.I, № 404) в интересующем нас корне наблюдается чередование ь и е: *цѣсарьскы* (л. 13), *цѣсарьска* (л. 44).

Вместе с тем в певческом сборнике 1437 г. Троицкого собрания (РГБ, ф. 304.I, № 407) мы находим уже слово *царь*: *царь мирьнии* (л. 36), *всѣхъ царя* (л. 23). Аналогичные формы наблюдаются и в других рукописях XV в., ср. в Троицком певческом сборнике XV в. (РГБ, ф. 304.I, № 408): *царь* и *господь* (л. 11об.), *царь царемъ* (л. 44), *царствѣна* (л. 52)¹²; в Троицком стихираре конца XV в. (РГБ, ф. 304.I, № 409): *царю* и *зжителю христу бога* (л. 7 об.), *царя христа бога нашего* (л. 44), *денсь вѣрныхо царей вѣра явлаеться* (т. е.: *днесь вѣрныхъ царей вѣра явлаеться*, л. 11), *венець царескыи* (л. 162); в Троицком октоихе конца XV в. (РГБ, ф. 304.I, № 444): *царе* (Nom. Sg., л. 3об.), *царя*

и Успенский 2011: 716–718). Этот процесс фиксируется с конца XIV в. Ср. выводы о изменении бытового письма в XIV в., вероятно, связанном с реформой азбучного обучения: Зализняк 2002: 611.

¹² Ср. здесь *цѣра* славы (л. 10 об.). Возможно, здесь отразилась старая форма *цѣсара*, которая могла быть в протографе.

(л. 20), царьствие (л. 3), царствию (Dat. Sg., л. 11об.)¹³; в Троицком стихираре XV–XVI вв. (РГБ, ф. 304.I, № 441): *земенага цари* (т. е.: *земьнага цари*, л. 7), *царескыи цертогъ* (л. 7об.), *цари и мочители* (л. 12), *предъповелъннага всѣхъ царице Вос.* (л. 6). Приведем фрагмент благовещенской стихиры из сборника 1470–1490-х гг. Евфросина, писца Кирилло-Белозерского монастыря: и *родиши чистаа господа. чистаа царя* (РНБ, Кир.-Бел. № 9/1086, л. 461 об.); аналогично в других Кирилло-Белозерских певческих рукописях второй пол. XV в. (РНБ, Кир.-Бел. № 597/854 л. 222об.) или конца XV в. (РНБ, Кир.-Бел. № 653/910, л. 88об.), а также в Троицком стихираре конца XV в. (РГБ, ф. 304.I, № 409, л. 117).

В некоторых рукописях сосуществуют старая форма *цесар-* и новая *цар-*. Так, Троицком стихираре XV в. (РГБ, ф. 304.I, № 440) преобладает еще написание *цесар-*, ср., например: *цесарица* (л. 6об.), *всѣхъ цесарю* Dat. (л. 8), *въ цесарьствии своемъ* (л. 22об.), *цесарьскомоу градуу* (л. 33об.), *оутварь цесарьскоую* (л. 33об.), *цесарьствыа наследьныче*, т. е. *цесарьствиа наследьныче* (л. 42), *перьстии цесари* (л. 56), *цесара невесьнааго* (л. 56); вместе с тем, здесь же находим *земьнага цари* (л. 9), *царица* (л. 9), *предъ цари и мочители* (л. 13об.). Показательно, что один и тот же писец может писать *цесарица* и *царица* (в обоих случаях имеется в виду Богородица). Между тем в другом Троицком стихираре конца XV в. лития на праздник Преображения заканчивается параллельными текстами со словами апостолов, обращенными к Христу: в одном случае Христос именуется *царем* (*ты еси богъ нашъ царь въкомъ*), в другом — *цесарем* (*ты еси богъ нашъ цесарь въкомо*). Ср.:

Свѣтомъ божественнымъ. оученици пресѣбражениемъ твоимъ оудивишася на горѣ фаворьствѣ. и ници на землю падаше. совыше гласо ѡтеческыи. ѡглашеше христе глаголаахъ. ты еси богъ нашъ *цесарь въкомо*.

Верста пророкоу во время пресѣбражениа. троица апостолъ христе. свѣтело просвѣщешеса славою твоею. внѣтръ ѡблака соущи. ѡблакъ видащи. тако глаголааше. ты еси богъ нашъ *царь въкомъ*

(РГБ, ф. 304.I., № 409, л. 150–150об.)¹⁴.

6. Итак, форма *цар-* появляется в книжном русском языке в первой пол. XV в., притом что в живом (разговорном) языке ее появление относится к эпохе падения редуцированных (и фиксируется на письме уже в сер. XIV в.). Надо полагать, что до XV в. в книжном произношении этой формы не допускалась ассимиляция согласных, т. е. между аффрикатой [ʃ] и си-

¹³ В этой рукописи встречается и старое наименование *цѣсарь/цесарь*: *цѣсара великого* (л. 10: *противистеса цесарьмо и мочителя повѣдите* (Dat. Pl., л. 13).

¹⁴ В обычных (непевческих) текстах, где *nomina sacra* пишутся под титулом, *цар-* в полном написании встречается крайне редко. Вот известные нам примеры из летописей по спискам XV в.: *Леонь царевичъ* в Ипатьевском списке Ипатьевской летописи первой четверти XV в. (ПСРЛ II, 1908: стлб. 283); *царевъ послѣ* в Академическом списке I Новгородской летописи середины XV в. (ПСРЛ III, 2000: 394, примеч. 51); на *царя Алексина* в Радзивиловском списке Лаврентьевской летописи конца XV в. (ПСРЛ I/2, 1927: стлб. 291, примеч. 7).

биллянтом [s], соответствующим буквам ц и с в форме *цъсар-*, произносился разделительный редуцированный звук¹⁵. Необходимо иметь в виду вообще, что *nomina sacra*, т. е. слова книжного языка, предполагающие написание под титлом, в принципе не подчиняются закономерностям языковой эволюции (проявляющимся в живой, разговорной речи); соответственно, в этих словах не отражается падение редуцированных и связанные с этим явлением ассимиляционные процессы. Так, например, еще в XVII в. слово *оѣ* читалось, по-видимому, без ассимиляции согласных — с эксплозией смычного и с разделительным призвуком между согласными, отражающем слабый редуцированный; мы можем судить об этом по произношению старообрядцев-беспоповцев, сохраняющих древнюю традицию церковного чтения (см.: Успенский 1968: 45). Точно так же слова *срѣце* и *слѣце* в церковном чтении произносились [sérdeře, sólneřə] — с прояснением редуцированного¹⁶; сходным образом имя Иоанна Предтечи произносилось как *Предотеча* (Там же: 48–51; Успенский 1997: 174–177)¹⁷. В этих условиях форма *цар-*, образовавшаяся из *цъсар-* в результате падения редуцированного и последующей ассимиляции согласных, должна была осмысляться как искаженная, вульгарная — иначе говоря, как специфически разговорная форма и в принципе неуместная при наименовании Бога или монарха.

Вполне закономерно, что архаическое произношение сохраняется в словах, которые пишутся под титлом и где, следовательно, более актуальной была устная, орфоэпическая традиция: произносящий, не имея возможности опереться на написание слова, должен был следовать традиции произношения, не зависящей от написания.

Есть все основания полагать, что появление формы *цар-* в русском книжном языке обусловлено не адаптацией соответствующей разговорной формы, но эволюцией собственно книжной традиции. Легитимация формы *цар-* в XV в., по-видимому, непосредственно связана со вторым южнославянским влиянием.

Как известно, падение редуцированных у южных славян произошло раньше, чем у славян восточных. Закономерным образом и форма *цар-* появляется в южнославянской письменности раньше, чем в русской. Такую форму мы находим, например, в Слепенском ап. XII в., наряду с сокращением *цр-*: *о царъстви бжи Лос.* (с. 3; Деян. VIII, 12)¹⁸, *царици Gen.* (с. 3; Деян. VIII, 27), *о ѡубоашѣ са повелѣнина царѣва* (с. 75; Евр. XI, 23). То же наблюда-

¹⁵ О сохранении редуцированных в книжном произношении Московской Руси после их исчезновения в живом разговорном языке см.: Успенский 2002: 151–152 (§ 7.5.5).

¹⁶ Упрощение консонантных групп в группе **tryt* может наблюдаться еще до падения редуцированных. Так, в Тип. уставе находим форму *сьньце* вместо *сьльньце*, отражающую упрощение *лн > н*; эта форма дана здесь растяжным письмом, как это характерно вообще для кондакарной нотации, и выглядит следующим образом: *сь(л)ъъъъньце* (л. 42об.–43). См.: Успенский 2006: 87.

¹⁷ Ср. отражение слабого редуцированного в таких словах литературного языка, как *божество, рождество, торжество* и т. п. (Исаченко 1979: 173; Успенский 1997: 169–172).

¹⁸ Ср. в этом же памятнике аналогичную форму под титлом *цдрѣствие* (с. 88). Наличие титла может быть обусловлено пропуском ера.

ется и в других памятниках XII в. — таких, как Македонский ап., Охридский ап. и Погодинская пс., — также как и в Болонской пс. XIII в. (см.: Ст.-сл. слов. IV: 840–845). Ср. в Добрейшевом ев. XIII в.: *всѣзъ иже творитса црѣъ противѣтса царю* (с. 226; Ин. XIX, 12); слово *царь* в полном, не поддательном написании заменяет здесь слово *кесарь*, которое мы находим в других памятниках письменности¹⁹. Отметим еще запись на полях в Григоровичеве паремейнике XII — нач. XIII в.: *помѣни ги драга моего браца в царьствѣ небѣснѣм* (л. 78).

Особое распространение эта форма получает у южных славян в XIV в. — в период, непосредственно предшествующий интенсивному влиянию болгарской письменности на Руси. Так, например, в Стишном Прологе 1368–1376 гг. мы находим словоформы *царь*, *царю*, *царема* Dat. du. (Стишной Пролог 2011: 41, 69; ср. БАН, № 73, л. 320 об.); в славянском переводе Дионисия Ареопагита, осуществленном старцем Исаией в 1371 г. мы видим *царе* Voc., *црѣъ* и *цареи* Gen. pl., *црѣмь* и *царемь* Dat. pl., *царьства* Gen. sg., *царьствова* (Дионисий Ареопагит 2012: 1554). По справке, полученной от Т. Лалевой и К. Станчева, форма *цар-* наблюдается в таких болгарских памятниках письменности XIV в., как Шишатовецкий ап., Берлинский сборник, Хроника Манассии (в частности, в Троянской притче)²⁰. На этом фоне появление соответствующей формы в русских текстах XV в. не кажется удивительным: со вторым южнославянским влиянием она приходит на Русь именно как книжная форма.

Парадоксальным образом форма слово *царь*, совпадающее с русской разговорной формой, воспринимается теперь через призму южнославянской книжной традиции: в глазах русских книжников оно предстает как южнославянизм. Таким образом осуществляется легитимация разговорной формы, которая определяет ее распространение в русской письменности.

7. Будучи вытеснено словом *царь* в основных своих контекстных значениях, слово *цесарь* начинает употребляться в Московской Руси как наименование императора Священной Римской империи. Это слово не восходит непосредственно к церковнославянскому *цесарь*: оно представляет собой заимствование из польского *cesarz*. Таким образом, слово *цесарь* возрождается на Руси благодаря польскому посредничеству.

В свою очередь, в результате ориентации на Священную Римскую империю слово *цесарь* появляется здесь в качестве русского монаршего титула. Так, Лжедмитрий I после коронации в Москве (30 июля 1605 г.) называет себя *цесарем* и *императором* (до этого он именовался *царем*). Титул *царь* продолжает фигурировать в грамотах Лжедмитрия, предназначенных для внутреннего употребления; при этом слово *царь*, согласно тра-

¹⁹ Ср., например, в Маринском ев.: *Всѣвкъ иже са творитъ црѣъ противитъ са кесарови* (с. 393); в Мстиславовом ев.: *Бсакъ иже самъ црѣа себе творитъ противитса кесарю* (л. 152б–152в). См. также: Ев. от Иоанна 1998: 87.

²⁰ Автор глубоко признателен профессорам Тане Лалевой, Красимиру Станчеву, Христо Трендафилову и Ивану Христову за присланные ими материалы.

диции, писалось под титулом, тогда как слово *цесарь* было представлено в полном написании (см.: Успенский 1997а: 418–420; Успенский 1998: 141–143). Соответственно, жена Лжедмитрия (Марина Мнишек) носила титул *цесарева*, и так же именовалась затем Екатерина I, которая была коронована как императрица (7 мая 1724 г.). Это было непосредственно связано с принятием Петром I императорского титула: хотя Петр и не именовался *цесарем*, жена его первое время называлась *цесаревой* (Успенский 1998: 192–194)²¹. Равным образом дети Петра и Екатерины стали называться *цесаревичами* и *цесаревнами*; напротив, дети царя Ивана Алексеевича (брата Петра) продолжали именоваться *царевнами*, а его жена (Прасковья Федоровна) — *царицей* (см.: Успенский 2014: 221–222). В дальнейшем по закону о престолонаследии 1797 г. наследник российского императора именуется *цесаревичем* (Там же: 222–224)²². Так косвенным путем — можно сказать, рикошетом — термин *цесарь* возвращается на Русь.

ЛИТЕРАТУРА

А. ССЫЛКИ НА ИЗДАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ

- Архангельское ев. — См. изд.: *Архангельское евангелие 1092 г.* Изд. Румянцевского музея. Москва, 1912. Ср.: Т. Славова. *Речник на словоформите в Архангелското евангелие от 1092 г.* София, 1994.
- Берлинский сб. — См. изд.: *Berlinski Sbornik: Vollständige Studienausgabe im Originalformat*/Hrsg. von H. Miklas; Anh. von V. M. Zagrebin. Graz, 1988.
- Болонская пс. — См. изд.: *Psalterium Bononiense*/Ed. V. Jagić. Vindobonae — Berolini — Petropoli, 1907.
- Ватиканское ев. — *Ватиканско евангелие, Старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. gr. 2502*/[Подг.] Тр. Кръстанов, А.-М. Тотоманова, Ив. Добрев. София, 1996.
- Григоровичев паремейник — См. изд.: *Григоровичев паримејник*/Приред. З. Рибарова, т. I–II. Скопје, 1998–2014.
- Дионисий Ареопagit — См. изд.: *Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert)*/Hrsg. unter der Leitung von H. Goltz, G. M. Prochorov, Bd. IV, 1–3. Freiburg im Breisgau, 2012 (= Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris, t. LIX (LV. 4, 1–3)).
- Добрыйшево ев. — См. изд.: *Добрийшево четвроевангеле. Сръднебългарски паметникъ отъ XIII вѣкъ (Софийска нар. библиотека № 307 и Българска нар. библиотека № 214)*/Стъкмилъ за издание Б. Цоневъ. София, 1906 (= Български старини, кн. I).
- Енинский ап. — См. изд.: К. Мирчев, Х. Кодов. *Енински Апостол. Старобългарски паметник от XI век.* София, 1965.
- Зографское ев. — См. изд.: *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographiensis nunc Petropolitanus*/Ed. V. Jagić. Berlin, 1879.
- Изб. 1073 г. — См. изд.: *Изборник Святослава 1073 г.*/Под ред. Л. П. Жуковской. Москва, 1983. *Симеонов сборник (по Светославовия прѣпис от 1073 г.)*/Под общата ред. на П. Динеков, т. I–III. София, 1991–2015. Том II (София, 1993) содержит наборное воспроизведение текста и словоуказатель («Речник-индекс»).

²¹ Произношение *цесарёва* (Даль IV: стлб. 1259) указывает на польское посредничество (польск. *cesarzowa*). Ср. отражение русского книжного произношения в слове *королева* (Соболевский 1907: 63).

²² Наименование Екатерины I *цесаревой* отразилось в том, что дочери Петра и Екатерины, Анна, Елизавета и Наталия, именовались *цесаревнами*. После того, как наследника престола стали называть *цесаревичем*, было определено называть *цесаревной* его супругу.

- Изб. 1076 г. — См. изд.: *Изборник 1076 г.* / Изд. подг. В. С. Голышенко и др. Москва, 1965.
- Ильина кн. — См. изд.: *Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тит. 131* / Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. Москва, 2005.
- Киев. листки — См. изд.: В. В. Нимчук. *Київські глаголичні листки: Найдавніша пам'ятка слов'янської писемності*. Київ, 1983.
- Клоцов сб. — См. изд.: *Staroslověnský hlaholský sborník tridentský a innsbrucký / K vydání přepravil Antonín Dostál*. Praha, 1959.
- Македонский ап. — См. изд.: *Струмички (Македонски) апостол: Кирилски споменик од XIII век* / Подготовиле Е. Блахова и З. Хауптова. Скопје, 1990.
- Мариинское ев. — См. изд.: *Памятник глаголической письменности: Мариинское евангелие...* / Труд И. В. Ягича. Санкт-Петербург, 1883.
- Мстиславо ев. — См. изд.: *Апракос Мстислава Великого* / Изд. подг. Л. П. Жуковская и др. Москва, 1983.
- Остр. ев. — См. изд.: *Остромирово евангелие 1056–57 года...*, изд. А. Востоковым. Санкт-Петербург, 1843.
- Охридский ап. XII в. — См. изд.: С. М. Кульбакин. «Охридская рукопись апостола XII века». *Български старини*. Кн. III. София, 1907.
- Погодинская пс. — См. изд.: *Psalterium Bononiense* / Ed. V. Jagić. Vindobonae — Berolini — Petropoli, 1907. Погодинская псалтырь (РНБ, Погод. 8) XII в. опубликована И. В. Ягичем вместе с Болонской псалтырью.
- Пражские листки — См. изд.: Н. К. Грунский. *Пражские глаголические отрывки*. Санкт-Петербург, 1905 (= Пам. старослав. языка, I, 4).
- Саввина книга — См. изд.: *Саввина книга* / Труд В. Щепкина. Санкт-Петербург, 1903 (= Пам. старослав. языка, I, 2). *Саввина книга: древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII в.* Ч. I / Изд. подг. О. А. Князевская и др. Москва, 1999.
- Симеонов сб. — См.: *Изб. 1073 г.*
- Синайская пс. — См. изд.: *Синайская псалтырь: глаголический памятник XI в.* / Пригот. к печати С. Северьянов. Петrorад, 1922 (= Пам. старослав. языка, IV).
- Синайский евхологий — См. изд.: *Euchologium Sinaiticum...* / Izdao priredil R. Nachtigal. T. I–II. Ljubljana, 1941–1942.
- Слепченский ап. — См. изд.: Г. А. Ильинский. *Слепченский апостол XII века* / Труд Г. А. Ильинского. М., 1912.
- Стишной Пролог — См. изд.: Г. Петков, М. Спасова. *Търновската редакция на Стишния пролог*. Т. VI. Месяц февруари. Пловдив, 2011.
- Супрасльская рук. — См. изд.: *Супрасльская рукопись* / Труд С. Северьянова. Санкт-Петербург, 1904 (= Пам. старослав. языка, II, 1).
- Тип. устав. — См. изд.: *Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века* / Под ред. Б. А. Успенского. Т. I–III. Москва, 2006.
- Фрейзин. листки. — См. изд.: *Freisinger Denkmäler*. München, 1969.
- Хроника Манассии — См. изд.: *Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах* / Ред. И. С. Дуйчев, Д. С. Лихачев. София, 1988.
- Шишатовачкий ап. — См. изд.: *Apostolus Šišatovacensis anni 1324/edendum curavit Dimitrije E. Stefanovic*. Wien, 1989 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Schriften der Balkan-Kommission. Linguistische Abteilung. Fontes, № 1).

Б. ПРОЧИЕ ССЫЛКИ

- Бернекер 1924 — Berneker Erich. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Bd I. 2te unveränderte Aufl. Heidelberg, 1924.
- Владышевская Татьяна, Успенский Борис. «Истинноречие». *Православная энциклопедия*. Т. XXVII. Москва, 2011: 216–219.
- Даль Владимир. *Толковый словарь живого великорусского языка* / 4-е исправл. и значительно доп. изд. под ред. Ивана Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I–IV. Санкт-Петербург — Москва, 1911–1914.
- Дильс I–II — Diels Paul. *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*. Teile I–II. Heidelberg, 1932–1934.

- Евангелие от Иоанна в славянской традиции*/Изд. подгот. А. А. Алексеев и др. Санкт-Петербург, 1998.
- Живов Виктор. *История языка русской письменности*. Т. I–II. Москва, 2017.
- Зализняк Андрей. «Древнерусская графика со смешением ъ–о и ь–е». А. А. Зализняк. “Русское именное словоизменение” с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. Москва, 2002: 577–612.
- Исаченко 1979 — Isatschenko Aleksandr. “Secondary ‘vocalization’ of the jers”. *Russian linguistics* IV/2 (1979): 169–174.
- Карский Ефимий. «Два древнейших документа Главного архива Царства Польского в Варшаве». Карский Ефимий. *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*. Москва, 1962: 373–378.
- Курашкевич 1932 — Kuraszkiewicz Władysław. “Gramoty halicko-wołyńskie XIV–XV w. Studium filologiczne”. *Byzantinoslavica*. Roč. 4. Praha, 1932: 336–339.
- Мейер 1935 — Meyer Kurt. *Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis*. Glückstadt — Hamburg, 1935.
- Младенов Стефан. *История на българския език*. София, 1979.
- Мошинский 1971 — Moszyński Leszek. “Staroruska oboczność цѣсарь — цесарь”. *Uniwersytet Gdański. Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego: Filologia Rosyjska*. Nr 1. Gdańsk, 1971: 57–64.
- ПСРЛ I–XLIII — *Полное собрание русских летописей*. I–XLIII. Санкт-Петербург (Петроград, Ленинград) — Москва, 1841–2004.
- РИБ I–XXXIX — *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею*. Т. I–XXXIX. Санкт-Петербург (Петроград, Ленинград), 1872–1927.
- Сб. РИО I–CXLVIII — *Сборник Русского исторического общества*. Т. I–CXLVIII. Санкт-Петербург (Петроград), 1867–1916.
- Соболевский Алексей. *Лекции по истории русского языка*. Изд. 4-е. Санкт-Петербург, 1907.
- Соболевский Алексей, Пташицкий Станислав. *Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в.* Санкт-Петербург, 1903.
- Ст.-сл. слов. I–IV — *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. I–IV. Praha, 1958–1997.
- Стеенсланд 2013 — Steensland Lars. «Фрагмент средневековой рукописи Минеи в Упсале». *Slovo: Journal of Slavic Languages and Literatures* LIV (2013): 164–180.
- Успенский Борис. *Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России)*. Москва, 1968.
- Успенский Борис. «Русское книжное произношение и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров)». Успенский Борис. *Избранные труды*. Т. III. Москва, 1997: 143–208.
- Успенский Борис. «Свадьба Лжедмитрия». *Труды Отдела древнерусской литературы [Ин-та русской литературы Рос. АН]*. Т. L. Санкт-Петербург, 1997а: 404–425.
- Успенский Борис. *Царь и патриарх: Харизма власти в России*. Москва, 1998.
- Успенский Борис. *Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов*. Москва, 2000.
- Успенский Борис. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Изд. 3-е, исправл. и доп. Москва, 2002.
- Успенский Борис. «Древнерусские кондакари как фонетический источник». *Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века*. Под ред. Б. А. Успенского. Т. III. Москва, 2006: 69–93.
- Успенский Борис. «Петр Первый и переосмысление понятия империи». *Факты и знаки: Исследования по семиотике истории*. Под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. Вып. III. Москва — Санкт-Петербург, 2014: 209–250.
- Фасмер Макс. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева, Т. I–IV. Москва, 1964–1973.
- Фасмер Макс. *Греко-славянские этюды*. III. Греческие заимствования в русском языке. Санкт-Петербург, 1909 (= Сб. Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. LXXXVI).
- Чернявский Михаил. «Хан или василевс: Один из аспектов русской средневековой политической теории». *Из истории русской культуры*. Т. II. Кн. 1. Составители А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Москва, 2002: 442–456.
- ЭССЯ I–XLI — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. I–XLI. Москва, 1974–2018.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ КНИГОХРАНИЛИЩ

- БАН — Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург).
 ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
 РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
 РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

REFERENCES

A. REFERENCES TO EDITIONS OF LITERARY MONUMENTS

- Arhangel'skoe ev. — Sm. izd.: *Arhangel'skoe evangelie 1092 g.* Izd. Rumyancevskogo muzeya. Moskva, 1912. Sr.: T. Slavova. *Rechnik na slovoformite v Arhangel'skoto evangelie ot 1092 g.* Sofiya, 1994.
- Berlinskij sb. — Sm. izd.: *Berlinski Sbornik: Vollständige Studienausgabe im Originalformat*/Hrsg. von H. Miklas; Anh. von V. M. Zagrebin. Graz, 1988.
- Bolonskaya ps. — Sm. izd.: *Psalterium Bononiense*/Ed. V. Jagić. Vindobonae — Berolini — Petropoli, 1907.
- Dionisij Areopagit — Sm. izd.: *Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert)*/Hrsg. unter der Leitung von H. Goltz, G. M. Prochorov, Bd. IV, 1–3. Freiburg im Breisgau, 2012 (= Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris, t. LIX (LV, 4, 1–3)).
- Dobrŕjshevo ev. — Sm. izd.: *Dobrŕjshevo chetveroevangele. Srŕdneb "Igarski pametnik" ot "XIII vrŕk" (Sofijska nar. biblioteka № 307 i Brŕlgradska nar. biblioteka № 214)*/St'kmiŕ' za izdanie B. Conev". Sofiya, 1906 (= B"lgarski starini, kn. 1).
- Eninskij ap. — Sm. izd.: K. Mirchev, H. Kodov. *Eninski Apostol. Starob "Igarski pametnik ot XI vek.* Sofiya, 1965. Frejzin. listki. — Sm. izd.: *Freisinger Denkmäler.* München, 1969.
- Grigorovichev paremejnik — Sm. izd.: *Grigorovichev parimejnik*/Prired. Z. Ribarova, t. I–II. Skopje, 1998–2014.
- Hronika Manassii — Sm. izd.: *Srednebolgarskij perevod Hroniki Konstantina Manassii v slavyanskij literaturah*/Red. I. S. Dujchev, D. S. Lihachev. Sofiya, 1988.
- Izb. 1073 g. — Sm. izd.: *Izbornik Svyatoslava 1073 g.*/Pod red. L. P. Zhukovskoj. Moskva, 1983. *Simeonov sbornik (po Svetoslavoviya prepis ot 1073 g.)*/Pod obshchata red. na P. Dinekov, t. I–III. Sofiya, 1991–2015. Tom II (Sofiya, 1993) soderzhit nabornoe vosproizvedenie teksta i slovoukazatel' («Rechnik-indeks»).
- Izb. 1076 g. — Sm. izd.: *Izbornik 1076 g.*/Izd. podg. V. S. Golyschenko i dr. Moskva, 1965.
- Il'ina kn. — Sm. izd.: *Il'ina kniga. Rukopis' RGADA, Tip. 131*/Lingvisticheskoe izdanie, podgotovka grecheskogo teksta, komentarii, slovoukazateli V. B. Krys'ko. Moskva, 2005.
- Kiev. listki — Sm. izd.: V. V. Nimchuk. *Kiŕvs'ki glagolichni listki: Najdavnisha pam'yatka slov'yans'koŕ pisemnosti.* Kiŕv, 1983.
- Klocov sb. — Sm. izd.: *Clozianus. Staroslavŕnskŕ hlaholskŕ sbornik tridentskŕ a innsbruckŕ*/K vydŕnŕiu pŕpravil Antonŕn Dostŕl. Praha, 1959.
- Makedonskij ap. — Sm. izd.: *Strumichki (Makedonski) apostol: Kirilski spomenik od XIII vek*/Podgotovile E. Blahova i Z. Hauptova. Skopje, 1990.
- Mariinskoe ev. — Sm. izd.: *Pamyatnik glagolicheskoy pis'mennosti: Mariinskoe evangelie...*/Trud I. V. Yagicha. Sankt-Peterburg, 1883.
- Mstislavovo ev. — Sm. izd.: *Aprakos Mstislava Velikogo*/Izd. podg. L. P. Zhukovskaya i dr. Moskva, 1983.
- Ostr. ev. — Sm. izd.: *Ostromirovo evangelie 1056–57 goda..., izd. A. Vostokovym.* Sankt-Peterburg, 1843.
- Ohridskij ap. HII v. — Sm. izd.: S. M. Kul'bakin. «Ohridskaya rukopis' apostola XII veka». *B"lgarski starini.* Kn. III. Sofiya, 1907.
- Pogodinskaya ps. — Sm. izd.: *Psalterium Bononiense*/Ed. V. Jagić. Vindobonae — Berolini — Petropoli, 1907. *Pogodinskaya psaltyr'* (RNB, Pogod. 8) XII v. opublikovana I. V. Yagichem vmeste s Bolonskoj psaltyr'yu.
- Prazhskie listki — Sm. izd.: N. K. Grunskij. *Prazhskie glagolicheskie otrывki.* Sankt-Peterburg, 1905 (= Pam. staroslav. yazyka, I, 4).

- Savvina kniga — Sm. izd.: *Savvina kniga*/Trud V. SHCHepkina. Sankt-Peterburg, 1903 (= Pam. staroslav.azyka, I, 2). *Savvina kniga: drevneslavyanskaya rukopis' XI, XI-XII i konca XIII v. Ch. I*/Izd. podg. O. A. Knyazevskaya i dr. Moskva, 1999.
- Shishatovackij ap. — Sm. izd.: *Apostolus Šišatovacensis anni 1324*/edendum curavit Dimitrije E. Stefanovic. Wien, 1989 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Schriften der Balkan-Kommission. Linguistische Abteilung. Fontes, № 1).
- Simeonov sb. — Sm.: *Izb. 1073 g.*
- Sinajskaya ps. — Sm. izd.: *Sinajskaya psalmyr': glagolicheskij pamyatnik XI v.*/Prigot. k pečati S. Sever'yanov. Petrorad, 1922 (= Pam. staroslav.azyka, IV).
- Sinajskij evhologij — Sm. izd.: *Euchologium Sinaiticum...*/Izdao priredil R. Nachtigal. T. I–II. Ljubljana, 1941–1942.
- Slepchenskij ap. — Sm. izd.: G. A. Il'inskij. *Slepchenskij apostol XII veka*/Trud G. A. Il'inskogo. M., 1912.
- Stishnoj Prolog — Sm. izd.: G. Petkov, M. Spasova. *T"rnovskata redakciya na Stishniya prolog*. T. VI. Mesec fevruari. Plovdiv, 2011.
- Suprasl'skaya ruk. — Sm. izd.: *Suprasl'skaya rukopis'*/Trud S. Sever'yanova. Sankt-Peterburg, 1904 (= Pam. staroslav.azyka, II, 1).
- Tip. ustav. — Sm. izd.: *Tipografskij Ustav: Ustav s kondakarem konca XI — nachala XII veka* Pod red. B. A. Uspenskogo. T. I–III. Moskva, 2006.
- Vatikanskoe ev. — *Vatikansko evangelie, Starob"lgarski kirilski aprakos ot H v. v palimpsesten kodeks Vat. gr. 2502*/[Podg.] Tr. Kr"stanov, A.-M. Totomanova, Iv. Dobrev. Sofiya, 1996.
- Zografskoe ev. — Sm. izd.: *Quatuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographiensis nunc Petropolitanus*/Ed. V. Jagić. Berlin, 1879.

B. OTHER REFERENCES

- Berneker Erich. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Bd I. 2te unveränderte Aufl. Heidelberg, 1924.
- Chernyavskij Mihail. «Han ili vasilevs: Odin iz aspektov russkoj srednevekovoj politicheskoy teorii». *Iz istorii russkoj kul'tury*. T. II. Kn. 1. Sostaviteli A. F. Litvina, F. B. Uspenskij. Moskva, 2002: 442–456.
- Dal' Vladimir. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogoazyka*/4-e ispravl. i znachitel'no dop. izd. pod red. I. A. Boduena-de-Kurtene. T. I–IV. Sankt-Peterburg — Moskva, 1911–1914.
- Diels Paul. *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*. Teile I–II. Heidelberg, 1932–1934.
- ESSYA I–XLI — *Etimologicheskij slovar' slavyanskihazykov: Praslavyanskij leksicheskij fond*. Vyp. I–XLI. Moskva, 1974–2018.
- Evangelie ot Ioanna v slavyanskoj tradicii*/Izd. podgot. A. A. Alekseev i dr. Sankt-Peterburg, 1998.
- Fasmer Max. *Etimologicheskij slovar' russkogoazyka*. Per. s nemeckogo i dop. O. N. Trubacheva, T. I–IV. Moskva, 1964–1973.
- Fasmer Max. *Greko-slavyanskije etyudy*. III. Grecheskie zaimstvovaniya v russkomazyke. Sankt-Peterburg, 1909 (= Sb. Otdeleniya russkogoazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk, t. LXXXVI).
- Isachenko Aleksandr. "Secondary 'vocalization' of the jers". *Russian linguistics* IV/2 (1979): 169–174.
- Karskij Efimij. «Dva drevnejshih dokumenta Glavnogo arhiva Carstva Pol'skogo v Varshave». E. F. Karskij. *Trudy po beloruskomu i drugim slavyanskimazykam*. Moskva, 1962: 373–378.
- Kuraszkiewicz Władysław. "Gramoty halicko-wołyńskie XIV–XV w. Studium filologiczne". *Byzantinoslavica*. Roč. 4. Praha, 1932: 336–339.
- Meyer Kurt. *Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis*. Glückstadt — Hamburg, 1935.
- Mladenov Stefan. *Istoriya na b"lgarskiya ezik*. Sofiya, 1979.
- Moszyński Leszek. "Staroruska oboczność cbsar' — cesar'". *Uniwersytet Gdański. Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego: Filologija Rosyjska*. Nr 1. Gdańsk, 1971: 57–64.
- PSRL I–XLIII — *Polnoe sobranie russkikh letopisej*. I–XLIII. Sankt-Peterburg (Petrograd, Leningrad) — Moskva, 1841–2004.

- RIB I-XXXIX — *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arheo- i graficheskoyu komissieyu*. T. I-XXXIX. Sankt-Peterburg (Petrograd, Leningrad), 1872–1927.
- Sb. RIO I-CXLVIII — *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. T. I-CXLVIII. Sankt-Peterburg (Petrograd), 1867–1916.
- Sobolevskij Aleksej. *Lekcii po istorii russkogo yazyka*. Izd. 4-e. Sankt-Peterburg, 1907.
- Sobolevskij Aleksej, Ptashickij Stranislav. *Paleograficheskie snimki s russkih gramot, preimushchestvenno XIV v.* Sankt-Peterburg, 1903.
- St.-sl. slov. I-IV — *Slovník jazyka staroslověnského*. T. I-IV. Praha, 1958–1997.
- Steenland Lars. «Fragment srednevekovoj rukopisi Minei v Upsale». *Slovo: Journal of Slavic Languages and Literatures* LIV (2013): 164–180.
- Uspenskij Boirs. *Arhaicheskaya sistema cerkovnoslavjanskogo proiznosheniya (Iz istorii liturgicheskogo proiznosheniya v Rossii)*. Moskva, 1968.
- Uspenskij Boris. «Russkoe knizhnoe proiznoshenie i ego svyaz' s yuzhnoslavjanskoj tradiciej (Chtenie erov)». Uspenskij Boris. *Izbrannye trudy*. T. III. Moskva, 1997: 143–208.
- Uspenskij Boirs. «Svad'ba Lzhedmitriya». *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [In-ta russkoj literatury Ros. AN]*. T. L. Sankt-Peterburg, 1997: 404–425.
- Uspenskij Boris. *Car' i patriarh: Harizma vlasti v Rossii*. Moskva, 1998.
- Uspenskij Boris. *Car' i imperator: Pomazanie na carstvo i semantika monarshih titulov*. Moskva, 2000.
- Uspenskij Boris. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)*. Izd. 3-e, ispravl. i dop. Moskva, 2002.
- Uspenskij Boris. «Drevnerusskie kondakari kak foneticheskij istochnik». *Tipografskij Ustav: Ustav s kondakarem konca XI — nachala XII veka*. Pod red. B. A. Uspenskogo. T. III. Moskva, 2006: 69–93.
- Uspenskij Boris. «Petr Pervyj i pereosmyslenie ponyatiya imperii». *Fakty i znaki: Issledovaniya po semiotike istorii*. Pod red. B. A. Uspenskogo i F. B. Uspenskogo. Vyp. III. Moskva — Sankt-Peterburg, 2014: 209–250.
- Vladyshvskaya Tatiyana, Uspenskij Boris. «Istinnorechie». *Pravoslavnaya enciklopediya*. T. XXVII. Moskva, 2011: 216–219.
- Zaliznyak Andrej. «Drevnerusskaya grafika so smesheniem “-o i ‘-e»». Zaliznyak Andrej. “*Russkoe imennoe slovoizmenenie*” s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu. Moskva, 2002: 577–612.
- Zhivov Viktor. *Istoriya yazyka russkoj pis'mennosti*. T. I–II. Moskva, 2017.

ABBREVIATIONS FOR LIBRARY NAMES

- BAN — Biblioteka Rossijskoj Akademii nauk (Sankt-Peterburg).
- GIM — Gosudarstvennyj istoricheskij muzej (Moskva).
- RGADA — Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (Moskva).
- RGB — Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka (Moskva).
- RNB — Rossijskaya nacional'naya biblioteka (Sankt-Peterburg).

Борис Успенски

РЕЧ ЦАР У ИСТОРИЈИ РУСКЕ ПИЉМЕНОСТИ

Резиме

У руском језику се реч *цар* први пут појављује као резултат фонетских промена, које је изазвао губитак јерова (скраћених самогласника). Међутим, тек у XV веку ова реч постаје легитимна у руском књижевном (црквенословенском) језику. Показујемо да је њену легитимизацију у црквенословенском језику изазвао други јужнословенски утицај.

Кључне речи: руски књижевни језик, црквенословенски језик, губитак јерова, други јужнословенски утицај, црквено појање.

Јасмина Грковић-Мејдор
Универзитет у Новом Саду
Филозофски факултет
jgrkovicns@gmail.com

Jasmina Grković-Major
University of Novi Sad
Faculty of Philosophy
jgrkovicns@gmail.com

О ТРИ ГЛАГОЛА НАДАЊА У СТАРОСРПСКОМ:

НАДАТИ *се*, *сздати* (*се*), *спвати*/ *сфати* (*се*)

ON THREE VERBS OF HOPING IN OLD SERBIAN:

nadati se, *uzdati (se)*, *upvati/ufati (se)*

У раду се анализира семантика три глагола надања у старосрпском језику: надати *се*, *сздати* (*се*), *спвати*/ *сфати* (*се*), на грађи повеља и писама XII–XVI века. Глаголом надати *се* лексикализован је појам ‘очекивати’, док је ‘надати се’ његова контекстуална импликатура. Глаголи *сздати* (*се*) и *спвати*/ *сфати* (*се*) су синонимски пар, и њихово семантичко језгро је ‘имати поверење, поуздати се; бити уверен’, док је ‘надати се’ метонимијска контекстуална импликатура.

Кључне речи: историјска лексикологија, старосрпски, повеље и писма, глаголи надања.

This paper analyzes the semantics of three verbs of hoping in Old Serbian: *nadati se*, *uzdati(se)*, *upvati/ufati(se)*, on the corpus of letters and charters from the 12th–16th century. The verb *nadati se* lexicalizes the concept ‘expect’, while ‘hope’ appears as its contextual implicature. The verbs *uzdati(se)* and *upvati/ufati(se)* are synonymous and their semantic core is ‘trust, rely; be confident’, while ‘hope’ is its metonymic contextual implicature.

Key words: historical lexicology, Old Serbian, charters and letters, verbs of hoping.

1. У старосрпском језику јављају се три блискозначна глагола, који се по семантичкој црти експектативности сврставају у категорију глагола надања (Павловић 2009: 33): надати *се*, *сздати* (*се*), *спвати*/ *сфати* (*се*). У РКСС се као њихова значења наводе: надати *се*, *спегаре* (2: 112), *сздати* (*се*), *confidere* (1: 169, под *вздати*) и *спвати*, *confidere*, *спегаре* (3: 377). У RЈAZU се дају следећа значења: *nadati se*, *спегаре* (VII: 258), *uzdati se*, „*imati uzdaње ili vjeru*

u koga ili u što, vjerovati u koga ili u što, oslañati se; nadati se, ufati se, očekivati (što povoljno); smjeti, usuđivati se“ (XX: 276–280), *ufati, uzdati se, pouzdavati se, nadati se* (XIX: 272). Према наведеном, значења три глагола се делимично преклапају или поклапају, при чему се разлике у два речника могу приписати томе што RЈAZU обухвата шири период од РКСС.

Циљ овога прилога јесте да осветли семантику ова три глагола на корпусу старосрпских повеља и писама од XII до XVI века (ПП) и установи да ли је реч о синонимичним лексемама или међу њима постоје разлике, и какве су оне природе.

2. Глагол надати се, у формалном погледу одлика јужнословенских језика, изведен је од корена **dě* ‘ставити’ (**na* + **dě*- у нултом ступњу, в. ESJS 9: 524–525), те би изворно значење овог рефлексива било ‘поставити себе’, одакле се лако даље изводи ‘чекати’¹ и, метафоризовано ‘мислити, веровати да ће се нешто догодити или да ће неко доћи, очекивати’ — и управо ово значење надати се има у старосрпском. За разлику од савременог стандардног српског језика,² у повељама и писмима XII–XVI века семантичко језгро овога глагола је неутрално очекивање.³

Он може имати номиналну допуну у дативу, који је, означавајући појам ка којем је очекивање усмерено, семантички компатибилан са експектативном семантиком глагола:⁴

ꙗготован џн свѣте ꙗре се надан н цене таџо-вен днн ПП 1066: 9–10 (крај XV в.)
‘припреми ми тканине јер ме очекуј тамо ових дана’,

царство џн се . ѿ васъ . нѣ . тоџн надало ПП 944: 40 (XV в.)
‘царство ми није то очекивало до вас’,

ѡре тон знаам^о н ѡфанѣн сѣ^о за тон н тоџн се надалам^о ѿ вас ПП 735: 13–14 (1457)
‘јер то знамо и уверени смо и то очекујемо од вас’.

Такође се јавља и допунска клауза:

н надалн сѣо се . акно . еднога вашѡга слѡгѡ да бн џе ѡ свакоѡ . потреб^е помоган ПП 987: 50–51 (1506)

‘и очекивали смо једног вашег слугу да би ми у свему потребном помогли’,

¹ Појам ‘чекати’ укључује боравак на једном месту. Уп. дефиницију значења глагола *чекати* у РМС (6: 855): „проводити време, остајати на неком месту док не дође онај који се очекује, ишчекивати, очекивати“.

² У српском језику данас глаголом *надаћи се* лексикализује се појам ‘надати се’, који означава ментално стање у којем субјекат очекује да ће се нешто позитивно десити или да се нешто негативно неће десити (в. Milivojević 2007: 304–305), односно жељу у одређени исход, уз веру да је такав исход могућ (SE). Уколико је допуна у садашњем или прошлом времену, означава се став субјекта према пропозицији: жељно очекивање да је пропозиција која следи истинита.

³ Уп. дефиницију у RЈAZU (VII: 258): „оčekivati što (obično što povoljno ili što nije ni povoljno ni nepovoljno, rjeđe ono, sto je nepovoljno)“.

⁴ По правилу наводимо за сваку категорију по 3 примера као илустрацију; мањи број значи да се наводе све потврде из грађе.

никада се . паа . ннса⁴ нада⁴ да би мї вола . не била . ѿ теџ . код вашєга господства ПП 987: 30–31 (1506)

‘никада нисам очекивао да ваше господство у томе не би извршило моју вољу’,

зафалиса⁶ ере сте се нзџ насџ радн побрннџан н ваше слуге потрдн⁷ алн сџмо се ѿ⁸ ваше мнлостн такон н надаан ере кете насџ радн так⁹н ѳчнннтн ПП 990: 9–11 (1507)

‘захвалисмо јер сте се нас ради побринули и ваше слуге затрудили, али смо од ваше милости и очекивали да ћете нас ради тако учинити’.

Глагол се јавља и без допуне, при чему се из ширег контекста види шта је предмет очекивања, уз евентуално присуство просентенцијализатора како, такон:

ере се н мџа висџта џд васџ такон нада ПП 919: 8–9 (1495)

‘јер моја висост од вас тако очекује’⁵,

н мї се поштено нада⁶мџо ПП 987: 49–50 (1506)

‘и ми смо поштено очекивали’⁶,

сџга се такон надамо ѿ⁷ ва(ше) мнлостн покле нашџ кннжнџа прнннтџе џџо годџ бџде пратежн хамџзнџе нан готове све да се лепо бн⁸ н да мџ се преда братџ мџ махџмџтџ н џџртџкџ мџ юсџџџ да нмџ не мџњџка ннџедна аспра него да нхџ лепо намнрнтџе ПП 991: 10–14 (1511)

‘сада тако очекујемо од ваше милости: када наше писмо примите, шта год буде од товара Хамзиног или готовине све да се лепо види и да се преда брату му Махмуту и ортаку му Јусуфу, да им не мањка ниједна аспра него да их намирите’.⁷

Значење ‘жељно очекивати, надати се’ реализује се као контекстом условљена „конверзациона импликатура“:⁸

а мн г⁹не по твоџн мџтн н бољџм наднџџо се ѿ краљџкџства тн ПП 433: 9–10 (1399)

‘а ми се господине по твојџ милости и бољем надамо од краљевства ти’.⁹

⁵ Турски султан Бајазит захваљује Дубровчанима што су му јавили да је Џем умро, истичући да тако и треба, те да он то од њих очекује јер су и раније биле добре слуге Порте.

⁶ Скендербег у писму истиче своје заслуге за Дубровник и пише Дубровчанима како је стога поштено заузврат очекивао помоћ.

⁷ Из императивног тона „да их намирите“ јасно је да се ради о очекивању да се речено изврши.

⁸ Још је главни теоретичар младограматичарске школе Херман Паул писао о „уобичајеном“ (usuelle) и „оказионалном“ (okkasionelle) значењу; под првим се подразумева укупност садржаја који сваки говорник повезује с одређеном речју, а под другим садржај који говорник у конкретној употреби асоцира с речју, очекујући од саговорника исту асоцијацију (Paul 1970: 75). У савременој лексичкој семантици ово се представља као однос „(деконтекстуализованог) кодираног значења“ и „контекстуалног значења“ (Geeraerts 2010: 230), при чему се овде не ради о полисемији, будући да „конверзационе импликатуре“ (König, Traugott 1988) нису део стабилне семантичке структуре (Geeraerts 2010: 196).

⁹ Писмо је молба Дубровчана босанском краљу Остоји да се његовим људима који иду у Дубровник не узима царина на Љутој, те је у овом контексту оправданије говорити о надању а не о очекивању.

3. Семантичко језгро глагола *уздати* (се) открива такође његова етимологија. Псл. **vъzdati* ‘предати’ (в. ESJS 18: 1112) у рефлексивној форми ‘предати себе’ даје, као резултат метафоре и метонимије, ‘веровати’. Даљом метонимијском променом узрок > последица развија се и значење ‘имати поверење, поуздати се’.

Допуна му може бити номинална, неправи објекат исказан предлошко-падежним конструкцијама *на* + акузатив (а) и *у* + акузатив (б):

- (а) *лн уздамо на ваше пријатељство* ПП 269: 29–30 (1397)
 ‘ми се уздамо у ваше пријатељство’,
уздамо на доброга б҃га ПП 496: 21 (1404)
 ‘уздамо се у доброг Бога’,
уздаши се на вашу верност ПП 882: 9 (1481–1482)
 ‘поуздавши се у вашу верност’,
- (б) *още се ѣ уздамъ в ваш прѣзанъ* ПП 491: 10–11 (1399)
 ‘још се уздам у ваше пријатељство’,
такон се н узданте в наѣ ПП 780: 8 (1473)
 ‘тако се и уздајте у нас за сваки ваш посао као сами у себе’
зашо се в вас уздамо н вернехъ в нмамо ПП 918: 10–11 (1495)
 ‘јер се у вас уздамо и сматрамо вас вернима’.

Допуном *за* + акузатив означава се оно на шта се поуздање односи:

- такон се н узданте в наѣ за сваку вашу работъ каконо самн в себе* ПП 780: 8–9 (1473)
 ‘тако се и уздајте у нас за сваки ваш посао као сами у себе’

Допуна може бити и клауза, и у том случају шири контекст открива да ли је у питању значење ‘бити уверен’ (а) или ‘надати се’ (б), као његова контекстуална импликатура. Наиме, ‘надати се’ настаје као резултат метонимије узрок > последица, будући да поверење у некога резултира надањем да ће он поступити ваљано, тј. онако како субјекат жельно очекује; одређе-ни број случајева остаје двосмислен (в):

- (а) *н подираю ѿ куге ѿ часа уздамо да не недраго гптѣв ти* ПП 200: 12–13 (1400)
 ‘и умиру од куге, што уверени смо да није драго господству ти’,
- (б) *уздаюкѣ възда да краљество мѣ . оне зле кѣнке ки злѣ говоре на странѣ оставн а намъ бѣде мнлостивъ* ПП 484: 16–18 (1406)
 ‘надајући се вазда да ће његово краљество оне зле језике који зло говоре занемарити и бити милостив према нама’,
- (в) *нмаи наше трговце в обарованню н съблюданъ н уздрѣжн в добрѣхъ законѣхъ како уздамо да кѣ енѣ* ПП 798: 22–23 (1396)
 ‘побрини се за наше трговце и чувај их и држи у добрим законима, како смо уверени/се надамо да ће бити’.

4. Глагол *впатн* (8фатн) (ѿ) (< посл. **ur̥vati*) изведен је додавањем префикса **и* глаголу **р̥vati*, који нема јединствену етимологију (ESJS 12: 737). Имајући у виду његову семантику у старосрпском ‘имати поверење, поуздати се’, основаном се чини тумачење које га изводи од посл. **р̥внъ* ‘оданост, позданост’ (Snoj).

Значење ‘имати поверење, поуздати се’ експлицирано је неправим објектом у виду предлошко-падежних конструкција *на* + акузатив (а), *у* + акузатив (б) и по изузетку *за* + акузатив (в):

- (а) а на насъ ваша любовъ впанъ в всемъ в чедъ моредо ПП 132: 20–21 (1399)
‘а ваша љубав нека се у нас поузда у свему што можемо’,
- алн к намъ врано вѣроватъ вѣуюкѣ на велнкѣ любавъ како к ваша приазенъ показала ПП 475: 12–13 (1405)
‘али нам је тешко да поверујемо, уздајући се у велику љубав како је ваше пријатељство показало’,
- а сада . властелъ . вѣамъ . на бога скоро в томъ . н в ншомъ . вѣде се . ваша . богла изваршнтн ПП 981: 12–13 (15. в.)
‘а сада, властело, уздам се у Бога да ће се ускоро у том и у другом ваша воља испунити’,
- (б) а ми впамо в гптво вн ПП 192: 13 (1398)
‘а ми се уздамо у ваше господство’,
- а крѣ пишеть да краљ остоа свѣднн н не впа се в насъ ПП 485: 4–5 (1407)
‘а што пишете да краљ Остоја сумња и да се не узда у нас’,
- а да к тон бнль(!) н истина исти поклицарѣ да вн рекъ вздамо в ннѣ племѣщннн ПП 310: 40–41 (1418)
‘а да је то било и истина исти поклицари нека вам кажу, уздамо се у њихову племенитост’,
- (в) а ми по вашемъ писанню ѿ ннѣ се нѣсдо блуаннн ннѣ вквалннн ннѣ зла кога вчннннѣ а все за вашъ любавъ впауюкѣ ПП 478: 17–18 (1405)
‘а ми се, према вашем писму, од њих нисмо ни пазили ни чували, нити им икакво зло учинили, а све у вашу љубав уздајући се’.

Допуном *за* + акузатив означава се и оно на шта се поуздање односи:

за тво работъ ѿ тебе впамо се н деветъ кратъ ПП 497: 15 (1403)
‘за тај посао од тебе уздамо се и девет пута’,

за то можете плно вфатъ н сѣдннн напрѣдъ ПП 263: 13–14 (1405)
‘за то се можете потпуно поуздати и сада и убудуће’,

Уколико је допуна клауза само се на основу контекста може установити да ли је реч о значењу ‘бити уверен’ (а) или ‘надати се’ (б), као резултату контекстуалне метонимије узрок > последица, као и у случају глагола *оуздатн* (ѿ), при чему неке потврде остају двосмислене (в):

- (а) за које вѣдѣмо да не бѣде вгодно гнѣхъ божьвди радосавѣ када взна ПП 621: 17–18 (1422)
‘за шта смо уверени да неће бити угодно гоподину војводи Радосаву кад чује’,¹⁰
- (б) како вѣдѣмо да бѣдѣмо какото смо прѣ ѡвен рати внал ПП 276: 12–13 (1404)
‘како се надамо да ћемо бити као што смо и пре овога рата били’,
- (в) а ѡвен забавѣ које чинѣ вѣдѣмо да нѣсѣ с вашоѣмъ вѣстнѣю ПП 277: 23–24 (1404)
‘а ове сметње које чине уверени смо /надамо се да нису с вашим знањем’.

5. Три глагола надања посведочена су у грађи старосрпских повеља и писама од друге половине XIV до почетка XVI столећа, док за ранији период, најалост, не постоје потврде, што је свакако условљено ванлингвистичким разлозима (садржајем текста и бројем сачуваних докумената из XII и XIII века).

Глаголом надати ϵ лексикализован је појам ‘очекивати (мислити, веровати да ће се нешто догодити или да ће неко доћи)’, неутралан у погледу односа субјекта према будућем догађају, док се значење ‘жељно очекивати, надати се’ јавља као његова контекстуална импликатура. Тек у каснијем периоду доћи ће до конвенционализације ове импликатуре, те ће глагол добити значење какво има и у савременом српском језику. С овим у вези је и развој новог глагола *оценивати*, који ће заузети место старосрпског надати ϵ у систему.¹¹ У старосрпским повељама и писмима он није забележен и, судећи према грађи датој у RJA (VIII: 512), развија се касно, а од ранијих речника забележен је тек у Вуковом.

Глаголи оудати (ϵ) и вѣвати/вѣати (ϵ) представљају у испитиваном периоду синонимски пар, а у њиховој употреби нису запажене територијалне разлике, оба се јављају у документима и са запада и са истока српског језичког подручја. Обома је значењско језгро ‘имати поверење, поуздати се’, које се реализује у споју глагола с неправим објектом (предлог + акузатив). У случају клаузалне допуне значење је ‘бити уверен’ (последица поверења, поуздања), те метонимијска контекстуална импликатура ‘надати се’.

Стсрп. надати ϵ и вѣвати/вѣати (ϵ) представљају континуанте псл. **nadě(jati se)* и **upřvati (se)*.¹² Старосрпски развија семантичку и творбену иновацију у односу на прасловенско и општесловенско **vzdati* ‘предати’ > оудати (ϵ) ‘имати поверење, поуздати се’, које тако постаје синонимично с наслеђеним вѣвати/вѣати (ϵ), и такву ситуацију затичемо у повељама

¹⁰ У писму Дубровчани траже од кнеза Бранка из Сокола, вазала војводе Радослава Павловића, објашњење за плачку коју је извршио са својим људима у Конавлима. Обавештени да Радослав Павловић о томе ништа не зна, изјављују да су уверени да се његовом господару то неће допасти (а не да се надају). О преписци в. шире у Смиљанић 2014.

¹¹ Уз ово и напомена да се у нашој грађи глагол чекати ‘чекати’ јавља искључиво у конкретном значењу (физичко чекање), никада у пренесеном, нпр.: *ѡ сѣхъ днѣхъ чекѣмо црѣа црѣоградскога изъ внѣтък ПП 499: 10 (1403)* ‘ових дана чекамо цариградског цара из Млетака’.

¹² Тако и у старословенском: надѣати сѧ : оупѣвати (в. СС).

и писмима XII–XVI века. Њихова синонимија разрешаваће се у каснијем периоду даљим ширењем глагола *уздаџи се* на рачун старијег *уџаџи/уфаџи (се)*. Имајући у виду и промене везане за стсрп. надатн *џ*, у савременом српском језику успоставиће се тријада:¹³ *очекиваџи — надаџи се — уздаџи се*, заменивши прасловенску дихотомију **nadě(ja)ti se* и **urъvati (se)*.

ЛИТЕРАТУРА

- Павловић Слободан. *Старосрпска зависна реченица (од XII до XV века)*. Сремски Карловци — Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009.
- ПП: Љуб. Стојановић. *Старе српске њовеље и њисма*, I/1–2 (Зборник за историју, језик и књижевност српског народа XIX). Београд, 1929, 1934.
- РКСС: Ђ. Даничић. *Рјечник из књижевних старина српских*, 1–3. У Биограду, 1863–64. Београд: Вук Караџић, 1975.
- РМС: *Речник српскохрватскога књижевног језика* (ур. Михаило Стевановић и др.), I–III. Нови Сад — Загреб: Матица Српска — Матица хрватска, 1967–1969; IV–VI. Нови Сад: Матица српска, 1969–1976.
- Смиљанић Аранђел. „Дубровачко писмо војводи Радославу Павловићу поводом пљачке кнеза Бранка“. *Грађа о прошлости Босне*, књ. 7, 2014: 51–58.
- СС: *Старославјанский словарь, по рукописям X–XI веков* (ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова). Москва: Русский язык, 1994.
- ESJS: *Etimologický slovník jazyka staroslověnského* (red. Eva Havlová; Adolf Erhart; Ilona Janyšková), 1–19. Praha: Československá akademie věd, Ústav slavistiky — Akademie věd České Republiky, Ústav pro jazyk český, 1989–2018.
- Geeraerts Dirk. *Theories of Lexical Semantics*. Oxford: University Press, 2010.
- König Ekkehard, Elizabeth C. Traugott. “Pragmatic strengthening and semantic change: The conventionalizing of conversational implicature“. Werner Hüllen, Rainer Schulze (eds.). *Understanding the Lexicon: Meaning, Sense and World Knowledge in Lexical Semantics*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1988: 110–124.
- Milivojević Zoran. 2014. *Emocije. Psihoterapija i razumevanje emocija*. Novi Sad: Psihopolis institut.
- Paul Hermann. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1970 [Studienausgabe der 8. Auflage].
- RJAZU: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–XXIV. Zagreb: JAZU, 1880–1976.
- SE: *Stanford encyclopedia of philosophy*: Emotion. <<https://plato.stanford.edu/entries/emotion/>> 30.07.2021.
- Snoj Marko. *Slovenski etimološki slovar* <<https://fran.si/193/marko-snoj-slovenski-etimoloski-slovar/4293292/p?FilteredDictionaryIds=193&View=1&Query=upati&referencedHeadword=%c8%97pati>> 20.07.2021.

REFERENCES

- ESJS: *Etimologický slovník jazyka staroslověnského* (red. Eva Havlová; Adolf Erhart; Ilona Janyšková), 1–19. Praha: Československá akademie věd, Ústav slavistiky — Akademie věd České Republiky, Ústav pro jazyk český, 1989–2018.
- Geeraerts Dirk. *Theories of Lexical Semantics*. Oxford: University Press, 2010.
- König Ekkehard, Elizabeth C. Traugott. “Pragmatic strengthening and semantic change: The conventionalizing of conversational implicature“. Werner Hüllen, Rainer Schulze (eds.). *Understanding the Lexicon: Meaning, Sense and World Knowledge in Lexical Semantics*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1988: 110–124.

¹³ Као пример дајемо стандардни језик, чему, наравно, не мора одговарати ситуација у дијалектима српског језика.

- Milivojević Zoran. 2014. *Emocije. Psihoterapija i razumevanje emocija*. Novi Sad: Psihopolis institut.
- Paul Hermann. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1970 [Studienausgabe der 8. Auflage].
- Pavlović Slobodan. *Starosrpska zavisna rečenica (od XII do XV veka)*. Sremski Karlovci — Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2009.
- PP: Ljub. Stojanović. *Stare srpske povelje i pisma*, I/1–2 (Zbornik za istoriju, jezik i književnost srpskog naroda XIX). Beograd, 1929, 1934.
- RJAZU: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–XXIV. Zagreb: JAZU, 1880–1976.
- RKSS: Đ. Daničić. *Rječnik iz književnih starina srpskih*, 1–3. U Biogradu, 1863–64. Beograd: Vuk Karadžić, 1975.
- RMS: *Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika* (ur. Mihailo Stevanović i dr.), I–III. Novi Sad — Zagreb: Matica Srpska — Matica hrvatska, 1967–1969; IV–VI. Novi Sad: Matica srpska, 1969–1976.
- SE: *Stanford encyclopedia of philosophy*: Emotion. <<https://plato.stanford.edu/entries/emotion/>> 30.07.2021.
- Smiljanić Arandel. „Dubrovačko pismo vojvodi Radoslavu Pavloviću povodom pljačke kneza Branka“. *Građa o prošlosti Bosne*, knj. 7, 2014: 51–58.
- Snoj Marko. Slovenski etimološki slovar <<https://fran.si/193/marko-snoj-slovenski-etimoloski-slovar/4293292/p?FilteredDictionaryIds=193&View=1&Query=upati&referencedHeadword=%c8%97pati>> 20.07.2021.
- SS: *Staroslavjanskij slovar', po rukopisjam X–XI vekov* (red. R. M. Cejtlin, R. Večerka, È. Blagova). Moskva: Russkij jazyk, 1994.

Jasmina Grković-Major

ON THREE VERBS OF HOPING IN OLD SERBIAN:
nadati se, uzdati (se), upvati/ufati (se)

Summary

This paper analyzes the semantics of three verbs of hoping in Old Serbian: *nadati se*, *uzdati(se)*, *upvati / ufati(se)*, on the corpus of charters and letters from the 12th–16th century. The verb *nadati se* lexicalizes the concept ‘expect (think or believe something will happen, or someone will arrive)’, while ‘expect wishfully, hope’ appears as its contextual implicature. Only in the later period was this contextual implicature conventionalized, giving the coded meaning which the verb has in contemporary Serbian. This process is connected with the development of the verb *očekivati* ‘expect’, not found in the charters and letters from the 12th–16th century.

The verbs *uzdati(se)* and *upvati / ufati(se)* are synonymous, with no dialectal differences in their usage. Their semantic core is ‘trust, rely’ (with an oblique object: preposition + accusative) and ‘be confident’ (with a clausal complement), while ‘hope’ is its metonymic contextual implicature. Old Serbian *nadati se* and *upvati / ufati(se)* are formal and semantic continuants of Proto-Slavic **nadě(ja)ti se* и **upъvati (se)*. Old Serbian developed the formal and semantic innovation of Proto-Slavic **vъzdati* ‘give (completion of the action)’ > Old Serbian *uzdati se* ‘give oneself’ > ‘trust, rely; be confident’, becoming synonymous with the *upvati / ufati (se)*, inherited from Proto-Slavic. This synonymy will be resolved only in the later period by the generalization of *uzdati se*.

Key words: historical lexicology, Old Serbian, charters and letters, verbs of hoping.

Анатолий Турилов
Институт славяноведения РАН
aaturilov@gmail.com

Anatoly Turilov
Institute of Slavic Studies of the RAS
aaturilov@gmail.com

ЧТО ЗНАЧАТ СЛОВА «АЗБУЧНЫЕ СТИХИ КОНСТАНТИНА
ФИЛОСОФА» В МИНЕЕ ПРАЗДНИЧНОЙ XIV В. СТАРОГО
СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ СЕРБИИ № 135 (293)?
К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ
АЗБУЧНЫХ СТИХИР

WHAT DO THE WORDS “ALPHABET POEMS BY KONSTANTIN
THE PHILOSOPHER” MEAN IN THE FOURTEENTH-CENTURY
HOLIDAY MINE IN OLD COLLECTION OF THE NATIONAL
LIBRARY OF BELGRADE № 135 (293)? THE QUESTION ABOUT
THE AUTHORITY OF THE ANCIENT SLAVIC ALPHABETIC VERSE

Статья посвящена одной из погибших в 1941 г. рукописей Национальной Библиотеки в Белграде, Минее праздничной XIV в., содержащей, как выясняется из опубликованных в 1952 г. дополнений С. Матица к каталогу Л. Стояновича, ряд уникальных известий. Главное состоит в том, что цикл славянских азбучных стихир в ее составе, относимых исследователями к наследию учеников Кирилла и Мефодия, имел указание на авторство. Этим автором является «Константин Философ», который надежно отождествляется с выдающимся гимнографом Константином Преславским.

Ключевые слова: Национальная библиотека Сербии, погибшая коллекция, Минее праздничная, азбучные стихиры, Константин Философ.

The article focuses on one of the manuscripts of the National Library in Belgrade that was destroyed in 1941, the fourteenth-century Holiday Mine, which contained a number of unique news, as it turns out from S. Matić's additions to L. Stojanović's catalog published in 1952. The main thing is that the cycle of Slavic alphabetic stichera in its composition, attributed by researchers to the legacy of the disciples of Cyril and Methodius, had an indication of authorship. This author is “Konstantin the Philosopher”, who is reliably identified with the outstanding hymnographer Konstantin Preslavsky.

Keywords: National Library of Serbia, lost collection, festive Minea, abc stichera, Konstantin the Philosopher.

Посвящается Климентине Ивановой,
полвека назад впервые введшей их в научный оборот.

Общеизвестно, что потери, понесенные мировой палеославистикой от гибели в 1941 г. рукописного собрания Народной Библиотеки Сербии в результате гитлеровской бомбардировки Белграда (см. об этом, к примеру Богдановић 1974, Дурковић-Јакшић 1984–1985), невосполнимы и в реальности не поддаются учёту. Прежде всего по той причине, что мы недостаточно хорошо представляем себе (с точки зрения как датировки и иллюминации, так и, прежде всего, разумеется, содержания) эту погибшую коллекцию¹. Описание основной ее части, старшей по времени поступления в хранилище, составленное Л. Стояновичем (Стојановић 1903), достаточно кратко, за исключением сборников небогослужебного содержания (ср. оценку каталога в послесловии к его репринту — Штавланин-Ђорђевић 1982). В значительной мере (но не целиком²) эту традицию продолжает и основная часть описания С. Матича, посвященного поступлению рукописей между 1903 и 1941 г. и составленного еще до трагического события, но опубликованного лишь в 1952 г. (Матић 1952: 1–231).

Представляется, что давно назрела необходимость максимально полной реконструкции погибшего собрания на основе данных литературы и неопубликованных источников (как письменных, так и изобразительных), сохранившихся в архивах исследователей, работавших с рукописями НБС до трагедии 1941 г., причем, разумеется, не только югославских, но и зарубежных (прежде всего австро-венгерских, болгарских, немецких, российских и чешских). Мысль эта давно высказывалась в югославской научной литературе (Радојчић 1954; Богдановић 1974), но до ее реализации дело до сих пор так и не дошло³. Ближе всех к решению проблемы подошел академик Д. Богданович, включивший сведения о кодексах старого собрания НБС (в числе других рукописей, погибших либо рассеянных во время Второй Мировой войны) в *Инвентарь кириллических рукописей XI–XVII вв. в Югославии* (Богдановић 1982: 191–222).

¹ Особенно это ясно сейчас, когда в результате открытий и исследований последнего сорокалетия (середина 1970-х — середина 2000-х гг.) в научный оборот введен без преувеличения огромный (свыше 100 памятников) корпус древнейших славянских гимнографических текстов, созданных учениками Кирилла и Мефодия (см. об этом, например, Нововывленные оригинальные произведения 2003, Попов 2003а, Попов 2003б, Станчев 2003, Мошкова, Турилов 2006, Йовчева 2008), поскольку большую часть погибших рукописей, естественно, составляли богослужебные книги.

² О принципах описаниях в каталоге см. (Матић 1952: V–VII). Немаловажные дополнения и уточнения к каталогу Л. Стояновича содержит также публикация М. Н. Сперанского, не получившая известности в сербской исследовательской литературе (Сперанский 1914–1915; Турилов 2018: 11–20).

³ Несколько лет назад автор этих строк совместно с сотрудницей ОР РНБ Ж. Л. Левшиной выступили с инициативой составления свода сведений о рукописях старого собрания НБС, сохранившихся в архивах российских славистов (и прежде всего П. А. Лаврова, М. Н. Сперанского и А. И. Яцимирского, много работавших в Белграде). Наше предложение не встретило, однако, понимания со стороны тогдашнего руководства НБС.

Можно не сомневаться, что в случае реализации этого проекта исследователей ожидает немало находок и открытий разного уровня и значения. Проиллюстрирую это одним достаточно выразительным, на мой взгляд, примером.

«Опис» рукописей НБС, составленная С. Матичем, о которой уже шла речь выше, содержит, помимо описания кодексов, поступивших в собрание в 1903–1941 гг., немаловажные дополнения, уточнения и исправления к предшествующему каталогу Л. Стояновича (Матић 1952: 233–271); можно лишь выразить сожаление, что при переиздании последнего эта часть книги Матича не была репринтирована в приложении к нему)⁴.

Большинство их относится к записям, не упомянутым и не воспроизведенным у Стояновича (в том числе писцовым), и к славянским памятям в месяцесловах, в целом ряде случаев (Матић 1952: 239–241, № 135 (223), 142 (663); 243–244, № 186 (607), 198 (676), 200 (671); 245–246, № 209 (15), 215 (679), 245 (715), 248 (711); 248–249, № 277 (720), 291 (721); 250, № 307 (733), 309 (494), 317 (262); 254, № 390 (27); 258–262, № 469 (33); 265–266, № 550 (179), 581 (743)) речь идет о существенном уточнении и дополнении содержания. На фоне всего этого особенно выделяется № 293 (135 по каталогу), описанный у Стояновича как Минья общая первой половины XIV в. (Стојановић 1903: 45–46), полученная из Скопле. С. Матич сообщает (Матић 1952: 239–241), что на деле речь идет о Минее праздничной⁵ и приводит пространную запись писца (иеромонаха Иоанна) на обороте первого листа, не отмеченную (а, вероятно, и не замеченную) Стояновичем⁶ и представляющую отдельное небольшое литературное произведение (в наборе занимает почти целую страницу (Матић 1952: 240–241).

К сожалению, С. Матич не дал постатейной росписи кодекса, которой, как будет показано ниже, тот несомненно заслуживал. Тем не менее, даже сообщенная описателем информация достойна самого пристального внимания. Достаточно упомянуть здесь помещенную на л. 122 под 8 мая память «первого Арсения, архиепископа Болгарского» (Матић 1952: 240), представляющей для исследователей несомненную историко-культурную загадку (Турилов, Желесијевић 2020: 262. Примеч. 28).

Однако еще больший сюрприз представляет не вполне ясное упоминание в описании наличие в рукописи «азбучных стихов презвитера Кон-

⁴ Дополнения к каталогам вообще плохо читаются большинством исследователей, обычно разыскивающих в справочниках сугубо конкретную информацию, а в данном случае речь идет о дополнениях к чужому каталогу. Говорю об этом с полным знанием дела, поскольку неоднократно получал (и получаю вплоть до настоящего времени) от коллег вопросы по поводу датировки рукописей, при том, что большинство этих сведения было опубликовано еще в 2002 г. в приложении к вып. 1 Сводного каталога XIV в. (СК XIV 2002: 559–591), а значительная часть даже раньше (Турилов 2000).

⁵ Исправления Матича учтены Д. Богдановичем в его *Инвентаре* (Богдановић 1982: 205, R 357). О причинах смещения этих типов книг (точнее, замены названия «Праздничная Минья» на «общая») в научной и научно-справочной литературе см.: (Турилов 2016).

⁶ Она не включена исследователем в состав изданного им свода записей и надписей — ни в третий том, опубликованный через год после каталога НБС (*Сѣтари срѣски зайиси* 1903, ни в дополнительный том *Сѣтари срѣски зайиси* 1926).

стантина, означенного здесь как «Константина Философа»» (Матић 1952: 239). Следует согласиться с описателем в отношении этой атрибуции⁷, поскольку светское имя славянского первоучителя, совпадающее с именем его ученика, в отличие от монашеского (Кирилл)⁸, встречается в славянской письменной традиции крайне редко — в сущности, такое надписание сопровождает только ряд списков так называемой Азбучной молитвы или «Прогласа», стихотворного предисловия к Учительному Евангелию Константина Преславского (Кув 1985: 50).

Но если авторство Константина Преславского применительно к азбучному песнопению/песнопениям в составе погибшей Праздничной Минеи НБС не вызывает особых сомнений, то этого нельзя сказать о жанре произведения («азбучные стихи»), поскольку таковым абсолютно не место в данном типе богослужебной книги, включающей службы (и, в ряде случаев, отдельные песнопения), расположенные в порядке месяцеслова. По всей вероятности, в текст С. Матича вкралась ошибка прочтения или опечатка и речь идет здесь не о «стихах» а о стихирах. Она вполне возможна, учитывая особенности сокращенного написания слов «стихира/стихирь» в славянских богослужебных рукописях как «стиХ» с выносным Х⁹.

Циклы славянских азбучных стихир с глаголической последовательностью букв на Рождество Христово и Богоявление были впервые введены в научный оборот болгарской исследовательницей Климентиной Ивановой (Ивановой-Константиновой), юбилей которой мы отмечаем в этом году, 50 лет назад и опубликованы ею по двум южнославянским (болгарскому и сербскому) спискам (Иванова-Константинова 1971). Позднее Б. Йованович-Стипчевич были найдены и изданы два других цикла славянских азбучных стихир по неполному сербскому списку XIII в. (Јовановић-Стипчевић 1982). В докладе на съезде славистов в Любляне Г. Попов на основании новых находок говорит уже о целой традиции этих циклов в болгарских, русских и сербских Минеях, праздничных и служебных, начиная с XII в. (Попов 2003а: 32–47). Однако ни в одной из этих рукописей, в отличие от погибшего списка НБС, имя Константина Философа не зафиксировано, в этом смысле данная Минея уникальна и позволяет надежно причислять

⁷ В предшествующей публикации (Турилов 2018: 133–134), где эта атрибуция рассматривалась попутно, я принимал отождествление С. Матича, не рассматривая вопрос его достоверности, но сейчас, по-прежнему соглашаясь с сербским исследователем, считаю необходимым разобраться с могущими возникнуть сомнениями и недоразумениями (см. ниже).

⁸ С этим именем и прозвищем в заглавии в рукописной традиции встречаются и сочинения Константина Преславского (Кув 1985: 50; Турилов 1985) и (вероятно из-за общего прозвища) сравнительно недавно (в конце 1970-х гг.) открытого киевского автора XI в. Григория Философа (Соболевский 1901; Рыков, Турилов 1981; Турилов 2006). В то же время целый ряд памятников с именем Кирилла Философа в заголовке (Сухомлинов 1855) остается не атрибутированным и нет надежды, что это случится в будущем. Преимущественно это учительные слова с явно апокрифическими элементами в содержании.

⁹ См., например, новгородскую Минею служебную XII в. (Москва, ГИМ, Синодальное собрание, № 162) на декабрь, л. 176 и др. (Gottesdienstmenaum 2000: 352).

эти циклы к и без того богатому творческому наследию Константина Преславского. К сожалению, краткость сведений, приводимых С. Матичем, не позволяет связать это указание на авторство с конкретным циклом (о вариантах расположения их в рукописях — Попов 2003а: 33) и даже о календарной приуроченности «азбучных стихов». Но допустимо предположение, что речь идет об остатке заглавия комплекса, включавшего (во всяком случае, первоначально) все 4 цикла комплекса алфавитных стихир.

ЛИТЕРАТУРА

- Богдановић Димитрије. „Стара српска рукописна књига и проблем реконструкције њених фондова“. *Сјоменица, посвећена 130-годишњици животоа и рада Библиошке Српске Академије наука и уметности*. Посебна издања САНУ. Београд, 1974. Књ. 476 (Споменица. Књ. 65): 37–42.
- Богдановић Димитрије. „Стара српска рукописна књига и проблем реконструкције њених фондова“. Богдановић Димитрије. *Сјудије из српске средњовековне књижевности*. Београд, 1997: 80–88.
- Богдановић Димитрије. *Инвенџар ћирилских рукописа у Јужославији (XI — XVII в.)*. Београд, 1982.
- Дурковић-Јакшић Љубомир. „О пропасти Народне Библиотеке у Београду 1941. и судбини њених реткости“. *Археографски прилози* 6–7 (1984–1985): 7–50.
- Иванова-Константинова Климентина. „Два неизвестни азбучни акростиха с глаголическа подредба на буквите“. *Константин Кирил Философ: Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му*. София, 1971: 341–365.
- Йовчева Мария. „Старобългарска химнографија“. *История на българската средновековна литература*. Съставител Анисава Милтенова. София, 2008: 102–123.
- Јовановић-Стипчевић Биљана. „Текстолошка установленост састава и броја слова старословенске азбуке према *Сѣххирима на Рођење и Кршћење у српском ѿрејису*“. *Археографски прилози* 3 (1982): 93–122.
- Кув Кујо. „Азбучна молитва“. *Кирило-Методиевска енциклопедия*. Т. 1. София, 1985: 50–54.
- Матић Светозар. *Ојис рукописа Народне Библиошке. Са прилогом: „Породични архив Рацковића*“. Описао др. Мита Костић (Посебна издања САНУ. Књ. 191). Београд, 1952.
- Мошкова Людмила, Турилов Анатолий. «Гимнография древнейшая славянская оригинальная». *Православная энциклопедия*. Т. 11 (Георгий — Гомар). Москва, 2006: 495–497, 507.
- «Нововыявленные оригинальные произведения древнеславянской гимнографии IX–X вв.». *La poesia liturgica slava antica. XIII congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico 14. Relazioni / Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Международный съезд славистов (Любляна, 15–21 августа 2003). Тематический блок № 14. Доклады*. Roma; Sofia, 2003. Прилож.: 109–112.
- Попов Георги. «Новооткрити химнографски произведения на Климент Охридски и Константин Преславски». *Български език* 1 (1982): 3–36.
- Попов Георги. «Акростих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия». *La poesia liturgica slava antica. XIII congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico 14. Relazioni*. Roma; Sofia, 2003a: 30–55.
- Попов Георги. «Химнография старобългарска». *Кирило-Методиевска енциклопедия*. Т. 4. София, 2003б: 400–414.
- Радојичић Никола. „Реконструкција збирке рукописа Народне библиотеке у Београду“. Предавање, одржано 24 јуна 1953 у Народној библиотеци у Београду. *Библиошкар* 2 (1954): 65–71.
- Рыков Юрий, Турилов Анатолий. «Из истории русско-болгарских культурных связей XI в. (Григорий Философ — малоизвестный писатель Киевской Руси)». *Русско-болгар-*

- ские связи в области книжного дела. Сб. материалов VII болгаро-советского семинара. Москва, 1981: 64–105.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1. Отв. ред. Анатолий Турилов. Москва, 2002.
- Соболевский Алексей. «Шестоднев Кирилла Философа». *Известия ОРЯС*. Т. 6. Санкт-Петербург, 1901: 177–202.
- Сперанский Михаил. «Белградские рукописи». *Библиографическая летопись*. Вып. 1. Петроград, 1914: 51–59; Вып. 2. Петроград 1915: 3–20.
- Станчев Красимир. «Литургическая поэзия в древнеславянском литературном пространстве (История вопроса и некоторые проблемы изучения)». *La poesia liturgica slava antica. XIII congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico 14. Relazioni / Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Международный съезд славистов (Любляна, 15–21 августа 2003). Тематический блок № 14. Доклады*. Roma; Sofia, 2003: 6–22.
- Сѣтари срѣски зайиси и найѣиси. Скупно их и средно Љубомир Стојановић. Београд, 1905 (репринт — 1984). Књ. 3.
- Сѣтари срѣски зайиси и найѣиси. Скупно их и средно Љубомир Стојановић. Сремски Карловци, 1926 (репринт — Београд, 1988). Књ. 6.
- Стојановић Љубомир. *Кашалоџ Народне Библиошке у Београду*. IV. Рукописи и старе штампане књиге. Београд, 1903 (репринт — 1982).
- Сухомлинов Михаил. «О псевдонимах в древней русской словесности». *Известия АН по РЯС* 4/3 (1855): стб. 117–159.
- Турилов Анатолий. «К истории великоморавского наследия в литературе южных и восточных славян (Слово “о похвале Богородице Кирилла Философа” в рукописной традиции XV–XVII вв.)». *Великая Моравия и ее историческое и культурное значение*. Москва, 1985: 253–269 (переиздано с исправлениями, дополнениями и публикацией памятника: Турилов Анатолий. 355. *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья*. Москва, 2010: 12–44; Турилов Анатолий. *Межславянские связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики*. Москва: «Знак», 2012: 21–46).
- Турилов Анатолий. «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв., хранящихся в СССР. Ч. 1. Исправления и уточнения». *Annali dell’ Istituto universitario Orientale di Napoli (AION). Slavistica*. 1997–1998. Vol. 5. Napoli, 2000: 469–504.
- Турилов Анатолий. «Григорий Философ». *Православная энциклопедия*. Т. 13 (Григорий Палама — Даниэль Ропс). Москва 2005: 71–74.
- Турилов Анатолий. «К истории бытования и изучения древнеболгарских рукописей в России первой половины — середины XIX в.: реконструированная Миняя праздничная (РНБ, Ф. п. I. 72 + БРАН, 24.4.11) “Палаузовская” или же “Априловская”?». *Vis et sapientia: Studia in honorem Anisavae Miltenova. Нови извори, интерпретации и подходи в медиевистиката*. София, 2016: 182–189.
- Турилов Анатолий. «Климент Охридский и древнейший этап славянской гимнографии». *San Clemente di Ocrida: Allievo e maestro / Nell’ undicesimo centario del beato transitio (916–2016)*. (Accademia Ambrosiana. Classe di Slavistica, Vol. 7). Milano, 2017: 123–144.
- Турилов Анатолий. «“Потерявшиеся” публикации 1914–1915 гг. русских исследователей о средневековых сербских рукописях». *Срѣско-руске књижевне и културне везе. Ејоха модерна / Сербско-руские литературные и культурные связи. Эпоха модерна*. Отв. ред. Корнелия Ичин. Нови Сад; Москва, 2018: 9–32.
- Турилов Анатолиј, Јелесијевић Снежана. „Нове чињеница о Светом архиепископу српском Арсенију“. *Осам векова ауџокефалије Срѣске ѱавославне цркве*. Т. 2. Београд, 2020: 259–276.
- Штавланин-Ђорђевић Љубица. „Поговор“. Стојановић Љубомир. *Кашалоџ Народне Библиошке у Београду*. IV. Рукописи и старе штампане књиге. Репринт. Београд, 1982: 1–23 2-го счета.
- Gottesdienstmenaum fur den Monat Dezember*. Wiesbaden, 2000. Teil 5: Facsimile der Handschrift Sin. 162.

REFERENCES

- Bogdanović Dimitrije. „Stara srpska rukopisna knjiga i problem rekonstrukcije njenih fondova“. *Spomenica, posvećena 130-godišnjici života i rada Biblioteke Srpske Akademije nauka i umetnosti*. Posebna izdanja SANU. Beograd, 1974. Knj. 476 (Spomenica. Knj. 65): 37–42.
- Bogdanović Dimitrije. „Stara srpska rukopisna knjiga i problem rekonstrukcije njenih fondova“. Bogdanović Dimitrije. *Studije iz srpske srednjovekovne književnosti*. Beograd, 1997: 80–88.
- Bogdanović Dimitrije. *Inventar ćirilskih rukopisa u Jugoslaviji (XI–XVII v.)*. Beograd, 1982.
- Durković-Jakšić Ljubomir. „O propasti Narodne Biblioteke u Beogradu 1941. i sudbini njenih retkosti“. *Arheografski prilozi* 6–7 (1984–1985): 7–50.
- Gottesdienstmenaum fur den Monat Dezember*. Wiesbaden, 2000. Teil 5: Facsimile der Handschrift Sin. 162.
- Ivanova–Konstantinova Klimentina. „Dva neizvestni azbuchni akrostiha s glagolicheska podredba na bukвите“. *Konstantin Kiril Filosof: Dokladi ot simpoziuma, posveten na 1100-godishninata ot sm'rtta mu*. Sofiya, 1971: 341–365.
- Jovcheva Mariya. „Starob"lgarska himnografiya“. *Istoriya na b"lgarskata srednovekovna literatura*. S"stavitel Anisava Miltenova. Sofiya, 2008: 102–123.
- Jovanović-Stipčević Biljana. „Tekstološka ustanovljenost sastava i broja slova staroslovenske azbuke prema Stihirima na Rođenje i Krštenje u srpskom prepisu“. *Arheografski prilozi* 3 (1982): 93–122.
- Kuev Kujō. „Azbuchna molitva“. *Kirilo-Methodievska enciklopediya*. T. 1. Sofiya, 1985: 50–54.
- Matić Svetozar. *Opis rukopisa Narodne Biblioteke. Sa prilogom: „Porodični arhiv Raškovića“*. Opisao dr. Mita Kostić (Posebna izdanja SANU. Књ. 191). Beograd, 1952.
- Moshkova Lyudmila, Turilov Anatolij. «Gimnografiya drevnejshaya slavyanskaya original'naya». *Pravoslavnaya enciklopediya*. T. 11 (Georgij — Gomar). Moskva, 2006: 495–497, 507.
- «Novovvyavlennye original'nye proizvedeniya drevneslavyanskoj gimnografii IX–X vv.». *La poesia liturgica slava antica. XIII congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico 14. Relationi / Drevneslavyanskaya liturgicheskaya poeziya. XIII Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov (Lyublyana, 15–21 avgusta 2003). Tematicheskij blok № 14. Doklady*. Roma; Sofia, 2003. Prilozh.: 109–112.
- Popov Georgi. «Novootkriti himnografski proizvedeniya na Kliment Ohridski i Konstantin Preslavski». *B"lgarski ezik* 1 (1982): 3–36.
- Popov Georgi. «Akrostih v gimnograficheskom tvorchestve uchenikov Kirilla i Mefodiya». *La poesia liturgica slava antica. XIII congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico 14. Relationi*. Roma; Sofia, 2003a: 30–55.
- Popov Georgi. «Himnografiya starob"lgarska». *Kirilo-Methodievska enciklopediya*. T. 4. Sofiya, 2003b: 400–414.
- Radojčić Nikola. „Rekonstrukcija zbirke rukopisa Narodne biblioteke u Beogradu“. Predavanje, održano 24. juna 1953. u Narodnoj biblioteci u Beogradu. *Bibliotekar* 2 (1954): 65–71.
- Rykov Jurij, Turilov Anatolij. «Iz istorii rusko-bolgarskih kul'turnyh svyazey XI v. (Grigorij Filosof — maloizvestnyj pisatel' Kievskoj Rusi)». *Rusko-bolgarskie svyazi v oblasti knizhnogo dela. Sb. materialov VII bolgarno-sovetskogo seminaru*. Moskva, 1981: 64–105.
- Svodnyj katalog slavyano-russkih rukopisnyh knjig, hranyashchihsya v Rossii, stranah SNG i Baltii*. XIV v. Vyp. 1. Otv. red. Anatolij Turilov. Moskva, 2002.
- Sobolevskij Aleksej. «Shestodnev Kirilla Filosofova». *Izvestiya ORYAS*. T. 6. Sankt-Peterburg, 1901: 177–202.
- Speranskij Mihail. «Belgradskie rukopisi». *Bibliograficheskaya letopis'*. Vyp. 1. Petrograd, 1914: 51–59; Vyp. 2. Petrograd 1915: 3–20.
- Stanchev Krasimir. «Liturgicheskaya poeziya v drevneslavyanskom literaturnom prostranstve (Istoriya voprosa i nekotorye problemy izucheniya)». *La poesia liturgica slava antica. XIII congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico 14. Relationi / Drevneslavyanskaya liturgicheskaya poeziya. XIII Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov (Lyublyana, 15–21 avgusta 2003). Tematicheskij blok № 14. Doklady*. Roma; Sofia, 2003: 6–22.
- Stari srpski zapisi i natpisi*. Skupio ih i sredio Ljubomir Stojanović. Beograd, 1905 (reprint — 1984). Књ. 3.
- Stari srpski zapisi i natpisi*. Skupio ih i sredio Ljubomir Stojanović. Sremski Karlovci, 1926 (reprint — Beograd, 1988). Knj. 6.

- Stojanović Ljubomir. *Katalog Narodne Biblioteke u Beogradu. IV. Rukopisi i stare štampane knjige*. Beograd, 1903 (reprint — 1982).
- Suhomlinov Mihail. «O psevdonimih v drevnej ruskoj slovesnosti». *Izvestiya AN po RYAS 4/3* (1855): stb. 117–159.
- Štavljanin-Đorđević Ljubica. „Pogovor“. Stojanović Ljubomir. *Katalog Narodne Biblioteke u Beogradu. IV. Rukopisi i stare štampane knjige*. Reprint. Beograd, 1982: 1–23 2-go scheta.
- Turilov Anatolij. «K istorii velikomoravskogo naslediya v literature yuzhnyh i vostochnyh slavyan (Slovo “o pohvale Bogorodice Kirilla Filosoфа” v rukopisnoj tradicii XV–XVII vv.)». *Velikaya Moraviya i ee istoricheskoe i kul'turnoe znachenie*. Moskva, 1985: 253–269 (pereizdano s ispravleniyami, dopolneniyami i publikacijej pamyatnika: Turilov Anatolij. 355. *Slavia Cyrillomethodiana: Istochnikovedenie istorii i kul'tury yuzhnyh slavyan i Drevnej Rusi. Mezhslavjanskie kul'turnye svyazi epohi srednevekov'ya*. Moskva, 2010: 12–44; Turilov Anatolij. *Mezhslavjanskie svyazi epohi Srednevekov'ya i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavyan: Etyudy i karakteristiki*. Moskva: «Znak», 2012: 21–46).
- Turilov Anatolij. «Svodnyj katalog slavyano-russkih rukopisnyh knjig XI — XIII vv., hranya-shchihysya v SSSR. CH. 1. Ispravleniya i utochneniya». *Annali dell' Istituto universario Orientale di Napoli (AION). Slavistica*. 1997–1998. Vol. 5. Napoli, 2000: 469–504.
- Turilov Anatolij. «Grigorij Filosoф». *Pravoslavnyaya enciklopediya*. T. 13 (Grigorij Palama — Daniel' Rops). Moskva 2005: 71–74.
- Turilov Anatolij. «K istorii bytovaniya i izucheniya drevnebolgarskih rukopisej v Rossii pervoj poloviny — serediny XIX v.: rekonstruirovannaya Mineya prazdnichnaya (RNB, F. p. I. 72 + BRAN, 24.4.11) “Palauzovskaya” ili zhe “Aprilovskaya”?»». *Vis et sapientia: Studia in honorem Anisavae Miltenova. Novi izvori, interpretacii i podhodi v medievistikata*. Sofiya, 2016: 182–189.
- Turilov Anatolij. «Kliment Ohridskij i drevnejshij etap slavyanskoj gimnografii». *San Clemente di Ocrida: Allievo e maestro / Nell' undicesimo centario del beato transitio (916–2016)*. (Accademia Ambrosiana. Classe di Slavistica, Vol. 7). Milano, 2017: 123–144.
- Turilov Anatolij. «“Poteryavshiesya” publikacii 1914–1915 gg. russkih issledovatelej o srednevekovyh serbskih rukopisyah». *Srpsko-ruske književne i kulturne veze. Epoha moderne / Serbsko-russkie literaturnye i kul'turnye svyazi. Epoha moderna*. Otv. red. Kornelija Ičin. Novi Sad; Moskva, 2018: 9–32.
- Turilov Anatolij. Jelesijević Snežana. „Nove činjenica o Svetom arhiepiskopu srpskom Arseniju“. *Osam vekova autokefalije Srpske pravoslavne crkve*. T. 2. Beograd, 2020: 259–276.

Анатолиј Турилов

ШТА ЗНАЧЕ РЕЧИ „АЗБУЧНЕ ПЕСМЕ КОНСТАНТИНА ФИЛОЗОФА“ У ПРАЗНИЧНОМ МИНЕЈУ XIV В. ИЗ СТАРЕ ЗБИРКЕ НАРОДНЕ БИБЛИОТЕКЕ СРБИЈЕ БР. 135 (293)? ПИТАЊЕ АУТОРСТВА НАЈСТАРИЈИХ СЛОВЕНСКИХ АЗБУЧНИХ СТИХИРА

Резиме

Чланак је посвећен једном од рукописа Народне библиотеке у Београду уништеног 1941. године — празничном Минеју из XIV в., који садржи низ јединствених новости, како се може видети из додатка С. Матића, штаманог уз каталог Ј. Стојановића. Главна ствар је у томе да циклус азбучних стихира, које се налазе у саставу рукописа и које су биле повезиване с наслеђем ученика Кирила и Методија, садрже позивање на ауторство. Аутор је „Константин Филозоф“ који се убедљиво идентификује са знаменитим химнографом Константином Преславским.

Кључен речи: Народна библиотека Србије, уништена збирка, празнични Минеј, азбучне стихире, Константин Филозоф.

Персида Лазаревић Ди Ђакомо
Универзитет „Г. д’Анунцио“ Кјети-Пескара
persida.lazarevic@gmail.com

Persida Lazarević Di Giacomo
Università degli Studi G. d’Annunzio Chieti-Pescara
persida.lazarevic@gmail.com

ПОЧЕТНА АНАЛИЗА И ПРЕТПОСТАВКЕ О РУКОПИСУ БР. 261 ИЗ ЗНАНСТВЕНЕ КЊИЖНИЦЕ У ЗАДРУ

INITIAL ANALYSIS AND SOME HYPOTHESES REGARDING MANUSCRIPT NO. 261 CONSERVED IN THE SCIENTIFIC LIBRARY OF ZADAR

У овом раду се врши почетна анализа и постављају се претпоставке које се односе на анонимни рукопис бр. 261 из Знанствене књижнице у Задру. Рукопис је у вези са списом задарског надбискупа Мате Карамана (1700–1771) о идентитету словенског књижевног језика (1753) као одговор на примедбе Стјепана Русића (1689–1770) из 1750. на Караманово издање мисала (1741). Није искључено да се ради управо о трећој варијанти Карамановог рукописа који се уклапа у тадашњу полемику у словенском свету о древности и положају словенског језика и односу црквенословенског и народног (илирског) језика.

Кључне речи: рукопис бр. 261, Знанствена књижница у Задру, словенски језик, црквенословенски језик, илирски језик.

In this paper, an initial analysis and some hypotheses regarding the anonymous manuscript no. 261 conserved in the Zadar Scientific Library are presented. The manuscript deals with the writings of the Archbishop of Zadar Mate Karaman (1700–1771) on the Slavic literary language (1753) as the reply to the remarks made by Stjepan Rusić (1750) regarding Karaman’s edition of missal (1741). It is not excluded that it is really the third variant of Karaman’s manuscript on Slavic literary language. The manuscript fits into the then current controversy in the Slavic world about the antiquity and position of the Slavic language and the relationship between Church Slavonic and the spoken (Illyrian) language.

Keywords: manuscript no. 261, Zadar Scientific Library, Slavic language, Church Slavonic language, Illyrian language.

У Знанственој књижници у Задру налази се рукопис бр. 261 који је важан за допуњавање слике о вековном питању у славистици о положају словенског језика у односу на друге, пре свега класичне језике као и о фи-

лијацији словенских језика. У вези је са списом задарског надбискупа Мате Карамана о идентиту словенског књижевног језика (1753), као одговор на примедбе Стјепана Русића (1689–1770) из 1750. на Караманово приређивање мисала (1741). Није искључено да се ради управо о трећој варијанти Карамановог рукописа о идентитету словенског књижевног језика.

Питање, односно идеја о филијацији словенских језика, по Сантеу Грачотију (Graciotti 1967: 225) води порекло од Енеа Бартоломеа Силвија Пиколоминија (Enea Silvio Bartolomeo Piccolomini, 1405–1464) који је 1458. године постао папа Пије II. Као један од најобразованијих хуманиста свог доба, Пије је био врстан историограф и писац, способан да се прилагоди приликама и контексту времена. У свом делу *Historia Europae* (1490) поменуо је Илирик као територију насељену Словенима. Истину за вољу, термин Илирик није први поменуо Пиколомини већ је Илирикум (*Illyricum*) била стара провинција Римске републике која је на почетку империјалног периода била подељена на *Regio X Venetia et Histria* заједно са два новим провинцијама, Панонијом и Далмацијом, а обухватала је територије садашње Хрватске и северне Албаније те је потом проширена на Босну, западну Србију, јужну Словенију, западну Угарску и југоисточну Аустрију. Пажња коју је, међутим, Пиколомини посветио Балкану била је у вези са његовим стратешким и културним програмом: у једном од својих дела, недовршеној историји *Historia rerum ubique gestarum locorumque descriptio* (и као таквој објављеној у Венецији 1477), чувенијој као *Cosmographia*, у поглављима XIV–XIX одељка који се односи на Европу, *De Europa*, а који је приредио управо 1458, Пиколомини је посветио значајне фрагменте о Епиру, Албанији, илирским народима, Босни, Далмацији, Хрватској, Либурнији, Истри (Piccolomini 2001: 91–96).

Од тада па на даље илирски народи су привлачили пажњу како протестантских интелектуалаца тако и Цркве у Риму управо због свог геополитичког положаја, на граници хришћанског света. И што је значајно, термин „илирски“ је био веома флексибилан у географско-временској перспективи: од тада, све до 1843. кад је Фердинанд I издао наредбу којом се забрањује илирско име (илиризам, Илирија, илирски језик), „илирско“ је, као историјска и географска грешка, успешно означавало Јужне Словене од стране иностраних културних радника, с тим што су не тако ретко спецификовали да се ради о Илирима римокатоличког или грчког (православног) обреда. Управо како каже Ватрослав Јагић: „Хисторија признаје само два народна имена: хрватско и српско, што бијаху испрва јамачно једина и у устију свега народа... а туђи и домаћи свијет ‘писмени’ уведе називе: словински и илирски.“ (нав. у Речник 1971: 684)

Ватрослав Јагић нас у првој историји словенске филологије (1910: 17) подсећа да идентификација илирског са словенским језиком води порекло од италијанског бискупа и историчара Павла Јовија (Paolo Giovio, Paulus Iovius Novocomensis, 1483–1552) који је у делу *De legatione Basilii Magnii Principis Moschoviae* (1525) навео да Московљани говоре илирским и тим

језиком пишу сви Словени, Далматинци, Бохемљани, Пољаци и Литванци као и да је тај језик распрострањен, у Цариграду али и у Египту где га је султан Мемфиса чуо од мамелука (а овај одељак је потом преузео млетачки дипломата који је био у Москви 1557, в. Turgenev 1841: 149; уп. Bonazza 1979):

Moschovitae Illyrica lingua, Illyricisque literis utuntur, sicuti et Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni et Lituani. Ea lingua omnium longe latissima esse perhibetur; nam Constantinopoli Ottomanorum in aula familiaris est, et nuper in Aegypto apud Memphiticum Sulthanum et equites Mamaluchos haud ingratis auribus audiebatur. (Giovio 1525: 52)

У овом смеру је размишљао пољски кардинал Станислав Хозије (Stanisław Hozjusz/Stanislaus Hosius, 1504–1579) који је у свом спису *De sacro vernaculo legendo* (1558) аргументовао да је против тога да се користи народни језик у литургији (и због тога је укорио пољског бискупа Ућанског јер му је написао писмо на пољском а не на латинском, в. Graciotti 1979: 205). Хозије је, међутим, сматрао да ако би било потребно литургију изводити на народном језику, онда би требало усвојити словенски или далматински, и ту је истовремено формулисао да је најдревнији и најелегантнији од свих језика управо далматински па на крају спомиње да је св. Јероним превео на далматински Свето писмо (Graciotti 1979: 209–210). На тај начин је Хозије показао свест о томе да постоји језичко јединство Словена као и свест о филијацији словенских народа, тј. да северни Словени потичу од Јужних, посебно од Далматинаца (в. и Pederin 1987: 103).

Питање древности словенског језика и достојанства (*dignitas*) тог истог словенског језика, у неизбежном поређењу са класичним језицима, условило је потребу граматикализације језика истог за све Словене. Граматикализација језика је друга техничко-језичка револуција после писма (Augoux 1994) и осећала се потреба за систематским описом и словенског језика (в. Mathiesen 1984). Одговор на ово суштинско питање словенског света дала је словенска граматика са исправном синтаксом кијевског митрополита Мелетија Смотричког (Мелетій Смотрицький, око 1577–1633), *Грамматика славенския правилное Синтагма* (1619), која је прештампана 1721. и после тога имала и друга издања (в. Frick 1985). То је управо варијанта из које су учили Срби, „иако предмет њеног проучавања и није био српски језик“ (Грицкат 1983: 5), тј. варијанта руског писца, преводиоца и лексикографа Фјодора Поликарповича Поликарпова (Фёдор Поликарпович Поликарпов-Орлов, око 1660–1731) која је иницијативом карловачког митрополита Павла Ненадовића била прештампана 1755. године у Римнику. Ова граматика је била једина опширнија граматика црквенословенског језика која је могла послужити и Хрватима све до појаве граматике словенског језика по древном наречју, *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris* (1822) Јозефа Добровског.

Ова русификација или источнославенизација, како је дефинише Ванда Бабић (Babić 2000: 17–29), која се темељила на граматички Мелетија Смотричког али и на граматички црквенословенског, *Грамматика словенска*

совершенного искусства осми частей слова (1596) украјинског и белоруског писца и преводиоца Лаврентија Зизанија (Лаврентий Зизаний, око 1570 — после 1633), значила је да су била потребна и помоћна литургијска издања за овладавање правописним и језичким правилима, пре свега буквари. Стога је у три издања (1629, 1693, и 1763 под уредништвом Антуна Јуранића) изашао *Азбукивидњак*, буквар хрватског црквеног писца и историчара, смедеревског и охридског архиепископа, каноника каптола загребачке бискупије Рафаела Леваковића (око 1590–1650), који је као „reformator librorum ecclesiasticorum linguae illyricae“ цензуришао издања на хрватском (в. Knezović 2010), али и два издања буквара (1739; 1753; в. Babić 1998/99) осорског бискупа и задарског надбискупа Мате Карамана (1700–1771). Кад је 1742. папа Урбан VIII у Риму основао катедру за старословенски језик, требало је да је води Караманов сарадник, осорски архиђакон Матија Сивић (почетак XVIII в. — 1774) пореклом из Петрограда, али је није преузео (в. Žubrinić 1996: 265; Babić 2008: 31–47). Сивић је заслужан што је начинио први латински превод граматике Смотричког, под насловом *Grammatica Slavonica*, и која је остала у рукопису (Смотрицкий 1773), намењена штићеницима илирског колегијума у Риму (*Collegium illyricum*)¹. Управо се Карамановим и Сивићевим расправама поларизирао однос словенског књижевног и народног језика (Stojković 1930: 120–131) и постојање Сивићевог превода граматике Смотричког потврђивало је тезе о јединственом општесловенском књижевном језику, а који је како за Карамана тако и за Сивића постојао у руским, тј. источнословенскоцрквеним књигама (в. Sgambati 1983). Није случајно онда да је скупина сењских свештеника молила Пропаганду 1768. да не прихвати Матију Сивића за приређивача глагољског бревијара јер су се плашили да би Сивић, с обзиром да је био ученик Карамана и да је руског порекла, могао унети у славонски бревијар исте грешке као и задарски надбискуп који је то учинио под изликом учености (Vogović 1993b: 211–212).

Полемика се дакле водила око питања којим је језиком требало штампати литургијске књиге (в. Vogović 1993a: 135; Vogović 1993b: 210–212). Према Змајевићу и Караману словенски, тј. илирски књижевни језик је био сачуван у литургијским књигама католичких Рутена и православних Руса и зато је Караман требало да иде у Русију, да подробно научи тај језик (в. Jarpundžić 1961). Два су била разлога зашто баш тај језик: правни и екуменски (Vogović 1993: 136) јер с једне стране, према црквеним законима говорни језик је био забрањен у богослужењу с обзиром да словенски књижевни језик није народни већ се стиче учењем, а с друге стране постојала је нада да ће се посредством језика лакше моћи привести сви словенски народи у католичку Цркву, и у овом смислу се у првом реду мислило на Далмацију.

¹ Граматика се налази у Народној и универзитетској библиотеци у Љубљани (NUK Ljubljana), као део оставштине крањског племића Сигмунда Зоиса (1747–1819), в. Babić 2008.

У ствари још је 1631. Рафаел Леваковић, који је од 1623. био у Риму у служби Конгрегације за ширење вере (*Congregatio de Propaganda Fide*) и ту радио као редактор црквенословенских литургијских књига, објавио *Мисал римски* на словенском језику (*Missale Romanum Slavonico idiomate*). Под утицајем Русина, тј. русинских унијата који су боравили у Риму, и потпором римске Пропаганде, Леваковић је напустио хрватску редакцију и изабрао старословенски језик русинске, тј. украјинске редакције. Председник комисије за ревизију Леваковићевог рада био је Русин, хелмски сједињени епископ Методије Терлецки (*Methodius Terleckyj*, ?–1649) главни ревизор Конгрегације за ширење вере.

У римском Урбанијуму се од 1738. налазио и Мате Караман који је тамо радио на коректури Леваковићевог мисала из 1631. Требало је да се за ново издање на црквенословенски језик преведу нови мисни обрасци којих у Леваковићевом издању није било. Караман је обавио лектуру мисала и практично језички русифицирао текст јер је сматрао да би старословенски језик руске редакције требало да буде књижевни језик Јужних Словена. Конгрегација је његов *Мисал римски* штампала у Риму 1741. А године 1742. је, и даље у Урбанијуму, на Караманов предлог уведен посебан предмет: илирски књижевни језик (*lingua illirica litteralis*). Те исте године је Караман упутио извештај Конгрегацији о илирском клеру, *De clero illirico*, који је вероватно саставио 1740 (Lomagistro 1996: 244), и у којем је опширно известио о глагољашима за које је навео да су били једини свештеници у читавој Далмацији изван градова. Девет година после изласка мисала које је исправио Караман, пригодом јубиларне 1750, тај мисал је подвргнуо критици дубровачки свештеник Стјепан/Стијепо Русић/Ружић (*Stefano Rosa*, 1689–1770) и тако је ушао у полемику са Караманом тражећи употребу народног језика у Цркви, за разлику од Карамана који је настављао русификацију хрватске редакције црквенословенског. Русић, који је тежио за зближењем и уједињењем западне и источне цркве, писао је много и то на три језика, већином у прози (в. Deanović 1933: 109–110). Русићеве белешке у вези са Карамановим издањем мисала, на италијанском језику, које је предао префекту Пропаганде кардиналу Валентију (*Silvio Valenti Gonzaga*, 1690–1756), носе наслов: *Annotatione in ordine alla versione detta slava del Messale Romano stampata in Roma l'anno 1741* (препис аутографа бележака које се налазе у Хисторијском архиву у Задру начинио је Педерин 1987)² и овде је Русић доказивао да као прави стари словенски језик треба узети наречје Дубровчана. Каже Педерин (Pederin 1987: 107):

S. Rusić je, kako reče J. Fućak, nevješt看im razlozima upozorio da jezik koji je papa Ivan VIII. odobrio za upotrebu u Crkvi, nije više onaj isti, da je on iskvaren gotskim, grčkim i tračkim riječima, što ваži i за jezik Karamanova prijevoda. Pojam 'kvarenja' jezika, kako ga vidi S. Rusić, više je nesuvremen nego nevješt, а за оно доба представља врло велик корак напријед.

² Мирко Деановић (1933: 109–110) је поменуто рукопис *Notae in varia slavicas versiones Missalis Romani* који би требало да се налази у библиотеци дубровачке гимназије.

Русић је истакао да се језик мења и развија и то, како подвлачи Педерин (1987: 107), седамдесетак година пре Франца Боба, па је та Русићева тврдња „stečevina od ne baš malog značenja“. Русић је анализом падежа објашњавао да је црквенословенски језик искварен и сматрао је да су захтеви за прецизношћу у употреби народног језика знатно порасли. Иван Педерин (Pederin 1987: 110) закључује да овај Русићев спис, кога су многи писци различито тумачили и који већ више од једног века побуђује пажњу, представља „kao prvi teorijski spis o prevodenju kod Hrvata važnu stečevinu za poznavanje hrvatske filologije 18. stoljeća i ima svoje značenje u evropskim razmjerama jer i u Evropi spada među prve spise o tom pitanju.“

Караман је Русићу одговорио 1753. списом о идентитету словенског књижевног језика и о потреби да се сачува у светим књигама: *Identità della lingua litterale slava e necessità di conservarla ne' Libri Sacri. Considerazioni che si umiliano alla santità di N.S. papa Benedetto XIV da Matteo Caraman arcivescovo di Zara sopra l'annotazione del sacerdote Stefano Rosa in ordine alla versione slava del Messale romano stampato in Roma l'anno 1741*. За сада се зна да постоје две варијанте рукописа: 1. варијанта која се чува у историјском архиву Конгрегације Пропаганде Фиде, Fondo Bosnia Miscellanea VII (в. Schmurlo 1912; Lomagistro 1998; уп. В Bogović 1993: 137); 2. варијанта рукописа која се налази у библиотеци у Басану (Biblioteca Civica di Basano) под сигнатуром ms. 21 (в. Graciotti 1965: 148–149).

У Знанственој књижници у Задру, међутим, налази се рукопис обележен сигнатуром 14995 = Ms 261, насловљен: *Dissertazione sul dialetto slavo da scegliersi nel servizio divino* (Дисертација о словенском дијалекту који треба изабрати за божју службу) који ако не представља варијанту горе наведених рукописа, онда је свакако у вези са полемиком о којој је реч. Рукопис је на италијанском и делимично на латинском, осим неколико одељака који су написани глагољицом. Артуро Кронија (Cronia 1954: 101) помиње да је 1921. видео један „извод“ из Карамановог рукописа у бившој општинској библиотеци „Паравија“ у Задру, односно у Знанственој књижници, под сигнатуром 21.009/g, LXXVIII-I, тако да није искључено да је реч управо о спису који Кронија помиње. Могуће је да је рукопис писан већином Карамановом руком јер је калиграфија слична ако не и идентична са Карамановим списом о илирском клеру, али не и са Карамановим списом о идентитету словенског књижевног језика који је вероватно писан Сивићевом руком (уп. Bogović 1993: 137). Последњи одељак рукописа 261 написан је другом руком, вероватно Вицка Змајевића. Рукопис садржи 34 „поглавља“ обележених са леве стране римским бројевима. Рукопис је окрњен јер нема ни почетак ни крај и почиње поглављем 53 (LIII). Листови су нумерисани руком, највероватније а постериори. Аутор је непознат и време настајања рукописа је непознато али је могуће претпоставити да је настао у XVIII веку како је и забележено на насловној страни руком, а постериори. Крњи почетак је управо почетак комбинацијом глагољице и старословенских графема који претходи 53. поглављу: „“.

antiqua Slavonica Lingua per comando d'Urbano VIII. et Innocenzio X. Dice ancora d'auer operato a [...] nove de' comandi, che per gli sarebbe stato più facile a scrivere nel comune loro dialetto."

Иако поглавља не носе наслове, и иако не постоји списак поглавља, могуће је, на основу упоређивања са преписом садржаја Карамановог рукописа из архива Конгрегације Пропаганде Фиде (Schmurlo 1912: 102–108) претпоставити да је реч управо о трећој, (крњој) варијанти рукописа, или пак о препису који осим што преноси само изванредан део Карамановог списка, садржи и бројне додатне белешке (од којих се неке односе на самог Карамана и на његове списе) које условљавају да се истовремено посумња у ту исту претпоставку. Оно што је сигурно јесте да је рукопис 261 у вези са полемиком Караман — Русић и да се не удаљава од теза о односу књижевног словенског и говорног илирског језика које су присутне у горе наведеном Карамановом спису *Identità della lingua litterale slava e necessità di conservarla ne' Libri Sacri*.

Тако се у првом, односно у рукописном 53. поглављу помиње исусовац Бартол Кашић (1575–1650), аутор прве хрватске граматике *Institutionum linguae illyricae libri duo* (1604), мада се овом приликом истиче да је објавио свој *Риџуал римски* (1640) на илирском народном језику и да је у предговору читаоцу навео да је обавестио илирске свештенике да је превео Нови и Стари Завет те да је тражио да Пропаганда штампа његову Библију (што је учињено 1625. године). Такође се наводи да је против новости црквене институције модрушки бискуп, говорник и писац Шимун Кожић Бења (Simon Begna/ Simon Begnius, 1460–1536) објавио *Мусал хруацки* (1531), своје најопсежније дело, које је језички прилагодио говорном хрватском језику (чакавска редакција старословенског), како је уосталом написао и своја остала дела:

Padre Cassio diede alla luce il suo Rituale in Lingua volgare Illirica, benche colla Lettera [...] Benigno Lettore avesse dato avviso alli sacerdoti Illirici d'averlo tradotto anco il vecchio, e nuovo Testamento, eccittandoli di muovere con loro preghiere li Vescovi, e gli Arcivescovi a supplicare dalla Propaganda che fosse impressa la sua Biblia; tuttavia contro la novità dalle costituzioni Ecclesiastiche (i) vietata Simon Begna Patrizio di Zara Vescovo di Modrossa coll'averlo stampato il riferito suo Messale ha cesso ad ogni pretesa, che aver volesse per il dialetto Croato, e Dalmatino sopra l'antica lingua. (л. 1)

Анонимни аутор наставља у том смеру и каже (л. 2) да је Задар имао и друга учена свештена лица, као архиђаконa Франу Лигничича (Francesco Ligniceo), чију годину смрти бележи 1639, а не 1637 (уп. Strika 2015: 36), и аутора црквене историје Задра, *Historia Ecclesiae Jadrensis*, Валерија Понтеа (Valerio Ponte). За обојицу тврди да су знали да разликују књижевни језик којим су читали од обичног дијалекта којим су говорили ("avranno saputo distinguere la Lingua litterale, con cui gli ordinandi da loro approvato leggevano, dal dialetto comune con cui parlavano", л. 2). Кад ово подвлачи, анонимни аутор се односи на „дубровачког свештеника“ ("Il Sacrista di

Ragusi”) и то је синтагма на коју се често односи у овом рукопису. Сасвим је могуће да је реч управо о Стјепану Русићу јер тако је „дубровачког свештеника“ називао Мате Караман у свом спису о идентитету словенског књижевног језика (уп. Schmurlo 1912: 105; Engel 1801: 464). Више је него очигледно да овај анонимни аутор, ако није сам Караман, онда без сумње подржава Караманов став и супроставља се „дубровачком свештенику“ па у ту сврху наводи бројне примере из историје илирског језика и односа књижевног и народног, као на пр. кад подвлачи да је Фауст Вранчић (1551–1617), у свом речнику *Dictionarium Quinque Nobilissimarum Europae linguarum, Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmaticae et Ungaricae* (1595), конкретно у „Писму Читаоцу“ показао своје мишљење да Свете књиге на словенском језику воде порекло од св. Јеронима:

Fausto, erede del merito, della virtù e delle tradizioni de suoi maggiori diede luogo nel suo Diconario di cinque lingue alla Dalmatina, ò sia volgare illirica, e dimostro [sic!] nella Lettera ad Lectorem la sua costante opinione uniforme alla tradizione avvalorata da Innocenzo X., che i Libri Ecclesiastici di Lingua slava abbiano avuto origine da S. Girolamo.

Да аутору никако не одговарају напади „дубровачког свештеника“ на црквенословенски а у корист народног језика и да то види управо као напад на светињу, види се кад га дефинише као новог Херострата: „*Tuttavia senta con orrore gl’attentati del Sacratista di Ragusi sconsigliatamente insorto a danno della Litterale, qualificandolo per un nuovo Efasino Erostrato.*“ (л. 5)

У 60. поглављу аутор каже да очигледно „дубровачки свештеник“ није узео у обзир сплитску метрополију као и синод из 1688. кад је старословенском дат положај у односу на (говорни) илирски, као латински у односу на италијански:

Non farà lo stesso Sacrista così poco conto della Metropolitana di Spalato considerata seminario de’ Vescovi; onde voglio supporre sprezzator della propria Lingua quel Capitolo, e clero, da cui uscirono santi Vescovi per la Provincia, se nel riferito sinodo celebrato nell’anno 1688 fu attribuita all’antica Lingua sopra la moderna Illirica (n) quella prerogativa, che vanta la Latina sopra l’Italiana. (л. 6)

У белешци „(n)“ се анонимни аутор изричито позива на дело Мате Карамана *De clero Illyrico* (л. 6–8), конкретно на XXIV поглавље које је само делимично преписано (од тачке 12 до тачке 14, такође недовршене) и прокоментарисао белешкама и подужим цитатом на латинском у оквиру тачке 12 која у изворном тексту није присутна (уп. Jelić 1906: 62–64). Затим се надовезао на свештеника, теолога и филолога Ивана Паштрића (1636–1708) па каже да ће и њега „дубровачки свештеник“ морати да испоштује, као и многе друге које овом приликом наводи: Николу Динарића (Nicolò Dinaricio, 1700-?), на пример, који је, како нам анонимни аутор истиче, проповедао народу на народном илирском језику али је сву пажњу посвећивао да обучи свој клер књижевном словенском језику и да обавља функције на том језику („*predica al Popolo in Lingua volgare Illirica; applica ogni*

attenzione per render istrutto il suo Clero nella Litterale Slava [...] e celebra pontificalm.^{te} nella med.^{ma} Lingua”, л. 10). Наставља у том смеру па се позива, између осталих, на босанског бискупа Ивана Томка Мрнавића (1579–1637), који је превео Беларминову *Докџину* (*Dottrina cristiana breve*) на народни језик, али је подучавао књижевни те на историчара и нумизматичара Анселма Бандурија (Anselmo Banduri, 1671–1743) који је држао да су Хрвати, Срби и Босанци прави Словени, а што је потврдио, наводећи и Бугаре и Русе, и италијански библиотекар, оријенталиста и архиепископ пореклом из Либана, Ђузепе Симоне Асемани (Giuseppe Simone Assemani, 1687–1768): *“Bulgari, Croati, Russi, Servi Slavi sunt.”* (л. 11).

На листу 12, у наставку текста који се односи на полемику са „дубровачким свештеником“, анонимни аутор помиње илустрирани рукопис од 205 листова пергамена који се налази у Ватиканској библиотеци (*Манасијев леџоџис*, в. Шмурло 1912: 105; Cod. Vat. Slav. 2, уп. Савић 2006: 299; в.: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.slav.2) и на коме је, а постериори руком написано: *“Iste Liber appellatur Fons omnium Cronicarum”*. Рукопис почиње од стварања света и завршава се са Нићифором III Вотанијатом, византијским царом који је владао од 1078–1081. Истом руком је, такође а постериори написано на првом листу: *“Joannes Alexander Macedo ad cujus petitione iste Liber fuit traslatus a Greco in Slavonicum.”* Аутор описује минијатуре (в. Дујчев 1965) и натписе ћирилицом на „илирском књижевном језику“ уз минијатуре који се налазе у том рукопису, а који се односе на Јована Александра (Иван Александър, 1331–1371), цара Бугарске, члана династије Стратимировића, и његове синове: примећује и бележи да рукопис садржи цртеж једног од синова, Јована Асена, за кога, како каже, није знао дубровачки историчар Мавро Орбини (1550–1614), аутор *Краљевсџива Словена* (*Il Regno de gli Slavi hoggi corrottamente detti Schiauoni*, 1601), као ни горе наведени Лукари, али ни француски историчар, филолог и лингвиста Ди Канж (Charles du Fresne, sieur du Cange, 1610–1688), аутор византијске историје, *Historia byzantina duplici commentario illustrata* (1680).

Анонимни аутор се враћа на своју главну тему и свим снагама се труди да побије став „дубровачког свештеника“ у корист народног језика и наставља да се позива на бројне ауторитете по питању језика и културног контекста источне обале Јадрана, као на пр. Фауст Вранчић (л. 15) или пак Ђакомо и Паоло Лукари, из дубровачке породице племића Лукари (Luccari/Lucari/Luchari), затим Стјепан Градић (Stefano Gradi, 1613–1683), аутор дела *De vita, ingenio et studis Junii Palmottae* (1670), Петар Богдан Башић (1601–1674) који је са италијанског на хрватски превео *Meditationes* св. Бонавентуре као *Боџољубна размисџљања д оџајсџива одкуљења човичанскоџа* (1638), нински бискуп Антонио Трипковић (Antonio Tripovich, 1705–1771), академик Сапијенце у Риму, затим надбискуп барски Андрија Змајевић (1624–1694) и његов рођак, такође надбискуп барски и касније задарски Вицко Змајевић (1670–1745) који је доста пажње посветио илирском језику и глагољници.

Поново се анонимни аутор враћа на Мату Карамана (л. 20) када описује повест Мисала и Караманово исправљено издање па користи прилику да експлицитно нападне „дубровачког свештеника“ за кога каже да је међу свим правим Словенима, Хрватима, Босанцима, Бугарима, Србима и Далматинцима који су разликовали књижевни од народног језика и који су хвалили књижевни и поштовали народни, једино он презирао онај језик који не познаје, као они, како анонимни аутор цитира Јудину посланицу (1: 10) из Новог Завета, који „хуле на оно што не знаду; а што знаду о природи као неразумна животиња, у оном се распадају“:

“Fra tanti veri Slavi, Croati, Bosnesi, Bulgari, Serviani, e Dalmatini, che hanno distinta ala Litterale dalla volgare lodando la seconda, e venerando la prima, il Sacrista di Ragusi solo, et unico sprezza quella Lingua che non sa, fatto simile a coloro, che blasphemant quaecumque ignorant.” (л. 20–21)

Но ауторитет кардинала Хозијуса, каже анонимни аутор, превладава над тврдњама „дубровачког свештеника“ па стога цитира један одељак из његовог дела *De sacro vernaculo legendo*, као и ауторитет Смотричког који је у својој граматичи, истиче аутор, показао елегантност словенског језика. Овом приликом се анонимни аутор позива на то да је Смотрички рекао да је и сам Овидије научио словенски језик и да је стиховао латинским метром на словенском језику управо захваљујући елеганцији словенског језика. И додаје да су Козаци најближи Сарматима код којих је Овидије био у изгнанству и да дан данас испевају стихове на словенском језику и у сваком латинском метру, хвалећи се да су за учитеља имали Овидија: “*In fatti li Cozzaki che sono li più vicini Sarmati al luogo destinato all’esule Poeta oggi giorno verseggianno in Lingua slava con ogni sorta di Metro Latino, gloriandosi d’auere avuto per primo loro Maestro Ovidio.*” (л. 22) Елеганцију партиципа словенског језика, на пр., каже анонимни аутор, нису сачували ни босански ни дубровачки и то што је добро и лепо у њиховом језику преузели су од древног словенског језика као од мајке, а да би се „дубровачки свештеник“ у то убедио и увидео, било би пожељно да види прве строфе пева дубровачког барокног песника Игњата Ђурђевића (1675–1737), *Уздаси Мандалијене њокорнице* (1728) јер нико га не може надмашити у босанско-дубровачком дијалекту:

Бројне друге примере аргументације „дубровачког свештеника“ наводи анонимни аутор и коментарише као ону у вези са етником „Словен“. Наводи, у ствари, Стјепан Русић на почетку својих бележака у вези са словенском верзијом *Мисала* коју је начинио Караман (1741), о Словенима, Славнима, Слованима или Словинцима и наглашава да је то преузето из прве књиге историје Бохемије чешког свештеника, хуманисте и писца Јана Дубравијуса (Jan Dubravius / Jo(h)annes Dubravius, 1486–1553), *Historiae Regni Bohemiae* (1552) те да је то зато што су постали славни у ратовању, и Словни или Словани или Словинци јер су трговали на једином језику који су познавали и који се говорио у свим краљевствима и провинцијама:

Trovo che la lingua Slava è lingua di què popoli Sarmati, li quali furono conosciuti sotto nome di Slavi, ossia Slavni, e Sloveni, ossia Slovani, o Slovinzi, detti Slavi o Slavni (come narra Dubravio al lib. 1 della sua Storia di [Boe]mia) accusa della gloria da essi acquistata nel fare la guerra; e Slovni o Slovani, o Slovinzi accusa della gloria da essi acquistata nel fare la guerra; e Slovni o Slovani, o Slovinzi accusa del commercio da loro avuto d'un sol lingua ad essi loro natia in tutti i Regni e Provincie, nelle quali si erano sparsi, cosichè unum, eumdemque sermonem, atque eadem propemodum verba sonarent. (Pederin 1987: 112)

На овај Русићев *incipit* анонимни аутор одговара подужом аргумен-тацијом о пореклу имена *Словен* и о изворима и коментарише да се код Дубравијуса не налази термин *славни*, а да се други термин, *словни*, налази у рукописном бревијару цркве св. Миховила Арканђела у насељу Заглав (Дуги оток), у коме већ дуги низ векова живе и раде фрањевци трећоредци — глагољашки. Наводи затим тројезични речник у коме се налазе термини *словенски* и *Словјанин*, али и словенску библију и рутенски Ритуал који приноси термин *славенски* у строфи монаха Смотричког који у својој *Грамајици* поставља питање „Колико је словенских слова?“:

Di tante cose dal Sacrista di Ragusa segnate, in un solo lugo addita, ove abbia trovate le denominazioni degli *slavi*, *slavni slovni*, e slovinzi: in Dubravio al Libro. i. della storia di Boemia. Tuttavia non trovasi in Dubravio ne *slavni* (t). La seconda di queste due voci v'è pure nel riferito M.s. Breviario della Chiesa di S. Michele di Zaglava nella vita di S. Girolamo [annessa con alcune Lettere de ss. Agostino, Cipriano, e sue tradotte in Lingua litterale slava] il di cui Padre Eusebio era, come dice lo scrittore slovutnago [voce disusata] *jazika, gloriosa lingua*. La prima trovasi nel Dizionario trilingue V.o slavus v.o slovenskij // slavonicus // slovjanin // slavonus.

Legesi replicata nelle riferite citazioni della Biblia slava, del Dizionario Trilingue, e del Rituale Ruteno la voce *slavenskij* nel secondo verso dell'apportata strofa safica del Monaco Smotriski, il quale nella stessa Grammatica pone il quesito: *Koliko est pismen slauvjanom? Quot sunt littere slavorum?* (29)

Анонимни аутор наставља да образлаже о термину *Словен* па наводи у корист својих теза италијанског лингвисту и лексикографа Јакова Микаљу (Giacomo Micaglia, 1601–1654), аутора речника *Блаžo језика словинскога* (Лорето 1649), затим горе наведеног Такома Лукарија, а делом се позива елиптично на 89. поглавље Карамановог списка, као и на италијанског лексикографа и мисионара Арделија Дела Белу (Ardelio Della Bella, 1655–1737), аутора италијанско-латинско-илирског речника *Dizionario italiano-latino-ilirico* који је објавио у Венецији 1728.

Закључује рукопис спис на латинском (л. 33), насловљен: *Sanctus Sabba Archiepūs Servien jesus Christus Sanctus Simeon Serbien Moyses Miserat.^{ne} Divina Archiep: Peken et omnib: Serblis, et Bulgaris, atque totius Illirici Patriarcha*. Спис је написан другом руком, рекло би се Вицка Змајевића који је саставио трактат у 12 поглавља о православцима у Далмацији насловљен *Specchio della verità* (Огледало истине), који верно одражава Змајевићев став по том питању (уп. Bogović 1993: 65).

Последњи лист (34) садржи окончање белешке са л. 11 о Катарини краљици босанској.

На основу овог концизног разматрања рукописа бр. 261 који се налази у Знанственој књижници у Задру, могуће је формулисати неколике претпоставке:

1. Рукопис бр. 261 највероватније је из XVIII века, управо како је и обележено а постериори на насловној страни рукописа.

2. Рукопис је у директној вези са полемиком Караман — Русић поводом односа словенски књижевни језик : илирски народни језик.

3. Сасвим је могуће да се ради о још једној, трећој, али крњој варијанти Карамановог списка *Identità della lingua litterale slava e necessità di conservarla ne' Libri Sacri*, поред већ постојеће две варијанте (римска и из Басана).

4. Иако се сигнатуре разликују (14995 = Ms 261 vs 21.009/g, LXXVIII-I), није искључено да је реч о рукопису који је Кронија видео 1921. у општинској библиотеци „Паравија“ у Задру, с том разликом што овде није реч о изводу већ о крњем рукопису.

5. Кад је реч о ауторству, с једне стране би се могло претпоставити да је аутор сам Караман. У корист ове претпоставке иду добар део садржаја и сама калиграфија. Недоследност садржаја, међутим, самих „поглавља“, односно недоследност и сложеност самог рукописа, као и чињеница да се анонимни аутор позива на самог Карамана доводе донекле у сумњу ову претпоставку.

6. За последњи спис, на латинском, у вези са Мојсијем I Рајовићем (око 1665–1726), архиепископом пећким и патријархом српским, намеће се претпоставка да је аутор Вицко Змајевић.

7. Чињеница да је рукопис неуредан и несређен, да представља извештај стан колаж списка, да није написан једном руком, да садржи бројна прескакања пасуса и надовезивања, као и сама недовршеност неколиких реченица и пасуса те бројне грешке у главном тексту и у белешкама наводе на претпоставку да рукопис 261 не представља дефинитивну верзију.

Рукопис изискује даљу и далеко детаљнију анализу и детаљно упоређивање како са два варијантама Карамановог списка *Identità della lingua litterale slava e necessità di conservarla ne' Libri Sacri*, тако и са Карамановим списом о илирском клеру (*De clero illyrico*), затим са Русићевим белешкама у односу на превод Матеје Карамана римског мисала из 1741, са Сивићевим списима, али и са списом Вицка Змајевића *Огледало истиине*, у циљу упоређивања рукописа и установљења питања ауторства и варијанти.

ИЗВОРИ

Манасијев летопис: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.slav.2, Vat. Slav. 2, Biblioteca Apostolica Vaticana.

Рукопис 14995 = ms. 261. Dissertazione sul dialetto slavo da scegliersi nel servizio divino. cc. 34) = sec. XVIII. Acefala. Ha inizio col cap. LIII. Znanstvena knjižnica Zadar.

ЛИТЕРАТУРА

- Грамматики славенския правилное Синтагма/потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого, в киновии Братства церковнаго Виленскаго при храме Сошествия пресвятаго и животворящаго духа, назданном странствующего снисканное и прижитое. Лета от воплощения бога слова 1619. Евье: Тип. Братская, 1619.
- Грицкат Ирена. „О прилозима у српскохрватској лингвистичкој науци“. *Јужнословенски филолоџ XXXIX* (1983): 1–41.
- История славянской филологии*. Труд орд. акад. И. В. Ягича. Санкт-Петербург: Изд. отделения рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1910.
- Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. Књ. VII. Београд: САНУ, Институт за српскохрватски језик, 1971.
- Савић Виктор. „Издавање средњовековних српских ћирилских споменика и савремена електронска стара ћирилица“. *Јужнословенски филолоџ LXII* (2006): 291–324.
- Auroux Sylvain. *La révolution technologique de la grammatisation*. Bruxelles: Pierre Mardaga Éditeur, 1994.
- Babič Vanda. „Bukvar — nastopna izdaja Mateja Karamana in njegovo mesto pri oblikovanju posebnega glagolskega grafičnega sistema v Karamanovih izdajah liturgičnih knjig“. *Ježik in slovstvo* 44/3 (dec. 1998/99): 71–88.
- Babič Vanda. „Matej Sovič in ohranjeni rokopis njegovega latinskega prevoda slovenice Meletija Smotrickega (1619) iz leta 1773 v rokopisni zbirki NUK Ljubljana“. *Slavistična Revija* 56/2 (2008): 31–47.
- Babič Vanda. *Vpliv vzhodne cerkvene slovanščine na hrvaške glagolske tekste v 17. in 18. stoletju*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2000.
- Bogović Mile. a. *Katolička Crkva i pravoslavlje u Dalmaciji za mletačke vladavine*. Zagreb: Kršćanska sadašnjost, Školska knjiga, 1993.
- Bogović Mile. b. „Staroslavenska liturgija u biskupijama senjskoj i modruškoj u 19. stoljeću i Parčićev misal“. *Riječki teološki časopis* 1/2 (1993): 209–225.
- Bonazza Sergio. „Un veneziano cronista della Moscovia“. *Annali del Seminario di Studi dell'Europa Orientale (Arte-Letteratura)*. Nuova serie. 1 (1979): 7–23.
- Cronia Arturo. „Glagolitica vaticana“ v Karamanovih “Considerazioni su l’identità della lingua litterale slava” iz leta 1753“. *Slavistična revija* 7/1 (1954): 99–108.
- Deanović Mirko. „Odrazi talijanske akademije „degli Arcadi“ preko Jadrana“. *Rad JAZU* 248 (1933): 1–98.
- Dujčev Ivan. *Die Miniaturen der Manasses-Chronik* [Cod. vat. slav. II]. Publicado por Sofia: Bulgarski Hudoshnik; Leipzig: Seemann, 1965.
- Enee [sic!] Silvii Piccolomini. *De Europa (edidit) A. Van Eck*. Città del Vaticano: Biblioteca apostolica vaticana, 2001.
- Frick David A. „Meletij Smotryč’kyj and the Ruthenian Language Question“. *Harvard Ukrainian Studies* 9/1–2 (June 1985): 25–52.
- Graciotti Sante. “Il pensiero del polacco Hosius (1558) sull’uso liturgico del volgare slavo”. *Studi in onore di Arturo Cronia*. Padova: Università di Padova, Centro di Studi sull’Europa Orientale, 1967: 217–236.
- Graciotti Sante. “Il problema della lingua letteraria croata e la polemica tra Karaman e Rosa”. *Ricerche Slavistiche XIII* (1965): 120–162.
- Grammatica slavonica Meletii Smotriski Monachi Rutheni Ordinis S. Basilii Magni Vilnae 1619 edita, nunc a Mattheo Sovich Chersensi Archidiacono Auxerensi Latine explanata, 1773. Ljubljana, Narodna in univerzitetna knjižnica, Ms 353.
- Institutionum linguae Illyricae libri duo*. Romae: apud Aloysium Zannetum, 1604.
- Japundžić, Marko. *Matteo Karaman (1700–1771) arcivescovo di Zara: excerpta e dissertatione ad lauream*. Roma: Pontificium Institutum orientalium studiorum, 1961.
- Jelić Luka. *Fontes historici liturgiae glagolito-romanae a XIII ad XIX saeculum. Fontes liturgiae glagolito-romanae XVII saeculi*. Prag: Sumpribus ephemeridis “Slavorum litterae theologicae”, 1906.
- Johann Christian von Engel. *Geschichte des Ungrischen Reichs und seiner Nebenländer: Dritter Theil*. Halle: bey Johann Jacob Gebauer, 1801.

- Knezović Pavao (ur.). *Zbornik o Rafaelu Levakoviću: zbornik radova sa znanstvenoga skupa "Fra Rafael Levaković"*. Šibenik — Skradin — Visovac, 14–16. svibnja 2009. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2010.
- Lomagistro Barbara. "Una relazione inedita di Matteo Karaman sul clero glagolita di rito latino". *Ricerche slavistiche* XLIII (1996): 237–319.
- Mathiesen Robert. "The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX-XX Centuries)". Picchio Riccardo, Goldblatt Harvey (ed.). *Aspects of the Slavic Language Question*. 1., New Haven: Slavica Publishers, 1984: 45–65.
- Pauli Iovii Novocomensis Libellus de legatione Basilii Magnii Principis Moschoviae, Romae: in aedibus F. Minitii Calvi. 1525.
- Pederin Ivan. "Autograf Rusićeve polemike protiv Karamana i njegovo značenje kao prvog spisa o književnom prevodenju kod Hrvata". *Croatica Christiana periodica* 11/20 (Prosinac 1987): 102–123.
- Schmurlo E. „Über Caramans Werk Identità oder Considerazioni". *Archiv für slavische Philologie* 33 (1912): 99–110.
- Sgambati Emanuela. „Il ruolo die ruteni nelle edizioni seicentesche die libri liturgici glagolitico-croati". *Barocco in Italia e nei paesi slavi del sud*. A cura di Vittore Branca e Sante Graciotti. Firenze: Leo S. Olschki Editore, 1983: 431–451.
- Stojković Marijan. „Pokušaji uvođenja ruskoslovenske gramatike Meletija Smotrickoga kod Hrvata katolika". *Nastavni vjesnik* 38 (1930): 120–131.
- Strika Zvezdan. „Prilozi za biografiju zadarskoga nadbiskupa Viktora Ragazzonija (1604.–1615.) povodom njegove 400. godišnjice smrti". *Zadarska smotra* LXIV/4 (2015): 32–42.
- Turgenev Aleksandr Ivanovič. *Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta*. I. Petropoli: Typis Eduardi Pratzi, 1841: 144–162.
- Žubrinić Darko. *Hrvatska glagoljica: biti pismen — biti svoj*. Zagreb: Hrvatsko književno društvo sv. Jeronima (sv. Ćirila i Metoda), Element, 1996.

SOURCES

- Manasijev letopis: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.slav.2, Vat. Slav. 2, Biblioteca Apostolica Vaticana.
- Rukopis 14995 = ms. 261. Dissertazione sul dialetto slavo da scegliersi nel servizio divino. cc. 34) = sec. XVIII. Acefala. Ha inizio col cap. LIII. Znanstvena knjižnica Zadar.

REFERENCES

- Auroux Sylvain. *La révolution technologique de la grammatisation*. Bruxelles: Pierre Mardaga Éditeur, 1994.
- Babić Vanda. „Bukvar — nastopna izdaja Mateja Karamana in njegovo mesto pri oblikovanju posebnega glagolskega grafičnega sistema v Karamanovih izdajah liturgičnih knjig". *Jeziik in slovnstvo* 44/3 (dec. 1998/99): 71–88.
- Babić Vanda. „Matej Sovič in ohranjeni rokopis njegovega latinskega prevoda slovenice Meletija Smotrickega (1619) iz leta 1773 v rokopisni zbirki NUK Ljubljana". *Slavistična Revija* 56/2 (2008): 31–47.
- Babić Vanda. *Vpliv vzhodne cerkvene slovanščine na hrvaške glagolske tekste v 17. in 18. stoletju*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2000.
- Bogović Mile. a. *Katolička Crkva i pravoslavlje u Dalmaciji za mletačke vladavine*. Zagreb: Kršćanska sadašnjost, Školska knjiga, 1993.
- Bogović Mile. b. „Staroslavenska liturgija u biskupijama senjskoj i modruškoj u 19. stoljeću i Parčičev misal". *Riječki teološki časopis* 1/2 (1993): 209–225.
- Bonazza Sergio. „Un veneziano cronista della Moscovia". *Annali del Seminario di Studi dell'Europa Orientale (Arte-Letteratura)*. Nuova serie. 1 (1979): 7–23.
- Cronia Arturo. „Glagolitica vaticana" v Karamanovih "Considerazioni su l'identità della lingua litterale slava" iz leta 1753". *Slavistična revija* 7/1 (1954): 99–108.

- Deanović Mirko. „Odrzi talijanske akademije „degli Arcadi“ preko Jadrana“. *Rad JAZU* 248 (1933): 1–98.
- Dujčev Ivan. *Die Miniaturen der Manasses-Chronik* [Cod. vat. slav. II]. Publicado por Sofia: Bulgarski Hudoshnik; Leipzig: Seemann, 1965.
- Enee [sic!] Silvii Piccolomini. *De Europa (edidit) A. Van Eck*. Città del Vaticano: Biblioteca apostolica vaticana, 2001.
- Frick David A. „Meletij Smotryc’kyj and the Ruthenian Language Question“. *Harvard Ukrainian Studies* 9/1–2 (June 1985): 25–52.
- Graciotti Sante. „Il pensiero del polacco Hosius (1558) sull’uso liturgico del volgare slavo“. *Studi in onore di Arturo Cronia*. Padova: Università di Padova, Centro di Studi sull’Europa Orientale, 1967: 217–236.
- Graciotti Sante. „Il problema della lingua letteraria croata e la polemica tra Karaman e Rosa“. *Ricerche Slavistiche* XIII (1965): 120–162.
- Grammatica slavonica Meletii Smotriski Monachi Rutheni Ordinis S. Basilii Magni Vilnae 1619 edita, nunc a Mattheo Sovich Chersensi Archidiacono Auxerensi Latine explanata, 1773. Ljubljana, Narodna in univerzitetna knjižnica, Ms 353.
- Grammatiki slavenskiya pravilnoe Sintagma/potshchaniem mnogogreshnogo mniha Meletiya Smotrickogo, v kinovii Bratstva cerkovnago Vilenskago pri hrame Soshestviya presvyatago i zhivotvoryashchago duha, nazdannom stranstvuyushchego sniskannoe i prizhitoe. Leta ot voploshcheniya boga slova 1619. Ev’e: Tip. Bratskaya, 1619.
- Grickat Irena. „O prilozima u srpskohrvatskoj lingvistichkoj nauci“. *Južnoslovenski filolog* XXXIX (1983): 1–41.
- Institutionum linguae Illyricae libri duo*. Romae: apud Aloysium Zannettum, 1604.
- Istoriya slavyanskoj filologii*. Trud ord. akad. I.V. YA gicha. Sankt-Peterburg: Izd. otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imp. Akad. nauk, 1910.
- Japundžić, Marko. *Matteo Karaman (1700–1771) arcivescovo di Zara: excerpta e dissertatione ad lauream*. Roma: Pontificium Institutum orientalium studiorum, 1961.
- Jelić Luka. *Fontes historici liturgiae glagolito-romanae a XIII ad XIX saeculum. Fontes liturgiae glagolito-romanae XVII saeculi*. Prag: Sumptibus ephemeridis “Slavorum litterae theologiae”, 1906.
- Johann Christian von Engel. *Geschichte des Ungrischen Reichs und seiner Nebenländer: Dritter Theil*. Halle: bey Johann Jacob Gebauer, 1801.
- Knezović Pavao (ur.). *Zbornik o Rafaelu Levakoviću: zbornik radova sa znanstvenoga skupa “Fra Rafael Levaković”*. Šibenik — Skradin — Visovac, 14–16. svibnja 2009. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2010.
- Lomagistro Barbara. „Una relazione inedita di Matteo Karaman sul clero glagolita di rito latino“. *Ricerche slavistiche* XLIII (1996): 237–319.
- Mathiesen Robert. „The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX-XX Centuries)“. Picchio Riccardo, Goldblatt Harvey (ed.). *Aspects of the Slavic Language Question*. 1., New Haven: Slavica Publishers, 1984: 45–65.
- Pauli Iovii Novocomensis Libellus de legatione Basilii Magnii Principis Moschoviae, Romae: in aedibus F. Minitii Calvi. 1525.
- Pederin Ivan. „Autograf Rusičeve polemike protiv Karamana i njegovo značenje kao prvog spisa o književnom prevođenju kod Hrvata“. *Croatia Christiana periodica* 11/20 (Prosinac 1987): 102–123.
- Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika*. Knj. VII. Beograd: SANU, Institut za srpskohrvatski jezik, 1971.
- Savić Viktor. „Izdavanje srednjovekovnih srpskih ćirilskih spomenika i savremena elektronska stara ćirilica“. *Južnoslovenski filolog* LXII (2006): 291–324.
- Schmurlo E. „Über Caramans Werk Identität oder Considerazioni“. *Archiv für slavische Philologie* 33 (1912): 99–110.
- Sgambati Emanuela. „Il ruolo die ruteni nelle edizioni seicentesche die libri liturgici glagolitico-croati“. *Barocco in Italia e nei paesi slavi del sud*. A cura di Vittore Branca e Sante Graciotti. Firenze: Leo S. Olschki Editore, 1983: 431–451.
- Stojković Marijan. „Pokušaji uvođenja ruskoslovenske gramatike Meletija Smotrickoga kod Hrvata katolika“. *Nastavni vjesnik* 38 (1930): 120–131.

- Strika Zvezdan. „Prilozi za biografiju zadarskoga nadbiskupa Viktora Ragazzonija (1604.–1615.) povodom njegove 400. godišnjice smrti“. *Zadarska smotra* LXIV/4 (2015): 32–42.
- Turgenev Aleksandr Ivanovič. *Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta*. I. Petropoli: Typis Eduardi Pratzii, 1841: 144–162.
- Žubrinić Darko. *Hrvatska glagoljica: biti pismen — biti svoj*. Zagreb: Hrvatsko književno društvo sv. Jeronima (sv. Ćirila i Metoda), Element, 1996.

Персида Лазаревич Ди Джакомо

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О РУКОПИСИ №261
ИЗ ФОНДА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ЗАДАРЕ

Резюме

В настоящей статье проводится предварительный анализ и выдвигаются предположения относительно анонимной рукописи №261 из фонда Научной библиотеки в Задаре. Рукопись связана с текстом (документом) задарского архиепископа Мате Карамана (1700–1771) об идентичности славянского литературного языка (1753), написанная в качестве ответа на замечания (1750) Степана Русича (1689–1770) по поводу карамановского издания миссала (1741). Не исключено, что речь идет о третьей редакции карамановской рукописи, вписывающейся в бушевавшую в это время в славянском мире полемику о древности и положении славянского языка и отношении церковнославянского и народного (илирского) языков.

Ключевые слова: рукопись №261, Научная библиотека в Задаре, славянский язык, церковнославянский язык, илирский язык.

Жанна Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
zhannavarbot@yandex.ru

Zhanna Varbot

V. V. Vinogradov Russian Language Institut, RAS
zhannavarbot@yandex.ru

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. **ŠATRITI*/**ŠATRATI*/**ŠETRITI*

ON THE ETYMOLOGY OF SLAV. **ŠATRITI*/**ŠATRATI*/**ŠETRITI*¹

В нескольких южно- и западнославянских языках представлены глаголы с условной реконструкцией **šatriiti*, **šatrati*, **šetriiti* с весьма разветвленной семантикой: 'очищать поле от сорняков, щупать в темноте, смотреть, заботиться, помнить, избегать, колдовать' и нек. др. Глаголы признаются этимологически трудными. Существующие толкования их происхождения предполагают значительные нерегулярные структурные преобразования или неубедительны семантически. В данной статье предлагается следующая этимологическая версия: в качестве исходной семантики глаголов реконструируется физическое воздействие на предмет с прикосновением и очищением, так что предполагается структура **šat(b)riti*, **šat(b)rati*, **šet(b)riti*, производная от праслав. **terti*/**tyrǫ* с экспрессивным префиксом **ša-*/**še-*.

Ключевые слова: славянская этимология, семантическая реконструкция, словообразование.

There are some verbs with a conditional reconstruction **šatriiti*, **šatrati*, **šetriiti* and with very branchy semantics 'clean out weeds in field, feel in darkness, look, look after, remember, avoid, do wizardry' and some else in South and West Slavic languages. These verbs are considered to be etymological difficult. Existent hypotheses of verbs origin mean considerable irregular transformations of structure or art unconvincing in semantic aspect. In the article the following etymological version is offered: initial semantics of the verbs is reconstructed as a physical influence on the object with touching and cleaning so the structure **šat(b)riti*, **šat(b)rati*, **šet(b)riti* is reconstructed as derived of Protoslav. **terti*/**tyrǫ* with expressive prefix **ša-*/**še-*.

Key words: Slavic etymology, semantic reconstruction, word-formation.

¹ Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

Группа приведенных в названии статьи глаголов относится к числу этимологически трудных славянских лексем. Даже реконструкция их форм условна, поскольку фонемный состав не имеет четкой хронологической атрибуции и потому неопределен. При нерешенности проблемы происхождения неясно и соотношение с явно родственными именами.

Реконструкция глагольных основ основывается на следующем материале славянских языков:

**šatriti*, **šatрати*: сербохорв. диал. кайкав. *šatriti*, *šatрати* ‘колдовать’, с производным (?) *šatрије* ‘колдовство’ (RJA XVII: 504–505; Šatović — Kalinski 2012: 494), озальск. *šatрати* ‘щупать, копаться руками в темноте’, чакав. истр. *šatrát* ‘устраивать что-л., договариваться’ (Boryš 2007: 386), словен. *šatрати* ‘колдовать’, *šatriti* то же и ‘относиться суеверно’, с производным (?) диал. *šater*, *-tra* ‘колдовство, сглаз, порча’ (Pleteršnik II: 618, 617), чеш. *šátrati* ‘приглядывать, заботиться’, слвц. *šatriti* то же (Machek 1997: 606), слвц. *šatrit* ‘очищать конопляное поле от сорняков’ (Kálal 1924: 670), чеш. диал. лях. *šatrit se* ‘сторониться, избегать’ (Bartoš 1906: 418), польск. *szatrac*, *szatrzyć* ‘смотреть, наблюдать, помнить’, диал. *szatrzyć* ‘кое-что знать, уметь’ (Karłowicz и др. VI: 575);

**šetriti*: чеш. *šetřiti* ‘приглядывать, заботиться’, слвц. *šetriti* то же (Machek 1997: 606), польск. диал. *szetrzyć* ‘смотреть, наблюдать, помнить’, *szetrzyć się* ‘беречься, остерегаться’ (Karłowicz и др. VI: 614).

Известные опыты толкования рассматриваемых глаголов как заимствований: из итал. *sciatteria* ‘небрежность, безалаберность’ (только для кайкав. и словен. глаголов) (Francev JA XXIX, 387, цит. по Bezljaj IV: 13), из иран. *xšatra-* ‘власть, сила’ (Трубачев 1967: 52–55) — не считаются убедительными фонетически и семантически (Bezljaj IV: 13; Boryš 2007: 386). Поиски родства в славянском и индоевропейском окружении весьма разнородны. Махек счел исходным значением ‘рассматривать’ и предположил родство с лит. *skatýtis* ‘оглядываться, наблюдать’ и *skototis* ‘заботиться, стараться’ (с развитием семантики ‘глядеть’ > ‘заботиться’), при этом начальное слав. *še-* < *šče-*, *r* признается вставным, а *ša-* объясняется влиянием синонимичного *patřiti* (Machek 1997: 606); множественность допускаемых нерегулярных изменений делает предполагаемое родство маловероятным. Рейзек разделил этимологически **šatriti*/**šatрати* и **šetriti*, генетическое родство **šetriti* с лит. *skatýtis* ‘смотреть’, предложенное Махеком, признал фонетически сомнительным, согласился с развитием значения по Махеку, но счел происхождение **šetriti* неясным (Rejzek 2001: 627). Для *šátrati* Рейзек принял в качестве исходной формы единичную фиксацию (у Юнгмана) глаг. *šmátrati* ‘искать наощупь’, который далее возвел через *šmatati* к *hmatati* ‘щупать, ощупывать’ (Rejzek 2001: 625, 634), что весьма привлекательно семантически, но предполагает нерегулярные преобразования структуры исходного глагола. В качестве возможного и.-е. родственного глагола для словен. **šatriti*/**šatрати* ‘колдовать’ и родственных

в других языках было предложено др.-инд. *khyati* ‘повествовать, прославлять’ (Petersson BSI 89, цит. по Bezlaĵ IV: 13), что фонетически сомнительно. Безлаĵ отделил от прочих глаголов хорв. *šatrati* ‘щупать, искать в темноте’ и вместе со словен. *šatrāti* ‘корячиться, хромать, ковылять’ предположительно возвел к **šastati* (Bezlaĵ IV: 12–13). Для остальных глаголов из приведенной выше группы Безлаĵ счел наиболее вероятным отыменное образование от и.-е. **ksjaH-tró-/ā* ‘знак’ от **ksjaH-* ‘смотреть’, к которому автор возводил также греч. *σημα* ‘знак’, тох. В *šotri*, А *šotre* то же (Bezlaĵ IV: 13). Без объяснения при этом остается начальное *še-* в некоторых славянских глаголах (см. выше). Спорна и реконструкция индоевропейского родства: для греческого и тохарских имен более убедительны другие этимологические толкования (Pokorny I: 243, 898).

Очевидна трудность выяснения происхождения рассматриваемых глаголов (Bogus 2007: 386). Обращаясь к весьма разветвленной семантике перечисленных продолжений **šatriti*/**šatrati*/**šetriti*, можно, кажется, в порядке первого приближения к этимологическому решению, попытаться установить связи значений и проследить вероятные изменения семантики вплоть до реконструкции исходной. Наиболее обобщенное значение, очевидно, — ‘устанавливать что-л., договариваться’, наиболее конкретные — ‘щупать, копаться руками в темноте’ (сербохорв., словен.) и ‘очищать конопляное поле от сорняков’ (слвц.). Значение ‘щупать, копаться руками в темноте’ = ‘искать’ может быть исходным для развития семантики ‘смотреть, наблюдать’ (ср. родство др.-прусс. *laukīt* ‘искать’ и греч. *λεύσσω* ‘смотреть’; греч. *ὄραω* ‘смотреть, видеть, искать, стремиться’), откуда далее ‘приглядывать, заботиться’ (см. выше мнение Махека и ср. русск. *присматривать*) и, наконец, ‘заботиться’ → ‘устанавливать, договариваться’. Более отдаленными этапами семантического развития могут быть связи значений ‘смотреть, наблюдать’ → ‘знать, уметь’ → ‘помнить’ (ср. родство слав. **viděti* — **vědati* и **mьněti* — **paměť*). С исходной семантикой очищения = отделения можно связать значения ‘остерегаться’ (польск.) и ‘избегать’ (чеш.).

Вне предполагаемых направлений развития значения ‘щупать, копаться руками в темноте’ = ‘искать’ остается как будто значение ‘колдовать’. Однако следует вспомнить об обычной материальной стороне различных традиций колдовства — действиях с определенными предметами или скорее воздействию на предметы. Отражение одного из таких воздействий в славянской лексике — родство **čara, čary* ‘колдовство’ и **čara* ‘черта, линия’ с производностью от и.-е. **k^uer-* ‘проводить черты, линии, колдовать’ (ЭССЯ 4: 22–23). Это позволяет и в качестве производящей основы слав. **šatriti*/**šatrati*/**šetriti* предполагать глагол с семантикой физического воздействия на предметы. Подобная семантика конкретизируется в значениях ‘щупать, копаться руками в темноте’ и ‘очищать конопляное поле от сорняков’, причем именно наличие последнего представляется наиболее доказательным для реконструкции семантики физического воздействия как исходной для всей рассматриваемой группы глаголов.

При учете сделанных выше выводов о потенциальной исходной семантике глаголов **šatriti* / **šatрати* / **šetriti* — физическом воздействии на предметы (в частности, с прикосновением и очищением) — представляется возможным предположение об образовании этой вариантной группы глаголов от **terti* / **tьrǫ* с экспрессивным префиксом **ša-* / **še-*. Что касается *tr(-iti/-ati)*, то корень *tr-* может быть как рефлексом древнего варианта корня **ter-* — **tr-* (ср. лат. *tritum*), так и позднепраслав. преобразованием инфинитива глаг. **ter-ti* по аналогии с основой наст. времени **tьr-ǫ*, ср. далмат. *satрати* (Skok IV: 511), польск. диал. *trzyć* (Karłowicz и др. VII: 146, *trzeć*), русск. разг. и диал. *трать*. При обобщенной семантике этимологического гнезда слав. **terti* ‘физическое воздействие на поверхность предмета трением’, в ней присутствуют составляющие прикосновения, очищения (см. **obterti*, **obtora* — ЭССЯ 30: 168–170, 193–194), движения относительно предметов (русск. *тереться среди людей*), обучения и умения (русск. *натопреть* и *наторелый*) — ср. выше семантику **šatriti* / **šatрати* / **šetriti*. Особенно существенна фиксация в славянской этнокультуре участия трения в ритуальных и колдовских действиях: русск. диал. твер. *терсть* ‘тереть (палкой об угол дома для снятия порчи)’ (с вторичным эпентетическим *c*) (СРНГ 44: 84) и слав. «Чтобы у кого-либо не держался скот, колдун проникает в хлев и *тресть* голым задом об его угол, чтобы хлев был «голым» (то есть пустым)» (Слав. древн. 2: 53).

Предлагаемая гипотеза об образовании рассматриваемой группы глаголов от праслав. **terti* / **tьrǫ* предполагает как наиболее вероятную для позднепраславянского уровня реконструкцию **šat(b)riti* / **šat(b)рати* / **šet(b)riti*, так что имена существительные сербохорв. диал. *šatрије* и словен. диал. *šater*, *-tra* ‘колдовство’ являются отглагольными производными.

В соответствии с предложенной гипотезой, с рассматриваемой группой глаголов не связаны генетически словен. *šatрати* ‘чинить, штопать’ (Pleteršnik II: 618) и словц. диал. (Banská Bystrica) *šatriti* ‘одевать’ (Káral 1924: 670), очевидно, производные от германизма **sat(a)* ‘одежда’.

ЛИТЕРАТУРА

- Слав. древн.: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Ред. Толстой Никита. Т. 1–5. Москва: Международные отношения, 1995–2012.
- СРНГ: *Словарь русских народных говоров*. Ред. Филин Федот, Сороколетов Федор, Мызников Сергей. Вып. 1–. Москва — Ленинград: Наука, 1965–.
- Трубачев Олег. «Из славяно-иранских лексических отношений». Трубачев Олег (ред.). *Этимология 1965*. Москва: Наука, 1967: 3–81.
- ЭССЯ: *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Ред. Трубачев Олег, Журавлев Анатолий, Варбот Жанна. Вып. 1–. Москва: Наука, 1974–.
- Bartoš František. *Dialektický slovník moravský*. V Praze: Nákladem České Akademie pro vědy, slovesnost a umění, 1906.
- Bezlaj France. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. I–V. Ljubljana: SAZU, 1977–2007.
- Boryś Wiesław. *Etymologie słowiańskie i polskie*. Warszawa: SOW, 2007.

- Kálal Miroslav. *Slovenský slovník z literatury aj narečí*. Banská Bystrice: Slovenská Grafie, 1924.
- Karłowicz Jan, Kryński Adam, Niedźwiedzki Władysław. *Słownik języka polskiego*. T. I–VIII. Warszawa etc.: 1904–1927 (1952–1953).
- Machek Václav. *Etymologický slovník jazyka českého*. Druhé vyd. Praha: Lidové noviny, 1997.
- Pleteršnik Maks. *Slovensko-nemški slovar*. I–II. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1974.
- Pokorny Julius. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Bern: A. Francke AG Verlag, 1959–1969.
- Rejzek Jiří. *Český etymologický slovník*. Praha: LEDA, 2001.
- RJA: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. I–XXIII. Zagreb: SAZU, 1880–1976.
- Skok Petar. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. I–IV. Zagreb: SAZU, 1971–1974.
- Šatović Franjo, Kalinski Ivan. *Riečnik Cerja zagrebečkoga*. Zagreb: Pučko otvoreno učilište Sv. Ivan Zelina, 2012.

REFERENCES

- Bartoš František. *Dialektický slovník moravský*. V Praze: Nákladem České Akademie pro vědy, slovesnost a umění, 1906.
- Bezlej France. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. I–V. Ljubljana: SAZU, 1977–2007.
- Boryś Wiesław. *Etymologie słowiańskie i polskie*. Warszawa: SOW, 2007.
- ESSYA: *Etimologičeskij slovar' slavyanskih jazykov. Praslavyanskij leksičeskij fond*. Red. Trubachev Oleg, Zhuravlev Anatolij, Varbot Zhanna. Vyp. 1–. Moskva: Nauka, 1974–.
- Kálal Miroslav. *Slovenský slovník z literatury aj narečí*. Banská Bystrice: Slovenská Grafie, 1924.
- Karłowicz Jan, Kryński Adam, Niedźwiedzki Władysław. *Słownik języka polskiego*. T. I–VIII. Warszawa etc.: 1904–1927 (1952–1953).
- Machek Václav. *Etymologický slovník jazyka českého*. Druhé vyd. Praha: Lidové noviny, 1997.
- Pleteršnik Maks. *Slovensko-nemški slovar*. I–II. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1974.
- Pokorny Julius. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Bern: A. Francke AG Verlag, 1959–1969.
- Rejzek Jiří. *Český etymologický slovník*. Praha: LEDA, 2001.
- RJA: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. I–XXIII. Zagreb: SAZU, 1880–1976.
- Skok Petar. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. I–IV. Zagreb: SAZU, 1971–1974.
- Slav. drevn.: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*. Red. Tolstoj Nikita. T. 1–5. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995–2012.
- SRNG: *Slovar' russkih narodnyh govorov*. Red. Filin Fedot, Sorokoletov Fedor, Myznikov Sergej. Vyp. 1–. Moskva — Leningrad: Nauka, 1965–.
- Šatović Franjo, Kalinski Ivan. *Riečnik Cerja zagrebečkoga*. Zagreb: Pučko otvoreno učilište Sv. Ivan Zelina, 2012.
- Trubachev Oleg. «Iz slavyano-iranskih leksičeskijh otnoshenij». Trubachev Oleg (red.). *Etimologija 1965*. Moskva: Nauka, 1967: 3–81.

Жана Варбот

О ЕТИМОЛОГИЈИ СЛОВ. *ŠATRITI/*ŠATRATI/*ŠETRITI

Резиме

У српскохрватском, словеначком, чешком, словачком и пољском језику постоје глаголи који се условно могу реконструисати као *šatriti/*šatrati/*šetriti и који имају веома разноврсну семантику: ‘пипати, тражити у мраку’ (с.-х.), ‘чистити поље од корова’ (словач.), ‘гледати, пазити, бринути се’ (чеш., словач., пољ.), ‘знати, умети, сећати се’ (пољ.), ‘сређивати нешто, договарати се’ (с.-х.), ‘чувати се’ (пољ.), ‘избегавати’ (чеш.), ‘врачати’

(с.-х., слов.). Етимолози предлажу неколико верзија настанка ових глагола: позајмљеница (из иран., из итал.), словенска творевина; о свим верзијама је исказано критичко мишљење (могућност нерегуларних структурних трансформација, спорне семантичке реконструкције). У овом чланку је изнета следећа хипотеза: као примарно значење ових глагола реконструише се 'физичко дејство на предмет дотицањем и чишћењем' с даљим развојем значења 'гледати, бринути се, чувати се' и др., те се претпоставља структура **šat(ǃ)riti*, **šat(ǃ)rati*, **šet(ǃ)riti*, настала од прасл. **terti*/**tǃrǃ* с експресивним префиксом **ša-*/**še-*. У семантици глагола **terti*/**tǃrǃ* посведочена су готово сва значења забележена у истраживаним глаголима.

Кључне речи: словенска етимологија, семантичке промене, творба речи.

Vjeslav Boriš

Jagielonsko sveučilište / Uniwersytet Jagielloński
wieslaw.borys@wp.pl

Wiesław Boryś

Jagiellonian University
wieslaw.borys@wp.pl

HRVATSKA DIJALEKATSKA IMENICA *ZULO/ZJULO*

THE CROATIAN DIALECTAL NOUN *ZULO/ZJULO*

U radu se razmatra porijeklo dijalekatske imenice *zulo* (*zula*, *zjulo*) ‘otvor u peći’. Njen ishodišni oblik mogla je biti forma ženskoga roda **zuj-ula* ‘nešto otvoreno’, izvedenica sufiksom *-ula* od psl. glagola **zujati*, **zějō* ‘biti otvoren, zijati, zijevati’. Oblici srednjega roda s nepotvrđenim sufiksom *-ulo* vjerojatno su sekundarni. Nije jasno zašto se u oblicima *zula*, *zulo* izgubio suglasnik *-j-*.

Ključne riječi: hrvatski jezik, narječje, imenica, etimologija, *zulo/zjulo*

In this paper the origin of the Croatian dialectal noun *zulo* (*zula*, *zjulo*) ‘opening in the furnace’ is discussed. Its initial form is supposed to have been the feminine gender noun **zuj-ula* ‘something open’, a derivative with the suffix *-ula* from the Proto-Slavic verb **zujati*, **zějō* ‘to be open, gape, yawn’. Neuter gender forms with the unattested suffix *-ulo* are probably secondary. It is not clear why the consonant *-j-* is missing from the forms *zula*, *zulo*.

Keywords: Croatian language, dialect, noun, etymology, *zulo/zjulo*.

U hrvatskim narječjima postoji više leksema sa značenjem ‘otvor u nečemu ili kroz nešto’. Glavni je, naravno, leksem *rūpa*, svojstven i standardnom jeziku, pored toga *rapa* (vjerojatno njegova dijalekatska varijanta) te niz drugih leksema: *buža*, *luknja*, *prelo*, *škula/škulja* (> *škuja*), *šupljina*, *zjalo*. Ove imenice i pokušaje objašnjenja njihove etimologije nalazimo u *Etimologijskom rječniku hrvatskoga ili srpskoga jezika* Petra Skoka. Međutim, u pomenutom rječniku ne nalazimo imenicu *zulo* s inačicama *zjulo*, *zula*. Objašnjenje porijekla ove imenice je zadatak članka.

Leksem u obliku *zulo* nalazimo u nekim kajkavskim govorima: *zulo* ‘rupa ili ždrijelo na peći’ u Zagorju (ARj XXIII 151), *zūlo* ‘otvor u peći za loženje’ u samoborskom govoru (Žegarac Peharnik 2003: 364), *zūlö* ‘rupa, otvor; otvor u peći

za loženje' u donjosutlanskom govoru (RKDI 564). Isti oblik imenice morao je postojati također kod Hrvata u Slovačkoj, jer je u hrvatskom govoru mjesta Hrvatski Grob zabilježena izvedenica sa sufiksom *-ko*: *zúlko* 'otvor u peći kojim se kontrolirao pečeni kruh' (Takač 2004: 200). Ranije je istu riječ iz Hrvatskog Groba zapisao A. Václavík koji je naveo tačnije objašnjenje imenice *zulko* „pul-kruhovitý otvor v múre vedľa otvora na chlieb, vykľentý asi 15 × 15 cm, ... ktorým sa svieti do pece na chlieb, aby sa v peci nepredržal” (Václavík 1925: 25).

U govorima gradišćanskih Hrvata postoji također oblik *zjulo*. U takvim govorima u Austriji (i u Mađarskoj?) nalazimo *zjulo* 'zjalo; ždrijelo; oduška (peći), Ofenloch, Loch im Backofen' (GHR 821), *zju:lo* 'jama, rupa, otvor u peći (Grube, Loch, Ofenloch)' (Palkovits 1987: 249). Isti je oblik zabilježen u Slovačkoj (u hrvatskim selima Devinská Nová Ves i Dúbrava): *zjúlo* 'otvor u peći' (u izvoru: 'otvor do peći, „čelesno”, místo v peci, kam se sází chléb', Vážný 1927: 421).

U rječniku Pavla Rittera Vitezovića, napisanom oko 1700. godine, nalazimo *zjúlo* i *pečno zjulo* 'otvor u peći ('praefurnium, orificium)' te *zjulo* u drugom, očito sekundarnom značenju, prenesenom na terenski objekt 'jarak, jaz (emissarium)' (Vitezović 2009: 1379).

Ista se riječ javlja u anatomskom leksiku. Najranije u Vitezovićevu rječniku, vjerojatno preuzeta iz tadašnje medicinske terminologije na kajkavskom području: *zjulo* 'otvor maternice (amphideum)', u istom značenju *plodnično zjulo* i *zjulo od plodnice*, pored toga *guzično zjulo* 'stražnjica (podex)' (Vitezović 2009: 1379). Posljednje značenje ima razmatrana imenica kod gradišćanskih Hrvata: *zjulo* 'rit, zadnjica' (GHR 821) i u ličkom govoru u obliku *zúla* pejor. 'rit, stražnjica' (Čuljat 2004: 298). Ovo značenje nedvojbeno potječe iz ranijeg 'otvor na kraju debelog crijeva, šupak, čmar'.

U ličkim govorima zapisani su ženski oblici razmatranih riječi: *zúla* 'rupa u kamenu, u nasipu, koju voda probije' (ARj XXIII 150) i gorepomenuta *zúla* 'stražnjica'.

Zagonetan je još jedan oblik razmatrane imenice: *ždúlo* 'otvor, ždrijelo, otvor peći' i 'ponor' u čakavsko-kajkavskom govoru u okolici Karlovca i Duge Rese (Perušić 1993: 175). Nije isključeno da je to preobrazovanje prvobitnog lika *zjulo* sa *žd-* pod utjecajem istoznačne imenice *ždrelo* 'ždrijelo'.

U hrvatskim štokavskim govorima i u srpskom jeziku postoji formalno i semantički slična imenica *zjǎlo* 'otvor, ždrijelo' (ARj XXII 877 iz djela slavonskog pisca J. S. Reljkovića, slavonskih govora Otoka, Orahovice, iz Bosne), u hrvatskom rječniku I. B. Šamije *zjǎlo* ima značenja 'grotlo' i 'otvor rane nekog organa' (Šamija RJH 1778), u slavonskom narječju *zjalo* je 'otvor na krušnoj peći, dimnjaku, štaglju' (Jakšić 2003: 317), u ličkom govoru *zjǎlo* znači 'otvor za loženje na zidanoj peći koji nema vrata' (Čuljat 2004: 297); u beogradskom akademskom rječniku nalazimo više značenja iste riječi: 'usta, usni otvor, čeljust', 'otvor, ždrelo, grlo; šupljina, rupa', 'ponor, bezdan, ambis; krater, grotlo', 'otvor na sudu, grlić' (RSAN VII 47), slično u srpskom rječniku Matice srpske: *zjǎlo* 'usni otvor, čeljust', 'ždrelo, grlo; rupa', 'ponor, ambis, bezdan' i fraza *prodavati zjǎla* 'besposličiti, zaludničiti' (RSJ 435). Naravno, sva srpska značenja razvila su se iz prvobitnog 'otvor, rupa'.

Etimologiju imenice *zjǎlo* objasnio je već P. Skok (iako je, za Vukom Karadžićem, naveo samo frazu *prodavati zjǎla*). Prema njemu, to je izvedenica („apstraktum”) od glagola *zjǎti* ‘biti otvoren, zijati, zijevati’ sa sufiksom *-alo* (Skok ER 3: 656).

Dijalekatske imenice *zulo* (*zūlo*, *zūlò*), *zula*, *zjulo* (*z|ūlo*) srodne su sa štokavskim *zjǎlo*, ali nisu se mogle razviti iz *zjǎlo* jer nema razvitka *a > ū*, bitna je također razlika u akcentuaciji ovih riječi. Sve pomenute imenica izvedene su od istog glagola *zjǎti*, *zjǎm* ‘biti otvoren, zijati, zijevati’ (ARj XXII 877–878), koji kontinuirano praslavensko **zbjati*, **zějō* ‘otvarati se, biti otvoren’ (Skok ER 3: 655–656, Borys SE 739). Razlikuju se ipak po sufiksima: *zjǎlo* ima sufiks *-alo*, koji postoji i u drugim odglagolskim izvedenicama (npr. *gudalo*, Babić 1986: 270), ostale imenice ukazuju na inače nepotvrđen sufiks *-ulo* ili poznat nekim jezicima *-ula* (upor. Sławski 1974: 110). Moguće je, dakle, da je prvotni rod očuvan u ličkom obliku *zula*, a da je u drugim oblicima srednji rod postao sekundarno, po uzoru na neke nepoznate imenice tog roda.

Predpostavljam da su razmatrane riječi postale u rano, starohrvatsko vrijeme, kada je u južnoslavenskim jezicima još postojao poluglasnik i da je prvobitni oblik bio **zbj-ula* sa značenjem ‘nešto otvoreno’. Nije jasno zašto je u oblicima *zula*, *zulo* nestao suglasnik *-j*.

BIBLIOGRAFIJA I KRATICE

- ARj — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. I–XXIII. Zagreb, 1880–1976.
- Babić Stjepan. *Tvorba riječi u hrvatskom jeziku. Nacrt za gramatiku*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti — Globus, 1986.
- Borys SE — Borys Wiesław. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- Čuljat Marko. *Ričnik ličke ikavice*. Gospić: Lika press, 2004.
- GHR — *Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik*. Zagreb — Eisenstadt: Grafički zavod Hrvatske, 1991.
- Jakšić Martin. *Divanimo po slavonski*. Zagreb: Pergamena, 2003.
- Palkovits Elisabeth. *Wortschatz des Burgenländischkroatischen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987.
- Perušić Marinko. *Rječnik čakavsko-kajkavskih govora karlovačkodugoreškog kraja*. Karlovac: Radio Karlovac, 1993.
- RKDI — Hanzir Štefica, Horvat Jasna, Jakolić Božica, Jozić Željko, Lončarić Mijo. *Rječnik kajkavske donjosutlanske ikavice*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2015.
- RSAN — *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. 1–21–. Београд: Српска академија наука и уметности — Институт за српски језик САНУ, 1959–2019–.
- RSJ — *Речник српског језика*. Ред. Мирослав Николић. Нови Сад: Матица српска, 2007.
- Skok ER — Skok Petar. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. 1–4. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.
- Sławski Franciszek. „Zarys słowotwórstwa praslówiańskiego”. *Słownik praslówiański*. T. 1. Wrocław: Ossolineum, 1974: 43–141.
- Šamija RJH — Šamija Ivan Branko. *Rječnik jezika hrvatskoga*. Zagreb: Društvo Lovrećana — Zagreb, 2012.
- Takač, Ferdinand. *Rječnik sela Hrvatski Grob. Horvatansko-hrvatsko-slovački rječnik*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2004.
- Václavík Antonín. *Podunajská dedina v Československu*. Bratislava: Vydavateľské Družstvo, 1925.

- Vážený Václav. „Čakavské nářečí v slovenském Podunají“. *Sbornik filozofické fakulty Univerzity Komenského v Bratislavě* 5/47–2 (1927): 122–336.
- Vitezović 2009 — Ritter Vitezović Pavao. *Lexicon Latino-Illyricum. Svezak treći. Hrvatsko-latinski rječnik*. Priredile Nada Vajs, Zrnka Meštrović. Zagreb: ArTresor naklada — Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2009.
- Žegarac Peharnik Milan. *Mali tematski rječnik samoborskoga kajkavskog govora*. Samobor: Samoborfest, 2003.

Веслав Борысь

ХОРВАТСКОЕ ДИАЛЕКТНОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ *ZULO/ZJULO*

Резюме

В статье рассматривается происхождение хорватского диалектного существительного *zulo* (*zula*, *zjulo*) ‘отверстие в печи’. Оно сопоставляется с однозначным штокавским существительным *zjalo* (также в значении ‘рот, пасть, дыра, пропасть, бездна’), производным от глагола *zjati*, *zjati* ‘зиять’, который исходит из прасл. **zjati*, **zjati* ‘открываться, быть открытым’. Исходной формой хорв. диал. *zulo* (*zula*, *zjulo*) могла быть форма женского рода **zj-ula* ‘что-то открытое’ (формы среднего рода вторичны), но остается неясным исчезновение согласного *-j-* в формах *zula*, *zulo*.

Ключевые слова: хорватский язык, диалект, существительное, этимология, *zulo/zjulo*.

Андрей Топорков

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва)
atoporkov@mail.ru

Andrey Toporkov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
atoporkov@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И. П. САХАРОВА В СТАТЬЯХ В. Г. БЕЛИНСКОГО О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

FOLKLORE MATERIALS OF I. P. SAKHAROV IN V. G. BELINSKY'S ARTICLES ON FOLK POETRY

В 1841 году увидели свет два издания, подготовленные Иваном Петровичем Сахаровым (1807–1863): *Русские народные сказки* и первый том *Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков*. Известный литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848) сначала написал восхищенные рецензии на эти издания, а потом использовал материалы Сахарова в своих статьях о народной поэзии. Только позднее стало известно, что Сахаров был фальсификатором: он сам сочинял сказки, которые выдавал за народное творчество, ссылаясь на несуществующие рукописи, правил тексты, которые передавали ему другие собиратели, и т. д. Белинский не знал всего этого и воспринял сборник Сахарова *Русские народные сказки* как первое научное издание русских сказок. Статьи Белинского о народной поэзии много проиграли из-за того, что критик в ряде случаев в качестве примеров приводил не аутентичные фольклорные сказки, а стилизованные тексты, сочиненные Сахаровым.

Ключевые слова: Иван Петрович Сахаров, Виссарион Григорьевич Белинский, сказки, фольклор, литературная критика, рукопись.

Russian Folk Tales and the first volume of *Tales of the Russian People about the Family Life of their ancestors* prepared by Ivan Petrovich Sakharov (1807–1863) were published in 1841. The famous literary critic Vissarion Grigoryevich Belinsky (1811–1848) first wrote admiring reviews of these publications, and then used Sakharov's materials in his articles on folk poetry. It was only later that it became known that Sakharov was a forger: he himself composed fairy tales that he passed off as folk art, referred to non-existent manuscripts, corrected texts that were passed on to him by other collectors, etc. Belinsky did not know about that, and he accepted Sakharov's *Russian Folk Tales* as the first scientific publication of Russian fairy tales. Belinsky's articles on folk poetry lost a lot due to the fact that the critic in some cases cited as examples not authentic folk tales, but stylized texts composed by Sakharov.

Keywords: Ivan Petrovich Sakharov, Vissarion Grigoryevich Belinsky, fairy tales, folklore, literary criticism, manuscript.

На рубеже 1830–1840-х гг. одно за другим выходили фольклорные издания, подготовленные Иваном Петровичем Сахаровым (1807–1863): *Сказания русского народа о семейной жизни своих предков*, *Песни русского народа*, *Русские народные сказки*. Книги имели значительный успех; читающей публике казалось, что в них по-новому открывались русская народность и родная старина. Среди тех, кто внимательно читал издания Сахарова и восхищался ими, был и литературный критик В. Г. Белинский (1811–1848).

При всех различиях между Сахаровым и Белинским есть некоторые параллели в траекториях их жизненного пути. Оба разночинцы из провинции, оба почти одновременно приехали в Москву, где учились в университете, правда на разных факультетах и с разными результатами: Сахаров в 1830–1835 гг. успешно закончил медицинский факультет, а Белинский в 1829–1832 гг. учился на словесном отделении философского факультета, три года оставался на первом курсе и позднее был отчислен, что не помешало ему стать литературным критиком. Оба в начале 1830-х гг. начали публиковаться в журналах, а позднее переехали из Москвы в столицу: Сахаров в 1836 г. был переведен в Петербург на службу врачом в почтовый департамент Министерства внутренних дел, а Белинский в 1839 г. начал вести критический отдел журнала «Отечественные записки», который только что купил А. А. Краевский.

Литературную известность Сахарову принесли *Сказания русского народа о семейной жизни своих предков*, первая часть которых увидела свет в 1836 г., а вторая и третья — в 1837. В 1838–1839 гг. Сахаров издал *Песни русского народа* в пяти частях, а в 1841 г. — первую часть *Сказок русского народа*. Однако главным достижением Сахарова стал первый том нового издания *Сказаний русского народа* (1841), который включал четыре части и поразил современников своим фундаментальным характером.

Белинский был одним из первых, кто высоко оценил издания Сахарова. Позднее отношение к деятельности Сахарова изменилось до неузнаваемости. Сначала Аполлон Григорьев обвинил издателя *Песен русского народа* в искажении публикуемых им текстов (Григорьев 1854). Потом книги Сахарова подверглись сокрушительной критике П. А. Бессонова (Бессонов 1863: СХХIII–СХLIII). Красочный образ фальсификатора, сторонника «официальной народности» и ненавистника всего иностранного нарисован на страницах «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина (Пыпин 1891, 1: 276–313). Выяснилось, что Сахаров сам сочинял сказки, которые выдавал за народное творчество, делал републикации былин из сборника Кириши Данилова, выдавая их за тексты из вымышленной «рукописи Бельского», и т. д. Однако в 1841 г. вряд ли кто-нибудь догадывался о том, что представляют собой на самом деле сахаровские издания.

Некоторые книги, подготовленные Сахаровым, напоминают научные издания: помимо фольклорных текстов, в них имеются обширные предисловия и примечания, приводятся сравнительные материалы. В своих предисловиях Сахаров, как правило, ратовал за точность воспроизведения

текстов, записанных изустно или скопированных с рукописей, а также упрекал других издателей песен и сказок, которые, по его утверждению, переиначивали, портили, уродовали публикуемые тексты. Требования к публикациям фольклора, которые выдвигал Сахаров, имели вполне обоснованный характер; другой вопрос, что сам он вовсе не следовал этим правилам.

В своих рецензиях на различные издания фольклора и его литературных переработок Белинский также выдвигал требования точной и адекватной передачи текстов и критиковал лубочную литературу; оценить же степень аутентичности материалов, публикуемых Сахаровым, критик не имел возможности. В результате сложилась несколько парадоксальная ситуация, при которой Белинский мог, ссылаясь на Сахарова, высказывать и вполне обоснованные соображения, и соображения совершенно ложные, цитировать из собраний Сахарова и аутентичные тексты (например, перепечатанные последним из сборника Кирши Данилова), и тексты, сочиненные самим Сахаровым на основе стилизации фольклора.

Рецензии Белинского на издания Сахарова

На рубеже 1830–1840-х гг. «Отечественные записки» довольно регулярно откликались на издания Сахарова. В 6 и 7 номерах журнала за 1839 год увидела свет обширная статья М. Н. Каткова, посвященная сахаровским *Песням русского народа* (Катков 1839). Эту статью Белинский внимательно прочитал еще в Москве и высоко оценил (Оксман 1958: 201). Во втором номере *Отечественных записок* за 1841 г. в разделе «Библиографическая хроника» появилось объявление о скором выходе нового издания *Сказаний русского народа*, а в четвертом номере уже сообщалось, что первый том увидел свет. В шестом номере были опубликованы друг за другом рецензии на первый том *Сказаний русского народа* и *Русские народные сказки*.

Обе рецензии напечатаны без подписи, тем не менее в собраниях сочинений Белинского они обычно включаются в основной корпус его сочинений. Хотя в литературе высказывались сомнения в том, что автором обеих рецензий является Белинский (Потявин 1956; Оксман 1958: 569), в комментариях к 9-томному собранию сочинений критика аргументирована традиционная атрибуция рецензий Белинскому (Белинский 1979, 4: 606).

Вторая рецензия следует в журнале непосредственно за первой и тематически примыкает к ней, начинаясь словами «Вот еще плод неутомимой деятельности почтенного И. П. Сахарова» (Белинский 1954, 5: 183). Рецензия на *Русские народные сказки* заканчивается обещанием написать вскоре в отделе «Критики» *Отечественных записок* статью о «Древних российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым» и там же обратиться опять «к вышедшему ныне первому тому *Сказаний русского народа*, и к первой части изданных г. Сахаровым *Сказок*, тем более что содержание большей части их сходно со стихотворениями сборника Кирши Данилова, находящимися там под теми же заглавиями» (Белинский

1954, т. 5: 185). Речь идет о статьях Белинского о народной поэзии, опубликованных в следующих номерах *Отечественных записок*. Все это дополнительно подтверждает, что обе рецензии, как и статьи о народной поэзии, скорее всего также были написаны Белинским.

Можно также отметить, что в рецензиях высказываются некоторые наблюдения, которые более подробно обоснованы в статьях Белинского. Например, в рецензии на первый том *Сказаний русского народа* обсуждается вопрос о составителе *Древних российских стихотворений*:

«Говоря о сборнике древних песен, известном под названием: “Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым”, г. Сахаров решительно не признает, чтоб они были собраны этим казаком, а приписывает собрание их П. А. Демидову, “жившему в Туле в половине XVIII столетия и любившему собирать все редкости”. Действительно, известно, что эти стихотворения открыты были П. А. Демидовым, что по смерти его достались они г. Хозикову, который подарил их Ф. П. Ключареву; что потом г. Ключарев поручил издать их А. Ф. Якубовичу и что они были изданы г-м Якубовичем в 1804 году, под названием: “Древние русские стихотворения. Потом К. Ф. Калайдович напечатал второе издание их в 1818 году, с той же рукописи, полученной им уже от графа Н. П. Румянцева, прибавив к ним 35 песен и сказок, откинутых г. Якубовичем. Но трудно доказать, чтоб именно П. А. Демидов собрал эти песни, а не кто-либо другой: пока для этого нет никаких данных, и представляемые г. Сахаровым доказательства — догадки, не более» (Белинский 1954, 5: 182).

О том же Белинский пишет в третьей статье о народной поэзии:

«Вообще, г. Сахаров обнаруживает к сборнику Кирши Данилова большую недоверчивость и даже что-то вроде неприязни. Это дело требует некоторого пояснения. Рукопись сборника Кирши Данилова была найдена г. Демидовым и издана (не вполне) г. Якубовичем в 1804 году, под титулом “Древние русские стихотворения”. Потом рукопись перешла во владение графа Н. П. Румянцева, по поручению которого и издана была г. Калайдовичем в 1818 году, под титулом: “Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные, с присовокуплением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева”» (Белинский 1954, 5: 352).

Далее Белинский подробно излагает свой взгляд на личность Кирши Данилова как возможного составителя сборника и автора некоторых включенных в него песен (Белинский 1954, 5: 352–354). Таким образом, в данном случае Белинский открыто и развернуто полемизирует с Сахаровым. Стоит отметить, что документальные источники о существовании реального Кирши Данилова были обнаружены только во второй половине XX в. (Байдин 2015). Тогда и выяснилось, что в споре Белинского с Сахаровым первый был, несомненно, более прав.

В рецензии на первый том «Сказаний русского народа» автор с неподдельным восхищением объясняет, что именно так привлекает его в деятельности Сахарова:

«Для тех из наших читателей, которые незнакомы еще с трудами г. Сахарова, скажем, что книга его есть сокровищница положительных сведений о разных фазах прежней русской жизни. Сведения эти или собраны им самим во время путешествий по губерниям Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской, или доставлены ему просвещенными соотечественниками, или, наконец, заимствованы из книг, изданных другими. И. П. Сахаров — не теоретик: он даже иногда посмеивается над теориею, а иногда и побранивает ее, и потому не думайте встретить в его книге ни теоретических взглядов на ту или другую сторону русского быта, ни, так сказать, исторической архитектоники, ни попытки представить стройное изображение древней русской жизни; нет, г. Сахаров так добросовестен, что и не брался за подобное изображение; он лучше, чем кто-нибудь, знает, что это дело невозможное и что один только бесстыдный, достойный всякого презрения шарлатанизм может в великолепной программе обещать представить Россию во всевозможных видах и отношениях, — тогда как для этого нет ни у кого в мире ни сил, ни материалов... Он избрал себе часть истинно благоую и истинно полезную: он собирает материалы — песни, сказки, поверья, предания, пословицы, обычаи, письменные памятники древности и, не мудрствуя лукаво, передает все это со всевозможною точностию и верностию своим соотечественникам. Мало этого: он тщательно собирает разные толки и мнения касательно спорных вопросов о достоверности того или другого ученого поверья и делает из этих мнений свод, ограничиваясь, по местам, легкими замечаниями с своей стороны и не входя в дальнейшее критическое разбирательство дела. Так и должно быть; в противном случае, книга его, имея две разносторонние цели, необходимо распалась бы на две части, из которых одна непременно вредила бы другой. Давайте нам материалов, фактов, больше фактов; критика не замедлит явиться, и тогда само собою обнаружится, кто прав, кто виноват — новая ли, все критицизирующая историческая школа (которой явно противоречат убеждения почтенного И. П. Сахарова), или старая, готовая верить на слово и летописи, и “Слову о пльку Игореве”, и “Сказанию о Мамаевом побоище”, и “Слову Даниила Заточника”, и пр. и пр. Без фактов все дело будет вертеться только на словах, ограничиваться голословием. Итак, в сторону критику, почтенный и трудолюбивый наш собиратель “Сказаний русского народа”! Давайте нам фактов, больше фактов, — и вы услышите громкое спасибо всех сторон бесконечного царства русского» (Белинский 1954, 5: 180–181).

Белинский видит в Сахарове труженика, который «собирает материалы — песни, сказки, поверья, предания, пословицы, обычаи, письменные памятники древности и, не мудрствуя лукаво, передает все это со всевозможною точностию и верностию своим соотечественникам». Критик обращается к издателю с призывом: «Давайте нам фактов, больше фактов...». хотя на самом деле деятельность Сахарова меньше всего заключалась в публикации фактов.

Автор рецензии конспективно излагает содержание трех очерков, включенных в первую книгу *Сказаний русского народа*, под заглавием *Русская народная литература*: «Славяно-русская мифология», «Песни русского народа» и «Русские народные праздники». В каждом из этих очерков критически оцениваются источники и дается обзор литературы по назван-

ным темам. Белинский присоединяется к суждениям Сахарова о недопустимой порче текстов в прежних изданиях песенников:

«Далее следуют “Песни русского народа”, или, лучше сказать, просмотр почти всех доселе изданных песенников под различными, длинными и короткими, шарлатанскими и скромными названиями — от “Песенника”, изданного Чулковым в 1770-м году, до новейших. Тут чрезвычайно любопытны сведения, собранные г-ном Сахаровым, о том, как смотрели прежние издатели на собираемые им песни, как *поправляли* их, то есть как коверкали и уничтожали весь колорит древности и народности для того, изволите видеть, чтоб представить их “в лучшем, привлекательнейшем виде”. Ужас объемлет душу, когда посмотришь на работу этих поправщиков, как иной, например, из 11 стихов чудного древнего стихотворения (из сборника Кириши Данилова) делал ровно 50, по правилам риторической “амплификации” <...>» (Белинский 1954, 5: 181; курсив В. Г. Белинского).

Собрание песен, помещенное в третьей книге *Сказаний русского народа*, Белинский считает образцовым и рекомендует будущим издателям брать с Сахарова пример:

«Нельзя не иметь доверия к каждому стиху песен, сообщаемых г-м Сахаровым: везде слышится чисто народный склад, народное слово, народное выражение, и нигде незаметно ни малейшей подправки. Решительно собрание песен г-на Сахарова может быть названо у нас единственным и образцовым. Советуем всем собирателям поучиться у него этому делу» (Белинский 1954, 5: 183).

Говоря о четвертой книге *Сказаний русского народа*, озаглавленной *Былины русских людей*, Белинский отмечает:

«Четвертая книга содержит в себе перепечатанные с верных текстов “Былины русских людей”, именно: древние русские стихотворения, находящиеся в сборнике Кириши Данилова: “Добрыня Никитич”, “Илья Муромец”, “Василий Буслаев”, “Алеша Попович”, “Соловей Будимирович”, “Иван Гостинной сын” и “Чурила Пленкович” <...>» (Белинский 1954, 5: 183).

Как известно, Сахаров перепечатал былины из сборника Кириши Данилова, выдавая их за тексты, якобы скопированные из вымышленной им «рукописи Бельского» (Бессонов 1863: СХХV–СХХVII). Белинский, хорошо знакомый со сборником Кириши Данилова, увидел у Сахарова те же тексты, и написал, что это «древние русские стихотворения, находящиеся в сборнике Кириши Данилова», которые, однако, перепечатаны не с издания 1818 г., а «с верных текстов».

Рецензия на первый том *Сказаний русского народа* заканчивается настоящим панегириком Сахарову:

«Честь и слава деятельности г-на Сахарова и любви его к избранному им предмету! Добросовестные, полезные и бескорыстные труды его не останутся без вознаграждения. Признательные соотечественники поощряют его своим вниманием, а ученые русские никогда не забудут трудов его, достав-

ляющих им такие драгоценные, достоверные материалы, которых они нигде не нашли бы, если б г-н Сахаров, собиравший большую часть своих “Сказаний” на месте, в разных частях России, не делился с ними своими приобретениями» (Белинский 1954, т. 5: 183).

Статьи Белинского о народной поэзии

В 9, 11 и 12 номерах *Отечественных записок* за 1841 г. увидели свет четыре обширные статьи Белинского, представляющие собой развернутые отзывы на четыре издания: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (1818); «Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирше Данилову. Собранные М. Сухановым» (1840); «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 1, кн. 1, 2, 3, 4» (1841) и «Русские народные сказки» того же Сахарова (1841). Эти статьи в изданиях сочинений Белинского печатаются под условным названием «Статьи о народной поэзии».

Белинский в своих статьях много писал о русских былинах, опираясь при этом на тексты из сборника Кирши Данилова. Подборку былин из этого сборника перепечатал и Сахаров в своих изданиях *Песни русского народа* (1839) и *Сказания русского народа* (1841). Хотя Сахаров утверждал при этом, что его былины якобы заимствованы из «рукописи Бельского», Белинский понимал, что Сахаров опубликовал те же самые тексты, которые критик хорошо знал и до этого по сборнику Кирши Данилова (Белинский 1954, 5: 351–352). Таким образом, Белинский в своих статьях использовал аутентичные русские былины, а к выдумкам Сахарова о том, что сборник *Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым* якобы был составлен П. А. Демидовым в Туле, отнесся вполне критически (Белинский 1954, 5: 351–354).

Иная ситуация со сказками Сахарова, которые Белинский также использовал в своих статьях. Сам тип сборника *Русские народные сказки* наводил на мысль о научном характере этого издания. Помимо самих сказок, в сборнике имеется обширная вводная статья, которая включает 9 разделов, занимающих в целом 93 страницы: «Предисловие»; «Обозрение русских народных сказок»; «Список русским сказкам»; «Библиографическая роспись. I. Сказки, изданные без картин, книгами»; «Библиографическая роспись. II. Сказки, изданные с картинами, или лубочные издания»; «Лубочные изображения на листах»; «Издания русских сказок»; «Лубочные издания»; «Мнения русских писателей о народных сказках» (Сахаров 1841: III–XCV).

В заключительной части сборника, следующей за текстами сказок, имеются разделы «Сравнения» и «Примечания». В «Сравнениях» на 54 страницах приводятся выписки из опубликованных ранее сказок и былин; эти выписки призваны, по словам Сахарова, «доказать, как отважно прежние издатели сказок разрушали старину» (Сахаров 1841: 214). В кратких «Примечаниях» Сахаров сообщает о вымышленной им «рукописи Бельско-

го» и предается самовосхвалению: «Все эти сказки, удержавшие вполне наш чистый народный язык, были приняты мною за основание текста. По крайней мере, доселе не видал ничего лучшего ни сам я, ни кто-либо другой» (Сахаров 1841: 270).

В предисловии к книге Сахаров критикует прежних издателей сказок за недобросовестное отношение к делу. По его словам, они публиковали «или сказки книжные, изуродованные поправками, или сказки самодельные, выдаваемые людьми безграмотными за старину стародавнюю» (Сахаров 1841: IV).

По утверждению Сахарова, для него было важно не только собрать русские сказки, но и освободить их тексты от уродующих их поправок, внесенных прежними издателями: «Надобно было собрать все наши сказки; надобно было пересмотреть, что в них есть чисто русского, что изуродованного поправками, что вновь выдуманного. Много было у нас предприятий, чтобы собрать и издать вполне русские сказки; но не много было людей, занимавшихся над ними со знанием дела» (Сахаров 1841: V).

Сахаров делал особый акцент на том, что при публикации сказок важно сохранить в неприкосновенности их язык: «Русские сказки, не поврежденные поправками, сохранившие вполне народный рассказ, составляют первостепенный источник для изучения нашего языка. Желание читать народные сказки на родном языке есть желание современное, сознаваемое в полном значении нашей народности» (Сахаров 1841: V–VI). И далее: «Я желал собрать народные сказки — чистые, не изуродованные поправками, сказки, рассказанные народным русским языком; а этого я не находил ни в сказках, изданных отдельными книгами, ни в самых лубочных изданиях» (Сахаров 1841: VI).

Сами по себе подобные высказывания имели вполне позитивную направленность. Проблема заключается только в том, что они совершенно не соответствовали издательской практике Сахарова.

Сборник Сахарова *Русские народные сказки* включает 6 текстов: «Добрыня Никитич», «Василий Буслаевич», «Илья Муромец», «Акундин», «О Ерше Ершове сыне Щетинникове» и «О семи Семионах, семи родных братьях». Из этих шести произведений только одно представляет собой сказку в современном понимании слова — «О семи Семионах, семи родных братьях».

Три текста, помещенные в начале *Русских народных сказок*, являются стилизациями, ориентированными одновременно на былины и сказки; условно их можно назвать «богатырскими сказками». В качестве материала при составлении этих текстов Сахаров использовал главным образом *Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым* (1818), *Русские сказки* В. А. Левшина (1780–1783) и лубочные издания сказок.

Первая «богатырская сказка» «Добрыня Никитич» представляет собой контаминацию «Повести о славном князе Владимире Киевском Солнушке Всеславьевиче и о сильном его могучем богатыре Добрыне Ники-

тиче» В. А. Лёвшина и двух былин из *Древних российских стихотворений*: «Три года Добрынюшка стольничел» и «Алеша Попович». При этом «поскольку главным героем выведен Добрыня, ему приписаны былинные подвиги Алеша Поповича» (Корепова 2007: 168).

Вторая «богатырская сказка» «Василий Буслаевич» является переработкой былины «[Про] Василья Буслаева» из *Древних российских стихотворений*, а также «Повести о сильном богатыре и Старославенском Князе Василье Богуслаевиче» из сборника В. А. Лёвшина. Сюжет лёвшинской повести в целом совпадает с сюжетом былины, однако повесть при этом значительно больше по объёму за счет более пространного стиля изложения и многочисленных диалогов. Нужно иметь в виду, что повесть В. А. Лёвшина о Василье Богуслаевиче значительно выделяется на общем фоне *Русских сказок*, так как эта повесть наиболее близка былинам, сохраняет все основные былинные эпизоды, относительное лексическое единство и ритмику на протяжении всего повествования (Курышева 2009: 81–82). В тексте отсутствуют инородные вставки, каких немало в других произведениях В. А. Лёвшина.

Третья «богатырская сказка» «Илья Муромец» объединяет несколько сказочных и былинных эпизодов. В частности, используются былины «О станишниках или разбойниках» и «Первая поездка Ильи Муромца в Киев» из «Древних российских стихотворений» (Савченко 1914: 129–130; Соколов 1927: 308).

В статьях о народной поэзии Белинский сначала подробно излагает и анализирует былины о Добрыне Никитиче и Василии Буслаеве из сборника Кириши Данилова, а потом касается и сахаровских «богатырских сказок» «Добрыня Никитич» и «Василий Буслаевич», отмечая их отличия от соответствующих былин, разобранных им в предыдущей статье. Например, Белинский кратко пересказывает первую часть сахаровской сказки про Добрыню Никитича и, дойдя до второй части, сообщает: «Дальнейшиехождения Добрынюшки уже известны нашим читателям» (Белинский 1954, 5: 425). Несколько более подробно Белинский говорит о сахаровской «богатырской сказке» «Василий Буслаевич» (Белинский 1954, 5: 425–426).

Жанровую природу четвертого текста под названием «Акундин» из *Русских народных сказок* можно условно определить как «сказочная повесть». Источники этого текста далеко не очевидны. В примечаниях к нему Сахаров упомянул поэму Ф. Н. Глинки *Карелия* (1830): «Есть много сходного с нашею Сказкою в Олонецких народных преданиях. Любопытные могут видеть заметки об этом Акундине в примечаниях к стихотворению Ф. Н. Глинки: “Карелия”» (Сахаров 1841: 273). Отсылка Сахарова наводит на мысль, что в поэме Ф. Н. Глинки «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» есть какие-то сведения об Акундине, однако на самом деле о персонаже с таким именем в поэме не упоминается. Некоторую параллель к «Акундину» можно видеть только в описании змея Тугарина (Тугарина) и его гибели (Глинка 1830: 53–54). В «Акундине» тоже есть змей Тугарин, правда он лежит в реке Оке, а не в Онеге.

В 1863 г. подробное сопоставление «Акундина» с *Карелией* произвел П. А. Бессонов, который пришел к выводу, что весь сюжет «Акундина» является перифразой сюжета *Карелии* и Жития Лазаря Муромского (Бессонов 1863: СХI–СХLII). Однако нам представляется, что П. А. Бессонов сильно преувеличил зависимость Сахарова от Ф. Н. Глинки. До какого-то нового исследования этого вопроса мы предпочитаем считать «Акундина» авторским произведением самого Сахарова, ориентированным одновременно на сказки, лубочные повести и былины.

В четвертой статье о народной поэзии Белинский обращается к сахаровскому «Акундину» после рассмотрения новгородских былин:

«Есть еще новгородское сказание, но это уже не поэма, а сказка, в которой новгородского — только герой. Мы говорим об “Акундине”, помещенном в первой части “Русских народных сказок”, изданных г. Сахаровым. Так как нам теперь, кончивши весь цикл богатырских поэм, должно сказать что-нибудь и о сказках, — то и кстати перейти прямо к “Акундину”. На этот раз мы ограничимся только общою характеристикою, не пускаясь в подробности. Акундин — богатырь в сказочном роде» (Белинский 1954, 5: 420–421).

Белинский пересказывает содержание «Акундина» и делает вывод:

«Эта сказка — целый роман; мы выжали из нее, так сказать, один сок и опустили множество подробностей, превосходно характеризующих общественный и семейный быт древней Руси. В этом отношении сказка “Акундин” имеет даже исторический интерес, — и г. Сахаров заслуживает особенной благодарности за спасение от забвения этого во всех отношениях любопытнейшего факта русской народной поэзии, русского духа и русского быта» (Белинский 1954, 5: 424).

Такая высокая оценка текста, сочиненного самим Сахаровым, конечно, является незаслуженной и свидетельствует о том, что Белинский принял псевдофольклорную стилизацию за аутентичное произведение.

Фрагмент о народных сказках

В 1844 г. Белинский написал фрагмент, посвященный народным сказкам, который был опубликован впервые в 1860 г. уже после смерти критика. Фрагмент предназначался для задуманной Белинским *Критической истории русской литературы*; в эту книгу в расширенном и переработанном виде должны были войти и его статьи о народной поэзии.

Белинский начинает с параллелей между былинами из *Древних российских стихотворений* и сказками из сборника Сахарова, которые он называет соответственно «богатырскими поэмами» и «богатырскими сказками»:

«Выше мы уже говорили о различии вообще поэм от сказок и в особенности русских богатырских поэм от русских богатырских сказок: поэма схватывает один какой-нибудь момент из жизни богатыря; сказка объемлет всю жизнь его, тон поэмы важнее, выше и поэтичнее; тон сказки простонароднее

и прозаичнее. Мы уже говорили, что все поэмы, заключающиеся в сборнике Кирши Данилова, существовали и в форме сказок» (Белинский 1954, 5: 660).

Представление о том, что «все поэмы, заключающиеся в сборнике Кирши Данилова, существовали и в форме сказок», могло сложиться у Белинского под влиянием сборника Сахарова, в котором три первые сказки действительно отчасти воспроизводят сюжеты былин из «Древних российских стихотворений». Однако в целом это утверждение не выдерживает критики: далеко не все произведения из сборника Кирши Данилова известны и в виде сказок.

Вслед за Сахаровым, Белинский приводит сведения о количестве сказочных сюжетов, известных в России, и осуждает деятельность литераторов XVIII в. и издателей лубочных книг, искажавших сказочные тексты:

«Сказок на Руси множество. Г-н Сахаров насчитывает их до 120-ти названий, говоря только о тех из них, которые попали в печать. Сколько же их хранилось и еще теперь хранится в народной памяти? Но это богатство в сущности немногим разнится от совершенной нищеты: почти все эти сказки дошли до нас в искаженном виде, а большая часть и доселе сохранившихся в памяти народа еще не собрана. Не только наши литераторы прошлого века, но даже и простолюдины, занимавшиеся так называемыми лубочными изданиями, искажали их. Касательно этого предмета г. Сахаров сообщает весьма интересные подробности» (Белинский 1954, 5: 661).

Далее Белинский приводит из предисловия Сахарова обширную цитату, посвященную истории лубочных изданий (Белинский 1954, 5: 661–662; Сахаров 1841: LXXI–LXXV).

Как известно, Сахаров особенно строго осуждал В. А. Лёвшина, у которого он сам заимствовал тексты. В частности, Сахаров писал: «Чулков знал подлинные тексты русских сказок, приводил из них буквальные выписки, и потом решился исправлять, переделывать и вновь свои составлять» (Сахаров 1841: LXIII)¹. Почти в тех же словах В. А. Лёвшина упрекает и Белинский: «Чулков, еще в 1780 году начавший издавать “Русские сказки” и издавший их целых десять томов, имел подлинные списки этих сказок и, несмотря на то, почел необходимым исправлять и переделывать их» (Белинский 1954, т. 5: 662).

В отрывке о народных сказках Белинский приводит два текста из сборника Сахарова: подробно пересказывает сказку «О семи Семионах, семи родных братьях» и полностью перепечатывает «О Ерше Ершове сыне Щетинникове».

В основе текста сказки «О семи Семионах» лежит вариант, опубликованный ранее в сборнике *Лекарство от задумчивости* (1786), который 6 раз переиздавался между 1791 и 1839 гг. (Корепова 2007: 170; Корепова

¹ Во времена Сахарова и Белинского сказки В. А. Левшина ошибочно приписывались авторству М. Д. Чулкова, поэтому упреки, которые высказываются Чулкову, на самом деле относятся к Лёвшину.

2012: 209–217). При этом редакция Сахарова гораздо больше по своему размеру, чем сказка из *Лекарства от задумчивости*. Текст увеличился за счет прибавления одних эпизодов и разрастания других, введения многочисленных фольклорных или парафольклорных формул.

Белинский утверждал, что «сказка “О семи Семионах, семи родных братьях” носит на себе все признаки народной фантазии, или верно подслушанной из уст народа, или перепечатанной с хорошего старинного списка: это доказывает ее неподдельно народное выражение» (Белинский 1954, 5: 664). Именно язык сказки восхитил Белинского, хотя сахаровские стилизации позднее вызвали уничижительные оценки П. А. Бессонова, А. Н. Пыпина и других исследователей. В то же время о сюжете сказки Белинский отозвался несколько презрительно:

«Содержание этой сказки, оригинально-русское оно или восточного происхождения, во всяком случае так вздорно, что странно было бы рассуждать о нем; но выражение этой сказки, склад и тон рассказа, так наивны, так оригинальны, так проникнуты понятиями и взглядом на вещи той эпохи, в которую она сложена, и того класса народа, которым она сложена, что ее нельзя прочесть без интереса, более или менее живого. И этого-то не поняли ученые и образованные литераторы прошлого столетия: они гонялись за сюжетом сказок и ни во что ставили их форму, которую и позволяли себе переделывать, — тогда как в форме-то этих сказок и заключается весь их интерес, все их достоинство. Но не будем слишком винить этих переделывателей: они покорялись духу своего времени, которое требовало уже не сказок, а романов» (Белинский 1954, 5: 667–668).

В некотором противоречии с этой оценкой находится то, что сам Белинский в своей статье изложил сахаровскую редакцию сказки довольно лаконично, сократив многочисленные повторы и стилистические украшения, которые так любил Сахаров. В таком кратком пересказе на первый план выступил именно сюжет сказки, а стилиевые особенности отошли на второй план.

Шестой текст сборника *Русские народные сказки* озаглавлен «О Ерше Ершове сыне Щетинникове» и представляет собой сатирическую повесть, широко известную в рукописной традиции. В качестве источника Сахаров на этот раз указал не мифическую «рукопись Бельского», а реальную рукопись, которая имела в его собрании: «Сказка о Ерше Ершове сыне Щетинникове взята из рукописи, находящейся в моей библиотеке (смотри Отдел. III. Описание Славяно-Русских рукописей № 150)» (Сахаров 1841: 271). В одной из рукописей, принадлежавших Сахарову, действительно имела сатирическая повесть о Ерше Ершове сыне Щетинникове; во 2-м издании каталога рукописей И. П. Сахарова она описана следующим образом: «№ 174. Сборник. Рукопись писана в 4 д. л. скорописью, в начале XVIII в., на 32 л. Содержит: 1 л. Сказка народная о Ерше Ершовиче» (Сахаров 184-?: 39). В настоящее время эта рукопись хранится в Государственном историческом музее в Москве, в собрании А. С. Уварова: «№ 1926 (135). Сборник. Конца XVII и нач. XVIII в.» (Леонид 1894, т. 4: 314–316). В тексте отсутствуют

характерные черты сахаровского стиля; в целом он заметно отличается от остальных произведений, помещенных в *Русских народных сказках*. По-видимому, этот текст не подвергся какому-то существенному вмешательству Сахарова и опубликован в соответствии с рукописью. По классификации В. П. Адриановой-Перетц данный текст относится к первой редакции «Повести о Ерше Ершовиче». Рукопись из собрания А. С. Уварова учтена в текстологическом комментарии к публикации повести в известном издании *Русская демократическая сатира XVII века* (Адрианова-Перетц 1977: 145), однако не отмечено, что текст был опубликован Сахаровым.

Некоторые выводы

Таким образом, издания Сахарова *Русские народные сказки* и первый том *Сказаний русского народа* стали важными источниками статей Белинского о народной поэзии. Белинский проявил известную самостоятельность по отношению к суждениям Сахарова (например, в вопросе о личности Кирши Данилова), однако в целом он с доверием отнесся к публикациям Сахарова и активно использовал его издания как материал для своих суждений о фольклоре. Это неизбежно негативно сказалось на статьях Белинского, который цитировал сказки Сахарова, принимая их за аутентичный фольклор, однако не повлияло значительно на суждения Белинского о былинах, поскольку на самом деле былины, которые публиковал Сахаров, восходили не к мифической «рукописи Бельского», а к сборнику Кирши Данилова в издании 1818 г.

Белинский доверился декларациям Сахарова и воспринял *Русские народные сказки* как первое научное издание русских сказок. На словах отстаивая принцип буквального воспроизведения рукописных текстов, Сахаров на самом деле перерабатывал сказки и дополнял их фрагментами былин. Практика литературных переработок сказок имела в то время общераспространенный характер. Сахаров в этом смысле действовал так же, как многие издатели и до, и после него. Можно сказать, что Сахаров находился как бы на границе двух эпох: на уровне деклараций он обгонял свое время и выступал как ученые публикаторы второй половины XIX–XX века, а на уровне издательской практики — как публикаторы второй половины XVIII — первой половины XIX века., которые считали возможным контаминировать и перерабатывать тексты-источники.

Белинский вполне позитивно воспринял критику, которой Сахаров подвергал издателей песенников и лубочных сказок за их порчу текстов-протографов. Критик вряд ли мог догадаться о том, что и сам Сахаров обращается с текстами не лучше, чем его предшественники.

Поскольку Сахаров считал, что ему достались не аутентичные записи сказок, а их безвкусные переделки, он мог видеть свою миссию в том, чтобы вернуть этим произведениям их первоначальный вид. И если другие издатели, по мнению Сахарова, уродовали сказки, то сам он стремился вернуть им их изначальный вид. Другой вопрос, насколько удачными были

его переделки и стилизации вне зависимости от того, что сам Сахаров явно был от них в полном восторге.

Если сравнить былины и сказки, которые Сахаров якобы извлек из пресловутой «рукописи Бельского», то открывается любопытная особенность этой вымышленной рукописи. Дело в том, что три былины имели те же названия, что и три сказки: «Добрыня Никитич», «Василий Буслаевич» и «Илья Муромец». При этом три былины в целом восходят к аутентичным текстам из *Древних российских стихотворений*, а «сказки» являются стилизациями, созданными самим Сахаровым отчасти на основе тех же самых былин.

Для того чтобы понять, зачем Сахарову понадобилось сближать былины и сказки, следует обратиться к его идеям, которые могут показаться современному читателю несколько абсурдными. Как ни странно, Сахаров полагал, что былины возникли на основе сказок, поэтому он представлял себе старинные сказки как некую смесь сказок и былин, а происхождение былин — как своеобразную кристаллизацию их текстов на основе «богатырских сказок». В частности, в статье «Былины русского народа» он писал:

«Всеми признано, что Русская народная поэзия, создавшая песни и сказки, происходит из одного источника — дум народных. <...> Поэзия песен, поэзия сказок есть одна и та же, потому что творчество произвело то и другое; но самые идеи и исполнения их указывают на резкие отличия. Сказки дошли до нас в мерной прозе, облеченные в формы поэтического языка. Песни с незапамятных времен являются в отдельных стихах. Из всех выводов открывается, что сказки предшествовали историческим песням. <...> В наших сказках сохраняются народные поэмы, исторические были, разные роды стихотворений, изданные гг. Якубовичем и Калайдовичем» (Сахаров 1839/3: XII–XIII).

Сочиняя своеобразные «богатырские сказки», Сахаров, по-видимому, пытался воссоздать некие прототексты былин, которые, по его мнению, должны были представлять собой своеобразную смесь фрагментов сказочных и былинных текстов.

В определенном смысле Белинский оказался заложником сахаровской стратегии мистификаций, его редакторской и издательской практики. Статьи Белинского о народной поэзии, конечно, много проиграли из-за того, что критик в ряде случаев цитировал гибридные стилизованные тексты, сочиненные Сахаровым.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианова-Перетц Варвара (ред.) *Русская демократическая сатира XVII века*. Подгот. текстов, статья и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. доп. Москва: Наука, 1977. (Литературные памятники).
- Байдин Виктор. *Кириш Данилов в Сибири и на Урале: историко-биографические этюды*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015.
- Белинский Виссарион. *Полное собрание сочинений*. В 13 т. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953–1959.

- Белинский Виссарион. *Собрание сочинений*. В 9 т. Москва: Художественная литература, 1976–1982.
- Бессонов Петр. «Заметка». *Песни, собранные П. В. Киреевским*. Москва: Общество любителей российской словесности, 1863. Ч. 2. Песни былевые. Вып. 5: СХХІІІ–СХLІІІ.
- Глинка Федор. *Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой: Описат. Стихотворение*. В 4 ч. Санкт-Петербург: Непейцын, 1830.
- Григорьев Аполлон. «Русские народные песни. Критический опыт». *Москвитянин* 15 (1854): 93–142 (Критика и библиография).
- Катков Михаил. «Песни русского народа, изданные И. Сахаровым. Пять частей. Санкт-Петербург, 1838–1839». *Отечественные записки* 4/6–7 (1839): 1–92 (Критика).
- [Кирша Данилов] *Древняя российския стихотворения, собранныя Киришею Даниловым, и вторично изданныя; С прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева*. Москва: В типографии Семена Селивановскаго, 1818.
- Корепова Клара. «Комментарии». *Русские народные сказки: Сборники Б. Бронницына и И. Сахарова*. Санкт-Петербург: Тропа Троянова, 2007: 163–170.
- Корепова Клара. *Русская лубочная сказка*. Москва: Форум, 2012.
- Курешева Любовь. *Повести о богатырях в «Русских сказках» В. А. Лёвшина: сказочно-историческая модель повествования*. Новосибирск: Наука, 2009.
- Левшин Василий. *Руския сказки, содержащия древнейшия повествования о славных богатырях, сказки народныя, и прочия оставшиися чрез пересказывание в памяти приключения*. Ч. 1–10. Москва: Университетская типография, у Н. Новикова, 1780–1783.
- Леонид (Кавелин Лев Александрович; архимандрит Троице-Сергиевой лавры). *Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, В 4 ч.: (Со включением 750 №№ собр. И. Н. Царского, опис. П. М. Строевым в алф. порядке)*. Ч. 1–4 / Сост. архим. Леонид. Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1893–1894.
- Оксман Юлиан. *Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958, 641, [2] с.
- Потявин Василий. «Мнимая рецензия Белинского на “Сказания русского народа” И. П. Сахарова». *Ученые записки Ленинградского государственного университета*. №229. Серия филологических наук. Вып. 30. 1957: 255–257.
- Пыпин Александр. *История русской этнографии*. Т. 1–4. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1890–1892.
- Савченко Степан. *Русская народная сказка: (История собирания и изучения)*. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1914.
- [Сахаров И. П.] *Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым*. Т. 1. Кн. 1–4. 3-е изд. Санкт-Петербург: Типография Сахарова, 1841.
- Сахаров Иван. *Русские народные сказки*. Ч. 1. Санкт-Петербург: тип. И. Сахарова, 1841.
- [Сахаров И. П.] *[Каталог рукописей библиотеки И. П. Сахарова*. 2-е изд. Санкт-Петербург, 184?].
- Соколов Борис. «Былины старинной записи». *Этнография* 2 (1927): 306–314.

REFERENCES

- Adrianova-Peretc Varvara. (red.) *Russkaya demokraticeskaya satira XVII veka*. Podgot. tekstov, stat'ya i komment. V. P. Adrianovoj-Peretc. 2-e izd. dop. Moskva: Nauka, 1977. (Literaturnye pamyatniki).
- Bajdin Viktor. *Kirsha Danilov v Sibiri i na Urale: istoriko-biograficheskie etyudy*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2015.
- Belinskij Vissarion. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 13 t. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953–1959.
- Belinskij Vissarion. *Sobranie sochinenij*. V 9 t. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1976–1982.
- Bessonov Petr. «Zametka». *Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim*. Moskva: Obshchestvo lyubitel'ej rossijskoj slovesnosti, 1863. Ch. 2. Pesni bylevye. Vyp. 5: СХХІІІ–СХLІІІ.
- Glinka Fedor. *Kareliya, ili Zatochenie Marfy Ioannovny Romanovoj: Oписat. Stihotvorenije*. V 4 ch. Sankt-Peterburg: Nepejcyyn, 1830.

- Grigor'ev Apollon. «Russkie narodnye pesni. Kriticheskij opyt». *Moskvityanin* 15 (1854): 93–142 (Kritika i bibliografiya).
- Katkov Mihail. «Pesni russkogo naroda, izdannye I. Saharovym. Pyat' chastej. Sankt-Peterburg, 1838–1839». *Otechestvennye zapiski* 4/6–7 (1839): 1–92 (Kritika).
- [Kirsha Danilov] *Drevniya rossijskiya stihotvoreniya, sobrannyya Kirsheyu Danilovym, i vtorichno izdannyya; S pribavleniem 35 pesen i skazok, dosele neizvestnyh, i not dlya napeva*. Moskva: V tipografii Semena Selivanovskago, 1818.
- Korepova Klara. «Kommentarii». *Russkie narodnye skazki: Sborniki B. Bronnicyna i I. Saharova*. Sankt-Peterburg: Tropa Troyanova, 2007: 163–170.
- Korepova Klara. *Russkaya lubochnaya skazka*. Moskva: Forum, 2012.
- Kuryшева Lyubov'. *Povesti o bogatyryah v «Russkih skazkah» V. A. Lyovshina: skazochno-istoricheskaya model' povestvovaniya*. Novosibirsk: Nauka, 2009.
- Levshin Vasilij. *Ruskiya skazki, sodержashchiya drevnejshiya povestvovaniya o slavyh bogatyryah, skazki narodnyya, i prochiya ostavshiesya chrez pereskazivanie v pamyati priklyucheniya*. Ch. 1–10. Moskva: Universitetskaya tipografiya, u N. Novikova, 1780–1783.
- Leonid (Kavelin Lev Aleksandrovich; arhimandrit Troice-Sergievoj lavry). *Sistematicheskoe opisaniye slavyano-rossijskih rukopisej sobraniya grafa A. S. Uvarova*. V 4 ch.: (So vklucheniem 750 №№ sobr. I. N. Carskogo, opis. P. M. Stroevym v alf. poryadke). Sost. arhim. Leonid. Moskva: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova, 1893–1894.
- Oksman Yulian. *Letopis' zhizni i tvorchestva V. G. Belinskogo*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958. 641, [2] s.
- Potyavin Vasilij. «Mnimaya recenziya Belinskogo na “Skazaniya russkogo naroda” I. P. Saharova». *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 229. Seriya filologicheskikh nauk. Vyp. 30. 1957: 255–257.
- Pypin Aleksandr. *Istoriya russkoj etnografii*. T. 1–4. Sankt-Peterburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1890–1892.
- Savchenko Stepan. *Russkaya narodnaya skazka: (Istoriya sobiraniya i izucheniya)*. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira, 1914.
- [Saharov I. P.] *Skazaniya russkogo naroda, sobrannyye I. Saharovym*. T. 1. Kn. 1–4. 3-e izd. Sankt-Peterburg: Tipografiya Saharova, 1841.
- Saharov Ivan. *Russkie narodnye skazki*. Ch. 1. Sankt-Peterburg: tip. I. Saharova, 1841.
- [Saharov I. P.] [Katalog rukopisej biblioteki I. P. Saharova. 2-e izd. Sankt-Peterburg, 184-?].
- Sokolov Boris. «Byliny starinnoj zapisi». *Etnografiya* 2 (1927): 306–314.

Андреј Топорков

ФОЛКЛОРНИ МАТЕРИЈАЛИ И. П. САХАРОВА
У ЧЛАНЦИМА В. Г. БЕЛИНСКОГ О НАРОДНОЈ ПОЕЗИЈИ

Резиме

Године 1841. изашла су два издања која је приредио Иван Петровић Сахаров (1807–1863): *Руске народне бајке* и први том *Предања руског народа о породичном животу предака*. Чувени књижевни критичар Висарион Григорјевич Белински (1811–1848) испрва је на ова издања написао рецензије пуне дивљења, а потом је искористио Сахаровљева издања у својим чланцима о народној поезији. Тек касније се сазнало да је Сахаров био плагијатор: сам је писао бајке, које је представљао као народно стваралаштво, позивао се на непостојеће рукописе, преправљао текстове, које су му други колекционари давали итд. Белински није знао ништа од овога и гледао је на Сахаровљев зборник *Руске народне бајке* као на прво научно издање руских бајки. Чланци Белинског о народној поезији изгубили су много због чињенице да критичар у низу случајева као примере није наводио аутентичне фолклорне бајке, већ стилизоване текстове, које је писао Сахаров.

Кључне речи: Иван Петровић Сахаров, Висарион Григорјевич Белински, бајке, фолклор.

Любинко Раденкович
Сербская академия наук и искусств
rljubink@eunet.rs

Ljubinko Radenković
Serbian Academy of Sciences and Arts
rljubink@eunet.rs

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ДЛЯ УСТРАШЕНИЯ ДЕТЕЙ У СЛАВЯН

SLAVIC MYTHOLOGICAL CHARACTERS FOR FRIGHTENING CHILDREN

В статье, на материале этнографических и лексических источников, исследуется общее и региональное в наименовании мифологических персонажей для устрашения детей у славянских народов и, связанных с этим, предикатов. Обращается внимание и на разыгрывание ситуации устрашения, где взрослые наряжаются и принимают на себя роль мифологических персонажей. Кроме функции успокаивания, устрашения детей представляют собой один из механизмов культуры, посредством которого в обществе, у детей в раннем возрасте, устанавливались, как семантика пространства и времени, так и образцы желаемого социального поведения, а также и отношение ко всему чужому и потенциально опасному из окружающего мира.

Ключевые слова: страх, дети, мифологические персонажи, лексикология, народная культура славян.

The traditional raising of children among the Slavic peoples actively utilized frightening — among other things using mythological characters. These characters, unlike mythological beings, have minimal features. Most commonly their appearance is undefined and is not indicative of where they live and when they are active. The image is created that they are always near the child and always prepared to punish it if it is disobedient. According to this study, the language and folklore of the Slavic people contains no less than 200 such characters. In this function, on one hand, they overlap with certain animals (most commonly the bear, wolf and bugs) and foreigners (Gypsies, Turks, Tatars), and on the other with mythological beings (rusalka, vodyanoy, house spirit, devil). In addition to its function of pacifying children, frightening represents one of the cultural mechanisms that at an early age impose on children the semantics of space and time, as well as desirable forms of social conduct.

Key words: fear, children, mythological characters, lexicology, Slavic folk culture.

В воспитании детей у всех славян активно использовались и устрашения. В бытовой речи и в колыбельных песнях существует особая группа персонажей — *страшилок*, служащих только для устрашения детей. По исследованиям Головина, мифологических персонажей в русских колыбельных песнях, в основном, только пять (*Бука, Бабай/Бабайка/Басалай/Мамай, Угоман* и *Сон-Дрема*), все остальные являются их вариантами (Головин 2000: 215). В бытовой речи, судя по славянским фольклорным записям и региональным словарям, их значительно больше — около двухсот. Эти персонажи обладают минимальными признаками. Чаще всего имеют неопределенную внешность, иногда без указаний, где они пребывают, а их основная функция — готовность в любой момент схватить и унести с собой непослушного ребенка: «У! У! Хам-те ... баба-то яга, схватит, подико, поди... вот она, тут и есть за дверями» (Даль 1996: 166). Они смыкаются, с одной стороны, с определенными животными (чаще всего с медведем и волком) и с чужими людьми (цыганами, турками, немцами, татарами и другими), а с другой, с мифологическими существами, такими как: русалка, леший, водяной, черт. Первоначальное значение многих из них забыто, о чем свидетельствуют и информанты из России (Псковская область), белорусско-украинского Полесья и Сербии (Суботица): «В ёвну (овин) не ходите: в ёвне матуз. А какой той матуз — Бог его знает» (Ивлева 2004: 215); «Все лякали *барабушей*, я її сама не знаю, шо за барабуша (Буйских 2014: 37); «Знам да смо плашили децу, ено иде *бубуш*, ал' што је бубуш, никад не знам шта је бубуш» (Знаю, что мы пугали детей, вот идет *бубуш*, но что такое бубуш, никогда не знал, что такое бубуш) (РСГВ 2000/1: 148). Страшилище, которым пугают детей — *бирюк*, в некоторых районах России обозначает волка или медведя, на Дону — домового (Власова 1998: 48), в Орловской губернии еще и одинокого, нелюдимого человека. Известное страшилище у русских — *бабай*, тоже многозначное. Понимается оно то как существо наподобие домового, то как молчаливый, замкнутый человек (Леонтьева 2017: 242).

Для непослушного ребенка в хорватском озальском говоре существует название *нестрах* (Težak 1981: 401), т. е. «тот, который ничего не боится».

Общее и региональное

Общим во всех славянских языках являются названия действия устрашения: ст. слав. *страшити*, рус. *страшить*, сербо-хорватско-словен. *сїрациїи*, болг. *страша*, чеш. *strašiti*, польск. *straszyć* (производное от праслав. **strahъ*); рус. *полошить*, ст. слав. *полошити*, сербо-хорватско-словен. *їлациїи*, болг. *плаша*, чеш. *plašiti*, польск. *plószyć* (от праслав. **polhъ*, **polšiti*); рус. *пугать/пужать* представляет собой новообразование от *пудить*, ст. слав. *поудити*, сербо-хорв. *їудийи*, словен. *poditi*, чеш. *ruditi*, польск. *pędzić* «гнать, пугать». Новообразованием можно считать и рус. диал. *лякать* «пугать» (*ляка* «пугало, страшилище»), укр. *лякати*, бел. (полес.) *лекаты*, поль. *łękać się* «бояться», сербо-хорв. *лецнуйи се* «пугаться», от праслав. **lęk-* «гнать».

Наименования мифологических персонажей

Между собранных более 200 наименований персонажей для устрашения детей у всех славянских народов можно обнаружить, что только названия сформированные из основы **ba-/*bo-/*bu-*, или с корнем **bab-*, **bob-*, **bub-* являются общими. Все остальные, более или менее, имеют региональное распространение.

Центральным из этих мифологических образов, известный на широкой территории в России, является *бука*: «Спи, спи, бука идет!»; «Не шуми, сейчас бука придет!» (Черепанова 1983: 115–121; Черепанова 1994: 25; Хафизова 2000: 198–211). На Украине и в Белоруссии редко встречаются устрашения детей *букой*. Но, из восточнославянских названий устрашителей только это имеет распространение и на Балканах, конкретно в сербских говорах в Герцеговине, в юго-западной Сербии и в Косово: «Шути, ето буке!» (Молчи, бука идет!) (Грђић Бјелокосић б. г.: 128); «Спавај, има бука!» (Спи, там бука!) (с. Рудно, юго-западная Сербия). В Косово, когда мать решает перестать кормить ребенка грудью, кладет на грудь шкуру зайца или овечью шерсть и показывая ему, говорит: «Ете, баја, бука!» (Вот, бая, бука!) (Вукановић 2001: 315).

Бука имеет весьма расплывчатый образ. Лохматый бука может быть сходен с медведем и с ряженым в шубе наизнаннику, связывается с мифологическими существами — лешим, домовым, водяным, банником; *букой* называли даже большое черное пятно сажи или пучок можжевельника под матицей. Функции буки ограничены — он, кажется, способен только пугать. Он не ест, не душит, не щекочет до смерти, не топит, не уведит неизвестно куда, только грозит. Не нашлось ни одного текста былички, где бука исполняет свою угрозу (Головин 2000: 218).

Вариантные названия *буки* у русских на Урале являются: *букарец*, *букарица*, *буканай*, *букашко*, *буканко* (Востриков 2000: 144–150), в Архангельской губ. *буван*: «Спи, спи! А то вот буван придет к окошку ... и сволокет тебя к цыганам» (Власова 1998: 55), в Нижегородской области — *букан*, *буканка*, *бубука* (Любова 2015: 307). В хорватском брушском говоре зафиксировано название детского пугала *bukanace* (Dulčić 1985: 394), на острове Крк на Адриатике — *bićan* (Milčetić 1896: 227).

У поляков и чехов, наряду с *babok*, *babuk*, кажется, преобладают названия с корнем **bob-/*bub-*: поль. *bobo*, *bobon*, *bobak*, *bubka*, *bobuk*, *bobuška*, *bubak*, *bubbul* (Podgórcsy 2005: 53); чеш. *bobo*, *buba*, *bubač*, *bubača*, *bubaček*, *bubak*, *bubaraš* (Зайцева 1975: 213, 216); в влуж. *bubak*, *bobak*, *Vubu-mann*, *Vibatann* (Сятковский 1998/І: 280), у белорусов — *бабар*; у хорватов — *бабуко*; сербов (Банат) — *бабау* (РСГВ 2000/1: 64), (Косово) *баучка* (Елезовић 1932/І: 34). Название страшилища *буба* является в болгарском, македонском, сербском и хорватском (кайкавский диалект) языках (основное значение слова «жук»). В этот круг страшилок входит и сербо-хорв. *bubiš* (РСГВ 2000/1: 148).

У сербов самое известное страшилище — *баук* (Петровић 1933: 104–107), в западной Сербии (Ужице) и Метохији *баја*, *бајук* (Цвијетић 2014: 29, Букумирић 2012: 28), *баро* (РСАНУ 1959/І: 312), у македонцев — *бауч* и *баубау* (РМЈ 1986: 23), у черногорцев — *барек/бареч* — «Бјеж, ето барека!» (Убегай, барек идет!) (Копривица 2006: 28), «Бљеж, ето бареча из лијесака!» (Убегай, вот бареч из леса!) (Гаговић 2004: 15); словенцев (Доленьска) — *баус* (Кропеч 2008: 314), *bavec* (Weiss 1998: 85), *bavbav* «*Če ne boš priden, te bo vzel bavbav!*» (Не будешь хорошо себя вести, бавбав тебя заберет!) (Juranić 1981: 70), хорватов — *bav-bav* (Vožićević 1906: 90); *bavec* «*Bu te bavec! Bavec ide!*» (Смотри бавец! Бавец идет!) (Lang 1914: 306), болгар — *бах* «*Кажи бахъ! да го уплашишь*» (Скажи бах!, чтобы испугать его) (Геров 1975/І: 28), и т. д.

Мифологические дед и баба (бабушка) как страшилки

Большая группа персонажей для устрашения детей строится по признаку *молодой/старый*, где устрашители связываются со вторым членом этого противопоставления. Они могут пониматься как чужие, реально существующие люди, но очень часто имеют и дополнительные мифологические признаки. Так, на Русском Севере (Архангельская область) встречается выражение: «Старик в котомку посадит, не реви!» В Рязанской области: «Не ори, а то старик лохматый идет!» (Ивлева 2004: 209, 164); у поляков «*Dziad weźmie!*» (Дед возьмет!) (Podgórcy 2005: 173). С другой стороны, в формулах фигурируют: *дед Бабай* — «Замолчи! А то дед Бабай с мешком сейчас придет и заберет. Отнесет за кустик и назад не пустит» (Науменко 1998: 157) и страшилище *Мамай*, которое у русских понимается как существо в облике страшного незнакомца, старика с палкой (Власова 1998: 26, 328). В Ульяновском Присурии, детей страшат *шайтаном*, дедушкой нехорошим: «Вот шайтан там, шшикатун да дедушка нихароший, вот эдаки!» (Морозов, Слепцова 2012: 422). Упоминаются еще *дед Сятковской* — «Э, э, будишь вольничать, а там дед Сятковской шас вылезеть!» (Власова, Жекулина 2001: 243); *дед-бородей* — «Дед-бородей в колодези!» (Ивлева 2004: 215); у белорусов *Русавы дзед* — «Не лезце, дзетки, у жыта Русавы дзед ухопіць!» (Цыхун 2011: 408); у болгар *д'ивийа старец* — «Старый, уродливый человек с большим мешком, крадущий детей; живет в горах» (Узенева 2004: 293). В виде старика с косматыми руками Словенцы в Штирии детям представляли страшилище под названием *мук*: «*Ne hodi k mlaki, da te Muk notri ne potegne!* (Не подходи к луже, а то Мук утянет!) (Majciger 1883: 560).

По количеству наименований преобладают женские мифологические персонажи с корнем **bab-*. У сербов и хорватов широко известна *бабарога*: «*Spravaj, jel sa' ce te odnet babaroga!*» (Спи, а то сейчас унесет баба рога!) (Reić, Vačić 1990: 22); в восточной Сербии «*Съд че доце караконца и баба Рога, има да ви уједу*» (Сейчас придут караконджа и баба Рога, и укусят

вас) (Плотникова 2004: 134); «Немој да викаш, че дојде баба Рога да те однесе и изеде. Има да те однесе у цак» (Не плачь, а то придет баба Рога, унесет тебя и съест. Утащит она тебя в мешке) (Златковић 1989: 296). Это детское стршилище у сербов понимается как страшная рогатая бабушка. У хорватов «это высокая и худая женщина, одетая в черное платье — черная и сухая как старая кость» (Било-гора) (Lovrenčević 1969–70: 92–93); или «имеет большую голову, зубы как у коня, выпученные глаза, высокая, худая, сгорбленная» (западная Славония) (Nožinić 1988). Наверное, бабарога когда-то имела функцию устрашения детей, чтобы они не ходили в поле под знаками. Такая функция бабароги сохранилась у хорватов (Кутина) (Nožinić 1989). У чехов такой дух называется *žitná bába* (Зайцева 1975: 280). Детям в Германии, желающим собирать в поле голубые васильки или маки, запрещали делать это, потому что там их могла схватить Мать Зерна, или Мать Ржи (Фрэзер 1980: 442–443). На Русском Севере пугали детей *кудельницей* и *полудницей*, чтобы в рожь не ходили: «Подьте в рожь, там кудельница захватит резиновыми клещиками» (Черепанова 1983: 113), «Там в рже полудница сидит» (Левкиевская 2001: 461). У белорусов, в Полесье, чтобы дети не ходили в житные поля, их страшили *смолянкой* (то же самое, что и русалка) «Нейди, бо ужэ вечор, нейди у жыто, бо там смулянки» (Левкиевская 2001: 422), в Вилейском районе *белой бабой*: «Не ідзі ў жыта, там белая баба!» (Авілін и др. 2016: 243). В западной Украине, чтобы дети не ходили в горох, пугали их *дикой бабой*, которая якобы ударит их макогоном по спине, или утащит: «там дика баба стоить з дзелізним макогоном: як лусне котре по хребті, то лише цяпне» (Колесса 1898: 94). На Урале, в этой функции является *огородная бабушка*. «Бабушка огородна словит, не ходите в огород, она в борозде сидит» (Востриков 2000: 151).

Сказочный персонаж — *Баба Яга*, имеет и функцию устрашителя детей у русских и белорусов. Детей пугали, чтобы не подходили к колодцу, не лазили в огород, не ходили купаться. В Полесье говорили: «Не заглядай ў колодец, бо там баба яга сидить» (Левкиевская 2001: 381). В Рязанской области детей пугали: «Баба Яга костяная нога тебя унесет, старик заберет!» (Ивлева 2004: 99). В Сумской области детям говорили: «Баба Яга вон ездит с кавошею, кашель такой, на коляске. Кто капризничает, так повязеть тебя с коляскою в лес» (Чеха 2005: 34). В одной записи из Смоленской области формула запугивания с Бабой Ягой даже имеет форму песенки: «Не реви! А то Баба Яга — старая карга придет, тебя отнесет в лесок и зароет во песок. А медведи найдут, на тебя заревут. Кабаны придут, под дубок отнесут. Будешь под дубком лежать, будут птички прилетать, тебе кушать не давать. Не будешь расти и помрешь в напасти! Ну, замолчи, не реви! Вон Бабка Яга — порота нога за дверьми стоит, на тебя глядит. Поди — поди, Бабка Яга, сюда! Алешка-то не затихает!» (Науменко 1998: 156). В Архангельской области наподобие Бабы Яги является устрашитель *жихонюшка*: «Жихонюшка придет и заберет!» (Дранникова, Разумова 2009: 130).

У словенцев детей, которые не постыятся и плохо себя ведут, пугали календарным демоном, страшной бабушкой *перхтой* (*perhta*) (Kelemina 1997: 94), в Бохине *пехтой* (*pehta*): «Те bo Pehta, č' naš pamet'n» (Cvetek 1993: 36, 37), у чехов и словаков *перихтой*, *перухтой* (*perichta*, *peruchta*) (Зайцева 1975: 250, 251). Такую же функцию имеет и *баба Кокорача* (*Корача*) и *баба Коризма* у черногорцев (РСАНУ 1978/Х: 237; Драговић 1997: 217). У словенцев в Прекмурью детей страшали *бабой торклей* «Če nete vrli, pride baba Torkla po vas, vas odvleče v mürsko šumo pa vas tan pojejl!» (Если не будете хорошими, придет бабушка Торкла, и утянет вас в мурский лес и съест она вас там) и *бабой чамрой* «Stara baba Čamra prijde po vas pa vas odvleče v Čagen loug, vas na žarečem ognji spreče pa vas poje» (Придет старая бабушка Чамра и утянет вас в Черную рощу, на разожженном огне поджарит и съест) (Rešek 1995: 52, 54). Матери в Истрии, когда отправлялись на рынок в Триесте, чтобы дети не требовали ходить с ними, пугали их *шмрковой бабой* (*šmrkava baba*), т. е. сопливой бабушкой (Hrobat 2008: 411–414). У белорусов детей устрашали *железной бабой* (*баба зелизна*): «Баба зелизна сэдыть» (Левкиевская 2001: 380); «Не дивись во колодец, там баба железна» (Виноградова, Левкиевская 2012/II: 687), также и *голобабой* (Валодзіна 2011: 121). На Русском Севере детей пугали *бабкой Марой*: «Куда побежал, вот там бабка Мара!» (Черепанова 1994: 25; Черепанова 1983: 26); «Сицяс Мара забирет — вот там на вышке!» (Смольников 1996: 51), так же и *байной старухой*: «Какая байная старуха!» (Левкиевская 2001: 432); *жихарь-бабкой*: «Жихарь-бабка, выдь с лопаткой, дай справку!» (Дранникова, Разумова 2019: 79). Одним из фантастических существ, которым у русских пугали детей, является и старуха *бабайка* (Власова 1998: 26).

В западной Сербии детей страшили *бабой Гогой* (*баба Гога*) (Цвијетић 2014: 28). В южной Сербии, в окрестностях Лесковца, *гогами* называли вид устрашения детей имитацией голосов животных, которые как будто ищут ребенка, потому что он плачет. Говорили: «Дајте ми тој дете што плаче, дајте!» (Отдайте мне этого ребенка, который плачет, отдайте!) (Ђорђевић 1958: 155). В Банате (Вршац), у сербов, болгар и румынов, *гога*, одно из наименований для устрашения детей: «Ајде, спавај, јер са(д) ће да дође гога да те однесе» (Давай, спи, а то сейчас придёт гога и утащит тебя) (РСГВ 2002/2: 152; Стойков 1968: 59). Страшилище *gogë, gogol* встречается и у албанцев (Дукова 2015: 160). Одно из названий уыпря у болгар — *гогош* (БЕР 1971/I: 259). В Косово (Призрен) *гогами* называли волохов (РСАНУ 1965/III: 413).

В сербской области Левач и Темнич девочкам, если они не хотят вязать, матери грозили, что им *баба клупчара* растолочет пальцы в ступе, а если не хотят прясть, *баба предара* сожжет им пальцы и волосы на голове (Мијатовић, Бушетић 1925: 146). В Воеводине (Срем), детей, особенно молодых прях, пугали бабушкой с железными зубами — *гвоздензубой*. Говорили, что она носит с собой кастрюлю с горячим углем и, если они не будут хорошо прясть, она им сожжет пальцы (Карацић 1986/I: 139). В этой же области Сербии гвоздензубой детей страшили и в других слу-

чаях: «Зваћу гвоздензубу ако не будеш добар» (Позову гвоздензубу, если не будешь хорошо себя вести) (РСГВ 2002/2: 129). Как устрашители встречаются и другие мифологические бабушки — у карашеваков (славянское население в Румынии) — *баба Кука* и *баба Рока* (Радан 2002: 143), у болгар (Варненская область) *тарамбаба*, (говорили, что она детей забирает в мешок), *баба Гълта* (она детей проглотит, если они будут баловаться у воды или у колодцев) (Седакова 2004: 264), *баба крива* (Врачанско); у хорватов — *баба Ујда (baba Ujda)*, *баба зелявица (baba Zeljavica)* (Jurić-Arambašić 2000: 403), *крвава баба (krvava baba)* (Nožinić 1986), в Истрии *лела* (РСАНУ 1981/ XI: 323).

Кроме «забрать» и «унести», характерные предикаты, связанные с мифологическими бабушками устрашителями детей, еще и *съедать, глотать, толочь в ступе, бросать в яму, жарить*. Так, у белорусов, *железную бабу* представляют как злую старуху, невысокого роста, с большой грудью, которая хватается крюком детей, если они одни окажутся в поле или в огороде с бобом или горохом, бросает их в свою железную ступу, толчет и съедает (Романов 1912: 290). У украинцев детям говорили, что *залізная баба* находится в колодце «як станеш у холодну воду — задубіеш і зробишся залізний» (Боряк 2006: 127–128). По рассказам из Герцеговины, *кучибаба* страшная горбатая старуха. Она носит с собой два мешка, в которые собирает детей, если они ночью выходят из дома и бросает их в какую-то яму (Грђић Бјелокосић б. г.: 203).

Устрашения детей Богом и святыми

Детей редко страшили Богом. Считалось неуместным «поднимать» силу Бога на маленьких детей. В Дубровнике, если ребенку грозили Богом, то он в этом случае именовался уменьшительно — «Боже»: «Кастигаће те Боже ако не будеш добар!» (Накажет тебя Боже, если не будешь послушным!) (Бојанић, Тривунац 2002: 48). В северо-восточной Сербии (Хомоле), один из видов отказа ребенку дальше сосать грудь у матери состоит в том, что мать красит грудь в красное и потом пугает ребенка, говоря, что Бог ей отрезал грудь (Милосављевић 1914: 113).

Так как было запрещено резать овощи в день Ивана Крестителя (Головосек), детей в этот день не пускали в огород, и если бы они пошли туда, то в Архангельской области их пугали: «Иван Постной голову отрезет» (Мороз 2009: 70), на Урале «Не ходите, сѣдни Иван–капустник голову отсечёт!» (Востриков 2000/5: 151).

На Русском Севере в святки детей пугали святой Варварой, говоря, что она в эти дни ходит со сковородкой (Черепанова 1983: 38).

Реально существующие люди как устрашители

Из реально существующих людей, у славян, широко известны запугивания детей «чужаками», т. е. социально-маркированными лицами —

цыганом, попом, нищим, уродливым человеком или каким-нибудь *опасным человеком* из своей среды, или просто *чужими людьми*.

С образом *цыган* связаны представления: они крадут, обманывают, занимаются гаданием и всяким другим мошенничеством, они черные, имеют нечеловеческий запах, т. е. они нечистые (ср. Белова 2012/5: 493–497). Есть и верование, что они могут украсть любого ребенка, который не под присмотром старших, чтобы для них просил милостыню. Оттуда и формула запугивания детей: «Цыган заберет, унесет!», ср. в окрестностях Каргополя: «Цыган тебя унесет!», «Цыган утащит!», «Отойди, цыган!» Кроме того, постоянный внешний признак цыганов это *сума* (мешок), средство которое часто встречается и в других формулах устрашения: у белорусов Полесья «дытыну лякалы, скажуть цыган, жыд забырэ, в торбыю дід чы баба забырэ, в торбу, в мышок» (Климчук 1995: 364). У сербов (южная Сербия, Лесковац) если дети в доме слишком шумят, говорили, что «цыганка их унесет в мешке и съест» (Ђорђевић 1958: 155); в юго-западной Сербии (Рудно): «Не иди тамо, иду Цигани отуд, туриће те у бакрач» (Не ходи туда, оттуда идут цыгане, засунут тебя в котел). У словенцев пугали детей: «Otruoci, bejšte, bejšte, grejuo cigani!» (Дети бегите, бегите, идут цыгане!); «Їе ne boš priden, te bojuo vzijeli cigani!» (Если не будешь себя хорошо вести, заберут цыгане) (Keršovan, Krebelj 2003: 170).

Русские старообрядцы в Латвии пугали своих детей *латышом*: «Не плачьте, не делайте плохого, а то дядька-латыш придет в красной шубе и накажет вас» (Амосова, Гехт 2012: 59). В отличие от русских, латыши всегда красили свои шубы.

Когда детей пугают знакомым местным дурачком, калекой, пьяницей, опасным человеком, часто в формулах запугивания указывается, что он ребенка унесет в *суме*, ср. серб. (Шумадия, с. Коштуничичи) «Ја сам плашила децу неким пијаним и хромим Баћом: — Ево Баће, сад ће да вас стави у цак и да вас однесе» (Я пугала детей каким-то пьяным и хромым Батеом: — Вот Батя, сейчас он вас заберет в мешок и унесет); в восточной Сербии (Пирот) — «Ене, човек сас цакот, збира деца која викају» (Вон, человек с мешком, собирает детей, которые кричат) (Златковић 1989: 373); (Црна Трава) «Ћут, немој ники да-е прозборил, ете га Симча из Дикаву с коња, ће ви однесе у цак» (Молчите, чтобы никто ни слово не вымолвил, вот Симча из Дикавы с конем, унесет вас в мешке) (Стојановић 2010: 950); в юго-западной Сербии (Рудно) — «Еве иде Живојин (мутаџи просјак), носи торбе, ће ви однесе» (Вот идет Живоин — немой нищий, несет сумки, вас унесет). У болгар страшилище *тарамбаба* идет с мешком. На Русском Севере детей пугали *чиликунамы*. Говорили, что на Игнатъев день они из проруби вышли, и что у них на голове мешок (Черепанова 1996: 62). У хорватов мешок имеет мифологическое существо *мрак*: «Ето мрака, стрпаће те у мјешину!» (Вон мрак, он тебя в мешок засунет!) (РСАНУ 1988/ХІІІ: 129). О постоянном месте мешка/сумки в формулах запугивания свидетельствуют и неологизмы, в основе которых лексемы «сумка», «торба», заменяющие имя

собственное «страшного» человека, ср. у русских: «Ой, *Сумач* идет и ма-леньких собирает» (Рязанская область) (Ивлева 2004: 164). У болгар *дядо турбалан* (Верхняя Тракия) представляет собой маленького человека с большим мешком, в который он сажает детей (Трефилова 2012: 278).

Эмоциональная реакция на появление чужих людей представляет важный этап в развитии ребенка. «Умение видеть, различать чужих, незнакомых людей — необходимое условие освоения ребенком социального пространства» (Чередникова 2002: 172).

Устрашения с попом

У русских и сербов, чтобы дети соблюдали пост, их устрашали *попом*: рус. «Поп уши отрежет!», «Поп уши обрежет» (Каргополь); серб. «Ће ти исече поп уши што блажиш!» (Поп тебе отрежет уши, потому что ты ешь скоромное) (Лесковац; Ђорђевић 1958: 155); «Деца, нема да блажите, попат че ви одреже ушити» (Дети, нельзя вам есть скоромное, поп вам отрежет уши) (Пирот; Златковић 1989: 396); «Поп киди азик!» (Поп рвет язык) (сербы-черногорцы в Враке, Албания; Марковић 1981: 201). В юго-западной Сербии (Рудно) говорили «Ако не будеш постио, поп има маказе и сече језик» (Если не будешь поститься, у попа ножницы, ими язык отрежет).

В сербской области Срем (с. Оролик), детей пугали попом, если они между собой матерно ругались: говорили, что поп всегда с собой носит острый ножик и отрежет им язык (Бабовић 1963: 71).

Разыгрывание ситуации устрашения детей

Чтобы дети из огорода не ели горох или вечером не ходили на речку, для большей убедительности, старшие иногда наряжались в определенные мифологические существа и разыгрывали сценки, представляющие ситуацию страшного события: «А вот мы овчину, значит, ну, да в шубы, завернёмся, в борозду лягем, а они побегут, ребята-то: — Ой, там у нас *полуденка* в огороде, мама» (Калинино Кунгурский район) (Подюков 2010: 337). В свердловской области мифологический персонаж, которым пугали детей, чтобы не лазали по огородам, называется *бухмет*. Там тоже одевали шубу и таким образом изображали его: «... пойдём в огород, а там шуба в борозде, девки кричат: — Смотри, бухмет!» (Леонтьева 2017: 242); или, накинув шубу, наряжались косматым чудищем и, как-будто вылезая из воды, говорили ребенку: «Смотри, вылезит *бабушка Яга*, ана тибя схватит и на Суру утащит в воду!» (Морозов, Слепцова 2012/2: 423). На Урале, наряжались *опалихой* и пугали детей, чтобы те не ели бобы в огороде. Говорили, что это ведьма, которая живет в пруду, с длинными волосами и чугунной сковородкой, охраняющая огород: «Сидели однажды вдвоем с товарищем у нас на огороде, грызли бобы. Вдруг видим, что идет что-то волосатое с клюкой и прямо на нас. Так у меня с того времени порок сердца образовался, а то-

варищ стал заикаться и до сих пор заикается. А это напугала нас моя сестра» (Кругляшева 1991: 228). В Нижегородском Поволжье, если дети долго купаются и не возвращаются домой, бабушка наряжается русалкой и идет их пугать: «Распущу, бывало, косы, одену белый халат, посошок возьму да бегу за ними. Они от меня, плачут. Внучонок домой прибежит: — Мамка, за нами русалка гналась, с посошком!» (Корепова и др. 2007: 105). Иногда кто-то из домочадцев наряжался в образ знакомого дурачка и так пугал детей; «У нас мама сама нарижалась. Надела чапан и вот она пашла вдоль Суры-ти: — Муся идет, Муся идет! Это был глупенький» (Морозов, Слепцова 2012: 423).

В Хорватии родители в течение года пугали детей, что на Николин день в дом придут *св. Николай* и *Крампус* (черт) и непослушных детей накажут, а послушным, которые умеют молиться, дадут награду. Вечером, накануне св. Николая, ходили ряженные, как правило, представляющие собой три персонажа — *св. Николая* (с искусственной бородой, в епископской одежде, с высокой бумажной шапкой на голове, а в руках с посохом и книгой с карандашом), *ангела* (в белой одежде, с бумажными крыльями, с корзиной с сахаром и подарками в одной руке, а в другой — с прутом) и *черта* — *Крампуса* (рогатый, одетый в черное, с красной шапкой на голове, в руках — цепи, на плечах — большая корзина). Перед домом, Крампус начинал звенеть цепями. Первый в дом входил «св. Николай» и спрашивал, кто из детей добрый и послушный и кто умеет молиться, и его записывал в епископскую книжку и давал ему подарки. Между тем, непослушного ребенка Крампус обматывал цепями, клал в большую корзину и выносил на улицу. Если ребенок ему обещал, что будет добрым, он пускал его вернуться в дом. Детей, которые не умели молиться «ангел» хлестал прутом (Horvat 1896, 244–245). У чехов (моравцев) накануне св. Николая (*sv. Mikulaš*, 6. XII) ходил наказывать непослушных детей ряженный чертом — *Кромпус*. Он одет в вывернутый кожух до земли и подпоясан цепью. В восточной Словакии этот ряженный персонаж называется *Крампус* и он ходил вместе с *Микулашем* (Валенцова 2016: 122, 336). У словенцев в тот же день (словен. *Miklavž*), но и после того дня, ходили ряженные по домам и дарили детям подарки или устрашали их. Между ними выделялись персонажи *Миклавж* и черт *паркель* (*шкратник*, *шкратель*, *худобец*) (Kuret 1998/II: 220–242). В словенской области Белой Краины, *parkl* ходил подпоясан цепью с вилами в руках. По свидетельству, некоторые дети, подвергнутые устрашению паркля всю жизнь заикались или болели эпилепсией (Kure 2004: 93).

У болгар (Странджа) детей страшили *междероком*, представляющим собой, как говорили, черное волосатое существо с четырьмя глазами, которое бродит ночью, ловит детей и съедает их. Там сами дети наряжались междероком: чернили лица и одевали одежду наизнанку (Георгиева 1993: 209). В северной Чехии и Моравии обходили дома ряженные под именем *перхты* / *шперехты* и грозили детям, которые не постыятся или не хотят мо-

литься. Стучали в дверь и, держа веретено в руках, говорили, что они (плохим детям) распарывают или провертывают живот, «выметают» гусиным крылом, кладут туда солому и зашивают (Валенцова 2016: 224).

Формулы запугивания детей

Общими являются формулы запугивания детей, состоящие из запретительной части — *спи, молчи, не шуми, не реви, не плачь, не ходи в огород, не купайся* и указания на опасные последствия в случае несоблюдения этого запрета. Кроме *защекотать*, которое относится, как правило, только на устрашение русалками («Ня ходитя, а то тама вопилка или покликушка, оны защекотют») (Ивлева 2004: 109), все остальные предикаты указывают, что ребенок будет силой унесен из своего пространства в чужое (в болото, в реку, в лес, в колодец, в яму). Некоторые формулы более экспрессивны: тут ребенку грозят, что мифологический персонаж съест его, или проглотит, будет толочь в ступе, жарить, бросит в яму.

Предикаты выражающие последствия несоблюдения запрета: *утащить/хватить/захватить/ухопить/сцанать/поймать/забрать/утягать*. Рус. «Смотри, вон ты дедушка домовой утащит!»; «Пойдешь на реку — чертовка утащит»; «Не ходите купаться, а то лешенька схватит!» (Корепова и др. 2007: 54, 101, 86); «Старухи нас, бывало, вечером на святках не пушшают идти: — Шулюганы уташут!» (Виноградов 2009: 131); «Не дури, коке отдам!», «Смотри, кукан в болота утащит!» «Хохла–мохря идет, скажешь, спи батюшко, а то унесет» (Власова 1998: 242, 273, 522); «Не купайся, тебя бухмариха уташшит!»; «В огород-от не бегай, полудница утащит!» «В огород не ходи, ягарма схватит!» «Не ходите в лес, там росомага вас поймает!» (Востриков 2000: 151–152); «Не шали, а то кулешменцы тебя уташат, ездят на шкуре, так увезут тебя!» (Синица 2010: 44); «Не хади в лес (или там куды, не ухади), а то там леший ходит, вас утащут!»; «Ни хади! Там мярун! Уташшит в Суру!» (Морозов, Слепцова 2012: 422, 423); «Егибова придет, возьмет, уташшит!» (Синица 2014: 58); «Если слушаться не будешь, водиной заберет, будет на тебе воду возить» (Любова 2015: 307); «Не реви, бадяй заберет!» (Черепанова 1994: 24); «Не реви, бабай заберет!» (Власова 1998: 26); «Коли будешь баловаться, маруха забяреть», «Там лизун сидить и утянеть» (Ивлева 2004: 237); «Не плач, а то мума возьме!» (Леонтьева 2017: 241), укр. «Ни плач, бо зара драб преїде і забира» (Хобзей 2002: 87), поль. «Nie chodź w żyto, bo cię zagacz schyła!» (Podgórcy 2005: 523–524); чеш. мор. »Nechod' ven, chytne t'a Maga» (Не ходи на улицу, схватит тебя Мага) (Валенцова 2018: 244); серб. «Пази да те у башти не ухвати татангрк!» (РСГВ 2009/9: 24); «Не иди тамо, ухватиће те бобан!» (Бабовић 1963: 70); словен. «Ne hodite od doma, dokler bomo na planini drva sekali ali pa na rovtah kosili, ker bi utegnili priti divji mož Vouvel in vas odnesti v svojo duplo» «Bodi priden, sicer te odnese Barbara!» (Kelemina 1977: 200, 201), «Bodi priden, sicer te bo Barbara odnesla!» «Da te sumper zveme!» (Kropej 2008: 314, 329); «De pride škрат,

škarific, torka, vas pobere! (Merkù 1976: 292) «Во прšov polsnjak, pa te bo vzev!» (Cvetek 1993: 37); «Vas bodo krive petnice odvlekale!» «Te ponese pirta!» «Pride duja baba, te ponese!» (Ivančič Kutin 2018: 137, 141); хорв. «Лела ће те побрати!» (РСАНУ 1981/XI: 323); болг. «Че те земе таласъм!» (Заберет тебя таласъм!) (Трефилова 2004: 393).

Съест — рус. «Вот банный съест тебя! Не балуй!» «Водяна в речке живет, купаться не побежишь, уташишь и съест» (Востриков 2000: 150, 153); «Вунтериха съест!» (Власова 1998: 124); «В лесу маканька живет: не ходи в лес, а то маканька съест»; «Там русалка сидит у кустах, унясет и волосы вырвет на головы, замучает и зъест» (Ивлева 2004: 118, 220); «Бомка схамкает!»; «Хока там съест тебя!» (Белова 2016: 367); укр. гуц. «Ни плачти, діти, бо гаман вас ззіст» (Хобзей 2002: 87); серб. »Бау, бау... видиш сине, иде баучка, па ће да те изеде»; «Ено баучине сад ће те изести» (РСАНУ 1959/I: 338); «Ћутите, деца, немој да дође суља да ве удави» (Златановић 1998: 391); «Ако не будеш слушао, појешће те мракан» (РСГВ 2005/5: 92); серб. черн. «Пс! не плачи, буди мирно, појешће те бареч» (РСАНУ 1959/I: 305); «Изјешће те каранђолози!»; хорв. «Ето ти hajduka izjesti će te!» (Вогішіć 1874: 608); словен. «Са nab'š pridn, bo bавc paršu pa te bo p'jedu» (Если хорош не будешь, придет бавц и съест тебя) (Weiss 1998: 85); «Vrbaua je bitje, ki živi v Kolpi in žre žlehtne otroke, ki ne ubogajo staršev in se preveč približajo Kolpi» (Primc 1997: 253) (Врбауа существо, которое живет в (реке) Купе и проглатывает шаловливых непослушных детей, которые слишком приближаются к Купе); болг. «Буба-та, та ще тя грабне та тя изяде!»; чеш. мор. «Роčkaј, šak já t'a zavleči na vantroky, tam t'a uvé zežere» (Подожди, отведу тебя к желобу, там тебя уве съест) (Валенцова 2018: 248).

Очень часто, когда сама ситуация указывает на запретное действие, в формуле запугивания отсутствует первая часть, и она состоит только из упоминания мифологического существа, как будто оно прячется в подполье, в темном углу дома или недалеко от дома, или оно на пути в дом: рус. «Ой, там бука!», «Бородей там сидит!», «Смотри, бухмет!», «Хохламохря идет!», «Это русалки, русалки!», «Никуда не ходи, там шулигины», «Шишига придет!», «Задериха придет!», «Рохля в подполе!», «Там мосо-рага!», «Какой додон-от идет!», «Не ходи ночью в подпол — там корноухий!»; укр. «Хро, вова!»; серб. «Има бау, бау!», «Има букача!», «Ето буке!», «Тамо има баја!», «Иде бубуш!», «Ето бареча!», «Ето бацакуше!», «Ето мракана!», «Ето вадочел!», «Ето бјелогел!», «Ето карапанце!», «Ето kukuvedel!»; болг. «Бухълакът иде!», «Иде марокъ-тъ!», «Ронджа проклета!»; «Мъри, таласъммо ша доди!», «Няма вече цица, има коко!»; хорв. «Ето mrakana!», «Доći će glodan!»; словен. «Pride prierte!»; «Pridejo krivapete!»; польск. «W stedni sedzy mumacz!», «Mumk p'rińze!».

Иногда в формуле указывается на внешний вид мифологического существа: «полуношник летит с железным носом» (Корепова и др. 2007: 86), «водяной какой-та ширстяной, в шерсти весь» (Морозов, Слепцова 2012: 422), «ходят раскудланные русавки с велизными ножами».

Некоторые выводы

У славян существует общее представление о *буке*, известном страшилище для детей, сводимое на «черное, волосатое существо, которое может унести или проглотить ребенка». С другой стороны, группа персонажей с основой *баб-*, сводимая на значение «набухать», (ср. наименования по этой основе — «пучок шерсти», «хлоп снега», «гриб», «небольшое темное облачко» и т. д.), ассоциативно связывается как с букой, так и с кругом персонажей, связанных с мешком (*дядо торбала́н, цыган, бродяга*). Таким образом, можно говорить об исходной ситуации устрашения детей, как угрозе вернуть их туда, откуда они пришли, т. е. в материнскую утробу, которая в мифологических представлениях связывается с потусторонним миром.

Кроме функции успокаивания, страшилки представляют собой и один из механизмов культуры, посредством которого в обществе, у детей в раннем детстве, устанавливалась семантика пространства и времени, укреплялись определенные общественные ценности, а также и отношение ко всему чужому и потенциально опасному из окружающего мира (ср. Раденковић 2000: 146–155).

ЛИТЕРАТУРА

- Авілін Цімафей, Антропаў Мікалай, Боганева Алена. „Русалки: знешні выгляд“. *Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні*. Зборнік. Вып. 3. Мінск: Беларуская навука, 2016: 222–273.
- Амосова Светлана, Гехт М. Б. „Материалы экспедиции к старообрядцам г. Прейли (Латвия)“. *Живая старина* 3/75 (2012).
- Бабовић Глиша. „Оролик. Историја, живот и обичаји једног сремског села“. *Српски етнографски зборник* LXXVI. Београд 1963.
- Белова Ольга. „Цыган“. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого*. Т. 5. Москва: Международные отношения, 2012: 493–497.
- Белова Ольга. „Мифологические представления и поверья хутора Крымский Усть-Донецкого района Ростовской области“. *Демонология и народные верования. Сборник научных статей*. Москва: ГРЦРФ, 2016: 356–374.
- БЕР. *Български етимологичен речник* I. София: БАН, 1971.
- Бојанић Михаило, Тривунац Рагислава. „Речник дубровачког говора“. *Српски дијалектолошки зборник* XLIX. Београд: САНУ, 2002.
- Боряк Елена. *Україна: етнокультурна мозаїка*. Київ: Либідь, 2006.
- Буйских Юлия. „Персонажи детских запугиваний в современных представлениях украинцев в Полесья“. *Живая старина* 1/81 (2014): 36–38.
- Букумирић Милета. *Речник говора северне Мейхохије*. Књ. 15. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2012.
- Валенцова Марина. „Перхта“. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого*. Т. 4. Москва: Международные отношения, 2009: 18–20.
- Валенцова Марина. *Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект*. Москва: Индрик, 2019.
- Валенцова Марина. „Моравская и силезкая демонология в чешско–словацком культурном ареале“. *Slavica Slovaca* 52/2 (2017): 122–132.
- Валенцова Марина. „Моравская демонологическая лексика“. *Славянский альманах* 1–2. Москва: Индрик, 2018: 234–260.
- Валодзіна Тацяна. „Голобаба“. *Міфалогія беларусаў. Энциклапедычны слоўнік*. Мінск, 2011.

- Виноградов Георгий. *Этнография детства и русская народная культура в Сибири*. Москва: Восточная литература РАН, 2009.
- Виноградова Людмила, Левкиевская Елена. *Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века*. Т. II. Москва: Языки русской культуры, 2012.
- Власова Марина. *Русские суеверия. Энциклопедический словарь*. Санкт-Петербург: Азбука, 1998.
- Власова Марина, Жекулина Валентина. *Традиционный фольклор Новгородской области: сказки, легенды, предания, былички, заговоры (по записям 1963–1999)*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001.
- Востриков Олег. *Традиционная культура Урала: этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области*. Вып. 1–5. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2000.
- Вукановић Татомир. *Енциклопедија народног животоа, обичаја и веровања у Срба на Косову и Мейхохији*. Београд: Војноиздавачки завод –VERZALpress, 2001.
- Гаговић Светозар. „Из лексике Пиве (село Безује)“. *Српски дијалектолошки зборник LI*. Београд: САНУ, 2004: 1–312.
- Георгиева Иваничка. *Българска народна митология*. Второ преработено и допълнено издание. София: Наука и изкуство, 1993.
- Геров Найден. *Речник на българския език I*. Фототипно издание. София: Български писател, 1975.
- Головин Валентин. *Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе*. Турку: Åbo Akademi University Press, 2000.
- Грђић Бјелокосић Лука. „Народно сујеверије“. *Гласник Земаљског музеја VIII*. Сарајево: Земаљска штампарија, 1896.
- Грђић Бјелокосић Лука. *Из народа и о народу*. Београд: Просвета, б. г.
- Даль Владимир. *О повериях, суевериях и предрассудках русского народа*. Санкт-Петербург: Литера, 1996.
- Драговић Ђорђија. „Народни обичаји у Загарачу“. *Гласник Етнографског института САНУ XLVI*. Београд: САНУ, 1997: 195–220.
- Дранникова Наталья, Разумова Ирина. *Мифологические рассказы Архангельской области*. Москва: ОГИ, 2009.
- Дукова Уте. *Наименования демонов в болгарском языке*. Москва: Индрик, 2015.
- Ђорђевић Драгутин. „Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави“. *Српски етнографски зборник LXX*. Београд: САНУ, 1958.
- Елезовић Глиша. „Речник косовско–метохијског дијалекта“. Књ. I. *Српски дијалектолошки зборник IV*. Београд, 1932.
- Зайцева Н. И. *Мифологическая лексика в чешском и словацком языках*. Диссертация. Минск: Белорусский университет, 1975.
- Златановић Момчило. *Речник говора јужне Србије*. Врање: Учитељски факултет, 1998.
- Златковић Драгољуб. „Фразеологија страха и наде у пиротском крају“. *Српски дијалектолошки зборник XXXV*. Београд: САНУ, 1989.
- Ивлева Лариса. *Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Составление В. Д. Кен*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение (Ethnographica Petropolitana, XIII), 2004.
- Караџић Вук. *Српски рјечник (1852)*. I–II, Београд: Просвета, 1986.
- Климчук Федор. „Духовная культура полесского села Симоновичи“. *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*. Москва: Индрик, 1995: 335–364.
- Колесса Філарет. „Людові віруваня на Підгір'ю в с. Ходовичах Стрійського повіту“. *Етнографічний збірник*. Т. V. Львів: Накладом Наук. Т-ва ім. Шевченка, 1898: 76–116.
- Копривица Јован. *Речник говора Бањана, Грахова и Ојујиних Рудина*. Приредило Б. А. Копривица. Књ. 47. Подгорица: Црногорска академија наука и умјетности, 2006.
- Корепова Клара, Храмова Наталья, Шеваренкова Юлия. *Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья*. Санкт-Петербург: Тропа Троянова, 2007.
- Кругляшева Вера (сост.) *Предания и легенды Урала*. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1991.

- Левкиевская Елена. „1) Демонология. Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики; 2) Демонология севернорусского села Тихманьги“. *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы*. Москва: Индрик, 2001: 379–431, 432–476.
- Леонтьева Татьяна. „К изучению семантических связей между наименованиями мифологических персонажей и характеристиками людей“. *III Всероссийский конгресс фольклористов*. Т. 1. *Актуальные проблемы российской фольклористики*. Москва: РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2017.
- Любова Е. Ю. „Система мифологических представлений в говоре П. Сарма Вознесенского района Нижегородской области“. *Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Сборник материалов и исследований*. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015.
- Марковић Благоје. „Фолклористички записи из Враке“. *Прилози њроучавању језика 17*. Нови Сад: Филозофски факултет, 1981.
- Мијатовић Станоје, Бушегић Тодор. „Технички радови Срба селџака у Левчу и Темнићу“. *Српски етнографски зборник XXXII*, Београд 1925.
- Милосављевић Сава. „Српски народни обичаји из среза хомольског“. *Српски етнографски зборник XIX*. Београд: САНУ, 1914.
- Мороз Андрей. *Святые Русского Севера. Народная агиография*. Москва: ОГИ, 2009.
- Морозов Игорь, Слепцова Ирина. „Пугать“. *Традиционная культура Ульяновского Приуралья. Этнодиалектный словарь*. Т. 2. Москва: Индрик, 2012: 419–430.
- Науменко Георгий. *Этнография детства. Сборник фольклорных и этнографических материалов*. Беловодье — Москва: Российский союз любительских фольклорных ансамблей, 1998.
- Петровић Петар. „О бауку“. *Гласник Етнографског музеја VIII*. Београд: Етнографски музеј, 1933: 104–107.
- Плотникова Анна. „Мифологическая лексика сербско–болгарского пограничья“. *Исследования по славянской диалектологии 10*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2004.
- Подюков Иван. и др. *Словарь русских говоров Южного Прикамья*. Вып. II. Пермь: Издательство ПГГПУ, 2010.
- Радан Михај. „Карашевска митолошка и демонолошка лексика“. *У њоходе њајновијом Карашу*. Темишвар, 2002: 139–158.
- Раденковић Љубинко. „Страшила за децу — неке словенске паралеле“. *Жизненият цикл. Доклади от българо–сръбска научна конференция*. София: Етнографски институт с музей, 2000: 146–155.
- PMJ. *Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања*. Редактор Блаже Конески. Скопје: Македонска книга, 1986.
- Романов Евдоким. *Белорусский сборник. Быт белоруса*. Т. VIII. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1912.
- РСАНУ. *Речник српскохрватског књижевног и народног језика I–XXI*. Београд: САНУ, 1959–2020.
- РСГВ. *Речник српских џовора Војводине 1–10*. Нови Сад: Матица српска, 2000–2010.
- Седакова Ирина. „Этнолингвистические материалы из северо-восточной Болгарии (с. Равна, Варненская обл.)“. *Исследования по славянской диалектологии 10*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2004.
- Синица Н. А. „Лексика народной демонологии Павинского района“. *Живая старина 3/67* (2010): 43–46.
- Синица Н. А. „Демоническая лексика Никольского района Вологодской области“. *Живая старина 3/83* (2014): 55–58.
- Смольников С. Н. „Демонологические представления в Вашкинском р-не Вологодской области“. *Живая старина 1/9* (1996): 50–51.
- Стојановић Радосав. „Црноотравски речник“. *Српски дијалектолошки зборник LVII*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2010.
- Стойков Стојко. *Лексиката на банатскиј говор, с банатско–български речник*. София: БАН, 1968.

- Сятковский Януш. „Славянские названия страшилищ (демонов) в немецком языке и его говорах“. *Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого*. Т. I. Москва: Индрик, 1998: 280–287.
- Трефилова Ольга. „Этнолингвистические материалы из с. Стакевцы, район г. Белоградчика (Северо-Западная Болгария)“. *Исследования по славянской диалектологии* 10. Москва: Институт славяноведения РАН, 2004: 354–398.
- Трефилова Ольга. „Народная мифология из Твырдицы (Болгария, Верхняя Фракия)“. *Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура* 2. Москва: Институт славяноведения РАН, 2012: 270–285.
- Узенева Елена. „Этнолингвистические материалы из центральной Болгарии (село Дылбоки, область Старой Загоры)“. *Исследования по славянской диалектологии* 10. Москва: Институт славяноведения, 2004: 268–297.
- Фрэйзер Джеймс Джордж. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии*. Москва: Политиздат, 1980.
- Хафизова Лариса. „Бука как персонаж детского фольклора“. *Славянский и балканский фольклор: народная демонология*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2000: 198–211.
- Хобзей Наталя. *Гуцульська міфологія: етнолінгвістичний словник*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2002.
- Цвијетић Ратомир. *Речник ужичког говора*. Београд: Службени гласник, 2014.
- Цыхун Генадзь А. „Русавы дзед“. *Міфалогія беларусаў*. Мінск, 2011.
- Чередникова Майна. „Голос детства из дальней дали...“ (*Игра, магия, миф в детской культуре*). Москва: Ладомир, 2002.
- Черепанова Ольга. *Мифологическая лексика Русского Севера*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1983.
- Черепанова Ольга. „Кем „полохали“ детей на Руси“. *Живая старина* 1 (1994): 23–25.
- Черепанова Ольга. *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996.
- Чеха Оксана. „Материалы по демонологии из села Линово“. *Живая старина* 3/47 (2005): 31–34.
- Bogišić Valtazar. *Zbornik sadašnjih pravnih običaja u Južnih Slavena*. Knj. I. Zagreb, 1874.
- Božićević Juraj. „Narodni život u Šušnjevu selu i Čakovcu“. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena* XI/1. Zagreb: JAZU, 1906.
- Cvetek Marija. *Naš voča so včas zapodval: bohinske pravljice*. Ljubljana: Kmečki glas (Glasovi 5), 1993.
- Dulčić Jure. „Rječnik bruškoga govora“. *Hrvatski dijalektološki zbornik*. T. VII/2. Zagreb: JAZU, 1985.
- Horvat Rudolf. „Narodna vjerovanja s bajanjem“. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena* I. Zagreb: JAZU, 1896.
- Hrobat Katja. „Ustno izročilo o kamenitih babah med etnologijo in arheologijo“. *Čar izročila. Zapuščina Nika Kureta (1906–1995)*. Ljubljana, 2008: 407–425.
- Ivančič Kutin Barbara. *Krivopete: divje žene z nazaj zasukanimi stopali v slovenski folklori*. Ljubljana: ZRC, 2018.
- Jurančič Janko. *Slovensko-srbskohrvatski slovar*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1981.
- Jurić-Arambašić Ante. „Kijevo. Narodni život i tradicijska kultura“. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena* 54. Zagreb: HAZU, 2000.
- Keršovan N. Krebelj M. *Düša na bicikli: Folklorne pripovedi iz Brkinov, doline Reke in okolice*. Ljubljana: Kmečki glas (Glasovi 27), 2003.
- Kelemina Jakob. *Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom*. Bilje: Studio Ro, Založništvo Humar, 1997.
- Kropej Monika. *Od Ajda do zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja*. Celovec — Ljubljana: Dunaj — Moharjeva, 2008.
- Kure Bogomira. *Zgodbe ne moreš iz žakla zvrnit. Folklorne pripovedi iz Bele krajine*. Ljubljana: Kmečki glas (Glasovi 28), 2004.
- Kuret Niko. *Praznično leto Slovencev. Starosvetne šege in navade od podmladi do zime II*, Ljubljana: Družina, 1998.

- Lang Milan. „Samobor. Narodni život i običaji“. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena* XIX/2. Zagreb: JAZU, 1914.
- Lovrenčević Zvonko. „Mitološke predaje Bilo-gore“. *Narodna umjetnost* 7 (1969–70): 71–100.
- Majciger Janez. „Voda in njene moči v domišljiji štajerskih Slovencev“. *Kres* III. Štev. 11. Celovec, 1883: 558–561.
- Merkù Pavle. *Ljudsko izročilo Slovencev v Italiji*. Trst: Založba tržaškega tiska, 1976.
- Milčetić Ivan. „Vjera u osobita bića. Otok Krk“. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena* I. Zagreb: JAZU, 1896.
- Nožinić Dražen. *Etnografska građa iz Hrvatske* (rukopis). Kardif, 1986–1989.
- Peić Marko, Bačlija Grgo. *Rečnik bačkih Bunjevaca*, Novi Sad — Subotica: Matica srpska — Subotičke novine, 1990.
- Podgórcsy Barbara i Adam. *Wielką księgą demonów polskich: leksykon i antologia demonologii ludowej*. Katowice: KOS, 2005.
- Primc Jože. *Okameneli mož in druge zgodbe iz Zgornje Kolpske doline*. Ljubljana: Kmečki glas (Glasovi 15), 1997.
- Rešek Dušan. *Brezglavjeki. Zgodbe iz Prekmurja*. Ljubljana: Kmečki glas (Glasovi 9), 1995.
- Težak Stjepko. „Ozalski govor“. *Hrvatski dijalektološki zbornik* 5. Zagreb, 1981: 203–428.
- Vukanović Tatomir. *Srbi na Kosovu* II. Vranje: Nova Jugoslavija, 1986.
- Weiss Peter. *Slovar govorov Zadrece doline med Gornjim Gradom in Nazarjami*. Pokusni svezek. Ljubljana: Založba ZRC, 1998.

REFERENCES

- Amosova Svetlana, Gekht M. B. „Materialy ekspedicii k staroobryadcam g. Prejli (Latviya)“. *Zhivaya starina* 3/75 (2012).
- Avilin Cimafej, Antropaj Mikalaj, Boganeva Alena. „Rusalki: zneszni vyglyad“. *Belaruskij fal'klor: materyjaly i dasledavanni*. Zbornik. Vyp. 3. Minsk: Belaruskaya navuka, 2016: 222–273.
- Babović Gliša. „Orolik. Istorija, život i običaji jednog sremskog sela“. *Srpski etnografski zbornik* LXXVI. Beograd 1963.
- Belova Ol'ga. „Cygan“. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar' pod obshchej redakcij N. I. Tolstogo*. T. 5. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012: 493–497.
- Belova Ol'ga. „Mifologičeskie predstavleniya i pover'ya hutora Krymskij Ust'-Doneckogo rajona Rostovskoj oblasti“. *Demonologiya i narodnye verovaniya*. Sbornik nauchnyh statej. Moskva: GRCPF, 2016: 356–374.
- BER. *B''lgarski etimologičen rechnik* I. Sofiya: BAN, 1971.
- Bogišić Valtazar. *Zbornik sadašnjih pravnih običaja u Južnih Slavena*. Knj. I. Zagreb, 1874.
- Bojanić Mihailo, Trivunac Rastislava. „Rečnik dubrovačkog govora“. *Srpski dijalektološki zbornik* XLIX. Beograd: SANU, 2002.
- Boryak Olena. *Ukrajina: etnokul'turna mozaika*. Kiiv: Libid', 2006.
- Božičević Juraj. „Narodni život u Šušnjevu selu i Čakovcu“. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena* XI/1. Zagreb: JAZU, 1906.
- Bujskih Yuliya. „Personazhi detskih zapugivanij v sovremennyh predstavleniyah ukraincev v Poles'ya“. *Zhivaya starina* 1/81 (2014): 36–38.
- Bukumirić Mileta. *Rečnik govora severne Metohije*. Knj. 15. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2012.
- Chekha Oksana. „Materialy po demonologii iz sela Linovo“. *Zhivaya starina* 3/47 (2005): 31–34.
- Cherednikova Maina. „*Golos detstva iz dal'nej dali...*“ (*Igra, magiya, mif v detskoj kul'ture*). Moskva: Ladomir, 2002.
- Cherepanova Ol'ga. *Mifologičeskaya leksika Russkogo Severa*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1983.
- Cherepanova Ol'ga. „Kem „polohali“ detej na Rusi“. *Zhivaya starina* 1 (1994): 23–25.
- Cherepanova Ol'ga. *Mifologičeskie rasskazy i legendy Russkogo Severa*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996.
- Cvetek Marija. *Naš voča so včas zapodval: bohinske pravljice*. Ljubljana: Kmečki glas (Glasovi 5): 1993.

- Cvijetić Ratomir. *Rečnik užičkog govora*. Beograd: Službeni glasnik, 2014.
- Cyhun Genadz'. „Rusavy dzed“. *Mifologiya belarusaj*, Minsk, 2011.
- Dal' Vladimir. *O poveriyah, sueveriyah i predrassudkah russkogo naroda*. Sankt-Peterburg: Litera, 1996.
- Dragović Đorđija. „Narodni običaji u Zagaraču“. *Glasnik Etnografskog instituta SANU XLVI*. Beograd: SANU, 1997: 195–220.
- Drannikova Natal'ya, Razumova Irina. *Mifologicheskie rasskazy Arhangel'skoj oblasti*. Moskva: OGI, 2009.
- Dukova Ute. *Naimenovaniya demonov v bolgarskom yazyke*. Moskva: Indrik, 2015.
- Dulčić Jure. „Rječnik bruškoga govora“. *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Zagreb: JAZU. T. VII/2, 1985.
- Dorđević Dragutin. „Život i običaji narodni u Leskovačkoj Moravi“. *Srpski etnografski zbornik LXX*, Beograd: SANU, 1958.
- Elezović Gliša. „Rečnik kosovsko–metohijskog dijalekta“. Knj. I. *Srpski dijalektološki zbornik IV*. Beograd, 1932.
- Frezer Dzhejms Dzhordzh. *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii*. Moskva: Politizdat, 1980.
- Gagović Svetozar. „Iz leksike Pive (selo Bezuje)“. *Srpski dijalektološki zbornik LI*. Beograd: SANU, 2004: 1–312.
- Georgieva Ivanichka. *B'lgarska narodna mitologiya*. Vtoro preraboteno i dop"lneno izdanie. Sofiya: Nauka i izkustvo, 1993.
- Gerov Najden. *Rechnik na b'lgarskiya ezik I*. Fototipno izdanie. Sofiya, 1975.
- Golovin Valentin. *Russkaya kolybel'naya pesnya v fol'klora i literature*. Turku, 2000.
- Grđić Bjelokosić Luka. „Narodno sujeverije“. *Glasnik Zemaljskog muzeja VIII*. Sarajevo: Zemaljska štamparija, 1896.
- Grđić Bjelokosić Luka. *Iz naroda i o narodu*. Beograd: Prosveta, b.g.
- Hafizova Larisa. „Buka kak personazh detskogo fol'klora“. *Slavyanskij i balkanskij fol'klor: narodnaya demonologiya*. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2000, 198–211.
- Hobzej Natalya. *Gukul's'ka mifologiya: etnolingvistichnij slovník*. L'viv: Institut Ukraїnoznavstva im. I. Kryp'yakevicha NAN Ukraїni, 2002.
- Horvat Rudolf. „Narodna vjerovanja s bajanjem“. *Zbornik za narodni život i obiçaje Južnih Slavena I*. Zagreb: JAZU, 1896.
- Hrobat Katja. „Ustno izročilo o kamenitih babah med etnologijo in arheologijo“. *Čar izročila. Zapuščina Nika Kureta (1906–1995)*. Ljubljana, 2008: 407–425.
- Ivančić Kutin Barbara. *Krivopete: divje žene z nazaj zasukanimi stopali v slovenski folklori*. Ljubljana: ZRC, 2018.
- Ivleva Larisa. *Predstavleniya vostochnyh slavyan o nechistoj sile i kontaktah s nej. Materialy polevoj i arhivnoj kollekcii...* Sostavlenie V. D. Ken. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie (Ethnographica Petropolitana, XIII), 2004.
- Jurančić Janko. *Slovensko-srbskohrvatski slovar*, Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1981.
- Jurić-Arambašić Ante. „Kijevo. Narodni život i tradicijska kultura“. *Zbornik za narodni život i obiçaje Južnih Slavena 54*, Zagreb: HAZU, 2000.
- Karadžić Vuk. *Srpski rječnik (1852) I–II*, Beograd: Prosveta, 1986.
- Kelemina Jakob. *Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom*. Bilje: Studio Ro, Založništvo Humar, 1997.
- Keršovan N. Krebelj M. *Diša na bicikli: Folklorne pripovedi iz Brkinov, doline Reke in okolice*. Ljubljana: Kmečki glas (Glasovi 27), 2003.
- Klimchuk Fedor. „Duhovnaya kul'tura polesskogo sela Simonovichi“. *Slavyanskij i balkanskij fol'klor. Etnolingvisticheskoe izuchenie Poles'ya*. Moskva: Indrik, 1995: 335–364.
- Kolessa Filyaret. „Lyudovi viruvanya na Pidgiryu v s. Hodovichah Strijs'kogo povitu“. *Etnografichnyj zbirnik*. T. V. L'vov, 1898: 76–116.
- Koprivica Jovan. *Rečnik govora Banjana, Grahova i Oputnih Rudina*. Priredio B. A. Koprivica. Knj. 47. Podgorica: Crnogorska akademija nauka i umjetnosti, 2006.
- Korepova Klara, Hramova Natal'ya, Shevarenkova Yuliya. *Mifologicheskie rasskazy i pover'ya Nizhegorodskogo Povolzh'ya*. Sankt-Peterburg: Tropa Troyanova, 2007.
- Kropej Monika. *Od Ajda do zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja*. Celovec — Ljubljana: Dunaj — Moharjeva, 2008.

- Kruglyasheva Vera (sost.). *Predaniya i legendy Urala*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1991.
- Kure Bogomira. *Zgodbe ne moreš iz žakla zvrnit. Folklorne pripovedi iz Bele krajine*. Ljubljana: Kmečki glas (Glasovi 28), 2004.
- Kuret Niko. *Praznično leto Slovencev. Starosvetne šege in navade od podmladi do zime II*. Ljubljana: Družina, 1998.
- Lang Milan. „Samobor. Narodni život i običaji“. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena XIX/2*. Zagreb: JAZU, 1914.
- Leont'eva Tat'yana. „K izucheniyu semanticheskikh svyazey mezhdru naimenovaniyami mifologicheskikh personazhej i karakteristikami lyudej“. *III Vserossijskij kongress fol'kloristov. T. 1. Aktual'nye problemy rossijskoj fol'kloristiki*. Moskva: ROSKUL'TPROJEKT, 2017.
- Levkievskaya Elena. „1) Demonologiya. Materialy k slovaryu polesskoj etnokul'turnoj leksiki; 2) Demonologiya severnorusskogo sela Tihman'gi“. *Vostochnoslavyanskij etnolingvističeskij sbornik*. Issledovaniya i materialy. Moskva: Indrik, 2001: 379–431, 432–476.
- Lovrenčević Zvonko. „Mitološke predaje Bilo-gore“. *Narodna umjetnost 7 (1969–70)*: 71–100.
- Lyubova E. Yu. „Sistema mifologicheskikh predstavlenij v govore P. Sarma Voznesenskogo rajona Nizhegorodskoj oblasti“. *Vtorye Gromovskie chteniya. Russkie narodnye govory: proshloe i natoyashchee*. Sbornik materialov i issledovanij. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2015.
- Majciger Janez. „Voda in njene moči v domišljiji štajerskih Slovcencev“. *Kres III Štev. 11*. Celovec, 1883: 558–561.
- Marković Blagoje. „Folkloristički zapisi iz Vrake“. *Prilozi proučavanju jezika 17*. Novi Sad: Filozofski fakultet, 1981.
- Merků Pavle. *Ljudsko izročilo Slovencev v Italiji*. Trst: Založba tržaškega tiska, 1976.
- Mijatović Stanoje, Bušetić Todor. „Tehnički radovi Srba seljaka u Levču i Temniću“. *Srpski etnografski zbornik XXXII*, Beograd 1925.
- Milčetić Ivan. „Vjera u osobita bića. Otok Krk“. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena I*. Zagreb: JAZU, 1896.
- Milosavljević Sava. „Srpski narodni običaji iz sreza homoljskog“. *Srpski etnografski zbornik XIX*, Beograd: SANU, 1914.
- Moroz Andrej. *Svyatyte Russkogo Severa. Narodnaya agiografiya*. Moskva: OGI, 2009.
- Morozov Igor', Slepčova Irina. „Pugat“. *Tradicionnaya kul'tura Ul'yanovskogo Prisureja. Etnodialektnyj slovar'*. T. 2. Moskva: Indrik, 2012: 419–430.
- Naumenko Georgij. *Etnografiya detstva. Sbornik fol'klornyh i etnograficheskikh materialov. Belovod'e* — Moskva: Rossijskij sojuz lyubitel'skikh fol'klornyh ansamblej, 1998.
- Nožinić Dražen. *Etnografska građa iz Hrvatske* (rukopis). Kardif, 1986–1989.
- Peić Marko, Bačlija Grgo. *Rečnik bačkih Bunjevaca*, Novi Sad — Subotica: Matica srpska — Subotičke novine, 1990.
- Petrović Petar. „O bauku“. *Glasnik Etnografskog muzeja VIII*. Beograd: Etnografski muzej, 1933: 104–107.
- Plotnikova Anna. „Mifologicheskaya leksika serbsko–bolgarskogo pogranich'ya“. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii 10*. Moskva 2004: Institut slavyanovedeniya RAN.
- Podyukov Ivan i dr. *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya*. Vyp. II. Perm': Izdatel'stvo PGGPU, 2010.
- Podgórcy Barbara i Adam. *Wielką księga demonów polskich: leksykon i antologia demonologii ludowej*. Katowice: KOS, 2005.
- Primc Jože. *Okameneli mož in druge zgodbe iz Zgornje Kolpske doline*. Ljubljana: Kmečki glas (Glasovi 15), 1997.
- Radan Mihaj. „Karashevskita mitoloshka i demonoloshka leksika“. *U pohode tajnovitom Karashu*. Temishvar, 2002: 139–158.
- Radenković Ljubinko. „Strašila za decu — neke slovenske paralele“. *Zhizneniyat cik'l. Dokladi ot b'lgaro–sr'bska nauchna konferenciya*. Sofiya: Etnografski institut s muzej, 2000: 146–155.
- Rešek Dušan. *Brezglavjeki. Zgodbe iz Prekmurja*. Ljubljana: Kmečki glas (Glasovi 9), 1995.
- RMJ. *Rečnik na makedonskiot jazik so srpskohrvatski tolkuvanja*. Redaktor Blazhe Koneski, Skopje: Makedonska knjiga, 1986.
- Romanov Evdokim. *Belorusskij sbornik. Byt belorussa*. T. VIII. Vil'na: Tipografiya A. G. Syrkinina, 1912.

- RSANU. Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika I–XXI, Beograd: SANU, 1959–2020.
- RSGV. *Rečnik srpskih govora Vojvodine* 1–10, Novi Sad: Matica srpska, 2000–2010.
- Sedakova Irina. „Etnolingvističke materijale iz severo-vostočnoj Bolgarii (s. Ravna, Varnenska obl.)“. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii* 10. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2004.
- Sinica N. A. „Leksika narodnoj demonologii Pavinskogo rajona“. *Zhivaya starina* 3/67 (2010): 43–46.
- Sinica N. A. „Demonicheskaya leksika Nikol'skogo rajona Vologodskoj oblasti“. *Zhivaya starina* 3/83 (2014): 55–58.
- Smol'nikov S. N. „Demonologicheskie predstavleniya v Vashkinskom r-ne Vologodskoj oblasti“. *Zhivaya starina* 1/9 (1996): 50–51.
- Stojanović Radosav. „Crnotravski rečnik“. *Srpski dijalektološki zbornik* LVII, Beograd, 2010.
- Stojkov Stojko. *Leksikata na banatskiya govor, s banatsko-b''lgarski rechnik*. Sofiya: BAN, 1968.
- Syatkovskij Yanush. „Slavyanskije nazvaniya strashilishch (demonov) v nemeckom yazyke i ego govoraht“. *Slovo i kul'tura. Pamyati Nikity Il'icha Tolstogo*. T. I. Moskva: Indrik, 1998: 280–287.
- Težak Stjepko. „Ozaljski govor“. *Hrvatski dijalektološki zbornik* 5. Zagreb, 1981: 203–428.
- Trefilova Ol'ga. „Etnolingvističke materijale iz s. Stakevcy, rajon g. Belogradchika (Severo-Zapadnaya Bolgariya)“. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii* 10. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2004: 354–398.
- Trefilova Ol'ga. „Narodnaya mifologiya iz Tvyrdicy (Bolgariya, Verhnyaya Frakiya)“. *Karpato-balkanskiy dialektnyy landshaft. Yazyk i kul'tura* 2. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2012: 270–285.
- Uzeneva Elena. „Etnolingvističke materijale iz central'noj Bolgarii (selo Dylboki, oblast' Staroj Zagory)“. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii* 10. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2004: 268–297.
- Valencova Marina M. „Perhta“. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar' pod redakcij N. I. Tolstogo*. T. 4. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009: 18–20.
- Valencova Marina. *Narodnyj kalendar' chekhov i slovakov. Etnolingvističeskij aspekt*. Moskva: Indrik, 2019.
- Valencova Marina. „Moravskaya i silezkaya demonologiya v cheshsko-slovackom kul'turnom areale“. *Slavica Slovaca* 52/2 (2017): 122–132.
- Valencova Marina. „Moravskaya demonologicheskaya leksika“. *Slavyanskij al'manah* 1–2. Moskva: Indrik, 2018: 234–260.
- Valodzina Tacyana. „Golobaba“. *Mifalogiya belarusaŭ. Encyklopedychny sloŭnik*, Minsk, 2011.
- Vinogradov Georgij S. *Etnografiya detstva i russkaya narodnaya kul'tura v Sibiri*. Moskva: Vostochnaya literatura RAN, 2009.
- Vinogradova Lyudmila, Levkievskaya Elena. *Narodnaya demonologiya Poles'ya. Publikacii tekstov v zapisyah 80–90-ih gg. XX veka*. T. II. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 2012.
- Vlasova Marina. *Russkie sueveriya. Enciklopedičeskij slovar'*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 1998.
- Vlasova Marina, Zhekulina Valentina. *Tradicionnyj fol'klor Novgorodskoj oblasti: skazki, legendy, predaniya, bylichki, zagovory (po zapisyam 1963–1999)*. Vyp. II. Sankt-Peterburg: Aletejya, 2001.
- Vostrikov Oleg. *Tradicionnaya. kul'tura Urala: etnoideograficheskij slovar' russkih govorov Sverdlovskoj oblasti*. Vyp. 1–5. Ekaterinburg: Sverdlovskij oblastnoj Dom fol'klora, 2000.
- Vukanović Tatomir. *Srbi na Kosovu* II. Vranje: Nova Jugoslavija, 2001.
- Vukanović Tatomir. *Enciklopedija narodnog života, običaja i verovanja u Srba na Kosovu i Metohiji*. Beograd: Vojnoizdavački zavod — VERZALpress, 2001.
- Weiss Peter. *Slovar govorov Zadrečke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami*. Pokusni svezek. Ljubljana: Založba ZRC, 1998.
- Zajceva Natal'ya. *Mifologicheskaya leksika v cheshskom i slovackom yazykah*. Dissertaciya. Minsk: Belorusskij univesitet, 1975.
- Zlatanović Momčilo. *Rečnik govora južne Srbije*. Vranje: Učiteljski fakultet, 1998.
- Zlatković Dragoljub. „Frazеologija straha i nade u pirotskom kraju“. *Srpski dijalektološki zbornik* XXXV. Beograd: SANU, 1989.

Ljubinko Radenković

SLAVIC MYTHOLOGICAL CHARACTERS FOR FRIGHTENING CHILDREN

Summary

The traditional raising of children among the Slavic peoples actively utilized frightening — among other things using mythological characters. These characters, unlike mythological beings, have minimal features. Most commonly their appearance is undefined and is not indicative of where they live and when they are active. The image is created that they are always near the child and always prepared to punish it if it is disobedient. According to this study, the language and folklore of the Slavic people contains no less than 200 such characters. In this function, on one hand, they overlap with certain animals (most commonly the bear, wolf and bugs) and foreigners (Gypsies, Turks, Tatars), and on the other with mythological beings (rusalka, vodyanoy, house spirit, devil). An overview of the names of mythological beings used to frighten children in Slavic languages, take from folklore and lexical sources, shows that the only commonalities are the names formed using the base **ba-/*bo-/*bu-*, or root **bab-*, **bob-*, **bub-*. All the others have a more or less regional distribution. Also common are the predicates, which convey the menacing activity of the mythological characters, aimed at the child, if it is disobedient, such as: *catch, drag away, eat*.

In addition to its function of pacifying children, frightening represents one of the cultural mechanisms that at an early age impose on children the semantics of space and time, as well as desirable forms of social conduct.

Key words: fear, children, mythological characters, lexicology, Slavic folk culture.

Галина Кабакова
Университет Сорбонна
galina.kabakova@sorbonne-universite.fr

Galina Kabakova
The Sorbonne University
galina.kabakova@sorbonne-universite.fr

«ДОРОЖНАЯ» ЕДА В ТЕРМИНОЛОГИИ И ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

NOMADIC FOOD IN THE TERMINOLOGY AND TRADITIONAL REPRESENTATIONS (END OF THE 19TH AND BEGINNING OF THE 21TH CENTURY)

Мы анализируем некоторые виды пищи, предназначенной для потребления на рабочем месте и/или в дороге, а также связанные с ними представления, включая апотропейные. Более старые источники касаются крестьянской пищи во время полевых работ с учетом специфических условий потребления (сложность приготовления и разогрева, хранения). В XX веке преобладающим типом еды на вынос становится еда рабочих, особенно горняков. Меню подобной пищи значительно варьируется в зависимости от времени и социально-профессиональной среды. Кроме того мы выделяем ряд типичных номинационных моделей, проявляющих статус и семантику этой еды.

Ключевые слова: антропология питания, кочевая еда, традиционные представления о питании, диалектная лексикография.

We analyze some types of food intended to be consumed on the workplace and/or on the road and several related representations, including apotropaic. Older sources focus on peasant food consumed during field work with the requirements specific to working conditions (difficulty of cooking and reheating, keeping cool). In the 20th century, the dominant type of nomadic food becomes the workers' one, especially miners.

The menu of the transportable meal varies considerably according to the time and socio-professional environment. We highlight a number of typical nomination models that clarify the status and semantics of this food.

Key words: anthropology of food, nomadic food, food's traditional representations, dialectal lexicography.

«Дорожная» еда, домашняя еда «на вынос» до сих пор мало привлекала внимание исследователей, хотя с конца XIX века она упоминается в этнографических монографиях. В качестве источников я использую тексты,

относящиеся к разным жанрам: эго-документы, этнографические описания, художественные тексты, публикации в прессе и социальных сетях. Важным источником для реконструкции семантики еды «на вынос» представляется диалектная и профессиональная лексика, содержащаяся в диалектных словарях и словарях жаргонов.

О какой еде на вынос пойдет речь? Этот термин охватывает всякую прежде всего домашнюю пищу, приготовленную для потребления вне дома. Меня будет интересовать еда, потребляемая в рабочей ситуации, а также в пути. При этом существенным представляется различие между едой крестьянской и едой рабочих, причем наиболее маркированной оказывается категория шахтеров. В их случае еда, предназначенная для потребления на рабочем месте, может быть и не домашнего приготовления.

Для начала обратимся к способам приготовления, транспортировки и хранения подобной еды. По большей части она бывает уже готова к употреблению, а в других случаях подлежит дальнейшей дополнительной обработке на месте. Еда на вынос в принципе мало отличается от еды, потребляемой дома. Но она должна переносить транспортировку, поэтому предпочтение отдается уже готовым продуктам: хлебу и иной выпечке, вареным яйцам, салу, маслу, колбасе и под., овощам вроде лука, огурцов, вареному картофелю, в качестве напитков — молоку, квасу, воде, чаю. Подобное минимальное меню могло дополняться блюдами, приготовленными на месте, в поле, в лесу, в дороге из принесенных из дома продуктов. Так, на Русском Севере готовили *болтушку* — разведенное водой толокно, т. е. овсяную муку (Щепанская 2003: 130). При этом у разных категорий населения складывались разные традиции питания вне дома: в Верхнем Приобье сибиряки-старожилы варили супы или кашу в отличие от новых переселенцев из Европейской части России, которые обходились только готовыми продуктами (Майничева 1999). В летнее время полевая еда, принесенная с собой или сваренная на месте, дополнялась дарами природы: ягодами, березовым соком, выловленной в реке рыбой.

При отборе еды предпочтение отдавалось той, которая могла выдерживать многочасовое, если не многодневное путешествие, даже если при этом снижались ее вкусовые качества. Например, поморы брали с собой на дальние промыслы пресный хлеб, который быстро черствел, но не портился. Или же на Севере, в Архангельской, Новгородской губерниях, в Карелии в путь брали *солоники*, пироги с солью, которые не так сильно замерзали (СРНГ 39: 298).

Наибольшее разнообразие представляет собой выпечка, предназначенная специально в дорогу. На Русском Севере и Урале это были хлебцы из кислого теста, из ржаной, овсяной или ячменной муки, блины из ячной муки, пирожки или булки без начинки (ЛКТЭ). Иногда выбор блюда определялся временем года, т. е. условиями хранения. Например, пироги с начинкой из рыбы, курятины и подобного давались в дорогу только в холодное время года.

Блюда, предназначенные для питания в дороге, могли подвергаться дополнительной обработке, удлиняющей сроки хранения. Из картофеля (костром.) или толокна (Карелия) делали шарики и пекли их в духовке или жарили на сковородке (ЛКТЭ; Щепанская 2003: 129–130). Если в доме было мясо, то его брали в жареном, тушеном и вяленом виде (Майничева 1999). Система особой заготовки продуктов в дорогу была хорошо разработана в Сибири с ее специфическими климатическими условиями. Именно здесь техника замораживания применялась повсеместно. Так заготавливались впрок излишки молока и сливок, которые можно было затем хранить в течение месяца и размораживать по мере надобности. В некоторых семьях в парное молоко предварительно добавлялись яйца (городское население Сибири) (Авдеева-Полевая 1990: 30). Другими типичными продуктами, которые брали с собой в путь, были мороженые пельмени, мороженая вареная картошка.

Наряду с замораживанием использовалась и техника обезвоживания, призванная не только способствовать долгому хранению, но и уменьшать объем и вес продукта. Поэтому в дорогу сушили сухари, баранки, вялили и коптили рыбу, колбасу, в новое время — кур (Щепанская 2003: 129). Были и специфические локальные рецепты, известные определенной профессиональной группе: так охотники перемешивали, а затем высушивали самые разные продукты, которые были в их распоряжении: мясо, творог, хлеб, соль. Называлось это *мурцовка*, т. е. крошево (от фр. *morceaux*). Это название в Архангельской области могли относить и к другой сухой пище, которую брали с собой в лес, например, к сухарям (ЛКТЭ), в Сибири это был медвежий жир, скатанный в колобок с сухарями. При этом некоторые продукты были под запретом. Так, например, ни на охоту, ни в дорогу не брали яйца (иркут.) (Афанасьева-Медведева 2014, 14: 159).

Семантика «кочевой» еды

В специфической терминологии еды, потребляемой в пути и по месту работы вне дома, можно выделить следующие смысловые группы:

1. еда: костр. *поедуха*, *поедушка* «еда, которую берут с собой в дорогу, на работу», яр. *поедушки* «еда, взятая в дорогу», арх. *сьеданка*, б. у. *сыть* (Ганцовская 2015; ЯОС 8: 40; СРНГ 43: 107, 179), сиб. *харч* «запас еды в дорогу», бурят. *харчево*, *харчец* «запас еды в дорогу, на охоту», енис. *харчевое* «еда, которую берут с собою в поле», ряз., брян., дон., рост., ворон., пск., ленингр., яр., новосиб. *харчи* «продукты питания, которые берут в дорогу, на работу», дон., новосиб., забайк. *харчи-марчи* «то же» (СРНГ 49: 333–334, 340–341);
2. доля, часть, порция еды: *паёк*, *пайка*, том. *выть* «съестные припасы, взятые в дорогу», костр. *повыток* «кусочек хлеба в виде перекуски» (Кабакова 2016: 351);

3. запас еды, приготовленный для употребления в будущем: яр., сиб. *припас* «пища, продукты, приготовленные в дорогу, на охоту» (СРНГ 31: 334), з.-сиб. *запас* «съестные припасы, взятые с собой на охоту, сенокос и т. п.» (СРГС 1–2: 201, СРНГ 10: 304);
4. перекус, дополнительный прием пищи: *перехватка* костр., твер. «еда, взятая в дорогу, на работу», печор. «завтрак, который берут с собой на работу», пск. «второй завтрак или обед, который съедают во время отдыха в поле, в пути», вят. *подобедник*, *подобедок* «еда для второго завтрака», арх. *паужна* «еда в поле, на сенокосе, перекус между завтраком и обедом», моск. *упряжка* «утренняя еда, завтрак во время полевых работ, который съедают в поле» (Кабакова 2016: 223, 410);
5. прием пищи: новосиб. *обед* «пища, взятая в дорогу» («Щас говорят: обед на поле взял, а раньше говорили то крошня, то походня, то запас»); сверд. *ужинка* «запасы пищи, собранные в дорогу», арх. *ужина*, *ужна* «запасаемые на время морского промысла съестные запасы», забайк., сиб. *ужина* «пища, которая берется в дорогу или на время промысла» (СРГС 2: 157; КЭИС; СРНГ 46: 338);
6. дорожная еда: *напутное*, *отъездное* «разного рода выпечка, которую берут в дорогу», волог. *путники* «пироги, которыми снабжают отъезжающего», арх., волог., ленингр., новг., вят., перм., мордов., ср.-урал. *попутник* «съестные припасы, приготовленные для дороги», ворон. *попутник* «пышка из сдобного теста, в дорогу», новг. *попутничек* «съестные припасы, приготовленные в дорогу», ц.-рус., арх. *дорожник* «хлеб, пирог, печенье, которые пекли в дорогу», *подорожники* «то же», пск. *дорожник* «каравайчик, испеченный в дорогу», карел. *дорожник* «еда, приготовленная в дорогу», арх. *дорожный*, *подорожный пирог*, волог. *подорожинка* «пирожок, испеченный в дорогу», арх., костр., вят. *подорожник* «пирог, другая снедь, приготовленная в дорогу», волог. *подорожники* «пироги, хлеб, картофель и т. п. съестные припасы, которыми снабжают отъезжающего в путь», том. *придорожник* «лепешка, хлебец, испеченные в дорогу»¹ (Кабакова 2016: 408–409, 422; Страхов 1991: 25–26; АОС 12: 50; КАОС; СРНГ 8: 136, 30: 19–20, 31: 194, 33: 154, ПОС 9 : 169.); новг. *подорожники* «печенье из пресного теста, с начинкой из картофеля», ворон. *подорожник* «квадратная булочка из кислого теста, в дорогу», кур. *подорожник* «пирожок, булка, взятая в дорогу», свердл. *подорожные* «домашняя стряпня в дорогу» (СРНГ 28: 155; Хильманович 2017: 227), новг. *посашки* «дорожная еда» (НОС 8: 46, 137), новосиб. *походня* «еда, взятая в поле или в дорогу», ср. также арх. *напроход* «в запас

¹ «Колобочки, колачи, шанги — это, по-деревенски, подорожники» (Ильинская 1998: 273).

- на дорогу», твер. *на понос* «то же» (СРГС 2: 157; СРНГ 20: 104, 30: 358; Селигер 5: 23);
7. принесенная с собой еда: твер. *ссобойка* «кушанье, взятое с собой на работу (покос, пашню и т. д.)»; *еда с собой* (жаргон дальнобойщиков) (СРНГ 40: 344. Селигер 7: 194);
 8. взятая с собой еда: арх. *бранье* «вещи и пища, которые берутся с собой в дорогу» (СГРС 1: 142), пск. *заноска* «еда, которая берется с собой» (СРНГ 10: 284);
 9. чай: сиб. *чайвка* «перекус. состоящий из хлеба и кваса, который устраивают на сенокосе», *чалдонский чайник* «ужин в поле, на покосе» (от *чалдон* «русский старожил Сибири») (ФСРГС: 216);
 10. постная еда: перм. *посник* «полдник, который приносят с собой в поле» (СГП: 407);
 11. сухая еда: *сухой паек*, сверд. *сухой пай* (КЭИС), диал. *сухомятка* <<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2507586-pochemu-domashnij-obod-kotoryj-berut-na-rabotu-nazyvajut-tormozok.html>>;
 12. сваренная еда: ворон. *приварок* «вареная пища, приготовляемая в поле», перм. *завара* «охотничья еда из раскрошенных сухих шанег и горячей воды» (Карасева 2004; СРНГ 9: 296); краснояр. *припарок* «набор продуктов на работу», «паек шахтерам: бутерброды, два яйца, фрукты и конфеты» «немного вареного мяса, плюшка молока, зелень, лаваш» (ЯРГ);
 13. особая еда: волог. *собина*, *собинка* «что-л. испеченное специально для к-л в дорогу» (СРНГ 39: 157–158);
 14. разные виды выпечки: дон. *бурсак* «небольшой сдобный белый хлеб, который сушат в дорогу» (СРНГ 3: 297); волж. *кокурок* «пшеничные хлебцы, которые бурлаки брали с собой в дорогу» (СРНГ 14: 106), сверд. *пироженик* «дорожная пшеничная булка без начинки, вроде сайки» (КЭИС);
 15. емкость или место, куда сложена еда, и ее содержимое: твер. *сидорок* от *сидор* «вещмешок», «узелок с едой в дорогу», сверд. *куфтырь* «собранная в дорогу пища, завязанная в узелок», новосиб. *крошня* «пища, взятая в дорогу», урал. *запарушник* «кусочек хлеба, сверток с едой, положенный за пазуху в дорогу» (Селигер 7: 70; КЭИС; СРГС 2: 157; СРНГ 10: 304);
 16. пауза, остановка в работе: *тормозок* «еда, которая берется с собой в шахту», смол. *тормозок*, *тормосок* «запас еды, которую берут с собой» (например, в поле), твер. *тормозок*, «еда, взятая в дорогу, на работу», ленингр., арх., *шабашка* «еда, которая берется с собой в шахту, в поле» (Куликовский 1898: 135, ССГ 10: 192, ЯРГ, Селигер 7: 296);
 17. наполнитель: кемеров. *забутовка* «шахтерский обед», «набор продуктов на работу» (Карпов 2007); первое значение также относит-

- ся к горному делу: «заполнение пространства между крепью и вмещающими горную выработку породами»;
18. воз сена (по аналогии): карел. *оплень* «запас продуктов, сена в дороге» (СРНГ 23: 262);
 19. арх. *балагушки* «снесь, провизия, которую берут с собой в дорогу» (СГРС 1: 49).

Упоминание в названии еды на вынос того или иного продукта обязательно означает, что он там действительно присутствует. Сибирская традиция выделяет чай как главный маркер такой еды вне дома. В реальности *чаевка* — это скорее холодный «перекус», состоящий из хлеба и кваса, который устраивают на сенокосе. Точно так же и ужин, приготовляемый в полевых условиях, — *чалдонский чайник* — может включать либо чай, либо холодные напитки: «У нас *чалдонски чайники* были: молока принесут, сала, чайник али квасу-то надуются и работают» (ФСРГС: 216). Чай в таком случае означает идеальное меню, которое далеко не всегда доступно.

Некоторые названия вроде *перехватки* подчеркивают облегченный вариант приема пищи. Их «неполнота» выражается в отсутствии главного элемента — горячей жидкой пищи. Общелитературный *сухой паек*, урал. *сухой паек*; диал. *сухомятка* и перм. *посник* также указывают на отклонение от полноценного приема пищи. Сухая еда — это еда без горячего, как и *посник*, если принять во внимание такой глагол, как ворон. *постничать* «не готовить горячего, есть всухомятку» (Даль 1980, 3: 345). Но бывает, что приготовленная заранее пища разводится горячей водой, что и отражается в перм. *заваре*. Терминология часто подчеркивает и функциональное предназначение подобной еды: она должна быть съедена в дороге, пути, в путешествии (*путник, подорожник, походня*); она была взята (*бранье*), принесена с собой (*заноска, ссобойка*, последний термин, вероятно, пришел из Белоруссии).

Интересны в семантическом плане шахтерские термины: наиболее распространенный термин *тормозок*, который возник на Донбассе, вышел далеко за пределы угольных бассейнов, вытеснил прежние названия и относится сегодня к любой еде, принесенной с собой на охоту, в офис, в школу (ср. алтай. «Продукты на охоту — запас, а сейчас — тормозок» (СГРС 5: 71)). Успех термина, как представляется, связан именно с его семантикой замедления, паузы в рабочем ритме, ср. также глагол *тормознуть* «остановиться для перекуса». Отметим, что та же семантика остановки работы присутствует и в более локальном с.-рус. *шабашка*. Кроме того происхождение названия *тормозок* связывают и с постановкой транспорта шахтеров «на тормозок». Интересно, что семантика может осмысляться и как «перекуска»: «Как мне батя объяснял: тормозок — притормозить голод, но до конца не наестся» (<https://hodor.lol/post/24722>)². При этом шахтерский кон-

² На этой же странице предлагается еще одна народная этимология: «Слышал и другую версию от лесников и егерей. При перемещениях по дикой местности рюкзачок с обе-

текст, прозрачный для всех носителей, присутствует и в терминах, напрямую заимствованных из горного дела вроде *забуртовки*, и при описании процесса поглощения пищи: «Срубай полоску сала с зубком чеснока и закрепи, по кровле — огурчиком, по почве — ячком» (<http://miningwiki.ru/wiki/Тормозок>).

Суеверия, связанные с дорожной едой

Важнейшим элементом любой еды всегда был хлеб. При подготовке еды на вынос принималось во внимание время, которое должен был занять путь или работа. Количество хлеба выступало в таком случае мерилем времени, что нашло отражение во фразеологии. Пожелания «приготовь мне в две руки» и «в одну руку» относятся к разному запасу еды в зависимости от продолжительности поездки: «В две руки» готовят тогда, когда человеку предстоит длительный пеший переход по пересеченной местности и при этом человеку нужно нести большой груз. «Ну а “в руку” — это “не далеко бежать, всего-то до заимки”» <<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2507586-rochemu-domashnij-obed-kotoryj-berut-na-rabotu-nazyvajut-tormozok.html>>. При этом подозревают, что путешествие может оказаться более долгим, чем планировалось изначально. Отсюда и совет путешественнику: «Едешь на день, а хлеба бери на неделю» (вариант: «а припасов бери на неделю»), «Иди в море на неделю, а хлеба бери на год» и «Хлеб в пути не тягость» (Мокиенко, Никитина 2007: 257, 552).

Поскольку хлеб являлся основой питания, он выступал метафорой всякой пищи и, шире, жизни. Именно поэтому связь между хлебом, путем и судьбой оказывается актуальной и сегодня. На Русском Севере известна примета, «если пироги хорошие испекутся в *подорожники*, то дорога гладкая будет» (волог.) (КСГРС; то же и в Архангельской области: АОС 12: 14), и наоборот, если *подорожник* (хлеб, шаньга, колбушек) выйдет плохо — будет плохая дорога (арх.) (КАОС).

Хлеб имеет не только прогностическую, но и апотропейную функцию. Так, при отправке в путь рекомендовали съесть хотя бы небольшой кусок хлеба (арх.) (Комарова 2011: 126). Хлеб и соль считались универсальным магическим средством защиты от зла и в пути, и в других обстоятельствах жизни. Магическую силу оберега можно было приумножить, произнеся соответствующий заговор: «Как к хлебу-соли ништо не прильнет, так бы и ко мне рабе Божьей (имя) ништо бы не прильнуло: ни уроки, ни призоры,

дом мешает, “тормозит”, нередко и приходится возвращаться на обед туда, где оставил “тормозок”». О большом семантическом потенциале термина свидетельствуют и новые значения: «взятка натурой» («А у нас еще “тормозком” называют взятку или благодарность в натуральной форме, не в деньгах — коньяк, конфеты, колбасу какую-нить эдакую, набор какой-нибудь продуктовый в кульке за какую-то услугу, вот помог в чем-то знакомый или знакомый знакомого, денег дать неудобно, так и называется — “за тормозок сделать”») (www.yaplakal.com → forum2 → topic1066438).

никакие слова» (арх.). Т. Щепанская в своей монографии о символизме дороги иллюстрирует мотив защитной силы хлеба воспоминанием из детства: кемеровская бабушка не отпускала ее и отца в дорогу без печения, которое она всегда готовила в дорогу. В результате гости опоздали на самолет, которому суждено было разбиться (Щепанская 2003: 111).

Особое магическое значение приписывается найденному на дороге хлебу (костр. *нахожий хлебушек*). Так, например, считается, что с его помощью можно найти потерявшуюся в лесу скотину (КСГРС). Или же *найдушный кусок* следует съесть, чтобы не болели зубы (арх.) (Страхов 1991: 79). Как справедливо считают польские этнологи И. и К. Кубяк, такой хлеб воспринимался как пришедший из потустороннего мира (цит. по: Страхов 1991: 79–80).

Связь между едой и удачей отражается и в запрете потреблять на промыслах пищу, которая является целью добычи. Среди охотников широко известно предубеждение против мяса, особенно дичи, взятого с собой на охоту. Оно, как считают, может отпугнуть всю дичь. Так же и среди рыбаков известен запрет есть рыбу на рыбалке под страхом вызвать гнев водяного хозяина (Щепанская 2003: 130).

Гостинец с дороги

Народная паремиология по-своему отражает традиционное восприятие походной пищи. Так, в Архангельской области было записано несколько вариантов поговорки «дорогой — дьк хлеп с вологой», «дорогой как с вологой», это означает, что в пути хлеб кажется вкуснее, чем за столом, и даже возникает впечатление, что ешь не просто хлеб, а со сдобой или горячей пищей (Воезеро, Курниково, Лимь Арх. обл. (КА)).

Но особый вкус и смысл она приобретала по возвращении домой, уже в новом качестве. Благодаря запасливости путника запасы дорожной пищи не всегда съедались целиком. Однако чаще еда «возвращалась» в дом сознательно, и предназначалась она детям. Такой обычаем объясняется прежде всего скудостью запасов пищи, которыми располагала семья, поэтому любая самая заурядная еда воспринималась как дар. Обычай пережил эпоху недоедания и голода и стал традицией приносить или привозить съедобный сувенир не только в сельской среде, но и в городской, куда она, по-видимому, пришла из деревни.

Он нашел отражение и в литературе XX века, где такой гостинец с дороги связан прежде всего с драматическими эпизодами советской истории: войной, коллективизацией. Но рассказ о нем может приобретать и ностальгическую окраску как память об отце и счастливых событиях детства, ср.:

«Заячий хлеб-это **ссобойка** отца, проношенная в рюкзаке целый день, а то и два...частично съеденная, частично водкозакушенная... пахнущая ветром и ружейным маслом, рюкзаком, но такая вкусная...эта настоящая охотничья еда.

Теперь у меня растет такой же карапет, и моя **ссобойка** не кажется ему привлекательной... Наверное этому способствует огромное количество мест общественного питания и придорожного сервиса (поэтому берешь минимум, так закусить), но привет от зайца я все таки ему приношу, правда чаще всего он выражен в шоколадных батончиках и чипсах, но как он ему рад» (http://terentyevvladimir.ru/?page_id=761).

Такой хлеб, выпечка или в современных условиях иная сладость описывается как подарок из леса, присланный лесным зверем, реже деревом:

- зайцем: перм., урал. *заячьи гостинцы* «привезенные обратно домой взятые в дорогу съестные припасы» (СРНГ 11: 206), *заячий хлеб, хлеб от зайчика, пирожки зайчика, зайчик гостинец передал, лопухий передал, привет от зайчика, подарочек от зайца*;
- лисой: *лисичкин хлеб*, волог. *лисичкин гостинец* «подарок, принесенный, привезенный издалека» (Мокиенко, Никитина 2007: 159), *лисичкин гостинец, гостинчик* «остатки от еды, взятой в поле, привозимые назад в качестве гостинца детям» (БТСДК: 116); арх. *от лисицы гостинцы, лиса послала* «о продуктах, взятых с собой в лес или на покос и принесенных обратно» (КСГРС); *лисичка принесла, лисичка-рыжехвостка передала* «о хлебе с маслом и сахаром, принесенном отцом-егерем из леса»; ср. «это я домой шла, зайчика встретила, просил тебе передать» (I);
- волком;
- белкой;
- ежом;
- барсуком;
- енотом;
- куропаткой: *подарочек от куропатки*;
- рыбками;
- елью: костр. *тетка-елка послала* «о гостинце, который приносили родители детям из леса» (ЛКТЭ);
- березой: горьк. *березин гостинец* «остатки съестного после дальней дороги, которые предлагаются детям» (Мокиенко, Никитина 2007: 159);
- сосной: арх. *сосенка госьтинец передала* «остаток хлеба, принесенный из лесу» (КАОС).

Таким образом самый обычный хлеб и иные столь же заурядные продукты приобретают особую смысловую нагрузку уже в силу того, что покидают пространство дома и перемещаются в заведомо враждебное внешнее пространство, которое придает еде некий дополнительный магический смысл.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева-Полевая Екатерина. «Записки и замечания о Сибири». *Записки иркутских жителей*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990.
- АОС — *Архангельский областной словарь*. Москва: МГУ, 1980—. Т. 1—.
- Афанасьева-Медведева Галина. *Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири*. Санкт-Петербург: Наука, 2007—. Т. 1—.
- БТСДК — *Большой толковый словарь донского казачества*. Москва: АСТ, 2003.
- Ганцовская Нина. *Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи*. Кострома — Москва: КГУ им. Н. А. Некрасова — Книжный клуб Книговек, 2015.
- Даль Владимир. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Изд. 2-е. Т. 1—4. Санкт-Петербург — Москва, 1880—1882 [Фотомеханическое воспроизведение:] Москва: Русский язык, 1978—1980.
- Ильинская Наталья. *К проблеме системных отношений в лексике. Лексико-семантическая группа «Выпечные изделия» в архангельском диалекте (семантический и лингвогеографический аспекты)*. Москва, 1998.
- КА — Каргопольский архив лаборатории фольклористики РГГУ (Москва).
- Кабакова Галина. *Русские традиции застолья и гостеприимства*. Москва: Неолит, 2016.
- КАОС — Картоoteca Архангельского областного словаря (МГУ, Москва).
- Карасева Татьяна. *Названия пищи в воронежских говорах (этнолингвистический аспект)*. Автореф. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.
- Карпов В. «Уголь и слезы». *Труд-7* 24.03.2007.
- Комарова Валерия. «Приметы и запреты, связанные с хлебом на Русском Севере». *Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда*. Санкт-Петербург: Алетей, 2011.
- КСРГС — Картоoteca словаря русских говоров Севера (Кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета (УрФУ), Екатеринбург).
- Куликовский Герман. *Словарь областного олонецкого наречия, в его бытовом и этнографическом применении*. Санкт-Петербург: издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1898.
- КЭИС — Картоoteca этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области (Кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — Лексическая картоoteca Топонимической экспедиции УрФУ (Кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Майничева Е. «Питание сибиряков-старожилов Верхнего Приобья. Первая треть XX в.». *Сибирская заимка*. 1999 (<http://zaimka.ru/mainicheva-russians>).
- Мокиенко Валерий, Никитина Татьяна. *Большой словарь русских поговорок*. Москва: Олма Медиа Групп, 2007.
- НОС — *Новгородский областной словарь*. Вып. 1—12. Новгород: Издательство Новгородского пединститута, 1992—2000.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1967—. Т. 1—.
- СПП — Иванова (Войтенко) Анастасия. *Словарь говоров Подмосковья*. Москва: Издательство МОПИ им. Н. К. Крупской, 1969.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001—. Т. 1—.
- Селигер — *Селигер: Материалы по русской диалектологии*. Т. 1—8. Под ред. А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2003—2020.
- СРГС — *Словарь русских говоров Сибири*. Т. 1—5. Новосибирск: Наука, 1999—2006.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Москва — Ленинград: Наука, 1965—. Т. 1—.
- ССГ — *Словарь смоленских говоров*. Смоленск: Смоленский педагогический институт им. Карла Маркс, 1974—. Т. 1—.
- Страхов Александр. *Культ хлеба у восточных славян*, München: VERLAG OTTO SAGNER, 1991.
- ФСРГС — *Фразеологический словарь русских говоров Сибири*. Новосибирск: Наука, 1983.
- Хильманович Галина. *Словарь курских народных говоров*. Бирск, 2017.

- Щепанская Татьяна. *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв.* Москва: Индрик, 2003.
- ЯОС — *Ярославский областной словарь*. Т. 1–10. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.
- ЯРГ — *Языки русских городов*. Под ред. канд. филол. наук В. И. Беликова. © АBBYY Software, 2006.

REFERENCES

- Afanas'eva-Medvedeva Galina. *Slovar' govovor russkih starozhilov Bajkal'skoj Sibiri*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2007–. Т. 1–.
- AOS — *Arhangel'skij oblastnoj slovar'*. Moskva: MGU, 1980–. Т. 1–.
- Avdeeva-Polevaya Ekaterina. «Zapiski i zamechaniya o Sibiri». *Zapiski irkutskih zhitelej*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoje knizhnoje izdatel'stvo, 1990.
- BTSDK — *Bol'shoj tolkovyj slovar' donskogo kazachestva*. Moskva: AST, 2003.
- CGRS — *Slovar' govovor Russkogo Severa*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001–. Т. 1–.
- Dal' Vladimir. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Izd. 2-e. Т. 1–4. Sankt-Peterburg — Moskva, 1880–1882 [Fotomekhanicheskoe vosproizvedenie:] Moskva: Russkij yazyk, 1978–1980.
- FSRGS — *Frazeologicheskij slovar' russkih govovor Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1983.
- Hil'manovich Galina. *Slovar' kurskih narodnyh govovor*. Birk, 2017. Gancovskaya Nina. *Slovar' govovor Kostromskogo Zavolz'ya: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi*. Kostroma — Moskva: KGU im. N. A. Nekrasova — Knizhnyj klub Knigovek, 2015.
- Il'inskaya Natal'ya. *K probleme sistemnyh otноshenij v leksike. Leksiko-semanticheskaya grupa «Vypechnye izdeliya» v arhangel'skom dialekte (semanticheskij i lingvoгеографический aspekty)*. Moskva, 1998.
- KA — Kargopol'skij arhiv laboratorii fol'kloristiki RGGU (Moskva).
- Kabakova Galina. *Russkie tradicii zastol'ya i gostepriimstva*. Moskva: Neolit, 2016.
- KAOS — Kartoteka Arhangel'skogo oblastnogo slovarya (MGU, Moskva).
- Karaseva Tat'jana. *Nazvaniya pishchi v voronezhskih govorah (etnolingvистический aspekt)*. Avtoref. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2004.
- Karpov V. «Ugol' i slezy». *Trud-7* 24.03.2007.
- KEIS — Kartoteka etnoideograficheskogo slovarya russkih govovor Sverdlovskoj oblasti (Kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznanija UrFU, Ekaterinburg).
- Komarova Valeriya. «Primety i zaprety, svyazannye s hlebom na Russkom Severe». *Kody povsednevnosti v slavyanskoj kul'ture: eda i odezhda*. Sankt-Peterburg: Aletejya, 2011.
- KSRGS — Kartoteka slovarya russkih govovor Severa (Kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznanija Ural'skogo federal'nogo universiteta (UrFU), Ekaterinburg).
- Kulikovskij German. *Slovar' oblastnogo oloneckogo narechija, v ego bytovom i etnograficheskom primenenii*. Sankt-Peterburg: izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk, 1898.
- LKTE — Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspedicii UrFU (Kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznanija UrFU, Ekaterinburg).
- Majnicheva E. «Pitanie sibirjakov-starozhilov Verhnego Priob'ya. Pervaya tret' XX v.». *Sibirs-kaya zaimka*. 1999 (<http://zaimka.ru/mainicheva-russians/>).
- Mokienko Valerij, Nikitina Tat'jana. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok*. Moskva: Olma Media Grupp, 2007.
- NOS — *Novgorodskij oblastnoj slovar'*. Vyp. 1–12. Novgorod: Izdatel'stvo Novgorodskogo ped-instituta, 1992–2000.
- POS — *Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi*. Leningrad: Izdatel'stvo Lningrad-skogo universiteta, 1967–. Т. 1–.
- Seliger — *Seliger: Materialy po russkoj dialektologii*. Т. 1–8. Pod red. A. S. Gerda. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2003–2020.
- SGP — Ivanova A. F. *Slovar' govovor Podmoskov'ya*. Moskva: Izdatel'stvo MOPI im. N. K. Krupskoj, 1969.

- Shchepanskaya Tat'yana. *Kul'tura dorogi v ruskoj miforitual'noj tradicii XIX-XX vv.* Moskva: Indrik, 2003.
- SRGS — *Slovar' russkih govorov Sibiri.* T. 1–5. Novosibirsk: Nauka, 1999–2006.
- SRNG — *Slovar' russkih narodnyh govorov.* Moskva — Leningrad: Nauka, 1965–. T. 1–.
- SSG — *Slovar' smolenskih govorov.* Smolensk: Smolenskij pedagogicheskiy institut im. Karla Marksa, 1974–. T. 1–.
- Strahov Aleksandr. *Kul't hleba u vostochnykh slavyan,* München: Verlag Otto Sagner, 1991.
- YAOS — *Yaroslavskij oblastnoj slovar'.* T. 1–10. Yaroslavl': YAGPI im. K. D. Ushinskogo, 1981–1991.
- YARG — *Yazyki russkih gorodov.* Pod red. kand. filol. nauk V. I. Belikova. © ABBYY Software, 2006.

Галина Кабакова

«ПУТНА» ХРАНА У ТЕРМИНОЛОГИЈИ И ТРАДИЦИОНАЛНИМ ПРЕДСТАВАМА
КРАЈЕМ XIX — ПОЧЕТКОМ XXI ВЕКА

Резиме

Анализирамо неке типове хране, намењене употреби на радном месту и/или у путу, као и представе повезане с њима, укључујући и апотропне. Старији извори тичу се сељачке хране за време пољских радова, с тим што се узимају у обзир специфични услови њене употребе (сложеност њене припреме и подгревања, чувања). У XX веку доминантни тип хране «за понети» постаје храна радника, посебно рудара. Мени овакве хране прилично варира у зависности од времена и социјално-професионалне средине. Осим тога, издвајамо низ типичних номинационих модела, који објашњавају статус и семантику ове хране.

Кључне речи: антропологија исхране, номадска храна, традиционалне представе о исхрани, дијалектичка лексикографија.

Анатолій Загнітко

Донецький національний університет імені Василя Стуса
Український мовно-інформаційний фонд
Національної академії наук України
a.zagnitko@donnu.edu.ua

Anatoly Zagnitko

Vasyl' Stus Donetsk National University
Ukrainian Lingua-Information Fund
of NAS of Ukraine
a.zagnitko@donnu.edu.ua

ПРИЙМЕНИКОВО-ПРОСТОРОВА СЕМАНТИКА В СУЧАСНИХ ІНТЕРПРЕТАЦІЯХ: ГРАМАТИЧНИЙ І ЛЕКСИКОГРАФІЧНИЙ ВИМІРИ

PREPOSITIONAL AND SPATIAL SEMANTICS IN MODERN INTERPRETATIONS: GRAMMATICAL AND LEXICOGRAPHIC DIMENSIONS

У статті систематизовано еволюцію поглядів на прийменник та їх кваліфікацію у формальному (формально-граматичному), семантичному, функційно-комунікативному, функційно-когнітивному вимірах із зосередження уваги на прийменниково-просторовій семантиці, яку визначено як первинну та ієрархічно вершинну у функційно-когнітивному та функційно-комунікативному вимірах. Просторова семантика формує ядро прийменникової системи, її поступова редукція (\leftrightarrow втрата) зумовлює витворення функційно цілісних сполук слів, у яких приприйменниковий компонент граматизується та постає актуалізатором просторового параметру — глибини, довжини, ширини, висоти, а первинна предметна семантика нейтралізується, залишається лише формально-граматичний зміст. Запропоновано лексикографічний профіль прийменника просторової семантики.

Ключові слова: прийменник, прийменникова одиниця, прийменниково-просторова семантика, реченнєвий специфікатор, приприйменниковий компонент, придієслівна позиція, прийменниковий профіль.

The article systematizes the evolution of views on prepositions and their qualifications in formal (formal-grammatical), semantic, functional-communicative, functional-cognitive dimensions with a focus on prepositional-spatial semantics, which is defined as a primary and hierarchically apical in functional-cognitive and functional-communicative dimensions. Spatial semantics forms the core of the prepositional system, its gradual reduction (\leftrightarrow loss) determines the creation of functionally integral junctions of words, in which

the prepositional component is grammaticalized and appears as an actualizer of the spatial parameter — depth, length, width, height, and the primary subject semantics is neutralized, only the formal grammatical content remains. A lexicographic profile of the preposition of spatial semantics is proposed.

Key words: preposition, prepositional unit, prepositional-spatial semantics, speech specifier, prepositional component, preverb position, prepositional profile.

0. Прийменник у його класичному та сучасному розуміннях зберігає основну тяглість у кваліфікації: 1) частиномовного статусу (службового, неповнозначного, несамостійного і т. ін.); 2) функційного навантаження в синтаксичних одиницях — від елементарної (синтаксичне слово, синтаксема) до словосполучення, речення, тексту, дискурсивних практик; 3) актуалізаційних вимірів різних відношень — об'єктних, атрибутивних, суб'єктних та ін. Не менш проблемним залишається й визначення граматичності й семантичності прийменникових одиниць, встановлення шляхів поповнення прийменникової системи та простеження регулярності і/чи обов'язковості сполучуваності з дієслівними (у постпозиції) та іменниковими (у препозиції і/чи постпозиції) елементами. Зміна лінгвістичних парадигм (елементно-таксонімічної (дососюрівської), системно-структурної (сосюрівської), когнітивно-функційної (постсосюрівської)) щоразу активізує спроби переосмислення статусу прийменника, розглянути його не лише в суто формально-граматичному вимірі, а й скваліфікувати стилістичне закріплення й навантаження в дискурсивних практиках (функційно-комунікативний підхід), виявити синтаксемнотвірний потенціал (семантико-синтаксичний аналіз), визначити можливості структурування й концептуалізації довкілля (функційно-когнітивний погляд), розкрити текстотвірний статус (лінгвотекстовий аналіз) і под. Сучасне розуміння прийменника загалом та одиниць прийменниково-просторової семантики зокрема вимагає осмислення загальних підходів до його кваліфікації та відносної систематизації поглядів.

1. Еволюція підходів до розгляду прийменника в її системному узагальненні передбачає виокремлення декількох етапів¹, з-поміж яких значущими постають: 1) кваліфікація прийменника як «частини слова людського» (Аристотель); 2) віднесення прийменників до несамостійних частин мови (у М. В. Ломоносова (1952) самостійними, чи повнозначними, були лише іменник і дієслово, а прийменник у його інтерпретації охоплює й сучасні власне прийменники (непохідні — їх 19 (за Конюшкевич 2007: 14–19), і префікси (подібно і в Востокова 1980: 115); 3) розуміння прийменника як формального слова без власного значення, що реалізує функцію «зв'язки об'єкта» (Потебня 1985: 36) чи суто формального класу слів (Шахматов 1941: 504), які не мають фразового наголосу, а лише поєднують два слова чи дві

¹ У статті не робиться спроба виділення історично змінюваних підходів до тлумачення прийменника, оскільки подібне завдання вимагає окремого розгляду.

групи слів «у синтагму (найпростіше синтаксичне ціле)» та виражають відношення означуваного до означувального (Щерба 1974: 77–100); 4) диференціювання у применників прямого й переносного значень (Востоков 1980: 115); 5) встановлення спроможності применника додавати певний відтінок у значення слів і словосполучень (Пешковський 2001: 66). Водночас О. М. Пешковський наголошує, що в складі применниково-відмінкової форми (*ключ от замка*) применник постає як «один складний звуковий показник граматичного значення, який частиною увійшов до складу одного із поєднаних слів (*замк-а*), а частиною припав до нього як службовий (*от замка*)» (2001: 59); 6) розгляд синтаксичного статусу применників, за яким вони є «частками речення» з основним призначенням бути «зв'язкою додатків та обставин з іншими частинами речення. Керувати відмінками — це прямий обов'язок применників, у цьому їхнє покликання. До цієї ролі також підлаштовується їхнє лексичне значення, постаючи лише способом вираження відомих відношень» (Овсянико-Куликовський 1902: 218); 7) характеристика применників як слів із власним лексичним значенням (Кучеренко 2003: 202–204); 8) кваліфікація применника як відмінкового форманта (Мещанінов 1978: 357) з наголошенням, що «синтаксично ні сполучники, ні тим паче применники ніколи не займають самостійної позиції й ніколи не можуть бути самостійним членом речення чи його складником із власним цілісним лексико-синтаксичним змістом» (Там само: 357), тому вони «ніколи не були й не могли бути частинами мови» (Там само: 357); 9) розуміння применника як особливої морфеми (автор концепції Є. Курилович 2000: 187) з розглядом у морфологічному, синтаксичному та словотвірному статусі. У межах цього підходу вагомими є напрацювання І. Р. Вихованця (1984), В. М. Русанівського (1981: 9–20) та ін. Для Д. М. Шмельова применник у структурі применниково-відмінкових сполук «є чинником граматичного оформлення іншого слова, поряд з афіксами» (1973: 60), а Ю. С. Степанов вважає применник «довгою перервною морфемою», що дає змогу аналізувати його спільно із закінченням як функційно цілісну, аналітичну відмінкову форму і в цьому разі роль применника тотожна закінченню (1968: 39). Посилювальним чинником аналізованого підходу є те, що применник набуває власного значення лише в структурі синтагм, тобто в поєднанні з повнозначним словом, що свідчить про його а) аналітичність; б) семантичну похідність (значення є синтагмально похідним); в) конструктивне підпорядкування (пор.: Садирова 2014: 16)). Функційно-синтаксичний підхід покликав до життя поняття граматичної лексеми, яку потрібно витлумачувати як парадигмальну видозміну іменника з її відповідним використанням у тій чи тій синтагмі, конструкції, де применник позначає певні відношення; 10) кваліфікація применника з опертям на мовносоцімну об'єктивну й суб'єктивну стихію, що дає змогу розкрити мережу парадигмальних відносин у межах применникового функційно-граматичного поля, сформувалася на межі ХХ і ХХІ століть. «Системні зв'язки між применниками формують граматику применника

як частини мови, яка, поряд із парадигматикою, охоплює й різноманітні аспекти функціонування прийменників у дискурсі» (Виноградова 2018: 230). Усталення концептуальних засад функційно-граматичного та функційно-комунікативного підходів до аналізу прийменникових одиниць відбулося в рамках міжнародного наукового проєкту «Слов'янські прийменники в синхронії та діахронії: морфологія і синтаксис» (автор ідеї М. В. Всеволодова), що стало підґрунтям для створення низки новітніх словників прийменників та їхніх аналогів (еквіпрійменників) окремих слов'янських мов (білоруської — М. І. Конюшкевич (2008–2010); української — А. П. Загнітко (2007), російської — М. В. Всеволодова, К. М. Виноградова, Т. Є. Чаплигіна (2018), польської — Ч. Ляхур (Lachur 2019) та ін.).

У межах окреслених підходів розглядали прийменник більшість лінгвістів. Так, наприклад, В. В. Виноградов вважав прийменники частками мовлення, основною функцією яких є вираження просторових, часових, причинових, цільових, присвійних, обмежувальних та інших відношень між об'єктами, а також відношень об'єктів до дії, станів і якостей (1947: 677; 2001: 555–576). Такий погляд, очевидно, мав опертям підхід О. Есперсена (його праця «The Philosophy of Grammar» побачила світ у 1924 році), для якого прислівники, прийменники, сполучники й вигукі є частками (1958: 76) з наголошенням, що граматику розглядає питання про вираження прийменниками перебування у певному місці або ж рух (віддалення чи наближення), питання про взаємовідносини між локальними й часовими значеннями того самого прийменника (Есперсен 1958: 25). Лінгвіст покликається на твердження Г. Шухардта, піддаючи його певним сумнівам: «Існує лише одна граматику, яка називається наукою про значення, або, правильніше, наукою про позначення... і словник не містить нічого, чого б не було в граматиці; словник подає алфавітний покажчик до неї» (Hugo Schuchardt-Brevier, 127) цит. за (Есперсен 1958: 25)). Не менш показовим є визнання за прийменниками особливого семантичного характеру, який у більшості замкнений на синтаксис (Fonstreuter — Egerer-Moslein 1978), що ускладнює цілісний опис прийменника. Останній завжди виявлюваний в оточенні щонайменше двох функційно навантажених повнозначних елементів. Тому можна говорити про право- та лівобічний контексти прийменника, пор., наприклад: (1) *Грек дав мені шматок крейди і я **написав на камені** Приховане Ім'я* (В. Єшкілев, О. Гуцуляк) і (2) *Після артистів лишилися порожні корчаги од вина і **напис на камені** «Смерть фашистам!»* (М. Дочинець), де **написав** (→ на чому? + де?) **на камені** — об'єктні + локативні, **напис** (→ на чому? + де? + який?) **на камені** — об'єктні + локативні + атрибутивні. У (1) правобічний контекст виражений дієсловом активної валентності (**написав**), а лівобічний — іменником статичного простору (**камені**), що й відповідно зумовлює синкретизм відношень, наявність у (2) правобічного елемента (**напис**), що зберігає лексико-семантичну дієслівність твірного, й водночас формально-граматична предметність проєктує залежну атрибутивність.

2. Істотним є те, що в сучасній лінгвістиці простежується переосмислення різних поглядів на прийменник, що й дає змогу диференціювати: а) утрадиційнений формально-граматичний підхід з опертям на службовий статус прийменникових слів («розряд службових, морфологічно незмінюваних слів», «службова частина мови» (Всеволодова 2002: 14–25, Конюшкович 2008: 60–66), «синсемантичне слово» (Ляхур 2008: 76–79), частка мови (Виноградов 1947: 677; 2001: 555–576), «слівний знак» (Уфимцева 2020: 128–132), «зв'язкове слово» (Згулкова (Zgółkova 1980); б) новий лексично орієнтований, за яким прийменник є лексично повнозначним (Кучеренко 2003). Наголошуючи на лексичному значенні прийменника, розмежовують загальне й часткове значення, де перше корелює з кваліфікацією прийменника як просторового, темпорального та ін., а останнє — з тими елементами, що відмежовують один прийменник від іншого: *на* — *у(в)* — *під*, пор: (3) *Я згорнув аркуш удвоє і поклав на стіл* (Р. Андріяшик); (4) *Я поклав у траву цигарку і подивився на руки* (Р. Андріяшик); (5) *Горобенко повернувся горілиць і поклав під потилицю руки* (Б. Антоненко-Давидович), де в (3) — окреслення поверхні, у (4) — позначення внутрішнього простору, а в (5) — нижня межа простору; в) новітній аналітично синтаксичний, у якому підґрунтям є визначення прийменника як «аналітичної синтаксичної морфеми» (Вихованець 1984: 132), «класу службових морфологічно незмінюваних слів і класу фразеологізмів з релятивним (відносним) значенням» (Суровцева 2011: 120–126), «синтаксичної одиниці» (Урисон 2017: 36–55), «граматичного засобу» (Нагайцева 2015: 5–7); г) синергійний функційно-комунікативний та функційно-когнітивний зі встановленням функційного поля прийменника та ін.

Семантико-синтаксичний аналіз прийменника ґрунтований на розкритті його регулярності у валентнозумовлених і вільних позиціях та встановленні співвідносності з функційно-комунікативним навантаженням. Семантико-синтаксичний статус прийменника здебільшого пов'язаний через підпорядкування з вираженням тих чи тих відношень: (6) *В неділю він вичісувався, одягав нову чумарку, несміливо пробирався на крилас і співав з насолодою, закриваючи очі й викидаючи якісь свої заплутані колінця* (М. Івченко) — *в неділю* (фоновий темпоральний детермінант або специфікатор обов'язковий (за Мустайоки 2006: 356), *на крилас* (обов'язковий валентнозумовлений фінальний локатив), *з насолодою* (характеризувальний детермінант), Прийменник реалізує спільно з іменниково-відмінковим закінченням підпорядкування в синтаксичних формах мотивованого і/чи немотивованого керування, прилягання як виявах підрядного прислівного синтаксичного зв'язку: (7) *В неділю вичісувався, співав з насолодою, пробирався на крилас* — синтаксична форма прилягання. Прийменник семантично обтяжений у межах словосполучення й речення, виражаючи підпорядкування одного повнозначного слова іншому, пор.: (8) *Я сонно глипнув на замувану інєєм шибку, на язики снігу, надутого за ніч на підвіконня поміж трухляві рами* (Р. Андріяшик) (*глянув на* (опосередкованість сло-

восполученням PartN₄ → *замуровану інесм*) *шибку*; *глипнув на язики*; *надутого на підвіконня*; *надутого за ніч*; *надутого поміж рами*), де в конструкціях **на** + N₄ локативне відношення (→ куди?) нашаровується на первинне об'єктне (на що?). Обидва значення є субстанційними, з-поміж яких перше охоплює поверхню певного предмета, а друге — актуалізований предмет. У словосполученні ж *надутого поміж рами* (**поміж** + N₄) адлативне значення репрезентує простір всередині предмета, об'єктне ж — постає розмитим, імпліцитним, функційно (функційно-комунікативно) домислюваним. Значення прийменників у конструкціях **V_fPrep_{на/поміж}N₄** постає складником семантичної структури пропозиційного відмінка (Cook 1989: 182–191), що є обов'язковим валентнозумовленим компонентом і належить до глибинної реченнєвої структури. Такі конструкції репрезентують один із виявів позиційного силового поля прийменника. А в конструкції **на** + **Лос₆**, заповнюючи валентнозумовлену синтаксичну позицію суб'єкта, прийменник почасти реалізує локативну квазіфункцію з діатетичним зсувом: (9) *А далі й забули про нього на селі* (Б. Антоненко-Давидович). Діатетичний зсув зумовлений комунікативним рангом суб'єкта (↔ суб'єктний локатив) та особливостями ситуативно-прагматичної мотивації: прагненням учасника і/чи спостерігача називати або імплікувати суб'єкт, переміщуючи фокус уваги на його місцезнаходження (пор.: (Падучева 1997: 18–30). Подібні вияви прийменника мають опертям його функційно-комунікативний статус.

3. Просторово-прийменникову семантику потрібно розглядати в граматичному й лексикографічному вимірах. Здебільшого в різних дослідженнях (Вихованець 1984: 19–199) та граматиках (Вихованець — Городенська 2004: 330–331, 333–342), словниках (СУМ 11; СУМ 20) кількість просторових прийменників з урахуванням фонетичних та інших варіантів, а також одиниць, які виявляють прийменникову семантику лише в одному зі значень, варіюється від 40 до 150 й більше: *біля*, *близько*, *близько від*, *близько до*, *близько з*, *в/у*, *вглиб*, *вглибині* (у знач.), *вздовж/уздовж*, *від/од*, *відносно*, *впоперек/упоперек*, *впродовж/упродовж*, *вслід/услід* (у знач.), *вслід/услід за*, *до*, *довкола/довкіл*, *довкруг/довкруги*, *за*, *збоку* (у знач.), *збоку від*, *з боку*, *зверх*, *зверху*, *з-за*, *з-меж/з-між/з-межи*, *з-над*, *з-перед*, *з-під/із-під*, *з-поза*, *з-поміж*, *з-понад*, *з-попід*, *з-посеред*, *із ↔ з ↔ зі*, *із-за*, *з-поміж/із-поміж*, *з-проміж*, *зовні*, *зовні від*, *зсередини*, *к* (рідко), *кле* (заст.), *крізь*, *між*, *на*, *навздогін/наздогін*, *навколо* (у знач.)/*навкіл*, *навкруги/навкруг*, *навперейми*, *навпроти*, *навпроти від*, *над/наді/надо*, *навпроти/напроти* (у знач.), *назад*, *назад до*, *назустріч* (у знач.)/*навстріч*, *наперед*, *напереріз*, *напроти*, *нарівні*, *нарівні з*, *наперед*, *наспроти*, *на чолі*, *недалеко*, *недалеко від*, *неподалік*, *неподалік від*, *нижче*, *обабіч*, *обік*, *обіруч*, *обіруч від*, *обіч*, *обіч від*, *оддалік* (*віддалік*), *оддалік* (*віддалік*) *від*, *округ/округи*, *осторонь*, *осторонь від*, *паралельно*, *перед/переді/передо*, *перпендикулярно з*, *по*, *побіч*, *побіч з*, *поблизу/поблиз*, *поверх*, *повздовж/подовж*, *повище*, *поза*, *позад/позаду*,

поздовж, поміж/помежи, понад/понадо/понаді, понижче, поодаль, попереду, поперек, попід, попри, поруч, поруч з, посередині (третє значення), *посеред, починаючи від, праворуч, праворуч від, при, проз, проміж, просто, проти, серед, слідом за, спереду, спереду від, супроти, убік, убік від, убік до, у напрямі, у напрямі до, у напрямку, у напрямку до, уперек від, через* та ін. Уже побіжний погляд на перелік просторових прийменників свідчить про наявність з-поміж них первинних із широким семантико-синтаксичним і функційно-комунікативним діапазонами (*в/у, до, за, над, під, по, при* і под.) та вторинних, що внутрішньо диференційовані на інформативно недостатні й інформативно достатні. Перші охоплюють прийменники: а) неспіввідносні ні семантично, ні формально з будь-якою частиною мови, але з відчутним значеннєвим залишком мотивата (*крізь*); б) нерозкладні прийменниково-похідні одиниці, що постали внаслідок об'єднання двох і більше первинних (*з-за, з-меж/з-між, з-над/із-над, з-під/із-під, з-понад/із-понад, з-попід/із-попід, заради, поза/з-поза/із-поза, попід/попіді/понідо*).

Інформативно достатні просторові прийменники в загальному обсязі містять: 1) кореляти з морфологізованими прислівниками (*близько, вгорі/угорі, вглиб/углиб, вздовж/уздовж, вище, вповдовж/уповдовж, віддалік/оддалік/оддалеки, вперек/уперек, всередині/усередині, всупереч/усупереч, довкола/довкіль, напередодні, наприкінці, напроти/навпроти, недалеко, неподалік, нижче, обабіч, поблизу, поверх, позаду, попереду, спереду, супроти* та ін.); 2) іменниково-відмінкові адвербіати (*кінець, коло, край, круг, кругом* і под.); 3) прийменниково-іменникові адвербіати (*з → із боку, в/у → в/у глибині, в/у напрямі, в/у напрямку, в/у просторі* і т. ін.); 4) граматизовані прислівники з первинними прийменниками (*близько від, близько до, далеко від, в/у напрямі, в/у напрямку, збоку від, ліворуч від, побіч з/із/зі/зо, праворуч з, праворуч до* та ін.). Лексикографічне тлумачення детермінує рівень усталення прийменника з диференціюванням у *знач., у функції* та ін.

4. Аналізуючи увесь загал прийменників, І. Р. Вихованець вирізнив з-поміж них 137 просторових (1984: 218), а Г. С. Балабан доповнила склад директивних (адитивних) прийменників: *в/у напрямі від, в/у напрямку від, на шляху від, в/у дорозі з/із, на шляху до, прямуючи до, в/у дорозі до*, водночас склад локативних прийменників розширено за рахунок таких одиниць: *на теренах, в/у зоні (зонах), в/у районі (районах), в/у кордонах, в/у стінах, поза стінами, в/у сусідстві* (2007: 5–6). Л. А. Тарасевич, з опертям на фундаментальні граматики, нараховує в російській мові лише 44 просторові прийменники, а в німецькій — 39 (Тарасевич 2014: 41), що можна пояснити обмеженою фактологічною базою (пор., наприклад, спостереження М. В. Всеволодової (2012а; 2012b) та ін.). Цілком очевидно, що констатовані одиниці є нерівнорядними у функційно-когнітивному вияві. Якщо множина традиційно кваліфікованих прийменників (*в/у, вглиб/углиб, вище, за, на, нижче, по* та ін.) не викликає сумнівів у їх статусі засобів зв'язку (формально-граматичний рівень) та окресленні семантики в межах реалізова-

них відношень (семантико-синтаксичний рівень), то в іншій множині просторових приєменників потрібно диференціювати чотири основні групи: 1) слова, вжиті у значенні приєменників (*в/у напрямі від, в/у напрямку до, поодаль від, оподаль від* та ін.); 2) слова, що реалізують функцію приєменників (*поза межами, за межами* і под.); 3) аналоги приєменників (*з/із глибини від ... до, з/із висоти від ... до, з відстані від ... до, у/в межах проєкту, у/в рамках/рамах дослідження* і т. ін.); 4) слова з оказіональним приєменниковживанням (*на горизонті науки, на відстані сльози* і под.) (Загнітко 2007: 9–14). Приєменники просторової семантики постають досить активно поповнюваними за рахунок другого — третього різновидів, що у своїй сукупності становлять строкату множину. Для її цілісного розгляду загалом та кожної одиниці зокрема доцільно використати обґрунтоване поняття функційно-семантичного поля приєменника (Всеволодова 2012а; 2012b; Виноградова 2018), що охоплює первинні приєменники з похідними, які виконують функцію приєменника — від оприєменникованих до тих, що перебувають на певному етапі граматизації з чітко окресленою внутрішньою формою, пор.: *з/із/зі/зо* → *із/зі сфери чого, з/із/зі/зо* → *з/із меж чого, з/із/зі/зо* → *з/із рамок чого, за сфери чого, за межі чого, за рамки чого* та ін. Привертає увагу аналітизм таких утворень — наявність двох і більше лексем. Інтенсивний процес розширення приєменникового корпусу найбільш спостережуваний у мовносоціумній об'єктивній і суб'єктивній граматиці, що охоплює незліченну кількість дискурсивних практик: (9) *і посудомийку можуть відзначити, і ще якусь працівницю чи працівника із сфери побутового обслуговування!* (М. Білкун); (10) *Я робив, їв, пив, на когось сердився, хтось сердився на мене, щось учиняв: добре чи лихе, але таке, що не виходило із меж прийнятого* (В. Шевчук) і под.

5. Просторові приєменники реалізують свої потенціали в структурі синтагм, у поєднанні з повнозначним словом. У ліво- та правобічних контекстах просторові приєменники позначають статику з наголошенням: а) місцезнаходження предмета, в тому числі й б) на поверхні чи в) всередині іншого, або динаміку: 1) вихідний пункт руху (старт); 2) кінцевий пункт руху (фініш, фінал); 3) траєкторію руху і/чи переміщення (трасу — через предмет, повз нього чи в середині). У розгляді просторових приєменників істотним є врахування тріади локативність (де?) — адлативність (куди?) — аблативність (звідки?), реалізація якої у слов'янських мовах очевидно є універсальною (Коницкая 2018: 132; Пипер 2014: 275–293; Lachur 2008: 440).

5.1. У синтагмальних контекстах статично-просторові приєменники виявляють себе як контактні (*в/у, всередині/усередині, зверху, зверху, на, поверх/поверхи, посеред/посереду, посередині, серед*²) й дистантні (*біля, близько, близько від, близько до, близько з, далеко від, коло* та ін.). Контактні приєменники поєднані з формами місцевого й родового відмінків з ди-

² У силу обмеженого простору в статті не деталізовано сполучуваність просторових приєменників з іменниково-відмінковими формами (Словник 2007).

ференціюванням внутрішньої частини просторового орієнтира, його поверхні або центральної частини такої поверхні: (11) *Флегматичний касир усередині каси ліньки позіхнув* (Б. Антоненко-Давидович); (12) *Він поклав книгу на ятку і розгорнув її* (Ю. Винничук). Дистантні ж прийменники мають широкий значеннєвий діапазон, охоплюючи локалізацію: а) близькості ↔ віддаленості (*біля, близько, близько від, близько до, близько з, далеко від, коло, недалеко, недалеко від, неподалік, неподалік від, оддалік/віддалік, оддалік/віддалік від, поодаль, побіля, поблизу/поблиз*); б) загальну дистантну (*поза, за*); в) колову (*довкола/довкіль, довкруг/довкруги, круг, кругом, навкруг/навкруги, округ (округи)*); г) координатну (між орієнтирами: *між, поміж, проміж*); г) горизонтально-вертикальну (*на чолі, навпроти/напроти, перед, поперед, попереду, проти, просто, супроти/насупроти, спереду*): (13) *Вперше за останній місяць нахмарило і таки наближається гроза, бо гримить уже зовсім **близько від міста*** (Б. Антоненко-Давидович); (14) *Під стінами ж ізсередини городу та **поза городом** миготіли вогні руського стану* (І. Білик); (15) *Він прокопує глибокі рови **довкруг веж і палаців**, прихорошує покрівлі* (О. Бердник); (16) *Це був загалом звичний ранок, звична прогулянка **поміж стеллажами*** (С. Андрухович); (17) *Він весь час ішов **поперед мене**, похитуючись і безвільно баламбючи довгими руками* (Р. Андріяшик). Кожна з п'яти груп внутрішньо диференційована на певні різновиди, але найбільш насичена остання, в якій горизонтальна локалізація охоплює й місце перед орієнтиром (*навпроти/напроти, перед, поперед, попереду, проти, просто, спереду, супроти/насупроти*), й місце з тильної його сторони (*за, ззаду, поза, позад/позаду*), й місце збоку орієнтира (*збоку, збоку від, обіч, обіч з, пообіч, пообіч з, поряд, поруч, поруч з, поруч від, поряд від*), що може підлягати конкретизації (*ліворуч, ліворуч від, осторонь від, праворуч, праворуч від*), і місце з обох боків орієнтира (*обабіч, обіруч, обіруч з, обіруч від*). Вертикальна ж локалізація орієнтована на визначення місця над просторовим орієнтиром (*над/наді/надо, вище, повище*) або під ним (*під/піді/підо, понід, нижче, понижче*), а також тотожність знаходження (*нарівні/врівні з*).

5.2. Прийменниково-просторова семантика охоплює позначення шляху руху. Для контактних прийменників характерною є локалізація наскрізного руху (*крізь, через*): (18) *Піднімалися стежкою, яка вела вгору **через цвинтар*** (С. Андрухович), а дистантні можуть позначати локалізацію: 1) позаду орієнтира (*вслід/услід, за, навздогін, навздогін за, позад/позаду, слідом за*): (19) *і Лука кинувся б **слідом за жінкою**, намагаючись її наздогнати* (С. Андрухович); 2) близько орієнтира (*мимо, повз, попри, поряд з/із, проз*): (20) *Я протиснувся мимо чергового* (Р. Андріяшик); 3) відносно зустрічного орієнтира (*назустріч/навстріч*): (21) *Я вилетіла просто **назустріч автобусові*** (С. Андрухович); (22) *Із кам'янистих долин каламутними валами котилася **навстріч подорожнім** спека* (П. Загребельний); 4) перетину, пересікання руху орієнтира (*навперейми, напереріз*): (23) *Зайці з переляку чкурнули **нам навперейми*** (Б. Антоненко-Давидович).

Директивні прийменники (*в/у, за, між/межи, на, над/наді/надо, перед/переді/передо, під, по, поза, поміж/помеж, понад/понаді, поперед/попереду, попід, проміж/промеж*) позначають або вихідний (*від/од, з/із/зі, з-за, з-межя/з-між, з-над, з-перед, з-під, з-поза, з-позад, з-поміж/з-яомежи, з-понад, з-поперед, з-попід, з-посеред, з-проміж/з-промеж, зсередини/ізсередини, починаючи від, починаючи з*), або кінцевий (*в/у, до, за, к* (рідко), *між/межи, на, над/наді/надо, перед/переді/передо, під/піді/підо, по, поза, поміж/помежи, поперед, попід/попідо, проміж, понад, у напрямі до, у напрямі на, у напрямку до, у напрямку на*) пункти руху: (24) *Я дбайливо намотав на ноги онучі, взувся і тільки в блузі вийшов з хати* (Р. Андріяшик); (25) *Місяць зайшов за силвету дзвіниці* (І. Багрянний). Контактні директивні прийменники деталізують трасу в межах орієнтира (*з, з-посеред, зсередини*), його поверхні (*з, зверху, згори*) або в межах центра такого орієнтира (*з-посеред, із середини*), дистантні ж охоплюють: а) початок руху (*від/од, починаючи від, починаючи з*); б) напрям руху від орієнтира (*від/од, з/із/зі/зо*); в) горизонтальне переміщення (*з-за/із-за, з-позаду* — з тильної сторони; *з-перед, з-поперед/з-попереду* — від передньої частини); г) вертикальну локалізацію (*з-над, з-понад* — над орієнтиром; *з-під/із-під, з-попід/із-попід* — під орієнтиром; *з-межи/з-між, з-поміж/із-поміж/з-помежи, з-проміж* — з-посеред предметів).

5.3. Семантику фінального локатива передають прийменники *в/у, вглиб/углиб, до, за, к* (рідко), *між/межи, на, над, насеред, перед, під/піді/підо, поза, поміж/помежи, понад/понаді/понадо, поперед, попід/попіді/попідо, проміж, у напрямі до, у напрямку до, з-поміж* яких контактні *в/у, всередину, до, на* концептуалізують рух до середини предмета або ж на його поверхню. Дистантні ж варіюють кінцеву точку: а) *в/у, в бік, до, на, к* (рідко), *у напрямі до, у напрямку до* — наближення до орієнтира; б) *в/у, всередину, за, поза* — переміщення у простір орієнтира з варіантним виявом обмеженого простору декількома орієнтирами: *між/межи, поміж/помежи, промежи/проміж*; в) *перед/переді/передо, поперед/попереді/попередо* — спрямування з передньої сторони орієнтира; г) *вище, вище від, над/наді/надо, понад/понаді/понадо* — переміщення в точку над орієнтиром; г) *під/піді/підо, попід/попід/попідо* — спрямування в точку під орієнтиром.

6. Утрачаючи просторову семантику, прийменник все більшою мірою граматизується, його функційний діапазон розширюється за рахунок вживання у немотивованому дієслівному керуванні, посилюється синтаксмотвірний потенціал. Мотивованим є керування (іменне чи відмінкове прилягання), коли стрижневе слово визначає не прийменниково-відмінкову форму, а її смисл: (26) *За якийсь час приїхав (звідки?) від неї з дорученням молодий гуцул* (С. Андрухович); (27) *Петя приїхав (звідки?) з полонини на своєму коні* (С. Андрухович). Синтаксеми *від неї, з полонини* є вільними. Немотивованим постає керування у зв'язаних синтаксем, оскільки їхня форма визначується стрижневим словом: (28) *Я самовпевнено надіявся*

на свою пам'ять (Україна молода. 2020.12.06); (29) *Останні події витіснили з моєї пам'яті пережите* (Там само). Прийменники в зумовлених синтаксемах є конструктивно визначеними: (30) *На заводі працюють умілі фахівці* (Там само). Для вільних синтаксем лексикографічна практика має враховувати не лише формальну сполучуваність прийменників із відмінковими формами, а й лінійно позиційний, мотивований статус (співвідносність зі стрижневим дієсловом, девербативом та ін.) і встановлення смислових відтінків. У зв'язаних синтаксем істотним постає семантико-синтаксичний статус стрижневого компонента, що і ставить основним завданням укладання максимально вичерпних списків таких лексем, лексикографічне опрацювання. Аналіз прийменників у зумовлених синтаксемах має ґрунтуватися на відповідних синтаксичних структурах.

Прийменники просторової семантики за структурою диференційовані на моно- (*до, з, з-за/із-за* і под.) й полілексемні (*ліворуч від, збоку від, убік до* та ін.). З-поміж останніх потрібно вирізнити інтервальні (дистактні) полілексемні: *з/із* + Род. в. *до* + Род. в., *від/од* + Род. в. *до* + Род. в.; *із* + Род. в. *на* + Знах. в.: (31) *Трильовський перебрав понад усіляку міру і, колядуючи усім і всюди, ледве пересувався від хати до хати* (С. Андрухович); (32) *Лише наприкінці літа повернулися козаки з моря на Січ* (А. Кашенко), що цілісно концептуалізують вихідний і кінцевий пункти руху з імпліцитно ж виявленим шляхом руху. Полілексемні інтервальні прийменники доцільно кваліфікувати як цілісні утворення, розглядаючи в межах ініціальних лексем у словниках, у фінальних — подавати відповідне покликання.

7. Лексикографічний профіль прийменника (в широкому сенсі) з охопленням аналогів, еквівалентів (еквіпрійменників) та ін. опрацьовано на ґрунті профілю часток (Загнітко — Каратаєва 2013: 5–35), що передбачає: 1) характерологію (структуру, походження, ступінь граматизації (аналог, еквівалент, у знач., okazіональний та ін.); 2) функційні вияви; 3) комунікативні вияви; 4) синтагматику; 5) семантико-парадигмальні ознаки (омоніми, антоніми, синоніми, варіанти); 6) квантитативні характеристики (за дискурсивними практиками); 7) динаміко-еволюційні параметри; 8) текстову маркованість; 9) нормативний/узусний статуси; 10) синтаксемотвірний потенціал (вільна, зв'язана, зумовлена синтаксеми); 11) тип відношень; 12) формально-граматичну позиційність; 13) етимологію та ін.

Просторова семантика в лексикографічному висвітленні є найбільш скам'янілою, осмислювано відтворюваною і належить до ядра національно-когнітивної картини світу. Розширюючи відому тезу Л. Єльмслева про те, що «ні прийменникове керування не може існувати без прийменника, ні прийменник (типу *sine*) — без відмінка, яким він керує» (2006: 153), можна говорити про скам'яніння таких регулярностей та їх відображення в лексикографічних практиках із відповідною внутрішньою ієрархією значень у семантичній структурі прийменника, Своєрідним підтвердженням цього постає семантична структура прийменника *на*, в якій із 40 зафіксованих

значень (СУМ 11_{/5}: 7) лише перші вісім є просторовими (*із знах. і місц. в.*). У категоризації простору активну участь бере іменниково-відмінкова форма, що спільно з прийменником може позначати: 1) спрямування дії на поверхню предмета (адлативність): *залізти на піч, поставити на стіл*; 2) місце розташування: *сидіти на ослоні, висіти на тичці*; 3) предмет як місце простору: *думають на селі, померти на лазареті*; 4) напрям руху (імпліцитний — шлях): *прямувати на місто, поїхати на село*; 5) орієнтир руху: *сходиться на вогонь, вийти на дзвінок* та ін. (СУМ 20_{/9}: 235–240). Побіжний погляд на словникову статтю прийменника *на* свідчить, що з восьми його просторових значень, найбагатшими на відтінки постають друге (шість) й третє (шість), що пов'язані з концептуалізацією переміщення (позначення предмета, місця, простору, в межі яких спрямована дія чи в межах яких відбувається дія — друге значення) або ж із позначенням 'місця, на якому або поблизу якого перебуває предмет, відбувається дія або на яке поширюється певний стан' (Там само: 225). Їх диференціювання визначуване мовцем. Його постать є тим орієнтиром, щодо якого в комунікативному акті структуровано й концептуалізовано простір (інтра- й екстралокалізацію, центральність і периферійність, горизонтальність і вертикальність, проксимальність і дистантність і под. (Пипер 2014: 285)). Постать мовця є відправним моментом тлумачення ядерних дейктичних слів *тут* і *тепер* (Апресян 1974: 77–78), а через них категоризації горизонтальної та вертикальної локалізації, її центральності та периферійності, а також статичної й динамічної і под. Просторові прийменники належать до національно-когнітивної бази, оскільки простір організований «навколо людини, яка ставить себе в центрі макро- й мікропростору» (Гак 2000: 127). Простір постає визначальним чинником людського буття. Перебування людини в просторі мотивує потребу його членування. Простір послідовно об'єктивований у мові, послідовно категоризуючись морфологічними, лексичними, синтаксичними та іншими засобами. Семіотичні опозиції «далеко — близько» і «верх — низ», очевидно, можна вважати універсальними й характерними для усіх мов. Функційне ж навантаження горизонтального й вертикального членування простору мотивоване відповідним ландшафтом проживання носіїв. Так, наприклад, за дослідженнями албанських казок, основу членування простору в них становить вертикальне, що відбиває відповідний простір, у якому шлях героя проходить «таким місцем, звідки можливий спуск і підйом» (Цивьян 1999: 59), а для української ментальності — основним постає горизонтальне. Так, наприклад, горизонтальне членування «далеко — близько» з варіантами «далеко від/далеко за — близько від/недалеко/неподалік ↔ недалеко від/неподалік від»/«далеко — поблизу → поблизу від» у кожному вияві деталізує членування простору: *працювати далеко від України, бути далеко за Збручем, повести далеко за місто, спинитися недалеко села, розташуватися неподалік озера, перебувати неподалік від розвилки трьох доріг, проходити неподалік від колобочної, гриміти зовсім близько від міста, розташуватися побли-*

зу села, поблизу від нас кричати. Уточнювачі *далеко, недалеко, неподалік, близько, поблизу* актуалізують лінійну відстань і належать до формально-функційної структури прийменника, де *недалеко* і *близько* синоніми, хоча *близько* завжди активізує абсолютне наближення до постаті мовця.

8. Прийменник належить до тих силових сфер функціонування, які спрямовані на структурування реальності, постання її елементів у різноманітних зв'язках і відношеннях (Пипер 2014: 279), де просторовість є визначальною, оскільки поза нею нічого не відбувається. Активне розширення просторових прийменників через використання в їх функції аналогів, еквівалентів, набуття окремими іменниковими і/чи прислівниковими формами лексикографічного статусу 'у знач.' (↔ 'у функції') свідчить про актуальну потребу доповнення граматичних засобів конкретизації різних просторових вимірів життєдіяльності людини, з одного боку, та відбиття в новітніх лексикографічних джерелах численних мовносоціумних об'єктивних дискурсивних практик, з другого боку. Функційно навантаженими постають зіставні студії прийменниково-просторових груп у різних мовах, що дає змогу простежити відмінність реалізації трьох- і двовимірного простору у мовних системах. Так, наприклад, у словенській мові *поверх, вулиця, чужина* концептуалізовані як трьохвимірні (*у prvem nadstropju, živeti v ulici, iti v tujino*) (Коницкая 2018: 136; Kličovac 2006: 226–230), а в українській мові — як рівень, поверхня (*мешкати на першому поверсі, проживати на вулиці, померти на чужині*). Вербалізація просторовості має значний діапазон у мові, структурування й категоризація просторовості за кваліфікаційними ознаками горизонтальності та вертикальності, центральності та периферійності і под. найпоспідовніше реалізується прийменниковими одиницями, дослідження яких вимагає покрокового встановлення причин нейтралізації первинної прийменникової семантики, формування на вторинному ґрунті функційно цілісних сполук слів.

ЛІТЕРАТУРА

- Апресян Юрий. *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. Москва: Наука, 1974.
- Балабан Галина. *Динамічні процеси в прийменниковій системі сучасної української літературної мови*: автореф. ... канд. філол. наук. Київ, 2007.
- Виноградов Виктор. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Учпедгиз, 1947.
- Виноградов Виктор. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. 4-е изд. Москва: Русский язык, 2001.
- Виноградова Екатерина. «Русские предлоги в концепции М. В. Всеволодовой». *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 5(2018): 230–246.
- Вихованець Іван. *Прийменникова система української мови*. Київ: Наукова думка, 1984.
- Вихованець Іван, Городенська Катерина. *Теоретична морфологія української мови*. Київ: Пульсари, 2004.
- Востоков Александр. *Грамматика церковно-словенского языка*. Кельн: Лингвистика, 1980.
- Всеволодова Майя. «Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики». Конюшкевич Мария

- (отв.) *Вопросы функциональной грамматики*. Гродно: Издательство Гродненского университета, 2002(4): 14–25.
- Всеволодова Майя. «Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 1. Фрагмент системы – немотивированные (первообразные) предлоги». *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 5(2012a): 30–78.
- Всеволодова Майя. «Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2: Фрагмент системы – мотивированные (вторичные) предлоги». *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 6(2012b): 9–51.
- Всеволодова Майя, Виноградова Екатерина, Чаплыгина Татьяна. *Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А — В (объективная грамматика)*. Москва: УРСС, 2018.
- Гак Владимир. «Пространство вне пространства». Арутюнова Нина, Левонтина Ирина (отв. ред.), *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: Наука, 2000: 127–134.
- Ельмслев Луи. *Пролегомены к теории языка*. Москва: КомКнига, 2006.
- Есперсен Отто. *Философия грамматики*. Москва: Издательство иностранной литературы, 1958.
- Загнітко Анатолій та ін. *Словник українських прийменників. Сучасна українська мова*. Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2007.
- Загнітко Анатолій, Каратаєва Анна. *Словник часток: матеріали і статті*. Вид. 2-е, випр. і доп. Донецьк: ДонНУ, 2013.
- Конюшкевич Мария. «Наше знание и незнание о предлоге». *Русский язык и литература* 11(2003): 75–83.
- Конюшкевич Мария. «Русская предложная система в освещении М. В. Ломоносова». Коваль Владимир (отв. ред.) *Традиции М. В. Ломоносова и современность*. Гомель: Издательство Гомельского государственного университета, 2007: 14–19.
- Конюшкевич Мария. «Релятивный потенциал имени». *Лінгвістичні студії* 16(2008): 60–66.
- Канюшкевіч Марія. *Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка*: [У 3 ч.]. Гродна: ГрДУ, 2008–2010.
- Коницкая Елена. «Структурно-семантические особенности словенских пространственных предлогов на фоне русских (квази)омонимов». *Slavistica Vilnensis* 63(2018): 129–157.
- Курилович Ежи. *Очерки по лингвистике*. Биробиджан: Тривіум, 2000.
- Кучеренко Ілля. *Теоретичні питання граматики української мови: морфологія*. Вид. 2-ге, уточ. й доповн. Вінниця: Поділля-2000, 2003.
- Кущ Наталія. *Прийменникова еквівалентність в українській граматиці: структура, семантика, функції*: автореф. ... канд. філол. наук. Донецьк, 2009.
- Ломоносов Михаил. *Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии (1739–1758 гг.)*. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1952.
- Ляхур Чеслав. «Вторичные предлоги в польском языке — статус и характеристика (в связи с Международным проектом “Славянские в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис”))». *Лінгвістичні студії* 17(2008): 75–79.
- Мальцева Ольга. *Предлог как средство концептуализации пространственных отношений*: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2004.
- Мещанинов Иван. *Члены предложения и части речи*. Ленинград: Наука, 1978.
- Мустайоки Арто. *Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам*. Москва: Языки славянской культуры, 2006.
- Нагайцева Нина. *Предлоги*. Харьков: Национальный технический университет «ХПИ», 2015.
- Овсянко-Куликовский Дмитрий. *Синтаксис русского языка*. Санкт-Петербург: Издание Жуковского, 1902.
- Падучева Елена. «Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации». *Научно-техническая информация. Серия 2 1* (1997): 18–30.
- Пешковский Алексей. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Языки славянской культуры, 2001.
- Пипер Предраг. «О простору у српској језичкој слици света». *Slavistična revija* 62/3(2014): 275–294.
- Потебня Александр. *Из записок по русской грамматике*: В 4-х т. Т. 4. Вып. 1. Москва: Просвещение, 1985.

- Русанівський Віталій. «Поняття семантичного і стилістичного інваріанта». *Мовознавство* 3(1981): 9–20.
- Рыжкович Анна. «К вопросу о терминологическом статусе предлога». *Universum* 9/55(2018): 18–21.
- Садирова Бибинисо. *Сопоставительный анализ предлогов, выражающих временные отношения в таджикском и английском языках*: автореф. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2014.
- Словник української мови*: В 11-и т. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
- Словник української мови*: В 20-и т. Київ: Наукова думка; Український мовно-інформаційний фонд НАН України, 2012–2021.
- Смолякова Наталья. «Вертикальное и горизонтальное членение пространства: семиотическое оппозиции «далеко — близко» и «верх — низ» (на материале говорів Среднего Приобья)». *Молодой ученый* 6/29. Т. 2(2011): 31–44.
- Степаненко Микола. «Семантична диференціація просторових прийменників». *Мовознавство* 3(2015): 63–73.
- Степанов Юрий. «Проблема классификации падежей». *Вопросы языкознания* 6(1968): 36–48.
- Суровцева Светлана. *Структурные и семантические свойства лексических и фразеологических темпоральных предлогов современного русского языка*. Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 2011.
- Тарасевич Людмила. «Семантика пространственных предлогов в зеркале количественных показателей (на материале немецкого и русского языков)». *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Мовазнаўства* 2(2014): 40–47.
- Теньер Люсьен. *Основы структурного синтаксиса*. Москва: Прогресс, 1988.
- Урысон Е. В. «Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов». *Вопросы языкознания*. 2017. № 5. С. 36–55.
- Уфимцева А. А. *Опыт изучения лексики как системы: на материале английского языка*. Москва: URSS, 2020.
- Цивьян Татьяна. *Движение и путь в балканской модели мира. Исследование по структуре текста*. Москва: Издательство «Индрик», 1999.
- Шахматов Алексей. *Синтаксис русского языка*. Москва: Учпедгиз, 1941.
- Щерба Лев. *Языковая система и речевая деятельность*. Москва: Наука, 1974.
- Cook W. A. *Case Grammar Theory*. Wash. (D.C.): Georgetown University Press, 1989.
- Fonstreuter E., Egerer-Moslein K. *Die Prapositionen*: VEB Verlag Enzyklopadie Leipzig. Leipzig, 1978.
- Klikovac Duška. *Semantika predloga: studia iz kognitivne lingvistike*. Drugo izd. Beograd: Filološki fakultet, 2006.
- Lachur Czesław. «O podstawach teoretycznych semantycznej kategorii ablatywności w językach słowiańskich». *Acta Polono-Ruthenica* XIII (2008): 437–446.
- Lachur Czesław. *Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym: [materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim)]*. T. 1: a conto — oprócz. Opole, Кęпа: Wydawnictwo NOWIK Sp.j., 2019.
- Żeberek Teresa. *Funkcjonowanie przyimków i wyrażeń przyimkowych w tekście rosyjskim i polskim*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1994.
- Zgółkowa Halina. *Funkcje syntaktyczne przyimków i wyrażeń przyimkowych we współczesnej polszczyźnie twywjonej*, Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 1980.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

- Авраменко Олег, Авраменко Валентин. *Реальна загроза*. Київ: Джерела М, 2004.
- Андріяшик Роман. *Додому нема вороття. Люди зі страху*. Київ: Радянський письменник, 1983.
- Андрухович Софія. *Літо Мілени*. Київ: Смолоскип, 2002.
- Антоненко-Давидович Борис. *Твори: В 2-х т.* Київ: Дніпро, 1991.
- Бердник Олесь. *Шляхи титанів*. Київ: Радянський письменник, 1959.
- Білий Дмитро. *Заяложена душа*. Донецьк: Альфа-прес, 2004.
- Білик Іван. *Меч Арея*. Київ: Радянський письменник, 1972.
- Білкун Микола. *Корабель із райдужними вітрилами*. Київ: Веселка, 1980.

- Винничук Юрій. *Легенди Львова*. Харків: Фоліо, 2018.
- Доломан Євген. *Вибрані твори*. Київ: Довіра, 1989.
- Дочинець Мирослав. *Многії літа, благії літа. Заповіді 104-річного Андрія Ворона — як довго жити в щасті і радості*. Івано-Франківськ: Карпатська вежа, 2013.
- Єшкілев Володимир, Гуцуляк Олег. *Адепт*. Харків: Фоліо, 2012.
- Загребельний Павло. *Тисячолітній Миколай*. Київ: Довіра, 1994.
- Івченко Михайло. *Робітні сили*. Київ: Дніпро, 1990.
- Кашенко Андріан. *з Дніпра на Дунай*. Вид. 3-тє. Відень — Катеринослав: Українське видавництво в Катеринославі, 1919.
- Кідрук Максим. *Навіжені в Мексиці*. Київ: Клуб Сімейного Дозвілля, 2011.
- Шевчук Валерій. *Три листки за вікном*. Київ: А-ба-ба-га-ла-ма-га, 2012.

REFERENCES

- Apresyan Yuriy. *Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moskva: Nauka, 1974.
- Balaban Galina. *Dinamichni procesi v prijmennikovij sistemi suchasnoї ukrains'koї literaturnoї movi*. Avtoref. ... kand. filol. nauk. Kiїv, 2007.
- Civ'yan Tat'yana. *Dvizhenie i put' v balkanskoj modeli mira. Issledovanie po strukture teksta*. Moskva: Izdatel'stvo «Indrik», 1999.
- Cook W. A. *Case Grammar Theory*. Wash. (D. C.): Georgetown University Press, 1989.
- Fonstreuter E., Egerer-Moslein K. *Die Prapositionen*. VEB Verlag Enzyklopadie Leipzig. Leipzig, 1978.
- El'mšlev Lui. *Prolegomeny k teorii yazyka*. Moskva: KomKniga, 2006.
- Espersen Otto. *Filosofiya grammatiki*. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoї literatury, 1958.
- Gak Vladimir. «Prostranstvo vne prostranstva». Arutyunova Nina, Levontina Irina (otv. red.), *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki prostranstv*. Moskva: Nauka, 2000: 127–134.
- Klikovac Duška. *Semantika predloga: studia iz kognitivne lingvistike*. Drugo izd. Beograd: Filološki fakultet, 2006.
- Konickaya Elena. «Strukturno-semanticheskie osobennosti slovenskih prostranstvennyh predlogov na fone russkih (kvazi) omonimov». *Slavistica Vilnensis* 63(2018): 129–157.
- Konyushkevich Mariya. «Nashe znanie i neznanie o predloge». *Russkij yazyk i literatura* 11 (2003): 75–83.
- Konyushkevich Mariya. «Russkaya predlozhnaya sistema v osvshchenii M. V. Lomonosova». Koval' Vladimir (otv. red.). *Tradicii M V. Lomonosova i sovremennost'*. Gomel': Izdatel'stvo Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2007: 14–19.
- Konyushkevich Mariya. «Relyativnyj potencial imeni». *Lingvistichni studii* 16(2008): 60–66.
- Konyushkevich Mariya. *Belaruskaya pryzozoŭniki i ih analagi. Gramatyka real'naga žyhyvan'nya. Materyyaly da sloŭnika: [U 3 ch.]*. Grodna: GrDU, 2008–2010.
- Kucherenko Illia. *Teoretychni pytannia hramatyky ukrainskoї movy: morfolohiia*. Vyd. 2-he, utoch. y dopovn. Vinnytsia: Podillia-2000, 2003.
- Kushch Nataliia. *Pryimennykova ekvivalentnist v ukrainskii hramatytsi: struktura, semantyka, funktsii*. Avtoref. ... kand. filol. nauk. Donec'k, 2009.
- Kurilovich Ezhi. *Ocherki po lingvistike*. Birobidzhan: Trivium, 2000.
- Lachur Czeslaw. «O podstawach teoretycznych semantycznej kategorii ablatywności w językach słowiańskich». *Acta Polono-Ruthenica* XIII (2008): 437–446.
- Lachur Czeslaw. *Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym: [materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim)]*. T. 1: a conto — oprócz. Opole, Kępa: Wydawnictwo NOWIK Sp.j., 2019.
- Lomonosov Mihail. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 7. Trudy po filologii (1739–1758 gg.). Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952.
- Lyahur Cheslav. «Vtorichnye predlogi v pol'skom yazyke — status i charakteristika (v svyazi s Mezhdunarodnym proektom "Slavyanskie v sinhronii i diahronii: morfologiya i sintaksis")». *Lingvistichni studii* 17(2008): 75–79.
- Mal'ceva Ol'ga. *Predlog kak sredstvo konceptualizacii prostranstvennyh otnoshenij*. Avtoref. ... kand. filol. nauk. Kursk, 2004.
- Meshchaninov Ivan. *Chleny predlozheniya i chasti rechi*. Leningrad: Nauka, 1978.
- Mustajoki Arto. *Teoriya funkcional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2006.

- Nagajceva Nina. *Predlogi*. Har'kov: Nacional'nyj tekhnicheskij universitet «HPI», 2015.
- Ovsyaniko-Kulikovskij Dmitrij. *Sintaksis russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Izdanie Zhukovskogo, 1902.
- Paducheva Elena. «Semanticheskie roli i problema sohraneniya invarianta pri leksicheskoj derivacii». *Nauchno-tekhnicheskaya ifnormaciya*. Seriya 2 1 (1997): 18–30.
- Peshkovskij Aleksej. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001.
- Piper Predrag. «O prostoru u srpskoj jezichkoj slici sveta». *Slavistična revija* 62/3(2014): 275–294.
- Potebnya Aleksandr. *Iz zapisok po russkoj grammatike*. V 4-h t. T. 4. Vyp. 1. Moskva: Prosveshchenie, 1985.
- Rusanivskiy Vitalii. «Poniattia semantichnoho i stylistichnoho invarianta». *Movoznavstvo* 3 (1981): 9–20.
- Ryzhkovich Anna. «K voprosu o terminologicheskom statuse predloga». *Universum* 9/55(2018): 18–21.
- Sadirova Bibiniso. *Sopostavitel'nyj analiz predlogov, vyrazhayushchih vremennye otnosheniya v tadzhikskom i anglijskom yazykah*. Avtoref. ... kand. filol. nauk. Dushanbe, 2014.
- Shahmatov Aleksej. *Sintaksis russkogo yazyka*. Moskva: Uchpedgiz, 1941.
- Shcherba Lev. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Moskva: Nauka, 1974.
- Slovnnyk ukrainskoj movy*: V 11-y t. Kyiv: Naukova dumka, 1970–1980.
- Slovnnyk ukrainskoj movy*: V 20-y t. Kyiv: Naukova dumka; Ukrainskiy movno-informatsiinyi fond NAN Ukrainy, 2012–2021.
- Smolyakova Natal'ya. «Vertikal'noe i gorizontal'noe chlenenie prostranstva: semioticheskoe oppozicii “daleko — blizko” i “verh — niz” (na materiale govorov Srednego Priob'ya)». *Molodoy uchenyj* 6/29. T. 2(2011): 31–44.
- Stepanenko Mykola. «Semantichna dyferentsiatsiia prostorovykh pryimennykh». *Movoznavstvo* 3 (2015): 63–73.
- Stepanov Yuriy. «Problema klassifikacii padezhej». *Voprosy yazykoznanija* 6(1968): 36–48.
- Surovceva Svetlana. *Strukturnye i semanticheskie svoystva leksicheskikh i frazeologicheskikh temporal'nykh predlogov sovremennogo russkogo yazyka*. Chelyabinsk: Chelyabinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2011.
- Tarasevich Lyudmila. «Semantika prostranstvennykh predlogov v zerkale kolichestvennykh pokazatelej (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov)». *Vesnik Belaruskaga dzyarzhaj'naga universiteta*. Seriya 4. Movznanajstva 2(2014): 40–47.
- Ten'er Lyus'en. *Osnovy strukturnogo sintaksisa*. Moskva: Progress, 1988.
- Ufimceva A. A. *Opyt izucheniya leksiki kak sistemy: na materiale anglijskogo yazyka*. Moskva: URSS, 2020.
- Uryson E. V. «Predlog ili narechie? CHasterechnyj status narechnykh predlogov». *Voprosy yazykoznanija* 5 (2017): 36–55.
- Vykhovanets Ivan. *Pryimennykova sistema ukrainskoj movy*. Kyiv: Naukova dumka, 1984.
- Vykhovanets Ivan, Horodenska Kateryna. *Teoretychna morfolohiia ukrainskoj movy*. Kyiv: Pulsary, 2004.
- Vinogradov Viktor. *Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moskva: Uchpedgiz, 1947.
- Vinogradov Viktor. *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. 4-e izd. Moskva: Russkij yazyk, 2001.
- Vinogradova Ekaterina. «Russkie predlogi v koncepcii M. V. Vsevolodovoj». *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9. Filologiya 5(2018): 230–246.
- Vostokov Aleksandr. *Grammatika cerkovno-slovenskogo yazyka*. Kel'n: Lingvistika, 1980.
- Vsevolodova Majya. «Predlog kak grammaticheskaya kategoriya: problemy definicii, tipologiya, morfologicheskije i sintaksicheskije harakteristiki». Konyushkevich Mariya (otv.). *Voprosy funkcional'noj grammatiki*. Grodno: Izdatel'stvo Grodnenskogo universiteta, 2002(4): 14–25.
- Vsevolodova Majya. «Sistema morfosintaksicheskikh tipov russkikh predlogov. Stat'ya 1. Fragment sistemy – nemotivirovannye (pervoobraznye) predlogi». *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9. Filologiya 5(2012a): 30–78.
- Vsevolodova Majya. «Sistema morfosintaksicheskikh tipov russkikh predlogov. Stat'ya 2: Fragment sistemy – motivirovannye (vtorichnye) predlogi». *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9. Filologiya 6(2012b): 9–51.

- Vsevolodova Majja, Vinogradova Ekaterina, Chaplygina Tat'jana. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funkcional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya*. Kn. 2: Reestr russkih predlozhnyh edinic: A — V (ob'ektivnaya grammatika). Moskva: URSS, 2018.
- Zahnitko Anatolii ta in. *Slovnyk ukrainskykh pryimennykiv. Suchasna ukrainska mova*. Donec'k: TOV VKF «BAO», 2007.
- Zahnitko Anatolii, Karataieva Anna. *Slovnyk chastok: materialy i statii*. Vyd. 2-e, vypr. i dop. Donec'k: DonNU. 2013.
- Żeberek Teresa. *Funkcjonowanie przyimków i wyrażeń przyimkowych w tekście rosyjskim i polskim*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1994.
- Zgółkova Halina. *Funkcje syntaktyczne przyimków i wyrażeń przyimkowych we współczesnej polszczyźnie mywionej*, Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu Adama Mickewicza, 1980.

LIST OF WORKS

- Avramenko Oleh, Avramenko Valentyn. *Realna zahroza*. Kyiv: Dzherela M, 2004.
- Andriiashyk Roman. *Dodomu nema vorottia. Liudy zi strakhu*. Kyiv: Radianskyi pysmennyk, 1983.
- Andrukhovych Sofiia. *Lito Mileny*. Kyiv: Smoloskyp, 2002.
- Antonenko-Davydovych Borys. *Tvory*: V 2-kh t. Kyiv: Dnipro, 1991.
- Berdnyk Oles. *Shliakhy tytaniv*. Kyiv: Radianskyi pysmennyk, 1959.
- Bilyi Dmytro. *Zaialozhena dusha*. Donetsk: Alfa-pres, 2004.
- Bilyk Ivan. *Mech Areia*. Kyiv: Radianskyi pysmennyk, 1972.
- Bilkun Mykola. *Korabel iz raiduzhnymy vitrylamy*. Kyiv: Veselka, 1980.
- Vynnychuk Yurii. *Lehendy Lvova*. Kharkiv: Folio, 2018.
- Doloman Yevhen. *Vybrani tvory*. Kyiv: Dovira, 1989.
- Dochynets Myroslav. *Mnohii lita, blahii lita. Zapovidi 104-richnoho Andriia Vorona — yak dovho zhyty v shchasti i radosti*. Ivano-Frankivsk: Karpatska vezha, 2013.
- Yeshkiliev Volodymyr, Hutsuliak Oleh. *Adept*. Kharkiv: Folio, 2012.
- Zahrebelnyi Pavlo. *Tysiacholitnii Mykolai*. Kyiv: Dovira, 1994.
- Ivchenko Mykhailo. *Robitni syly*. Kyiv: Dnipro, 1990.
- Kashchenko Andrian. *Z Dnipra na Dunai*. Vyd. 3-tie. Viden — Katerynoslav: Ukrainske vydavnytstvo v Katerynoslavi, 1919.
- Kidruk Maksym. *Navizheni v Meksytsi*. Kyiv: Klub Simeinoho Dozvillia, 2011.
- Shevchuk Valerii. *Try lystky za viknom*. Kyiv: A-ba-ba-ha-la-ma-ha, 2012.

Анатолиј Захнитко

ПРЕДЛОШКО-ПРОСТОРНА СЕМАНТИКА У САВРЕМЕНИМ ТУМАЧЕЊИМА:
ГРАМАТИЧКЕ И ЛЕКСИКОГРАФСКЕ ДИМЕНЗИЈЕ

Резиме

У раду је систематизована еволуција становишта о предлозима и њиховој квалификацији у формалној (формално-граматичкој), семантичкој, функционално-комуникативној, функционално-когнитивној димензији са фокусом на предлошко-просторну семантику, која је дефинисана као примарни и хијерархијски врхунац у функционално-когнитивној и функционално-комуникативној димензији. Просторна семантика чини језгро предлошког система, његову постепено редукцију (↔ губитак) изазива формирање функционално интегралних фраза у којима се предлошка компонента граматизује и постаје актуализатор просторног параметра — дубине, дужине, ширине, висине, а примарна предметна семантика се неутралише, остаје само формално-граматички садржај. Понуђен је лексикографски профил предлога просторне семантике.

Кључне речи: предлог, предлошка јединица, предлошко-просторна семантика, спецификатор реченице, предлошка компонента, приглаголска позиција, предлошки профил.

Владимир Плунгян
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
plungian@iling-ran.ru

Vladimir Plungian
V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS
plungian@iling-ran.ru

ГЕОМЕТРИЯ РУССКОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ:
О ТРАДИЦИОННЫХ И НЕТРАДИЦИОННЫХ
ТАБЛИЦАХ СКЛОНЕНИЯ

THE GEOMETRY OF RUSSIAN INFLECTION:
ON TRADITIONAL AND NON-TRADITIONAL
DECLENSION TABLES

В статье обсуждается ряд теоретических проблем русского словоизменения с точки зрения технической (на первый взгляд) задачи создания оптимальной таблицы склонения русских имен. Эти проблемы можно разбить на три группы. К первой группе относится иерархия падежных граммем, а также связанный с ней порядок падежей в парадигме. Ко второй группе относится набор типов склонения (словоизменительных типов, возникающих в силу алломорфического варьирования показателей, выражающих одинаковый набор граммем), а также представление этого алломорфического варьирования в словоизменительных парадигмах. Наконец, к третьей группе относится проблема определения места форм партитива («второго родительного») и аднумератива («счётной формы») в системе русского склонения; эта проблема в русистике обсуждалась относительно меньше, но она тесно связана с проблемами предыдущих двух групп.

Ключевые слова: русский язык, морфология, словоизменение имени, падеж, число, род, геометрические модели, таблицы.

The paper discusses a number of theoretical issues related to Russian inflection from a rather technical perspective of building an optimal table for Russian nominal declension. These issues can be divided into three groups. The first group includes the hierarchy of case grams, as well as the order of cases in the table (implied by this hierarchy). The second group includes the inventory of declension classes (determined by allomorphic variation within the markers of one and the same gram), as well as the strategies of representing this allomorphic variation in inflectional paradigms. Finally, the third group includes the status of partitive (or “second genitive”) and adnumerative (or “counting form”) in the system of Russian declension; this latter problem has received relatively less attention, but it is closely related to the previous two groups.

Keywords: Russian, morphology, nominal inflection, case, number, gender, geometric models, tables.

1. Вводные замечания

Использование простейших геометрических инструментов (таких, как схемы, карты и таблицы разного типа) для описания словоизменения флективных языков и моделирования теоретических понятий словоизменительной морфологии — давняя традиция, в историю которой мы в этих кратких заметках вдаваться не будем. Эта техника приобрела особую популярность в XX веке в связи с распространением структуралистских моделей языка, но удержалась и в постструктуралистской лингвистике: достаточно вспомнить успех «семантических карт», ставших едва ли не главным достижением современной теории грамматикализации¹. Не стоит забывать и о различных современных теориях словоизменительных парадигм, где геометрическое моделирование пространства грамматических значений лексем также широко применяется (для обсуждаемой ниже проблематики наиболее значима, по-видимому, работа McCreight & Chvany 1991; ср. также Plank 1991, Harley & Ritter 2002, Caha 2009 и Blevins 2016 с цитируемой там литературой).

В настоящих заметках мы, однако, не ставим цель подробного разбора всех теоретических аспектов «геометрического» подхода к описанию словоизменения (хотя они, безусловно, многообразны и значимы для современной лингвистики). Наша цель гораздо более скромная — попытаться указать на некоторые менее тривиальные следствия такого подхода для описания современного русского склонения. Мы будем опираться на известные идеи, высказанные в свое время (в разной форме и с разной степенью полноты) в работах Н. Н. Дурново, Р. О. Якобсона, А. А. Зализняка, К. Чвани и ряда других авторов, попытавшись, если можно так выразиться, заострить эти идеи, чтобы иметь возможность взглянуть на привычные факты русского именного склонения с новой стороны.

Однако прежде чем мы приступим к анализу фактов русского склонения, полезно сформулировать основную идею, стоящую за геометрическим моделированием флективного склонения (обычно такая модель имеет форму таблицы, в клетках которой помещаются показатели, кумулятивно выражающие сочетания граммем соответствующей строки и столбца). Этот способ представления словоизменительных парадигм кажется настолько простым и привычным, что стоящую за ним идеологию часто принято не замечать (или считать чем-то само собой разумеющимся). Между тем, основной описательный эффект такого способа представления заключается в идее *неслучайной пространственной смежности*: показатели в соседних клетках таблицы считаются более близкими друг к другу по некоторому набору параметров (конкретный характер которых зависит от языка, но набор которых обнаруживает тенденцию к универсальности). При этом самым главным свойством словоизменительных парадигм, которое нагляд-

¹ Ср., в числе многих других работ, Haspelmath 2003, van der Auwera 2013, Georgakopoulos & Polis 2018.

но отображается при таком представлении, оказывается, как можно полагать, *синкретизм* грамматических показателей (понимаемый как любое совпадение показателей в различных клетках таблицы, независимо от степени его систематичности, регулярности, диахронических источников и т. п.).

Синкретизм — важное формальное и содержательное свойство словоизменятельных парадигм (особенно флективных), которое интенсивно изучается в современной теоретической морфологии (ср., в частности, Вагман et al. 2005, Аркадьев 2005, Arkadiev 2009, Blevins 2016). Но наглядное геометрическое представление синкретизма — давняя идея (не всегда даже эксплицитно осознававшаяся); в ее основе лежит очень простой принцип, согласно которому синкретичные показатели предпочтительно должны занимать смежные клетки парадигмы (и далее могут объединяться: в таком случае число клеток парадигмы будет соответствовать не числу всех возможных комбинаций грамматических значений у данной леммы, а только числу всех различных манифестаций этих комбинаций).

Из сказанного следует, что вид грамматических таблиц при таком подходе не может быть произвольным: из многих возможных способов упорядочивания граммем в двумерном пространстве таблицы выбирается такой, который обеспечивает оптимальное представление парадигматического синкретизма. Проблема здесь, конечно, состоит в том, что единственного оптимального варианта может не оказаться, и придется выбирать между несколькими конкурирующим представлениями (например, в пользу систематического синкретизма по сравнению с несистематическим; о различии этих двух типов синкретизма см., например, Plank 1991, Arkadiev 2009). Однако это в любом случае адекватнее традиционных способов представления, в которых порядок граммем в таблице часто определяется внешними привходящими обстоятельствами, не имеющими отношения к структурным особенностям парадигмы.

Попытка создать «оптимальную» (в указанном выше смысле) таблицу для показателей русского склонения обнаруживает ряд теоретических проблем, часть из которых обсуждалась в русистике достаточно интенсивно, а часть — оставалась в относительной тени. На наш взгляд, эти проблемы можно разбить на три группы. К первой группе относится иерархия падежных граммем, а также связанный с ней оптимальный порядок падежей в парадигме. Ко второй группе относится число типов склонения (словоизменятельных типов, возникающих в силу алломорфического варьирования показателей, выражающих одинаковый набор граммем), а также оптимальное представление этого алломорфического варьирования в словоизменятельных парадигмах. Наконец, к третьей группе относится проблема определения места форм партитива («второго родительного») и аднумератива («счётной формы») в системе русского склонения; эта проблема в русистике обсуждалась относительно меньше, но она тесно связана с проблемами предыдущих двух групп.

Ниже мы кратко обозначим возможные решения этих проблем, вытекающие из максимального учета оптимальной геометрической конфигурации таблиц русского склонения. Некоторые из этих решений сегодня фактически общеприняты в описаниях русской морфологии (хотя и не вполне совпадают с традиционными описаниями середины XX века), но некоторые другие могут показаться непривычными даже искушенному морфологу. Соответственно, во втором разделе будет обсуждаться иерархия падежных граммем, в третьем — типы склонения, а в четвертом — партитив и аднумератив.

2. Иерархия русских падежных граммем

Мы исходим из того, что в современном русском склонении выделяется в общей сложности 10 различных падежных граммем: номинатив (Nom), аккузатив (Acc), генитив (Gen), партитив (Part, он же «второй родительный»), датив (Dat), инструменталис (Ins), предложный падеж (Pr), локатив (Loc, он же «второй предложный»), вокатив (Voc)², аднумератив (Adn, он же «счётная форма»). Вопрос о критериях выделения падежей и их возможном количестве широко обсуждался в литературе и в целом был решен уже в работах 1960–1970-х гг. (см. в первую очередь Зализняк 1967а/2002 и Зализняк 1973/2002; отметим также, что все 10 граммем учитываются, например, в морфологической разметке Национального корпуса русского языка). Однако проблема здесь не столько в количестве выделяемых падежных граммем, сколько в том, что данный инвентарь падежей (как бы и на каких бы основаниях его ни выделять) в высокой степени неоднороден и объединяет — в рамках единой грамматической категории — элементы с очень разными свойствами³.

Для понимания структуры и принципов диахронической эволюции русской падежной системы целесообразно выделять три разных подмножества падежных граммем, требующих разного подхода и разной техники описания.

(i) Это, во-первых, пять «базовых» падежей, в число которых входят Nom, Gen, Dat, Pr и Ins. Данные падежи наиболее близки к прототипическому представлению о падежной граммеме: они не имеют лексических ограничений на образование (т. е. свойственны всем русским именам), обладают каждый самостоятельным набором показателей (с относительно небольшой долей падежного синкретизма между элементами этого спи-

² Имеется в виду прежде всего так наз. «новый вокатив», образуемый усечением конечного *-а* номинатива; подробнее об этой форме см., в частности, Даниэль 2009, Andersen 2012, Janda 2019.

³ Заметим, что такая ситуация вообще типологически частотна и является скорее правилом, чем исключением; она особенно характерна для «немолодых» грамматических категорий флективных языков, прошедших длительную диахроническую эволюцию и включающих граммемы разного происхождения, входивших в состав категории на разных этапах истории языка.

ска — и лишь в отдельных подтипах склонения) и в целом составляют ядро словоизменительной парадигмы имени⁴.

(ii) Во-вторых, это «слабо дифференцированные» (в смысле Зализняк 1973/2002), но парадигматически существенные падежи: к таковым относятся прежде всего Acc, а также, как мы намерены более подробно показать в следующем разделе, Part и Adn. Эти падежи специализируются на выражении частотных семантико-синтаксических функций (в сфере объектных, посессивных и количественных отношений) и в этом смысле составляют важную часть русской падежной системы, однако они практически не имеют собственных падежных показателей, демонстрируя высокую степень синкретизма и морфологической несамостоятельности. Важным обстоятельством является и то, что все эти три падежа (наряду с Nom и Gen) принимают активное участие в формировании механизмов дифференцированного маркирования объекта и субъекта, характерных для современного русского литературного и диалектного синтаксиса (см., в частности, Daniel 2014, Igartua & Madariaga 2018, Малышева & Ронько 2020). Морфологически самостоятельный аккузатив имеется в русском языке лишь у форм ед. числа женского морфологического рода (тип F в таблице 1 ниже), партитив и аднумератив выделяются только у форм ед. числа мужского морфологического рода (тип M). Интересно при этом, что «маргинализация» аккузатива — результат длительного диахронического процесса, общего для всех славянских языков, тогда как появление в русской падежной системе партитива и аднумератива — результат сравнительно недавних локальных инноваций; постепенная утрата «старого» падежа и появление двух «новых» в данном случае одинаково способствовали образованию внутри русской падежной системы переходной зоны слабо дифференцированных синтаксических падежей.

(iii) В-третьих, это слабо дифференцированные и «экстрапарадигматичные» падежи, к каковым относятся Loc и Voc. Как и падежи предыдущей группы, они практически не имеют собственных падежных показателей и при этом характеризуются очень узкой сочетаемостью; но, в отличие от падежей предыдущей группы, они практически не участвуют и в выражении главных синтаксических отношений. В этом смысле их и можно назвать экстрапарадигматичными: они максимально далеки от понятия прототипического падежа и фактически находятся вне падежной парадигмы, составляя некоторое локальное расширение падежной парадигмы у ограниченного числа существительных. Тем не менее, несмотря на свой маргинальный статус, они, безусловно, входят в русскую падежную систему.

Таким образом, общий взгляд на структуру русских падежей «через призму таблицы склонения» позволяет увидеть противопоставление базо-

⁴ Ср. близкие понятия «первичных словоформ» и «суженной парадигмы», введенные в Зализняк 1967a/2002: 133–134 для описания формальных правил образования именных парадигм.

вых падежей, хорошо встроенных в таблицу, и маргинальных падежей, фактически в таблицу не встроенных: эти падежи выражаются морфологически самостоятельными показателями (не совпадающими с показателями других падежей) лишь у небольшого числа имен. Данное противопоставление не имеет жесткого характера и образует обширную переходную зону, внутри которой парадигматичность падежа постепенно убывает. Любопытно, что в эту переходную зону попадает и аккузатив — исторически единственный из непарадигматических падежей, существовавший в общеславянский период. Можно сказать, что экстрапарадигматическая зона в русском склонении в каком-то смысле и возникла на скрещении двух тенденций: постепенной маргинализации общеславянского аккузатива и появления значительного числа слабо дифференцированных и морфологически несамостоятельных падежей вследствие процессов перестройки древнерусской системы склонения (завершившихся к XVI–XVII вв.).

Нельзя не отметить бросающегося в глаза сходства по обоим параметрам современной русской системы склонения с падежными системами уральских языков (прежде всего, прибалтийско-финских), что, в принципе, является хорошо известным фактом. И маргинализация аккузатива (с постепенным вытеснением его из падежной системы через стадию дифференцированного маркирования объекта), и особая роль партитива в падежной системе, и появление грамматически периферийных экстрапарадигматических падежей в результате процессов исторически недавней грамматикализации или реанализа — всё это является в русском языке следствием реализации ареальных тенденций, которые считаются характерными для циркумбалтийского ареала в целом (ср. подробный обзор этой проблематики в Kortjevskaja-Tamm & Wälchli 2001: 646–674).

Проблема иерархии падежных граммем тесно связана с другой, более частной, однако важной именно для табличного представления падежных парадигм: это проблема порядка следования падежей в таблице. По крайней мере с конца 1960-х гг. по этому поводу установился консенсус в пользу порядка *Nom — Acc — Gen — Pr — Dat — Ins*. Он не совпадает с традиционным (прежде всего в отношении позиции *Acc*), но именно такой порядок оптимальным образом отражает системный парадигматический синкретизм у русских показателей склонения⁵, а также задает естественную классификацию русских базовых падежей, от более синтаксических, связанных с выражением главных синтаксических отношений, до более семантически нагруженных и связанных с выражением многообразных периферийных семантических ролей (адресата, инструмента, места и т. п.).

⁵ Собственно, именно этот фактор был точно и эксплицитно сформулирован уже в «Русском именном словоизменении» А. А. Зализняка: «Несколько клеток, содержащих одинаковое условное окончание, при записи могут быть объединены. Нетрадиционный порядок падежей <...> нужен как раз для того, чтобы облегчить такие объединения» (Зализняк 1967а/2002: 205). Ср. также более подробное обсуждение и аргументацию в Chvany 1982/1996.

3. Типы склонения существительных

Проблема определения количества типов склонения («парадигматических классов»), как уже было отмечено, является в первую очередь проблемой описания алломорфического варьирования у показателей русских падежей, но на самом деле она имеет и более содержательное измерение: попытки ее решения прямо связаны с тем, каким образом решается вопрос о структуре грамматических категорий, образующих словоизменительные парадигмы русских имен.

В этом отношении в работах XX века прослеживается тенденция к отказу от традиционного диахронически ориентированного взгляда на алломорфическое варьирование в русском склонении, при котором ведущую роль играла опора на древние индоевропейские «типы склонения», более или менее явно обнаруживаемые в общеславянском, но практически полностью утраченные в современном русском. Отказ этот может быть более или менее радикальным (и обычно порождает разного рода компромиссные классификации), но, кажется, материал современного русского языка всё же не исключает и максимально радикальные решения (одно из которых мы рассмотрим ниже).

Основных параметров, релевантных для русских парадигматических классов в именном склонении, как представляется, два: это деление в соответствии с «морфологическим родом» (Зализняк 1967а/2002: 146–149; см. также Крылов 2002) и деление в соответствии с морфонологическим типом исхода основы, противопоставляющее морфонологически твердые и морфонологически мягкие основы⁶.

Понятие морфологического рода является для русского склонения крайне важным; оно релевантно в первую очередь для слов так наз. женского морфологического рода. Несколько упрощая, женский морфологический род лексем — это такой набор флексий, который преимущественно свойствен лексемам женского синтаксического рода (= согласовательного класса); однако морфологический род может не совпадать с синтаксическим. Известными примерами являются лексем мужского синтаксического рода типа *мужчина* или *юноша*, у которых набор флексий такой же, как у слов типа *женщина* или *стена*; поэтому синтаксически они относятся к мужскому, а морфологически — к женскому роду. Это понятие удобно, поскольку позволяет однозначно предсказывать парадигматический класс существительного (тогда как синтаксический род существительного это позволяет делать не во всех случаях).

Два названных выше параметра позволяют выделить все релевантные парадигматические классы. Прежде всего, современное русское склонение

⁶ В исходе морфонологически мягких основ, как известно, не всегда оказываются согласные, имеющие в современном языке палатализованную артикуляцию (как шипящие *š* и *ž*, утратившие историческую палатализацию); с другой стороны, основы с исходом на палатальный согласный *j* (или на также утративший историческую палатализацию свистящий *s*) относятся к морфонологически твердым.

различает стандартный (или «родовой») тип, внутри которого противопоставляются наборы флексий женского и мужского/среднего морфологического рода (последние два набора совпадают у всех падежей, кроме номинатива; напротив, флексия женского рода систематически отличается во всех падежах, кроме предложного). При этом только лексемы женского морфологического рода стандартного типа имеют морфологически самостоятельный аккузатив; во всех остальных типах аккузатив либо совпадает с номинативом, либо является морфологически несамостоятельным, выражаясь с помощью правил дифференцированного маркирования (у одушевленных существительных совпадая с генитивом, а у неодушевленных — с аккузативом; в Таблице 1 ниже такой способ выражения аккузатива обозначается как DIF).

Второй тип склонения (так наз. «мягкий») характеризуется тем, что включает только лексемы с основой на морфонологически мягкую согласную. Большинство из них женского синтаксического (и морфологического) рода; различия в наборе флексий у лексем разных морфологических родов невелики и затрагивают только инструменталис⁷.

Таким образом, в русском склонении выделяется стандартный «родовой» тип с подтипами F, M и N, в котором набор флексий определяется морфологическим родом, и нестандартный «мягкий» тип с преобладанием лексем женского рода и крайне ограниченным числом лексем среднего и мужского рода (подтипы F2, N2 и M2 в Таблице 1). Подтип N2 представлен группой слов типа *знамя*; подтип M2 — единственной лексемой *путь*. Дифференцированного маркирования объекта по одушевленности в мягком типе нет, аккузатив совпадает с номинативом (как и у лексем типа N).

Нетрудно заметить, что все указанные особенности характеризуют парадигмы *единственного числа*. Что касается парадигмы множественного числа, то она формируется под влиянием сильной исторической тенденции к унификации противопоставления по морфологическому роду, т. е. к появлению единого набора флексий для всех существительных во множественном числе. В современном языке различия, связанные с морфологическим родом, сохраняются в какой-то степени только в формах номинатива и генитива мн. числа (аккузатив во множественном числе всегда морфологически несамостоятелен). В генитиве ситуация наиболее сложная; в стандартном случае предполагается (Зализняк 1967a/2002: 205–207):

- (i) нулевая флексия для твердых типов F и N, а также для типа N2;
- (ii) флексия *-ов* для твердого типа M

⁷ Заметим, что в стандартном типе склонения флексии для твердых и мягких основ морфонологически полностью совпадают — исторически это результат радикальных процессов аналогического выравнивания общеславянских парадигматических классов, характерных для русского языка. Но по общему набору флексий мягкий тип ближе к стандартному женскому; это позволяет говорить о тенденции к формированию «женского» и «неженского» склонения (подкрепленной утратой среднего рода во многих русских диалектах); ср. сходные наблюдения, например, в Nessel 2003.

- (iii) флексия *-ej* для всех мягких типов (но при этом в мягких типах F и N при ударении в Pr, Dat, Ins на основе нулевая флексия также считается стандартной, несмотря на ряд колебаний в реальном узусе).

Даже это стандартное распределение является «родовым» достаточно условно: как можно видеть, в нем женский род объединяется со средним, а мягкие основы всех типов практически не различают рода (в мягких типах M и F2 родовое различие отсутствует полностью). Но в реальном узусе и это стандартное распределение во многих случаях нарушается, демонстрируя взаимопроникновение «чужих» родовых окончаний во все типы: ср., например, такие «незаконные» формы генитива мн., как *солдат, друзей, деревень, облаков, платьев, юношей*, и т. п.). Фактически, в современном русском языке выбор из трех флексий генитива мн. числа является в большей степени лексико-фонологическим, чем грамматическим.

Похожая ситуация в номинативе мн.: стандартной является флексия *-a* для типов N и N2 и флексия *-y* для всех остальных типов⁸. Однако, как известно, и это распределение часто нарушается: (ударная) флексия *-á* активно проникает в парадигмы существительных мужского рода (процесс появления форм типа *дома, города* подробно изучен в исторической русистике; с другой стороны, имеется и непродуктивная модель типа *стулья*, с особой основой мн. числа). Верно и обратное: «чужая» флексия возможна и у существительных среднего рода (формы типа *яблоки, плечи*).

Таким образом, если в целом и можно согласиться с осторожным замечанием А. А. Зализняка (1967a/2002: 219), что из структуры именных парадигм «не следует, что различия морфологических родов во мн. числе в современном языке уже стерты», то вместе с тем нельзя и утверждать, что флексии мн. числа полностью детерминированы морфологическим родом. Самым нетривиальным описательным выводом из этого факта является то, что парадигма мн. числа оказывается в русском склонении элементом того же порядка, что «родовые» парадигмы ед. числа: если принять, что морфологический род во мн. числе не различается, то число и род становятся иерархическими единицами одного порядка в рамках набора парадигматических классов. Этот набор включает мужские, женские, средние и плюральные парадигмы, которые — опять же через призму табличной логики — могут быть представлены как смежные столбцы одной таблицы склонения. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что в современном русском языке мн. число в структурном отношении стало подобно роду (или, если угодно, стало особым дополнительным родом).

⁸ Небольшое число существительных имеют особую флексию *-e* (*цыгане, бояре*). Проникновение вокалического элемента *-a-* во все флексии множественного числа зашло в современном русском настолько далеко, что позволяет говорить о начавшемся процессе «декумуляции» плюральной падежной парадигмы с появлением элементов слабой агглютинации (см. подробнее Зализняк 1967b/2002; ср. также в более общем плане Igartua 2015, Плунгян & Семёнова 2016, где понятие декумуляции обсуждается на более широком типологическом материале).

Несмотря на кажущуюся парадоксальность этой формулировки, она никоим образом не является новой. Сходные идеи впервые, как представляется, были намечены в ранних работах Н. Н. Дурново начала 1920-х гг. об эволюции русского склонения и получили поддержку Н. С. Трубецкого. Примечательны несколько отрывков из опубликованных писем Трубецкого к Дурново (цит. по изд. Письма 2004); ср., в частности:

«Не кажется ли Вам, что в русском языке “множественное число” есть категория не числа, а рода? Мне кажется, что термин “множественное число” по крайней мере в русском языке совершенно неточен. Можно говорить лишь о “одушевленномножественном” и “неодушевленномножественном” *родах*, понимая эти термины так же условно, как и обозначения других родов: “ворота” принадлежит к неодушевленномножественному роду, но столь же мало связано с представлением о множественности, как “дверь”, принадлежащее к женскому роду, связано с представлением о женском поле. Наличие пар “стол : столы”, “дерево : деревья” и проч. есть частный случай, точно так же как наличие пар “немец : немка”, “дурак : дура” и проч. В общем же, в принципе “множественное число” в русском языке независимо от “единственного”».

(письмо Н. С. Трубецкого к Н. Н. Дурново от 24 февраля 1925)

«Мои мысли о “множественном роде” навеяны изучением восточнокавказских языков, где категория рода (в чеченском языке родов 6, в большинстве лезгинских — по 4) более семасиологична, чем в индоевропейских и где, между прочим, почти все “множественные числа” существительных принадлежат другому роду, чем соответственные “единственные числа”. <...> Словом, в кавказских языках это явление обычное. Славянские же языки <...> проявляют тенденцию с одной стороны к “семантизации” родовых различий, с другой — к их подчеркиванию особыми формами склонения. В этом отношении они более всего приближаются к кавказскому типу, мне кажется, что в русском языке в этом направлении достигнут, если не максимум, то, во всяком случае, значительный успех».

(письмо Н. С. Трубецкого к Н. Н. Дурново от 8 марта 1925)

Наблюдения Трубецкого о структурном сходстве сингулярных родо-вых и плюральных парадигм представляются справедливыми, как и про-ницательное типологическое сравнение русского склонения с системами языков с именными классами (к нахско-дагестанским языкам можно было бы добавить и многочисленные примеры атлантических и вольта-конголез-ских языков Тропической Африки). В практике описания всех этих языков именной класс (понимаемый как уникальная согласовательная модель) обычно приписывается формам только одной числовой граммы: у форм ед. и мн. числа разная согласовательная модель, а корреляции между син-гулярными и плюральными классами обычно сложны и многообразны. Используя формулировку Трубецкого, во всех этих случаях «множествен-ное число независимо от единственного» (по крайней мере в отношении выбора согласовательной модели). Проявления этой независимости в разных языках могут быть разными, но и в русском, и в многочисленных языках с именными классами это парадоксальным образом означает, что иерархи-чески число подчинено роду — в отличие, например, от систем других сла-

вянских или романских языков, где эти категории (более) равноправны и ни одна из них не доминирует над другой.

Как представляется, идеи Дурново и Трубецкого о возможной трактовке мн. числа как одной из граммем морфологического рода отчасти повлияли и на описание слов *pluralia tantum* у Зализняка (где лексемам типа *сани* приписывается особый согласовательный класс, называемый также «парным родом»). Здесь происходит такое же структурное отождествление числа и рода, точнее, переинтерпретация как родового изначально числового противопоставления. Подобное решение было бы в принципе невозможно, если бы в русском языке число и род сохранили иерархическое равноправие (и, например, слова *pluralia tantum* могли бы противопоставляться по роду, как это имеет место в других славянских языках). Единственный рудимент такого противопоставления можно было бы видеть в выборе разных алломорфов флексии номинатива и особенно генитива мн. (ср. ген. мн. *каникул, чернил, брюк, но штанов, обоев, финансов*), однако связывать этот выбор с родом, как мы видели, с трудом удается даже у стандартных существительных с полной числовой парадигмой — отсутствие такой мотивации у слов *pluralia tantum* (где этот выбор в современном языке явным образом лексический) является еще одним подтверждением иерархической доминации рода над числом⁹.

Всё сказанное можно обобщить в виде следующей таблицы (табл. 1), где приводятся основные варианты флексий русских существительных (используется морфонологическая запись, позволяющая устранить тривиальные чередования). Грамматический синкретизм по возможности отражается объединением смежных клеток таблицы. Об обозначениях парадигматических классов (напомним, что как один из них рассматривается и мн. число) см. выше.

Таблица 1

Базовые падежные формы (с Acc)

	F	F2	M2/N2	M	N	PL
NOM	-a	-∅			-o	-y, -a, (-e)
ACC	-u	-∅		DIF		DIF
GEN	-y			-a		-∅, -ov, -ej
PR	-e	-y		-e		-ax
DAT				-u		-am
INS	-oj [u]	-ju	-om			-ami, (-mi)

⁹ А. А. Зализняк, тем не менее, не заходит так далеко в своем описании, чтобы считать плюральную парадигму манифестацией морфологического рода: поэтому и слова *pluralia tantum* в его концепции выражают лишь отдельную грамему синтаксического рода, а морфологический род им, во многом условно, приписывается в соответствии с представлениями о «стандартном» наборе флексий Nom и Gen (так, например, слова *сани* и *сени* получают в Грамматическом словаре помету мужского морфологического рода, *каникулы* и *брюки* — женского морфологического рода).

Примеры класса F: *стена, ступня, коза, юноша*

Примеры класса F2: *кровь, мышь, лошадь, пять*

Примеры класса N2: *знамя* (класс M2: *путь*)

Примеры класса M: *бык, меч, дом*

Примеры класса N: *озеро, яблоко, поле, чудовище*

4. Место форм партитива и аднумератива в парадигме

Помимо базовых падежей, определенный интерес с точки зрения «встраивания» в таблицу склонения представляют также слабо дифференцированные, но парадигматически существенные падежи. Напомним, что таких падежей три; место Acc уже было определено в Таблице 1 среди базовых падежей, тогда как проблема Part и Adn актуальна лишь для существительных мужского морфологического рода стандартного типа склонения (во всех остальных типах специализированных показателей у этих падежей нет, и они совпадают с Gen). Таким образом, эти два падежа целесообразно отразить в особой таблице, представляющей собой локальное расширение базовой таблицы для типа M.

На первый взгляд эта задача кажется тривиальной: в базовую падежную таблицу нужно просто добавить две лишние строки. Однако такой — наиболее традиционный — вариант описания оказывается не единственно возможным (и, в силу ряда факторов, даже не самым предпочтительным). Дело в том, что основная проблема, которая возникает в связи с формами Part и Adn, состоит в том, граммемами какой категории их целесообразнее всего считать. Выбор здесь, собственно, возможен из двух трактовок: более формальная трактовка исходит из того, что это дополнительные падежные граммы (как это обычно молчаливо принимается в существующих описаниях), но учет семантической специфики этих показателей заставляет рассмотреть их непадежную трактовку в качестве пусть и спорной, но интересной альтернативы. В последнем случае следует исходить из того, что основные значения Part и Adn — количественные: они выражают значения из семантической зоны квантификации (неопределенного количества вещества, небольшого количества дискретных объектов и т. п.). Тот факт, что партитивность и счетность — фактически количественные, а не падежные значения (поскольку, в отличие от падежных, они никак не связаны с выражением семантических и/или синтаксических ролей аргументов предиката), вообще говоря, хорошо известен. В тех языках, где партитив надежным образом встраивается в падежную систему, он, как правило, выражает (пусть в ограниченном объеме) и собственно падежные функции. Однако в русском языке положение иное: функции Part и Adn ограничены количественной сферой. Это отмечается уже у А. А. Зализняка: «<...> различие между предметом вообще и некоторой его частью в принципе сходно с различием чисел и потому могло бы трактоваться аналогично числу» (Зализняк 1967а/2002: 46; ср. также Мельчук 1985); однако Зализняк (возможно,

справедливо) не делает радикальных дескриптивных выводов из этого факта¹⁰. Между тем, такой вариант описания, при котором граммемы Part и Adn образуют общую категорию с ед. и мн. числом, может быть рассмотрен — в некотором отношении он лучше отражает не только семантическую, но и синтаксическую специфику употребления Part и Adn. Однако здесь необходимо учитывать несколько важных обстоятельств.

Прежде всего, выражение Part и Adn возможно только в «главных» синтаксических падежах, т. е. оно семантически релевантно для Nom, Acc и Gen, а в других падежах не выражается¹¹ (в партитивных контекстах, если о них вообще можно говорить применительно к косвенным падежам, используется форма ед. числа соответствующего падежа, а в счетных контекстах — форма мн. числа соответствующего падежа).

При этом морфологической особенностью Adn является то, что в тех немногих существительных типа M, где у него имеется специализированный показатель, он присутствует только в формах Nom (и Acc, если он совпадает с Nom), а в остальных падежах совпадает с показателями мн. числа для этих падежей. Ср. *прошли/провёл два часа́* vs. *прошли/провёл эти часы́* (здесь в контексте Nom и Acc различается аднумеративная и плюральная формы), но *к двум/к этим часам* (здесь в контексте косвенного падежа аднумеративная и плюральная формы не различаются).

Несколько иначе ведет себя Part: он имеет специализированный показатель во всех трех главных падежах, но само падежное противопоставление при этом нейтрализуется, т. е. этот специализированный показатель у Part во всех трех падежах одинаков. Ср. партитивные употребления лексемы *сахар* в контексте Nom, Acc и Gen: *сахару там было!..* (Nom), *добавь еще сахару* (Acc), *кусочек сахару* (Gen). Грамматический анализ этих примеров может показать спорным, но следует напомнить, что мы анализируем партитив как чисто количественную граммему, следовательно, вопрос о приписывании падежа зависит от синтаксической функции имени — а она в приведенных примерах разная (соответственно, субъектная, объектная и атрибутивная). Тем самым, и падежи словоформе *сахару* в этих контекстах следует приписывать разные, хотя формальное различие в выражении падежных функций отсутствует, так как блокируется партитивом (более подробное обсуждение этих проблем в контексте современных синтакси-

¹⁰ Как представляется, наиболее существенным препятствием для непадежной трактовки Part и Adn является не столько даже их слабая морфологическая дифференцированность (и лексическая ограниченность), сколько необязательность их употребления: так, практически во всех контекстах Part может быть заменен на Gen. Постулировать же «расщепление» показателя Gen на две граммемы — падежную и непадежную — является, по-видимому, слишком громоздким и антиинтуитивным решением (что, впрочем, не отменяет того факта, что среди употреблений русского Gen значительное место занимают такие, которые не выражают ролевых отношений).

¹¹ С типологической точки зрения случаи нейтрализации количественных противопоставлений в части падежей вполне обычны, и в этом смысле количественная трактовка Part и Adn не противоречит известным фактам.

ческих теорий см., например, в Madariaga & Igartua 2017 и Igartua & Madariaga 2018; с типологической точки зрения это явление в русском падежном морфосинтаксисе ближе всего соответствует так называемым «generalized partitives», которые блокируют выражение главных синтаксических ролей: ср. Seržant 2021: 890–892).

С учетом сказанного, возможный вариант расширенной падежной таблицы для лексем класса М мог бы выглядеть так, как это показано в Таблице 2.

Таблица 2

Расширенная таблица для существительных типа М

	SG	PART	PL	ADN
NOM	-∅	-и	-у, -а́	-а, (-а́)
ACC	DIF		DIF	
GEN	-а		-ов / -еј	

Конечно, эта таблица выглядит во многом необычно — но заметим, что она может существенно упростить синтаксическое описание русских количественных конструкций. В частности, предложенная в ней трактовка позволяет во всех случаях считать имя синтаксической вершиной нумеративной конструкции — и говорить, например, об именительном (а не родительном) падеже аднумеративного подлежащего в конструкциях типа *стоят два до́ма* — аналогично именительному падежу плюрального подлежащего в конструкциях типа *стоят эти до́ма*. Аналогичные решения для партитивных именных групп обсуждались выше; типологическим закономерностям, выявленным у партитивных граммем в языках мира, они не противоречат.

Таким образом, как мы попытались показать, техническая на первый взгляд задача составления «оптимальной» таблицы склонения открывает ряд нетривиальных закономерностей в устройстве русского именного словоизменения и позволяет с неожиданной стороны взглянуть на типологические особенности русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Аркадьев П. М. «Типология и диахрония: наблюдения над падежным синкретизмом в славянских языках». В. Н. Топоров (ред.). *Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой*. Москва: Языки славянских культур, 2005: 210–223.
- Даниэль М. А. «“Новый” русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпуса письменных текстов». К. Л. Киселёва и др. (ред.). *Корпусные исследования по русской грамматике*. Москва: Пробел, 2009: 224–244.
- Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение». А. А. Зализняк. *Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию)*, Москва: Языки русской культуры, 1967а/2002: 1–370.
- Зализняк А. А. «О показателях множественного числа в русском склонении». А. А. Зализняк. *Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по совре-*

- менному русскому языку и общему языкознанию). Москва: Языки русской культуры, 1967b/2002: 545–549.
- Зализняк А. А. «О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях». А. А. Зализняк. *Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию)*. Москва: Языки русской культуры, 1973/2002: 613–647.
- Крылов С. А. «“Русское именное словоизменение” А. А. Зализняка 30 лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций нео-структуралистской морфологии». А. А. Зализняк. *Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию)*. Москва: Языки русской культуры, 2002: 699–748.
- Малышева А. В. & Ронько Р. В. «Русский объектный генитив при отрицании по данным диалектных корпусов и устного корпуса НКРЯ». *Вопросы языкознания* 4 (2020): 25–54.
- Мельчук И. А. *Поверхностный синтаксис русских числовых выражений*. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1985.
- Плунгян В. А. & Семёнова Кс. П. «К типологии древнеармянской именной парадигматики: Instr.Pl.». *Вопросы языкознания* 5 (2016): 103–118.
- Письма и заметки Н. С. Трубецкого*. Подготовка к изд. Р. Якобсона при участии Х. Барана, О. Ронена, М. Тейлор. Москва: Языки славянских культур, 2004.
- Andersen Henning. “The new Russian vocative: Synchrony, diachrony, typology”. *Scando-Slavica* 58/1 (2012): 122–167.
- Arkadiev Peter M. “Syncretisms and neutralizations involving morphological case: Challenges for markedness theory”. Alexander Arkhipov & Patience Epps (eds.), *New Challenges in Typology: Transcending the Borders and Refining the Distinctions*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009: 105–126.
- Auwera Johan van der. “Semantic maps, for synchronic and diachronic typology”. Anna Giacalone Ramat, Caterina Mauri & Piera Molinelli (eds.), *Synchrony and Diachrony: A dynamic interface*. Amsterdam: John Benjamins, 2013: 153–176.
- Baerman Matthew, Dunstan Brown & Greville G. Corbett. *The Syntax-Morphology Interface: A Study of Syncretism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Blevins James P. *Word and paradigm morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Caha Pavel. “Classical Armenian declension”. *Nordlyd* 36/1 (2009): 77–112.
- Chvany Catherine V. “Hierarchies in the Russian case system: For N-A-G-L-D-I, against N-G-D-A-I-L”. Olga T. Yokoyama & Emily Klenin (eds.), *Selected Essays of Catherine V. Chvany*, Columbus (OH): Slavica, 1982/1996: 175–187.
- Daniel Michael. “The second genitive in Russian”. Silvia Luraghi & Tuomas Huomo (eds.), *Partitive Cases and Related Categories*, Berlin: De Gruyter Mouton, 2014: 347–378.
- Georgakopoulos Thanasis & Stéphane Polis. “The semantic map model: State of the art and future avenues for linguistic research”. *Language and Linguistics Compass* 12/2 (2018).
- Harley Heidi & Elizabeth Ritter. “Person and Number in Pronouns: A Feature-Geometric Analysis”. *Language* 78/3 (2002): 482–526.
- Haspelmath Martin. 2003. “The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and crosslinguistic comparison”. Michael Tomasello (ed.). *The new psychology of language*. Vol. II. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2003: 211–242.
- Igartua Iván. “From cumulative to separative exponence in inflection: Reversing the morphological cycle”. *Language* 91 (2015): 676–722.
- Igartua Iván & Nerea Madariaga. “The interplay of semantic and formal factors in Russian morphosyntax: animate paucal constructions in direct object function”. *Russian Linguistics* 42/1 (2018): 27–55.
- Janda Laura A. “Name-calling: The Russian ‘new Vocative’ and its status”. Lars Heltoft, Iván Igartua, Brian D. Joseph, Kirsten Jeppesen Kragh & Lene Schøsler (eds.), *Perspectives on Language Structure and Language Change: Studies in honor of Henning Andersen*. Amsterdam: John Benjamins, 2019: 381–394.
- Koptjevskaja-Tamm Maria & Wälchli Bernhard. 2001. “The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach”. Östen Dahl & Maria Koptjevskaja-Tamm (eds.), *Circum-Baltic Languages: Volume 2: Grammar and Typology*. Amsterdam: John Benjamins, 2001: 615–750..

- Madariaga Nerea & Igartua Iván. “Idiosyncratic (Dis)agreement Patterns: The Structure and Diachrony of Russian Paucal Subjects”. *Scando-Slavica* 63/2 (2017): 99–132.
- McCreight Katherine & Chvany Catherine V. 1991. “Geometric representation of paradigms in a modular theory of grammar”. Frans Plank (ed.). *Paradigms: The Economy of Inflection*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991: 91–112.
- Nesset Tore. “The Assignment of Gender and Declension to Russian Nouns in Soft Consonants: Predictability and Rule Interaction”. *Journal of Slavic Linguistics* 11/2 (2003): 287–322.
- Plank Frans. 1991. “Rasmus Rask’s dilemma”. Frans Plank (ed.). *Paradigms: The Economy of Inflection*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991: 161–196.
- Seržant Ilja A. 2021. “Typology of partitives”. *Linguistics* 59/4 (2021): 881–947.

REFERENCES

- Andersen Henning. “The new Russian vocative: Synchrony, diachrony, typology”. *Scando-Slavica* 58/1 (2012): 122–167.
- Arkadiev Peter M. “Syncretisms and neutralizations involving morphological case: Challenges for markedness theory”. Alexander Arkhipov & Epps Patience (eds.), *New Challenges in Typology: Transcending the Borders and Refining the Distinctions*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009: 105–126.
- Arkad’ev P. M. «Tipologiya i diahroniya: nablyudeniya nad padezhnym sinkretizmom v slavyanskikh yazykah». V. N. Toporov (red.). *Yazyk. Lichnost’. Tekst: sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoj*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2005: 210–223.
- Auwers Johan van der. “Semantic maps, for synchronic and diachronic typology”. Anna Giacalone Ramat, Caterina Mauri & Piera Molinelli (eds.), *Synchrony and Diachrony: A dynamic interface*. Amsterdam: John Benjamins, 2013: 153–176.
- Baerman Matthew, Dunstan Brown & Corbett Greville G. *The Syntax-Morphology Interface: A Study of Syncretism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Blevins James P. *Word and paradigm morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Caha Pavel. “Classical Armenian declension”. *Nordlyd* 36/1 (2009): 77–112.
- Chvany Catherine V. “Hierarchies in the Russian case system: For N-A-G-L-D-I, against N-G-D-A-I-L”. Olga T. Yokoyama & Emily Klenin (eds.). *Selected Essays of Catherine V. Chvany*. Columbus (OH): Slavica, 1982/1996: 175–187.
- Daniel’ M. A. «“Novyj” russkij vokativ: istoriya formy usechennogo obrashcheniya skvoz’ prizmu korpusa pis’mennykh tekstov». K. L. Kiselyova et al. (red.). *Korpusnye issledovaniya po russkoj grammatike*. Moskva: Probel, 2009: 224–244.
- Daniel Michael. “The second genitive in Russian”. Silvia Luraghi & Tuomas Huomo (eds.), *Partitive Cases and Related Categories*, Berlin: De Gruyter Mouton, 2014: 347–378.
- Georgakopoulos Thanasis & Stéphane Polis. 2018. “The semantic map model: State of the art and future avenues for linguistic research”. *Language and Linguistics Compass* 12/2 (2018).
- Harley Heidi & Elizabeth Ritter. “Person and Number in Pronouns: A Feature-Geometric Analysis”. *Language* 78/3 (2002): 482–526.
- Haspelmath Martin. 2003. “The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and crosslinguistic comparison”. Michael Tomasello (ed.). *The new psychology of language*. Vol. II. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2003: 211–242.
- Igartua Iván. “From cumulative to separative exponence in inflection: Reversing the morphological cycle”. *Language* 91 (2015): 676–722.
- Igartua Iván & Nerea Madariaga. “The interplay of semantic and formal factors in Russian morphosyntax: animate paucal constructions in direct object function”. *Russian Linguistics* 42/1 (2018): 27–55.
- Janda Laura A. “Name-calling: The Russian ‘new Vocative’ and its status”. Lars Heltoft, Iván Igartua, Brian D. Joseph, Kirsten Jeppesen Kragh & Lene Schøsler (eds.). *Perspectives on Language Structure and Language Change: Studies in honor of Henning Andersen*. Amsterdam: John Benjamins, 2019: 381–394.
- Koptjevskaja-Tamm Maria & Bernhard Wälchli. 2001. “The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach”. Östen Dahl & Maria Koptjevskaja-Tamm (eds.). *Circum-Baltic Languages: Volume 2: Grammar and Typology*. Amsterdam: John Benjamins, 2001: 615–750.

- Krylov S. A. «“Russkoe imennoe slovoizmenenie” A. A. Zaliznyaka 30 let spustya: opyt retrospektivnoj recenzii s pozicij neo-strukturalistskoj morfologii». A. A. Zaliznyak. *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu)*. Moskva: Yazyki russoj kul'tury, 2002: 699–748.
- Madariaga Nerea & Iván Igartua. “Idiosyncratic (Dis)agreement Patterns: The Structure and Diachrony of Russian Paucal Subjects”. *Scando-Slavica* 63/2 (2017): 99–132.
- Malysheva A. V. & R. V. Ron'ko. «Russkij ob'ektnyj genitiv pri otricanii po dannym dialektnyh korpusov i ustnogo korpusa NKRYA». *Voprosy yazykoznaniya* 4 (2020): 25–54.
- McCreight Katherine & Catherine V. Chvany. 1991. “Geometric representation of paradigms in a modular theory of grammar”. Frans Plank (ed.). *Paradigms: The Economy of Inflection*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991: 91–112.
- Meľchuk I. A. *Poverhnostnyj sintaksis russkikh chislovyh vyrazhenij*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985.
- Neset Tore. “The Assignment of Gender and Declension to Russian Nouns in Soft Consonants: Predictability and Rule Interaction”. *Journal of Slavic Linguistics* 11/2 (2003): 287–322.
- Pis'ma i zametki N. S. Trubeckogo. Podgotovka k izd. R. Jakobsona pri uchastii H. Barana, O. Ronena, M. Tejlor. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2004.
- Plank Frans. 1991. “Rasmus Rask’s dilemma”. Frans Plank (ed.). *Paradigms: The Economy of Inflection*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991: 161–196.
- Plungyan V. A. & Ks. P. Semyonova. «K tipologii drevnearmyanskoj imennoj paradigmatici: Instr.Pl.» *Voprosy yazykoznaniya* 5 (2016): 103–118.
- Seržant Ilja A. 2021. “Typology of partitives”. *Linguistics* 59/4 (2021): 881–947.
- Zaliznyak A. A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie». A. A. Zaliznyak. *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu)*. Moskva: YAzyki russoj kul'tury, 1967a/2002: 1–370.
- Zaliznyak A. A. «O pokazatelyah mnozhestvennogo chisla v russkom sklonenii». A. A. Zaliznyak. *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu)*. Moskva: Yazyki russoj kul'tury, 1967b/2002: 545–549.
- Zaliznyak A. A. «O ponimanii termina “padezh” v lingvisticheskih opisaniyah». A. A. Zaliznyak. *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu)*. Moskva: Yazyki russoj kul'tury, 1973/2002: 613–647.

Владимир Плуңгјан

ГЕОМЕТРИЈА ПРОМЕНЕ РЕЧИ У РУСКОМ ЈЕЗИКУ:
О ТРАДИЦИОНАЛНИМ И НЕТРАДИЦИОНАЛНИМ ТАБЛИЦАМА ИМЕНИЧКЕ
ПРОМЕНЕ

Резиме

У раду се разматра низ теоријских проблема промене речи у руском језику са становишта техничког (на први поглед) задатка формирања оптималне таблице промена именица у руском језику. Те потешкоће се могу поделити у три групе. Прву групу чини хијерархија падешких грамема и повезани с њом редослед падежа у парадигми. Другу групу чини скуп врста промена (типови промена речи који настају услед аломорфних варијација показатеља који одражавају једнак скуп грамема), као и представљање тих аломорфних варијација у парадигмама промена речи. Најзад, у трећу групу спадају потешкоће при одређивању места форми партитива („другог генитива“) и аднумератива („бројне форме“) у систему промене именица у руском језику. Та потешкоћа је у русистици разматрана кудикамо мање, али она је тесно повезана са потешкоћама из двеју претходних група.

Кључне речи: руски језик, морфологија, промена именица, падеж, број, род, геометријски модели, таблице.

Jarmila Panevová
Ústav formální a aplikované lingvistiky
Matematicko-fyzikální fakulta Univerzity Karlovy v Praze
panevova@ufal.mff.cuni.cz

Jarmila Panevová
Department of Formal and Applied Linguistics
Faculty of Mathematics and Physics, Charles University in Prague
panevova@ufal.mff.cuni.cz

K VYBRANÝM TYPŮM DEVERBATIVNÍCH ADJEKTIV V ČEŠTINĚ (V POROVNÁNÍ S RUŠTINOU)¹

ON SELECTED TYPES OF DEVERBAL ADJECTIVES IN CZECH (IN COMPARISON WITH RUSSIAN)

Článek je věnován analýze adjektiv tvořených v češtině ze slovesných příčestí a přechodníků s důrazem na adjektiva tvořená od *-l* příčestí sufixem *-lý*. Stručně se porovnávají tyto systémy v češtině a v ruštině. Kromě způsobu tvoření se analyzují jak významové rozdíly mezi konkurenty na *-ící* a *-vší* na jedné straně a *-lý* na straně druhé, tak jejich vzájemná synonymie a zaměnitelnost.

Klíčová slova: deverbativní adjektivum, příčestí, derivace syntaktická, derivace lexikální.

The paper provides an analysis of adjectives derived from verbal participles and transgressives in Czech. Their system in Czech and Russian are briefly compared. The difference between the competing adjectives derived by *-ící* and *-vší* on the one side and by *-lý* on the other as well as their possible synonyms and competition between them are discussed.

Key words: deverbative adjectives, participles, syntactic derivation, lexical derivation.

1 Úvod

Při analýze vybraných deverbativních adjektiv typu *bdělý*, *souvislý*, *pokleslý* stojíme před dvěma teoretickými otázkami: (a) jde tu o derivaci syntaktickou nebo lexikální ve smyslu Kuryłowicze,² a (b) jaká je pozice tohoto způsobu derivace uvnitř systému odvozování od slovesných příčestí. V případě otázky

¹ Vznik této stati byl podpořen projektem GA ČR 19-14534S.

² V případě derivace syntaktické jde o zachování lexikálního významu zpravidla spojeného se změnou slovního druhu, v případě derivace lexikální slovo zpravidla nabývá jinou formální podobu, ale především podléhá významové změně.

(a) jde o zjištění konkurence lexikálních derivátů s deriváty syntaktickými, v (b) jde o hledisko systémovosti derivačních procesů v češtině (na rozdíl např. od ruštiny). Přestože naším primárním cílem je výzkum slovesných adjektiv odvozených příponou *-lý* (oddíl 4), nemůžeme se vyhnout pohledu na jejich systémovou pozici v porovnání s jinými skupinami participiálních adjektiv (oddíly 1 až 3).

Adjektiva odvozená od přičestí slouží primárně jako syntaktické odvozeniny, a to v češtině i v ruštině.³ Uplatňuje se zde opozice slovesného vidu (imperfektiva vs. perfektiva) a slovesného rodu (aktivum vs. pasivum); obvykle hraje roli i povaha syntaktická (tranzitivnost vs. bezpředmětovost). Termíny často v této souvislosti užívané (přítomnost, popř. současnost, a minulost, popř. předčasnost) mohou být snad užitečné, popisuje-li se formální způsob tvoření participiálních adjektiv, nikoli však pro výklad jejich významu a pozice v systému. Užíváme proto místo nich termínů z oblasti vidu. Pro adjektiva na *-lý* užíváme ve slovtvorném paradigmatu v souladu s Karlíkem (Karlík et al. 1995: 172) a Štíchou (Štícha et al. 2018: 848n.) termínu adjektiva rezultativní. Co do srovnání úplnosti tvoření slovesných adjektiv aspirujících na syntaktickou derivaci od základových sloves se nabízí ruský systém (Tabulka 1)⁴ v porovnání se systémem českým (Tabulka 2)⁵. Adjektiva zakončená na *-lý* tvořená v češtině více méně produktivně jsou sice primárně dokonavá, ale jejich odvození od imperfektivních sloves není vyloučeno, jsou však zpravidla odloučena významově (*jedlý, (ne)dba-lý*), zpravidla se také neúčastní opozice aktivum vs. pasivum:

Tabulka 1

	Aktivum	Pasivum	<i>Aktivum</i>	<i>Pasivum</i>
<i>Impf.</i>	создающий	создаваемый	читающий	читаемый
<i>Perf.</i>	создавший	созданный	читавший	(про)читанный

Tabulka 2

	<i>Aktivum</i>	<i>Pasivum</i>	<i>Aktivum</i>	<i>Pasivum</i>	<i>Aktivum</i>	<i>Pasivum</i>
<i>Impf.</i>	zapadající	zapadaný	plynoucí	–	čtoucí	čtený
<i>Perf.</i>	zapadnuvší	zapadnutý	(u)plynuvší	uplynutý	–	přečtený ⁶
<i>Rezult.</i>	zapadlý / padlý		(u)plynulý		–	

³ Podobný systém jako čeština má polština (viz schéma podle (Biskup 2019: 77): *czytający — czytany; przeczytawszy — przeczytany; zwiędły*), tento typ adjektiva na *-lý* sdílí také srbsština (viz Přílohu 1).

⁴ Podrobný popis tvorby a užití ruského systému ve srovnání se slovenským nacházíme v 2. díle knihy (Isačenko 1960: 540n.)

⁵ Stranou pozornosti zde zůstávají slovesná adjektiva odvozená jednoznačně derivací lexikální (*hasiči* = určený k hašení, *pohyblivý, slyšitelný, čtivý* = s významem možnosti, schopnosti, náchylnosti).

⁶ Pojetí vidu vychází z jeho reprezentace ve Funkčním generativním popisu (Panevová et al. 1971); vedle sufixálně tvořených dvojic (*zapadat — zapadnout*) pokládáme za vidovou opozici též prefixálně tvořený člen s čistě vidovou (popř. též řadicí) předponou, např. *psát — napsat* (viz Poldauf 1954, Komárek 1978; 2006), viz též poznámku 9.

Frekvence příkladů z Tabulky 1 v korpusu Национальный корпус русского языка a z Tabulky 2 v korpusu SYNv8:

создающий — 22, *создаваемый* 157, *создавший* 36, *созданный* 1 950;
читающий — 380, *читаемый* — 3 398, *читавший* — 366, (*про*)*читанный* — (1) + 54.
zapadající — 5 596, *zapadnuvší* — 12, *zapadaný* — 1 745, *zapadnutý* — 187, *zapadlý* — 20 535,
padlý — 47 088;
plynoucí — 25 376, (*u*)*plynuvší* — (0) +145, *uplynutý* — 73, *uplynulý* — 371 618, *plynulý* — 34 046;
čtoucí — 986, *čtený* — 14 288, *přečtený* — 9 384.

2 Příklady užití slovesných adjektiv odvozených od přičestí a přechodníků

Najít úplné paradigma, jako je tomu v prvním příkladu v Tabulce 2, není v češtině snadné (srov. např. ojedinělost některých členů a nerovnoměrnost výskytů v členech jednotlivých vybraných paradigmat uvedených níže).⁷ Adjektiva z těchto paradigmat jsou dokumentována v příkladech (1) — (11). Ruská adjektiva z Tabulky 1 dokládáme v příkladech (12) — (19).

pukající (309), *puknuvší* (2), *puklý* (824), *puknutý* (3);
zvykající si (41), *zvyknuvší si* (1), *zvyklý* (196 492), *zvyknutý* (17);
končící (47 305), *skončivší* (341), *skončený* (20 417);
plynoucí (25 376), *uplynuvší* (145), *uplynulý* (371 618), *uplynutý* (73), *plynulý* (34 046).
zanikající (3632), *zaniknuvší* (133), *zanikavší* (1), *zaniknutý* (11), *zaniklý* (30 363).

Lemma *zaniknutý* doložené v korpusu SYNv8 v 11 případech (viz větu (11)) je okrajové a jeví se jako možný slovakismus (*Naším cílem je oživit dávno zaniknutá řemesla*). Nesystémově tvořené adjektivum slovesné *zanikavší* (viz větu (10)) je doloženo v jediném příkladu, oproti systémovému perfektivnímu tvaru *zaniknuvší*, který se vyskytuje ve 133 případech. Tam, kde je paradigma úplné, shledáváme přece jen jisté anomálie (nízký výskyt *zapadnuvší* (12 výskytů) a střední výskyt *zapadnutý* (187 výskytů), silná převaha *uplynulý* vůči *uplynuvší* a *uplynutý*). Častější jsou paradigmata exemplifikovaná příklady z Tabulky 2 (*plynout*, *číst*), u nichž absentují některé z členů paradigmatu (u *plynout* chybí adjektivum nedokonavé s pasívním významem **plynutý*, u *číst* pak chybí adjektivum na *-lý* a na — *vší*).⁸

⁷ V závorce je v celém textu uváděna frekvence v korpusu SYNv8 (dostupném na webu: <http://www.korpus.cz>).

⁸ V ruštině adjektiva na *-lý* přešla podle Isačenko (1960: 559) plně do třídy adjektiv (*нпшлый, прошлый, хриплый*).

- (1) *Slyšeli ten tříštivý zvuk **pukajících** ker.*
- (2) *...uvolní semena mnohem účinněji, než by to dokázala **puknuvší** tobolka.*
- (3) *...pak opat promluvil **puklým** a nejistým hlasem.*
- (4) *Tady začal můj absurdní příběh **končící** za mřížemi.*
- (5) *Ale právě **skončivší** Jacques Chirac měl po volbách v roce 2002 za sebou podobně silnou většinu.*
- (6) *...vypráví mi o své **skončené** oplakávané lásce.*
- (7) *Wier se opírá o skutečnou mytologii **zanikající** kmenové kultury.*
- (8) *Ukázal na **zaniklý** hotel.*
- (9) *Se **zanikavší** osadou, kde žije místo původních 280 obyvatel, dnes už jen 42 lidí, zmizela i stará škola.*
- (10) *Jsem jako poslední vyslanec **zaniknuvší** provincie — daleko od domova, až příliš sama sebou.*
- (11) ***Zaniknutou** tradici pak zdejší zahradníci oživili.*
- (12) *Однажды **сдающий** им помещение хозяин велел новоявленным телевизионщикам убираться.*
- (13) *Это такой молодой скрипач, только что **создавший** камерный оркестр.*
- (14) *Зрелищное пространство Золотиревой — это лабиринт **создаваемый** на глазах у читателя.*
- (15) *...вновь **созданный** орган будет координировать борьбу с наркотрафиком.*
- (16) *Я замечала ee у многих сильно занятых, **чийтающих** людей.*
- (17) *...но профессор Бони, **чийтавший** нам анатомию ..., сказал мне по окончании курса ...*
- (18) *Мы смотрели чертеж, и если был **чийтаемый**, мы по нему работали.*
- (19) *Главное в том, что эпилог бросает сильно ретроспективный свет на весь только что **йрочийанный** вами роман.*

3 Způsoby tvoření slovesných adjektiv od příděstí a přechodníků

3.1. Zdrojová slovesa pro tvoření příslušných adjektiv jsou v příručkách charakterizována předepsanou vidovou podobou a tranzitivitou (tedy rysy morfologickými a syntaktickými). Ve výkladech o participiálních adjektivech se odráží způsob tvoření a významy jednotlivých odvozenin. Způsob tvoření syntaktických derivátů je u Šmilauera (1971: 140–141) popsán takto:

- (i) tvoří se z přechodníku přítomného zpravidla sloves nedokonavých (*píšící, schnoucí*),
- (ii) tvoří se z přechodníku minulého od sloves převážně dokonavých a tranzitivních (*opustivší, zakousnuvší*),

- (iii) tvoří se z přičestí minulého činného sloves zpravidla dokonavých bezpředmětových (*zvyklý (na), odpadlý, oteklý, trvalý, lesklý, dbalý*)
- (iv) tvoří se z přičestí trpného sloves zpravidla dokonavých tranzitivních nebo zvrtných (*odmítnutý, (na)psaný, odebraný, rozzlobený*).

Náhodně vybrané příklady ukazují na to, že slova „převážně/ zpravidla“ jsou v těchto definicích namísto jak pro charakteristiku vidovou, tak pro syntaktickou vlastnost tranzitivity. MČ 2 (Komárek et al. 1986) nazývá tyto odvozeniny po řadě zpřídavněly přechodník přítomný, zpřídavněly přechodník minulý, zpřídavněly přičestí činné a trpné. V PMČ (Karlík et al. 1995: 172–173) je tento typ popsán jako adjektiva procesuální (typ (i)), adjektiva rezultativní aktivní (typy (ii) a (iii)) a rezultativní pasivní (typ (iv)). S ohledem na jejich pozici mezi slovesem a adjektivem mluví Karlík (2016: 1002n.) později o „-l deverbativních adjektivech“, popř. o „-l participiu adjektivním“. Bednaříková (2009: 152 aj.) označuje slovesná adjektiva na -lý jako jeden z typů konverze, jejich popis tedy podle autorky patří do morfologie. Biskup (2016, 2019) pracuje s termíny opírajícími se o povrchové morfématické vyjádření: „-ny/-ty participles, -ly participles vs. -n/-t participle, -l participle“.

3.2. Zatímco pro češtinu konstatujeme obvyklou neúplnost paradigmatu adjektiv odvozených způsobu (i) — (iv) ve smyslu absence typu (iv) nebo typu (ii), tedy typu pro perfektivnost aktivní u (ii), nebo pasivní u typu (iv), v ruštině nacházíme paradigma (i) — (iv) u mnoha sloves úplné. Také podmínky pro jejich tvoření jsou v ruštině volnější než v češtině (viz např. možnost perfektiva i imperfektiva v ruštině *обиженный* (1005) a *обижаемый* (12) nebo pravidelnost konkurence u *исследованный* (37) a *исследуемый* (118)).⁹

4 Sémantika a syntax slovesných adjektiv se sufixem -lý v češtině

Naznačili jsme už výše, že jsou to právě slovesná adjektiva odvozená od minulých přičestí, která nezapadají přesně do derivačního systému slovesných adjektiv tvořených pravidelně a že se tedy jeví jako kandidáti na derivaci lexikální. Budeme sledovat následující kritéria: (a) způsob jejich derivace od slovesných základů, (b) jejich umístění v systému opozic relevantních pro paradigma adjektivních odvozenin, (c) jejich význam a konkurenci mezi slovesnými adjektivy.

4.1. Některá z těchto adjektivních podob konvertovala k substantivům: *dospělý, padlý, podezřelý, zbabělý, zemřelý, zesnulý*, přitom nepostrádají svou funkci adjektivní.

- (20) *Trochu bych to přirovnal k Novému roku, kdy **dospělí** rekapituluji úspěchy a neúspěchy předchozího roku.*
- (21) *Počet **zemřelých** nezadržitelně rostl.*
- (22) *...se snad nedokáže vymanit z nerozděleného bratrství **zbabělých**, ...*

⁹ Frekvence opět pocházejí z Ruského národního korpusu.

4.2. Jiné odvozeniny se v současné češtině významově výrazně odtrhly od základového slovesa: *umělý, skvělý, minulý, dokonalý, stálý, okázalý, ospalý, bývalý*.

- (23) *Existuje však nezanedbatelná skupina **bývalých** manželů, kteří tuto lhůtu nechají uplynout marně.*
 (24) *Nejsou to **dokonalé** ovály.*
 (25) *Ale **stálí** obyvatelé se neměnili.*
 (26) *Ukázal mi fotografii své ženy v pouzdře z **umělé** hmoty.*
 (27) *Bylo slyšet **ospalý** bzukot.*

O příkladech z odd. 4.1 a 4.2 lze učinit tento závěr: Adjektivní tvary a jejich substantivní protějšky z oddílu 4.1 se jeví jako slovnědruhá homonymie, každé z nich má své samostatné heslo se slovním druhem odlišným od základového slovesa. Příklady ze 4.2 jsou chápány spíše jako polysémi slova zachycená ve slovníku s příslušnými významy (např. *umělá-1 hmota* vs. *umělé-2 dýchání*).

4.3. Derivační paradigmaty slovesných adjektiv odvozených od přičestí a přechodníků jsou značně různorodá. Slovesa s vidovou dvojicí sufixální (-at a -nout)¹⁰ se chovají podle paradigmatu (A) bez účasti na pasivní části odvozenin, zatímco slovesa typu (B) tvořící perfektivní protiklad pomocí předpony se pasivní části paradigmatu účastní:¹¹

Tabulka 3A

Impf.	troufající si (32)
Perf.	troufnuší si (1)
Rezult.	troufalý (4 768)

Tabulka 3B

Impf.	kousající (252)	kousaný (11)
Perf.	kousnuví (0)	zakousnutý (1017)
Rezult.	zakouslý (209)	

- (28) *ODS připomíná vak štirů **kousajících se** vzájemně.*
 (29) *Čím déle je klišťe **zakouslé**, tím větší je riziko nákazy.*
 (30) *Mravenci kousaný trpitel utíká na místní lesnický úřad.*
 (31) *Vrtná sonda už byla částečně **zakousnutá** do ledu.*

4.4. U některých sloves bez jasného vidového protějšku jako např. *bdít* je derivační paradigma značně defektní. Obsahuje pouze členy *bdící* (Impf, 805) a *bdělý* (Rezult, 7 425), kde i frekvenční poměry svědčí ve prospěch náhrady jinak produktivního typu na -ící za méně produktivní *bdělý*.

- (32) *...bude se i dále objevovat **bdícím** zrakům na pozadí tmy (= bdělým).*

¹⁰ V hodnocení těchto dvojic jako vidových párů se shodujeme s Komárkem (Komárek 2006: 204n.) a lišíme se tak od stanoviska vysloveného explicitně v MČ 2 (Komárek et al. 1986: 187) popírajícího u těchto dvojic vidovou opozici.

¹¹ Odvozenina *kouslý* se v SYNv8 vyskytuje 6x; pokládáme ji za neologismus patřící spíše do mluveného jazyka a do sportovního žánru (*A navíc, když už Davis Cup jednou vyhrájet, tak už člověk není tak kouslý.*)

(33) *Na nábřeží našel **bdícího** převozníka (≠ bdělého).*

(34) *Doktor Procházka měl **bdělého** souseda (≠ bdícího).*

4.5. Existují případy adjektivních dvojic, v nichž se rozdíl perfektiva a imperfektiva jejich základu projevuje jako protiklad trvání/procesuálnosti a výsledku/rezultátu i s formálními důsledky, částečně si však formy na *-ící* a *-lý* významově konkurují:

vadnoucí (943) vs. *zvadlý* (2057),

tuhnoucí (769) vs. *ztuhlý* (9962),

kvetoucí (22 997) vs. *rozkvetlý* (19 193),

opíjející se (144) vs. *opilý* (167 340).

Některá adjektiva z výše uvedených dvojic jsou v textu použitelná v obou uvedených variantách (a) i (b) níže, ale se zřetelným významovým rozdílem, popř. jsou zaměnitelná pouze jednosměrně (*tuhnoucí* je zaměnitelné s příslušnou významovou změnou se *ztuhlý*, *ztuhlý* však není použitelné v některých kontextech slova *tuhnoucí*).

(35a) *Viděla utajené vrásky, **vadnoucí** pleť.*

(35b) *Ukázal jim **zvadlý** vřes s loňskými kvítky.*

(36a) *Zellaby se přiměl k pokusu prorazit **tuhnoucí** ledy.*

(36b) *Jeho manželka seděla jako **ztuhlá**.*

(37a) *Vrchol není nekonečná **kvetoucí** louka.*

(37b) *...ale tady v rohu je celý keř **rozkvetlých** fialek.*

(38a) *S **pokračující** nocí se prodlužovaly stíny krále a jeho prvního ministra.*

(38b) *Rakovina v **pokročilém** stadiu není.*

(39a) *Jak si za volantem vede postupně **se opíjející** řidič?*

(39b) *Zavinil to **opilý** řidič z Litvy.*

V paradigmatu těchto slovesných adjektiv je zastoupeno adjektivum imperfektivní s aktivním užitím (na-*ící*), systémově mu však chybí (s výjimkou pouhých dvou v korpusu uvedených příkladů tvaru *ztuhnuvší*, viz (40), (41)) perfektivní aktivní protějšek (na *-vší*).¹² Adjektiva na *-lý* mohou vystupovat v popisovaném paradigmatu jako jejich náhrada. Při tomto pojetí lze adjektiva na *-lý* chápat jako syntaktické odvozeniny základových sloves obsahující údaj o jejich specifické derivaci stojící mimo systémově tvořenou participiální čtveřici. Většina z nich nabyla rysu vlastního kategorií adjektiv, tj. stupňování (*pokročilejší*, *opilejší apod.*, viz (42), (43):

(40) *Také rosol **ztuhnuvší** v neviditelných kloubech včera a zítra znovu.*

¹² Oba příklady lze chápat jako neústrojně užití tvaru na *-vší* (obecně hodnoceného jako rusismus), formálně si lze představit i tvary jako **zamíchavší*, **zešedivší*, **poptavší* apod. V korpusu SYNv8 mají však nulový výskyt.

- (41) *Mer de Glace vám nebude připomínat rozbouřené moře, ztuhnuvší uprostřed pohybu.*
 (42) *...jak přibývalo času, byli muži čím dál tím opilejší.*
 (43) *...vyvinulo se z nich to nejmodernější a vědecky nejpokročilejší školství na světě.*

4.6. Některé případy slovesných adjektiv, kde jejich členy sdílejí imperfektivní aktivní základový člen, se liší významem svých členů silněji než jenom v rozdílu dokonavosti a nedokonavosti (viz níže uvedené dvojice (a) a (b) v příkladech (44) — (55)). V takových případech přikládáme tvaru na *-ící* a *-vší* úlohu syntaktického derivátu slovesa, zatímco odvozeniny na *-lý* mají (až na výjimky) adjektivní povahu se samostatným lexikálním významem trvalé vlastnosti (srov. (a) — (g)):

- (a) *souvislý* (24 359) vs. *souwisející* (107 200),
 (b) *vleký* (26 386) vs. *vlekoucí se* (3 298),
 (c) *plynulý* (34 046) vs. *plynoucí* (25 376),
 (d) *bdělý* (7 425) vs. *bdící* (805),
 (e) *trvalý* (212 479) vs. *trvající* (59 115),
 (f) *vřelý* (22 595) vs. *vroucí* (16 316),
 (g) *zoufalý* (78 515) vs. *zoufající si* (115),

Existují perfektivní slovesa, která vstupují do úplnějšího paradigmatu s adjektivní odvozeninou na *-vší* s významem aktivního perfekta (*uplynuvší* (145), *poklesnuvší* (4), *vymizevší* (2), *provinivší se* (561)); další příklady spolu s frekvencí viz (h) — (k):

- (h) *pokleslý* (9 022) vs. *poklesnuvší* (4) vs. *(po)klesající* (12 + 58 136),
 (ch) *zvyklý* (196 492) vs. *zvyknuvší si* (1) vs. *zvykající (si)* (41),
 (i) *vymizelý* (646) vs. *vymizevší* (2) vs. *mizející* (6 364),
 (j) *provinilý* (3 731) vs. *provinivší se* (561) vs. *proviňující se* (4)
 (k) *uvědomělý* (7 827) vs. *uvědomivší si* (1) vs. *uvědomující si* (236)

Tato adjektiva vstupují tedy i formálně do systémové vidové opozice tvarem zakončeným *-vší*; přestože mají nízkou frekvenci, obsazují příslušnou pozici v Tabulce 2 (viz příklady se silně omezenou frekvencí jako *poklesnuvší* — 4, *vymizevší* — 2, *zvyknuvší si* — 1, *uvědomivší si* — 1),¹³ kde plní úlohu syntaktické derivace, zatímco adjektiva na *-lý* vystupují jako lexikální deriváty s významem trvalé vlastnosti podléhající změnám v kategorii stupně.

V některých případech způsob derivace ovlivňuje jejich chování v kontextu projevující se možností výběru mezi syntaktickou a lexikální odvozeninou: např. *souvislý* je zaměnitelné s příslušnou významovou změnou se *souwisející*, nikoli

¹³ Podle našeho názoru lze systémově uvedené tvary na *-vší* utvořit. O jejich gramatičnosti však lze úspěšně pochybovat. Jejich užití pokládáme proto za omezené, až vyloučené.

však naopak, adjektivum *vleklý* lze zaměnit za *vlekoucí (se)*, možnost záměny je však jednosměrná, *vlekoucí se* není obecně zaměnitelné za *vleklý*. Frekvenční rozložení (viz výše) je u některých odvozenin překvapivě a nevede k žádným zobecněním.

- (44a) *Lék způsobuje i **trvalé** ochrnutí.*
 (44b) *...výbuch, který nastal po zděšeném tichu **trvajícím** jen zlomek vteřiny, vyústil ve výkřik hrůzy.*
 (45a) *V **zoufalém** smutku pokyvovala hlavou.*
 (45b) *...**zoufající si** posádka přesvědčuje, že není možné zahodit klíčky.*
 (46a) *V očích jí zableskla **vřelá** účast.*
 (46b) *Přelijte **vroucí** vodou sušený heřmánek.*
 (47a) *Olga, která přece byla na sestru **zvyklá** ...*
 (47b) *Země penzistů **zvykajících si** na přistěhovalce ...*
 (47c) *Stíny pod slunečníkem využívají i kuřáci, **zvyknuvší si** ke kávě zapálit cigaretu.*
 (48a) *S každou **uplynulou** minutou v ní rostl pocit, že ... tady něco musí být.*
 (48b) *Bárka se sunula po tiše **plynoucí** hladině Severnu.*
 (48c) *...a ono slábne možná se čtvercem času **uplynuvšího** od revoluce.*
 (49a) ***Klesající** loď sestupovala téměř přesně na čáru oddělující den od noci.*
 (49b) *Čiňan zdvihne s úsměvem **pokleslé** obočí a vzdálí se.*
 (49c) *Po dvou letech se začínají postupně uvolňovat pozitivní výsledky vládní politiky a důvěra v ČSSD, **poklesnuvší** až někam k deseti procentům.*
 (50a) *Koutkem oka ještě zahlédla **mizející** bílý vůz v zatáčce.*
 (50b) *...zapojují téměř **vymizelé** mechanismy a reflexy.*
 (50c) *Tak na ruinách zaniklého a z paměti potomků **vymizevšího** Sezimova Ústí vznikla nová obec.*
 (51a) *A že se soustředí na všechny obory, **související** s výtvarným uměním.*
 (51b) *...i když byla na silnicích **souvislá** vrstva ledu.*
 (52a) *Představa opět stejně **se vlekoucích** dní byla znepokojující.*
 (52b) *...neunesl tíhu **vleklé** války s císařem.*
 (53a) *...odnímání řídičských oprávnění opakovaně **se proviňujícím** řidičům počet dopravních nehod neovlivnily.*
 (53b) *Připisoval její **provinný** výraz a nejistotu obvyklé nervozitě.*
 (53c) *...důrazně upozornila své **provinnější se** pacienty, jak je důležité dodržovat pravidla.*
 (54a) *S nadšením půjdou **uvědoměti** branci na vojnu.*
 (54b) *Napsal je ... čerstvý absolvent oboru anglistika na UK, původně básník, ale brzo **si uvědomivší**, že jeho síla spočívá v realistické próze.*

- (54c) *I v Čechách se začínají objevovat sběratelé **uvědomující si** hodnotu asijských artefaktů.*
- (55) *...že do naší atmosféry dorazil meteorit a že jeho **neshořevší** úlomek spadl možná do moře.*

Co do tvoření těchto odvozenin setkáváme se s dvěma typy: (a) Adjektiva na *-lý* se tvoří nejčastěji od dokonavého slovesa tvořeného prefixací základového slovesa (*hořet — shořet — shořelý, pustnout — zpusťnout — zpusťlý*), (b) několik sloves je tvoří od slovesa nedokonavého (*rodit — rodilý, jíst — jedlý*), popř. existují dvě varianty na *-lý* s odlišným videm (*zrát — zralý, uzrát — uzralý*). Mezi výjimky tvořené od imperfektivního slovesa patří např. *trvat — trvalý, vřít — vřelý, znít — znělý, dbát — dbalý, plynout — plynulý, táhnout se — táhlý, lesknout se — lesklý*. Některým slovesům chybí v paradigmatu perfektivum s aktivním významem (v souladu se systémovými požadavky mají tvary *?pustivší, ?hořevší, ?mizevší* v korpusu SYNv8 nulový výskyt, ovšem i jejich systémové protějšky se vyskytují ojediněle: *uvědomivší si* a *shořevší* mají v korpusu po jednom výskytu), viz (54b) a (55).

4.7.1. Předponová adjektiva na *-lý* odvozená od slovesa *jít* bývají silně lexikalizovaná, souvislost s adjektivem *jdoucí* není u nich v současné češtině patrná. Z jejich lexikalizace plynou i typické kolokace, viz *ušlý zisk, zašlá podobizna, přešlý zimou, pošlé zvíře, vyšlý z módy, došlá pošta*.

4.7.2. Výskyt odvozenin na *-lý* lze často pozorovat u perfektivních sloves se sufixem *—nout*:¹⁴ *vzniknout — vzniklý, zaniknout — zaniklý, uhynout — uhynulý, propadnout — propadlý, utonout — utonulý, nasáknout — nasáklý, zhasnout — zhaslý, zakousnout — zakouslý*.

4.8.1. Tyto odvozeniny lze někdy zaměnit participiálními adjektivy pasívními na *-ný/tý*, a to přesto, že jejich základová slovesa se s pasívním pojetím neslučují. Jsou to slovesa intranzitivní prefixální, o přijatelnosti některých jejich odvozenin na *-ný/tý* lze pochybovat. O okrajovosti uvedených adjektiv na *-ný/tý* svědčí i frekvenční poměry existující mezi oběma variantami (viz příklady (a) — (h)):¹⁵

- (a) vyhaslý (5701) — vyhasnutý (18),
- (b) zvyklý (196 492) — ?zvyknutý (17),
- (c) nastydlý (1542) — ?nastydnutý (9),
- (d) uplynulý (16 282) — uplynutý (31),
- (e) pokleslý (4022) — poklesnutý (7),
- (f) nasáklý (6187) — nasáknutý (130).

¹⁴ Výjimečně jsou tvořena od sloves imperfektivních (viz výše 4.7). Ze třídy sloves perfektivních nejsou pro tuto derivaci přístupná slovesa okamžitá (*písknout, křiknout, houknout, mrknout, mihnout se* apod.).

¹⁵ Pomocí otazníků uvádíme vlastní pochybnosti o jejich použitelnosti, přestože některá z nich jsou v korpusu SYNv8 v nízkém počtu zastoupena.

(g) zapadlý (20 532) — zapadnutý (187),

(h) propadlý (12 417) — propadnutý (284).

V některých dvojicích lze ovšem vidět významový rozdíl (viz věty (56) — (57), (58) — (59), (60) — (61)):

(56) *Vlastníkem **propadnutého** zboží ... je stát.*

(57) *Měl jsem **propadlé** tváře.*

(58) *Vyjede do protisměru se **zhasnutým** světlem.*

(59) *A ona s náhlým pocitem marnosti, jaký má **zhaslá** hvězda,... ani nedutala.*

(60) *Loutky visely s **poklesnutou** hlavou.*

(61) *Pravý koutek úst měl **pokleslý**.*

4.8.2. Uvedená derivace se vyskytuje u adjektiv od sloves prefigovaných, která sama jsou součástí derivačního řetězce sloves odvozených od neprefigovaných základů perfektivních i imperfektivních; vzniklá adjektiva se zčásti významově kryjí s významem motivujících sloves, zčásti se významově oddělila (viz příklady v rádcích (f) a (g)):

(a) padnout — rozpadnout — rozpadlý

(b) kousnout — zakousnout — zakouslý

(c) hynout — uhynout — uhynulý

(d) tonout — utonout — utonulý

(e) mrznout — za/pro/u/na/mrznout — za/pro/u/na/mrzlý

(f) sednout (si) — usednout — usedlý

(g) táhnout — vytáhnout — vytáhlý

4.9. Rezultativní odvozeniny na *-lý* bývají též koncovým prvkem derivačního řetězce s původem deadjektivním (4.9.1) a desubstantivním (4.9.2):¹⁶

4.9.1. (a) *bledý — blednout — zblednout — zbledlý*

(b) *chladný — chladnout — vychladnout — vychladlý*

(c) *šedivý — šedivět — zešedivět — zešedivělý*

(d) *rudý — rudnout — zarudnout — zarudlý*

(e) *tupý — tupit — otupit — otupělý*

(f) *vlhký — vlhčit — navlhčit — navlhlý/vlhnout — navlhnout — navlhlý*

4.9.2. (g) *květ — kvést — rozkvést — rozkvetlý*

(h) *kámen — kamenět — zkamenět — zkamenělý*

(ch) *lid — lidovět — zlidovět — zlidovělý*

(i) *rez — reznout — zreznout — zrezivělý*

¹⁶ O směru derivace na českých datech viz nejnověji (Ševčíková 2021).

(j) *bída* — 0 — *zbídačit* — *zbídačelý*(k) *žena* — 0 — *zženštit* — *zženštilý*

4.9.3. U deadjektivních řetězců na *-lý* lze vidět sémantiku nabývání vlastnosti vyjádřené zdrojovým adjektivem; substantivum řídící toto adjektivum má význam „stávat se nějakým“: *bledý* → *blednout/zblednout/vyblednout* → *zbledlé/vybledlé (prádlo)*, *suchý* → *schnout/uschnout* → *uschlý (strom)*. Adjektiva v dalším stupni derivace (na *-lý* a *-ný/tý*) nesou význam rezultátu slovesného děje a vytvářejí tak teoreticky úplné paradigma: *schnoucí* — *uschnuvší* — *uschlý//usušené (švestky)* — *usušené(prádlo)*:

Tabulka 4

	<i>Aktivum</i>	<i>Pasivum</i>
<i>Impf.</i>	schnoucí	usušený
<i>Perf.</i>	uschnuvší	usušený
<i>Rezult.</i>	uschlý	

Obdobný proces lze sledovat u substantiv jakožto zdrojů pro slovesný derivát následovaný dále derivací adjektiva na *-lý*: *lid* → (*z*)*lidovět* → *zlidovělý* ne-soucím význam, že základového substantiva je užito k formování procesu, jehož rezultátem je adjektivum na *-lý*. Slovesné odvozeniny od substantiv však nebývají základem pro úplné paradigma (*hlad* — *hladovět* — *vyhladovět* — *hladovějící* — *vyhladovělý* — **hladovělý*). Mezery v jejich paradigmatu jsou různé povahy; jakožto intranzitiva postrádají pasivní členy paradigmatu, popř. si konkurují adjektiva na *-ný/-tý* a na *-lý*, k jiným základům chybějí imperfektivní členy derivace (*latina* — **latinštit* — *polatinštit* — *polatinštný/polatinštlý*). Posledně zmíněná konkurence mezi *-ný/tý* a *-lý* se vyskytuje poměrně často, příklady jsou systémově tvořené, ale je otázka, zda jsou všechny varianty odpovídající předpokládanému úplnému paradigmatu stejně přijatelné (viz i 4.8.1).

(62) *Soused spokojeně obracel rychle **schnoucí** seno.*(63) *Máme obavu, aby se zde nerozmohl lýkožrout, který **usychající** stromy napadá.*(64) *Několik **uschlých** listů vířilo kolem v znepokojivém tanci.*(65) *...z koupelny přinesla vaničku s **usušeným** prádlem.*(66) *Vysoký **suchý** (***uschlý/usušený**) muž v církevním rouchu se tvářil skoro jako by spěchal.*

Tuto konkurenci můžeme vidět i u dalších dvojic tohoto typu, ale i u přímých slovesných odvozenin, někdy se stejnou frekvencí (*polatinštný* — 20 vs. *polatinštlý* — 21), jindy se silnou převahou *-ný/-tý* nad *-lý* (*zhudebněný* — 3914 vs. *zhudebnělý* — 81; *zrezlý* — 1041 vs. *zreznutý* — 1, *zklidněný* — 1441 vs. *zklidnělý* — 79, *zakořeněný* — 9379 vs. *zakořenělý* — 59), někdy převažuje *-lý*

nad *-ný/-tý* (*zdomácnělý* — 1432, *zdomácněný* — 24, *probdělý* — 2851, *probděný* — 24, *vyšinulý* — 3 vs. *vyšinutý* — 4269). Zpravidla jsou členy těchto dvojic mezi sebou zaměnitelné, až na výjimky *uznaný* — 14 737 vs. *uznalý* — 2392, viz (67), (68). Důvody pro přítomnost / absenci této konkurence nejsou ani zde zcela zřejmé:

(67) ...*smějí být pouze v rukou uznáných profesionálů.*

(68) *Pilná sekretářka dostane od uznalého šéfa kytku.*

5. Závěr

U participiálních adjektiv zůstává otevřená otázka hranic syntaktické a lexikální derivace. O lexikální derivaci jde u osamostatněných významů (*dospělý, padlý, zemřelý*), jako kritérium slouží i stupňovatelnost odvozených adjektiv. Adjektivy na *-ící/cí* se podrobně zabývá (Nübler 2004). Jejich slovesný charakter z hlediska syntaxe prokazuje testy s pomocí slovosledného postavení participiální skupiny vzhledem k řídicímu substantivu, pozici enklitika *se* uvnitř této skupiny a uzavírá, že aktivní příčestí na *-ící* jsou transformáty (transláty ve smyslu (Tesnière 1959)) vedlejších vět. O adjektivech na *-lý*, jimiž se autor v této stati podrobně nezabývá, soudí, že „jsou možná opravdu adjektivy“. Tento černobílý pohled nesdílíme a soudíme (podobně jako (Biskup 2019)), že je třeba posuzovat tyto deriváty „case-by-case“.

LITERATURA

- Bednaříková B. *Slovo a jeho konverze*. Olomouc: UP, Filozofická fakulta, 2009.
- Biskup P. Prefixed Adjectival Participles. *Linguistica Brunensia* 64 (2016): 7–26.
- Biskup P. *Prepositions, Case and Verbal Prefixes. The Case of Slavic*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2019.
- Išačenko A. V. *Grammaticeskij stroj ruskogo jazyka, Morfologia II*. Bratislava: SAV, 1960.
- Karlík P. et al. *Příruční mluvnice češtiny (PMČ)* (eds. Karlík P., Nekula M., Rusinová Z.) Praha: Nakl. Lidové noviny, 1995.
- Karlík P. L-participium adjektivní. (eds. Karlík P., Nekula M., Pleskalová J.) *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakl. Lidové noviny, 2016a: 1002n.
- Karlík P. Participium. Příčestí. (eds. Karlík P., Nekula M., Pleskalová J.) *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakl. Lidové noviny, 2016b: 1297n.
- Komárek M. *Příspěvky k české morfologii*. Praha: SPN, 1978.
- Komárek M. *Příspěvky k české morfologii*. Olomouc: Periplum, 2006.
- Komárek M. et al. *Mluvnice češtiny 2 (MČ 2)*. Praha: Academia (eds. Komárek M., Kořenský J., Petr J., Veselková J.), 1986.
- Kuryłowicz J. Dérivation lexicale et dérivation syntaxique. *Bulletin de la Société de Paris* 37 (1936): 79–92.
- Nübler N. Česká participia ze syntaktického hlediska. *Čeština — univerzálie a specifika* 5, (eds. Z. Hladká, P. Karlík), Praha: Nakl. Lidové noviny, 2004: 384–398.
- Panevová J., Benešová E., Sgall P. *Čas a modalita v češtině*. Praha: AUC — Philologica Monographia 34, 1971.
- Poldauf I. Souhrnný pohled na vid. *Slovo a slovesnost* 25 (1964): 46–56.
- Ševčíková M. Action nouns vs. nouns as bases for denominal verbs in Czech: A case study on directionality in derivation. *Word Structure*, 14 (2021): 97–128.
- Šmilauer V. *Novočeské tvoření slov*. Praha: SPN, 1971.
- Štícha F. et al. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny, díl 2*, Praha: Academia, 2018.
- Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck, 1959.

PŘÍLOHA 1¹⁷

Č. shnilý plod	P. zgniły płod	Srb. труло воће
Č. zralé jablko	P. dojrzałe jabłko	Srb. зрела јабука
Č. dospělý chlapec	P. dorosły chłopiec	Srb. одрастао дечак
Č. uplynulá neděle	P. zeszła niedziela	Srb. прошле недеље
Č. zbylé sousto	P. pozostały kęs	Srb. преостали залогaj
Č. zvadlý keř	P. zwiędniety krzew	Srb. увенули грм
Č. rozkvetlý strom	P. kwitnące drzewo	Srb. расцветало дрво
Č. zběhlý čtenář	P. biegły czytelnik	Srb. <i>вещий чийшалац</i> ¹⁸
Č. uznalý šéf	P. przychylny szef	Srb. заћвален шеф
Č. zoufalá žena	P. zdesperowana kobieta	Srb. очајна жена
Č. bdělý vrátný	P. czujny portier	Srb. будни њоршир

Јармила Паневова

ОДАБРАНИ ТИПОВИ ДЕВЕРБАТИВНИХ ПРИДЕВА У ЧЕШКОМ ЈЕЗИКУ
(У ПОРЕЂЕЊУ СА РУСКИМ)

Резиме

Чланак је посвећен анализи придева у чешком језику грађених од глаголских придева и глаголских прилога, са нагласком на придеве грађене од радног глаголског придева суфиксом *-lý*. Даје се сажето поређење ових система у чешком и руском језику. Осим творбеног начина анализирају се семантичке разлике између конкурентних облика на *-ící* и *-vší* са једне стране и *-lý* са друге стране, као и њихова узајамна синонимија и могућност замене.

Кључне речи: девербативни придев, глаголски придеви, синтаксичко извођење, лексичко извођење.

¹⁷ Přílohou 1 pouze dokládáme, že odvozeniny na *-lý* se v rámci jedné skupiny jazyků případ od případu liší. Pro srovnání jejich frekvence a dalších vlastností je potřebná další kontrastivní studie.

¹⁸ Kurzívou jsou označena adjektiva vymykající se derivaci na *-lý*.

Maciej Grochowski
Polska Akademia Nauk
Instytut Języka Polskiego
magro@umk.pl

Maciej Grochowski
Polish Academy of Sciences
Institute of Polish Language
magro@umk.pl

SZYK LEKSEMÓW HOMONIMICZNYCH O POSTACI *JAK*

THE ORDER OF THE POLISH HOMONYMIC LEXEMES IN THE SHAPE OF *JAK*

W artykule wyróżnia się jedenaście homonimicznych leksemów jednosegmentowych o postaci *jak*. Reprezentują one różne klasy i podklasy gramatyczne jednostek leksykalnych. Artykuł zawiera wstępny opis pozycji linearnych badanych leksemów. Główne tezy autora są następujące. Szyk *jak*-leksemów w zdaniach jest zdeterminowany strukturalnie i jest stały. Każdy *jak*-leksem występuje w antepozycji do zdania prostego lub podrzędnego albo przed tym składnikiem zdania, z którym wchodzi w relację syntaktyczną.

Słowa kluczowe: współczesny język polski, składnia, części mowy, jednostka leksykalna, szyk.

In the paper eleven one-segmental homonymic lexemes in the shape of the Polish *jak* are distinguished. They represent the different grammatical classes and subclasses of lexical units. The paper contains a preliminary description of the linear positions of the examined lexemes. The main author's theses are the following. The order of the *jak*-lexemes in the Polish sentences is structurally determined and it is stable. Each *jak*-lexeme appears in the anteposition to either the simple or the subordinate sentence or before the sentence component with which *jak*-lexeme enters into syntactic relation.

Keywords: contemporary Polish language, syntax, parts of speech, lexical unit, word order.

1. Szyk i jego uwarunkowania

Składnia bada reguły łączenia wyrażen językowych w konstrukcje, a więc w grupy syntaktyczne i zdania. Łączenie odbywa się na płaszczyźnie znaczeniowej i formalnej. W ten sposób dochodzi do powstawania struktur pojęciowych i struktur znakowych (Karolak 1984: 14; 2002: 149). Formy wyrażen językowych

są w jakiś sposób, nie dowolny, usytuowane względem siebie. Reguły ich wzajemnej lokalizacji, zdeterminowanej funkcjonalnie, ustala składnia linearna. Jeżeli przyjmiemy się za Stanisławem Karolakiem (1972; 1984; 2002) stratyfikacyjną koncepcję składni, to można przyjąć za nim rozróżnienie trzech poziomów opisu syntaktycznego, a mianowicie składnię semantyczną, składnię funkcjonalną i składnię szyku (inaczej: linearną).

Pojęcie szyku jest rozumiane w sposób szeroki lub wąski. W pierwszym wypadku jest ono używane w odniesieniu do związków linearnych dwustronnych i wielostronnych, a także do samej pozycji linearnej wyrażenia językowego. W drugim wypadku szykiem jest nazywany tylko stosunek dwustronny, a więc stosunek następstwa / uprzedniości zachodzący między dwoma obiektami językowymi. W odniesieniu do związków wielostronnych, a więc określających kolejność, w jakiej występują poszczególne obiekty językowe wewnątrz obiektu wyższego rzędu (bardziej złożonego), jest używane wówczas pojęcie porządku linearnego. Pojęcie szyku jest tutaj rozumiane w sposób wąski.

Szyk w języku polskim jest zdeterminowany częściowo strukturalnie, częściowo komunikacyjnie. Przez uwarunkowanie strukturalne rozumiem zależność pozycji linearnej danego wyrażenia od związków składniowych *sensu largo*, w jakie ono wchodzi (zarówno formalnych, jak i funkcjonalnych) z innymi komponentami wypowiedzenia i z samym wypowiedzeniem, a także od relacji semantycznych między tym wyrażeniem a innymi. Na pozycję linearną zdeterminowaną przez kod mówiący nie ma wpływu i respektuje ją pod groźbą dewiacji. Uwarunkowanie strukturalne szyku jest charakterystyczne dla wielu klas jednostek gramatycznych. Np. przyimek występuje w antepozycji względem rzeczownika, którym rządzi; zaimek względny *który* występuje w postpozycji w stosunku do rzeczownika, z którym wchodzi w relację; operator negacji o postaci *nie* występuje w bezpośredniej antepozycji względem wyrażenia, do którego się odnosi.

Uwarunkowania komunikacyjne szyku zależą od woli mówiącego, który chce o czymś coś komuś powiedzieć, mając do dyspozycji określone środki językowe. Mówiący ma możliwość kształtowania szyku tylko w takim zakresie, w jakim pozwala na to kod, a więc nie naruszając danych *a priori* ograniczeń strukturalnych. Najbardziej ogólna zasada przekazywania informacji, wykorzystująca porządek linearny jako narzędzie mówienia, polega na tym, że mówiący umieszcza w bezpośrednim sąsiedztwie takie obiekty językowe, których kookurencja jest umotywowana treściowo. Krótko rzecz ujmując, szyk w języku polskim jest jednym ze sposobów kształtowania i reprezentacji struktury tematyczno-rematycznej wypowiedzenia.

2. Przedmiot i metody badań

Przedmiotem tego artykułu jest opis szyku polskich jednostek leksykalnych o postaci *jak*. Wyróżniony ciąg należy do grupy wyrazów o wysokiej frekwencji w tekstach języka polskiego. W *Słowniku frekwencyjnym polszczyzny współcze-*

snej (red. Saloni 1990: 802) na liście rangowej według wskaźnika częstości absolutnej *F* zajmował pozycję 18. Ciąg *jak* jest częścią setek wielosegmentowych jednostek leksykalnych; por. np. *jak Boga kocham, jak diabli, jak gdyby, jak jeden mąż, jak nic, jak nieboskie stworzenie, jak nie kijem go, to pałką*. Konstytuuje też samodzielnie kilkanaście jednostek, w niniejszym artykule zostało wyróżnionych arbitralnie jedenaście, będzie o nich mowa w kolejnych częściach tekstu.

Przyjmuję założenie, że jednostki leksykalne tożsame diakrytycznie (fonologicznie i grafemicznie), a różniące się cechami gramatycznymi (w wypadku jednostek nieodmiennych, syntaktycznymi), tworzą zbiór homonimów gramatycznych (Buttler 1968; 1988; Dąbkowski 2012; Grochowski 1986a; 2014; Majewska 2002; 2006). Aksjomat ten odnosi się do analizowanych tu jednostek o postaci *jak*. Słowniki języka polskiego opisują *jak*, łącząc homonimie z polisemią. Nie ma dwóch słowników współczesnej polszczyzny (od SJPD począwszy), które wyróżniły tę samą liczbę jednostek i znaczeń *jak*, abstrahując już od różnic między kwalifikatorami gramatycznymi jednostek, a także między definicjami ich znaczeń bądź funkcji. Nawet Jolanta Chojak (2009), autorka monografii poświęconej *jak*, z dystansem podchodzi do opisów słownikowych. Ma krytyczny stosunek do podziałów gramatycznych jednostek o postaci *jak*, opartych na kryteriach dystrybucyjnych (Kallas 1986; 1987), sama nie proponuje jednak zamkniętego katalogu jednostek homonimicznych. Koncentruje uwagę na słowie *jak* pełniącym funkcję wykładnika porównania, a także wprowadzającym zdanie zależne na pozycję otwieraną przez czasownik konstytuujący zdanie nadrzędne.

Literatura na temat leksemów o kształcie *jak* jest ogromna, co stanowi naturalną konsekwencję zróżnicowania funkcji, jakie mogą pełnić leksemy o tej postaci. Jednostki leksykalne konstytuowane przez *jak* są charakteryzowane w pracach dotyczących porównania (Bańko 2004; Chojak 2009; Greszczuk 1988; Wierzbicka 1971; Zaucha 2008; 2010), czasowników percepcyjnych (Chojak 2008; 2009; Dobaczewski 2002; Grzesiak 1983), parentezy (Moroz 2010; Stępień 2014), jednostek funkcyjnych, zwłaszcza zaimków i spójników (Ampel 1975; Chojak 2005; 2009; Grochowski 1984; 1986b; Kallas 1986; 1987; Łojasiewicz 1991; 1992).

Ponieważ celem tego artykułu jest zbadanie pozycji linearnej *jak*, a przekonująca jest hipoteza, że szyk *jak* jest zdeterminowany strukturalnie, to zgodnie z przyjętymi założeniami badań szyku trzeba najpierw ustalić właściwości gramatyczne jednostek o postaci *jak*. W związku z tym przyjmuję tu następujące zasady postępowania badawczego. Na podstawie słowników języka polskiego i literatury językoznawczej wyróżniam jednosegmentowe leksemy homonimiczne o postaci *jak*, ustalając ich cechy składniowe, przede wszystkim otwierane przez te leksemy pozycje syntaktyczne i nałożone na nie ograniczenia. Nie analizuję leksemów o postaci *jak* z punktu widzenia ich mono- i polisemii. Biorąc pod uwagę dotychczasowe klasyfikacje gramatyczne leksemów języka polskiego, proponuję kwalifikację gramatyczną wyróżnionych jednostek. Nie kieruję się jednak założeniami żadnej klasyfikacji, nie akceptuję żadnych rozpowszechnionych podziałów. Leksemy o postaci *jak* mają liczne cechy jednostkowe bądź cechy charakterystyczne dla kilkuelementowych serii.

W tym artykule wyróżniam i badam jedenaście jednostek o postaci *jak*. Oznaczam je arbitralnie kolejnymi cyframi arabskimi. Związek między cyfrą a kwalifikatorem gramatycznym nie ma żadnej motywacji. Jeżeli nie widzę możliwości zakwalifikowania danej jednostki do żadnej ze znanych klas gramatycznych, to proponuję nową klasę lub nową podklasę w obrębie znanej klasy. Przyjmując, że szyk jest zależnością relacyjną, ustalam pozycję linearną każdej jednostki w stosunku do wypowiedzenia i/lub składnika wypowiedzenia mających określone cechy gramatyczne. Do dominujących właściwości linearnych *jak* należą antepozycja względem wypowiedzenia lub jego składnika, a także interpozycja w wypowiedzeniu lub w grupie syntaktycznej.

3. Leksemy o postaci *jak*

Jak1 jest zaimkiem pytajnym. Otwiera obligatoryjnie prawostronnie jedną pozycję syntaktyczną dla innego syntaktemu albo dla wypowiedzenia; wraz z odpowiednią intonacją konstituuje pytanie. Por. np.

- (1) **Jak** dojechałeś do dworca?
- (2) **Jak** długo jechałeś do dworca?
- (3) **Jak** on ma na imię?
- (4) **Jak** w szkole? Pamiętaj, że za rok matura. (NKJP)

Jak 1 zajmuje stałą pozycję inicjalną w wypowiedzeniu i zarazem antepozycję względem innych jego składników; mogą to być składniki gramatycznie różne, ich kwalifikacja nie jest relewantna dla kwalifikacji gramatycznej *jak* jako zaimka (może być relewantna dla opisu znaczenia *jak*, ale problem ten nie należy do zakresu tego artykułu).

Jak2 jest relatorem. Ten rozpowszechniony dziś w składni polskiej termin zaproponowałem w klasyfikacji leksemów (Grochowski 1986b: 46), żeby w szerszej klasie jednostek łączących przeciwstawić takie, które są składnikami zdań (relatory), takim, które nie mają tej cechy (spójniki). Po uściśleniu tego terminu przyjmuję dziś (Grochowski et al. 2018: 193), że relator to syntaktem zajmujący pozycję składnika wypowiedzenia zależnego, otwierający prymarnie dwustronnie pozycje syntaktyczne, przyłączający z lewej strony wypowiedzenie główne (niezależne) lub jego składnik, a z prawej strony wypowiedzenie zależne (podrzędne). Por. np.

- (5) Zatańcz, **jak** chcesz.
- (6) Będą głosować, **jak** im księża każą.
- (7) Dziesięć lat minęło, **jak** się rodzice rozwiedli.

Relator *jak 2* występuje zawsze w antepozycji względem wypowiedzenia podrzędnego, prymarnie w interpozycji względem wypowiedzeń składowych wypowiedzenia złożonego, sekundarnie w antepozycji względem całego wypowiedzenia złożonego. W tym drugim wypadku w wypowiedzeniu nadrzędnym może wystąpić zaimek nazywany w składni tradycyjnej „odpowiednikiem zespolenia” (Klemensiewicz 1963: 73); np. *tak, to w:*

- (8) **Jak** im księża każą, tak będą głosować.

(9) **Jak** się rodzice rozwiedli, to dziesięć lat minęło.

Relator *jak* 2 jest przypuszczalnie bi- lub polisemiczny, w wyniku analizy semantycznej można wyróżnić m.in. relator sposobu (5), (6) i relator czasu (7).

Jak3 jest włącznikiem. Włącznik to syntaktem otwierający dwie pozycje syntaktyczne, prawostronną dla wypowiedzenia zależnego (podrzędnego) i lewostronną dla wypowiedzenia nadrzędnego, konstytuowanego przez predykat z komponentem semantycznym ‘mówić’, ‘wiedzieć’ lub ‘chcieć’. Włączniki (że, żeby, czy, jak, jakoby) zostały wydzielone z klasy spójników przez Jadwigę Wajszczuk (1997: 39–46). Nazwa też pochodzi od autorki, przyjęła się w składni polskiej ostatnich dwudziestu lat. Wybór włącznika nie jest dowolny, zależy od znaczeń wyrażen tworzących obustronny kontekst. Por. *jak* 3 np.:

(10) Córka opowiadała, **jak** wyglądał jej egzamin.

(11) Piotr czuł, **jak** łzy napływają mu do oczu.

(12) Widziałem, **jak** przed chwilą weszła do sklepu.

Jak 3 występuje w antepozycji względem wypowiedzenia podrzędnego i z reguły w interpozycji w stosunku do wypowiedzenia złożonego. Nie jest wykluczone, że *jak* 3 po czasownikach mówienia i po czasownikach percepcji ma inne znaczenie (tak jest opisywany ten wyraz w wielu słownikach). Problem wymaga osobnych badań.

Jak4 jest spójnikiem niewłaściwym. Przyjmuję tu koncepcję spójnika autorstwa Jadwigi Wajszczuk (1997) i zaproponowany przez nią podział tej klasy jednostek na spójniki właściwe i niewłaściwe. Spójnik to parataktem otwierający dwustronnie pozycje dla innych wyrażen, nienacechowany semantycznie ani strukturalnie (Grochowski et al. 2018: 192). Spójnik właściwy (np. *i, a, oraz, ale, lecz, lub, albo, czy, ani, bo, gdyż*) występuje wyłącznie w interpozycji względem wyrażen, dla których otwiera miejsca. Spójnik niewłaściwy (np. *byle, choć, chociaż, gdyby, jak, jakby, jeżeli, jeśli, ponieważ, skoro*) zajmuje pozycję centralną lub początkową względem łączonych wyrażen. Inaczej mówiąc występuje zawsze w antepozycji względem wypowiedzenia podrzędnego i w interpozycji w stosunku do wypowiedzeń składowych wypowiedzenia złożonego. Może zajmować pozycję inicjalną w wypowiedzeniu złożonym. Por. *jak* 4 np. w:

(13) Zostanę, **jak** będziesz chciała.

(14) Na pewno wyjechał, **jak** nie dzwoni.

Jednostka *jak* 4 jest przypuszczalnie niejednoznaczna, w (13) ma znaczenie ‘jeżeli’, a w (14) — znaczenie ‘skoro’; por. Grochowski 1984. Problem wymaga odrębnych badań.

Jak5 to funktor porównania. Źródłem tego terminu, pochodzącego z monografii Chojak (2009: 91), jest klasyfikacja dystrybucyjna syntaktemów Henryka Misza (1967: 57), który nazwał *jak* „funktoorem porównującym”. Por. *jak* 5 np. w:

(15) Krzyczał **jak** opętany.

(16) Huk był **jak** sto diabłów.

(17) Ciemno **jak** w dupie u Murzyna.

(18) Miło **jak** w raj.

(19) Barack Obama jest **jak** Britney Spears.

Dla wyróżnienia *jak 5* proponowano także inne terminy, mianowicie przyimek (Kallas 1986: 129), spójnik (Bogusławski 1989: 22; Kallas 1986: 129), określnik metatekstowy (Zauch 2010: 118). Pierwszy jest nieadekwatny w odniesieniu do takich porównań, których drugi człon nie podlega rekcji; por. np. (17), (18). Spójnik w teorii Wajszczuk (2010) jest parataktmem, teza ta pozostaje w konflikcie z *jak* w konstrukcjach porównawczych, zajmującym określoną pozycję syntaktyczną, a więc będącym składnikiem wypowiedzenia. Określniki metatekstowe (Wajszczuk 1997: 53) nakładają na otwierane pozycje relewantne ograniczenia kategoriałne, cechy tej nie ma leksem *jak 5*, dopuszczający odwołanie nawet do imion własnych; por. np. (19). Ze znanych mi propozycji terminologicznych najlepsza jest pochodząca od Misza (1967) oraz Chojak (2009) i przyjęta w tym artykule.

Jak 5 otwiera dwie pozycje syntaktyczne, jedną po jednej stronie jednostki, drugą po drugiej. W pozycji pierwszej występuje przymiotnik, rzeczownik, czasownik lub przysłówka, a w drugiej grupa nominalna bezprzyimkowa lub przyimkowa. Jednostka *jak 5* zajmuje obligatoryjnie antepozycję względem drugiego członu porównania, a tym samym interpozycję w stosunku do obu członów. Jeżeli omawiana jednostka jest użyta w kontekście komparatywu przymiotnika lub przysłówka, to występuje względem tej formy stopnia w postpozycji, analogicznie do *niż*; np.

(20) Nie mógł jej unieść wyżej **jak** do pasa. (WSJP)

(21) Z kolei na Sobieskiego roboty nie zaczną się szybciej **jak** 23–24 września. (WSJP)

Jak6 nazywam — na podstawie analizy Jolanty Chojak (2001: 80–83) — komentarzem metatekstowym quasi-przytoczenia. Sama autorka nie proponuje żadnego terminu, który byłby kwalifikatorem semantyczno-syntaktycznym *jak 6*, występującego w stałej antepozycji w stosunku do superlatywu przymiotnika i przysłówka. Por. przykłady autorki:

(22) Szukamy **jak** najkrótszej drogi.

(23) Weź **jak** najdłuższy sznurek.

(24) Mam o niej **jak** najlepszą opinię.

Komentarz metatekstowy, analogicznie do partykuły i spójnika, jest parataktmem (Wajszczuk 2010), to znaczy wchodzi z wyrażeniem, dla którego otwiera miejsce, w związek składniowy polegający na kookurencji, a nie na zależności (*jak* syntaktem). Komentarze są stosunkowo słabo zbadane, nie mają ustalonej kategoriałnej pozycji w strukturze tematyczno-rematycznej (Danielewiczowa 2012: 58; Grochowski et al. 2018: 192).

Wbrew definicjom słownikowym *jak 6* nie jest wykładnikiem intensywności i nie może być uznany za operator gradacji (por. WSJP, *jak* w zn. 7). O tym, że dany obiekt ma cechę w ilości większej niż wszystkie pozostałe obiekty, przesądza sam superlativus (Laskowski 1977). Natomiast mówiący umieszczając *jak 6* w antepozycji względem superlatywu, wskazuje na swój świadomy wybór (Chojak 2001: 83; Wierzbicka 1969: 187) tego, co przytoczona forma stopnia głosi. Stąd taka, a nie inna propozycja kwalifikatora gramatycznego *jak 6*. Nie

w każdym wypowiedzeniu zawierającym superlativus można użyć *jak 6*. Chojak wyjaśnia szczegółowe ograniczenia semantyczne nałożone na kontekst tego leksemu. Świadomego wyboru nie może dokonać np. pies, stąd dewiacja

(25) *Pies szuka **jak** najkrótszej drogi do domu. (Chojak 2001: 81)

Nieakceptowalne są również konstatacje, które nie zawierają podmiotu osobowego, a także takie, które nie wskazują na udział woli osoby w jej zachowaniu; por. np.

(26) *To kosztowało **jak** najdrożej. (Chojak 2001: 81)

(27) *Przez przypadek odsunął się **jak** najdalej. (Chojak 2001: 81)

Jak7 jest modyfikatorem deklaratywności. Termin ten zaproponowałem w klasyfikacji leksemów nieodmiennych (Grochowski 1986b: 50), aby wyróżnić jednostki mające łączliwość silnie ograniczoną indywidualnie, występujące w wypowiedzeniach innych niż oznajmujące, kształtujące ramę modalną wypowiedzenia. *Jak 7* występuje w pozycji inicjalnej wypowiedzenia, otwiera prawostronnie pozycję dla co najmniej jednego syntaktemu i wraz z nim oraz odpowiednią intonacją przekształca wypowiedzenie oznajmujące w wykrzyknikowe. Por. np.

(28) **Jak** tu pięknie!

(29) **Jak** się cieszę, że przyszedłeś!

(30) **Jak** ona mówi po francusku!

W jednym ze znaczeń *jak 7*, nieakcentowane, jest „zwrotem wyrażającym to, że mówiący jest pod wrażeniem stanu rzeczy, o którym mówi” (Chojak 2001: 84) W tym znaczeniu omawiana jednostka ogranicza formy czasownika do trybu orzekającego (por. WSJP, *jak* w zn. 8). W innym znaczeniu z kolei *jak 7*, akcentowane, występuje w antepozycji względem czasownika dokonanego (w czasie nieprzeszłym), na ogół zanegowanego (Bogusławski — Danielewiczowa 2005: 113); por. np.

(31) **Jak** nie huknie pięścią w stół, aż się szklanki zatrzęsły!

(32) **Jak** nie podskoczy do tego chłopczyny, **jak** go nie wyrznie w buzię. (NKJP)

(33) **Jak** nie wypadnie jego stara, **jak** go nie trzaśnie w pysk. (NKJP)

Jak8 to komentarz metatekstowy parentetyczny. Do omówionej wcześniej pierwszej części terminu (por. *jak 6*) został dodany atrybut „parentetyczny”. Badania nad parentezą, prowadzone od wielu dziesięcioleci (por. np. Grochowski 1983, Moroz 2010, Stępień 2014), pozwalają na podtrzymanie rozpowszechnionej tezy o jej metatekstowym statusie.

Jednostka *jak 8* otwiera prawostronnie pozycję syntaktyczną dla wyrażenia zdaniowego parentetycznego, konstytuowanego przez formę czasownika mówienia lub czasownika epistemicznego, i zajmuje stałą antepozycję względem parentezy. Szyk parentezy względem wypowiedzenia podstawowego jest zmienny, w związku z tym zmienna jest też względem niego pozycja linearna *jak 8*. Szczegółową analizę składniową i semantyczną parentezy wprowadzanej przez *jak* przedstawiła Marzena Stępień (2014: 90–143). Por. przykłady autorki:

(34) Sąsiad, **jak** przypuszczam, wyjechał na cały rok.

(35) Maria, **jak** się zdaje, jest osobą samotną.

(36) Radzisz sobie, **jak** widzę, znakomicie.

(37) Czas jest, **jak** wiadomo, najlepszym lekarstwem.

Jak9 to komentarz metatekstowy wyliczenia. Termin ten został utworzony na zasadzie analogii do wcześniejszych; por. *jak 6* i *jak 8*. Omawiana jednostka otwiera dwie pozycje syntaktyczne, po obu swoich stronach, z lewej strony dla nazwy zbioru, do którego należą elementy wymienione po prawej stronie, z prawej strony dla tych elementów. *Jak 9* występuje w interpozycji w stosunku do łączonych wyrażen i zarazem w antepozycji względem członów wyliczenia (Grochowski 1978). Jednostkę *jak 9* może poprzedzać zaimek *taki*. Por. np.

(38) Inne dłuższe rzeki biorące początek w strefie pojeziernej, **jak** Wkra, Orzyc, Omulew, Osa, Ełk i Pisa, kończą bieg poza zasięgiem opisywanego terenu. (WSJP)

(39) Nie istnieje człowiek pozbawiony nie tylko więzi pokoleniowej, ale i więzi z instytucjami, takimi **jak** państwo, szkoły, sądy, fabryki, biura i sklepy. (NKJP)

(40) Nie potrafił już mówić o niczym innym, **jak** o rolnictwie, zasiewach, zbiorach, nawozach, kombajnach oraz snopowiązałkach. (NKJP)

Jak10 to komentarz metatekstowy epistemiczny. Termin został utworzony na zasadzie analogii do wcześniejszych, por. *jak 6*, *jak 8*, *jak 9*. Jednostka *jak 10* otwiera po obu swoich stronach po jednej pozycji syntaktycznej, którą wypełnia ta sama forma rzeczownikowa. Inaczej mówiąc, *jak 10* występuje w interpozycji, a zarazem w antepozycji względem drugiego członu. Do wprowadzonego w ten sposób przez interlokutora tematu wypowiedzi nawiązuje mówiący, dodając swój komentarz. Por. np.

(41) Miasto **jak** miasto, są w okolicy dużo ładniejsze. (NKJP)

(42) Facet **jak** facet, nie ma ideałów i ty o tym wiesz. (NKJP)

(43) Ślub **jak** ślub, a co z wieczorem kawalerskim? (NKJP)

(44) Boronów, wieś **jak** wieś, gmina **jak** gmina. Ani mała, ani duża. (WSJP)

Podobna jednostka dwuelementowa o postaci *_, jak_, ale_* została wyróżniona w pracy Bogusławski — Danielewiczowa (2005: 112); por. przykład autorów:

(45) Córka **jak** córka, ale mamusia! Z tej dopiero jest artystka.

Analogiczną strukturę składniową ma jedna z jednostek konstytuowanych przez *_nie_* (Grochowski 2007: 276); por. np.

(46) Strach nie strach, ale iść do dentysty musisz.

Jak11 nazywam operatorem metaleksykalnym. Por. np.

(47) O **jak** Olga, S **jak** Stefan, A **jak** ananas.

Omawiana jednostka otwiera dwie pozycje syntaktyczne, lewa jest wypełniona przez literę, a prawa przez wyraz zaczynający się od tej litery, obie wielkości są więc użyte w supozycji materialnej. *Jak 11* występuje w interpozycji, a zarazem w antepozycji w stosunku do wyrazu, do którego mówiący się odwołuje.

4. Podsumowanie

W systemie leksykalnym współczesnej polszczyzny da się wyodrębnić n jednostek o postaci *jak*, reprezentujących różne klasy gramatyczne. Liczba tych jednostek jest dyskusyjna, ponieważ nie ma jednej akceptowalnej klasyfikacji gramatycznej leksemów. Dotyczy to przede wszystkim tej części klasyfikacji, która obejmuje jednostki funkcyjne. Im głębsze badania, tym większa pokusa wyróżnienia większej liczby klas.

Wszystkie wyróżnione w tym artykule jednostki jednosegmentowe o postaci *jak* (jest ich jedenaście) mają szyk uwarunkowany strukturalnie. Zgodnie z przyjętym tu rozumieniem szyku każda jednostka o postaci *jak* ma szyk stały w stosunku do swojego kontekstu gramatycznego. Jest to szyk antepozycyjny względem wypowiedzenia zależnego (por. np. *jak 2, jak 3, jak 4*) lub składnika wypowiedzenia, do którego jednostka się odnosi (*jak 6*). Nie jest możliwa zmiana szyku samego *jak*. Jeżeli ulega zmianie szyk wyrażenia wprowadzanego przez *jak* (względem obiektu odniesienia tego wyrażenia), to zmiana ta obejmuje również tę jednostkę (por. np. *jak 2, jak 4, jak 8*).

Porównywanie dwóch wielkości należy do inwariantnych funkcji wielu (ale nie wszystkich!) leksemów o postaci *jak*. Szyk tych jednostek (por. np. *jak 5, jak 9, jak 10, jak 11*) może być określony również jako interpozycyjny. Z kolei w wypowiedzeniu prostym wprowadzanym przez *jak* jednostka ta zajmuje stałą pozycję inicjalną (por. np. *jak 1, jak 7*).

BIBLIOGRAFIA

- Ampel Teresa. *Wypowiedzenia okolicznikowe profrazowe we współczesnym języku polskim*. Rzeszów: WSP, 1975.
- Bańko Mirosław. *Słownik porównań*. Warszawa: PWN, 2004.
- Bogusławski Andrzej. „Uwagi o pracy nad frazeologią”. Saloni Zygmunt (red.). *Studia z polskiej leksykografii współczesnej III*. Białystok: Filia UW, 1989: 13–30.
- Bogusławski Andrzej, Danielewiczowa Magdalena. *Verba polona abscondita. Sonda słownikowa III*. Warszawa: ILS UW, 2005.
- Buttler Danuta. „Problematyka badań nad homonimią”. *Przegląd Humanistyczny* 3 (1968): 57–79.
- Buttler Danuta. „Problemy leksykograficznego opisu homonimów”. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN* 1–2 (1988): 51–67.
- Chojak Jolanta. „Przysłówek — nie przysłówek, modulant — nie modulant. Uwagi na marginesie opisu leksykograficznego *jak*”. Chrakovskij Viktor S., Grochowski Maciej, Hentschel Gerd (red.). *Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages*. Oldenburg: BIS, 2001: 77–87.
- Chojak Jolanta. „Kłopotliwy przysłówek *jak*”. Grochowski Maciej (red.). *Przysłówki i przyimki. Studia ze składni i semantyki języka polskiego*. Toruń: UMK, 2005: 71–84.
- Chojak Jolanta. „O znaczeniu czasownika *brzmieć*”. Grzegorzyczkowa Renata, Waszakowa Krysztyna (red.). *Pojęcie. Słowo. Tekst*. Warszawa: UW, 2008: 207–221.
- Chojak Jolanta. *Zrozumieć „jak”*. *Studium składniowo-semantyczne*. Warszawa: Wydział Polonistyki UW, 2009.
- Danielewiczowa Magdalena. „O pewnym ważnym typie informacji leksykograficznej nieobecnej w słownikach”. *Problemy frazeologii europejskiej IX* (2012): 51–62.
- Dąbkowski Grzegorz. „Homonimia w najnowszych słownikach języka polskiego”. Zdunkiewicz-Jedynak Dorota (red.). *Słowa i ich opis. Na drogach współczesnej leksykologii*. Warszawa: Wydział Polonistyki UW, 2012: 123–130.

- Dobaczewski Adam. *Zjawiska percepcji wzrokowej. Studium semantyczne*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej UW, 2002.
- Greszczuk Barbara. *Konstrukcje porównawcze i ich rozwój w języku polskim*. Rzeszów: WSP, 1988.
- Grochowski Maciej. „Wprowadzenie do opisu wyliczenia jako zasady budowy tekstu”. *Pamiętnik Literacki* LXIX/3 (1978): 131–147.
- Grochowski Maciej. „Metatekstowa interpretacja parentezy”. Dobrzyńska Teresa, Janus Elżbieta (red.). *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Wrocław: Ossolineum, 1983: 247–258.
- Grochowski Maciej. „Składnia wyrażen polipredykatywnych (zarys problematyki)”. Topolińska Zuzanna (red.). *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa: PWN, 1984: 213–299.
- Grochowski Maciej. „Polifunkcyjność gramatyczna jednostek leksykalnych a ich homonimia (z punktu widzenia współczesnej leksykografii)”. *Prace Filologiczne* XXXIII (1986a): 35–42.
- Grochowski Maciej. *Polskie partykuły. Składnia, semantyka, leksykografia*. Wrocław: Ossolineum, 1986b.
- Grochowski Maciej. „O kwalifikacji gramatycznej jednostek o postaci *nie*”. Kamper-Warejko Joanna, Kulwicka-Kamińska-Joanna, Nowakowska Katarzyna (red.). *Z przeszłości i terażniejszości języka polskiego. Księga pamiątkowa dedykowana Teresie Friedelównie*. Toruń: UMK, 2007: 271–279.
- Grochowski Maciej. „Kryteria opozycji homonimicznych partykuł i przysłówków”. *Slavica Wratislaviensia* CLIX (2014): 141–148.
- Grochowski Maciej, Kisiel Anna, Żabowska Magdalena. „Zasady opisu jednostek funkcyjnych w WSJP PAN”. Żmigrodzki Piotr et al. (red.). *Wielki słownik języka polskiego PAN. Geneza, koncepcja, zasady opracowania*. Kraków: IJP PAN, 2018: 191–204.
- Grzesiak Romuald. *Semantyka i składnia czasowników percepcji zmysłowej*. Wrocław: Ossolineum, 1983.
- Kallas Krystyna. „Syntaktyczna charakterystyka wielofunkcyjnego *JAK*”. *Polonica* XII (1986): 127–143.
- Kallas Krystyna. „Status gramatyczny wyrażen *by* i *że* w połączeniu z wielofunkcyjnym *jak*”. Saloni Zygmunt (red.). *Studia z polskiej leksykografii współczesnej II*. Białystok: Filia UW, 1987: 129–150.
- Karolak Stanisław. *Zagadnienia składni ogólnej*. Warszawa: PWN, 1972.
- Karolak Stanisław. „Składnia wyrażen predykatywnych”. Topolińska Zuzanna (red.). *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa: PWN, 1984: 11–211.
- Karolak Stanisław. *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*. Warszawa: Instytut Sławiistyki PAN, 2002.
- Klemensiewicz Zenon. *Zarys składni polskiej*. Warszawa: PWN, 1963.
- Laskowski Roman. „Od czego lepszy jest lepszy?”. *Język Polski* LVII/5 (1977): 323–335.
- Łojasiewicz Anna. „O pewnym typie użyć spójnika *jak*”. Sambor Jadwiga, Huszcza Romuald (red.). *Prace z językoznawstwa ogólnego i kontrastywnego*. Warszawa: UW, 1991: 65–71.
- Łojasiewicz Anna. *Własności składniowe polskich spójników*. Warszawa: UW, 1992.
- Majewska Małgorzata. *Homonimia i homonimy w opisie językoznawczym*. Warszawa: Wydział Polonistyki UW, 2002.
- Majewska Małgorzata. *Rzeczownikowe homonimy heterogeniczne. Analiza synchroniczna i diachroniczna*. Kraków: IJP PAN, 2006.
- Misz Henryk. *Opis grup syntaktycznych dzisiejszej polszczyzny pisanej*. Bydgoszcz: BTN, 1967.
- Moroz Andrzej. *Parenteza ze składnikiem czasownikowym we współczesnym języku polskim*. Toruń: UMK, 2010.
- NKJP: Narodowy korpus języka polskiego [on-line] <www.nkjp.pl> [cit. 18-05-2021].
- Saloni Zygmunt (red.). *Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej*. Kraków: IJP PAN, 1990.
- SJPD: Słownik języka polskiego. Doroszewski Witold (red.). Warszawa: Wiedza Powszechna — PWN, 1958–1969.
- Stępień Marzena. *Wyrażenia parentetyczne w strukturze wypowiedzi — właściwości semantyczne, składniowe, prozodyczne*. Warszawa: Wydział Polonistyki UW, 2014.
- Wajszczuk Jadwiga. *System znaczeń w obszarze spójników polskich. Wprowadzenie do opisu*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej UW, 1997.

- Wajszczuk Jadwiga. „Functional class (so called „part of speech”) assignment as a kind of meaning-bound word syntactic information”. *Cognitive Studies / Études Cognitives* 10 (2010): 15–33.
- Wierzbička Anna. *Dociekania semantyczne*. Wrocław: Ossolineum, 1969.
- Wierzbička Anna. „Porównanie — gradacja — metafora”. *Pamiętnik Literacki* LXII/4 (1971): 127–147.
- WSJP PAN: Wielki słownik języka polskiego. Żmigrodzki Piotr (red.). Instytut Języka Polskiego PAN, Kraków 2007, [on-line] <<http://www.wsjp.pl>> [cit. 18-05-2021].
- Zaucha Joanna. „O motywacji rzeczownikowych składników porównań standardowych”. Grzegorzyczowa Renata, Waszakowa Krystyna (red.). *Pojęcie. Słowo. Tekst*. Warszawa: UW, 2008: 241–253.
- Zaucha Joanna. *Przymiotnikowe wyrażenia porównawcze typu „głodny jak wilk” we współczesnej polszczyźnie*. Warszawa: Wydział Polonistyki UW (rozprawa doktorska), 2010.

Mañej Гроховски

РЕД РЕЧИ КОД ХОМОНИМНИХ ЛЕКСЕМА У КОНСТРУКЦИЈАМА ЈАК

Резиме

У чланку се издваја једанаест једносементних хомонимних лексема у конструкцијама *jak*. Оне представљају различите граматичке класе и поткласе лексичких јединица. Чланак садржи уводни опис линеарних позиција проучаваних лексема. Главне ауторове тезе су следеће. Ред речи *jak*-лексема је структурно дефинисан и константан. Свака *jak*-лексема јавља се у антепозицији спрема просте или зависне реченице, односно испред оног реченичног елемента са којим улази у синтаксички однос.

Кључне речи: савремени пољски језик, синтакса, врсте речи, лексичка јединица, ред речи.

Борис Норман
Белорусский государственный университет
boris.norman@gmail.com

Boris Norman
Belarusian State University
boris.norman@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ФЕМИНИТИВОВ: ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И МЕТАЯЗЫКОВАЯ ОЦЕНКА

THE PROBLEM OF FEMINITIVES: OBJECTIVE REALITY, LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD AND METALINGUISTIC ASSESSMENT

Проблема женских *nomina agentis*, или феминитивов, составляет одну из болевых зон славянской грамматики. Образование женских номинаций от мужских основ в различных славянских языках характеризуется разной степенью регулярности. В русском языке фоном для этого словообразовательного процесса служит наличие большого количества существительных «общего рода», могущих называть как мужчин, так и женщин (*неряха, забияка, зануда, лидер, товарищ* и т. п.). Особенности функционирования данной группы слов проявляются в тексте, при их согласовании с глаголами и прилагательными. В статье анализируется также роль феминитивов как национально-культурного символа.

Ключевые слова: феминитив, грамматический род, существительные общего рода, согласование.

The problem of feminine *nomina agentis*, or femitives, is one of the painful areas of Slavic grammar. The formation of female nominations from male stems in various Slavic languages has varying degrees of regularity. In the Russian language, the background for this word-formation process is the presence of a large number of nouns of the “common gender”, which can name both men and women (*неряха, забияка, зануда, лидер, товарищ*, etc.). The peculiarities of the functioning of this group of words appear in the text when they are coordinated with verbs and adjectives. The article also analyzes the role of femitives as a national and cultural symbol.

Keywords: femitive, grammatical gender, common gender nouns, agreement.

1. Введение

Сегодня нет никаких оснований к тому, чтобы оспаривать биологическую и социальную равноценность и равноправие мужчин и женщин —

в XXI веке это было бы смешно. Статус женщины в европейском обществе, уровень ее образования и способностей, умение отстаивать свои права — все это не требует комментариев. Женщины руководят государствами, служат в армии, создают бизнес-структуры... Показательно также, что в русскоязычном сознании, наряду с физиологическим понятием «пол», укореняется понятие «гендер» — как социопсихологическое представление о биологическом поле. Очевидно, есть ситуации, когда эти две характеристики не совпадают. Однако когда речь заходит о словесных обозначениях женщин в славянских языках — феминитивах, то это порождает не прекращающиеся споры. В частности, неоднозначную оценку получают распространяющиеся в русской разговорной речи номинации вроде *лауреатка*, *режиссерка*, *байкерша*, *гребчиха* и т. п. (Еремин 2006: 14–15). Усугубляет ситуацию то, что каждый язык имеет на данную проблему свою «точку зрения», соответствующую историческим традициям и словообразовательным потенциям данного языка.

Если бы сторонники эмансипации женщин, затрагивающие тему словесных обозначений, проконсультировались с лингвистами, то они в какой-то раз услышали бы то, что язык не копирует действительность, не отражает ее зеркально, а отображает ее, преломляя в соответствии со своими внутренними законами и традициями. И это касается не только обозначений женщин, но и общих правил номинации и коммуникации. Мы ведь говорим по-русски *громоотвод*, хотя понимаем, что сей предмет вовсе не гром отводит, а разряд молнии. Мы говорим *солнце всходит и заходит*, понимая архаичность такого — докоперниковского — взгляда на Вселенную. Подобных примеров — множество, и они объясняются не только консервативностью языка, его «отсталостью от жизни».

Языковой знак образуется условным соответствием двух планов: формы и содержания, и эта условность не всегда подчиняется логике. Обо всем биологическом роде кошек мы говорим: *кошки*, употребляя существительное женского рода, а обо всем биологическом роде волков — *волки* (существительное мужского рода). Где тут логика? В некоторых непростых ситуациях мы говорим по-русски *меня угораздило* (что-то сделать) или *его развезло*, как бы снимая с субъекта ответственность за его действия, хотя человек сам обладает рассудком. Мы легко скажем *Его разобрал смех*, а вот *Его разобрал стыд* — не говорят... Все это говорит об относительности, условности языкового значения, о специфичности языковой картины мира, которая не совпадает и не должна совпадать с реальной, научной. Это надо иметь в виду и тогда, когда мы обращаемся к вопросу о наименованиях женщин.

2. Постулаты исследования феминитивов

Первая предпосылка: борьбу за права женщин следует отличать от борьбы с языковыми установлениями. Это касается и массовых акций,

и основополагающих официальных документов. В частности, в Конституции Республики Беларусь (статья 32) записано:

«Женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья» (Конституция 2019: 10).

Обратим внимание: женщинам предоставляются «равные права с мужчинами», а не мужчинам — равные права с женщинами! Вот где изначально таится дискриминация, а не в том, чтобы студентку в какой-то ситуации назвать *студентом*!

Вторая предпосылка: надо понимать, что женщина постепенно отвоевывала у мужчин себе место в этом мире, и следы этой борьбы несомненно сохраняются в языке. На материале славянских языков хорошо видно, как статус женщины в обществе первоначально устанавливался по ее отношению к мужчине — отцу или (после замужества) — мужу. Так, Н. А. Павленко, исследовавший историю женских наименований в белорусском языке, показал, что в XIV–XVIII веках картина в этом смысле была весьма пестрая. Существовало большое количество словообразовательных средств (суффиксов), служащих для образования феминитивов (Паўленка 1978: 28). Однако между ними существовала функциональная специализация.

С помощью формантов *-ов-ая (-ев-ая)*, *-ин-ая (-ын-ая)* образовывались феминитивы от названий профессий, рода деятельности, социального положения мужа: *гетманавая, енералавая, ключниковая, ротмистровая, возничиная...* (т. е. «жена гетмана», «жена генерала» и т. д.).

С помощью форманта *-н-а (-овн-а, -евн-а)* образовывались феминитивы от названий вида деятельности и социального статуса отца: *королевна, стольниковна, каштеляновна, маршалковна...* (т. е. «дочь короля», «дочь стольника» и т. д.);

«И только дериватемы *-к-а, -н'-а, -иц-а* и другие могли производить семантически разнородные фемининные *Nomina agentis*» (Там же: 123), обозначавшие свойства, присущие женщинам в ту эпоху: *акторка, цыганка, пастушка, корчмарка, небожчыца, старица, грекия...* Эти номинации — зародыш будущих истинных феминитивов.

Понятно, что перед нами проблема не столько собственно языковая, сколько социолингвистическая: за нею стоит развитие общественных отношений, закрепление за женщиной определенной роли в семье, зачатки прогресса в правовой, экономической и технической сфере и т. д. Действительно, до тех пор, пока женщина находилась в тени мужчины, ее статус и определялся по этому мужчине. Причем на том историческом этапе обозначение женщины «через мужчину» служило и своего рода оберегом: мужчина выступал как защитник и гарант социальной значимости женщины. Итак, мы видим, что процессы номинации теснейшим образом связаны с процессами, протекающими в социуме.

Третья предпосылка: необходимо учитывать возможность разного выражения одних и тех же значений. В одних языках синтаксические отношения между словами выражаются преимущественно флективно (это языки синтетического строя), а в других — с помощью служебных слов и словопорядка (это языки аналитического строя). Качество передаваемой информации от этого не страдает. Точно так же и гендерные различия необязательно должны быть выражены морфологическими (словообразовательными) единицами. Для этого существуют и другие языковые средства.

Далее рассмотрим, как противопоставление у живых существ по полу (а у людей — и по гендеру) выражается в русском языке.

3. Мужские и женские *nomina agentis*

Половое (биологическое) основание категории грамматического рода, казалось бы, очень наглядно прослеживается в парах типа *медведь* — *медведица*, *козел* — *коза*, *заяц* — *зайчиха*, *кот* — *кошка*, *голубь* — *голубка* и т. д. В этот ряд хорошо вписываются и обозначения людей, использующие те или иные словообразовательные средства: *спортсмен* — *спортсменка*, *пианист* — *пианистка*, *ученый* — *ученая*, *супруг* — *супруга*, *дояр* — *доярка*. Существительные, входящие в такую пару, называются соответственно **маскулитив** и **феминитив**. Случается при образовании пары и супpletивное использование другой основы: *мужчина* — *женщина*, *баран* — *овца*, *петух* — *курица* и т. п. Но общая закономерность тут просматривается легко: мужской пол соответствует мужскому грамматическому роду, женский пол — женскому роду.

Однако на деле «равноправие» полов тут мнимое. Дело в том, что одно из этих существительных (чаще слово мужского рода) принимает на себя общее значение всего биологического вида или класса людей. Мы скажем: *Белорусские спортсмены завоевали несколько медалей* (не различая спортсменов-мужчин и спортсменок-женщин). Это значит, что в русском языке есть гипероним *спортсмен*, обозначающий человека любого пола, занимающегося спортом, и гипоним *спортсмен*, обозначающего мужчину, занимающегося спортом (ср.: Tafel 1997: 96). Или рассмотрим выражение: *В сибирских лесах водятся медведи*. Очевидно, что в число «медведей» здесь включаются и медведицы. Или еще пример: *Я не люблю кошек* (имеются в виду, разумеется, и коты). Такова условность, языковая традиция: обобщать представителей разных полов «под крышей» существительного какого-то одного грамматического рода. Эта традиция особенно ярко проступает во множественном числе, когда называется целый класс живых существ, или же в единственном, но в сочетании с квантификаторами *все*, *каждый*: *Все студенты должны пройти медицинский осмотр*; *Каждый студент должен...* и т. п.

Часто человеку и не нужно обращать внимание на пол животного. Если он говорит: *Ко мне на балкон прилетают голуби*, то какая ему разни-

ца, кто из них самка, а кто — самец? Если мы слышим от крестьянина: *Лисица у нас таскает кур*, то какого пола животное-хищник — совершенно неважно. Фактически категория грамматического рода нужна в языке для другого — для выражения в предложении связи между словами, т. е. для согласования существительных и местоимений с глаголами и прилагательными. Есть такая хорошая шутка: *Как отличить зайца от зайчихи? Надо животное поймать и отпустить. Если побежал — значит, заяц. А если побежала — зайчиха.*

Согласовательная функция категории грамматического рода совершенно очевидна в случае со средним родом (у которого никакого «полового», т. е. биологического, основания не просматривается). Характерно, кстати, его изначальное латинское название: *neutrum* ‘ни тот, ни другой’ или современные польское *nijaki*, белорусское *ніякі*. Хотя существительных среднего рода и в количественном отношении несравненно меньше, чем мужского или женского, и в языковой идеологии они занимают не столь важное место, свою согласовательную функцию они выполняют вполне исправно.

На аллюзиях к противопоставлению по биологическому полу основана и мифопоэтическая (символическая) функция грамматического рода. «Олицетворение» небесных сил и земных стихий, континентов и стран, растений и артефактов — тема, давно занимающая лингвистов (Буслаев 1959: 299–305; Буслаев 1992: 241–254; Гин 1996: 26–35; Норман 2019: 363–364 и др.), но мы здесь от нее отвлекаемся.

Возможность обозначения вида через род (в таксономической терминологии) или гипонима через гипероним, т. е., к примеру, названия зайчихи *зайцем* и т. п. — существенная особенность, осложняющая «парный» характер словесных номинаций. Получается, что противопоставление мужского и женского грамматического рода носит не эквиполентный, а привативный характер: один из членов оппозиции оказывается семантически маркирован (Трубецкой 2000: 80). Идею формальной и семантической маркированности существительных женского рода развивал Р. Якобсон, а мужской род определялся им как немаркированный, «неженский» (Jakobson 1971: 184). Позже об «отмеченности значения» женского рода писал М. В. Панов (1999: 166–168). В целом, с учетом указанных выше таксономических оговорок, эту трактовку можно принять, хотя общепринятым психологическим установкам она не соответствует (Норман 2006: 158). Кроме того, заметим, что в некоторых парах слов именно существительное женского рода выступает как немаркированное, ср.: *кошка* и *кот*, *балерина* и *балерун*, *доярка* и *дояр* и др.

Прецеденты образования маскулитивов от феминитивов отмечены в русском языке давно. В 1-й половине XX века наряду с феминитивом *кокетка* начинает употребляться *кокот* (о мужчине), во 2-й половине — наряду с *медсестра* появляется *медбрат* (в 17-томном (ССРЛЯ) первое слово уже есть, а второго еще нет), чуть позже от *доярка* образуется *дояр*, от *вертихвостка* — *вертихвост*, от *поломойка* — *поломой* и т. п.:

— И очень запросто, Владим Андреич, — встрял Ведищев. — Я вам сколько раз говорил: расплодили дармоедов, **вертихвостов** всяких (Б. Акунин. Особые поручения).

Я — артист лопаты, я — тачечник Колымы. И еще я знаменитый магаданский **поломой**. Конечно, шахта убивает (В. Шаламов. О Колыме).

Любопытна история маскулитива *нянь*. Это один из самых известных окказионализмов Владимира Маяковского. В поэме *Хорошо!* (1927) он таким образом характеризует П. Н. Милюкова, министра иностранных дел Временного правительства в 1917 году:

Смахнувши
слезы
 рукавом,
взревел усатый **нянь**:
— В кого?

Но эта ироническая номинация со значением «няня-мужчина» прижилась, легализовалась в русском языке (особенно после выхода в 1977 году кинокомедии «Усатый нянь»). Сегодня Национальный корпус русского языка дает на словоформу *нянь* 87 документов, 114 вхождений (www.ruscorgo.ru, дата обращения 14.04.2021). И основная масса этих случаев — это, конечно, форма родительного падежа множественного числа от *няня* (70 вхождений), а также вкрапления из китайского и коми-пермяцкого языков. Но 8 вхождений — это употребления маскулитива *нянь*, например:

А потом Марианна Вениаминовна, которая руководит продленкой, говорит:

— За тобой твой **нянь** пришел. Она так шутит. И мы с Пашей идем домой (Д. Сабитова. Где нет зимы).

Другое «осложнение» системы родовых наименований — наличие в славянских языках слов, которые с одинаковым правом могут называть и мужчин, и женщин. Изначально большинство этих существительных в своем значении имели отрицательный, пейоративный оттенок: *гуляка, жадина, бедняга, задира, забияка, зануда, неряха, грязнуля, недотепя, непоседа, кривляка, пьяница, плакса, соня, воображала* и др. Такие существительные принято называть словами **общего рода**. Склоняются они по «женскому» типу (*неряха, неряхи, неряхе, неряху* и т. д.), но в согласовании обнаруживают признаки или мужского, или женского рода: *У нашего маленького неряхи пятно на рубашке; У нашей маленькой неряхи пятно на рубашке*.

Однако категория существительных общего рода очень быстро стала пополняться другими словами, разнообразными в словообразовательном отношении и не имеющими негативного оттенка в своей семантике: *судья, староста, сирота* и др. В значительной степени это было связано с социальными преобразованиями — с тем, что женщины стали получать в обществе полноправный статус, овладевать новыми профессиями и т. д. Так

получилось, что слова вроде *коллега, депутат, врач, скептик, товарищ, контролер, завхоз* и многие другие стали обозначать не только мужчин, но и женщин. Как говорится в стихотворении С. Михалкова «Мой друг»,

Он красный галстук носит,
Ребятам всем в пример.
Он — девочка, он мальчик,
Он — юный пионер!

Очевидно, быть *пионером* (существительное общего рода) — важнее, чем свойство быть девочкой или мальчиком. Поэтому же в Советском Союзе существовал журнал *Коммунист* (для женщин была только специализированная *Работница*), в России и поныне существует звание «Народный учитель», а популярная социальная сеть называется «Одноклассники» — хотя женщин в этой сети не меньше, чем мужчин... Конечно, кому-то (прежде всего борцам за права женщин: феминисткам и феминистам) это не нравится. Но в реальной русской речи сегодня встречаются и *инженер Петрова*, и *наша врач сказала*, и *товарищ Кононенко ошиблась* и т. п. Пример из рассказа Василия Шукшина:

Деятель высморкалась, сделала «кхм», «кхм» и продолжала:
— Они лысеют, а людей на земле уменьшается... (*В. Шукшин. Три грации*).

И еще одна цитата:

— Вы ответите! **Товарищу Трапезунд** за меня попадет! (*Е. Шатко. Когда заболит Оми...*).

Товарищ — слово общего рода. Если было бы *товарищу Трапезунду*, то это было бы обозначение мужчины. Но раз фамилия *Трапезунд* не склоняется, значит, это — женщина.

Заметим, что названия сугубо женских профессий, вроде *сестра-хозяйка, кастелянша, кухарка, техничка, машинистка* при большой необходимости тоже могут стать существительными общего рода, хотя эти употребления несут на себе налет окказиональности, ср.:

Но **посетил** его только **сестра-хозяйка**: бесшумно сервировал стол и пропал... (*Д. Иванов, В. Трифонов. Кум королю*).

4. Проблема существительных общего рода

Опасения или сомнения, связанные с употреблением существительных общего рода, двояки.

Во-первых, слова общего рода в речевой деятельности конкурируют с грамматическими гипонимами — феминитивами и маскулитивами. Внешне они могут быть похожи на существительные мужского рода (*инженер, врач*) или женского рода (*гуляка, полукровка*). Женщина может сказать о себе: «Я старый холостяк» (так говорит героиня популярного кинофильма «Служебный роман»), а мужчина может сказать о себе: «Я кокетка»,

и это не меняет половой сущности человека. Строго говоря, следовало бы считать гипероним и гипоним разными словами, см., например (Иомдин 1980: 458–459), но это порождает дополнительные лексикографические проблемы: надо ли в таком случае давать в словаре отдельно *зануда*₁ как 'нудный человек' (любого пола) и *зануда*₂ как 'нудный человек мужского пола'?

Мы в данном случае сохраним верность лингвистической традиции (понятию и термину «существительные общего рода»). Но обратим еще раз внимание на то, что применительно к названиям лиц существительное общего рода (гипероним) оказывается более официальным и «высоким» наименованием, чем гипоним-феминитив.

В следующей газетной заметке говорится о предстоящих встречах российских теннисисток с чешскими.

Макарова всегда играет достаточно ровно. <...> Скорее всего она сыграет с Петрой Квитовой. Квитова — **лидер** чешской сборной. Шафаржова — хороший **член** команды, крепкий **орешек**. Они все настоящие **борцы** (*Известия*. 13.11.2015).

Лидер, член команды, орешек, борец — вот какими «мужскими» эпитетами награждаются девушки! В этом отражается, с одной стороны, архаичная «андрогенная» идеология русского языка, а с другой — пределы его словообразовательных возможностей.

Таким образом, использование существительных общего рода в качестве *nomina agentis* в русском языке закрепилось традицией и кодифицировалось. А употребление гипонима — феминитива или маскулинитива — упирается в стилистические критерии. Чем дискурс официальнее (серьезнее, «казеннее»), тем предпочтительней выбор существительного общего рода. Чем текст разговорнее, «интимнее», тем естественнее употребление гипонима. Приведем несколько примеров из художественной литературы, в которых *nomina agentis* употреблен как гипероним.

— ...Все это нам рассказывала еще в селе учительница литературы Эда Генриховна Шутенберг... Она потом исправилась, была восстановлена. И **орденоносец** даже сделалась (*В. Астафьев*. Печальный детектив).

Рассказывает мне, глаза сияют, сама изможденная, руки трясутся, типичный **фанат**. Но умница (*Д. Гранин*. Картина).

Выясняется, что в идеологическом отношении международный **лауреат «подкачала»** (*Д. Рубина*. Чем бы заняться?).

— Не надо мне шить антисемитизм, — продолжал бушевать Мутафов. У меня бабушка **еврей!** (*И. Олейников*. До встречи в «Городке»).

— Вы говорите по-итальянски, **считчик?**

Софа ответила:

— Нет еще (*Л. Петрушевская*. Найди меня, сон).

Использовать в этих контекстах феминитивы *орденоноска, фанатка, лауреатка, еврейка, считчица* оказалось невозможно. Некоторые языковеды говорят об обидном или даже «оскорбительном» характере таких номи-

наций (Бортник 2001: 52). Однако в иных дискурсивных условиях подобные образования вполне естественны. Так, используемые в следующих цитатах существительные *лауреатка* и *палачка* (в речи персонажей) служат сигналами непринужденного общения:

— ...А потом в ридикюле роется, пятерку дает. Это пятерку-то за перстень бриллиантовый! Он, небось, тыщи три стоит... А еще **лауреатка!** (Е. Евтушенко. Ягодные места).

— А ты меня не учи! — взбесился Брагин. — Когда надо, я вам, бабам, полный миль пардон могу устроить! Потому и липнете ко мне! Но ты — **палачка!** Недостойна! (Н. Андреева. Правая рука смерти).

А вот употребление в следующем интернет-контексте номинации *пресс-секретарша*, можно считать, намеренно нацелено на снижение официального статуса лица, его «десакрализацию»:

Пресс-секретарша белорусского президента Наталья Эйсмонт, согласно многочисленным публикациям в прессе (в том числе телефонных разговоров с Басковым), является членом той же банды тонтон-макутов (www/regnum.ru/news/polit/3163617.html, дата обращения 15.01.2021).

В целом считать, что использование гиперонимов общего рода включает в себе дискриминацию лиц женского пола, представляется нам упрощением проблемы. Повсеместное внедрение или «навязывание» социальных феминитивов (*режиссерка*, *хирургиня*, *борчиха* и т. п.) невозможно без стилистических потерь и отдает в глубине семантическим идеализмом: это представление о том, что стоит изменить названия, и мир станет другим. По мнению Предрага Пипера, подобные «попытки идеологического инжиниринга в грамматике» небезопасны и не должны оставаться вне внимания лингвистов (Пипер 2014: 84). Это значит: можно, конечно, говорить «лауреатка» или «режиссерка», но сами по себе данные названия престижа женщинам не прибавят, а иллюзию общественного прогресса создают.

Возвращаясь к проблемам, связанным с употреблением существительных общего рода, укажем и на вторую из них. Согласование существительных типа *декан* или *бухгалтер* с определениями в женском роде не очень хорошо оценивается носителями языка — и это пока речь идет о формах именительного падежа: *?наша декан* или *?опытная бухгалтер* (Граудина и др. 1976: 100–101). Что же касается косвенных падежей, то считается, что согласование здесь вообще возможно только в форме мужского рода. Запрещаются сочетания типа: **у нашей декана* или **к опытной бухгалтеру*, допускаются только: *у нашего декана*, *к опытному бухгалтеру*. Впрочем, и этот запрет не такой уж строгий, ср. факты речи:

Хозяин подмигивает **знакомой** ему **экскурсоводу Марине** и заводит пластинку (П. Вайль. Карта Родины).

Нас было человек 50. Пришли те, кто был в Минске. За день до этого я написала **нашей ректору** и **министру культуры**, чтобы они тоже присутствовали... (<https://people.onliner.by/2020/08/31/uvolena-ректор-bguki>, дата обращения: 15.04.2021).

В целом получается, что если изначальные номинации общего рода (*неряха, задира, староста* и т. п.) вполне вписались в систему русского словоизменения, то поздние, по выражению И. Г. Милославского, «неудачливые», кандидаты на эту роль (*декан, бухгалтер, доктор* и т. п.) так и застыли на середине своего эволюционного пути.

Более того, непоследовательность или незавершенность этих шагов дают лингвисту основания для своего рода упрека, адресованного языку:

«Остается не выполненным наилучшим образом очевидный социальный заказ времени, когда женщины стали активно выполнять те социальные роли, которые раньше были привилегией мужчин. Отражая в языке именно предшествующий этап жизни, язык не сумел эффективно откликнуться на изменения в общественной жизни, просто и последовательно отразив эти социальные изменения» (Милославский 2017: 57).

Впрочем, с учетом условности языкового знака и самобытности языковой системы, о чем шла речь в начале статьи, этот упрек кажется безосновательным. Язык решает свои проблемы в меру своих сил и состояния. Если носитель языка сталкивается в своей практике с какими-то коммуникативными неудобствами, он всегда найдет средство их обойти.

5. Постоянство или изменчивость рода?

Очередная проблема, связанная с использованием категории грамматического рода, заключается, как ни странно, в его неустойчивости, т. е. в возможности относительно свободного изменения классификационного значения слова. Выше шла речь о парах существительных, мотивированных различиями в биологическом поле (*медведь и медведица, козел и коза, супруг и супруга, спортсмен и спортсменка...*). Но сознание носителя языка, опираясь на эти прецеденты, склонно распространять данное противопоставление на другие случаи. Причем подобная экстраполяция охватывает не только живые существа (*клоп — клопа, тигр — тигра, обезьяна — обезьян, морж — моржа, пчелка — пчелк, фея — фей, гад — гада, кумир — кумира* и т. п.), но и существительные предметной семантики. В последнем случае перед нами — игра чисто формального свойства: появляются номинации типа *оливк, кепк, половин, чуд, тела* 'тело', *ливня* и др. (ср.: Норман 2006: 166–170). Несколько свежих примеров:

Вражья килька не просклизнет в наши воды! **Чуждый мышь** не прошмыгнет! И спасибо за это всем заставам, эскадрильям и кораблям (*М. Мишин. Граница*).

— Да, Сашка, — начал выносить вердикт Ким, — ты поведал нам не безынтересный внемирный **чушь!**

Слово «чушь», да еще употребленное в мужском роде, напомнило мне о свином рыле в калашном ряду (*А. Бабенков. Ким — первые встречи*).

попили-поели
потом оказалось

что это не муза, а **муз**
и возник опять-таки
творческий союз

(Л. Петрушевская. Стихи(хи)).

Ах, ваш романс, мадам! Вы — самая музыкальная **милиционера**
на Земном Шаре! (В. Соснора. Город, в котором заблудился юмор).

Можно было бы не придавать особого значения этому варьированию родового значения, относя его на счет травестийной природы языковой игры. Но симптоматично, что данное явление носит весьма распространенный или даже массовый характер. А в фантастических сказках Людмилы Петрушевской игра с грамматическим родом — один из текстообразующих приемов, ср.:

Однажды **волк Петровна** долго **ждала** мужа Семена Алексеевича, он обещался внести на питание, но позже возможности Петровны кончились, она сказала детям «айда» и стала складывать скатерти и трехлитровые банки...

Как-то раз **лягушка Самсон**, так бывает, **вывалил** свой слишком длинный язык (мимо **пролетала комар Томка**), и тут внезапно хлопнула дверь, сквозняк. И лягушку Самсона заклинило... («Дикие животные сказки»).

Все указанные оговорки, сопровождающие использование грамматического рода в русском языке, повышают прагматическую ценность этой категории. С помощью родовых показателей оказывается возможным передавать массу дополнительной стилистико-дискурсивной информации. И потому следует согласиться с Л. В. Зубовой:

«Категория рода — предмет постоянной языковой рефлексии, языковой игры — прежде всего потому, что она непоследовательно мотивирована в языке и нечетко структурирована на разных участках системы» (Зубова 2000: 300).

6. Феминитивы как символ национально-культурной самобытности

Проблему обозначения лиц женского пола различные славянские языки решают по-разному. В некоторых из них феминитивы — многочисленный и регулярно пополняемый класс. Так, В. Ф. Васильева демонстрирует «практически неограниченные возможности аффиксальных образований в чешском языке» на примере как раз феминитивов:

«В чешском языке благодаря чрезвычайно высокой степени деривационной стандартизации от любого существительного мужского рода со значением лица, за единичными исключениями, автоматически образуются существительные женского рода: docent — docentka, děkan — děkanka, dirigent — dirigentka, inženýr — inženýrka, filolog — filoložka, lékař — lékařka, pedagog — pedagožka, psycholog — psycholožka, ředitel — ředitelka, sochař — sochařka, profesor — profesorka, archeolog — archeoložka, architekt — architektka, skladatel — skladatelka, soudce — soudkyně, vůdce — vůdkyně, biolog — bioložka и т. д.» (Васильева 2003: 12).

Добавим, что, кроме названий женщин по собственному общественному статусу, в чешском языке активны также именованья женщин по мужу, с использованием иного словообразовательного средства: (paní) profesorová 'жена профессора', (paní) docentova 'жена доцента', (paní) ředitelová 'жена директора', (paní) radová 'жена советника' и т. п. Но здесь учитывается статус мужа: если (paní) profesorová выглядит нормально, то (paní) dělníková 'жена каменщика' — странно или маловероятно.

Г. П. Нещименко видит первопричину этой ситуации в том, что в чешском отсутствует резкая граница между кодифицированной и непринужденной повседневной речью, а последней издревле были свойственны аффиксальные феминитивы (Нещименко 2009: 14–18). В то же время в другом западнославянском языке — польском — возобладала тенденция к признанию важности титулов и званий; это сдерживало «деривационные потенции» имени и приводило к предпочтению маскулинных форм (т. е. существительных общего рода).

По мнению же П. Пипера, те славянские языки, в которых образование феминитивов сегодня наиболее продуктивно — чешский, словацкий, словенский, хорватский, — испытали на себе значительное влияние немецкого языка, и, возможно, это влияние способствовало грамматикализации данного лексического класса (Пипер 2014: 78).

Вообще в разных славянских языках — польском, украинском, болгарском, сербском — образование феминитивов происходит с учетом своих собственных идеологических и семантических обстоятельств, хотя и сталкивается с теми или иными трудностями, уже знакомыми нам по материалу русского языка.

Так, в болгарском языке женские *nomina agentis* представляют собой довольно разветвленный класс. Многие болгарские феминитивы на русский язык приходится переводить описательно, с помощью словосочетаний: *депутатка* 'женщина-депутат', *репортерка* 'женщина-репортер', *екстрасенска* 'женщина-экстрасенс', *парапсихоложка* 'женщина-парапсихолог', *боркиня* 'женщина-борец', *шефка* 'женщина-шеф' и т. д. Тем не менее, в институциональном и просто публичном контексте употребление феминитива может вести к стилистическому снижению, и из-за этого предпочтение может отдаваться социальным гиперонимам типа *депутат*, *репортер* и т. п. Один пример из таблоида *Шок* (2010. № 18):

Битието на красивата българка се свежда до това на много наши **изгнаници** в чужбина — да работят като **болногледачи**. Поредната длъжност на Ваня Цветкова е да обгрижва възрастна жена от еврейски произход.

В публикации речь идет о судьбе «красивой болгарки», которая вынуждена, как и большинство ее соотечественниц-эмигранток, работать сиделками при пожилых или больных людях. Но примечательно, что вместо феминитивов *изгнаничка* и *болногледачка* в отрывке употреблены во множественном числе существительные общего рода: *изгнанник* и *болногледач*.

Для украинского и белорусского языков проблема женских *nomina agentis* имеет особое значение, ибо содержит в себе еще и политическую подоплеку. Феминитивы — одно из средств, которым отводится дивергирующая роль: они помогают отвести, «оттолкнуть» украинский и белорусский языки от их ближайшего родственника — русского языка.

В 2016 году в Вильнюсе вышла книжка В. Гарбацкого «Гід па фэмінізацыі беларускай мовы», большую часть которой занимает словарь белорусских женских номинаций. Автор — несомненный энтузиаст суффиксального обозначения этой категории слов. Среди них приводятся и такие образования, как *акадэміца, аракуліца, бягуха, дэміургіца, жандарка, кайзерка, клясіца (от клясік), палярніца, пасолка, пняуха, рэфэрка, скакуха, таварышка, тарцюфка, траўматалагіня, фараонка...* (Гарбацкі 2016). Многие из этих дериватов имеют совершенно виртуальный, умозрительный характер: это резерв словообразовательной системы, который, возможно, никогда не будет востребован обществом. Но расширение данного класса — не просто лингвистический эксперимент, служащий проверке словообразовательного потенциала белорусского языка. С этой категорией слов продолжают связываться несколько наивные социолингвистические надежды:

«Для белорусского языка в отличие от русского не характерна негативная коннотация в номинациях, образованных с помощью данного суффикса. Более того, образование феминитивов от основы существительного мужского рода при помощи суффикса *-к* кажется вполне гармоничным и естественным... Феминитивы являются своего рода лингвистическим средством борьбы за гендерное равенство, а феминизация языка представляет собой не только (и, вероятно, не столько) лингвистическое, но и культурное, общественно-экономическое явление. Нововведения вообще, и в языке в частности, всегда воспринимаются обществом с настороженностью, однако необходимо понимать, что использование феминитивов — это значительный шаг к достижению гендерного равенства» (Василенко 2018: 77).

В Украине практически одновременно вышли две монографии, посвященные женским номинациям лица (Брус 2019; Архангельська 2019). Первая из них ценна историческим обзором проблемы и прилагаемым словарем женских номинаций лица (среди огромного объема феминитивов тут фигурируют и такие, как *вуаєрыстка, науковчиня, парткратка, ректорка, теоретикиня, удосконалювачка, хронунка* и др.). А вторая интересна своим взвешанным подходом к материалу (учитывающим и плюсы, и минусы феминитивов). Приводя данные опросов, в том числе проводившихся среди украинских коллег-филологов, А. Архангельская предлагает читателю самому оценить перспективы развития данного словообразовательного класса.

Заклучение

Таким образом, сфера грамматического рода в славянских языках оказывается полем действия различных сил. Здесь участвуют и социальные предпосылки (роль женщины в обществе), и собственно языковые законо-

мерности (возможности словообразования и согласования, специфические для каждого языка), и лингвopsихологический фактор. Под последним подразумевается общественная оценка языковых инноваций и в целом мета-рефлексивная деятельность носителя языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельська Алла. *Femina cognita. Українська жінка у слові й словнику*. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2019.
- Бортник Галина. «“Обидная” категория». *Русская речь* 2 (2001): 51–54.
- Брус Марія. *Фемінітиви в українській мові: генеза, еволюція, функціонування*. Т. I–II. Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет ім. Стефаника, 2019.
- Буслаев Федор. *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Учпедгиз, 1959.
- Буслаев Федор. *Преподавание отечественного языка*. Москва: Просвещение, 1992.
- Василенко Екатерина. «Феминитивы в современном русскоязычном и белорусскоязычном Интернет-дискурсе». Иванов Евгений (ред.). *Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте — V: сборник научных статей*. Могилев: Могилевский государственный университет, 2018: 74–78.
- Васильева Валерия. «Семантическая характерология в контексте сопоставительного изучения языков (на материале чешского и русского языков)». *Вестник Московского университета*. Серия 9.2 (2003): 7–17.
- Гарбацкі Уладзіслаў. *Гід па фэмінізацыі беларускай мовы (Nomina agentis i некаторых іншых асабовых намінацыяў)*. Вільня: Ігар Іваноў, 2016.
- Гин Яков. *Проблемы поэтики грамматических категорий*. Санкт-Петербург: Академический проект, 1996.
- Граудина Людмила, Ицкович Виктор, Катлинская Лия. *Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*. Москва: Наука, 1976.
- Еремин Александр. *Гендерные аспекты семантики языковых единиц современного русского языка (лингвистические, социологические и психологические наблюдения)*. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2006.
- Зубова Людмила. *Современная русская поэзия в контексте истории языка*. Москва: Новое литературное обозрение, 2000.
- Иомдин Леонид. «О русских существительных так называемого общего рода». *Известия АН СССР. Серия литературы и языка* 39/5 (1980): 456–461.
- Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.)*. Минск: Алмафея, 2019.
- Милославский Игорь. «Человек: пол неизвестен, а род мужской, и это не сексизм». *Русская речь* 1 (2017): 50–59.
- Национальный корпус русского языка (Электронный ресурс) — www.ruscorgo.ru*
- Нещищенко Галина. «Существительные женского рода со значением лица в чешском и русском языке: Тенденции развития». Красных Виктория и др. (ред.). *Язык, сознание, коммуникация*. Сборник научных статей. Выпуск 38. Москва: МАКС Пресс, 2009: 10–25.
- Норман Борис. «Лингвopsихологические аспекты грамматической категории рода». *Russian Linguistics* 30 (2006): 153–174.
- Норман Борис. «Род в языке vs. гендер в сознании (когнитивные и социопсихологические аспекты)». *Slavistična revija* 67/2 (2019): 361–370.
- Панов Михаил. *Позиционная морфология русского языка*. Москва: Наука — Школа «ЯРК», 1999.
- Паўленка Мікалай. *Нарысы па беларускаму словаўтварэнню. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1978.
- Пипер Предраг. «О грамматикализации сербских феминитивов». Nomachi Motoki et al. (eds.). *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages*. Proceedings from

- the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slaviists. München et al.: Verlag Otto Sagner, 2014: 75–85.
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1–17. Москва: Издательство АН СССР, 1948–1965.
- Трубецкой Николай. *Основы фонологии*. Москва: Аспект Пресс, 2000.
- Jakobson Roman. «The gender pattern in Russian». In: Jakobson Roman. *Selected Writings 2. Word and Language*. The Hague — Paris: 184–186.
- Tafel Karin. *Die Frau im Spiegel der russischen Sprache*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1997.

REFERENCES

- Arhangel's'ka Alla. *Femina cognita. Ukraïns'ka zhinka u slovi j slovníku*. Kiïv: Vidavnychij dim Dmitra Burago, 2019.
- Bortnik Galina. «“Obidnaja” kategorija». *Russkaja rech'* 2 (2001): 51–54.
- Brus Maria. *Feminitivi v Ukraïns'kij movi: geneza, evolucija, funkcionuvannja*. Т. I–II. Ivano-Frankivs'k: Prikarpat's'kij nacional'nij universitet im. Stefanika, 2019.
- Buslaev Fedor. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka*. Moskva: Uchpedgiz, 1959.
- Buslaev Fedor. *Prepodavanje otechestvennogo jazyka*. Moskva: Prosveshhenie, 1992.
- Vasilenko Ekaterina. “Feminitivy v sovremennom russkojazychnom i beloruskojazychnom Internet-diskurse”. Ivanov Jevgenij (ed.). *Vostochnoslavjanskije jazyki i literatury v evropejskom kontekste — V: sbornik nauchnyh statej*. Mogilev: Mogilevskij gosudarstvennyj universitet, 2018: 74–78.
- Vasil'eva Valerija. “Semanticheskaja karakterologija v kontekste sopostavitel'nogo izuchenija jazykov (na materiale cheshskogo i russkogo jazykov)”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9.2* (2003): 7–17.
- Garbacki Uladzislaŭ. *Gid pa f'feminizacyi belaruskaj movy (Nomina agentis i nekatoryh inshyh asabovyh naminacyjaj)*. Vil'nja: Igar Ivanoŭ, 2016.
- Gin Jakov. *Problemy pojetiki grammaticheskijh kategorij*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1996.
- Graudina Ljudmila, Ickovich Viktor, Katlinskaja Lija. *Grammaticheskaja pravil'nost' russkoj rechj. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarja variantov*. Moskva: Nauka, 1976.
- Eremín Aleksandr. *Gendernye aspekty semantiki jazykovykh edinic sovremennogo russkogo jazyka (lingvisticheskie, sociologicheskie i psihologicheskie nabljudenija)*. Kaluga: KGPU im. K. Ciolkovskogo, 2006.
- Zubova Ljudmila. *Sovremennaja russkaja poezija v kontekste istorii jazyka*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000.
- Iomdin Leonid. “O russkijh sushhestvitel'nyh tak nazyvajemogo obshhego roda”. *Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka* 39.5 (1980): 456–461.
- Jakobson Roman. “The gender pattern in Russian”. In: Jakobson R. *Selected Writings 2. Word and Language*. The Hague — Paris: 184–186.
- Konstitucija Respubliki Belarus' 1994 goda* (s izmenenijami i dopolnenijami, prinjatymi na respublikanskih referendumah 24 nojabrja 1996 g. i 17 oktjabrja 2004 g.). Minsk: Almafeja, 2019.
- Miloslavskij Igor'. ‘Chelovek: pol neizvesten, a rod mužskoj, i jeto ne seksizm’. *Russkaja rech'* 1 (2017): 50–59.
- Nacional'nij korpus russkogo jazyka (Jelektronnyj resurs) — www.ruscorpora.ru
- Neshhimenko Galina. “Sushhestvitel'nye zhenskogo roda so znacheniem lica v cheshskom i russkom jazyke: Tendencii razvitija”. Krasnyh Viktorija et al. (eds.). *Jazyk, soznanie, komunikacija*. Sbornik nauchnyh statej. Vypusk 38. Moskva: MAKS Press, 2009: 10–25.
- Norman Boris. “Lingvopsihologicheskie aspekty grammaticheskoi kategorii roda”. *Russian Linguistics* 30 (2006): 153–174.
- Norman Boris. “Rod v jazyke vs. gender v soznanii (kognitivnye i sociopsihologicheskie aspekty)”. *Slavistična revija* 67/2 (2019): 361–370.
- Panov Michail. *Pozicionnaja morfologija russkogo jazyka*. Moskva: Nauka — Shkola «JaRK», 1999.
- Paŭlenka Mikalaj. *Narysy pa belaruskamu slovaŭtvarjennju. Zhanočhija asabovyja naminacyi ŭ starabelaruskaj move*. Minsk: Belaruskij dzjarzhaŭnyj universitet, 1978.

- Piper Predrag. "O grammatikalizaciji serbskih femininativov". Nomachi Motoki et al. (eds.). Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages. Proceedings from the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slaviists. München et al.: Verlag Otto Sagner, 2014: 75–85.
- SSRLJa — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. T. 1–17. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948–1965.
- Trubeckoj Nikolaj. *Osnovy fonologii*. Moskva: Aspekt Press, 2000.
- Tafel Karin. *Die Frau im Spiegel der russischen Sprache*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1997.

Борис Норман

ПРОБЛЕМ ФЕМИНИТИВА: ОБЈЕКТИВНА РЕАЛНОСТ, ЈЕЗИЧКА СЛИКА СВЕТА
И МЕТАЈЕЗИЧКА ПРОЦЕНА

Резиме

Именовање жена један је од актуелних проблема словенске граматике. У већини случајева називи за животиње и за лица женског пола граде се од именица које означавају животиње и лица мушког пола. Овај процес историјски је мотивисан друштвеним околностима. Самим тим у језику се појављује семантичка и творбена опозиција „маскулинитив — феминитив“, у којој је маркиран други члан. Ипак, у раду је показано да ова опозиција има сложенији и динамичнији карактер. Као прво, понекад је маркирана управо именица мушког рода (*рус.* кот, балерун, дояр); као друго, категорија рода у језику нема толико класификациону, колико улогу слагања; као треће, једна од именица која чини пар (најчешће маскулинитив) преузима функцију хиперонима; као четврто, све особености употребе феминитива и маскулинитива обојене су нијансама прагматизма. Основно питање у овој области јесте употреба именица такозваног заједничког рода, које могу да се односе како на мушкарце, тако и на жене (*рус.* неряха, зануда, лидер, депутат, товариш и сл.). Ове именице су у својству хиперонима стилски прихватљивије (неутралније) од хиперонима женског рода. У датој области сударају се норме књижевног језика и живе тенденције колоквијалног говора. У раду је показано да се у различитим словенским језицима (чешком, пољском, бугарском, руском) феминитиви граде од маскулинитива с различитим степеном правилности. У вези с тим, феминитиви се могу користити и у својству национално-културног симбола, нарочито у украјинском и белоруском језику.

Кључне речи: феминитив, граматички род, именице заједночког рода, слагање.

Розанна Бенаккьо
Университет в Падуе
rosanna.benacchio@unipd.it

Rosanna Benacchio
University of Padua
rosanna.benacchio@unipd.it

СУФФИКС *-INAT* В РЕЗЬЯНСКОМ ДИАЛЕКТЕ И ЕГО ПАРАЛЛЕЛИ В СЕРБСКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ¹

THE SUFFIX *-INAT* IN THE RESIAN DIALECT AND ITS SERBIAN AND CROATIAN PARALLELS

В статье рассматривается суффикс *-inat*, употребляемый в резьянском диалекте (в восточной части Фриули, на границе Италии со Словенией) для маркирования заимствованных глаголов романского (в основном фриульского) происхождения. Это биаспективные глаголы, чаще всего принадлежащие к международной книжной лексике. Выдвигается гипотеза о том, что суффикс появился под влиянием немецкого языка (точнее, окончания *-en* инфинитива), сыгравшего немаловажную роль в развитии резьянского диалекта по крайней мере до XV века, т. е. до падения Аквилейского патриархата и вхождения Фриули в Венецианскую Республику. Аналогичный процесс наблюдается в сербском и, хотя в меньшей мере, хорватском языках в отношении суффикса *-isati*, также маркирующего биаспективные заимствованные глаголы, принадлежащие к международной лексике, и считающегося результатом интеграции суффикса *-s-* греческого аориста.

Ключевые слова: глагольные заимствования, резьянский диалект, суффикс *-inat*, сербский и хорватский языки, суффикс *-isati*.

The article deals with the suffix *-inat*, found in the Resian dialect (spoken in the eastern part of Friuli, on the border of Italy and Slovenia) and marking verbs borrowed from Romance (mainly Friulian). These are biaspectual verbs, mostly part of the international lexicon of Latin origin. The assumption is that the suffix arose under German influence (more precisely moulded on the infinitive ending *-en*), as the German language played an

¹ Первая неопубликованная версия данной работы была представлена на Международном конгрессе славистов, состоявшемся в Белграде (20–27.VII.2018).

Выражается благодарность информантам и вообще тем, кто помог мне своими советами и опытом. Это Никола Ди Ленардо (Nicola Di Lenardo), Сандро Куалья (Sandro Quaglia), Луиджа Негро (Luigia Negro), Сильвана Палетти (Silvana Paletti), и, не в последнюю очередь, Хан Стэнвейк (Han Steenwijk).

important role in the development of the Resian dialect at least until the 15th century, i.e. before the fall of the Patriarchate of Aquileia and the annexation of Friuli by the Venetian Republic. A similar process is observed in Serbian and albeit to a lesser extent in Croatian with the *-isati* suffix, which also marks biaspectual borrowed verbs from the international lexicon and is considered the result of the integration of the *-s* suffix originally forming the Greek aorist.

Keywords: verbal loanwords, Resian dialect, suffix *-inat*, Serbian language, Croatian language, suffix *-isati*.

Введение

В предыдущих работах, посвященных анализу морфологических средств грамматикализации глагольного вида и, в частности, проблеме интеграции заимствованной глагольной лексики в резьянском диалекте, обращалось внимание на существование определенного морфологического класса глаголов, характеризующегося особым, загадочным окончанием *-inat*, не встречающимся в соседних словенских диалектах Фриули (т. е. в терском и надижском)² и вообще не засвидетельствованным в славянском языковом ареале (Бенаккьо 2017). Речь идет об открытом, весьма продуктивном классе глаголов, принадлежащих преимущественно к книжной сфере, которые восходят к международной лексике романского (точнее, латинского) происхождения.

Эти глаголы выделяются в резьянской глагольной системе и по другой причине: в отличие от большинства глаголов иностранного происхождения, которые с большой регулярностью создают видовой коррелят, тем самым образуя видовую пару³, глаголы на *-inat* ведут себя как биаспективы: они являются аспектуально нейтральными и употребляются в функции как СВ, так и НСВ. Иными словами, они, за редкими исключениями⁴, не интегрируются в видовую систему славянского (в данном случае словенского) языка-реципиента. См., например, следующие случаи употребления того же самого глагола в прошедшем времени в функции как СВ, так и НСВ: «*Wčera an mi proponinal^{bi-pf} nō dēlō*» ‘Вчера он предложил мне дело’ и «*Won an mi rüdi proponinal^{bi-ipf} za forinat*» ‘Он всегда предлагал мне попутеше-

² Напомним, что резьянский диалект вместе с терским и надижским принадлежит к группе сохранившихся словенских лингвистических островов, бытующих в северо-восточной Италии, в области Фриули, на границе со Словенией. Все эти диалекты жили веками в контакте с романским языковым ареалом, поддаваясь влиянию прежде всего фриульского, затем также венецианского и, наконец, итальянского. Однако, как известно, в более древнее время, перед тем как область отошла к Венецианской Республике, во время владения Аквилейского патриархата (и раньше, до этого, с момента создания Фриульской марки Карлом Великим), эти диалекты были подвержены влиянию и немецкого языка, особенно на лексическом уровне. Об историко-географической картине т. н. «словенских диалектов Фриули», см. Бенаккьо 2002: 263–270 и Benacchio 2002: 63–70.

³ Чаще всего это осуществляется посредством первичной суффиксации. О способах образования видовых пар при заимствовании глаголов в резьянском диалекте, см. подробно Бенаккьо, Стэнвейк 2017: 32–35 и Бенаккьо 2018: 12–17.

⁴ См., напр., глагол *sucēdinat (se)* ‘происходить/произойти’, имеющий в качестве коррелята НСВ (правда, только с итеративным значением) *sucedinüwat (se)*.

ствовать'. См. также: «Wčera an jě *vinčinal^{bi-pf}* won, nys si *vinčinala^{bi-pf}* jă» 'Вчера выиграл он, сегодня выиграла я' и «An jě rüdi *vinčinal^{bi-ipf}*» 'Он всегда выигрывал' и т. п.

Кроме того, эти глаголы выделяются и другой особенностью, просодического типа: их ударение всегда падает на основу, точно так же, как и в исконных романских глагольных формах. В самом деле, все современные резьянские глаголы на *-inat* восходят к III романскому классу спряжения, т. е. к латинскому классу глаголов на *-ēre*, охарактеризованных именно ударением на основе (Бенаккьо, Стэнвейк 2018: 34, сн. 15). Интересно, что таким образом ударение глагола в конечном счете падает на третий слог от конца, что вообще не типично для резьянской глагольной акцентной системы.

В другой работе (Benacchio, в печати) мы вернулись к теме и предположили, что происхождение этого суффикса, возможно, объясняется теми же механизмами, которые повлияли на возникновение суффиксов *-isati* и *-irati* в сербском и хорватском языках.

В настоящей работе мы возвращаемся к этой гипотезе, углубляя наш анализ. В первом параграфе (§ 1) мы будем анализировать резьянские глаголы на *-inat*, начиная с многочисленных глаголов романского происхождения (§ 1.1), переходя потом к более редким глаголам германского происхождения (§ 1.2). Затем мы будем анализировать глаголы на *-isati* (§ 2) и на *-irati* (§ 3) в сербском и хорватском языках.

1. Глаголы на *-inat* в резьянском диалекте

1.1. Глаголы романского происхождения

Начнем с резьянских глаголов на *-inat* романского происхождения, приведя список некоторых из наиболее употребительных, взятых из Steenwijk 1992: 237–338 и Steenwijk 2005.

Глаголы приводятся вместе с итальянской инфинитивной формой, хотя в некоторых случаях вполне возможно, что языком-донором или по крайней мере языком-посредником оказался скорее фриульский, сильно повлиявший на резьянский диалект как на уровне лексики, так и на других языковых уровнях. Кроме того, среди возможных романских источников, которые могли играть эту роль, нельзя исключить и венецианский язык. Как отмечает Х. Стэнвейк, в большинстве случаев между глагольными формами из этих трех идиомов (повторим, итальянский, фриульский и венецианский) отсутствуют яркие фонологические и семантические различия, которые дали бы нам возможность точно определить источник (Бенаккьо, Стэнвейк 2018: 32–33). В приведенных ниже глаголах, например, различия в формах инфинитива совсем малы и касаются в основном окончания инфинитива: окончанию *-ere* итальянских глаголов соответствуют *-er* в венецианских глаголах и *-i* в фриульских (см. ит. *assistere*, *dipendere*, *dividere* и т. д., вен. *assister*, *dipender*, *divider*, фр. *assisti*, *dipendi*, *dividi*).

Однако, на наш взгляд, решение проблемы установления точного происхождения заимствованного глагола не является столь важным, тем более что, как уже было сказано, интересующие нас глаголы принадлежат в основном к международной, «книжной» лексике, и в любом случае фриульский язык смог бы, несомненно, играть по крайней мере роль посредника. Приведем в пример некоторые глаголы на *-inat*:

<i>ašištinat</i>	(ср. ит. <i>assistere</i>)	‘ухаживать’
<i>dipendinat</i>	(ср. ит. <i>dipendere</i>)	‘зависеть’
<i>dišperdinat</i>	(ср. ит. <i>disperdere</i>)	‘растрачивать/растратить’
<i>dištingvinat</i>	(ср. ит. <i>distinguere</i>)	‘отличать/отличить’
<i>divīdinat</i>	(ср. ит. <i>dividere</i>)	‘делить/разделить’
<i>fīnġinat</i>	(ср. ит. <i>ingere</i>)	‘делать/сделать вид’
<i>fondinat</i>	(ср. ит. <i>fondere</i>)	‘растворяться/раствориться’
<i>inklūdinat</i>	(ср. ит. <i>includere</i>)	‘включать/включить’
<i>konfondinat</i>	(ср. ит. <i>confondere</i>)	‘мутить’
<i>(se) našinat</i>	(ср. ит. <i>nascere</i>)	‘рождаться/родиться’
<i>proponinat</i>	(ср. ит. <i>proporre</i> (< <i>proponĕre</i>))	‘предлагать/предложить’
<i>rakolġinat</i>	(ср. ит. <i>raccogliere</i>)	‘собирать/собрать’
<i>sucēdinat</i>	(ср. ит. <i>succedere</i>)	‘происходить/произойти’
<i>vinċinat</i>	(ср. ит. <i>vincere</i>)	‘побеждать/победить’

Таких глаголов можно было бы привести много. Они составляют открытый класс, отличительными чертами которого являются, повторим, регулярное ударение на основе (на третьем слоге от конца), биаспективность и принадлежность к книжной международной лексике латинского происхождения.

1.2. Глаголы германского происхождения

В резьянском диалекте то же самое окончание *-inat* встречается также, хотя и в несравнимо меньшей мере, в некоторых глаголах германского происхождения. Ниже мы перечислим глаголы, зарегистрированные Стэнвэйком при опросе информантов в современном резьянском диалекте (Steenwġjk 1992 и 2005). Список будет дополняться глаголами, приведенными М. Матичетовым в его работе о немецких заимствованиях в резьянском диалекте, опубликованной в 1975 г. (Matiċetov 1975). Для всех глаголов мы постараемся восстановить период их возможного заимствования, основываясь на результатах этимологических исследований Striedter-Temps 1963, Bezlaj 1976–2007 и Snoj 2003.

Стэнвэйк приводит следующие глаголы на *-inat*, имеющие германское происхождение:

<i>namulinat</i>	‘украшать/украсить’
<i>pücinat</i>	‘убирать/убрать’
<i>šeginat se</i>	‘происходить/произойти’
<i>triücinat</i>	‘настаивать/настоять’
<i>žlajfinat</i>	‘точить/наточить (ножи)’

Глагол *namulinat* приводится Стридтер-Темпс в бесприставочной форме *mâlati*⁵, восходящей, по ее мнению, либо к двн. *mâlôn*, либо к нвн. *mâlen* (см. нем. *malen*) (Striedter-Temps 1963: 175). Bezljaj (1976–2007: 163) также приводит форму *mâlati*, с той же периодизацией. Этот глагол, который, видимо, появлялся чаще всего в форме СВ с приставкой *na-*, что и привело к полной ее универбации, все еще используется в резьянском диалекте.

Глагол *pücinat*, точнее, *puçat*, засвидетельствован в работе Striedter-Temps (1963: 202). По мнению автора, глагол восходит к нвн. *putzen* (см. омонимичный современный немецкий глагол *putzen* ‘натирать/натереть’).

Что касается глагола *žlajfinat*, Striedter-Temps (1963: 252) связывает его (точнее, *žlajfat*) с свн. формами *sleifen/sleipfen* (см. нвн. *schleifen/schleppen* ‘точить ножи’, ‘тянуть’).

Труднее установить эпоху заимствования глаголов *šeginat se* (см. нем. *geschehen*) и *trücinat* (см. нем. *trotzen*), не появляющихся в используемых нами здесь этимологических словарях. Однако, что касается первого глагола, Стэнвейк связывает его с свн. *geschēhen*, точнее, с его вариантом, типичным для т. н. «городского каринтийского» идиома, для которого характерно употребление взрывного заднеязычного звонкого согласного вместо исконного фрикативного (Steenwijk, in c. di st.).

В процитированной выше статье Matičetov 1975 засвидетельствованы и другие глаголы германского происхождения. Они приводятся ниже с указанием вида, лексического значения и немецкой исконной глагольной формы — так, как это было предложено автором статьи:

<i>bondrinat</i> impf. (ср. нем. <i>wandern</i>)	‘бродить’
(<i>sa</i>) <i>kertinat</i> impf. (ср. нем. <i>sich gehören</i>)	‘следовать’, ‘полагаться’
<i>meltinat</i> impf. (ср. нем. <i>melden</i>)	‘представляться/представиться’
[<i>pahtinat</i>] impf. (ср. нем. <i>beachten</i>)	‘выслеживать/выследить’
<i>peglinat</i> impf. (ср. нем. <i>bügeln</i>)	‘гладить/погладить’
<i>ragirinat</i> impf. (ср. нем. <i>regieren</i>)	‘управлять’
[<i>rajtinat</i>] impf. (ср. нем. <i>reiten</i>)	‘скакать галопом’
(<i>sa</i>) <i>šikinet</i> impf. (ср. нем. <i>sich schicken</i>)	‘подходить/подойти’
<i>šinfinat</i> impf. (ср. нем. <i>schimpfen</i>)	‘обижать/обидеть’
<i>špacirinat</i> impf. (ср. нем. <i>spazieren</i>)	‘гулять’
(<i>sa</i>) <i>štrajtinat</i> (ср. нем. <i>streiten</i>)	‘ссориться/поссориться’

Глагол *bondrinat* появляется в формах *vandrati* и *bandrati* в Striedter-Temps (1963: 245). По мнению автора, глагол восходит к свн. или нвн. формам *wandern*. Безлай тоже приводит форму *vandrati* с той же периодизацией (Bezljaj 1976–2007: 280). См. также Snoj 2003: 806.

⁵ Следует упомянуть, что, как было сказано с самого начала, резьянские глагольные формы с суффиксом *-inat* стоят особняком в словенском языковом диалектологическом ареале. Следовательно, они не появляются в этимологических словарях словенского языка. Вместо них появляются «соответствующие» формы, образованные чаще всего с помощью обыкновенного суффикса *-at/-ati*.

Глагол (*sa*) *kertinat* не появляется ни в одном из используемых нами историко-этимологических исследований.

Глагол (*sa*) *meltinat* засвидетельствован в форме *mēldat* в работе Striedter-Temps 1963: 178. Глагол восходит к свн. или нвн. *melden*.

Глагол *pahtinat* (точнее, аналогичная форма без суффикса *-inat*, типа *pahtati*) не засвидетельствован в используемых нами историко-этимологических исследованиях.

Глагол *peglinat* появляется в форме *peglati* в Striedter-Temps (1963: 191). По мнению автора, глагол отражает баварскую диалектную форму *pögeln*. См. также Bezljaj (1976–2007: 20).

Глагол *ragirinat*, в форме *regirati*, приводит Bezljaj (1976–2007: 167). Согласно его свидетельству, глагол восходит к свн. глаголу *regieren*. См. также Snoj 2003: 612.

Глагол *rajtnat*, точнее, форма *rajtati* в значении, указанном Матичетовым⁶, не засвидетельствован ни в одном из используемых историко-этимологических исследований. Однако Bezljaj (1976–2007: 146) приводит существительное *rajtar* ‘всадник’, связанное с свн. *rîten* ‘ехать верхом’, являющимся, по всей вероятности, немецким глаголом, который был заимствован в резьянском диалекте.

Глагол (*sa*) *šikinet*, точнее, *šikati se*, приводят Bezljaj (1976–2007: 43) и Snoj (2003: 726), который считает, что глагол был заимствован в словенский язык в XVIII веке.

Глагол *šinfinat*, точнее, *šimfat*, засвидетельствован М. Сноем, который связывает его с двн. *skimphen* (Snoj 2003: 725).

Что касается глагола *špacirinat*, Striedter-Temps (1963: 222) приводит *špancirati*, часто появляющийся в народных словенских песнях, также в форме *špacirat* (без вторичной “n”). По мнению автора, заимствование глагола, возможно, произошло в свн. (или в нвн.). Ср. также Snoj 2003: 735.

Последний глагол (*sa*) *štrajtnat*, в форме типа (*sa*) *štrajtati*, не засвидетельствован ни в одном из используемых историко-этимологических исследований.

Большинство рассмотренных глаголов, если исключить *ragirinat* и (*sa*) *šikinet*, которые уже вышли из употребления, все еще используется в резьянском диалекте, если не во всех его говорах, то во многих из них.

С хронологической точки зрения, этимологические исследования, на которые мы опирались, чаще всего указывают на средне-высоконемецкий (а также на ново-высоконемецкий) период употребления рассмотренных глагольных форм. Один раз (см. глагол *šinfinat*) указывается на более ранний период, т. е. на древне-высоконемецкий. Бывают и случаи, когда резьянские глаголы не зарегистрированы лексикографами, так как они не имеют соответствующих форм ни в других словенских диалектах,

⁶ См. омонимичный глагол, также распространенный в словенском языковом ареале и также заимствованный из немецкого (точнее, из свн. глагола *reiten*), однако имеющий совершенно другое значение, т. е. ‘rechnen’ (Striedter-Temps 1963: 207).

ни в словенском литературном языке⁷. В данных случаях труднее выдвинуть какую-либо гипотезу о периоде их заимствования, хотя некоторые из них, судя по всему, были заимствованы относительно недавно, в течение XIX века.

Следует также заметить, что иногда, в резьянском диалекте, наряду с формой с суффиксом *-inat* появляются (иногда даже предпочитают) варианты без суффикса. См., напр., *sa štraitat* наряду с *(sa) štrajtnat*, *peglat* наряду с *peglinat* и т. д. Такие случаи вариативности не встречаются в случаях с глаголами романского происхождения, описанными выше.

Если сравнить глаголы на *-inat* германского происхождения, проанализированные в этом разделе, с романскими заимствованиями, рассмотренными выше (§1.1), отмечается одно важное сходство просодического характера: в обоих случаях ударение в языке-доноре падает на основу, т. е. на слог, предшествующий окончанию. В обоих случаях такая позиция сохраняется, и ударение заимствованного глагола также падает на основу. Возможно, именно это и было точкой соприкосновения, которая вела к «расширению» первичной морфологической модели от глаголов германского к более поздним глаголам романского происхождения, о котором будет сказано ниже.

Однако отмечаются и некоторые различия. Во-первых, глаголы на *-inat* германского происхождения не принадлежат к международной книжной лексике. Другая особенность этих глаголов, отличающая их от романских заимствований, состоит в том, что они не являются двувидовыми. Например, глаголы *pücinat* и *trücinat* могут образовывать приставочные формы СВ посредством очень употребительной в резьянском диалекте приставки *s-* (*spücinat* и *strücinat*), в то время как глагол *namulinat* приводится непосредственно в приставочной производной форме (см. выше). Подобным образом, среди глаголов, приведенных Матичетовым, от *šinfinat* образуется форма СВ посредством приставки (*zašinfinat*). С другой стороны, глагол *metlinat*, видимо, из-за своей явно терминативной семантики, определяется автором как глагол СВ, а все другие — как глаголы НСВ, т. е., в конечном счете, как глаголы *imperfectiva tantum*, что в принципе и соответствует их длительной семантике.

На основе всего сказанного нами выдвигается гипотеза о том, что обсуждаемый здесь суффикс имеет германское происхождение. Точнее, он мог появиться сначала в результате интеграции глаголов, заимствованных из баварско-каринтийских говоров, начиная с средне-высоконемецкого периода⁸: окончание инфинитива *-en*, претерпевшее редукцию гласного, стало инфиксом, к которому прибавлялось «типичное» резьянское окончание инфинитива *-at*. Это новое двуслоговое окончание *-inat*, которое выделя-

⁷ Это само по себе интересное явление, причины которого заслуживают углубленного изучения. См. об этом Matičetov 1975: 118.

⁸ Следов более ранних заимствований, восходящих к древне-высоконемецкому (если исключить случай глагола *šinfinat*), найти не удалось.

лось среди других окончаний инфинитива резьянского диалекта, после того, как влияние немецкого языка сильно уменьшилось и роль языка-донора начал играть фриульский (вместе с венецианским и затем с итальянским), стало удобным маркером, обозначающим заимствованные глаголы вообще, т. е., в основном глаголы романского происхождения. Наконец оно «специализировалось» как формант для образования иностранной, международной глагольной лексики латинского происхождения, принадлежащей к книжному стилю⁹. Новый суффикс, ударение, регулярно падающее на основу, и биаспективность стали как бы отличительными признаками для этих особых, не исконных глаголов, способствуя их узнаваемости.

Гипотеза становится более понятной и приобретает больший вес, если принимать во внимание происхождение и судьбу суффикса *-isati* а также, в какой-то мере, *-irati* в сербском и хорватском языках.

2. Глаголы на *-isati* в сербском и хорватском языках

Известно, что в современном сербском и, хотя и в меньшей мере, хорватском языках имеется очень продуктивный, открытый класс глагольных заимствований, характеризующихся окончанием *-isati*¹⁰. Проблема происхождения этого окончания была впервые детально изучена П. Скоком в двух работах (Skok 1955/56 и 1957). Он считает, что морфема *-isati* имеет иностранное происхождение и восходит к греческому сигматическому аористу, точнее, к аористическому форманту *-is-*. Греческие аористические формы, которые повлияли на образование данного суффикса, были не столько формами прошедшего времени изъявительного наклонения (выражающими временные отношения), сколько формами, лишенными настоящей временной семантики, как императив, футурум и сослагательное наклонение¹¹. Суффикс *-is-* как формант греческих глагольных заимствований¹² распространился по всему балканскому ареалу, т. е. не только на восточной тер-

⁹ Бывают и случаи (правда, редкие), когда функцией суффикса является просто создавать глаголы посредством «внутреннего» образования от таких заимствованных слов, как существительные (см. *kuntinat* < *kont*) или наречия (см. *forinat* < *fora*) (устное сообщение Х. Стэнвейка). Как мы увидим дальше, аналогичные явления встречаются также в сербском и в хорватском языках в связи с суффиксами *-isati* и *-irati* (см. сноску 12).

¹⁰ Как отмечают разные ученые, территориальная дистрибуция этого суффикса (как и суффикса *-irati*, о котором будет сказано ниже) колеблется (Skok 1955/56, Жошић 1969).

¹¹ Следует упомянуть, что, начиная примерно с XI века (хотя свидетельства употребления конструкций с *iva* в функции инфинитива появлялись еще раньше), именно сослагательное наклонение постепенно заменило инфинитив в греческом языке. Такая черта (отсутствие инфинитива и замена его сослагательными формами), как известно, вообще является одной из главных характеристик языков балканского ареала.

¹² Суффикс мог играть глаголообразующую функцию также в применении к существительным (или другим неглагольным формам) иностранного происхождения и к «автохтонным» глагольным и именным основам (Skok 1957: 139). Эта тенденция, которая отмечалась также в резьянском диалекте (см. выше сноску 9), характеризует и современные сербский и хорватский языки, по отношению как к суффиксу *-isati*, так и к *-irati* (см. Corić 2016 и Grčević 2016).

ритории сербохорватского континуума, но и в болгарском, румынском и албанском языках (Skok 1955/56: 37–38 и 1957: 139). Везде он стал затем применяться к глаголам, заимствованным из турецкого языка, прибавляясь к основе либо инфинитива, либо претерита, образованного посредством форманта *-d-* (см. *eglenisati / eglendisati, kulanisati / kulandisati*) (Skok 1955/56: 37–38). Наконец, в сербском языке суффикс стал применяться к иностранным глаголам вообще, особенно латинского происхождения¹³.

В. Брой тоже пишет об исконно греческой (точнее, новогреческой) морфеме *-s-*, которая во всем балканском ареале постепенно стала морфологическим признаком глагольных заимствований вообще. Он говорит по этому поводу о «морфологической внутренней динамике» (*morphologische Eigendynamik*), характеризующей те ситуации, когда определенная морфема, вычлененная из более древних заимствований, становится продуктивным, динамическим элементом для процесса заимствования как такового, независимо от конкретной структуры глагола, являющегося объектом заимствования (Breu 1991: 44).

Подтверждает эту гипотезу Ф. Гардани, который, однако, предпочитает говорить о перфективной (а не об аористической) форме, имея в виду главную, именно перфективирующую функцию темы греческого аориста. Подчеркивая «иностранное» начало такого способа интеграции заимствований, автор определяет его как явление «аллогенной экзаптации» (*allogeneous exaptation*), т. е. как диахроническое явление, появляющееся в ситуации языкового контакта, предусматривающее изменение исконной грамматической функции морфемы при переходе из одного языка в другой. По мнению автора, в случае сербского языка греческий формант *-s-* (точнее, *-(i)s-*) в процессе вычленения из языка-донора и адаптации к языку-реципиенту потерял исконную функцию маркера СВ и стал словообразующим элементом, притом очень продуктивным, для интеграции иностранных глаголов: сначала греческих, затем турецких, а еще позже, глаголов иностранного происхождения вообще, особенно французского (Gardani 2016: 243).

Среди работ, которые рассматривали глагольный суффикс *-isati* следует еще назвать работу Јоцић 1969, где точно определяется хронология явления. По мнению автора, суффикс *-isati* появляется впервые в сербском языке в XII веке, т. е. начиная с первых сербских документов, в применении к глаголам, заимствованным из греческого (точнее, из византийско-греческого) языка¹⁴. Затем, начиная с XVII века, он стал появляться с турецкими

¹³ Интересно отметить, что этот последний этап не имел места в болгарском языке, где данный суффикс, как правило, употребляется только для заимствований турецкого происхождения. Для образования глагольных заимствований международного, «книжного» характера используется *-ирам* (а также *-изирам*), т. е. суффикс немецкого происхождения, о котором будет сказано ниже (§3).

¹⁴ Такое уточнение, отодвигающее назад, по сравнению с предыдущими исследованиями, период распространения анализируемого типа морфологического заимствования,

глагольными заимствованиями, и такая тенденция продолжалась (и укреплялась) в XVIII и XIX веках.

Следует также упомянуть фундаментальную работу И. Клайна о словообразовании, где автор детально анализирует глаголы на *-isati* в современном сербском языке, специально различая случаи, когда глаголы производятся от заимствованных глаголов и от именных основ, при этом не только иностранного, но и «внутреннего» происхождения (Клајн 2003: 339–341). Автор подчеркивает также, что в современном сербском языке глаголы на *-isati* чаще всего являются биаспективами. См. также по этому поводу Спасоевић 2015: 249.

Вот некоторые глаголы на *-исаџи*, взятые из Клајн 2003 (340): *афирмисаџи*, *дегенерисаџи*, *декларисаџи*, *деформисаџи*, *докџорисаџи*, *инџеџрисаџи*, *информисаџи*, *маниџулисаџи*, *ориџениџисаџи*, *реџулисаџи*, *џрансформисаџи*, и т. д.

3. Глаголы на *-irati* в сербском и хорватском языках

Подобное развитие характеризует суффикс *-irati* (см. также вариант *-izirati*), распространенный скорее в хорватском варианте сербохорватского континуума¹⁵. По свидетельству М. Јоџић, суффикс был заимствован в XVII веке из немецкого языка (Јоџић 1969: 122; см. также по этому поводу Клајн 2003: 352–353, Спасоевић 2015: 229), где формант *-ier* имел функцию маркирования заимствованных глаголов, а также образования глагольных форм от номинальных (чаще иностранного, но также и внутреннего происхождения). В немецкий (средне-высоконемецкий) язык, однако, окончание вошло гораздо раньше: оно было заимствовано из французского языка (см. *-er/-ir*)¹⁶ в XI–XII веках, когда французская куртуазная культура распространялась по всей Европе, существенным образом влияя на развитие средненемецкого языка, особенно на его лексику (Gardani 2016: 238. См. также Skok 1956/57: 39, Јоџић 1969). При этом к окончанию исконного французского глагола (развившемуся как *-ir*) прибавлялось типичное немецкое окончание инфинитива *-en* (см. *-ieren*).

кажется нам вполне удовлетворительным. На самом деле нельзя исключить, что *-isati* начало распространяться среди славянского населения еще раньше, сразу после переселения на Балканы, т. е. начиная с VII века, особенно на болгарских и македонских территориях, находившихся в более тесном контакте с греческим ареалом. В сербском языке употребление данного окончания могло бы начаться чуть позже, во время христианизации и вхождения сербских жуп в болгарское культурное пространство. Нужно также иметь в виду, что, когда речь идет о таких явлениях конвергентного развития, характеризующих Балканский союз, как интересующий нас суффикс, почти невозможно установить хронологию, точнее, временную последовательность, с которой имели место явления (например, в каком из соседних языков впервые произошел тот или иной процесс аллогенной экзаптации). См. по этому поводу Gardani 2016: 242, сноску 24.

¹⁵ См. сноску 10. См. также Спасоевич 2015: 230–231, где подчеркивается высокая частотность данного суффикса на всей бывшей сербохорватской территории.

¹⁶ Суффиксы являются рефлексом латинского глагольного суффикса *-āre/-īre*.

Новый суффикс был долго продуктивным в немецком языке¹⁷. Отсюда он перешел, с той же функцией маркера заимствованных глаголов, в разные славянские языки: в русский, болгарский и, что для нас важнее, в сербский и, в еще большей мере, в хорватский, находившийся веками в тесном контакте с немецким ареалом.

В современных сербском и хорватском языках глаголы, образованные посредством суффикса *-irati*, обладают теми же особенностями, которые характеризуют глаголы, образованные посредством суффикса *-isati*: они образуют продуктивный класс двувидовых глаголов, связанных с иностранной, международной лексикой латинского происхождения.

Ср., например, следующие глаголы, взятые из Клајн 2015 (354): *анкейирайи*, *арбийирайи*, *асфалйирайи*, *дозирайи*, *комйлиментйирайи*, *маскирайи*, *минирайи*, *рекламирайи*, *йланирайи*, *йрограмйирайи*, *йелефонйирайи*, и т. д.

Однако глаголы на *-irati* не являются результатом исторического процесса «морфологической внутренней динамики», по определению Броя (или «аллогенной экзаптации», по определению Гардани). Такой процесс осуществился раньше, внутри германского языкового ареала, а в сербский и хорватский языки он перешел потом, уже «в готовом виде», с теми же грамматическими функциями, которые суффикс постепенно приобрел во время своего пребывания внутри немецкого ареала. Иными словами, перед нами просто случай ординарного заимствования.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ глагольного суффикса *-inat* в резьянском диалекте, с одной стороны, и *-isati* в сербском и хорватском языках, с другой, позволил найти существенные сходства в их поведении. В обеих ситуациях речь идет о форманте, заимствованном в более древний период под влиянием иностранного языка, имевшего в то время «престижную» роль. Это случай немецкого языка для резьянского диалекта и греческого языка для сербского (и хорватского).

Что касается первого случая, известно, что перед вселением в долину Резии (которое имело место не позднее, чем в X–XI веках)¹⁸ предки резьянцев жили в Каринтии, в контакте с баварским населением. После вселения и до начала XV века немецкий язык, будучи языком, на котором говорили представители административной и религиозной властей (имеется в виду Аквилейский патриархат, а также Аббатство Моджо), продолжал играть

¹⁷ В современном немецком литературном языке суффикс больше не является продуктивным.

¹⁸ О том, когда именно предки резьянцев вселились в долину Резии, надежного свидетельства нет. Возможно, это случилось уже в VII веке (см. Grafenauer 1970/71: 27) но, возможно, и позже, примерно в X–XI веках, во время колонизации (и восстановления) Фриули под управлением франко-баварских феодалов после нашествия венгров (см. Kos 1955: 63).

важную роль в развитии этого словенского идиома. К этому времени относятся большинство именных и глагольных заимствований, присутствующих в резьянском диалекте, включая многие из проанализированных глаголов на *-inat*. Когда Фриульская область отошла к Венецианской Республике и контакт с немецким языком сильно ослабился¹⁹, суффикс стал применяться в основном к новым глагольным заимствованиям, принадлежащим уже к романскому языковому ареалу. Наконец, суффикс стал отличительным маркером иностранных глаголов вообще, особенно тех, которые принадлежат к международной лексике книжного типа.

Подобную роль играл греческий язык (византийский и затем новогреческий) для сербского и хорватского языков: суффикс *-isati* стал употребляться при заимствовании греческих глаголов, а когда (начиная с XV века) роль греческого языка как «престижного» стала убывать за счет турецкого языка, суффикс постепенно стал употребляться для интеграции турецких глагольных заимствований и наконец стал универсальным маркером иностранных глаголов вообще, не принадлежащих, собственно говоря, к определенным языкам, а ощущаемых как интернационализмы.

Резьянские глаголы на *-inat* и сербские (и хорватские) глаголы на *-isati* разделяют и другую важную особенность: они не интегрируются в видовую систему славянского языка-реципиента и в основном остаются двувидовыми. Таким образом, «новые» глаголы выделяются среди всех остальных, и их иностранное происхождение становится прозрачным. И действительно, как отмечает Гардани (Gardani 2016: 247, 254), одной из главных характеристик «аллогенной экзаптации» является именно ее «систематизирующая функция» т. е. функция, обеспечивающая на синхронном уровне узнаваемость заимствованной лексики.

Все сказанное касается только отчасти суффикса *-irati*, так как в данном случае процесс «аллогенной экзаптации» произошел не внутри славянского языка-реципиента, а вне его, осуществившись лишь впоследствии как простой случай морфологического заимствования.

Итак, проведенный сравнительный анализ, как нам кажется, с одной стороны предлагает объяснение происхождения в резьянском диалекте суффикса *-inat*, считающегося до сих пор загадочным, а с другой вносит вклад в изучение теории языкового контакта и, в частности, процессов интеграции заимствований, приводя новый, пока неизученный пример явления «аллогенной экзаптации».

Остается еще ответить на два вопроса, о которых мы упомянули только мимоходом. Первый касается того факта, что глаголы на *-inat* германского происхождения могут допускать вариацию с формами, образованными с суффиксом *-at* (см. *peglinat/peglat*), в то время как романские глаголы

¹⁹ Правда, как мы увидели, немецкие заимствования продолжали появляться и в последующие века, особенно в связи с явлением рабочей сезонной эмиграции в австрийские города, долго характеризовавшим резьянскую экономику. Однако эти случаи были уже редки.

такой вариации не допускают. Такую безусловно любопытную особенность можно, вероятно, объяснить тем, что германские заимствования представляют собой просто начальную фазу описанного диахронического процесса «аллогенной экзаптации», который только со временем превратился в регулярную, «структурированную» модель.

Второй вопрос касается того факта, что в других словенских диалектах, бытующих во Фриули (т. е. в терском и надижском), и вообще в словенском литературном ареале такой суффикс не встречается. Наверное, причина такого различия в поведении кроется в особенно значимом контакте с германским населением в той географической зоне, где жили предки резьян до их вселения во Фриули или в ранние этапы после вселения. Об этом, однако, нет никаких конкретных языковых или исторических данных, на которые можно было бы опираться, и вопрос остается открытым.

СОКРАЩЕНИЯ

двн.	древне-высоконемецкий
свн.	средне-высоконемецкий
нвн.	ново-высоконемецкий
нем.	немецкий
фр.	фриульский
ит.	итальянский
вен.	венецианский

ЛИТЕРАТУРА

- Бенаккьо Розанна. «Славнороманские контакты во словенских говорах Фриули». Татьяна Николаева (отв. ред.). *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. РАН. Институт славяноведения РАН. Москва: Языки славянской культуры, 2002: 263–300.
- Бенаккьо Розанна. «Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему». *Славистика XXII/1* (2018): 9–20.
- Бенаккьо Розанна. «Суффиксация как средство образования видовых пар в резьянском диалекте: славянская и иноязычная лексика». Maria Chiara Ferro et al. (red.). *Contributi italiani al XVI Congresso internazionale degli Slavisti* (Belgrado 20–27.VIII.2018). Firenze: Firenze University Press, 2018: 153–162.
- Бенаккьо Розанна, Стэнвейк Хан. «Префиксация и суффиксация как способы грамматикализации глагольного вида в резьянском диалекте: исконно-славянская и романская лексика. Benacchio Rosanna et al. (ed.). *The role of prefixes in the formation of aspectuality*. Firenze: Firenze University Press, 2017.
- Јоцић Мирјана. „Глаголи са суфиксима -иса -ира, -ова у савременом српскохрватском књижевном језику“. *Прилози проучавању језика* 5 (1969): 121–175.
- Клајн Иван. *Творба речи у савременом српском језику. II: Суфиксација и конверзија*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2003.
- Спасојевић Марина. *Двовидски глаголи у савременом српском језику*. Докторска дисертација. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2015.
- Benacchio Rosanna. *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Udine: Società Filologica Friulana, 2002.
- Benacchio Rosanna. “Sulle orme di M. Matičetov: i prestiti verbali dal tedesco”. Marija Stanonik, Han Steenwijk (eds). *Tra ricerca sul campo e studio a tavolino: contributi per i cento anni dalla nascita dell'accademico Milko Matičetov / Med terenom in kabinetom: ob 100. obletnici rojstva akademika Milka Matičetovega*, Padova: Cleup, in c. di stampa.

- Bezljaj France. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. I–V. Ljubljana: Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Inštitut za slovenski jezik. Založila Mladinska knjiga, 1976–2007.
- Breu Walter. „Abweichungen vom phonethischen Prinzip bei der Integration von Lehnwörtern“. Klaus Hartenstein, Helmut Jachnow (hrsg.). *Slavistische Linguistik 1990*. München: Otto Sagner, 1991: 36–59.
- Breu Walter. „System und Analogie bei der Integration von Lehnwörtern: Versuch einer Klassifikation“. *Incontri linguistici* 14 (1991a): 13–28.
- Ćorić Božo. „Serbian“. Peter O. Müller et al. (ed.). *Word-formation. An international handbook of the languages of Europe*. Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 2016: 3017–3037.
- Gardani Francesco. „Allogeneous exaptation“. Muriel Norde, Freek Van de Velde (ed.), *Exaptation and Language Change*, John Benjamins Publishing Company, 2016: 227–260.
- Grčević Mario. „Croatian“. Peter O. Müller et al. (ed.). *Word-formation. An international handbook of the languages of Europe*. Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 2016: 2998–3016.
- Matičeto Milko. „Per la conoscenza degli elementi tedeschi nel dialetto sloveno di Resia“. *Grazer lingvistische Studien* 2. Graz, 1975: 116–137.
- Skok Petar. „O sufiksima -isati, -irati i -ovati“. *Jezič IV/2*, 1955–56: 36–43.
- Skok Petar. „Die neugriechischen Verbalsuffixe -izō, -euō und -onō in den Balkansprachen“. *Mnēmēs Hari. Gedenkschrift Paul Kretschmer. II*. Wien: Otto Harrassowitz — Brüder Hollinek, 1957: 138–141.
- Snoj Marko. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Modrijan, 2003.
- Steenwijk Han. *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio* [Studies in Slavic and General Linguistics 18], Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi, 1992.
- Steenwijk Han. *Piccolo dizionario ortografico resiano / Mali bisidnik za tō jošt rozajanskē pisanjē*. Padova: CLEUP, 2005.
- Steenwijk Han. „La fonologia storica del resiano alla luce dei prestiti tedeschi“. Marija Stanonik, Han Steenwijk (eds). *Tra ricerca sul campo e studio a tavolino: contributi per i cento anni dalla nascita dell'accademico Milko Matičetov / Med terenom in kabinetom: ob 100. obletnici rojstva akademika Milka Matičetovega*, Padova: Cleup, in c. di stampa.
- Striedter-Temps Hildegard. *Deutsche Lehnwörter im Slovenischen*. Berlin: Otto Harrassowitz, 1963.

LITERATURE

- Benacchio Rosanna. *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Udine: Società Filologica Friulana, 2002.
- Benacchio Rosanna. «Slavyanoromanske kontakty vo slovenskih govorah Friuli». Tatyana Nikolaeva (otv. red.). *Slavyanskaya yazykovaya i etnoyazykovaya sistemy v kontakte s neslavyanskim okruženiem*. Institut Slavjanovedenija RAN. Moskva: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002: 263–300.
- Benacchio Rosanna. «Integracija zaimstvovannyh glagolov v slavyanskuyu vidovuyu sistemu». *Slavistika* XXII/1 (2018): 9–20.
- Benacchio Rosanna. «Suffiksacija kak sredstvo obrazovaniya vidovyh par v rez'janskom dialekte: slavyanskaya i inoyazychnaya leksika». Maria Chiara Ferro et al. (red.). *Contributi italiani al XVI Congresso internazionale degli Slavisti* (Belgrado 20–27.VIII.2018). Firenze: Firenze University Press, 2018: 153–162.
- Benacchio Rosanna. „Sulle orme di M. Matičetov: i prestiti verbali dal tedesco“. Marija Stanonik, Han Steenwijk (eds). *Tra ricerca sul campo e studio a tavolino: contributi per i cento anni dalla nascita dell'accademico Milko Matičetov / Med terenom in kabinetom: ob 100. obletnici rojstva akademika Milka Matičetovega*, Padova: Cleup, in c. di stampa.
- Benacchio Rosanna, Steenwijk Han. «Prefiksacija i suffiksacija kak sposoby grammatikalizacii glagol'nogo vida v rez'janskom dialekte: iskonno-slavyanskaya i romanskaya leksika». Benacchio Rosanna et al. (ed.). *The role of prefixes in the formation of aspectuality*. Firenze: Firenze University Press, 2017.
- Bezljaj France. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. I–V. Ljubljana: Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Inštitut za slovenski jezik. Založila Mladinska knjiga, 1976–2007.

- Breu Walter. „Abweichungen vom phonethischen Prinzip bei der Integration von Lehnwörtern“. Klaus Hartenstein, Helmut Jachnow (hrsg.). *Slavistische Linguistik 1990*, München: Otto Sagner, 1991: 36–59.
- Breu Walter. „System und Analogie bei der Integration von Lehnwörtern: Versuch einer Klassifikation“. *Incontri linguistici* 14 (1991a): 13–28.
- Čorić Božo. „Serbian“. Peter O. Müller et al. (ed.). *Word-formation. An international handbook of the languages of Europe*. Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 2016: 3017–3037.
- Gardani Francesco. „Allogeneous exaptation“. Muriel Norde, Freek Van de Velde (ed.), *Exaptation and Language Change*, John Benjamins Publishing Company, 2016: 227–260.
- Grčević Mario. „Croatian“. Peter O. Müller et al. (ed.). *Word-formation. An international handbook of the languages of Europe*. Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 2016: 2998–3016.
- Jocić Mirjana. „Glagoli sa sufiksima -isa -ira, -ova u savremenom srpskohrvatskom književnom jeziku“. *Prilozi proučavanju jezika* 5 (1969): 121–175.
- Klajn Ivan. *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. II: Sufiksacija i konverzija*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2003.
- Matičevič Milko. „Per la conoscenza degli elementi tedeschi nel dialetto sloveno di Resia“. *Grazer lingvistische Studien* 2. Graz, 1975: 116–137.
- Skok Petar. „O sufiksima -isati, -irati i -ovati“. *Jezik* IV/2, 1955–56: 36–43.
- Skok Petar. „Die neugriechischen Verbalsuffixe -izō, -euō und -onō in den Balkansprachen“. *Mnēmēs Hari. Gedenkschrift Paul Kretschmer. II*. Wien: Otto Harrassowitz — Brüder Holinek, 1957: 138–141.
- Snoj Marko. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Modrijan, 2003.
- Spasojević Marina. *Dvovidski glagoli u savremenom srpskom jeziku*. Doktorska disertacija. Beograd: Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu, 2015.
- Steenwijk Han. *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio* [Studies in Slavic and General Linguistics 18], Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi, 1992.
- Steenwijk Han. *Piccolo dizionario ortografico resiano / Mali bisidnik za tō jošt rozajanskē pisanjē*. Padova: CLEUP, 2005.
- Steenwijk Han. „La fonologia storica del resiano alla luce dei prestiti tedeschi“. Marija Stanonik, Han Steenwijk (eds). *Tra ricerca sul campo e studio a tavolino: contributi per i cento anni dalla nascita dell'accademico Milko Matičevič / Med terenom in kabinetom: ob 100. obletnici rojstva akademika Milka Matičevičevega*, Padova: Cleup, in c. di stampa.
- Striedter-Temps Hildegard. *Deutsche Lehnwörter im Slovenischen*. Berlin: Otto Harrassowitz, 1963.

Розана Бенакио

СУФИКС -INAT У РЕЗЈАНСКОМ ДИЈАЛЕКТУ И ЊЕГОВЕ ПАРАЛЕЛЕ У СРПСКОМ И ХРВАТСКОМ ЈЕЗИКУ

Резиме

Чланак је посвећен суфиксу *-inat* који се користи у резјанском дијалекту (у источном делу провинције Фријули, на граници Италије и Словеније) за означавање глаголских позајмљеница романског (углавном фријуланског) порекла. То су биаспективни глаголи који најчешће припадају међународној књижевној лексици. Износи се хипотеза да се овај суфикс појавио под утицајем немачког језика (тачније, инфинитивног наставка *-en*), који је играо значајну улогу у развоју резјанског дијалекта барем до XV века, тј. до пада Аквилејске патријаршије и уласка Фријула у састав Венецијанске Републике. Сличан процес може се испратити и у српском и, према у мањој мери, у хрватском језику у погледу суфикса *-isati*, који такође означава биаспективне глаголске позајмљенице међународне лексике, и за који се сматра да је настао као резултат интеграције суфикса *-s-* грчког аориста.

Кључне речи: глаголске позајмљенице, резјански дијалекат, суфикс *-inat*, српски и хрватски језик, суфикс *-isati*.

Људмила Поповић
Филолошки факултет Универзитета у Београду
ljudmila.popovic@fil.bg.ac.rs

Ljudmila Popović
University of Belgrade, Faculty of Philology
ljudmila.popovic@fil.bg.ac.rs

КОМУНИКАТИВНЕ ФОРМУЛЕ У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ: ПИТАЊА ТИПОЛОГИЈЕ И АНАЛИЗЕ

COMMUNICATIVE FORMULAE IN SERBIAN: PROBLEMS OF TYPOLOGY AND ANALYSIS

Проблематика тзв. комуникативних или дискурзивних формула у српском језику раније није привлачила посебну пажњу истраживача. У овом раду комуникативне формуле се посматрају као саставни део комуникативних фразеологизованих конструкција, где спадају и синтаксички фразеологизми (фраземи). Уводе се појмови комуникативног алгоритма и прагматичке парадигме. Комуникативне формуле се тумаче као конструкције у којима је постигнут највиши степен прагматикализације. Анализирају се сличности и разлике између процеса прагматикализације и граматикализације. Издвајају се основни типови комуникативних формула у српском језику и разматра се њихова прагматичка структура, с посебним акцентом на формули *Ma daj!*, као и формулама за прихватање и одбијање, које се пореде са аналогним формулама у руском језику.

Кључне речи: комуникативне формуле, синтаксички фразеологизми (фраземе), прагматикализација, прагматичка парадигма, српски језик.

The analysis of the so-called communicative or discursive (speech) formulae in the Serbian language has not previously attracted special attention of researchers. In this article, communicative formulae are considered as an integral part of communicative phraseological units, which include syntactic phraseological constructions (phrasemes) as well. The concepts of communicative algorithm and pragmatic paradigm are introduced. Communicative formulae are interpreted as constructions with the highest degree of pragmaticalization. The similarities and differences between the process of pragmaticalization and grammaticalization are analyzed. The main types of the Serbian communicative formulae are singled out and their pragmatical structure is considered, with special emphasis on the *Ma daj!*, as well as confirmation and refusal formulae, which are compared with similar formulae in Russian.

Key words: communicative (speech) formulae, syntactic phraseologisms (phrasemes), pragmaticalization, pragmatic paradigm, Serbian language.

1. Увод

Као што је познато, алгоритам је методолошки скуп корака који се могу користити у циљу обрачунавања, решавања задатака и проналажења адекватних решења. Притом алгоритам не подразумева конкретни поступак већ првенствено методу којом се треба руководити приликом решавања одређеног типа проблема. Да би се постигао зацртани циљ, примењује се адекватан алгоритам.

Комуникативни вербални чин, без обзира на то да ли се ради о дијалогу или наративу, такође је заснован на коришћењу алгоритама. На ту чињеницу први су скренули пажњу структуралисти трагајући за алгоритмима конструисања текстова у оквиру одређеног жанра. Тако је Бахтин издвајао стабилне структурне типове комуникативне делатности, сегментоване на исказе, које је посматрао као *говорне жанрове* (Бахтин 1979: 237). Говорни жанрови одговарају типизованим комуникативним ситуацијама у којима се користе типизовани обрасци исказа у оквиру типских тема и типских односа реченог према ванјезичкој стварности.

Теорија говорних чинова донела је појачано интересовање за конкретна средства реализације одређених комуникативних алгоритама — говорних чинова (Austin 1962; Searl 1969). Говорни чинови представљају методолошке скупове корака помоћу којих говорник комуникативно делује остварујући своју намеру са циљем утицаја на саговорника, који по први пут у језичкој анализи постаје равноправни коучесник у конституисању исказа. Том приликом говорник путем употребе перформативних глагола (*ћозивам, обећавам, нудим, захваљујем* итд.) или перформативних формула (*Добро дошли! Часна реч! Изволиће! Хвала лејо!*) моделује саговорников *субјективни деноћайивни ћросћор*, односно означено, али и ванјезичку стварност или тзв. *објективни деноћайивни ћросћор* на који се означено односи (Поповић 2005: 992–993). Перформативне формуле притом представљају тип лексичко-семантичких перформатива, који су у мањој или већој мери идиоматизовани, те се њихова илокутивна функција не може извести полазећи од појединих саставних елемената, већ на основу препознатљивог облика који се перципира као целина (Поповић 2005: 1002–1003).

Предмет овог рада, међутим, не представљају перформативне формуле, већ конструкције којима се комуникативно делује на други начин. У питању су комуникативне формуле којима се усмерава и организује комуникација, преноси говорников став према порукама других учесника, као и према самим учесницима, и генерално олакшава ток интеракције. То су устаљени искази, попут: *Немој ми рећи! Како ћо сад! Ма шћиа кажеш! Нема ћроблема; Кажи драћичка!* и сл., чији се садржај и функције не могу извести путем семантизације саставних елемената већ се декодирају у оквиру препознатљивог алгоритма. *Комуникативне формуле ћредсћављају усћаљене комбинације самосћалних и ћомоћних речи са наћлащеном ексћресивно-дискурзивном функцијом које се ћерцићирају некоћозиционално,*

као целина, и ујо̄ӣребљавају у оквиру одређено̄ комуника̄ивно̄ ал̄горӣма ради по̄с̄ӣзања конкретно̄ комуника̄ивно̄ зада̄ика.

Комуника̄ивни ал̄горӣӣма по̄дразмева устӣаљени образац вербално̄ и невербално̄ по̄нашања у складу са којим се бирају уна̄ред зада̄ӣа сред-с̄ӣва која по̄ зоворниковом мишљењу, по̄рила̄ођеном устӣаљеној по̄ракси у одређеној средини и по̄ӣӣ ин̄ӣеракције, води по̄с̄ӣзању комуника̄ивно̄ циља.

Како би се објаснио аутентичан приступ анализи комуникативних формула, које се посматрају у оквиру по̄ра̄ма̄ичке по̄радӣме, у 2. одељку биће указано на особености перформативних конструкција, објашњено каква су њихова диференцијална обележја и увешће се појам перформативне парадигме, у чијим оквирима се издвајају перформативне формуле. Перформативна парадигма у овом раду се анализира полазећи од терминологије којом се описује синтаксичка парадигма реченице, те се уводе појмови екстерних по̄рансформација и ин̄терних модификација исказа који чине једну перформативну парадигму. Биће истакнуто како су перформативне трансформације и модификације праћене по̄већањем или смањењем илокӯивно̄ на̄она исказа. Притом се перформативне формуле посматрају као редуковане варијанте пуних или експлицитних перформативних исказа.

Даље у раду биће показно да су комуникативне формуле организоване налик перформативним формулама и представљау редуковано језгро синтаксичких фразеологизованих конструкција у оквиру по̄ра̄ма̄ичке по̄радӣме.

Истраживање се ослања на методолошке поступке који се у савременој лингвистици користе за анализу комуникативних фразеологизама — како у оквиру традиционалног описа фразеологизованих синтаксичких структура (Шведова 1980: 382–386) тако и граматике конструкција (Lakoff 1987; Kay 1988; Fillmore, Kay 1993; 1999; Fried, Ostman 2004; Croft 2002 и др.) или модела описа језика који је заснован на његовој употреби, тзв. *usage-based model* (Langacker 1987; 1988). Посебан акценат је стављен на структуралистички приступ опису фразема Лидије Иорданске и Игора Мельчука (Иорданская, Мельчук 2007), а диференцијална обележја комуникативних формула се одређују с ослонцем на методе које примењује у својим истраживањима Јекатерина Рахилина (Рахилина 2010, 2019).

У даљем излагању (в. одељак 4) уследиће осврт на појам по̄ра̄ма̄ичке по̄радӣме, која се пореди са сличним процесом граматикализације у језику. Истичу се разлике између оба процеса и на конкретном примеру се тумачи појам прагматичке парадигме. Следи осврт на прагматичку структурну шему исказа (5. одељак).

У циљу илустрације аналитичког поступка који је заснован на издвајању прагматичке парадигме, у 6. одељку анализира се полифункционална формула *Ma дай!*, притом се поједине њене комуникативне функције тумаче у поређењу с аналогним функцијама адекватних комуникативних формула у руском језику.

Затим се разматрају алгоритми сходно с којим се користе комуника-

живне формуле прихваћања и одбијања у српском језику и показује да је избор одређене формуле, између осталог, условљен тиме ко је *вршилац радње*, а ко је њен *бенефицијар*.

На крају истраживања (в. 7. одељак) нуди се сажет преглед основних типова комуникативних формула у српском језику, који се издвајају из функционалне перспективе. Понуђена типологија је пропраћена освртом на основне кластере комуникативних формула у руском језику.

2. Прагматичка структура исказа и појам перформативне парадигме

Прагматичка структура говорног чина обухвата парадигму исказа који су уједињени око централне компоненте — перформативног глагола. У зависности од валентности перформативног глагола, парадигма може садржати мање или више исказа од којих ће један представљати *експлицитну перформативну формулу* (Поповић 2005: 998–999), која у синтаксичкој равни представља конструкцију са попуњеним актантамним позицијама перформативног глагола. Нпр. исказ *Информишемо вас о сћању на њушевима* садржи прототипични перформатив типа асертива (*информишемо*) и два актанта перформативног глагола (*вас, о сћању*), док је трећи актанта имплицитно присутан у конструкцији, односно, исказан је синтетички — помоћу личног наставка глагола (*-мо*).

Истицање говорног лица путем употребе личне заменице у перформативном исказу у српском језику увек је прагматички обележено и уобичајено трансформише илокутивни потенцијал једног типа говорног чина у други. Рецимо, у наведеном примеру експликација личне заменице *ми* трансформише исказ из говорног чина типа асертива у директив, попут оних који су уобичајени за говорни чин понуде у дикурсу рекламе, уп.:

- (1) *Информишемо вас о сћању на њушевима.* (асертив, најаву, саопштење);
- (2) *Ми информишемо вас о сћању на њушевима.* (директив, понуда, реклама).

Исти исказ без личне заменице *вас* (*Информишемо о сћању на њушевима*), или самог перформативног глагола, представља лаконичнију најаву, чиме је одговарајуће појачан његов илокутивни напон, уп.: *Сћање на њушевима* (Studio B).

Сви наведени искази заједно чине *перформативну парадигму* једног исказа:

- (3) *Ми информишемо вас о сћању на њушевима.*
Информишемо вас о сћању на њушевима.
Информишемо о сћању на њушевима.
Информишемо вас.
Информишемо.
Сћање на њушевима.

Слично синтаксичкој парадигми (Шведова 1980: 86), перформативна парадигма садржи исказе који ступају у односе екстерне трансформације и интерне модификације са другим исказима.

Екстерна перформативна трансформација у оквиру једне парадигме обухвата односе између исказа са различитом илокутивном функцијом, који припадају различитим типовима говорних чинова. Такви односи воде претварању говорног чина једног типа у чин другог типа (као у наведеном примеру у којем се асертив трансформише у директив услед додавања исказу личне заменице *ми*).

Интерна перформативна модификација у оквиру перформативне парадигме представља однос између исказа са истом или сличном илокутивном функцијом унутар једног типа говорног чина. Такви искази се по правилу разликују према јачем или слабијем илокутивном напону у оквиру једне илокутивне функције. На пример, искази *Уиозоравамо на ојасносѝ!* и *Ојасносѝ!* изражавају илокуцију истог типа говорног чина — тзв. директива, али исказ са елидираним перформативним глаголом поседује већи илокутивни напон, због своје лаконичности јаче делује на реципијента.

Перформативне модификације унутар истог типа говорних чинова најчешће су засноване на елипси — изостављању једног или више актаната перформативног глагола, односно на изостављању самог перформативног глагола који прелази у тзв. имплицитна перформативна средства и лако се читава у дубинској равни.

3. Комуникативни фразеологизми и методолошки приступи њиховој анализи

Временом научници су дошли до закључка да је алгоритам састављања фразе заснован како на семантичким принципима тако и на прагматичким. Уколико је Јуриј Апресјан констатовао да је према основном семантичком закону који регулише исправно разумевање текста од стране примаоца декодирање поруке засновано на принципу редундантних сема, тј. оних које се најчешће јављају у полисемичним структурама речи у исказу (Апресјан 1995: 13), когнитивни лингвисти су приметили да се приликом декодирања мора узети у обзир и тзв. експеријенцијални контекст (в. о томе више у: Поповић 2017), који је заснован на алгоритму похрањеном у оквиру одговарајуће асоцијативне мреже у облику одређеног фрејма или сценарија.

Једно остаје несумњиво, уколико машина приликом декодирања исказа слаже елементе у складу са задатим сетом правила која налажу препознавање најчесталијих сема у структури његових саставних компоненти, човек се приликом комуникације руководи првенствено алгоритмима, заснованим на механизмима који у коначној инстанци воде постизању комуникативног циља, праћеног физиолошким осећањем задовољства. Говорник непрестано у процесу комуникације моделира свој исказ у складу са реалном или претпостављеном реакцијом реципијента, прилагођава

га контексту ситуације према устаљеном алгоритму који је формиран на бази сличних комуникативних искустава.

У зависности од типа комуникативне ситуације, говорник продукује свој исказ полазећи од циља који је неопходно постигнути, притом из попуњеног репертоара бира оне конструкције чији прагматички потенцијал, по његовом мишљењу, одговара одређеном типу комуникације, а руководи се првенствено прагматичким стратегијама које представљају унапред задати алгоритам.

Шта заправо одређује прагматичку ефикасност комуникативне формуле? Филозофија и лингвистика 20–21. века трагале су за одговором на то питање кроз проучавање говорних чинова, прагматичких максима, али и изражајног потенцијала конструкција које користимо у конверзацији као задате идиоматизоване обрасце. Као што користимо појмовне метафоре не обраћајући пажњу на њихову унутрашњу форму, која, међутим, одређује нашу рецепцију стварности (Lakoff, Johnson 1980), тако и прагматичка структура идиоматизоване конструкције одсликава одређени поглед на свет, који се може декодирати полазећи од унутрашње форме прагматичког центра око којег се формира парадигма исказа сличног комуникативног потенцијала. Циљ овог рада је да се образложи претпоставка о постојању прагматичке парадигме идиоматизоване конструкције. Као грађа за анализу послужиће примери из српског језика, од којих се неки разматрају у поређењу са сличним источнословенским.

У савременој лингвистици широко је заступљен приступ проучавању језика према којем се језичке структуре посматрају као производ устаљене лингвистичке праксе конструисања исказа (в. преглед когнитивнолингвистичких поставки таквог приступа у: Langlotz 2006; Рахилина 2010), што значи да говорник у свакодневној комуникацији веома често оперише већ спремним фразама које се актуелизују у складу са њиховом учесталашћу у говору. Број таквих унапред задатих исказа може да се упореди са бројем речи у језику, те оне не могу представљати периферну појаву у језику и заслужују да буду пажљиво испитане и систематизоване (Jackendoff 1995: 136).

Исказ се дакле посматра као скуп одређених полуфиналних производа, чијом комбинацијом долазимо до неопходне конструкције. Такав производ се свакако може раставити на елементе синтаксичке структуре, слично томе како се реч разлаже на морфеме. Међутим, као што не састављамо реч од морфема сваки пут кад желимо да је употребимо, већ је памтимо као целину, тако и синтаксичке структуре мање-више памтимо интегрално, мењајући варијабиле око одређеног језгра, које може да представља синтаксички центар конструкције (глагол) или прагматички центар исказа. Прагматички центар исказа не подударе се увек са синтаксичким центром реченице, заправо у његовој функцији често се јавља синсемантичка реч, попућ речце или везника.

Искази који се констїиїуиуу око ѓраџмаїиичкоџ ценїїра, чија ѓраџмаїиичка валенїиностї одређује број и ѓрамаїиички облик варијабиле, зову се

синтаксички фазеологизми. Таква дефиниција је заснована на прагмалингвистичком приступу.

Структуралистичка дефиниција синтаксичког фразеологизма (фразама), коју је понудио Александар Мельчук, одређује га као комплекс X који се састоји од сегментних знакова X_1, X_2, \dots, X_n , притом један од компонента комплекса X (његово означено, означитељ или синтактика¹) не може да се представи помоћу одговарајућих компоненти знакова X_1, X_2, \dots, X_n , док две преостале компоненте знака могу бити представљене помоћу одговарајућих компоненти (Мельчук 2001: IV, 448).²

Мельчук такође предлаже четири стратегије описа синтаксичког фазеологизма, полазећи од којих је могуће описати све типове фразама (Мельчук 1968; Иорданская, Мельчук 2007). Размотрићемо их на одговарајућим примерима из српског језика.

1. Језичка јединица која је подвргнута идиоматизацији, може бити лексема (*џасџув* са суфиксом *-џув*), синтагма (*џлуво доба*), као и синтаксичка конструкција. Као пример потоње у српском језику може да се наведе исказ *Ти ђеџ да ми кажеџ!*, чији се прагматички потенцијал може моделирати у оквиру различитих типова интонационих конструкција. Једна варијанта се реализује, на пример, у комуникативној ситуацији испитивања на школском часу (наставник указује на одређеног ученика и позива га да одговори на питање), док се друга реализује као иронични исказ, у ситуацији подсмевања или ругања коме. Друга варијанта искључује чисто композиционалну интерпретацију исказа и у целини је заснована на њеној идиоматизованој рецепцији. *Покуџај комџозиционалне инџерџреџације идиоматџзоване фразе, џџ. џџџџ инџерџреџације која је заснована на семанџџизацији свакоџ џојединачноџ елеменџџа конџџрукције, води комуникаџџивном џромаџџају.*

2. Посматра се заступљеност у идиоматизацији прагматичких фактора у вези са комуникативном ситуацијом у којој се устаљено користи одређена дискурзивна јединица — *џраџмаџџема* (нпр.: *рок џрајања*; рус. *срок годности* (букв. 'рок исправности'), укр. *џерџин зберџџання* (букв. 'рок чувања'), енгл. *best before* (букв. 'најбоље је пре' и сл.) наспрам одсуства таквих приликом употребе семантичких фразеологизама, нпр. рус. *битџ ба-клуџи*, укр. *ловиџи џав*, срп. *хџаџаџи зџала*, енгл. *to hang around*).

3. Издваја се компонента језичког знака која је подвргнута идиоматизацији. То може бити означено (нпр. *хџаџаџи зџала*), означитељ (нпр. суплетивне основе: *човек* — *људи*) или синтактика знака (нпр. *сџџџџа неџџџџо*).

¹ Осим означеног и означитеља, Мельчук издваја и трећи елемент знака — синтактику (Мельчук 2001)

² «Комплекс X , образованный из сегментных знаков X_1, X_2, \dots, X_n , называется фраземой, если, по крайней мере, один из трех компонентов этого комплекса X (т. е. его означаемое, обозначающее или синтактика) не представим в терминах соответствующих компонентов знаков X_1, X_2, \dots, X_n , в то время как два других его компонента представимы в терминах соответствующих знаков X_1, X_2, \dots, X_n » (Мельчук 2001: IV, 448).

4. Одређује се степен идиоматизације, у складу са којим фраземи се деле на потпуне или идиоме (*очий̄тай̄и буквицу*), полуфраземе или колокације (*й̄ой̄рошачка кор̄ѝа*) и квазифраземе, који су засновани на устаљеном редоследу језичких јединица као иконичких знакова (*рай̄ и мир, уй̄.: ?мир и рай̄; радӣй̄и дан и ноћ = даноноћно, уй̄.: ?радӣй̄и ноћ и дан; ш̄ри оброка дневно — доручак, ручак, вечера, уп.: ?вечера, ручак, доручак*).

Син̄таксички фразеологизми су зай̄раво резул̄й̄ај̄ својеврсне лексикализације син̄таксичких конст̄рукција које су идиомат̄изоване уй̄раво као конст̄рукције, а не услед семантӣчког й̄уњења конкрет̄них речи. Оне имају устаљену шему према којој су грађене — константа + променљива (X) или променљиве (X, Y, Q) — у зависности од валентности константе. У функцији константе могу се јавити везници (**Кад је** X[N₁], **нек је** X/Y[N₁]!), предлози (X[N₁] **над** X[N_{sp1}]), заменице (**Ма какав** + X[N₁]!), глаголи (**нашао** X[сop] + Y[Pron] + **да** Q[V_{fin}]!) и друге речи. У функцији променљивих наступају пунозначне или функционалне речи, односно предлошко-падежне конструкције или синтагме (нпр.: *Кад је бал, нек је бал!, Кад је фудбал, нек је фудбал! Кад је бал, нек је маскенбал!* итд.; *й̄есма над й̄есмама; ист̄ина над ист̄инама* итд.; *Ма какав рођендан! Ма какав дечко!* итд.; *Нашао је коџа да й̄й̄а! Нашао си коме да се й̄овериш! Нашао је з̄де да й̄аркира!* итд.).

Одлике синтаксичких фразеологизама су: устаљени ред речи, одређени граматички облици пунозначних речи, строго одређени регистар помоћних речи, постојање лексичких варијабила или променљивих које пуне шему, као и прагматичке трансформације.

*Син̄таксички фразеологизми с̄ѝадају у комуника̄тивне јединице или комуника̄тивне фразеологизме, у складу с дефиницијом Т. М. Николајеве (Николаева 1985: 112), с тим што је појам комуникативног фразеологизма шири. К. В. Фомина (Фомина 2000: 7) сматра да синтаксички фразеологизам представља подтип комуникативног фразеологизма, где спадају и комуникативне (фразеологизоване) формуле (нпр.: *Ш̄й̄а да се ради! Ма није ваљда!*) и колоквијални елементи у функцији узвика или партикула (нпр. *Сӯйер! Ек̄с̄ира! Свац̄й̄а! Свакако. Нӣйош̄й̄о!* и сл.).*

Табела 1

Комуникативни фразеологизми

Тип	Структура	Пример
синтаксички фразеологизам	некомпозиционална конструкција (константа + променљиве)	<i>Ма какав + X[N₁]! Ма какав одмор!</i>
комуникативна формула	некомпозиционална конструкција без променљивих	<i>Ма каквих!</i>
колоквијални елемент	Реч	<i>Свац̄й̄а!</i>

Синтаксички фразеологизми и комуникативне формуле су вишекомпонентне, док је трећи тип (колоквијални узвици) заступљен једнокомпонентним изразом, те неће представљати предмет описа у овом раду.

Основна разлика између конструкција и формула састоји се у томе да *формуле не садрже варијабиле*. Важна разлика постоји и на семиотичком плану. *Код синџаксичког фразеологизма идиоматизована је синџаксичка знака, а код фразеологизоване формуле је идиоматизовано означено*, које се може означити и на други начин, нпр.:

- (4) **Како да не кажем! Како да не помоћем! Како да се не љућим!** итд.
 (5) — *А онда је мрмоћ зајаквао чоколаду у фолију.*
 — *Да, да, како да не!* (Реклама)
 (6) „Усрећи ћемо“... **како да не!** (Како Јеца каже, 06.06.2012)

У примеру (4) синџаксички фразеологизам са константом *Како да не* и променљивом коју попуњава лично-временски глаголски облик (тип фразема *Како да не* + V_{fin}) врши комуникативну функцију уверавања саговорника да говорно лице не може поступити друкчије у ситуацији која је настала. Конструкција се декодира некомпозиционално јер је идиоматизован одређени редослед речи (уп. са исказом *Да не кажем како?*, који се тумачи композиционално). У примерима (5) и (6) наведене су комуникативне формуле чији се садржај може пренети и помоћу мање експресивних исказа: (5) *Не верујем*; (6) *Погрешно је*.

За исправно тумачење комуникативне формуле неопходан је увид у прагматички контекст ситуације. У наведеном примеру из популарног рекламног спота (5), израз лица жене која одговара на претходни исказ, њене подигнуте обрве и благо указивање главом на саговорника (гест који се може интерпретирати као питање ’Јесте ли чули ову глупост?’) сведоче о иронији. У примеру (6) на иронично порицање упућује погрешно написан облик футура у исказу на који се реагује комуникативном формулом. И у овом случају контекст је ситуативан јер одашила ка одређеном ортографском правилу.

Јекатерина Рахилина и њен тим, који ради на састављању електронске базе комуникативних фразеологизованих конструкција у руском језику, тзв. *Руског конџрукџикона*, у значењу комуникативне формуле користе термин *дискурзивна формула*³ (Рахилина 2019).

Сагласно њеном приступу, комуникативне формуле одређују следећа диференцијална обележја:

- некомпозиционалност;
- висока фреквентност;

³ Е. Рахилина (2019) наводи да је Чарлс Филмор, још 1984, први скренуо пажњу на дискурзивне формуле у енглеском језику поредећи их са сличним изразима у другим језицима и претпоставља да се управо из тог интересовања развила његова теорија граматике конструкција, коју је изложио у антологијском раду из 1988 (Fillmore 1988). Поређење дискурзивних формула у разним језицима заиста је инспиративно, уп.: (енгл.) *You should talk!* (срп.) *Ма немој!* (рус.) *Кто бы говорил!* (укр.) *Мовчав би вже!*; (енгл.) *Сome on!* (срп.) *Ма дај!* (рус.) *Да ну!* (укр.) *Та що їш!*; (енгл.) *No way!* (срп.) *Нема џансе!* (рус.) *Да ни в жизнь!* (укр.) *Та нізащо!* и сл.

- устаљени интонациони оквир;
- пропратна гестикулација;
- варијативност (најчешће се састоје од помоћних речи, партикула, дискурских маркера и сл.);
- спадају у међупростор између граматике и лексике (Ibid.).

По мишљењу истраживача који сарађују у оквиру наведеног пројекта, руски језик садржи неколико стотина дискурзивних формула, а уколико се узму у обзир и њихове варијанте, број таквих идиома исноси око хиљаду. С обзиром на чињеницу да је за одређивање овог броја коришћено око 500 драмских текстова 19–20. века (Ibid.), било би интересантно одредити на сличном корпусу приближан број дискурзивних формула које функционишу у српском језику, што препуштамо будућим истраживањима.

4. Прагматикализација vs граматикализација и прагматичка парадигма исказа

Комуникативни фразеологизми су резултат процеса у језику који се могу уопштено одредити појмом прагматикализације. *Прагматикализација је процес током којег се лексичка јединица постојено претвара у прагматичку. Такав процес је праћен десемантизацијом лексичке јединице и комуникативном специјализацијом конструкције у чији састав она улази.* Рецимо, у конструкцији *Немој ми рећи!* семантика глагола је потиснута, док се развија комуникативна функција изражавања чуђења коју конструкција релизује као целина. Стога, као што је било истакнуто и раније у овом раду, комуникативни фразеологизам није композиционалан.

Слично граматикализацији, прагматикализација је заснована на дефокусирању границе. Граматикализација се традиционално посматра као дијахронијски процес и тумачи као *претварање лексичке јединице у прагматичку* (Meillet 1912). У савременом тумачењу граматикализација је процес који води стварању нове граматичке категорије или замени старих средстава изражавања граматичког значења новим (Kuteva, Heine 2012: 161). Под граматикализацијом се такође подразумева *повећавање постојено прагматичности језичке јединице* (Kurýłowicz 1965: 55–71; Brinton, Traugot 2005: 99). *Грамадикализација је дакле трансформација прагматичке конфигурације језичке јединице, њеног облика и прагматичких функција.*

Тако схваћеној граматикализацији је налик *прагматикализација, која претставља процес постојено претварања речи и прагматичке конструкције у прагматичку јединицу, у смислу појаскивања њене семантике на ширб развоја одређених комуникативних функција.* Када је у питању конструкција, ради се о трансформацији њене конфигурације у правцу синтагматског везивања саставних елемената и претварања рецесивног значења конструкције, тј. таквог које се може декодирати само у одређеном контексту, у доминантно, које више не зависи од подршке контекста. Дакле, мењају се комуникативне функције конструкције које на крају процеса прагмати-

кализације престају да зависе од лексичке и граматичке семантике њених саставних компоненти. *Десемантизација језичке јединице под утицајем дискурса, њена њосијейена идиоматизација, ѡраћена развојем нових комуникативних функција чине суштинину ѡраћмајикализације.*

Као што у процесу граматикализације семантика језичке јединице одређује граматичку функцију коју та јединица развија а након завршеног процеса граматикализације може се прочитати као „унутрашња форма“ граматичког елемента, тако и семантика одређене компоненте у саставу граматичке конструкције одређује правац њене прагматикализације, а временом, по завршетку процеса прагматикализације, може се прочитати као „унутрашња форма“ фразеологизоване конструкције. Рецимо, у процесу граматикализације волитивни глаголи, попут *хѡеѡи* и сл. често развијају футурално значење и постају клитичка средства за формирање аналитичког или синтетичког футура, а посесивни глаголи, попут *имаѡи*, постају аналитички показатељ перфекта, што се може прочитати у унутрашњој форми српског футура (*наѡисаћу* ← *ћу наѡисаѡи* ← *хоћу наѡисаѡи*) или тзв. посесивног перфекта (*имам наѡисано два рада* ← *имам два наѡисана рада* ← *имам два рада које сам наѡисао*).

Слични процеси одређују и суштину прагматикализације. Рецимо, у конструкцијама са компонентом *дај* у српском језику долази до фразеологизације на основу трансформације глагола *даѡи* са предметним аргументом у глагол са пропозиционализованим аргументом (*даѡи* X → *даѡи* P, нпр: *даѡи књигу* → *даѡи да се ѡрочиѡа књига*). Глагол *даѡи* са пунозначним глаголом на позицији аргумента временом развија модализовано значење, које касније одређује трансформацију његовог облика императива у речцу императивне семантике *дај* = *хајде*. Тим путем долази до прагматикализације овог облика, тј. потискивања његове семантике на рачун нове дискурзивне функције, уп.:

(7) *Дај ѡмози нам да и ми доћемо ѡамо* (Данас, 22.03.2019);

(8) *Дај ѡљуби ме* (Ј. Томашевић) и сл.

У комбинацији са речцом *ма*, која се користи за експресивно јачање исказа, а са акцентом *ма̂*, поред истицања, исказује и чуђење (Skok 1972: 343), десемантизовани глаголски облик *дај* формира константу фразеологизованих конструкција са отвореном позицијом за променљиву у облику императива пунозначног глагола (*Ма дај, ѡресѡани! Ма дај, заборави!* и сл.), да би у крајњој фази прагматикализације функционисао као комуникативна формула *Ма дај!*, чије функције биће детаљно анализирани даље у овом раду.

Све варијанте фразеологизованих конструкција с базном компонентом *дај* можемо размотрити у оквиру прагматичке парадигме, у којој су заступљени искази различитог степена прагматикализације. Уједно на овом примеру можемо пратити формирање фразеологизоване конструкције дијахронијски — од реченице коју одређује синтаксичка валентност глагола

да̄ӣи до исказа који представља комуникативну целину коју држи на окупу прагматичка валентност сложене партикуле *ма дај*:

- (9) *Дај донеси књӣљу, молим ӣе!*
Ма дај йомози, молим ӣе!
Ма дај, молим ӣе!
Ма дај!
Ма дааај!

Грамматикализација поседује низ дискурзивних, структурних и когнитивних дистинктивних обележја (в. Kuteva, Heine 2012: 162; Bybee 2003: 146), која се могу пресликати и на прагматикализацију, уп.:

1. Долази до дикурзивне генерализације, тј. устаљеног коришћења конструкције у новом контексту, које води развоју нових комуникативних функција;
2. Дешава се десемантизација, која подразумева промену и губитак лексичког значења;
3. Долази до промене морфосинтаксичке парадигме — њене редукције (нпр. глагол *да̄ӣи* редукује своју парадигму до облика 2. л. једн. императива и постепено се трансформише у речцу;
4. Мења се фонетска супстанца језичке јединице која постаје константа исказа, нпр. општа заменица *ма какав/ма каква/ма какво/ма какви/ма какве/ма каква* постепено се фонетски редукује у функцији комуникативне формуле, уп.: *Ма какав мајс̄йор! Ма каквих!* → *Ма каки мајс̄йор! Ма каки!*⁴
5. Истовремено се дешавају промене у психологији говорника који се навикавају на нову конструкцију и ослобађају од навике да је користе семантизујући саставне елементе, нпр.: *Немој ми рећи!*

Оно што битно разликује прагматикализацију од грамматикализације је чињеница да услед грамматикализације долази до пораста степена граматичности језичке јединице, што значи да она постаје редундантна и аутоматски се користи у једном значењу, док услед прагматикализације јединица постаје комуникативно полифункционална, а њена конкретна употреба у целини зависи од алгорита комуникативне ситуације и говорникове комуникативне стратегије.

Прагматичка вредност комуникативног фразеологизма у појединим случајевима подразумева и перформативну вредност (нпр. *Камо среће!* 'желео бих'), али је такво перформативно значење додатно експресивно обележено. Изразита експресивна обојеност издваја комуникативне идиоме у односу на перформативне формуле, које су у том погледу необележене.

⁴ Примере таквог типа можемо наћи у бројним драмским текстовима, уп.:

ЦМИЉА: А у ствари је био лимар...

ИКОНИЈА: *Ма каки лимар*, није ни лимар, и то је било само фиктивно!
(Љ. Симовић)

МАНОЈЛО: Све ми се зацрнело пред очима!

ТАНАСКО: *Ма каки зацрнело*, погледај како сија! (Љ. Симовић)

5. Прагматичка структурна шема исказа

Као што се синтаксичке структурне шеме реченице разликују од језика до језика, тако се и прагматичке структурне шеме исказа разликују формирајући прагматички потенцијал одређеног језика.

Уколико ширу структурну шему реченице формира глагол у предикату и његови синтаксички актанти, који чине реченицу синтаксички и информативно завршеном, прагматичку структурну шему синтаксичког фразеологизма одређује стабилна базна компонента — носилац илокутивног напона исказа, и прагматички условљене променљиве које чине исказ комуникативно успешним.

Полазећи од чињенице да променљиве у синтаксичком фразеологизму нису условљене синтаксичком валентношћу предиката већ својеврсном прагматичком валентношћу базне компоненте, можемо размотрити поједине прагматичке структурне шеме исказа у српском језику и упоредити њихове основне моделе са аналогним моделима у другим словенским језицима.

Као што постоји синтаксичка парадигма реченице која је заснована на трансформативном потенцијалу њене дубинске семантичке структуре, тако постоји и прагматичка парадигма исказа, која је производ трансформације његове дубинске прагматичке структуре. Прагматичке трансформације синтаксичког фразеологизма зависе првенствено од таквих елемената као што су број прагматичких актанта базне компоненте, интонација, ред речи и сл.

Рецимо, практично неограничени деривативни потенцијал синтаксичких фразеологизама са речцом *ма* и прилошким или придевским упитним заменицама у српском језику (*Ма какав сне̑!* 'Нема и неће бити снега'; *Ма каквих куйила!* 'Погрешан закључак, наравно да нисам купила'; *Ма где заборавила!* 'Наравно да нисам заборавила' и сл.) можемо објаснити тиме што речца *ма* у српском језику служи као иницијални маркер реактивних адверзативних исказа. Са друге стране, упитне прилошке и придевске заменице, које такође улазе у овај тип синтаксичких фразеологизама, прагматички су засноване на негирању (недостатак информације у прагматичкој равни читава се као негација постојања знања). Како епистемичка основа упитних речи у прагматичкој равни речи бива изостављена, илокуција негације у комплексу са реактивном адверзативном речцом *ма* чини наведене конструкције погодним за употребу у реактивним исказима којима се изражава неслагање или порицање.

У источнословенским језицима, на пример, конструкцијама овог типа одговарају оне које садрже адверзативну речцу *да* или *џа*, којом уобичајено почиње реактивни исказ неслагања, као и упитне речи, уп.: (рус.) *Да как же не заметить!* 'Ма како нисам приметила!'; (укр.) *Та звідки в мене гроці!* 'Ма одакле ми новац!' итд.

Посебну пажњу привлаче они елементи базне прагматичке структуре, који су типични за сваки конкретни тип језика. На пример, у српском језику такав елемент представља прагмема генерализације, чији су показатељ

речи са значењем уопштавања. Тако, универзални квантификатор *све* или општекатегоријално употребљена реч *човек* у српском језику обично улазе у базну компоненту синтаксичких фразеологизама којима се изражава негативна оцена информације у реактивном исказу, нпр.: *Шта све човек може да измисли!* 'Мислим да је ова информација лажна'. У источнословенским језицима такав специфичан прагматички показатељ представљају месне прилошке заменице или негација, нпр.: (укр.) *Та куди їшам забула!* 'Ма каквих заборавила!' (рус.) *Чего только здесь нет!* 'Шта ту све има!' итд.

6. Типови комуникативних формула и њихове функције

Комуникативни фразеологизми се могу посматрати као *иницијални* или *реактивни*. Иницијални фразеологизми служе за увођење одређене прагмате у конверзацију док су реактивни — фраземе којима се реагује на саговорников исказ.

Још једна разлика између синтаксичких фразеологизама и комуникативних формула се састоји у томе што су *формуле, њо љравицу, искључиво реактивне љприроде*. Помоћу њих говорник реагује на ситуацију или исказе других учесника комуникације.

Иницијалних фразеологизованих формула има мало. У српском језику као пример такве можемо издвојити исказ *Кажџи драџичка!*, којим се најављује нови топик, те с тачке гледишта илокутивне функције ова формула могла би се одредити као експресивно обележен чин асертива. Посреди је најав информације која, по процени говорног лица, представља лепу вест, уп.:

(10) *Она: Кажџи драџичка!*

Ја: Драџичка (са сџирењом у ѓласу).

Она: Куџила сам нове циџеле које ми се слаџу са комџлеџом.

Ја: Коџим комџлеџом?

Она: Уџс! Кажџи драџичка још једном! (<https://vukajlija.com/kazi-dragicka>).

Овај исказ, којим се раније најављивао сваки трач (*Кажџи Драџићка!*⁵), временом је преосмишљен у формулу којом се најављују лепе вести, односно такве које по говорниковом мишљењу могу обрадовати саговорника. Као одговор на такву иницијалну формулу очекује се одговарајућа реактивна формула — *Драџичка!*, која има искључиво фатичку функцију, тј. њоме се потврђује да је саговорник спреман да подржи конверзацију на предложену тему.

За разлику од наведене иницијалне формуле која је монофункционална, тј. може у сваком контексту реализовати само једну дискурзивну функцију, реактивне фразеологизоване формуле поседују прагматички потенцијал који се може остварити у зависности од конкретне ситуације у виду одређене комуникативне функције. Рецимо, формула *Ма дај!* у српском језику

⁵ В.: (Независне новине).

може означавати, у зависности од контекста, порицање, чуђење или неслагање, нпр.:

- (11) *ЈОВАНА: Много сам злуџа била. Нициџа нисам видела. Нициџа нисам разумела.
Извини. Увек сам моџла да осеџим циџа џи се деџава. Много смо виџе разџоварале. Али у џо време била сам џако оџседнуџа неким своџим злуџосџима. Заџраво нису биле злуџосџи, али ја нисам моџла да се изборим.
МАРИНА: **Ма дај**, зар сиџварно мислиџи да џреба да ми се извиџаваџи сада збоџ џоџа? (Театрон 2016: 20).*
- (12) *МАРИНА: Аниџин муж.
ЈОВАНА: (џокирано) **Ма дааааај!** Па није он неки џолиџичар, он је... (Театрон 2016: 11).*
- (13) *ЈОВАНА: А циџо не за Жареџа?
НИКА: **Ма дааааај!** Па он ми је ко браџи (Театрон 2016: 22).*
- (14) *МАРИНА: Е џа џо ваџи само за среџне жене. Ми осџале морамо мало да инвесиџирамо.
ЈОВАНА: **Ма даааај!** (Театрон 2016: 19).*

У примеру (11) формула *ма дај* је употребљена у функцији порицања, а у примеру (12) — изражавања изненађења и чуђења, што потврђује дидактикална „шокирано“. Емфатички акценат, који је изражен дуљењем вокала /a/, као и заокруженост интонационе конструкције, указују на појачани експресивни набој формуле. Пример (13) илуструје употребу реактивног исказа у функцији апсолутног порицања (емфатички акценат у овом случају не истиче само експресивну обележеност фразе већ и упућује на заступљеност девалоризације саговорничког исказа, која би се могла друкчије исказати речима: „То су глупости!“). Исте елементе девалоризације налазимо и у примеру (14). Реактивна формула из тог примера могла би се заменити исказом „Апсолутно ниси у праву“ или њему сличним.

На примеру фразеологизоване формуле *Ма дај!* може се пратити процес који је она прошла приликом прагматикализације — од употребе у саставу синтаксичке фразеологизоване конструкције (у функцији константе — двокомпонентне речце, уз одговарајуће облике императива пунозначних глагола на позицији променљивих), преко самосталне реактивне комуникативне формуле, али уз ослонац на исказ чији садржај пориче, до потпуно прагматичког осамостаљења — функционисања у улози прагме, за чије значење није неопходан контекст ширег реактивног исказа. Уколико бисмо посматрали употребу ове формуле кроз време, могли бисмо видети да је такав пут хронолошки условљен, тј. комуникативни фразеологизам временом пролази пут од делимичне до потпуне прагматикализације⁶.

⁶ Рецимо, у драмским текстовима са краја 19. — почетка 20. века нисмо нашли ниједан пример употребе ове реактивне формуле, док у текстовима савремених писаца она је веома често заступљена, што потврђују наведени примери.

Константа *ма дај* у саставу фразеологизоване конструкције може се наћи у функцији иницијалног типа исказа, док је потпуно прагматикализована могућа само у реактивном исказу, уп.:

(15) **Ма дај**, лућко, буди нечија! (Фрајле)

(16) **Ма даааај!** (Театрон 2016: 19)

Константа *ма дај* се заправо састоји од двеју речци, од којих свака има самосталну употребу. *Дај* је речца императивне природе, која се користи у колоквијалном језику изофункционално речци *хајде* (нпр.: *Дај њомози ми! Дај реци већ једном! Даај, не њрекидај ме!* и сл.). Речца *ма* може да се користи за појачавање афирмативног или негираног исказа, нпр. *Ма да! / Ма дааа! Ма не! / Ма неее!*, као и у саставу бројних комуникативних фразеологизама — како синтаксичких (који ће бити размотрени даље у тексту) тако и формула. У споју са речцом *дај* речца *ма* у синтаксичкој фразеологизованој конструкцији са императивом на позицији променљиве истиче директивну илокуцију подстицања на чин, нпр.:

(17) **Ма дај** обуци левисице (Данијел).

(18) **Ма дај** јави се већ једном!

У некомпозиционалној конструкцији ове две речце узајамно се допуњују претварајући се у комуникативни амалгалм, чије се значење, као што је било раније истакнуто, декодира у зависности од ситуативног контекста, али и с обзиром на интонационе карактеристике. Међузависност типа комуникативног фразеологизма (формула, конструкција), типа фразеологизованог исказа (реактивни, иницијални), комуникативне функције, унутар које се могу издвојити конкретне конотације, и основних интонационих и синтаксичких одлика формуле и конструкције могу се прегледно приказати помоћу табела (в. табеле 2 и 3).

Табела 2

Комуникативна полифункционалност фразеологизоване формуле *Ма дај!*

Тип формуле	Комуникативни алгоритам	Прагматички контекст	Пример
Реактивна	Изнанађење	Изнанађење + неверица	— <i>Украли су ми ауџо. — Ма дај!</i> [<i>Не могу да њоверујем у џо.</i>]
		Изнанађење + разочарење	— <i>Покрдала сам санаале. — Ма дај!</i> [<i>Бац је њејријајина весџ.</i>]
	Девалоризација	Девалоризација понуде и одбијање да се она прихвати	— <i>Хајдемо у џеџџу.</i> — Ма дај! [<i>Неђу. Уморан сам.</i>]
		Девалоризација саговорника као реакција на његово понашање	— <i>Јеси ли ојрала судове?</i> — <i>Нисам.</i> — Ма дај! [<i>Никад их не ојереш.</i>]

Тип формуле	Комуникативни алгоритам	Прагматички контекст	Пример
		Девалоризација говорног чина (комплиментирања, извињења и сл.)	— <i>Све си млађа и лејца.</i> — Ма дај! [<i>Немој да се шалиш.</i>]
	Резигнација	Одустајање од чина који саговорник предлаже да изврше заједно.	— <i>Ја ћу још мало да радим, хоћеш ли са мном?</i> — Ма дај! <i>Одох ја кући.</i> [<i>Ја више не могу да радим.</i>]
	Неслагање	Неслагање са саговорниковом погрешном претпоставком.	— <i>Што се не би удала за Жарећа?</i> — Ма даај! <i>Па он ми је као браћ.</i> [<i>То је нејрихвалјиво.</i>]
		Неслагање са саговорниковим мишљењем.	— <i>Анијин муж је добар кандидај.</i> — Ма даааај! <i>Па није он неки њолийчар.</i> [<i>Грециш.</i>]
		Неслагање са саговорниковим логичким конструисањем закључка.	— <i>Е ја то важи само за срећне жене. Ми осјале морамо мало да инвестирамо.</i> — Ма дааај! [<i>Не слажем се.</i>]

Табела 3

Комуникативни потенцијал синтаксичких фразеологизама са константом *ма дај*.

Тип исказа	Комуникативни алгоритам	Прагматички контекст	Синтаксички израз и пример
			Ма дај + X [Vimp] + [већ једном]!
Иницијални исказ	Подстицање	Подстицање да саговорник брже оствари чин	— <i>Ма дај њојури</i> [<i>већ једном!</i>]
		Наредба	— <i>Ма дај крени</i> [<i>већ једном!</i>]
Реактивни исказ	Девалоризација	Девалоризација говорног чина комплиментирања, извињења и сл.	— <i>Ма даај, њрекини!</i> — <i>Ма даај, заборава!</i>
			Ма дај + X1 [Pron.interrog] + Cop [V3.sg.fut] + X2 [Pron.dat] + X3 [N/Pron1]

Тип исказа	Комуникативни алгоритам	Прагматички контекст	Синтаксички израз и пример
		Девалоризација саговорникове намере	— <i>Ma daaaj, џи̑а he љи/нам/ вам... љо!</i>
			<i>Ma daaj + X1 [Vimp] + X2 [Nacc]...</i>
Иницијални исказ	Подстицање	Подстицање на (имагинарни) чин.	— <i>Ma daaj обуци левисице!</i>
			— <i>Ma daaj окрени љај ринџи̑ишл у мојој глави.</i>
			<i>Ma daaj + X1 [V1.sg.prs] + X2 [Pron2sg]</i>
Реактивни исказ	Подстицање	Подстицање да се нешто изврши у саговорникову корист.	— <i>Ma daaj, молим ље!</i> — <i>Ma daaj, љреклињем ље!</i>
			<i>Ma daaj + X1 [Pron.interrog] + X2 [Pron2/3] + X3 [V3.prs]</i>
			— <i>Ma daaaj, џи̑а љи значи!</i> — <i>Ma daaaj, џи̑а ље коџи̑а!</i> — <i>Ma daaaj, ниџи̑а ље не коџи̑а!</i>

Примећујемо да важну улогу у одређивању прагматичке изнијансираниости комуникативне функције има акценат. Емфатички акценат, рецимо, у наведеним примерима јавља се само тада када је у питању девалоризација претходног исказа или подстицање да се нешто изврши у говорникову корист, уп.:

- (19) «...**ма даај, не закерај**, види како је леја љајуча, у сљвари није..., ма бљуци на све само молим ље, молим ље не коменљариџи, УМУКНИ!» (<<https://milasila.rs/skrabanije/noge-smora/>> 1.09.2021);
- (20) «Добио сам љозив од љријаљеља да идемо на демонџираџије... ја одџовори „**ма даај, џи̑а he љи љо**, љо су само мирне демонџираџије у виду љодрџке зрађанима Тузле“.» (<<https://www.byka.com/cyr/blogovi/722014-hvala-na-pocetku>> 1.09.2021).

Прагматичка изнијансираност комуникативних формула посебно долази до изражаја у поређењу са средствима реализације одговарајућих функција у другим језицима. Ради илустрације упоредићемо комуникативни потенцијал српске формуле *Ma daaj!* са формулом *Da nu!* у руском језику. У ту сврху користићемо фрагмент истраживања тима Ј. Рахилине (в. Рахилина 2019: 47: 25), који смо допунили неким додатно запаженим функцијама и примерима њихове реализације у разговорном језику (в. табелу 4).

Табела 4

**Комуникативна полифункционалност
руске фразеологизоване формуле *Да ну!***

Тип формуле	Комуникативни алгоритам	Прагматички контекст	Пример
Реактивна	Изнанађење	Изнанађење + одушевљење	— <i>Снег пошел.</i> — <i>Да ну!</i> [<i>Здорово!</i>]
		Изнанађење + неверица	— <i>Да нуууу!</i> [<i>Такога не бивае!</i>]
	Девалоризација	Девалоризација понуде и одбијање да се она прихвати	— <i>Пошли в столовую!</i> — <i>Да ну!</i> [<i>Там невкусно.</i>]
		Девалоризација саговорника као реакција на његово понашање	— <i>Ты поесть приготовил?</i> — <i>Нет.</i> — <i>Да ну!</i> [<i>Никогда не приготовишь.</i>]
		Девалоризација говорног чина (комплиментирања, извињења и сл.)	— <i>Какая у тебя шапочка!</i> — <i>Да ну!</i> [<i>Десять лет ношу.</i>]
	Неслагање	Неслагање са саговорниковом погрешном претпоставком.	— <i>Не успеет!</i> — <i>Да ну!</i> <i>Еще целых 3 минуты.</i>
		Неслагање са саговорниковим мишљењем.	— <i>У них много денег.</i> — <i>Да нууу!</i> [<i>Ошибаешься.</i>]

Табела 5

**Комуникативни потенцијал синтаксичких фразеологизама
са константом *да ну* у руском језику**

Тип исказа	Комуникативни алгоритам	Прагматички контекст	Синтаксички израз и пример
			<i>Да ну + X [Pron.subst]!</i>
Реактивни исказ	Резигнација	Одустајање.	— <i>Да ну их!</i>
		Огорченост.	— <i>Да ну вас [к черту]!</i>
	Девалоризација	Девалоризација саговорниковог говорног чина.	— <i>Да ну тебя!</i>
			<i>Да ну + X [Pron.adv]!</i>
Реактивни исказ	Недоумица	Недоумица + огорченост	— <i>Да ну зачем!</i> — <i>Да ну как!</i> — <i>Да ну где!</i>

Упоредивши наведене примере из српског и руског језика, можемо закључити да се прагматички потенцијал фразеологизованих формула *Ма дај!* и *Да ну!*, као и конструкција у којима се ове формуле јављају у уло-

зи константи, унеколико подудара, али и разликује. Највише сличности бележимо међу комуникативним функцијама фразеологизованих формула. Како *Ма дај!* тако и *Да ну!* могу изражавати изненађење, девалоризацију и неслагање (в. табеле 2 и 4), с тим што се у руском језику изненађење може изражавати без аксиолошке примесе, док се у српској говорној пракси уобичајено изражава изненађење у комбинацији са неверицом и разочарењем. Да би се изразило изненађење без примесе позитивне или негативне оцене, у српском језику се употребљава подеснија формула *Ма немој!*, чија прагматичка анализа следи даље.

Највише разлика пак учојамо у прагматичкој структури фразеологизоване конструкције са константом *ма дај* и њеног аналога са константом *да ну* у руском језику. За разлику од руских конструкција, које су само реактивне природе, српске могу бити како реактивне тако и иницијалне (в. табеле 3 и 5). Помоћу српских фразеологизованих конструкција са константом *ма дај* могу се појачавати различите директивне илокуције (од молбе да се пожури са извршењем неког чина до молбе да се изврши чин у саговорникову корист), као и функција девалоризације саговорничког говорног чина (нпр.: — *Хвала ти до неба за оно. — Ма дај, ђрекини!*). У руском језику конструкције са константом *да ну* изражавају пре свега резигнацију или огорченост (— *Я еще долго буду работать. — Да ну тебя! Пойду одна; — Новые соседи не пригласили нас к себе на вечеринку. — Да ну их! И без них проживем.*)⁷. У српском језику као еквивалент првог типа руске конструкције *Да ну тебя!* (у значењу одустајања) функционише фразеологизована формула *Ма дај!* (в. табелу 2), док се у другом случају, ради изражавања огорчености нечијим поступком, као еквивалент руских конструкција *Да ну его!*, *Да ну их!* и сл., намеће фразеологизована конструкција са константом *нека* — *(Ма) нека + X [Pron_{subst2}]!* (уп.: — *Новые комшије нису нас љозвали на своју журку. — Ма нека их!*⁸ и сл.).

Још један пример комуникативно вишезначне фразеологизоване формуле у српском језику представља реактивни исказ *Ма немој!*, којим се може изразити чуђење (21), стрепња (22), али и прекор (23), односно девалоризација саговорничког исказа (24) уп.:

(21) — *Ана се удала.*

— *Ма немој! И никоме нишџа није јавила!*

⁷ Уп. такође пример у којем се тумачи једна од могућих комуникативних функција формуле *Да ну их!*: «Фактически, Янша прямым текстом написал «да ну их», подразумевая нежелательность приема большого количества беженцев из Афганистана, которые в Европе не желают интегрироваться в местное общество, сидят на пособиях и занимаются разного рода криминальной активностью» (Новости, 23.08.21).

⁸ У зависности од контекста српској фразеологизованој конструкцији *Нека + X [Pron_{subst2}]!* одговара руска формула *Ну и пусть!* или конструкција *И поделом + X [Pron_{subst3}]!*, уп.: *Издао ме Тито. Али нека џа...* (Press 14.12.2008) и (рус.) 'Меня предал Тито. *Ну и пусть!* ...?; *Нови калифорнијски закон о зашџији иривајности исџрејдао силицијумску долину. Нека је!* (Journal on computing) и (рус.) 'Новый закон Калифорнии о конфиденциальности напугал Кремниевую долину. *И поделом им!*'

- (22) — *Можје се десити да ја одем у болницу.*
— **Ма немој!** Када?
- (23) — *Појела си сву чоколаду.*
— **Ма немој!** А ко је јуче њојео све бомбоне?
- (24) *НУШИЋ:* Она [слобода] њреба да буде свачија њо мало.
ГЕНЕРАЛ: **Ма немој!** Слобода је роба, сер. Јасно! (*Театрон* 2018: 34)

Комуникативна вишезначност ове прагмеме посебно долази до изражаја приликом превођења на страни језик, где се исте функције могу изражавати различитим формулама. Уп. горенаведене примере (21–24) са њиховим евентуалним преводним еквивалентима у руском језику (25–28):

- (25) — *Аня вышла замуж!*
— **Надо же!** И никоју ничево не сооцила!
- (26) — *Может случитсь так, что мне придется лечь в больницу.*
— **Да ну!** Когда?
- (27) — *Ты съела весь шоколад.*
— **Кто бы говорил!** А кто вчера съел все конфеты?
- (28) *НУШИЧ:* Она [свобода] должна быть достоинством каждого.
ГЕНЕРАЛ: **Только не надо!** Свобода — это товар, сэр. Ясно!

Комуниктивна вишезначност представља одлику фразеологизованих формула у свим језицима, заправо ради се о дистинктивном обележју сваке комуникативне формуле, које је чини подесним средством за овладавање комуникативним минимумом страног језика⁹. Са друге стране, неколико фразеологизованих формула могу се објединити према типу прагматичне структуре у оквиру једне комуникативне функције или сличних функција. Рецимо, одговор на нечију молбу у српском језику може се изразити помоћу следећих комуникативних формула:

- (29) *Ма молим Вас!*
(30) *Нема њроблема.*
(31) *У реду.*
(32) *Разуме се!* и др.

⁹ Елочка Шчукина из романа И. Илфа и Е. Петрова *12 стѡлица*, као што је познато, имала је у свом комуникативном лексикону само 30 речи и конструкција помоћу којих се могла снаћи у свакој ситуацији. По правилу, овај пример се наводи као негативна карактеристика јунакиње, чије сиромаштво лексикона одсликава мањак духовних вредности. Међутим, с тачке гледишта овладавања комуникативним минимумом страног језика, идеја да се помоћу тридесетак фразеологизованих формула може снаћи у свакој могућој комуникативној ситуацији звучи примамљиво. Комуникативни фразеологизми из Елочкиног репертоара могли су изражавати, у зависности од случаја, иронију, изненађење, одушевљење, мржњу, радост, презир, задовољство, могли су се подједнако употребити приликом картања или у пословном разговору. Наведени пример из књижевности може послужити као илустрација полиилукутивности комуникативних фразеологизама.

- (37) — *Хоћеш ли свраїїїи у самоїослужу?*
 — *Нема прроблема! // ? Драге воље! // ?? Ма мооолим ііе!*

Илокутивна изнијансираност формула у зависности од тога ко је вршилац а ко је бенефицијар радње још више долази до изражаја приликом одбијања (в. табелу 7).

Табела 7

**Прагматичка изнијансираност фразеологизованих формула
у оквиру комуникативне функције одбијања**

Тип формуле	Комуникативни алгоритам	Извршилац	Бенефицијар	Пример
1.	Говорник одбија да пристане на саговорникову понуду.	Саговорник	Говорник	— <i>У реду је!</i>
2.	Говорник одбија да допусти да саговорник поступи у складу са својом молбом.	Саговорник	Саговорник	— <i>Не долази у обзир!</i> — <i>Ни іод раз!</i>
3.	Говорно лице одбија да поступи у складу са саговорниковом молбом.	Говорно лице	Саговорник/ Говорно лице	— <i>Нема шансе!</i> — <i>Шіа ііи/вам іада на іамеї!</i>
4.	Говорно лице одбија да учествује у извршењу чина који предлаже саговорник.	Говорно лице + Саговорник	Говорно лице + Саговорник	— <i>Не іада ми на іамеї!</i>

Као пример употребе 1. типа комуникативне формуле за одбијање може послужити конверзација између купца и касира у продавници:

- (37) *КУПАЦ: Желиіе ли можда да Вам дам сиіно?*
КАСИР: У реду је!

Како наводи Ј. Рахилина, у руском језику не постоје дискурзивне формуле овог типа — за одбијање чина који врши саговорник у корист говорног лица (в. Табелу 7). Анализирајући енглеску формулу *I'm okay!* или *I'm fine!* у овом прагматичком контексту, научница наводи да једини сличан начин одбијања у руском језику представља употреба перформативне формуле: *Нет, спасибо!*, док адекватна комуникативна фразеологизована формула не постоји (Рахилина 2019: 45–51). Што се тиче српског језика, формула *У реду је!* спада у разматрани тип одбијања, али није примерена ван тзв. дисталне комуникације. Тешко је замислити да неко на предлог да се почасті чоколадом узврати *У реду је!* док је енглеска комуникативна фор-

мула *I'm okay!* апсолутно прихватљива у таквој ситуацији. Из тог угла српски и руски су слични када је у питању изражавање интенције одбијања, јер би и у српском језику једини примерен одговор у наведеној ситуацији био: *Не могу, хвала!*

Оваква изнијансираност фразеологизованих формула у оквиру једног комуникативног алгоритма наглашава неопходност њиховог пажљивог проучавања и типологије.

Ј. Рахилина заснива своју типологију дискурзивних формула на њиховим комуникативним функцијама, које сматра водећим критеријумом. Тако, у руском језику научница издваја 8 основних типова функција и за сваки од њих одређује по 7 најфреквентнијих формула. Према резултатима пилот истраживања које је њен тим спровео, издвојени су седам основних типова дискурзивних формула, које у руском језику чине искази, груписани у оквиру следећих комуникативних функција:

- 1) Изненађење (*Ничего себе! Надо же!*)
- 2) Индиферентност (*Нет так нет! Мне то что!*)
- 3) Захтевање да се понови информација (*Это как? В каком смысле?*)
- 4) Неслагање (*Не скажи! Ничего подобного!*)
- 5) Одбијање (*Ни за что! Вот еще!*)
- 6) Потврђивање (*И не говори! А то!*)
- 7) Пристајање (*Не вопрос! Я за!*)
- 8) Исказивање саговорникове оцене (*Эх ты! И ты туда же!*) (Рахилина 2019: 39:02).

У српском језику такође можемо издвојити наведене комуникативне функције, које у овом раду посматрамо као комуникативне алгоритме, као и неке друге, уп:

- 1) Допуштање (*Па хајде. Нек му буде.*)
- 2) Изненађење (*Ма немој! Ма дај! Види сиварно! Ойкуд тио!*)
- 3) Инађење (*Е ја циа! Па нека! Е нека вала!*)
- 4) Индиферентност (*Како ти каже. Нема везе!*)
- 5) Исказивање саговорникове оцене (*Пази ти нега! И ти си ми неки! Ко си ја ти!*)
- 6) Захтев за понављањем информације (*Како ти мисли? Како ти? Како сад?*)
- 7) Метаисказ (*Да тако кажем. Да скратим иричу. Једном речју.*)
- 8) Најава (*Кажу драгичка!*)
- 9) Неслагање (*Како да не! Није него! Е вала није!*)
- 10) Одбијање (*Ма каквих! (Ма) Нема шансе! (Ма) Ни иод раз! Не долази у обзир.*)
- 11) Потврђивање (*А циа си ти мислио? Тако ти је тио!*)
- 12) Пристанак (*Није ироблем! Нема ироблема! Како да не! Ја сам за! У реду.*)
- 13) Повлађивање (*Ма у реду је! Ма није ироблем!*)

- 14) Прекоравање (*За име боџа! Аман за аман! Докле с њим? Тако њи боџа!*)
- 15) Слагање (*Е вала бац! И њо цњо кажец! Исњина жива. Ницња ја. Па да! Како не!*)

У оквиру једног комуникативног алгоритма исказе диференцирамо с обзиром на саговорников иницијални исказ. На пример, у случају исказивања изненађења у српском језику могу се употребити следеће комуникативне формуле:

- (39) *Ма немој!*
- (40) *Ма дај!*
- (41) *Оњкуд њо?!*
- (42) *Види сварно!* и др.

Формуле (39) и (40) представљају реакцију на исказ који предочава нову чињеницу, која се међутим не дотиче саговорника директно, нпр.:

- (43) — *Комњија је куњо нов ауњо.*
— *Ма немој! Лењо.*

Формуле (40), (41) јављају се као реакција на исказ који се доживљава са неверицом јер, по правилу, садржи информацију која није пријатна по саговорника, нпр.:

- (44) — *Пала сам на исњињу.*
— *Ма дај! Не моџу да верујем.// Оњкуд њо?! Па учила си све време.*

Последња у низу наведених формула (42), по правилу, представља реакцију на предочену ситуацију у коју се саговорник може и сам уверити, нпр.:

- (45) — *Киња њада.*
— *Види сњварно! Нисам ни њримењо.*

7. Закључак

На основу извршене анализе долазимо да закључка да су комуникативни фразеологизми веома распрострањени у савременом српском језику и углавном представљају савремену тенденцију у њему, с обзиром да се већина њих не јавља до друге половине 20. века¹⁰.

Комуникативне формуле заједно са синтаксичким фразеологизмима често се групишу око једног прагматичког језгра, те се из структурног аспекта могу посматрати у оквиру прагматичке парадигме. Језгро парадигме представљају константе чија прагматичка валентност одређује број и облик променљивих у фразеологизованим синтаксичким конструкцијама. Прагматичке структурне шеме синтаксичких фразеологизама разликују се

¹⁰ В. наслове прегледаних драмских дела у списку извора.

од језика до језика и представљају фрагмент одређене језичке слике света, која се може интерпретирати с ослонцем на унутрашњу форму прагматичког језгра. уп: (срп.) *Нека + X [Pron₂]!* (рус.) *Да ну + X [Pron₂]!* (укр.) *Та хай + X [Pron₃] + \bar{z} рець!* итд.

Односе између комуникативне формуле и синтаксичког фразеологизма можемо посматрати као екстерне трансформације у оквиру прагматичке парадигме, док односе између варијаната синтаксичких фразеологизама са различитим променљивим и истим константама одређујемо као интерне модификације унутар прагматичке парадигме. Приликом екстерне трансформације долази до промене комуникативног алгоритма унутар којег се примењује фразема, док модификације са истом константом не надилазе један комуникативни алгоритам. Комуникативне формуле представљају исказе са највишим експресивно-прагматичким напоном унутар парадигме, који настају као резултат постепене редукције синтаксичког фразеологизма и његовог свођења на најлаконичнији израз.

Односи у оквиру \bar{y} ра \bar{z} ма \bar{y} ичке \bar{y} аради \bar{z} ме

Екстерне трансформације: синтаксички фразеологизам → комуникативна формула

(срп.) *Ма дај \bar{y} рекини!* → *Ма дај!*

(рус.) *Да ну тебя!* → *Да ну!*

(укр.) *Та що \bar{y} и верзеш!* → *Та що \bar{y} и!*

Интерне модификације: између синтаксичких фразеологизама са истом константом

(срп.) *Ма дај \bar{y} рекини! // Ма дај заборави! // Ма дај \bar{y} омози!* итд.

(рус.) *Да ну тебя! // Да ну его! // Да ну вас! // Да ну их всех!* итд.

(укр.) *Та що \bar{y} и \bar{y} лейеш!* *Та що \bar{y} и ви \bar{z} адуеш!* *Та що \bar{y} и верзеш!* итд.

Комуникативни фразеологизми приликом анализе морају се разматрати с обзиром на конкретне комуникативне алгоритме, под којима се подразумева устаљени скуп прагматичких правила и услова чије испуњење води задовољењу комуникативног циља.

Понуђена методологија описа комуникативних формула види се као прикладна за опис синтаксичких идиома у српском језику у оквиру ширег истраживања. Извршена анализа основних типова комуникативних кластера ослања се на примере из десетак драмских текстова, као и на забележене примере из разговорног језика, док би исцрпни опис „српског конструктicona“ захтевао анализу већег броја текстова, која би обухватила и опис одговарајућих интонационих конструкција и гестова. Такво истраживање би могло резултирати формирањем одговарајуће банке комуникативних формула, које би се могле претраживати како према типу комуникативног алгоритма тако и према регистру идиоматизованих исказа. Други корак у истраживању представљало би трагање за еквивалентима српских

коммуникативных формула у другим језицима, уз навођење одговарајућих примера из паралелних корпуса и, пожељно, опис гестикауације и интонационих конструкција у сваком од језика. Такво комплексно истраживање могло би бити остварено у оквиру већег научноистраживачког пројекта у чијој реализацији би свакако били заинтересовани сви коме је стало до проучавања савремених тенденција у језику.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Юрий Д. *Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика: синонимические средства языка*. Москва: Языки русской культуры, 1995.
- Бахтин Михаил. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1979.
- Иорданская Лидия Н., Мельчук Игорь А. *Смысл и сочетаемость в словаре*. Москва: Языки славянских культур, 2007.
- Копотев М. В., Стексова Т. И. *Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре*. Москва: Языки славянской культуры, 2016.
- Мельчук Игорь А. «Об одном классе фразеологических сочетаний. (Описание лексической сочетаемости с помощью семантических параметров)». Архангельский В. Л. (отв. ред.). *Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума*. Тула: Тульский государственный педагогический институт им. Л. Н. Толстого, 1968: 51–65.
- Мельчук Игорь А. *Курс общей морфологии*. Т. IV. Москва — Вена, 2001.
- Николаева Татьяна М. *Функции частиц в высказывании*. Москва: Наука, 1985.
- Поповић Људмила. „Коммуникативне функције просте реченице“. Пипер П., Антонић И., Ружић В., Танасић С., Поповић Љ., Тошовић Б. *Синтакса савременога српског језика. Просја реченица*. Ивић Милка (ред.). Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига, Матица српска, 2005.
- Поповић Људмила. „О актуелним когнитивнолингвистичким проучавањима српског језика“. *Јужнословенски филолоџ* 73/3–4 (2017): 315–354.
- Рахилина Екатерина В. (ред.) *Лингвистика конструкцій*. Москва: Азбуковник, 2010.
- Рахилина Екатерина В. *О дискурсивных формулах*. [Лекция]. Москва: Отделение теоретической и прикладной лингвистики МГУ, 8.05.2019. <<https://www.youtube.com/watch?v=jUUIJmnlqy0>> 1.09.2021.
- Шведова Нина Ю. (гл. ред.) *Русская грамматика. Т. II. Синтаксис*. Институт русского языка АНССР, Москва: Наука, 1980.
- Austin John L. *How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*. Urmson J. O. and Sbisà Marina (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1962.
- Bybee Joan. “Cognitive Processes in Grammaticalization“. Tomasello M. (ed.) *The New Psychology of Language. Cognitive and Functional Approaches to Language Structure*. V. 2. Mahwah, New Jersey — London, 2003: 145–167.
- Brinton Laurel J., Traugot Elisabeth Closs. *Lexicalization and Language Change*. Cambridge: CUP, 2005.
- Croft William. *Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Fillmore Charles J. “The mechanisms of ‘Construction Grammar’”. *Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1988: 35–55.
- Fillmore Charles J., Kay Paul. *Construction Grammar Coursebook*. Berkeley: University of California at Department of linguistics, 1993.
- Fillmore Charles J., Kay Paul. “Grammatical Constructions and Linguistic Generalizations: The What’s X doing Y? Construction”. *Language* 75/1 (1999): 1–33.
- Fried Mirjam, Ostman Jan-Ola (eds.). *Construction Grammar in a cross-language perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2004.
- Jackendoff Ray. “The Boundaries of the Lexicon”, Martin Everaert, Erik-Jan van der Linden, Andre Schenk, Rob Schreuder (eds.). *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale, New Jersey, Hove: Erlbaum, 1995: 133–165.

- Kay Paul. *An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar*. <www.icsi.berkeley.edu/~kay/cg.arch.ps.> 1.09.2021.
- Kuryłowycz Jerzy. "The evolution of grammatical categories". *Diogenes* 51 (1965): 55–71.
- Kuteva Tania, Heine Berndt. "An integrative model of grammaticalisation". Wiemer Björn, Wälchli Bernhard, Hansen Björn (eds.). *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*. Berlin — Boston: Mouton de Gruyter, 2012: 159–190
- Lakoff George. *Women, Fire, and Dangerous Things: what Categories Reveal about the Mind*. Chicago–London: University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff George, Johnson Mark. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Langlotz Andreas. *Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006.
- Langacker Ronald W. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1–2. Stanford: Stanford University Press, 1987.
- Langacker Ronald W. "A usage-based model". Rudzka-Ostyn Brygida (ed). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: Benjamins, 1988: 127–161.
- Meillet Antoine. "L'evolution des formes grammaticales". *Scientia (Rivista di scienza)* 12 (1912): 384–400.
- Searl John. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge University Press, 1969.
- Skok Petar. *Etimološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. T. 2. Zagreb: JAZU, 1972.

REFERENCES

- Apresyan Yuriy D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moskva: Yazyki russoj kul'tury, 1995.
- Bahtin Mihail. *Eстетика slovesnogo tvorcestva*. Moskva: Iskusstvo, 1979.
- Iordanskaya Lidiya N., Mel'chuk Igor' A. *Smysl i sochetaemost' v slovare*. Moskva, Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007.
- Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo: Perehodnye edinicy v grammatike i slovare*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2016.
- Mel'chuk Igor' A. «Ob odnom klasse frazeologicheskikh sochetanij. (Opisanie leksicheskoi sochetaemosti s pomoshch'yu semanticheskikh parametrov)». Arhangel'skij V. L. (otv. red.). *Problemy ustojchivosti i variativnosti frazeologicheskikh edinic. Materialy mezvuzovskogo simpoziuma*. Tula: Tul'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. L. N. Tolstogo, 1968: 51–65.
- Mel'chuk Igor' A. *Kurs obshhej morfologii*. T. IV. Moskva — Vena, 2001.
- Nikolaeva Tat'yana M. *Funkcii chastic v vyskazyvanii*. Moskva: Nauka, 1985.
- Popović Ljudmila. „Komunikativne funkcije proste rečenice“. Piper P., Antonić I., Ružić V., Tanasić S., Popović Lj., Tošović B. *Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica*. Ivić Milka (red.). Beograd: Institut za srpski jezik SANU, Beogradska knjiga, Matica srpska, 2005.
- Popović Ljudmila. „O aktuelnim kognitivnolingvističkim proučavanjima srpskog jezika“. *Južnoslovenski filolog* 73/3–4 (2017): 315–354.
- Rahilina Ekaterina V. (red.) *Lingvistika konstrukcij*. Moskva: Azbukovnik, 2010.
- Rahilina Ekaterina V. *O diskursivnyh formulah*. [Lekcija]. Moskva: Otdelenie teoreticheskoi i prikladnoj lingvistiki MGU, 8.05.2019. <https://www.youtube.com/watch?v=jUUJmnilqy0> 1.09.2021.
- Shvedova Nina Yu. (gl. red.). *Russkaya grammatika. T. II. Sintaksis*. Institut russkogo yazyka ANSSR, Moskva: Nauka, 1980.
- Austin John L. *How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*. Urmson J. O. and Sbisà Marina (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1962.
- Brinton Laurel J., Traugot Elisabeth Closs. *Lexicalization and Language Change*. Cambridge: CUP, 2005.
- Croft William. *Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford: OUP, 2002.

- Fillmore Charles J. "The mechanisms of 'Contraction Grammar'". *Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1988: 35–55.
- Fillmore Charles J., Kay Paul. *Construction Grammar Coursebook*. Berkeley: University of California at Department of linguistics, 1993.
- Fillmore Charles J., Kay Paul. "Grammatical Constructions and Linguistic Generalizations: The What's X doing Y? Construction". *Language* 75/1 (1999): 1–33.
- Fried Mirjam, Ostman Jan-Ola (eds.). *Construction Grammar in a cross-language perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2004.
- Jackendoff Ray. "The Boundaries of the Lexicon", Martin Everaert, Erik-Jan van der Linden, Andre Schenk, Rob Schreuder (eds.). *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale, New Jersey, Hove: Erlbaum, 1995: 133–165.
- Kay Paul. *An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar*. <www.icsi.berkeley.edu/~kay/cg.arch.ps> 1.09.2021.
- Kuryłowycz Jerzy. "The evolution of grammatical categories". *Diogenes* 51 (1965): 55–71.
- Kuteva Tania, Heine Berndt. "An integrative model of grammaticalisation". Wiemer Björn, Wälchli Bernhard, Hansen Björn (eds.). *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*. Berlin/Boston: Mouton de Gruyter, 2012: 159–190
- Lakoff George. *Women, Fire, and Dangerous Things: what Categories Reveal about the Mind*. Chicago–London: University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff George, Johnson Mark. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Langlotz Andreas. *Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006.
- Langacker Ronald W. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1–2. Stanford: Stanford University Press, 1987.
- Langacker Ronald W. "A usage-based model". Rudzka-Ostyn Brygida (ed). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: Benjamins, 1988: 127–161.
- Meillet Antoine. "L'evolution des formes grammaticales". *Scientia (Rivista di scienza)* 12 (1912): 384–400.
- Searl John. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge University Press, 1969.
- Skok Petar. *Etimološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. T. 2. Zagreb: JAZU, 1972.

ИЗВОРИ

- Гајовић Александар. *Први српски ѿајкун. Колико истина сачињава једну лаж*
<<https://klubglasnik.com/>> 01.09.2021.
- Вранеш Стеван. Сведобро. *Театрон* 176–177 (2016): 5–31.
- Илић Миодраг. Арлекинова последња авантура. *Театрон* 184–185, (2018): 7–45
Новости, 23.08.2021
<<https://ren.tv/news/v-mire/871999-da-nu-ikh-chinovniki-evrosouiza-vdryzg-razrugalis-iz-za-bezhentsev>> 28.08.2021
- Нушић Бранислав. *Покoјник*.
<<https://www.rastko.rs/drama/nusic/bnusic-pokojnik.html>> 01.09.2021.
- Петровић Растко. *О распуштајућој бојовој*
<http://www.svevlad.org.rs/bajoslovlje/knjizevnost/petrovic_perun.html> 01.09.2021.
- Поповић Јован Стерија. *Чудновата болест или симпатаија и антипатаија*.
<<https://www.rastko.rs/drama/delo/12994>> 01.09.2021.
- Поповић Јован Стерија. *Зла жена*.
<<https://sr.m.wikisource.org/sr>> 01.09.2021.
- Симовић Љубомир. *Чудо у „Шаргану“*.
<http://biblioteka-np.org.rs/wpcontent/uploads/2020/05/Cudo_u_Sarganu.pdf>
01.09.2021.
- Стевановић Тихомир. *Кандило у розаријуму*.
<<file:///C:/Users/Emil/Downloads/3941-Article%20Text-8312-1-10-20171204.pdf>>
01.09.2021.

Трифковић Коста. *Избирачица*.

<<http://biblioteka-np.org.rs/>> 01.09.2021.

Journal on computing.

<<https://raf.edu.rs/en/eraf-journal-on-computing/archive-scientific-papers/item/5512-uljevi-robert>> 1.09.2021

Nezavisne novine.

<<https://www.nezavisne.com/magazin/zanimljivosti/Da-li-znate-Zasto-se-kaze-Kazi-dragicka/420168>> 1.09.2021.

Press 14.12.2008.

<http://www.27mart.com/main.php?pages_id=240&languages_id=2> 1.09.2021

SOURCES

Gajović Aleksandar. *Prvi srpski tajkun. Koliko istina sačinjava jednu laž*

<<https://klubglasnik.com/>> 01.09.2021.

Vraneš Stevan. Svedobro. *Teatron* 176–177 (2016): 5–31.

Ilić Miodrag. Arlekinova poslednja avantura. *Teatron* 184–185 (2018): 7–45

Novosti, 23.08.2021.

<<https://ren.tv/news/v-mire/871999-da-nu-ikh-chinovniki-evrosouiza-vdryzg-razrugalis-iz-za-bezhentsev>> 28.08.2021

Nušić Branislav. *Pokojnik*.

<<https://www.rastko.rs/drama/nusic/bnusic-pokojnik.html>> 01.09.2021.

Petrović Rastko. *O raspuštenosti bogova*.

<http://www.svevlad.org.rs/bajoslovlje/knjizevnost/petrovic_perun.html> 01.09.2021.

Popović Jovan Sterija. *Čudnovata bolest ili simpatija i antipatija*.

<<https://www.rastko.rs/drama/delo/12994>> 01.09.2021.

Popović Jovan Sterija. *Zla žena*.

<<https://sr.m.wikisource.org/sr>> 01.09.2021.

Simović Ljubomir. *Čudo u „Šarganu“*.

<http://bibliotekamp.org.rs/wpcontent/uploads/2020/05/Cudo_u_Sarganu.pdf> 01.09.2021.

Stevanović Tihomir. *Kandilo u rozarijumu*.

<[file:///C:/Users/Emil/Downloads/3941-Article Text-8312-1-10-20171204.pdf](file:///C:/Users/Emil/Downloads/3941-Article%20Text-8312-1-10-20171204.pdf)> 01.09.2021.

Trifković Kosta. *Izbiračica*.

<<http://biblioteka-np.org.rs/>> 01.09.2021.

Journal on computing

<<https://raf.edu.rs/en/eraf-journal-on-computing/archive-scientific-papers/item/5512-uljevi-robert>> 1.09.2021

Nezavisne novine. <<https://www.nezavisne.com/magazin/zanimljivosti/Da-li-znate-Zasto-se-kaze-Kazi-dragicka/420168>> 1.09.2021.

Press 14.12.2008.

<http://www.27mart.com/main.php?pages_id=240&languages_id=2> 1.09.2021

Людмила Попович

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФОРМУЛЫ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ: ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И АНАЛИЗА

Резюме

В работе, впервые в сербской лингвистике, рассматриваются некоторые теоретические вопросы исследования коммуникативных фразеологизмов, к числу которых зачислены синтаксические фразеологизированные конструкции и коммуникативные формулы.

Исходя из понятия коммуникативного алгоритма, под которым подразумевается устойчивый набор прагматических правил, ведущих к постижению коммуникативной цели, определяются условия употребления конкретных коммуникативных формул.

Постулируется понятие прагматической парадигмы, которую составляют фразеологизированные синтаксические конструкции и коммуникативные формулы, сгруппированные вокруг одного конструктивного ядра. Ядро парадигмы представлено константами, прагматическая валентность которых определяет количество и форму переменных во фразеологизированных синтаксических конструкциях. Структурные схемы прагматического уровня различаются от языка к языку и представляют собой фрагмент определенной языковой картины мира, который можно интерпретировать исходя из внутренней формы прагматического ядра, нпр.: (серб.) *Нека + X [Pron₂]*! (рус.) *Да ну + X [Pron₂]*! (укр.) *Та хай + X [Pron₃] + ěрець!* и т. п.

Отношения между дискурсивной формулой и синтаксической фразеологизированной конструкцией рассматриваются как внешние преобразования коммуникативных фразеологизмов, в то время как отношения между вариантами синтаксических фразеологизмов с разными переменными и одинаковыми константами определяются как внутренние модификации. При внешнем преобразовании происходит изменение типа коммуникативного алгоритма, которым определяется выбор фразы, а при отношении модификации конструкции функционируют в рамках одного коммуникативного алгоритма.

Дискурсивные формулы интерпретируются как высказывания с наивысшим экспрессивно-прагматическим напряжением в рамках парадигмы, которые возникают в результате постепенного сокращения синтаксических фразеологизмов и их сворачивания до максимально лаконичного выражения, обладающего самым высоким экспрессивным потенциалом.

Исходя из конкретного языкового материала делается вывод о широкой распространенности дискурсивных формул в сербском языке, что оценивается как современная тенденция, поскольку их примеры не встречаются в текстах конца XIX — начала XX веков. В статье рассмотрены конкретные дискурсивные формулы в сравнении с аналогичными примерами из восточнославянских языков. Сделан вывод о том, что предложенные методы анализа можно применять при составлении банка коммуникативных конструкций в сербском языке.

Ключевые слова: коммуникативные формулы, синтаксические фразеологизмы (фраземы), прагматикализация, прагматическая парадигма, сербский язык.

КЊИЖЕВНОСТ И УМЕТНОСТ

Игорь Смирнов
Университет Констанца
ipsmirnov@yahoo.com

Igor Smirnov
Universität Konstanz
ipsmirnov@yahoo.com

К ТЕОРИИ ПАРОДИИ

ABOUT THEORY OF PARODY

В статье исследуется понимание пародии в литературе и в социокультуре с особым акцентом на *parodia sacra*. Рассматриваются приемы негативного мимесиса, с помощью которых пародия отбирает смысл у претекстов (переносное значение оригинала становится буквальным; перенос значений, совершившийся в источнике, преподносится как ничем не мотивированный).

Ключевые слова: пародия, *parodia sacra*, мимесис, смех, карнавал, трикстер.

This paper discusses the comprehension of parody in literature and socioculture, with special emphasis on *parodia sacra*. Furthermore, author discusses the ways parody uses negative mimesis to take meaning from pretexts (the transferable meaning of the original becomes literal, the transfer of meaning, which took place in the text, is presented as unmotivated).

Keywords: parody, *parodia sacra*, mimesis, laugh, carnaval, trickster.

В качестве внешне соответствующей оригиналу, но асимметричной ему по смыслу пародия противостоит простым воспроизведениям образца. Семантическое отклонение от оригинала, использующее его же выразительные средства, и копирование представляют собой две такие имитационные стратегии, применение которых далеко выходит за пределы литературы и искусства. Перед нами два вида мимесиса, помимо которого не могла бы осуществляться не только художественная деятельность человека, но и его социальная жизнь, зиждущаяся на следовании поведенческим стереотипам. Это следование формально не отменяемо, поскольку иначе нарушилась бы солидарность коллектива и стабильность его бытования, чего он не может допустить, подвергая отступников от нормы более или менее строгому наказанию. Тем не менее, в исполнении своего обществен-

ного долга homo socialis обладает свободой ставить под сомнение если не наружную сторону, то содержание правил, которыми руководствуется коллектив. Общество обязывается к решению, принимает ли оно или не принимает пародийно-негативный мимесис, изнутри подрывающий его стереотипы. В случае принятия оно должно найти способ обратить пародирование в свою пользу.

Широкое понимание пародии вошло в исследовательский обиход в 1920-е годы. Даже в литературоцентрически ориентированной статье «О пародии» (1929) Юрий Тынянов счел нужным завести речь о «пародической личности» (Тынянов 1977: 303), не довольствуясь суждениями, ограниченными миром текстов, и уходя из него в быт, пусть лишь артистический. Гораздо более решительный, чем у Тынянова, шаг, ведущий за черту словесного искусства, предприняла Ольга Фрейденберг, которая возвела в работе, помеченной 1925-м годом, литературную пародию к «народному обрядовому творчеству» (Фрейденберг 1973: 494), дополняющему сакральную драму ее смеховым переворотом. Архаический смех, по Фрейденберг, не отрицает высокое, но составляет его другую сторону, его веселое подобие, которое «усиливает» сакральные ценности их удвоением (Там же: 496–497). Считавшая архаическую социокультуру продуктом мышления в тождествах, Фрейденберг не отличает пародирование от «вечного возвращения того же самого». На деле пародирование в своих истоках далеко не всегда брало на себя охранительно-служебную функцию по отношению к священному, выступая как *parodia sacra*. Негативный мимесис мог толковаться и в качестве недолжного, вызывающего смех своей лжепроизводительностью.

С такого рода комикой, уничижающей саму пародию, мы сталкиваемся прежде всего в мифах о трикстерах, неудачливых подражателях демиурга. В мифоповествовании индейцев виннебаго, проанализированном в классическом коллективном труде Поля Радина, Карла Кереньи и Карла Георга Юнга *Божественный плут* (Radin, Kerényi, Jung 1954), трикстер завершает серию проделок тем, что, неосторожно съев луковицу, поднимает своими ветрами разрушительную бурю в мире и заливает его фекалиями. С другой стороны, и древние, и огосударствленные общества не налагают запретов на праздники дураков и прочие карнавалы ритуалы, отменяющие утвердившийся социальный порядок и наделяющие его противосмыслом (как, например, при временной смене царя рабом, впервые изученной Джеймсом Джорджем Фрээрером в *Золотой ветви* (1890)). Социокультура осуждает пародию тогда, когда та делает своим объектом *универсально значимое*, пытаясь отнять содержание у сотворения всего что ни есть, можно сказать, у креативности как таковой. Допускается же пародия в той степени, в какой она затрагивает лишь *частноопределенное*, созданное человеком по собственной инициативе вразрез с природной средой. Будучи явлением не от мира сего, священное само по себе остается в таких случаях непоколебленным; более того, оно защищается пародией от вмешательства

человека в высший, чем социальный, порядок, имеющий сверхъестественный и трансгуманный характер. В принципе *parodia sacra* может быть нацелена на социокультуру, понятую как не более, чем человеческое установление, в ее полном охвате, что демонстрируют карнавальные травести, в которых участники обрядового спектакля наряжаются в костюмы представителей природного царства. Но на практике разные общества по-разному решают, какого объема вправе достигать в них *parodia sacra*. Он становится и вовсе нулевым в тоталитарных и авторитарных режимах власти, апроприирующих сакральное, изымающих его из трансцендентной сферы в пользу государства. Пародирование церковной службы и институционализованной социальности конституирует народное тело в его отдифференцированности от верхов общества, гарантов того, что оно будет воспроизводимым. Народ творит сам себя. Тоталитаризм подавляет самодеятельность народа, мобилизуя его на службу государству.

Прямые и асимметричные подобию комплементарны относительно друг друга в устройстве раннего общества. Первые из них соположены генезису социореальности и в своей избыточности призваны обеспечить его неиссякаемость. Культ близнецов изображает их основателями родоплеменных союзов. Дуальная организация общества открывает возможность для обмена брачными партнерами между фратриями и тем самым составляет необходимое условие плодovitости в архаическом коллективе. Что до асимметричных подобий, то они создают иллюзию социодинамики. Карнавальные обряды перестраивают нормативную ценностную иерархию так, чтобы она внутренне противоречила себе, но не упраздняют ее как таковую (замещение царя рабом не предлагает ничего взамен института единовластия). Обновление социального порядка не продвигает его вперед по эволюционной линии, оборачивается мнимостью и потому вызывает смех. Как мнимость оно не может стать долгосрочным и подлежит упразднению, восстанавливающему *status quo ante* (раба, сыгравшего роль царя, обрекают на заклятие). Карнавал приурочивается к сменам времен года, потому что эти моменты, будучи, с одной стороны, пороговыми, вписаны, с другой стороны, в космический круговорот, в данное от природы «вечное возвращение того же самого». Наследница карнавала в линейно-историческом времени, литературная пародия не порождает, как и он, подлинно нового, не указывает пути в прежде не известную художественную систему, но лишь подтачивает уже достигнутое словесным искусством. Литературная пародия нередко бывает направленной не только против того, что отживает свой век, но и против художественного творчества, находящегося еще в стадии формирования, как о том свидетельствует среди прочего высмеивание Владимиром Соловьевым брюсовских сборников *Русские символисты*. Тынянов неоправданно преувеличил эволюционное значение пародии.

По мере нарастания историзма карнавальные обряды, соответствующие циклическому времени, делаются реликтом, достающимся социокульту-

туре из прошлого. Их функцию в актуальной социокультурной практике перенимает пародирование, так или иначе эстетически отмеченное (даже если оно и не имеет своим объектом какие-то конкретные произведения искусства, как в случае «Писем темных людей» (1515/1517))¹. С точки зрения линейно-исторического сознания, ищущего бескомпромиссную альтернативу тому, что было, удержание формальных признаков прошлого в настоящем есть не что иное как фикциональность, как явление, возникающее в сфере текстов, а не в поступательно развивающемся жизненном мире.

Литературная пародия (о которой в дальнейшем и пойдет речь) — способ письма, неустраимо двойственный по назначению. Компрометируя свой источник, пародия вместе с тем не превосходит его, не ставит на его место текст, который мог бы вести самостоятельное существование в эстетической сфере, как то бывает в иных видах интертекстуальных контактов. Комические перелицовки литературных произведений паразитируют на своих объектах и от них неотрывны. Несмотря на то, что пародия расстраивает смысл поднимаемого ею на смех текста, она в то же самое время показывает, что имитация, даже и асимметричная по отношению к оригиналу, не способна вытеснить его из эстетического обихода. Снижая содержание оригинала, литературная пародия, тем не менее, отчасти сохраняет в себе те качества, которыми обладала *parodia sacra*. Пародийная репродукция оригинала утверждает его доподлинность от противоположного. Перевод серьезного в комический план, вообще говоря, финализирует исходную ситуацию, поскольку изменяет ее так, что протекавшее в ней действие обнаруживает свою безрезультатность. Пародийный смех и лишает свой материал суггестивной эффективности, и выделяет его из общего потока литературы, изолирует пародируемое произведение, которое становится своего рода памятником, входя в ту историю, что Фридрих Ницше назвал «монументальной»². Если верить Вальтеру Беньямину, «ауру» с оригинала сбрасывает не пародия, а его индустриализованное копирование (*Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости*, 1936). Сказанное о родстве между литературной и сакральной пародиями не приложимо к таким, традиционно считающимся «пародийными», романам, как

¹ Пародийность может, таким образом, проникать в самые разные дискурсы, если они идут навстречу к художественному творчеству. Яркий пример пародии в философской речи — «История доктора Акакия и уроженца Сен-Мало» (1753), в которой Вольтер избразил сочинения своего противника, президента Берлинской Академии Пьера-Луи Моро де Мопертюи, плодом безумия.

² Считая комизм не обязательным свойством пародии, Тынянов (1977: 288 и след.) не ограничивал ее от того, что принято называть «контрафактурой». Чрезвычайно распространившаяся в постмодернистской литературе с ее многочисленными ремейками контрафактура разнится с собственно пародией тем, что не доводит смысл имитируемого текста до полного абсурда, оппонирует источнику лишь частично, главным образом за счет модернизации его содержания (так построены, к примеру, ориентированный на прозу Тургенева роман Евгения Попова *Накануне накануне* (1992) или воспроизводящий типовую схему советской производственной литературы роман Баяна Шириянова *Низший пилотаж* (2000) об изготовлении наркотиков). Контрафактура переиначивает не столько тему источника, сколько референтную среду, к которой тот отсылает.

Гаргантюа и Пантагрюэль или *Дон Кихот*. Их идейное наполнение не исчерпывается, однако, тем, что Рабле пародирует *Александрию*, а Сервантес — рыцарские романы. В обоих произведениях негативный мимесис сочетается с прогнозирующим — с утопией.

В распоряжении пародии имеются два главных приема, с помощью которых она отбирает смысл у претекстов. Одна из этих стратегий заключается в том, чтобы придать переносным значениям оригинала буквальность, перевести тропы в реальные жизненные ситуации, словно бы верифицируя замещения, проверяя их на исполнимость. Вторая прямо противоположна первой. В этом случае перенос значений, совершившийся в источнике, преподносится как ничем не мотивированный, как не находящийся в реальности ни малейшего подтверждения. Пародия, таким образом, либо сверхмотивирует тропы, либо демотивирует их. В обеих версиях негативного мимесиса, осуществляемого в пародировании, возможный мир претекста превращается в невозможный, отвечая тем самым аристотелевскому понятию «адинатон»³.

Примером пародийной реализации тропов мне послужит роман Владимира Сорокина *Норма* (1979–1984), одна из частей которого составлена из коротких рассказов в стиле соц-арта, опирающихся на популярные советские песни. Рассказ «Самородок» отправляет нас к «Песне трудовых резервов» (1948) Михаила Исаковского («Пройдут года, наступят дни такие, Когда советский трудовой народ Вот эти руки, руки молодые Руками золотыми назовет»), завершаясь как бы документальным выводом из буквального прочтения метафоры «золотые руки»: «Через четыре дня переплавленные руки парнишки из квартиры № 5 пошли на покупку поворотного устройства, изготовленного на филиале фордовского завода в Голландии и предназначенного для регулировки часовых положений ленинской головы у восьмидесятиметровой скульптуры Дворца Советов» (Сорокин 1998: 224).

Противоположного типа абсурд хорошо демонстрируют уже упомянутые пародии Соловьева в цикле статей *Русские символисты* (1884–1885). Разбирая брюсовский перевод из Мориса Метерлинка («И под кнутом воспоминанья Я вижу призраки охот. Полузабытый след ведет Собак секретного желанья») (курсив в оригинале — *И. С.*), Соловьев откликается на этот текст, создавая его пародийный аналог, в котором обозначения разных психомыслительных состояний человека монотонно сопровождаются звериными метафорами, так что тропообразование оказывается самодовлеющим процессом, не имеющим под собой необходимого и достаточного основания: «...Но не дразни гиену подозренья, Мышей тоски! Не то смотри, как леопарды мщенья Острыят клыки! И не зови сову благоразумья Ты в эту ночь! Ослы терпенья и слоны раздумья Бежали прочь. Своей судьбы родила крокодила Ты здесь сама...» (Соловьев 1990: 278–280).

³ Об этой фигуре речи см. подробно: Lachmann 2002: 99 ff.

Обе разновидности пародийного осмеяния претекстов претерпевают специфицирование в зависимости от того, в какой из сменяющих одна другую диахронических систем художественного смысла они используются. Так, ранний авангард с его установкой на автономизацию литературного произведения (на «самовитое слово», на «слово-вещь» и т. п.) искал пародийность внутри чужого — отнюдь не рассчитанного на такую интерпретацию творчества, то есть рассматривал его как автопародийное, само себя развенчивающее. Алексей Крученых подверг подобному толкованию поэзию Пушкина: «Читаем Пушкина, благоговейно прислушавшись к мудрым «умолкнувшим звукам божественной речи», и слышим:

Со сна садится в ванну **со льдом**. (*Евгений Онегин*).

Сосна садится сольдом. (Сольдо(и) — итальянская монета)» (Крученых 1924: 6–7) (подчеркнуто в оригинале). В результате предпринятого Крученых «сдвига» строка из *Евгения Онегина* становится ничем не мотивированной чудовищной метафорой. В «Истории КАК анальной эротике» (1918) Крученых преподнес читателям русскую поэзию, обыгрывая употребление в ней служебного слова «как», в виде копрологического творчества, в рамках которого порождение текстов подразумевает производство телесных отбросов, и вернул тем самым пародию к ее началу в мифах о трикстере. *Сдвигология* обращалась к той же технике переделки претекстов, что и традиционное пародирование, дополняя его представлением о самоотрицании, приписываемом предшествующей литературе⁴.

Пародии Крученых зиждутся на каламбурах, что побуждает поставить вопрос о соотношении этих двух форм словесного творчества. В книге *Профанации*, посвященной разного рода снижению социокультурных ценностей, Джорджо Агамбен укоренил пародию в языке, раскалывающем человеческую действительность на мир знаков и мир реалий. Пародия в качестве «параонтологии» извещает нас, по Агамбену, о невозможности уловить вещь с помощью языковых средств (цит. по: Agamben 2005: 30–44). Пародия, однако, не берет язык под сомнение, а как раз напротив — применяет его как орудие для борьбы с его индивидуализацией и субъективированием, происходящими в тексте. Язык выступает в пародии как нейтральный посредник между референтным текстом и его комическим двойником. Ту роль, которую принимает на себя в порождении текстов пародия, относительно языка играет каламбур. Омнимически удваивая язык, каламбур приводит вербальные знаки в такое состояние, в каком они отсылают сразу к разным, часто взаимоисключающим, ситуациям. Язык теряет в каламбурах свою способность однозначно соответствовать реальности и служить надежным каналом коммуникации. Каламбур совершает дивер-

⁴ Но и собственное творчество таких поэтов-«заумников», как Крученых или Илья Зданевич, можно толковать как поэзию, пародирующую саму себя. Звуковые комбинации, лишаящие поэзию смысла, нельзя пародировать — они поддаются только имитации.

сию применительно к языку вообще, в его отвлеченности от национальных проявлений, и поэтому очень часто бывает двуязычным, как, например, в многих произведениях Владимира Набокова. В его романе *Отчаяние* (1934) недалекая жена героя принимает слово «мистик» за уменьшительную форму от «мист» (Набоков 2000: 410), не замечая, что «Mist» означает по-немецки «навоз, дерьмо». Как в этом случае, так обычно и в других, каламбур входит в литературный текст вне рамок собственно пародии, характеризуя речевые особенности персонажей, иногда выдавая — ввиду своей двусмысленности — их тайные желания (таковы в *Братьях Карамазовых* обращенные к Алеше слова Лизы Хохлаковой: «...я хочу жать, рожь жать» (Достоевский 1976: 21)⁵). Произведенное Крученых совмещение пародии и каламбура свидетельствует о том, что ранний авангард не различал текст и язык, овеществляя любой знак, полагая его самодостаточным образованием, реальностью в-себе и для-себя. Текст под таким углом зрения можно пародийно перестраивать не в еще одном индивидуальном акте словесного творчества, а наподобие того, как каламбур функционирует внутри языка. Агамбен поменял местами тему и ремю этого представления, утверждая, что язык чреват пародийностью. Если для Крученых автопародиен текст, к которому следует подходить как к языку, то для Агамбена автопародиен язык, обнаруживающий свойства, необходимые для конституирования текста, помимо авторского участия в этом трансформационном процессе. Вызывая к жизни литературную пародию, история в своем поступательном движении затемняет ее основоположные формы, которые могут быть восстановлены только в результате отслаивания смысловых добавок, получаемых ими на каждом новом шаге идейных преобразований социокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Альтман Моисей. *Достоевский. По вехам имен*. Саратов: Саратовский государственный университет, 1975.
- Достоевский Федор. *Братья Карамазовы*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*: В 30 т. Т. 15. Ленинград: Наука, 1976.
- Крученых Алексей. *500 новых острот и каламбуров Пушкина*. Москва: Издание атора, 1924.
- Левинтон Георгий. «Достоевский и “низкие” жанры фольклора». *Wiener Slawistischer Almanach* 9 (1982): 63–82.
- Набоков Владимир. *Отчаяние*. Набоков Владимир. *Собрание сочинений русского периода*: В 5 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000.
- Соловьев Владимир. «Русские символисты». Соловьев Владимир. *Стихотворения. Эстетика. Литературная критика*/Под ред. Н. В. Котрелева. Москва: Книга, 1990: 270–280.
- Сорокин Владимир. *Норма*. Сорокин Владимир. *Собрание сочинений*: В 2 т. Т. 1. Москва: Ad Marginem, 1998.
- Тынянов Юрий. «О пародии». Тынянов Юрий. *Поэтика. История литературы. Кино*/Под ред. Е. А. Тоддеса и др. Москва: Наука, 1977: 284–310.

⁵ Этот пример неоднократно обсуждался в научной литературе о творчестве Достоевского: Альтман 1975: 222–223; Левинтон 1982: 65–66.

- Фрейденберг Ольга. «Происхождение пародии». *Труды по знаковым системам*. Вып. 6. Тарту, 1973: 490–497.
- Agamben Giorgio. *Profanierungen*/Übers. von M. Schneider. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2005.
- Lachmann Renate. *Erzählte Phantastik. Zu Phantasiegeschichte und Semantik phantastischer Texte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002.
- Radin Paul, Kerényi Karl, Jung C. G. *Der göttliche Schelm. Ein indianischer Mythen-Zyklus*. Zürich: Rhein-verlag Zurich, 1954.

REFERENCES

- Agamben Giorgio. *Profanierungen*/Übers. von M. Schneider. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2005.
- Al'tman Moisej. *Dostoevskij. Po vekham imen*. Saratov: Saratovskij gosudarstvennyj universitet, 1975.
- Dostoevskij Fedor. *Brat'ya Karamazovy*. Dostoevskij Fedor. *Polnoe sobranie sochinenij*: V 30 t. T. 15. Leningrad: Nauka, 1976.
- Frejdenberg Ol'ga. «Proiskhozhdenie parodii». *Trudy po znakovym sistemam*. Vyp. 6. Tartu, 1973: 490–497.
- Kruchenyh Aleksej. *500 novyh ostrot i kalamburov Pushkina*. Moskva: Izdanie avtora, 1924.
- Lachmann Renate. *Erzählte Phantastik. Zu Phantasiegeschichte und Semantik phantastischer Texte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002.
- Levinton Georgij. «Dostoevskij i «nizkie» zhanry fol'klora». *Wiener Slawistischer Almanach* 9 (1982): 63–82.
- Nabokov Vladimir. *Otchayanie*. Nabokov Vladimir. *Sobranie sochinenij russkogo perioda*: V 5 t. T. 3. Sankt-Peterburg: Simpozium, 2000.
- Radin Paul, Kerényi Karl, Jung C. G. *Der göttliche Schelm. Ein indianischer Mythen-Zyklus*. Zürich: Rhein-verlag Zurich, 1954.
- Solov'ev Vladimir. «Russkie simvolisty». Solov'ev Vladimir. *Stihotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika*/Pod red. N. V. Kotreleva. Moskva: Kniga, 1990: 270–280.
- Sorokin Vladimir. *Norma*. Sorokin Vladimir. *Sobranie sochinenij*: V 2 t. T. 1. Moskva: Ad Marginem, 1998.
- Tynyanov Yurij. «O parodii». Tynyanov Yurij. *Poetika. Istoriya literatury. Kino*/Pod red. E. A. Toddesa i dr. Moskva: Nauka, 1977: 284–310.

Игор Смирнов

О ТЕОРИЈИ ПАРОДИЈЕ

Резиме

У чланку се истражује појам пародије у књижевности и социокултури с посебним акцентом на *parodia sacra*. Разматрају се поступци негативног мимезиса, помоћу којих пародија преузима смисао од претекста (преносно значење оригинала постаје буквално; пренос значења, који се одбија у изворном тексту, даје се као потпуно немотивисан).

Кључне речи: пародија, *parodia sacra*, мимезис, смех, карневал, трикстер.

Марк Липовецкий
Колумбийский ун-т, Нью-Йорк (США)
ml4360@columbia.edu

Mark Lipovetsky
Columbia University, New York (USA)
ml4360@columbia.edu

ТЕОРИЯ ТРИКСТЕРА

THEORY OF TRICKSTER

На основе обзора научной литературы о мифологическом трикстере и его «потомках» (дураке, шуте, воре, юродивом, плуте, авантюристе, самозванце) в статье предлагается концепция трикстер-тропа. Трикстер-троп — это «формула», которая актуализирует устойчивые черты трикстера, окружая их богатым спектром вариаций и модификаций.

Ключевые слова: трикстер, дурак, шут, юродивый, вор, плут, авантюрист, самозванец.

By summarizing of scholarship on the mythological trickster and its “descendants” (fool, jester, thief, holy fool, picaro, adventurer, imposter), the article develops the concept of the trickster-trope. The trickster-trope — is the “formula” that isolates constant characteristics of the trickster while surrounding them with a rich spectrum of changeable variations and modifications.

Keywords: trickster, fool, jester, holy fool, thief, picaro, adventurer, imposter.

Мифологический трикстер: хаос и свобода

Говоря о трикстерах, необходимо провести границу между *мифом*, *социокультурными амплу* и *тропом*. Первый, само собой, формируют повествования о трикстерах, принадлежащих мифологии и фольклору. Таков Тот в египетской мифологии, Гермес и Прометей в греческой, Ананси, Легба, Эшу и Оро-Юругу в африканском фольклоре, Койот, кролик Манабозо или Вискодьяк у североамериканских индейцев, Локи в скандинавском фольклоре, Ворон — в палеоазиатском, братец Кролик в фольклоре афроамериканцев. А также Панч и Джуди, Арлекин, Петрушка, Иван-дурак, Тиль Уленшпигель, Рейнеке-лис, Гершеле Острополер, Кицунэ (лиса-обо-

ротень) и многие другие легендарные и фольклорные персонажи народов Европы и Азии. К этому же ряду принадлежит и образ дьявола, в том виде, в каком он вошел в европейский фольклор и отразился в фаблю и новеллах Ренессанса, а затем дошел до таких произведений современной эпохи, как «Хромой бес» Алена Рене Лесажа, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя или «Братья Карамазовы» Достоевского.

Фольклорная модель трикстера породила целый ряд более поздних *социокультурных амплуа* — трикстерских «ролей и положений», таких, как плут, дурак, шут, самозванец, вор, иногда юродивый и т. д. (см. о них ниже). Все они отличаются и друг от друга, и от их общего первоисточника — трикстера как мифологического героя — однако всех их объединяет некий «общий знаменатель» — набор черт, в той или иной степени восходящих к мифологическому трикстеру. Этот набор качеств, разумеется, никогда не остается постоянным: где-то он представлен более полно, где-то — менее. Именно этот достаточно абстрактный инвариант мы и назовем *трикстер-тропом*. Его составляет комплекс черт трикстера, которые, с одной стороны, достаточно устойчивы, чтобы опознаваться как трикстерские. А с другой — достаточно подвижны, чтобы вмещать в себя новые смыслы и соотноситься с новыми контекстами.

Мифологический (фольклорный) трикстер описан в деталях, а вот трикстер как троп, производный от социокультурных амплуа, — изучен гораздо хуже. Но выйти к пониманию тропа как некоего инварианта свойств персонажей-трикстеров в мифологии и фольклоре, а также их производных в культуре, можно только через анализ тех и других. К счастью, нет недостатка в блистательных трудах, осуществивших анализ конкретных типов трикстера, так что мне остается только обобщить их.

Хотя библиография трудов о трикстере как мифологическом и фольклорном персонаже насчитывает сотни названий, фактическое изучение этого мифа началось только в 1956 году, когда вышла книга Пола Радина *Трикстер: Исследование мифологии американских индейцев*¹. Антропологи XIX и первой половины XX века, отметив амбивалентность фигуры трикстера в фольклоре и мифологии, пытались объяснить «низменные» черты трикстера либо тем, что в нем происходит деградация культурного героя (Д. Бринтон), либо недоразвитостью архаических культур, лишенных альтруистических ценностей (Ф. Боас). Последняя точка зрения — в несколько трансформированном виде — представлена и в статье К.-Г. Юнга, включенной в книгу Радина. Юнг понимает трикстера как «отражение самого первобытного состояния» (Радин 1998: 277), которое трикстер представляет как коллективную «тень» (в параллель к индивидуальной). Отсюда следующее определение: «трикстер есть коллективный теневой образ, воплощение всех низших черт индивидуальных характеров. А поскольку индиви-

¹ См. краткую историю изучения трикстеров в фольклористике и антропологии: Doty and Hynes 1993; Babcock-Abrahams 1975; Lowie 1909.

дуальная тень присутствует в составе личности, коллективный образ может постоянно пользоваться ею для воссоздания себя. Конечно, не всегда в виде мифологического персонажа, но часто, вследствие растущего подавления и забвения изначальных мифологем, как соответствующая проекция на разные социальные группы и народы» (Радин 1998: 285).

В понимании соседей Юнга по книге, американского фольклориста Пола Радина, собравшего обширную коллекцию фольклора индейцев, и ученого-классика Карла Кереньи, венгерского эмигранта и признанного специалиста по античной мифологии, то, что Юнг относит к «теневого» сущности трикстера, ассоциируется с образом *хаоса*. Кереньи однозначно описывает трикстера как «духа беспорядка, противника границ» (Радин 1998: 257). Философское значение мифологии трикстера он видит именно в поддержании связи с этими понятиями: «Беспорядок — неотъемлемая часть жизни, и Трикстер — воплощенный дух этого беспорядка. Его функцией в архаическом обществе, вернее, функцией мифологических сюжетов, о нем повествующих, является внесение беспорядка в порядок, и таким образом, создание целого, включение в рамки дозволенного опыта недозволенного» (Радин 1998: 257).

Но зачем же нужно вносить беспорядок в порядок, а недозволенное в дозволенное? Ответ Кереньи о «создании целого» звучит не слишком убедительно. Однако, нетрудно продолжить его мысль: беспорядок, который вносит трикстер, — это *архаический эквивалент свободы*, причем именно индивидуальной свободы, поскольку мифологический трикстер — всегда жуткий эгоист, движимый только своим аппетитом — в буквальном и сексуальном смыслах. Трикстер, таким образом, выступает как некий стихийный анархист, интуитивно убежденный в том, что любую границу необходимо пересечь, любое табу нарушить, а любой порядок, чтобы сохранить жизнеспособность, должен включать в себя возможности для беспорядка. Эта философия очень близка бахтинской философии карнавала (о которой Кереньи еще не мог знать, поскольку писал свой текст до 1956 года, а первая публикация книги Бахтина о Рабле — 1965 год); недаром сразу же после процитированных слов Кереньи пишет: «Эти функции сознательно продолжает плутовской роман. Рабле своим великим непристойным романом отстаивает интересы гуманистической традиции перед напором средневековых форм жизни» (Радин 1998: 257).

Пол Радин разворачивает тему хаоса иначе — объясняя трикстера как клубок неразрешимых противоречий, как воплощенную амбивалентность — этот подход близок и современным исследователям: «Трикстер одновременно предстает как творец и разрушитель, дающий и отвергающий, обманщик и жертва обмана. У него нет сознательных желаний. Его поведение всегда диктуется импульсами, над которыми сам он не властен. Он не знает ни добра, ни зла, хотя и несет ответственность и за то, и за другое. Для него не существует ни моральных, ни социальных ценностей; он руководствуется лишь собственными страстями и аппетитами, и, не-

смотря на это, только благодаря его деяниям все ценности обретают свое настоящее значение» (Радин 1998: 7–8). Обратим внимание на финальный «поворот винта»: трикстер аморален, асоциален, стихиен, бессознателен и, тем не менее, он актуализирует все важнейшие ценности. Его «хаотичность» необходима для полной реализации смысла мироздания.

Таким образом, с самых ранних подходов к изучению трикстера обозначилось понимание этой фигуры как воплощения *неразрывной связи хаоса и свободы*: созидательного беспорядка и разрушительного своеволия в одном лице.

Разумеется, хаос — это только метафора, причем многозначная. У Кереньи хаос означает нарушения табу и законов. У Радина — подрыв символических оппозиций (творец — разрушитель, добро — зло, обман — жертва обмана). Роберт Пелтон, автор классической книги о трикстере в фольклоре Западной Африки, видит в трикстере философскую модель архаической эпистемологии — того, как традиционные культуры осваивают все, что противоречит существующим представлениям о мире или воспринимается как аномалия: «Его [трикстера] присутствие — в нарративе, танце, фаллическом образе, магии или «душе» — представляет безграничное насыщение структуры сырой и бесформенной информацией, а также безграничную уверенность в том, что этот процесс подлинно конструктивен» (Pelton 1980: 252).

Новое понимание *свобода* трикстера приобретает после публикации трудов Клода Леви-Стросса по структуре мифа, где именно трикстеру отводится роль медиатора, обеспечивающего сокращение дистанции между организующими миф бинарными оппозициями. Скажем, оппозиция между живым и мертвым «снимается» вороном, питающимся падалью. По мнению ученого, «трикстер тоже является медиатором, а потому-то в нем остается что-то от двойственной природы, которую он должен преодолеть. Отсюда двусмысленность и противоречивость его характера. Но трикстер — это не единственный способ осуществления медиации» (Леви-Стросс 2001: 237).

Такова парадигматика мифа, но на синтагматическом уровне, на уровне повествования, медиация, осуществляемая трикстером, по-своему уникальна, поскольку она помещает этого персонажа *вне* оппозиций, в положении непринадлежности ни к одной из них, при соотносимости с каждой. Как отмечала Б. Бэбкок-Эбрамс, «в соответствии со дуальной ролью созидателя/разрушителя, трикстеры занимают амбивалентное положение между жизнью и смертью, добром и злом, что нередко представляется символикой белого и черного цветов, ассоциируемых с ними» (Babcock-Abrahams 1975: 160). По мнению этой исследовательницы, трикстер воссоздает и сам глубоко укоренен в ритуальных «антиструктурах» символической *маргинальности и лиминальности*, описанных Виктором Тернером.

Напомним, что, по Тернеру, пребывание в лиминальных состояниях сопряжено с особой свободой от социальных норм и законов. Тернер писал:

«Я использовал термин *анти-структура* по отношению к племенным и сельскохозяйственным обществам для описания состояний лиминальности и того, что я назвал *коммуниас*. Под анти-структурой я не имел в виду структурное переверачивание, зеркальное подобие “профанной”, повседневной социо-экономической структуры или фантазию об отказе от структурных “необходимостей”, но освобождение человеческих возможностей в области познания, аффекта, воли и творчества от нормативных ограничений, связанных с местом в социальной системе, исполнением социальных ролей и принадлежности к семье, племени, роду, клану, нации и т. п. [...] Революции, насильственные или ненасильственные, могут быть восприняты как широкомасштабные лиминальные состояния, по отношению к которым лиминальные фазы племенных обрядов инициации послужили прототипом или предчувствием» (Turner 1992: 44).

Но раз такова семантика лиминальных состояний, то ее воплощает и трикстер с его нарушениями табу и постоянными покушением на социальные нормы и авторитеты. «Лиминальные персонажи никогда ни тут, ни там: они обитают в промежутке между позициями, определенными и предписанными законом, обычаем, условностями или ритуальным порядком» (Ibid., 95). Бэбкок-Эбрамс подчеркивает, что «по контрасту с козлом отпущения или трагической жертвой, трикстер принадлежит к комической модальности или маргинальности, при которой нарушения [табу, границ] вызывают лишь смех...» (Babcock-Abrahams 1975: 153). Однако пределом лиминальности становится страшное состояние *homo sacer*'а (по Дж. Агамбену) — того, кого можно убить, но нельзя принести в жертву. В истории советского трикстера именно это состояние воплотит такой трагикомический трикстер, как Веничка из *Москвы-Петушков* Венедикта Ерофеева.

Каковы же более или менее устойчивые характеристики мифологического трикстера? Уильям Хайнс называет следующие шесть «признаков»:

1. *Двузначность и аномальность*: трикстер «не ограничен той или иной стороной бинарной оппозиции [...] Нарушая все границы, трикстер характеризуется быстрыми и импульсивными движениями вдоль и поперек разделительных линий, причем его преступления практически всегда остаются безнаказанными» (Hynes 1993: 15).
2. *Обман и другие трансгрессии*: «трикстер выступает как *prima causa* любых нарушений порядка, неудач и непристойностей» (ibid, 16) — обмана, разрушения, воровства, розыгрышей, разного рода сексуальных эскапад;
3. *Оборотничество*: проделки трикстера непосредственно связаны с его способностью менять облик и притворяться кем-то другим; его превращения также могут быть связаны со сменой пола (как у японской лисы-оборотня Кацунэ);
4. *Выворачивание любой ситуации наизнанку* (*situation-inverter*): эта характеристика касается не только способности трикстера выходить сухим из воды в самых невозможных передрягах, но и подчер-

кивает его «соприродность» карнавальской культуре с ее инверсиями и мезальянсами; как пишет Хайнс, для трикстера «ничто не “чересчур.” Никакой порядок не устойчив, никакое табу не священо, никакой бог не неприкосновенен, никакая профанация не слишком непристойна, чтобы не испробовать ее. То, что доминирует, должно опуститься на дно, а то, что было на дне, должно занять верховное место; все выворачивается наизнанку, внутреннее и внешнее меняются местами в этой бесконечной череде непредсказуемых поступков» (Hynes 1993: 17).

5. *Посланник и имитатор богов*: «трикстер часто оказывается проводником умерших в царство смерти и медиатором между жизнью и смертью» (40); он также становится медиатором между богами и людьми, выступая как «уникальный мифологический механизм, позволяющий человеческой культуре приобрести сакральную власть, не нарушая при этом табу»² (Hynes 1993: 40).
6. *Бриколаж священного и похабного (sacred and profane bricoleur)*: действуя методом бриколажа, трикстер «находит похабное в сакральном, а сакральное в похабном и извлекает новую жизнь из того, и другого» (Hynes 1993: 42). В этом свете особую роль играет гиперсексуальность трикстера, его телесные нужды и непомерные аппетиты, его гениталии и экскременты как материал для преобразований в сакральное.

В целом, каталог Хайнса вообрал в себя труды исследователей трикстера во многих культурах: он ссылается на трикстеров древнегреческой мифологии (Гермес) в фольклоре индейцев, африканцев и восточноевропейских евреев (Гершеле). Правда, есть, по крайней мере, еще одна характеристика мифологического трикстера, которая не попала в список Хайнса, хотя безусловно заслуживает внимания. Так, например, уже упомянутый Роберт Пелтон в своей книге про западноафриканских трикстеров пишет, что трикстер Эшу в религии йорубы «лучше всех жонглирует словами» (Pelton 1980: 223), а Ананси «может “читать” слова, спрятанные в мыслях Ниаме [верховного божества] и считается мастером слова» (ibid., 224). При этом дискурс трикстера одновременно является сакральным и профанным: с одной стороны, трикстеры придают священному свежесть новизны, с другой, неизменно окружают сакральное смехом.

Развивая идеи Пелтона, Х. Л. Гэйтс следующим образом объяснял значение западноафриканских трикстеров: «Ифа — бог определенных значений, но их можно передать только с помощью аналогий. Эшу — бог неопределённости, и это он управляет интерпретационным процессом; он бог интерпретации, поскольку олицетворяет двусмысленность образного языка [...] Если Эшу воплощает дискурсивную подоплеку текста, то его все-

² Эта точка зрения подробно развернута в трудах Л. Макариус. См., например: Makarius 1993.

африканский родственник Обезьяна представляет риторические стратегии, из которых состоит каждый текст» (Gates 1988: 25–26). Л. Хайд продолжает уже о североамериканских трикстерах: «Трикстер изобретает сюжетостроение как творчество, а симуляцию и обман как методы игрового конструирования вымышленных миров; он медиатор, который оперирует ложью, которая оборачивается правдой, обманом, который становится прозрением» (Hyde 1998: 45, 72). По характеристике У. Хайнса, «трикстер напоминает нам об искусственности любой конструкции [...], о том, что жизнь бесконечно нарративна и незавершима [...] Логике порядка и конвергенции, то есть логос-центризму или логоцентризму трикстер противопоставляет другой путь, — непредсказуемую и расходящуюся на тропки траекторию профанирующего метаигрока — трикстера» (Hynes 1993a: 212, 218). А по мнению еще одного участника сборника о мифологических трикстерах, Э. Доухи, истории о трикстерах с древнейших времен формируют особый тип дискурса — возможно, первый *осознанно амбивалентный* дискурс в истории культуры: «...текст открывается для множества значений вместо одного определенного, причем ни одно из этих значений не является исключительно “правильным”, поскольку по мере того, как развивается нарратив в трикстерских рассказах, конвенциональные уровни значений утрачивают релевантность <...> Язык становится семиотической деятельностью. В этой игре, осуществляемой с помощью и на материале означающих, значение становится возможным только благодаря открывающемуся пространству *между* означающими» (Doueuhí 1993: 199).

Отсюда возникает мысль о мифологическом трикстере как о *древнейшей метафоре творческих возможностей языка*. Пелтон пишет: трикстеры создают «язык о любом языке, и поэтому их экстравагантность, их “блуждания” за границы обыденных дискурсов — ритуальных, космологических или семейных — не являются ни оправданием, ни опровержением этих дискурсов, а тем и другим одновременно» (Pelton 1980: 266). Х.-Л. Гейтс развивает эту мысль в постструктуралистской терминологии: «Эшу воплощает свободную игру или элемент неопределенность внутри текстуальной вселенной ифы [религия йорубы]. Эшу бесконечно смещает значение, откладывая его игрой означающих. Эшу сам является элементом смещения и отсрочки, а также знаком этих процессов. [...] То, что Соссюр говорит о языке, относится и к Эшу: он представляет собой “дифференциальную сеть значений”» (Gates 1988: 46–47). Трикстер таким образом вносит в мифологию автореференциальность, он представляет своего рода «метапозицию», которая обнажает сам процесс порождения мифа, мощь и иллюзорность конструкций, созданных исключительно языком.

Опираясь на эти суждения, можно добавить еще одну, седьмую, характеристику мифологического трикстера:

7. *Власть над словом, повествованием, дискурсом*: трикстер раскрывает творческий и субверсивный потенциал, скрытый в языке, иногда выступая метафорой языка и повествования в целом.

Возникает вопрос: сохраняются ли эти характеристики трикстеров в тех культурных моделях, которые вырастают на фундаменте мифологии, становясь устойчивыми социокультурными амплуа домодерной культуры, а затем и модерности? Разумеется, мой охват этих культурных ролей будет заведомо неполным, а их анализ — предельно схематичным: опираясь, на существующую научную литературу, я буду отмечать главным образом модификации и трансформации первоначального «генетического кода», идущего от трикстерского мифа. Таким путем я надеюсь добраться до «формулы» трикстер-тропа в культуре модерной эпохи.

Дурак и шут. Юродивый?

Дурак или шут, а также скоморох, средневековый жонглер или современный клоун, воспроизводят древнейшее и, возможно, самые устойчивые формы наследования трикстерскому мифу. Если дурак принадлежит фольклорной культуре и, в частности, карнавалу во всех его национальных вариациях; то шут представляет собой более позднюю «профессионализацию» этой культурной функции в поле власти или «официальной культуры». В каждом из этих персонажей нетрудно найти весь комплекс характеристик мифологического трикстера. Однако к ним добавляются некоторые новые элементы.

В одной из относительно ранних работ на эту тему, книге Энид Велсфорда *Дурак: Его социальная и литературная история* (1935), дурак и шут еще не разведены и рассматриваются как единый культурный тип, что, безусловно, оправдано общей генетикой этих амплуа. Дурак в книге Велсфорда непременно возбуждает смех, часто становясь объектом шутки — «тем, кто получает пощечины», по выражению Иоанна Златоуста (Welsford 1935: 314). В этом смысле, утверждает ученый, *смех, вызываемый дураком, лечит социальные травмы*, осуществляя своеобразную терапию: «Насколько утешительно знание того, что удары всегда безвредны и что жертва побоев остается невредимой, и что сама смерть оказывается фальшивкой, и во всем мире не найдется дерева, на котором можно было бы повесить дурака» (ibid., 315). Эти рассуждения несомненно перекликаются с бахтинскими характеристиками карнавальской культуры, превращающей каждое унижение в начало восходящего движения, смерть — в источник новой жизни, а все страшное — в смешное: «народно-праздничный смех включает в себя момент победы не только над страхом перед потусторонними ужасами, перед священным, перед смертью, — но и над страхом перед всякой властью, перед земными царями, перед земным социальным верхом, перед всем, что угнетает и ограничивает» (Бахтин 2010: 105).

Не зная друг о друге, британский профессор и советский мыслитель связывали с дураком и карнавальными дурачествами источник *оптимизма* и того, что много позднее Вацлав Гавел назовет «*властью безвластных*»³.

³ См.: Havel 1985: 23–96.

При этом торжество дурака над властью ограничено либо границами карнавала, либо границами импровизированного или полупрофессионального представления за пределами карнавала. Дурак контркультурен, но его микрореволюция вписана в символический порядок общества и, в сущности, служит поддержанию этого порядка. Именно в этом контексте понятно высказывание Велсфорда, подчеркивавшего «В сущности, в клоунаде нет аморализма, святотатства или бунтарства. Напротив, дурачество может функционировать как социальный механизм, допускающий критику власти, открывающий клапан для недовольных и непослушных и питающий чувство секретной духовной независимости от жестокой тирании обстоятельств» (Welsford 193: 317).

Еще более показательно совпадение между Велсфордом и Бахтиным в описании того, как функционирует карнавальный клоун за пределами карнавала. Велсфорд подчеркивает, что дурак создает иллюзию пребывания в «точке покоя» — стабильной, вечной и неподвластной токам истории позиции, что наделяет этого персонажа функцией «отвлеченного наблюдателя» и что само по себе является источником комизма и смеха: «Сценический клоун так же естественно отчужден от пьесы, как придворный шут отчужден от социальной жизни; оттого же место дурака в литературе, как правило, ограничено эпизодом или голосом, звучащим извне, а не изнутри ситуации...» (Welsford 193: 310). Близкую мысль, но значительно более масштабно высказывает и Бахтин — но не в книге о Рабле, в «Формах времени и хронотопа в романе», написанной в 1937–1938 гг., также говоря о функциях плута, шута, дурака за пределами карнавала:

«Им присуща своеобразная особенность и право — быть чужими в этом мире, ни с одним из существующих жизненных положений этого мира они не солидаризуются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения. Поэтому они могут пользоваться любым жизненным положением лишь как маской. У плута еще есть нити, связывающие его с действительностью; шут и дурак — “не от мира сего” и потому имеют особые права и привилегии» (Бахтин 1975: 309).

Таким образом, по Бахтину, «неотмирность» трикстера порождает эффект «внеаходимости», в котором ученый видит источник позиции автора в романе нового времени. Несомненно, «право быть чужим» также является источником комического остранения, хотя Бахтин об этом и не пишет.

Эта мысль неожиданно получает продолжение в книге Джорджио Агамбена *Пульчинелла*, посвященной не только этому карнавальному дураку, ставшему постоянным персонажем *comedia del'arte*, но и серии рисунков Джанбатиста Тьеполы, изображающих Пульчинеллу. В частности, Агамбен определяет роль Пульчинеллы через понятие парабазиса. Парабазис — элемент античной комедии, «буквально означает уход в сторону, отклонение, трансгрессию — указывает на ту часть театрального представления, когда действие остановлено, актеры покинули сцену, и хор, сняв маски обернувшись прямо к аудитории, становится тем, чем он был

изначально — *komos*, веселую и безнаказанно буйную дионисийскую процессию» (Agamben 2018: 41). Отсюда — следующее описание театральных спектаклей с участием Пульчинеллы:

«Несмотря на стереотипный псевдосюжет, в комедии Пульчинеллы остается только парабазис, Пульчинелла не принимает участия в пьесе, он всегда прерывает ее, он всегда уже покинул ее, уйдя куда-то вбок или умчавшись вперед. Он есть чистый парабазис; выход со сцены, выход из истории (history), из глупой и нелепой фабулы (story), только сковывающих его. В жизни людей — и в этом состоит его учение — самое важное — это найти путь к бегству. Ведущему куда? К источнику. Потому что источник всегда скрыт в середине [mezzo] — он существует только как разрыв непрерывности действия (interruption). И только разрыв оказывается путем к бегству.

Ubi fracassorium, ibi fuggitorium — где катастрофа, там и выход» (ibid., 43).

Несмотря на различия в терминологии, думается, Велсфорд, Бахтин и Агамбен говорят об одном и том же свойстве дурака. Отчужденность, вненаходимость и парабазис помещают дурака в *метапозицию*, воплощающую свободу «посреди» культурных и социальных конвенций — в их разрыве. Эта метапозиция многим перекликается с лиминальностью. Однако Тернер связывает лиминальность с анти-структурными ритуалами — «ритуалами переворачивания статуса, а также практиками, возникающими внутри движений, в которых доминирующая роль принадлежит структурным аутсайдерам» (Turner 1992: 200). Эти антиструктуры (яркий пример — бахтинский карнавал), являются инверсией символического порядка, праздниками непослушания, торжеством хаоса и свободы. Погружая все общество в состояние лиминальности, они, тем не менее, всегда сбалансированы в культуре ритуалами, утверждающими социальный порядок и стратификацию. Дурак же внедряет антиструктурные элементы в самую ткань социального и культурного порядка, выявляя, а иногда и создавая лиминальные зоны внутри иерархий и стратификаций. Его свобода основана не на инверсии, а на деконструкции — иначе говоря, на подрыве структуры путем обнажения и обыгрывания ее внутренних противоречий, размыванием оппозиций не извне, а изнутри. Как мы увидим ниже, способность создавать и занимать метапозицию внутри социального и символического порядка характеризует не только карнавального дурака, но и другие трикстерские амплуа.

Эти черты несомненно сохраняет и придворный шут. Метапозиция становится *привилегией* шута. По мнению Б. Отто, позиция шута воплощала не столько «власть безвластных», сколько служила своеобразным социальным лифтом, позволяющим людям низкого происхождения приобретать влияние при дворе: «В Европе право придворного шута говорить правду основывалось на его (или ее) статусе дурака. По крайней мере так было в теории; на практике довольно часто было достаточно надеть на себя наряд дурака, чтобы обрести это право. Способность прикидываться дураком могла стать выгодным бизнесом...» (Otto 2001: 36). «Неотмирность»

шута часто подчеркивалась либо анатомическими деформациями («гротескное тело» по Бахтину), либо безумием (реальным или имитируемым).

При этом, вопреки традиции, думается, не следует слишком преувеличивать значение «правды», высказываемой шутом. Во-первых, потому что все-таки главной функцией этого персонажа было развлечение и грубые шутки, вызывающие смех. Во-вторых, правда скорее соотносится с трансгрессией и нарушениями табу — что являлось обязанностью трикстера как ритуального клоуна во многих культурах (карнавальный дурак не исключение). «Неспособность или нежелание воспринимать, понимать и вести себя в соответствии с нормальным порядком вещей ведет шута к нарушению различных границ. В этих трансгрессиях он одновременно терпит поражение и переживает триумф», — пишет Вильям Виллефорд (Willeford 1969: 27). Развивая его мысль, можно утверждать, что, терпя поражение, шут неизменно вызывает смех, который в свою очередь обнажает условность и сконструированность социальных и иных норм — и именно этот эффект является триумфом шута.

В этом смысле придворный шут верен мифологической традиции. Как писала Л. Макариус, «трикстер является мифологической проекцией волшебника, который в реальности или воображении нарушает табу в интересах группы, добывая лекарства или талисманы... Тем самым трикстер играет роль основателя ритуалов того общества, к которому он принадлежит» (Makarius 1993: 73). Сакральность трикстера, в интерпретации Макариус, «не имеет ничего общего ни с добродетелью, ни с умом, ни с достоинством, а проистекает из нарушений [табу], благодаря которым он приобретает магические силы и идентифицируется с “сакральным”» (ibid., 1984).

Проецируя эти характеристики на трансгрессии придворного шута, нетрудно увидеть в нем *пародийного двойника власти*. По точному выражению Бахтина: «Шут и дурак — метаморфоза царя и бога, находящихся в преисподней, в смерти» (Бахтин 1975: 311). О. М. Фрейденберг вообще видела во всех проявлениях трикстера двойнические отношения с властью — а значит, с богом:

«Раб-слуга и шут-слуга становится дублером, карикатурой и пародией своего “господина”, который стадийно заменяет “бога”. В простонародном обряде такой слуга выводится грубым и нахальным малым, который издевается над своим хозяином; если проследить здесь за его ролью, нетрудно вскрыть, что под нею лежит сатурнический элемент и образ “царя-раба” [...] Он хвастлив, полон трусости, падок до всего низменного — женщин, вина, денег; зачастую он вор и сводник. Веселость — его первая отличительная черта; плутовство — вторая. [...] То он сознательно промышляет своей глупостью, непрерывно плутуя, и создается “народный” тип Тиля Эйленшпигеля или всех одурачивающего Скапена-Сганареля; то в программу его плутовства входят и более серьезные пороки, — и выходит знаменитый тип испанского пикара» (Фрейденберг 1997: 215).

Будучи «негативом» царя и бога, шут выявляет амбивалентность, противоречивость и скрытый комизм самой власти. Более того, шут своим

двойничеством подчеркивает принципиально трансгрессивный характер верховной власти, стоящей *вне* законов, ее представляющих. Двойнические отношения между царем и шутотом предполагают и обратный феномен — шутотство царя, гротескно совмещающее безграничную власть с иллюзией смирения и безвластия. Д. С. Лихачев, проанализировав стилевое и поведенческое лицедейство Ивана Грозного, отмечал:

«В своих сочинениях Грозный проявляет ту же склонность к “переодеваниям” и лицедейству. То он пишет от имени бояр, то придумывает себе шутотской литературный псевдоним — “Парфений Уродливый” — и постоянно меняет тон своих посланий: от пышного и велеречивого до издевательски подобострастного униженного [...] Сопроводить казнь шутоткой, отказ шутоткой, в шутливой форме просить шутотского царя Симеона совершить одну из самых крупных массовых казней — «перебрать людишек» — все это, конечно, не столько стиль произведений, сколько стиль поведения, при котором произведение — только часть создаваемой, а иногда и разыгрываемой жизненной ситуации. Резко выраженные особенности стиля Грозного [...] несут в себе не столько элементы литературной традиции, сколько традиции скоморошества» (Лихачев и др. 1984: 27, 35)⁴.

Вместе тем, в придворном шуте актуализируется трикстерская *власть над словом*, отчего «шут часто ассоциируется с поэтом» (Otto 2001: 15). Как отмечает Отто, существует немало примеров, когда функции шута и придворного поэта совмещались или гибридизировались (например, у скандинавских скальдов): «Связь между шутотом и поэтом была двусторонней, и квалификации хорошего шута включали способность импровизировать в стихах, дразниться и обзывать в рифму. Поэтические приемы являлись насущной частью шутотского арсенала во все времена» (ibid.).

Производными от ритуального клоуна и от карнавального дурака являются такие *сказочные персонажи*, как дурак и вор. Вор практически неотличим от карнавального дурака за единственным исключением, что его главным «трюком» является собственно воровство. Как писал А. Д. Сивянский:

«Сказочный вор не имеет (или почти не имеет) никакого отношения к тем вора́м, которые промышляли в реальной жизни. Стоит обратить внимание, что сказочный вор нисколько не скрывает своей профессии, а открыто о себе заявляет: “Я — вор”. Далее, воровство для него — это не способ наживы или устройства лучшей жизни, как думал Трубецкой, а — самоцель. Иными словами, чистое искусство, которое он демонстрирует. Да и зрители или слушатели сказки интересуются и восхищаются не тем, что Вор украл или сколько он украл, а тем, как он это сделал. А делает он это каким-то невероятно хитроумным и удивительным образом, что и становится предметом эстетики. Его воровство или обман (а воровство постоянно связано с обманом) это некий замысловатый художественный трюк [...] Поскольку воровство в сказке выполняет чисто игровую, развлекательно-эстетическую

⁴ С. А. Иванов, скорее видит в поведенческой стратегии Ивана Грозного совмещение «царственности» с ролью юродивого: см. Иванов 2005: 265–77.

функцию, в роли Вора могут выступать и многие другие сказочные персонажи — допустим, просто мужик, или солдат, или даже Иван-царевич, или, наконец, разные животные — чаще всего Лиса, прославленная своею хитростью. И это не апофеоз безнравственности, но торжество эстетики» (Синявский 1991: 48–49).

Парадоксальным образом, именно небескорытность трюка подчеркивает его сугубо *эстетическую природу*⁵ — самодостаточно эффективное нарушение табу; а то, что это табу касается собственности или богатства — второстепенно. Импрессионистические наблюдения Синявского подтверждает и В. Я. Пропп: «Сказочный вор отнюдь не изображается как уголовник. Это веселый артист своего дела. Он умеет воровать яйца из-под птицы, но пользуется своим искусством только для того, чтобы оставить в дураках барина» (Пропп 2002: 79). Рядом со сказками о ворах Пропп ставит сказки о животных, сатирические сказки, а также народные анекдоты, фации, шванки и фабль, подчеркивая: «в сказках всегда, без всяких исключений, морально оправдан хитрец и шутник, и все симпатии слушателя или читателя на его стороне, а не на стороне обманутого. Оставить в дураках — таков главнейший прием фольклорной сатиры» (Пропп 2002: 78). Крайне характерно, что Пропп завершает обсуждение этих жанров анализом сказок о шутах⁶.

Важнейшей особенностью сказочного трюка, основанием его артистизма, становится особого рода «диалогизм», о котором писала Е. С. Новик:

«...во всех трюках при всем их внешнем разнообразии складывается одна и та же ситуация: успех трикстера полностью зависит от действий антагониста, и потому его собственные действия направлены на то, чтобы, маскируя свои цели или предлагая антагонисту мнимые цели, моделировать его ответные реакции, управлять его поведением в выгодном для себя направлении. Для этого он, однако, должен все время учитывать не только свои интересы, но и интересы антагониста (второго субъекта) — его цели, желания, мотивации, способы действовать. Трусливого трикстер пугает, хвастливому льстит, спесивого раздражает, сильному демонстрирует свою готовность подчиниться, жадному предлагает внешне выгодную сделку и т. д.

Дело здесь, конечно, не в нравоучительном пафосе, не в изложении «правил житейской мудрости» и тем более не в психологических тонкостях движений чувств и мыслей персонажей, а в принципиальной внутренней диалогичности трюка. Собственно, именно это умение трикстера взглянуть на ситуацию с двух сторон, с двух противоположных точек зрения — своей и чужой ... и обеспечивает его успех, а тот, кто слепо преследует только свою собственную цель без оглядки на ожидания и мотивации “другого”, обречен на неудачу или гибель» (Новик).

Своим «диалогизмом», т. е. способностью совмещать разные точки зрения, временно «превращаясь» в своего антагониста, сказочный плут

⁵ Ср. англоязычное выражение con-artist, относящееся к мошеннику и самозванцу; производное от confidence man — жулик, добивающийся результатов благодаря умению внушать к себе доверие.

⁶ Подробно сказки о шутах рассмотрены в кн.: Юдин 2006: 72–91.

не только сохраняет *оборотничество* архетипического трикстера, но и предвосхищает гиперперформативность пикаро. Связь между сказками и плутовским романом не ограничивается «диалогической» структурой трюка. Е. М. Мелетинский отмечает, что в сказках о плутах, будь они животные или люди, «стихия плутовства является универсальной и, в сущности, господствует всеобщая “трикстериада”. Эта атмосфера трикстериады сама по себе является чертой низменного и комического; она создает циническую модель мира и в далекой перспективе возможность сатиры» (Мелетинский 1986: 228).

Циническая модель мира — это этически окрашенный хаос из мифологии трикстера, и он становится важной составляющей новейших реинкарнаций этого мифа, в том числе, советских (*Одесские рассказы* Бабеля, *Хулио Хуренито* Эренбурга, *Двенадцать стульев* и *Золотой теленок* Ильфа и Петрова) и постсоветских версий этого мифа (см., например, романы В. Пелевина, телесериалы *Домашний арест* Сергея Светлакова и *Мертвые души* Г. Константинопольского, музыкальные видео песен С. Шнурова).

Сказочный же дурак (простак) отличается и от ритуального клоуна и карнавального дурака тем, что он свои трансгрессии, как правило, совершает нехотя, чуть не поневоле — либо по глупости (как дурак из бытовой сказки, следующий ошибочной или абсурдной логике), либо из лени (как Иван-дурак или Емеля в волшебной сказке). Противоречие между желанием героя и эффектом, которого он достигает, становится важнейшим источником смеха. Исследователи объясняют черты сказочного дурака связями с шаманской магией (Синявский, Юдин). Однако для нас важнее то, что сказочный дурак, совпадая с другими трикстерами по многим параметрам (амбивалентность, трансгрессивность, переворачивание ситуации, даже бриколаж священного и похабного), оказывает *мастером хаоса* — его абсурдная логика взрывает повседневные ситуации, выворачивая шиворот-навыворот (и тем самым комически укрепляя) устойчивые основания жизни. В этом смысле сказочный дурак перекликается с юродивым. Как отмечает Ю. Юдин, их связывает мотив без-умия — комического в случае дурака, священного — в случае юродивого⁷.

Является ли трикстером юродивый? А. М. Панченко отвечал на этот вопрос положительно, помещая юродивого рядом с дураком. И действительно, как и карнавальный дурак, юродивый сочетает трансгрессивное «шалование» со смехом: «Осмеяние мира — это прежде всего дурачество, шутовство. Юродивый “все совершает под личной глупости и шутовства”». Но слово бессильно передать его поступки» (Лихачев и др.: 125–126). И. П. Смирнов описывал юродство как православную разновидность карнавальной сакральной пародии: «Показательным для характеристики консервирующих социальных механизмов православного мира может считаться та разновидность карнавала, которую являл собой институт юродства — аналог сакральной пародии. Юродивый подвергает карнавальной транс-

⁷ См.: Юдин. Указ. соч., 103–104.

формации подвиг Христа (низводит пророчества до комических загадок, иногда содержащих языческие мотивы [...]), наказывает побоями вместо исцеления и проч.) и, навлекая на себя осуждающие насмешки толпы, отводит смех от сакральных объектов. Иначе говоря, юродивый присваивает себе способность коллектива к смеху над неколебимыми культурными ценностями...» (Смирнов 1977: 312).

Этим суждениям вторит С. А. Иванов, сопоставляющий юродивого с индейскими трикстерами — ритуальными клоунами: «Типологически ближе всего к юродивому стоят, пожалуй, священные клоуны. Клоун — фигура известная во многих традиционных культурах: на Самоа, у масаев в Африке, в Индии, но особенно у американских индейцев (на северо-западе США он же наделяется чертами ритуального безумца). Слова, написанные одним исследователем о клоуне, вполне могут быть приложены к юродивому: “he is privileged to ridicule, burlesque and defile the most sacred and important ceremonies... licensed to behave as no ordinary mortals would dream of behaving”⁸. Некоторые ужимки индейских клоунов будто подсмотрены у юродивых: например, у племени Мою-Уаqui клоуны безобразничают и кощунничают во время Великого поста; почти все клоуны валяются в грязи, едят экскременты, пьют мочу и т. д. ...» (Иванов 2005: 15)

Вместе с тем, Панченко подчеркивает, что шутовство юродивого — это своего рода трюк, обманный жест, скрывающий серьезное христианское послание: «Юродивый — “мнимый безумец”, самопроизвольный дурачок, скрывающий под личной глупости святость и мудрость» (Лихачев и др. 1984: 127). В сущности, аналогичную точку зрения поддерживает и Иванов: «В настоящей работе юродивым будет именоваться человек, который публично симулирует сумасшествие, прикидывается дураком или шокирует окружающих нарочитой разнузданностью. [...] Разного рода экстравагантность может быть названа юродством лишь в том случае, если ее свидетели *усматривают за ней не просто душевное здоровье или сугубую нравственность, а еще и некую особую мотивацию, отсылку к иной реальности*» (Иванов 2005: 9). Развивая эту мысль, можно сказать, что юродивый создает «затрудненную форму» для христианского поучения, тем самым опять-таки острая его (по Шкловскому) и освещая новым светом, но не меняя по существу.

В соответствие с этой логикой, С. А. Иванов отрицает сходство юродивого с придворным шутом: «Что же касается шута, с которым чаще всего и сопоставляют юродивого, то как раз их сходство весьма поверхностно: да, оба живут в вывернутом, ненастоящем мире, и оба не могут состояться без зрителей. Но при этом [...] шутовство сродни искусству, а юродство искусству чуждо» (Иванов 2005: 16). По его мнению, отношения между юродивым и царем не подрывают авторитет власти, как в случае шута,

⁸ «обладает привилегией высмеивать, лицедействовать и святотатствовать по отношению к самым священным ритуалам... вести себя так, как ни один смертный не мог и помыслить» (Steward 1991: 72).

а напротив, подтверждают ее божественный статус: «Юродство как институт сложилось на Руси одновременно с самодержавием, и это не случайное совпадение. Видимо, “похабы” воспринимались обществом, помимо прочего, как *форма божественного контроля за властью*. Тесные, пусть и двусмысленные, отношения русских юродивых со светскими властителями — отличительная черта “похабов” в сравнении с их византийскими предшественниками» (Иванов 2005: 265).

Противоположность смеховой формы возвышенному смыслу его трансгрессивного жеста (антиповедения) отделяет юродивого от карнавального дурака, для которого никакого разрыва между «формой» и «содержанием» антиповедения не существует. Собственно, именно об этом писали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, полемизируя с Лихачевым и Панченко:

«Поведение юродивого насквозь проникнуто дидактическим содержанием. Характеризуясь индивидуальными связями с Господом, юродивый как бы окружен сакральным микропространством, так сказать, плацентой святости, отсюда становится возможным поведение, которое с внешней точки зрения представляется кощунственным, но по существу таковым не является [...] то обстоятельство, что юродивый находится в сакральном микропространстве, придает его поведению характер перевернутости для постороннего наблюдателя, находящегося в грешном мире. [...] Характеристики антиповедения переносятся при этом с действующего лица на зрителей: поведение юродивого превращает игру в реальность, демонстрируя нереальный, показательный характер внешнего окружения» (Лотман и Успенский 1977).

Таким образом, если карнавальным дураком утверждает «веселую относительность» всех ценностей, в том числе, и самых священных; то юродивый, напротив, подтверждает и укрепляет незыблемость сакральных истин и авторитетов своим трансгрессивным поведением и смехом. Говоря современным языком, дураком действует как *стихийный конструктивист*, выявляющий «невечность», условность и текучесть всех авторитетных ценностей, тогда как юродивый, притворяясь дураком, остается парадоксальным эссенциалистом, утверждающим незыблемость «вечного», неколебимого его «шалованием»⁹. Думается, это различие сохраняет свое значение и по отношению к современным версиям трикстера — о нем вспомнит любой исследователь творчества Андрея Синявском, Венедикта Ерофеева и Дмитрия Пригова.

⁹ Полемика Лотмана/Успенского с Лихачевым/Панченко (а через них с Бахтиным) имела и более широкое значение. Интерпретация юродивого, предложенная в книге «Смех в Древней Руси», подрывала чистоту бинарной оппозиции между божественной и дьявольской сферами в модели русского средневековья (и не только), которую отстаивали Лотман и Успенский: «Святость исключает смех (ср. “Христос никогда не смеялся”). Однако она возможна в двух обликах: суровой аскетической серьезности, отвергающей земной мир, как соблазн, и благостного принятия его, как создания Господа. Вторая разновидность — от курочки протопопа Аввакума до старца Зосимы из «Братьев Карамазовых» — сопряжена с внутренним весельем, выражаемым улыбкою. Итак, святость допускает и аскетическую суровость, и благостную улыбку, но исключает смех. Противоположный аксиоло-

Плут и его родственники

Появляясь в жанре плутовского романа (пикареске)¹⁰, плут как самостоятельный троп проникает и в другие жанры, порождая своего рода миф — именно так предлагает разграничивать различные масштабы этого тропа Клаудио Гильен (см. Guillén 1971). Миф о пикаро, конечно, вбирает влияния, идущие и от карнавального дурака, и от сказочного вора, и от более древних трикстеров. «Архетип плута почти неотделим от архетипа шута. Как известно, шут часто является плутом под видом простака,» — замечает Е. М. Мелетинский, оговариваясь, что далеко не всякий плут несет в себе карнавальную семантику, как полагал М. М. Бахтин (Мелетинский 1986: 228). Мелетинский также указывает на преемственность между плутовским романом и бытовыми сказами о ворах/сказками о животных с их «цинической моделью мира».

Но чем плутовской миф или, в нашей терминологии, амплуа плута отличается от собственно трикстерской мифологии?

Прежде всего тем, что категории трикстерского мифа приобретают здесь социальное значение.

Так, например, «двусмысленность и аномальность» трикстера, по У. Хайнсу, в плутовском романе и за его пределами обрастает социальными коннотациями. Плут, особенно в пикареске, часто является сиротой, без роду-без племени. «Герой — “низкий” социальный изгой в чужом мире, “сирота”, как говорит Ласаро, но и окружающий мир, утерявший свою патриархальность, также в основном состоит из одиноких “автономизированных личностей”, так что герой — изгой и пикаро — оказывается типичным. Поразительно, что архаический образ “плута” и “трикстера” стал знаком “буржуазного” индивидуализма, типичным героем не только плутовского жанра, но и романа нового времени в целом» (Мелетинский 1986: 235).

Более того, в самых ранних пикаресках, анонимной повести *Лазарильо из Тормеса* (1554) и *Жизнеописание плута Гузмана де Альфараче* Матео Алемана (1599), как считает К. Гильен, отразился социальный опыт крещеного еврея в Испании эпохи барокко — «полу-аутсайдера», который неизменно терпит поражение в своих попытках социальной интеграции. Развивая эту мысль, А. Блэкберн обращается к *Селестине* (1499) Фернандо де

гический полюс представлений русского средневековья относится к смеху иначе. Дьяволу (и всему дьявольскому миру) приписываются черты “святости наизнанку”, принадлежности к вывороченному «левому» миру. Поэтому мир этот кощунствен по самой своей сути, то есть несерьезен. Это мир хохочущий, не случайно черт именуется в России “шутом”. Царство сатаны — место, где грешники стонут и скрежещут зубами, а дьяволы хохочут...» (Лотман и Успенский 1977). Юродивый же, в интерпретации Панченко и Лихачева, как, впрочем, и другие формы «смехового мира», предлагают медиацию между этими сферами, что в корне меняет общую картину средневекового мира. Об этой полемике см. содержательную статью Л. А. Трахтенберга «К истории изучения русской смеховой литературы» (Трахтенберг 2012).

¹⁰ Научная литература о плутовском романе огромна. В книге У. Вика, выпущенной тридцать лет назад, библиография основных работ занимает 15 страниц петитом. См.: Wicks 1989. Из более свежих обобщающих публикаций назову Garrido 2015.

Рохаса, тоже крещеного еврея, и отмечает, что положение *converso* «содержало в себе потенциальную возможность контркультуры» и *социальной лиминальности* со всеми вытекающими последствиями (Blackburn 1979: 9–10).

Традиционная для трикстера, *трансгрессивность*, его способность нарушать запреты и пересекать границы, в повествованиях о плутах выражается в нарушении сословных границ, а также — что особенно показательно — дестабилизации экономической и классовой разницы между бедностью и богатством: «Граница между бедностью и богатством непроницаема для “дурака”, но не страшна для “плута”» (Lotman 1971: 295). Плут всегда преследует материальные цели, нередко он просто пытается выжить. Как замечал Е. М. Мелетинский, подчеркивая различия между пикареской и карнавалом: «Как и в мифах-сказках о Вороне и других подобных произведениях: архаического фольклора, в плутовских романах находим смакование натуралистических грязных подробностей, долженствующих вызывать комический эффект... Комизм в этих сценах имеет мрачный оттенок, сравнение с веселым карнавалом может быть только ироническим. При описании одной из таких сцен в “Гусмане” прямо говорится: “Подобное зрелище не карнавал, и его не каждый год увидишь”» (Мелетинский 1986: 230). Однако, даже сексуальность и похоть подчинены в плутовском романе логике экономических отношений¹¹, что особенно отчетливо видно по повествованиям с женщиной-пикаро в центре — такими, как *Моль Фландерс* Д. Дефо или *Пригожая повариха* М. Чулкова.

В конечном счете в плутовских нарративах и особенно в классическом плутовском романе формируется образ *социального хаоса* — именно такие масштабы, по мнению нескольких исследователей, приобретает в плутовском романе «циническая модель мира» (Мелетинский). Как пишет, например, С. Миллер: «внутренний хаос пикаро получает внешнее отражение в протеизме его социальных ролей. Нестабильность же его идентичности в пикареске предстает как отражение внешнего [социального] хаоса... Таким образом, центральный герой плутовского романа не просто мошенник, и хаос его личности превосходит по своему значению чисто моральный хаос. Он отражает тотальное отсутствие структуры в мире, а не только отсутствие этической или социальной структуры... В мире пикарески хаос радикален, он простирается до самых корней жизни» (Miller 1967: 131). А. Блэкберн развивает этот подход, подчеркивая, что общим знаменателем мифа пикаро является понятие дезинтеграции: «Это слова предполагает распад могучей ортодоксии, еще недавно незыблемой традиции, коллапс личности или же ее *из-ничто*-жение — метафорой этого процесса становится [фрагментарная] композиция плутовского романа. [...] Миф о пикаро формируется как *негативное* путешествие души, устремленной к порядку, смыслу и любви» (Blackburn 1979: 22, 25). Разумеется, во всех этих характеристиках отзывается — опять-таки в «переводе» на язык социального —

¹¹ См. об этом: Joseph 2014: 175–176.

мифология хаоса, ассоциирующаяся с трикстером и его способность переворачивать конкретную ситуацию, как и весь мир, вверх дном.

Плут особенно остро ощущает хаотичность социального устройства, поскольку невозможность обрести устойчивую социальную идентичность вынуждает его или ее либо присваивать фальшивую идентичность, либо жонглировать социальными ролями и масками. Так, трикстерское *оборотничество* трансформируется в социально-эстетическую категорию — отказ, а точнее, невозможность обрести постоянную идентичность приводит к превращению идентичностей в роли и, более того, маски, за которыми иной раз (хоть и не всегда) исчезает лицо плута. Назовем это качество *гиперперформатизмом*, поскольку оно остается актуальным и для более поздних инкарнаций трикстерского тропы. По Бахтину социальное оборотничество плута сохраняет «и момент метаморфозы: перемена ролей-масок плутом, превращение нищего в богача, бездомного бродяги в богатого аристократа, разбойника и жулика в раскаявшегося доброго христианина и т. п.» (1975: 278–279).

Такая социальная и философская позиция предполагает особую *свободу* пикаро не только от социальных, но и моральных или культурных ограничений. Свобода пикаро становится предикатом его или ее *метапозиции* по отношению к хаотично-противоречивым нормам и положениям общества, метапозиции, которая — как и в случае шута и дурака — порождает мощный художественный эффект остранения; лучше всего о нем писал Бахтин:

«Специфическая постановка героя как «третьего» по отношению к частной бытовой жизни, позволяющая ему подсматривание и подслушивание. Такова постановка плута и авантюриста, которые внутренне не причастны к бытовой жизни, не имеют в ней определенного закрепленного места и которые в то же время проходят через эту жизнь и принуждены изучать ее механику, все ее тайные пружины [...] Аналогичное слуге место (по функциям) в романе занимает проститутка и куртизанка (см., например, “Молль Флендерс” и “Роксана” Дефо). Их положение также чрезвычайно выгодно для подсматривания и подслушивания частной жизни, ее секретов и интимных пружин. То же значение, но в качестве второстепенной фигуры, имеет в романе сводня; она обычно выступает рассказчиком» (1975: 275, 276).

«Как и герои испанских романов, Симплициссимус является и участником и наблюдателем окружающей жизни, и его “простота” создает ироническую оптику, обнажающую “абсурдность” и греховность обыденного мира. Он не только не понимает поведения пьяниц, гуляк и развратников, но принимает грабителей кирасир за волков и удивляется тому, что окружающие его люди считаются христианами» (1975: 239).

А Гильен, говоря об Алемане, подчеркивает, что он как крещеный еврей занимает отстраненную позицию не только по отношению к обществу, но и в метафизическом плане — «глядя на ценности христианства, как извне, так и изнутри» (Gulien 1971: 101–102).

Соблазнительно увидеть в этом качестве плута отражение способности трикстера быть *имитатором богов и медиатором между богами и людьми*. Однако, по-видимому, куда разумнее связать это качество с трикстерской *с властью над нарративом*. Недаром для плутовского романа настолько характерно повествование от первого лица, что Гильен подчеркивает: «Полагаю, что отсутствие формы первого лица мешает считать повествование пикареской в полном смысле слова» (Gulien 1971: 93). А Бахтин видел в «специфической постановке» плута как всеведущего знатока *чужой* частной жизни — конструктивный принцип классического романа (см. Бахтин 1975: 308–316).

Плут как особая версия трикстерского мифа, в свою очередь, порождает новые вариации, которые, как правило, гипертрофируют какой-то один или несколько аспектов мифа пикаро. Так, одним из вариантов плута является *авантюрист*, представленный как литературными персонажами, так и многочисленными историческими фигурами XVIII–XX вв. Например, Александр Строев в своем выразительном очерке авантюристов Просвещения создает такой обобщенный образ этого культурно-исторического амплуа:

«Для него приключения — вернейший путь к преуспеянию. Всегда и везде он посторонний, он “всеми принят, изгнан отовсюду”. Рыцарь удачи не может и не хочет делать карьеру проторенными путями, как то положено дипломату, финансисту, военному или судейскому чиновнику. Он как бы аккумулирует энергию, которая не находит применения в стабильном, меняющемся обществе. Он — паразит, необходимый для хорошего функционирования социального механизма, он — смазка, помогающая вертеться колесам государственной машины. Авантюрист служит посредником между странами, культурами и социальными слоями, между жизнью и смертью, между нашим и потусторонним, подземным миром, между мужским и женским началом, между искусством и реальностью» (Строев 1998: 18–19).

Здесь узнаются такие традиционные черты мифа трикстера, как амбивалентность и трансгрессивность, в сочетании с лиминальностью («Всегда и везде он “всеми принят, изгнан отовсюду”») и качествами медиатора. Подобно пикаро, авантюрист «повсюду чужой»: «Авантюрист повсюду чужой. Это его достоинство и главный недостаток. Пересечение границы волшебным образом делает человека знатным, простолудин превращается в графа, подобно Казанове, Сен-Жермену, С. Занновичу, Калиостро, или в принца, как Тревогин, Карл Иванов и др. [...] Но колесо Фортуны поворачивается, мода кончается, и авантюрист забыт, если не изгнан и не арестован. [...] И всякий раз он начинает жизнь сначала. Эта логика судьбы как бесконечного цикла взлетов и падений, временных смертей и все новых возрождений действует в плутовском и в приключенческом романе и в реальной жизни» (ibid, 24, 22).

Как и пикаро, такие авантюристы, как Казанова, Сен-Жермен или Калиостро, гиперперформативны — их идентичность неустойчива и переменчива: «Искатель приключений, “обезьяна Бога” (как называли себя

алхимики) хочет быть всем, жить тысячью жизней. Новоявленный Протей, он, как в сказке, в мгновение ока меняет свое обличье. Королю-чудотворцу достаточно произнести лишь слово, чтобы рыцарь Фортуны обернулся инженером-гидравликом, военным или финансистом, сочинил на ходу теорию налогов, как то проделывает Джакомо Казанова за время недолгой беседы с Фридрихом Великим» (ibid, 20). Причем перформативные метаморфозы авантюрист претерпевает не только в социальном, но и в гендерном плане, — к примеру, шевалье д'Эона «преподносит себя либо как офицера-драгуна в женском платье, заточенного в монастырь и принужденного заниматься вышиванием, либо как амазонку, деву-воительницу» (ibid, 20). Авантюрист воспринимает социум, как театральные подмостки и откровенно наслаждается игрой: «Его жизнь не только азартная, но и актерская игра; он комедиант и зритель в одном лице, во всех перипетиях он смотрит на себя со стороны и восхищается собой» (ibid, 21).

Но есть у авантюриста, по крайней мере, два свойства, которые отделяют его от плута. Они тоже, в принципе, вписываются в парадигму трикстерского мифа, но их акцентированность определяют его специфику как трикстера. Во-первых, роль трикстера как медиатора или даже имитатора богов обретает у авантюриста черты особого *мессианства*. Оно часто выражается в том, как часто эти персонажи выдают себя за носителей магического знания, чародеев и врачей-целителей. Но не только — речь также идет и о культурном, светском и даже просветительском мессианстве, предвосхищающем ницшеанского Заратустру:

«Авантюрист — всегда мессия, пророк, он тот, кто нравится и вводит в соблазн, кого подсознательно ждут с нетерпением. Он равно притягивает мужчин и женщин. Потому внешность его не может быть ординарной: он поражает, притягивает взоры, он не остается незамеченным в обществе [...] Подчеркнем еще раз — *сознание своей культурной миссии отличает авантюриста от заурядного плута*. Он размышляет над своим поведением, анализирует подвиги своих собратьев, создает теорию восхождения на вершины жизни. Стратегия антисоциального поведения разрабатывается в мемуарах (маркиз д'Аржанс, Казанова, Калиостро), автобиографических сочинениях (“Космополит” Фужере де Монброна), романах (Муи, д'Аржанс, Анж Гудар, Мобер де Гуве, Шеврие) и трактатах (“История шулеров” Анжа Гудара)» (ibid, 19, 30).

Во-вторых, у авантюриста гипертрофированно развита — даже по сравнению с плутом — трикстерская *власть над нарративом*, которая является, по Строеву, главным оружием его мессианства: «Краснобай и графоман, он стремится обменять свои идеи или добытую им информацию на покровительство сильных мира сего, войти в доверие к просвещенному монарху, стать его секретарем, историографом, советником. Искатель приключений бомбардирует государя текстами: письмами, мемуарами, поэмами, проектами, он предлагает переписать его жизнь, превратить ее в произведение искусства, что он уже проделал со своей собственной. Перепробовав все ремесла, авантюрист возвращается к своему истинному призванию — про-

изводству, распространению и хранению текстов. Журналист, историк, мемуарист, издатель превращается в библиотекаря» (ibid, 30).

Георг Шimmel и Джорджио Агамбен, с интервалом примерно в столетия обратившиеся к философскому анализу образа авантюриста, придают его власти над нарративом особое значение. Шimmel подчеркивает «глубокое сходство между авантюристом и художником», поскольку, подобно произведению искусства, авантюра представляет собой «остров в океане жизни» (Simmel 1971: 189). Думается, то, о чем говорит Шimmel, лучше всего описывается категорией «магического круга» в теории игры Й. Хейзинги — пространства игры, которое одновременно изолировано от жизни и представляет ее универсальную (под ограниченным углом зрения) модель (см.: Хейзинга 2019: гл. 1). Авантюрист предстает как хозяин-распорядитель этого «острова», этого «волшебного круга», и в этой игровой власти выражается, тем не менее, его специфическая метапозиция, несколько отличная от шутовской или плутовской.

Агамбен также подчеркивает параллели между искусством и приключением: по его мнению, авантюрист формируется приключением, субъект является производным от действия, а не наоборот, подобно тому, как «я» в произведении является эффектом текста, а не его источником. Следуя этой аналогии, он проецирует на авантюриста мысль Гете о субъекте поэтического высказывания, чье существование вписано в «демоническую композицию» и потому «дистанцировано от любого этического высказывания» (Agamben 2018: 13). Занимая эту вне-этическую метапозицию, авантюрист способен сохранять оптимизм, несмотря на любые поражения и падения, ведь понятая как приключение «жизнь предстает как чудо, будто бы внешняя сила поддерживала и вела нас в каждой ситуации и при каждой встрече» (Agamben 2018: 85–86).

Частным случаем авантюриста является *самозванец*. Многие авантюристы нередко выдавали себя за кого-то другого. Но говоря о таких самозванцах, как Лжедмитрий или Пугачев, мы вступаем на новую территорию. Самозванец так же амбивалентен и трансгрессивен, как и другие потомки мифологического трикстера. Однако, по словам А. Строева: «Авантюрист играет роль, самозванец живет ею» (Строев 1998: 246). Как и юродивый по отношению к шуту и дураку, так и самозванец находится за границей смехового мира, к которому принадлежит трикстер, хотя и сохраняет важные черты мифологии трикстера. Иначе говоря, самозванец лишен той игровой метапозиции, в которой находится авантюрист. Добавим, что также у него нет и социальной метапозиции, которую занимает плут, лишенный устойчивой идентичности и вооруженный гиперперформативностью. Присваивая роль властителя, самозванец, тем самым, встраивает себя в социальную иерархию — пуская даже воображаемую. Эффект самозванства поэтому отличается от свойств авантюризма или плутовства.

Как показал И. А. Калинин, «самозванчество и самодержавие не противостоят друг другу как ложная и истинная власть (это противопостав-

ление есть лишь часть самолегитимирующего языка победителя), самозванчество лишь обнажает пустоту оснований, на которую опирается «истинная» власть. Тогда самозванчество есть не антиповедение, противостоящее норме (как это утверждает Б. А. Успенский), но поведение, вскрывающее пустоту и условность самой нормы, поведение, указывающее на беззаконность закона, на человеческую произвольность сакральной ауры, продолжающей распространяться на фигуру монарха даже после того, как отошла в прошлое средневековая магическая, чудотворная ... и литургическая... сакральность монархической власти» (Калинин 2016: 447–448). Самозванец, безусловно, являет гипертрофированную функцию *имитации* бога или царя, свойственную и другим трикстерам (шут, юродивый, авантюрист). Однако эта имитация *подрывает* бинарную оппозицию между властью и безвластием, проблематизируя само представление о власти: «Внутренняя раздвоенность фигуры самозванца открывает возможность снять и еще ряд оппозиций — власти и социума, государства и общества, самодержавия и рабства, адресанта и адресата (в семиотических терминах описания культуры), поскольку самозванец совмещает в себе оба эти начала, являясь попыткой тех, кто не имеет власти, предъявить себя как обладающих ею. Ставя на кон борьбы за признание собственную жизнь, самозванец являет собой относительность обеих позиций, сохраняющуюся, пока его попытка поставить под сомнение существующие разделения не приходит к тому или иному финалу» (Калинин 2016: 448).

Из этого описания видно, что самозванец во многом воспроизводит функцию шута в придворной культуре, о которой шла речь несколькими страницами ранее. Таким образом, трикстер порождает социокультурные ампула, «роли и положения», служащие органической *деконструкции* позиции власти, обнажающие иллюзорность фундирующих ее оппозиций. Напомним, что подрыв оппозиций в традиционной культуре воспринимается как проявление мифологических сил хаоса — отсюда Смута! Семантика мифологического хаоса, как видим, вновь возрождается в связи с ампула политического самозванства, но окрашивается при этом не только социально (как в плутовском романе), но и политически, превращаясь в особый тип критики власти. Самозванец обнажает критическую составляющую трикстерской имитации и медиации верховных авторитетов, соединяя ее с «*властью безвластных*». Однако, скорее всего, в этом случае правильнее говорить не столько о мифе, сколько о тропе — ведь именно троп способен нарушать и проблематизировать символическую логику общества, тогда как миф ее, напротив, стабилизирует.

Трикстер-троп

Но что такое троп? По Лотману, это «пара взаимно несопоставимых элементов, между которыми устанавливается в рамках какого-либо контекста отношение адекватности, образует семантический троп [...] Чем глубже ситуация непереводаемости между двумя языками, тем острее по-

требность в общем для них метаязыке, который бы перекидывал бы между ними мост, способствуя установлению эквивалентностей» (Лотман 1999: 47, 48). Собственно, так и происходит процесс познания нового в культуре — через поиск аналогий с уже известным и устоявшимся, но не аналитическим путем, а с помощью эмоционально насыщенного тропа, устанавливающего моментальную связь по аналогии или контрасту.

Следовательно, если говорить о трикстере не только как о персонаже, но и как о тропе, путешествующем по эпохам и культурам, то он устанавливает отношения эквивалентности между историческими феноменами (художественными образами или культурными амплуа) и мифологическим прототипом, тем самым создавая двустороннюю коммуникацию. С одной стороны, современность помещается в контекст мифологических «архетипов», с другой — сами «архетипы» рождаются заново, трансформируясь и переосмысливаясь в новых обстоятельствах. В этом смысле троп подобен «памяти жанра» — категории, которую Бахтин ввел в переиздании своей книги о Достоевском (1963) и с помощью которой обосновывал (некоторые считают, что малоубедительно) карнавализацию и мениппею. «Память жанра» тоже инвариант конкретных жанровых форм, но, как показывает Бахтин, он достаточно подвижен, и многие элементы в нем взаимозаменяемы. «Память жанра» — это своего рода ДНК старого жанра. В нее, как правило, входят константы и переменные. Константы — воспроизводят структуру старого жанра, а переменные — его атмосферу, узнаваемые детали, эмблемы¹². Причем из конкретных разборов Бахтина следует, что достаточно всего нескольких переменных элементов для того, чтобы активизировалась вся «линия связи».

Какие же характеристики мифологического трикстера и его исторических потомков закрепились в инвариантном трикстер-тропе?

Глядя на описанные выше трикстерские амплуа, нельзя не заметить, что все они сохраняют мифологическую семантику *хаоса и свободы* в их неразрывной диалектической связи. Устойчивыми для реализации этой семантики становятся такие характеристики трикстера, как *амбивалентность и трансгрессия*, неразрывно сплетенные с *метапозицией и комизмом* (смехом). Эти категории связаны «кольцевыми» причинно-следственными отношениями. Метапозиция трикстера оправдывает его (или ее) трансгрессии, которые в свою очередь порождают комический и амбивалентный эффекты. В свою очередь, именно амбивалентность трикстера мотивирует его метапозицию и выражается в комических трансгрессиях.

Все четыре категории, взятые вместе, образуют ядро трикстер-тропа:

Амбивалентность трикстера вполне самоочевидна — в сущности, именно с этого мифологического персонажа это качество впервые входит в культуру как ценность. Но в современной культуре оно слишком распространено, чтобы быть специфичным. Думается, однако, что в случае трик-

¹² Примером конкретизации бахтинской «памяти жанра» может послужить моя книга о литературной сказке: Липовецкий 1992.

стер-тропа амбивалентность формирует особый тип деконструкции. В качестве примера такой деконструкции кратко рассмотрим, что Жак Деррида пишет о египетском боге письма и смерти Тота¹³ в третьей главе *Фармакона*: «Ему нельзя указать фиксированное место в игре различий. Хитрец, неуловимый, замаскированный, заговорщик, шутник, вроде Гермеса, он ни царь, ни слуга; скорее, что-то вроде *джокера*, свободного означающего, нейтральной карте, дающей игру игре» (Деррида 2007: 113). Эта характеристика явственно описывает Тота как трикстера — хотя, конечно, для Деррида он скорее важен как метафора письма, метафора означающего. Но эта интерпретация не противоречит традиционной аффилиации трикстера с силами языка и слова. Итак, Тот лишен фиксированного места, он всегда замещает другого, подобно джокеру, но благодаря его свободе в принципе возможно игра — «которая является одним из изобретений Тота» (*ibid.*) Показательно, как описание Тота перекликается с бахтинской характеристикой трикстера: «Это лицедеи жизни, их бытие совпадает с их ролью, и вне этой роли они вообще не существуют» (Бахтин 1975: 309).

«Отсутствие фиксированного места в игре различий» также объясняет метапозицию трикстера (см. ниже), но в данном случае существеннее то, что за ней Деррида видит «особую логику — фигура Тота противопоставляется его другому (отцу, солнцу, жизни, слову, востоку и т. д.), но лишь замещая его. Она добавляется и противопоставляется, повторяя и занимая место. Точно так же она принимает форму, она получает форму именно от того, чему она сопротивляется и что она заменяет. Поэтому она противопоставляется сама себе, она переходит в свою противоположность, и этот бог-посредник является, богом естественного перехода между противоположностями» (Деррида 2007: 113). Тот противоположен сам себе — т. е. объединяет в себе противоположные стороны оппозиции, именно в этом причина его амбивалентности. Но, по Деррида, эта амбивалентность основана на парадоксе: трикстер принимает форму того, чему противостоит. Его *отождествление* с другим является методом подрыва этого другого. Метаморфоза таким образом *снимает* оппозиции, хотя при этом, казалось бы, исчезает трикстер и торжествует его оппонент. На самом деле же трикстер замещает собой оппонента.

Деррида подчеркивает, что логика Тота отличается от диалектики, поскольку не приводит к синтезу противоположностей. Отличается оно и от *coincidencia oppositorium* — преображаясь в другого, трикстер не до конца отождествляется с ним: «Тот никогда не присутствует в настоящем. Нигде он не является лично» (Деррида 2007: 114). Трикстер является в образе другого, но этот другой трансформирован трикстером изнутри, и этот сдвиг другого под воздействием трикстерских метаморфоз всегда является формой критики.

¹³ См. также: Zimna 2013: 43–46.

Так, Санчо Панса, став губернатором острова, не только подражает власти, но и сдвигает саму идею власти в сторону утопии. Хлестаков подменяет собой государство и воспринимается как Ревизор, но именно то, что, кажется, отличает его от важного чиновника — его глупость и пустота — принятые безоглядно и некритически обнажают и девальвируют «чистую» механику власти. Остап Бендер имитирует утопический дискурс в своей лекции о Нью-Васюках, но его имитация невольно превращается в пародию за счет «невязки» (Ю. Тынянов) между амбициями и возможностями, что, разумеется, иронически подрывает весь советский утопизм. Чтобы разоблачить махинации «Геркулеса» он же создает откровенно пародийную («дьявольскую») организацию «Рога и копыта», и через нее — точнее, через Фунта — проникает в тайны «Геркулеса».

Именно в деконструирующей амбивалентности кроется секрет того, что выше было названо «органическим конструктивизмом» трикстера — способности дестабилизировать «вечные» категории и установления, раскрывая их «сделанность» и зависимость от социальных, культурных и иных быстро меняющихся обстоятельств.

Трансгрессии трикстера нередко окрашена в тона карнавальная культуры и обращены либо на сексуальную и скатологическую сферу, либо связаны с эксцессом (Фальстаф, Борат). Однако в культуре модернизма и постмодернизма трикстерские трансгрессии приобретают более широкое значение. Первым напрашивающимся объяснением специфического сакрального контекста, создаваемого трикстерами в культуре XX века, становится концепция трансгрессии, разработанная в первую очередь Ж. Батаем и М. Фуко. Трансгрессия — нарушение границ и переворачивание социальных и культурных норм — важнейший метод трикстера. В этом акте воссоздается — пускай и через нарушение — концепция такого важнейшего означающего сакрального, как табу. По Фуко, трансгрессия, особенно в культуре XX века, служит не разрушению сакральных оснований социальных и культурных норм (эти основания уже разрушены), а напротив, парадоксальным образом, *производит сакральное* (см.: Foucault 1998: 71–72). Взгляд на трикстера как на священного трансгрессора находит подтверждение и в архаических культурах (об этом пишет Л. Макариус), но именно в XX веке этот метод воплощения сакрального приобретает центральное значение в силу размывания и дробления «позитивных» представлений о сакральном.

Концепция трансгрессии, предлагаемая Фуко, вытекает из принципов «антиэкономики» Ж. Батая. По Батаю, основой сакрального является ритуалы интимизации субъекта с миром — предполагающие освобождение от власти «вещности», под которой понимается не только зависимость от материальных объектов, но и превращение самого человека в одну из вещей. Важнейшим из них является ритуал растраты, которым Батай, опираясь на описанные Марселем Моссом ритуалы потлача, придает значение универсального, а не только архаического, символического механизма, обеспечивающего, в свою очередь, свободу и власть. Жертвенная растрата

ценного, доказывает Батай, вырывает человека «из убожества вещей, чтобы вернуть к порядку божественного» (Батай 2003: 51). В то же время расточительство приносит престиж и авторитет: «...*давать* означало *приобретать власть*... Субъект обогащается благодаря своему презрению к богатству» (Батай 2003: 61). Смерть, обжорство, эротизм, роскошь, война, пиры, дары и жертвоприношения, а также всякого рода трансгрессии, в том числе и преступления, — все эти формы деятельности философ рассматривает как разновидности потлача.

Эта философия *практически* осуществляется трикстерами, в особенности, в их советских модификациях. Все названные (и многие не названные) советские трикстеры раскрывают свой артистический, «креативный», потенциал именно в актах растраты, тем самым генерируя свой собственный сакральный контекст, в котором первостепенное значение приобретают «негативные» ценности — «непринадлежности», «пофигизма», «наплеватьства», «непочтительности» — одним словом: свободы. Последняя в трикстерской интерпретации оказывается одновременно священной и циничной. Взгляд на трикстера как на фигуру, осуществляющую бесконечную и неуклонную растрату всего ценного, объясняет его постоянные — с прагматической точки зрения — «поражения», которые, тем не менее, не подрывают, а лишь укрепляют его статус.

Трикстерский потlach, основанный на отождествлении потребления ценностей с их растратой, может быть проиллюстрирован многими советскими текстами, но самым «педагогическим» образом данный принцип явлен сеансом в Варьете и (казалось бы) вполне бессмысленной подменой денег резаной бумагой и последующими арестами невинных людей в *Мастере и Маргарите*. Вообще многие парадоксы этого романа проясняются, если посмотреть на поступки Воландовой свиты как на масштабный потlach, учиняемый трикстерами ради утверждения свободы как сакральной ценности. Ведь если еще можно понять, почему Булгаков руками Воланда и его свиты «наказывает» циников от искусства и идеологии, сжигает МАССОЛИТ и Торгсин, то остается неясным, за что, например, наказан профессор Кузьмин, к которому приходит испуганный обещанием скорой смерти буфетчик; почему нужно превратить данную управдому взятку в валюту; за какие грехи бедняга Варенуха превращен в вампира, а не худший Римский доведен до безумия.

Смех трикстера и над трикстером является важнейшим порождением его трансгрессий: «В его деятельности материальное часто выступает как низменное, а низменное трактуется как проявление комизма. В качестве низкого и комического выступают не только жадность и похотливость, но и специально смакование всякого рода низменных натуралистических подробностей, физиологии и скатологии» (Мелетинский 1986: 228). Мифологический трикстер, как и его ближайшие «родственники» в культуре, безусловно, принадлежит *смеховому миру* или, по Бахтину, области «серьезно-смехового», хотя исторические трансформации вносят в этот троп и иные, в том числе, и трагические элементы. Двойник или близнец куль-

турного героя, трикстер, в сущности, является «основоположником» смехового мира. Конечно, как неоднократно упоминалось выше, трикстер сопряжен карнавалу с его телесным гротеском, инверсиями, мезальянсами и профанациями. Но как показали Д. С. Лихачев, А. М. Панченко и Н. В. Поннырко, смеховой мир значительно шире собственно карнавальной культуры, включая в себя и зловещее шутовство Ивана Грозного, и кровавый «кромешный мир» опричнины, и святочный, пасхальный и рождественский юмор, и иронию книжников, сложившиеся внутри и вокруг «официальной» христианской культуры. Трикстер в той или иной степени присутствует во всех этих сферах, отсюда многообразие культурных амплуа, произрастающих из этого общего корня. И хотя Бахтин считал, что «жанры серьезно-смехового не опираются на предание и не освящают себя им — они осознанно опираются на опыт [...] и на свободный вымысел» (Бахтин 1972: 182), мифология трикстера и есть то «предание», занимающее антиструктурную и лиминальную позицию в культуре, на которое в полной мере опираются не только жанры, но и многие перформативные дискурсы смеховой культуры.

Вместе с тем, устойчивая ассоциация между трикстером и хаосом обуславливает и *демоническую* окраску не только мифологического трикстера, но и его позднейших наследников — от черта как фольклорного персонажа до авантюристов и самозванцев XVIII–XX веков¹⁴. Как отмечает Е. Мелетинский: у всякого трикстера «комическое начало в какой-то мере переплетено с демоническим; даже в древнейших мифах трикстер является и комически неудачным подражателем высокого культурного героя, и одновременно причиной появления смерти, голода, войн, вредных и опасных животных, враждебных племен и т. д. враждебных племен и т. д.» (Мелетинский 1986: 228).

Метапозиция, как можно убедиться, присутствует в большинстве трикстерских амплуа. Ее отсутствие (как в случае политического самозванца) сразу же обнажает сомнительность определения данного персонажа как трикстера. Лиминальность и маргинальность являются ее частным, но не обязательным в позднейших версиях случаем. Важнее описанная Бахтиным «неотмирность» — способность плута, шута и дурака «быть чужими в этом мире», «пользоваться любым жизненным положением лишь как маской». Именно метапозиция в широком смысле ответственна за мощное *остранение*, порождаемое этим тропом и, соответственно, за эмансипаторный эффект трикстерских нарративов:

«В борьбе с условностью и неадекватностью подлинному человеку всех наличных жизненных форм эти маски получают исключительное значение. Они дают право не понимать, путать, передразнивать, гиперболизировать жизнь; право говорить, пародируя, не быть буквальным, не быть самим со-

¹⁴ Впечатляющая коллекция свидетельств восприятия трикстера как силы хаоса собрана Г. Сатаровым в его статье «Трикстер и другие» (<https://zadocs.ru/filosofiya/4211/index.html>)

бою; право проводить жизнь через промежуточный хронотоп театральных подмостков, изображать жизнь как комедию и людей как актеров; право срывать маски с других; право браниться существенной (почти культовой) бранью: наконец, право предавать публичности частную жизнь со всеми ее приватнейшими тайниками» (Бахтин 1975: 312).

Именно метапозиция трикстера объясняет, почему трикстеры «не аморальны, а *внеморальны*», по выражению Л. Хайда (Hyde 1998: 10). Эта внеморальность прямо вытекает из способности трикстера не «влипать» в какую-то одну систему ценностей, нарушать, разрушать и непочтительно высмеивать границы между оппозициями, в том числе и сакральными.

Не в меньшей степени значима метапозиция *пародийного двойника власти* — земной (как у шута или авантюриста) или небесной (как у юродивого). А парабазис (по Агамбену), усиленный трикстерской властью над языком и повествованием, приводит к тому, что трикстер также нередко выступает *пародийным двойником автора* внутри литературного или театрального текста. Как отмечает А. К. Жолковский, персонажи-трикстеры часто «берут на себя роль “помощных авторов”, строящих сюжет (а часто и комментирующих его, выступая в роли “помощных читателей/критиков текста”» (Жолковский 2020: 119).

В такой интерпретации, трикстер выступает как *метасемиотическая фигура*. Троп, пишет Лотман, «есть механизм порождения семантической неоднозначности, механизм, вносящий в семиотическую структуру культуры необходимую ей степень неопределенности» (Лотман 1999: 58). Эти характеристики, как видим, в полной мере применимы и к трикстер-тропу. Но именно как метасемиотический троп трикстер обнажает подрывную работу языка, он выступает как аллегория художественного языка в целом — как языка, целенаправленно соединяющего сознательное и бессознательное, дестабилизирующего значения и заражающего амбивалентностью все незыблемое; языка, нарушающего табу и провоцирующего трансгрессии. Богатые эстетические возможности метапозиции трикстера объясняют, почему трикстер так часто рассматривается как ключ к пониманию авангардного, модернистского и постмодернистского автора, нередко моделирующих свой образ по образцу трикстера¹⁵.

Если амбивалентность, трансгрессивность, метапозиция и комедия составляют ядро трикстер-тропа, то богатство, разнообразие, индивидуальность и оригинальность этого тропа определяются набором переменных, к которым относятся (хотя список этот и неполон) *гиперперформативность*; *власть над словом и нарративом*; «*власть безвластных*»; *гиперсексуальность* и другие характеристики, нередко прямо воспроизводящие характеристики мифологического трикстера — особенно такие, как *обманы и розыгрыши, способность перевернуть любую ситуацию, создать мир*

¹⁵ См. об этом прекрасный сборник статей *Trickster Strategies in the Artists' and Curatorial Practice*. Ed. by Anna Markowska. Warsaw–Torun: Polish Institute of World Art Studies & Tako Publishing House, 2013. См. также: Hyde 1998: 78–80.

наизнанку, осуществляя бриколаж сакрального и низменного, практикуя оборотничество, и т. п.

Конечно, эта модель предполагает множество переходных форм, в которых троп реализован лишь отчасти. Однако, думается, она позволяет более четко обозначить границы трикстерского дискурса в культуре XX–XXI вв., в которой размываются традиционные трикстерские амплуа, и возникают сложные гибриды. Так, например, с точки зрения трикстер-тропа я хочу уточнить свои более ранние публикации¹⁶, в которых, я рассматривал как трикстера советского разведчика Максима Исаева, известного как германский контрразведчик и штандартенфюрер СС Отто фон Штирлиц из «Семнадцати мгновений весны» Т. Лиозновой.

Штирлиц безусловно глубоко амбивалентный и трансгрессивный персонаж, воплощающий идеальный образ советского интеллигента, живущего тайной жизнью внутри враждебной ему системы. Культурная популярность сериала Лиозновой связана как раз с этой метапозицией, занимаемой Штирлицем. Одним из воплощений его метапозиции становится его внутренние монологи («информация к размышлениям»), не только выясняющие, кто из нацистской верхушки мог пойти на переговоры с США, но и выстраивающие неявные параллели с поздним советским режимом. Следя за операцией советского шпиона в высших эшелонах Третьего Рейха, срывающего сепаратные переговоры между Гиммлером и Далласом, фильм вместе с тем пронизан ностальгией по «западному» комфорту и стилю, воплощенными, в том числе, и разбомбленной Германией весны 1945 года.

Однако, в репрезентации Штирлица полностью отсутствует смеховое начало. Что же касается переменных, то они представлены минимально — главным образом, гиперперформатизмом (правда, у него всего одна маска, зато прочно замещающая «первоначальную» личность) и способностью Штирлица выворачиваться из любых положений. Поэтому семантика свободы и хаоса в этом персонаже тоже ослаблена — собственно, о хаосе и говорить не приходится в силу сдержанности и рационализма этого персонажа, а свобода сведена к «тайной свободе» системного нонконформиста. Но Штирлица можно рассматривать как трикстера не в качестве героя сериала, а как *культурного* персонажа, поскольку отсутствующее смеховое начало и семантику хаоса восполняет появившийся вскоре после выхода сериала цикл абсурдистских анекдотов, в которых Штирлиц преображается в идиота, материализующего словесные формулы в клоунских жестах.

ЛИТЕРАТУРА

Батай Жорж. *Проклятая доля*. Пер с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. Москва: Гнозис — Логос, 2003.

Бахтин Михаил. *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература, 1975.

¹⁶ См. Lipovetsky 2011: 210–230; Липовецкий 2007.

- Бахтин Михаил. *Проблемы поэтики Достоевского*. 3-е изд. Москва: Художественная литература, 1972.
- Бахтин Михаил. «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). Бахтин Михаил. *Собрание сочинений*. Т. 4(2). Москва: Языки славянской культуры, 2010.
- Деррида Жак. *Диссеминация*. Пер. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Жолковский Александр. «Разбор трех разборов: автоэвристические заметки». Липовецкий М. Н. (ред.) *Ното Скриптор: Сборник статей и материалов в честь 70-летия М. Н. Эпштейна*. Москва: Новое литературное обозрение, 2020.
- Иванов Сергей. *Блаженные похабы: Культурная история юродства*. Москва: Языки славянских культур, 2005.
- Калинин Илья. «"Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался": рабы, самодержцы и самозванцы (диалектика власти)». *Новое литературное обозрение* 5 (2016): 441–462.
- Леви-Стросс Клод. *Структурная антропология*. Пер. с франц. Вяч. Вс. Иванова. Москва: ЭКСМО, 2001.
- Липовецкий Марк. *Поэтика литературной сказки (На материале советской литературы 1920-х — 1980-х гг.)*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1992.
- Липовецкий Марк. «Искусство алиби: "Семнадцать мгновений весны" в свете нашего опыта». *Неприкосновенный запас* 3 (2007); <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/li16.html>
- Лихачев Дмитрий, Панченко Александр, Понырко Наталья. *Смех в Древней Руси*. Ленинград: Наука, 1984.
- Лотман Юрий, Успенский Борис. «Новые аспекты изучения культуры Древней Руси». *Вопросы литературы* 3 (1977); https://historicus.ru/novie_spekti_izucheniya_kulturi_drevnei_rusi/.
- Лотман Юрий. *Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история*. Москва: Языки русской культуры, 1999.
- Мелетинский, Елеазар. *Введение в историческую поэтику эпоса и романа*. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986.
- Новик Елена. Структура сказочного трюка. <http://folk.spbu.ru/Reader/novik.php?rubr=Reader-lectures>
- Пропп Владимир. *Проблемы комизма и смеха*. Москва: Лабиринт, 2002.
- Радин Пол. *Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи*. Перевод с английского В. В. Кирющенко под редакцией А. В. Творовского. Санкт-Петербург: Евразия, 1998.
- Сатаров Георгий. Трикстер и другие. <https://zadocs.ru/filosofiya/4211/index.html>
- Синявский Андрей. *Иван-дурак: Очерк русской народной веры*. Paris: Syntaxis, 1991.
- Смирнов Игорь. «Древнерусский смех и логика комического». *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 32. 1977: 305–318.
- Строев Александр. «Те, кто поправляет Фортуна»: *Авантюристы Просвещения*. Москва: Новое литературное обозрение, 1998.
- Трахтенберг Лев. «К истории изучения русской смеховой литературы». Клинг О. А. и Холиков А. А. (ред.) *Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции*. Материалы Международной научной конференции (Москва, 26–27 ноября 2010 г.). Москва — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012: 163–171.
- Фрейдберг Ольга. *Поэтика сюжета и жанра*. Подг. текста и общая редакция Н. В. Брагинской. Москва: Лабиринт, 1997.
- Хейзинга Йохан. *Ното Ludens/ Человек играющий*. Пер. Дмитрия Сильвестрова. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2019.
- Юдин Юрий. *Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки)*. Москва: Лабиринт, 2006.
- Agamben Giorgio. *The Adventure*. Trans. Lorenzo Chiesa. London & Cambridge, MA: MIT Press, 2018.
- Agamben Giorgio. *Pulcinella, or Entertainment for Kids in Four Scenes*. Transl. by Kevin Attell. London — New York — Calcutta: Seagull Books, 2018.
- Babcock-Abrahams Barbara. "A Tolerated Margin of Mess": The Trickster and His Tales Reconsidered." *Journal of the Folklore Institute* 11/3 (1975): 147–186.
- Blackburn Alexander. *The Myth of Picaro: Continuity and Transformation of the Picaresque Novel, 1554–1954*. Chapel Hill: The University of North Carolina, 1979.

- Dionne Craig and Mentz Steve (eds.). *Rogues and Early Modern English Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004.
- Doty William G. and William J. Hynes. "Historical Overview of Theoretical Issues: The Problem of the Trickster". Hynes William J. and Doty William G. (eds.). *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1993: 13–32.
- Doueui Anne. "Inhabiting the Space Between Discourse and Story in Trickster Narratives." Hynes William J. and Doty William G. (eds.). *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1993: 193–201.
- Foucault Michel. "A Preface to Transgression." Faubion James D. (ed.). *Foucault Michel. Aesthetics, Method, and Epistemology*. Transl. by Robert Hurley and others. New York: The New Press, 1998.
- Garrido Ardila J. A. (ed.). *The Picaresque Novel in Western Literature: From the Sixteenth Century to the Neopicaresque*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Gates, Henry Louis, Jr. *The Signifying Monkey: A Theory of African-American Literary Criticism*. New York: Oxford University Press, 1988.
- Guillén, Claudio. "Towards a Definition of the Picaresque (1961)". Guillen Claudio. *Literature as System: Essays Toward the Theory of Literary History*. Princeton: Princeton University Press, 1971: 71–106.
- Havel Václav. "The Power of the Powerless". *International Journal of Politics* 15/ 3–4 (1985): 23–96.
- Hyde Lewis. *Trickster Makes the World: Mischief, Myth, and Art*. New York: North Point Press, 1998.
- Hynes William J. 1993a. "Inconclusive Conclusions: Tricksters — Metaplayers and Revealers". Hynes William J. and Doty William G. (eds.). *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1993: 202–218.
- Hynes William J. 1993. "Mapping the Characteristics of Mythic Trickster: A Heuristic Guide." Hynes William J. and Doty William G. (eds.). *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1993: 33–45.
- Joseph Betty. "The Political Economy of the English Rogue". *The Eighteenth Century* 55/2–3 (2014).
- Lipovetsky Mark. *Charms of Cynical Reason: The Transformations of the Trickster Trope in Soviet and Post-Soviet Culture*. Boston: Academic Studies Press, 2011.
- Lowie Robert H. "The Trickster-Hero Discussion". *Journal of American Folklore* 22 (1909): 431–33.
- Lotman Iurii. *Struktura khudozhestvennogo teksta*. Providence: Brown University Press, 1971.
- Makarius Laura. "The Myth of Trickster: The Necessary Breaker of Taboo". Hynes William J. and Doty William G. (eds.). *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*. Ed. by Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1993: 66–86.
- Markowska Anna (ed.). *Trickster Strategies in the Artists' and Curatorial Practice*. Warsaw — Torun: Polish Institute of World Art Studies & Tako Publishing House, 2013.
- Miller Stuart. *The Picaresque Novel*. Cleveland: Press of Case Western Reserve University, 1967.
- Otto Beatrice K. *Fools are Everywhere: The Court Jesters Around the World*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2001.
- Pelton Robert D. *The Trickster in West Africa: A Study in Mythic Irony and Sacred Delight*. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press, 1980.
- Simmel Georg. "The Adventurer". Georg Simmel, *On Individuality and Social Forms*. Chicago: University of Chicago, 1971: 187–98.
- Steward Julian Haynes. *The Clown in Native North America*. New York — London, 1991.
- Turner Victor. *From Ritual to Theatre: The Human Seriousness of Play*. New York: PAJ Publ., 1992.
- Welsford Enid. *The Fool: His Social and Literary History*. London, 1935.
- Wicks Ulrich. *Picaresque Narrative, Picaresque Fictions: A Theory and Research Guide*. New York.: Greenwood Press, 1989.
- Willeford William. *The Fool and His Specter: A Study of Clowns and Jesters and Their Audience*. Evanston: Northwestern University Press, 1969.
- Zinna Katarzyna. "Tricksters lead the game." Markowska Anna (ed.). *Trickster Strategies in the Artists' and Curatorial Practice*. Warsaw–Torun: Polish Institute of World Art Studies & Tako Publishing House, 2013: 43–46.

REFERENCES

- Agamben Giorgio. *The Adventure*. Trans. Lorenzo Chiesa. London & Cambridge, MA: MIT Press, 2018.
- Agamben, Giorgio. *Pulcinella, or Entertainment for Kids in Four Scenes*. Transl. by Kevin Attell. London — New York — Calcutta: Seagull Books, 2018.
- Babcock-Abrahams Barbara. "A Tolerated Margin of Mess": The Trickster and His Tales Reconsidered." *Journal of the Folklore Institute* 11/3 (1975): 147–186.
- Bahtin Michail. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznyh let*. Moskva: Hudozhestvennaja literatura, 1975.
- Bahtin Michail. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. 3-e izd. Moskva: Hudozhestvennaja literatura, 1972.
- Bahtin Michail. "Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa" (1965). Bahtin Michail. *Sobranie sochinenij*. T. 4(2). Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2010.
- Bataj Zhorzh. *Proklyataya dolya*. Per s fr. B. Skuratova, P. Hickogo. Moskva: Gnozis-Logos, 2003.
- Blackburn Alexander. *The Myth of Picaro: Continuity and Transformation of the Picaresque Novel, 1554–1954*. Chapel Hill: The University of North Carolina, 1979.
- Dionne Craig and Mentz Steve (eds.). *Rogues and Early Modern English Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004.
- Doty William G. and William J. Hynes. "Historical Overview of Theoretical Issues: The Problem of the Trickster". Hynes William J. and Doty William G. (eds.). *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1993: 13–32.
- Doehuehi Anne. "Inhabiting the Space Between Discourse and Story in Trickster Narratives." Hynes William J. and Doty William G. (eds.). *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1993: 193–201.
- Foucault Michel. "A Preface to Transgression." Faubion James D. (ed.). *Foucault Michel. Aesthetics, Method, and Epistemology*. Transl. by Robert Hurley and others. New York: The New Press, 1998.
- Frejdenberg Olga. *Poetika syuzheta i zhanra*. Podg. teksta i obshchaya redakciya N. V. Braginskoj. Moskva: Labirint, 1997.
- Garrido Ardila J. A. (ed.). *The Picaresque Novel in Western Literature: From the Sixteenth Century to the Neopicaresque*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Gates, Henry Louis, Jr. *The Signifying Monkey: A Theory of African-American Literary Criticism*. New York: Oxford University Press, 1988.
- Guillén, Claudio. "Towards a Definition of the Picaresque (1961)". Guillén Claudio. *Literature as System: Essays Toward the Theory of Literary History*. Princeton: Princeton University Press, 1971: 71–106.
- Havel Václav. "The Power of the Powerless". *International Journal of Politics* 15/3–4 (1985): 23–96.
- Hyde Lewis. *Trickster Makes the World: Mischief, Myth, and Art*. New York: North Point Press, 1998.
- Hynes William J. 1993a. "Inconclusive Conclusions: Tricksters — Metaplayers and Revealers". Hynes William J. and Doty William G. (eds.). *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1993: 202–218.
- Hynes William J. 1993. "Mapping the Characteristics of Mythic Trickster: A Heuristic Guide." Hynes William J. and Doty William G. (eds.). *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1993: 33–45.
- Hyojzinga Johan. *Homo Ludens. Chelovek igrayushchij*. Per. Dmitriya Sil'vestrova. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2019.
- Ivanov Sergej. *Blazhennye pohaby: Kul'turnaya istoriya yurodstva*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005.
- Joseph Betty. "The Political Economy of the English Rogue". *The Eighteenth Century* 55/2–3 (2014).
- Kalinin Ilya. «"On gran' hotel steret' mezh tem, chem byl i chem kazalsya": raby, samoderzhcy i samozvancy (dialektika vlasti)». *Novoe literaturnoe obozrenie* 5 (2016): 441–462.

- Levi-Stross Klod. *Strukturnaya antropologiya*. Per. s franc. Vyach. Vs. Ivanova. Moskva: EKSMO, 2001.
- Lihachev Dmitriy, Panchenko Alrksandr, Ponyrko Natal'ya. *Smekh v Drevnej Rusi*. Leningrad: Nauka, 1984.
- Lipoveckij Mark. *Poetika literaturnoj skazki (Na materiale sovetской literatury 1920-h — 1980-h gg.)*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1992.
- Lipoveckij Mark. «Iskusstvo alibi: “Semnadcat' mgnovenij vesny” v svete nashego opyta». *Neprikosnovennyj zapas* 3 (2007); <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/li16.html>
- Lipovetsky Mark. *Charms of Cynical Reason: The Transformations of the Trickster Trope in Soviet and Post-Soviet Culture*. Boston: Academic Studies Press, 2011.
- Lotman Yuriy. *Struktura khudozhestvennogo teksta*. Providence: Brown University Press, 1971.
- Lotman Yuriy, Uspenskij Boris. “Novye aspekty izucheniya kul'tury Drevnej Rusi”. *Voprosy literatury* 3 (1977); https://historicus.ru/novie_spekti_izucheniya_kulturi_drevnei_rusi/.
- Lotman Yuriy. *Vnutri myslyashchih mirov: Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1999.
- Lowie Robert H. “The Trickster-Hero Discussion”. *Journal of American Folklore* 22 (1909): 431–433.
- Makarius Laura. “The Myth of Trickster: The Necessary Breaker of Taboo”. Hynes William J. and Doty William G. (eds.). *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1993: 66–86.
- Markowska Anna (ed.). *Trickster Strategies in the Artists' and Curatorial Practice*. Warsaw — Torun: Polish Institute of World Art Studies & Tako Publishing House, 2013.
- Meletinskij Eleazar. *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana*. Moskva: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1986.
- Miller Stuart. *The Picaresque Novel*. Cleveland: Press of Case Western Reserve University, 1967.
- Novik Elena. *Struktura skazozhnogo tryuka* // <http://folk.spbu.ru/Reader/novik.php?rubr=Reader-lectures>
- Otto Beatrice K. *Fools are Everywhere: The Court Jesters Around the World*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2001.
- Pelton Robert D. *The Trickster in West Africa: A Study in Mythic Irony and Sacred Delight*. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press, 1980.
- Propp Vladimir. *Problemy komizma i smekha*. Moskva: Labirint, 2002.
- Radin Pol. *Trikster: Issledovanie mifov severoamerikanskikh indejcev s kommentariyami K. G. YUnga i K. K. Keren'i*. Perevod s anglijskogo V. V. Kiryushchenko pod redakciej A. V. Tvorovskogo. Sankt-Peterburg: Evraziya, 1998.
- Satarov Georgij. *Trikster i drugie*. <https://zadocs.ru/filosofiya/4211/index.html>
- Simmel Georg. “The Adventurer”. Georg Simmel, *On Individuality and Social Forms*. Chicago: University of Chicago, 1971: 187–98.
- Sinyavskij Andrej. *Ivan-durak: Ocherk russkoj narodnoj very*. Paris: Syntaxis, 1991.
- Smirnov Igor'. «Drevnerusskij smekh i logika komicheskogo». *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*. T. 32. 1977: 305–318.
- Steward Julian Haynes. *The Clown in Native North America*. New York, London, 1991.
- Stroev Aleksandr. «Te, kto popravlyayet Fortunu»: *Avanturyristy Prosveshcheniya*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.
- Trahtenberg Lev. «K istorii izucheniya russkoj smekhovej literatury». Kling O. A. i Holikov A. A. (red.) *Russkoe literaturovedenie XX veka: imena, shkoly, koncepcii*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 26–27 noyabrya 2010 g.) Moskva — Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2012. S. 163–171.
- Turner Victor. *From Ritual to Theatre: The Human Seriousness of Play*. New York: PAJ Publ., 1992.
- Welsford Enid. *The Fool: His Social and Literary History*. London, 1935.
- Wicks Ulrich. *Picaresque Narrative, Picaresque Fictions: A Theory and Research Guide*. New York: Greenwood Press, 1989.
- Willeford William. *The Fool and His Specter: A Study of Clowns and Jesters and Their Audience*. Evanston: Northwestern University Press, 1969.
- Zholkovskij Aleksandr. «Razbor trekh razborov: avtoevristicheskie zametki». Lipoveckij M. N. (red.). *Homo Scriptor: Sbornik statej i materialov v chest' 70-letiya M. N. Epshtejna*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.

- Zimna Katarzyna. "Tricksters lead the game." Markowska Anna (ed.). *Trickster Strategies in the Artists' and Curatorial Practice*. Warsaw — Torun: Polish Institute of World Art Studies & Tako Publishing House, 2013: 43–46.
- Yudin Yuriy. *Durak, shut, vor i chert (Istoricheskie korni bytovoј skazki)*. Moskva: Labirint, 2006.

Марк Липовецки

ТЕОРИЈА ТРИКСТЕРА

Резиме

На основу прегледа научне литературе о митолошком трикстеру и његовим „потомцима“ (будали, луди, лопову, јуродивом, лупежу, авантуристи, самозванцу), чланак предлаже концепт трикстер-тропа. Трикстер-троп је „формула“ која актуализује сталне особине трикстера, окружујући их богатим спектром варијација и модификација.

Кључне речи: трикстер, будала, луда, јуродиви, лопов, лупеж, авантуриста, самозванац.

Petar Bojanić

Institut za filozofiju i društvenu teoriju, Univerzitet u Beogradu
Uralski federalni univerzitet
bojanicp@gmail.com

Petar Bojanić

Institute for Philosophy and Social Theory, University of Belgrade
Ural Federal University
bojanicp@gmail.com

NEPRIJATELJ I PREKID NEPRIJATELJSTVA.
DA LI JE MOGUĆ JEDAN „SRPSKO-RUSKI“ PROTOKOL
ZA USPOSTAVLJANJE MIRA?¹

THE ENEMY AND TERMINATION OF ENMITY.
IS A “SERBO-RUSSIAN” PROTOCOL OF PEACE POSSIBLE?

U tekstu pretpostavljam da postoji pravoslavna etika rata koja ima svoje posebnosti i razlike naspram etike rata na Zapadu. Srpsko-ruski primeri služe da bi rekonstruisali neobična razumevanja neprijatelja i neprijateljstva, prekida sukoba, pobeđe u ratu i odnos pobeđe i mira. Ideja o specifičnom prekidu neprijateljstva i sukoba u pravoslavnom shvaćanju rata treba da revidira različite protokole koji nisu dovoljno uspešni u uspostavljanju stabilnog i dugotrajnog mira.

Ključne reči: neprijatelj, rat, pravoslavna etika rata, pobednik, mir.

The text assumes that there is a distinct Orthodox war ethics, with its particularities and distinctions from Western war ethics. Serbian and Russian examples serve to reconstruct unusual understandings of the enemy and enmity, termination of conflict, victory in war, as well as the relation of victory and peace. In Orthodox Christianity, the idea of a specific termination of enmity and conflict ought to revise various protocols insufficiently successful in establishing stable and long-term peace.

Key words: enemy, war, Orthodox war ethics, victor, peace.

Pobeda u sukobu ili u ratu biće jedan tajni i ključni činilac koji bi trebalo da drži ovu složenu konstrukciju koja se nalazi u naslovu i podnaslovu ovog teksta ili skice jednog budućeg teksta. Naime, pretpostavljam da je figura ili procedura

¹ Istraživanje je obavljeno u okviru projekta Ruskog naučnog fonda (projekat br. 20-18-00240).

‘pobede’, sa svim svojim nejasnim mehanizmima i komplikacijama, jedan od bezuslovnih uslova privremenog i stabilnog mira. Akcenat na pobedi (uvek jedne strane u sukobu ili prilikom odmeravanja snaga), na pobedi kao institucionalnoj činjenici koja menja društvenu realnost, implicirao bi da primirje koje sledi i koje je pobedničkim aktima uspostavljeno ima veću *snagu* od fiktivnih situacija gde su sve strane u konfliktu pobjednici (‘*win-win* situacija’) ili gde su svi poraženi. Pretpostavka da se mir ‘uspostavlja’ (ili institucionalizuje; Kant upotrebljava varijante glagola *stiften*) pre svega i privremeno, pobjedom, označava da je stanje neprijateljstva i funkcionisanje figure ‘neprijatelja’ moguće delimično suspendovati ili do nekog stepena eliminisati, ako se sve strane u sukobu saglase da zajednički okvalifikuju novu i promenjenu situaciju koja prekida nasilje. Akt primirja kao deklaracija u tom slučaju bio bi javni akt zajedničkog rangiranja aktera i akt proglašenja pobjednika. Naravno, podrazumeva se da bi onda prava pobjednika i prava poraženih koja implicira ova „deklaracija o pobedi“ ili „deklaracija o promeni“ — držala ili ‘institucionalizovala’ (uspostavljala) mir (primirje) te da bi pojava neprijatelja i novi sukob svakako bio položen u „institucionalnom manjku“ ili nedostatku radnji koje upravo potvrđuju pobjedu.

Preliminarno, objašnjavajući naslov ovoga pokušaja da se ‘pobeda’ (pobeda u ratu) odredi i da se rekonstruišu protokoli koji je formiraju, pogledajmo jednu prilično novu i nejasnu frazu koju određujem kao „ortodoksna ili istočnohrišćanska etika rata“ („ethics of war“ je termin Bertranda Rasela (Russel 1915)). Pronalazim da bi se različita opravdanja sile i nasilja, kao i različite refleksije o opravdanju ratova koje je vodila carska Rusija a onda delimično i Sovjetski savez, zajedno s nekim sporadičnim pokušajima objašnjenja nasilja i rata u drugim državama u kojima dominira ortodoksno hrišćanstvo (Srbija, Grčka, Bugarska), mogli pripisati „etici rata“ koju supstancijalno opredeljuje hrišćanska vera. Međutim, etika rata se danas ne predaje na ruskim vojnim akademijama, niti je u kurikulumima etike i političke teorije, niti intelektualci, pre svega filozofi, diskutuju o opravdanosti rata u savremenim prilikama niti tematizuju vojne intervencije koje ruska armija vrši naporedo i zajedno sa snagama Natoa i američkom armijom. Bez obzira na to što već od sredine 19. veka ruski filozofi pišu o fenomenu rata i što rat za njih predstavlja veliku dilemu i ispit kako u kontekstu njihove religije tako i u kontekstu uvek velikih imperijalnih aspiracija Rusije — pobeda u Drugom svetskom ratu i posleratni socijalizam učinio je da se o ratu ne govori, ne piše i ne misli i da se o državnoj upotrebi sile i vojnim akcijama raspravlja isključivo u Politbirou i bez prisustva javnih intelektualaca. Iako je Sovjetska armija u posleratnom periodu više puta vojno intervenisala i vodila veoma dug i iscrpljujući rat u Avganistanu, broj ovih vojnih akcija ne samo što nije transparentan nego ni ratna iskustva nisu prevedena u različite etičke probleme od kojih je najvažnija razlika između pravednih i nepravednih ratova.

Kako savremena Rusija danas deli sve najvažnije probleme Zapada i zapadnih demokratija (zemalja članica Evropske zajednice i zemalja kandidata) i sveta uopšte — promena koncepcije bezbednosti i teorija sigurnosti zasnovana na etičkim principima, borba protiv terorizma, nove tehnologije u upotrebi sile i njiho-

va opravdanost, kompjuterski kriminal i rat, odnos prema civilnom stanovništvu i kolateralna šteta itd. — javno govorenje o ovim problemima zadatak su i obaveza kritičkog intelektualca. Njegov zadatak je da svojim refleksijama i javnim diskusijama o starim i novim problemima upotrebe sile i nasilja pomogne političkom i vojnom vrhu da donosi pravilne odluke, istovremeno ograničavajući njegove vojne moći i stavljaajući ih pred sud javnosti.

Kada uvodim frazu „ortodoksno hrišćanska etika rata“, moja ideja se može hipotetički objasniti u nekoliko koraka:

Prvo, nastojim pokazati da unutar ruske tradicije i na ruskom jeziku već postoji veoma živa i teorijski veoma dobra i aktuelna aktivnost tematizovanja rata u prvoj polovini 20. veka do Drugog svetskog rata kako u emigraciji tako i u Sovjetskom savezu. Refleksije o ratu, rekonstrukcije pacifizma, neverovatno žive polemike o opravdanosti upotrebe sile protiv nasilja napadača, u nekim periodima daleko prevazilaze argumente i različite teorije njihovih kolega koji tada pišu na drugim evropskim jezicima. Jedan idealni zadatak bio bi da se identifikuju svi najvažniji tekstovi i knjige iz filozofije, prava, politike i književnosti u ovom periodu, kako u emigraciji tako i u sovjetskom periodu. Pre svega bi bilo nužno da se posebna pažnja usredsredi na proučavanje odnosa sile (nasilja) i prava i rekonstrukciji dve ključne ideje: a) da sila ili nasilje nemaju nikakve veze s pravom i b), da pravo, ili pravda, ili neki institucionalni poredak ne mogu uopšte biti proizvedeni bez upotrebe sile.

Drugi segment se odnosi na pokušaj da se različiti problemi o kojima govore intelektualci različitih ideologija, u emigraciji i u Sovjetskom savezu, između dva rata, „inkorporiraju“ i povežu s veoma šturim izveštajima o vojnim akcijama Sovjetske armije posle Drugoga svetskog rata u različitim zemljama Istočne Evrope i Azije. Bilo bi veoma važno skicirati i formulisati jednu eventualnu doktrinu ruskog ratovanja i granica upotreba sile (njeni izvori su marksizam-lenjinizam; teorija upotrebe sile u ortodoksnom hrišćanstvu; tematizacija sile u građanskom ratu; opštenarodna odbrana; i imperijalno-kolonijalna brutalna vladavina u zemljama Istočne Evrope). Takva doktrina bi svakako implicirala rekonstrukciju različitih etičkih problema koji se u različitim oblicima ratovanja i upotrebe sile pojavljuju.

Treća tačka bi se ticala približavanja i poređenja tih rezultata sa savremenom teorijom „pravednog rata“ koja je pre svega formulisana u anglosaksonskim zemljama od Vijetmanskog rata do ratova protiv terorizma. Pošto ne postoje tekstovi koji objašnjavaju rusko, sovjetsko ili ortodoksno vođenje rata, ovo će biti prilika da istovremeno napravim preciznu distinkciju dve eventualne „etike rata“.

Šta je pobeda u ratu ili šta je „pobeda kao pobeda“ i da li je moguće na osnovu ovog ‘protokola’ afirmisati jednu implicitnu etiku rata?

Moja namera je da u nekoliko koraka pokušam preliminarno da objasnim šta je to pobeda (šta je to pobeđivati ili poražavati, u potpuno različitom smislu tih reči) i kako onda ovaj protokol funkcioniše u različitim kompetitivnim praksama, u borbi i u etici rata ili etici okončanog rata (prelaženje *ius victoriae* u *ius post bellum*). ‘Pobeda’ i svi slojevi i momenti koji se vezuju za ovaj kompleksni

termin mogli bi eventualno da pokažu kako je ideja pobeđe kao prekida i zauzimanja rata i nasilja supstancijalna za pravoslavnu etiku rata (“srpsko-ruski protokol” bi bio njen sastavni deo) i da se na osnovu nje može konstituisati razlika spram zapadnih varijanata etike rata i borbe.

Pobeda je prekid nasilja ili prekinuto nasilje, ali privremeno okončano nasilje. Ipak, kada se nasilje prekida, kako i pod kojim uslovima? I kako se prekid nasilja objavljuje te šta mu daje važenje (deklaracija je svakako jedan od uslova postojanja pobeđe koju prihvata ne samo poraženi ili pobednik, nego i onaj ‘treći’; zbog toga je pobeđa ili poraz „socijalna činjenica“ ili „institucionalna činjenica“ ukoliko je javna i dokumentovana; na primer kapitulacija, pisana saglasnost, dogovor o reparaciji itd.)?

Navešću nekoliko bezuslovnih uslova pobeđe (i analogno, ali ne i nužno, poraza), koju je uvek teško jednostavno definisati, da bih onda pokušao da rekonstruišem onu karakteristiku pobeđe koja bi eventualno omogućila da nasilje i šteta budu bitno smanjeni te da se više ne ponavljaju. Pobeđu određuje pre svega odnos ili tretman prema protivniku ili neprijatelju. Odnos prema neprijatelju eksplicitno ili implicitno uslov je još nekoliko karakteristika pobeđe: prva je institucija pomoći prilikom sticanja pobeđe i sve varijante oslanjanja na drugoga koji pomaže ili odmaže pobedniku — „pobeđa nikada nije samo moja“ ili „pobedio sam (ili izgubio sam) zahvaljujući drugome“ (zahvaljujući prijatelju, savezniku, bogu, vili, veštici itd.); i druga karakteristika pobeđe tiče se načina na koji je pobeđa ostvarena i pre svega toga da li je pobednik nužno nemoralan i koristi li neka sredstva koja nisu dozvoljena u fer borbi da bi ostvario svoj cilj. Dve poslednje karakteristike pobeđe (*de facto* četvrti i peti korak koji određuje svaku eventualnu pobeđu) pokušao bih možda da pripišem onome što bismo sa mnogo rezervi mogli da nazovemo „pravoslavna etika rata“: prva se odnosi na klanje što se pobedilo ili manifestacija žalosti jer je onaj koji je pobeden ili „bolji“ i „jači“ od pobednika ili je „nepravedno“ pobeden; druga karakteristika se odnosi na negiranje pobeđe tako što joj se uklanja autorstvo i zasluga („pobedio sam jer sam zapravo pobedio sebe“; ili „Bog je pobedio a ne ja, jer sam ja zapravo samo instrument njegov“). Funkcija te zamene mesta ili fiktivne simbioze s nekim drugim, koji je kao takav supstancijalni pobednik i koji kao takav briše bilo kakvu ideju poraza, sastoji se u sprečavanju represalija i ekstremnog nasilja nad neprijateljem (fikcija pomaže da se sudržimo), a onda na kraju i u pretvaranju neprijatelja u prijatelja.

Promena u značenju termina ‘pobeđa’ i evolucija u različitim protokolima koji se odnose na pobeđu odnosi se pre svega na odnos prema neprijatelju. Ako za Tukidida pobeđa pre svega označava totalno uništenje neprijatelja i neprijateljskog grada (*Peloponeski rat*), kasnije, posle Krstaških ratova (13. vek), pobednik se ograničava da ne samo ne sme ubijati nego ne sme uništavati ni svetinje poraženog. Posle Vestfalskog mirovnog sporazuma (sredina 17. veka) vrlo su ograničene ingerencije pobednika i njegovo pravo (*ius victoriae*) proteže se samo do granica ispravljanja štete koja mu je učinjena pre nego što je sukob ili rat započeo. Dakle, pravo pobednika je ograničeno ne njegovom moći i snagom da

uradi sve što može onom koji je pobeden nego isključivo pravom da ukine razlog što je rat i započeo. Ipak, ideja uništenja neprijatelja (njegove imovine, ostataka, leša; Klauzevic (Clausewitz) pominje nešto sto on zove „uništavalačka bitka“, *Vernichtungsschlacht*) duboko je urezana u istoriji judeohrišćanstva.² Dva argumenta u vezi s granicama i značajem ideje uništenja neprijatelja pominju se na početku prošloga veka. U tekstu „The Ethics of War“ Bertrand Rasel govori o engleskim fantazijama o uništenju Nemačke onda kada objašnjava šta su to „kolonizatorski ratovi“:

Kada je sadašnji rat počeo, mnogi ljudi u Engleskoj zamišljali su da će, ako Saveznici pobeđu, Nemačka prestati da postoji: Nemačka je trebalo da bude „uništena“ ili „razbijena“, i pošto su ovi izrazi zvučali energično i ohrabrujuće, ljudi nisu mogli da shvate da su oni potpuno besmisleni. Nemaca ima oko sedamdeset miliona; mi bismo, u najboljem mogućem slučaju, u uspešnom ratu mogli da ih ubijemo dva miliona. Tada bi preostalo šezdeset osam miliona Nemaca, a kroz nekoliko godina gubitak populacije uzrokovan ratom bio bi nadoknađen. Nemačka nije samo država, već i nacija, koju povezuju zajednički jezik, zajedničke tradicije i zajednički ideali. Kakav god bio ishod ovog rata, ta nacija će i dalje postojati nakon njegovog završetka, i njena snaga ne može biti trajno umanjena. Ali u stvarima koje se tiču rata, imaginacijom i dalje dominiraju Homer i Stari zavet (Russell 1915: 135).

Uništenje je nemoguće, a onda je i problematično, kako misli Georg Zimel kada tematizuje „potpunu ili kompletnu pobeđu“ (*vollständige Sieg*). Totalna pobeđa ili uništenje neprijatelja može da dovede u pitanje postojanje pobeđe, a onda i postojanje i koheziju pobeđničke grupe:

Posledično, potpuna pobeđa nad neprijateljem nije uvek, u sociološkom smislu, srećan događaj za grupu, zato što se rastaće energija koja garantuje kohezivnost grupe i što se sada pokreću rasprskavajuće sile, koje su inače uvek prisutne. Raspad

² „Šta je naša namera? (...) Pobeđa, pobeđa, po svaku cenu, pobeđa uprkos svakom teroru (*victory in spite of all terror*); put do pobeđe može međutim biti dug i težak; ali bez pobeđe nema preživljenja (*for without victory, there is no survival*)“ (*Speeches to Parliament*, „An Address to the House of Commons“, 13. May 1940; Churchill 1989: 149). Istu ovu strast za pobeđom pronalazimo i kod generala Aleksandra Suvorova: „Идеишь бити неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации. Победивши, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушения. Преследуй денно и ношно, пока истреблен не будет... Недорубленный лес вновь вырастает. Коли быть перипатетиком, то лучше не быть солдатом... Победа все покрывает“ (Kad se spremaš da tučeš neprijatelja, uvećavaj trupe, prazni stražarska mesta, uklanjaj veze. Kada pobeđiš, popravljaj shodno situaciji, ali goni ga do uništenja. Proganjaj ga danju i noću, dok ga potpuno ne istrebiš... Neisečena šuma ponovo izrasta. Ako si filozof peripatetičar, nemoj biti vojnik... Pobeđa sve pokriva) (Суворов 2021: 253). Jedan slavni fragment svetog Filareta, mitropolita Moskve, često se pominje u nekoliko verzija. Rečenica „Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша“ (Gnušajte se neprijatelja Boga, porazite neprijatelje otadžbine, volite svoje neprijatelje“, iz jedne njegove propovedi („Слова в неделю 19 по Пятидесятнице“; Филарет 1873: 264.) falsifikovana je u kasnijim rominjanima i tumačenjima u rečenicu „Люби врагов своих, сокрушай врагов отечества, гнушайся врагами Божиими“ (Voli neprijatelje svoje, razvali neprijatelje otadžbine, gnušaj se neprijatelja Božijih”). Imperativ „поражайте врагов отечества“ (porazite neprijatelje otadžbine) izgleda da je u sinonimiji sa „победуйте неприятелje otadžbine“, ali je slabija i znači odsecite, isključite, udarite u smislu stavite u stranu, marginalizujte.

Rimsko-latinskog carstva u 5. veku nove ere desio se zbog činjenice da je zajednički neprijatelj bio pobeđen ili prevaziđen (Simmel 2009: 287)³.

Dva ili čak tri fragmenta koji su izvučeni iz takozvanih marginalnih pseudo-tekstova (arhivi, korespondencija, intervjui itd.) mogli bi, pre svega, pokazati da o miru, pobedi ili prekidu rata odlučuje uvek drugi (protivnik ili neprijatelj). Teškoća s mirom i s pacifizmom, zapravo sa zaustavljanjem rata, uvek se tiče fikcije o ekstremnom neprijatelju i uništenju koje nam on sprema.⁴ Godine 1965, Žiljen Frojnd (Julien Freund), prijatelj i učenik Karla Šmita (Carl Schmitt), prevodilac njegovih tekstova, brani svoju doktorsku tezu „L'Essence du politique“ pred komisijom u kojoj su njegov mentor Rejmon Aron (Raymond Aron), zatim Rejmon Polen (Raymond Polin), Pol Riker (Paul Ricoeur) i Žan Ipolit (Jean Hyppolite). U knjizi intervjua iz 1991. Frojnd govori o raspravi sa Ipolitom tokom odbrane:

Tada je usledila Ipolitova intervencija. (...) „Ostaje kategorija prijatelj–neprijatelj koja određuje političko. Ako ste vi zaista u pravu“, rekao je, „ne preostaje mi ništa drugo nego da negujem svoj vrt.“ (*Reste la catégorie de l'ami-ennemi définissant la politique. Si vous avez vraiment raison, a-t-il affirmé, il ne me reste plus qu'à cultiver mon jardin.*) Uzvratio sam mu: „Slušajte, gospodine Ipolite, malopre ste dva ili tri puta rekli da ste pogrešili što se tiče Kelzena. Verujem da ste sada na putu da napravite novu grešku, jer, kao svi pacifisti, vi mislite da ste vi taj koji opredeljuje neprijatelja (*car vous penser que c'est vous qui désignez l'ennemi, comme tous les pacifists*). Onoga trenutka kada mi ne želimo neprijatelje, mislite vi, mi ih i nemamo. (*Du moment que nous ne voulons pas d'ennemis, nous n'en aurons pas, raisonnez-vous.*) Ali neprijatelj je taj koji vas opredeljuje (za neprijatelja). (*Or c'est l'ennemi qui vous désigne.*) I ako on hoće da vi budete njegov neprijatelj, vi mu možete činiti najpleše izjave prijateljstva. Od trenutka kada on hoće da vi budete njegov neprijatelj, vi ste neprijatelj. I on će vas baš sprečiti da negujete svoj vrt.“ (*Et s'il veut que vous soyez son ennemi, vous pouvez lui faire les plus belles protestations d'amitié. Du moment qu'il veut que vous soyez l'ennemi, vous l'êtes. Et il vous empêchera même de cultiver votre jardin.*) Baš tragično, jer Ipolit odgovori: „Epilog: ne preostaje mi ništa drugo nego da izvršim samoubistvo.“ (*Résultat: il ne me reste plus qu'à me suicider.*) (Freund 1991: 45).

Navešću odmah i drugi fragment. Originalni prilog Franca Rozencajga istorijama rata i pacifizma, ali i *win-win* etici, ili njegov predlog za rešenje „pacifističke dileme“ nalazi se na kraju pisma koje je uputio roditeljima 6. januara 1917. godine. Neposredno posle zvanične ponude mira neprijateljima koju je izneo Vilhelm II (Wilhelm II) 12. decembra 1916, on piše da mu je tek sada postalo jasno šta je to pacifizam:

Pacifizam je u stvari — to mi je ovih dana, od 12, postalo jasno — nužni pribor rata (*notwendiges Zubehör des Krieges*). Dakle, rat se ne vodi da bi se pro-

³ „Darum ist der vollständige Sieg einer Gruppe über ihre Feinde nicht immer ein Glück im soziologischen Sinne; denn damit sinkt die Energie, die ihren Zusammenhalt garantiert, und die auflösenden Kräfte, die immer an der Arbeit sind, gewinnen an Boden“ (Simmel 1908: 315).

⁴ „Neprijateljstvo je potpuna negacija drugog bića u svim njegovom životnim delatnostima (aktivnostima)“ (*Feindschaft ist die totale Negation des anderen Seins in allen seinen Lebensbetätigungen.*), E. Husserl, E III 8 (1934).

tivnik (*Gegner*) *prisilio* (*zwingen*) — bilo bi nemoguće da to dugo traje — već da bi se *potčinio* (*unterwerfen*), da bi mu se nametnula (*aufzuzwingen*) sopstvena volja, da bi se njegova volja *zamenila* (*ersetzen*) mojom voljom. Pobjednik ne želi da napravi *oruđe* (*Werkzeug*) od pobeđenog (jer on na tome ne može dugo da istrajava) nego svog roba. Cilj pobjednika nije *uništenje* neprijatelja (*Vernichtung des Feindes*), već utemeljenje jednog novog *ugovora*. Ali to pretpostavlja da u protivniku spava jedan komad „žudnje za mirom“ (*Friedenssehnsucht*), a zadatak rata je da probudi tu žudnju. Ako je ova želja za „mirom po svaku cenu“ postala jača od sposobnosti da se pati (heroizam), onda je kucnuo čas mira. Sve ovo, naravno, važi i kod dva pobjednika, kao i kod jednog. Stoga je pacifizam „star isto koliko“ i rat (naime *ljudski*, na porobljavanje usmereni rat (*Versklavung gerichtete Krieg*); životinje poznaju samo uništavalački rat (*Vernichtungskrieg*), pa stoga ne znaju za pacifizam).⁵

Treći fragment nalazi se u Hajdegerovim *Schwarze Hefte* (1939–1941) i napisan je verovatno 1939. u vreme prvih pobjeda Nemačke. Obično za poraz treba da se odgovara i obično poraženi proizvodi mnoštvo opravdanja za svoj neuspeh. U ovom tekstu Hajdeger opravdava moć pobjednika. Suprotno od Alberga Đentilija (Albergo Gentili) i ostalih utemeljivača međunarodnog prava, Hajdeger pobjedu kao život, kao supstancijalno povezanu sa životom, pretpostavlja pravu i pokušava da joj obezbedi mesto izvan prava. Pobjeda je tako sve i pobjedniku pripada sve.⁶

Pobjeda nad neprijateljem (*der Sieg über den Feind*) još uvek ne dokazuje da je pobjednik u oblasti prava (*im Recht ist*). Međutim, ta „istina“ više nije relevantna, ako se pravo tumači kao ono što je pobjedom ne samo potvrđeno i potkrepljeno (*bestätigt und bekräftigt*), nego najpre postavljeno i načinjeno (*gesetzt und gemacht*): pravo je onda moć pobjednika (*Recht ist dann die Macht des Siegers*), moć nadmoći (*die Macht der Ubermacht*). Takvo pravo se ne da „kodifikovati“ (*kodifizieren*), jer usled svog karaktera moći ono se smesta iz pobjede javlja sa novim pravnim pretenzijama, koje se tumače kao „prava“ na sopstveni „život“ upravo tog pobjednika (Heidegger 2018: 15–16).

Sva tri fragmenta su raznorodna ali i tipična u istorijama neprijateljstva i konstitucije figure neprijatelja na Zapadu. Određenje neprijatelja je supstancijalno teološko jer je namera neprijatelja da ili uništava ili remeti postojeći poredak (K. Šmit, Ž. Frojnd). I odgovor na neprijateljstvo neprijatelja teološki je orijentisano: treba ga ili uništiti ili sklopiti s njim primirje ukoliko on eventualno odustane od uništavalačkih namera (F. Rozencvajg). Naravno, mir sa bivšim neprijateljem uvek je asimetričan i odvija se u pravu pobjednika na moć nad neprijateljem (F. Rozencvajg), na moć nadmoći (M. Hajdeger) koja proslavlja život. Međutim, kako pobjediti i kojim se sredstvima služi pobjednik da bi smanjio razornu snagu neprijatelja?

⁵ „F. Rosenzweig an die Eltern“, 6. januar 1917. (Rosenzweig 1979: 327–328). Cf. Bojanić 2016: 82–83.

⁶ Nikolaj Velimirović ili sveti Nikolaj Srpski svoj slavni tekst „Azbuka Pobjede“ iz prve polovine prošlog veka završava rečima: „Ko pobijedi, dobiće sve“.

Mogu li uopšte dobri momci da pobeđe i uspostave pravedan mir? To pitanje zapravo je parafraza naslova jednog teksta Majkla Volzera o dilemi da li jedna grupa ljudi može da na kraju krajeva pobeđi tako što će njeni članovi ostati dobri? (Walzer 2013: 433–444). Šta uopšte znači ‘biti dobar’? Ova razlika u broju — čovek u jedini koji treba da ostane dobar (imperativ) i tim, ekipa, grupa ljudi koji zajedno treba da ostanu dobri — određuje različito etičko stano- vište pravoslavnog i *zapadnog* razumevanja etike pravednog rata.⁷ U prvom slu- čaju, jedan čovek ili bilo koji čovek treba da preživi rat i sačuva svoju čovečnost uprkos svemu oko njega. U drugom, grupa ljudi treba da pre svega pobeđi i jedi- no je pitanje da li će kršiti pravila fer borbe i pravednog ratovanja ili ne.

Upravo reč ‘pobeda’, jedan potpuno neizvestan i nejasan protokol (ili pro- cedura), određuje supstancijalnu razliku između dva pitanja koja razmatram. Za- ista ne postoji nikakva sumnja da je Volzerova dilema potpuno ukorenjena u tradiciju zapadnog mišljenja gde je pobeda jedan od oblika rešavanja konflikta potpuno suprotan od kompromisa (Simmel) i da je često pobeđnički rat presudan društveni ideal. Bez obzira na to što možda ne postoji jasan koncept pobeđe, sigurno je da pobeda kao takva više ili manje agresivno uništava, potčinjava, isključuje ili potpuno marginalizuje protivnika ili drugog. S druge strane, o po- bedi je veoma složeno govoriti u kontekstu pravoslavne etike rata iz mnogo ra- zličitih razloga.⁸ Jedan od osnovnih razloga bio bi da često upravo poraz u ratu može, paradoksalno, da sačuva veru i crkveno biće jednog naroda (Kosovski zavet koji je supstanca državnog potencijala Srbije nastao je upravo na vojnom porazu srpske vojske; ulazak u carstvo nebesko je daleko važniji od pobeđe u ratu i moći na zemlji). Zatim, Gospod odlučuje o pobeđi, a ne snaga ljudi i oružja. Takođe, Bog je često direktan akter rata, kao što se u ratu gubi upravo zato što su na primer akteri nevernici (Sv. Jovan Kronštatski).⁹ Taj *de facto* izostanak tematiziranja pobeđe i različitih tehnika koje konstruišu pobeđu u ratu donosi onda dve ključne konsekvence koje određuju upotrebu nasilja i manipulacije ko- ličinom nasilja. U knjizi *Наука побеждать* Suvorov je potpuno eksplicitan u zabrani činjenja neopravdanog ubistva jer vojnik jednostavno nije razbojnik (a razbojnicima Bog ne pomaže). Interesantno je da ruske, kao i sovjetske vojsko- vođe, principijelno ponavljaju prilično jednoličan repertoar pravoslavnog razu- mevanja upotrebe pravednog nasilja. Na ovom mestu ne postoji nikakva razlika u odnosu na pokušaj Majkla Volzera da zaista obezbedi dovoljne uslove da dobri momci zaista imaju šansu da na kraju pobeđe. Čini mi se da sintagma ili institu-

⁷ Reč ‘zapadno’ je neprecizna, ali provizorno implicira veoma različite koncepcije etike rata, pre svih jevrejsku i zapadnohrišćansku.

⁸ Etimologija i poreklo reči ‘pobeda’ je svakako prvi problem. U *Etimološkom rečniku* Maks Fasmara, pobeda je istovremeno i poraz, nesreća, jer ima u sebi reč „beda“ (“победа — также в значении ‘поражение’; победный также в значении ‘несчастный’ (победная голо- вушка) — от беда...” (Фасмер 2004: 293).

⁹ U 277. misionarskom pismu Nikolaj Velimirović obraća se jednom književniku iz Zagre- ba i govori o ratu: „Vi pitate: Kad Bog dopušta takvu nesreću na ljude, gde je onda blaga nauka Spasiteljeva? Na hartiji. Na hartiji kod onih koji nedelima svojim u miru izazivaju rat. A kad bi ta blaga nauka Spasiteljeva bila u srcima ljudskim, ljudi bi živeli u trajnome miru“.

cija takozvanog ubijanja iz odbrane, koja se upotrebljava poslednjih deset godina u različitim tekstovima teorije o pravednom ratu, dobro objašnjava kako je moguće regulisati brutalnost u vršenju nasilja. Ipak, problem ne predstavlja samo vršenje nasilja u afektu, bilo pojedinačnog ili grupnog, nego hladna i strateška proizvodnja brutalnog nasilja i kršenje pravila ratovanja da bi se postigao određeni cilj (ili pobjeda).

Druga konsekvencija uvođenja ili neuvođenja institucije pobjede odnosi se na razlikovanje pojedinačnog i grupnog vršenja nasilja. Rat nije stvar pojedinca i pojedinci uglavnom ne određuju sudbinu rata. Samo jasno postojanje početka sukoba i cilja borbe, kraja rata i rituala pobjede može da stavi u potpuno drugi plan isključenje onih koji kao pojedinci 'uspešno' i 'efikasno' upotrebljavaju brutalno nasilje.¹⁰ I ne samo to. Pobjeda implicira legitimnost zajedničkog kršenja pravila pravednog ratovanja i pojedinačna 'nečovečna delovanja' *ugrađuje* kao nužne za opstanak grupe kao takve. Grupa nikada nije ustanovljena na nepravednim principima ukoliko je pobedila odnosno ukoliko i dalje postoji. Pobjeda zapravo predstavlja uslov da se grupa ne raspadne i obratno: samo ona grupa koja postoji posle određenih zajedničkih akcija njenih članova ili njenih vlastitih akcija (da li grupa može da bude agent?) ispunila je društveni ideal pobjede.

Značaj Volzerove dileme u vezi s prljavim rukama kasnije se transformiše u mnogo komplikovanije protokole koji se odnose na asimetrično ratovanje. Za nas je svakako značajno da afirmišemo teškoću, a onda i nemogućnost da se striktno slede pravila u konfliktima i u kontekstima koji su potpuno nepredvidljivi. Predlažem skicu nekoliko varijacija odgovora na dva pitanja na početku: nije moguće ostati čovek u situacijama koje su ispod nivoa čoveka ukoliko je nužno u njima aktivno učestvovati (a onda i biti odgovoran za njihovo postojanje); pobjeda sakriva brutalnost pojedinca a da pobjeda nužno implicira postojanje određenje količine „loših radnji“ koje precizno arhivira i akumulira; dobri momci mogu da pobjede jer loši postupci pojedinaca zapravo ponekad imaju ključni značaj za pobjedu i postojanje grupe.

Pogledajmo sada primer jednog pojedinca koji krši pravila simetričnog odmeravanja snaga (fer borba, borba jedan na jedan), ali koji istovremeno žali jer je ubio ili pobjedio boljeg od sebe. Ovaj heroj i pobednik svakako konstruiše socijalni ideal pobjedničke grupe jednog naroda, ali i pokazuje ograničenja i nemogućnost „potpune pobjede“. U knjizi *Ex Captivitate Salus*, objavljenoj neposredno posle ispitivanja u Nirnbegu, Karl Šmit se u ćeliji tokom leta 1946. seća:

U jesen 1940, tek što je Francuska bila pobeđena na kopnu, razgovarao sam sa jednim Jugoslovenom, koga mnogo volim, srpskim pesnikom, Ivom Andrićem. Bili smo kod jednog zajedničkog poznanika, a sreli smo se i u čast Leona Bloa. Srbin mi je ispričao sledeću legendu njegovog naroda: Marko Kraljević, junak srpskog epa, borio se čitav dan sa jednim silnim Turčinom i posle nemilosrdne borbe oborio ga na zemlju. Kada je usmrtio pobeđenog neprijatelja (*besiegten*

¹⁰ Volzer citira Vasilija Velikog: „Naši Oci su razlikovali ubijanja u ratu od ubistva... dakle, preporučljivo je da onaj čije ruke nisu čiste bude lišen pričešća tokom tri godine“ (Walzer 1973: 167).

Feind), vaskrsnula je zmija, koja u srcima mrtvih spava i rekla Marku: „Sreća tvoja da sam prespavala vašu borbu“. Tu junak prozbori: „Jao meni, ubio sam čoveka koji je bio jači od mene“ (*Weh mir, ich habe einen Mann getötet, der stärker war als ich!*). Ovu priču sam onda često prepričavao prijateljima i poznanicima, a takođe i Ernstu Jingeru, koji je tada bio oficir okupacione armije u Parizu. Ona je na nas ostavila dubok utisak (*Wir waren alle tief beeindruckt*). Ali nam je takođe iznad svega bilo jasno da se pobeđnik u današnje vreme, za razliku od srednjovekovnih priča, ne prepušta utisku (*nicht beeindrucken lassen*). Takođe, ovo pripada još jednoj od Vaših velikih prognoza, jadni, poraženi Tokvilu! (Schmitt 2017: 30–31; 1950, 32–33)¹¹.

Ivo Andrić, onovremeni ambasador Kraljevine Jugoslavije u Berlinu i kasnije dobitnik Nobelove nagrade, opisuje Šmitu Marka Kraljevića, verovatno najvažnijeg srpskog junaka i „pobeđnika“ odgovornog za konstrukciju onoga „izvorno narodnog“ (mitskog ili „srpskog“). Andrić, sasvim sigurno u prisustvu Šmitove supruge Duške Todorović (ona je često recitovala Šmitu i prevodila mu sa srpskog različite pesme), rekonstruiše jednu potpuno sumnjivu pobedu Markovu nad turskim junakom Musom Kesedžijom, evocirajući jednu od najpoznatijih pesama napisanih na srpskom jeziku („Marko Kraljević i Musa Kesedžija“). Epilog je opisan verno i zaključak Šmitov i razlog za „duboku impresiju“ sasvim sigurno je opravdan:

Kad to viđe Kraljeviću Marko
Proli suze niz bijelo lice:
„Jaoh mene do boga miloga,
Đe pogubih od sebe boljega!“

Današnji pobeđnik bi svakako mogao i možda morao da sledi „nauku pobeđe“ koju bi verovatno mogli da upišemo u jedan idealni registar pravoslavne etike rata. Naime, pobeđnik iskreno žali jer je prekršio određena pravila duela ili rata, obraća se Bogu i traži pomilovanje, te na neki način daje obećanje da će biti potpuno milosrdan u budućnosti to jest da se neće ponašati kao surovi pobeđnici današnjice (to je Šmitova poenta). Junak Marko ustanovljuje da njegov neprijatelj nije kršio pravila ispravnog ratovanja, i za razliku od njega, nije tražio pomoć drugih. Ta priča o pobedi koja je konstrukcija jednog stilizovanog pravoslavnog pogleda na svet insistira na nekoliko momenata koje je nužno brzo nabrojati: a) ideja pomoći — pobeđa je uvek pobeđa sa drugim, sa dodatkom... Bogom,¹² vilom, zmijom, pomoćnim sredstvom, tajnim saveznikom, tajnim oružjem; b) pobeđa ima više autora ili je sastavljena od više aktera koji dele odgovornost pobeđe dok odlučuje i pobeđuje uvek vrhovno biće ili Bog; c) nauka pobeđe ili nauka kako pobeđiti je u samoporicanju pobeđnika i žaljenju.

¹¹ Cf. Bojanić 1995: 18–24.

¹² „Prilepi se uz Njega, i s mislima o pobeđi koračaj smelo napred. Bog u tebi pobeđivaće umesto tebe. Njemu pripisuj sve pobeđe, a sebi zadržavaj radost“. Sveti Nikolaj Srpski, „Azbuka Pobeđe“. Pobeđi cara Konstantina nad Maksencijem iz 312. prethodi Konstantinovo mističko iskustvo jer je ugledao na nebu krst od zvezda koji je sijao jače od sunca, dok je na krstu pisalo na grčkom jeziku: „touto nika“ (ovim pobeđuj).

Veličanstveni primer negativnog heroja ili negativnog pobjednika Marka ne mora da bude nužno devalviran svim onim sto nalazimo u pomenutoj mitskoj poemi, pre i posle stihova koje sam evocirao sledeći Šmita i Andrića. Konačno, zašto je toliko potresen srpski junak? Pre svega, u poemi je nejasno izdiferencirano neprijateljstvo Marka i Muse — ko je tu uopšte Srbin, ko Turčin, a ko je poturica? Ko je ko u tom sukobu i kakva je priroda neprijateljstva? Naime, romantični princip koji potencira Andrić (Šmit) bitno je pomeren „činjenicama“ da je Marko bio „izgubljen“ i pred porazom u ovoj bitki, da se borio u nedelju, da je ubio nožem iz potaje, da se služio neviteškim tajnim sredstvima, za razliku od svoga neprijatelja, da nije tražio pomoć od Boga nego od vile etc. Evo kako se poema završava i šta sledi Markovom kajanju, suzama i molitvama Bogu.

Pa on Musi odsiječe glavu
I baci je Šarcu u zobnicu,
Odnese je bijelu Stambolu.
Kad je baci pred cara čestitog,
Car je od stra na noge skočio;
Veli njemu Kraljeviću Marko:
„Ne boj mi se, care gospodine!
Kako bi ga živa dočekao
Kad od mrtve glave poigravaš?“
Car mu dade tri tovara blaga.
Ode Marko bijelu Prilipu,
Osta Musa uvrh Kačanika.

Kraj poeme napominje da je pobeđeni zapravo besmrtni i da se i dalje nalazi na mestu gde je ubijen. Ideja o nemogućnosti totalnog uništenja i brisanja neprijatelja ili nepravde implicira da je pobjeda zapravo nemoguća i pored spremnosti pobjednika da proizvodi nepravedne akte i da ih istovremeno poriče i kaje se. Izgleda da su ti protokoli nešto sasvim novo u komplikovanim istorijama pravde i pobjede. Oni nas opominju i svakako pokazuju granice figure neprijateljstva i na izvestan način je štite od obesti pobjednika i asimetrične upotrebe sile.

LITERATURA

- Bojanić Petar. *O institucionalnom delovanju. Kako je moguće ispravno raditi, pisati, hodati, disati, živeti zajedno?* Novi Sad — Beograd: Akademska knjiga — Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 2016.
- Bojanić Petar. *Prijatelj-neprijatelj. Carl Schmitt i Jacques Derrida*, Novi Sad: Svetovi, 1995.
- Freund Julien. *L'aventure du politique*. Paris: Criterion, 1991.
- Heidegger Martin. *Überlegungen XII–XV*. Band 96. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2018.
- Rosenzweig Franz. *Der Mensch und sein Werk. Briefe und Tagebücher*. Band 1. Haag: Martinus Nijhoff, 1979.
- Russell Bertrand. "The Ethics of War". *The International Journal of Ethics* XXV/2 (1915): 127–142.
- Churchill, Winston. *Blood, Toil, Tears and Sweat: The Speeches of Winston Churchill*. Edited by David Cannadine. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1989.
- Schmitt Carl. *Ex Captivitate Salus*. Cambridge: Polity, 2017.
- Schmitt Carl. *Ex Captivitate Salus*. Köln: Greven Verlag, 1950.
- Simmel Georg. *Sociology. Inquiries into the Construction of Social Forms*. Vol. 1. Edited by Anthony J. Blasi et al. Brill: Leiden — Boston, 2009: 287–305.

- Simmel, Georg. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.
- Walzer Michael. "Coda: Can the Good Guys Win?". *The European Journal of International Law*, XXIV/1 (2013): 433–444.
- Walzer Michael. "The Problem of Dirty Hands", *Philosophy & Public Affairs* II/ 2 (1973): 160–180.
- Велимировић, Николај. *Азбука њобедe*. <https://svetosavlje.org/azbuka-pobede/>. 11.04.2021.
- Велимировић Николај. *Мисионарска писма*. <https://svetosavlje.org/misionarska-pisma/09.04.2021>.
- Суворов Александр Васильевич. *Наука побеждать генералиссимуса Суворова*. Москва: Рипол, 2021.
- Фасмер Макс. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 4. Москва: Астрель — АСТ, 2004.
- Филарет. *Сочинения Филарета, Митрополита Московского*. Москва, 1873.

REFERENCES

- Bojanić Petar. *O institucionalnom delovanju. Kako je moguće ispravno raditi, pisati, hodati, disati, živeti zajedno?* Novi Sad — Beograd: Akademska knjiga — Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 2016.
- Bojanić Petar. *Prijatelj-neprijatelj. Carl Schmitt i Jacques Derrida*, Novi Sad: Svetovi, 1995.
- Fasmer Maks. *Etimologičeskij slovar' russkogo yazyka*. Т. 4. Moskva: Astrel' — AST, 2004.
- Filaret. *Sochineniya Filareta, Mitropolita Moskovskogo*. Moskva, 1873.
- Freund Julien. *L'aventure du politique*. Paris: Criterion, 1991.
- Heidegger Martin. *Überlegungen XII–XV*. Band 96. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2018.
- Rosenzweig Franz. *Der Mensch und sein Werk. Briefe und Tagebücher*. Band 1. Haag: Martinus Nijhoff, 1979.
- Russell Bertrand. "The Ethics of War". *The International Journal of Ethics* XXV/2 (1915): 127–142.
- Churchill, Winston. *Blood, Toil, Tears and Sweat: The Speeches of Winston Churchill*. Edited by David Cannadine. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1989.
- Schmitt Carl. *Ex Captivitate Salus*. Cambridge: Polity, 2017.
- Schmitt Carl. *Ex Captivitate Salus*. Köln: Greven Verlag, 1950.
- Simmel Georg. *Sociology. Inquiries into the Construction of Social Forms*. Vol. 1. Edited by Anthony J. Blasi et al. Brill: Leiden — Boston, 2009: 287–305.
- Simmel, Georg. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.
- Suvorov Aleksandr Vasil'evich. *Nauka pobezhdat' generalissimusa Suvorova*. Moskva: Ripol, 2021.
- Velimirović, Nikolaj. *Azbuka pobede*. <https://svetosavlje.org/azbuka-pobede/>. 11.04.2021.
- Velimirović Nikolaj. *Misionarska pisma*. <https://svetosavlje.org/misionarska-pisma/09.04.2021>.
- Walzer Michael. "Coda: Can the Good Guys Win?". *The European Journal of International Law*, XXIV/1 (2013): 433–444.
- Walzer Michael. "The Problem of Dirty Hands", *Philosophy & Public Affairs* II/ 2 (1973): 160–180.

Petar Bojanić

THE ENEMY AND TERMINATION OF ENMITY.
IS A "SERBO-RUSSIAN" PROTOCOL OF PEACE POSSIBLE?

Summary

The text assumes that there is a distinct Orthodox war ethics, with its particularities and distinctions from Western war ethics. Serbian and Russian examples serve to reconstruct unusual understandings of the enemy and enmity, termination of conflict, victory in war, as well as the relation of victory and peace. In Orthodox Christianity, the idea of a specific termination of enmity and conflict ought to revise various protocols insufficiently successful in establishing stable and long-term peace.

Key words: enemy, war, Orthodox war ethics, victor, peace.

Людмила Сараскина
Государственный институт искусствознания, Москва
l.saraskina@gmail.com

Liudmila Saraskina
State Institute for Art Studies Russian Federation
l.saraskina@gmail.com

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ: «У НАС, РУССКИХ, ДВЕ РОДИНЫ:
НАША РУСЬ И ЕВРОПА»

FYODOR DOSTOEVSKY: «WE, RUSSIANS, HAVE TWO
MOTHERLANDS: OUR RUSSIA AND EUROPE»

В статье рассмотрена проблема взаимоотношений России и Запада, которая со времен петровских реформ находилась в центре политических, философских, а также художественных размышлений. Вопросы — каким путем пойдет Россия в своем развитии, станет ли она «благополучной» европейской страной — занимали умы отечественных философов, мыслителей, поэтов. Раздумья о смысле истории Европы и России, о качественном различии исторического пути, пройденного европейскими странами и Россией, анализируются на материале *Философических писем* П. Я. Чаадаева и реакции на них А. С. Пушкина. Дискуссия об исторической судьбе России не оставила в стороне Достоевского, заставив его острее и напряженнее переживать пути скрещений России и Запада. Цивилизационный спор, разделивший российское общество на западников и славянофилов, прочно вошел в публицистику Достоевского, поселился в его романах, записных тетрадах, письмах. Точный и емкий образ Европы сложился у Достоевского во многом под воздействием стихотворения А. С. Хомякова «Мечта» (1835) о «стране святых чудес». Несмотря на разочарования и обманутые надежды, этот образ не померк в сознании Достоевского даже в самые тяжелые для России времена, когда Европа жестко противостояла русским политическим и военным интересам.

Ключевые слова: Пушкин, Чаадаев, Достоевский, Россия, Европа, «страна святых чудес», пути развития, цивилизационный спор, две родины.

The paper addresses the problem of interrelations between Russia and the West. This problem, since the time of the reforms of Peter I, has been the central one in Russian political and philosophical thought, as well as in Russian thoughts about art. What will be the way of Russia's development? Will Russia become a «prosperous» European country? Such questions occupied the minds of Russian philosophers, thinkers, and poets. In this paper, the problem of European versus Russian history, of the difference between the historical experiences of European countries and Russia, is analysed first on the material of P. Ya. Chaadaev's *Philosophical Letters* and A. S. Pushkin's reaction to them. F. M. Dostoevsky, also,

took part in the discussions about Russia's historical fate. He had very strong feelings about the ways Russia and the West confronted each other. The controversy that divided Russian society into «Westernisers» and «Slavophiles» occupies an important place in Dostoevsky's journalistic writings, as well as in his novels, notebooks, and letters. Dostoevsky's definite image of Europe was formed largely under the influence of A. S. Khomyakov's poem «A Dream» (1835) about «the country of holy wonders». In spite of all disillusionments and belied hopes, this image did not fade in Dostoevsky's mind even in those hard times when Europe opposed, very toughly, Russia's political and military interests.

Key words: Pushkin, Chaadaev, Dostoevsky, Russia, Europe, «the country of holy wonders», ways of development, controversy about civilisations, two motherlands.

Взаимоотношения России и Запада, отношение России к Западу и Запада к России со времен петровских реформ было центральной проблемой российской политической, философской, а также художественной мысли, глубочайшей, зачастую весьма болезненной, интеллектуальной рефлексией. Каким путем пойдет Россия в своем развитии — проторенным западным или неким новым, особенным? Станет ли Россия европейской страной, то есть, рассуждая в терминах эпохи, «нормальной» и «благополучной»? Или останется державой азиатской, то есть, опять-таки, согласно общепринятым западным понятиям, отсталой и «проблемной»?

Именно эти вопросы были в XIX веке ключевыми вопросами русской общественной мысли, именно они разделили русских мыслителей на славянофилов и западников. Этот цивилизационный спор до сих пор остается актуальным, и время ничуть не снизило его остроту. Кто мы — Запад или Восток? Кем нас считают в Европе? (скорее всего, не Европой). Кем нас считают в Азии? (скорее всего, не Азией). Кем мы хотим быть сами? Где мы? Кто мы? Куда и откуда идем?

Вряд ли Достоевскому могло быть известно высказывание Пушкина о принципиально ином, нежели в Европе, рисунке исторического развития России, о национальной специфике ее культурного кода. В заметке о втором томе *Истории русского народа* Николая Полевого (1830), оставшейся в черновиках, Пушкин писал: «*Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы...*» (Курсив мой. — Л. С.) (Пушкин 1978: 100).

Пушкин объясняет свою позицию: в России не было феодализма, не было рыцарства, бояре жили в городах, не укрепляя своих поместий. «Приняв свет христианства от Византии, она (Россия. — Л. С.) не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-католического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния», — замечал Пушкин уже в другой своей статье («О ничтожестве литературы русской», 1834) (Пушкин 1978: 210), которая была опубликована при жизни поэта (и которую Достоевский мог прочесть). В краях оцепеневшего севера не слышно было ни звука от потрясений, произведенных крестовыми походами и другими событиями, составившими историю стран Запада. С другой стороны, поработители Руси татары и монголы не

походили на мавров и не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля. Свержение татаро-монгольского ига тоже оставило в стороне народное развитие.

На протяжении веков Россия оставалась чуждой Европе — этот горький пушкинский вывод становится в первой половине шестидесятых годов базовой исторической аксиомой для выработки Достоевским идеологии почвенничества. Пушкин, с которого началось новое историческое самосознание России, как источник историософской мысли становился в один ряд с Карамзиным. Исторический смысл *Истории Петра* и *Истории Пугачева*, острый полемический импульс, содержащийся в стихотворении «Клеветникам России» (1831), побуждает Достоевского существенно уточнить свои прежние представления о возможном союзе России с Европой, о пути самой России, отличном от пути европейского.

Пушкин ставит вопрос — в чем тайна ненависти Европы к России? Однако никакой тайны на самом деле нет, и ответ ясен. «Бессмысленно прельщает вас / Борьбы отчаянной отвага / — И ненавидите вы нас... / За что ж? ответствуйте: за то ли, / Что на развалинах пылающей Москвы / Мы не признали наглой воли / Того, под кем дрожали вы? / За то ль, / что в бездну повалили / Мы тяготеющий над царствами кумир / И нашей кровью искупили / Европы вольность, честь и мир?...»

Пушкин — политический публицист выступает не столько как пророк, сколько как актуальный аналитик, в полном соответствии со своей философией: «Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем» (Пушкин 1978: 100). Так что поэт не пророчит, а провидит истинную причину всегдашней нелюбви Европы к России (о которой и сегодня говорят историки в связи с реалиями Великой Отечественной войны, или Второй мировой, в терминах Европы). Россия в XX веке сделала с нашествием «наглой воли» то же самое, что сделала в веке предыдущем, сделала это, в том числе и для Европы, и за Европу.

Тридцать лет спустя после Пушкина, вступая — от имени редакции журнала «Время» — в полемику с газетой Каткова *Московские ведомости*, Достоевский будто продолжает мысль поэта, автора дерзкого политического стихотворения. «Европа нас постоянно не любит, терпеть даже нас не может. Мы никогда в Европе не возбуждали симпатии, и она, если можно было, всегда с охотой на нас ополчалась. Она не могла не признать только одного: нашу силу, — и эта физическая, материальная сила (так, по крайней мере, Европа должна была смотреть на нас) всегда возбуждала в ней негодование. Да ведь и не одна Европа» (Достоевский 1980, 20: 100).

Таинственный смысл истории, связь прошлого и будущего, роль России в судьбе Европы — центральное интеллектуальное переживание старших современников Достоевского, испытавших общий порыв сознания к историзму, к философскому осмыслению политического и исторического времени. Так, в начале 30-х годов Н. В. Гоголь был одержим мыслью, что он «создан историком и призван к преподаванию *судеб человечества*» (цит.

по: Барсуков 1891: 144)¹. О том же говорил и Герцен десятилетие спустя — в начале 40-х: «История поглотила внимание всего человечества, и тем сильнее развивается жадное питание прошедшего, чем яснее видят, что былое пророчесствует, что, устремляя взгляд назад, — мы, как Янус, смотрим вперед» (*Московские ведомости* 142 (1843)).

Размышления о смысле истории Европы и России, о качественном различии исторического пути, пройденного европейскими странами и Россией, о потенциале будущего у обеих цивилизаций, составили ярчайшую эпоху русской философской мысли. Приоритетное слово здесь было за П. Я. Чаадаевым, автором знаменитых «философических писем». Первое из них (написано в 1829-м, опубликовано в 1836-м) без преувеличений может быть названо «роковым» и «легендарным»; оно получило скандальную известность и сделало автору литературную биографию.

Чаадаев писал: «Мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода» (Чаадаев 1989: 41). Те могучие впечатления, которыми питаются народы в своем развитии, те эпохи бурных волнений, страстных беспокойств, великих страстей, миновали Россию, не оставив следа, считал Чаадаев. В его глазах русская история — это смесь дикого варварства и грубого невежества, заполненная тусклым и мрачным существованием.

Историческая ничтожность и мертвый застой — вот два слагаемых русской жизни по Чаадаеву. Само место написания письма — Москва — названо Некрополем. Тупая неподвижность бытия, когда не на что опереться; пустая, неразвитая память; культура, основанная на заимствованиях и подражаниях; бесплодные призраки вместо твердой, уверенной идеи; бессмысленное историческое прозябание — таков портрет русской цивилизации по Чаадаеву.

«Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекли без пользы для нас. Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили» (Там же: 47). Таков был вердикт Чаадаева о бесполезности русских для общего дела европейских народов.

«С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной ниве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами <...> В нашей

¹ См. также: Тарасов 1989: 8.

крови есть нечто враждебное всякому истинному прогрессу» (Там же: 47–48). Такова была суть «отрицательного патриотизма» Чаадаева в отношении русской истории.

Еще более категоричен был его диагноз настоящего: «Ныне же мы, во всяком случае, составляем пробел в нравственном миропорядке» (Там же: 48). Русским остается лишь завидовать европейским народам — завидовать даже религиозным войнам и кострам инквизиции, ибо в этих кровавых битвах люди, по мнению Чаадаева, искали истину, но попутно нашли свободу и благосостояние.

Европейские успехи в сфере науки, просвещения, культуры, правосознания, бытовых привычек, житейского комфорта, материального достатка и благоустройства, а также колоссальные преимущества европейского католичества над византийским православием, в которых Чаадаев как раз и видит первопричину цивилизационного отрыва России от Европы, приводит его к выводу *о вторичности и мизерности исторической судьбы России*. Потому благо своей убогой и несчастной родины Чаадаев усматривает только в полном копировании всей национальной жизни по европейскому образцу и фактическом подчинении православия католической традиции.

И хотя в процессе собственного развития мысль Чаадаева претерпевала большие, иногда кардинальные изменения; несмотря на то, что, в конце концов, он отказался от западнического радикализма, поменяв «негативный» патриотизм на «позитивный»; несмотря даже на то, что главное обвинение России (ее тотальная изолированность от Европы) обернулось главным аргументом ее защиты (мы, свободные от европейских страстей, сможем быть совестными судьями европейского мира), репутация философа уже была навсегда завершена — тем первым письмом, написанным из «Некрополя» и единственным напечатанным при жизни.

Оно и стало источником легенд — о Чаадаеве, ненавистнике России, о Чаадаеве, перешедшем в католичество, о Чаадаеве, фанатичном апологете западной цивилизации и римской церкви. Оно стало перчаткой, брошенной всей русской истории и русской мысли — предшествующей и последующей. Оно стало вызовом едва ли не всем мыслящим современникам Чаадаева: они (а не только император Николай I и шеф жандармов граф А. Х. Бенкендорф) восприняли содержание письма как отрицание той России, которую, по слову П. Я. Вяземского, с подлинника списал Карамзин.

«Прочитав статью, нахожу, — начертал Николай I, — что содержание оной — смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного» (цит. по: Лебедев 1965: 173). На основании этой резолюции и был составлен ключевой документ «философической» драмы, в котором Бенкендорф рекомендует московскому военному генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну заботиться о дальнейшей судьбе москвича Чаадаева, по нездоровью дышащему «нелепой ненавистью к отечеству». «Жители древней нашей столицы, всегда отличающиеся чистым, здравым смыслом и будучи преисполнены

чувством достоинства Русского Народа, тотчас постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественником их, сохранившим полный свой рассудок и <...> не только не обратили своего негодования против г. Чеодаева, но, напротив, изъявляют искреннее сожаление свое о постигшем его расстройстве ума, которое одно могло быть причиною написания подобных нелепостей» (Там же).

Шеф жандармов, находясь в Петербурге, отлично знал московские настроения, о чем уведомлял московского генерал-губернатора. «Здесь, — писал граф, — получены сведения, что чувства сострадания о несчастном положении г. Чеодаева единодушно разделяются всею московскою публикою» (Там же). Самое главное, что это была сущая правда: под «всею московскою публикою» подразумевались вовсе не «охранители и мракобесы», толпой стоявшие у трона, а люди несомненных гражданских и культурных достоинств — Н. М. Языков, Д. В. Давыдов, князь П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, В. Ф. Одоевский, семья Карамзиных.

Однако момент истины состоял в том, что именно Пушкин, друг мятежной молодости, поэт вольности, которого мудрец-Чаадаев «поворотил на мысль», решительно оспорил центральный тезис первого философического письма — об исторической ничтожности русских.

Драматический диспут об исторической судьбе России Пушкин и Чаадаев вели независимо друг от друга. В том самом 1829 году, когда Чаадаев обнаружил зияющую пустоту и никчемность русской истории, Пушкин писал «Воспоминания в Царском селе», и перед его глазами явственно вставали «дней прошлых гордые следы» — славная история «великой жены» Екатерины II и ее гордых орлов — героев, снискавших победы на поле брани. «Сядятся призраки героев/У посвященных им столпов,/Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,/Перун кагульских берегов./Вот он, могучий вождь полуночного флага,/Пред кем морей пожар и плавал и летал./Вот верный брат его, герой Архипелага,/Вот наваринский Ганнибал.

Вскоре, в стихотворении «Моя родословная» (1830) поэт снова вспоминал «времен превратность» — его предки служили святому Александру Невскому, приложили руку к избранию на царство бояр Романовых; обладая нравом гордым и неукротимым, спорили с царями, попадали в немилость. Русская история у Пушкина переплетена с семейными преданиями и составляет с ней единое целое. Потому и патриотические стихи 1831 года, «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», с их державным пафосом, кажутся еще и грандиозными историческими фресками: русская история для поэта — духовная родина, родное время и пространство, земля обетованная.

Возражения, изложенные Пушкиным в его письмах к Чаадаеву (от 6 июля 1831 года, после прочтения рукописи 6 и 7 «философических писем», и от 19 октября 1936 года, после прочтения в *Телескопе* знаменитого первого письма), — это манифест несогласия с уничижительной оценкой русской истории. «Ваше понимание истории для меня совершенно ново,

и я не всегда могу согласиться с вами», — пишет поэт в 1831-м (Пушкин 1979, 19: 659) и повторяет то же самое пять лет спустя.

Как ни странно, но эти письма берутся в расчет гораздо реже, чем пафосный «отрицательный патриотизм» Чаадаева, который так нравился советским историкам (по одним причинам) и всем без исключения постсоветским западникам (по другим причинам). Между тем Пушкин разбивает тезисы Чаадаева пункт за пунктом.

Во-первых, совершенно иначе, нежели Чаадаев, трактует Пушкин факт изолированности России от Европы, видя в нем особое предназначение. Необъятные пространства России поглотили монгольское нашествие — завоеватели-кочевники не посмели перейти западные границы России и оставить ее у себя в тылу. Так была спасена христианская цивилизация — своим мученичеством Россия избавила католическую Европу от всяких помех.

Во-вторых, Пушкин энергично вступает за православие, которое, по Чаадаеву, в силу своего византийского происхождения, виновато в отсталости России. Что с того, однако, что Византия (как источник, откуда Россия черпала христианство) была презираема в Европе? «Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие разве от этого менее изумительно? <...> Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве» (Там же: 689).

В-третьих, Пушкин решительно опровергает центральный тезис Чаадаева о «нашей исторической ничтожности». Русская история в лице Пушкина получила заступника и певца, разглядевшего в древних сражениях юность своего народа, его пробуждение и возмужание. Неужели «оба Ивана, величественная драма в монастыре, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история? А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж?» (Там же).

И вот классически ясный, неотразимый вывод, который — так уж оказалось — имел место за три месяца до смерти поэта и стал его завещанием. «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (Там же). К выводу прилагались несколько особенно тяжелых для сознания всякого западника слов — о том, что русское правительство все еще единственный европеец в России. «И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания» (Там же: 701). Однако этих строк Пушкина из черновиков неотправленного письма к Чаадаеву 1836 года адресат никогда, разумеется, не видел и не читал.

Именно Пушкин помог найти Достоевскому интеллектуальное противоядие историческому скепсису П. Я. Чаадаева и укрепиться в своем горячем чувстве к судьбе России. «Гадкая статья Чаадаева», — напишет Достоевский о знаменитом первом философическом письме в Записной тетради 186 года (Достоевский 1980, 20: 190). Но, быть может, именно Чаадаев раздражил и раздразнил Достоевского, как и многих других своих современников, заставив их острее, напряженнее, драматичнее переживать пути скрещений России и Запада. Личность Чаадаева прочно вошла не только в публицистику Достоевского, она поселилась в романах, в записных тетрадях, письмах Достоевского.

В *Зимних заметках о летних впечатлениях* он ставит имя Чаадаева рядом с Белинским: «Я не встречал более страстного русского человека, каким был Белинский, хотя до него только разве один Чаадаев так смело, а подчас и слепо, как он, негодовал на многое наше родное и, по-видимому, презирал все русское» (Достоевский 1973, 5: 50).

В 1870 году, в связи с замыслом «Жития великого грешника», Чаадаев волнует Достоевского уже не просто как реальная личность, а как тип, характер. В письме к А. Н. Майкову возникает волнующая картина: «Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре? Предположите, что Чаадаев, после первой статьи, за которую его свидетельствовали доктора каждую неделю, не утерпел и напечатал, например за границей, на французском языке, брошюру, — очень и могло бы быть, что за это его на год отправили бы просидеть в монастырь. К Чаадаеву могут приехать в гости и другие: Белинский наприм<ер>, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.)» (Достоевский 1986, 29, кн. 1: 118).

Достоевский оценивает Чаадаева как одного из тех блестящих деятелей, к которым мог примыкать и герой *Бесов*, Степан Трофимович Верховенский. «Бесспорно, что и он некоторое время принадлежал к знаменитой плеяде иных прославленных деятелей нашего прошедшего поколения, и, одно время, — впрочем, всего только одну самую маленькую минуточку, — его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» (Достоевский 1974, 10: 8).

Глубокие корни пустила чаадаевская легенда и сам образ опального философа в *Подростке*. Самоубийство Крафта в романе *Подросток* совершено будто под гипнозом Чаадаева. «Он, вследствие весьма обыкновенного факта, пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ <...> второстепенный, которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества. Ввиду этого, может быть и справедливого, своего вывода господин Крафт пришел к заключению, что всякая дальнейшая деятельность всякого русского человека должна быть этой идеей парализована, так сказать, у всех

должны опуститься руки» (Достоевский 1975, 13: 44). Идеями Чаадаева и, соответственно, чертами его характера и фактами его биографии наделен Версилов, главный герой *Подростка*².

Кажется, эпоха Чаадаева, тридцатые годы XIX столетия, — это время, когда русская мысль строила систему координат своего национального бытия. «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!» — так реагировал Ф. Тютчев на революционные события во Франции в июле 1830 года. Сороковые годы дали этой проблематике новое освещение — в сочинениях Белинского, Герцена, Грановского, с одной стороны, и Самарина, Киреевского, Хомякова — с другой.

В мае 1849 года Достоевский, допрошенный Следственной комиссией по делу петрашевцев, не скрывал своего волнения по поводу новой революции в Европе. «На Западе происходит зрелище страшное, разыгрывается драма беспремерная. Трещит и сокрушается вековой порядок вещей. Самые основные начала общества грозят каждую минуту рухнуть и увлечь в своем падении всю нацию. <...> Это тот самый край, который дал нам науку, образование, цивилизацию европейскую; такое зрелище, урок! Это, наконец, история, а история — наука будущего» (Достоевский 1978, 18: 122).

Начало 1860-х — время, когда проблема «Россия и Запад» вновь выдвинулась на первые позиции русской общественной мысли. В «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 год»³, Достоевский впервые представил свое понимание будущего для России после столетия петровских реформ. «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался. Формы жизни, оставленные ему преобразованием, не согласовались ни с его духом, ни с его стремлениями, были ему не по мерке, не впору. Он называл их немецкими, последователей великого царя — иностранцами. Уже одно нравственное распадение народа с его высшим сословием, с его вожатыми и предводителями показывает, какую дорогою ценою досталась нам тогдашняя новая жизнь» (Достоевский 1978, 18: 36).

Однако, разойдясь с реформой, народ не пал духом. Он шел в темноте, но держался своей дороги, обдумывал свое положение, пробовал создать свою философию, искал выход. «Невозможно было более отшатнуться от старого берега, невозможно было смелее жечь свои корабли, как это сделал наш народ при выходе на эти новые дороги, которые он сам себе с таким мучением отыскивал. После реформы был между образованным сословием и народом один только случай соединения — двенадцатый год, и тогда все увидели, как народ заявил себя. Мы поняли тогда, что он такое» (Там же).

² См. об этом: Долинин 1963: 112–125.

³ Объявление было напечатано в сентябре 1860 года в газетах: *Сын отечества*, *Северная пчела*, *Санкт-Петербургские ведомости*, *Русский инвалид* и др. с подписью: Редактор М. Достоевский. Н. Н. Страхов указывал в воспоминаниях, что это объявление, несомненно, написано Ф. М. Достоевским и представляет изложение самых важных пунктов его тогдашнего образа мыслей.

Начало 1860-х — время своего собственного возвращения в европейскую Россию после сибирской каторги и ссылки — Достоевский воспринимает еще и как финал Петровских реформ. «Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги; она вся пройдена» (Там же). Но итог долгого пути не оставляет иллюзий: *последователи Петра узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделали европейцами*. «Когда-то мы сами укоряли себя за неспособность к европеизму. Теперь мы думаем иначе. Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, — точно так, как мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке» (Там же).

Русские убедились, наконец, считает Достоевский, что они тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и вернулись на родную почву непобежденными. Они поняли, что не следует отделяться китайской стеной от человечества, что русская идея может стать *синтезом всех тех идей*, которые развивает Европа в отдельных своих национальностях. «Недаром же мы говорили на всех языках, понимали все цивилизации, сочувствовали интересам каждого европейского народа, понимали смысл и разумность явлений, совершенно нам чуждых <...>. Способность же примирительного взгляда на чужое есть высочайший и благороднейший дар природы, который дается очень немногим национальностям» (Там же: 37).

В начале 1860-х, Достоевский, остро сознававший причастность России к европейской судьбе, смог оказаться, наконец, лицом к лицу с Европой. В 1862 году он *впервые* в жизни оказался за границей и путешествовал по городам Европы два с половиной месяца, по заранее составленному маршруту.

Дорогого стоит его признание в *Зимних заметках о летних впечатлениях* — художественных очерках, написанных через полгода после поездки. «За границей я не был ни разу; рвался я туда чуть не с моего первого детства, еще тогда, когда в долгие зимние вечера, за неумением грамоте, слушал, разиня рот и замирая от восторга и ужаса, как родители читали на сон грядущий романы Радклиф, от которых я потом бредил во сне в лихорадке. Вырвался я наконец за границу сорока лет от роду, и, уж разумеется, мне хотелось не только как можно более осмотреть, но даже все осмотреть, непременно все, несмотря на срок» (Достоевский 1973, 5: 46).

Однако задачей «осмотреть как можно более» путешествие Достоевского отнюдь не ограничивалось — и вообще оно скорее походило на паломничество по святым местам, нежели на туристическое кочевье. «Я именно размышлял на тему о том: каким образом на нас в разное время отражалась Европа — и постепенно ломилась к нам с своей цивилизацией в гости, и насколько мы цивилизовались, и сколько именно нас счетом до сих пор отцивилизовалось?» (Там же: 55)

«Страна святых чудес» — эта строка из стихотворения А. С. Хомякова «Мечта» (1835) стала символом (паролем, знаком), которым Достоевский впервые обозначил свой европейский маршрут 1862 года и который «работал» в этом качестве все последующие годы, почти двадцать лет.

«Страной святых чудес» А. С. Хомяков назвал «дальний Запад», то есть Западную Европу. О чем же «Мечта» Хомякова — стихотворение, написанное в разгар «философических» тридцатых годов, накануне публикации первого чаадаевского письма (которое Хомяков не мог не знать)? Основной мотив стихотворения — это сожаление о том Западе, который так долго был мечтой русских, но теперь утратил свое былое величие и ныне «задернут» «мертвенным покровом».

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
 На дальнем Западе, стране святых чудес:
 Светила прежние бледнеют, догорая,
 И звезды лучшие срываются с небес.

Святые чудеса, процветавшие на Западе, — это его философия, наука, искусство, литература; это идеи гуманизма, свободы, равенства и братства, это вера в счастливое будущее человечества, это колоссальное богатство западной цивилизации, которым восхищались лучшие русские умы. Перечисление святых чудес в стихотворении Хомякова возвышенно и поэтично.

А как прекрасен был тот Запад величавый!
 Как долго целый мир, колена преклонив
 И чудно озарен его высокой славой,
 Пред ним безмолвствовал, смирен и молчалив.
 Там солнце мудрости встречали наши очи,
 Кометы бурных сеч бродили в высоте,
 И тихо, как луна, царица летней ночи,
 Сияла там любовь в невинной красоте.
 Там в ярких радугах сливались вдохновенья,
 И веры огонь живой потоки света лил!..
 О! никогда земля от первых дней творенья
 Не зрела над собой столь пламенных светил!

Собственно говоря, в контексте политической публицистики Достоевского символично само название стихотворения Хомякова. Называть мечтой свои дерзкие политические надежды — совершенно в духе Достоевского. «Постыдно ли быть идеалистом?» На этот риторический вопрос Достоевский отвечает уверенным отрицанием: русский народ не материалист, он не может думать только о насущной выгоде. Стыдиться своего идеализма нечего: идеализм так же реален, как и реализм и никогда не может исчезнуть из мира (Достоевский 1981, 23: 67–70). Народам свойственно предаваться мечтам, иметь идеалы, святые идеи. Примирительная мечта вне науки — это мечта о национальной идее как идее всемирного человеческого единения (Достоевский 1983, 25: 17). «Утопическое понимание истории» — это мечта о единении всех славян под крылом России, это вера

в братство всех людей, надежда на всепримирение и обновление народов на истинных христианских началах (Достоевский 1981, 23: 47, 50). Достоевский мечтательно верит в будущую мирную победу великого христианского духа, сохранившегося на Востоке (Достоевский 1983, 25: 434). На этой ноте завершается и «Мечта» Хомякова:

Но горе! Век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь. Там будет мрак глубок...
Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом,
Проснися, дремлющий Восток!

Очевидно: стихотворная строка Хомякова дала Достоевскому точный и емкий образ того Запада, который складывался у него под влиянием разных спорящих сторон — Карамзина, открывшего России ее историю, Чаадаева с его историческим скепсисом, государственнической мысли Пушкина, западнических настроений Герцена, национальных надежд его славнофильских оппонентов.

Трижды цитирует Достоевский строку Хомякова в *Зимних заметках...* «Господи, сколько я ожидал себе от этого путешествия! “Пусть не разгляжу ничего подробно, — думал я, — зато я все видел, везде побывал; зато из всего виденного составитя что-нибудь целое, какая-нибудь общая панорама. Вся “страна святых чудес” представится мне разом, с птичьего полета, как земля обетованная с горы в перспективе. Одним словом, получится какое-нибудь новое, чудное, сильное впечатление...» (Достоевский 1973, 5: 47).

Достоевский называет Европу страной долгих томлений, ожиданий и упорных верований, страной, о которой он бесплодно мечтал почти сорок лет, а в шестнадцать хотел даже бежать в страну святых чудес. Почему Европа имеет на русских, кто бы они ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатление? — восклицает он. Вопрос риторический. «Ведь все, решительно почти все, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, все, все ведь это оттуда, из той же страны святых чудес! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась» (Там же: 51).

Смог ли кто-нибудь из образованных русских устоять против этого влияния? Если нет, то как, при таких влияниях, русские окончательно не переродились в европейцев? «Вот теперь много русских детей везут воспитываться во Францию; ну что, если туда увезли какого-нибудь другого Пушкина и там у него не будет ни Арины Родионовны, ни русской речи с колыбели? А уж Пушкин ли не русский был человек!» (Там же).

Спустя пятнадцать лет образ «страны святых чудес» под пером Достоевского все так же свеж и привлекателен. Повод вновь заговорить стихами о «дальнем Западе» — смерть Жорж Санд, на которую откликается Достоевский в «Дневнике писателя за 1876 год». Достоевский признается, как много значило это имя в его жизни, сколько принесло восторгов, радо-

сти, счастья. Возникнув в «стране святых чудес», сколько русских дум, любви, живой жизни и дорогих убеждений переманило оно из вечно создающейся России. Но должны ли русские превозносить эти знаковые имена? Должны ли укорять себя за увлечения «на стороне»? Достоевский уверен: восхищаясь Жорж Санд и отдавая дань ее памяти, русские «служат прямому своему назначению» (Достоевский 1981, 23: 30).

Образ «страны святых чудес», при всех разочарованиях и обманутых надеждах, не померк в сознании Достоевского даже в самые тяжелые времена русско-турецкой войны, когда Европа жестко противостояла русским интересам и русской армии на Востоке. «У нас — русских, — писал Достоевский в *Дневнике писателя за 1876 год*, — две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. Величайшее из величайших назначений, уже сознанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству» (Там же: 30–31).

Так же, как и славянофилы, Достоевский считает всечеловечность главной личной чертой и назначением русского народа. Однако он призывает не смешивать служение общечеловеческой идее и легкомысленное шатание по Европе тех русских, кто добровольно и брюзгливо покинул отечество. Русским не стыдно по-настоящему любить Европу — ведь многое из того, что от нее взято и пересажено на родную почву, не копировалось рабски, а прививалось к своему организму, вживалось в плоть и кровь. «Всякий европейский поэт, мыслитель, филантроп, кроме земли своей, из всего мира, наиболее и наироднее бывает понят и принят всегда в России. Шекспир, Байрон, Вальтер Скотт, Диккенс — роднее и понятнее русским, чем, например, немцам <...> Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторявшееся в других народах в такой степени, во всю всемирную историю, и если это свойство есть действительно наша национальная русская особенность — то какой обидчивый патриотизм, какой шовинизм был бы вправе сказать что-либо против этого явления и не захотеть, напротив, заметить в нем прежде всего самого широко обещающего и самого пророческого факта в гаданиях о нашем будущем» (Там же: 31).

Достоевский множество раз горько сетовал на то, что Европа Россию не принимает и не любит. Это горечь была особенно сильной в разгар русско-турецкой кампании. Благородная цель войны, провозглашенная Россией, казалась Европе столь невероятной, что воспринималась как варварство «отставшей, зверской и непросвещенной» нации, способной лишь на низость и глупость. «Взгляните, кто нас любит в Европе теперь особенно? Даже друзья наши, отъявленные, форменные, так сказать, друзья, и те откровенно объявляют, что рады нашим неудачам. *Поражение русских милее им собственных ихних побед, веселит их, льстит им. В случае же удач наших эти друзья давно уже согласились между собою употребить все*

силы, чтоб из удач России извлечь себе выгод еще больше, чем извлечет их для себя сама Россия...» (Достоевский 1983, 25: 196. Курсив мой. — Л. С.).

Перспектива военного столкновения с Европой — при самом восторженном отношении Достоевского к задаче освобождения славян от турецкого владычества — пугает, ужасает Достоевского. «Мы — сталкиваемся с Европой! Европа — но ведь это страшная и святая вещь, Европа! О, знаете ли вы, господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам, по-вашему, ненавистникам Европы — эта самая Европа, “страна святых чудес”! Знаете ли вы, как дороги нам эти “чудеса” и как любим и чтим, более чем братски любим и чтим мы великие племена, населяющие ее, и всё великое и прекрасное, совершенное ими. Знаете ли, до каких слез и сжатий сердца мучают и волнуют нас судьбы этой дорогой и *родной* нам страны, как пугают нас эти мрачные тучи, всё более и более заволакивающие ее небосклон? Никогда вы, господа, наши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколько мы, мечтатели-славянофилы, по-вашему, исконные враги ее!» (Достоевский 1983, 25: 197–198).

Знаменательно, что такую позицию Достоевский считает именно *славянофильской*. В одном из разделов летнего выпуска *Дневника писателя за 1877 год*, с символическим названием «Признания славянофила», он вновь и вновь повторяет свои опасения, что Европа по-прежнему, по-всегдашнему, встретит Россию высокомерием, презрением и мечом, как диких варваров, недостойных говорить с нею.

Но поразительно, что винит Достоевский в этом не Европу. К себе, то есть к русской стороне, он обращает необходимый и неизбежный вопрос. Что мы скажем или покажем Европе, чтоб она нас поняла? Что у нас есть такого, что могло бы быть ей *понятно*, за что бы она нас *уважала*? Ведь Европа, которая считается только с фактами, непременно спросит нас: «Где ваша цивилизация? Усматривается ли строй экономических сил ваших в том хаосе, который видим мы все у вас? Где *ваша* наука, *ваше* искусство, *ваша* литература?» (Там же: 198).

Что сможет ответить Россия Европе и что сможет предъявить ей?

Стоит заметить, что в подготовительных материалах этого выпуска «Дневника писателя» Достоевский-славянофил высказался еще более определенно: «Я сам европеец. Я благоговел перед великой загадкой “страны святых чудес”. Где факты?» (Там же: 248).

Однако после событий русско-турецкой войны тезис о русских как о европейцах сильно корректируется. В январском выпуске *Дневника писателя за 1881 год*, вышедшем посмертно, Достоевский совершает новое «признание славянофила»: *русский не только европеец, но и азиат*; русскому европейцу пора сознать и выполнить свою миссию в азиатской части страны. Ведь «вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России всё еще как будто существуют в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться» (Достоевский 1984, 27: 32).

Достоевский выдвигает тезис о центральном значении Азии в грядущей судьбе России.

Достоевский вынужден признать: весь девятнадцатый век русских европейцев преследовала лакейская боязнь и постыдный страх прослыть в Европе азиатскими варварами. Во имя этого стыда и страха были допущены колоссальные ошибки, за которые русские поплатились утратой духовной самостоятельности. Неудачная европейская политика России вызвала у Европы еще бóльшую неприязнь к ней. «И чего-чего мы не делали, чтоб Европа признала нас за своих, за европейцев, за одних только европейцев, а не за татар. Мы лезли к Европе поминутно и неустанно, сами напрашивались во все ее дела и делишки. Мы то пугали ее силой, посылали туда наши армии “спасать царей”, то склонялись опять перед нею, как не надо бы было, и уверяли ее, что мы созданы лишь, чтоб служить Европе и сделать ее счастливою» (Там же: 33).

Однако всякая попытка «осчастливить» Европу, освободив ее от очередного деспота и узурпатора, почему-то никому не приносила политического счастья. Так случилось даже и с освобождением Европы от Наполеона: «Все эти освобожденные нами народы, тотчас же, еще и не добив Наполеона, стали смотреть на нас с самым ярким недоброжелательством и с злейшими подозрениями. На конгрессах они тотчас против нас соединились вместе сплошной стеной и захватили себе всё, а нам не только не оставили ничего, но еще с нас же взяли обязательства, правда, добровольные, но весьма нам убыточные, как и оказалось впоследствии. Затем, несмотря на полученный урок, — что делали мы во все остальные годы столетия и даже донныне?» (Там же: 33–34).

Спустя полвека после Пушкина, Достоевский видит все те же причины европейской подозрительности и недоброжелательства. Подводя предварительные итоги русско-европейским отношениям, он признает русское поражение в европейской политике. «Кончилось тем, что теперь всякий в Европе <...> держит у себя за пазухой припасенный на нас камень и ждет только первого столкновения. Вот что мы выиграли в Европе, столь ей служба? Одну ее ненависть! Мы сыграли там роль Репетилова, который, гоняясь за фортуной, “Приданого взял шиш, по службе ничего”» (Там же: 34).

Россия, считает Достоевский, проиграла свою европейскую карту как раз из-за того, что так активно, себе во вред, не считаясь с собственными интересами, не понимая даже, в чем именно эти интересы состоят, бросалась в европейские распри, как в свое кровное дело. Это русское безрассудство только способствовало усилению тех, кто уже завтра готов был напасть на Россию. В этом смысле Достоевский оказался предсказателем русско-германских отношений, как они сложились в XX веке. «Не мы ли способствовали укреплению германских держав, не мы ли создали им силу до того, что они, может быть, теперь и сильнее нас стали? Да, сказать, что это мы способствовали их росту и силе, вовсе не преувеличенно выйдет. Не мы ли, по их зову, ходили укрощать их междоусобие, не мы ли оберега-

ли их тыл, когда им могла угрожать беда? И вот — не они ли, напротив, выходили к нам в тыл, когда нам угрожала беда, или грозили выйти нам в тыл, когда нам грозила другая беда?» (Там же).

Европа, полагает Достоевский, так и не поверила, что Россия считает своим европейским назначением служение Европе и её благоденствию. Европа никак не смогла признать Россию *своей*, не признала за ней право участвовать наравне с европейскими державами в судьбе их общей цивилизации. Европа считает русских пришельцами, самозванцами. «Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их плаття перерядившихся. <...> И наконец, мерзим мы ей, мерзим, даже лично, хотя и там бывают иногда с нами вежливы» (Там же: 35).

Не оставалось никаких иллюзий насчет вождя брата: какое братство, если Европа «своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себе как людей, как породу» (Там же).

И тем не менее, несмотря ни на что, Россия, по мысли Достоевского, не должна отворачиваться совсем от Европы, тем более — от окна в Европу. Он снова вспоминает нетленный поэтический образ и не находит слов лучше, сердечнее. «Нам нельзя оставлять Европу совсем, да и не надо. Это “страна святых чудес”, — и изрек это самый рьяный славянофил» (Там же: 36).

Как свое политическое завещание (жить ему оставалось не более месяца) произносит Достоевский поразительные слова в адрес Европы — поразительные и ошеломляющие, если учесть все минувшие войны, в которых Европа была для России или ненадежным союзником или коварным противником. «*Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными*» (Там же).

То есть такая мать (именно мать, а не мачеха!), которая не любит и не уважает свое неразумное, навязчивое дитя, порой ненавидит и боится его, не доверяет ему, подозревает в дурных и злых намерениях, считает вором, ряженым, желает ему хиреть и слабеть, а при попытках нежностей с отвращением отворачивается.

Иными словами, выходило, что привязанность России к Европе — страсть роковая, неотступная, безответная и всегда жертвенная. Мы сами, пишет Достоевский, сделали для себя из Европы *какой-то духовный Египет*. Не пора ли позаботиться об исходе, перестав быть рабами и приживальщиками? Не пора собраться с мыслями, сосредоточиться на себе, жить своими внутренними интересами?

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков Николай. *Жизнь и труды М. П. Погодина*. Т. 1–22. Санкт-Петербург: Погодин и Стасюлевич, 1880–1910. Т. 4. 1891.
- Долинин Аркадий. *Последние романы Достоевского*. Москва–Ленинград: Советский писатель, 1963.
- Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*: В 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 20. 1980.

- Лебедев Александр. *Чаадаев*. Москва: Молодая гвардия, 1965.
- Пушкин Александр. *Полное собрание сочинений*: В 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. Ленинград: Наука, 1978.
- Пушкин Александр. *Полное собрание сочинений*: В 10 т. Т. 10. Письма. Ленинград: Наука, 1979.
- Тарасов Борис. «П. Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века». Чаадаев Петр. *Статьи и письма*. Москва: Современник, 1989.
- Чаадаев Петр. *Статьи и письма*. Москва: Современник, 1989.

REFERENCES

- Barsukov Nikolaj. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina*. Т. 1–22. Sankt-Peterburg: Pogodin i Stasyulevich, 1880–1910. Т. 4. 1891.
- Chaadaev Petr. *Stat' i i pis'ma*. Moskva: Sovremennik, 1989.
- Dolinin Arkadij. *Poslednie romany Dostoevskogo*. Moskva–Leningrad: Sovetskij pisatel', 1963.
- Dostoevskij Fedor. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 30 t. Leningrad: Nauka, 1972–1990. Т. 20. 1980.
- Lebedev Aleksandr. *Chaadaev*. Moskva: Molodaya gvardiya, 1965.
- Moskovskie vedomosti*. 1843. № 142.
- Pushkin Aleksandr. *Polnoe sobranie sochinenij*: V 10 t. Т. 7. Kritika i publicistika. Leningrad: Nauka, 1978.
- Pushkin Aleksandr. *Polnoe sobranie sochinenij*: V 10 t. Т. 10. Pis'ma. Leningrad: Nauka, 1979.
- Tarasov Boris. «P. Ya. Chaadaev i russkaya literatura pervoj poloviny XIX veka». Chaadaev Petr. *Stat' i i pis'ma*. Moskva: Sovremennik, 1989.

Људмила Сараскина

ФЛОДОР ДОСТОЈЕВСКИ: „МИ РУСИ ИМАМО ДВЕ ДОМОВИНЕ —
НАШУ РУСИЈУ И ЕВРОПУ”

Резиме

У раду се разматра проблем узајамних веза Русије и Запада које су од времена реформи Петра Великог дошле у центар политичких, филозофских и уметничких промишљања. Питања којим ће путем кренути Русија у свом развоју, да ли ће она постати „успешна” европска земља — заокупљала су пажњу домаћих филозофа, мислилаца, песника. Размишљања о смислу историје Европе и Русије, о квалитативној разлици историјског пута који су европске земље и Русија прошле анализирају се на материјалу *Филозофских писама* П. Ј. Чадајева и реакције А. С. Пушкина на њих. Дискусија о историјској судбини Русије није заобишла ни Достојевског, изазвавши га да израженије и дубље проживи тачке сусрета на путевима Русије и Запада. Цивилизацијски спор који је поделио руско друштво на западњаке и словенофиле укориенио се у публицистици Достојевског, наставио се у његовим романима, дневницима, писмима. Прецизна и пуна представа Европе формирала се код Достојевског умногоме под утицајем песме А. С. Хомјакова „Сан“ (1835) о „земљи светих чудеса”. Без обзира на разочарања и осујећене наде та представа није потамнела у свести Достојевског чак ни у најтежим временима за Русију, када се Европа оштро противила руским политичким и ратним интересима.

Кључне речи: Пушкин, Чадајев, Достојевски, Русија, Европа, „земља светих чудеса”, развојни путеви, цивилизацијски спор, две домовине.

Валерий Гречко
Университет Токио
VGretchko@hotmail.com

Valerij Gretchko
The University of Tokyo
VGretchko@hotmail.com

СЕМИОТИКА ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗЕ ЧЕХОВА «СКРИПКА РОТШИЛЬДА»: НЕСКОЛЬКО ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

THE SEMIOTICS OF SPACE IN CHEKHOV'S STORY "ROTHSCHILD'S FIDDLE": SOME INTERTEXTUAL PARALLELS

В статье рассматриваются интертекстуальные параллели рассказа А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда», а также связанные с ними пространственные метафоры. В частности, обращается внимание на связь рассказа Чехова с евангельскими текстами и мотивами. История о воскрешении Лазаря рассматривается как интертекстуальный источник повествования о духовной трансформации героя чеховского рассказа Якова и анализируется сквозь призму оппозиции закрытого и открытого пространства, значимой для обоих текстов. Мотив денег, банковских процентов и упущенных возможностей сопоставляется с евангельской притчей о талантах. В качестве еще одного интертекстуального источника рассказа Чехова рассматривается новелла Э. Т. А. Гофмана «Советник Креспель» («Кремонская скрипка»). Метафорическое «одушевление» скрипки, характерное для немецких романтиков, получает у Гофмана амбивалентное выражение, при котором скрипка представляет собой как источник музыки, так и «мертвый кусок дерева», сковывающий ее свободу. Эта амбивалентность прослеживается и в рассказе Чехова, где скрипка, с одной стороны, становится метафорой души, а с другой — включается в ряд предметов, обозначающих замкнутые пространства. В статье показано, что представление о замкнутом пространстве, «футляре», является в творчестве Чехова сквозным мотивом, становящимся выражением экзистенциальной изоляции человека в мире.

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Скрипка Ротшильда», интертекстуальность, пространственные метафоры, история о воскрешении Лазаря, притча о талантах, Э. Т. А. Гофман, «Советник Креспель».

The article examines some intertextual parallels of Chekhov's short story "Rothschild's Fiddle", as well as associated spatial metaphors. In particular, attention is drawn to the connection of Chekhov's story with Gospel texts and motifs. The story of the raising of Lazarus is considered as an intertextual source for the tale of the spiritual transformation of Yakov, the hero of Chekhov's story, and is analyzed through the prism of the opposition of closed and open space, significant for both texts. The motif of money, bank interest, and

missed opportunities is compared to the Gospel parable of the talents. As a further intertextual source for Chekhov's story, E. T. A. Hoffmann's novella "Rat Krespel" ("Councilor Krespel") is considered. The metaphorical "humanization" of the violin, characteristic of the German Romantics, receives an ambivalent expression in Hoffmann, where the violin represents both the source of music and the "dead piece of wood" that restrains its freedom. This ambivalence can also be traced in Chekhov's story, where the violin, on the one hand, becomes a metaphor for the soul and on the other, is included in a series of objects denoting enclosed spaces. The article demonstrates that the idea of an enclosed space, a "container", is a recurring motif in Chekhov's work, expressing the existential isolation of man in the world.

Key words: A. P. Chekhov, "Rothschild's Fiddle", intertextuality, spatial metaphors, the story of the raising of Lazarus, the parable of the talents, E. T. A. Hoffmann, "Councilor Krespel".

Увидевшая свет в 1894 году¹ печальная история гробовщика Якова, лишь перед смертью осознавшего тщетность прожитой жизни, представляет собой один из самых пронзительных текстов русской литературы. Говоря о «Скрипке Ротшильда», Корней Чуковский замечает, что в этом рассказе заключена «квинтэссенция чеховского стиля» и характеризует его как «один из величайших шедевров, какие только знает мировое искусство» (Чуковский 2012: 308). Действительно, поставленные в рассказе важнейшие вопросы бытия, обличенные в форму нарочито незатейливого повествования, продолжают оставаться темой для размышления и источником создания новых произведений культуры вплоть до наших дней².

Не обошли своим вниманием «Скрипку Ротшильда» и исследователи творчества Чехова. В многочисленных научных работах этот рассказ ставился в один ряд с теми произведениями писателя, в которых затрагиваются проблемы бессмысленности и абсурдности человеческого существования, подчеркивалась его социально-критическая направленность и изображение разлагающей власти денег³, а также выделялась еврейская проблематика⁴.

¹ Рассказ «Скрипка Ротшильда» был первоначально опубликован в *Русских ведомостях* в феврале 1894 г., в том же году перепечатан в сборнике *Повести и рассказы* (Чехов 1894), а вскоре был включен в первое собрание сочинений писателя (Чехов 1899–1902).

² В качестве наиболее значимых примеров можно выделить оперу Вениамина Флейшмана «Скрипка Ротшильда» (работа погибшего на войне Флейшмана была закончена Д. Шостаковичем в 1944 г. и после премьеры в 1968 г. запрещена за «сионизм»), одноименный рассказ И. Грековой, бард-оперу «Бронза, Марфа и чеснок» Сергея Никитина и Дмитрия Сухарева, а также театральную постановку рассказа, осуществленную режиссером К. Гинкасом. Известный писатель и сценарист Виктория Токарева отмечает впечатление, произведенное на нее этим рассказом, в качестве ключевого момента, побудившего ее начать литературную карьеру (Токарева 2015).

³ Естественно, что этот аспект произведения особо акцентировался в советской школе литературоведения, хотя он присутствовал уже и в дореволюционной «демократической критике». См. слова С. А. Андреевского о том, что в «Скрипке Ротшильда» читатель проникается «неимоверной жалостью к суровому терпению убогих, безвестных людей и к долгим сумеркам их упорной, тяжелой жизни» (Андреевский 1895). (Напомним, что Андреевский, юрист по первой профессии, отказался быть прокурором на процессе Веры Засулич).

⁴ Так, Ефим Эткинд считал, что «в центре "Скрипки Ротшильда" — еврейская тема», столкновение еврея и антисемита (Эткинд 1995: 132). См. также Rosenshield 1997, Litvak 2010.

Все названные подходы, несомненно, затрагивают существенные стороны рассказа Чехова, если исходить из его текстуального уровня. Однако рассказ содержит мощный пласт интертекстуальных аллюзий и подтекстов, без прояснения которых глубинный чеховский замысел, очевидно, останется раскрыт не полностью. В данной статье мы попытаемся выйти за непосредственные рамки чеховского текста и проследить его интертекстуальные связи, которые еще в недостаточной мере привлекли внимание исследователей⁵. Ключом к этому нам послужит анализ пространственной структуры рассказа, открывающей ряд интересных и неожиданных интертекстуальных параллелей⁶.

I

В нашей более ранней работе мы уже кратко обращались к теме интертекстуального подтекста «Скрипки Ротшильда», отмечая, что одним из главных интертекстуальных источников этого рассказа являются евангельские притчи⁷. Сам рассказ также можно рассматривать как притчу, где сквозь повествование об унылой будничной реальности просвечивают глубокие философско-религиозные идеи⁸. Прежде всего, нужно обратить вни-

⁵ Елена Толстая в своей богатой тонкими наблюдениями книге о чеховском творчестве отмечает, что «многие произведения Чехова вообще еще никогда не были удовлетворительно прочитаны и поняты» (Толстая 2002: 9), обращая в этой связи внимание на «тотальную интертекстуальность Чехова» (там же: 339). Из немногочисленных работ, посвященных интертекстуальным параллелям «Скрипки Ротшильда», можно отметить статьи: Фортунатов 1976 и Рев 1990 (в которых рассматриваются связи с «Гробовщиком» Пушкина), Кубасов 2010 (связи с текстами Гоголя и Тургенева), Петрова 2011 (отсылки к творчеству Л. Толстого), а также пионерскую работу Jackson 1978, в которой в качестве интертекстуального источника чеховского рассказа рассматривается библейский псалом «На реках вавилонских».

⁶ Значение пространственных образов в художественных произведениях не ограничивается лишь изобразительными задачами. Посредством метафорического расширения они во многих случаях способны брать на себя концептообразующие функции, структурируя смысловое поле текста. См. замечание Ю. М. Лотмана: «Пространство в художественном произведении моделирует разные связи картины мира: временные, социальные, этические и т. п. [...] В художественной модели мира пространство подчас метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений» (Лотман 1992: 414). Эти широкие возможности пространственных метафор коренятся в свойствах человеческой психики: как показали исследования в области когнитивной психологии и лингвистики, в основе большинства абстрактных понятий и представлений лежат вполне конкретные ментальные схемы, имеющие во многом пространственный характер (см. Lakoff 1990).

⁷ См. Гречко 2010. На важность христианских подтекстов в творчестве Чехова в целом указывают Сендерович 1994, De Sherbinin 1997, а Ранева-Иванова высказывает предположение, что использование Чеховым христианских мотивов может являться одним из «секретов» его прозы (Ранева-Иванова 1998: 484).

⁸ Комментируя свою театральную постановку «Скрипки Ротшильда», режиссер К. Гинкас замечает: «Чехов терпеть не мог ни притч, ни басен, потому что избегал нравочений. По существу, Чехов впервые в своем творчестве почти напрямую сказал то, о чем всю жизнь писал. Впервые написал притчу, в которой позволил себе прямо сказать, что его беспокоит» (цит. по: Тимашева 2004: 19).

мание на историю о воскрешении Лазаря, описанную в Евангелии от Иоанна (Ин. 11: 1–45). В Евангелии эта история приводится как одно из чудес Иисуса, доказательство его божественной сущности. Однако она может интерпретироваться и метафорически, как иносказание о духовном воскрешении человека. При таком понимании смерть Лазаря истолковывается как духовная смерть, отход от идеалов христианства, а воскресение — как духовное возрождение, возвращение к людям через всеобщую христианскую любовь. Именно такое толкование легенда о Лазаре получает в романе Достоевского *Преступление и наказание*, где в роли Лазаря выступает Раскольников⁹.

Очевидно, что внутренняя трансформация главного героя, прослеживаемая в сюжетной линии чеховского рассказа, также укладывается в русло этой схемы. Путь от духовной смерти к духовному пробуждению, пройденный гробовщиком Яковом в конце жизни, на метафорическом уровне повторяет евангельскую историю о воскрешении Лазаря. Однако родство между двумя этими текстами можно проследить не только на метафорически-абстрактном, но и на вполне конкретном, структурно-текстуальном уровне. Хотя текст Чехова, в отличие от *Преступления и наказания*, не содержит прямых упоминаний о Лазаре, в рассказе присутствует большое количество имплицитных указаний на евангельскую легенду. Мы имеем в виду не только такие детали, как совпадение имен (жену Якова зовут Марфа — так же, как сестру Лазаря) или нумерологию (Лазарь лежит в гробу четыре дня, поэтому его также называют «Лазарь Четверодневный» — духовная трансформация Якова занимает четыре дня, «четыре дня» прямо упомянуты в тексте рассказа)¹⁰. Гораздо важнее параллели с евангельской легендой, которые прослеживаются в общей структурной схеме рассказа.

Аналогично евангельской истории, рассказ построен на оппозиции жизнь — смерть¹¹, причем в обоих текстах она раскрывается через пространственную метафору как противопоставление открытого и закрытого пространства. В Евангелии с почти навязчивой настойчивостью многократно подчеркнута заключение умершего Лазаря в ряд оболочек, ограничивающих его от мира живых: Лазарь лежит в гробу, гроб находится в пещере, вход в пещеру придавлен камнем, а сам Лазарь спеленат саваном

⁹ Подробный разбор параллелей между легендой о воскрешении Лазаря и романом Достоевского см., например, в работах: Тихомиров 2005, Касаткина 2005, Тарасова 2020.

¹⁰ Символическое использование этого числа в качестве аллюзии на легенду о воскрешении Лазаря в *Преступлении и наказании* подробно рассмотрено в статье: Кофман 2021.

¹¹ Отметим, однако, что у Чехова эта оппозиция приобретает парадоксальные черты: жизнь представлена как тюрьма, гроб, а смерть, наоборот, как пробуждение, спасение. Ю. Щеглов с полным основанием говорит в этой связи об «инверсии традиционного отношения к жизни и смерти» (Щеглов 2013: 467). Характерно, что, несмотря на схожее метафорическое понимание легенды о Лазаре в *Преступлении и наказании*, у Достоевского это обращение отсутствует — духовное пробуждение Раскольникова не связано с его смертью. В этом отношении рассказ Чехова заставляет скорее вспомнить «Смерть Ивана Ильича» Толстого.

по рукам и ногам. В рассказе Чехова бездуховная жизнь Якова, которая подобна лежанию Лазаря в гробу, также изображается через целую цепь деталей, которые прямо или метафорически указывают на замкнутость пространства. Так, описывая провинциальный городок, в котором обитает Яков, Чехов считает нужным упомянуть лишь то, что там есть тюрьма и больница — традиционные символы закрытости и изоляции¹². Яков живет в избе, где есть лишь одна комната, уставленная гробами, т. е. буквально почти в гробу. Эта «жизнь в гробу», метафорически равнозначная смерти, подчеркнута и такой характерной деталью, что Яков изготавливает гробы «на свой рост», снимая мерку с самого себя (а затем и со своей жены) — нарушая тем самым строгое табу, запрещающее снимать мерку для гроба с живого человека¹³.

Прямые упоминания закрытых пространств дополняются многочисленными косвенными указаниями, метонимически маркирующими пространственную ограниченность. Здесь можно отметить нагнетаемое на протяжении всего рассказа ощущение духоты и застоявшегося воздуха, получающее свою реализацию через мотивы жары, неприятных запахов, жажды и их комбинации («было жарко, пахло чесноком до духоты») (297)¹⁴, «лицо у него было багрово и мокро от пота» (298), «дыхание было горячее и тяжелое, ослабели ноги, тянуло к питью» (301) и т. д.).

В противоположность тесной, душливой жизни, духовное пробуждение героя перед смертью связывается с выходом в открытое пространство. Его внутренняя трансформация сопровождается перемещением из тесной, уставленной гробами комнаты за город, к реке, с открывающейся до горизонта величественной панорамой природы. Летящие птицы — этот традиционный образ, указывающий на открытость и многомерность пространства — также многократно используется Чеховым в этом фрагменте. Момент духовного пробуждения Якова подкрепляется архетипическими символами: река как символ границы, перехода в иное состояние и яркий свет солнца, символизирующий духовное озарение («от воды шло такое сверканье, что было больно смотреть») (303).

Пространственная оппозиция открытого/закрытого у Чехова дополнительно маркируется за счет цветовой символики. В рассказе явственно прослеживается противопоставление двух цветовых доминант — красного и белого, которые через синэстетические ассоциации связаны с закрытым

¹² Об изоморфизме концептуальных моделей тюрьмы и больницы у Чехова см.: Suchanek 1990: 63.

¹³ См. Котович — Крук (2010: 466). Эта метафора получает прямое визуальное воплощение в сценической постановке «Скрипки Ротшильда» режиссера К. Гинкаса: в ней Яков действительно лежит на сцене в гробу (Цыбульская 2004).

¹⁴ Цитаты из рассказа «Скрипка Ротшильда» даются по изданию: Чехов 1974–1983, т. 8 (в скобках указывается лишь номер страницы). Другие произведения Чехова приводятся по тому же изданию с указанием тома и страницы. Так как в данном издании для художественных текстов и писем принята раздельная нумерация, в цитатах из писем перед номером тома ставится литера «П».

и открытым пространством соответственно. Ощущение тесной, душливой жизни раскрывается через темно-красный, багровый цвет — цвет застоявшейся крови. Рассказ буквально насыщен подобными примерами: многократно упоминается багровое лицо Якова («у него прежде всего потело и багровело лицо» (297), «Яков тоже вспылит и побагровел весь» (300)), разговор в больнице также концентрируется вокруг застоявшейся крови («банки», «пьявки», «кровь гнать» (там же)), кроваво-красный колорит нагнетается Чеховым и в, казалось бы, случайных деталях (встреченная на реке «полная краснощекая дама», ловящие на мясо раков мальчишки (303) и т. д.). В этом ключе можно истолковать и прозвище героя рассказа — Бронза, металлический сплав золотисто-красного цвета¹⁵. С другой стороны, открытое пространство и связанное со смертью духовное возрождение героя поддерживаются через метафору белого цвета, см. проносящиеся перед ним в момент просветления воспоминания об умершем ребенке с белокурыми волосами, срубленном березовом лесе, стадах белых гусей (303) и т. д.

II

Еще одна важная линия, которая проходит через весь рассказ — это мотивы денег и банка. Ассоциацию с миром банков Чехов задает уже в заглавии рассказа (не без горькой иронии, ибо за именем всемогущего банкира скрывается бедный музыкант из провинциального оркестра). Мысли гробовщика Якова постоянно вращаются вокруг денег, причем с первых строк рассказа размышления о них проводятся в ирреально-условной модальности, где ключевым становится союз «если бы». Яков постоянно думает о нереализованных возможностях богатства, «убытках», размышляет о том, сколько процентов могли бы принести деньги, если бы он их положил в банк.

Мотив денег и процентов подводит нас к еще двум евангельским сюжетам, с которыми рассказ Чехова обнаруживает неожиданные, но ясно прослеживаемые параллели. Прежде всего, речь идет о хорошо известной притче о талантах (Мф. 25: 14–30), в которой некий господин, уходя в длительное путешествие, дает своим рабам на хранение несколько талантов серебра. Возвратившись, он одобряет тех, кто занял деньги торговцам и получил на них проценты. Того же, кто зарыл свой талант в землю и не увеличил оставленный ему капитал, он бранит: «Подобаше убо тебе вдати

¹⁵ В тексте рассказа Чехов демонстративно подчеркивает случайность прозвища Якова («уличное прозвище у него было *почему-то* — Бронза» (297, курсив мой — В. Г.)). Именно это специальное акцентирование «случайности» заставляет предположить, что выбор Чехова был тщательно продуман. Заметим, что имя другого персонажа, Ротшильда, также продолжает символический ряд «красного» и задает парность двух главных героев рассказа (фамилия Ротшильд происходит от немецких слов «rot» (красный) и «Schild» (щит, вывеска)).

серебро мое торжником: и пришед аз взял бых свое с лихвою», т. е. с процентами, отбирает у него последний талант и изгоняет во «тьму кромешную».

Несмотря на то, что христианская церковь, в принципе, осуждает ростовщичество как небогоугодное дело (в Средневековье эту «грязную работу» оставляли «неверным» евреям)¹⁶, в данном евангельском тексте взимание процентов на вложенные деньги расценивается как благо. Причина этого кажущегося противоречия, конечно же, в том, что этот текст — притча, и содержащееся в нем послание не следует воспринимать буквально. В толкованиях Евангелия говорится, что в этой притче речь идет об Иисусе, оставившем людям свои заповеди, которые надлежит распространить и преумножить¹⁷.

Представляется, что Чехов в своем рассказе отсылает читателя к этому евангельскому тексту. Здесь мы имеем в виду не только прямое упоминание о таланте, имеющемся у Якова, которое содержится в тексте рассказа («Если бы я не уважал вас за талант, то вы бы давно полетели у меня в окошке» (298))¹⁸. Рассуждения Якова о неиспользованных возможностях и своей «убыточной жизни» приобретают явное сходство со смыслом притчи в конце рассказа, где они получают обобщенное религиозно-моральное звучание, созвучное евангельским заповедям: «И почему человек не может жить так, чтобы не было этих потерь и убытков? [...] Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки! Какие страшные убытки! Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу» (304). Таким образом, мысли Якова о «пользе», банковских процентах переосмысливаются в свете христианских идеалов всеобщей любви, а у Иисуса обнаруживается сходство с банкиром, только он призывает вкладывать в свой «банк» не деньги, а любовь к ближнему, и лишь такие вклады принесут людям настоящие «проценты». Характерно, что эта мысль в Евангелии также иллюстрируется через пространственную метафору — талант не должен быть заточен под землей.

В Евангелии имеется и еще одна история, в которой удивительным образом сходятся мотивы Лазаря, денег и закрытого пространства, определяющие для чеховского рассказа. Речь идет о другом евангельском Лазаре,

¹⁶ Негативное отношение к взиманию процентов является, по-видимому, универсальным и прослеживается в самых разных культурах, а в европейской традиции представлено уже у Аристотеля, который считал этот род обогащения «противным природе» (Аристотель 1983: 395). См. длинный ряд вызывающих отвращение фигур «процентщиков» в мировой литературе, опять же возвращающий нас к *Преступлению и наказанию*.

¹⁷ Св. Иоанн Златоуст, толкование на Мф. 25: «Серебром он называет драгоценное слово (Божие), а торжниками — вас, принимающих (от нас) это слово». <<https://ekzeget.ru/bible/evangelie-ot-matfea/glava-25/tolkovatel-ioann-zlatoust-svatitel/>>.

¹⁸ Чехов обыгрывает здесь два значения слова «талант» — «старинная мера веса, денежная единица» и «дарование, способность». О том, насколько широко притча о талантах была представлена в сознании говорящих на русском языке, свидетельствует тот факт, что само значение слова «талант» как «дарование» развилось из евангельской притчи (Фасмер 1987, т. 4: 415), а выражение «зарыть свой талант в землю» стало устойчивым фразеологическим выражением, указывающим на нереализованные возможности.

на этот раз из притчи о Лазаре и богаче (Лк. 16: 19–31). Социальная пропасть между двумя персонажами этой притчи также ясно маркирована в евангельском тексте за счет пространственного разграничения. Нищий Лазарь, при жизни отделенный от богача непреодолимым порогом («лежал у ворот его»), вознесен после смерти на небо, богач же заточен в подземном пекле, из которого нет выхода («между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят»). Кроме чрезвычайно важной для Чехова темы ограниченного пространства и непреодолимости границы, о которой речь еще пойдет ниже, а также мотива жара и жажды (Лк. 16: 24), также получившего отражение в рассказе, имеется и еще один момент, на который мы хотели бы обратить внимание.

Рискнем высказать предположение, что все три рассмотренные нами евангельские истории оказали влияние на выбор имен главных персонажей рассказа. Как отмечает Еремин, «в поздних произведениях Чехова, по всей вероятности, нет случайных имен» (Еремин 1991: 96). С этим утверждением можно согласиться, однако в поисках именных прототипов здесь нужно делать поправку на чеховский стиль, неотъемлемыми составляющими которого являются ирония и парадокс. Во многих случаях прояснение фигур и образов, стоящих за именами его героев, является несравненно более трудной задачей, чем, например, прямолинейные толкования «говорящих» имен типа Молчалина или Раскольникова.

При рассмотрении имен главных персонажей «Скрипки Ротшильда» заслуживает внимания следующий факт. В конце XIX века в России был широко известен банкир, получивший прозвище «московский Ротшильд». Звали его Лазарь Поляков. Финансовый магнат, меценат, деятель еврейской культуры — колоритная фигура, несомненно, заслуживающая отдельного всестороннего исследования¹⁹. В данном же контексте нас прежде всего интересует его возможная связь с чеховским рассказом. Учитывая активное присутствие Лазаря Полякова в общественной и культурной жизни тогдашней Москвы, не будет слишком смелым предположить, что Чехову было хорошо знакомо это имя. Приходилось ему и лично встречаться с семьей Поляковых²⁰. Между Чеховым и Поляковыми прослеживаются и более глубокие биографические связи — в 1870-е годы центр их финансовой деятельности приходится на Таганрог²¹. К этому остается лишь добавить, что

¹⁹ О масштабе деятельности Лазаря Полякова красноречиво свидетельствует уже краткий список его заслуг и регалий: председатель еврейской общины Москвы и российский дворянин, спонсор строительства Московской хоральной синагоги и Музея изящных искусств имени Александра III (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), персидский консул в Москве, тайный советник и — не в последнюю очередь — предполагаемый отец знаменитой балерины Анны Павловой (Ананьич 1991; Петров 2010).

²⁰ См. замечание в письме Чехова А. С. Суворину из Биаррица: «Здесь Поляков с семейством. Гевалт!» (П 7: 49).

²¹ В конце 1860-х годов Поляковы были причислены к таганрогским купцам первой гильдии и получили звание потомственных почетных граждан.

у Лазаря Полякова был старший брат, также крупный банкир, владелец Азовско-Донецкого банка в Таганроге, и звали его Яков.

Ассоциативная связь Ротшильд — Поляков, закрепленная в прозвище «московский Ротшильд», прослеживается уже в ранних чеховских текстах, где имена этих банкиров соседствуют друг с другом, употребляясь через запятую²². Можно предположить, что оксюморонное сочетание «Лазарь — московский Ротшильд» в силу своего парадоксального соединения символов крайнего богатства и крайней бедности²³ привлекло внимание писателя и послужило одним из внешних триггеров, который, преломившись сквозь призму евангельских сюжетов, привел к развитию замысла рассказа²⁴. Имена «московского Ротшильда» Лазаря и его брата Якова становятся именами героев рассказа, в котором темы смерти, духовного воскресения, христианской любви и банковских процентов оказываются связаны таким же парадоксальным образом.

III

В заключение мы коснемся еще одного момента, который, как нам представляется, лежит в основе глубинной концепции этого рассказа и является реализацией одной из центральных тем чеховского творчества в целом. Обратимся к мотиву скрипки, значение которого сразу же подчеркивается тем, что название этого инструмента вынесено в заглавие рассказа. Представляется, что скрипка и связанные с ней метафорические смыслы являются ключом к пониманию замысла Чехова, и они также включают в себя пространственную символику.

Скрипка — это единственное человеческое, что осталось у Якова, и именно скрипка открывает ему путь к спасению. Вспомним, что Яков берет скрипку, когда ему становится плохо. Во время бессонных ночей «он клал рядом с собой на постели скрипку и, когда всякая чепуха лезла в голову, трогал струны, скрипка в темноте издавала звук, и ему становилось легче» (298). Логично задать вопрос — а откуда у Якова такая хорошая скрипка и как он научился на ней играть? С точки зрения жизненных реалий того времени бедный гробовщик, владеющий великолепной скрипкой и хорошо играющий на ней, представляется фигурой мало правдоподобной. Чехов никак не объясняет это несоответствие, скрипка Якова присут-

²² Например, юмористический совет из рассказа «Домашние средства»: «Возьми Ротшильда, барона Гинцбурга и Полякова, посади их играть с тобой в стуколку и валяй в крупную. Чем крупнее ставка, тем лучше. Если ты проиграл, то не отдавай, так как у твоих партнеров и без того много денег, если же выиграл, то твое счастье» (4: 185).

²³ См. вошедшие в язык под воздействием евангельской притчи выражения, указывающие на бедность и немощность — «петь Лазаря», «лазарет» и др.

²⁴ См. замечание Т. Л. Щепкиной-Куперник о внимании Чехова к необычным именам и их сочетаниям: «О том, что пишет, говорил мало. Так разве скупой поделится названием того рассказа, который пишет в это время, и содержанием в двух словах [...] Или вынет свою записную книжку и прочтет какое-нибудь поразившее его название станции или имя вроде “Розалия Аромат”» (Щепкина-Куперник 1986: 242).

ствует в рассказе просто как данность. Это наводит нас на мысль о символическом характере данного инструмента.

Связь музыки с эмоциональной и духовной сферой является широко укорененным представлением, понимаемым уже на интуитивном уровне. Некоторые музыкальные инструменты (в особенности деревянные духовые, такие как свирель или флейта) издавна используются в разных культурах как архетипические образы человеческой души (ср., например, легенду о Пане и Сиринге)²⁵. С развитием идей европейского романтизма, особенно немецкого романтизма конца XVIII — начала XIX века (которое совпало с развитием канона классической музыки и присущих ей форм инструментовки, а также концертного и домашнего музицирования), эту роль метафорического выразителя человеческого духа наряду с флейтой заняла скрипка. Придание скрипке человеческих качеств, ее «одушевление» прослеживается уже в названии частей этого инструмента, один из ключевых элементов которого получил название *душка* (итал. *anima*). Ассоциации скрипки с душой и ее особой роли в поэтике романтизма, очевидно, способствовал специфический характер звукоизвлечения, который, с одной стороны, основан на индивидуальной мелодической линии, а с другой — обладает широким диапазоном динамических возможностей. В немецком романтизме за скрипкой закрепляется почти мистический ореол, см., например, характеристику скрипки, данную Э. Т. А. Гофманом: «этот инструмент, заключающий в себе, при его видимой непрехотливой простоте, немисверное богатство звука, есть чудесная тайна, которая открывается лишь немногим, особо избранным для того людям» (Гофман 1999: 222)²⁶.

Понимание скрипки как символа духа или души, особенно в свете отмеченного выше евангельского контекста чеховского рассказа, дает возможность истолковать примиряющую роль этого инструмента в конфликте Якова и Ротшильда, где антагонизм между евреем и антисемитом оказывается несущественным перед лицом общечеловеческого единства. Подобно неизвестно почему имеющейся у Якова скрипке, душа есть у каждого человека от рождения, просто потому, что он человек, и это объединяет всех людей и делает их братьями и сестрами (см. повторяющиеся в рассказе сцены совместного плача, доносящие идею всеобщей симпатии, сочувствия)²⁷.

²⁵ Здесь мы оставляем в стороне очевидно связанную с этим образом паскалевскую метафору «мыслящего тростника» и восходящую к ней богатую литературную традицию, в русской литературе прослеживаемую от Лермонтова и Тютчева до Ахматовой и Вознесенского.

²⁶ Ряд высказываний романтиков, видящих в скрипке мистическое продолжение человеческой души, можно продолжить. См. слова Гейне: «Скрипка — инструмент, почти человечески капризный и находящийся, так сказать, в симпатическом соответствии с расположением духа скрипача» (Гейне 1958: 207) или его же характерное замечание о выступлении скрипача Шарля Берио (мужа легендарной певицы Мелибран): «порой я не могу отделаться от мысли, что в скрипке его заключена душа его покойной жены» (там же: 134).

²⁷ Важный для рассказа мотив совместного плача еще раз возвращает нас к легенде о воскрешении Лазаря. Это единственное место в Евангелии, где Иисус плачет вместе с людьми, что толкуется как указание на его человеческую природу (в качестве еще одной

Отмеченная выше аллюзия на Иисуса как банкира, заключенная в притче о талантах, материализуется в рассказе Чехова в фигуре Ротшильда, причудливым образом соединяющей в себе ассоциативные поля, ведущие, с одной стороны, к владельцу могущественного банкирского дома, а с другой — к кругу идей и образов, сближающих ее с представлением об Иисусе (наряду с очевидным иудейским мотивом, упомянем здесь, среди прочего, настойчиво подчеркиваемую писателем «детскость» чеховского Ротшильда (Еремин 1991: 113), а также тот факт, что в оркестре Ротшильд играет печальные мелодии на флейте)²⁸. Принимая во внимание эти ассоциативные связи между фигурами Ротшильда и Иисуса, можно предположить, что выражение «Скрипка Ротшильда» содержит в себе ключевую для рассказа метафору данной людям божественной души, духа Божия, и не случайно именно оно выделено в качестве его названия. Обратим внимание на то, что рассказ назван «Скрипка Ротшильда», а не «Скрипка Якова», что было бы более логичным, исходя из сюжета. Параллель Ротшильд — Иисус, возникающая в рассказе, делает выбор Чехова хорошо объяснимым.

Но почему метафорой души у Чехова, писателя, как принято считать, далекого от поэтики романтизма, становится именно скрипка? Представляется, что в «Скрипке Ротшильда» тема скрипки имеет под собой вполне конкретный интертекстуальный источник.

Мы не случайно упомянули выше имя Э. Т. А. Гофмана. В анализе чеховского текста отсылка к его творчеству является довольно неожиданной, ведь о связях Чехова и этого писателя-романтика чеховедению известно очень мало. Так, в 30-томном собрании сочинений Чехова с обширными примечаниями и комментариями имя Гофмана упоминается лишь один раз, и то по косвенному поводу²⁹. Однако отдельные указания на связь между этими писателями все же имеются. В частности, обращается внимание на то, что в рассказе «Черный монах» используются мотивы из романа Гофмана *Эликсир сатаны* (Кочетов 1996: 42). Представляется, что и в рассказе «Скрипка Ротшильда», который был написан непосредственно после «Черного монаха»³⁰, можно проследить прямое влияние гофмановских

интертекстуальной параллели этого мотива Р. Джексон называет псалом «На реках вавилонских», см. Jackson 1978). М. Вайскопф указывает и на возможный реальный источник, повлиявший на Чехова — сообщение в московской прессе об изобретенном «одним житомирским евреем» музыкальном инструменте, на котором нельзя играть «ни одной пьесы веселого характера» и слушая который все плачут навзрыд (Вайскопф 2005: 235).

²⁸ В толкованиях Евангелия Иисус нередко уподобляется играющему на свирели музыканту: «Господь играл нам на свирели в драгоценных обетованиях Евангелия и пел печальные песни в грозных предупреждениях Закона» (<https://pravoslavie.ru/3392.html>). Подобные сравнения восходят к евангельской фразе: «Мы играли вам на свирели, а вы не плясали, мы пели вам печальные песни, а вы не рыдали» (Мф. 11: 17).

²⁹ В связи с неосуществленным планом Чехова написать пьесу об истории венецианского дожа Марино Фальери, которая была использована, в частности, в рассказе Гофмана «Дождь и догаресса» (17: 251).

³⁰ Работа по написанию «Черного монаха» велась летом — осенью 1893 г. (см. 8: 488), а время написания «Скрипки Ротшильда» определяется как декабрь 1893 — январь 1894 г. (8: 502–503).

произведений. Именно здесь и возникает тема скрипки. Речь идет о новелле Гофмана «Rat Krespel» (1818), которая была впоследствии включена в цикл *Серпионовы братья*. В современном переводе на русский язык немецкое заглавие «Rat Krespel» передается как «Советник Креспель», однако в XIX — начале XX века использовалось другое название — «Кремонская скрипка»³¹. Эта новелла Гофмана обнаруживает целый ряд интересных параллелей со «Скрипкой Ротшильда»³², здесь же мы ограничимся лишь указанием на мотив скрипки, являющийся центральным для обоих произведений.

Как и у Чехова, в гофмановском рассказе скрипка выступает символом души, с ней идентифицируются лучшие и наиболее глубинные стороны человеческой сущности героев. Сопоставление с рассказом Гофмана позволяет осознать очень существенный аспект чеховского творчества, который в «Скрипке Ротшильда» выражен лишь латентно. У Гофмана ярко проводится тема двойкой природы скрипки. С одной стороны, это источник музыки, метафора высшего проявления духовности. С другой же стороны скрипка — это «мертвый кусок дерева» (Гофман 1998: 36), скрывающий, сковывающий в себе музыку, не дающий ей вырваться на свободу. У героя новеллы Гофмана странное увлечение — он разбирает скрипки на части, стремясь найти внутри деревянной оболочки сущность музыки. Музыка спрятана внутри инструмента, и когда он на нем играет, у него возникает странное чувство, будто он «всего лишь магнетизер, сумевший пробудить сомнамбулу, которая теперь по собственному побуждению облакает в слова свои самые сокровенные мысли» (там же). Гофман продолжает метафору духовной сущности, скованной оболочкой, и выводит ее на экзистенциальный уровень. Замкнутость музыки внутри пустого корпуса скрипки оказывается аналогичной замкнутости человеческой души, заключенной в оболочку земного существования. Центральным в этом отношении являются слова героя, говорящего про «томящийся в нас дух, зажатый в тиски ничтожной земной суеты» (там же: 41).

Возвращаясь к рассказу Чехова, мы видим, что проблематика открытого и закрытого пространства, о которой говорилось выше, после прочтения новеллы Гофмана получает дополнительное измерение. Скрипка становится амбивалентным символом, являясь, с одной стороны, метафорой души, но одновременно включаясь в ряд предметов, обозначающих замкнутые пространства. В этом смысле скрипка становится эквивалентной гробу³³.

³¹ В частности, под таким названием новелла Гофмана была напечатана в двухтомном издании М. М. Ледерле, вышедшем как раз в период написания чеховского рассказа (см: Гофман 1893).

³² Например, мотив дома без окон и дверей (дом-гроб) или мотив дефенестрации (выбрасывания из окна).

³³ На их фактическое (и то и другое — полые деревянные предметы) и звуковое сходство («КРиПка — ГРоб») обращается внимание в работе Шмид (1998: 229). Добавим, что это звуковое сходство еще более очевидно в написании «гроб», которое Чехов использует

Рассматривая творчество Чехова в более широкой перспективе, нетрудно заметить, что заключение в замкнутое пространство является сквозным, почти навязчивым представлением писателя. Во многих рассказах эта тема выражена эксплицитно или даже отражена в названиях («Роман с контрабасом»³⁴, «Человек в футляре», «Палата № 6» и т. д.). Традиционный для Чехова топос провинциального города также можно рассматривать в этом контексте. Вариацию той же темы представляют собой рассказы, тематизирующие заключение и постепенное удушение духовных потенций героя в тесном пространстве своих привычек и повседневности («Крыжовник», «Ионыч» и др.). Нередко Чехов сам дает указания, ведущие читателя от буквального к метафорическому пониманию мотива закрытого пространства. Вспомним слова героя рассказа «Человек в футляре»: «А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт — разве это не футляр?» (10: 53).

Исследователи уже обращали внимание на эту «футлярность» в произведениях Чехова. В советской критике она прежде всего связывалась с социально-критическими проблемами, характерными для дореволюционной России³⁵. В других работах «футлярность» понимается скорее в более широком психологическом ключе, как отчуждение, возникающее между индивидуумом и средой его обитания. Карл Крэмер, например, определяет ее как «физическую, психическую, нравственную и духовную изоляцию человека от мира» (Kramer 1970: 62). Однако рассмотрение интертекстуальных образов и представлений, связывающих «Скрипку Ротшильда» с творчеством Гофмана, открывает возможность и для более широкого понимания столь важного для Чехова мотива «футлярности». Речь идет об изоляции экзистенциальной, заключении человеческого духа в брэнную оболочку тела, его томлении в плену мироздания, не имеющего ни причины, ни цели. Этот мотив отчетливо звучит в словах доктора Рагина из «Палаты № 6»: «Жизнь есть досадная ловушка. Когда мыслящий человек достигает возмужалости и приходит в зрелое состояние, то он невольно чувствует себя как бы в ловушке, из которой нет выхода. В самом деле, против его воли вызван он какими-то случайностями из небытия к жизни... Зачем? Хочет он узнать смысл и цель своего существования, ему не говорят или

в первоначальном наброске сюжета своего рассказа («Гроп для Ольги», 8: 502). См. замечание В. А. Поссе о том влиянии, которое оказывали чувственно воспринимаемые образы на творческий процесс Чехова: «Чехов говорил мне, что страдает от наплыва сюжетов, порождаемых впечатлениями зрительными и слуховыми» (Поссе 1986: 459).

³⁴ Заметим, что необычный мотив помещения человека в футляр от контрабаса, возможно, также отсылает нас к Гофману, см. эпизод из его сказки «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер», в котором «итальянский скрипач Сбьокка грозил засунуть господина Циннобера в контрабас» (Гофман 1996: 206).

³⁵ Так, З. Паперный распространяет этот чеховский мотив на «всю российскую действительность» (Паперный 1954: 129–130) (что, в свою очередь, восходит к известным словам Н. Лескова: «В “Палате № 6” в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду — палата № 6. Это — Россия», см. Лесков 1947: 316).

же говорят нелепости; он стучится — ему не открывают; к нему приходит смерть — тоже против его воли» (8: 89)³⁶.

Таким образом, в «Скрипке Ротшильда» реализуется один из центральных тематических инвариантов творчества Чехова. Своеобразие этого рассказа проявляется в том, что пространственная метафора тесноты, заключения в оболочку одновременно получает свое воплощение через образы двух конкретных предметов, каждый из которых восходит к своим источникам. Гроб и воскресение, ведущие к евангельской легенде о Лазаре, и амбивалентный образ скрипки, отсылающий нас к Гофману, сходятся вместе, создавая уникальное единство на метафорическом, концептуальном и даже фонетическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьич Борис. *Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства*. Москва: Наука, 1991.
- Аристотель. «Политика». Пер. С. А. Жебелева. *Аристотель. Сочинения: В 4 т.* Т. 4. Москва: Мысль, 1983: 376–644.
- Вайскопф Михаил. «Извлечения. Юбилейное приношение автору “Записей и выписок”. Голос Ротшильда». *Новое литературное обозрение* 73 (2005): 235.
- Гейне Генрих. «Лютеция». *Собрание сочинений: В 10 т.* Т. 8. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
- Гофман Э. Т. А. *Рассказы*. Т. 1–2. Пер. С. М. Брильянта и З. Н. Журавской. Санкт-Петербург: М. М. Ледерле, 1893.
- Гофман Э. Т. А. «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер». *Собрание сочинений: В 6 т.* Т. 3. Москва: Художественная литература, 1996: 171–267.
- Гофман Э. Т. А. «Серапионовы братья. [Советник Кrespель]». *Собрание сочинений: В 6 т.* Т. 4, кн. 1. Москва: Художественная литература, 1998: 29–54.
- Гофман Э. Т. А. «Серапионовы братья. [Барон фон Б.]». *Собрание сочинений: В 6 т.* Т. 4, кн. 2. Москва: Художественная литература, 1999: 220–230.
- Гречко Валерий. «К проблеме религиозного субтекста в произведениях Чехова». *Реникса*, Токио, 2 (2010): 148–160.
- Еремин П. «“Скрипка Ротшильда” А. П. Чехова — связь с традициями русской классики». *Вопросы литературы* 4 (1991): 93–123.
- Касаткина Татьяна. «Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”». Касаткина Татьяна (ред.) *Достоевский: дополнения к комментарию*. Москва: Наука, 2005: 203–235.
- Котович Оксана, Крук Янка. *Золотые правила народной культуры*. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2010.
- Кофман Андрей. «Следуя путями Бахтина...» *Bakhtiniana*, São Paulo, 16 (2) (2021): 124–141.
- Кочетов Дмитрий. «Чехов и Гофман: поэтика рубежных эпох». Катаев Дмитрий и др. (ред.) *Чехов и Германия*. Москва: МГУ, 1996: 37–42.
- Кубасов Александр. «Семантика нарративной структуры рассказа А. П. Чехова “Скрипка Ротшильда”». *Филологический класс* 2 (24) (2010): 67–72.
- Лесков Андрей. «Из записей и памяти». *А. П. Чехов в воспоминаниях современников*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1947: 312–322.
- Лотман Юрий. «Проблема художественного пространства в прозе Гоголя». Лотман Юрий. *Избранные статьи: В 3 т.* Т. 1. Таллинн: Александра, 1992: 413–447.

³⁶ Напомним, что в «Палате №6», написанной в 1892 г., уже появляется образ скрипки как человеческой души, ставший центральным в «Скрипке Ротшильда», см. размышления доктора Рагина: «Видеть свое бессмертие в обмене веществ так же странно, как прочесть блестящую будущность футляру после того, как разбилась и стала негодною дорогая скрипка» (8: 91).

- Паперный Зиновий. *А. П. Чехов. Очерк творчества*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1954.
- Петров Юрий. «Лазарь Поляков: “московский Ротшильд”». Ананьич Борис и др. (ред.) *Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX — начало XX в.* Москва: РОССПЭН, 2010: 411–436.
- Петрова Светлана. «Скрипка Ротшильда» в творческом диалоге А. П. Чехова и Л. Н. Толстого. *Пушкинские чтения*. Санкт-Петербург, 2011: 302–307.
- Поссе Владимир. «Воспоминания о Чехове». *А. П. Чехов в воспоминаниях современников*. Москва: Художественная литература, 1986: 457–464.
- Ранева-Иванова М. «К проблеме теории и метода изучения христианского мотива в прозе А. П. Чехова (о значении пасхального мотива в рассказе “Казак”»». *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков*. Вып. 2. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1998: 484–492.
- Рев Мария. «Видоизменение одной литературной традиции (Пушкин и Чехов)». *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 36 (1–4) (1990): 325–334.
- Сендерович Савелий. *Чехов — с глазу на глаз. История одной одержимости А. П. Чехова*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1994.
- Тарасова Наталья. «“Воскресение” и “воскрешение” в романе Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”». *Проблемы исторической поэтики* 18 (2) (2020): 190–216.
- Тимашева Марина. «Раз ты человек, то ты есть испытатель боли». *Петербургский театральный журнал* 3 (37) (2004): 14–19.
- Тихомиров Борис. *«Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий*. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2005.
- Токарева Виктория. «Обо всем понемножку». Токарева Виктория. *Муля, кого ты привез? Рассказы*. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2015.
- Толстая Елена. *Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880-х — начале 1890-х годов*. Изд. 2-е. Москва: РГУ, 2002.
- Фасмер Макс. *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.* Москва: Прогресс, 1987.
- Фортунатов Николай. «“Гробовщик” Пушкина и “Скрипка Ротшильда” Чехова». *Болдинские чтения*. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1976: 93–103.
- Цыбульская Алла. «“Скрипка Ротшильда” на американской сцене». *Чайка* 3 (14) (2004). <<https://www.chayka.org/node/352>>.
- Чехов Антон. *Повести и рассказы*. Москва: Типогр. т-ва И. Д. Сытина, 1894.
- Чехов Антон. *Сочинения*: В 10 т. Санкт-Петербург: Изд. А. Ф. Маркса, 1899–1902.
- Чехов Антон. *Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Москва: Наука, 1974–1983.
- Чуковский Корней. «О Чехове». Чуковский Корней. *Собрание сочинений*: В 15 т. Т. 4. Москва: Агенство ФТМ, 2012: 195–378.
- Шмид Вольф. *Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард*. Санкт-Петербург: Инапресс, 1998.
- Щеглов Юрий. «Две вариации на тему смерти и возрождения: “Дама с собачкой” и “Скрипка Ротшильда” Чехова». Щеглов Юрий. *Избранные труды*. Москва: РГУ, 2013: 462–482.
- Щепкина-Куперник Татьяна. «О Чехове». *А. П. Чехов в воспоминаниях современников*. Москва: Художественная литература, 1986: 227–260.
- Эткинд Ефим. «Иванов и Ротшильд». *Вопросы литературы* 4 (1995): 131–152.
- De Sherbinin Julie. *Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm*. Evanston: Northwestern University Press, 1997.
- Jackson Robert Louis. “‘If I Forget Thee, O Jerusalem’ (An Essay on Chekhov’s ‘Rothschild’s Fiddle’”. *Slavica Hierosolymitana* 3 (1978): 55–67.
- Kramer Karl. *The Chameleon and the Dream: The Image of Reality in Čexov’s Stories*. The Hague: Mouton, 1970.
- Lakoff George. “The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas?” *Cognitive Linguistics* 1 (1) (1990): 39–74.
- Livak Leonid. *The Jewish Persona in the European Imagination: A Case of Russian Literature*. Stanford: Stanford University Press, 2010.

- Rosenshield Gary. "Dostoevskii's 'The Funeral of the Universal Man' and 'An Isolated Case' and Chekhov's 'Rothschild's Fiddle': The Jewish Question". *Russian Review* 56 (4) (1997): 487–504.
- Suchanek Lucjan. «Пространство здоровья и пространство болезни (Палата №6, 1892)». Kluge Rolf-Dieter (Hrsg.) *Anton P. Čechov. Werk und Wirkung*. Teil 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1990: 58–67.

LITERATURE

- Anan'ich Boris. *Bankirskie doma v Rossii 1860–1914 gg. Ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva*. Moskva: Nauka, 1991.
- Aristotel'. «Politika». Per. S. A. Zhebeleva. Aristotel'. *Sochineniya: V 4 t.* T. 4. Moskva: Mysl', 1983: 376–644.
- Chekhov Anton. *Povesti i rasskazy*. Moskva: Tipogr. t-va I. D. Sytina, 1894.
- Chekhov Anton. *Sochineniya: V 10 t.* Sankt-Peterburg: Izd. A. F. Marksa, 1899–1902.
- Chekhov Anton. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t.* Moskva: Nauka, 1974–1983.
- Chukovskij Kornej. «O Chekhove». Chukovskij Kornej. *Sobranie sochinenij: V 15 t.* T. 4. Moskva: Agentstvo FTM, 2012: 195–378.
- Cybul'skaya Alla. «"Skripka Rotshil'da" na amerikanskoj scene». *Chajka* 3 (14) (2004). <<https://www.chayka.org/node/352>>.
- De Sherbinin Julie. *Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm*. Evanston: Northwestern University Press, 1997.
- Eremin P. «"Skripka Rotshil'da" A. P. Chekhova — svyaz' s tradiciyami russkoj klassiki». *Voprosy literatury* 4 (1991): 93–123.
- Etkind Efim. «Ivanov i Rotshil'd». *Voprosy literatury* 4 (1995): 131–152.
- Fasmer Maks. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* Moskva: Progress, 1987.
- Fortunatov Nikolaj. «"Grobvshchik" Pushkina i "Skripka Rotshil'da" Chekhova». *Boldinskie chteniya*. Gor'kij: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izd-vo, 1976: 93–103.
- Gejne Genrih. «Lyuteciya». *Sobranie sochinenij: V 10 t.* T. 8. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958.
- Gofman E. T. A. *Rasskazy*. T. 1–2. Per. S. M. Bril'yanta i Z. N. Zhuravskoj. Sankt-Peterburg: M. M. Lederle, 1893.
- Gofman E. T. A. «Kroshka Cahes, po prozvaniyu Cinnober». *Sobranie sochinenij: V 6 t.* T. 3. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1996: 171–267.
- Gofman E. T. A. «Serapionovy brat'ya. [Sovetnik Krespel']». *Sobranie sochinenij: V 6 t.* T. 4, kn. 1. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1998: 29–54.
- Gofman E. T. A. «Serapionovy brat'ya. [Baron fon B.]». *Sobranie sochinenij: V 6 t.* T. 4, kn. 2. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1999: 220–230.
- Grechko Valerij. «K probleme religioznogo subteksta v proizvedeniyah Chekhova». *Reniksa*, Tokio, 2 (2010): 148–160.
- Jackson Robert Louis. "If I Forget Thee, O Jerusalem' (An Essay on Chekhov's 'Rothschild's Fiddle'". *Slavica Hierosolymitana* 3 (1978): 55–67.
- Kasatkina Tat'yana. «Voskreshenie Lazarya: opyt ekzegeticheskogo prochteniya romana F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie"». Kasatkina Tat'yana (red.) *Dostoevskij: dopolneniya k kommentariyu*. Moskva: Nauka, 2005: 203–235.
- Kochetov Dmitriy. «Chekhov i Gofman: poetika rubezhnyh epoh». Kataev Dmitriy i dr. (red.) *Chekhov i Germaniya*. Moskva: MGU, 1996: 37–42.
- Kofman Andrej. «Sleduya putyami Bahtina...» *Bakhtiniana*, São Paulo, 16 (2) (2021): 124–141.
- Kotovitch Oksana, Kruk Yanka. *Zoloty pravila narodnoj kul'tury*. Minsk: Adukacyya i vyhavanne, 2010.
- Kramer Karl. *The Chameleon and the Dream: The Image of Reality in Čexov's Stories*. The Hague: Mouton, 1970.
- Kubasov Aleksandr. «Semantika narrativnoj struktury rasskaza A. P. Chekhova "Skripka Rotshil'da"». *Filologicheskij klass* 2 (24) (2010): 67–72.
- Lakoff George. "The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas?" *Cognitive Linguistics* 1 (1) (1990): 39–74.
- Leskov Andrej. «Iz zapisej i pamyati». *A. P. Chekhov v vospominaniyah sovremennikov*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1947: 312–322.

- Livak Leonid. *The Jewish Persona in the European Imagination: A Case of Russian Literature*. Stanford: Stanford University Press, 2010.
- Lotman Yurij. «Problema hudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya». Lotman Yurij. *Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1*. Tallinn: Aleksandra, 1992: 413–447.
- Papernyj Zinovij. *A. P. Chekhov. Ocherk tvorchestva*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1954.
- Petrov Yurij. «Lazar' Polyakov: "«moskovskij Rotshil'd"». Anan'ich Boris i dr. (red.) *Chastnoe predprinimatel'stvo v dorevolucionnoj Rossii: etnokonfessional'naya struktura i regional'noe razvitie, XIX — nachalo XX v.* Moskva: ROSSPEN, 2010: 411–436.
- Petrova Svetlana. «Skripka Rotshil'da» v tvorcheskom dialoge A. P. Chekhova i L. N. Tolstogo. *Pushkinskie chteniya*. Sankt-Peterburg, 2011: 302–307.
- Posse Vladimir. «Vospominaniya o Chekhove». *A. P. Chekhov v vospominaniyah sovremennikov*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1986: 457–464.
- Raneva-Ivanova M. «K probleme teorii i metoda izucheniya hristianskogo motiva v proze A. P. Chekhova (o znachenii paskhal'nogo motiva v rasskaze "Kazak")». *Evangel'skij tekst v ruskoj literature XVIII–XX vekov*. Vyp. 2. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo universiteta, 1998: 484–492.
- Rev Mariya. «Vidoizmenenie odnoj literaturnoj tradicii (Pushkin i Chekhov)». *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 36 (1–4) (1990): 325–334.
- Rosenshield Gary. "Dostoevskii's 'The Funeral of the Universal Man' and 'An Isolated Case' and Chekhov's 'Rothschild's Fiddle': The Jewish Question". *Russian Review* 56 (4) (1997): 487–504.
- Senderovich Savelij. *Chekhov — s glazu na glaz. Istoriya odnoj oderzhimosti A. P. Chekhova*. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 1994.
- Shcheglov Yurij. «Dve variacii na temu smerti i vozrozhdeniya: "Dama s sobachkoj" i "Skripka Rotshil'da" Chekhova». Shcheglov Yurij. *Izbrannye trudy*. Moskva: RGGU, 2013: 462–482.
- Shchepkina-Kupernik Tat'yana. «O Chekhove». *A. P. Chekhov v vospominaniyah sovremennikov*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1986: 227–260.
- Suchanek Lucjan. «Prostranstvo zdorov'ya i prostranstvo bolezni (Palata №6, 1892)». Kluge Rolf-Dieter (Hrsg.) *Anton P. Cechov. Werk und Wirkung*. Teil 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1990: 58–67.
- Shmid Vol'f. *Proza kak poeziya: Pushkin, Dostoevskij, Chekhov, avangard*. Sankt-Peterburg: Inapress, 1998.
- Tarasova Natal'ya. «"Voskresenie" i "voskreshenie" v romane F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie"». *Problemy istoricheskoy poetiki* 18 (2) (2020): 190–216.
- Tihomirov Boris. «Lazar'! gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremenom prochtenii: kniga-kommentarij*. Sankt-Peterburg: Serebryanyj vek, 2005.
- Timasheva Marina. «Raz ty chelovek, to ty est' ispytatel' boli». *Peterburgskij teatral'nyj zhurnal* 3 (37) (2004): 14–19.
- Tokareva Viktoriya. «Obo vsem ponemnozhu». Tokareva Viktoriya. *Mulya, kogo ty privez? Rasskazy*. Sankt-Peterburg: Azbuka-Attikus, 2015.
- Tolstaya Elena. *Poetika razdrzheniya: Chekhov v konce 1880-h — nachale 1890-h godov*. Izd. 2-e. Moskva: RGGU, 2002.
- Vajskopf Mihail. «Iz vlecheniya. Yubilejnoe prinoshenie avtoru "Zapisej i vypisok". Golos Rotshil'da». *Novoe literaturnoe obozrenie* 73 (2005): 235.

Валериј Гречко

СЕМИОТИКА ПРОСТОРА У ЧЕХОВЉЕВОЈ ПРИПОВЕЦИ
„РОТШИЛДОВА ВИОЛИНА“: НЕКОЛИКО ИНТЕРТЕКСТУАЛНИХ ПАРАЛЕЛА

Резиме

У чланку се анализирају интертекстуалне паралеле у приповеци А. П. Чехова „Ротшилдова виолина“, као и просторне метафоре које су у вези са њима. Посебно се скреће пажња на везу између Чеховљеве приче и јеванђеоских текстова и мотива. Прича о Лаза-

ревом васкрсењу посматра се као интертекстуални извор наратива о духовној трансформацији јунака Чеховљеве приче, Јакова, и анализира се кроз призму супротности између затвореног и отвореног простора, што је значајно за оба текста. Мотиви новца, камате и изгубљених могућности супротстављају се јеванђеоској параболу о талентима. Као још један интертекстуални извор Чеховљеве приче разматра се новела Е. Т. А. Хофмана „Саветник Креспел“ („Кремонска виолина“). Метафоричко „оживљавање“ виолине, карактеристично за немачке романтичаре, код Хофманна добија амбивалентан израз, у којем је виолина истовремено и извор музике, и „мртви комад дрвета“, који спутава њену слободу. Ову амбиваленцију примећујемо и у Чеховљевој причи, где виолина, с једне стране, постаје метафора душе, а са друге, припада низу објеката који означавају затворене просторе. Чланак показује да се концепт затвореног простора, „футроле“, јавља као унакрсни мотив у Чеховљевом стваралачком опусу, постајући израз егзистенцијалне изолованости човека у свету.

Кључне речи: А. П. Чехов, „Ротшилдова виолина“, интертекстуалност, просторне метафоре, прича о Лазаревом васкрсењу, параболу о талентима, Е. Т. А. Хофман, „Саветник Креспел“.

Robert Hodel

Univerzitet u Hamburgu, Institut za slavistiku
fs8a023@uni-hamburg.de

Robert Hodel

Universität Hamburg, Institut für Slavistik
fs8a023@uni-hamburg.de

STIHOVNA FORMA. KOMPARATIVNI POGLED NA RUSKU LIRIKU 20. VIJEKA¹

VERSE FORM. COMPARATIVE VIEW WITH THE RUSSIAN LYRIC OF THE 20TH CENTURY

Rad koji slijedi posvećen je pitanju, zašto se vezani stih u Rusiji za razliku od ostatka Evrope kao i Amerike, održao tokom cijelog 20. vijeka kao dominantna stihovna forma. Pri tome ćemo u prvom koraku uporediti razvoj ruskog pjesništva sa njemačkim, poljskim i srpskim, a u drugom koraku ćemo diskutovati jezičke, estetske i političke razloge ovih razlika.

Cljučne riječi: vezani stih, slobodni stih, lingvistika stiha, razvoj stihovne forme, ruska poezija, srpska poezija, njemačka poezija, polska poezija.

The following paper focuses on question why, unlike in the rest of Europe and the United States, formal verse in Russia endured throughout the entire 20th century as dominant verse form. Firstly, we will compare the development of Russian poetry to the German, Polish and Serbian, and then we will discuss linguistic, esthetical, and political causes of these differences.

Keywords: formal verse, free verse, verse linguistic, verse form development, Russian poetry, Serbian poetry, German poetry, Polish poetry.

1. Razvoj versifikacije u 20. vijeku

1.1. O ruskom stihu 20-og vijeka

Nakon što se u 18. i 19. vijeku na cijelom ruskom govornom području razvila silabotonika, u „srebrnom dobu“, koje Gasparov (2000: 307) situira u vrijeme od 1890–1935, „nesilabotonički eksperimenti“ (несиллаботонические экспери-

¹ Preveo Sead Porobić

менты) dosežu i do 20% ukupnog pjesništva. Pri tome velika većina ovih eksperimenata otpada na tonsku metriku, a slobodni stih, kome se posvećuju autori poput Bloka, Gipiusa, Sologuba, Kamenskog, Hljebnikova, Gurova, Kručeniha... te sporadično i predstavnici „proleterskih pjesnika“ (Orlicki 1995), ostaje marginalna pojava. Ovo vrijedi još više za prvu fazu sovjetskog stiha, tj. za 20-te i rane 30-te godine:

После полосы экспериментов около 1920 г. (не только у Есенина или Хлебникова, но и у пролетарских поэтов) он почти начисто исчезает из употребления. Маяковский обращается к нему лишь однажды („1-е Мая“, 1923) (Gasparov 2000: 282).

I sama tonika, koja u razdoblju od 1925–1935 narasta do skoro jedne četvrtine svih stihova, pokazuje u ovim godinama već neko drugo lice:

[...] большая часть ее — дольники, которые ближе всего к силлаботонике, ритм акцентного стиха становится строже и проще, из него выделяется даже переходная форма к дольникам — тактовик конструктивистов (Isto: 304).

U drugoj fazi sovjetskog pjesništva, 1935–1955, orijentišu se autori ponovo na klasične uzore 19-og vijeka, naročito na Puškina, tako da nesilabotonički stihovi sada čine tek 12% (isto: 307). Slobodni stih ne igra sada skoro nikakvu ulogu, čak ni u prevodima:

Переводя верлибры прогрессивных зарубежных поэтов (Арагона, П. Неруды), переводчики 1940-х гг. то и дело привносят в них ритм и даже рифму (isto, s. 282).

Tek u trećoj fazi sovjetskog stiha, u toku Hruščovljevog doba „otapanja“, kada zapaženi pjesnici sve učestalije prevode slobodne stihove, mijenja se situacija iznova:

<...> три четверти поэтов 1960–1970-х гг. хотя бы раз или два обращались к верлибру, но лишь немногие писали им систематически. В целом в это время на свободный стих приходится около 10% всех неклассических примеров — больше чем на акцентный стих (isto: 283).

Bez obzira na ove nove pojave ostaju ovi nesilabotonički eksperimenti tokom cijelog sovjetskog doba ipak sekundarna pojava:

<...> в пору социалистического классицизма 1935–1980 гг. они стабилизируются на 12% (этот уровень одинаков и в сталинское время, и в хрущевское-послехрущевское, когда, как известно, некоторым экспортным поэтам вроде Евтушенко и Вознесенского с их подражателями было позволено экспериментировать шире) (isto: 307).

Čak i u postsovjetskoj Rusiji mijenja se situacija tek sasvim lagano, kako to pokazuje Gasparovljeva analiza šest ideološki i poetološki različitih časopisa iz 1997-e godine (*Новый мир*, *Знамя*, *Москва*, *Наш современник*, *Новая юность*, *Арион*). U prosjeku raste neklasični metar (неклассические размеры) ponovo na 20%, pri čemu raspodjela ide od 3,5% (*Наш современник*) do 28% (*Арион*).

Ovdje na „strogi dioni stih“ (строгий дольник) otpada podjednako kao i na slobodni stih (вольный верлибр), naime 35–40% nesilabotoničkih stihova (не-силлаботоники, isto: 308).

Ova narastajuća tendencija slobodnog stiha pojačava se i u 21. vijeku, kako proizilazi iz mog sopstvenog iskustva stečenog u dvama antologijama (sa ukupno 60 pjesnika): Dok kod pjesnika rođenih između 1940–1960 (Antologija I, Hodel 2015) silabotonika još uvijek dominira i samo se pojedinačni autori konzekventno posvećuju slobodnom stihu, kod godišta 1960–1980 piše već većina pjesnika (Antologija II, Hodel 2019) u značajno većem omjeru (a djelimično i pretežno) slobodnim stihom. Još jasnije se ova tendencija pokazuje u sljedećoj generaciji „rođenih od sredine 1980-tih do 1990-tih godina“, odnosno onih koji se „javljaju u 2010-tim“. Međutim bez obzira na to i u 21-om vijeku metrički vezani stih ostaje u Rusiji važnom opcijom, koja ni u kom slučaju nije reducirana na funkciju ritmičke reminiscencije ili pak ironizacije. Čak je suprotna stvar u pitanju. Tako Davidov (2013) piše: „Проблема, собственно, заключается в особой, внестиховой маркированности верлибра в культурной среде.“

1.2. Razvoj njemačkog slobodnog stiha

Po Wagenknechtu (2007: 117–119) uvodi Friedrich G. Klopstock, oslanjajući se na antički metar oda, sredinom 18. vijeka „slobodne ritmove“² u njemačko pjesništvo. Njih preuzimaju pjesnici epohe *Sturm und Drang* (prije svih mladi Goethe), Friedrich Hölderlin i Heinrich Heine, koji počinju da razgrađuju svoj antički stil, razvijajući ga dalje, da bi ih Detlev von Liliencron i Arno Holz konačno odvojili od njihove vezanosti na klasične uzore. Time oni otvaraju pjesnicima ekspresionizma „mogućnost, da pišu stihove, koji metrički uopšte nisu povezani“ (isto: 125).

Razvoj ka slobodnom stihu ne odvija se, naravno, ni u kom slučaju pravolinijski i prije svega ne može ga se shvatiti isključivo na nacionalnoj osnovi. Važni izvori njemačkog slobodnog stiha su nerimovani dugi stih Walt Whitmana (*Leaves of Grass*), koga je Jules Laforgue 1886. prvi put preveo za francuski časopis *La Vogue* i koji je skupa sa *vers libéréom*³ simbolista (Charles Baudelaire, Paul Verlaine, Arthur Rimbaud, Stéphane Mallarmé) uticao na razvoj francuskog slobodnog stiha (*vers libre*). T. E. Hulme i F. S. Flint predstavljaju francuske *verslibriste* 1909. u londonskom *Poets Club-u*, koji će kasnije postati rasadište anglo-američkog imažinizma (*Imagismus*), koji će opet sa svoje strane izvršiti uticaj na razvoj T. S. Eliota, Ezre Pounda ili Amy Lowell. Time je, razumije se, pomenut samo jedan o mnogih razvojnih pravaca: Slobodni stih je rezultat jedne internacionalne mreže pjesnika i kritičara. O uticaju francuskog *vers libre-a* na nje-

² Slobodni ritmovi (*Freie Rhythmen*) su doduše metrički nepovezani i nerimovani, imaju međutim naspram slobodnih stihova moderne jednu izraženu ritmiku i najčešće uzvišeniji ton. Prelaz između ovih dvaju formi je doduše vrlo fluidan.

³ Slobodni («Oslobodeni») stih (*vers libéré*) je obilježen labavljenjem metričkih pravila (npr. promjenljivim brojem slogova i pokretljivom cezuruom).

mačku liriku svjedoči primjerice već pjesma Stefana Geoga „Hochsommer“ (Kasno ljeto, 1890; Breuer 1991: 262).

Wagenknecht (2007: 124–125) dovodi ovaj proces u nadređeni odnos opšteg odvajanja moderne od tradicije, a taj odnos se osim slobodnim stihom iskazuje još i u novom jeziku forme — npr. u napuštanju stroge forme strofa u sonetu (Bertolt Brecht) ili u velikoj dužini stihova, koja rimu gura u drugi plan (Ernst Stadler, Franz Werfel, Brecht). Breuer (1991: 231, 247) u ovom napuštanju ističe posebnu važnost Friedricha Nietzschea, čiji se tekst „prevrednovanje svih vrijednosti“ („Umwertung aller Werte“) odnosi i na vezane, čvrste forme pjesništva. Već u zimu 1884/85 (Pismo Carlu Fuchsu) Nietzsche ističe „poskakivanje iktusa“ („Hopsass des Iktus“) u njemačkom pjesničkom jeziku nasuprot antičkog kvantitetskog pjesništva. A 1888. on piše Fuchsu: „Te dvije vrste ritma su oprečne u svojoj iskonskoj namjeri i porijeklu. *Naša* barbarska (ili germanska) ritmika pod ritmom razumije slijed istih jakih afektivnih uzlaza (*Affekt-Steigerungen*), koji su rastavljeni slabim mjestima-padanjima (*Senkungen*). [...] Naš ritam je *Sredstvo izražavanja afekta*: antički ritam, vremenski ritam ima *nasuprot tome* zadaću, da afekt obuzda i da ga do izvjesne mjere eliminiše“ (Nietzsche 1960, III: 1315).

Iz ovoga Breuer (1991: 235) objašnjava i zašto Nietzsche ne pravi osnovnu razliku između proze i poezije.

Kada autori, kao što su Stefan George, Hugo von Hofmannsthal, Rainera Maria Rilke, Rudolfa Borchardt, i dalje pišu u okviru klasično-romantične „Summa metrica“, to Breuer (isto: 258) tumači kao eksperimentisanje sa svježću o formi koja neminovno ide svom kraju. Za Breuera (isto: 291) i u artificijelnom traženju forme ekspresionista počiva „dezorijentisanost i disocijacija lirskog subjekta“ koja oslobađanjem od tradicionalnih formi sebi konačno krči put. Naravno da time silabotonika još uvijek nije postala marginalna pojava. Zbirke poezije s kraja 40-tih i početka pedesetih godina su još uvijek snažno orijentisane ka čvrstim poetskim formama antičkog i romanskog porijekla (Günter Eich, Peter Huchel, Paul Celan), tek tokom pedesetih godina napuštaju ovi autori strogu formu i suprotstavljaju se deciderano „vladajućim jezičkim i komunikacijskim očekivanjima“ (isto: 372).

Za daljnji razvoj poetskog jezika poslije 1965. u odnosu na „bečku glasovnu poeziju“ („Wiener Lautpoesie“), „berlinski kasni nadrealizam“, „happening-forme“ (up. recitiranje glasovne poezije Ernsta Jandla), agitatorsku poeziju i njenu „anti-vrstu“ „nove subjektivnosti“ (Nicolas Born, F. C. Delius, Michael Krüger, Johannes Schenk, Jürgen Theobaldy, Roman Ritter) ili daljnjeg razvijanja brechtovskog modela u DDR-u (isto: 397–401) može se kao predstavnik navesti manifest Eugena Gomringera „od stiha ka konstelaciji“ (1954). Pjesnik „konkretne poezije“ zahtjeva s obzirom na sve veću raširenost ekonomske racionalnosti, koja (sa svoje strane) vodi ka formalnom pojednostavljivanju jezika, aktualiziranje poetskih formi: „[...] pjesma u stihovnoj formi je ili historijska veličina ili je, ako je i dan danas aktuelna, umjetničko-zanatlijska reminiscencija. Stih nije više živuće načelo reda jezika, njegov poseban jezik je odvojen od jezika stvarnog života“ (Gomringer 1972: 154).

1.3. O situaciji u poljskom i u srpskom

Razvoj slobodnog stiha, kakav se pokazuje u književnosti na njemačkom govornom području, odslikava se u grubim crtama i u silabički označenoj situaciji na poljskom. Još u doba *Mlade Poljske* tzv. nepravilni stih (*wiersz nieregularny*), kojeg se može pratiti unazad sve do baroka, u pojedinačnim slučajevima, prije svih kod Stanisława Wyspiańskog, prelazi u jedan slobodni stih (*wiersz wolny*, Pszczołowska 2001: 301), da bi u krakovskoj avangardi (*Awangarda krakowska*) sa Tadeuszom Peiperom, Julianom Przybošem i Janom Brzękowskim doživio svoj prvi sistematski razvoj (isto: 346). Za prvu polovicu 20. vijeka piše Pszczołowska (isto: 355):

Dla ostatniego 50-lecia w dziejach wersyfikacji najbardziej znamienym zjawiskiem jest coraz większa rola wiersza wolnego, a co za tym idzie — wypieranie wiersza metrycznego <...> wiersz wolny dominuje, wiersz metryczny jest formacją nacechowaną <...>

Za drugu polovicu 20. vijeka najvažniji fenomen jeste narastajuća uloga slobodnog stiha, a sa njom blijedi i važnost metričkog stiha <...> slobodni stih dominira, metrički stih je markirana formacija <...>.

Ništa manje ambiciozno ne sprovodi se ni oslobađanje od silabičke tradicije u srpskoj književnosti, koja se u 20. vijeku mora posmatrati kao dio cjelokupnog štokavskog⁴ jezičkog i kulturnog prostora.

Slobodni stih koji je sa Vojislavom Ilićem, Silvijem Strahimirom Kranjčevićem, Lazom Kostićem Miletom Jakšićem već u 19. vijeku dosegao izvjesnu poziciju (up. Škreb/Stamać 1986: 323), dobija nove impulse preko prevoda u časopisu *Bosanska vila* (među ostalima i *Leaves of Grass* Walta Whitmana) i postaje još prije Prvog svjetskog rata pjesnički program, naročito ga je formulisao i praktikovao Svetislav Stefanović. Kao važan preteča vrijedi i 1906-e objavljena zbirka pjesama „Pesme“ Milana Ćurčina. Za simboliste-parnasovce, međutim, koji u ovo vrijeme pišu ne samo silabičke nego i silabičko-tonske stihove, ostaje slobodni stih još uvijek marginalni fenomen. Tako ga npr. Jovan Dučić uopšte ne koristi, izuzev pjesama u prozi, a Aleksa Šantić piše konačno samo 11 pjesama u slobodnom stihu od ukupno 606 pjesama (Porobić 2010: 436). Nakon Prvog svjetskog rata, doduše, sa generacijom pjesnika poput Antuna Branka Šimića, Ive Andrića, Miroslava Krležu, Miloša Crnjanskog ili Rastka Petrovića, nameće se slobodni stih u svoj svojoj širini.

Ovu dominantnu poziciju od tada pa do danas slobodni stih nije izgubio na cjelokupnom štokavskom govornom području. Kao ilustracija mogu poslužiti dvije antologije koje su objavljene 2011. *Deset deka duše* (Hodel 2011) objedinjuje 28 srpskih autora rođenih između 1940–1960. Od svih tih autora samo pojedini pišu, i samo u određenim tekstovima, vezanim stihom. I ako je to slučaj,

⁴ Za policentrični jezički sistem koji se nekada nazivao „srpskohrvatski“ koristimo pojam „štokavski“.

onda se njihov silabički metar (rjeđe silabičkotonski) pojavljuje kao markiran, tj. kao nosilac neke određene funkcije, naročito su u pitanju: ironizacija (Milan Milišić: „Stari Grci“, Đorđe Sladoje: „Pokuda zavičaju“), aluzija na narodnu pjesmu (Ismet Rebronja: „Tajni jezik“, Milosav Tešić: „Kupinovo“), aluzija na religiozne tekstove (Rajko Petrov Nogo: „Iz pazuva boga“), aluzija na dječije stihove (Miroslav Cera Mihailović: „Pä“).

Još izraženija je dominacija slobodnog stiha u antologiji *Ulaznica* (Dedović 2011), koja obuhvata sljedeću generaciju, rođenih 1960-tih i 1970-tih. Izuzev rijetkih prizvuka jednog silabičkog stiha (npr. kod Saše Jelenkovića: „Otmica je delo ljubavi“) i još rjeđe upotrebljivanih sporadičnih rima (npr. kod Vojislava Karanovića: „Sin zemlje“), u centru pažnje stoji apsolutno slobodni stih.

U vezi s tim je i vrlo znakovit zapis⁵ Stevana Tontića, u kome on objašnjava pod kojim okolnostima se on vratio metrički strogom stihu:

Стеван Тонтић: Слободни и(ли) везани стих (одговор на питање проф. Ходела)

У мојим раним pjesничким збиркама доминирао је слободни, док са збирком *Сарајевски рукопис* (1993) почиње да превладава везани стих. Ипак, и даље сам писао и пишем, у знатној мјери, слободним стихом. Мислим да би се код мене могло говорити о својеврсној равнотежи између ових врста стихова. Ја их често и комбинујем.

У слободном стиху, у којем нема обавеза према метричкој схеми, одређеном броју слогова, рими, цезури итд., pjesник има више простора да се ритмички и реторички „размахне“ (рецимо, по узору на Волта Витмана, једног од великих pjesника слободног стиха). Неко је такве, слободне ритмове стихова назвао психолошким ритмовима. Они пружају осјећање неограничене слободе говора, а pjesницима је посебно до тога стало.

Ја сам, међутим, у савременој поезији често наилазио на одвећ „слободне“ стихове, испуњене личним (па и приватним) исповијестима, површним а опширним описима разних догађаја, тако да сам увидио вриједност класичне, строге форме у поезији. *Форме која pjesника јаче умјетнички обавезује*. И то сам увидио баш у тоталном ратном и животном расулу, рушењу свих постојаних облика, па и самог хуманог смисла егзистенције крајем деведесетих година. Осјетио сам потребу, јачу него прије, да своје лично искуство тога пријетећег расула уобличавам у чврсту форму везаног стиха, којом се указује на умјетничко и етичко достојанство pjesничког језика, насупрот језику неконтролисаним, разузданим силама. Насупрот прилично необавезним причама и досјеткама, које могу бити и забавне. Тако сам написао много римованих pjesама, настојећи да избјегнем сваку звучну блискост са добро познатим и силно израубованим моделима римовања. Настојећи да се ослободим знаног призвуча који многе римоване pjesме попримају од неаутентичног односа према традицији. Традицији која у њима неизбјежно „одјекује“.

У појединим мојим pjesама римују се само поједини (не сви) стихови. Обично посљедњи с неким претходним стихом у строфи.

Допада ми се и непотпуно римовање, гдје се „римују“ звучно доста блиске или врло сличне ријечи које се ипак не подударују у пуној мјери. Такав систем

⁵ E-mail autoru ovog teksta od 4.12.2020.

римовања примјењује савремени њемачки пјесник Јан Вагнер, кога сам са задовољством превео на српски језик.

Ако се типична слабост поезије везаног стиха састоји у артифицијелности и „књишкости“ пјесничког израза, она се у пјесмама слободног стиха огледа у „развезаној“ нарави која на окупу не држи значајна идеја или мисао.

А права вриједност и употребљивост и слободног и везаног стиха види се, наравно, најбоље у врхунској поезији.

2. Razlozi dominacije silabotonike u Rusiji

Објашњења, зашто везани стих у руској књижевности током цијелог 20. vijeka а дијелом и после тога има dominantnu ulogu, морају без сумње остати спекулативна. У првој линији се одмах, међутим, помисли на политичке разлоге. Али управо политички односи у Народној Републици Полјској и у DDR-у показују, да су сами политички фактори недостатни за објашњење те појаве.

2.1. Језички разлози

2.1.1. Slavenski jezici, kao jako flektirajući jezici, imaju vrlo slobodan raspored riječi. То unutar jednog stiha omogućuje vrlo bogatu varijaciju rasporeda riječi prema ritmičkim i eufonijskim kriterijima, а да sintaksa pri tome ne zvuči „nezgrapno“. Ову могућност посједује њемачки нпр. само врло условно (а још ограниченије француски и енглески).

2.1.2. Jezici sa jakim dinamičkim akcentom tendiraju na prirodan način ka tonskom (akcenatskom) pjesništvu u kome se metrički i jezički naglasci (iktusi) poklapaju (up. Küper 1988: 117). Ово је, међу четири језика које посматрамо, скоро у потпуности случај у руском и у њемачком, који, што је врло знаковито, само у назнакама tendiraju ka silabičkoj tradiciji (koja razliku između naglašених и nenaglašених slogova nivelіше metrički). Melodijski akcenat⁶, међутим, kakvog imamo u štokavskom, vodi u tonskom pjesništvu nužno ka iritacijama, pošto isti (naglašени) vokali mogu biti različito intonirani (dugi ili kratki uzlazni, dugi ili kratki silazni). U štokavskom se ove otežavajuće okolnosti pojačavaju još i egzistencijom nenaglašene *dužine*. Otuda nije slučaj da su u 19. vijeku vršени pokušaji da se piše kvantitirajućom silabotonikom (sa alternacijom dugih i kratkih slogova) prema starogrčkom uzoru. Štokavska silabotonika leži u naponskom polju između akcenatske i kvantitetske metrike i otuda valjda nikad nije mogla da se potpuno odomaći.

I mogućnosti rimovanja su melodijskim akcentom te dužinom masivno ograničени: up. npr. *pās* naspram *pās*, ili *gòle-bòlě*, koji kao optički rimoвани par ipak zvuči kao nepravа rima.

О полјском акценту пишу Bartnicka et al. (2004: 78–79): „Акценат ријечи у полјском се најчешће посматра као динамички и везан [...] Динамички значи да је

⁶ Melodijski akcenat ne ističe jedan glas samo pojačavanjem izgovora (dinamički princip), nego varijacijom visine tona (u tonskim jezicima poput kineskog) ili promjenama visine i putanjom tona (štokavski).

naglašeni slog artikulisan sa većom akustičkom energijom. Istovremeno se uz to i u izvjesnoj mjeri ton uzdiže a slog se razvlači. Zato se akcenat u poljskom i kod nekih lingvista posmatra kao melodijski.“

2.1.3. Poljski, koji ima vezani (paroksitonski) akcenat, i njemački, čiji slobodni akcenat u jednoj riječi pada uvijek na isti slog (tj. ima nepokretan akcenat, upor. *Báum*, prema *Báumes*: drvo-drveta), imaju, za razliku od ruskog sa njegovim slobodnim i pokretljivim akcentom (up. *мост, на мосту*), manje mogućnosti da riječi u stihu metrički podese i da konačno tvore rime. Pogotovo poljski podliježe u vezi s tim snažnim restrikcijama: tako se muške rime mogu tvoriti samo od jednosložnih riječi. Izvjesnim ograničenjima podliježe i štokavski, koji od razvoja novoštokavskog dijalekta bilježi snažnu tendenciju naglašavanja prvog sloga.

Otuda npr. jampski stihovi sa stalnom cezurom imaju često drugi polustih koji je čisto trohejske prirode (up. npr. jampski jedanaesterac Jovana Dučića; Porobić 2010: 391).

2.1.4. U snažno flektirajućim jezicima kakvi su slavenski, mogućnosti gramatičkih rima su naspram njemačkog (kao i engleskog i francuskog) u osnovi veće. Najvažnije je pri tome to da sufixi i nastavci mogu da nose naglasak⁷. Na njemačkom je to moguće, sa iznimkom nastavka *-(l)ei* (kao u riječi *Liebelei*), samo kod sufixâ preuzetih iz stranih jezika: *Praktikant(in)*, *-Student*, *Veterinär*, *praktikabel*, *rigoros*, *spazieren* itd. Pored posljednjih djelomično identičnih primjera (up. *praktykántka*, *studéntka*) poljski ima još neke daljnje mogućnosti (up. *myślímý/robímý*, *półmiskami/ gromadami*), koje su, međutim, u poređenju sa ruskim ipak vrlo skromne (up. u ruskom glagolske sufixe, množinu imenica (ćirilički) *-ы, -и, -а/я(та)*, nastavke lokativa na *-е, -и, -у, -ах/ях*, pridjevske nastavke duge i kratke forme, daktilske i hiperdaktilske rime na *-áемьй, áнная, -áемая, -áвшаяся*, oblike za pripadnost poput *-ич, -янин, -изм*, itd.). Znakovito je već i to da sam pojam „gramatička rima“ u njemačkom ima sasvim drugo značenje nego u ruskom i poljskom, naime: „Rimovano povezivanje istog korijena, često i formi nastavaka iste riječi bez obzira na istozvučnost“ (Wilpert 1989: 350–351; npr. *bekleiden/ kleidet*).

2.1.5. Vrlo važan faktor je i statistički odnos između naglašanih i nenaglašanih slogova.

Dok je u ruskom u prosjeku naglašen svaki 3. slog⁸, u njemačkom pada naglasak na svaki drugi, a u štokavskom prosječno na dva i po sloga⁹ (prema Porobić 2010: 149). Ova činjenica je opet zavisna od prosječne dužine riječi, koja

⁷ U štokavskom postoje ovdje naravno ograničenja zbog akcenatskog pravila da su posljednji slogovi višesložne riječi uvijek nenaglašeni.

⁸ Prema Stankiewiczu (1960: 79) je odnos nenaglašanih i naglašanih slogova u ruskoj poeziji kao i prozi 2,8.

⁹ U poeziji, dok u prozi taj broj oscilira između 2,79 (narodne pripovijetke) i 2,94 (umjetnička proza) (Porobić 2010: 149–150).

u ruskom iznosi 2,2 sloga naspram 1,7 u njemačkom i 1,4 u engleskom¹⁰ (up. Fucks 1968: 80). Na ruskom govornom području je ovaj preduslov već u klasicizmu doveo do uvođenja pirihijskog. Tako npr. Lomonosov realizuje treći 3. iktus kod 4-stopnog troheja u 58,6% slučajeva. U prvoj polovini 19. vijeka je treća stopa stiha naglašena samo još u 43,6% slučajeva, a treći iktus u 4-stopnom jambu je kod mlađe generacije pjesnika u razdoblju od 1820–1840 realizovana tek samo još u 35% slučajeva (Gasparov 2000: 318).

Dvosložni metar zvuči otuda na ruskom u poređenju sa njemačkim mnogo mirnije, manje „dobošarski“, manje monotono (up. još Žirmunski 1925/1966: 80–85), a trosložni metri se mogu u skladu sa prirodnim tokom govora mnogo lakše praviti nego na njemačkom ili štokavskom (up. i Küper 1988: 118).

Uopšte se može ustanoviti da ruski u odnosu prema njemačkom, poljskom ili štokavskom raspolaže jednim jezičkim instrumentarijem, koji omogućuje bogatiju varijaciju i istovremeno silabotoniku koja je prilagođena prirodnom govoru.

2.2. Estetski razlozi

Aristotel (1458a) u svojoj *Poetici* određuje poeziju kao otklon od „vladajuće“, „obične“ jezičke forme (*tò parà tò kýrion*), pri čemu se „neobični“ govor oblikuje primjenom stranih izraza. Kao „strano“ (*xenikòn*) označava Aristotel glosu (npr. jednu riječ iz nekog drugog dijalekta), produžavanje (npr. produžavanje nekog sloga) i metaforu. S tim u vezi može se prozaizacija klasičnog vezanog stiha u lotmanovskom smislu shvatiti kao minus-postupak (Lotman 1970: 120–121), koji kao preduslov podrazumijeva egzistenciju pravilnog stiha i može ga se onda onoliko dugo upotrebljavati dokle postoji i svijest o otklonu od tog pravilnog stiha.

Moguće je, naravno, da se dominantna metrička tradicija¹¹ u Rusiji, koja se uspostavila oko sredine 18. vijeka, još nije iscrpila, drugačije nego li je to slučaj na njemačkom, poljskom ili štokavskom govornom području¹², gdje se vrlo izgrađeno pjesništvo može pratiti unazad sve do renesanse. Ovdje svakako treba misliti i o tome da jezičke datosti u ruskom ne samo da dozvoljavaju mnogostrana obnavljanja forme u okviru dominantne silabotonike (preferiranjem različitih metrova, u obliku polimetrije, varijacije dužine stiha, daktilskim i nepravim rimama, varijacijama forme strofe itd.), nego i razvoj jednog stiha koji se bez obzira na svoju pravilnost može proizvoljno približavati ritmu proze (nepodudaranjem između stope stiha i granice riječi, korišćenjem pirihijskog i spondeja, nepodudaranjem granice stiha i granice rečenične fraze, tj. sintakse stiha i sintakse rečenice, redukcijom uzvišeno zvućućih inverzija, sintaksom i leksikom svakodnevnog govora i sl.). Tako upada u oči npr. da se čak i u „neoklasičnoj“ sovjetskoj

¹⁰ O metričkim konzekvencijama ove raspodjele za engleski piše Küper (1988: 117): „U Engleskom dolaze često naglašene riječi u alternirajućem stihu češće nego svaka dva sloga, tako da oni nužno posjeduju ne samo jake (*Hebungen*), nego i slabe (*Senkungen*) slogove <...>“.

¹¹ I u Rusiji ima jedna kratka faza u kojoj su pisani silabički stihovi. Ova će se versifikacija, koja se raspamala u drugoj polovici 17. vijeka, ipak brzo napustiti u korist silabotonike.

¹² U štokavskom metrička tradicija počiva pri tome snažno na usmenom pjesništvu.

epohi karakter 4-stopnog troheja mijenja: Dok je kod starijih sovjetskih pjesnika, rođenih do 1910-te prvi iktus realizovan još u 58,2% slučajeva, kod mlađe generacije, rođene poslije 1910-te, pada ovaj broj na 50,9% (Gasparov 2000: 318). I produžavanje stihovnih redaka (удлинение строк) otpočinje još u sovjetsko doba, a razvija se u postsovjetsko doba još i dalje (isto: 309).

Jedna generalna procjena, dakle, da čvrsto pridržavanje klasičnog stiha nužno vodi ka estetskom gubitku, čini se problematičnom. Na razmišljanje navodi i činjenica da se ne pridržavaju silabotonike samo oficijelni sovjetski autori nego i većina opozicionih pjesnika — od Ahmatove do Mandeljštama i Brodskog ili Kibirova. A možda je moguće i to da je na zapadu Aristotelovski „neobični“ jezik pjesništva, koji se u „književnocentričnoj“ Rusiji 20. vijeka održao u lirici, preuzet od nekih drugih oblasti, npr popularne muzike.

2.3. *Političko-ideološki razlozi*

2.3.1. Već iz same skice razvoja ruskog stiha 20. vijeka proizilazi da je sovjetska politika čak i u jednom tako formalnom polju kao što je versifikacija izvršila duboki i dugoročni uticaj. Ovo vrijedi u prvoj liniji za „neoklasičnu“ fazu Sovjetskog saveza 1935–1955. Cenzura, koja je već i prije 1935. onemogućavala štampanje slobodnih stihova npr. jednog Zabolockog ili Hljebnikova, u zenitu Staljinove ere zadire rigorozno i u kanonizaciju sadržaja i formi. Osnova za to jeste propagirano jedinstvo forme i sadržaja, koje vodi ka kritičkom stavu naspram svakog formalističkog eksperimenta¹³:

Стихование начала века рассматривало стиховую форму (ритм, рифму и пр.) как самостоятельный эстетический возбудитель. Теперь такой взгляд осуждается как формалистический (Gasparov 2000: 269).

В критике утверждается мнение, что свободный стих несвойствен духу русского языка и противен традициям русской поэзии. Это получает даже идеологическое обоснование: именно в это время свободный стих становится господствующей стиховой формой в поэзии Западной Европы и Америки и для прямолинейных критиков превращается в символ упадочной буржуазной культуры, наглядное выражение распада личности (isto: 282).

Još je 1928. Majakovski u svom „Галопщик по писателям“ pisao prezirno o „pesnicima-emigrantima“ (поэты-эмигранты): „Sami troheji i jambovi“ („Одни/хорей да ямбы“; Gasparov 2000: 270). Sad se međutim cijela stvar okreće naglavačke: Troheji i jambovi postaju zaštitni znak realno egzistirajućeg socijalizma.

Ali se upravo Majakovski može uzeti i kao primjer toga da se slobodni stih, koji je u rano sovjetsko doba još deklarisan kao „pravovjerna forma proleterske umjetnosti“ („правомерной формой пролетарского искусства“; Orlicki 1995), ne izbjegava samo iz političkih nego i iz umjetničkih razloga. Jer futurista i proleterski uzor pjesnika (Majakovski) piše doduše po slobodnoj volji nesilabo-

¹³ O pitanju u kojoj je mjeri avangarda 30-tih godina svoj kraj doživjela zbog izvanestetskih razloga, pogledaj Hodel 2008.

tonske (несиллаботонические) stihove, ali ipak ne piše konzekventno slobodne stihove.

U vezi s tim su vrijedni pomena i klasični stihovi Ahmatove, Cvetajeve, jednog Mandeljštama ili Pasternaka, koji su djelomično pisani „в стол“¹⁴, tj. bez obzira na moguću cenzuru. Ova okolnost se do sada objašnjavala povezanošću ovih autora sa predsovjetskom kulturom i poetskom tradicijom. Pri tome se radi o argumentu koji se ponavlja i u odnosu prema opozicionim pjesnicima kasne sovjetske ere, čiji se dominantan stih isto tako malo razlikuje od oficijelnog pjesništva (Josip Brodski, Viktor Krivulin, Sergej Stratanovski, Jelena Švarc, Jurij Kublanovski, Olga Sedakova, Sergej Gandlevski i dr.). Time se dominantna silabotonika oba politička tabora, kako oficijelnog tako i inoficijelnog, može konačno tumačiti kao posljedica totalne kontrole.

Bez odbacivanja ovog argumenta, ostaje otvoreno pitanje da li politički razlozi nude dovoljno ubjedljivo objašnjenje. Jer upravo u prve dvije decenije 20. vijeka, kada se u zapadnoj Europi i SAD-u nametnuo slobodni stih, ostaje ruska silabotonika dominantna uprkos jednoj dalekosežno liberalnoj klimi. Pa ipak nesumnjivo je da je sovjetska država sve do svoga nestanka mogla vršiti masivni uticaj na književnost i cjelokupne njene formacije — preko tijela za cenzuru, časopisa i nagrada. Tako Orlicki (1995) piše o slobodnom stihu:

Поэты, плодотворно и интересно работавшие в середине века с этой формой стиха — Д. Хармс, С. Нельдихен, В. Мазурин, Г. Оболдуев — оказались практически вычеркнутыми из живой литературы. Только в конце 1950-х — начале 60-х годов свободный стих вновь выходит из подполья. Правда, ненадолго: официальный идеологический запрет с него, вроде бы, снят, однако продолжает действовать ничуть не менее строгий редакторский, вкусовой барьер. Редкие публикации свободных стихов В. Бурича, В. Солоухина, К. Некрасовой, Н. Рыленкова сопровождались резко отрицательной официальной критикой — несмотря даже на то, что в те же годы, не афишируя этого, публикуют свои „опыты верлибра“ такие мэтры советской поэзии, как Н. Ушаков, И. Сельвинский, К. Симонов, Е. Винокуров, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, А. Вознесенский, Л. Озеров, О. Шестинский, В. Боков, А. Яшин — как видим, авторы самых различных творческих ориентаций.

Ne samo u neoklasičnim alternativnim strujanjima poput neoakmeizma (Arsenije Tarkovski, Bela Ahmadulina, Aleksandr Kušner, Jevgeni Rejn pa do Josipa Brodskog i Viktora Krivulina) ili neobaroka (Ivan Ždanov, Jelena Švarc, Aleksandr Jerjomenko, Vitalij Kaljpidi) ostaje silabotonika dominantna. Njena neupitna pozicija predstavljala je u godinama 1960–1980 i osnovu za postmodernističko pjesništvo. U tom pogledu se i silabičkotonski stih jednog Prigova, Kibirova ili Limonova objašnjava manje težnjom ka kontinuitetu a više radikalnom ironizacijom forme. Klasični metar, bilo sovjetski 3-stopni anapest (Kibirov) ili puškinovski 4-stopni jamb (Prigov), izbija u ovim postmodernističkim tekstovima poput palimpsesta i evocira kao prepoznavajući predložak jednu

¹⁴ Pisanje „za sto“ — praksa sovjetskih pisaca da nešto pišu sa sviješću o tome da zbog cenzure nema nade da će se to i objaviti.

decidiranu distancu. Moskovski konceptualisti ostaju time u formalnoj sjenci sovjetske (klasične) versifikacije, stvaraju međutim istovremeno i važan preduslov za razvoj slobodnog stiha: oni od klasične versifikacije prave jednu markiranu formu.

2.3.2. Poseban aspekt sovjetskog doba osvjetljava Mihail Gronas (2012) u svom članku „Napamet: o mnemotehničkoj egzistenciji stiha“ („Наизусть: о мнемоническом бытовании стиха“). On ovdje predstavlja kako je kultura učenja napamet iz 19. vijeka ne samo na zapadu nego i u Rusiji (između ostalog i od strane Lava Tolstoja) podvrgnut oštroj kritici. Ovaj stav su najprije preuzeli i mladi revolucionari:

В первые годы после революции большевистские педагоги, наследуя реформаторам XIX века, предсказуемо ополчились против механического заучивания и объявили заповинание наизусть формой буржуазного гнета. Но в начале 1930-х годов, с упрочением государственного аппарата и усилением идеологического контроля над образованием, заучивание поэзии было заново открыто в качестве эффективного инструмента внушения советским детям чувства национальной и идеологической общности.

Ovu školsku praksu shvata Gronas kao sredstvo opšte indoktrinacije:

Запоминаемый текст, следовательно, может восприниматься как когнитивное вторжение, чужой голос, поселившийся в сознании выучившего, и, следовательно, как потенциальный плацдарм для индоктринации или „идеологической обработки“.

Ovdje Gronas pominje i to da je ova praksa bila od koristi ne samo za širenje ideološki poduprijetih nego i „neprijateljskih“ sadržaja.

Ovdje se pomisli odmah npr. na pjesme Ahmatove. Važno je pri tome da u oba slučaja „mnemotehnička egzistencija poezije“ (мнемоническое бытование поэзии) podržava klasičnu pjesničku formu, koja se može brže i dugotrajnije učiti napamet nego slobodni stih.

2.3.3. Aleksandar Skidan¹⁵ postavlja neoklasicističke tendencije sovjetskog vremena u jedan širi kontekst, kada, oslanjajući se na Giorgioa Agambena (2000), slobodni stih objašnjava u kontekstu zapadnjačke sekularizacije, a sovjetsku poetsku praksu kao formu re-sakralizacije.

Čak i ako se pojam sakralnog ovdje može primijeniti samo uslovno, ostaje neupitno da kult ličnosti, koji je pod Staljinom dosegao naročite razmjere, ide ruku pod ruku sa izraženom ritualnosti i pobožnosti i da je silabotonika u širem smislu dio ovog opšteg državnog ponašanja. A ovdje je mogao i kult Puškina igrati takođe ništa manju ulogu.

2.3.4. U širem smislu shvaćeno može se misao o re-sakralizaciji primijeniti i na ona tumačenja ruske kulture, koja u njoj u prvi plan guraju duhovno, ira-

¹⁵ E-mail autoru ovog teksta od 4. Maja 2016, objavljen u Hodel (2018: 238)

cionalno i religiozno naspram materijalnosti, racionalnosti i ekonomičnosti zapada. Kao što je poznato vrednovanje ovih nastojanja je svakako dosta različito: Nasuprot predstavi o regresiji i restrikciji (npr. u *День опричника* Vladimira Sorokina) stoji pozitivno konnotiran konzervativizam (npr. u djelu *Санья* Zahara Prilepina).

S ove tačke gledišta posmatrano proizilazi da je i sovjetska epoha u kontinuitetu sa razvojem ruske kulture i državnosti uopšte. Da li se ovdje isključivo definiše Rusija u razgraničenju prema zapadu ili je djelomično i obratno, makar u doba nakon 2. Svjetskog rata, to ostaje otvoreno pitanje — i u odnosu na slobodni stih.

LITERATURA

- Agamben 2000 — Agamben Giorgio. *Il tempo che resta. Un commento alla Lettera ai romani*. Torino: Bollati Boringhieri, 2000.
- Aristoteles 1994 — Aristoteles. *Poetik*. Griechisch/Deutsch. Stuttgart: Reclam, 1994.
- Bartnicka et al. 2004 — Bartnicka Barbara, Hansen Bjorn, Klemm Wojtek, Lehmann Volkmar, Satkiewicz Halina. *Grammatik des Polnischen*. München: Verlag Otto Sagner, 2004.
- Breuer 1991 — Breuer Dieter. *Deutsche Metrik und Versgeschichte*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1991.
- Davidov 2013 — Давыдов Данила. «Приключение верлибра (Фестиваль как повод взглянуть на свободный стих со всех сторон)». <http://magazines.russ.ru/arion/2013/3/21d.html>
- Dedović 2011 — Dedović Dragoslav. “Ulaznica. Ali za šta?/Eintrittskarte. Doch worfür?”. *Srbija: Panorama pesništva 21. veka*. Wien, Zrenjanin: Drava, 2011: 350–352.
- Fucks 1968 — Fucks Wilhelm. *Nach allen Regeln der Kunst. Diagnosen über Literatur, Musik, bildende Kunst — die Werke, ihre Autoren und Schöpfer*. Stuttgart: DVA, 1968.
- Gasparov 2000 — Гаспаров Михаил. *Очерк истории русского стиха*. Москва: Фортуна Лимитед, 2000.
- Gomringer 1972 — Gomringer Eugen. (Hg.). *Konkrete poesie*. Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 1972.
- Hodel 2008 — Hodel Robert. “Der Sozialismus als ästhetische Innovation? Zu Ostrovskijs *Kak zakaljalas’ stal’* und Hermlins *Die Kommandeuse*”. Brehmer Bernhard, Fischer Katrin, Krumbholz Gertje (Hg.). *Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag*. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2008: 221–235.
- Hodel 2011 — Hodel Robert. *Hundert Gramm Seele / Deset deka duše. Serbische Poesie aus der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts*. Herausgegeben, übertragen, kommentiert, mit Biographien und Bibliographien von 28 Dichtern. Leipzig, 2011.
- Hodel 2015 — Hodel Robert. *Vor dem Fenster unten sind Volk und Macht/За окном внизу — народ и власть. Russische Poesie der Generation 1940–1960*. Herausgegeben, übertragen, kommentiert, mit Biographien von 31 Dichtern. Leipzig, 2015.
- Hodel 2018 — Hodel Robert. «Поэтическая форма как фактор идентичности». Stahl Henrike, Evgraškina Ekaterina (Hg.). *Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика (Neue Lyrik: Interdisziplinäre und Interkulturelle Studien, Band 4)*. Berlin 2018: 219–240.
- Hodel 2019 — Hodel Robert. *Sie ging durch Russland... / Шла по России... Russische Poesie der Generation 1960–1980*. Herausgegeben, übertragen, kommentiert, mit Biographien und Bibliographien von 28 Dichtern. Leipzig, 2019.
- Küper 1988 — Küper Christoph. *Sprache und Metrum*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1988.
- Lotman 1970 — Лотман Юрий. *Структура художественного текста*. Москва: Искусство, 1970.
- Nietzsche 1960 — Nietzsche Friedrich. *Werke in 3 Bdn*. Hg. von K. Schlechta. München: Carl Hanser, 1960.

- Orlicki 1995 — Орлицкий Юрий. «Русский верлибр: мифы и мнения». *Арион* 3 (1995): 85–92. <http://magazines.russ.ru/arion/1995/3/monolog1.html>
- Porobić 2010 — Porobić Sead. *Ispitivanje razvoja versifikacije u poeziji Bosne i Hercegovine*. Zagreb-Sarajevo: Naklada Zoro, 2010.
- Pszczółowska 2001 — Pszczółowska Lucylla. *Wiersz polski*. Wrocław: Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej, 2001.
- Škreb/Stamać 1986 — Škreb Zdenko, Stamać Ante. *Uvod u književnost*. Zagreb: Globus, 1986.
- Stankiewicz 1960 — Stankiewicz Edward. "Linguistics and the study of poetic language". Sebeok Th. (ed.). *Style in language*. Cambridge (Mass.) — New York: MIT Press Massachusetts Institute of technology — John Wiley & sons, 1960: 69–81.
- Wagenknecht 2007 — Wagenknecht Christian. *Deutsche Metrik. Eine historische Einführung*. München: C. N. Beck, 2007.
- Wilpert 1989 — Wilpert Gero von. *Sachwörterbuch der Literatur*. Stuttgart: Kröner, 1989.
- Žirmunski 1925/1966 — Žirmunskij Viktor. *Introduction to Metrics: The Theory of Verse*. The Hague: Walter de Gruyter & Co, 1926/1966.

REFERENCES

- Agamben 2000 — Agamben Giorgio. *Il tempo che resta. Un commento alla Lettera ai romani*. Torino: Bollati Boringhieri, 2000.
- Aristoteles 1994 — Aristoteles. *Poetik*. Griechisch/Deutsch. Stuttgart: Reclam, 1994.
- Bartnicka et al. 2004 — Bartnicka Barbara, Hansen Bjorn, Klemm Wojtek, Lehmann Volkmar, Satkiewicz Halina. *Grammatik des Polnischen*. München: Verlag Otto Sagner, 2004.
- Breuer 1991 — Breuer Dieter. *Deutsche Metrik und Versgeschichte*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1991.
- Davidov 2013 — Davydov Danila. "Priključenje verlibra (Festival' kak povod vzglyanut' na svobodnyj stih so vsekh storon)". <http://magazines.russ.ru/arion/2013/3/21d.html>
- Dedović 2011 — Dedović Dragoslav. „Ulaznica. Ali za šta?/ Eintrittskarte. Doch worfür?“. *Srbija: Panorama pesništva 21. veka*. Wien, Zrenjanin: Drava, 2011: 350–352.
- Fucks 1968 — Fucks Wilhelm. *Nach allen Regeln der Kunst. Diagnosen über Literatur, Musik, bildende Kunst — die Werke, ihre Autoren und Schöpfer*. Stuttgart: DVA, 1968.
- Gasparov 2000 — Gasparov Mihail. *Očerki istorii russkogo stiha*. Moskva: Fortuna Limited, 2000.
- Gomringer 1972 — Gomringer Eugen. (Hg.). *Konkrete poesie*. Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 1972.
- Hodel 2008 — Hodel Robert. "Der Sozialismus als ästhetische Innovation? Zu Ostrovskijs *Kak zakaljalas' stal'* und Hermlins *Die Kommandeuse*". Brehmer Bernhard, Fischer Katrin, Krumbholz Gertje (Hg.). *Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag*. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2008: 221–235.
- Hodel 2011 — Hodel Robert. *Hundert Gramm Seele / Deset deka duše. Serbische Poesie aus der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts*. Herausgegeben, übertragen, kommentiert, mit Biographien und Bibliographien von 28 Dichtern. Leipzig, 2011.
- Hodel 2015 — Hodel Robert. *Vor dem Fenster unten sind Volk und Macht/ За окном внизу — народ и власть. Russische Poesie der Generation 1940–1960*. Herausgegeben, übertragen, kommentiert, mit Biographien von 31 Dichtern. Leipzig, 2015.
- Hodel 2018 — Hodel Robert. "Poeticheskaya forma kak faktor identichnosti". Stahl Henrike, Evgraškina Ekaterina. (Hg.). *Sub"ekt v novejshej russkojazyčnoj poezii — teoriya i praktika (Neue Lyrik: Interdisziplinäre und Interkulturelle Studien, Band 4)*. Berlin 2018: 219–240.
- Hodel 2019 — Hodel Robert. *Sie ging durch Russland... / Шла по России... Russische Poesie der Generation 1960–1980*. Herausgegeben, übertragen, kommentiert, mit Biographien und Bibliographien von 28 Dichtern. Leipzig, 2019.
- Küper 1988 — Küper Christoph. *Sprache und Metrum*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1988.
- Lotman 1970 — Lotman Jurij. *Struktura hudozhestvennogo teksta*. Moskva: Iskusstvo, 1970.

- Nietzsche 1960 — Nietzsche Friedrich. *Werke in 3 Bdn.* Hg. von K. Schlechta. München: Carl Hanser, 1960.
- Orlicki 1995 — Orlickij Jurij. “Russkij verlibr: mify i mneniya”. *Arion* 3 (1995): 85–92. <http://magazines.russ.ru/arion/1995/3/monolog1.html>
- Porobić 2010 — Porobić Sead. *Ispitivanje razvoja versifikacije u poeziji Bosne i Hercegovine*. Zagreb-Sarajevo: Naklada Zoro, 2010.
- Pszczołowska 2001 — Pszczołowska Lucylla. *Wiersz polski*. Wrocław: Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej, 2001.
- Škreb/Stamać 1986 — Škreb Zdenko, Stamać Ante. *Uvod u književnost*. Zagreb: Globus, 1986.
- Stankiewicz 1960 — Stankiewicz Edward. “Linguistics and the study of poetic language”. Sebeok Th. (ed.). *Style in language*. Cambridge (Mass.) — New York: MIT Press Massachusetts Institute of technology — John Wiley & sons, 1960: 69–81.
- Wagenknecht 2007 — Wagenknecht Christian. *Deutsche Metrik. Eine historische Einführung*. München: C. N. Beck, 2007.
- Wilpert 1989 — Wilpert Gero von. *Sachwörterbuch der Literatur*. Stuttgart: Kröner, 1989.
- Žirmunski 1925/1966 — Žirmunskij Viktor. *Introduction to Metrics: The Theory of Verse*. The Hague: Walter de Gruyter & Co, 1926/1966.

Роберт Ходель

СТИХОТВОРНАЯ ФОРМА. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД
НА РУССКУЮ ЛИРИКУ XX ВЕКА

Резюме

Данная работа посвящена вопросу, почему рифмованный стих сохранился в России, в отличие от европейской и американской поэзии, на протяжении всего XX века и стал доминирующей стихотворной формой. При этом мы сначала сопоставим развитие русской поэзии с немецкой, польской и сербской лирикой, а потом проанализируем языковые, эстетические и политические причины, повлиявшие на возникновение этой разницы.

Ключевые слова: рифмованный стих, верлибр, лингвистика стиха, развитие стихотворной формы, русская поэзия, сербская поэзия, немецкая поэзия, польская поэзия.

Владимир Фещенко
Институт языкознания РАН
vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Vladimir Feshchenko
Institute of Linguistics RAS
vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

CREATIO EX LINGUA.
ПАРАМЕТРЫ ЯЗЫКОВЫХ НОВАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
И НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ ЭПОХИ РУССКОГО АВАНГАРДА¹

CREATIO EX LINGUA.
PARAMETERS OF LANGUAGE INNOVATIONS IN ARTISTIC
AND SCIENTIFIC TEXTS OF THE RUSSIAN AVANT-GARDE ERA

В статье проводится дискурсивный анализ русских художественных (экспериментальных) и научных (лингвистических) текстов с позиции теории лингвокреативности. По каждому из рабочих подкорпусов (художественный и научный дискурсы 1910–1930-х гг.) выделяются макродискурсивные, микродискурсивные и интердискурсивные параметры, воздействующие на языковые новации разных уровней — от фонологического до прагматического. Делается вывод о том, что художественный и научный дискурсы расположены на шкале языковой креативности на противоположных полюсах — максимальной лингвокреативности в ХД и минимальной в НД. Лингвистический инструментарий сопоставительного дискурс-анализа демонстрирует переход от экспрессивной лингвокреативности (лингвоэстетики) в художественной литературе к эвристической креативности (лингвоэвристике) в научном терминотворчестве.

Ключевые слова: лингвокреативность, художественный дискурс, научный дискурс, русский авангард, языковой эксперимент.

The article aims at a discourse analysis of Russian artistic (experimental) and scientific (linguistic) texts from the perspective of the theory of linguistic creativity. For each of the working subcorpora (artistic and scientific discourses of the 1910–1930s), it distinguishes macrodiscursive, microdiscursive and interdiscursive parameters that affect linguistic innovations at different levels — from phonological to pragmatic. The study concludes that artistic and scientific discourses are located on the scale of linguistic creativity at opposite poles — from maximum linguistic creativity in AD to minimum linguistic

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

creativity in SD. The linguistic methodology of comparative discourse analysis demonstrates the transition from expressive linguistic creativity (linguoesthetics) in literary writing to heuristic creativity (linguoheuristics) in new scientific terminology.

Key words: linguistic creativity, artistic discourse, scientific discourse, the Russian avant-garde, language experiment.

Варвара Степанова

Русский авангард не перестает интересовать исследователей, работающих на рубежах наук, своей открытостью к проникновению границ между искусством и наукой, практикой и теорией, политикой и философией. Все новые и новые источники и новые осмысления уже известных текстов позволяют и побуждают рассматривать авангард как полидискурсивную формуляцию, в которой взаимодействие дискурсов создает множество концептуальных резонансов. Один из таких взаимонаправленных векторов — обратная связь между научным и художественным дискурсами, задающая собой пространство междисциплинарных трансферов в творческой культуре.

Взаимодействие научного и художественного способов познания и творчества — важный объект рефлексии в самой авангардной культуре. На основе этой саморефлексии формируются и современные научные подходы к исследованию авангардных дискурсов. Многие вопросы научно-художественного взаимодействия затрагивались в антологии-сборнике (Степанов 2006) и в нашей монографии (Фещенко 2009); этой теме посвящены вышедший в Белграде отдельный том (Ичин 2011), а также переведенная на русский работа (Фёрингер 2019) о научно-художественных экспериментах в области психологии восприятия.

Обратиться вновь к этой проблематике на современном этапе побуждает разрабатываемая в науках о языке теория лингвокреативности. В частности, проводимое коллективом Института языкознания РАН исследование, в рамках которого выполнена данная работа, направлено на параметризацию языковой креативности в разных типах дискурса. Одним из направ-

лений проекта является изучение таких параметров на материале корпуса художественных и научных текстов эпохи «первого авангарда» (1910–1930-е гг.) Исследование призвано ответить на вопросы: какими лингвистическими средствами создается новизна в текстах разного типа, каково в действительности языковое новаторство авангардных авторов в различных видах производимых ими текстов (литературно-художественных, теоретических, критических, научных); что говорят нам лингвокреативные техники о сближении художественной и научной когниции в промежуточных между художественными и научными жанрами текстов? Попутно решается вопрос об отношении радикального художественного языкового эксперимента к языковым изменениям в языке вообще (в том числе, под воздействием научных концепций и новшеств).

Ключевые понятия и методология

В последние десятилетия социальные и когнитивные изменения, исходящие с человеком в современном мире, побуждают лингвистов фиксировать механизмы языковых изменений и преобразований с точки зрения их новаторства и новизны. Развивающиеся теории языковой креативности (главным образом, в когнитивно-ориентированной лингвистике) позволяют различать стабилизирующие, нормоустанавливающие тенденции в языке и дискурсе, с одной стороны, и те, которые отклоняются от нормативных процессов, генерируя тем самым новые, потенцирующие явления в речевой практике и языковой системе.

На пути к общей **теории лингвокреативности** двумя основными посылками являются 1) представление о языке в целом как естественном творческом процессе в развертывании речи и развитии языка и 2) представление о возможности повышенного творческого воздействия на язык со стороны отдельных индивидуумов, сообществ, дискурсов. Если в первой посылке, восходящей к концепции *linguistic creativity* Н. Хомского, в сущности, любое языковое изменение, любой акт речи признаются «творческими», то во второй, в большей мере опирающейся на русскую традицию лингвопоэтики, акцентируется та инновационность в языке и речи, которая возникает на фоне стандартности и конвенциональности. Могут ли два эти понимания быть наложены друг на друга в рамках единой концепции языковой креативности? На наш взгляд, они могут быть продуктивно использованы на равных правах при создании шкалы лингвокреативности, основанной на общих языковых и дискурсивных параметрах.

Мы будем исходить из **определения лингвокреативности**, данного И. В. Зыковой. На основе диалектики коллективно-социального и индивидуально-личностного ей выводится расширенная дефиниция лингвокреативности как «способности глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемой коллективной личностью (социумом, народом) и индивидуальной личностью (отдельным представителем

социума, народа), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицируются» (2017: 638). При этом под лингвокреативностью в общем виде условимся называть ту, которая порождается коллективной личностью (сообществом, социумом, народом), а лингвокреативностью авторской ту, которая реализуется отдельным индивидуумом (говорящим, автором). В разных видах дискурса процесс инновационности будет различаться в зависимости от фактора коллективности-индивидуальности.

Близкая к этому трактовка лингвокреативности с позиции когнитивного метода дается О. К. Ирисхановой: креативность есть способность человека «творчески конструировать и интегрировать различные ментальные образования в режиме реального речевого общения» (2004: 17). В таком понимании язык обретает креативные формы в речи, тексте и дискурсе. Креативная способность, присущая человеку в пользовании готовыми языковыми элементами для порождения новых элементов, эксплицируется в речевой деятельности уже в виде «лингвокреативности». Лингвокреативность предлагается при этом рассматривать через дихотомии: ««индивидуальное — коллективное», «поверхностное — глубинное», «композиционное — интегративное», «алгоритмическое — эвристическое»» (Там же). Здесь нам видится продуктивный путь диверсификации языковой креативности по различным параметрам: социальным, уровневым, коммуникативным, когнитивным.

Можно выделить следующие **виды лингвокреативности** в дихотомических парах:

- языковая и речевая (разграничение вводится еще Ф. де Соссюром, см. также (Демьянков 2009));
- языковая и стилевая (еще у Г. Винокура (1943) о «языковом и стилевом новаторстве» поэтов авангарда);
- языковая и дискурсивная (Соколова 2020);
- индивидуальная (авторская, идиостилевая) и коллективная (массовая, социолектная) (Ирисханова 2004);
- аномальная и узуальная (в зависимости от степени отклонения от узуального стандарта, см. (Радбиль 2012));
- эстетическая и эвристическая (в соответствии с направленностью на новую выразительность либо на новое знание, см. (Фещенко 2020)).

В данной статье нас будут интересовать способы проявления авторской языковой креативности в двух типах текстов — **художественных и научных** (оба этих типа творчества Р. Джоунс [Jones 2016] относит к Креативности с большой буквы, в отличие от креативности с маленькой, характерной для обыденного дискурса). Мера языкового новаторства (или

«лингвистического изобретательства», в терминах Г Винокура) будет определяться исходя из проявленности целого ряда параметров лингвокреативности. При этом под «новаторскими» будут пониматься исключительно те языковые техники, которые можно признать отклонениями от узуального употребления тех или иных языковых единиц, значений или конструкций.

Самые общие определения понятия **творчества** сводятся к следующему: творчество — это деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Категория **нового** оказывается, таким образом, ядром значения концепта творчество. Не удивительно, поэтому, что она переживает такой всплеск в эпоху авангарда, в первые десятилетия XX века, когда создание нового возводится в принцип любой творческой деятельности (ср. формулу К. Малевича из *Мира как беспредметности*: «Человек перешел в новые обстоятельства и должен строить новую форму новых взаимоотношений»). Общественно-политические перемены на волне русской революции (построение нового мира) отражаются и на языке эпохи (см. Фещенко 2019). Установка на новизну — характерная черта как индивидуально-художественных, так и коллективно-прагматических текстов 1910–1920-х гг. (см. Житенев 2019). Категории «новизны» и «творчества» оказываются неразрывно связанными в эпоху авангарда. Отсюда свойственная русскому авангарду установка на словотворчество, речетворчество, творчество жизни, «революцию слова», а также осмысление этих языкотворческих явлений в научно-лингвистическом дискурсе этих лет: у Р. Якобсона, Г. Винокура, Б. Арватова и др. Концепт «нового творчества» представлен в композиции В. Степановой, вынесенной в вербально-визуальный эпиграф к этой статье. Новое, таким образом, осмысляется как «скачок» и «смещение», в противовес «развитию» и «планомерной эволюции» (например, в концепции Ю. Тынянова). В язык вводится принцип эксперимента, от работ А. Белого по стиховедению 1910-х до статей Л. Щербы 1920-х.

Итак, в период «первого» русского авангарда творчество связывается с новым и в искусстве, и в науке. Каковы же способы создания нового в языке поэзии и лингвистики? Для ответа на этот вопрос обратимся к параметризации языковых процессов в двух типах текстов — художественных и научных.

Характеристика подкорпусов

Данная статья — часть коллективного проекта по созданию и соизмерению (количественному и качественному) нескольких подкорпусов текстов разных типов дискурсов (литературно-художественного, политического, эпистолярного, кинематографического, рекламного, обыденно-бытового и некоторых других). Для сопоставительного исследования лингвокреативных параметров и техник в двух типах жанрах текста (и двух типах дискурса) нами отобран материал из 1910–1930-х годов.

Художественный подкорпус представлен десятью авторами, тексты которых в большей мере направлены на языковой эксперимент на разных уровнях: А. Белого, А. Введенского, И. Зданевича, А. Крученых, О. Мандельштама, В. Маяковского, А. Платонова, Д. Хармса, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Средний объем отобранных текстов одного автора — 25 000 слов. Выбраны тексты как поэтические, так и прозаические, и драматические.

Для **научного подкорпуса** отобраны тексты наиболее известных ученых-лингвистов данного периода: В. Абаева, В. Виноградова, Г. Винокура, В. Волошинова, Е. Поливанова, Р. Шор, Л. Щербы, Р. Якобсона, Н. Яковлева, Л. Якубинского. Выбор лингвистики обусловлен тем, что наука о языке переживала в этот период бурный рост по всему миру и в России, в частности, утверждаясь именно в качестве строгой научной дисциплины (после Ф. де Соссюра) со своим понятийным аппаратом, методами и научными школами. Кроме того, становление формальной, структурной и марксистской лингвистики в этот период находилось в контакте — прямом или опосредованном — с художественными процессами, главным образом, в новаторской поэзии. Такие подкорпуса позволяют, таким образом, проследить меру обменов между авангардным и лингвистическим дискурсами в определенный исторический период.

В данной статье мы будем как обращаться к этим малым рабочим подкорпусам, так и привлекать некоторые примеры из всего корпуса русской поэзии и науки описываемого периода. Для определения меры лингвокреативности в двух анализируемых дискурсах методом сопоставления лингвокреативных параметров и техник мы будем следовать трем шагам: 1) выделение макродискурсивных параметров (маркеров) по каждому подкорпусу, 2) определение микродискурсивных параметров: тех лингвокреативных техник, которые являются инновационными в рамках предложенного типа дискурса, 3) идентификация тех параметров, в которых оба типа дискурса могут интерферировать, т. е. интердискурсивных параметров языковых новаций.

Характеристика дискурсов

Художественный дискурс: Макродискурсивные параметры

Для приближения к языковым особенностям новаций в текстах представленного типа необходимо описать внешние дискурсивные факторы их возникновения. Исследования специфики художественного творчества, языка художественной литературы, художественной речи, художественного текста, художественной коммуникации и т. п. позволяют выделить конститутивные признаки художественного дискурса как коммуникативно-языкового явления культуры. Далее, на основе выделенных признаков уточняются дискурсивные факторы художественных текстов конкретной эпохи, конкретного языка и конкретной литературной направленности.

Под **художественным дискурсом** (далее — ХД) нами понимается совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства², с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства.

Характеристики ХД³.

Субстанциальные характеристики:

- Эстетическая ценность.
- Принадлежность к художественной традиции.
- Направленность на выражение.
- Образно-метафорический строй.
- Многозначность.
- Персональность.
- Субъективизм.
- Неверифицируемость.
- Национальная привязка.

Коммуникативные характеристики:

- Доминирование эстетической функции языка.
- Направленность на сообщение как таковое.
- Актуализация внутренней формы знака, обеспечивающей глубинную коммуникацию посредством сообщения.
- Целостность и композиционность сообщения-текста.
- Соединение внешней референции и внутренней референции во множестве связей.
- Семантическая нагруженность любого языкового и внеязыкового элемента текста-сообщения.
- Превалирование личного дейксиса в структуре сообщения и коммуникации.
- Расщепленная субъективность.
- Особый, интерактивный и реципрокный тип связи между адресантом, адресатом и сообщением.
- Определенность адресанта при неопределенности адресата.

Анализируемый в данной статье подкорпус художественного дискурса представлен экспериментально-художественной своей разновидностью, обретающей особую актуальность в эпоху русского постсимволизма (авангарда) в искусстве. Специфическими качествами экспериментально-художественного дискурса (далее — ЭХД) являются: направленность на языко-

² Под «произведением искусства» понимается текст, объект или событие, обладающие эстетической ценностью и являющиеся продуктом художественного творчества.

³ В частности, литературно-художественного как наиболее распространенного в культуре типа художественного дискурса.

вой эксперимент; автореферентность и автокоммуникативность; интровертивная прагматика; взаимодействие поэтической и метаязыковой функции.

Мера свободы языкового выражения в ЭХД стремительно возрастает по сравнению с предшествующими и синхронными дискурсивными формациями. В ЭХД пределы лингвокреативности раздвигаются, причем не только креативности дискурсивной (внутренне присущей ХД), но и языковой. Языковое новаторство при этом обеспечивается в том числе дискурсивной мобильностью ЭХД, т. е. взаимодействием с сопредельными дискурсами (политическим, научным, рекламным бытовым и т. д.).

Макродискурсивные факторы делают некоторые параметры лингвокреативности нерелевантными для новаций в ХД и ЭХД. Так, рифма не является новацией для поэтического дискурса вообще. Наоборот — часто отсутствие рифмы становится креативным фактором языкового новаторства (в свободном стихе). Повтор как пример также не является специфически креативным для ХД, однако множественные повторы могут вносить дискурсивные новации (как в строчке Г. Стайн *Роза есть роза есть роза есть роза есть роза* или в стихе А. Введенского: *Мне страшно что я не трава трава, / мне страшно что я не свеча. / Мне страшно что я не свеча трава*). Дискурсивная креативность задействует все факторы дискурса, тогда как языковая выдвигает те, которые являются новациями на фоне общезыковых процессов в конкретной культуре.

Далее мы рассмотрим конкретные языковые техники создания таких лингвистических новаций на основе микродискурсивных параметров ЭХД. Данные параметры организованы согласно уровням языковой системы: от фонологических и морфологических до семантических и прагматических. Внутри языковых уровней выделяются детальные параметры по конкретным аспектам языковых техник.

Художественный дискурс: Микродискурсивные параметры

1. Фонологический уровень.

В составленном подкорпусе новации присутствуют как на отдельных параметрах, так и на их совмещении:

Фонетический эллипсис (неполное произношение, редукция гласных и согласных). Данный параметр характерен для устной речи или ее имитации на письме. Что происходит, например, в «конструэмах» А. Чичерина с имитацией «московского говора»: *ЛЕдДЕта; / ЧЕмтБОльнЗАДЕта / СЕ!ри / СЪПЕ!рим / ДЪБИВНАйКАТЬЛЕТа*; или в отдельных лексических единицах у А. Крученых: *оползнь, проволки* и т. п.

Звукоподражание/звукосимволизм. Повсеместно используется в художественной литературе всех эпох, культур и направлений. Однако в русском ЭХД звукоподражание может заключать в себе звукосимволизм. Так, у А. Белого в «Глоссолалии» имитируется рождение слова из звука: *За от-*

четливым «р» стоит древнее «w»: — и в «р» чуетя; в полость рта наползает змея выдыхаемых жаров; хрипит звуковой Протагон; вылезает из недра; звук пухнет в безвеиши: rrr-rhrh-wrhw-иwi-иши; и — «Uhr» вылезает. У И. Зданевича в примере из «Янко круль албанская» звукоподражания связаны с алфавитным символизмом: *аб бевегбевиг ге де е / аб бевегбевиг ге де е / жзи какал какал мно / о о о о о прстуетф / ха чешыщчешыщ цэ ю я / ха чешыщчешыщ цэ ю я.*

Не звукосимволична лишь глоссолалия как чистое звукопорождение, как у В. Хлебникова в «Зангези»: *Ранр, гранр, анр! Жай! / Каф! Бзуй! Каф! / Жраб, габ, бакв — кук! / Ртунт! Тунт!*

Фонетическое акцентирование (продление, усиление звуков). Специфично для устных дискурсов. Однако встречается как прием в авангардной поэзии: *Иде-е-е-е-м! / Идемидем!.. / Скорее-е-е-е-е-е-е-е! / Скорейскорей!* (В. Маяковский), см. также ниже, в примере из «ГАРОЛАНД» И. Зданевича.

Звуковой повтор (аллитерация, ассонанс, благозвучие, паронимическая аттракция, эпифора, анафора). Параметр в целом специфичный для ХД. В ЭХД, впрочем, утрированный, настойчивый повтор выступает как дискурсивная новация, см. у А. Белого в «Масках» в сочетании с пунктуационным, графическим, неологическим параметрами эксперимента:

Психика, — страх, угрызения совести, — ноль; физиология переживает-ся цифрищами, напечатанными в миллионах сплошных километров; один —

— ноль, ноль, ноль, ноль,

ноль,

ноль, —

— и —

— так далее,

далее, далее, далее, далее!

Фонетический окказионализм. Случаи «заумных» звукосочетаний, тяготеющих к словам, больше всего у А. Крученых: *еуы; Дыр бул щыл / убеищур* и т. д. и у В. Хлебникова: *бобэоби, взэоми* и т. д.

Наличие метра, ритма или рифмы, ритмические повторы. Параметр в целом специфичный для всех видов ХД. Метр, рифма и ритм участвуют как порождающие новации на иных уровнях в ЭХД, у В. Хлебникова: *жарирей-времирей, времиши-камыши* и т. д.; у А. Крученых в «Победе над солнцем»: *Созерцебен есть вождебен;* у Д. Хармса: *когда сам сын, вернее мяч / летел красивый импопутный / подпрыгнет около румяч;* у А. Введенского: *Обнародуй нам отец / Что такое есть Потец;* у М. Цветаевой: *Есть час на те слова. / Из слуховых глушизн / Высокие права / Выстукивает жизнь.*

Ошибка (ненамеренная). Фонетические ошибки в целом характерны для разговорного дискурса. В ХД и ЭХД ошибка практически всегда интенциональна. См. ниже об «ошибке» как параметре на орфографическом уровне.

В целом для составленного рабочего корпуса объем фонетических новаций очень велик. Однако особенно велик он в сочетаниях фонетического и иных уровней. Внимание к фонетическому уровню объясняется такими макродискурсивными параметрами, как установка на выражение (сообщение) и автореферентность.

2. Морфологический уровень.

В целом для русского корпуса ЭХД рассматриваемого периода не характерны чистые эксперименты с морфологическим планом языка (выбором конкретных морфологических форм из парадигмы). Однако морфология играет порождающую роль при словообразовании, например, в «Смехах» В. Хлебникова: *О, рассмейтесь, смехачи! / О, засмейтесь, смехачи! / Что смеются смехами, что смеянутся смеяльно, / О, засмейтесь усмеяльно!* Категориальные новации различных частей речи относятся скорее к уровню семантики (см. ниже). То, что может выглядеть как морфологическая ошибка, является на самом деле концептуальной новацией, см. у А. Белого аномальная по роду сочетаемость существительного и местоимения: *В веках я спал... Но я ждал, о Невеста, — / Север моя!*

3. Словообразовательный уровень.

Наряду с фонологическим (фонетическим) уровнем — один из самых активных уровней порождения языковых новаций в ЭХД. Параметры характерны для всех авторов, представленных в рабочем корпусе.

Аффиксальная модификация. Неологизмы у А. Белого: *молнило, вострубленный, остеклелый, выструиваясь, прордейте* и т. п.

Окказиональное словосложение. Составные неологизмы у А. Белого: *звуко-образ, звуко-люди, многоног, огнерогими* и т. п.

Безаффиксное словообразование. Неологизмы А. Белого: *расстав, сворот* и т. п.

Сокращение (аббревиация). В целом характерно для политического дискурса эпохи, а также для манифестов русского авангарда, см. *предземшар* В. Хлебникова. У А. Платонова встречаются в прозе: *ЦУСТРАХ, Оргдвор* и т. п.

Аттракция производных слов. См. у А. Белого грамматический параллелизм в неологизации: *Средь **выбрызгов** тверди / ...Средь **вывизгов** развизжавшейся смерти.*

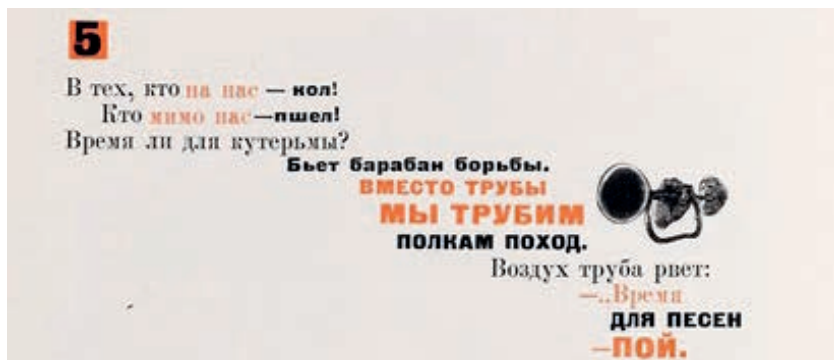
4. Лексический уровень.

Большинство лексических параметров специфичны в целом для ХД (смена регистров, социально-территориальных кодов, профессиональных

кодов, экспрессивы и эмотивы, синонимия и паронимия, многозначность, тропы, имена собственные, фразеологизмы). Они безусловно играют роль в дискурсивных и языковых новациях — см., например, имена собственные у Д. Хармса, А. Белого и А. Платонова, фразеологизмы у А. Введенского и М. Цветаевой (об идиоматической креативности авангарда см. (Zukova — Sokolova 2018)). Отметим лишь те параметры, которые особо характерны для нашего корпуса ЭХД:

Смена языкового кода. Иноязычные вкрапления у В. Каменского: *Браба'. Федерасион фонетик интернациональ. / Жантиль э ронти. / Травайй, травайй. / Воль-плянэ. Финаль. / Вон труа. Ассэ. Ава. / Сюр ля пляс Исси-ле-Мулажи;* билингвемы у О. Мандельштама: *Всё лишь бредни, шерри-бренди.*

Смена лингвосемиотического кода. Параметр особо продуктивен у В. Каменского, А. Чичерина, И. Терентьева. См. также фрагмент поэмы А. Безыменского и С. Телингатера *Комсомолия*:

В качестве смены семиотического кода может рассматриваться и «Поэма конца» В. Гнедова: пустая страница выступает как нулевой знак, заменяющий собой вербальный текст поэмы. Языковой новации здесь не происходит, однако дискурсивная — налицо: поэзия отныне может писаться без слов.

5. Синтаксический уровень.

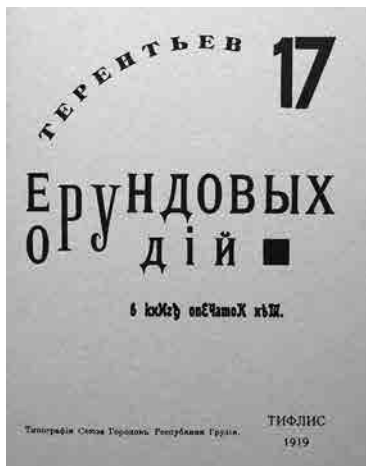
Большая часть синтаксических параметров языковой активности неотъемлема для ХД в целом (эллиптические конструкции, синтаксическая незавершенность, инверсия и прочие синтаксические фигуры), т. к. художественная речь более свободна в синтаксической организации. Русская речь особенно свободна в порядке слов, поэтому синтаксические отклонения часто не воспринимаются как креативные.

Синтагматические новации в представленном русском корпусе ЭХД характерны в связке с пунктуационными (на орфографическом уровне). Аномальная синтаксическая сочетаемость характерная для А. Платонова

(я долго заплакала), В. Шершеневича (*Лежать сугроб. Сидеть заборы. / Вскочить в огне твое окно*). См. подключение фонетических новаций, неологизмов и орфографических экспериментов в текстах П. Филонова: *измор паросый сребр ожар медвьгжи гаомь чайныи ро-/зан водам свѣтлым номирально морить о зимь зимаает*, а также у И. Зданевича, А. Кручных и др.

б. Орфографический уровень.

Модификации с буквами. Больше всего таких примеров в текстах И. Зданевича и И. Терентьева, см. обложку книги последнего:

Новация со знаками препинания. Вводятся новые знаки препинания или неконвенционально используются существующие: *Тропа снегов = пути белил/Мороз = укусы = жало* (Д. Бурлюк).

Новация с написанием (слитно-раздельно). Неологизмы В. Каменского: *золотороссыпьювиночь, рекачтачайка*; аномальное раздельное написание у В. Маяковского: *У-/лица./Лица/у/догов/годов/рез-/че*.

Графическое акцентирование. См. выше, в примере из И. Терентьева и ниже, из «ГАРОЛАНД» И. Зданевича

Графогибридизация (поликодификация). Соединение в пределах слова графических средств разных языков практически не распространено в русском ЭХД рассматриваемого периода.

Орфографическая ошибка. У Д. Хармса то, что внешне выглядит как ошибка, несет в себе семантический сдвиг, часто по принципу паронимической звуковой аттракции слов: *Кидает сумрачный **ноган** к ее растерзанным ногам; Часоточный гость; Кличет на ветру невеста/Ей тоже **умерать** пора*.

Тавтологичность. У А. Введенского: *червяк/червячек червячишко/ как мой родственник сынишка; если я и родился/то я тоже родился/если я и голова/то я тоже голова/если я и человек/то я тоже человек;* у А. Платонова: *Приступили к взаимному утешению друг друга.*

8. Прагматический уровень.

Активизируется в ЭХД за счет подключения метаязыковой функции и сосредоточения на коммуникативных моментах поэтического высказывания.

Неузуальное функционирование речевого акта. В пьесах Д. Хармса и А. Введенского, например, у последнего: *Убийство. Не говори так много об убийстве./Мы ещё не поняли убийства./Мы ещё не поняли этого слова./Мы ещё не поняли этого дела».*

В сочетании с графическим уровнем прагматика высказывания подвргается эксперименту у И. Терентьева:

Дейктический сдвиг. В стихах А. Введенского: *мне жалко что я не зверь.* Дейктическая аномалия с подключением синтаксической, пунктуационной и словообразовательной новации имеет место у Д. Бурлюка: *Я — КТО — Я — / Я — вроде утровертра.*

Референциальная неоднозначность. Является субстанциальной и коммуникативной характеристикой ХД в целом и особенно ЭХД. Подключение других параметров в комплексе усиливает неоднозначность.

Неузуальное употребление дискурсивных слов. Особо активен параметр у обэриутов, см. у А. Введенского: *вот оно то что не то;* у Д. Хармса: *Где же теперь? /Теперь тут, а теперь там, а теперь тут, /а теперь тут и там. /Это быть то. /Тут быть там. /Это то тут там быть. Я. Мы. Бог.*

Неузуальная модальность глаголов. Данный параметр в ЭХД рассматриваемого периода практически не представлен. Более характерен для литературы второй половины XX века и начала XXI века.

Рассмотренный перечень параметров на различных уровнях языковой организации не является исчерпывающим. Однако на примерах из нашего подкорпуса (ЭХД) он позволяет определять степень проявленности дискурсивной и языковой новации в конкретных фрагментах текстов, в конкретных текстах, у конкретных авторов, в конкретных разновидностях и направлениях ХД. В некоторых случаях постулируется действие лишь одного параметра, например, в *еуы* у А. Крученых — фонетический окказионализм как таковой. В других фиксируется действие двух и более параметров, как, например, в следующем фрагменте из «Зангези» В. Хлебникова: *Гоум./Оум./Уум./Паум./Соум меня/И тех, кого не знаю./Моум./Боум./Лаум./Чеум./— Бом!/Бим!/Бам!* — совместное действие параметров: фонетический окказионализм; звукоподражание; звукоимовизм; словосложение (неологизмы); рифма. Совместное действие фонетических, лексических и словообразовательных уровней можно видеть в «Котике Летаеве» А. Белого, когда фонетическое звукоподражание *пфук* становится именем собственным *Пфука* и задает целую глагольно-именную парадигму лексических новообразований: *пфук — Пфука — пфукнет — пфукая — пфуканье — пфукинство* и т. д.

В следующем же примере из раннего стихотворения И. Зданевича в действие вступают множественные параметры фонетического, орфографического и синтаксического уровней:

гаРОланд (длинный вариант)

1888 индо-Китай отец адвокат джунгли джунгли охота
на тигров коб-рррры жляят павлїны сїдя на дєревьях
хвдст в вєтр какао аааао ррррах перелетают слонї тпчат
посевы парохоооды приистани китайцы негры англи-
чане bonjour comment allez vous в европу уууууууууууу
1910 парррринииж крыыылья пускают пропєллер я тбже.
Сантос Дюмон¹ в Амєрику Одемар Одем²ааааар Барьеее-
ес² назад Парррриниинииж мадрїт уууууулепетывай Вед-
рїн³ Пиринеи бородатый ягнятник крыыылья погбня
вїше парррринииж рїм 4 сентября 1911 высота 3950 мет-
ров хоооооолодно браво Гаррд выыыше 6 сентября
1912 4960 метров браво Гаррд 11 декабрь поля стєлятєя
фабрики кадят уууу ветер стая облаков ещооооо солнце
слепит океан слююююни высота 5600 метров браво Гар-
рд браво Гарррррро РО-РО-РО Рò-Рò ррррум война рò-
рòрд monsieur le ministre Гаррд Одемар Жильберррр

Какие из перечисленных параметров актуальны для второго из интересующих нас типов дискурса — научного (далее — НД)? Насколько линг-

вистически инновационным является он в сопоставлении с ХД и ЭХД? Обратимся, следуя той же методологии, к параметрам макродискурсивного и микродискурсивного плана.

Научный дискурс: Макродискурсивные параметры

Субстанциальные характеристики:

- Познавательная ценность.
- Ориентация на научную традицию.
- Направленность на содержание.
- Терминологически-метафорический строй.
- Однозначность.
- Институциональность.
- Объективизм и верифицируемость.
- Логичность и доказательность.
- Универсальность и интернациональность.
- Интернациональность, отсюда включения иноязычных кодов.

Коммуникативные характеристики:

- Доминирование референтивной (когнитивной) функции языка.
- Направленность на выдвижение результата.
- Терминологичность как направленность на метаязык (код).
- Логическая связность и коммуникативная одновекторность.
- Превалирование внешней референции.
- Коллективный дейксис.
- Субъективная гомогенность и стандартность.
- Определенность адресанта при ограниченности адресатов. Коллективность адресата.

Рассматриваемый в нашем рабочем корпусе научно-лингвистический дискурс (далее — НЛД) при всех присущих научному дискурсу качествах имеет одну особенность — в нем объектом научного познания и исследования является само средство дискурса, т. е. язык. Язык здесь — не только средство выражения, но и план содержания. Это в некоторых отношениях сближает НЛД с ЭХД. Однако степень языковых новаций у них радикально разнится.

Анализ рабочего корпуса текстов русских лингвистов 1910–1930-х гг. показывает, что при всем новаторстве концепций, представленных в них, языковой инновационности в них практически нет. За счет новых терминов возникает лишь новация дискурсивная (приращение научного знания) и — в некоторых нечастых случаях — языковая (за счет введения нового термина из другого языка или другой области знания, или образования от существующего термина). При этом новые термины чаще всего возникают как переосмысленные понятия, существующие либо в языке обиходного общения, либо в научном языке (при этом часто термины адаптиру-

ются из других областей науки). Так, термин «фонема», впервые возникший в русском научном дискурсе еще у И. Бодуэна де Куртенэ в конце XIX века, получает позднее новое значение у Л. Щербы, Н. Трубецкого и т. д. А термин «структура» переносится в лингвистику из технических и математических наук, обретая особое лингвистическое значение, например, у Р. Якобсона и Н. Трубецкого.

Фактически, из всех параметров, примененных нами к анализу ХД и ЭХД, актуальными для НД и НЛД оказываются лишь три микропараметра: **смена профессионального кода** (ввод термина из другой области науки) на лексическом уровне; **неологизация** на словообразовательном уровне (новые слова-термины); и **сдвиг узувального значения слова** (как способ образования нового термина) на семантическом уровне. Приведем некоторые новые термины, используемые в нашем корпусе НЛД:

В. Абаев: *идеосемантика, семантические сдвиги, технизация-социализация, технизующая речь, технизированнее, десемантизованном, технизованно, речевого новотворчества, коммуникативная система, речевые акты, наречение.*

В. Виноградов: *символика, синтактика, функционально-имманентный метод, лексема, автоматизованных сочетаниях, морфологизация, грамматическая омонимия.*

Г. Винокур: *культура языка, своезаконный порядок слов, языковое изобретение, звуковое творчество.*

В. Волошинов: *внехудожественная социальная среда, художественное общение, жизненная речь, жизненное высказывание, внесловесную ситуацию высказывания, внесловесного контекста, семантическая метафора, интонационная метафора, жестикуляционная метафора, социальная ориентировка, взаимоотношение творца и героя, форма самовысказывания, жизненная идеология, жизненное высказывание, внутренняя речь.*

Л. Щерба: *фонема, отрицательный языковой материал.*

Л. Якубинский: *реплицирование, монологизирование, диалогизирование, недосказывание, речепотребление, глоссемосочетание.*

Как видим, на трех уровнях языковой системы: лексическом, словообразовательном и семантическом новации, действительно, имеют место, однако они, во-первых, немногочисленны (в сравнении с ЭХД), а, во-вторых, ограничены действием лишь трех микропараметров. Такие уровни языка, как фонологический, орфографический, грамматический, прагматический, не участвуют в инновационности научного дискурса.

В статье [Фещенко 2020] мы рассмотрели некоторые языковые техники, используемые в научном дискурсе В. Шкловского и Р. Якобсона. Анализ позволил сделать вывод о том, что новизна их научных текстов не в только в том, что они посвящены текущей передовой поэзии, а в их эвристическом потенциале, выраженном в системе терминов, в самой лингвистической

технике их подачи и презентации. Термины при этом используются чаще всего в дихотомиях и противопоставлениях. Введение абсолютно новых слов в научном дискурсе не характерно для НД и НЛД. В научном дискурсе новации часто — результат трансфера, т. е. перенесения смыслов через подчас далекие дисциплинарные расстояния. Причем иногда контраст между различными дисциплинарными областями играет на руку теории-реципиенту (например, заимствование механистической терминологии русскими формалистами). В художественном дискурсе новообразования могут возникать без источников-доноров и мотивироваться самим художественным текстом. В поэзии это правило действует с особенной силой, так как мотивировкой словотворчества могут выступать все возможные формальные параметры художественного текста, как языковые, так и внеязыковые.

В результате анализа двух подкорпусов — ЭХД и НЛД — можно выделить *интердискурсивные параметры* двух типов дискурса, т. е. те параметры, которые задействуются в обоих видах. В нашем случае таких параметров два: неологизация на словообразовательном уровне (новые слова-термины в НД и неологизмы в ХД) и сдвиг узувального значения слова (как способ образования нового термина в НД и неузуальная сочетаемость слов в ХД) на семантическом уровне.

В результате действия интердискурсивных параметров возникают общие для ЭХД и НЛД новообразования, относящиеся к семантическому полю «язык»: *словотворчество, словоновшество, речетворчество, заушный язык, остранение* и т. д. На примере текстов А. Белого 1910–1920-х гг. эта интерференция художественного и научного дискурса особенно видна при сопоставлении неологизмов, используемых в разных типах текстов (полужирным шрифтом выделены собственно неологизмы):

«Глоссололия»

Метафорным облаком
Неизливных понятий
слово-образ
разъедаемых звуков
построяющей звуки
безобразный корень
оплотневали согласными
словари звуко-образов
влетания воздуха
червонится звук
двулучие рук
звукословием выражаем

«Жезл Аарона»

Слово-термин
Слово-образ
Лунность
Земность
Твердением мысли
Беззначностей
Расщепы словесного
 органа
Змейностью
Жердь-жезл
Слово-жезл

«Ритм как диалектика»

расстав слов
препинательный знак
манифестационно-интонационный стиль
 «наука»
Сворот мировых осей
Научное мимикри
Стихovedы-номенклатурист
Трансформы строчных
 форм

Подобные интерференции встречаются и у других авторов, представленных в нашем подкорпусе ЭХД, в текстах смешанного типа, которые могут рассматриваться как промежуточные между ХД и НД. Так, В. Хлебников в заметке «Учение о наималах языка» пользуется техникой введения

терминов, характерной для НД, однако проделывает это, следуя собственными стратегиями неологизации (полужирным выделены авторские неологизмы):

*Учали об **особе** языка, бывшие некогда **играной умчаков** ветхого лета, покато теряют свой ход и, **дменные яростью**, ослеплявшие смерчем духовные бури уступают место вечной зыби, господствующей ныне <...> Может быть, здесь жезл того **серебрянобрадого** закона, что ум — кольцо с **обумом**, т.е. что древняя задира» мыслью склонна прийти в свое прежнее положение, но первые буруны играют на том месте, где изучается особа одного какого-нибудь языка. Оно, отыскав **измер** слов, понимает речь как **слоэжбу силанов**; хотя и осыпаются цветки художественной речи <...> но относительно его **бытаны** дает указы, более меткие чем все улейные языкознания в целом, лепет коих кажется жалобным мяуканьем котенка рядом с задумчивыми, могучими, трубными звуками **ведей** языка в себе <...> Задачей этого исследования будет нахождение **простов** языка, кратких **звучебнов**, имеющих смысл, и перевод этих **говоранов** на язык **силанов***

У О. Мандельштама в «Разговоре о Данте» поэтический дискурс максимально плотно сближается с научным:

Качество поэзии определяется быстротой и решимостью, с которой она внедряет свои исполнительские замыслы-приказы в безорудийную, словарную, чисто количественную природу словообразования. Надо перебежать через всю ширину реки, загроможденной подвижными и разноустремленными китайскими джонками, — так создается смысл поэтической речи. Его, как маршрут, нельзя восстановить при помощи опроса лодочников: они не расскажут, как и почему мы перепрыгивали с джонки на джонку.

В таком гибридном дискурсе взаимодействуют две стратегии метафоризации: образно-художественная (эстетическая) и терминологически-научная (эвристическая). Первая стремится к максимальной свободе и многозначности языковых новаций, вторая — к закреплению нового знания в четких, однозначных понятиях. Инновационность научного дискурса основана на повторяемости понятий, их встроенности в систему и воспроизводимости в научной традиции. Языковая инновационность здесь не является самоцелью и ограничена лишь нечастыми случаями введения новых терминов. В научном дискурсе существуют ограничения на лингвокреативность. В отличие от художественного дискурса, где экспрессема максимально многозначна, в научной речи термин всегда тяготеет к однозначности. Часто в процессе развертывания научного дискурса термин уточняется за счет других соположенных по смыслу и по форме терминов. Новизна в научном тексте состоит в упорядочении небольшого количества слов для четкого разграничения их значений. В поэзии же происходит наоборот: новизна обеспечивается разнообразием валентностей слов.

Можно заключить, что ХД и НД расположены на шкале языковой креативности на противоположных полюсах — максимальной лингвокреативности в ХД и минимальной — в НД. Сам по себе вывод о креативности

языка в литературе и некреативности языка в науке может показаться тривиальным. Однако он позволяет понять, как взаимодействуют два этих вектора в полидискурсивных и междискурсивных формах и текстах: в манифестах, эссе, трактатах, заметках. Лингвистический инструментарий сопоставительного дискурс-анализа демонстрирует переход от экспрессивной лингвокреативности (лингвоэстетики) в художественной литературе к эвристической креативности (лингвоэвристике) в научном терминотворчестве.

ЛИТЕРАТУРА

- Винокур Григорий. *Маяковский — новатор языка*. Москва: Советский писатель, 1943.
- Житенев Александр. “Интерпретация «нового» в теории русского авангарда («Леф», «Новый Леф»)”. *Studia Litterarum* 4–3 (2019): 10–27.
- Зыкова Ирина. *Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты*. Москва: Гнозис, 2017.
- Ирисханова Ольга. *Лингвокреативные основания теории номинализации. Автореф. ... докт. филолог. наук*. Москва, 2004.
- Ичин Корнелия (ред.). *Научные концепции XX века и русское авангардное искусство*. Белград: Издательство Филологического факультета в Белграде, 2011.
- Соколова Ольга. “Поэзия, агитация и реклама в художественном авангарде 1910-х — 1920-х годов: языковая и дискурсивная креативность”. *Зборник Matice srpske za slavistiku*. 98 (2020): 29–55.
- Радбиль Тимур. *Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие*. Москва: Флинта, 2012.
- Степанов Юрий и др. (ред.). *Семиотика и Авангард: Антология*. Москва: Академический проект, 2006.
- Фешенко Владимир. *Лаборатория логоса: Языковой эксперимент в авангардном творчестве*. Москва: Языки славянских культур, 2009.
- Фешенко Владимир. «Языки революции. Лингвистика и поэтика». Ичин Корнелия (ред.). *Искусство и революция: сто лет спустя*. Белград: Издательство Филологического факультета в Белграде, 2019: 153–161.
- Фешенко Владимир. «От лингвоэстетики к лингвоэвристике: словотворчество в художественном и научном дискурсах». *Критика и семиотика* 1 (2020): 92–113.
- Фёрингер Маргарета. *Авангард и психотехника. Наука, искусство и методики экспериментов над восприятием в послереволюционной России*. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.
- Jones Rodney H. “Creativity and discourse analysis”. Jones Rodney H. (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Creativity*. London and New York: Routledge, 2019: 61–77.
- Zykova Irina, Sokolova Olga. “Elaborating principles of idiom-formation in the avant-garde literary discourse: A case study of Russian Cubo-Futurism”. *PHRASIS. Studi fraseologici e paremiologici* 3 (2018): 108–121.

REFERENCES

- Feshchenko Vladimir. *Laboratoriya logosa: Yazykovoj eksperiment v avangardnom tvorchestve*. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2009.
- Feshchenko Vladimir. “Yazyki revoljucii. Lingvistika i poetika”. Ichin Korneliya (red.). *Iskusstvo i revoljucija: sto let spustya*. Belgrad: Izdatel'stvo Filologicheskogo fakul'teta v Belgrade, 2019: 153–161.
- Feshchenko Vladimir. “Ot lingvoestetiki k lingvoevristike: slovtvorchestvo v hudozhestvennom i nauchnom diskursah”. *Kritika i semiotika* 1 (2020): 92–113.
- Fyoringer Margareta. *Avangard i psihotekhnika. Nauka, iskusstvo i metodiki eksperimentov nad vospriyatiem v poslerevoljucionnoj Rossii*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.

- Iriskhanova Ol'ga. *Lingvokreativnye osnovaniya teorii nominalizacii*. Avtoref. ... dokt. fililog. nauk. Moskva, 2004.
- Ichin Korneliya (red.). *Nauchnye koncepcii XX veka i russkoe avangardnoe iskusstvo*. Belgrad: Izdatel'stvo Filologicheskogo fakul'teta v Belgrade, 2011.
- Jones Rodney H. "Creativity and discourse analysis". Jones Rodney H. (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Creativity*. London and New York: Routledge, 2019: 61–77.
- Radbil' Timur. *Yazykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie*. Moskva: Flinta, 2012.
- Sokolova Ol'ga. "Poeziya, agitaciya i reklama v hudozhestvennom avangarde 1910-h — 1920-h godov: yazykovaya i diskursivnaya kreativnost". *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 98 (2020): 29–55.
- Stepanov Yuriy i dr. (red.). *Semiotika i Avangard: Antologiya*. Moskva: Akademicheskij proekt, 2006.
- Vinokur Grigorij. *Mayakovskij — novator yazyka*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1943.
- Zhitenev Aleksandr. "Interpretaciya «novogo» v teorii russkogo avangarda («Lef», «Novyj Lef»)". *Studia Litterarum* 4-3 (2019): 10–27.
- Zykova Irina. *Metazyk lingvokul'turologii: Konstany i varianty*. Moskva: Gnozis, 2017.
- Zykova Irina, Sokolova Olga. "Elaborating principles of idiom-formation in the avant-garde literary discourse: A case study of Russian Cubo-Futurism". *PHRASIS. Studi fraseologici e paremiologici* 3 (2018): 108–121.

Владимир Фешченко

CREATIO EX LINGUA.
ПАРАМЕТРИ ЈЕЗИЧКИХ ИНОВАЦИЈА У УМЕТНИЧКИМ
И НАУЧНИМ ТЕКСТОВИМА ЕПОХЕ РУСКЕ АВАНГАРДЕ

Резиме

У чланку се даје дискурзивна анализа руских уметничких (експерименталних) и научних (лингвистичких) текстова из угла теорије лингвокреативности. Према сваком од радних корпуса (уметнички и научни дискурси из периода од 1910-их до 1930-их година) издавају се макродискурзивни, микродискурзивни и интердискурзивни параметри, који утичу на различите нивое језичких иновација — од фонолошког до прагматичног. Долази се до закључка да уметнички и научни дискурс на скали језичке креативности заузимају супротне половине — максималне креативности у УД и минималне у НД. Лингвистички инструментаријум поредбене дискурзивне анализе показује прелазак од експресивне лингвокреативности (лингвоестетике) у књижевним текстовима ка хеуристичкој креативности (лингвохеуристици) у творењу термина у науци.

Кључне речи: лингвокреативност, уметнички дискурс, научни дискурс, руска авангарда, језички експеримент.

Корнелия Ичин

Филологический факультет Университета в Белграде
kornelijaicin@gmail.com

Kornelija Ićin

University of Belgrade, Faculty of Philology
kornelijaicin@gmail.com

ПРОЛЕГОМЕНЫ К НЕКОТОРОМУ КОЛИЧЕСТВУ РАЗГОВОРОВ
А. ВВЕДЕНСКОГО

PROLEGOMENON TO THE A. VVEDENSKY'S
CERTAIN QUANTITY OF CONVERSATIONS

В статье исследуется логика мышления Введенского, отмечающего аристотелевскую логику и сомневающегося в возможности языкового определения бытия. «Поэтическая критика разума» Введенского показана на примере *Некоторого количества разговоров*, где раскрываются более глубокие связи между словами, чем заданные логическим мышлением. Представлена новая модель коммуникации, построенная не на отношении субъект — субъект, а на отношении субъекта к объектам здешнего мира, таким, как небесные светила, камни, горы, море, рыбы, птицы, насекомые, деревья.

Ключевые слова: А. Введенский, *Некоторое количество разговоров*, критика силлогизма, непонимание, время.

This paper discusses the A. Vvedensky's logic of thinking, which relies on Aristotle's logic, doubts the possibility of linguistic determination of beings and enters the field of misconstruction. A. Vvedensky's "Poetic critique of reason" is shown on the example of the work of *Certain Quantity of Conversations*, where even deeper connections between words are revealed than those determined by logical thinking. A new model of communication is presented, not based on the subject-object relationship, but on the subject's relationship to the objects of this world, such as celestial lights, rocks, mountains, sea, fish, birds, insects, trees.

Keywords: A. Vvedensky, *Certain Quantity of Conversations*, critique of syllogisms, misconstruction, time.

Некоторое количество разговоров (1936–1937) — произведение Введенского, в котором он исследует логику нашего мышления, толкует нашу сознательную и несознательную деятельность. Несознательная часть на-

шего существования представлена снами, о чем говорит и подзаголовок «начисто переделанный темник» (темник — книга толкований снов). Введенский, усомнившийся в аристотелевской логике и в «понятности» мира, двигается к более глубоким мыслительным процессам человека.

Творческие устремления поэта, направленные на открытие иной логики связи между мгновениями и новых законов мироздания, которые основывались на иных взаимоотношениях между Временем, Смертью и Богом, привели к тому, что его персонажи зачастую одновременно являются живыми и мертвыми, жертвами и палачами, зрителями и участниками, они одновременно движутся в двух направлениях-смыслах, раскрывая и смысл, и бессмыслицу.

Гибридное сочетание противоречивых смыслов в стихах Введенского отмечал и Я. Друскин в своих дневниках 1944 года: «О стихах Введенского: в каждой фразе главное направление мысли и погрешность. Погрешность здесь материализована: словом, нарушающим смысл главного направления» (Друскин 1999: 205). Не случайно понятие «погрешности» в творчестве Введенского связывается с теорией «прибавочного элемента» Малевича, именуемого «бациллой», «прививкой», «возбудителем», с помощью которого супрематист пытался объяснить эволюцию нового искусства¹. Эту противоречивость текстов Введенского по-другому сформулировал В. Подорога. По его мнению, сила текстов обэриутов (в том числе и Введенского) заключается в том, что «они нам показывают со всей ясностью линию демаркации между чтением и пониманием» (Беседа с В. Подорогой 1993: 140). Если философское мышление исследует «существование поэтического произведения в “настоящем”, во время чтения» (Там же: 141), т. е. становление его во время чтения, то возникает вопрос, претерпеваем ли и мы становление в тексте во время чтения или наше становление происходит в зазоре между чтением и пониманием? Об этом Введенский на «своём языке» писал в «Серой тетради»:

Наша человеческая логика и наш язык не соответствуют времени ни в каком, ни в элементарном, ни в сложном его понимании. Наша логика и наш язык скользят по поверхности времени. Тем не менее, может быть, что-нибудь можно попробовать и написать, если и не о времени, не по поводу непонимания времени, то хотя бы попробовать установить те некоторые положения нашего поверхностного ощущения времени, и на основании их нам может стать ясным путь в смерть и в широкое непонимание. Если мы почувствуем дикое непонимание, то мы будем знать, что этому непониманию никто не сможет противопоставить ничего ясного. Горе нам, задумавшимся о времени. Но потом при разрастании этого непонимания тебе и мне станет ясно, что нету ни горя, ни нам, ни задумавшимся, ни времени (Введенский 1993, 2: 79).

¹ Более подробно об этом см. в: Ичин 2019: 215–228. — Об прибавочном элементе у Малевича писал также М. Грыгар, ссылаясь на термин «прибавка» И. Павлова, который русский физиолог употреблял, когда говорил о прибавочном факторе речи (см.: Грыгар 2007: 301–324). Сходство концепции Малевича с современными нейробиологическими теориями искусства отмечает В. Гречко (см.: Гречко 2012: 89–102).

Непонимание, о котором пишет Введенский, есть разрыв времени (мысли, языка), область бессмыслицы, выход за пределы понимаемого как очевидного². Широкое непонимание означает регрессию в добытийное. С ним связаны как онтологические, так и логические и гносеологические вопросы. Только из этого, добытийного, можно вызвать мир Словом, «заставить» его быть, но уже на других (возможно, поэтических) основах. Примером такого мира могут послужить заключительные строки — эпилог в сочинении «Мир»: «На обоях человек, А на блюдечке четверг» (Введенский 1993, 1: 160). Не случайно Яков Друскин писал в 1969 году в своем дневнике, что «Мир» Введенского он ощущает «вполне экзистенциально», хотя «иероглиф последней строчки» он не может «не только определить, но и сказать о нем что-либо», так как чувствует, что «это последний предел мысли» (Друскин 2001: 455).

Введенский в своем творчестве посягает на понятия и их исходные логические обобщения, характеризуя их как «поэтическую критику разума», о чем сообщает в «Разговорах», записанных Л. Липавским в 1933–1934 годах:

Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием «здание». Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то значит разум не понимает мира (Липавский 1998: 186).

Иными словами, Введенский пытается раскрыть более глубокий смысл слова, раскрыть более глубокую связь между словами, чем та, которая автоматически выстраивается, скользя по поверхности обыденного словоупотребления. Его интересует не столько некоммуникабельность в отношениях человек — человек, как это в театре абсурда Ионеско и Беккета, сколько особенности отношения человека (лирического субъекта) к другим «объектам» здешнего мира, таким, как небесные светила, камни, горы, море, рыбы, птицы, насекомые, деревья³. Исследование связей между человеком и мирозданием приводит к существенным изменениям в поэтическом мире Введенского, отличающем его от всего до того написанного. Эти изменения касаются не только раскрытия новых, глубинных связей между словами, но прежде всего трансформации понятия времени, которая по-другому стала определять бытие человека и предметов в мире, чем

² В. Руднев в статье «ОБЭРИУ» пишет, что «объединяло обэриутов главное — нетерпимость к обывательскому здравому смыслу и активная борьба с “реализмом”. Реальность для них была в очищении подлинного таинственного смысла слова от шелухи его обыденных квазисмысловых наслоений» (Руднев 2017а: 445).

³ Отмечая в стихах Введенского установку поэта на отношения лирического «я» к другим объектам нашего мира, О. Ревзина пишет, что поэзия Введенского «подчеркнуто когнитивна, в ней отсутствует установка на коммуникативную функцию» (Ревзина 1978: 398).

по сути привела к восприятию поэтического мира как абсурдного⁴. В. Руднев в своей книге *Против Истины* дает наиболее точное определение абсурда, которое применимо к творчеству Введенского:

Обыденный здравый смысл тяготеет к поверхностной реальности денотатов, абсурд тяготеет к глубинной реальности Реального. Поэтому бессмыслица глубже осмысленности. Она раскрывает связи, отсутствующие поверхностно, но присутствующие глубинно, так как все слова в языке связаны. Таким образом, абсурд — это не отсутствие смысла, а расширение и углубление смысла (Руднев 2017 b: 45–46).

Введенский, по-видимому, размышлял о новом уровне единства явлений в мире, задолго до ученых, описавших хаотические процессы (нестабильность, непредсказуемость, дробную размерность) в динамических системах. Свое ощущение нестабильности — «мерцания» мира, хаоса, раздробленности времени поэт воплощал в стихах, пытаясь ответить на вопрос о мире и человеке в мире, как, например, в стихотворении «Значенье моря» (ср.: «мы подумав будто трупы/показали небу крупы/море время сон одно/скажем падая на дно» — Введенский 1993, 1: 117) или в *Некотором количестве разговоров*, которые в данном случае нас прежде всего интересуют. Введенский создает апофатическую поэтику, основанную на отказе от понимания, на отрицании обыденных языково-смысловых связей, на минус-определении. Согласно поэту, такие «заумные» категории, как Бог, смерть и время не способен понять человеческий разум (ср.: «Что знаем о смерти мы люди» в тексте «Очевидец и крыса»; «Но где ж понять исчезновенье/И все ль мы смертны?» в пьесе *Потец* — Введенский 1993, 1: 176, 190), поэтому ничего утвердительного о них нельзя сказать⁵. Разочарованность в научном мышлении, отрицание логического понимания, сомнение в возможности языкового определения бытия — налицо в *Некотором количестве разговоров*⁶. Введенский разрушает логические законы, основанные на силлогизмах Аристотеля. Если силлогизм состоит из трех суждений (два из них — посылки, которые объединены общим (средним) термином, а третье — заключение), русский поэт в лице Трoих из *Разговоров* проводит критику силлогизма.

⁴ Ср., напр.: «Я с временем не знаком, Увижу я его на ком? Как твое время потрогаю? Оно фикция, оно идеал. Был день? был. Была ночь? была», «Всё твое время веревка. Тянется, тянется. А обречь, на руках останется» (*Кругом возможно Бог*); «Мне трудно, что я с минутами, меня они страшно запутали» («Мне жалко, что я не зверь...»); «Я думаю тема Проносится час С минутами теми На яблоке мчась» («Битва»); «Мы и не успели посмотреть минуту эту, А смотрите Бог, рыба и небо, исчез тот кусок» («Приглашение меня подумать»); «Он нас принимал за минуты» («Где. Когда»).

⁵ Об апофатической поэтике А. Введенского см. в: Татаринава 2011: 357–359.

⁶ По замечанию Г. Робертса, в *Некотором количестве разговоров* Введенский, «вместо того, чтобы утверждать, что слова и мысли реальны как конкретные предметы», исследует «идею о том, что реальный мир — вещи и люди — так же нереальны, как вербальные и ментальные явления» (Roberts 1997: 151). С другой стороны, Р. Милнер-Галланд в «бедности языка», о которой пишет Введенский в *Некотором количестве разговоров*, обнаруживает связь с философскими размышлениями Виттгенштейна о границе языка (Milner-Gulland 1984: 33).

В начале первого из десяти разговоров, «Разговора о сумасшедшем доме», сразу демонстрируется разрушение мыслительных процессов, их де-автоматизация, создание тупиковой ситуации:

Первый. Я знаю сумасшедший дом. Я видел сумасшедший дом.

Второй. Что ты говоришь? я ничего не знаю. Как он выглядит.

Третий. Выглядит ли он? Кто видел сумасшедший дом.

Первый. Что в нем находится? Кто в нем живет.

Второй. Птицы в нем не живут. Часы в нем ходят.

Третий. Я знаю сумасшедший дом, там живут сумасшедшие.

(Введенский 1993, 1: 196)

В репликах-мыслях Первого и Второго разрушается привычная для нас модель построения диалога: информация Первого, в которой глаголы *видеть* и *знать* (ведать) отождествляются, не находит необходимого отклика, так как вопрос «Что ты говоришь?» является ложным следом продолжения разговора, погрешностью, о которой говорил Я. Друскин. В этом нас заверяют последовавшее за вопросом отрицание «я ничего не знаю», сопротивляющееся реплике Первого «Я знаю», и утвердительное предложение с вопросительным словом «как». Синтаксическая логика уже распатана, и теперь Третий может усомниться в самой видимости сумасшедшего дома («Выглядит ли он?»), а также в существовании субъекта, который мог бы увидеть невидимое («Кто видел сумасшедший дом»). В реплике Третьего внимание переносится на вопросительное местоимение в изъявительном предложении, чем, по сути, акцентируется иная синтаксическая логика, разбивающая канон обыденного мышления. В продолжение обмена мыслями трое меняются местами: вместо Второго теперь Первый задается вопросом «Что в нем находится?», включает вопросительное местоимение «кто» в ровную интонацию изъявительного предложения («Кто в нем живет»), оспаривая этим собственное начальное утверждение «Я знаю сумасшедший дом. Я видел сумасшедший дом». В ответ на вопрос-мысль Первого «Кто в нем живет» Второй дает апофатическое определение жизни в сумасшедшем доме: «Птицы в нем не живут», противопоставляя птицам (т. е. душам, как их изображали в разных мифологических представлениях) ход часов: «Часы в нем ходят». При этом важно указать также на противостояние статическому «находится» действующего «ходят», вышедших из общей семантической основы «ход», чем по сути демонстрируется погрешность, уводящая смысл в разные направления. Теперь в обмене мыслями очередь за Третьим, который берет на себя роль Первого и повторяет эхом первую часть его реплики: «Я знаю сумасшедший дом, там живут сумасшедшие». Итог первых реплик: в сумасшедшем доме ходят часы и живут сумасшедшие, т. е. часы отсчитывают время человека, напоминая ему о бренности, сумасшедшие живут с часами, отмеряющими их время. Другими словами, сумасшедший дом — это (сумасшедший) человек с часами, но без души-птицы, следовательно, без возможности преодолеть время и приобрести бессмертие (вечность).

Как мы видим, уже в начальных репликах поэт заявил о своем намерении исследовать категорию времени и провести критику языка и его возможностей⁷. По справедливому замечанию В. Фещенко, Введенский «стремился посредством поэтического искусства проникнуть в новую реальность, неведомую классической рациональности» (Фещенко 2009: 243). Введенского занимает, прежде всего, непонимание, которое мыслится им как начало познания мира и себя в мире. Эту его позицию выражают и строки стихотворения «Приглашение меня подумать»: «Нам непонятное приятно, / Необъяснимое нам друг» (Введенский 1993, 1: 182). Об этом Введенский писал также в «Серой тетради»: «Если мы почувствуем дикое непонимание, то мы будем знать, что этому непониманию никто не сможет противопоставить ничего ясного» (Введенский 1993, 2: 79).

Все «разговоры» построены на обращении к мыслительным и языковым процессам человека⁸, все они демонстрируют неустойчивость этих процессов, а также раздробленность мира, созданного этими процессами. В работе Введенского с языком происходит то, что Вяч. Вс. Иванов назвал «семантическим экспериментом», устремленным на то, чтобы «представить смысл в совершенно новой, внелогической перспективе, путем ухода от сложившихся семантических механизмов, нарушения семантических основ языка» (Иванов 2000: 277). Разбивая языковую, умозаключительную и причинно-следственную логику, Введенский измельчает мир до неподвижности, в этом мире перестают действовать законы времени — до и после, прошлого и будущего. В этом мире существуют мгновения бытия, вокруг которых все вращается и которые создают лейтмотивные повторы: «Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли» (Введенский 1993, 1: 196). В поэтическом мире Введенского это единственно подлинная реальность, в которой для человека «каждое мгновение открывается как новый, насыщенный мир», как это заметил Д. Токарев (2002: 109).

Раздробленный мир у Введенского приравнивается к сумасшедшему дому, равно как и хозяин сумасшедшего дома приравнивается к Богу, создавшему этот мир. Данное сходство подчеркивается мотивом «дряхлого окошка-зеркала» (Введенский 1993, 1: 196), в которое смотрит хозяин сумасшедшего дома и видит в нем троих, т. е. самого себя в трех ипостасях⁹.

⁷ Об этом писал М. Мейлах в давнем 1978 году: «самые свойства языка и являются важнейшим объектом критики Введенского: его универсальное сомнение переходит на форму высказывания как таковую» (Мейлах 1978: 389).

⁸ Кроме текста Я. Друскина «Звезда бессмыслицы», посвященного *Некоторому количеству разговоров*, обращаем внимание и на два текста А. Рымаря, в которых рассматриваются сюжет *Разговоров* как сюжет авторской мысли (Рымарь 2003: 152–157) и текстовые стратегии Введенского (Рымарь 2006: 316–328).

⁹ Введенский, бесспорно, учитывает символику троицы не только в христианском догмате (Отец, Сын, св. Дух), но и в языковых идиомах вроде «Бог любит троицу», а также в фольклорных формах, повествующих о трех братьях, на чем он строит сюжет пьески *Потец* того же периода (1936–1937).

Другими словами, зеркальный и зазеркальный миры тождественны друг другу, ворота и забор, разделяющие их, — условны, поэтому «никаких изменений не случается» (Там же). То, что «карета останавливается у ворот», та самая карета, в которую садится Чацкий в конце «Горя от ума» (в надежде покинуть сумасшедший мир, в котором он оказался с репутацией безумца), или же Поприщин в гоголевских «Записках сумасшедшего», чтобы попасть в вымышленную Испанию, а на самом деле в сумасшедший дом, свидетельствует о невозможности покинуть сумасшедший мир, поскольку другого мира не существует, и этот мир в нас. Поэтому гоголевская игра, в которой царская карета превращается в карету «скорой помощи» для главного героя, оказывается в основе мотива кареты в «Разговоре о сумасшедшем доме». Карета в каком-то смысле является метафорой последнего пути, предстоящего в конечном итоге темой «Последнего разговора». Несостоятельность движения как возможности преодоления пространства, измерения времени и, в конце концов, нашего существования, демонстрируется в этом раздробленном, хаотическом мире остановкой кареты¹⁰. Это и есть мгновенье, уход от линии времени, амнезия. В этой точке открываются иные связи между человеком и миром, которые проявляются в сфере мышления и языка¹¹. Не случайно Первый, Второй и Третий обмениваются мыслями не только в «Разговоре о сумасшедшем доме», но и в последующих разговорах. Не случайно «пошатнувшиеся» синтаксические, семантические, логические связи между словами обнаруживаются как первым, так и во всех других разговорах, вплоть до последнего.

В данном контексте представляются закономерными реплика-мысль Третьего об измельчании мира: «Нас осталось немного и нам осталось недолго» и требование-мысль Первого: «Пишите чисто. Пишите скучно. Пишите тучно. Пишите звучно» (Введенский 1993, 1: 196), связывающие воедино существование и процесс «чистого, скучного, тучного, звучного» писания. В отличие от Ивана Ивановича из пьесы Хармса *Елизавета Бам* (1927), свидетельствующего звучанием речи о собственном существовании: «говорю, чтобы быть»¹², троица в *Разговорах* фактически провозглашает соглашательство с установленным окаменелым (не без отсылки к действующему соцреализму) канонам письма как возможность существования. По сути это не существование, ибо на всем лежит тень статичности, остановленного времени, отсутствия действия, ограниченности языка и мысли, о чем оповещают ремарки: «Уважай обстоятельства места. Уважай то что

¹⁰ Отметим здесь, что мотив кареты отсылает также к ходячей цитате из пьесы *На дне* Горького, к словам Сатина: «В карете прошлого никуда не уедешь», а также к известной поговорке «Счастье едет в карете, а с умом идет пешком».

¹¹ В этом смысле карета и комната, как закрытые пространства, соотносятся с закрытым для чудесного сознанием, тогда как крыша, лодка и дорога предрасполагают наше сознание к потустороннему, тайному, неведомому.

¹² Повторяя те же слова, Иван Иванович уже в следующей своей реплике добавляет: «Потом, думаю, уже поздно» (Хармс 1988: 187).

случается. Но ничего не происходит. Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли» (Введенский 1993, 1: 196)¹³.

Расшатанность мира передается давно кончившимися русскими стихами. Ими говорит Первый, сначала разделяя мир «мы» и мир сумасшедшего дома («он радостно ждет нас»), чтобы потом показать произошедшее раздвоение в «мы»: «Мы радостно ждем нас» (Введенский 1993, 1: 197). Эти безмолвные, мысленные, условные реплики, которыми обмениваются персонажи, в чем нас заверяют и закольцовывающие первый разговор ремарки «В карете ехали трое. Они обменивались мыслями», свидетельствуют о бессилии как человеческого ума что-либо понять, так и человеческого языка что-либо высказать. В данном контексте вспоминается трактат Я Друскина «Разговоры вестников» (1932), в котором философ-чинарь радикализирует феноменологический принцип эпохэ, редуцируя его до внутреннего молчания, вернее, до доречевого акта (ср. в фрагменте «О некотором волнении и некотором спокойствии»: «То — несказанное и неназванное, существующее и некоторое осуществление, не-то — все сказанное и возможное» (Друскин 1998а: 760))¹⁴. Введенский, как и философы чинари, питал повышенный интерес к несказанному, к существующему в «теперь», к освободившемуся от времени, он стремился поэтическим опытом разрешить загадку взаимосвязи человеческого бытия и речи¹⁵. Поэтому уже в самом названии «Разговор о сумасшедшем доме» присутствует субверсивный отказ от понятия «разговор», поддерживаемый оспариванием привычных языковых конструкций, самой возможности высказывания речью, в силу чего человеческий мир пребывает в молчании, становится немым¹⁶, тогда как мир

¹³ И. Кукуй в своем исследовании о поэтическом аскетизме Введенского выделяет три уровня в данной ремарке: «уровень локализованного действия, нейтрализованный тем, что на нем ничего не происходит; уровень слова, не могущего выразить невыразимое (отсюда язык беден); и уровень мыслей, которые не в состоянии осознать произошедшее и невыразимое»; при этом он триаду думать — понимать — говорить связывает со стадиями накопления — освоения — оформления (Кукуй 2020: 244, 245).

¹⁴ О феноменологической редукции в сочинениях Друскина см. в: Чернавин 2020: 73–82. См. также работу А. Меньшикова, посвященную размышлениям Друскина о времени, мгновении и вечности в контексте философии Розенцвейга, Бергсона и Гуссерля (Menshikov 2021: 252–266).

¹⁵ В «Серой тетради» (фрагмент «Глаголы») Введенский критикует наше представление о речи, о глаголе как части речи (обладает временем, текуч, подвижен), которое не совпадает с действительностью, с действиями, поскольку, например, название час может быть применено только к последнему часу перед смертью. Приводя в пример собственные стихи, где действия «нелогичны и бесполезны», Введенский рассуждает о том, что «глаголы на наших глазах доживают свой век», так как «в искусстве сюжет и действие исчезают», ибо «события не совпадают с временем» — «время съело события» (Введенский 1993, 2: 81). Другими словами, он предлагает искать иные связи между бытием и возможностями высказать его.

¹⁶ По этому поводу Я. Друскин пишет, что здесь «отрицается не содержание предложения, а вообще предложение, то есть высказывание предложения» и что вследствие аннигиляции предложений остается «ничего», которое «не просто “ничего”, а молчание: семиотическое молчание» (Друскин 1998b: 611). На это высказывание Я. Друскина впервые обратил внимание М. Мейлах в примечаниях к сочинениям Введенского (Мейлах 1993, 1: 272).

природы периодически издает пронзительные звуки (лисицы «пищат», цветы «трещат» — Введенский 1993, 1: 197).

В отличие от первого «неразговора»¹⁷, противопоставляющего немой язык человека звучащему языку природы, второй «неразговор» об отсутствии поэзии раскрывает взаимосвязь природы и стихов, здешнего и загробного миров. Для Введенского важно подчеркнуть музыкальное, звучащее начало поэзии, поэтому Певец в «Разговоре об отсутствии поэзии» поет стихи на концерте, тем самым возвращая поэзию в лоно музыки, превращая слово в текучесть звучания¹⁸. В данном контексте и паузы, которые делает певец во время выступления (вместе с ритмическим появлением и исчезновением дивана¹⁹ в роли рефрена), следует понимать в музыкальном ключе, как часть звучащей песни. Однако суть выступления Певца — сообщить об отсутствии поэтов, об их смерти, смерти музыкантов и певцов, о кладбище певцов, к которым в конечном итоге и сам он присоединяется. Поэтами названы лишь отошедшие в мир иной, унесшие с собой свои песни. Поэтому в земном мире нет больше музыки стихов, которая воспела бы природу, весь мир становится тусклым и скучным (отсюда и сравнение солнечной деятельности с наукой, которая в творчестве Введенского имеет исключительно отрицательное значение), гармония мироздания разрушается:

Дерево стоит без звука,
 Без почета ночь течет.
 Солнце тихо как наука
 Рощи скучные печет.
 <...>
 Тучи в небе ходят пышно.
 Кони бегают умно.
 А стихов нигде не слышно,
 Все бесшумно все темно.

(Введенский 1993, 1: 197)

Оказывается, поэзия продолжает существовать там, где умершие поэты — под землей, но у них ее унаследовали другие представители живого мира, такие как черви, реки, звери:

¹⁷ «Разговор о сумасшедшем доме» и «Разговор об отсутствии поэзии» Я. Друскин называет «неразговорами», подчеркивая, что «в первом неразговоре — мудрое молчание», а во втором — «немудрое отсутствие музыки, стихов, звуков, противопологаемое музыке природы» (Друскин 1998b: 613).

¹⁸ О превращении слова в предмет и обратно, т. е. о значимости для Введенского превращения слова из одного состояния в другое, писал уже Я. Друскин (Друскин 1998b: 562). Это Друскин приравнивал к чуду, которого требовал Введенский от слова: «чтобы поэзия производила не только словесное чудо, но чтобы она была настоящим чудом» (Там же, 561).

¹⁹ М. Мейлах повторяющийся мотив дивана у Введенского связывает «с космосом и смертью», приводя в качестве примеров также сочинения «Кончина моря» и «Очевидец и крыса» (Мейлах 1993, 1: 243, 262). Добавим, что в этот ряд вписывается также мотив то порхающей, то взвизывающей в поднебесье, то бегущей Днепром «подушки» в песне *Потец*, которую Введенский писал в те же 1936–1937 гг.

Музыка в земле играет,
 Червяки стихи поют.
 Реки рифмы повторяют,
 Звери звуки песен пьют.

(Введенский 1993, 1: 198)

В мире Введенского поэзия существует как одна из основополагающих космогонических стихий, ее не обязательно связывать с творчеством поэтов. Поэзия, по-видимому, является частью космического ритма (движения), который передается разными звуковыми реестрами. Поэтому носителями поэтического начала могут быть земля, червяки, реки, звери. Смерть певца в конце «Разговора об отсутствии поэзии» это доказала²⁰. Последний «пиит» умер (вопреки упованиям Пушкина: «И славен буду я, доколь в подлунном мире / жив будет хоть один пиит»), но поэзия-стихия продолжает звучать другими поэтическими средствами, возвращаясь к звуку как таковому, к своему музыкальному началу. Звучание музыкально-ритмических единиц во времени, причем в постгуманитарном мире, является одной из занимавших Введенского проблем.

Бесспорно, время — это главная тема *Разговоров* Введенского. Поэта интересуют возможности осознания времени, способы передачи мгновения, существования в «цисфинитном ноле», понимаемом Хармсом как что-то вроде бесконечного настоящего. Поскольку этот «цисфинитный ноль» «оказался на самом деле просто точкой перехода, совершенно безвременной и, соответственно, без собственного существования, зажатой между бесконечностью прошлого, которого уже нет, и бесконечностью будущего, которого еще нет» (Жаккар 2004: 77), Введенский обратился именно к этой точке безвременья, к пустоте или к вобравшей в себя всё, как единственной бесконечности и единственному цисфинитуму. Каждое мгновение он понимает как новую (у)летающую точку времени, существующую лишь для себя вследствие дробления времени, превратившегося в мерцание. В «Серой тетради» Введенский процесс восприятия раздробленного времени описывает следующими словами:

Потому что прежде чем прибавится новая секунда, исчезнет старая, это можно было бы изобразить так:

○ ○ ○ ○ ○
 ○ ○ ○ ○ ○

Только нули должны быть не зачеркнуты, а стерты. <...> Наш календарь устроен так, что мы не ощущаем новизны каждой секунды. А в тюрьме эта новизна каждой секунды, и в то же время ничтожность этой новизны стала мне ясной. (Введенский 1993, 2: 83)

²⁰ Хотелось бы отметить, что певец Введенского во многом напоминает Импробизатора в «Египетских ночах» Пушкина. Их сближает, прежде всего, выступление перед публикой (Введенский отмечает, что двенадцать, двадцать, сорок человек сидело в комнате, чем по сути ставит под сомнение не только число присутствующих, но и необходимость перечислять их), а также вызов поэтам вдохновением, которое уведит их в иное время и пространство, приближает к смерти.

С точки зрения Введенского нам мешают «названия минут, секунд, часов, дней, недель и месяцев», которые «отвлекают нас даже от нашего поверхностного понимания времени», поэтому он предлагает «с часов стереть цифры», «забыть ложные названия», чтобы время показало нам «свое тихое туловище, себя во весь рост» (Введенский 1993, 2: 80), ибо только тогда движение мыши (со всей ее мифологической значимостью) мы увидим новым, дробящимся, близким нулю, и это будет мерцание. Тогда и наш мир, и мы сами окажемся мерцающими²¹. Оттуда и ностальгическое стремление лирического субъекта к миру зверей, звезд, растений, птиц, насекомых, освобожденных от навязанного человеку понятия времени: «Мне жалко что я не зверь, Бегающий по синей дорожке <...> Мне жалко что я не звезда, Бегающая по небосводу <...> Еще есть у меня претензия, Что я не ковер, не гортензия <...> Мне жалко что я не орел, Перелетающий вершины и вершины <...> Мне страшно что я двигаюсь Не так как жуки жуки, Как бабочки и коляски И как жуки пауки» (Введенский 1993, 1: 183, 184). Чувство искаженности мира, возникающее под воздействием научно обусловленного понимания времени, так же, как и детерминированность человеческой жизни, в поэтической системе Введенского становятся поприщем, на котором ведется борьба за новое понимание времени.

Учитывая историю мышления о времени, начиная с апорий Зенона и философских систем Аристотеля, св. Августина, Николая Кузанского, вплоть до Эйнштейна, Введенский исследует существование предметов в природе через движение, т. е. как возникновение, непрерывное изменение и исчезновение. Введенский пытается понять характер времени, его неопределенность и бесконечность, которые неминуемо приводят мышление к противоречию. В этом смысле для него важную роль играли парадоксы в умозаключении, т. е. антиномии, сформулированные Зеноном в связи с движением, множеством, бесконечностью, временем, наиболее известными из которых являются «Ахилес и черепаха», «Дихотомия» и «Летящая стрела»²². Парадоксальное мышление, демонстрирующее в апориях непрерывность и делимость, прерывность и неподвижность, приобрело новую жизнь в начале XX века в русской философии и литературе абсурда, по-

²¹ Однако в «Пять или шесть» Введенский противопоставляет неприемлемость человеком дробности пространства и времени («Не любит просто дробного Человек целый») осознанию того, что в пределах языка приходится говорить «приблизительно», поскольку «ничего точного все равно никогда не скажешь» (Введенский 1993, 1: 84). — Отметим здесь, что О. Ревзина в своей статье указывала на две черты «в обозначении языком временных понятий», которые угнетали Введенского: то, что «названия различных временных интервалов в языке обозначаются также, как самые разные понятия, никак не связанные с временем», и то, что «прошедшее и будущее изображаются как равные настоящему» (Ревзина 1978: 399).

²² В первых двух апориях Зенон показывает логические трудности при предположении о том, что время и пространство непрерывны и неограниченно делимы, в третьей, рассматривающей время как прерывное, составленное из точек-мгновений (в силу чего стрела предстает неподвижной, покоящейся в каждое мгновение, а, значит, всегда), указывает также на логические трудности.

этому и Введенский не мог не обратиться к парадоксу, сделав его главной составляющей своих литературных опытов. В этом смысле его интересовала судьба парадоксального мышления, которое под влиянием аристотелевской философии оказалось на задворках философии вплоть до XX века. Аристотель, оспаривая постулаты Зенона, в философском трактате *Физика* пытается дать свое определение категории времени. Он однозначно связывает время с движением и изменением (ср.: «мы вместе ощущаем и движение и время»), но не отождествляет их, поскольку движение может ускоряться или замедляться, тогда как время «непрерывно», «повсюду одно и то же», и потому что «время есть мера движения и нахождения [тела] в состоянии движения», причем для самого движения «“быть во времени” — значит измеряться временем и самому ему и его бытию, ибо время вместе измеряет и движение и бытие движения, и находится движению во времени значит именно то, что бытие его измеряется» (Аристотель 1981: 148, 151, 152). Так же как временем измеряется движение, числом (минут, часов, годов) измеряется время, и в этом определенном времени происходит то или иное событие, то или иное движение. Аристотель делает вывод, что не существует беспредельного пространства и времени, а существуют только определенное время и определенное пространство, что нет пустоты во времени и пространстве, но и пространства и времени нет вне мира, что мир вечен, так как движение непрерывно и вечно.

Если Введенскому и были чужды выводы Аристотеля, отрицавшие беспредельность пространства и времени, он не мог пройти мимо размышлений философа о потенциальности и действительности данных категорий (к тому же, сформулированными под влиянием апорий Зенона), о измеримости времени и движения, о мире как вечном движении. По-видимому, в споре с аристотелевским мышлением, определяющим все сущее с научным пристрастием, Введенский пишет «Разговор о воспоминании событий». Для «Разговора» выбраны по-аристотелевски конкретное время, конкретное пространство, конкретные тела, конкретное событие. И одновременно, Введенский этому конкретному, непрерывному миру противопоставляет парадоксальное мышление в духе Зенона, указывающее на бесконечность и прерывность в природе, единство и множественность мира. Размышления Введенского о единстве и множественности мира сформировались, возможно, и под влиянием тогда актуальной теории множеств Георга Кантора, в основе которой находилась неразрешимая антиномия Зенона о множественности бытия и конечности²³. Также на Введенского могла повлиять и популярная в те годы теория «аритмологии» математика Николая Бугаева, построенная на идее прерывности — трещине с единичными интуитивными прозрениями, восходящими к Творцу, которая противопоставлялась аналитике — мирозерцанию, основанному на идее непрерывности и рассудочной деятельности, в котором не было места для свободы, твор-

²³ Отметим здесь, что антиномиям времени у Введенского в контексте русской и западноевропейской философской мысли посвящена работа: Резвых 2014: 67–94.

чества, веры. Аритмология со своим чувством трещины бытия, разрозненности мира, эсхатологического конца, соответствовала поэтическим воззрениям Введенского. В его мышлении присутствует антиномизм, непосредственно связанный с идеей прерывности мира и бытия, который соединяет противоположности мира в виде мерцания (пульсации); это своеобразное диалектическое мышление, заключающее в себе постоянную смену ракурсов при непрерывной установке на мир как целое²⁴.

В «Разговоре о воспоминании событий» участники мысленного спора Первый и Второй (по сути два явления одного) пытаются разрешить дилемму о произошедшем или не произошедшем событии — встрече собеседников, оказавшихся в одно время (вчера, ушедшее) в двух близких точках А и Б в одном пространстве (комнате). Запертые в комнате-сознании они мысленно рассуждают (вернее, мысленно вспоминают спор с самого начала) о возможности вспомнить ушедшее время и представить закончившееся событие. Если Первый призывает в помощь точки А и Б, маркирующие присутствие их двоих на пространственной и временной линии, предметы-свидетели (картины, статуи, музыку), явления конюха на шкафе, леса цветов на комод, фонтана под стулом, дворца под кроватью, расширяющих сугубо ограниченное комнатное пространство, лишь бы заставить память Второго вспомнить об их встрече, Второй отрицает как само событие их встречи, так и возможность измерить пространство и время точками и свидетелями, в существовании которых, к тому же, он сомневается («Ты не видел меня, я не видел тебя. О гнилых этих точках А и Б я даже говорить не хочу», «все молчат мои свидетели», «я сомневаюсь даже в существовании этих свидетелей» — Введенский 1993, 1: 199, 200). И Первый, и Второй одержимы «чувствами гнева, свирепости и любви к истине», оба они, вспоминая каждую реплику уже произошедшего спора о состоявшемся/несостоявшемся событии, стремятся припомнить и истину, однако их истина разная. Так, Первый уже усвоенными объективированными научными постулатами рассуждает о воспоминании и времени (том, что было), уверенный в произошедшей встрече, воспоминание о которой должно объединить участников события. Второй же в своих рассуждениях о воспоминании и времени отказывается от принятой научной логики, от мира вне своего субъекта, он говорит не о воспоминании, а о собственной амнезии, о временном забвении («я на время забыл что ты есть»), об отсутствии воспоминаний здесь и теперь, в это «мгновенье» («Я помню конюха, и могучий лес

²⁴ Особое внимание вопросу антиномизма уделял Павел Флоренский в размышлениях о теодицее и антроподицее: антиномизм в теодицее он связывает с познанием Истины — центральной темой теодицеи (антиномизм Истины проявляется в рационально-дискурсивном восприятии вследствие расколотости человеческого разума; Истину можно постичь только в сочетании интуитивного и дискурсивного суждения, которые сами по себе бессильны постичь ее); преодоление антиномизма — суть антроподицеи Флоренского, и он предлагает человеку выход в иные координаты, такие как символ — онтологическая основа культуры и язык — символическое описание (см. более подробно в: Егорова 2009).

цветов и журчащий фонтан, и широкий дворец, но где они, их нигде не видеть»), он выдвигает различие как основополагающий субъективистский принцип («Ты был тобою, а я был собою» — Введенский 1993, 1: 199), раскрывающий иное, субъективное видение и иную, субъективную истину²⁵. «Разговор о воспоминании событий» — это разговор о невозможности вспомнить событие и, одновременно, о возможности вспомнить речь, обсуждающую событие. Речь оказывается носителем нашего бытия во времени и пространстве, носителем нашей движущейся мысли. Говорящий в момент говорения выступает с позиций несомненной истины существования как самого себя, так и мира, и в этом смысле за речевым актом, за утверждающим «я говорю» скрывается другое утверждение — «я существую»²⁶. Не событие, а речь оказалась «вещью», объединяющей Первого и Второго²⁷. Восприятие события через речь изображает, на самом деле, речь как событие, ибо через нее совершается (о)познание мира, и тем самым гносеологический аспект вещи переносится из внешнего мира во внутренний мир человека. Это означает, что речи, произносимой в это мгновение, дано отменить границу между прошедшим временем и настоящим «теперь» и поместить прошедшее в точку «теперь».

Аналогично и «Разговор о картах» — это разговор о невозможности начать событие и, одновременно, о возможности начать разговор о готовности начать событие. Участники диалога, всю ночь восторженно отзываясь о картах, так и не начав игру, разговор заканчивают словами: «Вот и обвели ночь вокруг пальца (...). Вот она и кончилась» (Введенский 1993, 1: 201). Оказывается, все высказанное Первым, Вторым и Третьим служило мерой ночного времени, противостоянием ночи («Вот и обвели ночь вокруг пальца»), «Вот она и кончилась» — Там же), уводящей жизнь из людей. Начало «Разговора о картах», приходящееся на четыре часа ночи, и конец его, совпадающий с концом ночи, соответствуют ночному бдению у гроба покойного, как следует из открывающих «Разговор» ремарок²⁸; иными словами, все, кто бодрствовал ночью, магической силой языка смог противо-

²⁵ Поэтому Третий в конце этого разговора подытоживает: «Припомним конец нашего спора. Вы оба ничего не говорили. Все было так. Истина, как нумерация, прогуливалась вместе с вами. Что же было верного? Спор окончился. Я невероятно удивился» (Введенский 1993, 1: 200).

²⁶ Рассматривая понятие «начала» в контексте времени («сейчас»), В. Гуревич в своей статье исследует философский план скрытых или не скрытых высказываний. В отличие от «я говорю», за которым обнаруживается «я существую», в декартовском «я мыслю, следовательно, я существую» В. Гуревич видит не результат логического вывода, а исходную посылку (Гуревич 2002: 59).

²⁷ В данном контексте напрашивается мысль П. Флоренского об антиномии речи, которая должна быть и общей, и «от меня исходящей», подчиняющейся «малейшим тонкостям моей мысли, моей личности, и притом вот в этот, настоящий раз» (Флоренский 1990: 232).

²⁸ Ср.: «Не все тут были из тех, кто бы мог быть, те кого не было, лежали, поглощенные тяжелыми болезнями у себя на кроватях, и подавленные семьи окружали их, рыдая и прижимая к глазам. Они были люди. Они были смертны. Что тут поделаешь. Если оглядеться вокруг, то и с нами будет то же самое» (Введенский 1993, 1: 200).

стоять смерти и сохранить себе жизнь. Язык оказался неподвластен смерти, выше времени, единственной свидетельствующей о нас реальностью. Отсюда и радостное утверждение «вот и обвели ночь вокруг пальца», которое сопровождается троекратным ироничным «наука доказала» (Там же), чем Введенский фактически отказывает позитивистско-рационалистской науке в познании мира²⁹.

Спор в «Разговоре о воспоминании событий» наследует размышлениям древних. И Аристотель, и св. Августин человеческую жизнь характеризуют как исследование времени, соотнесенное с душой/духом, т. е. с воспоминаниями и переживаниями³⁰. Для Аристотеля в *Физике* важно определить существует или не существует пустота, чтобы понимать движение и протекание времени в мире. При этом он считает нелепостью «считать пустотой точку», приравнивая ее к «теперь», которое «не есть часть» времени, так как время, одна часть которого была, и ее уже нет, а другая только будет, и ее еще нет, «не слагается из “теперь”» (Аристотель 1981: 136, 145, 146)³¹.

²⁹ Несомненно, отрицательное отношение Введенского к науке связано с современной ему наукой, не только отвергающей Бога, но и враждебно относящейся к нему и ко всему, созданному человеком во имя его. Занимаясь материальным миром, атеистическая наука не в состоянии познать мир, созданный Богом, более того, она пытается занять место Бога. Наука, отрицающая духовный мир, представляется Введенскому «скукой смертной» (ср.: «И печальную часть наук Постигает наш дух»; «И держал под мушку скуку Эту новую науку»; «Солнце тихо как наука Роши скучные печет»; «Мы все исчадия наук И нами смертный час усвоен»; «Костями толстыми и голосом сочтетесь Вы ездки науки в темноте»; «Сейчас пойду в университет Наук ученье изучать: Как из металла вынуть медь, Как электричество чинить, Как слово пишется медведь» — Введенский 1993, 1: 182, 124, 197, 172, 146, 177).

³⁰ Ср. у Аристотеля: «Если же ничему другому не присуща способность счета, кроме души и разума души, то без души не может существовать время, в разве [лишь] то, что есть как бы субстрат времени; например, если существует без души движение, а с движением связаны «прежде» и «после», они же и есть время, поскольку подлежат счету» (Аристотель 1981: 157). Ср. у Августина: «В тебе, душа моя, измеряю я время. Избавь меня от бурных возражений в сумятице своих впечатлений. В тебе, говорю я, измеряю время. Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, измеряя время. Вот где, следовательно, время или же времени я не измеряю» (Блаженный Августин 1992: 342). Рассуждая о категории времени у Аристотеля и Августина, Хайдеггер в книге «Понятие времени» подчеркивает, что у обоих авторов «время случается в человеческом вот-бытии», и «это бытие ведет счет времени», тогда как душа и дух «составляют “субстанцию” человеческого вот-бытия» (Хайдеггер 2021: 25–26), на основе чего Хайдеггер далее развивает свое видение времени.

³¹ Но тем не менее, согласно Аристотелю, «“Теперь” измеряет время, поскольку оно предшествует и следует; само же “теперь” в одном отношении тождественно, в другом нет: оно различно, поскольку оно всегда в ином и в ином времени (в этом и состоит его сущность как “теперь”), с другой стороны, “теперь” по субстрату тождественно» (Аристотель 1981: 149). — В. Бибахин в своем трактате «Точка» включается в диспут о времени, о «теперь», о точке, о линии; точку и «теперь» он называет неподвижными двигателями линии и времени: «Как же тогда возникает линия? и время? Так, что точка и момент “теперь” — их неподвижный двигатель. Не совсем точно говорить поэтому, что движение точки создает линию. То есть именно движение точки создает линию, но в том смысле, что точка, сама не движущаяся, движет! Из-за того, что движущая способность точки не прекращается, т. е. всякую точку можно одновременно увидеть как начало и конец, собирающее и выпускающее, линия никогда не прекратится, она в принципе бесконечна. То же линия-время. Допустим, время кончилось теперь, в это мгновение. Поскольку мгновение само

Это «теперь», которое вне времени, вне линии времени, которое есть неподвижная точка, однако точка, которая собирает, втягивает в себя, и одновременно выбрасывает свою собранность из себя, оставаясь при этом неизменной, эта одна-единственная точка-«теперь» или точка-«мгновенье» остается главным интересом Введенского. Напомним, что о точке — одной-единственной — пишет и Николай Кузанский. Для Кузанского точка — это «целостность» и «совершенство», которое «так свертывает в себе линию, как и линия развертывает точку», на основании чего он делает вывод, что и «движение есть развертывание покоя, поскольку в движении нет ничего кроме покоя»³², и «“теперь” разворачивается во времени, поскольку во времени нет ничего, кроме “теперь”» (Кузанский 1979: 422).

Неподвижная точка-мгновенье и бесконечно дробимое время-движение всецело интересует Введенского. В «Разговоре о бегстве в комнате» Введенский «проверяет на прочность» общую теорию относительности — он сталкивает две системы координат: одну, в которой комната не движется, а человек движется, и другую, в которой окружающий человека предметный мир (стол, стул, стена) движется вместе с ним. Бегать, двигаться — значит убежать к Богу, «поскорей кончиться», динамичность имеет свое начало и конец, статичность — нет, поэтому человек — смертен, предметный мир — нет, поэтому трое бегающих утверждают: «Ничто никуда не убежало. Одни мы убегаем», понимая, что могут говорить о своем лишь «условно прочном существовании», чему и посвящен десятый, «Последний разговор» (Введенский 1993, 1: 203, 213). Условно прочное существование³³ подчеркивается и темой прощания Первого, Второго и Третьего с садом, с воздухом, с морем («И внимая стуку птиц, Звуку человеческих лиц И звериному рычанию, Встать побегать на прощанье»; «Здравствуй воздух мой сосед. Я обнимаю высоту. Я вижу Бога за версту»; «И понял: море это сад. Он музыкальными волнами Зовет меня и вас назад Побегать в комнате со снами» — Введенский 1993, 1: 202). Прощание с миром — это точка покоя или застывшего мгновения, в этой точке все одно, в ней море и сад, как

не движется, не меняется, не имеет длительности, оно уже собрало в себе конец всего, но этот конец длится именно только мгновение: конец истории не длится, не имеет длительности. Движение и история, не кончаясь в каждый момент, не имеют времени кончиться» (Бибихин 2017: 347).

³² Эту мысль он объясняет следующим образом: «Поскольку движение есть переход из одного состояния в другое — так как предмет, находясь в каждом данном состоянии, не движется, — постольку в движении нет ничего, кроме покоя. В самом деле, движение есть выход из данного состояния, и двигаться — значит отходить от чего-то одного, то есть к чему-то другому. Поэтому движение и есть переход от покоя к покою, так как оно оказывается не чем иным, как упорядоченным покоем, или состояниями покоя, последовательно упорядоченными» (Кузанский 1979: 422).

³³ Условно прочному существованию посвящен также разговор о войне: в «Предпоследнем разговоре под названием один человек и война» Введенский тему войны развивает, соответствуя раздробленности времени и мира. Три ипостаси одного существа (1-й, 2-й, 3-й) обсуждают тему войны 1914 года в «суровой», «военной», «боевой» обстановке, где лицом к лицу «человек и земля», «человек и скала», «человек и война» (Введенский 1993, 1: 209), однако эта тема исследована нами в статье: Ичин 2014: 167–177.

эсхатологические локусы, тождественны друг другу; развертывание этой точки в линию движения возвращает Первого, Второго и Третьего в комнату со снами и приводит их к мысли покончить с собой, что и является главной темой следующего «Разговора о непосредственном продолжении»³⁴. Визуализация и вербализация смерти (через повешение, попытку утопиться в проруби и застрелиться) совершается в «полном покое», в неподвижности трех человек на крыше. Принятие смерти в полном покое соответствует нирваническому сознанию, освобожденному от страдания, что подтверждается как словом-эхом «умер», так и многократно повторяющимися ремарками «Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробы» (Введенский 1993, 1: 203–205).

Собирание в точку оказалось навязчивой темой для Введенского с самого начала *Разговоров*. Так, в «Разговоре о сумасшедшем доме» в диалог вдруг прорывается реплика Третьего «нас осталось немного и нам осталось недолго» (Введенский 1993, 1: 196, 197). В «поясняющей мысли» в начале седьмого разговора — «Разговора о различных действиях» — дан первый намек на всеобщую смерть, а не на умирание лишь трех участников предыдущих разговоров. Однако и в данном случае Введенский развивает не сюжет, заданный поясняющей мыслью, а сцену отплытия умерших на лодке Харона в царство теней, в частности, «в далекую Лету». Мотивы свечи, спичек, кислоты и побудительная интонация относительно «зажигания» света среди погасшего мира лишь подчеркивают эту идею. В данной связи несколько удивляет лишь разовое упоминание основной темы (один из персонажей задумался «об изображениях смерти, о ее чудачествах», однако «ничего <...> не мог понять» — Введенский 1993, 1: 212) в «Последнем разговоре», в котором частично суммируются предыдущие разговоры.

Оппозиция «мысль — действие», присутствующая в «Последнем разговоре», как собственно и в других разговорах, да и в других произведениях Введенского, зачастую нужна поэту, чтобы отменить ее и отождествить составляющие части, т. е. показать мысль как действие. Об этом убедительно писал Я. Друскин в тексте «Звезда бессмыслицы», взяв в качестве примера «Последний разговор» (Друскин 1998b: 333). Убедиться в собственном существовании позволяет лишь речевой акт о нашем существовании во времени, субституирующий действие, движение, событие (в «Разговоре о картах»). Поэтому и движение в десятом, «Последнем разговоре», лишь условно можно принять за движение. Это движение мысли об «условно прочном существовании», «об изображениях смерти, о ее чудачествах», «о чувстве жизни», «о карете, о баньшике, о стихах и о действиях» (Введенский 1993, 1: 212)³⁵.

³⁴ Теме самоубийства в «Разговоре о непосредственном продолжении» в сопоставлении с текстом «Где. Когда» посвящена статья Дж. Грелли Лукарелли (Грелли Лукарелли 2004: 83–87).

³⁵ В ответ на отдельные мысли-реплики в «Последнем разговоре» А. Драгомощенко излагает буддистские мысли, предлагая таким образом свое прочтение Введенского и выстраивая своеобразный поэтический диалог (Драгомощенко 2011: 225–227).

Введенский мысль «о чем-то», назовем это «предметной» мыслью, стремится превратить в размышление о том, что такое мысль сама по себе. Он пытается отгадать ее творческое начало, мир как «видимое» мысли, поскольку для него сам мыслительный процесс равнозначен сотворению мира. «Последний разговор», подытоживающий все предыдущие в *Некотором количестве разговоров*, есть прощание мысли с созданным ею миром. Происходит окончательное свертывание линии в точку, движения в покой, времени во «мгновение», языка в непонимание. Это уход в небытие по примеру немыслящего Бога, освободившегося от мысли в момент сотворения мира и ставшего абсолютным покоем. «Последний разговор» — это возвращение к бесконечному миру Божественного покоя.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. «Физика». Аристотель. *Сочинения*: В 4 т. Т. 3. Москва: Мысль, 1981.
 «Беседа с В. Подорогой. К вопросу о мерцании мира». *Логос* 4 (1993): 139–150.
- Биbihин Владимир. «Точка». Биbihин Владимир. *Другое начало*. Санкт-Петербург: Наука, 2017.
- Блаженный Августин. *Исповедь*. Москва: Гендальф, 1992.
- Введенский Александр. *Полное собрание произведений*. В 2 т. Москва: Гилея, 1993.
- Греппи Лукарелли Джулия. «Александр Введенский. Самоубийство как “бегство к Богу”». *Александр Введенский и русский авангард*. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Введенского. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004: 83–87.
- Гречко Валерий. «В поисках универсальной грамматики искусства: теория прибавочного элемента Казимира Малевича». *Искусство супрематизма*. Белград: Издание филологического факультета, 2012: 89–102.
- Грыгар Моймыр. «Теория “прибавочного элемента” Казимира Малевича». Грыгар Моймыр. *Знакомство. Семиотика русского авангарда*. Санкт-Петербург: Академический проект, 2007: 301–324.
- Драгомощенко Аркадий. «MESH». *Новое литературное обозрение* 108 (2011): 225–227.
- Друскин Яков. «Разговоры вестников». «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Л. Липавский. А. Введенский. Я. Друскин. Д. Хармс. Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. Т. 1. Б. м., 1998a: 758–811.
- Друскин Яков. «Звезда бессмыслицы». «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Л. Липавский. А. Введенский. Я. Друскин. Д. Хармс. Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. Т. 1. Б. м., 1998b: 549–642.
- Друскин Яков. *Дневники*. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999.
- Друскин Яков. *Дневники. 1963–1979*, Санкт-Петербург: Академический проект, 2001.
- Егорова Светлана. *Антиномизм и диалектика в учении П. А. Флоренского*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2009.
- Жаккар Жан-Филипп. «“Cisfinitum” и Смерть». *Абсурд и вокруг*. Москва: Языки славянской культуры, 2004: 75–91.
- Иванов Вячеслав. «Заумь и театр абсурда у Хлебникова и обэриутов в свете современной лингвистической теории». *Мир Велимира Хлебникова. Статьи. Исследования (1911–1998)*. Москва: Языки русской культуры, 2000: 263–278.
- Ичин Корнелия. «Война со смыслом войны в творчестве Александра Введенского». *Русский авангард и война*. Белград: Филологический факультет, 2014: 167–177.
- Ичин Корнелия. «Казимир Малевич: экономия как пятое измерение». *Логос* 6 (2019): 215–228.
- Кузанский Николай. «Простец об уме». Кузанский Николай. *Сочинения*: В 2 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1979: 385–444.
- Кукуй Илья. «“Уважай нищие мысли”: поэтический аскетизм Александра Введенского». *Изобилие и аскеза в русской литературе. Столкновения, переходы, совпадения*. Под ред. Й. Херльта, К. Цандера. Москва: Новое литературное обозрение, 2020: 239–254.

- Липавский Леонид. «Разговоры». «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Л. Липавский. А. Введенский. Я. Друскин. Д. Хармс. Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. Т. 1. Б. м., 1998: 174–254.
- Мейлах Михаил. «Семантический эксперимент в поэтической речи». *Russian literature* 4/VI (1978): 389–395.
- Мейлах Михаил. «Примечания». Введенский Александр. *Полное собрание произведений*. В 2 т. Т. 1. Москва: Гилея, 1993: 223–284.
- Ревзина Ольга. «Качественная и функциональная характеристика времени в поэзии А. И. Введенского». *Russian Literature*. 4/VI (1978): 397–401.
- Резвых Татьяна. «Антиномии времени у А. Введенского». *Логос*. 3 (2014): 67–94.
- Руднев Вадим. *Энциклопедический словарь культуры XX века*. Санкт-Петербург: Азбука. 2017а.
- Руднев Вадим. *Против Истины*. Москва — Санкт-Петербург: Добросвет, 2017b.
- Рымарь Андрей. «Сюжет переживания в “Некотором количестве разговоров” А. Введенского». *Филологические записки*. Вып. 20. Воронеж, 2003: 152–157.
- Рымарь Андрей. «Текстовые стратегии Александра Введенского на примере анализа “Некоторого количества разговоров”». *Вестник Самарской гуманитарной академии*. Вып. 1 (4), 2006. Филология, философия. Самара, 2006: 316–328.
- Татарина Ольга. «Принципы апофатической поэтики в творчестве А. Введенского». *Теория и практика общественного развития* 7 (2011): 357–359.
- Токарев Дмитрий. *Курс на худшее: абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета*. Москва: Новое литературное обозрение, 2002.
- Фещенко Владимир. *Лаборатория Логоса. Языковой эксперимент в авангардном творчестве*. Москва: Языки славянских культур, 2009.
- Флоренский Павел. «Мысль и язык». Флоренский Павел. *У водоразделов мысли*. Т. 2. Москва: Правда, 1990: 109–338.
- Хайдеггер Мартин. *Понятие времени*. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021.
- Хармс Даниил. «Елизавета Бам». Хармс Даниил. *Полет в небеса. Стихи. Проза. Драммы*. Письма. Ленинград: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1988: 175–205.
- Чернавин Георгий. «“Редукция, если она есть”: феноменологическая фантастика Якова Друскина». *Вестник русской христианской гуманитарной академии* 1 (2020): 73–82.
- Menshikov Andrey. “Time, Moment, Eternity: Hieroglyphs and Meditations in Yakov Druskin’s Philosophy”. *Changing, Societies & Personalities* 2 (2021): 252–266.
- Milner-Gulland Robin. “‘Kovarnye stikhi’: Notes on Daniil Kharms and Aleksandr Vvedensky”. *Essays in Poetics* 1 (1984).
- Roberts Graham. *The last Soviet Avant-garde. OBERIU — fact, fiction, metafiction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

REFERENCES

- Aristotel’. «Fizika». Aristotel’. *Sochineniya*: V 4 t. Т. 3. Москва: Mysl’, 1981.
- «Beseda s V. Podorogoj. K voprosu o mercanii mira». *Logos* 4 (1993): 139–150.
- Bibihin Vladimir. «Tochka». Bibihin Vladimir. *Drugoe nachalo*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2017.
- Blazhennyi Avgustin. *Ispoved’*. Moskva: Gendal’f, 1992.
- Chernavin Georgij. «“Редукция, если она есть”: феноменологическая фантастика Якова Друскина». *Vestnik russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* 1 (2020): 73–82.
- Dragomoshchenko Arkadij. «MESH». *Novoe literaturnoe obozrenie* 108 (2011): 225–227.
- Druskin Yakov. «Razgovory vestnikov». «...Sborishche druzej, ostavlennyh sud’boju». L. Lipavskij. A. Vvedenskij. Ya. Druskin. D. Harms. N. Olejnikov. «Chinari» v tekstah, dokumentah i issledovaniyah. Т. 1. Б. м., 1998а: 758–811.
- Druskin Yakov. «Zvezda bessmyslitsy». “...Sborishche druzej, ostavlennyh sud’boju”. L. Lipavskij. A. Vvedenskij. Ya. Druskin. D. Harms. N. Olejnikov. “Chinari” v tekstah, dokumentah i issledovaniyah. Т. 1. Б. м., 1998b: 549–642.
- Druskin Yakov. *Dnevnik*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt., 1999.
- Druskin Yakov. *Dnevnik*. 1963–1979, Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2001.
- Egorova Svetlana. *Antinomizm i dialektika v uchenii P. A. Florenskogo*. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Saratov, 2009.

- Feshchenko Vladimir. *Laboratoriya Logosa. YAzykovoĭ eksperiment v avangardnom tvorchestve*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009.
- Florenskij Pavel. «Mysl' i yazyk». Florenskij Pavel. *U vodorazdelov mysli*. T. 2. Moskva: Pravda, 1990: 109–338.
- Greppi Lukarelli Dzhuliya. «Aleksandr Vvedenskij. Samoubijstvo kak “begstvo k Bogu”». *Aleksandr Vvedenskij i russkij avangard*. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. Vvedenskogo. Sankt-Peterburg: RGPU im. A. I. Gercena, 2004: 83–87.
- Grechko Valerij. «V poiskah universal'noj grammatiki iskusstva: teoriya pribavochnogo elementa Kazimira Malevicha». *Iskusstvo suprematizma*. Belgrad: Izdanie filologicheskogo fakul'teta, 2012: 89–102.
- Grygar Mojmyr. «Teoriya “pribavochnogo elementa” Kazimira Malevicha». Grygar Mojmyr. *Znakotvorchestvo. Semiotika russkogo avangarda*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2007: 301–324.
- Hajdegger Martin. *Ponyatie vremeni*. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2021.
- Harms Daniil. «Elizaveta Bam». Harms Daniil. *Polet v nebesa*. Stih. Proza. Dramy. Pis'ma. Leningrad: Sovetskij pisatel' (Leningradskoe otdelenie), 1988: 175–205.
- Ichin Korneliya. «Vojna so smyslom vojny v tvorchestve Aleksandra Vvedenskogo». *Russkij avangard i vojna*. Belgrad: Filologicheskij fakul'tet, 2014: 167–177.
- Ichin Korneliya. «Kazimir Malevich: ekonomiya kak pyatoe izmerenie». *Logos* 6 (2019): 215–228.
- Ivanov Vyacheslav. «Zaum' i teatr absurda u Hlebnikova i oberiutov v svete sovremennoj lingvističeskoj teorii». *Mir Velimira Hlebnikova*. Stat'i. Issledovaniya (1911–1998). Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 2000: 263–278.
- Kukuj Il'ya. «“Uvazhaj nishchie mysli”: poetičeskij asketizm Aleksandra Vvedenskogo». *Izobilie i askeza v russkoj literature*. Stolknoveniya. perekhody, sovpadeniya. Pod red. J. Herl'ta, K. Candra. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020: 239–254.
- Kuzanskij Nikolaj. «Prostec ob ume». Kuzanskij Nikolaj. *Sochineniya*. V 2 t. T. 1. Moskva: Mysl', 1979: 385–444.
- Lipavskij Leonid. «Razgovory». «...Sborishche družej, ostavlenykh sud'boyu». L. Lipavskij. A. Vvedenskij. Ya. Druskin. D. Harms. N. Olejnikov. «Chinari» v tekstah, dokumentah i issledovaniyah. T. 1. B. m., 1998: 174–254.
- Mejlah Mihail. «Semanticheskij eksperiment v poetičeskoj reči». *Russian literature* 4/VI (1978): 389–395.
- Mejlah Mihail. «Primečaniya». Vvedenskij Aleksandr. *Polnoe sobranie proizvedenij*. V 2 t. T. 1. Moskva: Gileya, 1993: 223–284.
- Menshikov Andrey. “Time, Moment, Eternity: Hieroglyphs and Meditations in Yakov Druskin's Philosophy”. *Changing, Societies & Personalities* 2 (2021): 252–266.
- Milner-Gulland Robin. ““Kovarnye stikhi”: Notes on Daniil Kharms and Aleksandr Vvedensky”. *Essays in Poetics* 1 (1984).
- Revzina Ol'ga. «Kachestvennaya i funkcional'naya harakteristika vremeni v poezii A. I. Vvedenskogo». *Russian Literature* 4/VI (1978): 397–401.
- Rezvyy Tat'yana. «Antinomii vremeni u A. Vvedenskogo». *Logos*. 3 (2014): 67–94.
- Roberts Graham. *The last Soviet Avant-garde. OBERIU — fact, fiction, metafiction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Rudnev Vadim. *Enciklopedičeskij slovar' kul'tury XX veka*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2017a.
- Rudnev Vadim. *Protiv Istiny*. Moskva — Sankt-Peterburg: Dobrosvet, 2017b.
- Rymar' Andrej. «Syuzhet perezhivaniya v “Nekotorom kolichestve razgovorov” A. Vvedenskogo». *Filologičeskie zapiski*. Vyp. 20. Voronezh, 2003: 152–157.
- Rymar' Andrej. «Tekstovye strategii Aleksandra Vvedenskogo na primere analiza “Nekotorogo kolichestva razgovorov”». *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii*. Vyp.1 (4), 2006. Filologiya, filosofiya. Samara, 2006: 316–328.
- Tatarinova Ol'ga. «Principy apofaticheskoj poetiki v tvorčestve A. Vvedenskogo». *Teoriya i praktika obščestvennogo razvitiya* 7 (2011): 357–359.
- Tokarev Dmitrij. *Kurs na hudshee: absurd kak kategorija teksta u Daniila Harmsa i Semyuelya Bekketa*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.
- Vvedenskij Aleksandr. *Polnoe sobranie proizvedenij*. V 2 t. Moskva: Gileya, 1993.
- Zhakkar Zhan-Filipp. «“Cisfinitum” i Smert'». *Absurd i vokrug*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004: 75–91.

Корнелија Ичин

ПРОЛЕГОМЕНЕ УЗ *ОДРЕЂЕНУ КОЛИЧИНУ РАЗГОВОРА* А. ВЕДЕНСКОГ

Резиме

У раду се истражује логика мишљења Веденског, који одбацује Аристотелову логику и изражава сумњу у могућности језичког дефинисања постојања. «Песничка критика разума» Веденског показана је на примеру *Одређене количине разговора*, где се открива дубља повезаност између речи од оне која је задата логичким мишљењем. Представљен је нови модел комуникације, који није изграђен на односу субјекат — субјекат, већ на односу субјекта према објектима земаљског света, као што су звезде, камење, планине, море, рибе, птице, инсекти, дрвеће.

Кључне речи: А. Веденски, *Одређена количина разговора*, критика силогизма, неразумевање, време.

Ефим Курганов
Университет в Хельсинки
abulafia@list.ru

Efim Kurganov
University of Helsinki
abulafia@list.ru

ВЛАДИМИР НАБОКОВ И *КНИГА ЕНОХА*

VLADIMIR NABOKOV AND *THE BOOK OF ENOCH*

В статье раскрывается история палестинского географического названия «Ардис», которое Владимир Набоков использовал в своем романе *Ада*. Как удалось теперь доказать, писатель доверился одной переводческой ошибке. Гора Хермон в Палестине никогда не имела вершины под названием Ардис.

Ключевые слова: роман *Ада*, Владимир Набоков, Ардис, *Книга Еноха*, Хермон, Василий Розанов.

The article reveals the history of the Palestinian geographical name «Ardis», which Vladimir Nabokov used in his novel *Ada*. As we now managed to prove, the writer relied on one translation mistake. Mount Hermon in Palestine has never had a peak called Ardis.

Keywords: The novel *Ada*, Vladimir Nabokov, Ardis, *The Book of Enoch*, Hermon, Vasily Rozanov.

Что такое Ардис?

Что такое Ардис? Казалось бы на этот вопрос ответить чрезвычайно легко? Так назвал свое издательство Карл Проффер, большой знаток русской литературы и особенно Владимира Набокова, автор книги *Ключи к «Лолите»* и, кстати, комментариев к роману Набоков а *Ада*, целиком посвященных русским подтекстам романа.

Но тут неизбежно возникает второй вопрос: а почему все-таки Карл Проффер именно так назвал свое издательство. И на этот вопрос ответить как будто довольно легко. Д. Бартон Джонсон в послесловии к русскому переводу «Ключей к «Лолите» отметил: «Издательство было названо “Ардис” — по имени семейного поместья из набоковской “Ады”...» (Джонсон 2000: 300). Свидетельство это важно, конечно, но оно только фиксирует очевидный факт, никак его не объясняя.

Почему это название семейного поместья было так важно для Набокова, ведь Ардис стал центральной точкой романа *Ада*. Почему это название было столь важно для Набокова, на что и обратил пристальное внимание Карл Проффер?

Прежде всего так и хочется предположить, что это обыгрывание (а Набоков ведь обожал игру в культурно-звуковые ассоциации, а зачастую и символические перетасовки слогов и слов) понятия «Парадиз». Между прочим, набоковеды считают так и по сей день. Брайан Бойд, например, в своей монографии об *Аде* пишет: «Для Вана и Ады Ардис кажется подлинным раем, что подтверждает и самое слово “Ардис”...» (Boyd 1985: 127)¹.

Однако все оказывается гораздо неожиданней той схемы, за которую уцепились набоковеды, упорно соотносящие ардисовский сюжет романа с канонической Библией и упорно игнорирующие то обстоятельство, что были ведь еще и популярнейшие апокрифические тексты, сопровождавшие библейский канон.

Все дело в том, что Ардис это известное из апокрифа географическое название одного совершенно определенного места, а именно того самого места, где ангелы когда-то были прокляты Богом и превращены в демонов.

А именно Ардис — это одна из вершин горы Хермон в Палестине, на которой ангелы когда-то совокуплялись с земными женщинами. Этот мотив падения ангелов был подробнейшим образом сюжетно развернут в апокрифической *Книге Еноха*, которая весьма популярна была некогда на Руси, довольно-таки поздно попав в славянский индекс отреченных книг (еще в шестнадцатом столетии она включалась в Четьи-Минеи).

Вовсе не отрицая необходимость обращения для понимания *Ады* к каноническим книгам Ветхого Завета, хочу все же заметить, что, помимо этого, крайне важно учитывать так называемые «отреченные книги», и в частности, *Книгу Еноха*. Это нужно сделать хотя бы для того, чтобы разгадать загадку Ардиса. Все дело в том, что обращение исключительно к Ветхому Завету и к образам Адама и Евы никоим образом не способствует окончательному решению этой загадки.

Итак, *Книга Еноха*. Начиная с 1859-го года фрагменты так называемого *Славянского Еноха* печатались многократно (рукописей сохранилось великое множество, и они не только на русском были, но еще и на болгарском и сербском). А в 1872-м году в Казани вышла обстоятельная книга И. Я. Порфирьева *Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях*, в которой содержался пересказ довольно подробный *Книги Еноха*.

Кроме того, в Казани же в 1888-м году вышел перевод Книги Еноха с немецкого (на основе эфиопской версии, самой подробной и полной), сделанной священником А. Смирновым.

¹ См. также итоговое заключение Брайана Бойда из его обзорной статьи об *Аде*, вошедшей в издание *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* (это своего рода набоковская энциклопедия): «Ардис Вана и Ады — это пародия рая, а они сами — новые Адам и Ева» (*The Garland Companion to Vladimir Nabokov* 1995: 16).

Очень возможно, что какие-то из этих изданий вполне могли попасть в поле зрения молодого Набокова и осесть в его памяти.

При этом я совсем не уверен, что Набокову были доступны подробнейшим образом откомментированные оксфордские издания как эфиопской, так и славянской версии Книги Еноха (*The Book of Enoch* 1893; *The Book of the Secrets of Enoch* 1896). Собственно, издания профессора Дилльмана Набоков точно не знал, а оно самое авторитетное и достоверное. Потом это станет нам очевидно, что не читал. Полагаю, писатель в этом плане пользовался книжными ассоциациями своей юности, когда ему могли попасться издания И. Порфирьева и А. Смирнова, знакомясь с которыми он и набрел на слово Ардис.

И еще одно изложение *Книги Еноха* считаю нужным сейчас упомянуть.

В цикле очерков Василия Розанова «Юдаизм», печатавшихся в журнале *Новый путь*, обстоятельно цитируется *Книга Еноха*, в том числе и то место, где говорится, то ангелы совокуплялись с земными женщинами в Ардесе, на вершине горы Хермон: «Есть у евреев апокрифическая книга — патриарха Еноха, и там эта краткая запись Библии раздвинута в более подробное сказание. Приведем и его: «Когда люди размножились и стали рождаться у них видные из себя и прекрасные лицом дочери, то ангелы, сыны неба, увидев их, воспылали к ним любовью и сказали: «Войдем. Выберем себе жен из дочерей человеческих и произведем с ними детей»... Число их было двести: они спустились на Ардис, вершину горы Армона... Они взяли себе жен, каждый по своему выбору; они вошли к ним и жили с ними, и научили их волшебству, заклинаниям и употреблению корней и трав. Один из них, Азвзел, научил людей делать мечи, ножи, щиты и панцири; он же научил их делать зеркала, браслеты и украшения, а также употреблению румян, подкрашиванию бровей, употреблению драгоценных камней, изящного вида и цвета, так что мир совершенно преобразился» (цит по: Розанов 1993: 195).

Об одной ошибке Владимира Набокова

Как было показано выше, называя центральную географическую точку своего романа *Ада* именем «Ардис», Владимир Набоков отнюдь не прибежал к содействию изоощренной своей фантазии. Слово «Ардис» он извлек из исторического источника, в котором оно было всего лишь один раз упомянуто. И больше до Набокова нигде ни разу не упоминалось.

Этот источник — ветхозаветный апокриф *Книга Еноха*, судьба которого сложилась очень не просто. Сохранилось множество версий (был даже *Славянский Енох*, X–XI вв. христианской эры), но все они довольно-таки поздние.

Самая древняя версия *Книги Еноха* — эфиопская и сейчас объясню — почему. Все дело в том, что в эфиопской христианской церкви *Книга Еноха* входила в библейский канон. В общем, в период между IV и VI веками до хр. эры *Книга Еноха* была переведена с греческого на эфиопский.

Видимо, одно из этих изданий и попало на глаза Владимиру Набокову, где он и набрел на название «Ардис». Судя по всему, писатель проигнорировал разыскания немецкого библеиста и эфиоптолога Августа Христиана Дильмана (1823–1894). Между тем, сей Дильман сравнивал разные эфиопские копии *Книги Еноха* и обнаружил множество ошибок, допущенных английским переводчиком. В 1851 году он выпустил точную эфиопскую версию, в 1853 году — немецкий перевод, а в 1893-м — английский перевод *Книги Еноха*. Набоков как видно все эти издания выпустил из виду.

Расскажу об одной ошибке английского переводчика Лоуренса, которая была раскрыта Дильманом. Последний написал, что гора Хермон в Палестине никогда не имела вершины под названием Ардис. Это название было упомянуто один раз в эфиопской *Книге Еноха* благодаря ошибке переводчика. Енох был сын Иареда. И в переводе «слово Иаред» слилось с началом другого слова «ис», и в результате получилось «Иаредис» — Ардис. Таково объяснение профессора Дильмана, данное появлению в *Книге Еноха* слова «Ардис». Впоследствии это объяснение пересказал на русском языке протоирей А. В. Смирнов: «Гора Ермон никогда не имела вершины по имени Ардис. По остроумному объяснению Дильмана такая небывалая вершина появилась в Эфиопской книге Еноха благодаря ошибке переводчика» (Смирнов 1888: 135). Однако издание А. В. Смирнова не оказалось в поле зрения Владимира Набокова.

Через много лет после смерти Дильмана и Смирнова в пещерах Кумрана были обнаружены рукописи секты ессеев, в том числе и фрагменты *Книги Еноха*. Вот фрагмент, который был ненароком испорчен эфиопским переводчиком: «Тогда все они (ангелы — *Е. К.*) поклялись и дали обязательство. Их всех было двести, спустившихся во дни Иареда (отца Еноха — *Е. К.*) на вершину горы Хермон, и они называли эту гору Хермон...» (Тантлевский 2002: 112).

Так что, полагаю, Ардиса никакого и не было вовсе. Ангелы слетались на вершину горы Хермон, где совокуплялись с земными женщинами, за что были прокляты и превращены в демонов. Название же вершины горы Хермон в *Книге Еноха* вообще не было указано.

Прекрасный набоковский «Ардис» возник из ошибки древнего переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

- Джонсон Бартон. «Послесловие к русскому изданию “Ключей к «Лолите»” Карла Проффера». Проффер Карл. *Ключи к «Лолите»*. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000.
- Розанов Василий. «Юдаизм». *Тайна Израиля*. Санкт-Петербург: София, 1993.
- Смирнов Александр. *Книга Еноха*. Историко-критическое исследование, русский перевод и объяснение апокрифической книги Еноха. Казань, 1888.
- Тантлевский Игорь. *Книга Еноха*. Москва — Иерусалим: Мосты культуры — Гешарим, 2002.
- Alexandrov Vladimir (ed.). *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York — London: Garland Publishing, 1995.

- Boyd Brian. *Nabokov's "Ada". The place of consciousness*. Ann Arbor: Ardis, 1985.
- The Book of Enoch*. Translated from professor Dillmann's ethiopic text, emended and revised in accordance with hitherto uncollated mss. and with the Gizeh and other greek and latin fragments which are here published in full. Edited with introduction, notes, appenices and indices by R. H. Charles. Oxford, 1893.
- The Book of the Secrets of Enoch*. Translated from the Slavonic by W. R. Morfiil and edited, with introduction, notes and indices by R. H. Charles. Oxford, 1896.

REFERENCES

- Alexandrov Vladimir (ed.). *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York — London: Garland Publishing, 1995.
- Boyd Brian. *Nabokov's "Ada". The place of consciousness*. Ann Arbor: Ardis, 1985.
- Dzhonson Barton. "Posleslovie k ruskomu izdaniyu 'Klyuchej k Lolite' Karla Proffera". Proffer Karl. *Klyuchi k "Lolite"*. Sankt-Peterburg: Simpozium, 2000.
- Rozanov Vasilij. "Yudaizm". *Tajna Izrailya*. Sankt-Peterburg: Sofiya, 1993.
- Smirnov Aleksandr. *Kniga Enoha*. Istoriko-kriticheskoe issledovanie, russkij perevod i ob'ya-snenie apokrificheskoj knigi Enoha. Kazan', 1888.
- Tantlevskij Igor'. *Kniga Enoha*. Moskva — Ierusalim: Mosty kul'tury — Gesharim, 2002.
- The Book of Enoch*. Translated from professor Dillmann's ethiopic text, emended and revised in accordance with hitherto uncollated mss. and with the Gizeh and other greek and latin fragments which are here published in full. Edited with introduction, notes, appenices and indices by R. H. Charles. Oxford, 1893.
- The Book of the Secrets of Enoch*. Translated from the Slavonic by W. R. Morfiil and edited, with introduction, notes and indices by R. H. Charles. Oxford, 1896.

Јефим Курганов

ВЛАДИМИР НАБОКОВ И КЊИГА ЕНОХА

Резиме

У овом чланку се открива историја палестинског географског назива «Ардис», које Владимир Набоков користи у роману *Ада*. Као што смо успели да докажемо, писац је поверовао у једну преводилачку грешку. Планина Хермон у Палестини никада није нимала врх под називом Ардис.

Кључне речи: роман *Ада*, Владимир Набоков, Ардис, *Књига Еноха*, Хермон, Василиј Розанов.

Рита Джулиани
Римский Университет «Сапьенца», Италия
giulianir@tiscali.it

Rita Giuliani
Sapienza — University of Rome (Italy)
giulianir@tiscali.it

ОБРАЗЫ ИТАЛИИ П. П. МУРАТОВА — ЕДИНСТВЕННЫЙ
В СВОЕМ РОДЕ ШЕДЕВР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

PAVEL MURATOV'S *OBRAZY ITALII* — A UNIQUE MASTERPIECE
OF RUSSIAN LITERATURE

В статье анализируется жанровое своеобразие шедевра Павла Муратова *Образы Италии* (1911–1912), которое сделало его книгу уникальным явлением современной русской литературы. Счастливо соединяя в себе тенденции различных литературных жанров, произведение Муратова разительно отличается от текстов, формирующих корпус русско-итальянского травелога, блеском и отточенностью стиля, лиризмом, обширными познаниями автора в истории искусства. Опираясь на образцы английской эстетической критики, Муратов, «русский европеец», обладающий ренессансной многогранностью мышления, наследник традиции русской италофилии, обогатил русскую и европейскую литературу оригинальнейшим произведением, которое стало одним из самых выразительных явлений так называемого «русского Ренессанса» начала XX в.

Ключевые слова: П. П. Муратов, *Образы Италии*, уникальность, русский Ренессанс.

The article analyzes the genre peculiarities of Pavel Muratov's masterpiece, *Obrazy Italii* (*Images of Italy*, 1911–1912), that render the book unique in Russian literature of the time. As a successful hybridization of various literary genres, the work stands out from contemporary Russian counterparts for its brilliant incisive style, lyricism, and competence in the study of art history. Drawing on models of English aesthetic criticism, the 'Russian European' Muratov, a man of Renaissance versatility and heir to the tradition of Russian Italophilia, leaves to Russian and Western culture a very original work that is one of the most representative cultural events of the so-called 'Russian Renaissance' of the early 20th century.

Keywords: P. P. Muratov, *Obrazy Italii*, uniqueness, 'Russian Renaissance'.

Павел Муратов (1881–1950) — человек многосторонних интересов, писатель, искусствовед, переводчик, публицист, военный историк — обя-

зан своей славой прежде всего книге *Образы Италии*, самому знаменитому и самому оригинальному его произведению. Шумный успех вышедшей в 1911–1912 гг. в двух томах книги был обусловлен и высочайшими художественными достоинствами ее текста, и тем чарующим воздействием, которое книга имела на русского читателя, влюбленного в итальянскую тему русской литературы на протяжении всего классического периода ее развития. Сразу вслед за первым вышло второе издание книги (1912–1913), а в 1924 г. издательство русского эмигранта в Берлине З. И. Гржебина выпустило и третье, полное издание *Образов* в 3-х томах¹.

Появление *Образов Италии* стало событием в русской культуре этого времени. Книга дала мощный импульс русской культуре: она вольно или невольно воспитывала и развивала эстетический вкус читателя и способствовала «перечитыванию» Италии в свете картин и внезапных озарений ее автора². Такому успеху способствовала и абсолютная жанровая новизна произведения, чье своеобразие принципиально несводимо к известным и мгновенно идентифицируемым жанровым традициям: в зачине предисловия сам автор подчеркнул особенности ее жанра: «Эта книга является опытом изображения Италии: ее городов и пейзажей, ее исторического и художественного гения. Удержанные здесь образы Италии можно назвать также воспоминаниями» (Муратов 1911: 1). В 1993 г. В. Н. Гращенков в послесловии к *Образам Италии*, отметил, что «<...> давнюю литературную традицию путевых записок Муратов соединил с приемами английского художественно-критического эссеизма и методологическими достижениями нового европейского искусствознания» (1993: 313). И для лучшего понимания жанрового своеобразия книги Муратова тем более важно определить жанровые традиции, на которые он опирался, и выявить их конструктивные элементы.

Как известно, стиль и нарративные стратегии Муратова испытали влияние не столько русских образцов подобного жанра. В предисловии к первому изданию Муратов открыто назвал свои претексты: «<...> у английских писателей мне не только пришлось учиться Италии, но и учиться писать об Италии. Высокие примеры Дж. А. Симондса и Уолтера Патэра были у меня всегда перед глазами» (1911: 15). Эти писатели дали Муратову отсутствовавшие в русской литературной традиции новые формальные, композиционные и стилевые модели и своим авторитетом укрепили и без того свойственный личности Муратова эстетизм и предпочтительную склонность к отдельным эпохам итальянского искусства, таким как Кватроченто и искусство «примитивов»³. Именно из английской традиции Муратов почерпнул прием оригинальной контаминации разных жанровых тенденций. Тексты Патэра стали образцом блестящего и увлекательного

¹ Муратов 1924. В России это полное издание было опубликовано только после распада СССР: Муратов 1993–1994; Муратов 1994.

² См. Муратова 2014: 161; Панфилова 2015: 5–8.

³ Об английской эстетической критике, см.: Praz 2013: 199–329.

стиля — но от беспокойства и нервной дрожи викторианской эпохи английской культуры и самого Патера Муратов бесконечно далек. Из работ Вернон Ли в книгу Муратова пришла склонность к поискам и описанию «гения места». С английской эссеистикой Муратова роднит и молниеносная интуиция — но ее стиль, несколько графичный, ему чужд. И уж совсем отсутствует в стиле Муратова свойственная Симондсу одержимость эротикой.

Стиль Муратова отличается от стиля англосаксонской эстетической критики своей страстностью и солнечным энтузиазмом, как если бы он был защищен от декадентствующего эстетизма своих литературных претекстов самим «щитом» романтического итальянского мифа русской литературы. Его книга стала живительной русской прививкой к жанровой традиции и рафинированной чувствительности декаданса, гармоничным сплавом достоинств английской эстетической критики и мощной русской интенции вечных поисков истины.

И в том, что касается жанра травелога, которому писатель очевидно обязан, его образцы тоже восходят к европейской традиции: это Стендаль, Грегоровиус, Гёте. Итинерарий путешествия Муратова в первом издании воспроизводит, с некоторыми вариациями, канонический итинерарий так называемого Grand Tour. Беря свое начало в Венеции, он включает посещение Падуи, Феррары, Болоньи, Равенны, Флоренции⁴ и других тосканских городов, Рима и Кампаньи⁵, Неаполя, Помпей, Амальфи, Равелло, Пестума, Палермо и других городов и местностей Сицилии (Сираузы, Агригент, Этна). В издании же 1924 г. итинерарий расширен за счет посещения Умбрии (Ассизи, Перуджа) и — на севере Италии — Пармы, Милана и других городов Ломбардии. В результате итинерарий Муратова, представленный в третьем издании, почти полностью накладывается на маршрут Гёте, который, однако, отправившись из баварского Мюнхена, вступил в Италию через Трентино. Как и Гёте, Муратов «проскочил» Сорренто, руководствуясь достаточно своеобразными для русского путешественника критериями выбора. Как и для Гёте, и для многих интеллигентных поклонников Grand Tour, путешествие имеет для Муратова характер инициации, ведущей к более глубокому пониманию красоты и искусства. Эта инициация осуществляется посредством молниеносных озарений в дрящемся откровении красоты и истины искусства и жизни. И в отличие от своих нарративных моделей *Образы Италии* абсолютно современны и по своему увлекательному образному стилю, и по свободе нарратива от общепризнанных литературно-критических стереотипов.

С точки зрения профессиональной путешествия Муратова становится своего рода воспитательным романом — писатель возвращается из него зрелым и авторитетным искусствоведом. Путешествие становится лабора-

⁴ В первом издании отсутствует глава «Пленный дух», посвященная Микеланджело, и параграф о Понтормо в главе «Бронзино и его время».

⁵ В первом издании нет части, посвященной Лациуму, одной из самых прекрасных и оригинальных частей книги.

торией ученого, который апробирует в Италии свою компетентность, интуицию, видение искусства — и в контакте с шедеврами многих столетий вырабатывает собственную концепцию первоначал и эволюции художественных форм.

Говорить об образности применительно к историко-критическому этюду — это достаточно нетипично, поскольку образность — это неотъемлемое свойство поэзии. Образность стиля Муратова обладает теми самыми качествами, которые Роже Кайлуа считает неотъемлемым признаком поэтического образа: у нее есть собственная энергия, она «верна и предполагаема» и как бы колеблется между «очевидностью и неожиданностью» (Caillois 1946: 78). Словесная ткань текста пронизана неожиданными вспышками этой образности, которая абсолютно соответствует признакам, упомянутым Кайлуа: «и сама пыль спит крепким сном, и ветер напрасно будит ее» (Муратов 1993–1994: Т. 1, 226). Желая придать своему стилю эту образность, писатель постоянно использует технику экфрасиса, применяя ее не только к описанию произведений невербальных искусств, но и к описанию видов, пейзажей, к воссозданию словесных портретов воображаемых или реально встреченных людей. Его манера письма имеет достоинство живописности, его хроматическая гамма обладает яркостью и насыщенностью цвета. Посредством образов он передает ощущение, чувство, очарование, ауру и дух посещаемых местностей, тем самым давая доказательство экстраординарной творческой и миметической силы своего воображения.

Грандиозную и гармоничную картину создает искусное сочетание образов, будь то лаконичная метафора («Даже акведуки жгутся здесь стадами, бегущими через пространства» — о Римской Кампанье; Там же: Т. 2, 100) или массовая сцена, жанровая картинка или описание памятника, пейзаж или биографический набросок, исторический эпизод или адресация к эмоциям. Визуальный компонент текста книги силен до степени самодостаточности, так что иллюстрации представляются драгоценным, но не строго необходимым дополнением к тексту. Образы вовлекают в рецепцию текста не только зрение, но и другие ощущения: обоняние, осязание, слух и даже вкус. Субъективно-личностный критерий их отбора и тот факт, что в основу книги легли воспоминания и впечатления путешествия, столь частотные в ее нарративе, позволяют рассматривать ее жанровую специфику на фоне автобиографических жанров — таких, как мемуарная литература и «эссеистика», и говорить об автобиографизме Муратова, подразумевая под этим термином метод писателя, переносящего в текст субъективные переживания (Медарич 1998: 5–6).

В статье 1926 г. «Искусство прозы», излагая свою собственную теорию прозы, Муратов определил особенности так называемого «эссеизма». Согласно его суждению, историки, путешественники, мемуаристы, «эссеисты» сопрягают в своих произведениях «прозу повествовательную и описательную» и «кажутся нам уже совсем “художниками” по мастерству и изяществу языка, <...> “эссеисты” вообще доказывают, что мысль может

быть таким же элементом художественного делания, как и слово» (Муратов 1926: 241). И в частности, «всякий мемуарист стремится восстановить былое, воскресить жизнь. В рассказе его должна быть для этого особая степень жизненной *заразительности*» (Там же. Курсив Муратова). Этот критерий — «заразительность» — Муратов унаследовал от Толстого, утверждавшего в статье «Что такое искусство?»: «Признак, выделяющий настоящее искусство от поддельного, есть один несомненный — заразительность искусства» (Толстой 1951: 148).

Все эти нарративные элементы легко обнаружить в *Образах Италии* — специфика муратовской манеры повествования самым счастливым образом предвещает его же собственную теорию прозы.

В книге Муратова ясности и тонкости образов сопутствует точность выражений, особенно это очевидно в финальных фрагментах глав: «Судьба заставила искусство сказать последнее слово в Риме гравюрами Пиранези. Содержанием этого последнего из процветавших в Риме великих искусств был пафос разрушения» (Муратов 1993–1994: Т. 2, 96); «маска, свеча и зеркало: вот образ Венеции XVIII века» (Там же: Т. 1, 64).

Сверкающий веер образов скреплен как печатью негромким титулом, почти что формулой скромности (*topos modestiae*). И тем не менее, этот титул весьма пронизателен, поскольку он освобождает автора от традиции записок-воспоминаний об итальянском путешествии и предзнаменует дистанцирование от жанра травелога, обнаруживая желание автора, руководствующегося собственными критериями выбора мест и произведений искусства, предложить читателю не столько систематическое изложение темы в ее полноте, сколько свою на нее точку зрения. Так, например, в части книги, повествующей о Риме, Муратов посвящает главу Мелоццо да Форли, но обходит молчанием творчество Караваджо.

Любовь Муратова к Италии заключена в тот период русской культуры начала XX в., в котором итальянский миф снова расцвел по всей Европе, будучи оживлен исследованиями по истории итальянского искусства таких писателей и ученых как Буркхард, Вёльфлин, Ампер, Вернон Ли, Патер, Беренсон, Вентури, Симондс.

Муратов смотрит на Италию под индивидуальным углом зрения, нетипичным для русской литературы той эпохи. В Италии он ищет следов гения нации, которым созданы бессмертные произведения искусства и дана жизнь культуре, оживившей Западную Европу. Он ищет и воссоздает дух минувших времен, закрепленный и сохраненный в различных художественных формах. В искусстве и в народной жизни Италии он выше всего ценит гармонию и витальность. Он любит бурлящую и бьющую через край жизнь народа — более всего это очевидно в главе, посвященной Неаполю, в которой Муратов возрождает традицию романтического неаполитанского мифа о «лаццарони»⁶ и не касается современной полнокровной неапо-

⁶ Об образе Неаполя в русской литературе эпохи романтизма, см. Лебедева, Янушкевич: 2014.

литанской культуры за исключением нескольких строк, повествующих о народном театральном искусстве. Для него простой необразованный народ является носителем естественности не тронутого цивилизацией «италийского гения». Эта убежденность может показаться слишком руссоистской, но не забудем и о том, что в те времена около 70% итальянцев были неграмотными.

Муратов видит и переживает Италию как противоядие от торжествующей серости современности, как миф европейской интеллигенции о красоте и радости жизни. В Италии ему дорого всё: в каждом городе и местности, им посещенной, он ищет того, что уверило бы его в незыблемости их уникальной самоидентичности, отличающей эти места от общеитальянского контекста. И для каждой местности он находит особые слова и чувства. Встреча с Италией погружает его в солнечную эйфорию, приглушающую «русское уныние» и оставляющую лишь легкую вуаль меланхолии, которая временами окутывает повествование и провоцирует особую приверженность автора, иной раз склонного очаровываться упадком, к поэзии руин и к любовным описаниям закатов и переживанию магии вечера.

Казалось бы, жизнь современной Италии не должна быть видна под этим специфическим углом зрения, но это не так: паломник-любитель искусства неожиданно являет себя внимательным наблюдателем жизни молодой итальянской нации, способным уловить такие аспекты общественной жизни и политики, которые как правило остаются в тени у других русских литераторов, оставивших воспоминания о своих путешествиях по Италии. Муратову же принадлежат наблюдения, актуальные и для наших дней и временами даже пророческие. По поводу жизни Рима он замечает: «Строительная лихорадка кажется хронической болезнью новой Италии парламентов и муниципалитетов. Новые кварталы вырастают в Риме с такой быстротой, которая мало оправдывается какими бы то ни было необходимостями» (Там же: Т. 2, 72). И далее клеймит урбанистические новшества нового политического режима, разрушающие классический облик Рима. В неаполитанской главе книги его суждение о каморре не утратило своей актуальности и сегодня: «Неаполитанская каморра является, в сущности, установлением глубоко национальным. Она управляет городской жизнью при помощи преступлений. Действуя на воображение толпы, каморра завоевывает тем самым вечную популярность вместе с народным праздником и с народным театром» (Там же: Т. 2, 146).

Писатель не оставил в своей книге ни своего портрета, ни портретов своих спутников. Его облик, вырастающий из текста, не материален, а психологичен, эмоционален и духовно-интеллектуален. Этот облик не маркирован подчеркнутой «русскостью», а скорее какой-то неопределенной «северностью» («мы, северные люди...») и сближен с психологическим обликом человека той эпохи, которая утратила ценность самоидентичности, простоты и истины. Используя личное местоимение во множественном числе первого лица, Муратов разумеет под ним не столько себя и своих спутников, сколько свое поколение.

Предисловие, в котором писатель реконструирует эволюцию итальянского мифа русской литературы, откровенно адресовано соотечественникам; но не так обстоит дело с текстом книги: напротив, он предназначен для более широкого круга, он ориентирован на подразумеваемого читателя — просвещенного космополита, «европеиста», которому хорошо вняты постоянные отсылки к авторам и произведениям западноевропейской литературы, критики и науки.

Тем более необычным является тот факт, что Муратов, творец полных жизни итальянских пейзажей и рафинированных экфрастических описаний произведений искусства, практически не упоминает дорогих сердцу русского читателя пейзажей и произведений искусства, которые обрели бессмертие в произведениях русских художников и писателей. В его книге отсылки к русским реалиям вполне случайны (Степанов 2014) — положение вещей, абсолютно нетипичное для русско-европейского травелога, в котором явной или скрытой точкой отсчета и сопоставительным фоном неизменно является Россия. И в этом Муратов тоже предстает совершенно оригинальным — поскольку даже в Италии русских не оставляли мысли о далекой родине. Для Муратова, напротив, Италия дорога прежде всего тем, что она — своего рода лакмусовая бумага современного европейского типа сознания. И этим книга Муратова разительно отличается от итальянских мемуаров его современников — Василия Розанова, Бориса Зайцева, Бориса Грифцова, Николая Анциферова⁷, бледных по сравнению с *Обрами Италии*.

И все же *Образы Италии*, как кажется, не создали традиции в русской словесности: в сущности, книга Муратова так и осталась «другой» в русле художественно-критической литературы эпохи. И одну из причин этого феномена несомненно следует вменить в вину советскому режиму, который на 70 лет блокировал ее распространение в России — но не в эмигрантской среде, где, впрочем, она тоже осталась не столько образцом, сколько мифом⁸. Другой причиной стали радикальные перемены, последовавшие за Первой мировой войной, которая завершила эпоху, навсегда упразднив привычки, изменив ментальность и иерархию культурных ценностей. И, наконец, это изменения, которые произошли в послевоенной Италии, вставшей на путь модернизации и индустриализации, что тоже способствовало побледнению итальянского мифа. Но последней и главной причиной инакости *Образов Италии* на фоне русской и даже европейской эссеистики, очерковой традиции и литературы путешествий стало то, что книга Муратова была и остается недостижимым и неповторимым уникальным явлением.

⁷ В качестве наиболее показательных случаев отмечу: Розанов 1909; Осоргин 1913; Грифцов 1914; Зайцев 1999: 256–284 («Италия»: очерки, опубликованные в разных изданиях между 1954 и 1962 г.); Анциферов 2016 (Н. П. Анциферов был в Италии в 1910–1914 гг.).

⁸ В беседе с писателем В. Карпинским (2018: 33) И. Бродский именно так определил гений Муратова-эссеиста.

На фоне русской литературы нарратив *Образов Италии* явно выделяется своей оригинальностью: оригинальна прежде всего своеобычность гармонического сплава эрудиции, яркой художественности повествовательной манеры, которая не характерна для литературы путешествий, и безусловно общепризнанного эстетического вкуса. Оригинален язык Муратова, которым он излагает основы истории и теории искусства, язык бесконечно далекий как от терминологии, так и от банальности академических трудов, ориентированный на язык современной писателю западноевропейской художественной эссеистики. Оригинальны страсть, энтузиазм, лирические порывы, сердечный восторг и внушительное количество упоминаемых историко-литературных и критических претекстов. Оригинальна глубина интерпретации итальянского мифа и элементов, из которых он складывается: искусство, история, пейзажи, города, специфика «италийского гения», архаические первозданные черты которого были еще доступны Муратову и высоко ценимы им на фоне того, что происходило в других странах. И совершенно вне стереотипов травелога было то, что Италия стала для Муратова своего рода мастерской, в которой из паломника выковался искусствовед.

В попытке определить своеобразие нарративной манеры Муратова прибегну к иноязычным терминам. В этой связи можно говорить о *Stimmung* (настроение, нем.), объекте постоянного стремления Муратова в его страсти к познанию атмосферы и характера того или иного региона; о *genius loci* (гений места, лат.), глубинной прародительской энергии, которая определяет эти искомые характер и атмосферу; о *hanter* (в переносном смысле самозабвение, франц.) — термин, употребленный Марио Працем (2013: 304), которым он определил типологический признак повествовательной манеры Вернон Ли, свойственный также Муратову — то есть стремление позволить этой атмосфере овладеть душой, а душе — проникнуться ею, наконец, о непереводаемом *Sensucht* (нем.) — неудовлетворенной ностальгии и томлении по Италии, которые подобно *basso continuo* звучат за текстом Муратова.

Обращусь также к понятию, в сущности, довольно чуждому для русской литературы: Ренессанс. Действительно, темперамент и многогранность Муратова периодически определяются этим понятием (Остойя 2008; Сарыбьянов 2012): возможно, это и есть главная составляющая своеобразного стиля писателя, позволяющая, как утверждает Борис Зайцев, по неотъемлемому праву поставить его в один ряд с самыми крупными представителями того краткого расцвета русской культуры, который получил название русского Ренессанса и причислить его книгу к самым значительным произведениям этой золотой осени русской культуры: «В русской литературе нет ничего равного по артистичности переживания Италии, по познаниям и изяществу исполнения. Идут эти книги [*Образы Италии* — Р. Дж.] в тон и с той полосой русского духовного развития, когда культура наша, в некоем недолгом “ренессансе” или “серебряном веке”, выходила из провин-

циализма конца XIX столетия к краткому, трагическому цветению начала XX-го» (Зайцев 1999: 215–216).

«Чувствительный путешественник», искатель гения места и дуновения воздуха прошедших эпох, Муратов одновременно уловил и дух своего времени и своей литературно-художественной культуры, создав в *Образах Италии* гармоничный синтез наук и стилей, который как в зеркале отразил всепоглощающую жажду синтеза искусств, свойственную его эпохе. Благодаря этому своеобразному и счастливому синтезу, который позволил ему воссоздать минувшее, Муратов в совершенстве воплотил саму душу русской культуры первого десятилетия XX в. В настоящее время *Образы Италии* общепризнанно считаются своего рода квинтэссенцией утонченной русской культуры начала XX в., а их автор — ее классиком. Но при этом остается вопрос: как случилось то, что эта книга до сих пор не вошла в русский литературный канон (Джулиани 2019)?

Возникает и другой вопрос: если *Образы Италии* являются уникальным произведением русской словесности, что же в них специфически русского? Полагаю, что Муратова делает именно русским писателем неявная, но прочная связь с национальной культурной традицией. Его книга хранит генетическую память великого произведения, ознаменовавшего собой рождение новой русской литературы на рубеже XVIII и XIX в. *Письма русского путешественника* Н. М. Карамзина — тоже синтез разножанровых традиций эссеистики и литературы путешествий в автобиографическом повествовании — сформировали и воспитали вкус русского читателя. Кроме того, муратовское «чувство Италии», которое ознаменовано той же эмпатией и той же любовью вплоть до идеализации, заставляющей благосклонно относиться даже к национальным и местным недостаткам, вписывается в традицию русской литературы, идущую от Гоголя к Бродскому. Муратова, Гоголя и Бродского следует считать величайшими италифилами русской культуры; они не только проникновенно любили Италию, но и глубоко понимали ее и сумели избавить ее образ от вековых клише литературы, ей посвященной. Гоголевская пронзительность чувства и чувствительность в отношении к Италии, равно как и культ гармонии и красоты, делают Муратова глубоко причастным к самому сердцу, к самой душе русской культурной и литературной традиции. Скажу больше: *Образы Италии* — это самая прекрасная книга из всех, которые русская литература посвятила Италии.

Однако было бы неправомерно ограничивать значение *Образов Италии* только позицией в русской культуре, поскольку дыхание этой книги гораздо более мощно, так же, как и место, занимаемое ею в ряду великих книг об Италии, созданных западноевропейской словесностью⁹. В антоло-

⁹ *Образы Италии* были переведены на польский (Muratow 1972) и итальянский (Muratov 2019, Muratov 2021) языки. Английский перевод — в печати (Muratov 2022; Muratov 2021).

гии похвальных слов *Образам Италии* и той роли, которую книга Муратова сыграла в русской и европейской культуре, некоторые кажутся мне особенно значимыми. Уильям Аллен, английский друг писателя и соавтор его последних трудов исторического характера¹⁰, после смерти писателя в 1950 г. написал: «Павел Павлович сделал для России то, что сделали Рёскин и Патер для английской культуры»¹¹. А критик Клайв Джеймс пошел еще дальше, утверждая: «Как книга об итальянском Grand Tour [*Образы Италии — Р. Дж.*] не только непосредственно примыкают к традиции Гёте, Грегоровиуса, Буркхарда и Артура Симонса¹², но и превосходят эти книги» (2007: 527).

Европейский масштаб и ценность *Образов Италии* исчерпывающе определены архимандритом Киприаном: «“Образы Италии” — это одно из свидетельств великого прошлого России, один из последних лучей ее безвременного заката. Вышедшая незадолго до 14 года, она явилась каким-то прощальным приветом той неповторимой нашей просвещенности и утонченности, по которой мы были настоящими европейцами» (2008: 161).

И может быть, именно неповторимое своеобразие этой книги, невозможность отнести ее к какой-то канонической жанровой традиции, ее счастливая и поистине гениальная гетерогенность и послужили причиной того, что шедевр Павла Муратова, «русского европейца», до сих пор остается вне русского литературного канона.

ЛИТЕРАТУРА

- Анциферов Николай. *Отчизна моей души. Воспоминания о путешествиях в Италию*. Дарья С. Московская (сост.), Михаил Г. Талалай (ред.). Москва: Старая Басманная, 2016.
- Архимандрит Киприан (Керн). «“Образы Италии” Муратова». *Возвращение Муратова. От “Образов Италии” до “Истории кавказских войн”*. Герольд И. Вздорнов и Ксения М. Муратова (общ. ред.). Москва: Индрик, 2008: 160–161.
- Гращенко Виктор. «П. П. Муратов и его “Образы Италии”». Муратов Павел. *Образы Италии. Полное издание: В 3 т.* Виктор Н. Гращенко (ред., коммент. и послесл.). Москва: Галарт, Т. I. 1993: 290–314.
- Грифцов Борис. *Рим*. Москва: Типо-литорафия Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1914.
- Деотто Патриция. «Библиография П. П. Муратова». *Archivio italo-russo II/Русско-итальянский архив II*. Daniela Rizzi e Andrej Shishkin (a cura di). Salerno: Europa Orientalis, 2002: 365–394.
- Джулиани Рита. «Павел Муратов, или инерция литературного канона». *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. Т. 78, 2 (2019): 1–4.
- Зайцев Борис. «П. П. Муратов». Зайцев Борис. *Собрание сочинений: В 5 т.* Москва: Русская книга. Т. VI (доп). 1999: 214–220.
- Карпинский Войцех. «Разбойничьи книги и города. Часть вторая». *Новая Польша* 2 (2018): 33–36.
- Лебедева Ольга, Янушкевич Александр. *Образы Неаполя в русской словесности XVIII — первой половины XIX веков*. Salerno: Europa Orientalis, 2014.

¹⁰ О библиографии Муратова, см. Деотто 2002.

¹¹ Цит. по: Муратова 2014: 162.

¹² Среди источников *Образов Италии* упомянуто также творчество Артура Симонса.

- Медарич Магдалена. «Автобиография/автобиографизм». *Автоинтерпретация. Сборник статей*. Аскольд Б. Муратов и Людмила А. Иезуитова (ред.). Санкт-Петербург: изд. С.-Петербургского ун-та, 1998: 5–32.
- Муратов Павел. *Образы Италии*. Т. 1. Москва: Научное слово, 1911.
- Муратов Павел. *Образы Италии*, Т. I–III, Лейпциг [Берлин]: изд. З. И. Гржебин, 1924.
- Муратов Павел. *Образы Италии. Полное издание: В 3 т.* Виктор Н. Гращенко (ред., коммент. и послесл.). Москва: Галарт. Т. I. 1993; Т. II–III. 1994.
- Муратов Павел. *Образы Италии*. Василий М. Толмачёв (подгот. текста и послесл.). Москва: Республика, 1994.
- Муратов Павел. «Искусство прозы». *Современные Записки XXIX* (1926): 240–259.
- Муратова Ксения. «Павел Муратов и Италия». *Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском доме*. Андрей Б. Шишкин (ред.). Санкт-Петербург: изд. Пушкинского дома, 2014: 161–186.
- Остойя Вера. «О Муратове в последние годы его жизни». *Возвращение Муратова. От «Образов Италии» до «Истории кавказских войн»*. Герольд И. Вздорнов и Ксения М. Муратова (общ. ред.). Москва: Индрик, 2008: 162.
- Осоргин Михаил. *Очерки современной Италии*. Москва: Типо-литорафия Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1913.
- Панфилова Марина. «Образы Италии в культуре Серебряного века». *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение* 3 (19) (2015): 5–16.
- Розанов Василий. *Итальянские впечатления*. Санкт-Петербург: изд. А. С. Суворина, 1909.
- Сарабьянов Дмитрий. «Грани многополярного таланта». *Наше наследие* 104 (2012), <<http://nasledie-rus.ru/podshivka/10404.php>> 13.05.2021.
- Степанов Андрей. «Образы России в “Образях Италии” Павла Муратова». *Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском доме*. Андрей Б. Шишкин (ред.). Санкт-Петербург: изд. Пушкинского дома, 2014: 187–191.
- Толстой Лев. «Что такое искусство?». Толстой Лев. *Полное собрание сочинений: В 90 т.* Т. 30. Москва: Художественная литература, 1951: 27–203.
- Caillois Roger. *Vocabulaire esthétique*. Paris: Fontaine, 1946.
- James Clive. «Paul Muratov». James Clive. *Cultural Amnesia. Necessary Memories from History and the Arts*. New York-London: W. W. Norton & Company, 2007: 524–532.
- Muratow Pawel. *Obrazy Włoch*. Т. I–II. Pawel Hertz (tłum., przypis. i posł.). Warszawa: Państwowy Instytut Wyd.: 1972.
- Muratov Pavel. *Immagini dell'Italia*. Т. 1. Rita Giuliani (a cura di), Alessandro Romano (trad.) Katja Petrowskaja (saggio). Milano: Adelphi, 2019. Т. 2. Rita Giuliani (a cura di), Alessandro Romano (trad.). Milano: Adelphi, 2021.
- Muratov Pavel. *Images of Italy*. Xenia Muratova (pref.), J. Presto (introd.), Lena M. Lencek (transl., notes & afterw.). Evanston: Northwestern University Press, 2022.
- Muratova Xenia. «Overview of Muratov Studies and Activities of the “Centro Internazionale di Studi Pavel Muratov”». Rita Giuliani (a cura di). *Lecture Muratoviane III. Studi in memoria di Xenia Muratova / Третьи Муратовские Чтения. Сборник научных статей памяти К. М. Муратовой*. Roma: Lithos, 2021: 87–95.
- Praz Mario. Il patto col serpente. Paralipomeni di «La carne, la morte e il diavolo nella letteratura romantica». Milano: Adelphi, 2013.

LITERATURE

- Anciferov Nilokaj. *Otchizna moej dushi. Vospominaniya o puteshestiviyah v Italiyu*. Dar'ya S. Moskovskaya (sost.), Mikhail G. Talalay (red.). Москва: Staraya Basmannaya, 2016.
- Arhimandrit Kiprian (Kern). «“Образы Италии” Муратова». *Vozvrashchenie Muratova. Ot «Obrazov Italii» do «Istorii kavkazskih vojn»*. Gerol'd I. Vzdornov i Kseniya M. Muratova (obshch. red.). Москва: Indrik, 2008: 160–161.
- Caillois Roger. *Vocabulaire esthétique*. Paris: Fontaine, 1946.

- Deotto Patrizia. «Bibliografiya P. P. Muratova». *Archivio italo-russo II/Russko-ital' janskij archiv II*. Daniela Rizzi e Andrey Shishkin (a cura di). Salerno: Europa Orientalis, 2002: 365–394.
- Giuliani Rita. «Pavel Muratov, ili inerciya literaturnogo kanona». *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* T. 78, 2 (2019): 1–4.
- Grashchenkov Viktor. «P. P. Muratov i ego “Obrazy Italii”». Muratov Pavel. *Obrazy Italii. Polnoe izdanie: V 3 t.* Viktor N. Grashchenkov (red., komment. i poslesl.). Moskva: Galart, T. I. 1993: 290–314.
- Grifcov Boris. *Rim*. Moskva: Tipo-litografiya T-va I. N. Kushnerev i Ko, 1914.
- James Clive. «Paul Muratov». James Clive. *Cultural Amnesia. Necessary Memories from History and the Arts*. New York-London: W. W. Norton & Company, 2007: 524–532.
- Karpiński Wojciech. «Razbojnic' i knigi i goroda. Chast' vtoraya». *Novaya Pol'sha* 2 (2018): 33–36.
- Lebedeva Ol'ga, Yanushkevich Aleksandr. *Obrazy Neapolja v russkoj slovesnosti XVIII — pervoj poloviny XIX vekov*. Salerno: Europa Orientalis, 2014.
- Medaric Magdalena. «Avtobiografiya/avtobiografizm». *Avtointerpretaciya. Sbornik statej*. Askol'd B. Muratov i Lyudmila A. Iezuitova (red.). Sankt-Peterburg: izd. S.-Peterburgskogo un-ta, 1998: 5–32.
- Muratov Pavel. *Obrazy Italii*. T. I. Moskva: Nauchnoe slovo, 1911.
- Muratov Pavel. *Obrazy Italii*. T. I–III. Leipzig [Berlin]: izd. Z. I. Grzhebin, 1924.
- Muratov Pavel. «Iskusstvo prozy». *Sovremennye Zapiski* XXIX (1926): 240–259.
- Muratov Pavel. *Obrazy Italii. Polnoe izdanie. V 3 t.* Viktor N. Grashchenkov (red., komment. i poslesl.). Moskva: Galart, T. I. 1993; T. II–III. 1994.
- Muratov Pavel. *Obrazy Italii*. Vasilij M. Tolmachev (podgot. teksta i poslesl.). Moskva: Respublika, 1994.
- Muratow Pawel. *Obrazy Wloch*. T. I–II. Pawel Hertz (tłum., przypis. i posł.). Warszawa: Państwowy Instytut Wyd., 1972.
- Muratov Pavel. *Immagini dell'Italia*. T. 1. Rita Giuliani (a cura di), Alessandro Romano (trad.), Katja Petrowskaja (saggio). Milano: Adelphi, 2019. T. 2. Rita Giuliani (a cura di), Alessandro Romano (trad.). Milano: Adelphi, 2021.
- Muratov Pavel. *Images of Italy*. Xenia Muratova (pref.), J. Presto (introd.), Lena M. Lencek (transl., notes & afterw.). Evanston: Northwestern University Press, 2022.
- Muratova Xenia. «Overview of Muratov Studies and Activities of the “Centro Internazionale di Studi Pavel Muratov”». Rita Giuliani (a cura di). *Lecture Muratoviane III. Studi in memoria di Xenia Muratova/Tret'i Muratovskie Chteniya. Sbornik nauchnykh statej pamjati K. M. Muratovoj*. Roma: Lithos, 2021: 87–95.
- Muratova Kseniya. «Pavel Muratov i Italiya». *Obrazy Italii v Rossii — Peterburge — Pushkinskom dome*. A. B. Shishkin (red.). Sankt-Peterburg: izd. Pushkinskogo doma, 2014: 161–186.
- Osorgin Mihail. *Ocherki sovremennoj Italii*. Moskva: Tipo-litografiya T-va I. N. Kushnerev i Ko, 1913.
- Ostoja Vera. «O Muratove v poslednie gody ego zhizni». *Vozvrashchenie Muratova. Ot «Obrazov Italii» do «Istorii kavkazkih vojn»*. Gerol'd I. Vzdornov i Kseniya M. Muratova (obshch. red.). Moskva: Indrik, 2008: 162.
- Panfilova Marina. «Obrazy Italii v kul'ture Serebrjanogo veka». *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* 3 (19) (2015): 5–16.
- Praz Mario. Il patto col serpente. Paralipomeni di «La carne, la morte e il diavolo nella letteratura romantica». Milano: Adelphi, 2013.
- Rozanov Vasilij. *Ital' janskie vpechatleniya*. Sankt-Peterburg: izd. A. S. Suvorina, 1909.
- Sarab'yanov Dmitrij. «Grani mnogopoljarnogo talanta». *Nashe nasledie* 104 (2012), <<http://nasledie-rus.ru/podshivka/10404.php>> 13.05.2021.
- Stepanov Andrej. «Obrazy Rossii v “Obrazah Italii” Pavla Muratova». *Obrazy Italii v Rossii — Peterburge — Pushkinskom dome*. Andrey B. Shishkin (red.). Sankt-Peterburg: izd. Pushkinskogo doma, 2014: 187–191.
- Tolstoj Lev. «Chto takoe iskusstvo?». Tolstoj Lev. *Polnoe sobranie sochinenij: V 90 t.* T. 30, Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1951: 27–203.
- Zajcev Boris. «P. P. Muratov». Zajcev Boris. *Sobranie sochinenij: V 5 t.* Moskva: Russkaya kniga. T. VI (dop.). 1999: 214–220.

Рита Ђулијани

СЛИКЕ ИТАЛИЈЕ П. П. МУРАТОВА — ЈЕДИНСТВЕНО РЕМЕК-ДЕЛО
РУСКЕ КЊИЖЕВНОСТИ

Резиме

У чланку се анализира жанровска оригиналност ремек-дела Павла Муратова *Слике Италије* (1911–1912), које је његову књигу учинило јединственим феноменом савремене руске књижевности. Успешно комбинујући тенденције различитих књижевних жанрова, Муратовљево дело се упечатљиво разликује од текстова који чине корпус руско-италијанског путописа, сјајем и истанчаношћу стила, лиричношћу и опсежним знањима аутора из области историје уметности. Ослањајући се на примере из енглеске естетске критике, Муратов, „руски Европљанин“ са ренесансном свестраношћу мишљења, наследник традиције руске италофилије, обогатио је руску и европску књижевност најоригиналнијим делом, које је постало један од најупечатљивијих феномена такозване „руске ренесансе“ са почетка XX века.

Кључне речи: П. П. Муратов, *Слике Италије*, јединственост, руска Ренесанса.

Леонид Геллер
Лозаннский университет
hellerleonid5@gmail.com

Leonid Heller
Université de Lausanne
hellerleonid5@gmail.com

СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КЛАССИЦИЗМ, ИЛИ НЕКОТОРЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ О МЕСТЕ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

SOCIALIST REALIST CLASSICISM, OR SOME STATISTICAL OBSERVATIONS OF THE POSITION OF CLASSICAL HERITAGE IN SOVIET CULTURE

В статье предпринята попытка показать с использованием некоторых статистических данных, какое место занимает и как функционирует «классика» в системе социалистического реализма. Ставится вопрос, насколько правомерно сопоставление соцреализма с художественной системой классицизма (Синявский).

Ключевые слова: советская культура, соцреализм, литературная классика, издательская деятельность.

The article attempts to show, using some statistical data as illustration, the place and the functioning of the «classics» in the Soviet socialist realism. The relevancy of the analogy between the two systems (socialist realist and classicist), as proposed by A. Sinyavsky, is discussed.

Keywords: Soviet culture, socialist realism, literature classics, publishing.

I.

Цель данной статьи¹ будет достигнута, если удастся убедить читателя в том, что подход к социалистическому реализму, гигантской машине по производству советской культуры, требует большой осторожности и аналитической проницательности, ибо вопреки расхожему убеждению о ее одномерности, примитивности, машина была сложной и ее действие подчас парадоксальным.

¹ Статья является переработанным вариантом работы, опубликованной на французском языке: Heller 2014: 41–52.

Задача машины заключалась в распространении, по возможности широко, советской культурной продукции, равно как и в обеспечении ее максимального соответствия заданному образцу. Неоднократно провозглашая свою монополию на культуру, соцреализм никогда ее не установил в действительности, — либо не сумел, либо к ней не стремился: исследователю принадлежит делать выводы. В различные моменты истории «параллельная» культура продолжала существовать в нишах, более или менее сокрытых от глаза Великого Цензора. *Homo sovieticus*, советский человек, полностью овнешненный, доступный для манипулирования, оставался тем не менее ускользающей реалией. Его внутренняя жизнь — духовная, интеллектуальная, эмоциональная, — сопровождая традиционные или маргинальные практики, если не оказывала открытого сопротивления, то по крайней мере проявляла мощную инерцию, мешающую полной трансформации личности. Именно поэтому было бы неверным считать, что культура, выпускаемая машиной соцреализма, имела вид однородного товара, который равномерно и однообразно проникал во все закоулки советского пространственно-временного континуума.

Надо, однако, признать, что «диспозитив» (символико-функциональное устройство) социалистического реализма с его институциями, его передаточными каналами и сетями, его деятельностью занимал так много места в этом континууме, обладал столь значительной массой, что необходимым образом воздействовал на траекторию всех тел, находящихся поблизости, даже если не поглощал их всех целиком подобно космической черной дыре. Невозможно изучать культурную жизнь в Советском Союзе, не учитывая организации и функционирования соцреалистического диспозитива. И вместе с тем, часто случается, что схематическое и упрощенное представление затемняет его или попросту деформирует. Так объясняется мой призыв к осторожности.

Существует, в частности, тенденция резко противопоставлять образы советского мира и мира дореволюционной России. С такой точки зрения СССР видится *не-Россией*. Даже если он содержит долю истины, вряд ли постулат непроницаемого барьера между «интегративной» русской культурой и культурой советской, бинарной и дискриминационной, позволяет построить правильную концепцию последней; такая оппозиция ведет к пониманию соцреализма как некой вневременной эссенции, отрывает от разных моментов его развития, от истории. Мы же знаем изменчивость советской истории, сменяющие друг друга заморозки и оттепели, возвраты к оголтелому патриотизму или к любви к «*малой родине*», сокровенной и одухотворенной. Отношения культуры советской с другими бывали плодотворными — стоит только вспомнить такие явления, как мексиканская монументальная живопись, творчество американских деятелей искусства-коммунистов (отсылаю читателя к книге Эндрю Хемингуэя: Hemingway 2002), как поэзия Луи Арагона, Пабло Неруды или Назыма Хикмета. Искусство тех, кто пытался развивать свои собственные варианты социали-

стического реализма в странах народной демократии или в мировой среде попутчиков (от южноамериканских создателей «социального реализма» до японских коммунистов), не всегда заслуживает забвения.

Зачастую отношения, о которых идет речь, ограничивались безапелляционными предписаниями, адресуемыми партнерам, случались, однако, моменты послабления пограничного контроля, — тогда советские потребители культуры становились не менее падкими на западные продукты и модели, чем были когда-то жители Российской Империи.

Когда говорят о полной изоляции советского мира по отношению к Иному и к Зарубежному, я не могу не вспомнить о моих первых чувственных волнениях при чтении сказок Тысячи и одной ночи, *Трех мушкетеров* или натуралистических романов бразильца Жоржи Амаду²; о необычайных путешествиях то со Свифтом, с Жюль Верном, Майн Ридом, Стивенсоном, то с героями-полярниками Робертом Скоттом или Амундсенем, то с охотниками вроде Джима Корбетта³. О моем знакомстве с животными благодаря Эрнесту Томпсону Сетону⁴. О столкновении с миром чувств и социальных ритуалов у Гете, Бальзака или Флобера. Об открытии смешной и смеховой стороны действительности в произведениях Диккенса, О. Генри, Ярослава Гашека или же в притчах Ходжи Насреддина, рассказанных Леонидом Соловьевым (Соловьев 1956) в одной из моих любимых книг, когда мне было 10–12 лет.

Моя память сохранила воспоминания о волнах сменяющих друг друга увлечений: в 1940–1950 годы трофейные киноленты, конфискованные у немцев (вроде фильмов с Зарой Леандер) или подаренные американские *Тарзаны* с Джонни Вайсмюллером (Сулькин 2002); в 1960–1970 годы американская литература от Хемингуэя до Сэлинджера и Апдайка (Friedberg 1976: 519–583; Friedberg 1977), южноамериканский магический реализм (Кофман 1990), научная фантастика всего мира (Библиотека современной фантастики 1965–1973; Heller 1979).

Итак, такова моя исходная точка: советская культура была менее изолирована во времени и в пространстве, чем это принято думать. Можно даже утверждать, что социалистический реализм был введен в атмосфере открытости к Зарубежью. Арагон полагал, что «советские литературы» составляют прекрасную полифонию многочисленных культур и языков (Aragon 1959).

Символический факт: за период с мая по сентябрь 1934 года, когда готовился и проходил Первый съезд советских писателей, утвердивший понятие социалистического реализма, в СССР были организованы гранди-

² Бразильский писатель-коммунист, лауреат Международной Сталинской премии 1951 года.

³ Серия «Путешествия, Приключения, Фантастика», издававшаяся Географгизом с 1957 года, состояла в основном из переводных книг; в 1959 году в ней вышли книги знаменитого английского охотника Джима Корбетта *Кумаонские людоеды* (англ. издание 1944 года) и *Леопард из Рудрапраяга* (англ. издание 1947 года).

⁴ В русских изданиях: Эрнест Сетон-Томпсон.

озные торжества в ознаменование тысячелетия со дня рождения Фирдоуси, автора бессмертной поэмы *Шахнаме (Книга царей)* и празднования советско-персидского сближения (Волгин, Легран 1934; Бертельс Абу-Л-Касим 1935; Фирдоуси 1935 и др.), в которых приняли участие делегаты Съезда. Петр Павленко заявил по этому случаю (Павленко 1955), что СССР стал новой родиной героической эпопеи, главным представителем которой был персидский поэт (позднее его, как и Омара Хайяма, назовут таджиком, Низами азербайджанцем, а Навои узбеком). В некотором роде Павленко был прав. Кроме ряда академических изданий *Книги царей* (среди них шеститомник, вышедший между 1957 и 1989 годами), в СССР увидели свет более пятнадцати сокращенных изданий эпоса в переводах таких престижных переводчиков, как Михаил Лозинский и Семен Липкин, в том числе шесть изданий для молодежи, выпущенных огромными тиражами.

Где еще, в какой другой стране кроме Ирана, читатели могли претендовать на подобное знакомство с этим классиком Чужести, Инаковости?

Иной, Чужой, с его великим прошлым, принимается, вовлекается в ряды борцов за культуру для масс; при этом он, разумеется, советизируется, — и вместе с тем сохраняет, хотя бы частично, свое своеобразие и свою историческую и мифологическую глубину.

II.

О том, какое значение имела классика для формирования советской культуры, свидетельствует грандиозный проект, начатый Горьким уже в 1918 году: основанное им издательство «Всемирная литература» предусматривало выпуск 1500 томов главной серии и 2000 томов библиотеки для широкого читателя (см. «Всемирная литература» 1982: 119–120). После выхода 200 томов в 1924 году издательский план был передан издательству «Academia» (Острой 1969). Проект привел, по прежнему по инициативе Горького, к созданию в 1932 году Института мировой литературы, который приобретет международную репутацию в области античности, средневековья и востоковедения. Серия «Литературные памятники», насчитывающая свыше 600 томов, вышедших с 1947 года, и «Библиотека всемирной литературы» в 200 томах, выпущенных в 1967–1977 годах, составляют часть той же программы. Последняя существует по сей день, восходит же еще к дореволюционному времени, ибо горьковский проект продолжал серию «Памятники мировой литературы», начатую в 1910-е годы издательством братьев Сабашниковых (Белов 1974). Это культурное начинание, растянувшись более чем на столетие и продолжаясь сегодня, практически сводит советские годы к масштабу эпизода.

Из сказанного можно заключить, что отношения с внешним миром и с прошлым, всегда непростые, неустойчивые и конфликтные, подчиненные стратегическим соображениям, составляли во все эпохи главную ось культурной деятельности в СССР. Даже в самый разгар ждановских компаний, направленных как против «преклонения перед Западом», так и про-

тив «шовинистических» настроений и движений в союзных республиках (украинского, азербайджанского, таджикского и прочих национализмов), советская культура не забывала ни своей мечты, ни своей стратегии всемирности.

Проверим это заключение на других примерах.

Для того, чтобы проиллюстрировать «культурный день» эпохи Жданова, времени наибольшего советского изоляционизма и вершинной точки развития сталинского соцреализма, я взял наугад программы московских радиопередач и спектаклей из газеты «Известия» за 1 октября и за 30–31 декабря 1952 года⁵. Двенадцать спектаклей, показанных в Москве 1 октября, распределяются следующим образом: пять спектаклей по классическим русским пьесам, крупным (Островский, Толстой, Лесков) и мелким (водевиль Ленского); считающийся советской классикой балет (*Красный мак* Глиера); четыре театральные постановки по пьесам современных советских авторов (Лавренева, Симонова, Дьяконова, Хрусталева) и один-единственный спектакль по западной классике (инсценировка романа Диккенса *Домби и сын*); наконец, труппа Польской Национальной оперы представила в филиале Большого театра оперу *Галька* Станислава Монюшко, классику братской державы. По случаю Нового года 30 декабря спектаклей было больше, чем обычно: двадцать два, считая утренники и участие филиалов. Среди них, наряду с девятью новыми постановками, мы видим семь классических русских пьес, другую оперу того же Монюшко, а также «Аиду» Верди и четырех других западных авторов: Лопе де Вега (*Изобретательная влюбленная*), Шекспира (*Отелло*), Теодора Драйзера (инсценировка романа *Американская трагедия*), а также, как ни странно, законченного декадента Оскара Уайльда с его *Идеальным мужем*. Добавлю, что 31 декабря по телевизору шла *Дама-невидимка* Кальдерона. Мы видим, что под свинцовой крышкой, которой накрыл культурную жизнь этот страшный год, наряду с тщательно отсеянным русским наследием вполне ощутимо и присутствие внешнего мира в виде подборки из зарубежной классики.

Более того: пример показывает, что выход к внешнему миру отнюдь не исключается из советской системы ценностей, он оказывается даже наверху ее шкалы, являясь привилегией, которая предоставляется «массам» в качестве вознаграждения или праздничного подарка.

Для большей убедительности этих наблюдений отсылаю читателя к издательской статистике (см. «Советская книга за 35 лет» 1952; «L'édition littéraire en URSS» 1954) (см. выдержки в Приложении), перечисляющей авторов в порядке количества вышедших названий, числа языков перевода и тиража. Если допустить, что предлагаемая издателями таблица приближается к реальности, то можно сравнить картину издания знаменитых российских авторов до и после революции и констатировать постоянство

⁵ Ксерокопии программ раздавались во время конференции и не могут быть включены в данную статью из-за их объема.

интереса к классике. Можно оценить место иностранных авторов в пейзаже советской книги и перечень самых популярных авторов. Замечу в скобках, что этот перечень красноречиво говорит нам об одной из причин, по которой при толковании приведенных цифр требуется осмотрительность: первые места занимают многотиражные писатели, авторы сказок (братья Гримм, Перро, Андерсен) или рассказов для детей (Лондон, Жюль Верн, Уэллс, Сетон Томпсон). Принятый количественный принцип способствует любым манипуляциям, и ждановская цензура свободно черпает из числа западных авторов. Так, список американских писателей, насчитывающий десяток имен, в том числе три современных (Говард Фаст, Альберт Мальц, Митчелл Уильсон), отодвигает на далекие, незаметные места такие имена, как Дос Пассос или Хемингуэй, хотя они были необычайно популярны в СССР в тридцатые годы. Отметим как очевидность, что в списках авторов по странам преобладают «настоящие» классики, от Вольтера по Гете, не забывая Свифта, Дефо и Диккенса («L'édition littéraire en URSS» 1954: 207–211).

При сравнении статистических данных проявляется другая грань той же проблематики: определенное постоянство издательской практики, если не политики, проходящее через различные периоды бурной советской истории.

Этот пункт можно проиллюстрировать успехом некоторых западных книг, который не перестает удивлять наблюдателей, — например, ставшего в СССР культовым романа Этель Лилиан Войнич *Овод* (Таратута 1964, 1987; Bernhard 1966: 1–19). Написанный в 1897 году, он поначалу привлек к себе внимание (Бернард Шоу даже инсценировал его), чтобы почти тут же впасть в забвение в англоязычных странах. Переведенный на русский язык в 1898 году, он насчитывает два других перевода и с десяток изданий до 1917 года. Между 1918 и 1954 годами вышло 80 изданий (в 1945 году четвертый русский перевод заменил все предыдущие) на 18 языках Советского Союза с общим тиражом более 2 млн. экземпляров. В 1949 году, в период разгула кампании борьбы с космополитизмом, он насчитывает шесть изданий: три местных, в Риге, Куйбышеве и Красноярске⁶, и три центральных: издания для детей, издания Министерства обороны и издания на иностранных языках⁷. Хотя в трех последних тиражи не указаны, по аналогии можно предположить, что они лежат в пределах от 30 000 до 50 000 экземпляров в «Детгизе» и в «Воениздате» и доходят до 10 000 в «Easy English», что дает цифру общего тиража от 140 000 до 180 000 экземпляров за один лишь 1949 год (предыдущие и последующие годы были не менее урожайными). Распределение издательств показательно для общего функционирования системы социалистического реализма: один республиканский

⁶ Латгосидат (Рига): 20 000 экз.; Куйбышевское областное издательство (Куйбышев): 20 000 экз.; Красноярский рабочий (Красноярск): 30 000 экз.

⁷ Детгиз (Москва-Ленинград), Воениздат (Москва), Искра революции, изд. Easy English (Москва).

издатель, два региональных, а среди центральных один специалист по детской литературе, другой по литературе военной и гражданской подготовки и, наконец, издатель школьных учебников и самоучителей на иностранных языках. Уже экранизированный в 1928 году по сценарию, среди авторов которого был Виктор Шкловский, роман *Овод* вызывает в 1955 году новый взрыв энтузиазма благодаря фильму Александра Файнциммера (с музыкой Д. Шостаковича) и становится основой телефильма в 1980. На сегодняшний день существуют три оперы, а с 1919 по 1985 годы были поставлены не менее шести пьес и театральных инсценировок, непосредственно им вдохновленных.

Воспринимаемый как портрет образцового революционера *Овод* играет роль западного двойника романа Чернышевского *Что делать?* Это тем более любопытно, что его революционная сущность, достаточно условная, не слишком соответствует догме: помещенный в ряд мелодраматических ситуаций, вполне достойных Гюго или Дюма, его герой-одиночка похож больше на анархиста-индивидуалиста, чем на партийца протобольшевика. Антикатолический аспект романа является одной из причин его поддержки со стороны советской власти, однако подчеркнутая религиозная символика делает его в итоге весьма амбивалентным (Миронов 2013). Тем не менее все без исключения поколения советских читателей знали эту книгу, будь то современники НЭПа, участники первых пятилеток, свидетели ждановщины, оттепели, брежневского застоя или перестройки. Такое явление соединяет эпохи, создает нечто вроде иллюзии постоянства в области культуры и, соответственно, постоянства образа (и самовосприятия) советского человека. Скажем больше: успех книги начался задолго до революции, она не столь часто, но очень регулярно переиздается после развала системы и сегодня все еще обсуждается в интернете. В каком-то смысле благодаря этой книге советский читатель оказался вписанным в культурный контекст и культурное время, более широкие, чем его идеологизированный мир, и тем самым более *нормальные*, — точно так же действуют и книги упомянутых выше серий «Памятников всемирной литературы».

Подобные функции выпадают на долю других книг, других классиков. Один из героев *Девятого вала*, романа Ильи Эренбурга, написанного в 1948 году, приехавший с визитом в Москву француз удивляется тем, что советские читатели зачитываются шедеврами западной литературы (Эренбург 1953). Когда в том же году знаменитый швейцарский эллинист Андре Боннар заговорит о «новом гуманизме», он подтвердит своим научным авторитетом как приведенную выше статистику, так и романное свидетельство лауреата Сталинской премии Эренбурга:

...Народ стремится к культуре, которая становится ему доступной, с ненасытной потребностью в знании, которая напоминает ненасытную жажду юного Пантагрюэля, ненасытную жажду всех Возрождений. Жажду чтения. Укажем для примера на некоторых французских писателей, которые изданы в России тиражами более одного, а иногда и четырех миллионов экземпляров: Виктор Гюго, Мопассан, Золя, Ромэн Роллан, Бальзак, Мериме и, конеч-

но же, Жюль Верн [...] Такая же ненасытная жажда театра и, разумеется, жажда музыки. А главное [...], ненасытная жажда знания в полном смысле этого слова [...] А этот вкус к знаниям и определяет, в различной степени, рождение гуманизма. (Bonnard 1948: 14–15)

И он продолжит, объявляя советскую культуру единственной прямой наследницей греческого гуманизма:

Советская культура провозглашает отнюдь не империализм, а гуманизм личности, и на этот раз гуманизм, доступный всем. На самом деле греческий гуманизм, западный гуманизм никогда не был общим достоянием [...] Впервые [...] проблема участия всех людей [...] в пользовании огромными сокровищами цивилизации поставлена со всей полнотой, со всей требовательностью, и она поставлена советским гуманизмом. (Bonnard 1948: 60)

III.

Только сейчас мы обращаемся, наконец, к теме, заявленной в названии этой статьи. Допущение, что греческое культурное наследие питает советскую культуру, заставляет более детально, чем это сделал Боннар, подумать о ее «классицизме». Сюжет далеко не нов. В 1957 году, знаменитое эссе Андрея Синявского, посвященное советскому официальному художественному методу, содержит предложение переименовать социалистический «реализм» в социалистический «классицизм» (Терц 1967). Историк после-революционной литературы Синявский хорошо знал своих классиков.

Уже с 1920-х годов советские критики говорят о необходимости нового классицизма, который соответствовал бы революционному гуманизму. Ожидается новый «Красный Буало», который определит правила новой литературы, многие стараются играть его роль. В 1923 году, в журнале *На посту* Юрий Либединский разработал конфигурацию новых литературных жанров, заложив фундамент пролетарского культурного проекта (Либединский 1923)⁸. Созданная в годы подготовки к Первому съезду советских писателей программа социалистического реализма отмежевывается от напостовского начинания, сохраняя, тем не менее, его дух. Пролетарские писатели желают «учиться у классиков». Владимир Перцов с горечью отмечает в 1928 году: «*Нам свойственны почти мистическое поклонение перед старой культурой и затаенная вера в ее превосходство, что бы там ни говорили...*» (Перцов 1928: 17).

На Первом съезде писателей критик Иоганн Альтман бросает лозунг, который будет в дальнейшем множество раз повторяться и по-разному варьироваться:

Надо создать новые законы, а не каноны искусства [...] [Соцреализм] не догма, социалистическая эстетика будет не сухой наукой параграфов, установлений, застывших канонов, а радостной наукой о классическом искусстве социализма... (Альтман 1957: 114)

⁸ Текст принят как коллективный манифест в жур. *На литературном посту*, 1927. См.: Бродский 1929: 293–296.

На встрече с композиторами в 1936 году Сталин прямо потребовал, чтобы наконец появились советские произведения, равные по уровню величайшей классике. Он говорил об опере, но имелась в виду вся советская культура⁹. В 1937 году столетие со дня смерти Пушкина стало предлогом для всесоюзных торжеств. Годом позже Валерий Кирпотин, один из критиков-идеологов, наиболее активно участвовавших в создании Союза советских писателей, канонизирует на все последующие годы тщательно отобранное литературное наследие в своей книге *Классики* (Кирпотин 1938). В том же году выходит на экраны «Александр Невский» Эйзенштейна. Воссоздается прерванная на некоторое время нить родственной связи с великой Россией прошлого, тогда как идет запуск фабрики по производству классики современной.

Легко заметить, что термин «классический» имеет различный смысл и различные системы отсчета. Для такого романтического сатирика, как Андрей Синявский, «классикой» было в любые времена творчество на заказ, соответствующее предписаниям, далекое от жизни, отдающее дифирамбом или одой. Согласно С. Моллеру-Салли, автору работы о судьбе Гоголя в советское время, значительность классических авторов прошлого подчеркивается одним из следующих способов: либо им приписывают роль хранителей норм, либо их рассматривают в романтическом ключе как выразителей национального духа, наподобие того, как Гоголь видел Пушкина (Моллер-Салли: 2000). Мне кажется, что у классики в советской системе функций больше. Резюмируем их в завершение статьи.

Мы знаем, что «классический» означает «относящийся к первому классу римских граждан». Это показатель высокого качества; для Авла Геллия все хорошие, «сильные» авторы являются классиками, старыми или новыми. В некотором роде мы имеем дело с авторами, которые отбираются так, чтобы составить литературный «канон» в американском смысле этого термина.

Такие канонические авторы наделяются свойством образцовости. «Классическими называют только авторов, которых читают в классах, в школах, или тех, которые пользуются большим авторитетом», пишет Антуан Фюретьер в своем *Всеобщем словаре* 1690 года (Furetière 1690: 302). Подобным образом определяется этот термин и у Моллера-Салли. Замечу, что функция такой образцовости заключается в наставлении, обучении; она не определяет какого-то особого рода писательской практики.

Другое применение отсылает «классических» авторов к древности, их престиж определяется отдаленностью во времени и ничего не говорит о пригодности норм, которые они воплощают. В этом случае «классическое» служит тому, чтобы от него отталкивалось новое искусство.

Начиная со Стендаля классическим считают литературное направление XVII–XVIII веков, с его эстетической программой, основными требо-

⁹ См. библиографию в книге: Lénine, Staline et la musique (Ленин, Сталин и музыка) 2010.

ваниями которой являются рациональность, чувство меры, уравновешенность и т. п.

Отсюда проистекает широко распространенное ходячее употребление слова, особенно в мире моды (классический стиль, классическая одежда): оно подразумевает не только близость к «правильной» традиции, но также *отсутствие* экстравагантности, эффектной новизны, минимализм.

Не будем останавливаться на искусственном и напыщенном характере советского псевдоклассицизма, который отмечает Синявский. Мне кажется, что призыв Сталина к созданию произведений классического уровня неявно подразумевал все из приведенных выше значений. Что же касается системы социалистического реализма, то, заканчивая статью, можно составить перечень характерных признаков, смысл которых проявляется в перспективе аналогии соцреализм/классицизм.

1. Система соцреализма вызывает к жизни принцип *имитации*. Она не дает строгих предписаний, а предлагает модель, образец для подражания если не для каждого жанра, то по меньшей мере для основных видов творчества: Маяковский для лирики с политической направленностью, Твардовский для деревенской поэзии, А. Толстой для исторического романа, Шолохов для современной эпопеи, Николай Островский и Макаренко для романа воспитания, Пришвин для рассказов натуралиста (Heller 1990: 626–640), и т. п.

2. Находясь в своем апогее в ждановскую эпоху (предвещавшую грядущий упадок), система отличается *стремлением к совершенству*. Следствие этой стратегии — истощение творческих резервов, как ярко показывает *бескартинье*, кризис кинематографа, а также снижение числа новых театральных постановок, художественных выставок, музыкальных произведений, несмотря на тщательно поддерживаемую иллюзию их изобилия (Baudin, Heller 1998).

3. Системе свойственны мистический *культ книги, школы и ученичества* (кстати, этим она в первую очередь отличается от ее нацистской соперницы) — заповедь Ленина: «*Учиться, учиться и еще раз учиться*» на деле требует наличия классиков, которых следует изучать.

4. Соцреализм можно рассматривать как часть всеобщего движения в искусствах под названием «Возврат к порядку», которое развилось в Европе после 1918 года, призывая умерить лихорадку новаторства и вернуться к *ценностям прошлого*. Появляются различные течения неоклассицизма, и соцреализм представляется наименее связным, наиболее противоречивым из них всех, ибо наиболее озабоченным авангардистскими устремлениями (самое его глубинное желание — стоять в авангарде всего человечества).

5. Формальный традиционализм представляется другой характеристикой сталинской эпохи, которая отвергает экстравагантность и юмор (о чем говорит Синявский), отодвигая их на второй план, к эстрадным или цирковым представлениям, — и не столько по соображениям гармонии

или чувства меры, сколько из опасения неуместности. Можно толковать это как воздействие весьма классического принципа *декорума*, соответствия между стилем и дискурсом. Биргит Менцель в статье о советской опере справедливо отмечает, что оперный персонаж Ленина не поет, он может лишь говорить, произносить речи (Менцель 2000: 980–998).

6. Можно сблизить этот принцип с жесткостью и в то же время с полнотой и взаимодополняемостью компонентов жанровой иерархии, равно как и принятых в соцреализме дискурсивных моделей. С помощью привилегий, премий и медиатизации система поощряет высокие жанры: многотомные романы, эпопеи, героические повествования. Однако при этом не забываются и лирические жанры и короткие повествовательные формы (например, рассказы); они удерживаются на периферии системы. И там же бытуют упомянутые комедийные, эстрадные и другие «легкие» жанры. Именно эта строгая иерархизация жанров, подчиненная принципу *декорума*, сообразности, и забота о цельности, тотальности системы, в которой находится место для разных дискурсивных практик, позволяют сблизить с классицизмом не столько саму эстетику социалистического реализма, сколько его институциональную организацию.

Итак, сближение правомерно. Однако, делая его, сохраним осторожность: внутренние принципы функционирования этих двух систем различны; больше черт их разделяет, чем объединяет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статистические примеры из статей: «Литературное книгоиздание в СССР», журнал *Советская литература*, № 11, 1952, и «Советская книга за 35 лет», журнал *Советская книга*, № 12, 1954.

1. Литература с 1918 по 1953 гг.

Сравнительные тиражи и число языков перевода:
1883–1917 и 1918–1953 (периоды порядка 35 лет)

тираж: тиражи в тысячах экземпляров

языки: количество языков (социалистических и зарубежных стран), на которых данное издание было выпущено в СССР

КЛАССИКИ	до 1917		после 1917	
	тираж	языки	тираж	языки
Александр Пушкин	13 083	14	68 472	81
Лев Толстой	11 776	10	59 258	75
Николай Гоголь	6 030	5	28 996	45
Михаил Лермонтов	4 086	8	21 082	57
Иван Тургенев	2 822	10	31 982	52
Максим Горький	1 083	8	78 382	72

Продолжение

КЛАССИКИ	до 1917		после 1917	
	тираж	языки	тираж	языки
Антон Чехов	672	5	39 548	68
Александр Островский	310	2	9 398	28
Николай Некрасов	271	1	19 040	41
Мих. Салтыков-Щедрин	231	2	16 176	36
Владимир Маяковский	4	1	22 966	54

СОВЕТСКИЕ АВТОРЫ (ТИРАЖ СВЫШЕ 7 МЛН. ЭКЗ.)			
	названий	тираж	языки
Алексей Толстой	722	30 057	50
Конст. Симонов	270	15 987	38
Валентин Катаев	324	11 344	52
Ал. Серафимович	415	10 993	42
Илья Эренбург	263	8 440	29
Борис Полевой	172	8 361	36
Борис Горбатов	200	8 317	47
Николай Тихонов	263	7 582	43
Павел Бажов	109	7 195	15
Петр Павленко	229	7 157	38

2. Литература в 1953 году (в тысячах)

НАЗВАНИЯ:										
русские:	2733	58,2%	советские:	1552	32,9%	зарубежные:	420	8,9%	Итого:	4705
ТИРАЖИ:										
русские:	159 801	71,0%	советские:	38 526	17,3%	зарубежные:	24 483	10,9%	Итого:	222 810

3. Иностранная литература в СССР

Зарубежные авторы по странам (с 1918 по 1954)

Страна	К-во авторов	К-во названий	Тиражи (тыс. экз.)	К-во языков
Франция	418	3 667	74 867	50
США	212	2 392	50 637	50
Великобритания	218	2 111	37 118	53
Германия	286	2 141	36 137	55

Продолжение

Страна	К-во авторов	К-во названий	Тиражи (тыс. экз.)	К-во языков
Польша	65	431	9 530	25
Дания	27	317	8 988	32
КНР	39	207	8 363	27
Чехословакия	40	256	7 440	28
Венгрия	31	358	6 732	23
Испания	33	235	2 860	19
Италия	70	284	1 102	23
Итого:	1 646	13 559	267 145	—

Зарубежные авторы тиражом св. 2 млн. экз. (из списка в 162 чел.)

Автор	К-во названий	Тиражи (тыс. экз.)	К-во языков
Джек Лондон	630	13 157	31
Братья Гримм	158	9 434	42
Шарль Перро	100	7 781	34
Ганс Хр. Андерсен	185	6 836	32
Жюль Верн	237	5 872	22
Марк Твен	197	5 663	24
Оноре де Бальзак	158	5 523	16
Ги де Мопассан	262	5 473	16
Чарльз Диккенс	157	4 454	16
Эмиль Золя	164	3 681	15
Г. Дж. Уэллс	168	3 465	15
Анри Барбюс	108	2 616	22
Уильям Шекспир	220	2 525	25
Ромен Роллан	158	2 390	15
Джонатан Свифт	118	2 379	20
Эрнест Сетон-Томпсон	97	2 267	15
Генрик Сенкевич	65	2 187	18
Этель Войнич	83	2 094	15

ЛИТЕРАТУРА

- Альтман Иоганн. «Эстетика социализма. Речь на 1-м съезде». Альтман Иоганн. *Избранные статьи*. Москва: Советский писатель, 1957: 114.
- Белов Сергей. *Книгоиздатели Сабашниковы*. Москва: Московский рабочий, 1974.
- Бертельс Евгений. *Абу-Л-Касим Фирдоуси и его творчество*. Ленинград: АН СССР, 1935.
- «Библиотека современной фантастики» (25 + 3 тома). Москва: Молодая гвардия, 1965–1973. Каталог: <http://fantlab.ru/series53> (проверено 28.12.2013).
- Бродский Николай и др. (ред.). *Литературные манифесты. От символизма к Октябрю*. Москва: Федерация, 1929: 293–296.
- Волгин Вячеслав, Легран Борис (ред.). *Фердовси 934–1934. Сборник, посвященный тысячелетию со дня рождения*. Ленинград: АН СССР, 1934.
- «Всемирная литература». *Книговедение: энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 1982: 119–120.
- Кирпотин Валерий. *Классики. Статьи о Пушкине, Некрасове, Чернышевском, Добролюбо-ве, Салтыкове-Щедрине и Горьком*. Москва: Советский писатель, 1938.
- Кофман Андрей. «Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе». Бычихина Людмила, Цурганова Елена. (ред.). *Современный роман: опыт исследования*. Москва: Наука, 1990.
- Либединский Юрий. «Темы, которые ждут своих авторов». *На посту* 2–3 (1923).
- Менцель Биргит. «Все бельканто трудящимся, или опера сталинской эпохи». Гюнтер Ханс, Добренко Евгений (ред.). *Социалистический канон*. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000: 980–998.
- Миронов Алексей. *Мифопоэтика романа Э. Л. Войнич* Овод. Москва: Флинта; Наука, 2013.
- Моллер-Салли Стефен (Stephen Moller-Sully). «Классическое наследие в эпоху социализма, или Похождения Гоголя в стране большевиков». Гюнтер Ханс, Добренко Евгений (ред.). *Социалистический канон*. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000.
- Острой Ольга. «Издательство “Academia”». *Книга: Исследования и материалы*. Вып. 18. Москва: изд. Всесоюзной книжной палаты, 1969.
- Павленко Петр. «Человек, который не умирал тысячу лет». Павленко Петр. *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 6. Москва: ГИХЛ. 1955.
- Перцов Виктор. «Культ предков и литературная современность». *Новый ЛЕФ* 1 (1928): 17.
- «Советская книга за 35 лет». *Советская книга* 12 (1952).
- Соловьев Леонид. *Повесть о Ходже Насреддине* («Возмутитель спокойствия», 1939; «Очарованный принц»). Ленинград: Лениздат, 1956.
- Сулькин Михаил. «Трофейное кино? Нет, ворованное. Советские кинотрофеи в Америке». *Искусство кино* 9 (2002). <http://kinoart.ru/ru/archive/2002/09/n9-article21> (проверено 28.12.2013).
- Таратута Евгения. *Этель Лилиан Войнич. Судьба писателя и судьба книги*. Москва: Художественная литература, 1964.
- Таратута Евгения. *История двух книг: Подпольная Россия С. М. Степняка-Кравчинского и Овод Этель Лилиан Войнич*. Москва: Художественная литература, 1987.
- Терц Абрам (Андрей Синявский). «Что такое социалистический реализм?». *Фантастический мир Абрама Терца*. Нью-Йорк: Международное Литературное Содружество, 1967.
- Фирдоуси. *Книга царей Шахнаме (Избранные места)*. Москва–Ленинград: Academia, 1935.
- Эренбург Илья. *Девятый вал*. Москва: Советский писатель, 1953.
- Aragon Louis. *Littératures soviétiques*. Paris: Denoël, 1959.
- Bernhardt Lewis. «The Gadfly in Russia». *The Princeton University Library Chronicle* XXVIII (1966): 1–19.
- Baudin Antoine, Heller Leonid. «*Le Réalisme socialiste. Usages à l'intérieur, image à exporter*»). Bern: Peter Lang, 1998.
- Bonnard André. *Vers un nouvel humanisme : réflexions sur la littérature soviétique (1917–1947)*. Lausanne: Ass. Suisse-URSS, 1948: 14–15.
- Friedberg Maurice. «The U.S. in the U.S.S.R.: American Literature through the Filter of Recent Soviet Publishing and Criticism». *Critical Inquiry* 2/3 (1976): 519–583.
- Friedberg Maurice. *A decade of euphoria: Western literature in post-Stalin Russia, 1954–64*. Bloomington: Indiana U. Press, 1977.

- Furetière Antoine. *Dictionnaire universel*... La Haye-Rotterdam: A. & R. Leers, 1690, [p. 302]
- Heller Leonid. *De la science-fiction soviétique*. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1979.
- Heller Leonid. « La littérature de masse en Union soviétique ». Etkind Efim, Nivat Georges, Serman Ilya, Strada Vittorio (éds.). *Histoire de la littérature russe. Le XXe siècle*. Vol. III. Paris: Fayard, 1990: 626–640.
- Heller Leonid. «Le classicisme réaliste socialiste, ou quelques observations chiffrées sur la place de l'héritage dans la culture soviétique». Autant-Mathieu Marie-Christine (éd.). *L'Étranger dans la littérature et les arts soviétiques*. Paris: Septentrion, 2014 : 41–52.
- Hemingway Andrew. *Artists on the Left. American Artists and the Communist Movement. 1926–1956*. New Haven: Yale U. Press, 2002.
- «L'édition littéraire en URSS». *La Littérature soviétique (Советская литература)* 11 (1954): 207–211.
- Lénine, Staline et la musique (Ленин, Сталин и музыка)*. Париж: Музей музыки — Fayard, 2010.

REFERENCES

- Al'tman Iogann. «Estetika socializma. Rech' na 1-m s»ezde». Al'tman Iogann. *Izbrannye stat'i*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1957: 114.
- Aragon Louis. *Littératures soviétiques*, Paris: Denoël, 1959.
- Baudin Antoine, Heller Leonid. «*Le Réalisme socialiste. Usages à l'intérieur, image à exporter*»), Bern: Peter Lang, 1998.
- Belov Sergej. *Knigoizdateli Sabashnikovy*. Moskva: Moskovskij rabochij, 1974.
- Bernhardt Lewis. «The Gadfly in Russia». *The Princeton University Library Chronicle* XXVIII (1966): 1–19.
- Bertel's Evgenij. Abu-L-Kasim Firdousi i ego tvorchestvo, Leningrad: AN SSSR, 1935.
- «Biblioteka sovremennoj fantastiki» (25+3 toma), Moskva: Molodaya gvardiya», 1965–1973. Katalog: <http://fantlab.ru/series53> (provereno 28.12.2013).
- Bonnard André. *Vers un nouvel humanisme : réflexions sur la littérature soviétique (1917–1947)*, Lausanne: Ass. Suisse-URSS, 1948: 14–15.
- Brodskij Nikolaj i dr. (red.). *Literaturnye manifesty. Ot simbolizma k Oktyabryu*. Moskva: Federaciya, 1929: 293–296.
- Erenburg Il'ya. *Devyat' val*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1953.
- Firdousi. *Kniga carej Shahname. Izbrannye mesta*. Moskva–Leningrad: Academia, 1935yu
- Friedberg Maurice. «The U.S. in the U.S.S.R.: American Literature through the Filter of Recent Soviet Publishing and Criticism». *Critical Inquiry* 2/3 (1976): 519–583.
- Friedberg Maurice. *A decade of euphoria: Western literature in post-Stalin Russia, 1954–64*. Bloomington: Indiana U. Press, 1977.
- Furetière Antoine. *Dictionnaire universel*... La Haye-Rotterdam: A. & R. Leers, 1690, [p. 302]
- Heller Leonid. *De la science-fiction soviétique*. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1979.
- Heller Leonid. « La littérature de masse en Union soviétique ». Etkind Efim, Nivat Georges, Serman Ilya, Strada Vittorio (éds.). *Histoire de la littérature russe. Le XXe siècle*. Vol. III, Paris: Fayard, 1990: 626–640.
- Heller Leonid. «Le classicisme réaliste socialiste, ou quelques observations chiffrées sur la place de l'héritage dans la culture soviétique». Autant-Mathieu Marie-Christine (éd.). *L'Étranger dans la littérature et les arts soviétiques*. Paris: Septentrion, 2014 : 41–52.
- Hemingway Andrew. *Artists on the Left. American Artists and the Communist Movement. 1926–1956*, New Haven: Yale U. Press, 2002.
- Kirpotin Valerij. *Klassiki. Stat'i o Pushkine, Nekrasove, Chernyshevskom, Dobrolyubove, Saltykove-Shchedrine i Gor'kom*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1938.
- Kofman Andrej. «Problema 'magicheskogo realizma' v latinoamerikanskom romane». Bychihina Lyudmila, Curganova Elena. (red.). *Sovremennij roman: opyt issledovaniya*. Moskva: Nauka, 1990.
- «L'édition littéraire en URSS». *La Littérature soviétique (Sovetskaya literatura)* 11 (1954): 207–211.
- Lénine, Staline et la musique (Lenin, Stalin i muzyka)*. Parizh: Muzej muzyki — Fayard, 2010.
- Libedinskij Yurij. «Temy, kotorye zhdut svoih avtorov». *Na postu* 2–3 (1923).

- Mencel' Birgit. «Vse bel'kanto trudyashchimsya, ili opera stalinskoj epohi». Gyunter Hans., Dobrenko Evgenij (red.). *Socialisticheskij kanon*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2000: 980–998.
- Mironov Aleksej. *Mifopoetika romana E. L. Vojnich Ovod*. Moskva: Flinta Nauka, 2013.
- Moller-Salli Stefen (Stephen Moller-Sully). «Klassicheskoe nasledie v epohu socializma, ili Pohozhdeniya Gogolya v strane bol'shevikov». Gyunter Hans, Dobrenko Evgenij (red.). *Socialisticheskij kanon*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2000.
- Ostroj Ol'ga. «Izdatel'stvo "Academia"». *Kniga: Issledovaniya i materialy*. Vyp. 18. Moskva: izd. Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1969.
- Pavlenko Petr. «Chelovek, kotoryj ne umiral tysyachu let». Pavlenko Petr. *Sobranie sochinenij*. V 6 t. T. 6. Moskva: GIHL, 1955.
- Percov Viktor. «Kul't predkov i literaturnaya sovremennost'». *Novyj LEF* 1 (1928): 17.
- Solov'ev Leonid. «Povest' o Hodzhe Nasreddine» («Vozmutitel' spokojstviya», 1939; «Ocharovannyj princ»), Leningrad: Lenizdat, 1956.
- «Sovetskaya kniga za 35 let». *Sovetskaya kniga* 12 (1952).
- Sul'kin Mihail. «Trofejnoe kino? Net, vorovannoe. Sovetskie kinotrofei v Amerike». *Iskusstvo kino* 9 (2002). <http://kinoart.ru/ru/archive/2002/09/n9-article21> (provereno 28.12.2013).
- Taratuta Evgeniya. *Etel' Lilian Vojnich. Sud'ba pisatelya i sud'ba knigi*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1964.
- Taratuta Evgeniya. *Istoriya dvuh knig: Podpol'naya Rossiya S. M. Stepnyaka-Kravchinskogo i Ovod Etel' Lilian Vojnich*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1987.
- Terc Abram (Andrej Sinyavskij). «Chto takoe socialisticheskij realizm?». *Fantasticheskij mir Abrama Terca*. N'yu-Jork: Mezhdunarodnoe Literaturnoe Sodruzhestvo, 1967.
- Volgin Vyacheslav, Legran Boris (red.). *Ferdovski 934–1934. Sbornik, posvyashchennyj tsysyachel'iyu so dnya rozhdeniya*. Leningrad: AN SSSR, 1934.
- «Vsemirnaya literatura». *Knigovedenie: enciklopedicheskij slovar'*. Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1982: 119–120.

Леонид Гелер

СОЦРЕАЛИСТИЧКИ КЛАСИЦИЗАМ ИЛИ НЕКИ СТАТИСТИЧКИ ПОДАЦИ О МЕСТУ КЛАСИЧНОГ НАСЛЕЂА У СОВЈЕТСКОЈ КУЛТУРИ

Резиме

Коришћењем одређених статистичких података рад покушава да покаже какво место заузима и како функционише „класика“ у систему социјалистичког реализма. Поставља се питање у којој мери је правилно поређење соцреализма с уметничким системом „класицизма“ (Сињавски).

Кључне речи: совјетска култура, соцреализам, књижевна класика, издавачка делатност.

Михаил Вайскопф
Еврейский университет в Иерусалиме
michweisskopf@gmail.com

Michael Weisskopf
Hebrew University of Jerusalem
michweisskopf@gmail.com

РИХАРД ВАГНЕР, ФРАНЦ КАФКА И АЛЕКСАНДР ГРИН:
К ИСТОРИИ ОДНОГО ЛИБРЕТТО

RICHARD WAGNER, FRANZ KAFKA AND ALEXANDER GRIN:
TOWARDS THE HISTORY OF ONE LIBRETTO

Версия легенды о Летучем Голландце, вместе с «кроваво-красными парусами» морехода подсказанная композитору прозой Гейне, претворилась у него в бессвязный набор разнородных религиозно-романтических клише, осложненный вдобавок театральными штампами. Объединял эту эклектику лишь позднеромантический пафос всеобщей гибели, пропитавший либретто. Чуждый печально-ироническому гейневскому претексту, но сквозной для мировоззрения Вагнера, он окрасил его агрессивную публицистику и при ее посредстве нашел впоследствии практическую реализацию в годы нацизма. Своего злосчастного морехода Гейне сравнивал с Вечным Жидом — Агасфером, причем этот аллегорический персонаж имел у него также национально-автобиографический подтекст. В автокомментариях к опере Вагнер позаимствовал гейневское сопоставление — но одновременно в своем памфлете «Еврейство в музыке» использовал фигуру Агасфера в антисемитских целях и призвал к его уничтожению. Вместе с тем в XX веке как либретто, так и рассказ Гейне трансформировались у Кафки в новеллу «Охотник Гракх», тоже носившую автобиографический характер. С другой стороны, вагнеровская опера нашла контрастно-позитивное решение в феерии Александра Грина *Алые паруса*, где, среди прочего, изначально «кроваво-красные паруса» Гейне и Вагнера получили новый оттенок и иной, солярно-оптимистический смысл.

Ключевые слова: Летучий Голландец, Гейне, Агасфер, Кафка, Ленау, Erlösung, Маркс, Грин, мореплаватель, охотник.

A legend of the Flying Dutchman was suggested to Wagner by Heine's prose, along with the "blood-red sails" of the mariner. The composer turned it into an incoherent set of heterogeneous religious, Romantic, and theatrical clichés. This eclecticism was united only by the late Romantic cult of death and extermination which permeated the libretto. It was alien to Heine's sad irony of, but quite typical of Wagner's worldview. This cult of death gave a gloomy shade to the composer's aggressive journalism which was later absorbed by the German Nazism as a leading ideology, eventually practically implemented. Heine com-

pared his ill-fated mariner with the Wandering Jew, that is, Ahasuerus: he saw in this allegorical character his own national and personal prototype. In the auto-commentaries to the opera, Wagner borrowed Heine's identification with the character, which did not prevent him from using Ahasuerus as an anti-Semitic gollywog in his pamphlet against Jewishness in music, calling for his destruction. In the XX century, both Wagner's libretto and Heine's story were transformed by Kafka into the novella "The Hunter Gracchus" that also had an autobiographical component. On the other hand, the plot of Wagner's opera found, by contrast, an optimistic solution in Alexander Grin's story *Scarlet Sails*, where Heine's and Wagner's initially "blood-red sails" acquired a new shade with a different, solar, that is, life-asserting connotation.

Keywords: Flying Dutchman, Heine, Ahasuerus, Kafka, Lenau, Erlösung, Marx, Grin, mariner, hunter.

Публикуемые заметки ответвились от эссе, заказанного мне организаторами Вагнеровского фестиваля в Байройте. Речь шла о «Летучем Голландце» — ранней опере Вагнера, созданной им в 1841-м в Париже и без особого успеха поставленной в Дрездене на новый 1843 год. Сам он называл ее, правда, «музыкальной драмой». Композитор, претендовавший также на лавры поэта, сочинил к ней либретто. О его тексте мне и предложили написать — с учетом моей специализации в качестве русского филолога (безнадежно далекой, впрочем, от музыковедения). Я от души благодарен госпоже Елене Верес, инициировавшей это приглашение и на протяжении работы для Байройта оказывавшей мне самоотверженную поддержку, особенно весомую с учетом того, что наше время не благоприятствует библиотечным разысканиям. Г-жа Верес щедро помогала мне ценными советами и поправками, снабдила меня своим собственным, исключительно точным подстрочником¹ и релевантной музыковедческой информацией, отобрав ее из необозримой библиографии по Вагнеру. Здесь я, однако, позволю себе существенно отойти от первоначально-байройтовской темы, сосредоточившись вслед за ней на некоторых ее перипетиях в минувшем столетии. Получился своего рода триптих.

1.

В целом вагнеровский текст опирается на знаменитую легенду XVI–XVII вв., впервые напечатанную лишь накануне XIX столетия и воодушевившую романтиков — Колриджа, Гауфа, Гейне. Однажды, во время страшных штормов, голландский капитан, жестокосердый грешник и богохульник, бросил вызов самому дьяволу. Он поклялся обогнуть мыс Доброй Надежды (либо мыс Горн), даже если ему придется плыть до Судного дня, — и тогда с неба раздался глас: «Да будет так: плыви!» Иногда рассказывали, что раз в десять лет Голландцу позволено сойти на берег, чтобы найти ту, которая захочет выйти за него замуж и разделить его судьбу.

У Вагнера прототипический сюжет попал в сбивчивую зависимость от актуальных влияний. В предисловии к своей книге *Музыкальные драмы*

¹ Оттуда я беру и все последующие русские цитаты из либретто.

Рихарда Вагнера К. Дальхауз упоминает «неопределенную эклектику 1830-х гг.», отличавшую тягу его соотечественников к «романтической опере» в традиции Э. Т. А. Гофмана, Вебера и Маршнера; при этом сама немецкая опера оставалась слабой. В 1839-м, спасаясь и от кредиторов, и от рутинного прозябания, Вагнер через Лондон бежит из Риги в Париж, эту «столицу девятнадцатого столетия» (Dahlhaus 1979: 2–3), где ему тоже суждено будет испытать, однако, тягостное чувство невостремленности.

В либретто написанной там программной оперы, — «Летучий Голландец», — он никуда не уйдет от привычной эклектики, а лишь усугубит ее. Несмотря на свои новаторские претензии, Вагнер попросту стянет здесь воедино разнородные тенденции, осложнив их добавочными несуразницами. Склепку катализирует, в сущности, как раз осуждавшаяся им французская общекультурная ситуация тех лет, в которой тоже господствовала поздне-романтическая эклектика, только несравненно более размашистая, чем в Германии, — «неистовая» эклектика помпезно-мелодраматического, развлекательного и авантюрно-исторического толка.

Многokrратно говорилось, что образчик для «музыкальной драмы» Вагнеру дал знаменитый парижский эмигрант Генрих Гейне — точнее, его повесть 1834 — года «Из мемуаров господина фон Шнабелевского» (см. хотя бы Dahlhaus 1979: 7–10) или, еще точнее, ее вставной сюжет. К концу 6-й главы странствующий гейневский нарратор вспоминает, как «однажды ночью увидел проходивший мимо большой корабль с распущенными *крово-красными парусами*, походивший на темного великана в широком огненно-красном плаще. Был ли это Летучий Голландец?» А следующую главу он открывает самой легендой, слышанной им еще в детстве. Десятилетние матримониальные испытания Летучего Голландца мемуарист сжимает до семилетних, а его надежды на верную супругу преподносит с сарказмом: «Бедный Голландец! Он частенько радуется, избавившись от брака и своей избавительницы, и возвращается снова на борт корабля».

По прибытии в Амстердам рассказчик якобы увидел там пьесу о Голландце. Действие ее происходит в Шотландии. Алчный купец заочно сватает богатому мореходу свою дочь Катарину. Дома у них на стене висит портрет красивого и «опасного» моряка, каким он запечатлен был «сто лет назад», — и с тех пор из рода в род переходит «предостережение, по которому женщины из этой семьи должны опасаться оригинала». Трепещущая невеста сразу узнает гостя — а тот, иронизируя, старается сперва развеять ее страхи, но потом все же рассказывает о своей горестной судьбе в третьем лице, что не скрывает истину от Катарины. На его вопрос о будущей супружеской верности она отвечает: «Верна до смерти!» Но как раз в этот момент описание спектакля у мемуариста прерывается картиной его собственных эротических злключений с некоей «голландской Мессалиной», начавшихся прямо в театре и еще более настраивающих его на скептический лад. Затем он все же снова посещает театр и узнает завершение пьесы: «Супруг любит героиню, но хочет покинуть, чтобы избавить от гибели,

и открывает ей свою ужасную судьбу и тяготеющее над ним страшное проклятие», — и тогда «верная жена бросается в море, и вот наступает конец проклятию <...> он спасен, и мы видим, как корабль-призрак погружается в морскую пучину». Глава подытожена моралью мемуариста, комически предостерегающего женщин от летучих голландцев, а мужчин — от самих женщин, которые «даже при самых благоприятных обстоятельствах» несут им гибель (Гейне 1958: 442–446).

Через семь лет именно эта версия легенды была утилизирована композитором — с сомнительного согласия автора (Dahlhaus 1979: 9–10) — вместе с кроваво-красными парусами и семилетними интервалами. Заемному сюжету Вагнер придаст, однако, надрывное разрешение. По язвительному выражению Э. Ньюэна, «здоровый цинизм» Гейне, «с улыбкой взирающего на сентиментальную развязку», Вагнер вытеснит «тевтонской серьезностью» и «твердым убеждением, что в конце оперы «он сообщает нам нечто доброе и полезное для наших душ» (Newman 1925: 18–19).

Итак, по пути домой судно норвежца Даланда укрылось от яростного шторма в скалистой бухте — куда под своими кроваво-красными парусами врывается и корабль Летучего Голландца. Из его исповедальной арии мы узнаем, что «пречистый Ангел Господень» открыл ему условия спасения — но, увы, они недостижимы, и страдалец помышляет о гибели всего мира и о своей собственной, о переходе «в Ничто» — «in Nichts vergehn!» Тем не менее в последующем диалоге с Даландом он просит у него приюта, предлагая ему взамен свои несметные богатства, — ведь он все еще жаждет обрести наконец родину и по-настоящему верную жену. Позарившись на его сокровища, норвежец незамедлительно обещает выдать за него свое «верное дитя» — Сенту. Мощный ветер устремляет оба корабля к близкой гавани.

Пока что в доме Даланда девушки, ожидая его возвращения, поют за прялками, но взор Сенты, как всегда, прикован к портрету, запечатлевшему какого-то бледного и угрюмого моряка, т. е. самого Голландца. Его историю очень давно поведала ей Мари, кормилица, которая теперь, однако, бранит непослушную Сенту: «Ты всю свою молодую жизнь промечтаешь перед лживым изображением?» Подтрунивая над нею, девушки говорят, что беззаветно влюбленный в нее охотник Эрик «подстрелит в гнев соперника со стены!» Тогда она поет им ту балладу о вечно странствующем корабле, которую так часто певала ей неосмотрительная Мари. Оказывается, каждые семь лет его капитан выходит на берег, дабы отыскать ту поистине верную подругу, что избавит его от мучений, — но всякий раз терпит неудачу. Девушки потрясены, а сама Сента клянется: «Это я, я спасу его своей верностью! Пусть Ангел Господень меня ему покажет!» Клятва ужасает вошедшего Эрика, и он рассказывает ей о своем страшном сне: с чужого корабля спускаются Даланд и тот самый незнакомец с портрета, а Сента бросается им навстречу, чтобы обнять его. На тревожные вопросы Эрика об уже назначенном с нею бракосочетании она отвечает уклончиво.

Охотник в смятении выбегает — а его сон тут же сбывается: в дом входят Даланд с Голландцем. Потрясенная Сента мгновенно узнает оригинал, а гость чувствует, что это именно та, кого он так долго искал.

Следует праздник вернувшихся домой норвежских матросов и, отдельно, беснование голландских мертвецов, — под их дикое пение и раскаты чудовищной бури, вселяющих ужас в мирных норвежцев. Ошеломленный же Эрик, узнав о назначенной помолвке, понапрасну напоминает возлюбленной о ее былых объятьях и горестно уличает ее в неверности. Между тем Голландец, случайно услышав его попреки, скоропалительно заключает, что он ошибся и в Сенте, как во всех ее предшественницах. Навсегда изверившись в Боге, он возвращается на свой корабль под кроваво-красными парусами — но тут Сента воочию доказывает ему свою верность, бросившись со скалы в море. «В то же мгновенье корабль Голландца распадается на обломки (вместе с экипажем, конечно). Вдали из воды поднимаются Голландец и Сента, оба преображенные, он обнимает ее».

В черновике, как установил Х. С. Чемберлен (Чемберлен 2016: 396, прим. 2), вагнеровская драма разыгрывалась тоже в Шотландии — хотя биограф-антисемит, вскользь отметивший этот гейневский след, предусмотрительно забывает о самом Гейне. Потом композитор предпочел Норвегию, сообразно переделав имена персонажей.

Ближайшая память фарсового жанра оставила у него непреднамеренные семантические и мотивные лакуны, разъедавшие текст и интриговавшие комментаторов. Некоторые нестыковки давно перечислил Э. Ньюмэн в своей книге «Вагнер как человек и художник»: «В умах критиков всегда была неразбериха по поводу того, поклялась ли Сента в своей любви Эрику, или нет; а совершенно ясно, что все прочтение ее характера и мотивов в последнем акте зависит от ответа на этот вопрос <...> Эрик вообще слишком бледная фигура, а Даланд просто «оперный отец» в чистом виде. Я и сам никогда не мог понять, как это может быть, чтобы Сента, только взглянув на Голландца, сразу узнала в нем оригинал портрета, висящего у них дома, а отец ее не замечает никакого сходства, хотя Голландец при первой встрече поведал ему и о своей несчастной судьбе, и о своем желании найти женщину, которая его полюбит. И, наконец, мне всегда хотелось бы знать, что случилось с командой корабля Голландца, когда Сента бросается в море, и корабль тонет со всеми матросами». Вместе с тем комизм ситуации не ощущался самим Вагнером ввиду отсутствию у него чувства юмора и самоиронии, несовместимой с его мессианским нарциссизмом. Все же он задним числом ссылаясь в свое оправдание на музыкально-метафизический субстрат, который якобы сам по себе сшивает происходящее на сцене (оправдания, подхваченные впоследствии Томасом Манном): «В “Летучем Голландце” я прежде всего старался дать действие в его простейших чертах, исключить ненужные детали...» пишет в «Музыке будущего» в 1861 Вагнер (1978: 525). Увы, главной из них оказался здравый смысл, нужный и в минималистских пределах оперных жанров, пусть даже притяза-

ющих на новаторство. В этом смысле «Летучий Голландец» послужил заставкой ко всей истории его житейского и теоретического сумбура.

Вероятно, излишним было бы напоминать здесь, что излюбленным героем романтики был — и навсегда остался, при всех ее сегодняшних модификациях, — человек, духовно либо физически отторгнутый или же сам отторгшийся от постылой земли — т. е. моряк, путешественник, одинокий воитель, охотник, скиталец, бродяга. В раннем и высоком романтизме ему соответствовала героиня, пассивно ожидающая еще неведомого ей, как правило, суженого на берегу — в прямом или, гораздо чаще, переносном смысле. Оба они, по существу, чужды нашему убогому бытию, по слову Лермонтова в «Демоне»: «Господь из лучшего эфира Соткал живые струны их. Они не созданы для мира И мир был создан Не для них» (подробней обо всем этом: Вайскопф 2012).

В традиционном раскладе преобладающие, хотя и не обязательные, приметы обоих — томная худоба, вдохновенный взор и бледность — подспудно указывают на их потустороннее происхождение и, по сути дела, роднят с мертвецами. Распространенной кульминацией их первой встречи было взаимное узнавание (память душ), усвоенное и преемниками романтизма наподобие Достоевского вместе с сонмом других авторов. В то же время герой почти *ex officio* соотносился с Иисусом, а его возлюбленная — с нежной и попечительной Мадонной (в силу кое-каких богословских парадоксов латентно связанной со Спасителем брачными узами). При случае эти привязки слегка камуфлировалась метафорическим псевдонимом *ангел*, относимым то к одному, то к другому партнеру.

При более витальной обрисовке героя его странствия — прослеживаемые к античному эпосу — сочетают в себе байроническую тягу к экзотике (горы, дальние страны и пр.) с влечением к бурям (лермонтовский «Парус»). Романтик бросает им вызов, который знаменует его готовность к героическому преодолению бытия или к метафизической бесконечности. Такой типаж, давно доминировавший в западной авантюрной словесности, в николаевской России был пока довольно редок, но его метафизическая компонента акцентирована, например, у Теплякова, талантливого поэта 1830-х гг.:

Матрос! Что вдалеке твой взор распознает?
Что с мачты видишь ты? — Я вижу бесконечность!

Неудивительно, что и Вагнер в своем «Произведении искусства будущего» (1849, изд. 1850) превозносит романтические штормы и испытания, взыскуемые дерзновенным человеческим естеством (Вагнер 1978: 180–181) (понятым у него тогда еще по Фейербаху). Здесь композитора вдохновляли уже не депрессивные страдальцы вроде Голландца, а иные герои, захваченные неутолимимым жизнелюбием, страстью к приключениям и всеядной любознательностью. Вместе с тем подобная версия *selige Sehnsucht* решительно противостояла старой церковной аллегорике, тоже помянутой Вагнером

и живописующей плавание души по бурному морю страстей к спасительной гавани — Небесной родине, она же загробная Земля Обетованная.

При положительно-эротическом настрое сюжета романтическая беспредельность достигала, однако, счастливого предела — земного адекватного небесного отечества, — вне зависимости от того, бежал ли герой от любви или, казалось бы, в нее больше не верил. Как морское, так и прочие странствия — либо даже внешне бесцельное перемещение, — венчались встречей с заветной подругой, чей облик уже смутно предугадывался его душой. Олицетворяемый героиней приют заменит ему Небесную пристань, а обретенная возлюбленная Невесту Христову (= метафорический «ангел»). В принципе, однако, романтик мог вместе с нею вернуться к захватывающим путешествиям как адеквату духовного восхождения — и именно такое решение мы найдем в «Алых парусах» Грина, о которых речь пойдет ниже. В любом случае его маршрутом управляет таинственный магический зов — песня, музыка — и/или некая потусторонняя сила, маскируемая под случайность и порой олицетворяемая полуволшебным помощником. Все вместе заменяет либо дополняет для него ветер, несущий в себе семантику «духа Божия», но в иных, негативных изводах темы не лишенный и демонологических коннотаций. Бывают, конечно, и разочарования, вызванные мотивом соблазна, неверности либо неодолимых социальных барьеров, — и тогда сюжет смещается в мартирологическое русло.

Вагнер, как мы видели, развертывает в либретто другой, но смежный и тоже адаптированный романтизмом нарратив, попутно прихватывая иные фабульные мотивы, слабо увязываемые с центральным действием. По облику (бледность и пр.) романтических антигероев типа Голландца легко спутать с безвинными страдальцами, если б не «огненный взгляд» и кое-какие добавочные приметы, в отдаленной ретроспективе роднящие их с мятежным Люцифером. За ту или иную вину преступник, подобно своим земным предшественникам — Каину, Пилату или Агасферу — осужден на изнурительно-безостановочное движение и мечтает лишь о прощении и покое (правда, в лице Байрона, весьма почитаемого композитором, эпатажный романтизм восславил и неукротимых богоборцев). У сюжета есть как положительные, так и отрицательные трактовки, и вторые по возможности подтягиваются к первым, хотя оптимистическая перспектива предусматривалась далеко не всегда. Заслуженно претерпеваемые грешником страдания парадоксально ориентируют его собственный образ тоже на Иисуса — как на парадигматического мученика, — хотя по понятным причинам сходство не акцентируется. Более того, и гонимым злодеям (а порой — просто безумцам) зачастую тоже приходит на помощь заместительница попечительной Мадонны — влюбленная девушка, готовая ради них к благородному самопожертвованию².

² Имелся, впрочем, и популярный симметрический ход, заданный евангельским прецедентом с блудницей и отозвавшийся в ориенталистской окраске у Гете: это «Бог

Теоретически тут допустима определенная конвергенция нарративов о любви, мечтательном страннике, безвинном страдальце и наказанном преступнике. Вагнер же склеил и тем самым деформировал эти варианты, а для технической мотивировки действия ввел в него инородные жанровые ходы, не слишком озаботившись согласованием целого.

Романтический *ветер*, приведший героя к Сенте, — отнюдь не веянье благого Духа. Направляясь домой — уже вместе с Голландцем, — капитан Даланд говорит, что попутный штормовый ветер «дует из чертовой дыры» и что тот, «кто полагается на ветер, полагается на милость Сатаны». Зато страшная команда призраков радуется этому вихрю, наполняющему их кроваво-красные паруса: «Хахаха! Сам Сатана нам их надувает!» Именно с ним отождествляет Голландца и охотник Эрик, сиюсь отговорить любимую от союза с пришельцем: «Ты в когтях Сатаны!» Действительно, хотя никакого особой вины, кроме вызова, — причем, брошенного им вовсе не Богу, а именно дьяволу, — за ним тут не числится, «черный капитан» (как называет Голландца его команда) и сам отнюдь не лишен бесовской окраски — на то он, собственно, и ходячий, вернее, плавающий мертвец. Чело его «помрачают муки» — характерный для романтизма реликт Каиновой печати. Заимствованный из Гейне портрет, с детства околдовавший героиню («мерзкий портрет», «лживое изображение» по гневному определению встревоженной кормилицы), тоже, вопреки претексту, получает в либретто отчетливо inferнальный привкус, скоординированный, как указывалось в литературе, с общеизвестной англо-готической традицией.

Клишированно романтическая бледность Сенты, оставаясь намеком на ее потустороннее происхождение, на сей раз сама по себе сближает ее с мертвенным Голландцем: так от метафизического канона Вагнер на балладный манер перескакивает к некрофилии, игнорируя принципиальное различие между двумя типажам — неотмирного возлюбленного и бодрствующего трупа. Межжанровый и межмотивный хаос захватывает и прочие фрагменты либретто. С одной стороны, моряк одержим понятной ностальгией, с другой, — для него пригодна любая «родина». Не имея ничего общего с церковным раем как чаемой гаванью мучеников, она, однако, поставлена в ассоциативное родство с ним: «Здесь он нашел родину, здесь его корабль в надежном порту!» — ликует девушка. Сообразно аллюзионно-романтической традиции, хотя тут и не слишком уместной, inferнальный мореход одновременно ассоциируется с Иисусом, возопившим с креста: «Боже мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27: 46). Вагнеровский грешник тоже горестно взывает к «ангелам, что оставили меня когда-то», — очевидно, к тем самым, которые воплотятся теперь в Сенте. Мариологически-попечительный мотив примет в ее лице направление, да-

и баядера» (1798) — вещь, оказавшая сильное влияние на романтические сюжеты о спасении падшей женской души; упоминает ее и Вагнер в своей книге 1851 года *Опера и драма*. Случалось, правда, что доверчивая грешница сама становилась жертвой бесчеловечного обмана и надругательства.

лекое от гейневского претекста. У Вагнера сострадание героини явственно отдает поэтикой *pieta* или же духовным опытом визионеров: «Он стоит предо мной, — восклицает девушка, — с полными страдания очами, он выказывает мне свою неслыханную скорбь». Но перед нами лишь очередной инерционный реликт, пустой отголосок романтико-лирической схемы.

На первый взгляд, «томление» и «боль», жгущие грудь Сенты, и есть «любовь ангела», заменившего Голландцу именно того «пречистого Ангела Господня», что открыл ему «условия спасения». Однако сакрализованная эротика романтизма без остатка поглощается искомой «верностью» (весьма парадоксально звучавшей в устах Вагнера), а влюбленная дева заменена девушкой-смертью, идеально достойной суженого, который тоскует только по своей полноценной гибели (Dahlhaus 1979: 11–12). В конечном счете их брачный союз смахивает на хэппи энд в морге.

Подобно самому Спасителю, Сента решительно победила Сатану, ибо на ее некрофильский подвиг либреттист просто перенес ликование ап. Павла: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (I Кор. 15: 55). Ср. у Вагнера: «Обещала она тебе поругание, ад, своею верностью!» Однако эта ее мнимая победа над смертью достигается посредством уже иной — абсолютно беспросветной смерти, заменившей для обоих Царство Небесное. Через много лет в автокомментариях Вагнер сошлется на то же самое послание — точнее, на Гимн любви из его 13 главы, который, наряду с Песней Песней и вслед за церковью, романтики давно приспособили к своей псевдохристианской эротике. Но если в «Песни Песней» (8: 6) сказано, что «крепка, как смерть, любовь», то у Вагнера, как подчеркивает Дальхауз, это просто одно и то же. Свою беззаветную героиню композитор торжественно назовет «Женщиной Будущего» (Newman 1925: 21). Укажем и на другую, очень важную антитезу мировоззренческого порядка: вожденная для прежних романтиков *бесконечность* заменена *кончиной*.

В глубинах романтической поэтики обычно мерцала непостижимая тайна — зловещая или, напротив, благостная. У Вагнера же метафизический иррационализм вытесняется нечаянным абсурдизмом — побочным продуктом не столько гейневской травестики, сколько его собственного вдохновения. Изначально напрашивался так и оставшийся неразрешимым вопрос, почему каждое семилетие все без исключения женщины изменяли мистическому мореходу и какими его персональными свойствами обусловлена эта рутина? Теперь, однако, по условиям вагнеровской фабулы ему предстоит с молниеносной быстротой обрести целительную альтернативу — отсюда и вещий курьез, который мы находим в песне Сенты, подхваченной растроганными девушками: «Молите небо, чтобы *скорее жена верность ему сохранила!*»

Легенда о грешнике, приговоренном к невыносимому бессмертию (ср. булгаковского Пилата), странно контаминирована у Вагнера с обычным романтическим взаимоузнаванием влюбленных. Пускай Сента сходу узнает оригинал того портрета, который по какой-то непостижимой причине

ее навсегда заворожил, — труднее понять реакцию самого оригинала. Почему он сам мгновенно узнает героиню, хотя прежде никогда ее не видел?

Как будто из дали давно минувших времен
 Говорит со мной образ этой девушки:
 Как я мечтал о ней страшную вечность назад, —
 Так она стоит сейчас перед моими глазами здесь.

В сущности, перед нами и здесь эклектический казус. Ведь в поэтике романтизма взаимоотношение молчаливо подразумевает, что влюбленные, изнывающие ныне в земном плену, обретались некогда в ином, горнем мире. Их любовь — это и есть обоюдное припоминание былого потустороннего союза, изначального родства либо андрогинного двуединства душ, поданного в ауре тайны. Однако все это не имеет касательства к вагнеровскому Голландцу, который из недр своей «страшной вечности» тоскует вовсе не по какому-то утраченному раю, а, напротив, по «вечному уничтожению» — по блаженному «Ничто». Заемная метафизика гностически-платоновского толка использована не по назначению — лишь как рудиментарный отросток романтического сюжетного организма.

Мистический рассказ о предреченной еще на небесах встрече вступает в жанровый и логический конфликт с избитой историей о влюбленных, разлучаемых «оперным отцом», по определению Ньюмэна (либо матерью, опекуном и т. д.). Двоится и образ героини. Охотник Эрик, ее прежний возлюбленный, резонно опасается, что жадный Даланд с ее согласия предпочтет ему богача — а уклончивая реакция девушки только подтверждает эти подозрения. Ее ответ вообще отдает двуличием: «*Я еще дитя и не знаю, что пою...* Ты боишься песни, портрета?» В последующем разговоре с самим Голландцем Сента с кротким лицемерием ссылается прежде всего на свою покорность родительской воле: «Какой бы жребий ни был мне назначен, Послушна всегда буду я отцу!»

Охотник предлагает ей свое сердце, «верное до смерти», — но, как мы знаем, эта «верность до смерти» получит у Сенты существенно иной смысл. Так раздваивается один и тот же ценностный мотив. Когда его страшный сон сбывается, Эрик с негодованием напоминает ей, что она поклялась ему в «вечной верности», — но героиня вновь имитирует удивление: «Я? В вечной верности тебе клялась?» За ее репликой просвечивает чисто формальная мотивировка измены: ведь она все же не приносила ему клятвы именно в «вечной» верности. Зато их неправильно понятое Голландцем пререкания используются, посредством неуклюжего *qui pro quo*, в качестве триггера. Потрясенный услышанным, он приходит к горестному выводу о неверности и этой своей суженой, на которую возлагал было надежду о спасении. Тем не менее по отношению к ней он гуманно ссылается на аналогичный юридический резон: «Ты верность обещала мне, но перед Вечным еще не клялась, это спасает тебя! Ведь знай, несчастная, какая судьба Достается той, которая нарушает верность мне: Вечное прокля-

тие — ее жребий. Бессчетные жертвы подпали под этот приговор» (непонятно, опять-таки, вынесенный Богом или же Сатаной; но, как и в остальных случаях, это различие несущественно). Сента, однако, сразу опровергает его укоризны делом: следует суицидальный хэппи энд.

До того, как перейти к нему, не помешает вернуться к той самой сцене, где в беседе с Голландцем отец девушки зарится на несметные богатства, которыми гружен его корабль:

Редчайшие сокровища ты увидишь: —
Драгоценный жемчуг, благородные камни, —

и корыстолюбивый Даланд тут же предлагает ему в жены свою дочь, заодно ее рекламируя:

Ты даешь драгоценности, бесценные жемчуга —
Но высшее сокровище — верная жена...

В Евангелии с драгоценной жемчужиной сравнивается Царство Небесное Мф. 13: 45–46), отвергнутое у Вагнера. Для его эклектики показательно, с другой стороны, и ассоциативное соединение этого мотива с противоположным по духу ветхозаветным стихом, очень важным для немецко-протестантской домостроительной традиции — но столь же несовместимым с вагнеровской некрофилией:

Кто найдет жену доблестную? Цена ее выше жемчугов. (Притч. 31: 10),

— а рядом, в ст. 14, упомянуты и корабли, с которыми сопоставлена эта наилучшая жена: «Она, как купеческие *корабли*, издалека добывает хлеб свой». Хотя эти цитатные реминисценции указывает на инерционную зависимость Вагнера от обоих Заветов, его Голландец с самого начала мечтает лишь о прекращении любого бытия:

День Суда! Судный день!
Когда наступишь ты в моей ночи?
Когда он грозно прозвучит, удар уничтожения, *которым мир разрушится?* —

и ему вторит команда Голландца: «*Вечное уничтожение, возьми нас!*» Для пресловутого вагнеровского «инстинкта смерти» (Г. Киршнер и др.) страдания героя — только один из предлогов, который сменит потом череда разномастных — от шопенгауэровских и буддистских до католических и германско-мифологических — мотивировок. В частности, согласно Вагнеру, именно потому, что настоящая любовь является наивысшим идеалом земной жизни, ей просто не место в ее пределах, и она достигается смертью, блаженством «вечного трансцендентального покоя». Разумеется, правы все те, кто говорит о его спонтанном схождении с Шопенгауэром, при знакомстве с которым — только в 1854 году, через много лет после «Голланд-

ца» — он испытал радость встречи и задним числом нашел у него философскую санкцию для своего глобального пессимизма. Но у обоих этот настрой — как, кстати, впоследствии и у Э. фон Хартмана — был обусловлен соответствующей константой немецкого романтизма (имеющей, впрочем, и более глубокие корни), — константой, означенной уже у Новалиса с его некрофильскими «Гимнами к ночи».

Тем не менее греза о «вечном уничтожении», т. е. об истреблении всего человечества с упоением манифестируется как раз на излете романтизма. Ею одержим был, в частности, юный сатанист и поздний романтик Карл Маркс, проклиная Бога, а в своей стихотворной драме 1837 года «Оуланем» (магически инвертированный Эммануэль) мечтавший, чтобы все бытие погрузилось «навсегда в Ничто». Сатанистом был и его будущий оппонент — неистовый разрушитель Бакунин, дрезденский наставник и друг Вагнера (Вагнер 2001: 728–734).

Эсхатологический пафос сгустился также в продукции позднего русского романтизма, одним из главных представителей которого был именно Бакунин. Его кровожадно-революционные лозунги — это литургическое «смертью смерть поправ», пропущенное через левое гегельянство. Воля к смерти — без надежды на загробное воздаяние — нагнеталась как у Лермонтова, так и у авторов помельче: «Могилы жажду я! Прошу одной могилы!..» (Е. Бернет); «Мы дружно будем жить в могиле под крестом...» (С. Хитрово). Долгожданную кончину они тоже, причем еще до Вагнера, увязывали с вожделенной гибелью самой вселенной. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить речения его Голландца:

Когда он грозно прозвучит, удар уничтожения,
Которым мир разрушится?

.....

Миры, закончите ваш бег!

Вечное [= навечное] уничтожение, возьми меня! —

с еще более помпезной продукцией А. Мейснера (1836), точно так же томившегося не только по своей собственной, но и по всеобщей смерти:

Померкни же, солнца нерадостный свет,
Сплетитесь в узел, орбиты планет.
Столпитесь, миры, в необъемлемый шар
И с треском родите всемирный пожар,
Чтоб рухнул вселенной безмерный колосс —
И смертному счастье отдал хаос!

(Вайскопф 2012: 62, 77–79, 83)

У Маркса и, в меньшей мере, у Бакунина суицидально-истребительная мания выльется в тотальное уничтожение «старого мира». Рихард Вагнер направит ее в сторону геноцида.

* * *

Здесь я позволю себе вернуться к повести Гейне — к тому ее пассажи, где злосчастный мореход, тщетно маскируясь перед героиней, «смеется над суеверием, издевается над Летучим Голландцем, Вечным Жидом океана».

Однако, непроизвольно впадая в печальный тон, он рассказывает, какие несказанные муки пришлось претерпеть мингееру: среди безбрежной водной пустыни, говорит он, плоть его — не что иное, как гроб, в котором тоскует душа; его гонит от себя жизнь и не принимает смерть; подобно пустой бочке, которую волны кидают друг другу и снова насмешливо отбрасывают, мечется бедный голландец между жизнью и смертью, и ни та, ни другая не хотят его принять; его скорбь глубока, как море, по которому он плавает; на корабле его нет якоря, а в сердце — надежды» (Гейне 1958: 444).

Само собой, специфическая смесь иронии с патетикой чрезвычайно показательна для Гейне. И все же этот эпизодический для него образ исполнен как национальной, так и сопряженной с нею индивидуальной символики, понятной каждому, кто знаком с биографией автора, с его размышлениями о судьбах гонимого еврейства и с его собственной неприкаянностью в немецкой культуре.

Как в «Автобиографическом очерке» 1843-го года, так и в 1851 в «Обращении к моим друзьям», Вагнер со ссылкой на Гейне тоже назовет своего Голландца «Агасфером океана» — но во втором случае, подчеркивает Дальхаус (Dahlhaus 1979: 9), источником своего вдохновения он уже выставит якобы всего лишь пересказанный Гейне сюжет мифической «голландской пьесы». Осенью 1850 г., он уже успел напечатать свой печально знаменитый манифест «Еврейство в музыке», который переиздаст отдельной брошюрой в 1869-м. Так Вагнер стал главным апостолом антисемитизма в культуре — и официальной музой нацизма. Среди всего прочего, он с запозданием обрушился и на Гейне (не слишком отступая, впрочем, от давних и повсеместных в Германии инвектив того же сорта).

Конечно, опера «Летучий Голландец» была создана в его, так сказать, еще донацистский период. Но уже там просквозили искры inferнального предвидения. Я имею в виду слово *Erlösung*, вызволение, — то, о котором мечтает Голландец и которое он отождествляет для себя с великим Ничто. В другом значении — уже в качестве «окончательного решения» еврейского вопроса — оно появится в антисемитском памфлете Вагнера: «*Die Erlösung Ahasvers — der Untergang!*», «Спасение Агасфера — в его гибели!»³

³ Заслуживает внимания совпадение его вывода с заключительным вердиктом Маркса из его статьи 1844 года «К еврейскому вопросу» (она войдет в нацистский сборник «Евреи свидетельствуют о самих себе»): «*Die gesellschaftliche Emanzipation des Juden ist die Emanzipation der Gesellschaft vom Juden*» — «Общественная эмансипация еврея есть эмансипация общества от еврейства». Насколько мне известно, вопрос о возможном влиянии этой публикации на Вагнера никем еще не затрагивался.

В 1881-м он потребовал «насильственного устранения евреев из жизни Германии и Европы», на полвека с лишним упредив, как отмечают, гитлеровскую речь в рейхстаге от 30 января 1939 года. Не знаю, напрямую ли позаимствовал фюрер у этого безгранично почитаемого им «пророка национал-социализма» сам термин *Erlösung*, или же обошелся без этого содействия, но для миллионов европейских евреев он обернулась вагнеровским Ничто.

2.

Обратимся, однако, к менее мрачным отголоскам «Летучего Голландца». Странно препарированная Вагнером тема, очевидно, инспирировала у читателей желание перестроить ее по-своему и по-иному расставить ключевые фигуры. Яркий пример тому — краткая новелла Кафки «Охотник Гракх».

Преследуя серну в родном Шварцвальде, охотник упал в пропасть и погиб. Однако его «челн смерти» случайно взял неверный курс — и с тех пор ни в чем не повинный скиталец на протяжении столетий никак не может подняться в потусторонний мир. О своих посмертных злоключениях он рассказывает бургомистру на фоне «голых скалистых уступов», обрамляющих его дом (и напоминающих скальный ландшафт оперы). Он обречен на всесветные странствия и — как то происходит с Летучим Голландцем, — раз за разом раз его надежда обрести родину оказывается тщетной: *«Вот, кажется, я взял разбег, и передо мною уже забрезжили высокие врата⁴, но миг — и я очнулся на моем челноке, застрявшем в каких-то унылых водах»; «Челн мой носится без руля по воле ветра, который дует в нижних областях смерти»*. Подобно Голландцу, Гракх — одновременно и мертвец, и живой, это морской аналог Агасфера. Символизируя участь самого Кафки, вечного чужака и сиониста, так и не обретшего родины, он причислен к душам-призракам, безысходно блуждающим между мирами, что ориентирует его образ в первую очередь на знакомый нам типаж из пьесы Гейне. Прочитируем заново исповедь ее героя: *«...среди безбрежной водной пустыни, говорит он, плоть его — не что иное, как гроб, в котором тоскует душа; его гонит от себя жизнь и не принимает смерть; подобно пустой*

⁴ Уместно отметить заодно межконфессиональную контаминацию сотериологических мотивов у Кафки. Днем, когда к берегу причаливает бот Гракха, к дому бургомистра — с символическим именем Сальваторе — слетается голубиная стая; но еще до того, к полуночи, о прибытии охотника его, причем на человеческом языке, извещает разбудивший его огромный голубь размером с петуха. «Да, — подтверждает герой, — голуби всегда летят передо мной». Налицо соединение евангельского повествования о спустившемся с небес голубе (вдобавок сращенном тут с петухом как вестником Воскресения) и парадигматической историей Ноева ковчега, за которой у Кафки проступает также пророчество Исайи о возвращении евреев с чужбины в Сион: «Кто это летит, как облака и как голуби — к голубятням своим?» В его следующем стихе изображены и «корабли», отовсюду доставляющие изгнанников на родину (Ис. 60: 8–9). Все эти символы спасения, однако, не срабатывают у Кафки — применительно к его герою они даны лишь как тщетные обетования.

бочке, которую волны кидают друг другу и снова насмешливо отбрасывают, мечется бедный голландец между жизнью и смертью, и ни та, ни другая не хотят его принять».

Впечатляют вместе с тем и коррективы Кафки к собственно вагнеровскому тексту. Если *мореплавателю* противостоял там *охотник*, то в новелле они слились в образ *охотника-мореплавателя*. Синтез был инспирирован не только романтическим ореолом странствующего зверобоя, но и, возможно, его родством с фигурой охотника-мертвеца: ср. средневековую мифологию «дикой охоты», в германских версиях локализуемой именно в Шварцвальде. В то же время Грахх, *горный охотник на серн*, несет в себе реминисценцию из бесконечно унылой баллады Н. Ленау «Der ewige Jude», написанной в 1839 г. — в промежутке между гейневским и вагнеровским сочинениями. Ее сюжет представляет собой как бы сон во сне: это пересказ рассказа *охотника, который преследуя в горах оленя, повстречался с Вечным Жидом*, тщетно мечтающем о могильном покое.

Безотносительно к вагнеровскому либретто некоторые переклички с исходной морской легендой можно заподозрить и в миниатюрной притче Кафки «Рулевой». Сам ее сюжет — о чужаке, захватившем управление кораблем, — был, без всякого сомнения, подсказан автору 6-й книгой «Государства» Платона, где соответствующий эпизод использовался в качестве политического иносказания (488 b-d). Не исключено вместе с тем и типологическое сходство между призрачным экипажем «Летучего Голландца» и матросами у Кафки, которые на негодующие протесты настоящего рулевого реагируют с мертвенно-сомнамбулическим равнодушием: «Что за народ! Думают они о чем-нибудь или только, бессмысленно шаркая, проходят по земле?»

3.

В России с самого начала XX века и вплоть до Первой мировой войны популярность Вагнера беспримерно выросла, особенно в символистских и смежных кругах. Эта сторона дела давно (см. уже Дурьлин 1914) и настолько изучена, что о ней здесь излишне распространяться. Полезно все же уточнить, что в политическом плане его культ подпитывался более или менее прозрачными черносотенными сантиментами и мессиански-националистическим народолюбием — которые, с подачи Луначарского, после Октября на короткий период сменил народолюбие революционного разлива. Так, страстный вагнерианец Блок, призывавший «слушать «музыку революции», соединил свое давнее, но скрытое черносотенство с радикально революционными взглядами (заметно ослабевшими, впрочем, вскоре после его кратковременного ареста).

Неоромантику Александру Грину экстатическая меломания была решительно чужда, но, очевидно, его тоже не обошла предвоенная мода на Вагнера. Если сама легенда о Летучем Голландце мельком была упомя-

нута им в 1915 г. в рассказе «Капитан Дюк», то гораздо внушительнее отозвалась она в его прославленной «феерии» *Алые паруса* (первое полное издание — 1923). Сюжет намечился в самом конце 1916 года — за пару месяцев до Февральской революции (подробнее о предыстории повести и ее ранних набросках Грин 1965: 427–430; 438–439 (комм. В. Сандлера)). Наверняка не из Гейне, а именно из осевшей в памяти Грина оперы пришла к нему первоначальная — «кровоаво-красная» окраска парусов. В тогдашней рукописи незаконченная вещь так и называлась: *Красные паруса* — но тут необходимо принять во внимание, что бывший социалист-революционер давно и бесповоротно разочаровался в любых революциях. Зарождение фабулы его рассказчик возводил к игрушкам, увиденным в витрине магазина: среди них его восхитил «отлично смастеренный бот с правильно сидящим красным крылообразным парусом». Вскоре в порту, «благодаря солнечному эффекту», он как бы претворился в настоящий морской парус — «красный, почти алый». Уже тогда, в этой ранней редакции, писатель заботливо устранял потенциальные ассоциации утилитарно-политического свойства: «Надо оговориться, что, любя красный цвет, я исключаю из моего цветного пристрастия его политическое, вернее, — сектантское значение».

Неудивительно, что потом, после победы ненавистного ему большевизма, он отрекся сразу и от inferнальной символики Вагнера, и от багровой окраски ленинского государства. На слуху была знаменитая, возмущившая многих интеллектуалов, поэма Блока *Двенадцать* (1918), где прославлялся «мировой пожар в крови» и где отряд большевистских убийц, выступающих под «кровоавым флагом», вел сам Иисус Христос, — сочетание, производное, впрочем, от тогдашней религиозно-политической эклектики. В итоге «кровоаво-красные паруса» Летучего Голландца перекрасились у Грина в солярно-оптимистический *алый* цвет, который заодно обезопасил автора и от любых подозрений в заискивании перед властью. Вместе с этим колористическим сдвигом принципиально иное, чем в либретто, распределение и освещение получили ключевые персонажи Вагнера.

Ассоль, героиня феерии, еще в младенчестве утратила мать, и с тех пор ее преданно воспитывает отставной моряк *Лонгрэн*. Это почти соименник вагнеровского *Лоэнгрина*, но созвучие скорее всего сигнализирует лишь о каких-то неопределенно-оперных привязках Грина, в поле внимания которого здесь находился только «Летучий Голландец», вернее, его либретто. Показательнее оттого ситуативное совпадение: в обоих текстах отец героини — мореход. Правда, в отличие от капитана Даланда, матрос Лонгрэн лишен корыстолюбия и принадлежит к числу романтических одиночек — столь же нелюдимых, кстати, как и сам Грин, литературный псевдоним которого тоже кодируется в этом имени (настоящая фамилия писателя — Гриневский). Лонгрэна люто ненавидят и боятся филистеры, населяющие соседнюю деревню Каперна. Их растущая враждебность переносится на Ассоль, и та с детства предпочитает социуму мечтательное уединение, высвеченное метафизической перспективой: «Она знала жизнь

в пределах, поставленных ее опыту, но сверх общих явлений видела отраженный смысл и н о г о порядка».

Отставной матрос Лонгрен, сам воспитывающий и обучающий дочку, рассказывал ей разные морские страшилки — включая легенду о «Летучем Голландце» с его «неистовым экипажем». Чтобы прокормиться, он вырезает из дерева превосходные игрушечные кораблики, которые он сам или его дочь относят в магазин. Однажды для богатого заказчика он изготовил «миниатюрную гоночную яхту» и, за неимением подходящего материала, снабдил ее «парусами из алого шелка». Словом, зачаточный сюжет из первой редакции развивается теперь во всем объеме.

Игрушка очаровала маленькую Ассоль, и по пути в «игрушечную лавку» она настолько залюбовалась ею, что, спустив суденышко в ручей, стала изображать в лицах важный разговор с его «капитаном». Внезапно кораблик, подхваченный течением, стремительно уплывает. Ассоль мчит за ним по лесу — но крошечная яхта исчезает. В отчаянии девочка добирается до устья ручья и там, у самого моря, видит живописного седого незнакомца, который увлеченно разглядывает подобранный им «лесной сюрприз». То был «путешествующий пешком Энгль, известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок», выказывающий и сам «склонность к мифотворчеству». Одежда отчасти придает ему «вид *охотника*». Умиленный самим обликом и беззащитной доверчивостью Ассоль, он выдает себя за «самого главного волшебника» и, возвращая кораблик, сулит ей чудесное будущее: однажды утром «сияющая громада алых парусов белого корабля двинется прямо к тебе <...> Корабль подойдет величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, золоте и цветах, поплывет от него быстрая лодка <...> Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. — “Здравствуй, Ассоль, — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в свое царство”». Дома девочка, захваченная предсказанием, пересказывает его растроганному отцу — а тот, в надежде на то, что со временем она все забудет, подтверждает: «Будут тебе алые паруса». Пророчество, однако, навсегда западает в ее душу: «Не раз, волнуясь и робея, она уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьезно высматривала корабль с Алыми Парусами. Эти минуты были для нее счастьем; нам трудно так уй ти в сказку, ей было не менее трудно выйти из ее власти и обаяния».

Понятна тут функция Энгля, который, действуя в согласии с сюжетными стереотипами сказок, принимает на себя роль волшебного помощника. Применительно же к гриновской адаптации оперного материала он замещает вагнеровского *ангела*, закодированного в самом его имени — *Энгль*.

Разговор отца и дочери подслушал злобный бродяга — и затем сатирически пересказал его в трактире Каперны, попутно превратив непонятный ему цвет: «Тебе, говорит, исполнится совершеннолетний год, а тогда, — говорит, — специальный *красный* корабль...». Слушатели заключают, что

«Лонгрен с дочерью одичали, а может, повредились в рассудке», — и местные мальчишки с упоением начинают ее дразнить: «Эй, висельница! Ассоль! Посмотри-ка сюда! *Красные паруса* плывут!» Так красный цвет, перешедший в повесть из ее дореволюционной редакции, получает в печатном тексте новое и бескомпромиссно отрицательное значение: он всецело знаменует бытовую бесовщину, за которой сквозит презрение к багровой большевистской тирании с ее демагогическим культом «масс». Словом, *алые паруса* Грина решительно противопоставлены вагнеровским *крово-красным парусам*.

Прокомментирован был автором и сам этот альтернативный цвет его парусов — «совершенно чистый, как алая утренняя заря, полный благородного веселья и царственности»; «он рдел, как улыбка, прелестью духовного отражения». Колористическая дихотомия настойчиво маркируется под углом приближающегося апофеоза. Будущий «принц» — капитан Грэй однажды случайно подплывает к незнакомой ему деревне, представшей пред ним в красно-инфернальных тонах: «Над *красным* стеклом окон носились *искры дымовых труб*: это была Каперна. Грэй слышал *перебранку и лай*. *Огни деревни напоминали печную дверцу, прогоревшую дырочками, сквозь которые виден пылающий уголь*».

Сам же Грэй с детства был баловнем в богатом доме, где беззаветно любящая мать с готовностью откликнулась на его романтические капризы. Наделенный даром сострадания, фантазией и страстью к приключениям, он грезит о море — и в итоге, сбежав из дома, делается юнгой. Повзрослев и закалившись в суровых испытаниях, он затем осуществил наконец свою детскую мечту — стать капитаном собственного судна. Это трехмачтовый галиот, названный им «Секретом». Поначалу «капитан удивлял матросов капризами неожиданных рейсов, остановок — иногда месячных — в самых неторговых и безлюдных местах, но постепенно и они прониклись «грэизмом» Грэя. Иначе говоря, богатый и мечтательный герой со своей верной командой путешествует, в сущности, бесцельно, хотя при случае охотно перевозит экзотические грузы, включая пряности и «ценные породы деревьев: черное, сандал, пальму. Все это отвечало его аристократизму его воображения».

По отношению к Вагнеру налицо полная реориентация романтических образов, отдающая полемикой с его типажам. Подобно Голландцу, Грэй — морской скиталец, только положительного свойства: это мечтатель. Как и судно Голландца, его корабль гружен ценным добром — но в данном случае это метафора его духовного богатства. И наконец, главное — нарратив о встрече героя с экзальтированной девушкой, доверчиво ожидающей на берегу, возвращен к его романтическим истокам.

Сойдя на землю близ деревни, Грэй бесцельно, казалось бы, блуждает по лесу — и по-романтически «случайно» находит спящую Ассоль. Надев ей на мизинец дорогое старинное кольцо — метку предстоящей встречи, — он, не разбудив девушки, уходит в Каперну, где в местном трактире вытя-

гивает из хозяина историю про «Корабельную Ассоль», как в деревне прозвали «полоумную» фантазерку. Происходит это *через семь лет* после эпизода с Энглем: напомним о *семилетних* сроках у Вагнера. Завороженный девушкой и вдохновленный предсказанием, Грэй сразу же решает воплотить его в явь. Отдалившись от Каперны, он тайно убирает прежние паруса на своем «Секрете» и заменяет их *альми*.

Наконец обновленный корабль, под звуки, заранее нанятого им оркестра, приблизился к берегу, навстречу бегущей в воде девушке: «От него отделилась лодка, полная загорелых гребцов; среди них стоял тот, которого она, как ей показалось теперь, она знала, смутно помнила с детства. Запыхавшись, она сказала: « — “Совершенно такой” — “И ты тоже, дитя мое! — вынимая из воды мокрую драгоценность, — сказал Грэй. — Вот, я пришел. Узнала ли ты меня?”» Обозначение «драгоценность» отсылает, похоже, к библейской реминисценции из либретто: «высшее сокровище — верная жена»; а предписанное каноном взаимоотношение аранжировано музыкой. Сокровища Голландца трансформировались здесь в роскошное убранство корабля, изображенного плавучим эдемом: палуба «была как небесный сад»; а когда Ассоль вошла в приготовленную для нее каюту, сверху «вновь кинулась огромная музыка» — как гриновский ответ на грохочущую вагнеровскую оперу (и, одновременно, триумфальное завершение романтического «отдаленного зова», ранее тоже доносившегося к Ассоль). Завистливая Каперна посрамлена.

Не забыта Грином и вагнеровская фигура Охотника, только обретающая тут совсем другую, но также важную функцию. Если предсказание об Алых Парусах девочке сделал лишь похожий на охотника Энгль, то уже настоящий — но «неизвестный» — *охотник* в утренний час с изумлением успел заметить заветный корабль и услышал доносящийся оттуда «внезапный звук» — пение кларнета. Роль благого вестника и свидетеля тут дана как бы в усеченном варианте.

Сказка создана была Грином в отвратительное время, омраченное голодом, беспросветной нищетой и травлей. Для подданных большевизма она была такой же отрадой и выполняла ту же целительную роль, что и оперная музыка.

Александр Грин умер в 1932 году в Крыму от голода. Через несколько десятилетий, после антисталинского XX съезда советской компартии (1956), власти решили влить новую кровь в жилы своего дряхлеющего режима, — и стали, посредством комсомола, спешно изобретать «романтику революции», утилизовав для нее *Алые паруса*. В *Комсомольской правде* даже появилась рубрика под тем же названием, и до самого конца коммунистического правления гриновскую феерию представляли неким возвышенным иносказанием о большевистской мечте. По сути дела, алые паруса усердно перекрашивали в их изначальный — кроваво-красный цвет. Их почитание среди молодежи успешно поддерживается и сегодня, безотносительно к смене идеологических приоритетов. Но это трагикомическое послесловие к теме уже полностью выходит за ее рамки.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Вагнер Рихард. *Избранные работы*. Вступ. статья А. Ф. Лосев. Москва: Искусство, 1978.
- Вагнер Рихард. *Кольцо Нибелунга*. Избранные работы. Сост. и комм. К. Королев. Москва — Санкт-Петербург: ЭКСМО-Пресс — Terra Fantastica, 2001.
- Гейне Генрих. *Собрание сочинений*: В 10 т. Т. 5. Из мемуаров господина фон Шнабелевского. Пер. Е. Лундберга. Ленинград: ГИХЛ, 1958.
- Грин Александр. *Собрание сочинений*. Т. 3. Москва: Правда, 1965.
- Дурылин Сергей. *Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства*. Москва: Мусaget, 1913.
- Чемберлен Хьюстон Стюарт. *Рихард Вагнер*. Пред. и пер. с англ. С. Ф. Никитина. Санкт-Петербург: Владимир Даль⁵, 2016.
- Dahlhaus Carl. *Richard Wagner's Music Dramas*. Trans. by M. Whittall: Cambridge Univ. Press, 1979.
- Newman Ernest. *Wagner as Man and Artist*. London: John Lane, The Bodley Head, 1925.

SHORT LIST OF REFERENCES

- Chemberlen H'yuston Styuart. *Rihard Vagner*. Pred. i per. s angl. S. F. Nikitina. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2016.
- Dahlhaus Carl. *Richard Wagner's Music Dramas*. Trans. by M. Whittall: Cambridge Univ. Press, 1979.
- Durylin Sergej. *Rihard Vagner i Rossiya. O Vagnere i budushchih putyah iskusstva*. Moskva: Musaget, 1913.
- Gejne Genrih. *Sobranie sochinenij*: V 10 t. T. 5. Iz memuarov gospodina fon SHnabelevopskogo. Per. E. Lundberga. Leningrad: GIHL, 1958.
- Grin Aleksandr. *Sobranie sochinenij*. T. 3. Moskva: Pravda, 1965.
- Newman Ernest. *Wagner as Man and Artist*. London: John Lane, The Bodley Head, 1925.
- Vagner Rihard. *Izbrannye raboty*. Vstup. ctat'ya A F. Losev. Moskva: Iskusstvo, 1978.
- Vagner Rihard. *Kol'co Nibelunga. Izbrannye raboty*. Sost. i komm. K. Korolev. Moskva — Sankt-Peterburg: EKSMO-Press — Terra Fantastica, 2001.

Михаил Вајскопф

РИХАРД ВАГНЕР, ФРАНЦ КАФКА И АЛЕКСАНДАР ГРИН.
ИСТОРИЈАТ ЈЕДНОГ ЛИБРЕТА

Резиме

Верзија легенде о Летећем Холанђанину заједно са „крвавоцрвеним једрима“ поморца, на коју је композитора навела Хајнеова проза, претворила се код њега у различите неповезане религиозно-романтичарске клишеје, додатно оптерећене позоришним шаблонима. Ову еклетичку обједињавао је тек позноромантичарски патос свеопште погибије, којим је либрето прожет. Туђ тужно-иронијом хајнеовском предлошку, али типичан за Вагнеров поглед на свет, обојио је његову агресивну публицистику и преко ње касније нашао практичну реализацију у годинама нацизма. Свог несретног поморца Хајне је упоређивао с Лутајућим Јеврејином Ахашверошем, при чему је овај алегорички јунак код њега поседовао и национално-аутобиографски подтекст. У својим коментарима уз оперу Вагнер је преузео хајнеовско поређење, али истовремено је у свом памфлету „Јеврејство у музици“ искористио фигуру Ахашвероша у антисемитске сврхе, позивајући на његово уништење. Уз то су

⁵ Добавлю, что это издательство примечательно своими фашизоидными симпатиями.

се у XX веку како либрето, тако и Хајнеова прича, трансформисали код Кафке у новелу „Ловац Грахус“, која такође носи аутобиографски карактер. С друге стране, Вагнерова опера је добила контрастно-позитивно решење у фантазији Александра Грина *Гримизна једра*, где, између осталог, првобитно „крвавоцрвена једра“ Хајнеа и Вагнера добијају нову нијансу и други соларно-оптимистични смисао.

Кључне речи: Летећи Холанђанин, Хајне, Ахашверош, Кафка, Ленау, Erlösung, Маркс, Грин, поморац, ловац.

Jeremy Howard
University of St Andrews
jch2@st-andrews.ac.uk

VLADIMIR MARKOV'S *STAIRCASE IN MOONLIGHT*: QUESTIONS OF RUSSIAN MODERNIST CHINOISERIE AND SINOLOGICAL MODERNISM

Vladimir Markov (Voldemārs Matvejs) (1877–1914) avoided the ‘-ism’ plague in his writing. Yet he can be seen as orientalist, primitivist, archaist and modernist. All his published essays refer to art from China and it is this abiding concern with Chinese aesthetics that is the subject here. While leading towards the arguments developed in *Chinese Flute* [*Svirel' Kitaya*] (1914), this paper also analyses Markov's interpretation and examples of artistic principles he determined as Chinese, in his other studies. Thus we move from his concern for poetic structure, licence and appearance to ‘non-constructiveness’, ‘chance’, refinement, imitation, ‘free creativity’, collation of materials, framing, symbol and timbre. In essence these comprise an argument for ways to reform contemporary European art through core analysis of what comprises the making and stuff of art. While Markov's gaze is global, as, for instance, his investigations into African, Oceanic and North Asian art reveal, and while, simultaneously he can be described as a Byzantinist for all his concern for icons, these attributes sit alongside what we can view as modernist chinoiserie and sinological modernism. Our enquiry turns to this identification, examining how Markov's approach contextualises with developments in chinoiserie and sinology in the early twentieth century, and thereby positing relationships with the interpretational work of, for example, Vasiliy Alekseyev, Nikolay Vinogradov and Leopold Staff, as well as a range of early-twentieth-century Russian visual artists.

Keywords: Vladimir Markov, Chinese poetry, *kitaevedenie*, sinology, chinoiserie, modernism.

Introduction

In January 1914 a book entitled *Chinese Flute* (henceforth referred to by its Russian title *Svirel' Kitaya* [Свирель Китая]) by Vladimir Markov (pseudonym of Voldemārs Matvejs) and his friend Vyacheslav Yegorev was published by the Union of Youth (Soyuz Molodezhi [Союз молодежи]) society of artists in St Petersburg. It included thirty-one poems in Russian translation (or ‘transposition’) by twenty-three poets of various dynasties, an essay by Markov introducing the history and principles of Chinese poetry and nine separate notes on the authorship of some of the poems. Such an exercise in bringing Chinese literature

and an understanding of Chinese prosody to a Russian audience had never before been undertaken. Yet for all its groundbreaking role and its intensively researched and finely elaborated critical appraisal of Chinese aesthetics *Svirel' Kitaya* remains absent from the historiography of Russian *kitaavedenie* [китаеведение] (sinology), let alone non-Russian sinology, east-west cultural exchange and modernist art. To a few the silence is deafening, to most the silence is unheard.¹ What follows then is a study of void.

The literature on Laurence Binyon's pioneering appreciation of art from China or Ezra Pound's Sinophilia is extensive.² Though outstripped by Japonism, it has become something of a fashion to explore the contribution of China to the development of modernism, be that global or the Euro-American models that still hold sway for some. While I am sure there will be studies of Russian late-nineteenth and early-twentieth century interchange with Chinese culture (and vice versa) of which I am unaware, at least at first glance there would seem to be relatively few which have been aimed at non-Russian or non-Chinese audiences.³

Why should a relatively young Latvian visual artist, a student of painting at the St Petersburg Imperial Academy of Arts, be writing about Chinese literature, its history and rules? This paper seeks to supply a few answers. To do this as fully as presently possible Markov's study of Chinese poetry is here contextualised in four ways: 1) in terms of his own probing of Chinese aesthetics; 2) in terms of Russian concern for Chinese culture; 3) in relation to Euro-American modernism; 4) in regard concepts of orientalism and primitivism.

Markov's *Staircase in the Moonlight*

The back cover of the second issue of *Soyuz Molodezhi*, the eponymously titled journal of the Union of Youth group which Markov was spearheading at the time of its publication, announced *Svirel' Kitaya* as forthcoming. This was June 1912. When it finally appeared in early 1914, the volume was to include six Chinese poems which had appeared in the first two numbers of the journal immediately after the two parts of Markov's manifesto for modern art entitled 'Principles of the New Art'. Together with his subsequent study of artistry, *Faktura* (1914), this was to reveal a sensitivity to the lessons to be learned from Chinese concepts of beauty. In some respects as he skits over whole trends in very few words, Markov made sweeping generalisations about 'Chinese' principles and thus falls into the trap of late nineteenth-century/early twentieth-century European-American orientalist constructions of an homogenous China.

¹ For a major study of the unheard silence, see Sullivan 1997. For slight studies which moot the deafening silence, see Ковтун 1979; Howard, Bužinska, Strother 2016; Howard 1992; Strala 1988.

² Markov's interest in Asian art coincided with that of Laurence Binyon, Keeper of Oriental Prints and Drawings at the British Museum, London. See, for example, Binyon 1911.

³ Ellen Johnston Laing has revealed some aspects of the pre-First World War Sino-Russian visual art exchange (Laing 2010).

But where they had mostly contrived to set the art of the Chinese lands apart from that of their own, Markov possesses none of their exoticism, instead seeing fruitful relationships and potential for learning. Furthermore, he moves between media and era with an overarching intent to pick out distinguishing phenomena and traits that comprise the very stuff of genuine art, just as he does with some Byzantine, African, Oceanic, north Asian and European ‘primitives’. He inevitably fabulates but he does so through extremely diverse, concrete example and he does so from what he sees as a position of contemporary European inferiority.

Even the most cursory survey of Markov’s publications between 1910 and 1914 reveals an omnipresent modernist sinological slant. In ‘Russian Secession’, his first manifesto for the Union of Youth and Russian avant-garde art, he contextualises it with prominent ‘oriental’ aesthetic values, not only by drawing attention to the spiritual and formal conventions of Buddhist art, but also urging artists to develop their ‘own calligraphy’, as ‘in the East line is impassioned and infinite in its variations. India, China, Assyria, Byzantium — every country and people breaks lines according to their taste and own way.’ (Howard, Bužinska, Strother 2016: 160). Two years later, in his second manifesto, ‘Principles of the New Art’, he was more explicit about the qualities of art from China that he extolled, while also acknowledging that it had lost its acuity in modern times (Союз молодежи, 1–2 (1912); Howard, Bužinska, Strother 2016: 165–178). In essence the qualities came down to what he termed the principles of ‘non-constructiveness’ and ‘free creativity’ which he opposed to rational, constructiveness of European, post-Renaissance art. He found this in what he considered a sixth century Chinese Bodhisattva sculpture, with its non-anatomical treatment of the figure, its beauty in dissonance, interplay of heavy and light, linear rhythm all showing freedom from science and nature (see Howard, Bužinska, Strother 2016: 26–27).⁴ (Ill. 1) Perhaps most significantly, he also revealed it through the Chinese appreciation

Ill. 1. Unknown Artist. *Bodhisattva (Kannon)*. Bronze, gold-plated. 38.3 cm. 7th century. Tokyo National Museum.

⁴ Varvara Bubnova, Markov’s partner, noted that ‘Markov bought Münsterberg’s richly illustrated book on Chinese art... the reproduction of the Buddhist sculpture was probably taken from Münsterberg’ (Howard 1992: 120). The image appeared in Münsterberg (1910: 143). The bronze sculpture is recognised as Kannon (Guanyin), the female aspect of Bodhisattva Avalok-

of aleatoric art. His probing of the value of chance derived from analysis of Chinese examples, i. e. the wind blown bell chimes of Chinese village pagodas, the arbitrary copper oxide glazing of Chinese vases, and:

the chance, nonsensical collation of spots and lines of Chinese letters... the Chinese loves when a line unconsciously and beautifully coils like a ganglion-shaped plant. Even the capricious forms of clouds seem jejune to him and he tries all the more to enhance their whimsicality. Unlike the Greek, the Chinese cannot honestly and assiduously repeat some meander or geometric form many times. If he takes a form he unbinds it and repeats it in an infinite number of arbitrary combinations. This is in complete contrast to our academism which by its very nature does not tolerate arbitrariness anywhere and is now attempting to abolish it.

Yes, the Orient loves accidentalness, searching, catching and exploiting it in every possible way. The Chinese, for example, sings that a woman's eyebrows are long and black like the wings of black swallows in flight. In the tree they fly over he sees a harp upon whose strings the wind weeps. For him, falling snow is a cloud of white butterflies descending to earth.⁵

Chance opens up whole worlds and begets wonders. The existence of many marvellous, unique harmonies and scales, and the enchanting overall tone of Chinese and Japanese pictures, relies solely on their appearance by chance. They were appreciated by a keen eye and fixed. (Howard, Bužinska, Strother 2016: 169–170).

For Markov chance, the absurd and free creativity could bring forth the Chinese 'swans of other worlds' (Howard, Bužinska, Strother 2016: 176), deep inner resonances, in terms of artistic expression. Furthermore, they could combine with unconscious plagiarism: 'In China, where the people are raised on art and educated in beauty, what is imperiously demanded of artists is that they produce variations on three-thousand year old art. Imitation and free copying are very highly valued.' (Howard, Bužinska, Strother 2016: 175). Such appreciation of imitation leads towards Duchampian aleatoriness and use of the ready-made (e. g. 'Three Standard Stoppages', 1913–14, and 'Readymade malheureux', 1919).

Markov was to further develop his sinological modernism as he began to deepen his enquiry into 'the principles of creativity', initially with his essay on artistic facture (Марков 1914; Howard, Bužinska, Strother 2016: 179–216). There, as he looked to elucidate the constitution of the 'timbre', 'noise' or 'artistry' of art, he brought in a new range of Chinese examples to help probe the different characteristics of *faktura*. Thus whether it was in his analysis of material, material inter-relations, frame, patina, surface or symbolic imitation, he guided his

itesvara and is considered seventh century. Found in the Hōryū-ji Temple (Nara, Japan) and now in Tokyo National Museum it blends Chinese and Japanese traditions of Buddhist art.

⁵ Here Markov refers to lines from three Chinese poems which appeared in Russian translation (by Vyacheslav Yegorev), at the end of part one of his article as it appeared in *Союз молодежи* (1, 1912: 15–17). The first citation is from 'Gifts of Love' (unknown author, 18th century), in which the 'woman's eyebrows were dark and long like the wings of swallows in flight'. The second, 'Autumnal' (Lo Chang Nai, nineteenth century), 'sings' of the twigs of a tree being a harp played by the wind. The third, 'Winter's coming' (Su Shi (Dongpo), eleventh century), has snow falling unheard to earth as a cloud of white butterflies. The poems were republished in Егорьев, Марков (1914): 63, 80 and 87).

reader by Chinese ways. Suffice it to mention here that he appreciated the plastic potential of hair ('China even makes partings ornamental'), the coherence of silk picture and frame in China, the running of colour in Chinese painting ('it flows like a waterfall or stream') and that 'China requires that an artist draws mountains in such a way that they seem to breathe'. He concludes the penultimate section, titled 'Collation of Materials', with an analysis of how materials can be 'enslaved' to one another. In so doing he moves from the assemblages of Byzantine icons to the inlays of classical sculpture and then to a poem by Tang dynasty master Li Bai (Li Tao Po). In it he claims 'deep philosophical thought is absent. There is only painting with materials... the poet gives an assortment of delicately glimmering materials that are covered with the moist shine of the dew. With such a collation we are able to acquire a special *faktura* of sheen that it would have been impossible to get with just one material' (Howard, Bužinska, Strother 2016: 210–211). He thereby ignores its sense of nighttime courtesan lament.

The poem in question was to also appear in *Svirel' Kitaya* where it was titled 'Staircase in Moonlight' [Lestnitsa pri lunnom svet/ Лестница при лунном свете] (Егорьев, Марков 1914: 49). Given its significance for Markov it is worth reproducing Yegorev's Russian version (which came from Hans Bethge's German transposition (Bethge 1907: 31), with its original layout, and providing an English translation from it:

Лестница при лунном свете

Из белого, прозрачного нефрита
Подымается лестница,
Обрызганная росой...
И в ней светится полная луна...

Все ступени мерцают лунным светом.
Царица в длинных одеждах
Поднимается по ступеням
И роса, переливаясь,
Мочит края благородных покровов.

Она идет к павильону,
Где в лунные лучи
Прядут свою ткань.

Ослепленная, останавливается она на пороге.
Ея рука тихонько спускает жемчужный занавес
И ниспадают чудные каменя,

Журча, как водопад,
Пронизанный лучами солнца.
И внимает царица журчанию

И с грустью смотрит на лунный свет,
На осенний лунный свет,
Льющийся сквозь жемчуг.

... И долго с грустью смотрит на лунный свет.

Staircase in Moonlight

Of white, transparent jade
 Ascends a staircase,
 Dew-sprinkled...
 And in it the full moon is reflected...

All the steps glint with the moonlight.
 The queen, in her long robes
 Climbs the steps
 And the dew, flowing,
 Moistens the hem of the noble cloaks.

She walks to a pavilion
 Where the moon rays
 Spin their cloth.

Dazzled she stops on the threshold.
 Her hand slowly lowers a pearl curtain
 And marvellous stones fall,

Murmuring, like a waterfall
 It is pierced by sunbeams.

And the queen heeds the murmur
 And with sadness looks at the moonlight,
 At the autumn moonlight,
 Gushing through pearls.

... And, for a long time, she sadly watches the moonlight.

These twenty-two lines would seem extremely wordy and free for a Chinese quatrain in which each of the four lines has just five characters. Its pentasyllabic form, anthologised in 1705, some thousand years after its creation during the Tang dynasty, is that which its first translators worked from:

玉階怨

玉階生白露
 夜久侵羅襪
 卻下水晶簾
 玲瓏望秋月

(Bradbury: n.d.).

Markov acknowledges the translation issues in *Svirel' Kitaya* (Егорьев, Марков 1914: XVI) in relation to a very similar 'moonlight reminiscence' quatrain by Li Bai, i. e. his famous 'Quiet Night Thoughts'. So while the translation particularly suits his concern with the *faktura* of sheen, it is of limited use for the rules of Chinese prosody (such as metre, caesura, rhyme, stress, parallelism, strophe, repetition and pictorial elements) that he identifies as key. Despite this loss of the distinctive relationship between word and image in Chinese poetry Markov's and Yegorev's translation has found favour in Russian sinology, with the director of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity at the State Uni-

versity of the Humanities in Moscow, Ilya Smirnov, noting in an article dedicated to analysing translations of the ‘Staircase in Moonlight’ poem:

The history of its transposition into Russian language would seem to commence from the *Svirel’ Kitaya* anthology, the translators of which, Yegorev and Markov, were the first to acquaint our public with examples of classic Chinese poetry in that volume. This anthology has acquired a bad reputation and has often been criticised extremely maliciously... Let me risk pronouncing an idea that is seditious for any sinologist. If you want to consider Chinese poetry classics in terms of its tightness, polysemantics, outer simplicity combined with an almost fathomless depth of ideas, then does it not make sense to remember the ill-starred and frequently ridiculed attempts of Yegorev and Markov who in the early twentieth century transformed a Chinese quatrain into a rather extensive Russian text? For, though it might not always be precise, with this they expressed not just a gloss of the concept but have also divined that which lies behind the words. It is true they did this in a poor and clumsy way but, as we can now see, in the very attempt there was a glimmering of something (Смирнов: 2007; author’s translation).

Such relatively recent appraisal departs from that given by Markov’s contemporary, Vasilii Alekseyev, who in 1923 noted the following with regard *Svirel’ Kitaya*: ‘a relatively large book, with a foreword, which, in attempting to teach the reader about the structure of Chinese verse, and its system, simulates erudition. This book can produce an effect on the reader, and hence the anthology requires a couple of words’ (Алексеев: 2000, 30–31). Thereafter Alekseyev gave what he considered a literal translation of Tang poet Meng Hao-jan’s verse that Yegorev had translated with the title ‘Awaiting a Friend’ (Егорьев, Марков: 1914, 39). Yegorev’s wordiness and departure from the original was regarded by Alekseyev as an example of pretentious fabrication rather than direct translation, something he considered being pioneered by his own volume. And yet, compared to the dry ‘literal’ rhyming translations by Alekseyev and his student Yulian Shchutskiy, there is, as Smirnov notes, some essential glimmer in *Svirel’ Kitaya*’s moonlit staircase. This then is Shchutskiy’s 1922 Russian translation of ‘Staircase in Moonlight’, now retitled ‘Longing on Jasper Stairs’ (alongside my attempt at an anglicised interpretation of it):

Тоска у яшмовых ступеней

Я стою... У яшмовых ступеней
Иней появится осенний.
Ночь длинна-длинна... Уже росой
Мой чулок охвачен кружевной.
Я к себе вернулась и, печальна,
Опустила занавес хрустальный;
Но за ним я вижу: так ясна
Дальняя осенняя луна!

(Щуцкий: 1922)

Longing on Jasper Stairs

I stand... On jasper stairs
As autumn rime appears
The night is ever so long
My stockings laced with dew on.
Composing myself, and hurting,
I lowered the crystalline curtain
But beyond it I see as if clean
The distant autumn selene!

Who are we to decide between Yegorev and Shchutskiy? Or, for that matter, between their Russian attempts and, for instance, Hans Bethge’s, Judith Gautier’s,

Ezra Pound's, Arthur Cooper's, Andrew W.F. Wong's German, French and English versions.⁶ Let us suspend judgment and instead place Yegorev and Markov's endeavours alongside the creative Chinese interpretations of, say, Pound.⁷ Furthermore, it can be seen to lay the ground for outstanding examples of Russian and Polish sinological modernist poetry, i. e. Nikolay Gumilev's anthology of eleven transpositioned Chinese poems *Porcelain Pavilion* (Гумилев: 1918) and Leopold Staff's 1922 volume of 'Chinese' verse which even carried the same title: *Fletnia Chińska* (Staff: 1922).

Russian *Kitaevedenie*, Modernist Chinoiserie and Sinological Modernism

Assisted by Yegorev, Markov's probing of the principles of Chinese art and poetry coincided with a surge in Russian concern for Chinese culture. While this partially derived from the Tsarist regime's political and economic interests in the Far East, it was most closely connected with a heightened scientific and artistic appreciation of Chinese civilisation.⁸ A few examples of the latter stand out for their relationship to Markov's mix of chinoiserie and sinological modernism. With links between them, and no hard boundaries dividing them, they can be classified in the following way: literary interpretations ('scientific' and 'creative'); collections; displays; and visual interpretations ('creative'). Together they comprise the Russian historical performance of Chinese art and hence it is worth at least introducing them. For all the Russian historiography of its *kitaevedenie*, it would appear that the sources closest to Markov's critical-aesthetic-historical terms of reference, and in particular those of his moment, are largely overlooked. Three such works can be mentioned.

First, Wilhelm Grube's *Spiritual Culture of China: Literature, Religion, Cult* (Духовная культура Китая. Литература, религия, культ) which was published in St Petersburg in 1912, as a Russian translation (by P. O. Efrussi) from several German texts by the author (Грубе: 1912). It included several photographs and poems (creatively transposed into Russian by Andrey Koltonovskiy). Grube had died in 1908 but he had a long-standing connection with the Russian capital, having been born and trained as a sinologist there before settling in Germany.

⁶ Concerning English translations, see, for example: Bradbury: n.d. Bradbury prefers Pound's title 'The Jeweled Stairs Grievance' and indicates the verse's place in western modernist literature (see Pound: 1915).

⁷ Pound's 'The Jeweled Stairs' Grievance' (Pound 1915: 13) reads:

The jewelled steps are already quite white with dew
It is so late that the dew soaks my gauze stockings,
And I let down the crystal curtain
And watch the moon through the clear autumn.

⁸ Of particular note in this regard is artist and physician Pavel Pyasetskiy's (Piassetsky) textual and visual record of his experience of Chinese culture in the mid-1870s (this having been published in Russian, French and English editions between 1880 and 1884, e. g. Пясецкий: 1880–81).

Markov's knowledge of German also meant that he was to plagiarise parts of Grube's earlier, monumental *Geschichte der chinesischen Litteratur* (Leipzig, 1902) for his analysis of 'stress' and 'parallelism' in *Svirel' Kitaya*.

Second, writing for *Apollon* in May 1914, the young art critic Vsevolod Dmitriev produced a study of 'Chinese realness' (Китайская реальность) in which he enthusiastically argued for an appraisal of Chinese art in terms of its refined formal 'non-resistance' (непротивление). This was a term he borrowed from the Russian translation of Henri Borel's creative interpretation of Lao-Tze's Taoist 'Wu Wei' effortlessness, as opposed to the 'struggle' (борение) at the heart of European art with its qualities of passion (страстность) (Дмитриев 1914: 24–25).⁹

Third, Pavel Gladkiy, a member of the Russian Society of Orientalists and the Royal Asiatic Society of Great Britain, published *Chinese Art. An Historical Introduction* (Китайское искусство. Историческое введение) in Harbin in 1915. In this small booklet the author gave a sweeping yet critically informed and perceptive overview of the development of principle qualities of art in China. He reserved his most ardent criticism for the empiricist approach and exoticist neglect afforded it by Europeans. His cover featured a black-and-white drawing of two young birds, one singing, perched on a bending willow tree branch. (Ill. 2) The flat, abstracted style of the image correlates with the Art Nouveau interlaced linear floral pattern of the vignette that then introduces Gladkiy's text. (Ill. 3)

Appearing between 1912 and 1915, these three examples show both the currency of Markov's Russian sinophilia and the vital relationship between the literary and visual artistic principles he discerned. In terms of their Illustrations, it is Dmitriev's work, published in the month of Markov's death, where images of Chinese paintings of different eras from Russian collections appear, i. e. those

Ill. 2. Unknown Artist. Cover. Pavel Gladkiy. *Chinese Art. An Historical Introduction*. Harbin. 1915.

Ill. 3. Unknown Artist. Vignette, p. 3. Pavel Gladkiy. *Chinese Art. An Historical Introduction*. Harbin. 1915

⁹ Dmitriev also suggested that a third way for the artistic conveyance of 'real' could be discerned, i.e. that of 'transfigurative' (преображенная) realness in Russian icons (Дмитриев 1912: 25). Borel's book had originally appeared in Dutch in 1895 and soon thereafter in a number of English translations.

Ill. 4. Li Zhaodao. *Jiucheng Palace*.
Painted silk. 36 × 30 cm.
c. early 8th century

Ill. 5. Tang Yin. *A Beautiful Woman
with Peonies*. Painted silk. 74 × 51 cm.
Early 16th century

of the Paris-based Viktor Golubev (Victor Goloubew) and the Muscovite Sergey Shchukin. Golubev's immersion in oriental art was without European parallel and at this stage included his crucial involvement in groundbreaking exhibitions at the Cernuschi Museum in Paris as well as his responsibility for the pioneering illustrated de-luxe annual *Ars Asiatica*. The first volume of the latter appeared in early 1914 and was dedicated to recording and analysing *La Peinture Chinoise*, an exhibition of Chinese painting that had taken place in May-June 1912 (Chavannes, Petrucci: 1914). It provided Dmitriev with all but one of his seven reproductions, four of which were drawn from Golubev's collection: Li Zhaodao's kaleidoscopic 'Jiucheng Palace' (Ill. 4), Wang Shen's paired eating and sleeping 'Eagles, A Beautiful Woman with Peonies' by Tang Yin (Ill. 5) and 'Portrait of an Emperor' by an unknown artist. Thus the Tang, Song, Ming and Qing dynasties were represented, as were distinctive Chinese formal treatments of architecture, human figures, birds and flowers. The first, with its compact, flattening treatment of multiple faceted planes that comprised the 'nine-perfections' palace and its Qinling mountain setting seen from a high viewpoint, appeared to be a fragment of a much larger composition. In *La Peinture Chinoise* the image was accompanied by a French translation of Tang poet Du Fu's verse lamenting the palace's extravagance (Chavannes, Petrucci 1914: 1–5). Tang Yin's 'Beautiful Woman' is also accompanied by poetry (by Wen Zhengming?), this time at the top right of the silk panel and praising the grace of the woman inhaling the aroma of the peonies diagonally below. That the woman is cropped at her waist suggests the image is likewise only a fragment of a larger picture — in this case a full-length portrait. Such fragmentation and cropping was quite possibly unknown to

the Russian modernists who would have seen the images in *Apollon*, yet, nevertheless, they would have appealed to their concern for fracture and abstraction, as would the balanced asymmetry of the compositions and the incorporation of script.

Across such range Dmitriev discerned distinct, refined approaches to the human figure. These he supplemented with a reproduction of and note (by *Apollon* editor Sergey Makovskiy) on the silk scroll ‘Portrait of Patriarch Qiang Mei Laozi’ (Ill. 6) belonging to Sergey Shchukin. In the note Makovskiy cited Golubev for the attribution of the latter to the early Qing dynasty (17th century) and considered the flattened full-frontal, full-length image (in India ink and watercolour) of an old man seated on a throne-like chair in ceremonial robes and holding a rosary as a funerary portrait: ‘such portraits are usually encountered in the parts of houses dedicated to family forebears and they are venerated like icons in accordance with Confucian tradition’ (Дмитриев 1912: 23). An inscription on the painting adds further detail: ‘Epoch-bearing, oldest ancestor Qiang Mei Long Brows has said farewell to the world. His journey to the abode of Yan Fu sanctum took 85 years. Four greats [elements?] must return to earth. His spirit moves westwards towards the patriarchs of Buddhism.’ (Сычев 2014: 110).

Shchukin possessed at least six Chinese and Korean paintings, with this, the largest (at 156 × 95 cm) being given a significant place in the hall known as the Cézanne gallery.¹⁰ A photograph by Pavel Orlov (c. 1914) reveals it, in a frame and behind glass, hung on the same wall as a selection of French Impressionist and Post-Impressionist paintings, including a Paul Cézanne still-life, a landscape by André Derain, and six figure paintings (Ill. 7). The latter, which included portraits by Maurice Denis, Auguste Renoir and Vincent Van Gogh, featured Cézanne’s ‘Mardi Gras (Pierrot et Arlequin)’ and ‘Man with a Pipe’ as well as Henri Matisse’s ‘Nude. Black and Gold’, all of which would seem to have been juxtaposed with the Qing portrait to stimulate visual associations.¹¹

Ill. 6. Unknown artist. *Portrait of Patriarch Qiang Mei Laozi*. Painted silk. 156 × 95 cm. 17th century. State Museum of Oriental Art, Moscow

¹⁰ Shchukin’s brother Pyotr Shchukin was also a collector of Chinese art, including porcelain and sculpture.

¹¹ I am grateful to Shchukin collection specialist Natalya Semenova for revealing the existence of the photograph to me after I had presented an initial version of this paper in 2014 (see also Semenova 2018: 213; Semenova 2019: 178–179, 180–181, where the author mentions how the Korean portraits coincided with Shchukin’s obsession with Derain). Menshikova (2016: 41) tentatively suggests *Patriarch* is slightly earlier than Qing, i. e. from the mid-Ming dynasty (15–16th century). She confuses Dmitriev’s discussion of an earlier portrait of a Chinese holy man (from artist Henri Rivière’s collection, and as reproduced in *Apollon* and *La Peinture Chinoise*) with the Shchukin-owned scroll (Дмитриев 1912: 23).

Ill. 7. Paul Orlov, Cézanne Gallery, Shchukin mansion, Moscow. Photograph. 1914 (reconstruction by Christine Delocque-Fourcaud © Collection Chtchoukine, Paris)

The Shchukin gallery photograph leads us to the display of Chinese art in Russia in Markov's time. Markov had discussed the beauty of the Tangut Buddhist artworks from Khara-Khoto that were exhibited in St Petersburg in early 1910 in 'Russian Secession' (Howard, Bužinska, Strother 2016: 161). And two years earlier, at the large International Art-Construction Exhibition, held in the Russian capital (May — October 1908), the pavilion of the Trans-Manchurian (Eastern Chinese) Railway, had been built in the style of a Chinese pagoda and contained photographs, some tinted, not only of railway frog crossings and platforms but also of Chinese architectural motifs that the engineers had encountered while building the line. For our purposes, particular significance can be apportioned to an exhibition of international folk prints that was mounted in a hall of the Moscow School of Painting, Sculpture and Architecture in February 1913. Entitled 'The First Exhibition of *Lubki*', work included was Chinese, Japanese, Buryat, Korean, Persian, Turko-Tataric, Russian, French, English, Polish, German and Hungarian. The vast majority of this graphic art was Chinese. It had been acquired in 1912 by the organiser of the exhibition, Nikolay Vinogradov (then a twenty-seven year old architecture student and revolutionary), when he had visited his family in Harbin, the new, Russian-created, urban hub of Trans-Manchurian railway in northeastern China.

In his review of the show critic Sergey Mamontov noted the following:

The Chinese section is the most full of all. A whole series of pictures of religious subjects is striking for its resemblance to works of our Suzdal icon-daubers. A set of original exemplars by employees of a school for graphic trades artists of the Celestial Empire is arranged in a special display case. They are not allowed to deviate one iota from these templates. There are some interesting little

Ill. 8. Unknown artist, Xunyan Lou Tavern. Coloured xylograph. 53 × 92 cm.
Late 19th — early 20th century. Elena Ovsyannikova Collection, Moscow

female figures with softly finished faces, these being created to order by itinerant street artists in southern Chinese towns. (Мамонтов 1913)

Mamontov was the son of Savva Mamontov, the founder of the Abramtsevo art colony who had actively sought a regeneration and modernisation of Russian folk traditions in the 1880s and 1890s via the input of some of the most creative Russian artists of the day. That this scion of the previous reformist generation should have discerned a formal kinship between Chinese religious prints and the relatively crude stylised late-seventeenth/early eighteenth century (and later) folk icons of Suzdal is significant, not least because the artistic enterprises of the Mamontov family were critical for the development of subsequent Russian avant-gardes. Furthermore, without getting into details, his Chinese-Suzdal connection intimates a path in innovative cultural equation being advocated and taken by Markov (and his milieu).

According to Boris Riftin, who surveyed the exhibition catalogue, reviews and known surviving works, the Chinese art mainly comprised *nianhua* (woodblock prints) for the new year spring festival, but also included theatre, story and votive prints, e.g. of ‘Door Gods’ and ‘The Eight Immortals’ (Рифтин et al 1991: 8). One work, from Yangliuqing, one of the oldest and most revered centres of *nianhua* production, was a large coloured print depicting ‘Xunyan Lou’, an ancient tower inn overlooking the Yangtse River (Рифтин et al: Plate 107) (Ill. 8). This is the setting for a series of scenes illustrating the writing of a seditious poem, arrest and freeing of the Song dynasty outlaw Song Jiang. Derived from chapters 38 to 40 of the classic novel *Water Margin* (*Outlaws of the Marsh*) written in vernacular Chinese by Yuan dynasty author Shi Nai’an, the multiple moments in Vinogradov’s print are marked by vivid yet highly limited coloration,

Ill. 9. Unknown artist. *You can make up a Poem*. Coloured xylograph. 28×56 cm. Detail. Late 19th — early 20th century. State Hermitage Museum, St Petersburg.

delicate linearity, dramatised poses, ambiguous space, identifying captions, and an attention to figural detail. Jane Ashton Sharp has revealed the significance of this broadsheet medium and its formal strategies for the new art of Natalya Goncharova and Mikhail Larionov, and she has done so through a brief survey of Vinogradov's exhibition and collection that hints at the place of *nianhua* (Sharp 2006: 153–157).

Riftin has pointed out that Vinogradov's was not the first Russian exhibition of such prints from China, it being preceded in 1898 and 1910 by exhibitions dedicated to them in St Petersburg, both being organised under the auspices of the Imperial Russian Geographic Society (Рифтин et al 1991: 1–8).¹² While Markov is unlikely to have seen the first, the second was displayed in the imposing new premises of the society in the year that his activities within the Union of Youth were initiated and so may well have caught his eye. The collection was that of the young sinologist Vasilij Alekseyev, subsequently Markov's posthumous detractor.¹³ One could identify any number of works for alignment with Markov's identification of Chinese creative principles but here we should just introduce the

¹² Russian modernist awareness of Chinese visual art was also raised in the first issue of *Apollon* through Wassily Kandinsky's 'Letter from Munich'. In this the budding syncretic abstractionist praised the 'Japan und Ostasien in der Kunst' exhibition, with its twelfth century Chinese painting, for its rhythmic abstract form and colour that reflected a deeply felt 'inner sound' that was the 'sound of the human soul' (Кандинский 1909: 19–20). Given the similarities of their exegeses could Kandinsky have alerted Markov to the value to be gleaned from China? They were certainly in touch within a few years.

¹³ Riftin et al (Рифтин et al 1991) illustrates more than forty prints from Alekseyev's collection, the majority of these now being in the State Hermitage and the Museum of the History of Religion, St Petersburg.

left half of 'You can give up a pear. You can make up a poem', a Yangliuqing print that illustrates poem-maxims from *San Zi Jing (Three Character Classic)*, a Song dynasty Confucianist elementary learning text: (Рифтин et al 1991: plate 62 detail). In 'You can make up a poem' (Ill. 9) both subject and stylised execution accord with Markov's views on Chinese aesthetics. Hence we are presented with a young girl who finds willow fluff analogous to snow and a composition that combines logogram verse with a picture employing 'non-constructive' perspective, light, etc.

Vinogradov's *lubki* exhibition was augmented by two 'Negro sculptures' from Larionov's collection and some bronze religious statues of unknown origin belonging to Goncharova, as well as a set of 'contemporary Russian *lubki*' by the latter.¹⁴ Such connections, coincident as they were with Markov's articulation of the need for a revivifying 'primitive' approach for modern art, brings us to contemporary Russian visual interpretations of Chinese art. It remains an open question how far these comprise modernist chinoiserie or sinological modernism. Within 'The Russian Avant-garde, Siberia and the East' exhibition, which took place in Florence in late 2013, and its accompanying catalogue, numerous visual associations (some well-known, others less so) between early twentieth century Russian painting and Chinese art were enunciated.¹⁵ Among the works included were Ilya Mashkov's 'Lady with a Chinese Woman (Portrait of Eugenia Kirkaldy)' (1910) in which the young Scottish art student in Moscow and her Chinese 'servant' are treated as objects, along with the accompanying still-life, deer and snake, for the artist's painterly experimentation. With the maid looking like an oversized print turned into wallpaper, this colorist chinoiserie bears much in common with that witnessed in Pyotr Konchalovskiy's 'Family Portrait with Chinese Print' (1911) where the broadsheet on the wall features a flattened and stylised Chinese boy grappling with a fish among waves.

Likewise Goncharova, who, together with Larionov, possessed a collection of Chinese folk prints, took to playing with Chinese themes and formal solutions in her painting around this time, e. g. in 'Still-Life with Chinese Print' (1908–09), 'Chinese Lubok' (early 1910s) and 'Chinoiserie' ('Kитаeska', 1912–13). With their heightened attention to Chinese technique (combined with an increasing dominance of Chinese motifs) these works appear the start of Russian sinological modernism, and a primitivist move away from the more chinoiserie-exoticist contemporary work of Alexander Benois and Nikolay Kalmakov, e.g. Benois' designs for Igor Stravinsky's opera 'Le Rossignol' (1914) and Kalmakov's 'Buddha and Chinese Maiden' (1913). As the editors of the Florence catalogue indicate: 'Goncharova turns the affected, *rétro* elegance of *chinoiserie* upside-down in her painting of that name to pinpoint the intrinsic value of the calligraphic stroke as a visual sign in Chinese art' (Bowlt, Mislér, Petrova (eds.). 2013: 182).

¹⁴ From the catalogue, as cited in Sharp 2006: 155.

¹⁵ The catalogue (Bowlt, Mislér, Petrova eds. 2013) reproduces and contextualises all of the paintings discussed in this paragraph and the next. They are in the collections of the Russian Museum, St Petersburg, and Tretyakov Gallery, Moscow.

Ills. 10, 11. Olga Rozanova. Drawing. *Soyuz Molodezhi*. 3, 1913

Russian sinological modernism, with a discernible admixture of Nipponesque flair and primitivist daring, was to be furthered in the highly abstract so-called cubo-futurist drawings that Goncharova and Larionov, as well as their Union of Youth colleagues Olga Rozanova and Iosif Shkolnik, were to make for contemporary avant-garde booklets and periodicals, e. g. *Gardeners over the Vines* [Вертоградари над лозами] (Goncharova and Sergey Bobrov, 1913), *Old-Time Love* [Старинная любовь] and *Pomade* [Помада] (Larionov and Aleksey Kruchenykh, 1912 and 1913) and *Soyuz Molodezhi* [Союз молодежи] (Rozanova and Shkolnik, No. 3, 1913) (Ills. 10–12). In all of these a relationship with Chinese ink landscapes and calligraphy is felt, as if the oriental work had provided a departure point. Ultimately, we can also draw into this sinological modernist web, typical abstract works by Kandinsky and Constructivist assemblages by artists such as Gabo, with the two utilised by Sullivan (1997: 224–248) for indications of their distinctive metaphysical and formal ‘Far Eastern’ sensitivities, serving as adequate examples: i.e. Kandinsky’s ‘Light Picture No. 188’ (1913) and Gabo’s ‘Construction in Space with Balance on Two Points’ (1925).

To Conclude... or Not

It would seem to go against the grain of the creative principles discerned in Chinese art by Markov and his contemporaries to provide a rationalised rounding off of this enquiry. That said, we have shown that an appreciation of a variety of Chinese aesthetics in diverse media both informed and helped develop Russian modernist language. The turn east was imaginative, unrestricted by scientific or linguistic literalness. In many ways it was led by the explanatory examples of Markov, these consistent with and followed by a wide range of visual practice demonstrated by artists with whom he was associated, not least leading members of/contributors to his Union of Youth group. Despite the wealth

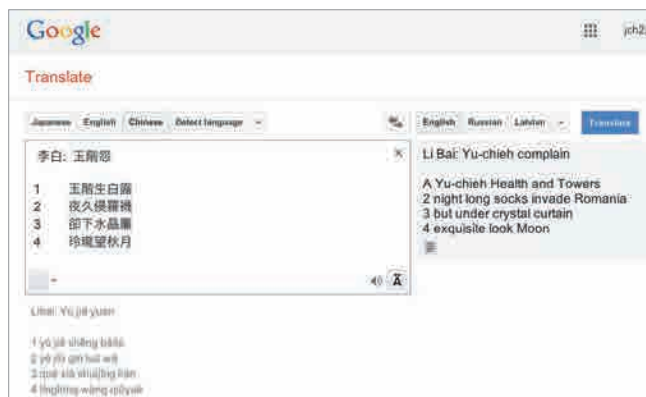

Ills. 12. Olga Rozanova. Drawing. *Soyuz Molodezhi*. 3, 1913

of enquiry into Russian modernism, it seems odd that this particular relationship has hitherto been so little focused on. Hence this piece is an attempt to draw it out of the shadows to allow the ‘pearl curtain’ to be raised and ‘pierced by sunbeams’ or ‘moonlight gushing’. With this in mind, let us end with the discombobulated, dadaesque online Google translation into English of Li Bai’s ‘Staircase in the Moonlight’ (or ‘Yu-chieh complain’), as it appeared on my computer screen in 2014 (Ill. 13):

Yu-chieh Health and Towers
 night long socks invade Romania
 but under crystal curtain
 exquisite look Moon

Would Markov, given his principles of non-constructiveness, chance, ‘noise’, free creativity and material enslavement, have approved? Who knows.

Ill. 13. Google Translate. *Yu-chieh Health and Towers*. 2014

LITERATURE

- Alekseev Vasilij. "Predislovie". Shchuckij Yulian. *Dal'nee ekho: Antologiya kitaiskoj liriki (VII–IX vv.)* [Moskva-Peterburg: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 1923]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000: 25–36.
- Anonymous. "WAYS — Li Po's Jade Stairs Lament". http://poetrychina.net/translation/jade_stairs (accessed 7.6.2021).
- Baldassari Anne. *Icons of Modern Art. The Shchukin Collection*. Paris: Gallimard, 2016.
- Bethge Hans. *Die Chinesische Flöte*. Leipzig: Insel, 1907.
- Binyon Laurence. *The Flight of the Dragon: an essay on the theory and practice of art in China and Japan*. London: John Murray, 1911.
- Bobrov Sergej, Goncharova Nataliya. *Vertogradari nad lozami*. Moskva: Lirika, 1913.
- Borel' Genri. *Neprotilvenie*. Sankt-Peterburg: B.M. Vol'f, 1913.
- Bowlt John, Misler Nicoletta, Petrova Evgenia (eds.). *The Russian Avant-garde, Siberia and the East*. Milan: Skira, 2013.
- Bradbury Steve. "Li Bai. The Jeweled Stairs' Grievance". https://www.cipherjournal.com/html/bradbury_stairs.html (accessed 7.6.2021).
- Chavannes Edouard, Petrucci Raphaël. *La Peinture Chinoise au Musée Cernuschi Avril-Juin 1912*. Bruxelles, Paris: G. Van Oest, 1914.
- Dmitriev Vsevolod. "Kitajskaya real'nost'". *Apollon* 5 (1914): 21–25.
- Douglas Charlotte. *Swans of other Worlds: Kazimir Malevich and the Origins of Abstraction in Russia*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1980.
- Egor'ev Vyacheslav, Markov Vladimir. *Svirel' Kitaya*. Sankt-Peterburg: Soyuz molodezhi, 1914.
- Gladkij Pavel. *Kitajskoe iskusstvo. Istoricheskoe vvedenie*. Harbin: Tipografiya Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi, 1915.
- Grube Wilhelm. *Geschichte der Chinesischen Litteratur*. Leipzig: C. F. Amelangs, 1902.
- Grube Vil'gel'm. *Duhovnaya kul'tura Kitaya. Literatura, religiya, kul't*. Sankt-Peterburg: Brokgauz-Efron, 1912.
- Gumilev Nikolaj. *Farforovyj pavil'on*. Sankt-Peterburg: Giperborej, 1918.
- Howard Jeremy, Bužinska Irēna, Strother Z.S. *Vladimir Markov and Russian Primitivism: A Charter for the Avant-Garde*. Abingdon: Routledge, 2016.
- Howard Jeremy. *The Union of Youth*. Manchester: Manchester University Press, 1992.
- Kandinskij Vasilij. "Pis'mo iz Myunhena". *Apollon* 1 (1909): 17–20.
- Kovtun Evgenij. "Iz istorii russkogo avangarda (P. N. Filonov)". *Ezhegodnik rukopisnogo otdela pushkinskogo doma na 1977 god*, Leningrad: Nauka, 1979: 216–226.
- Kruchenyh Aleksej, Larionov Mihail. *Starinnaya lyubov'*. Moskva: Kuz'min i Dolinskij, 1912.
- Kruchenyh Aleksej, Larionov Mihail. *Pomada*. Moskva: Kuz'min i Dolinskij, 1913.
- Laing Ellen Johnston. "Boris Riftin and Chinese Popular Woodblock Prints as Sources on Traditional Chinese Theater". *Chinoperl Papers* 29 (2010): 183–208.
- Menshikova Maria. "Chinese Portrait from the Sergei Shchukin Collection". *Hermitage Magazine* 23 (2016): 40–41.
- Mamontov Sergej. "Vystavka lubochnyh kartin raznyh narodov i epoh". *Russkoe slovo*. 43, 21.02.1913: 15.
- Markov Vladimir. *Faktura*. Sankt-Peterburg: Soyuz molodezhi, 1914.
- Pyaseckij Pavel. *Puteshestvie po Kitayu v 1874–1875 gg. (2 tom)*. Sankt-Peterburg: M. Stasyulevich, 1880–1881.
- Pound Ezra. *Cathay*. London: Elkin Mathews, 1915.
- Riftin Boris, Van Shucun', Tun Czinjanya. *Redkie kitajskie narodnye kartiny iz sovetskih so-branij*. Leningrad: Avrora, 1991.
- Sharp Jane Ashton. *Russian Modernism between East and West. Natal'ia Goncharova and the Moscow Avant-Garde*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Shchuckij Yulian. "Li Bo". *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva* 1 (1922): 43.
- Semenova Natalya. *The Collector. The Story of Sergei Shchukin and His Lost Masterpieces*. New Haven: Yale University Press, 2018.
- Semenova Natalya. *Shchukin. Biography of a Collection*. Moskva Slovo, 2019.
- Smirnov Il'ya. "Ob odnom stihotvorenii Li Bo". *Inostrannaya literatura* 2 (2007): 275–288.

- Soyuz molodezhi*. 1–4 (1912–1914).
- Staff Leopold, *Fletnia Chińska*. Warsaw: J. Mortkowicz, 1922.
- Strala A. “Voldemāra Matveja atzinas par kiniešu dzeju” [Voldemars Matvejs’ Opinion of Chinese Poetry], *Karogs* 7 (1988): 184–185.
- Sullivan Michael. *The Meeting of Eastern and Western Art*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Sychev V. L. *Klassicheskaya zhivopis’ Kitaya v sobranii Gosudarstvennogo muzeya Vostoka*. Moskva: Gosudarstvennyj muzej Vostoka, 2014.
- Алексеев Василий. «Предисловие». Щуцкий Юлиан. *Дальнее эхо: Антология китайской лирики (VII–IX вв.)* [Москва-Петербург: Государственное Издательство, 1923]. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2000: 25–36.
- Бобров Сергей, Гончарова Наталия. *Вертоградари над лозами*. Москва: Лирика, 1913.
- Борель Генри. *Непротивление*. Санкт-Петербург: Б. М. Вольф, 1913.
- Гладкий Павел. *Китайское искусство. Историческое введение*. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1915.
- Грубе Вильгельм. *Духовная культура Китая. Литература, религия, культ*. Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1912.
- Гумилев Николай. *Фарфоровый павильон*. Санкт-Петербург: Гиперборей, 1918.
- Дмитриев Всеволод. «Китайская реальность». *Аполлон* 5 (1914): 21–25.
- Егорьев Вячеслав, Марков Владимир. *Свирель Китая*. Санкт-Петербург: Союз молодежи, 1914.
- Кандинский Василий. «Письмо из Мюнхена». *Аполлон* 1 (1909): 17–20.
- Ковтун Евгений. «Из истории русского авангарда (П. Н. Филонов)». *Ежегодник рукописного отдела пушкинского дома на 1977 год*. Ленинград: Наука, 1979: 216–226.
- Кручных Алексей, Ларионов Михаил. *Старинная любовь*. Москва: Кузьмин и Долинский, 1912.
- Кручных Алексей, Ларионов Михаил. *Помада*. Москва: Кузьмин и Долинский, 1913.
- Мамонтов Сергей. «Выставка лубочных картин разных народов и эпох». *Русское слово*. 43, 21.02.1913: 15.
- Марков Владимир. *Фактура*. Санкт-Петербург: Союз молодежи, 1914.
- Пясецкий Павел. *Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг.* (2 том). Санкт-Петербург: М. Стасюлевиц, 1880–1881.
- Рифтин Борис, Ван Шуцунь, Тун Цзинханя. *Редкие китайские народные картины из советских собраний*. Ленинград: Аврора, 1991.
- Смирнов Илья. «Об одном стихотворении Ли Бо». *Иностранная литература* 2 (2007): 275–288.
- Союз молодежи*. 1–4 (1912–1914).
- Сычев В. Л. *Классическая живопись Китая в собрании Государственного музея Востока*. Москва: Государственный музей Востока, 2014.
- Щуцкий Юлиан. «Ли Бо». *Восток. Журнал литературы, науки и искусства* 1 (1922): 43.

Цереми Хаурд

СТЕПЕНИШТЕ У МЕСЕЧИНИ ВЛАДИМИРА МАРКОВА:
ПИТАЊА РУСКОГ МОДЕРНИСТИЧКОГ СИНОИЗМА
И СИНОЛОШКОГ МОДЕРНИЗМА

Резиме

Владимир Марков (Voldemārs Matvejs) (1877–1914) избегавао је тенденцију „-изма“ у свом писању. Ипак, можемо га сматрати оријенталистом, примитивистом, архаистом и модерним. Сви његови објављени есеји односе се на кинеску уметност и његово интересовање за кинеску естетику, која представља предмет рада. Полазећи од чињеница које

се обрађују у *Кинеској флаути* [*Svirel' Kitaya*] (1914), овај рад истовремено анализира Марковљеву интерпретацију и примере уметничких принципа, који се у његовим другим студијама квалификују као кинески. Стога полазимо од његовог интересовања за поетску структуру и слободну форму, долазећи до „неконструисаности“, „случајног“, „рафинираног“, имитације, „слободног стварања“, спајања материјала, симбола и боје. У суштини, они садрже аргумент за све начине реформисања европске уметности путем детаљне анализе уметничких предмета и онога што обухвата само стварање. Док је Марковљев поглед глобалан, што, на пример, откривају његова истраживања о афричкој уметности, уметности Океаније и Северне Азије, и док он истовремено може бити описан као византолог због његовог интересовања за иконе, ови атрибути се налазе по страни у односу на оно што видимо као модернистички кинески стил и синолошки модернизам. Наше истраживање испитује како се Марковљев приступ може довести у контекст с достигнућима у кинеском стилу и синологији почетком XX века, а самим тим и у однос с интерпретативним радовима, на пример, Василија Алексејева, Николаја Виноградова и Леополда Стафа, као и у однос са стваралаштвом многих руских визуелних уметника почетком XX века.

Кључне рече: Владимир Марков, кинеска поезија, синологија, кинески стил, модернизам.

Екатерина Бобринская
Государственный институт искусствознания
ekaterinal73@gmail.com

Ekaterina Bobrinskaya
State Institute for Art Studies
ekaterinal73@gmail.com

НОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ ЧЕКРЫГИНА

NEW ANTHROPOLOGY IN THE WORKS OF VASILY CHEKRYGIN

В статье рассматривается концепция новой антропологии в творчестве Василия Чекрыгина в контексте научных и философских идей его времени. Антропология Чекрыгина опиралась на новые концепции жизни, на открытия в области биологии и химии, на новые представления о материи. Парадоксальный сплав научно-окультурной мысли и идей христианской антропологии стал важнейшим компонентом в творчестве Чекрыгина. Чекрыгин создает свой антропологический проект на пересечении двух парадигм культуры — христианской и научно-окультурной. Соединение столь разнородных концепций в творчестве художника не было случайным биографическим фактом. Оно позволяет увидеть некоторые принципиальные для русской культуры 1910-х — начала 1920-х годов проблемы и антиномии.

Ключевые слова: В. Чекрыгин, космизм, антропология, новый человек, русское искусство, Н. Федоров.

The article considers the concept of new anthropology in the works of Vasily Chekrygin in the context of scientific and philosophical ideas of his time. Chekrygin's anthropology drew on the new concepts of life, discoveries made in biology and chemistry and new ideas of matter. A paradoxical fusion of scientific and occult thought coupled with ideas of Christian anthropology formed a crucial component of Chekrygin's works. The artist produced his anthropological project at the intersection of two cultural paradigms: that of Christianity, on the one hand, and scientific and occult, on the other. This blend of such heterogeneous concepts was not an accidental fact of the artist's biography. It makes it possible to see certain problems and antinomies that were fundamental to the Russian culture of the 1910s through the early 1920s.

Keywords: V. Chekrygin, cosmism, anthropology, new man, Russian art, N. Fyodorov.

Новый человек — одна из главных утопий русского и европейского искусства начала XX столетия. В те годы возможные и даже неизбежные трансформации человека предчувствовали самые разные деятели культуры.

Петр Успенский, чьи книги были хорошо известны в художественных кругах, в 1911 году писал: «Человек — форма переходная по преимуществу, двигающаяся, становящаяся, меняющаяся почти на наших глазах» (Успенский 1913: 87). Антропологические фантазии, которые принято соотносить с искусством модернизма, обычно связывают с проектами человека-машины, с радикальным изменением природной формы человека, созданием симбиоза живого и механического. Машинный пафос в образах нового человека в начале XX столетия преобладал. Однако иногда фантазии о человеке-машине вступали в, казалось бы, невозможные взаимодействия с виталистскими и религиозными идеями. В творчестве Василия Чекрыгина именно такие взаимодействия стали решающим фактором в сложении его версии новой антропологии.

В начале XX столетия неовитализм представлял заметную тенденцию в размышлениях о новом человеке. Антимеханицистская антропология опиралась на новые концепции жизни, на открытия в области биологии и химии, на новые представления о материи (вибрационные теории, излучаемость, электромагнитные волны и проч.). Первичности жизни, протоплазма и «живое вещество»; энтелехия Ханса Дриша, управляющая живой материей; «клеточная душа» Эрнста Геккеля; «биогенный эфир» Александра Данилевского — вот лишь некоторые примеры обширного круга идей, способствовавших распространению новых представлений о живом организме, о материи и человеческом теле. Возможность проникновения в глубины органической материи, ее трансформации не только на уровне клетки, но и на невидимых уровнях излучений, вибраций и волн открывала головокружительные перспективы творческого вторжения в человеческий организм, изменения границ живого и не живого.

Из этих идей, носившихся в воздухе, постоянно обсуждавшихся не только в научных статьях, но также в многочисленных публикациях в массовой прессе, складывается новая антропология, постепенно проникающая в искусство. В «форме человека» происходят существенные изменения. Человеческое тело теряет устойчивый, замкнутый контур. Оно предстает вовлеченным в тончайшие движения, колебания окружающей среды, оказывается частью пространства, пронизанного излучениями и вибрациями. Такие тела можно видеть на многих картинах неоимпрессионистов и футуристов (Ж. Сера «Парад» 1889; Г. Превиати «Возвращение благочестивых женщин» 1910; Л. Руссоло «Запах» 1910; К. Карра «Выходящие из театра» 1910). Разомкнутая телесность излучений, световых волн и электромагнитных полей появляется в произведениях Ф. Купки («Женщина, собирающая цветы» 1910–1911) и М. Дюшана («Портрет доктора Думучеля» 1910).

В антимашинную линию новой антропологии вписываются также некоторые русские проекты. Прежде всего лучизм Михаила Ларионова и его соратников. В лучистских произведениях Ларионова также исчезают замкнутые тела. Тело человека оказывается вовлечено в световые и энергетиче-

ческие потоки окружающего пространства, кроме того — живое тело способно само излучать «лучистую материю» («Женщина за столиком» 1912; «Лучистый портрет» 1913). Неустойчивая, открытая форма человека появляется также в произведениях соратников Ларионова (М. Ледантю «Портрет М. Фабри» 1912, «Дама в кафе» 1910-е).

От такой антимашинной антропологии отталкивался в своем творчестве Василий Чекрыгин. Чекрыгин в 1910-е годы сотрудничал с Ларионовым, участвовал в организованных им выставках. После отъезда Ларионова из России он сохранил с ним связь и в письмах подробно обсуждал свои художественные проекты. Тем не менее в своем творчестве Чекрыгин предстает, скорее, антиподом Ларионова. Парадоксальный сплав научно-окультурной мысли и идей христианской антропологии стал важнейшим компонентом в творчестве Чекрыгина. В отличие от Ларионова, не обращавшегося к иконографическим христианским источникам, Чекрыгин создает свой антропологический проект на пересечении двух парадигм культуры — христианской и научно-окультурной. Соединение столь разнородных концепций в творчестве художника не было случайным биографическим фактом. Оно позволяет увидеть некоторые принципиальные для русской культуры 1910-х годов проблемы и антиномии.

* * *

Существует устойчивая привычка соотносить концепции нового человека исключительно с секулярными идеями науки и философии. Мне хотелось бы указать на еще один контекст — по сути первичный и выступающий точкой отсчета для философских и социальных концепций. Контекст христианский. Антропология изменений, трансформаций и радикального преобразования человека (не только внутреннего, но и человеческого тела) — основа христианского воззрения на человека. В посланиях ап. Павла неоднократно говорится о христианском человеке как задаче и проекте, должном реализоваться, раскрыться в истории. В Послании к Колоссянам читаем: «Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, обновляемого к познанию по образу Сотворившего его» (Кл. 3: 9–10). Или в послании ап. Иоанна: «...еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему» (1И. 3: 2). Онтологическая трансформация человека, преодоление границ наличной человеческой природы ставится как задача и рассматривается как искомая перспектива для реализации христианского человека. Изменение человека возможно прежде всего в эсхатологической перспективе, в грядущем воскресении. Этот проектный, обращенный к радикальным трансформациям образ христианского человека, безусловно, продолжал играть важную роль и в секулярной культуре, представляя часто как скрытый, а нередко — искаженный архетип для модернистских проектов. Для Василия Чекрыгина христианский контекст стал одним из главных.

Другой компонент новой антропологии Чекрыгина — широкий круг научно-окультурных идей, связанных с неовитализмом. Представление о человеческом организме, не укладывающемся в физико-химические параметры, присутствие в природе человека некой «жизненной силы» или энтелехии, управляющей живым организмом, стали основными идеями неовитализма в конце XIX — начале XX века. Уже современники отмечали параллели между неовиталистскими идеями и некоторыми концепциями христианских авторов. Прежде всего такие параллели обнаруживались в размышлениях о воскресении умерших и устроении человеческого тела. «В первичных элементах Св. Григория Нисского, — говорилось в одной из публикаций Богословского вестника за 1912 год, — легко усмотреть очень близкое сходство с жизненными первоэлементами современного, возрожденного витализма» (Страхов 1912: 10). Первочастицы жизни, лежащие вне границ физического бытия, только умопостигаемые, но способные, вступая во взаимодействие с материей, формировать неповторимые живые организмы, были нередким мотивом в христианской антропологии. Афинагор Афинский писал о «неуловимых частицах тел» по смерти человека, «соединяющихся со стихиями и частями вселенной» (Афинагор 2013: 15) и в воскресении собирающихся в новое тело. В антропологии Григория Нисского сверхчувственная субстанция («умопостигаемые начала для возникновения тел»), состоящая из «первичных элементов, созданных в начале миротворения» (Страхов 1912: 10), рассматривается как глубочайшая основа души. Эти первичные элементы представляют собой «вполне реальные, но бестелесные и лишь умопостигаемые сущности» (Страхов 1912: 10). Первоэлементы души оставляют на первоэлементах тела свои особые знаки или отпечатки¹. «В душе, как пишет Григорий Нисский, — и по отрешении от тела остаются некоторые знаки», позволяющие в момент воскресения узнать родственное ей, и тогда «душа снова повлечет к себе сродное и собственно ей принадлежащее» (Григорий Нисский 1861: 188).

Важно отметить, что сама христианская антропология претерпевает еще в XIX столетии определенные изменения. В богословские размышления о человеке часто включаются данные современных научных теорий, открытия экспериментальной науки. В этом плане, вероятно, одной из самых показательных можно считать полемику между святителем Игнатием Брянчаниновым и святителем Феофаном Затворником. Дискуссия развер-

¹ Теория Григория Нисского получила название «сфрагидизм» (от σφραγίς — печать, отпечаток): «Поелику душа естественной какой-то дружбой и любовью была расположена к сожителю — телу, то хранится тайно в душе какая-то дружеская связь и знакомство вследствие срастворения со свойственным, как бы от каких-то наложенных природой знаков, по которым остается в ней неслитная общительность, отличающая свою собственность. Посему, когда душа снова повлечет к себе сродное и собственно ей принадлежащее, тогда какое, скажи мне, затруднение воспретит Божественной силе произвести соединение сродного, поспешающего к своей собственности по некоему неизъяснимому влечению природы <...> Посему нет ничего несообразного с разумом верить, что произойдет снова отрешение воскресших тел от общего к своему собственному» (Григорий Нисский 1861: 187, 188).

Илл. 1. *Души* (1914–1915, х. м. Частное собрание)

нулась после публикации в 1863 году книги Игнатия Брянчанинова *Слово о смерти*, где он, опираясь на современные ему учения о газах, рассматривал человеческую душу как тонкое «эфирное тело». Идеи святителя Игнатия о «тонкой эфирной телесности» ангелов и душ получили широкую известность. Святитель Феофан в ответном сочинении с выразительным названием «Душа и ангел — не тело, а дух» (1891) обвинил оппонента в «ультра-материализме». Не вдаваясь в детали этой яркой полемики, отмечу что и сам Феофан Затворник обращался к учению об эфире. Он писал о «тончайшей стихии», которая «все проникает и всюду проходит, служа последней гранью вещественного бытия»; «сама душа — дух — невещественна; но оболочка ее — из этой тонкой невещественной стихии» (Феофан Затворник 2012: 51). Более того, в своих текстах святитель Феофан использовал такие современные образы как электричество, беспроводный телеграф и излучения для описания действия молитвы и общения в духе (св. Феофан Затворник 2012: 57). Схожие воззрения (конечно, с важными корректировками) были распространены также в кругах спиритов и теософов. Можно отметить, что в ранних работах «Души» (1914–1915) Черыгин почти буквально воспроизводит эфирную телесность души, о которой много писали в те годы (Илл. 1). Светящийся контур тел в работе Черыгина отсылает,

например, к описаниям у Феофана Затворника нетелесного, ангельского зрения, способного видеть эфирное тело души: «взглянув на землю, вы увидели бы вместо разнообразной массы людей некие тени светлые, полусветлые, туманные, мрачные» (св. Феофан Затворник 2012: 53).

Без преувеличения можно сказать, что вся атмосфера культуры начала XX столетия была полна идеями новой антропологии, в которой христианские, научные и оккультные идеи образовывали подчас парадоксальный сплав. Эта атмосфера и стала тем культурным контекстом, в котором развивал свои идеи Василий Чекрыгин.

Еще один важный контекст для антропологии Чекрыгина связан с радикальными фантазиями и ожиданиями, которые породили русские революции 1917 года. Концепции радикальной трансформации человека в послереволюционное время стали важной частью русской культуры. Очень часто в этих теориях социально-политический радикализм сопутствовал радикализму антропологическому. Грезы о финальной революции, должной преобразить человеческую природу и освободить человека от последнего гнета — от смерти, воодушевляли анархо-футуристов, биокосмистов и пролеткультовцев². Достижение бессмертия и воскрешение умерших обсуждались в 1920-е годы как насущные задачи, поставленные революционной эпохой. П. Иванницкий (член группы биокосмистов) писал в те годы: «пролетарское человечество, конечно, не ограничится осуществлением бессмертия только живущих, оно не забудет погибших за осуществление социального идеала, оно приступит к освобождению «последних угнетенных», к воскрешению прежде живших. Ведь материальная основа человека (атомы его организма) принципиально не исчезает, и, следовательно, есть надежда на ее восстановление» (Иванницкий 1921: 8). В своих размышлениях художники и литераторы обращались не только к философскому наследию Николая Федорова, но и к многочисленным научным экспериментам начала XX века. В России и в дореволюционное время, и после революции различные ученые предпринимали попытки оживления (отдельных органов, частей тела или клеток живого организма), а также prolongation жизни путем криоконсервации или анабиоза³. Биокосмист А. Святогор писал в те годы: «Пред человеком (человечеством) открываются грандиозные перспективы, каких еще никогда не было. Борьба со смертью уже не является принципиально невозможной (опыты Штейнаха, Андреева,

² См. подробнее: Буренина-Петрова 2019: 222–240.

³ Анабиоз исследовал П. Бахметьев (1860–1913), С. Метальников (1870–1946) проводил эксперименты по криоконсервации клеток; опыты по оживлению проводили А. Кулябко (1866–1930), С. Брюханенко (1890–1960), Ф. Андреев (1879–1952) и др. Проблематика бессмертия и воскрешения интересовала в те годы В. Бехтерева (1918: 2–19). Биокосмист А. Ярославский в 1922 году опубликовал *Поэму анабиоза*, где описал погружение мира в анабиоз («Челюсти Анабиоза/Завтра захлопнут мир»), работу по преобразованию несовершенств мира во время ледяного сна и пробуждение в прекрасное завтра: «И когда вся работа готова/И когда, как игрушка, земля —/Просыпайтесь, живущие, снова,/В городских площадях и полях!» (Ярославский 1922: 3).

Кравкова и др.). Возможность индивидуального бессмертия (иммортализм) уже можно обосновать научно, а завоевания физики и техники дают основания к научной постановке космической проблемы (интерпланетаризм). <...> Высшее благо — это бессмертная жизнь в космосе. Высшее зло — смерть. <...> Поставленная проблема требует от человека страшной свободы» (Святогор 2008: 414).

Именно в этом в пространстве культуры, где проблема трансформации природы человека занимала одно из центральных мест, развивал свои идеи Василий Чекрыгин.

* * *

В искусстве точкой отсчета для антропологических фантазий Чекрыгина можно считать лучизм. В одном из своих текстов он замечал: «Я бы хотел писать лучами света» (Мурина 2005: 222). В письме к Михаилу Ларионову в 1921 году Чекрыгин говорил «о свете, как орудии воскресителей» (Мурина 2005: 195). Новое тело воскресенного человека у Чекрыгина — лучистое, световое. Об этом он неоднократно упоминает в своих текстах. Он говорит об «откровении тела человека в свете». Или о — «человеке в вихре рода, проносимого во времени, как столб огненный» (Мурина 2005: 246). Созидание-воскрешение нового тела он представляет как строительство «из огненных зерен (атомов, электронов)» (Мурина 2005: 247).

В своих рассуждениях о воскресшей плоти Чекрыгин также опирается на теории «светоносного эфира», передающего и сохраняющего вибрации всех атомов, составляющих тела. Именно в этой светоносной среде в момент воскресения первоэлементы человеческих тел, рассеянные в космосе, смогут опознать друг друга по тончайшим вибрациям и воссоединиться в новое тело. В одной из рукописей Чекрыгин так описывает в терминологии научно-окультиного знания своего времени процесс последней трансформации человеческого тела: «В руках сына — луч орудие Воскрешения. Ход и способ обращения лучей можно представить следующим образом, вибрация или содрогание, коим подвергались частицы, находясь в организме, остаются и по выходе из организма и разрушении тела <...> Лучи от этих содроганий, проникая к поверхности, идут вместе с отраженными и другими лучами, составляя не только наружный образ и живущих на ней, но и внутренний с разлагающимися в ней умершими <...> Здесь начинается строительная деятельность лучей. <...> лучи носят в себе образы существ живших, а потом умерших, образы разложенных на частицы тел, эти-то лучи, встречая частицы, воссоединяют изображенные газобразные молекулы атмосферы с твердыми на земле <...> в живые тела» (Мурина 2005: 41). Человеческое тело для Чекрыгина — это тонкая физиология колебаний, вибраций, излучений, световых и электромагнитных волн. Именно внутри этой окультино-научной механики воссоздания нового тела мерцают следы или угадываются руины христианской традиции.

Илл. 2. Из серии «Голод в Поволжье» (1922, бум., кар., уголь.
Собрание К. И. Григоришина, Москва)

В центре антропологии Чекрыгина всегда — судьба человеческого тела, различные метаморфозы, которые претерпевает или способно претерпеть в будущем человеческое тело, сама плоть, материя. Нормальное, статичное тело человека остается на периферии его интересов. Чекрыгина интересует прежде всего измененное, разрушающееся или воссоздающееся тело человека; тело, оказавшееся в экстремальных состояниях. В сериях — «Расстрел» (1920), «Сумасшедшие» (1921–1922), «Оргии» (1918), «Голод в Поволжье» (1922) — он исследует человека в пограничных мгновениях бытия (Илл. 2–3). Еще один мотив, интересующий Чекрыгина, также связанный с меняющейся телесностью — «Беременность» (1913). Наконец, главная тема творчества Чекрыгина, к которой он обращается в последние годы жизни, — воскрешение умерших — отсылает к мотивам самой радикальной трансформации, которую может претерпеть человеческое тело⁴.

Важная особенность произведений Чекрыгина связана с прямыми обращениями к христианской иконографии и прежде всего к иконографии трансформаций тела⁵. Цитаты такой иконографии можно отметить в целом

⁴ По словам Афинагора: «...воскресение есть некоторый вид изменения, и при том самый последний из всех» (Афинагор Афинянин 2013: 28).

⁵ Глубокая привязанность к образному и иконографическому миру иконы (и шире — религиозной живописи) была постоянным компонентом в творчестве Чекрыгина. В январе 1921 года он записывает: «Я должен уйти в мир иконы Русской, это мой родной язык» (Мурина 2005: 222). Художник часто использует в своем поиске новых образов для Воскрешающего Музея-Храма устойчивые архетипы (изобразительные формулы) из хорошо знакомой иконографии икон, помещая их в свой научно-технический проект и рассматри-

Илл. 3. Из серии «Расстрел»
(1920, бум., кар., уголь. ГТГ)

ряде его произведений. Назову лишь некоторые. Картина «Адам и Ева» (1913) представляет момент утраты райской телесности, обретения «кожаных одежд». Картина «Три фигуры» (1914–1915) отсылает к иконографии Преображения, когда по словам Григория Паламы «по особому претворению своих чувств, ученики Господни перешли от плоти к Духу» (Лосский 1991: 368) (Илл. 4). Эта же тема разрабатывается в картине «Претворение плоти в дух» (Илл. 5). В почти абстрактных цветовых массах на холсте узнаются следы традиционной иконографии Сошествия во ад. Эскиз к картине «Долой безграмотность» (1920) связан с иконографией Вознесения.

Чекрыгин, буквально, заворужен феноменом преображающейся телесности. В качестве архетипа для всех преображений плоти, а также для художественного творчества, преображающего природную материю в произведение искусства, он видит таинство Евхаристии. В своих заметках Чекрыгин неоднократно пишет об этом: «Творчество одно — Евхаристия, высшее творение вне времени и пространства» (Мурина 2005: 166). Таинство Евхаристии дает ему возможность описания самого творческого процесса как преображения природной материи, с которой работает художник. Чекрыгин пишет: художник «не знает в евхаристии творчества, где его плоть — в чаше ли на алтаре или он в ней. Время и пространство отходят, и это художника плоть в алтаре, чаше и кровь его — вино, а плоть — мате-

вая как своеобразный «алфавит», из которого можно строить свою собственную иконографию. Это просвечивание традиционной иконографии, многослойность образов Чекрыгина — важное свойство его искусства.

Илл. 4. *Три фигуры*
(1914–1915, х. м.)
Пермская картинная галерея)

Илл. 5. *Претворение плоти в дух.*
(Мучительное) (1913, х. м. Собрание
С. И. Григорьянца, Москва)

рия, камень, полотно. Это таинство» (Мурина 2005: 166). Интерес к Евхаристии у Чекрыгина существует в контексте общей ажиотации эпохи вокруг проблем трансформаций материального мира, преобразования-исчезновения материи, и с другой стороны — обнаружения материальности душевного, невидимого.

Характерная особенность всех цитат христианской иконографии Чекрыгина — их руинированность. Художник изымает из иконографических цитат их центр, смысл. Из Преображения — фигуры Христа, Моисея и Илии, т. е. само явление преображения. Оставляет только знаки травмы и потрясения — фигуры апостолов. В Сошествии во ад остаются едва читаемые в переливах красочной материи следы образов. В Вознесении — только световой столб или пустое пространство в толпе и воздетые к небу руки. Наконец, в одном из рисунков серии Воскрешение мертвых из традиционной иконографии Сошествия во ад остается только пустая мандорла и крест, а сама фигура Христа, совершающего преображение человека, исчезает (Илл. 6). Эти изъятия из иконографии не случайны. Человек Чекрыгина существует на руинах христианского мира. Его человек — знак травмы. И само христианство для Чекрыгина оказывается скорее травмой, травматическим воспоминанием или магическим инструментом, навык использования которого во всей его полноте забыт. В 1915 году в одном из своих писем Чекрыгин делает характерное признание: «Я не христиа-

Илл. 6. *Воскрешение мертвых*
(1920–1921, бум., кар., уголь. ГТГ)

Илл. 7. *Воскрешение мертвых*
(1921, бум., кар., уголь. Собрание
К. И. Григоришина, Москва)

нин, не буддист, больше же всего язычник, а правильной, все вместе взятое» (Мурина 2005: 158).

Идеи Николая Федорова, с трудами которого художник познакомился только в конце 1920 года незадолго до смерти, лишь подтолкнули его к предельным выводам, лишь радикализировали уже существовавшие мотивы (см.: Ичин 2017: 288–299). В то же время именно концепции Федорова сообщили отчетливый биоинженерный оттенок всем построениям Чекрыгина, превратили его творчество-Евхаристию в «общее дело» или «общее предприятие», во внехрамовую космическую литургию.

Серия работ (точнее — сотни графических листов), которые Чекрыгин создает как эскизы монументальных росписей для Воскрешающего Музея-Храма — его самое радикальное высказывание о новой антропологии (Илл. 7–9). Воскрешенные тела Чекрыгина — результат биоинженерии: регуляции световых потоков, управления атомами, первочастицами и вибрациями «светоносного эфира». Они возникают уже вне христианской перспективы воскресения, а как результат технико-магической манипуляции с материей. Сотни рисунков Чекрыгина, которые он создавал в последние годы жизни, поражают мучительной монотонностью, нескончаемой повторяемостью одного и того же. В основе всех композиций — груды тел, свитые в клубки, слипающиеся в ужасающую биомассу. Его таинство преобразования человека представляет человеческую массу, то ли восстающую из тьмы, то ли падающую в космический мрак. Его тела вовлечены в бес-

Илл. 8. *Воскрешение мертвых*
(1921, бум., уголь. ГТГ)

конечный, неразрешимый процесс трансформации материи. В нем нет и не может быть завершенности. Круговорот тел подобен нескончаемому круговращению элементов природы.

Образы нового человека Чекрыгина, воскрешенного силой разума и науки, захватывают грандиозностью и дерзостью замысла и одновременно отталкивают своей изнуряющей повторяемостью и монотонностью. Ближе всего им описание свойств мира титанов из греческой мифологии, которое дал Фридрих Юнгер. Титанический мир, в котором нет богов, Юнгер описывает как «вечный круговорот, замкнутый в самом себе»; как «становление, не имеющее вне себя никакой точки опоры и тревожно колеблющееся подобно приливам и отливам», оно «не дает ничего зрелого, ничего законченного» (Юнгер 2006: 55, 62). Подобную монотонность и безысходность многие современники видели в философии Федорова. По словам одного из рецензентов в его философских концепциях «история почти теряет творческий характер, превращается в ограниченный круговорот сил: в ней лишь смешение и восстановление извечно данных элементов» (Голованенко 1915: 502).

Иконографические прототипы для «общего дела» Чекрыгина можно опознать главным образом в сценах Страшного суда и адских мучений грешников. Его человек, восстающий из небытия, мучительно претерпевает воскрешение подобно тому, как человеческие тела претерпевают адские муки (Илл. 10). Похоже, что сам изобразительный язык, укорененный в тра-

диционной религиозной иконографии, от которого Чекрыгин и не может, и не хочет освободиться «проговаривается» о глубоком конфликте: неразрешимость проблемы победы над смертью без принятия божественного участия в процессе Воскресения. Его сцены восстановления человеческих тел, как и многие его работы, основанные на христианской иконографии, отличаются характерным «пробелом», неполнотой процесса, утратой его смыслового центра. Известное место из книги пророка Иезекииля о воскрешении «сухих костей» наилучшим образом позволяет описать тот неполный, незавершенный процесс восстановления человека, в который оказываются вовлечены тела во внехрамовой литургии Че-

Илл. 9. *Воскрешение мертвых*
(1922, бум., кар., уголь. ГТГ, Москва)

крыгина: «И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: “кости сухие! слушайте слово Господне!” Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я — Господь. Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них» (Из. 37: 4–8)

Космическая литургия Чекрыгина, его религиозно-технический проект строительства нового человека по сути отменял центр христианской веры — искупительную жертву и Второе пришествие. Он заменял мессианские ожидания, неизвестную и открытую для творчества историческую перспективу механической коллективной работой, планомерной регуляцией бесконечного круговорота веществ в природе. В центре его учения о человеке — забота о судьбе праха и тела, безусловное преобладание родового, коллективного над личным. Его новый человек оказывается всецело и неизбежно подчинен коллективному проекту освобождения. Однако вожделенное освобождение от смерти оборачивается тотальной зависимостью — новый человек остается навсегда замкнут в космическом круговороте природного вещества. Антропология Чекрыгина представляет глубинную и неразрешимую антиномию, с одной стороны, русской культуры революционного времени, а с другой — в более широком смысле — всей эпохи

Илл. 10. *Воскрешение мертвых* (1922. бум., кар., уголь.
Собрание К. И. Григоришина, Москва)

модерна, и забегая вперед — современности: когда каждый титанический шаг человека к свободе оборачивается ее утратой на все более глубинном уровне (*Илл. 11*). Воскрешающий Музей-Храм Чекрыгина предстает прологом к тревожным и завораживающим биотехнологиям нашего времени, к образам современной биовласти все более глубоко и всесторонне проникающей в человеческую жизнь.

Контурсы новой антропологии в творчестве Чекрыгина вырисовываются на руинах христианских образов. В этом принципиальное отличие его антропологии от многих фантазий современников. В противоположность, например, биокосмистам или пролетарским поэтам, лишь пародировавшим христианские мотивы и образы («Евангелие от Кобылы» биокосмиста А. Святогора или «Железный мессия» пролетарского поэта В. Кириллова), для Чекрыгина руины христианского мира стали глубокой травмой. Христианство в его проектах предстает только как след, «то есть доступный нашим чувствам знак, оставленный феноменом, который сам по себе для нас недоступен» (Блок 1973: 33). Именно следы христианской культуры, угадывающиеся за биоинженерными фантазиями, сообщают творчеству Василия Чекрыгина подлинный драматизм. «Раньше я думал, — писал художник, — что творение легко. Что от “переполненного сердца говорят уста”. Говорят то от растерзанного сердца. Мое искусство видит жизнь зловещую, жизнь плоти. Оно в своем падении сильнее чувствует небо» (Мурина 2005: 224).

Илл. 11. *Воскрешение мертвых* (1922. бум., кар., уголь.
Частное собрание)

ЛИТЕРАТУРА

- Афинагор Афинянин. *О воскресении мертвых*. Москва: Сибирская Благовонница, 2013.
- Бехтерев Владимир. «Бессмертие с точки зрения науки». *Вестник знания* 2 (1918): 2–19.
- Блок Марк. *Апология истории или ремесло историка*. Москва: Наука, 1973.
- Буренина-Петрова Ольга. «Бессмертие человека и телесные метаморфозы в творчестве анархиобиокосмистов». *Quaestio Rossica* 7/1 (2019): 222–240.
- Голованенко Сергей. «Тайна сыновства (О христианстве Н. Ф. Федорова)». *Богословский вестник* 1/3 (1915).
- Григорий Нисский. *Творения Святого Григория Нисского*. Ч. 1. Москва: Типография В. Готье, 1861.
- Иваницкий Петр. «Библиография (NN. О пролетарской этике. Изд-во В. Ц. И. К. Стр. 45. Москва)». *Универсал. орган Всероссийской секции анархистов-универсалистов* 5–6 (1921): 8.
- Ичин Корнелия. «Воскрешением против братоубийства: Василий Чекрыгин». Бобринская Екатерина, Вязова Екатерина (ред.). *«На крайнем пределе веков»: Первая мировая война и культура*. Москва: Государственный институт искусствознания, 2017: 288–299.
- Лосский Владимир. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви*. Москва: Центр «СЭИ», 1991.
- Мурина Елена, Ракитин Василий. *Василий Чекрыгин*. Москва: РА, 2005.
- Святогор Александр. «Доктрина отцов». *Н. Ф. Федоров: pro et contra*. Т. 2. Санкт-Петербург: РХГА, 2008.
- Страхов Петр. «Атомы жизни». *Богословский вестник* 1/1 (1912).
- Успенский Петр. *Внутренний круг. О последней черте и сверхчеловеке*. Санкт-Петербург: Типография «Труд», 1913.
- Феофан Затворник. *Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Письма*. Москва: Отчий дом, 2012.

Юнгер Фридрих. *Греческие мифы*. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006.
 Ярославский Александр. *Поэма анабиоза*. Петроград: Комитет поэзии биокосмистов-им-
 морталистов (Северная группа), 1922.

REFERENCES

- Afinagor Afinyanin. *O voskresenii mertvyh*. Moskva: Sibirskaya Blagozvonnica, 2013.
 Bekhterev Vladimir. «Bessmertie s točki zreniya nauki». *Vestnik znaniya* 2 (1918): 2–19.
 Blok Mark. *Apologiya istorii ili remeslo istorika*. Moskva: Nauka, 1973.
 Burenina-Petrova Ol'ga. «Bessmertie cheloveka i telesnye metamorfozy v tvorchestve anarho-
 biokosmistov». *Quaestio Rossica* 7/1 (2019): 222–240.
 Feofan Zatvornik. *Chto est' duhovnaya zhizn' i kak na nee nastroit'sya. Pis'ma*. Moskva: Otchij
 dom, 2012.
 Golovanenko Sergej. «Tajna synovstva (O hristianstve N. F. Fedorova)». *Bogoslovskij vestnik* 1/3
 (1915).
 Grigorij Nisskij. *Tvoreniya Svyatogo Grigoriya Nisskogo*. Ch. 1. Moskva: Tipografiya V. Got'e,
 1861.
 Iĉin Kornelija. «Voskresheniem protiv bratoubijstva: Vasilij Chekrygin». Bobrinskaya Ekaterina,
 Vyazova Ekaterina (red.). «*Na krajnem predele vekov*»: *Pervaya mirovaya vojna i kul'tura*.
 Moskva: Gosudarstvennyj institut iskusstvoznaniya, 2017: 288–299.
 Ivanickij Petr. «Bibliografiya (NN. O proletarskoj etike. Izd-vo V. C. I. K. Str. 45. Moskva)». *Universal.
 organ Vserossijskoj sekcii anarhistov-universalistov* 5–6 (1921): 8.
 Losskij Vladimir. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoj Cerkvi*. Moskva: Centr «SEI»,
 1991.
 Murina Elena, Rakitin Vasilij. *Vasilij Chekrygin*. Moskva: RA, 2005.
 Strahov Petr. «Atomy zhizni». *Bogoslovskij vestnik* 1/1 (1912).
 Svyatogor Aleksandr. «Doktrina otcov». *N. F. Fyodorov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg:
 RHGA, 2008.
 Uspenskij Petr. *Vnutrennij krug. O poslednej cherte i sverhcheloveke*. Sankt-Peterburg: Tipogra-
 fiya «Trud», 1913.
 Yaroslavskij Aleksandr. *Poema anabioza*. Petrograd: Komitet poezii biokosmistov-immortalistov
 (Severnaya gruppa), 1922.
 Yunger F. *Grecheskie mify*. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2006.

Јекатерина Бобринска

НОВА АНТРОПОЛОГИЈА У СТВАРАЛАШТВУ ВАСИЛИЈА ЧЕКРИГИНА

Резиме

Концепт нове антропологије у стваралаштву Василија Чекригина разматра се у контексту научних и философских идеја његовог времена. Антропологија Чекригина ослањала се на нове концепте живота, на открића у области биологије и хемије, на нове представе о материји. Парадоксални спој научно-окултне мисли и идеја хришћанске антропологије постао је најважнија компонента у делима Чекригина. Чекригин ствара свој антрополошки пројекат на пресеку двеју културних парадигми — хришћанске и научно-окултне. Спајање толико различитих концепата у стваралаштву уметника није тек случајна биографска чињеница. Оно омогућава увид у проблеме и антиномије принципијалне за руску културу 1910-их и почетка 1920-их година.

Кључне речи: В. Чекригин, антропологија, нови човек, руска уметност, Н. Фјодоров.

Nicoletta Misler
Università di Napoli “L’Orientale”, Naples, Italy
mislern@gmail.com

John E. Bowlt
University of Southern California.
Department of Slavic Languages and Literatures,
University of Southern California, Los Angeles, USA
bowlt@usc.edu

TRANSFIXED BY MERIDIANS OF DARKNESS: FRANTSISKO INFANTE AND NONNA GORIUNOVA

The authors comment on the genesis and evolution of the Artefact, an artistic concept and object developed by Moscow artists Frantsisko Infante and Nonna Goriunova. Divided into three sections, the article treats of basic concepts which inspire the artists to create their Artefacts, especially snow as an esthetic force and a natural ambience in which the artists install, photograph and then demolish the Artefacts (snow being a metaphor for absence or “nothing”), the notion of infinity vs. the falseness of geometric imposition and the Artefact as a symbol of this conflict — and the perception and notion of the state of “between” as in twilight, a condition which the artists explore in their latest series of artifacts called “Towards Night”.

Keywords: Frantsisko Infante, Nonna Goriunova, ARGO, Stroganov Institute of Decorative and Applied Arts, Artefacts, concept of zero, concept of infinity, twilight zone, Malevich, snow as artistic medium, Aleksandr Blok, Naum Gabo, Anton Pevsner.

The three cameos below concern the two Moscow artists, Frantsisko Infante (b. 1943) and Nonna Goriunova (b. 1944) (Ill. 1), long celebrated for their land-art installations called “Artefacts” (Ill. 2). A husband-and wife team, Infante and Goriunova place minimal structures of wire, cord and plastic in natural environments of water, snow, earth, sand, stone and flora, photograph and then dismantle, leaving the ambience intact. As a laboratory of forms, the Artefacts evoke an intermediate space and an intermediate silence — a twilight zone wherein, albeit momentarily, outlines dissolve, light diffuses and time freezes.

Graduating from the Moscow Middle Art School of the Surikov Art Institute at age fourteen, Infante enrolled at the Stroganov Institute of Decorative and Applied Arts in Moscow where he studied until 1966, manifesting a particular interest in geometric and constructive art. In 1964, aware of European and Amer-

Ill. 1. Self-photograph: Nonna Goriunova and Frantsisko Infante during installation of Artefacts on the beach in Sotogrande (Andalusia), Spain, 1992

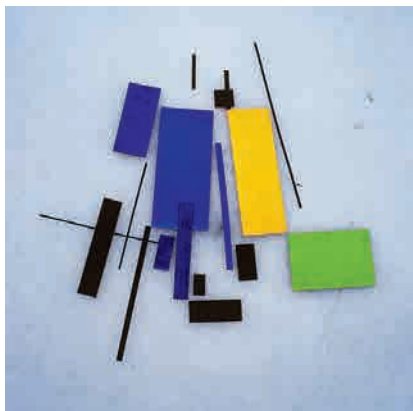

Ill. 2. *Fragment of Nature*. Artefact from the cycle *Land-Art*, 1984, polyethylene and mirror foil, Saulkrasti on the Baltic Sea, Latvia

ican kinetic art, Infante, Goriunova and other artists established the group Dvizhenie [Movement] and in 1967 constructed the Soviet Union's first kinetic artifact, "Galaktika", for the Exhibition of Achievements of the National Economy in Moscow. Although Infante and Goriunova opposed the conventions of Socialist Realism, the Artefacts appealed to scientists who helped display them in "alternative spaces" such as the Kurchatov Institute of Atomic Energy in Moscow in 1966. In 1970 together with engineer Valerii Osipov, Infante and Goriunova founded ARGO [Author Working Group], designing artificial systems parallel to natural phenomena and creating a kinetic ambience called "Sound and Light" for the "Chemistry-70" exhibition in Moscow and constructing a kinetic installation for the exhibition "Link-1975" in Moscow's Sokol'niki Park. The Artefacts engender reflectivity, ambiguity, and interactivity, often recalling the geometric traditions of the Russian avant-garde, particularly, Kazimir Malevich and Vladimir Tatlin. In the Artefacts, Infante and Goriunova endeavour to juxtapose the natural with the artificial — as in the "Spiral" cycle of 1965, in which the unending impulse of the spiral oscillates with the geometry of vertical and horizontal. In 1996 Infante received the Russian State Prize for Art.

Together with Goriunova, Infante continues to evolve the concept of the Artefact through installations, exhibitions and theoretical treatises. The two artists have been invited to many national and international exhibitions and are represented in major public and private collections worldwide. Infante and Goriunova have two sons, Pakhito and Platon, both artists, and have eight grandchildren — Efrosin'ia, Ekaterina, Evdokiia, Pelageia, Polina, Serafim, Tikhon, and Timofei — all of them manifesting visual talent.

The three chapters below advance both in calendar time (treating of three subsequent phases in the life and work of the two artists, i.e. from 2008 through 2017 to 2021) and in thematic direction: "Meridians of Snow" treats of snow as an esthetic medium as well as a philosophical quest for absence, zero and envi-

Ill. 3. Artefact from the cycle *Suprematist Games*, 1968, snow, tempera on sheets of cardboard

Ill. 4. Artefact from the cycle *Additions*, 1983, cement cubes, mirror, Gurzuf on the Black Sea, Crimea

ronmental purity. “Transfixed by an Eerie Closeness” focuses on the notion of the veil or curtain which separates “here” from “there”, a notion which Infante and Goriunova induce into the Artefacts which, in turn, become metaphors for this transcendence. “Because Darkness Will Cover the Earth”, however, touches on the condition of nightfall and on the pregnant silence which heralds the advent of the moon and stars, now accompanied by the electric glow of the Artefacts.

Meridians of Snow¹

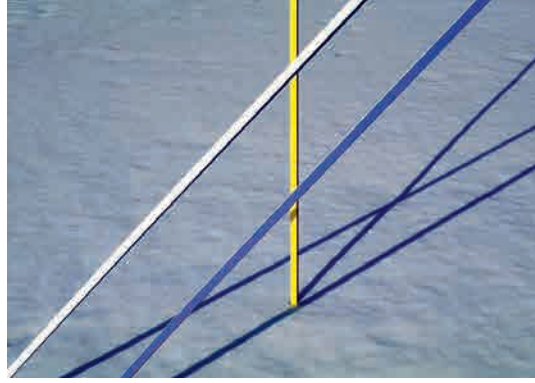
Whilst the snow came down silently on the end of the world, It was as if the place had been totally forgotten
(Orhan Pamuk, *Snow*, 2002)

Since 1968, when Infante installed his first Suprematist “game” and he and Goriunova embarked upon their great artifactual voyage, snow has been a common and constant denominator of the consistency, mission and expression of their artistic creativity (Ill. 3). Without the element of snow, Infante’s and Goriunova’s experiments in light, color, form and texture would be unthinkable — so much so that today, with the dramatic decrease in Moscow’s snowfall as a result of global warming, Infante and Goriunova ponder how they will come to terms with the esthetic challenge of a vanishing technical and natural medium. True, they also address other natural phenomena to transmit their ideas such as stone, wood, sky and water in installations such as the cycle called “Additions” of 1983 (Ill. 4), but snow remains a principal creative agent, unique in its spectral integration, luminosity, granulation and impermanence. As Infante wrote in his “Introduction

¹ This text, “Meridiany snega”, first appeared in Russian in the catalogue of the exhibition “Snezhnyi meridian” [Snow Meridian] held at the Polina Lobachevskaia Gallery in the Chekhov House, Moscow, in 2008.

Ill. 5. Artefact from the cycle *Winter Square*, 1977, wood, metallized polyethylene foil, near Moscow

Ill. 6. Artefact from the cycle *Lines*, 2003, snow, wooden slats painted with tempera, Sparrow Hills, Moscow

to the Artificial Art-action”: “The world of form is created by the action of the TRANS-LIMITATIONAL” (Infante 1999: 55).

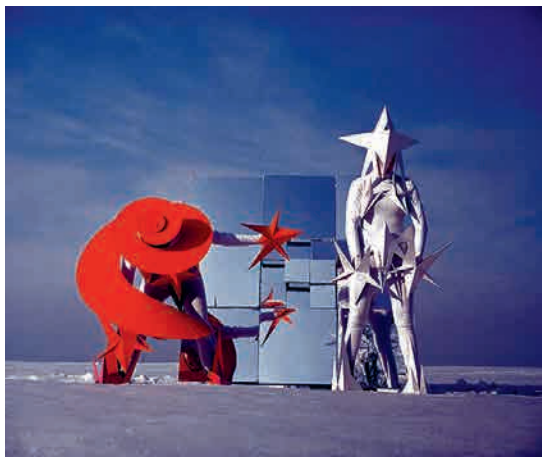
Of course, Infante and Goriunova are not the first Russian artists to investigate the snowy plain or its pictorial extensions, the white canvas, the sheet of paper and the slab of marble, as an esthetic exercise. Kazimir Malevich’s “White on White” series of 1917–18 is an obvious precedent, but other painters of the Russian avant-garde also experimented with the “colour” white, from Vasiliï Kandinsky with his “White Border” to Pavel Filonov with his “White Painting” (which, however, is not white). Whether these artists were appealing to the force of Nirvana (as in the case of Nikolai Kul’bin) or undertaking a pyrotechnical display of device (as in the case of David Shterenberg with his white still-lives), the *tabula rasa* elicits immediate connections with sacred light, moral purity, invisibility and “nothingness”, qualities which, inevitably, Infante’s and Goriunova’s Artefacts in the snow such as “Winter Square” (1977) also generate (Ill. 5).

Inasmuch as the fundamental dictate of the Artefact is to remove all material traces from the field of enactment and to leave nature intact after the work has been photographed and disassembled, snow emerges as the perfect metaphor for the Artefact itself. Like the constructed Artefact, snow is momentary in its physical presence, transient in its beauty and silent in its engagement with the ambience and yet is replete with a patterned artistry of snowflakes, variegated textures and dazzling expanse. As Infante asserts in his essay “On my Concept of the Artefact”: “Nature possesses the function of infinity, while the artificial object-cum-artefact is a symbol of the technological part of the world” (Infante 1999b: 75).

There are many reasons why Infante and Goriunova turn to snow as a central medium. A monochromatic surface, snow constitutes an effective ground for the superimposition of concrete elements, horizontal and vertical, convex and concave (cf. “Suprematist Games” of 1968 and “Lines” of 2003) (Ills. 3, 6). More-

III. 7. Artefact from the cycle *Thresholds of Curved Space*, 1979, curved mirror surfaces in the form of a cross and wooden frames of polyethylene foil, snow, forest, sky, Sparrow Hills, Moscow

III. 8. Artefact from the cycle *Play of Gestures*, 1967, human figures, snow, tempera on cardboard, electric light-bulbs, near Moscow

III. 9. Artefact from the cycle *White Constructions*, 1996, snow, Sparrow Hills, Moscow

III. 10. Artefact from the cycle *Spontaneous Games in Nature*, 1968, tempera on cardboard, metallized polyethylene foil, near Moscow

over, snow can also constitute a highly textured and refractive ground, charging a composition or construction with variegation and energy (“Thresholds of Curved Space” of 1979) (III. 7). Infante and Goriunova also use snow to build structures, sometimes figurative (such as the robotic “Game of Gestures” of 1967) (III. 8), often abstract (such as the “White Constructions” of 1996) (III. 9), or to establish transverse connections between spectator and spectacle (“Spontaneous Games in Nature” of 1968) (III. 10). Ultimately, Infante and Goriunova, privy to the divine spirit, simply remind us that the Artefact, supreme or profane, is but a fleeting presence between the “Grand Néant” preceding alpha and following omega and that it denotes “nothing” in the same way as the Suprematist monochrome.

Ill. 11. Artefact from the cycle *Lighter Spaces*, 2017, sky, polyethylene and cotton thread, Zhiganovo, Moscow District

Wherein lies the essential meaning of Infante's and Goriunova's geometric shapes cast upon a snowy expanse? While paying homage to Malevich's Suprematist paintings with their constant white background (for Malevich white was the symbol of infinity), Infante and Goriunova are also confirming that simplicity and reduction in the form of silence, invisibility, impalpability and transience are the vital components of the work of art. Put differently, the sparser the material substance, the stronger the effect, echoing Andrei Belyi's contention that the highest form of art is music (immaterial) and the lowest architecture (material). In this respect, Infante and Goriunova are at odds with the main tendency of contemporary Western society towards material plenitude — a rampant consumerism which is occupying and commodifying all free space and turning everyday life into a gigantic shopping-mall.

That this physical rapaciousness, so patent in the new Moscow, is contributing to ecological disaster is also immanent to Infante's and Goriunova's preoccupation with snow: not only is snow becoming a rarer phenomenon in Moscow, as the ice-caps melt and diabolical traffic increases the local temperature, but also the dazzling whiteness and the ultramarine sky of Infante's first snow Artefacts such as the *Suprematist Games* are already replaced by soiled surface and opaque sky. Infante and Goriunova are warning us that not only is the snow vanishing, but also that the very air and sky are being polluted and destroyed by the emissions of our social obesity. On this level the latest Artefacts, still beautiful in their esthetic combinations, are also a documentary testimony to imminent catastrophe.

True, not all hope is abandoned, because Infante and Goriunova still manage to identify oases of purity which they incorporate into their Artefacts — the stones of a remote village, the virgin forest, the maritime horizon and the Artefacts themselves as independent units. Even so, as we look at Infante's and Goriunova's prismatic structures of the 1960s and 1970s such as the "Suprematist

Ill. 12. Artefact from the cycle *Lighter Spaces*, 2017, sky, polyethylene and cotton thread, Zhiganovo, Moscow District

Games”, we are bound to experience a strong nostalgia for a world which was still linked organically to the *primaeval* and the pristine. The snow of the Artefacts covers the ugliness of civilization, it silences the noise of humans and machines and via the inscrutable, but perfect geometry of snowflakes reminds us of the superior, mysterious harmony still directing the meridian, the firmament and the cosmos.

Transfixed by an Eerie Closeness²

And transfixed by an eerie closeness,
I look beyond the dark veil,
And see a shore enchanted
And an enchanted distance.

(Aleksandr Blok: “The Stranger”. 1906)

One of the most enigmatic qualities of our power of perception is that it tends to reduce material reality to geometric units and configurations of those units and to impose regularity upon irregularity and rational order upon what seems to be capricious disorder. Hence, for example, our codices of laws, rules of navigation, rectangular doors and windows, canonical perspective and proportion, symmetry of outward appearance and an arithmetic based on $2+2=4$, although occasional individuals, especially creative writers and artists, from Fedor Dostoevsky to Jackson Pollock, may fight against this dictate. However, all too often, we accept this geometry at its face value, equating it with the “real thing”, ignoring the primordial chaos beyond, happy that we are tending a garden of

² This text, “Zakovannyi strannoi blizost’iu”, first appeared in Russian in the catalogue of the exhibition «Legkhiye prostranstva» [Lighter Spaces] held at the Krokin Gallery, Moscow, between December, 2017 and January, 2018.

Ill. 13. Artefact from the cycle *In the Heavens and the Clouds*, 2008, sky, tempera on paper, wooden slats, thread, Zhiganovo, Moscow District

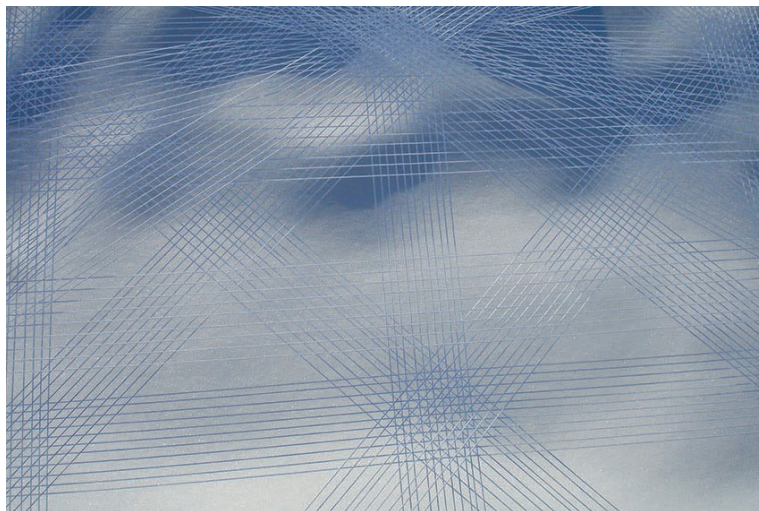
Ill. 14. Artefact from the cycle *Alpine Snow*, 2008–2009, snow, tempera on paper, shrouds of polyethylene thread fastened with wooden slats, Valbella, Switzerland

topiaries rather than a jungle of unruly foliage. Perhaps that is what the Symbolist poet and philosopher Andrei Belyi had in mind when he declared that “rhythm is the force of life, meter its denial” (Belyj 1910: 254), indicating that meter is the garden of imposed convention while rhythm is the *Matto Grosso* — and ultimate driving-force — of the universe.

Infante and Goriunova remind us that geometric imposition can, indeed, be misleading and mendacious and that calendar time is not the same as cosmic time. The imposition may gratify the senses, bolster self-confidence and provide an illusion of control, but, in essence, the ordering of disorder is merely a veil or magic spell cast to deflect attention from uncomfortable concepts such as infinity, shapelessness and boundlessness. This becomes especially evident in the cycle of Artefacts called “Lighter Spaces” (2017) (Ills. 11, 12) with their interplay of, as it were, auditorium and proscenium divided by the drop curtain — or veil — of aerial filaments and interweaving screens.

It is the juxtaposition of façade and depth which forms the esthetic and philosophical denominator common to “Lighter Spaces”, a formula which seems to illustrate Naum Gabo’s and Anton Pevsner’s “Realist Manifesto” of 1920: “We renounce volume as a pictorial and plastic form of space; one cannot measure space in volumes, as one cannot measure liquid in yards: look at our real space — what is it if not one continuous depth? We affirm DEPTH as the only pictorial and plastic form of space” (Gabo, Pevsner 1920).

If many of the previous Artefacts were momentary installations in land, water and air (metal foil encircling trees, structures mounted on snow, artificial rainbows set against the sky) (Ill. 13), the new series begs the very question of ambivalence or, rather, of constant interaction between perfect, but artificial,

Ill. 15. Artefact from the cycle *Strings*, 2013, snow, wooden slats, different coloured threads, Moscow

forms, and perfect, but natural, shapes. To this end, Infante and Goriunova make frequent recourse to the concept of the grid and the net (Ill. 14), a chequered sequence which elicits the image of entry and exit and of imminent transport from “here” to “there”, emphasizing that the higher, lighter and elemental space — where angels tread — is beyond the grid and that our everyday regime is but a pathetic travesty of the immense and unfathomable firmament beyond.

However, as with all the Artefacts, Infante and Goriunova impose no compunction upon their visual resolutions: there is no ideological agenda, no overt temptation, no obvious command to raise the veil and travel to the enchanted shore. “Take it, or leave it”, seems to be the message, meaning that we can cruise the sensual highway through the coloured configurations and enjoy the brilliant plays of light and surrogate delight in peeping at, but not entering into, the “lighter space”. In this way, the Artefacts defend the shapely viewer from shapelessness — rather like the luxury liner which anchors off the wild Amazon whither its tame passengers, however, do not embark.

So as to reinforce this tension between the dark veil and the enchanted shore, Infante and Goriunova construct hyperbole or, rather, the hyperbolas, dynamic shapes of tensile coils which both keep the Artefact intact and provide it with elasticity and oscillation, qualities which, once again, prompt the viewer to hesitate — and to remain transfixed on the threshold separating here from there. The hyperbola, essentially, a spiralic, symmetrical and open curve formed by the intersection of a circular cone with a plane at a smaller angle (Ill. 15), also constitutes a metaphor for infinity and, therefore, for the timelessness — or lighter space — which, manifestly, lies on the other side of the Artefact. The hyperbola is a major unit in Infante’s artistic vocabulary, for even the early structures

Ill. 16. *Necklace (Spiral Encircling the Earth. View from the Cosmos)*. From the cycle *Projects of Autonomous Artificial Systems in Cosmic Space*, 1971, tempera and hardboard on paper, 78 × 46

such as the project for a necklace of lights intended to encircle the Earth (1971) (Ill. 16) already bore the genesis of the hyperbola. Captivated thereby, the viewer glimpses chaos and experiences entropy, but, fearful, still continues to glance back to the world of reason and sobriety. Indeed, “Lighter Spaces” are so elegant and gracious in the crochet lightness of their colours, forms and textures that they tempt us to go backwards rather than forwards, even if the call of the wild is almost irresistible.

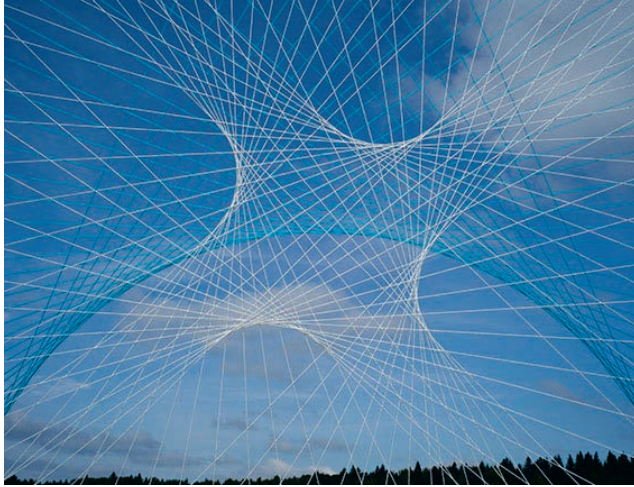
The grid system of these new Artefacts plays a double role, because at once it reveals the beyond, whether that beyond be a cloud, blue sky, water or vegetation — and veils all those things (Ill. 17). The result is a half-truth, an allusion and an innuendo, because until we advance into the wilderness we cannot understand its force, energy and lighter space. Even so, for some, “Lighter Spaces” may be merely beautiful *divertissements* set against the elements; for others, they may be sirens beckoning to the vault of heavens; and for yet others, tragically, the here and there remain parts of the same limbo: “Nothing will change, There’s no way out”, wrote Blok in 1912.³ Nonetheless, “Lighter Spaces” still carry a saving grace which transcends territorial directives — and that is their technical perfection, their harmonious assembly of form, colour, rhythm, weight and gravity and their strong esthetic presence. Infante and Goriunova seem to be proposing that the Artefact, therefore, may be regarded both as a reassertion of the here and now and as a bridge to celestial spheres — but also as an independent work of art, untrammied by any of these prerogatives. Therein lies the delicate permanence and secret majesty of “Lighter Spaces”.

Because Darkness Will Cover the Earth⁴

Just when our world is plunged into the darkness of doubt as fever advances across the wasteland of our civilization, the artefacts of “Towards Night” (2020–2021) (Ills. 18–21) shine boldly, offering a glimmer of hope and a new radiance. Metaphors of enlightenment, these coloured beacons provide a respite from the sinister forces which inhabit the night — just as a 24-hour truck-stop does in Death Valley, California.

³ Blok Aleksandr. “Noch’, ulitsa, fonar’, apteka”, 1912.

⁴ This text, “Ibo t’ma pokroet zemliu”, first appeared in Russian in the catalogue of the exhibition “K noch’i” [Towards Night] held at the Alina Pinskaia Gallery, Moscow, between February and April, 2021. The title is from Isaiah 60.2.

Ill. 17. Artefact from the cycle *Lighter Spaces*, 2017, sky, polyethylene and cotton thread, Zhiganovo, Moscow District

We fear nightfall because at night boundaries vanish, space becomes non-Euclidean and the simple progression from A to B no longer holds sway. Bereft of territorial orientation, night hyperbolizes sources of both light (a candlelight can be visible from many kilometers away) and sound (the reverberating hoot of the owl) as if demanding a new sensory perception, perhaps even a *dérèglement de tous les sens*. Shadows of that other mode — intuition, instinct, the sixth sense — still retain from a primordial condition, even if our current cult of light pollution is destroying the intrinsic alertness whereby our forgotten ancestors traversed black forests and uncharted seas. In fact, “Towards Night” poses the fundamental question as to why we now accept day, not night, as the time of revelation, forgetting that night, with its untamed vastness, may be closer to the Truth than the high definitions of everyday. At the same time, night — or, rather, darkness — still holds an ambivalent attraction, for who can resist the beguile of darkest Africa, the dark side of the moon or the Dark Ages?

“Towards Night” does not point to an alternative route, for it has no fixed anchorage, it is a moveable feast which, as is often the case with Infante’s Artefacts, can be erected and demolished at any point, virtually without beginning and end. Like the mirage in the desert, here is a coloured Lorelei, a beautiful illusion which, as a bolt of lightning against the night sky, illumines only for an instant. But *Towards Night* also impresses a temporary mental order upon what appears to be a natural chaos: here are rigorous geometric units, calculated and structured with mathematical precision, which function and stand steadfast while at loggerheads with the looseness of the night, eliciting the paradox of a nocturnal rainbow. At this point we are on the threshold of a fairy-tale with its appurtenances of sudden transformation, omens and wizardry where witches haunt dark forests and monsters come out at night. After all, conditioned to accept night

Ills. 18, 19. Artefact from the cycle *Towards Night*, 2020, natural forms by night, artificial objects of coloured shreds of paper, threads stretched on wooden frame, electric light, Zhiganovo, Moscow District

as the abode of evil and malcontent, we regard night as the preface to day, when hope replaces despair and lightness density. “Towards Night” forces us to question that dichotomy and to wonder whether night may not be as enlightening, as edifying, as day.

Certainly, the Artefacts of “Towards Night” offer visual gratification through their rich gamut of red, yellow, blue and green, monochromes and light effects acting upon varying quadrilaterals and circles, but they are neither narrative, nor ideological, and like glow-worms or fire-flies at twilight or phosphorescent fish in the ocean depths, they carry no geographical imperative. Beyond metaphorical asset, perhaps their highest value is impermanence, because, constructed, photographed and then removed, “Towards Night” neither intrudes, nor interferes, leaving nature intact and, unlike the metropolis, refuses to turn night into a parody of day.

On this level, the Artefacts resemble meteors or shooting stars, brilliant as they seem to speed across the heavens only to vanish, consumed, in darkness. Likewise, but unlike low flying aeroplanes or the artificial suns of city lights, the Artefacts are also, therefore, unobtrusive, merging with their element and their ambience, the night, just as Infante’s and Goriunova’s previous Artefacts did with snow and water. On this level, night itself also becomes a component of the mixed media.

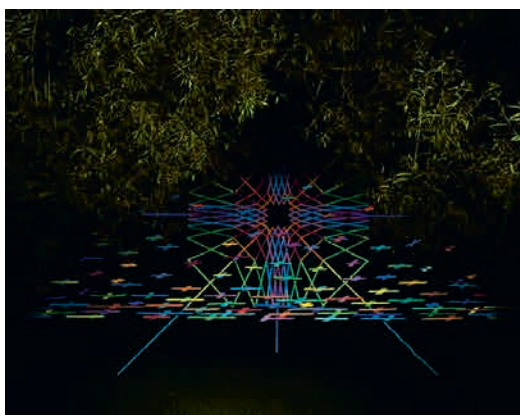
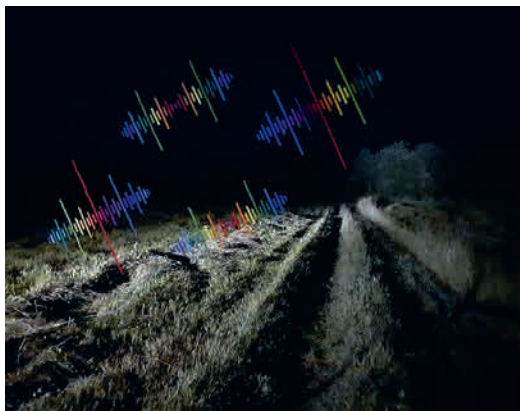
If the twilight and night-time modify shapes, time and distance, so the cycle of “Towards Night” also functions as a continuum of formal alteration — for the spiral (the common denominator of Infante’s theory and practice) has now become a flattened circle, the earlier “Suprematist Games” (Ill. 3) now flying trapezes. At the same time, these Artefacts are germinating potential sign systems, now resembling a musical score, now the graph of an electro-cardiogram, now a consumer bar-code. Here are linguistic compendia which transform their mes-

sages as the pink of sunset turns to burnt orange, the vortex of a cloud impacts their geometry or the green of foliage and the glistening water yield to the encroaching shadows of the night. Yet the Artefacts are also living entities, because, even if attached by wires and hawsers to a static frame (measuring on average 140×200 cms.), they also change form and colour depending upon the hour and the degree of darkness. The result is a ceaseless struggle between solidity and liquidity, a struggle often pitched at twilight which, in itself, is the juxtaposition of day and night, here and there.

At this juncture, the Artefacts of “Towards Night” bring to mind another masterpiece bearing the same title, i. e. Mikhail Vrubel’s “Towards Night” of 1900 (State Tretyakov Gallery, Moscow). Painted at the dawn of a new century and illuminated by the setting sun, Vrubel’s picture also evokes a moment of hesitation, of uncertain relationships

between fauna and flora, wherein contours and perimeters are being eroded by the stealth of darkness. Of course, Vrubel’s “Towards Night”, ambiguous and divisive, expresses the Apocalyptic moment between the dusk of the 19th century and daybreak of the 20th, a mood recaptured in the Infante-Goriunova cycle, also poised on the edge of sickness and sanity. Vrubel’ — and Infante — erode perimeters, imagined or real, challenging us to shift viewpoints and question boundaries

If the Artefacts of “Towards Night”, taut and tensile, produce the impression of mechanical perfection, closer scrutiny reveals the human manipulation which built them, i.e. the intricate mesh of wires which have been clasped to the frames to support the actual constructions and the sources of electricity which illumine them. Here is a rare occasion, a momentary innuendo, when Infante and Goriunova allow the viewer to discern the actual structure supporting the Artefact and its simultaneous reliance upon Nature, the human and the technological, and to

Ills. 20, 21. Artefact from the cycle *Towards Night*, 2020, natural forms by night, artificial objects of coloured shreds of paper, threads stretched on wooden frame, electric light, Zhiganovo, Moscow District

feel the tension between the forms heaven-bound and the metal restraints which hold them back. For a moment a demiurge disturbs nightfall, creating kaleidoscopic planimetries and echoing, as it were, the solitude of a more ancient and Romantic night: “Within the quiet of night I am alone”⁵ — and returning us once again to the fundamental dilemma posed and illuminated by Infante’s cycle: However much we try to impose our will upon the night, eventually darkness will cover the Earth, surrendering us to the absence whence we came.

REFERENCES

- Belyi Andrej. “Lirika i eksperiment”. Belyj Andrej. *Simvolizm*. Moskva: Musaget, 1910.
 Gabo Naum, Pevsner [Pevzner] Anton. *Realisticheskij manifest*. Moskva, 1920.
 Infante Francisko. “Vvedenie k iskusstvennomu ARTdeistviju”. Infante Francisko. *Monografiya*. Moskva: State Collection and Contemporary Art and State Center of Contemporary Art, 1999a.
 Infante Francisko. “O svoej koncepcii artefakta”. Infante Francisko. *Monografiya*. Moskva: State Collection and Contemporary Art and State Center of Contemporary Art, 1999b.

Николета Мислер, Џон Боулт

ПРЕОБРАЖЕНИ МЕРИДИЈАНИМА ТАМЕ:
 ФРАНЦИСКО ИНФАНТЕ И НОНА ГОРЈУНОВА

Резиме

У овом раду аутори коментаришу генезу и еволуцију артефаката, уметничких концепата и објеката, коју су развили московски уметници Франциско Инфанте и Нона Горјунова. Подељен у три одељка, чланак се бави основним идејама које инспиришу уметнике да стварају уметничка дела, посебно снегом као естетском силом и природним амбијентом у ком уметници постављају, фотографишу, а затим и уништавају своја уметничка дела (снег представља метафору за одсуство или „ништа“), али и представом о бесконачности на супрот нетачности геометријске представе и артефактом као симболом овог конфликта — и перцепцијом и представом о појму „између“, који се налази у зони сумрака, односно у стању које уметници истражују у њиховој најновијој серији артефаката под називом „Приближавајући се ноћи“.

Кључне речи: Франциско Инфанте, Нона Горјунова, АРГО, Институт Строганова за декоративну и примењену уметност, артефакта, концепт нуле, концепт бесконачности, зона сумрака, Маљевич, снег као уметнички медијум, Александар Блок, Наум Габо, Антон Певзнер.

⁵ Lermontov Mihail. “Noch” (1830).

ОКО ВЕЛИМИРА ХЛЕБЊИКОВА

Александр Парнис
Институт мировой литературы РАН
aparnis@yandex.ru

Alexander Parnis
Institute of World Literature of the RAS
aparnis@yandex.ru

ХЛЕБНИКОВ — МАЯКОВСКИЙ — МИТУРИЧ:
К ИСТОРИИ ОДНОГО КОНФЛИКТА¹

KHLEBNIKOV — MAYAKOVSKY — MITURICH:
ABOUT THE HISTORY OF THE CONFLICT

Публикуемая статья посвящена конфликту, который возник между Хлебниковым и Маяковским весной 1922 года. Сам Хлебников упоминает о нем в финале своей последней сверхповести *Зангези*. Прошло почти сто лет. Хотя многие исследователи и биографы поэтов писали об этом конфликте, но подлинная его причина до сих пор была неясна. В статье собраны уникальные материалы и документы, хранящиеся в различных архивах, которые впервые вводятся в научный обиход. Например, документы из архива Н. И. Харджиева (ныне в РГАЛИ), который многие годы был «закрытым» и недоступным для исследователей. Тщательный анализ всех этих документов позволил нарисовать объективную картину этой загадочной «истории» и поставить точку над «i».

Ключевые слова: конфликт, Хлебников, Маяковский, П. В. Митурич, Р. О. Якобсон, Открытое письмо, рукописи, финал, ничевоки, сверхповесть *Зангези*.

The article is dedicated to the conflict, which arose between Khlebnikov and Mayakovsky in the spring of 1922. Khlebnikov himself mentioned the conflict in the finale of his last super-story *Zangezi*. It has been almost 100 years. Although numerous researchers and biographers of the poet have written about this conflict, the real reason has remained unclear to this day. The article contains original materials and documents, kept in various archives, which are for the first time used for scientific purposes, e.g. documents from the archives of N. I. Hardzhiev (now in RGALI), which was for many years “closed” and inaccessible to researchers. A comprehensive analysis of all these documents made it possible to create an objective picture of this mysterious history and to put an end to “and”.

Keywords: conflict, Khlebnikov, Mayakovsky, P. V. Miturich, R. O. Jakobson, open letter, manuscripts, finale, nichevoki, super-story *Zangezi*.

¹ Первоначальную редакцию настоящей статьи см.: Парнис 2019: 67–84.

Илл. 1. Земенков Б. Обложка сборника ничевоков «Собачий ящик». Кн-во «Хобо». М., 1923 [1922]

28 июня 1922 г. в 9 часов утра в глухой новгородской деревне Санталово скончался выдающийся русский поэт, глава будетлян Велимир Хлебников.

В конце июня этого года в Москве вышло его итоговое произведение — сверхповесть *Зангези*, в финале которой есть откровенный намек на Маяковского с грубым выпадом против него.

В июле-августе 1922 г. в журнале *Красная новь* была напечатана статья-некролог Маяковского о Хлебникове, в которой он от своего имени и от имени своих соратников-футуристов назвал его «одним из наших поэтических учителей» (Маяковский 1922: 303–306).

19 августа этого года душеприказчик Хлебникова художник П. В. Митурич, у которого в Санталове на руках умер поэт, написал «Открытое письмо Маяковскому», в котором обвинял его в «утаивании» и даже в уничтожении

(!?) рукописей своего старшего друга и соратника.

Автор Письма послал его в Москву и Петроград своим друзьям и знакомым, которые предприняли несколько безуспешных попыток напечатать его в центральной печати. И только через несколько месяцев, в декабре 1922 г., «Открытое письмо» Митурича было напечатано небольшим тиражом (75 экземпляров) в виде листовки-приложения к сборнику ничевоков *Собачий ящик*².

Чем были вызваны эти резкие выпады Хлебникова и Митурича против Маяковского? А главное — какова причина конфликта между поэтами-соратниками?

Эти вопросы до сих пор так или иначе остаются открытыми. Более того, с «Открытого письма» Митурича и его обвинений, выдвинутых против Маяковского, началась травля поэта, которая продолжалась несколько лет — до 1928 года.

Почти все исследователи, а также критики и мемуаристы, пишущие о взаимоотношениях Маяковского и Хлебникова, неизбежно упоминают о конфликте, который возник между поэтами в последние месяцы жизни главы будетлян в Москве — в апреле-мае 1922 года. Например, в новой биографии Маяковского, написанной Дмитрием Быковым (она вышла пятью

² К сборнику *Собачий ящик* была приложена листовка-вкладыш с текстом П. В. Митурича «Открытое письмо Маяковскому».

изданиями), этому эпизоду в жизни поэта посвящено несколько страниц (Быков 2018: 260–276). Автор биографии, не разобравшись в этой сложной «истории», искажил известные факты, но так и не понял, где «собака зарыта». Он безапелляционно заявил, что негативные «отношения Хлебникова с Маяковским и его кругом в значительной степени были результатом хлебниковского душевного расстройства» (Там же: 264). Быков, вероятно, исходил из слов Маяковского в некрологе, что Хлебников в последние месяцы жизни стал очень «подозрительным» и крайне обидчивым. Такое утверждение Быкова не имеет никаких оснований и абсолютно неверно, причины были явно другие, но этот вопрос, действительно, очень сложный, и в нем не так легко разобраться.

Искусствовед М. А. Чегодаева в книге *Заповедный мир Митуричей-Хлебниковых* (2004) также описывает эту «историю» и заявляет, что «конфликт Хлебникова с Маяковским стал (и остается по сей день) предметом многочисленных комментариев и нападок. В кругу Маяковского обвиняли Митурича в том, что он якобы поссорил Хлебникова с Маяковским, хотя факт пропажи рукописей никем не опровергался» (! — А. П.; курсив мой — А. П.) (Чегодаева 2004: 393). Автор книги показала поразительную неосведомленность: вопрос о «пропаже рукописей» был прояснен уже давно — еще в середине 1920-х годов — почти все рукописи Хлебникова, кроме нескольких текстов, были найдены и введены в научный обиход.

О непростых отношениях Хлебникова с Маяковским в последние месяцы жизни главы будетлян рассказал сам Митурич в своих воспоминаниях, написанных в 1942—1943 годах (Митурич 1997). Весной 1922 г. художник, сблизившись с Хлебниковым (до этого они встретились лишь один раз — в декабре 1915-го или в январе 1916 г. в Петрограде), стал принимать активное участие в его делах, но он был крайне ревнивым и авторитарным человеком, и, как впоследствии выяснилось, серьезно повлиял на взаимоотношения поэтов-соратников.

Художник Митурич приехал в Москву 13 марта 1922 года. Он сразу же написал письмо Хлебникову, который жил в общежитии студентов ВХУТЕМАСа на Мясницкой, 21 и которого он разыскивал целый год. В ответном письме Митуричу от 14 марта Хлебников сообщал: «Я в Москве уже два месяца. Я читал Ваше письмо и от всей души сочувствую покорению неба, хотя распределение в воздухе осей силовых и весовых у летающего тела — область, где еще не ступала нога моего разума, и я как язычник за порогом этого храма. Я строю здание только из троек и двоек и написал много заметок и отдельных мест» (Хлебников 2006, 6/2: 213).

Вскоре Митурич сблизился с поэтом и стал принимать деятельное участие в его судьбе и в решении различных бытовых проблем, так как во время последнего приезда в Москву Хлебников не имел постоянного жилья и кочевал с одной квартиры на другую, а также не имел никакого заработка. В это же время художник напечатал небольшим тиражом литографским способом два *Вестника Велимира Хлебникова*, связанных с по-

следним трудом поэта *Доски судьбы*, и стал предпринимать различные шаги по изданию других его произведений. Сам Хлебников в марте-апреле 1922 г. подготовил и сдал в печать сверхповесть *Зангези* и первый лист *Досок судьбы*. К этим изданиям, несомненно, имел непосредственное отношение и Митурич. 14 мая 1922 г. Митурич увез Хлебникова в деревню Санталово, где преподавала его жена и где через полтора месяца поэт скончался.

После смерти Хлебникова в распоряжении Митурича оказался весь архив главы будетлян, поэтому он не только волею судьбы стал душеприказчиком поэта, но и был вынужден заниматься его издательскими проектами. Будучи неискушенным в литературных вопросах и не зная всех проблем, связанных с творческой судьбой Хлебникова, он все же понимал, что его, увезшего поэта в глухомань, где не было никакой медицинской помощи, будут, вне сомнения, обвинять в смерти Хлебникова, поэтому Митурич тогда же, в августе 1922 г., сам пошел в наступление и объявил Маяковскому и его окружению «войну» — написал «Открытое письмо» с резкими выпадами против адресата (Митурич 1997: 37–39). В нем он сумбурно излагал свои претензии и обвинения, но это был первый «откровенный» жест Митурича, направленный против певца революции и против футуристов:

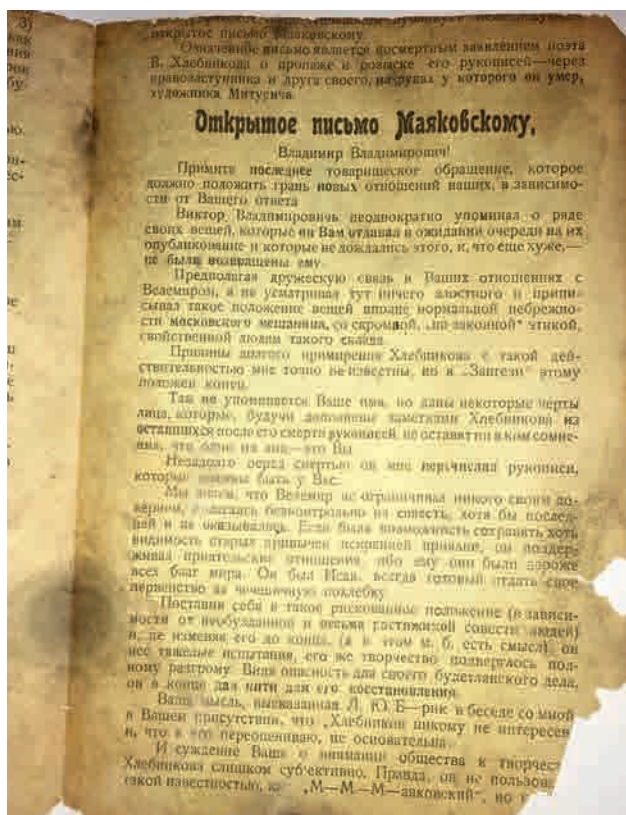
«Незадолго перед смертью он <Хлебников — А. П.> мне перечислял рукописи, которые должны быть у Вас. Мы знаем, что Велимир не ограничивал никого своим доверием, полагаясь бесконтрольно на совесть, хотя бы последней не оказывалось. Если была возможность сохранить хоть видимость старых привычек, искренней приязни, он поддерживал приятельские отношения, ибо ему они были дороже всех благ мира. Он был Исав, всегда готовый отдать свое первенство за чечевичную похлебку. Поставив себя в такое рискованное положение (в зависимости от необузданной и весьма растяжимой совести людей) и не изменяя его до конца (в этом, может быть, есть смысл), он нес тяжелые испытания, его творчество подвергалось полному разгрому. Видя опасность для своего будетлянского дела, он в конце концов дал нити для его восстановления» (Там же: 38).

Это было только начало, как сообщал Митурич в неизданном письме к Н. Н. Пунину от 3 сентября 1922 г.: «Примите к сведению мое письмо Маяковскому — это первый выстрел по футуристам, за ним нужно ожидать и другие»³. Что толкнуло художника Митурича, душеприказчика поэта, на этот рискованный шаг — вопрос сложный, запутанный и требующий тщательного анализа⁴.

К вопросу об отношениях Маяковского и Хлебникова обратился также биограф первого поэта революции В. А. Катанян в написанных в конце

³ Письмо хранится в семье Н. Н. Пунина. Цитирую по копии, сделанной Н. И. Харджиевым.

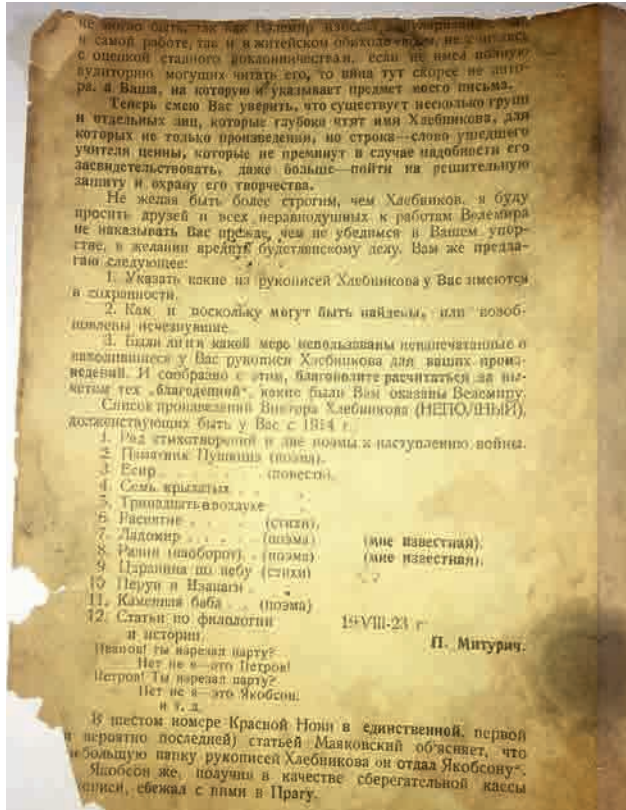
⁴ Митурич до конца жизни продолжать верить в свою версию. Его сын, племянник поэта, художник М. П. Митурич-Хлебников придерживался этой же версии. Автор этих строк имел с ним во время юбилейных Хлебниковских торжеств в Астрахани в 1985 г. очень «трудный» разговор на эту тему, но переубедить его не удалось. Как ни странно, эта версия до сих пор варьируется в разных работах о Хлебникове и Маяковском.

Илл. 2. П. Митурич. Открытое письмо Маяковскому. Листовка (приложение) к сборнику ничевоков «Собачий ящик». М., 1923 [1922] (экземпляр сб. из архива Р. П. Абиha, найденного мною в подвале дома в Баку, в котором жили его родственники). С. 3

своей жизни мемуарах и названных им *Не только воспоминания* (Катанян 1999: 163–174). Он собрал материалы о встречах поэтов-соратников в последние месяцы пребывания Хлебникова в Москве весной 1922 г. и пытался выяснить причины, почему Митурич написал «Открытое письмо», обвинив Маяковского в плагиате и укрывательстве рукописей Хлебникова. Катанян пытался нарисовать полную и объективную картину скандальной «истории», возникшей весной 1922 г., но ему не удалось довести ее до логического конца, так как не все материалы и документы он смог разыскать.

Профессор В. П. Григорьев в своем капитальном труде о Хлебникове *Будетлянин* (2000) продолжал обвинять Маяковского в том, что он в последние годы жизни главы будетлян относился к нему якобы без должного внимания и пietetа и даже с откровенной «завистью». Григорьев во второй раз перепечатал в этой книге свою раннюю критическую статью «Маяковский в “зеркале судьбы” Хлебникова» (Григорьев 2000: 550–559), в которой он обвинял первого певца революции во всех смертных грехах. Кроме того,

Илл. 3. То же. С. 4

к этой теме он обращался и в других своих работах. В них он с характерной для него «бойцовской» энергией и пафосом уличает Маяковского в «обмане» (?), «измене» (?) и «предательстве» (?) своего старшего друга и единомышленника Хлебникова. Маяковский якобы «так и не вернул, продержав у себя три года, как было твердо договорено (?! — *А. П.*), из множества врученных ему рукописей 10-х годов» (Там же: 553–554). Трудно понять «логику» и причину таких безапелляционных и абсурдных обвинений Григорьева, который хорошо знал все обстоятельства этой «истории». Как известно, в конце марта 1919 г. у Маяковского уже не было никаких рукописей Хлебникова — все рукописи, которые у него ранее находились, он передал Р. О. Якобсону и самому Хлебникову для работы над однотомником поэта, который он пробил (см. об этом далее). Кроме того, Григорьева не убедили даже авторитетные свидетельства Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона о том, где находились рукописи Хлебникова после отъезда первого в 1920 г. в Ригу, а второго тогда же в Прагу. Эти два свидетельства были зафиксированы в записных книжках Маяковского и были опубликованы Катаняном через много лет — в его *Хронике Маяковского* (Катанян 1985: 550). Григорьев хо-

рошо знал этот источник (в монографии он не раз ссылался на 5-е издание книги *Хроники* Катаняна), как и другие источники, но в своей версии он безоговорочно доверился пристрастным и «обличительным» заявлениям художника Митурича, сделанным им еще в 1922 г. в «Открытом письме». Маяковский у Григорьева неожиданным образом превратился в «злого негодяя» и завистливого «врага» автора *Зангези*.

Чем вызваны такие «убийственные» обвинения Григорьева, выдвинутые им против Маяковского? Автор *Будетлянина* не мог не знать, что в советские времена Хлебникова печатали только благодаря Маяковскому. Певец революции был своеобразным «паровозом», который тащил за собой не только главу будетлян и других футуристов, но и продолжал быть верным этой дружбе до последних дней своей жизни. За месяц до своей смерти, 7 марта 1930 г., Маяковский участвовал в вечере памяти Хлебникова (Там же: 489). Даже после смерти Маяковского, в годы борьбы с формализмом, а также в послевоенные застойные годы Хлебникова печатали в основном благодаря певцу революции. Однако Григорьев почему-то продолжал настаивать на своей версии.

Как отреагировали на эти обвинения, предъявленные Маяковскому, его близкие друзья и соратники? Свидетельств сохранилось, к сожалению, очень мало. Среди них отзывы лингвистов Р. О. Якобсона и Г. О. Винокура, а также соавтора и издателя Хлебникова А. Е. Крученых. Последний вспоминал об этом эпизоде в предисловии к *Неизданному Хлебникову* в 1931 г.:

«А где же рукописи <?> Никто толком не знал, а Хлебников вполне естественно очень волновался и подозрительность его “питалась туманом неизвестности”. Кажется, в этом тумане Хлебников и умер. И только после его смерти Роман Якобсон, которому, оказывается, были переданы рукописи для редактирования, прислал из-за границы в Москву ключ от сейфа, в котором хранились рукописи Хлебникова и, приблизительно, в 1923 г. <так! — А. П.> они были благополучно извлечены, часть материала напечатана в “Лефе”, а остальная передана лингвисту Г. Винокуру для редактирования предполагавшегося издания творений Велимира. Истинная причина гибели Хлебникова — не потеря рукописей, а эти, вечно предполагавшиеся и не осуществлявшиеся издания, которые его страшно нервировали и загнали в деревню, где он сильно простудился и, от недостатка медицинской помощи, скончался...» (Крученых 1934: 3)

Наконец, Н. И. Харджиев в так называемом неизданном «Завещании», которое он написал в последний год своей жизни в Амстердаме и которое сейчас готовится к печати⁵, упомянул, что очень сожалеет, что не успел написать об этом конфликте. Он считал, что необходимо дать «правильную интерпретацию» финалу *Зангези* и «реабилитировать» Маяковского. В последние месяцы жизни он работал также над статьей, которую он назвал «История одного обвинения» (вариант — «История одной подделки»), но ко-

⁵ «Завещание» Н. И. Харджиева готовится к изданию в 4-м томе *Архива Н. И. Харджиева*.

торую он не успел закончить — сохранились лишь черновики этой работы. В ней он назвал Митурича «злым гением» поэта и написал, что очень огорчен, что ценнейшие архивные материалы и документы об этом конфликте, собранные им, остались в Москве, а без них он не может восстановить полную картину скандальной «истории»⁶. После объединения двух частей архива Харджиева — амстердамской и московской (ныне находятся в РГА-ЛИ) — некоторые важные документы пока не удается обнаружить.

В «Завещании» Харджиев подвел итог, в котором он сформулировал основные положения своей незаконченной статьи «История одной подделки», над которой тогда работал:

«...под воздействием [бесконечно преданного ему] того же Митурича отношение Хлебникова к Маяковск<ому> резко изменилось. <...> Это заставило Хлебникова изменить финал сверхповести “Зангези”, которая была “собрана” и закончена до приезда Митурича в Москву (а не с его помощью, как утверждает в своем предисловии к пятитомнику Степанов). В <отбро>шенном Хлебниковым первоначальном беловом тексте [заключительной части] финала <чудовищно-абсурдное> обвинение Маяковского в уничтожении рукописей несомненно отсутствовало. Об этом свидетельствует и [беловой] автограф “Зангези”, где заключительная часть написана *другими чернилами*. *А первоначальный беловой текст финала был уничтожен (если не самим Хлебниковым, то Митуричем)*. *Такова истинная история финала “Зангези”*» (курсив мой — А. П.; РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 37).

На чём основано такое категорическое утверждение Харджиева, трудно понять — оно требует тщательного анализа и изучения всех источников, однако сделать это в настоящее время не представляется возможным по разным причинам.

Действительно, в конфликте между Хлебниковым и Маяковским, произошедшем в конце весны 1922 г., до сих пор не все до конца ясно, а главное — не выявлена подлинная его причина. В настоящей работе предпринимается попытка окончательно разобраться в этой запутанной «истории».

Чтобы понять, почему Митурич всё-таки выступил против Маяковского, необходимо, прежде всего, восстановить точную хронологию событий, связанных с последним пребыванием Хлебникова в Москве. Необходимо собрать все документы и материалы, относящиеся к этому вопросу, а также выяснить, когда и главное — кем был написан последний вариант финала *Зангези*, а также существовала ли авторская верстка сверхповести. И если она сохранилась, то где она находится. И только тогда можно будет поставить точку над «i».

⁶ Вероятно, Харджиев имел в виду переписку Митурича с различными лицами (Н. Н. Пуниным, А. Н. Андриевским, Рюриком Роком, С. П. Исаковым и другими), связанную с «Открытым письмом». По свидетельству С. В. Митурича, к сожалению, утрачены (или уничтожены?) страницы с 10 по 13 мая 1922 г. из неизданного дневника П. В. Митурича (последние дни пребывания Хлебникова перед отъездом в Снталово, которые на многое могли бы пролить свет). Об этой «истории» писала также Т. М. Горяева в статье «Н. И. Харджиев и В. В. Маяковский», в которой она напечатала факсимиле двух редакций «Открытого письма Маяковскому» (Горяева 2019: 420–429).

Как известно, Маяковский испытал большое влияние Хлебникова на свое творчество, и наоборот — его поэтическая система повлияла на поэтику главы будетлян. Маяковский не был двуличным лицемером и «варваром», каковым считал его Митурич. По версии художника, получается, что с одной стороны, Маяковский назвал Хлебникова в некрологе своим «учителем» и «Колумбом новых поэтических материков», а с другой — якобы «уничтожал» его рукописи. Разумеется, такого быть не могло, и это плод фантазии Митурича.

Маяковский, рассказывая в некрологе о своих отношениях с Хлебниковым, дал своему другу не только высокую оценку — «наш учитель», но и сделал крайне важное уточнение, которое многое объясняет: «Я знаю Хлебникова двенадцать лет» (Маяковский 1959, 12: 27). И далее он добавил: «Хлебникова любили все знающие его» (Там же: 28). Эти слова Маяковского говорят сами за себя.

Однако Хлебников в одном из своих последних программных произведений сверхповести *Зангези*, сданной в типографию, вероятно, в марте-апреле 1922 г. и вышедшей в конце июня, в четырех финальных строках совершенно неожиданно и откровенно намекает, что в них идет речь о бывшем друге и соратнике Маяковском, который якобы уничтожил его рукописи:

Поводом было уничтожение
Рукописей злостными
Негодьями с большим подбородком
И шлепающей и чавкающей парой губ.

(Хлебников 2004, 5: 353)

Вне сомнения, характеристика «злостного негодяя с большим подбородком» в финале *Зангези* навеяна последней строкой трагедии Маяковского *Владимир Маяковский*: «мясистыми рычагами шлепающих губ» (Маяковский 1955, 1: 169). Разумеется, Хлебников легко мог вспомнить эту финальную строку ранней трагедии, но помнил ли ее Митурич — сказать трудно.

О пропаже своих стихов Хлебников метафорически упоминал также в стихотворении «Всем», написанном в последние месяцы своей жизни:

Ах, жемчуга с любимых мною лиц
Узнать на уличной торговке!
Зачем я выронил эту связку страниц?
Зачем я был чужак неловкий?
Не озорство озябших пастухов —
Пожара рукописей палач, —
Везде зазубренный секач
И личики зарезанных стихов.

(Хлебников 2001, 2: 393)⁷

⁷ Здесь этот текст печатается по копии (без даты). Автограф стихотворения «Всем», находившийся у С. П. Исакова, вероятно, утрачен.

Откуда у Хлебникова возникли эти «чудовищные» подозрения и обвинения? Когда возник конфликт между поэтами и что же на самом деле произошло между поэтами весной 1922 года? И наконец, почему сам Хлебников не мог спросить у Маяковского, куда делись его рукописи, переданные ему еще в 1919 году?

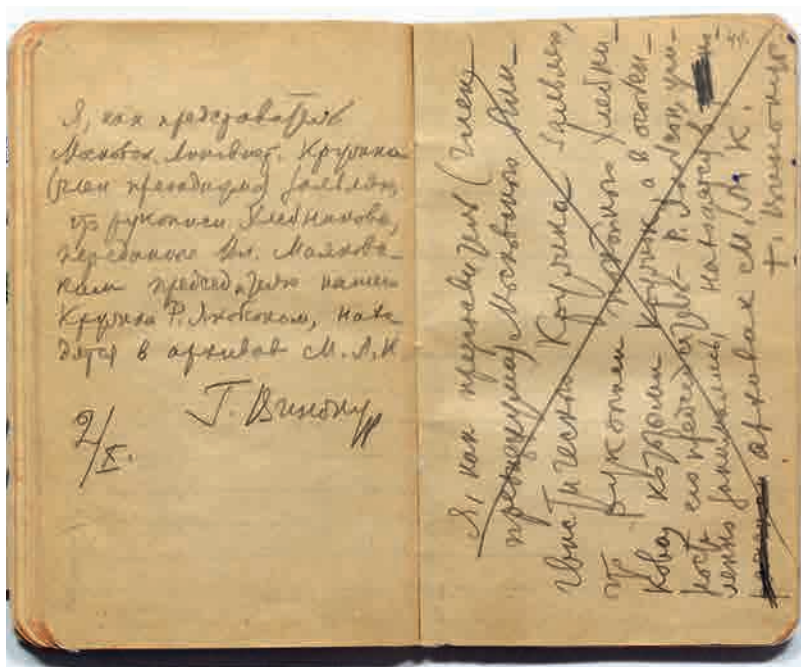
Чтобы окончательно разобраться с этими вопросами, необходимо вернуться к предыстории «хождения» Письма в Москве и в Петрограде. Но сначала следует остановиться на одном литературном событии, которое произошло еще при жизни Хлебникова и которое имело непосредственное отношение к настоящему «сюжету».

В начале 1922 г. Маяковский организовал в Политехническом музее три вечера под названием «Чистка современной поэзии» (19 января, 17 февраля и 24 марта). На этих вечерах он сделал критический обзор, условно говоря, почти всей русской поэзии начала XX века, он дал оценку представителям различных направлений и школ (символистам, акмеистам и небольшим группировкам), включая даже своих соратников-футуристов. Вне сомнения на этих «чистках» присутствовал и Хлебников. О последнем вечере 24 марта, на котором милиция арестовала Митурича и Хлебникова, художник вспоминал в своих мемуарах (по гипотезе художника, это была провокация, устроенная якобы Маяковским)⁸.

Когда же сам Маяковский познакомился с этим Письмом Митурича? Скорее всего, это произошло в *сентябре* 1922 г., когда Письмо появилось и ходило в списках в Москве и в Петрограде. Оно сразу же вызвало большой скандал и на него нужно было каким-то образом реагировать. Необоснованные обвинения Митурича, конечно же, очень оскорбили Маяковского — он видел и понимал всю абсурдность этих нападок, но пока решил не отвечать душеприказчику Хлебникова и не вступать с ним в открытую полемику, так как у него на руках не было никаких доказательств для опровержения этих нелепых обвинений. Поэту необходимо было выяснить некоторые обстоятельства, связанные с этим письмом и собрать различные материалы и, прежде всего, установить и понять причину возникновения обвинений.

В это время Маяковский сам стал выяснять судьбу рукописей Хлебникова, которые глава будетлян передал ему несколько лет назад. В некрологе о Хлебникове, написанном в июле-августе 1922 г., он вспоминал: «Года

⁸ В опубликованной редакции мемуаров П. В. Митурича (Митурич 1997) был купирован этот эпизод с арестом его и Хлебникова, произошедший на «третьем» вечере «Чистки» Маяковского в Политехническом музее (24 марта 1922 г.), а также предварительный разговор художника с поэтом, который здесь приводится по рукописному тексту воспоминаний: «Когда мы собирались еще дома у Велимира, я предвидел подобный разговор и просил Велимира перечислить мне названия его вещей, которыми располагает портфель Бриков. Их оказалось 12 крупных вещей и более. Из них мне были известны только три, остальные они мне не показывали, несмотря на многократные просьбы показать все, что у них имеется». Однако «Брики» отмалчивались по простой причине — никаких рукописей Хлебникова у них не было: Маяковский передал их, как он упоминает в некрологе, Р. О. Якобсону для работы над однотомником Хлебникова ещё в 1919 году.

Илл. 4. Запись Г. О. Винокура, сделанная 2 октября 1922 г. в записной книжке Маяковского (№ 14). Архив Государственного музея В. В. Маяковского, Москва.

три назад мне удалось с огромным трудом устроить платное печатание его рукописей (Хлебниковым была передана мне небольшая папка путанейших рукописей, взятых Якобсоном в Прагу, написавшим единственную прекраснейшую брошюру о Хлебникове)» (Маяковский 1959, 12: 27).

Однако, как впоследствии выяснилось, это было не так — рукописи Хлебникова остались в Москве и находились в сейфе лингвистического кружка (Лубянский проезд, дом Стахеева, бывшая квартира родителей Р. О. Якобсона — ныне музей Маяковского). Эти сведения удалось установить самому Маяковскому тогда же — осенью 1922 года.

Перед второй поездкой за границу, буквально накануне прощального вечера, который состоялся 3 октября в московской консерватории, Маяковский встретился и разговаривал об этом Письме Митурича со своим знакомым, членом Московского лингвистического кружка Г. О. Винокуром, который располагал некоторой информацией. Поэт попросил его рассказать о том, что ему было известно о судьбе рукописей Хлебникова и задокументировать скандальную «историю». Любопытно, что на этой встрече поэт и лингвист не только беседовали, но и, вероятно, выпивали. Об этом косвенно свидетельствует прежде всего «нервный» стиль записей Винокура, нечеткость формулировок и даже допущенные им «ошибки» в текстах. Настоящая гипотеза очень важна для понимания всей ситуации анализируемого «сюжета».

Итак, в записной книжке Маяковского (№ 14), относящейся к 1922 г., Винокур оставил запись об этой «истории». Вернее, две записи: сначала он сочинил первый вариант, который его, или Маяковского, чем-то не устроил, и он его отбросил (перечеркнул), а затем написал второй вариант, в котором он подчеркнул, что рукописи Хлебникова Якобсону передал именно Маяковский, и поставил дату — 2 октября. Здесь приводятся два варианта записей — черновой и окончательный, так как некоторые дополнительные «мелочи» представляют определенный интерес.

Черновой вариант:

Я, как представитель (член президиума) Московского Лингвистического Кружка, заявляю, что рукописи покойного Хлебникова, которыми Кружок, а в особенности его председатель — Р. Якобсон, усиленно занимались, находятся в [распоряжении] архивах (так! — *А. П.*) М.Л.К.

Г. Винокур <1922> (Архив 14)⁹.

Окончательный вариант:

Я, как представитель Московск<ого> Лингвист<ического> Кружка (член президиума), заявляю, что рукописи Хлебникова, переданные Вл<адимиром> Маяковским председателю нашего Кружка Р. Якобсон<у>, находятся в архива<х> М.Л.К.

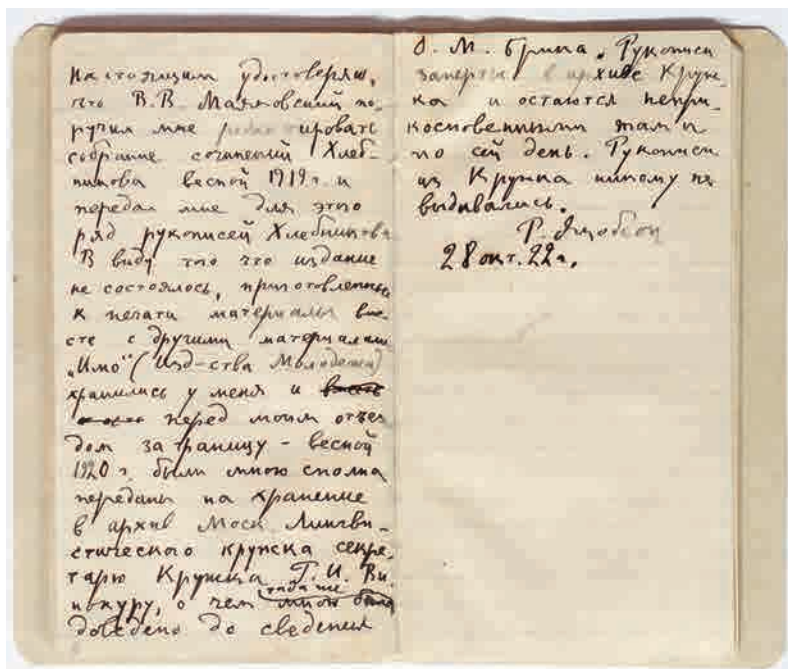
Г. Винокур. 2/Х <1922>.

А где находился этот архив или архивы кружка, Винокур не уточнил. Через несколько дней после этого вечера, Маяковский выехал за границу. В Берлине он встретился со своим другом Р. О. Якобсоном и рассказал ему о скандальном Письме Митурича и обвинениях, выдвинутых против него. Маяковский попросил Якобсона подтвердить рассказ Винокура и уточнить, где действительно находятся рукописи Хлебникова. Якобсон сделал запись в рабочей книжке поэта (№ 18), в которой подробно рассказал об этой «истории» и все поставил на свои места:

Настоящим удостоверяю, что В. В. Маяковский поручил мне редактировать собрание сочинений Хлебникова весной 1919 г. и передал мне для этого ряд рукописей Хлебникова. Ввиду того, что издание не состоялось, приготовленные к печати материалы вместе с другими материалами «Имо» (Изд-ва молодежи) *хранились у меня [и вместе с остальными] перед моим отъездом за границу — весной 1920 г. были мною сполна переданы на хранение в архив Моск<овского> Лингвистического Кружка секретарю Кружка Г. И. <так! — А. П.> Винокуру, о чем мною было тогда же доведено до сведения О. М. Брика (курсив мой — А. П.). Рукописи заперты в архиве Кружка и остаются неприкосновенными там и по сей день. Рукописи из Кружка никому не выдавались.*

Р. Якобсон. 28 окт<ября> <19>22 г<ода> (Архив 18).

⁹ Приношу сердечную благодарность В. Н. Терехиной, предоставившей мне эти фотографии из записных книжек Маяковского (№ 14, № 18), хранящихся в Государственном музее Владимира Маяковского. «Имо» — правильно: «Искусство молодежи».

Илл. 5. Запись Р. О. Яacobсона, сделанная 28 октября 1922 г. в записной книжке Маяковского (№ 18). Архив Государственного музея В. В. Маяковского, Москва

Через много лет Р. О. Яacobсон в воспоминаниях, записанных Б. Янгфельдтом (1977), вернулся к этой «истории»:

Это было в Берлине, когда мне нужно было устроить так, чтобы нашлись рукописи Хлебникова — это была идиотская история, которая, конечно, взорвала Маяковского и очень обозлила его. Он не помнил, что случилось с рукописями, ничего об этом не знал. На самом деле он был совершенно ни при чем. История была такова.

Я боялся за рукописи Хлебникова. Квартира моих родителей была, после их отъезда, передана Лингвистическому кружку. Там стояли ящики с книгами Кружка, были полки, и остался без употребления несгораемый шкаф отца. В этот несгораемый шкаф я положил все рукописи. Там были и другие вещи, в частности, мои рукописи.

После смерти Хлебникова я получил от художника Митурича письмо [с просьбой] помочь [выяснить], что сделал Маяковский с рукописями Хлебникова. Я совершенно растерялся. Я знал, что к этому Маяковский никакого касательства не имел. Он их в руках не держал, кроме того случая, о котором я рассказывал, когда он их просто на месте прочел. Я сейчас же [из Праги] написал своим друзьям из Кружка, в частности, Буслаеву, которому я дал ключ от шкафа. А он ключа не мог найти. Тогда я сообщил, что прошу вскрыть шкаф — пусть его уничтожат, мне до этого дела нет. Мне написали, что это будет стоить большую сумму. Я ответил, что все заплачу, и послал деньги каким-то путем. Вскрыли шкаф и нашли рукописи. Они все сохранились. Что не сохранилось — потому что не находилось в шкафу — это были

мои книжки с сочинениями Хлебникова, где он своей рукой вносил поправки, частью заполняя пропуски.

Никогда не бывало, чтобы Хлебников говорил резко о ком-нибудь (курсив мой — А. П.). Он был очень сдержан и очень, так сказать, сам по себе (Яacobсон 2012: 72–73).

Известно, что на первом вечере «чистки», 19 января, Маяковский подверг уничтожающей критике также и группировку ничевоков (Рюрик Рок и другие), которые выступили на нем с чтением своих стихов и манифеста. Возможно, что Маяковский говорил о ничевоках и на других вечерах. Крученых вспоминал об этом вечере: «Стихи ничевоков Маяковский “расчистил” и вынес резолюцию, в которой, между прочим, заявил: “Принудить их три месяца бегать для меня за папиросами”» (Крученых 1996: 135)¹⁰.

Они были очень уязвлены «чисткой» Маяковского и несомненно искали возможность «ответить» ему. Наконец, они «ответили» ему через несколько месяцев, когда уже Хлебников умер и когда в литературной среде Москвы «ходило» обличительное «Открытое письмо» Митурича — в декабре 1922 года.

Глава ничевоков Рюрик Рок, оскорбленный Маяковским, написал Митуричу 22 сентября 1922 г. письмо, в котором он поддержал его обвинения, выдвинутые против будущего главы ЛЕФа, и предложил свою помощь в распространении и публикации этого Письма: «Ваше открытое письмо к Маяковскому Андриевский передал нам для печатанья, так как знал, что мы сделаем все возможное к немедленному напечатанью, т<ак> к<ак> кой-какие связи к этому есть. Сейчас я должен Вам отметить прежде всего, что ни один печатный орган напечатать письмо не рискнул, поэтому мы решили поместить письмо в нашем сборнике»¹¹. Однако, эта попытка напечатать Письмо Митурича затянулась на три месяца.

Впервые ничевоки (Р. Рок и другие) открыто выступили против Маяковского на его вечере в московской консерватории 3 октября 1922 г., накануне отъезда поэта в Берлин. На своем прощальном вечере Маяковский читал поэму *V Интернационал* и говорил о целях поездки. Ничевоки, выступившие на этом вечере, не только «ответили» на критику Маяковского, прозвучавшую на его первой «чистке» в их адрес, но и неожиданно прочитали «Открытое письмо Маяковскому», в котором Митурич обвинял его в «злостном сокрытии творений В. Хлебникова» (Галушкин 2006, 1/2: 554). Это публичное выступление ничевоков против Маяковского вызвало скандал, и поэт не мог на него не отреагировать. Тем более, что еще совсем недавно, в августе 1922 г., он в некрологе Хлебникову от своего имени

¹⁰ В связи с этим см. также: *Шугаева* 1928: 3.

¹¹ Где в настоящее время хранится письмо Р. Рока Митуричу — неизвестно, цитирую по ксерокопии, сделанной во время работы в архиве Stedelijk Museum (Амстердам). А. Н. Андриевский (1899–1983) — кинорежиссер, один из создателей стереокино в СССР. Встречался с Хлебниковым в Харькове и в Москве, автор воспоминаний о нем, написанных по моей просьбе «Мои ночные беседы с Хлебниковым» (*Дружба народов* 1985, № 12: 228–242), адресат поэмы «Председатель чеки» (*Новый мир* 1988, № 11: 147–152).

и от имени соратников-футуристов назвал Хлебникова «нашим учителем». Маяковский ответил своим обвинителям резко и достойно, но они не успокоились...

С этого первого выступления ничевоков, т. е. с 3 октября 1922 г., и началась фактически травля Маяковского, которая продолжалась несколько лет. Маяковский уехал за границу на два месяца, а знакомые и друзья Митурича решили поменять тактику борьбы с ним и предприняли новые шаги. Рюрик Рок решил, как сказано выше, напечатать его в групповом сборнике *Собачий ящик*. После возвращения Маяковского из-за границы, ничевоки снова стали выступать с чтением этого Письма на его вечерах. Обвинители Маяковского не успокоились даже тогда, когда рукописи Хлебникова нашлись — в январе 1924 г. был вскрыт сейф лингвистического кружка, и в нем было обнаружено большое число рукописей Хлебникова. Значительная часть из них была тогда же опубликована (в *Русском современнике*, 1924, №4, и в других изданиях). Митурич и его друзья знали о находке рукописей — художник сделал об этом запись в своем дневнике, но неожиданная находка не изменила его негативного отношения к Маяковскому.

В 1926–1927 гг. на вечерах Маяковского стал появляться поэт-«оригиналист» Альвэк (И. С. Израилевич), знакомец Митурича и автор двух поэтических сборников (до второй мировой войны в СССР было популярно танго «Утомлённое солнце», вольный перевод с польского Израилевича, композитор — Ежи Петербургский) и стал публично обвинять его в плагиате. В 1926 г. он написал памфлет, направленный против Маяковского и Асеева, — «Нахлебники Хлебникова». Через год он издал сборник, в котором напечатал этот памфлет вместе со стихами Хлебникова, а также включил в него скандальное «Открытое письмо Маяковскому» Митурича и свои стихи, причем на обложке поместил портрет умирающего поэта его же работы (Хлебников 1927: 17–19). Альвэк неоднократно выступал на вечерах Маяковского со скандальными заявлениями, направленными против главы «ЛЕФа», и распространял на них свой сборник с манифестом «Нахлебники Хлебникова» (Рябова 1993: 234).

Илл. 6. Хлебников В. Всем; Ночной бал. Альвэк. Нахлебники Хлебникова: Маяковский — Асеев. М., 1927.

Последний раз Альвэк выступил на вечере Маяковского 20 октября 1927 г. в Политехническом музее, где поэт читал поэму *Хорошо!* А. Крученых вспоминал об этом, где он говорил о себе в третьем лице:

Вечер закончился «скандалом»: появился Альвэк с навязчивой мыслью о плагиате и стал просить слова, помахивая при этом книжкой «Нахлебники Хлебникова». Маяковский, грозя ему пальцем, сказал гневно: «Я выдеру вас за уши в ближайший же день вашего существования». Крученых стал отнимать у Альвэка книжку «Нахлебники Хлебникова» и энергично подталкивать его к двери. Милиционер завершил изгнание Альвэка из зала. А в это время Маяковский документально доказывал публике абсурдность обвинений Альвэка. Соответствующую оценку поступка Альвэка Маяковский поставил на общее голосование и утвердил её (Крученых 1996: 154)¹².

В свидетельстве Крученых необходимо подчеркнуть оценку ответа Маяковского — «документально доказывал». Скорее всего, поэт прочел свидетельства Г. Винокура и Р. Якобсона из своих записных книжек, рассказал о находке рукописей Хлебникова в сейфе лингвистического кружка и доказал абсурдность этих обвинений. Травля Маяковского прекратилась, вероятно, только в 1928 г. после опубликования в *Новом ЛЕФе* статьи В. Силлова «Шапочный разбор лесов» (см. подробнее об этом далее).

Но прежде всего следует рассказать о взаимоотношениях Хлебникова и Маяковского в последний московский период главы будетлян.

О замысле *Зангези* Хлебников писал Маяковскому ещё 13 декабря 1921 г.: «Думаю писать вещь, в которой бы участвовало все человечество, 3 миллиарда, и игра в ней была бы обязательна для него. Но обыкновенный язык не годится для вещи и приходится создавать новый шаг за шагом» (Хлебников 2006, 6/2: 204; с ошибкой в дате).

Весной 1922 г. отношения между поэтами были, как известно, вполне дружескими. Сам Маяковский вспоминал об этом в некрологе: «Он часто приезжал в Москву, и тогда, кроме последних дней, мы виделись с ним ежедневно» (Маяковский 1959, 12: 27).

В последний раз Хлебников приехал из Пятигорска в Москву 28 декабря 1921 г., и это пребывание в столице растянулось на четыре с половиной месяца — до его отъезда в Санталово. Глава будетлян рассчитывал, что Маяковский поможет ему издать однотомник его сочинений, запланированный ещё в 1919 г. в издательстве «ИМО». На следующий день после приезда, 29 декабря, Хлебников вместе с Маяковским, Крученых и В. Каменским выступил на литературном вечере во ВХУТЕМАСе. Сохранился рассказ Крученых об этом вечере:

Это был единственный вечер, когда одновременно выступили Маяковский, Хлебников, В. Каменский и я. На эстраде, вместо декорации, висел огромный плакатный портрет Маяковского, сделанный вхутемасовцами. Аудитория принимала всех выступавших, как любимых поэтов, восторженно.

¹² См. об этом также: Шаламов В. Т. *Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела*. М.: Эксмо, 2004: 52–54.

Даже Хлебникова слушали очень внимательно, и поэтому тихий голос Велимира звучал очень выразительно, так что присутствовавший в зале в первом ряду В. Татлин сказал Хлебникову:

— Вы лучший чтец своих произведений!
И он был прав.

(Крученых 1996: 131).

В это время еще ничто не омрачало дружбу поэтов. Хлебников часто ходил обедать к Маяковскому и Брику в Водопьяный переулочек (д. 3, кв. 43), неоднократно ночевал у них, просил родных отправлять ему письма на адрес Брик (Хлебников 2006, 6/2: 212). В письме к Л. Ю. Брик от 2 января 1922 г., которая тогда находилась в Риге, поэт сообщал, что приехал в Москву «к милым дорогим друзьям на Мясницкую» (курсив мной — А. П.; там же). Маяковский отдал Хлебникову один из своих костюмов, галстук (он сохранился и экспонируется в музее Хлебникова в Астрахани) и «пугачевский тулупчик». В стихотворении «Не шалить!» («Эй, молодчики-купчики»), напечатанном 5 марта этого года при содействии Маяковского в газете *Известия*, Хлебников писал: «В пугачевском тулупчике / Я иду по Москве!» (*Известия* 5 марта 1922). Маяковский заплатил Хлебникову за это стихотворение небольшой гонорар, который поэт отправил родителям в Астрахань. Сам Митурич свидетельствовал об этом в письме к матери поэта Е. Н. Хлебниковой, написанном на следующий день после смерти поэта — 29 июня 1922 г.: «Во время болезни он просил послать Вам 2 миллиона из 4-х, полученных от Маяковского на лечение» (курсив мой — А. П.; Парнис 2002: 14–15).

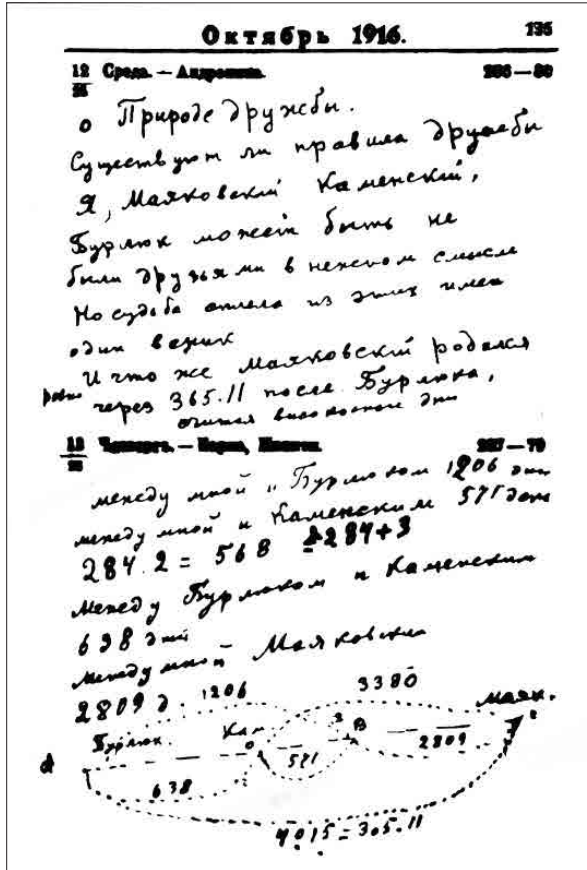
Между прочим, Митурич в этом же письме сообщает матери поэта о выходе «последней крупной вещи “Зангези”»: «Это издание принесло много неприятных минут В. В., так что он, в конце концов, даже не хотел думать о нем» (Там же).

Как известно, Хлебников посвятил Маяковскому несколько стихотворений. В обращенном к нему стихотворении «Признание», которое относится к началу 1922 г. и в котором он писал: «Будем гордиться вдвоем / Строгою звука судьбой» (Хлебников 2001, 2: 342). А в финале одного из последних стихотворений «Ну, тащися, сивка...» (февраль 1922) он также обращается к Маяковскому:

Кто меня кличет из Млечного Пути?
А? Вова?
В звезды стучится!
Друг! Дай пожму благородное копытце!

(Там же: 371).

Последний раз поэты виделись 1 мая 1922 г. на торжественном приеме наркома А. В. Луначарского у Брик (Хлебников 1975: 207). На следующий день Маяковский уехал в Ригу (первая поездка Маяковского за границу) и вернулся в Москву 13 мая, буквально накануне отъезда Хлебникова и Митурича из Москвы в Санталово — 14 мая.

Илл. 7. Запись Хлебникова «О природе дружбы» в записной книжке поэта. 1922. РГАЛИ

Был ли уже тогда, к 1 мая, написан финал «сверхповести» *Зангези* с выпадом против Маяковского? Скорее всего, нет. Митурич упоминал в воспоминаниях, что именно перед отъездом в Санталово Хлебников держал гранки сверхповести, в которых наборщики развлекались и сопровождали текст поэта обцененной лексикой: «Мы получили уже гранки набора “Зангези”, и Велимир занят выправкой текста. Наборщики издевались и где только могли, изощряли свое остроумие. Так, например, “Перун и Изанаги” они набирают “Пердун из заноги”. Или слова от корня “мочь-могу” они набирают от корня “моча” — мочиться. И все в таком роде, тяжеловесно и грубо. Велимир ни словом не обмолвился на эти выходки. Гранки были выправлены и конец “Зангези” утвержден» (курсив мой — А. П.; Митурич 1997: 54).

Были ли это гранки или это была авторская верстка? Ответить определенно на этот вопрос трудно, так как последняя верстка не сохранилась, или пока не обнаружена. Свидетельство Митурича, в котором он выделяет

«конец “Зангези”»), а не весь текст сверхповести, и говорит о том, что они вместе обсуждали именно ее финал, в котором имеется выпад против Маяковского.

Однако трудно себе представить ситуацию, в которой Хлебников в финале сверхповести, позволил себе сделать резкий выпад против своего друга, назвав его «злостным негодяем», «уничтожающим рукописи», а затем «спокойно» пойти на квартиру Бриков-Маяковского в Водопьяном переулке — на встречу с Луначарским. Из этого следует, что последние поправки в финал сверхповести внесены были, скорее всего, уже после этой встречи, т. е. между 1 и 14 мая 1922 г., днем отъезда в Санталово.

Кто вносил правку в верстку — Хлебников или Митурич — установить пока не удастся. Вряд ли Митурич запомнил цитату из финала трагедии *Владимир Маяковский* (1913), но то, что художник принимал участие в обсуждении «конца “Зангези”» и повлиял на его установку, сомнений не вызывает.

Любопытно, что Маяковский в некрологе Хлебникову упоминает его «последнюю вещь “Зангези”», но он ничего не говорит о выпаде против себя в финале этой вещи. Здесь возможны три причины — то ли он не заметил этого выпада, то ли он слукавил и сделал вид, что не заметил его, то ли он считал, что Хлебников в последние месяцы жизни был уже серьезно болен и что на этот прецедент не стоит обращать внимания.

Скорее всего, он, действительно, не заметил выпада Хлебникова, иначе бы Маяковский, как человек прямой и крайне самолюбивый, несомненно, на него бы отреагировал, и тогда вся тональность некролога и характеристика «учителя» были бы уже совсем другими.

И все же он отметил в некрологе некоторую напряженность в отношениях со своим другом, возникшую во время последних встреч: «Болезнь сделала Хлебникова требовательным. Видя людей, не уделявших ему все свое внимание, Хлебников стал подозрителен. Случайно брошенная даже без отношения к нему резкая фраза раздувалась в непризнание его поэзии, в поэтическое к нему пренебрежение» (Маяковский 1959, 12: 28).

Несколько ранее сам Хлебников в небольшой заметке «О природе дружбы» в записной книжке, относящейся к весне 1922 г., не без иронии заявлял: «Существуют ли правила дружбы <?> Я, Маяковский, Каменский, Бурлюк может быть не были друзьями в нежном смысле. Но судьба сплела из этих имен один веник» (*Мир Велимира Хлебникова* 2000: 157). Не этот ли «веник» — «березовый веник» — нарисовал Митурич в конце «Открытого письма Маяковскому» (см. ил.)? Следует вспомнить, что десять лет назад, в самом начале литературной деятельности футуристов в 1912 г., когда они выпускали свои первые сборники и писали первые манифесты, отношения между ними были совсем иными. В манифесте, открывающем первый футуристический сборник *Пощечина общественному вкусу* (1912), они декларировали: «Стоять на глыбе слова “мы” среди моря свиста и негодования» (Маяковский 1961, 13: 245).

Владимир Владимирович!

Прочитав твое письмо, я очень рад, что ты находишь время и силы написать мне. Ты пишешь, что тебе тяжело и трудно, что ты чувствуешь себя одиноким. Но я хочу тебе сказать, что ты не один. Ты всегда был и будешь моим другом. Я всегда буду рядом с тобой, когда тебе понадобится помощь или поддержка. Не бойся обратиться ко мне, я всегда буду готов выслушать тебя и помочь тебе в любой ситуации.

Ты пишешь, что тебе тяжело работать. Но я хочу тебе сказать, что работа — это не только труд, но и возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Не бойся трудностей, они только делают тебя сильнее. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить. Но я хочу тебе сказать, что жизнь — это не только боль, но и радость. Не бойся жить, потому что жизнь — это прекрасная возможность испытать все радости и пережить все трудности. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело учиться. Но я хочу тебе сказать, что учеба — это не только труд, но и возможность получить новые знания и навыки. Не бойся учиться, потому что учеба — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело общаться с людьми. Но я хочу тебе сказать, что общение — это не только труд, но и возможность найти друзей и поддержку. Не бойся общаться с людьми, потому что общение — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить в одиночестве. Но я хочу тебе сказать, что одиночество — это не только боль, но и возможность узнать себя лучше. Не бойся жить в одиночестве, потому что одиночество — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить в мире. Но я хочу тебе сказать, что мир — это не только боль, но и возможность сделать добрые дела и помочь другим. Не бойся жить в мире, потому что мир — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить в любви. Но я хочу тебе сказать, что любовь — это не только радость, но и труд. Не бойся жить в любви, потому что любовь — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить в надежде. Но я хочу тебе сказать, что надежда — это не только свет, но и сила. Не бойся жить в надежде, потому что надежда — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить в вере. Но я хочу тебе сказать, что вера — это не только сила, но и любовь. Не бойся жить в вере, потому что вера — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить в правде. Но я хочу тебе сказать, что правда — это не только свет, но и сила. Не бойся жить в правде, потому что правда — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить в справедливости. Но я хочу тебе сказать, что справедливость — это не только свет, но и сила. Не бойся жить в справедливости, потому что справедливость — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить в свободе. Но я хочу тебе сказать, что свобода — это не только свет, но и сила. Не бойся жить в свободе, потому что свобода — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить в счастье. Но я хочу тебе сказать, что счастье — это не только свет, но и сила. Не бойся жить в счастье, потому что счастье — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Ты пишешь, что тебе тяжело жить в любви, надежде, вере, правде, справедливости, свободе, счастье. Но я хочу тебе сказать, что все это — это прекрасная возможность реализовать свои мечты и достичь своих целей. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя и помочь тебе преодолеть все трудности.

Илл. 8. П. Митурич. Открытое письмо Маяковскому. 19 августа 1922 г. Автограф. РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 946. Л. 1. (справа вверху помета карандашом рукой Н. И. Харджиева: «1-ая ред-акция»)

6. "Занятия", в которых были бы рассмотрены вопросы, касающиеся истории культуры, искусства, литературы, науки, техники, промышленности и т.д. в связи с историей России и ее культуры. В частности, можно рассмотреть вопросы, касающиеся истории культуры, искусства, литературы, науки, техники, промышленности и т.д. в связи с историей России и ее культуры.

- 1) История культуры в различные периоды истории России.
- 2) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.
- 3) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.
- 4) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.
- 5) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.
- 6) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.
- 7) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.
- 8) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.
- 9) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.
- 10) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.
- 11) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.
- 12) Как и почему развивалась культура в различные периоды истории России.

19/III 1912

Культура в различные периоды истории России.

Дорогие друзья! Будьте добры и помогите мне.

Вернусь к высокой оценке Хлебникова, которую дал Маяковский в финале некролога. Он заявил от своего имени и от имени друзей-соратников (Асеева, Бурлюка, Крученых, Каменского, Пастернака), что «считали его и считаем одним из наших поэтических учителей и великолепнейшим и честнейшим рыцарем в нашей поэтической борьбе» (Маяковский 1959, 12: 28). С этого некролога и его предельно точных формулировок началась фактически настоящая канонизация творчества Хлебникова. И в этой канонизации едва ли не главную роль сыграл Маяковский.

В начале этой «истории», как уже отмечалось, вскоре после смерти Хлебникова, в деревне Санталово произошло еще одно форс-мажорное событие, последствия которого ощущаются и сегодня. Художник Митурич, живя в одиночестве в глухой новгородской деревне и тяжело переживая смерть своего друга и учителя, неожиданным образом решил пойти в «открытый бой с футуристами» (Митурич 1997: 37).

Здесь необходимо вернуться к анализу текста «Открытого письма» Митурича. Оно было написано от руки и имело две редакции (Горяева 2019: 420–429). В первоначальной редакции Митурич позволил себе сделать резкие выпады против Маяковского — он подчеркнул его физические «недостатки»: «Не желая быть более строгим, чем Хлебников, принимая во внимание ваше физическое уродство, указанное Велимиром в “Зангези”, а также другие Ваши нравственные изъяны...» (Митурич 1997: 38).

Затем в окончательной редакции Письма, подготовленной к печати, слова о «физическом уродстве» и о «нравственных изъянах» были купированы. В этом Письме Митурич задал Маяковскому три принципиальных вопроса:

1. Указать, какие из рукописей Хлебникова у Вас имеются в сохранности.
2. Как и поскольку могут быть найдены, или возобновлены исчезнувшие?
3. Как ли и в какой мере они были использованы Вами и сообразно с этим рассчитаться за вычетом тех «благодетений», какие ему были Вами оказаны (Там же: 39).

Далее Митурич привел список вещей Хлебникова, состоящий из 12 пунктов, которые, как он считал, должны были находиться у Маяковского и которые художник в категорической форме потребовал вернуть:

Список произведений Виктора Хлебникова (не полный), долженствующий быть у Вас с 1914 года:

- 1). Ряд стихотворений и 2 поэмы к наступлению войны;
- 2). Памятник Пушкина (поэма);
- 3). Ясир <так — А. П.> “
- 4). Семь крылатых “
- 5). 13 в воздухе “
- 6). Распятие “
- 7). Ладомир (мне известный) (поэма) <так — А. П.>;
- 8). Разин (наоборот) (мне известный) (поэма) <так — А. П.>;
- 9). Царапина по небу (мне известна<я>);
- 10). Перун и Изанаги;

- 11). Каменная баба;
- 12). Статьи по филологии и истории
(Горяева 2019: ил. 65)¹³.

Этот список рукописей Хлебникова относится к апрелю 1919 года, когда глава будетлян вместе с Якобсоном работал над своим однотомником.

Однако здесь необходимо сделать ряд уточнений и выяснить, каким образом значительное число рукописей Хлебникова могли попасть в 1919 г. в руки Маяковского, которые затем он передал Якобсону.

21 марта 1919 г. Хлебников приехал из Астрахани в Москву. Одной из целей его приезда было издание тома произведений в связи с 10-летием литературной деятельности. Маяковский пробил издание его однотомника в издательстве «ИМО» («Искусство молодых»), который должен был называться *Все сочиненное Виктором Хлебниковым* (Брик 1940: 105). Маяковский получил от приехавшего из Астрахани Хлебникова его рукописи и поручил редактирование этого издания Якобсону, как он сам вспоминал в некрологе. Хлебников вместе с Якобсоном работал над однотомником чуть более месяца. По его предложению Хлебников написал предисловие, которое автор сборника озаглавил «Свояси», а свое исследование о поэтике, которое должно было открывать однотомник, Якобсон озаглавил «Подступы к Хлебникову». Его статья затем вышла в Праге отдельным изданием в самом начале 1921 г., но уже под заглавием «Новейшая русская поэзия». Не закончив работы над однотомником, глава будетлян неожиданно уехал к друзьям в Харьков, а Якобсон через год уехал из Москвы в Прагу, где поступил на службу в советское постпредство.

В некрологе Маяковский вспоминал о характерной для Хлебникова «странной» манере неожиданно исчезать и отправляться куда-то в путешествие:

Накануне сообщенного ему дня получения разрешений и денег я встретил его на Театральной площади с чемоданчиком.

— Куда вы? — На юг, весна!.. — и уехал.

Уехал на крыше вагона; ездил два года, отступал и наступал с нашей армией в Персии, получал за тифом тиф (Маяковский 1959, 12: 27).

В феврале 1920 г. Хлебников запрашивал О. Брика из Харькова о судьбе своего однотомника: «Но главная тайна, блистающая, как северная звезда, это — изданы мои сочинения или нет? Шибко боюсь, что нет! Так же, как “Интернационал искусств”. И вдруг Вы пришлете мне толстый пушкинский том? С опечатками, сырой печатью? Правда, хорошо было бы?» (Хлебников 2004, 6/2: 198).

«Наивный» Хлебников полагал, что однотомник *Все сочиненное Виктором Хлебниковым*, который был затеян в издательстве «ИМО» год назад, может выйти без его составительской и редакторской работы, как это неоднократно случалось ранее.

¹³ Цитирую по факсимиле автографа «Открытого письма» (1-я редакция).

Рукописи Хлебникова пролежали «спокойно» в закрытом сейфе Лингвистического кружка три с лишним года. Этот сейф, о котором вспоминал Якобсон, был вскрыт только в январе 1924 г., и в нем, как указано выше, были обнаружены почти все рукописи Хлебникова, упомянутые Митуричем в списке. Найденные рукописи Хлебникова были переданы Г. О. Винокуру, В. А. Силлову и А. Е. Крученых для публикаций. Казалось бы, все стало на свои места — инцидент исчерпан, но Митурич почему-то не мог успокоиться и продолжал утверждать, что Маяковский все же «украл» какие-то рукописи Хлебникова и «использовал» (?) их в своих произведениях. Между тем тогда же Митурич узнал от В. Шкловского, что рукописи Хлебникова нашлись в сейфе и даже сделал об этом, как сказано выше, соответствующую запись в своем дневнике.

Через четыре года в связи с выходом первого тома собрания произведений Хлебникова (1928) об этой находке в сейфе кружка, а также об идентификации обнаруженных рукописей была написана отдельная работа критика и библиографа В. А. Силлова «Шапочный разбор лесов», опубликованная в журнале *Новый ЛЕФ* (Силлов 1928: 37–44).

Автор указанной статьи тщательно проанализировал список Митурича и попытался ответить на все поставленные им вопросы:

1. «Ряд стихотворений и две поэмы к наступлению войны». Одна поэма «к наступлению войны», надо думать, «Война в мышеловке», была подготовлена мною к печати и опубликована с моим предисловием в пятом выпуске серии брошюр «Неизданный Хлебников». Рукопись хранится у меня. Другая поэма о войне, возможно, «Война — смерть», была напечатана в «Союзе молодежи» еще в 1913 году. Что же касается «ряда стихотворений», то несколько стихотворений были переданы мною А. Крученых и напечатаны в той же серии и в «Новом лефе». Неразобранные стихи и рукописи Хлебникова хранятся у меня. Недавно с ними ознакомился по приезду в Москву ленинградский редактор Хлебникова Н. Л. Степанов¹⁴.

2. «Памятник Пушкина» — неизвестная мне вещь.

3. Повесть «Есир» подготовлена к печати Г. О. Винокуром и напечатана в 1924 году в «Русском современнике». Рукопись хранится у Г. О. Винокура.

4. «Семь крылатых» — отрывки рукописи у меня.

5. «Тринадцать в воздухе» — тоже.

6. «Распятие» — кажется, так называется одно из многих (? — А. П.) стихотворений, рукопись которого находится у меня.

7. «Ладомир» — четырежды отпечатанная поэма (литографированное издание в Харькове в 1920 году, в 1923 году во втором номере Лефа, в 1928 году в четвертом выпуске «Неизданного Хлебникова» и наконец, в 1 томе собрания произведений).

8. «Разин» — напечатана в I томе по рукописи, находящейся в распоряжении Ю. Тынянова и Н. Степанова.

9. «Царапина по небу» — та же судьба, что и у «Распятия».

¹⁴ Степанов Николай Леонидович (1902–1972) — литературовед, составитель и редактор первого собрания произведений Хлебникова (1928–1933), автор первой русской монографии о нем (Степанов 1975).

10. «Перун и Изанаги» — неполная рукопись хранится у меня.
11. «Каменная баба» — тоже.
12. Статьи по филологии — у Г. О. Винокура» (Силлов 1928: 39–40).

Далее автор статьи подводит итог: «Вот и весь реестр Митурича. Беспочвенность его обвинений очевидна также, как очевидна ставшая уже традицией намерение этим письмом вырвать Хлебникова из контекста футуризма» (Там же).

К этому анализу списка Митурича, проделанному Силловым, после выхода двух новых собраний сочинений Хлебникова (в 1968–1972 гг., в 2000–2006 гг.), а также большой исследовательской и публикаторской работы, проделанной другими учеными, следует добавить ряд уточнений.

К пункту №4: «*Семь крылатых*» — вероятно, здесь речь идет о статье, в которой был обзор текстов его семи соратников-футуристов, или о повести с таким сакральным заглавием. Фрагменты из некоторых вещей, которые находились у Силлова, обнаружить пока не удалось.

К пункту №5: «*Тринадцать в воздухе*» — это несохранившаяся пьеса Хлебникова. Ее планировал поставить В. Е. Татлин (1917). Автор передал Г. Н. Петникову рукопись пьесы для публикации в издательстве «Лирень» с иллюстрациями М. М. Синяковой (<Анонс> 1918: 11)¹⁵. Второй рукописный вариант этой пьесы Хлебников, как он отметил в неизданных записях, передал издателю, поэту и меценату Н. Д. Филиппову в 1918 году. Оба проекта реализованы не были. Сохранились черновики двух сцен, которые после вскрытия сейфа попали к А. Е. Крученых, а ныне находятся в архиве Н. И. Харджиева (РГАЛИ).

К пункту №6: «*Распятие*» — несмотря на то, что Силлов считал, что это заглавие какого-то стихотворения, но, скорее всего, оно — заглавие второго или третьего паруса (действия), включенного в сверхповесть *Сестры-молнии* (1918–1921)¹⁶, или заглавие отброшенной ранней редакции поэмы (1918), вошедшей в эту сверхповесть и напечатанной в новом собрании сочинений (Хлебников 2004, 5: 280–304, 444–445). Интересно, что Маяковский, как вспоминает Р. Якобсон, видел отрывок из этой вещи, когда он с Хлебниковым работал над однотомником, и сказал, процитировав строки из него: «Из улицы улья / Пули, как пчелы. / Шатаются стулья... — Вот, если бы я умел писать, как Витя...» (Якобсон 2012: 72)

Кроме того, следует подробнее остановиться еще на четырех пунктах из списка Митурича, так как Силлов не имел о них никаких сведений. Они были идентифицированы автором этих строк сравнительно недавно (Парнис 2012: 80–83). В этом списке рядом с тремя поэмами — *Ладомир* (№7), *Разин (наоборот)* (№8) и поэмы или сверхповести *Царитина по небу* (№9) Митурич сделал помету: «мне известная поэма» или просто — «мне известная». А рядом с четвертым текстом — «Перун и Изанаги» (№10 — ран-

¹⁵ Сообщено А. Крусановым.

¹⁶ См. первоначальный план «сверхповести» *Сестры-молнии* (Хлебников 2004, 5: 444–445).

няя редакция стихотворения «Туда, туда, где Изанаги») — никаких помет не имеется.

Здесь у Митурича произошла явная аберрация памяти: он не мог тогда, в 1921 г., видеть рукописей этих вещей. Эти четыре вещи Хлебников написал не в Москве, а в Харькове, куда он выехал в конце апреля 1919 г. и где находился полтора года. Почему же эти четыре вещи Хлебникова, написанные в Харькове в основном в 1920 г., кроме одного текста, написанного в мае 1919 г. («Туда, туда, где Изанаги»), Митурич включил в свой список, предъявленный Маяковскому?

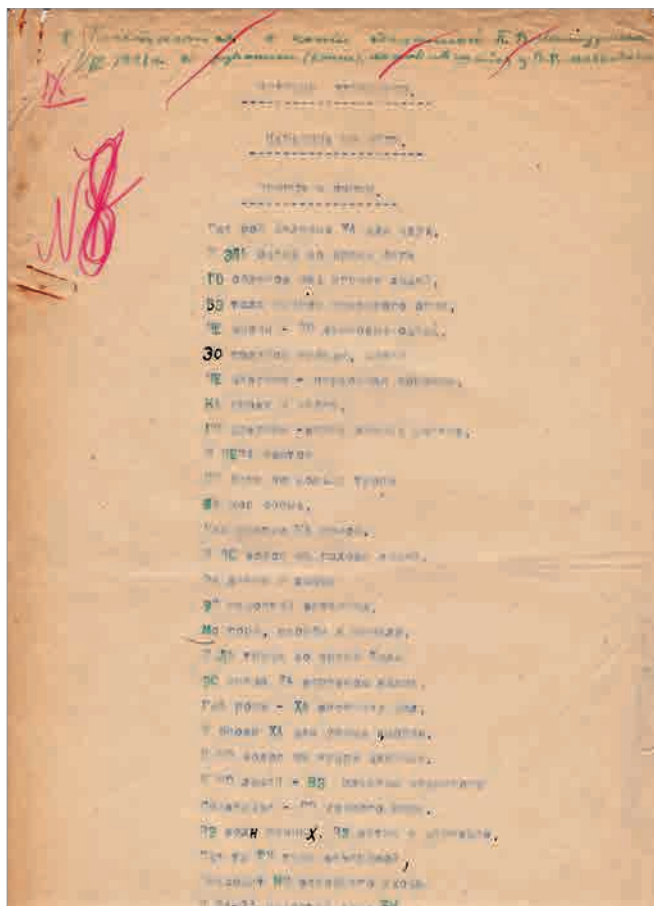
В Харькове Хлебников познакомился и подружился с художником-конструктивистом В. Д. Ермиловым, у которого он даже некоторое время жил на улице Юмовской. Ермилов стал его издателем. В мае 1920 г. Хлебников написал поэму *Ладомир*, а Ермилов через полтора месяца издал ее литографированным способом (тираж — 50 экземпляров; там же: 72–85) и весь тираж он отдал автору. Хлебников включил в эту поэму отдельное стихотворение «Туда, туда, где Изанаги», написанное годом раньше (9 мая 1919 г.). Затем он включил его в поэму *Азы из узы* и в пьесу *Боги*, написанных также в Харькове.

Как удалось установить, в марте-апреле 1921 г. харьковский художник Ермилов приезжал в Москву. Сохранился его дневник, который он вел во время этой поездки (Там же: 76–80). Ермилов приехал в столицу с двумя задачами: 1) посетить ВХУТЕМАС и познакомиться с новыми направлениями в искусстве; 2) попытаться издать тексты Хлебникова, рукописи которых поэт оставил у него перед отъездом из Харькова. Он посетил разных лиц и издательских работников, в том числе и друзей Хлебникова. Среди них были В. Маяковский и О. Брик. У них он оставил на некоторое время копии рукописей Хлебникова, которые показывал в московских издательствах с надеждой их опубликовать, но ничего из этой затеи тогда не вышло.

Ермилов, отвечая на мои вопросы о поездке в Москву, в письме ко мне от 15 июня 1965 г. рассказал о визите к О. М. Брику и Маяковскому:

«Я вспоминаю, как в 1921 году я приехал в Москву и пришел к Брику. В комнате, широко расставив ноги, стоял Володя Маяковский и на листе ватмана, положенного на крышку рояля, делал какой-то плакат (очевидно, для РОСТА). Когда Брик сказал: «Вот известия от Хлебникова из Харькова и его новая поэма “Ладомир” (видимо, он был сердечно рад), то Маяковский даже не повернулся. С другими (Есенин, Тарасов-Родионов, Аксенов) это было иначе. Эту обиду за Хлебникова я и сейчас остро переживаю, хотя и прошло 44 года» (Парнис 2012: 29).

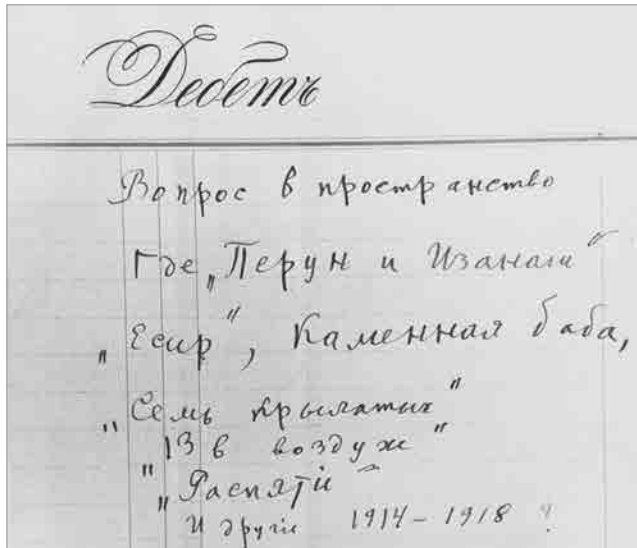
Хотя Маяковский по неизвестной причине отнесся к визиту Ермилова равнодушно (они в 1912–1913 гг. были знакомы еще по московскому училищу живописи, ваяния и зодчества), но копии рукописных книг Хлебникова, оставленных им у Брика, он хорошо запомнил и дал им в некрологе Хлебникову высокую оценку. В нем он писал: «Из его стихов этого времени

Илл. 12. Хлебников В. Сверхповесть «Царапина по небу».
Машинопись с неточной пометой П. В. Митурича
(из архива Н. Л. Степанова — ныне хранится у А. Е. Парниса)

знаю только стих о голоде, напечатанный в какой-то крымской газете и присланные (?) ранее *две изумительнейшие рукописные книги* — *“Ладомир”* и *“Царапина по небу”*» (курсив мой — А. П.; Маяковский 1959, 12: 27). «*Две изумительнейшие рукописные книги*» — это «ермиловские» книги: литографированное издание *Ладомира*, напечатанное небольшим тиражом, и рукописная копия сверхповести *Царапина по небу*, которые харьковский друг Хлебникова оставил у О. Брика.

Весной 1921 г. в Москву из Санталова приезжал Митурич, но с Ермиловым он не успел познакомиться. Как вспоминает сам Митурич, он неоднократно бывал у Брика и Маяковского и брал у них тексты Хлебникова для копирования (Митурич 1997: 49). Среди них были и «ермиловские» копии трех поэм — *Ладомир*, *Царапина по небу* и *Разин* (третью поэму-перевертень *Разин* Маяковский в некрологе не упоминает).

Илл. 13. Лист «Вопрос в пространство» из рукописного сборника Хлебникова «Крыса» (1922; РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 24 об.)

Видимо, Митурич, тогда еще не знал почерка Хлебникова и принял «ермиловские» копии за подлинники, написанные рукой главы будетлян. В настоящее время «митурические» копии этих трех хлебниковских поэм находятся в музее Маяковского¹⁷, а «ермиловские» копии, оставленные художником у Маяковского — Брика, разыскать не удалось. Это подтверждается также пометой самого Митурича на экземпляре машинописи свержповести *Царапина по небу*, которую он в конце 1920-х годов передал ее Н. Л. Степанову для публикации в собрании произведений Хлебникова: «Печатается с копии, сделанной П. В. Митуричем 1/V/1921г. с рукописи (копии) <?! — А. П.>, находившейся у В. В. Маяковского»¹⁸.

И наконец, окончательный аргумент. В последние четыре месяца своей жизни, находясь в Москве, Хлебников делал в рабочих тетрадах, блокнотах, записных книжках и на отдельных листках записи о том, где и у кого хранятся его рукописи, а также с кем ему нужно встретиться и кому нужно передать или у кого забрать те или иные рукописи. Он помнил всех, у кого находились его рукописи: среди них были известные и малоизвестные лица. Такие, как С. Есенин, С. Бобров, Г. Петников, И. Аксенов, П. Коган, С. И. Дымшиц-Толстая, А. Воронский, В. Ермилов, Ф. Богородский, В. Каменский, А. Лейтес, В. Перцов, И. Егоров, Л. Повицкий, С. Абрамов, А. Оголевец, А. Глоба, Н. Д. Филиппов, Е. Шамурин, некий Семенцов и другие. Но списка рукописей Хлебникова, которые находились у Маяковского,

¹⁷ См. примеч. №75 в: Парнис 2012: 81–82.

¹⁸ В настоящее время эта машинопись свержповести «Царапина по небу» находится в моем распоряжении.

почему-то в записных книжках и других записях обнаружить не удалось. Вряд ли Хлебников мог забыть, что он передал ему в 1919 г. после возвращения из Астрахани большое число своих рукописей. Вполне возможно, что он не хотел ссориться со своим другом и не хотел по каким-то причинам упоминать его. Здесь есть какая-то психологическая загадка.

И все же существует небольшой список рукописей, составленный Хлебниковым, который неожиданным образом напоминает список Митурича из «Открытого письма», но почему-то фамилия Маяковского в нем не указана. Глава будетлян назвал его по-хлебниковски:

Вопрос в пространство:

«Где «Перун и Изанаги»,
«Есир», «Каменная баба»,
«Семь крылатых»,
«13 в воздухе»,
«Распятие»
и другие 1914–1918?

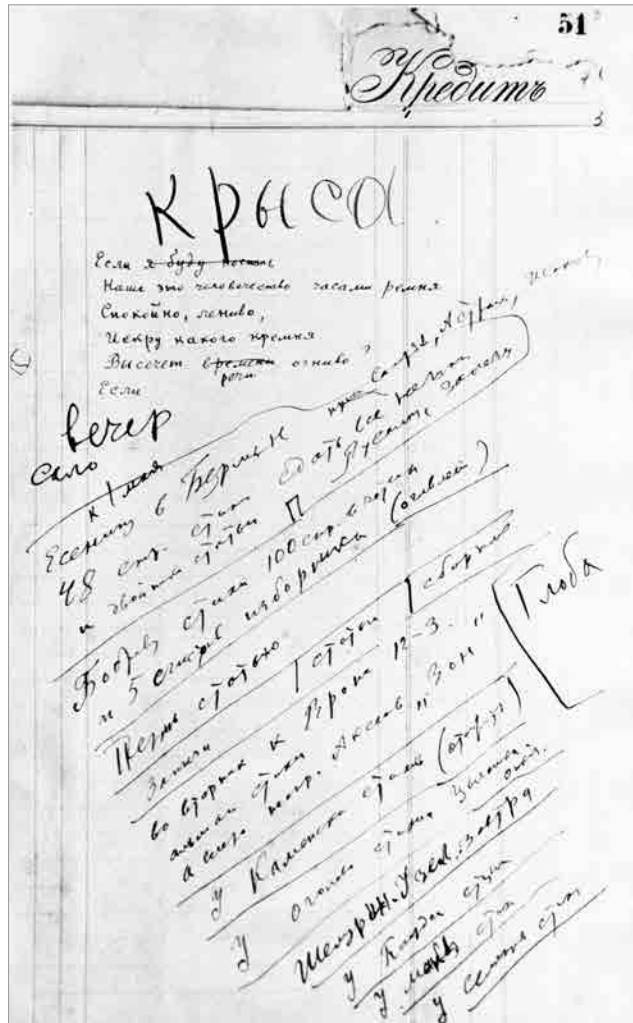
(РГАЛИ. Ф 527. Оп. 1. Ед. хр. 67)

Этот список находится в рукописной тетради под условным названием «Крыса» (1922), которая была опубликована американским исследователем Р. Врооном (Vroon 1989: 71, 167–169). У Хлебникова была хорошая память, особенно, если это касалось рукописей, и он несомненно помнил, что некоторые вещи из этого списка (например, «Перун и Изанаги», «Семь крылатых», «13 в воздухе») находились не у Маяковского, а у других лиц, поэтому он и не называет в этом списке имена «хранителей» или «владельцев». Любопытно, что трех поэм, которые упоминаются в списке Митурича, — *Ладомир*, *Разин* и *Царатина по небу* — в этом списке нет. Разумеется, Хлебников помнил, что они находились у В. Д. Ермилова.

Понятно, что Митурич составлял свой список «пропавших» рукописей Хлебникова по памяти, пытаясь вспомнить какие-то разговоры с поэтом, поэтому художник допустил много ошибок и неточностей. Он взял за основу своего списка безымянный список Хлебникова из тетради «Крыса», значительно его расширил и предъявил Маяковскому.

Таким образом, Митурич, составляя в августе 1922 г. список «пропавших» рукописей Хлебникова, превратил его в обвинительный список — он, вероятно, что-то перепутал, недопонял и исказил, но почему-то с поразительным упорством продолжал настаивать на своем — неприязнь и ненависть к Маяковскому затмила ему здравый смысл.

Конечно же, Митурича, едва сводившего концы с концами в Москве в годы НЭПа, явно раздражал богемно-буржуазный стиль жизни Маяковского и его окружения. Ему, вероятно, казалось, что Маяковский и Брики несколько снисходительно относятся ко всегда голодному Хлебникову, чего, разумеется, не было и не могло быть. Как следует из воспоминаний Митурича, он несомненно ревновал главу будетлян к его младшему другу-соратнику и сознательно настраивал Хлебникова против Маяковского.

Илл. 14. Лист со списком лиц, которым в начале 1922 г. Хлебников передал свои рукописи с надеждой их издать, из рукописного сборника «Крыса» (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 3)

Как ни странно, Митурич продолжал верить в предъявленные им Маяковскому обвинения всю свою жизнь, и в этом была его роковая ошибка. Ученики художника и его окружение также продолжали верить в эти абсурдные обвинения. И никакие аргументы и выявленные факты не могли переубедить Митурича в обратном.

Приведу отзыв о нем искусствоведа Н. Н. Пунина, который хорошо знал художника и который предельно точно охарактеризовал его: «Суровый был человек Митурич, скупой и требовательный в искусстве, даже иступленный, ненавидел он уничтожающе и остро; то, что любил, любил

что женился я
на кулиджевской тете,
то, покорнейше прошу, —
не верьте

(Там же: 226)¹⁹.

Хлебников и Маяковский были не только соратниками, но и друзьями. Их отношения, которые длились почти десять лет, с 1912-го по весну 1922 г., не были ничем омрачены. Это подтверждается прежде всего процитированными выше словами Якобсона: «Никогда не бывало, чтобы Хлебников говорил о ком-нибудь резко».

Поэтическая система Хлебникова воздействовала на поэзию Маяковского, и наоборот, глава будетлян испытал определенное влияние на себя своего младшего друга. Примечательно, что Маяковский сохранил в памяти неизвестное четверостишие Хлебникова «Сегодня снова я пойду...» (1914), которое больше нигде не было зафиксировано. Мы его знаем только благодаря Маяковскому, который привел его в одной из своих ранних статей, а затем повторил в некрологе.

Ревнивый и «наивный» Митурич, появившийся в Москве в середине марта 1922 г., несомненно негативно повлиял на отношения двух поэтов, связанных многолетней дружбой. Он, условно говоря, хотел стать «главным». Он не понимал, что Маяковский ощущал себя равновеликим Хлеб-

¹⁹ В начале этого года вышла коллективная монография о последней сверхповести Хлебникова *Зангези* (*Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология*). В статье профессора Рональда Вроона о новой текстологии *Зангези* я совершенно неожиданно наткнулся на закамуфлированный недружественный выпад, направленный против меня: якобы гранки сверхповести «с финальной правкой Хлебникова» попали в «частную коллекцию, владелец которой *не торопится* (курсив мой — А. П.) оповестить мир о местонахождении этого ценнейшего документа» (Россомахин 2021: 60). Я «не тороплюсь оповестить» по простой причине — у меня нет этих гранок с правкой Хлебникова. Если бы они у меня были, то я, в первую очередь, предложил бы статью, посвященную этому концептуальному вопросу, в указанное издание о *Зангези*, в котором я также участвую, но с другим материалом. Вопросу о неизвестной судьбе этих гранок с правкой Хлебникова посвящена публикуемая здесь моя работа. Чем вызван некорректный жест американского коллеги, я понять не могу — пусть он остается на его совести. В так называемом «Завещании» Харджиева, которое готовится сейчас к печати, исследователь утверждает: «В отброшенном Хлебниковым первоначальном беломом тексте финала чудовищно<е> обвинение Маяковского в уничтожении рукописей несомненно отсутствовало. Об этом свидетельствует и автограф “Зангези”, где заключительная часть написана *другими чернилами*. А первоначальный беловой текст финала был уничтожен (если не самим Хлебниковым, то Митуричем). Такова истинная история финала “Зангези”».

Кажется, Гегель где-то сказал, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз — в виде фарса. В 1922 г. Митурич обвинил Маяковского в «утаивании» и даже в уничтожении рукописей Хлебникова. Прошло почти 100 лет и профессор Р. Вроон выступил с такого же рода обвинениями, направленными против автора этих строк, правда, в меньшем масштабе. Что я могу на это ответить? Я неожиданно для себя оказался вместе с Маяковским в схожей ситуации, и это меня утешает. Ответу вердиктом из цитированного выше стихотворения Маяковского «Прощание (Кафе)», навеянного скандальной «историей» с рукописями Хлебникова, — «не верьте».

никову, и ему не нужно было ничего «воровать» у своего старшего друга, которого он называл своим «учителем». Более того, Маяковский никогда не включал в свои тексты прямые цитаты из «чужих» стихов, но если он заимствовал образы, мотивы и темы из других поэтов, то он их развивал и обыгрывал в иронической манере и как бы делал «своими». Это был новаторский и характерный для Маяковского новый метод и стиль. Хлебников, который к Маяковскому относился с неизменной любовью и пиететом, был и всегда оставался для него и его соратников высочайшим авторитетом и «великолепнейшим и честнейшим рыцарем в <...> поэтической борьбе».

После тщательного анализа собранных мною документов и фактов можно с полной уверенностью утверждать, что выдвинутые П. В. Митуричем обвинения Маяковского в плагиате и утаивании рукописей Хлебникова лишены всяческих оснований²⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- <Анонс>. *Колосья*. Харьков, 18 (1918): 11.
- Архив 14 — Архив Государственного музея В. В. Маяковского. Зап. кн. № 14.
- Архив 18 — Архив Государственного музея В. В. Маяковского. Зап. кн. № 18.
- Брик Осип. «ИМО — искусство молодых». *Маяковскому: Сборник воспоминаний и статей*. Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1940.
- Быков Дмитрий. *Маяковский: трагедия-буфф в шести действиях*. Москва: Молодая гвардия, 2018.
- Галушкин Александр (отв. ред.). *Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2006.
- Горяева Татьяна. «Н. И. Харджиев и В. В. Маяковский». *Архив Н. И. Харджиева*. Т. III. Москва: In Artibus, 2019: 420–429.
- Григорьев Виктор. *Будетлянин*. Москва: Языки русской культуры, 2000.
- Известия ВЦИК*. 1922. 5 марта.
- Катанян Василий. *Маяковский. Хроника жизни и творчества*. Отв. ред. А. Е. Парнис. Москва: Советский писатель, 1985.
- Катанян Василий. *Распечатанная бутылка*. Н. Новгород: ДЕКОМ, 1999.
- Крученых Алексей. *Неизданный Хлебников*. Вып. 27. Москва, 1934. С. 3 (машинопись).
- Крученых Алексей. *Наш выход*. Москва: РА, 1996.
- Маяковский Владимир. «В. Хлебников». [Некролог]. *Красная новь* 4 (1922): 303–306.
- Маяковский Владимир. *Полное собрание сочинений*. В 13 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955–1961.
- Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования. 1911–1998*. Под общей редакцией А. Е. Парниса. Москва: Языки русской культуры, 2000.
- Митурич Петр. «Мое знакомство с Велимиром Хлебниковым». Митурич Петр. *Записки сурового реалиста эпохи авангарда*. Москва: РА, 1997.
- Парнис Александр. «Велимир Хлебников: Москва — Санталово, май — июнь 1922». *Библио-Глобус* 6 (2002): 14–15.
- Парнис Александр. «Василий Ермилов — друг и издатель Хлебникова». *Василий Дмитриевич Ермилов. 1894–1968. Материалы к творческой биографии художника*. Под общей редакцией А. Парниса. Москва: Галерея «Проун», 2012.
- Парнис Александр. «Хлебников-Маяковский-Митурич: к истории одного конфликта (предварительные заметки)». Ioffe Dennis. White Frederick (ed.). *The Many Lives of the*

²⁰ Пользуясь случаем, сердечно благодарю В. В. Радзишевского и С. В. Митурича за ценные замечания и предложения.

- Russian Avant-garde. Nikolay Khardzhiev's Legacy: New Contexts*. Amsterdam: Pegasus Oost-Europese Studies (№32), 2019: 67–84.
- Пунин Николай. *Мир светел любовью. Дневники. Письма*. Москва: РА, 2000.
РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 67.
РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 37.
- Роман Якобсон. *Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза*. Сост. Б. Янгфельдт. 2-е изд. Москва: Гилея, 2012.
- Россомахин Андрей (сост. и ред.). *Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецензия. Документы. Исследования. Иллюстрации*. Москва: Бослен, 2021.
- Рябова Н. «Киевские встречи». *Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском*. Москва: Дружба народов, 1993.
- Силлов Владимир. «Шапочный разбор лесов». *Новый ЛЕФ* 11(1928): 37–44.
Собачий ящик. 2-е изд. Москва, 1922 [на обл. — 1923].
- Степанов Николай. *Велимир Хлебников: Жизнь и творчество*. Москва: Советский писатель, 1975.
- Харджиев Николай. «Новое о Хлебникове (К 90-летию со дня рождения)». *День поэзии*. 1975. Москва: Советский писатель, 1975: 201–211.
- Хлебников Велимир. *Всем. Ночной бал*; Альвэк [Израилевич И. С.]. *Нахлебники Хлебникова: Маяковский — Асеев*. Москва: Издание автора, 1927.
- Хлебников Велимир. *Собрание сочинений*. В 6 т. Под общей редакцией Р. В. Дуганова. Москва: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000–2006.
- Чегодаева Мария. *Заповедный мир Митуричей — Хлебниковых. Вера и Петр*. Москва: Аграф, 2004.
- Шаламов В. Т. *Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела*. Москва: Эксмо, 2004: 52–54.
- Шугаева Н. «Чистка поэтов: Страничка из истории новейшей литературы». *Читатель и писатель* 3 (1928): 3.
- Vroon Ronald. *Velimir Hlebnikov's Krysa: a commentary*. Stanford: Stanford University, 1989.

REFERENCES

- <Anons>. *Kolos'ya*. Har'kov, 18 (1918): 11.
- Arhiv 14 — Arhiv Gosudarsvennogo muzeya V. V. Mayakovskogo. Zap. kn. № 14.
- Arhiv 18 — Arhiv Gosudarsvennogo muzeya V. V. Mayakovskogo. Zap. kn. № 18.
- Brik Osip. “IMO — iskusstvo molodyh”. *Mayakovskomu: Sbornik vospominanij i statej*. Lenin-grad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1940.
- Bykov Dmitriy. *Mayakovskij: tragediya-buff v shesti dejstviyah*. Moskva: Molodaya gvardiya, 2018.
- Chegodaeva Mariya. *Zapovednyj mir Miturichej–Hlebnikovykh. Vera i Petr*. Moskva: Agraf, 2004.
- Galushkin Aleksandr (otv. red.). *Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-h godov. Sobytiya. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiya*. Moskva: IMLI RAN, 2006.
- Goryaeva Tat'yana. “N. I. Hardzhiev i V. V. Mayakovskij”. *Arhiv N. I. Hardzhieva*. T. III. Moskva: In Artibus, 2019: 420–429.
- Grigor'ev Viktor. *Budetlyanin*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 2000.
- Hardzhiev Nikolaj. “Novoe o Hlebnikove (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya)”. *Den' poezii*. 1975. Moskva: Sovetskij pisatel', 1975: 201–211.
- Hlebnikov Velimir. *Vsem. Nochnoj bal*; Al'vek. *Nahlebniki Hlebnikova. Mayakovskij — Aseev*. Moskva: Izdanie avtora, 1927.
- Hlebnikov Velimir. *Sobranie sochinenij*. V 6 t. Moskva: IMLI RAN, 2001–2006.
- Izvestiya VCIK*. 1922. 5 marta.
- Katanyan Vasilij. *Mayakovskij. Hronika zhizni i tvorchestva*. Otv. red. A. E. Parnis. Moskva: Sovetskij pisatel', 1985.
- Katanyan Vasilij. *Raspechatannaya butylka*. Moskva: DEKOM, 1999.
- Kruchenyh Aleksej. *Neizdannij Hlebnikov*. Vyp. 27. Moskva, 1934. S. 3 (mashinopis').
- Kruchenyh Aoeksej. *Nash vyhod*. Moskva: RA, 1996.

- Mayakovskij Vladimir. "V. Hlebnikov". [Nekrolog]. *Krasnaya nov' 4* (1922): 303–306.
- Mayakovskij Vladimir. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 13 t. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1955–1961.
- Mir Velimira Hlebnikova: *Stat'i. Issledovaniya. 1911–1998*. Moskva: Yazyki ruskoj kul'tury, 2000.
- Miturich Petr. "Moe znakomstvo s Velimirom Hlebnikovym". Miturich Petr. *Zapiski surovogo realista epohi avangarda*. Moskva: RA, 1997.
- Parnis Aleksandr. "Velimir Hlebnikov: Moskva — Santalovo, maj — iyun' 1922". *Biblio-Globus 6* (2002): 14–15.
- Parnis Aleksandr. "Vasilij Ermilov — drug i izdatel' Hlebnikova". *Vasilij Dmitrievich Ermilov. 1894–1968. Materialy k tvorcheskoi biografii hudozhnika*. Moskva: Galereya «Proun», 2012.
- Parnis Aleksandr. "Hlebnikov-Mayakovskij-Miturich: k istorii odnogo konflikta (predvaritel'nye zametki)". Ioffe Dennis, White Frederick (ed.). *The Many Lives of the Russian Avant-garde. Nikolay Khardzhiev's Legacy: New Contexts*. Amsterdam: Pegasus Oost-Europese Studies (№ 32), 2019: 67–84.
- Punin Nikolaj. *Mir svetel lyubov'yu. Dnevnik. Pis'ma*. Moskva: RA, 2000.
- RGALI. F. 527. Op. 1. Ed. hr. 67.
- RGALI. F. 3145. Op. 2. Ed. hr. 37.
- Roman Jakobson. *Budetlyanin nauki: Vospominaniya, pis'ma, stat'i, stihi, proza*. Sost. B. Yangfel'dt. 2-e izd. Moskva: Gileya, 2012.
- Rossomahin Andrej (sost. i red.). *Sverhpovest' "Zangezi" Velimira Hlebnikova: Novaya tekhnologiya. Kommentarij. Recepcija. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustracii*. Moskva: Boslen, 2021.
- Ryabova N. "Kievskie vstrechi". *Imya etoj teme: lyubov'! Sovremennicy o Mayakovskom*. Moskva: Druzhba narodov, 1993.
- Sillov Vladimir. "Shapochnyj razbor lesov". *Novyj LEF* 11(1928): 37–44.
- Sobachij yashchik*. 2-e izd. Moskva, 1922 [na obl. — 1923].
- Stepanov Nikolaj. *Velimir Hlebnikov: Zhizn' i tvorchestvo*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1975.
- Shalamov V. T. *Novaya kniga: Vospominaniya. Zapisnie knizhki. Perepiska. Sledstvennie dela*. Moskva: Eksmo, 2004: 52–54.
- Shugaeva N. "Chistka poetov: Stranichka iz istorii novejshej literatury". *Chitatel' i pisatel' 3* (1928): 3.
- Vroon Ronald. *Velimir Hlebnikov's Krysa: a commentary*. Stanford: Stanford University, 1989.

Александар Парнис

ХЛЕБЊИКОВ — МАЈАКОВСКИ — МИТУРИЧ:
О ИСТОРИЈИ ЈЕДНОГ КОНФЛИКТА

Резиме

Чланак је посвећен конфликту, који се догодио између Хлебњикова и Мајаковског у пролеће 1922. године. Сам Хлебњиков га помиње у финалу своје последње натповести *Зангези*. Прошло је готово сто година од тада. Премда су многи истраживачи и биографи песника писали о овом конфликту, његов прави разлог је до сада био нејасан. У чланку су скупљени уникални материјали и документа, која се чувају у различитим архивима и први пут уведе у научну јавност. На пример, документа из архива Н. И. Харџијева (сада у РГА-ЛИ-ју), који је дуги низ година био «затворен» и недоступан за истраживаче. Скрупулозна анализа свих докумената дала је могућност да се покаже објективна слика ове загонетне «историје» и стави тачка над «i».

Кључне речи: конфликт, Хлебњиков, Мајаковски, П. В. Митурич, Р. О. Јакобсон, Отворено писмо, рукописи, финале, ничевоки, натповест *Зангези*.

Ronald Vroon

University of California Los Angeles
Department of Slavic, East European and Eurasian
Languages and Cultures
vroon@humnet.ucla.edu

VELIMIR KHLEBNIKOV'S "HUNGER" POEMS: A TEXTUAL-CRITICAL ANALYSIS

In the autumn of 1921 Velimir Khlebnikov moved to Pyatigorsk where he experienced firsthand the catastrophic impact of the Volga River Basin Famine. He wrote many poems devoted to the famine, among them variants of a poem he titled, in a few cases, "Golod." Three of these variants have been published, six have not. All but one, a version published by Dmitrii Kozlov in 1927, are either unfinished fair copies or still very rough drafts. These poems are the target of the present essay, which attempts to outline the three major paths of development that the poem may have taken had Khlebnikov chosen to develop and complete the work.

Key words: Velimir Khlebnikov, Dmitrii Kozlov, famine, "Golod", "Tri obeda", Volga River Basin Famine, textual criticism.

Писал он неустанно, но печатал очень неохотно,
все отговариваясь:

— Еще не готово... Надо переработать.

Dmitrii Kozlov

In 1921, the Russian Socialist Federative Soviet Republic, later renamed the Russian Soviet Federative Socialist Republic, suffered the third of three catastrophes that midwifed it into existence. The first had been the surrender to Germany, ending the Russian republic's participation in the First World War. The second was the Civil War. The third was the devastating famine that struck southwest Russia — in particular the Volga River Basin and the Caucasus. In the words of American historian Douglas Smith:

The worst drought in thirty years gripped much of Soviet Russia in its deadly grasp: nearly the entire length of the Volga River Basin, from Nizhny-Novgorod in the north all the way to the Caspian and from Ukraine in the west to the edge of the Ural Mountains in Asia. Villages were starving. Over a hundred thousand peasants left their homes in search of food. Russia was facing a catastrophe.

(Smith 2019: 9)¹

¹ For detailed scholarly histories of the famine see also Patenaude 2002 and Poliakov 2007.

Velimir Khlebnikov came to Baku from Rostov-na-Donu in late September 1920 and spent a month working at the local branch of the Russian Telegraph Agency (BakkavROSTA — the Baku Caucasus branch of the Rossiiskoe telegrafnoe agentstvo) and later for the Political Section (*Politotdel*) of the Caspian Flotilla while continuing his work with ROSTA — see Parnis, 2010: 17). From mid-April to the end of July 2021 he wandered around northern Iran as a member of the Red Army expeditionary force sent by the new Bolshevik regime to support the revolutionary movement in the province of Gilan. When he returned to Baku the intimations of the famine to come were already present. In an article written in 1922, alongside an obituary documenting Khlebnikov's death in late June 1922 in the village of Santalovo in Novgorod Province, the Baku poet A. Borodin, head of the “Red Star” University in Baku (a naval school where Khlebnikov delivered at least one lecture on his “laws of time”) described Khlebnikov in Baku as follows:

«В бытность свою в Баку (в 1919 и нач. 1920 г.) Х<lebnikov> сильно опустился. Он ходил полубосой, полуодетый, невымытый, нечесанный и *вечно голодный*. Это диогенство было почти принципиальным.

(Borodin 1922: 4; our italics).²

After leaving Baku in August, Khlebnikov made his way toward Pyatigorsk, stopping for a time at the resort town of Zheleznovodsk, where the family of a Baku colleague, Boris Samorodov, was residing for the summer. One of Boris's sisters, Ol'ga Samorodova, mentions in her memoirs the hunger Khlebnikov experienced in Baku.³ About his brief sojourn in Zheleznovodsk she recounts the following:

Жизнь наша в Железноводске была трудна и голодна, и мы частенько сидели без хлеба. В один из таких бесхлебных дней он явился из лесу с грудой лесных груш. Протягивая их нам, он заявил, весьма серьезно и с убежденностью: «Оказывается, ими можно отлично питаться». На эту реплику хозяйка даже засмеялась в злом восторге: «Куда уж лучше!.. Встал утром: есть у нас что поесть? — А как же — целый лес груш!»

(Samorodova 1972: 190)

From Zheleznovodsk Khlebnikov made his way to Pyatigorsk, where he lived from September through mid-December 1921. Because of his experience in agitational propaganda in Baku, he sought and received employment at the Pyatigorsk branch of TerROSTA (Terskoe rossiiskoe telegrafnoe agentstvo), based on the name of the transcaucasian Terek River), though not as a propagandist, but as a night watchman. It was during his stay in Pyatigorsk that he experienced the full horrors of the famine in his personal life. Not coincidentally the director of

² Borodin is off by one year. Khlebnikov's “bytnost' v Baku” actually began in late September or early October 1920 and ended in late July or early August 1921.

³ «Но голод давал себя знать: и в лице, и на руках появилась у него нездоровая одутловатость, он слабел» (Samorodova 1972: 188).

TerROSTA, Dmitrii Sergeevich Kozlov, associated Khlebnikov's arrival in Pyatigorsk with the onset of the famine, more keenly felt in the Volga River Basin than in the Caucasus. He opens his memoirs about Khlebnikov as follows:

С весны по осень не было на Тереке ни капли дождя. Все выгорело... И Терек из производящего района неожиданно стал потребляющим. Запасов продовольствия оставалось только до зимы.

Тревожное настроение усиливалось кошмарными вестями с голодающего Поволжья. Требовалось огромное напряжение воли и находчивости, чтобы предотвратить панику...

В разгаре борьбы с голодом, беспризорностью и усилившимся бандитизмом — к нам в Пятигорск пришел Велемир [sic] Хлебников.

(Kozlov 1927: 177)

Though devoting his time primarily to writing,

Хлебников, сам голодая, больной ходит по городу и отводит беспризорных в питательные пункты.

В такие моменты он не утрачивает спокойной ясности поэтического настроения, не утрачивает способности созерцания — он дает нам картины голода среди детей и животных, больше того — дает пантеистическое описание природы Пятигорья осенью.

(Kozlov 1927: 184)

Before undertaking our analysis of certain important texts by Khlebnikov devoted to the Volga River Basin Famine of 1921–1922 a few remarks regarding the causes of the famine should be registered. The first and most obvious reason was the horrific drought that afflicted southwest Russia and beyond beginning in mid-1920 and lasted close to three years. The second reason was the requisitioning of grain (*prodrazvërstka*) by the new Bolshevik authorities, leaving peasants unable to seed new crops and leading them to resist planting available fallow land in order to deprive the Bolshevik authorities of any surplus grain. The drafting of peasant recruits and the punishment (detention and often execution) of deserters further enraged the peasant population of affected provinces and led to major peasant rebellions, including the famous Tambov rebellion of 1918–1921. All of these factors — climatological, anthropological, political — must be taken into account in reading and analyzing Khlebnikov's "hunger" poems.

What prompted Khlebnikov to take up this topic? Obviously his personal empathy with those suffering from the famine. But it is equally likely that the catalyst was Kozlov himself, who clearly recognized Khlebnikov's poetic genius and wished to deploy it in supporting TerROSTA's plan to disseminate news about the famine throughout the Caucasus and urge public support and assistance for those affected by the catastrophe. We know of at least two poems ("Pochemu?" and "Nesite, krichite, trubite" that were distributed by TerROSTA and thus were probably commissioned by Kozlov for one or both of TerROSTA's publishing venues: *Stennaia gazeta* ROSTA and the *Odnodnevnaia gazeta Terek — Povolzh'iu* (see Kozlov 1927: 184 and SS 2: 568). A third motivating factor may have been Khlebnikov's evolving political views. His first-hand encounters with the cruel-

ties of both sides in the Civil War and his awareness that the new Bolshevik regime was complicit in causing much of the suffering he observed and himself experienced, may have prompted him to welcome this opportunity to unmask the ruthlessness and brutality of the Leninist regime. He was temperamentally and politically a believer in the revolutionary cause, but in that variant of the cause most ardently supported by the Socialist Revolutionaries and grounded in the politics of the nineteenth-century *narodniki*, not the Bolshevik variant (see Vroon 2020).

Numerous poems in Khlebnikov's *oeuvre* address the issue of the Volga River Basin Famine (most are not precisely dateable, but can be traced back to the months he lived in Pyatigorsk). Among them are: "Mat' pripolzla s rebenkom na grudi..." (SS 2: 281); "Golod! Golod! Golod!..." (SS 2: 282); "Narod otchailsia. Zaplakala dusha..." (SS 2: 283); "Nansen. Ty otkryl materik..." (SS 2: 284); "Volga! Volga!..." (SS 2: 389, 492); "Vy, postavivshie vashe briukho na paru tolstykh svai..." also titled "Golod," "Trubite, krichite, nesite!" and "Nesite, krichite, truibite!" — see SS 2: 280, 568 and IS: 462–463); "Chetyre oblasti na Ès..." ,unpublished — see RGALI, f. 527, op. 1., ed. khr. 42, l. 4). The two best known poems, textologically very closely related and the target of the following remarks, are the long *poëma*, "Golod," first published by N. Stepanov in 1933 (SP 5: 75–81; see also SS 3: 318–323) and drawn from the so-called "Grossbuch," a large album-repository of new and reconstructed works (see RGALI, f. 27, op. 1, ed. khr. 64, l. 74 ob. — 75 ob.); and two short poems titled "Golod" one in SS 2: 277–278 and another in TV: 153–54. Ostensibly they represent the same poem; however, the TV text was initially published under an unknown title (or none at all) in some venue published in the Fall of 1921 in Pyatigorsk by Terskoe gosudastvennoe izdatel'stvo (Tergosizdat) and later, in 1927, by Dmitrii Kozlov under the title "Pochemu?" (based on the first line of the poem, "Pochemu losi i zaitsy po lesu skachut...") and inserted into his memoirs about Khlebnikov (Kozlov 1927: 180–182). For future researchers it is important to register the fact that, though the poem title «Голод» in SS 2: 277–278 is also linked to the one published by Kozlov in 1927 (the editors claim that the text they reproduce "pechataetsia po rukopisi" — p. 567), in fact only the text in TV: 153–54 accurately reproduces Kozlov's 1927 variant,⁴ while the one reproduced in SS 2, follows a manuscript that differs in some important ways from Kozlov's. Though it may initially have served as Kozlov's source text, either Kozlov or Khlebnikov or both together introduced certain changes in the text that Kozlov ultimately published. Appendix A below reproduces the version published in SS, including all variant readings and corrections, and compares it to Kozlov's 1927 printed variant.

The editors of SS call this shorter text an abridged version (*sokrashchennyi variant*) of the *poëma*. But the textual critical issues are much more complicated.

⁴ There are some elements of standardization in TV with respect to contemporary norms of punctuation, spelling and grammar but these are hermeneutically inconsequential. See also PDPP 138–139, which more properly gives the title of the poem, "Golod," in angular brackets, signaling that this title is an editorial interpolation.

There are at least nine known variants of “Golod,”⁵ only three of which have been published: the *poëma* from the “Grossbuch,” the TerROSTA short poem of 1921 reproduced by Kozlov in 1927 (TV: 153–154) and the manuscript on which it is ostensibly based (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48. l. 4; see SS 2: 277–278). Many of the “Golod” poem are filled with indeterminacies and ambiguities, with the possible exception of the TerROSTA/Kozlov variant, whose ultimate manuscript source is uncertain. The nine known “Golod” poem are housed in RGALI. Here is a comprehensive list:

FIRST (LONG) REDACTION

- 1) «Почему лоси и зайцы по лесу скачут...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48, l. 12, 12 ob., 13, 13 ob., 14, 14 ob., 15, 15 ob.).
- 2) «Golod» («Почему лоси и зайцы скачут в лесу...») (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 64. l. 74 ob., 75, 75 ob.).

SECOND (TRIPTYCH) REDACTION

- 3) “ холодном селе тесовая изба...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 55, l. 2 ob.).

THIRD (SHORT) REDACTION

- 4) «Почему лоси и зайцы скачут в лесу...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48, l. 2, 3).
- 5) «Почему лоси и зайцы по лесу скачут...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48, l. 4; cf. SS 2, 277–278).
- 6) «Почему» («Почему лоси и зайцы по лесу скачут...») (Kozlov 1927: 181–182; cf. TV: 153–154).
- 7) «Почему лоси и зайцы скачут в лесу...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48, l. 7, 8).
- 8) «Почему лоси и зайцы скачут по лесу...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48, l. 9, 10).
- 9) «Почему лоси и зайцы скачут по лесу...» (RGALI f. 3145 — Khardzhiev Nikolai Ivanovich, op. 1, delo 804, l. 2).

DERIVATIVE TEXTS

- 10) «Четыре области на Эс / сожгло бездождие небес...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 42, l. 4).

⁵ These do not include the poem titled “Golod” in SS 2: 280, which begins «Вы! поставившие ваше брюхо на пару толстых свай...». The poem may indeed bear that title in the manuscript source cited by the editors («Печатается по рукописи конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Всволода Вяч. Иванова) с пометой “ТерРОСТА 1921” — SS 2: 568), but is titled «Несите, трубите, кричите...» in its first ТерРОСТА publication and «Трубите, кричите. несите...» in Dmitrii Kozlov’s republication of the poem in his memoirs (Kozlov 1927: 180). The “correction” SS introduces in the last line of the poem («Кричите, кричите, к устам взяв трубу» becomes «Кричите, <трубите>, к устам взяв трубу» is explained as follows: «Конъектура последней строки устраняет механическое повторение глагола “кричите” в рукописи» — SS 2: 568). Regrettably this editorial change also introduces a rhetorically unmotivated pleonasm in the line («<трубите>...взяв трубу»).

None of the poems listed above are “finished” works with the possible exception of № 6.

As the ordering of the list indicates, the nine “Golod” poems can be classified as belonging to three distinct redactions. Each of these represent the core of a “finalized” text that Khlebnikov never brought to realization. What we have called the “long redaction” consists of two texts (№ 1 and № 2), both of them long rough drafts linking a number of themes that ultimately could have evolved into a finished *poëma*. The roughest of these two texts is contained in a small notebook consisting of 173 lines on eight pages of text — № 1 above). The following thematic modules can be distinguished in the following order:

- a) women and children are scavenging for food in the woods;
- b) this leads pitifully to the collection of butterflies and other flying insects that might be cooked into some sort of borsch;
- c) the women and children reconnoiter for edible leaves, worms and insects; the activity culminates in an epiphanic encounter with a rabbit, who adroitly escapes capture (and cooking!);
- d) the scene shifts abruptly to a hut in a village, wherein the father and mother of a small family (two daughters and at least one son) prepare and divide up a very meager meal of adulterated black bread and a stew of slaughtered mice;
- e) the narrator recounts the butchering of the last cow (and its calf) in the village at some unspecified earlier date;
- f) one of the young sons in the family captures three frogs in the woods for all to eat around a campfire along with sweet weeds and grasses;
- g) scores of villagers descend into a ravine where edible clay (holy earth) is said to lie and which can supposedly assuage their hunger;
- h) the narrator describes the efforts of contemporary scientists to explore ways to cultivate food without relying on the seasons or the availability of edible earth and seeds;
- i) the narrator describes the cloudless skies, the merciless sun, the depletion of food supplies across four southwestern provinces.

A slightly longer version of the “longer redaction” (about 192 lines in SP 5, a few lines longer in the SS 2 transcription) is registered in the “Grossbuch,” which adds some new motifs and also devotes more or less attention to each motif listed above. Thus the “Grossbuch” redaction introduces motifs of additional forest creatures suffering from the drought (other rabbits, a wolf, a squirrel, some foxes). Less attention is paid to the utopian dreams and experiments of scientists and more to the overrunning of the ravine with the edible clay. The need for greater order in the *poëma* is reflected in the structuring of the whole text. It is divided into numbered sections (“I” and “II”); the whole *poëma* is titled “Golod” and section II is titled “Golod v derevne.” This division is critically important as a manifestation of another possible direction for the evolution of the whole text.

Only a few days after composing the earliest versions of “Golod” (around October 7, 1921, judging by the date of composition recorded in the “Grossbuch”) Khlebnikov began work on another shorter poem, “Tri obeda” (see SS 2: 474–476) which describes a meal consumed by the new Soviet elite at one of the private cafes in Pyatigorsk, a meal that is sumptuous and betrays the gluttony of the diners. The odd title (only one *obed* is described) and the temporal proximity of the text’s composition to that of “Golod” led me to propose some years ago that Khlebnikov had in mind as his ultimate goal the creation of a poetic triptych consisting of 1) the poem that now bears the title “Tri obeda” 2) the *poëma* “Golod” dealing with the famine; and 3) “Alye gory alogo miasa...” (SS 2: 279); see KRYSA: 39), a poem that reads like a polished variant of “Tri obeda.”

A decade ago Sofiia Starkina concurred that “Tri obeda” is an unrealized triptych (Starkina 2012), the second poem of which is the “Golod” poem from the “Grossbuch” or a variant thereof. She argues, however, that the third “obed” is the projected utopian repast alluded to both at the end of the “Grossbuch” redaction of “Golod”:

А в то же время ум ученых,
В миры другие устремлен,
Из земель, мысли подчиненных,
Хотел построить жизни сон.

(SP 5: 81; cf. SS 3, 323)

and the somewhat more expansive passage devoted to this utopia motif in the other version of this longer redaction:

А в то же время мысль ученого работала
Над приготовлением земли
На овощ, мясо и вино.
И строгие очи блестели,
5 Даль прозирая веков.
Мыслитель провидел века,
Когда выйдут в отставку
Колос ржи,
10 И глина, и земли, грязи, песок
Будут людей услаждать
Обонянье и вкус...

(Starkina 2012: 87)⁶

Such may indeed be the case. Why, though, would Khlebnikov avoid a more elaborate description of this utopian *obed*? In fact, he did not. In a highly utopian essay (“Radio budushchego”) on the potential uses of radio that Khlebnikov

⁶ Starkina continues, “Dalee, k sozhaleniiu, tekst ochen’ plokho chitaetsia, no on prodolzhaetsia na l. 14 ob., 15, 15 ob.” The continuation, however, has nothing to do with this utopian vision. The passage cited by Starkina (RGALI, f. 527. op. 1. ed. khr. 48, 14 ob.) concludes with the lines: «Беконечным полям/Вернет и себя.» These lines come at the end of the page. and are followed on l. 15 with a description of the drought conditions in southwest Russia.

composed while in Pyatigorsk he writes what sounds like a continuation of the poem cited above:

И вот научились передавать вкусовые ощущения — к простому, грубому, хотя и здоровому, обеду. Радио бросит лучами вкусовой сон, призрак совершенно других вкусовых ощущений.

Люди будут пить воду, но им покажется, что перед ними вино. Сытый и простой обед оденет личину роскошного пира... Это даст Радио еще большую власть над сознанием страны...

Даже запахи будут в будущем покорны воле Радио: глубокой зимой медовый запах липы, смешанный с запахом снега, будет настоящим подарком Радио стране.

(SS 6/1: 194)

The *radio-obed* of the future may be the third *obed*. It is equally likely, however, that the second and third *obedy* are already represented in the *poëma* “Golod,” which has two distinct sections, one devoted to food scavenging in the forest and the second mostly to food preparation and consumption in a village hut. One of the unpublished variants of “Tri obeda” (RGALI f. 527. op. 1., ed. khr. 55, l. 2) contains on *folio verso* a poetic fragment dealing with the Volga famine (a variant of this text makes up the second section of “Golod,” SP 5: 77–78); see KRYSA: 117; cf. Starkina 2012: 86 and Appendix B below). Significantly, the *recto* and *verso* are marked “1)” and “2)”, confirming that they are to be read in sequence as part of one extended work. Regrettably, there is no section of text marked “3),” leaving us to speculate what was to have been the third *obed*. A hint that the second and third *obedy* coincide with the two major sections of “Golod” in the long “Grossbuch” redaction is the fact that there is a variant of “Tri obeda” in the “Grossbuch” which, after a lengthy description of a sumptuous private café-dinner, includes some ending lines pointing to two main thematic clusters of “Golod”: “

Война деревьям и лесам
Война съедобной глине

(RGALI f. 527. op. 1., ed. khr. 64, l. 32 ob.)

The third and most common way in which “Golod” could evolve into a “finished” text is as an abbreviated poem like the one Kozlov republished in 1927 after its initial TerROSTA appearance in 1921. Not coincidentally, the vast majority of such abridgements (№ 4–9 above) begin with the same opening lines and descriptions of women, children and animals scavenging the forest for anything edible, and the TerROSTA/Kozlov text may be the most “finished” of all (the deploying of arboreal imagery at the beginning and end of the poem to effect poetic closure is particularly impressive). But the short “spin-offs” could also focus on other themes, e.g. the description of the impact of the drought itself, as illustrated by the tenth text in our list of “Golod” poems, “Chetyre oblasti na Ès...” (unpublished), which expands on the merciless beating sun in the four provinces whose names begin with “S”: Saratov, Simbirsk, Stavropol and Samara.

APPENDICES

The two appendices below, containing transcriptions of Khlebnikov manuscripts, observe the following conventions:

- 1) the transcriptions seek to preserve fidelity to the originals, meaning here that both correct and incorrect textual elements (errant or careless spelling and punctuation, inadvertent repetition of words. etc.) are reproduced in the main text or documented in the footnotes. The only exception to this practice is to capitalize the first word of each line, even where Khlebnikov uses a lower-case letter, because it is his common practice to capitalize the beginning of each new poetic line, except in those cases where a line beginning in lowercase is also deeply indented, suggesting that it is a continuation of the previous line.
- 2) all text in italics is *metatext*, i.e. editorial numbering, notes and commentary.
- 3) the fundamental unit of analysis is the poetic line, either single or in a cluster — a cluster would be cited if the changes in one line are best understood in terms of changes across an entire sequence of lines. Footnotes reproduce the most plausible order in which corrections in each line or cluster of lines were made by the author. The initial text in the footnote reproduces the first (and rejected) variant of the line in question. A series of entries for a given line are marked alphabetically (*a.*, *б.*, *в.*, *г.*, *д.* etc.) and document the likely order in which corrections were made to the given line.
- 4) on rare occasions this procedure is imbedded within a series of lines that were all ultimately rejected. In such cases the rejected lines are given in their final form and identified by lower-case roman numerals (*i*, *ii*, *iii*, *iv*, etc.) If these lines themselves initially underwent correction. They are documented under the rubric *исходный вариант/исходные варианты*. The corrections are given consecutively, and marked alphabetically (*a.*, *б.*, *в.*, *г.*, *д.* etc.).
- 5) On a few occasions where several changes have been made in a line but it is impossible to determine the order in which the changes were made, subscripts have been introduced to divide the targeted line into segments, and the subscript number is affixed to the line number after a decimal point. The variant that is registered refers specifically to that segment, which consists of all words to the left of the subscript up to the previous subscript, or up to the beginning of the line, whatever comes first.

For example:

Line 17 of the first appendix would appear as follows in an isomorphic transcription (square brackets are placed around fragments that have been crossed out):

[же]
[После] Хлебцы пекут из [бе<^>] лебеды.
[из]

The final version is reproduced as follows in the basic text:

17 Хлебцы пекут₁ из лебеды.₂

The line has artificially been divided into two segments — Хлебцы пекут₁ and из лебеды.₂ — marked by subscripted numbers.

In each of these segments Khlebnikov introduced changes, but we do not know which came first, second, etc. The footnotes register the following changes:

17.1 а. *Начато:* Хлебцы пекут

б. *Начато:* После же из

17.2 *Начато:* из бе<^>

17.1 designates line 17, segment 1. Khlebnikov started out with the phrase «Хлебцы пекут», then decided to begin the line with the words «После же из». In all likelihood he was considering «После же из лебеды хлебцы пекут» but we do not know for sure, and we wish to avoid such speculative reconstructions. We know only that he started out with «Хлебцы пекут» and subsequently rejected (crossed out) «После же из» and was left with «Хлебцы пекут».

As for the second segment (17.2), «из лебеды» Xlebnikov started out with «из [бе<^>]» but never completed the word that begins with «бе...», crossed it out at some point, added the word лебеды, leaving «из лебеды.»

The following non-alphabetical signs have the following meanings:

- [] — indicate that what is within the square brackets has been crossed out.
- <> — indicate that what is within the angular brackets is an editorial conjecture with a high degree of probability that the reading is correct.
- <^> — words ending in this sign lack any ending by the author and any conjecture is deemed too speculative.
- <~> — words ending in this sign were completed by the author but the ending, virtually illegible, is too ambiguous and therefore any conjecture is deemed too speculative.

Conjectured material within angular brackets is occasionally underlined. Underlined letters or words are not present in the manuscript, but have been provided as an editorial clarification. Words and letter not underlined within the aforementioned brackets are present in the manuscript but are authorial and sufficiently recognizable to prompt editorial conjectures.

APPENDIX A: «ПОЧЕМУ ЛОСИ И ЗАЙЦЫ ПО ЛЕСУ СКАЧУТ,...»

This poem was first published by TerROSTA in Pyatigorsk in 1921 (probably as a “poster poem,” a copy of which has not survived or been made public, and subsequently reproduced by the director of TerROSTA, Dmitrii Kozlov, in his

1927 memoirs, “Novoe o Velemire [sic] Khlebnikove” under the title “Pochemu?” — see pp. 181–182). the other is a full transcription of the manuscript which, according to the editors of SS 2 (see pp. 277–278), served as the basis for Kozlov’s variant (see RGALI, f. 527. op. 1, ed. khr. 48, l. 4). Departures of the Kozlov text from the manuscript are in bold print (in the case of punctuation differences and/or the use of conjunctions or prepositions, the preceding word is also given in bold print.

RGALI, f. 527. op. 1, ed. khr. 48, l. 4

- Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди съели кору осины,
Елей побегии зеленые.
- 5 Жоны и дети бродят в лесах
И собирают березы листы
Для шей, для окрошки, борща
Елей верхушки и серебрянный мох
Пища лесная!
- 10 Дети, разведчики леса,
Бродят по рощам,
Жарят в костре белых червей
Зайчью капусту и гусениц жирных
Или больших пауков, они слаще ореха
- 15 Ловят кротов и ящериц серых,
Гадов шипящих стреляют из лука
Хлебцы пекут₁ из лебеды.₂
За мотыльками₁ от голода,₂
Глянь<->ка, бегают,
- 20 Целый набрали мешок
Будет сегодня из бабочек борщ!
— Мамка сварит
На зайца, что нежно,
Прыжками скачет по лесу,
- 25 Дети точно во сне,
Точно на светлаго мира видение
Все засмотрел<ись>
Большими глазами, святыми от голода
Правде не веря.
- 30 Но он убегаёт проворным видением
Кончиком ух<а> чернея сквозь сосны.
И в догонку ему стрела понеслась,
Но поздно.
Сытый, обед ускакал!₂
- 35 А дети стоят очарованные.
«Бабочка глянька там пролетела
Лови и беги а там голубая».
Хмуру в лесу. Волк прибежал
Издалека
- 40 На место, где в прошлом году
Он скушал овцу.
Долго крутился юлой, крутобокій
Все место обнюхал
Но ничего не осталось — дела₁ муравьев₂.

Kozlov, 1927: 181–182: «Почему»

- Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди с’ели кору осины,
Елей побегии **зеленые...**
Жены и дети бродят по лесу
И собирают березы листы
Для шей, для окрошки, **борща**,
Елей верхушки и **серебрянный мох**, —
Пища **лесная**.
- Дети, разведчики леса,
Бродят по рощам,
Жарят в костре белых **червей**,
Зайчью **капусту**, **гусениц** жирных
Или больших **пауков** — они слаще **орехов**
Ловят **кротов**, **ящериц** серых,
Гадов шипящих стреляют из **лука**,
Хлебцы пекут из лебеды.
За мотыльками от **голода бегают**:
- Целый набрали мешок,
Будет сегодня из бабочек **борщ** —
Мамка сварит.
Зайца, что нежно **прыжками скачет по лесу**,
- Дети точно во сне
Точно на светлого мира видение
Восхищенные смотрят большими глазами,
Святыми от голода,
Правде не **верят**.
Но он убегаёт проворным **видением**,
Кончиком уха **чернея**.
В догонку ему стрела **полетела**,
Но поздно — **сытый обед ускакал**.
- А дети стоят очарованные...
«Бабочка, **глянь_ка**, там **пролетела**»...
Лови и беги! а там **голубая!**...
Хмуру в лесу. Волк прибежал из далека
- На место, где в прошлом году
Он скушал **ягненка**.
Долго крутился юлой, **все место обнюхал**,
Но ничего не осталось —
Дела муравьев, — **кроме сухого копытца**.

- 45 Кроме сухого копытца.
Огорченный, комковатые ребра поджал
И утек за леса
Тетеревов алобровых и глухарей
Серогрудых
- 50 Заснувших под снего<м>
Будет давить лапой тяжелой
Облаком снега осыпан
- Лисичка огневка пушистая
Комочком на пень взобралась
- 55 И размышляла горюя
Разве собакою стать? Людям
На службу пойти?
Сеток растянуто много, ложися в любую
<Без строфического раздела>
Опасно, съедят, как съели собак
<Без строфического раздела>
- 60 И стала лисич<а> лапкою мыться
Покрытая, парусом красны<м> хвоста.₂
Белка ворчала
<<«Я не святая Кушать!я тоже хоч
Где же мои орехи и жолуди.»
<Без строфического раздела>
- 65 Тихо. Прозрачно.
Сосна целовалась с осинной.
<Без строфического раздела>
Может на зав<т>ра их срубят на зав<т>рак.

Огорченный, комковатые ребра поджал
И утек за леса.
Там тетеревов алобровых и **седых глухарей**,

Заснувших под снегом, **будет лапой**
Тяжелой давить, брызгами снега осыпан...

<Без строфического раздела>

Лисанька, огневка пушистая
Комочком на пень взобралась
И размышляла **о будущем...**
Разве собакою стать?
Людям на службу пойти?
Сеток растянуто много —
Ложись в любую...
Нет, дело опасное.
С'едят рыжую лиску,
Как с'ели собак!
Собаки в деревне не лают...

И стала лисица **пуховыми лапками мыться.**
Взвивши кверху огненный парус хвоста,
Белка сказала ворча:

«Где же мои орехи и жолуди? —
Скушали люди!»

Тихо, прозрачно, **уж вечерело.**
Лепетом тихим сосна целовалась
С осинной.

Может, на-завтра их срубят на завтрак.

5 Слово жоны зачеркнуто и восстановлено.

14 Слово ореха зачеркнуто и восстановлено.

10 Начато: Дети, разведчик<ами>

17.1 а. Начато: Хлебцы пекут

б. Начато: После же из

17.2 Начато: из бе<^>

18.1 а. Начато: За моты<^>

б. Последние 4 буквы слова мотыльками зачеркнуты и восстановлены.

18.2 Начато: От голуб<^>

19 Справа от ст. зачеркнуто:

гон<^>

гоняться

гоняться

20 а. Начато: Не робь! целый набрали м<^>

б. Не робь! целый набрали мешок

21 Не робь! Будет сегодня из бабочек борщ,

24 Прыжками скачет, скачет по лесу,

Возможно, слово скачет просто зачеркнуто и восстановлено.

25 а. Начато: Т<^>

Слева от ст. помета: 1)

б. Начато: Дети в то<^>

После 25 Зачеркнуты все варианты след 2 ст.:

i Большими глазами, святыми от голода.

ii Восхищенные смотрят

Исходный вариант

- i* Глазами громадными, святыми от голода. Слово от зачеркнуто и восстановлено, но снова зачеркнуто вместе со словом голода
- 26 Точно на мира другого явление — слово мира начато дважды (м<^>, ми<^>).
В рук.: слева от ст. помета 2)
- 27 а. Восхищенные смотрят
б. Очарованно смотрят
- 30 Начато: Но он убегает проворно
- 31 Кончиком ух<a> чернея через сосны
В рук. описка автора: ухом
- 34.1 Начато: Какой сытый. Возможно, описка автора; в таком случае: Какой сыт<n>ый
и в окончательном варианте: Сытн<n>ый обед ускакал!
- 34.2 обед ускал!
После 34 Зачеркнут ст.:
И зайц вслед
- 41 а. Начато: Он скуш<ад>
б. Он ягненка поел
В окончательном варианте описка: Он скушал о овцу
- 42–45 Долго крутился, юлил, все место
Обнюхал
- 44.1 Начато: дела му<^>
- 46–47 а. Огорченный
Утек за леса
б. Огорченный, худый бока подобрал,
Утек за леса
- 48 а. Седогрудых
б. С<^>
в. С<ьр^>
- 50 Заснувших в снегу
- 53 Начато: Лисч
- 54 Слово комочком зачеркнуто и восстановлено.
- 56 Слово Людям начато (Л<^>), зачеркнуто и восстановлено.
- 59 Слово съедят зачеркнуто и восстановлено.
- 61.1 Качня
- 60.2 парусом красны<м> хвоста ворчала
При окончательной правке слово ворчала не зачеркнуто, но перенесено на след. ст.
- 63 Начато<«>: Я не святая Кушая
- 66 Сосна целовала осину
При окончательной правке слово осину зачеркнуто, а словосочетание Сосна целовалась написано дважды.

APPENDIX B: «ТРИ ОБЕДА» (RGALI, F. 527, OP. 1, ED. KHR. 55, L. 2, 2 OB.)

л. 2 об. 3 обеда

- 1)
Вечер. столовая. до такого то часа.
Окорока с прослойками мяса
Свинья кишки блюдо где ушки
Набитыя жиром
- 5 Хлеба ломти, оправленные сыром₂
Алая пища, мясн<a>я здоровая
Только головка <суровая,> жирн<ee> денег.
Красных яблoк горы и горки
Сытныя вечерние <р>азговоры
- 10 Про былыя громкия ссоры с выстрелом

- С попойками
 Алоликих алоглазых людей
 Ча́я стака́ны с лимоно́ю корко́й
 Горячіе щи
 15 Ломтя <с>ыра разрезанна<го> слезы и свищи
 Самовар в клубах белого пара
 Белый чародей кипит
 Кто то у пива спит
 Сочащееся кровью
 20 Дымящееся поджаренное бычачье мясо
 На него смотрят с любовью
 Голова верхопляса
 На блюде текущая жиром говядина
 На стене вис<и>т золотистая пара с хруст<ящей> коже<й> поросят
 25 Безлеп<ые> <б>еседы, о тех чей конец <-> столб с перекладин<ой>₂
 На темно зеленом степном огромном арбузе
 Алая ссадина
 Цепочка золотая запрыг<ивает>₁ на пузо₂
 Тугіе <другіе> лица
 30 Девушка с головкой птичей
 Еще и еще подал<a> алое в дыму мясо бычье
 Кругом него зелени и белого хрена копны
 Полнокровн<ые> мешки людских лиц
 Готовы лопнуть
 35 Среди огурцов и овощей
 И золото алых в жирных <струях>дымящихся шей
 Собаке залаявшей брошено<«> цыц<»>
 Черное пиво. кто-то заснул.
 Другим опрокинут поставелн<ный> стул
 40 Здоровья, здоровья каблук
 Среди темно алых яблок.
 На стеклянном прозрачн<ом> блюде
 С высоким подножіем
 Выбирают люди
 45 Вкусныя пирожныя.
 Беседы и <высокой> речи мерное теченіе
 О продаже и цен<ах>и о покупке
 Прерывали хрустящія печенія.
 Таявшіяся во рту
 50 И хрупкія трубочки плотныя со сли<вками> бел<ыми>
 Мирные перег<о>воры о боченк<ах> водк<и>.
 52 Толстый щенок
 53 С больш<ими> ушами
 54 Злобно рычет
 55 Когда ему дали черного хлеба
 52' Толст<ый> <щенок>
 53' встал на
 54' стул и зарычал от
 55' гнева
 56' когда ему дали чер<наго> <хлеба>

Деньги и кровь его небо.
 Зеркало новых господ худошав<ых>
 Чудовищно на <н>их похожий
 С полосатой морщинистой кожей

л. 2

- 60 <В> холодном селе тесовая изба
- 2) Угрюмый отец
 Склонен<ный> с ножом у окошка
 Хлеб делит по крошкам
 Да!
- 65 И воробей не был бы. сыт
 Нынче <д>ругой пошел быт
 Нынче больше глазами обед
 Лишь глаз<ами> кушать хотят греховодники
 А живот давно записался в угодники
- 70 Метит к святым вобразам
 К золотому кружку кому
 Лишь старым <кушать> глазам
 Иль это к лицу
 Нет и деды не ведали
- 75 Чтобы глазами обедали
 На хлебе таком нужно капусту сажать
 Жареху серых мышей
 Сын в поле поймал и принес.
 Серея длин<ным> хвостом
- 80 Лежит на столе
 Будет как надо
 Будут обедат<ь> сегодня
 Голод сегодня выгнан вшаей
 Будут сыты сегодня
- 85 Но мыши спасли. лучше Спаса
 И у голодных сестер₁ сегодня не будет слез₂.
 А завтра? что будет потом?
 Мальчик на речке достал
 Тройку зеленых
- 90 Лягушек.
 «Лучше цыплят»
 Он сестер
 Утешает
 «Белое, белое мясо.»
- 95 Вечером все к костру
 Соберутся
 И вместе лягушек
 Съедят
 В приправе из
- 100 Белых–жирных червей.

- 2 Окорочка с прослойками алаго мяса
 3–5 а. Свиныя кишки
 Блюда с белым кози<сь>м жиром
В руж: козим
 б. Свиныя кишки блюда где ушки
 С белым коз<сь> им сыром
 в. Свиныя кишки блюда где ушки
 Набитыя жиром
 Хлеба ломти с слезливым сыром.
- 5.1 Хлеба ломоть
 5.2 а. <с> слезливым сыром
 б. одетые
- 9–10 Разговоры
 Про ссоры
- 12 Ало<рыж>их людей
 14 Дымящіеся ши
 15 Сыра разрезаннаго свищи
 17 Белый чародей кипит и шумит
В окончательном варианте союз и не зачеркнут.
- 23 Жирная дымная говя <дина>
 25.1 а. Разго<воры>
 б. Беседы
- 28.1 Цепочка золотая скачет
При правке слово скачет не зачеркнуто.
- 28.2 а. на отворенн<ом>пузе
 б. на открытом пузе
- 31 Еще и еще подал<а> алое в чаду мясо бычье
 33 Тугіе мешки людских лиц
- 37–51 *Ст. зачеркнуты по вертикали.*
 42 *Начато:* На стеклянном <сте^>
 50 И со сли<вками> бел<ыми>хрупкія трубки
При окончательной правке словосочетание И со сли<вками> бел <ыми>в начале ст. не зачеркнуто
- 51 Мирные переговоры о водке.
При окончательной правке словоформа водке не исправлена.
- 52', 53'–56' *Написано слева от ст. 59–62 как вариант ст. 52, 54–55*
- 63 а. Хлеб делит по крошкам
 б. Хлеб дочкам делит по крошкам
- 66 Другой пошел быт
 67 Ноне больше глазами обед
 69 А брюхо давно записало<сь> в угодники
- 70 а. *Начато:* Мт
 б. В дальнейшен весь ст. зачеркнут и восстановлен
- 71 а. К золотому кружку
 б. К золотому _____
- 72 *Начато:* Лишь старым [кушать] [гл]
Окончательный вариант, возможно: Лишь старым <кушать> глазам<и>
- 74 а. Нет и деды
 б. Нет и дедушки
При правке (б) слово деды не зачеркнуто
- 76 *Начато:* На хлебе таком нужно капусту са<^>
- 81–84 81 Голод суровый Кашей
 82 Голод
 83 Голод сегодня выгнан взашей
 84 Будут сыты сегодня
Исходный вариант:
 83 Голод сегодня прогнан

- 81 Будет как надо как надо
 После 84 *Зачеркнуто, восстановлено ниже (см. ст. 86):*
 i. И у сестер не будет сегодня слез
 ii. А завтра <-> что будет потом?
В исходном виде:
 i. И у сестер не будет завтра слез
 85 *Начато:* Мыши Спа<^>
 86.1 И у сестер голодных
 86.2 Сегодня не будет больше слез. *Слово слез зачеркнуто и восстановлено.*
 92 *Начато:* Он сст<^>

REFERENCES (PRIMARY)

- Editions of Velimir Khlebnikov's works and archival repositories cited in this article:
 IS *Izbrannye stikhotvoreniia*. Ed. N. Stepanov. Moscow: Sovetskii pisatel', 1936.
 PDPP *Poeziia. Dramaticheskie proizvedeniia. Proza. Publitsistika*. Comp., ed. and annot. by A. E. Parnis. Moscow: Slovo, 2001.
 KRYSA *Velimir Khlebnikov's* Krysa. Ed. Ronald Vroon. Stanford: Dept. of Slavic Languages & Literatures, 1989.
 RGALI *Rossiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva*.
 SP *Sobranie proizvedenii*. 5 vols. Ed. N. Stepanov. Leningrad: Izd. pisatelei, 1929–1933.
 TV *Tvoreniia*. Ed. A. E. Parnis and V. P. Grigor'ev. Moscow: Sovetskii pisatel', 1986.
 SS *Sobranie sochinenii*. 6 vol. Vol 6 in two books, 6/1 and 6/2. Ed R. V. Duganov and E. R. Arenzon, Moscow: IMLI RAN Nasledie, 2002–2006.

REFERENCES (SECONDARY)

- Borodin A. "O Velemire [sic] Khlebnikove." *Bakinskij rabochij* July 16, 1922: 4.
 Kozlov Dmitrii. "Novoe o Velemire [sic] Hlebnikove." *Krasnaya nov'* 8 (1927): 177–188.
 Parnis Aleksandr. "Velimir Hlebnikov: 'Kogda ya zhil v Baku, v strane ognya...'" *K 125-letiyu so dnia rozhdeniya poeta*. "Pro knigi 4 (2010): 15–27.
 Patenaude Bertrand. *The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford: Stanford Univ. Press 2002.
 Polyakov Vyacheslav. *Golod v Povolzh'e, 1919–1925 gg.: proishozhdenie, osobennosti, posledstviya*. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2007.
 Samorodova Ol'ga. "Poet na Kavkaze: vospominaniya." *Zvezda* 6 (1972): 186–194.
 Smith Douglas. *The Russian Job. The Forgotten Story of How America Saved the Soviet Union from Ruin*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2019.
 Starkina Sofiya. "K rekonstrukcii stihotvornogo triptiha V. Hlebnikova 'Tri obeda'" *Velimir Hlebnikov v novom tysyacheletii*. Moskva: IMLI RAN, 2012: 85–90.
 Vroon Ronald. "'ZZyzz — — zhzha!..' Textual Criticism and Textual Politics in a Poem by Velimir Khlebnikov." Fleishman Lazar, David M. Bethea, Vinitzky Ilya (eds.). *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Stanford Slavic Studies 50. Berlin: Peter Lang, 2020: 485–502.

Роналд Врон

ПЕСМЕ ПОД НАЗИВОМ „ГЛАД“ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА:
 ТЕКСТОЛОШКА АНАЛИЗА

Резиме

Велимир Хлебњиков се у јесен 1921. године преселио у Пјатигорск, где је из прве руке искусио катастрофалну глад у сливу реке Волге. Написао је многе песме посвећене

гладу, међу њима су и варијанте оне коју је у неколико наврата насловио управо тако: „Голод“. Три варијанте ове песме су биле објављене, док је шест остало необјављено. Све варијанте, осим једне коју је објавио Дмитриј Козлов 1927. године, или су недовршене бледе копије ове песме или су још увек њени веома груби нацрти. Дате песме су предмет нашег рада, који настоји да осветли три главна развојна пута којима је песма кренула, тачније које је Хлебњиков изабрао да развије и доврши своје дело.

Кључне речи: Велимир Хлебњиков, Дмитриј Козлов, глад, „Голод“, „Три обеда“, глад у сливу реке Волге, текстологија.

Willem G. Weststeijn
University of Amsterdam
w.g.weststeijn@uva.nl

DEATH IN THE EARLY LYRIC POETRY OF VELIMIR KHLBNIKOV

Death is one of the main themes, perhaps *the* main theme of the work of Velimir Khlebnikov. It occurs everywhere in his work, from the very first poem (1904) to his famous supersaga *Zangezi* (1922). For Khlebnikov death is not the result of a tragic worldview. He considers death as something which on the one hand belongs to life, but on the other has to be, and can be, conquered. The article discusses the many images of death in Khlebnikov's early poems (1904–1908). Just as in his later work death is often connected with water (drowning), love, fighting and horses.

Keywords: Velimir Khlebnikov, death, water and death, love and death, war and death.

If it is indeed true that ‘the main aim of literature is the struggle with death’ (Dmitrii Bykov), there is no better illustration of this maxim than the work of Velimir Khlebnikov. ‘Man’s victory over death,’ writes Nikolai Stepanov, ‘is one of the basic ideas of the poet, to which he returns again and again in his work’ (Stepanov 1975: 117). Death occurs everywhere in Khlebnikov’s work and may be considered one of his central, perhaps *the* central theme. The importance of this theme in Khlebnikov’s oeuvre has been noted by a number of authors, in the first place by Dmitrii Aleksandrovich Pashkin, who devoted his dissertation to it: *Феномен смерти в текстах Велимира Хлебникова: Некоторые аспекты проблемы* (*The Phenomenon of Death in the Velimir Khlebnikov’s Texts: Some Aspects of the Problem*) (Pashkin 2001).

Pashkin rightly points out that authors have discussed death in separate works by Khlebnikov, sometimes even as a leitmotiv,¹ but never as a theme that pervades the poet’s entire oeuvre. He is the first to do so. Considering Khlebnikov’s oeuvre as in principle one text, in which all the elements have to be interpreted in connection with each other, he discusses a number of motifs that can

¹ He explicitly mentions Henryk Baran’s article ‘Пушкин в творчестве Хлебникова: некоторые тематические связи’ in his book *Поэтика русской литературы начала XX века* (Москва 1993: 152–178) and Viktor Kravets’ monography *Разговор о Хлебникове* (Киев 1998).

be related to death. Many of them are present in the world around us: sun, sky, wind, fire, water, others, such as soul (often connected with wind) and love (connected with tornado) are abstract, some (e. g. water nymph) are derived from folklore. According to Pashkin a typical khlebnikovian death motif is *пена* (foam), particularly in its connection with *море* (sea), but also as a sign of extreme suffering (foam at the mouth). In other chapters Pashkin discusses the relation between city and death in Khlebnikov's work and, in my opinion less convincingly, the similarity between Khlebnikov's thanatology and that of poststructuralists such as Maurice Blanchot and Jean Baudrillard.

In view of the list of motifs mentioned by Pashkin, it would seem that Duganov is right when he writes that for Khlebnikov life and death form an 'absolute unity' (Duganov 1990: 62) and that 'the tragic chaos and even death, as many of his works clearly show, are definitely a part of the general cosmic harmony.' (Ibidem: 110) To a certain extent Duganov is right: in Khlebnikov's work life and death form an inseparable unity, but there is more to it. In his indefatigable search for the laws of time, which can be considered an attempt to conquer time, which also means to conquer death,² Khlebnikov considers death as something that perhaps belongs to life, but at the same time as something that has to be fought and should be overcome. And he does not only fight for mankind, but also for himself. Death is not the redeemer, who saves people, especially young and innocent children, from a life full of evil and iniquity and takes them to a better world, as we learn from Khlebnikov's predecessor, the Symbolist Fedor Sologub. The concept of a better or higher world does not exist any longer for the 'Postsymbolist' Khlebnikov. For him it is a part of life, but at the same time it should not be accepted, but challenged and vanquished. The struggle with death as the evil side of life permeates Khlebnikov's entire oeuvre.

In the article referred to in note 6 I pointed out that from his early poetry Khlebnikov wrote about death and I mentioned a number of the early poems in which death plays a major role. In this article I will substantiate this claim and discuss some of these poems. I will confine myself to the poems written from 1904–1908, as they were published in the first volume of the latest edition of Khlebnikov's collected works (Khlebnikov 2000–2006).

In the very first poem, 'Странник, ты видел...', written in 1904, death is not explicitly mentioned. However, the poem describes horses that are severely suffering and do not shed tears, but foam. They are compared with the earth, which at a moment of suffering under the yoke of fate, also drops foam.

Странник, ты видел,
 Как конь иногда,
 Замученный, дико оком поводя,
 На тихую поверхность вод голубых
 Пену ронял?

² See also the conclusion of my article 'Еще раз о композиции «Ка» Велимира Хлебникова' (Weststeijn 2020: 173).

Ты знаешь, что кони
 В страдании и муках
 Пеною плачут? Слез у них нет.
 Странник, [...]
 Знай — это земля уронила
 На лазурные воды небес
 В миг страдания, — миг падения под ярмом судьбы,
 Ту пену уронила,

(Khlebnikov 2000, 1: 13)

In his discussion of the motif *йена* Pashkin quotes some lines of the poem and comments: '*Пена* маркирует не просто событие смерти, но ситуацию насильственной смерти, или подчеркивает боль, страдания, присущие *умиранию*.' (Pashkin 2001: 63) Further down in his text he mentions the horse as a potential dangerous animal that threatens us with death. (Ibidem: 73) In my own article 'Кони Хлебникова' (Weststeijn 2004: 331–341) I refer to studies by V. V. Ivanov and V. Ja. Propp, who show that in Indo-European and hence also Russian mythology the horse is often connected with death. A long time before Khlebnikov wrote about the First World War and the civil war, in which the horse played an enormous role, so that war, horse and death almost automatically became fused,³ the poet associated horse with death. This association had a mythological background, but not less important were Khlebnikov's ideas about the initial letters (consonants) of words. About the meaning of the letter *k* he later writes in his article 'О простых именах языка' (1916):

К начинает или слова около смерти: колоть, (по)койник, койка, конец, кукла (безжизненный, как кукла), или слова лишения свободы: ковать, кузня, ключ, кол, кольца, корень, закон, князь, круг, или малоподвижных вещей: кость, кладь, колода, кол, камень, кот (привыкающий к месту).

Закон и его книга вносят в страну покой, как и его источник: князь.

Покой всадника дан конем; покой инока келией. Рабочему покой дается концом работы. Частицы в камне не двигаются. Исчезновение движения — содержание *К*-имени; ему довольно близко действие сложения.

Ограничивающий место край дает красоту, кровь (скрытую), крысу (кроющееся существо). (Khlebnikov 2005, 6/1: 119–120)

The Russian word for horse, *конь*, is also mentioned in this article, associated with death by means of *покой* (rest), but also, of course, by means of other words that are similar in sound such as *конец* and *окончить*.

In the poem 'Мирооси данник звездный...' there is not a direct image of death, but the lyric I exposes itself to great danger in order to become a poet (to learn the words):

Пролетая в миг над бездной,
 Задевая краем бездны,
 Я учусь словесу.

(Khlebnikov 2000, 1: 15)

³ As for instance in 'Конь гражданской войны, наклоня желтые зубы, рвал и ел траву людей.' From *Малиновая щадка* (Khlebnikov 2004, 5: 207).

In the next poem, ‘Гробатая явь’ the possible relation between the poet (here described as ‘будрое дитя’, child of the future) and death is made explicit. The child denies that it will die, ‘become a sack full of worms’. On the contrary, it will have a brilliant future and will become the leader of the cavalry of the stars.

— Будрое дитя, мови:
 Когда будешь червивым мешком,
 Мешком туго завязанным,
 Полным до краев?
 — Буду любимцем звезд!
 Буду, балуя, править
 Звездной конницей
 Сполохогровкой.

(Khlebnikov 2000, 1: 17)

Just as in the preceding poem Khlebnikov does not describe the lyric I or the speaker as an ordinary human being, but as someone — in these early poems a child — who is on a higher level, that of the universe, the stars (see also the poems ‘Мировик’ — *Собр. соч.* 1: 23 and ‘И я свирел в свою свирель...’ — Khlebnikov 2000, 1: 51). This elevation of the lyric I — in Khlebnikov’s later poetry it is sometimes presented as a prophet, sometimes even as a god — is typical for the poet’s entire oeuvre.⁴

If we follow Pashkin, who describes motifs such as water, river, water nymph and foam as connected with death, the poem ‘Русалка телом голубым...’ decidedly would suggest death.

Русалка телом голубым
 Немоб осенних красоту
 Воспеть хотела.
 Туда, о, к ней! Туда, о, к ним!
 И вмиг в реке! И вмиг в волну!
 Туда, где рень! Туда, где пена!
 Но где же цель? Но где же тело?
 Но где же плен? Но где полон?
 Она, она, о ужас слышу, — зеленая жена!
 И вопль ее, толпа испугом —
 О ужас, ужас, о сором!..

(Khlebnikov 2000, 1: 32)

The same image of a ‘beautiful girl of the water’ and her possibly tragic fate we find in the next poem;

Плескиня, дева водных дел, радея красоте,
 Играла и сияла, служила немоте
 И крыльными грустильями воздела темноте.

(Khlebnikov 2000, 1: 33)

⁴ See my articles (Weststeijn 1986: 217–242; 1987: 119–139). Both articles are also published in (Weststeijn 2020).

The combination ‘water’ and ‘tragedy’ we also find in the poems ‘Дувь волн холодных моря...’ (Khlebnikov 2000, 1: 48) and ‘Моют, моют валуны...’ (Khlebnikov 2000, 1: 72). In the first poem the cold water of the sea is linked with woe (горе), in the second one a boat goes down:

Челн пошел ко дну вверх дном
Вместе с верным рыбаком.
Весть невесте рыбака —
Волны ходят трепака.

A boat that is sinking or capsizing often occurs in Khlebnikov’s work. Another example in his early poetry is ‘Зеловеков венок...’ (Khlebnikov 2000, 1: 154):

В безраздумные хляби челнок унесло.
О, не умер бы он!
О, боюсь за него!

When Khlebnikov writes about love he often combines it, directly or indirectly, with death. One of his first poems in which we find this combination is the four-line poem ‘Гроб леунностей младых...’ (Khlebnikov 2000, 1: 53):

Гроб леунностей младых.
Веко милое упало.
Смертнич, смертнич, свет-жених,
Я весь сон тебя видала.

The combination ‘love’ and ‘grave’ also occurs in the poem ‘Мне видны — Рак, Овен...’ (‘В эту ночь любить и могила могла...’ — Khlebnikov 2000, 1: 127). In ‘Стрелок, чей стан был узок...’ a hunter is killed by Diana; in ‘Козак’ love is accompanied by blood and violence.

Despite the frequency of death motifs in his work, one cannot say that Khlebnikov has a tragic worldview. On the one hand he seeks to overcome death, but on the other he realizes that death belongs to life and also realizes, albeit unconsciously, that the introduction of death motives and the opposition between life and death into an even short poem makes such a poem just more ‘interesting’. Hence the various ways in which death occurs in his work. I already discussed death in connection with severe suffering, mortal danger, drowning, being frightened and love, but there are other employments of the motif. One of them is the more or less logical introduction of death when a fight is described. Since the First World War Khlebnikov often wrote about battles and fighting, but we find the theme already in his early poetry. In the poem ‘От Косова я — дружины свой бег...’ he refers in the first strophe to the victory of the Turks over the Serbian-Bosnians in the battle on the field of Kosovo in 1389, in the second to the defeat of the Teutonic horde against the Polish monarch Vladislav II in 1410.

От Косова я — дружины свой бег
Злой продолжали на трупах.
Ворог колол, резал и сек
Павших от ужаса, глупых.

2

От Грюнвальда — истуканы
 С серым пером на темени,
 В рубахах медных великаны
 Бились с рожденным на Немане.

(Khlebnikov 2000, 1: 98)

The poem ‘Скифское’ also goes back to the past and is full of fighting and death (and horses):

И жизнь иль смерть — любое,
 И алчут кони боя.

И в межи роя узких стрел —
 Пустили их стрелки —
 Бросают стаи конских тел
 Нагие ездоки.

[...]

И конь, чья ярь испытана,
 Грозит врагу копытами.
 Свирепооки кони,
 И кто-то, кто-то стонет.

И верная подруга
 Бросается в траву.
 Разрезала подругу,
 Вонзила нож врагу.

(Khlebnikov 2000, 1: 193–195)

The sword belongs to war and death. For Khlebnikov the relationship between sword and death is also evident as the two words in Russian, *меч* and *смерть* (*мертвец*) are similar in sound.⁵

И есть ли что мечей поюнней?
 Но чу! везде полет воюний.
 Они везде зовут в борель,
 И смерть — красивая свирель.
 О, меч, по войному пути бегач,
 Ты — неутомчивый могач!
 Везде преследует могун!
 Везде преследуем бегун!
 Печальны мертвых улыбели,
 Сияльны неба голубели.

(Khlebnikov 2000, 1: 180)

Interesting in this poem is the fourth line, in which death is compared with a beautiful flute. It is one of Khlebnikov’s daring and original images — it also

⁵ The same holds true for *мор* and *мертвенный*, as for instance in the poem ‘Землявых туманов умчался собор...’ (Khlebnikov 2000, 1: 64).

occurs in the poem ‘Равнец! скажи, зачем борель...’ in the line ‘Свирелью смерть взял веселоша’ (Khlebnikov 2000, 1: 178) — which sets him apart from other poets. Another of these original images we find in the well-known poem ‘Из мешка...’, in which the world is compared with the sneer on the mouth of a hanged person.

Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир —
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.

(Khlebnikov 2000, 1: 171)

In a number of his early poems Khlebnikov personifies death. In one of them kissing death purses its lips (‘Смехлые уста смерть протянула целующая’ — Khlebnikov 2000, 1: 107), in another one (‘Опыт жеманного’ — Khlebnikov 2000, 1: 135) death walks with a basket.

The poems discussed in this article form only a small part of Khlebnikov’s work. They were all written at a time when Symbolism was still dominant in Russian literature and testify to the great originality of the poet, both as regards form (language) and content. Death is a major theme in them. It occurs as a result of strife or as the inevitable accompaniment of love and is connected with a number of motifs, many of which have to do with water. It functions in comparisons and metaphors and is personified. All the ways in which death manifests itself in the early poems are also present in Khlebnikov’s later work. It is a clear indication that this work may indeed be considered a unity, in which all the separate parts are closely connected with each other and are best interpreted in the context of the entire oeuvre.

REFERENCES

- Weststeijn Willem G. “The Role of the ‘I’ in Chlebnikov’s Poetry (On the Typology of the Lyrical Subject)”, Weststeijn Willem G. (ed.). *Velimir Chlebnikov (1885–1922): Myth and Reality*. Amsterdam: Rodopi, 1986: 217–242.
- Weststeijn Willem G. “Die Mythisierung des lyrischen Ich in der Poesie Velimir Chlebnikovs”. *Wiener Slavistischer Almanach*. Sonderband 20. *Mythen in der slavischen Moderne*. Wien: Gesellschaft zur Förderung slavistischer Studien, 1987: 119–139.
- Weststeijn Willem G. “Кони Хлебникова”. *Russian Literature* LVI-I/II/III (2004): 331–341.
- Weststeijn Willem G. “Еще раз о композиции ‘Ка’ Велимира Хлебникова”. Weststeijn Willem G. *Filling the Unfathomable Full of the Unknown*. Amsterdam: Pegasus, 2020: 167–175.
- Weststeijn Willem G. *Filling the Unfathomable Full of the Unknown*. Amsterdam: Pegasus, 2020.
- Баран Хенрик. «Пушкин в творчестве Хлебникова: некоторые тематические связи». Баран Хенрик. *Поэтика русской литературы начала XX века*. Москва: Прогресс, 1993.
- Дуганов Рудольф. *Велимир Хлебников: Природа творчества*. Москва: Советский писатель, 1990.

- Кравец Виктор. *Разговор о Хлебникове с приложением «Изборника» 1914 г.* Киев: РВЦ Проза, 1998.
- Пашкин Дмитрий. *Феномен смерти в текстах Велимира Хлебникова: Некоторые аспекты проблемы.* Диссертация. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2001.
- Степанов Николай. *Велимир Хлебников. Жизнь и творчество.* Москва: Советский писатель, 1975.
- Хлебников Велимир. *Собрание сочинений в шести томах.* Сост., подг. текста и примечания Е. Р. Арэнзона и Р. В. Дуганова. Москва: ИМЛИ РАН, 2000–2006.

REFERENCES

- Baran Henrik. "Pushkin v tvorchestve Hlebnikova: nekotorye tematicheskie svyazi". Baran Henrik. *Poetika russkoj literatury nachala XX veka.* Moskva: Progress, 1993.
- Duganov Rudolf'. *Velimir Hlebnikov: Priroda tvorchestva.* Moskva: Sovetskij pisatel', 1990.
- Kravec Viktor. *Razgovor o Hlebnikove s prilozheniem "Izbornika" 1914 g.* Kiev: RVC Proza, 1998.
- Pashkin Dmitriy. *Fenomen smerti v tekstah Velimira Hlebnikova: Nekotorye aspekty problemy.* Dissertaciya. Tyumen': Tyumen'skij gosudarstvennyj universitet, 2001.
- Stepanov Nikolaj. *Velimir Hlebnikov. Zhizn' i tvorchestvo.* Moskva: Sovetskij pisatel', 1975.
- Hlebnikov Velimir. *Sobranie sochinenij v shesti tomah.* Sost., podg. teksta i primechaniya E. R. Arenzona i R. V. Duganova. Moskva: IMLI RAN, 2000–2006.
- Weststeijn Willem G. "The Role of the 'I' in Chlebnikov's Poetry (On the Typology of the Lyrical Subject)", Weststeijn Willem G. (ed.). *Velimir Chlebnikov (1885–1922): Myth and Reality.* Amsterdam: Rodopi, 1986: 217–242.
- Weststeijn Willem G. "Die Mythisierung des lyrischen Ich in der Poesie Velimir Chlebnikovs". *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 20. Mythen in der slavischen Moderne.* Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1987: 119–139.
- Weststeijn Willem G. "Koni Hlebnikova". *Russian Literature* LVI-I/II/III (2004): 331–341.
- Weststeijn Willem G. "Eshche raz o kompozicii 'Ka' Velimira Hlebnikova". Weststeijn Willem G. *Filling the Unfathomable Full of the Unknown.* Amsterdam: Pegasus, 2020: 167–175.
- Weststeijn Willem G. *Filling the Unfathomable Full of the Unknown.* Amsterdam: Pegasus, 2020.

Вилем Вестстејн

СМРТ У РАНОЈ ЛИРСКОЈ ПОЕЗИЈИ ВЕЛИМИРА ХЛЕБЊИКОВА

Резиме

Смрт је једна од главних, а можда и главна тема у стваралаштву Велимира Хлебњикова. Присутна је у његовом целокупном раду, од прве песме (1904), све до познате натпојаве *Занџези* (1922). За Хлебњикова смрт није резултат трагичног погледа на свет. Он сматра да је смрт нешто што, с једне стране, припада животу, али је, с друге стране, нешто што мора и може бити побеђено. У раду се разматрају многобројне слике смрти у раним песмама Хлебњикова (1904–1908). Баш као и у његовим каснијим радовима, смрт је неретко везана за воду (утапање), љубав, борбу и коње.

Кључне речи: Велимир Хлебњиков, смрт, вода и смрт, љубав и смрт, рат и смрт.

Роман Тименчик
Еврейский университет в Иерусалиме
suzirom@gmail.com

Roman Timenchik
The Hebrew University of Jerusalem
suzirom@gmail.com

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ
К ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ АННЫ АХМАТОВОЙ
(ВЕЛИМИР I)¹

FROM NAMES INDEX TO ANNA AKHMATOVA'S NOTEBOOKS
(VELIMIR I)

Заметка, отталкиваясь от упоминаний Хлебникова в *Записных книжках* Ахматовой, намечает реконструкцию их литературных взаимоотношений, указывает на предположительные отголоски чтения Хлебникова в поздних стихах Ахматовой.

Ключевые слова: Ахматова, Хлебников, Маяковский, *Поэма без героя*, «Одинокий лицедей», *Горячее поле*, революция 1917 года.

The note, which is found in Akhmatova's *Notebooks*, alludes to the reconstruction of their mutual literary relations, indicates the possible influences of reading Khlebnikov in Akhmatova's late verses.

Keywords: Akhmatova, Khlebnikov, Mayakovsky, *Poem without a Hero*, "Lonely licedei", *Hot field*, The Russian Revolution of 1917.

Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) (1885–1922) — поэт ахматовского поколения: «Такой судьбы еще не было ни у одного поколения (в истории), а м<ожет> б<ыть> не было и такого поколения. 20-ые годы, кот<орыми> теперь принято восхищать<ся> — не то — это сила инерции. *Блок, Гумилев, Хлебников* умерли почти одновременно» (С. 208). «Кто-то недавно сказал при мне: "10-ые годы самое безвкусное время". Так, вероят-

¹ Ссылки на ахматовские рабочие блокноты (С. и номер страницы) даются по изданию: *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)*. Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. Москва — Torino: Einaudi, 1996.

но, надо теперь говорить, но я все же ответила: “Кроме всего прочего, это время Стравинского и Блока, Анны Павловой и Скрябина, Ростовцева и Шаляпина, Мейерхольда и Дягилева”. Начинали Мандельштам, Пастернак и Цветаева. Я уже не говорю о Маяковском и Хлебникове. Это полностью их время» (Ахматова 1989а: 5).

«А постигло нас разное: Стравинский, Шаляпин, Павлова — слава, Нижинский — безумие, Маяков<ский>, Есен<ин>, Цвет<аева> — самоубийство, Мейерхольд, Гумилев, Пильняк — казнь, Зощенко и Мандельштам смерть от голода на почве безумия и т. д., и т. д. (Блок, Хлебников...)» (С. 191).

Он заново обрел уважительное внимание в эпоху *Записных книжек (1958–1966)*: «о Хлебникове пишут длинные ученые работы» (С. 540) — имеется в виду: Магков; ср.: «Левее, следственно новее, моднее были все: Маяковский, Пастернак, Цветаева. Я уже не говорю о Хлебникове, который до сих пор — новатор par excellence. Оттого идущие за нами «молодые» были всегда так остро и непримиримо враждебны ко мне...» (Найман 1989: 26–27). Вторая волна почитания признанного новатора сопровождалась слегка лукавой усмешкой — см. разговор 1960 года: «Я знаю его место и ценю его. Но это так сложно, а я такая слабая...» (Глёкин 2015: 144), всплывали и старые обиды — см. разговор 1964 года: «Зашел разговор об одной из немногих статей Мандельштама, которую она очень не любила, — той, где он хвалил Хлебникова, как казалось Анне Андреевне, в ущерб ей» (Иванов 1991: 489). Раздумчивый интерес к уникальности Хлебникова шел еще с 1920-х годов:

«Заговорили о мастерстве, с каким Пушкин обновлял и обогащал русский язык. Я поставил вопрос: кто из современных поэтов так же, т. е. тем же методом, обновляет язык? АА неуверенно ответила: “Пастернак только этим и занимается — так, по крайней мере, про него говорят... Хлебников...”. Я возразил, что Пастернак не углубляется в словарь, а работает только над синтаксисом и пр. А Хлебников — не трогал иных языков, а занимался изучением славянских и древнерусских корней...

АА не стала спорить со мной, и согласилась, что только Пушкин обладал такой тончайшей чуткостью к слову, и что только он умел превращать иностранное слово в чисто русское» (Лукницкий 1997: 29).

Отчасти, по мнению Ахматовой, он (как «заумник») предвосхищен Иннокентием Анненским: «И, если бы он так рано не умер, мог бы видеть свои ливни, хлещущие на страницах книг Б. Пастернака, свое полузаумное “Деду Лиду ладили...” у Хлебникова» (С. 282). См. подробнее: Налегач 2015: 140–147; ср.: Обухова 1991: 419–425.

«Посвящения стихов» (С. 69, 707) — имеется в виду, прежде всего, «Песнь смущенного», датированная 1913 годом:

На полотне из камней
Я черную хвою увидел.
Мне казалось, руки ее нет костяней,
Стучится в мой жизненный выдел.

Так рано? А странно: костяком
 Прийти к вам вечерком
 И, руку стирая длинную.
 Наполнить созвездьем гостиную.

В комментариях Н. И. Харджиев сообщал: «По свидетельству А. А. Ахматовой, Хлебников в ноябре — декабре 1913 г. читал посвященное ей стихотворение, которое заканчивалось следующими строками:

...Поднявши руку длинную
 Освещу созвездьем гостиную».

Это стихотворение было опубликовано А. Крученых в вып. XIII *Неизданного Хлебникова* среди черновых вариантов поэмы *Игра в аду*. Ошибка А. Крученых объясняется тем, что текст стихотворения записан на обороте листа, заполненного текстом *Игры в аду*. Здесь печатается по автографу (Хлебников 1940: 157, 407); ср.: «Ездили в Царское село к Гумилеву и Анне Ахматовой» (Каменский 1931: 226).

Со слов Н. И. Харджиева Э. Бабаев сообщал: «Рассказывая Харджиеву о поездке Хлебникова и В. Каменского к ней и Н. Гумилеву в Царское Село (1913), Ахматова вспоминала слова Хлебникова, который сказал, что «поэты должны рождаться у моря»: Ахматова родилась у Черного моря, Гумилев — у Балтийского, а Хлебников — у Каспийского» (Бабаев 1991: 221). Возможно, визит происходил 22 декабря 1913 г. (Парнис 2000: 662). Ср. впечатление от этого стихотворения: «нечто совсем не «портретное», но зато характерно хлебниковское» (Виленкин 1987: 59). «Рука длинная», может быть, заимствована как метонимия «светской изысканности» из стихотворения Ильи Эренбурга 1910 года:

Вы приняли меня в изысканной гостинной,
 В углу дремал очерченный экран.
 И, в сторону глядя, рукою слишком длинной
 Вы предложили сесть на шелковый диван...

(Эренбург 2000: 84)

Это стихотворение процитировал Н. Гумилев в *Письмах о русской поэзии* рядом с отзывом на стихи Хлебникова в *Садке судей* (Гумилев 1911: 78). Именную анаграмму адресата читателю легко увидеть: «Так рано? А странно...» (АННА)» (Шатова 2015: 114).

А. Е. Крученых помнил о месте обнаружения хлебниковского наброска и в свое стихотворение «Анне Ахматовой» (1940) ввел мотивы их совместной с Хлебниковым поэмы *Игра в аду* (Тименчик 2018а: 286):

Хлебнув смолы и жупела с самого дна,
 Вы уже не та светская дама,
 Что были в тринадцатом году,
 Вам не страшны никакая полынь и яма,
 Пожар, резак и игра в аду.

(Пушкин 1990: 518)

В 1963 г. стихотворение было включено нью-йоркским издателем альманаха *Воздушные пути* в состав подборки «Стихи разных лет, посвященные Анне Ахматовой», восходящей к копиям из ахматовского собрания «В ста зеркалах», доставленным из Ленинграда. В предисловии было оговорено: «Собранное нами небольшое число «стихов разных лет, посвященных Анне Ахматовой» является, как бы, продолжением *Антологии*, весьма редкого издания 1925-го г. ленинградского «Общества библиофилов» под редакцией Э. Ф. Голлербаха — “Образ Ахматовой”» (*Воздушные пути*: 3); текст содержал разночтение: «руки ее нет костеней».

Подпись: «1913 г. ноябрь. Велемир <sic> Хлебников». Предварительно стихотворение из подборки как неопубликованное было прислано издателем для знакомства В. Ф. Маркову, который разъяснил публикационную историю текста. Издатель Р. Н. Гринберг отвечал ему 18 декабря 1962 г.: «Вот как нужно быть осторожным! Возможно, все же, что я пушу эти стихи в 3-м № с примечанием, как Вы его изложили» (Тименчик 2014: 100) — примечание гласило: «Это стихотворение А. Крученых, ошибочно, считал частью поэмы “Игра в аду”. РЕД.» (*Воздушные пути*: 13).

Однако в «Посвящения стихов» могло быть включено и стихотворение «Одинокий лицедей», начатое писанием предположительно осенью 1921 года и, по мнению современных комментаторов, связанное с известием о казни Гумилева (Хлебников 2001: 562) — Ахматова читала его Лидии Чуковской в октябре 1940 года (Чуковская 1997а: 214), вместе с «Отказом» (Хлебников 1931: 297), предложив самой прочесть, видимо, «Ручей с холодной водой...» (Хлебников 1931: 135–137), а не стихотворение, атрибутированное в цитируемом издании Л. Чуковской, сказав: «Это все увидено как бы в первый раз, первоначально. Поэты знают, до чего это трудно: писать, как говорит Борис Леонидович [Пастернак], “без поэтической грязи”...» (Чуковская 1997а: 214); об этом чтении Хлебникова Ахматова спустя пять лет говорила Исае Берлину: «Недавно она перечитала Велимира Хлебникова — безумные, но прекрасные стихи» (Берлин 1991: 455).

Одинокий лицедей
 И пока над Царским Селом
 Лилось пенье и слезы Ахматовой
 Я, моток волшебницы разматывая,
 Как сонный труп, влачился по пустыне,
 Где умирала невозможность,
 Усталый лицедей,
 Шагая напролом.
 А между тем курчавое чело
 Подземного быка в пещерах темных
 Кроваво чавкало и кушало людей
 В дыму угроз нескромных.
 И волей месяца окутан,
 Как в сонный плащ, вечерний странник
 Во сне над пропастями прыгал
 И шел с утеса на утес.

Слепой, я шел, пока
 Меня свободы ветер двигал
 И бил косым дождем.
 И бычью голову я снял с могучих мяс и кости
 И у стены поставил.
 Как воин истины я ею потрясал над миром:
 Смотрите, вот она!
 Вот то курчавое чело, которому пылали раньше толпы!
 И с ужасом
 Я понял, что я никем не видим,
 Что нужно сеять очи,
 Что должен сеятель очей идти!

(Хлебников 1931: 307)

«“Я” выступает одновременно в ролях Тезея, “разматывающего моток” волшебницы Ахматовой-Ариадны, и лирического субъекта пушкинского Пророка (строчка “Как сонный труп влачился по пустыне” контаминирует пушкинское “В пустыне мрачной я влачился” и “Как труп, в пустыне я лежал”»)» (Йованович 1991: 428). Читательская рецепция может увидеть оппозицию пушкиномании Ахматовой и пушкиноборчества Хлебникова (Vгоop 1989: 159; гипотеза В. Я. Мордерер; Баран 1993: 156); «Мотивный состав стихов 1–4 на первый план выдвигает категорию “романтического поэта”, а уже — наследника Пушкина, и строит два параллельных современных отношения к этой традиции. Упоминание Царского Села и без пушкинских реминисценции ассоциируется с представлениями о ‘поэзии сердца и воображения’. Стих же второй — “Лилось пенье и слезы Ахматовой” — редуцирует эти представления до круга элегического начала, т. е. чистой, воспевающей, медитативной, меланхолической и интимной лирики. “Ахматова” в этом контексте звучит как певец Царского Села и как соответствие Музы (ср. ее именование “Музой плача” у Цветаевой в стихотворении “О муза плача, прекраснейшая из муз!..” из цикла 1916 года “Ахматовой”). При этом как “наследник Пушкина” Ахматова оказывается тут реализацией пушкинских слов “Над вымыслом слезами обольюсь” и этим самым превращается в их референт, совпадающий в данном случае с лирическим, субъектом, стихотворения “Элегия”, а в пределе и с самим Пушкиным» (Фарино 1988: 40); «Идентифицируя Ахматову с ее хорошо известным личным мифом, «Одинокий лицедей» трактует скорбь (которая в 1921 г. могла означать скорбь по недавно погибшему Гумилеву), как ритуальную сущность акмеизма. Стихотворение сопоставляет акмеистский культ феминизированной, цивилизованной скорби с альтер-нативной мифопоэтикой, которой в дальнейшем будет следовать лирический герой. Полемика Хлебникова с акмеизмом, тем самым, перекликается с известным выпадом Кюхельбекера в 1824 году против жанра романтической элегии с присущими ей жалобным тоном и недостаточным социальным содержанием» (Рам 2002: 170).

Январем 1961 года в записной книжке датированы строфы для внесения в корпус *Поэмы без героя*:

Лирическое отступление
 За заставой воеет шарманка,
 Водят мишку, пляшет цыганка,
 Матерится мастеровой,
 Паровик идет до Скорбящей,
 И гудочек его щемящий
 Откликается над Невой.
 В черном ветре злоба и воля,
 Тут уже до Горячего Поля,
 Вероятно, рукой подать.
 Тут мой голос смолкает вещей,
 Тут еще чудеса похлеще,
 Но уйдем — мне некогда ждать.

Помета Ахматовой: «Не надо»; другая помета: «Попытки заземлить поэму» (С. 57–58); «(Неудачная попытка заземления)» (С. 591). Эти пометы спустя полгода развернуты в кусок «прозы о Поэме», который в цитируемом издании представлен следующим образом:

«Попытка заземлить ее (по совету покойного Галкина) кончилась полной неудачей. Она категорически отказалась идти в предместья. Ни цыганки на заплеванной мостовой, ни паровика, идущего до Скорбящей, ни о Хлебни<кове?>, ни Горячего Поля [Хлебн] она не хочет ничего этого...» (С. 138).

В одной из предыдущих публикаций этого фрагмента оговаривалась текстологическая сложность воспроизведения:

«Ни цыганки на заплеванной мостовой, ни паровика, идущего до Скорбящей, ни Горячего Поля [карандашом вписано: ни о Хлебникове], — она не хочет ничего этого» (Виленкин 1928: 235).

В наиболее скрупулезной публикации этот фрагмент оговорен справкой:

«Ни цыганки на заплеванной мостовой, ни паровика, идущего до Скорбящей, ни о Хлеб<никове?>, ни Горячего Поля. *До внесения исправлений текст выглядел так:* Ни цыганка на заплеванной мостовой, ни паровик, идущий до Скорбящей, ни Горячее Поле, Хлебн.» (Ахматова 2009: 1132).

Учитывая возможность описки, неполную разборчивость и неполную согласованность при внесении карандашной вставки, я предложил следующую эмендацию: «ни с Хлебниковым на Горячее поле» (Ахматова 1989b: 305). Продолжение записи: «она не пошла на смертный мост с Маяковским» (С. 138).

Футуристический дуумвират Маяковского и Хлебникова в 1930-е годы в квартире Пунина был ежедневно буквально перед глазами Ахматовой. Руфь Зернова вспоминала свой визит 1936 года: «А над тахтой, где сидела Ахматова <...> были две картинки: на одной какие-то нарядные бабы, на другой — длинное, некрасивое мужское лицо. Про лицо Анна Андреевна сказала, что это портрет Хлебникова работы Маяковского, а про баб — что это Судейкин. Имя Судейкина тогда мне ничего не говорило,

но Маяковский, да и Хлебников — ого! Она небрежно сказала: Маяковский подарил» (Зернова 1992: 26). Портрет впервые воспроизведен: (Маяковский 1932: 57); ср.: «Рисунок Маяковского, хранящийся в собрании Н. Н. Пунина» (Литературное наследство: 143). По справке А. Е. Парниса, «Маяковский вряд ли его мог подарить Пунину. Он его ревновал к Лиле Брик. Могла сама Лиля подарить его Пунину, когда у них был роман». Близнечество антиподов-футуристов проявляется в реминисцентном строе стихотворения «Маяковский в 1940 году» «Я тебя в твоей не знала славе...»), где в первом его варианте —

И еще не слышанное имя
Бабочкой летало над толпой,
Чтобы вдруг под взорами твоими
Превратиться в восхищенный вой —

концовка отсылала разом и к Маяковскому («Все вы на бабочку поэтиного сердца. взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош» из стихотворения «Нате») и к монологу Зангези:

Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника/

(Хлебников 1931: 324)

Ср. усиление этой метафоричности под пером другого писателя: «Почерк Хлебникова был действительно похож на пыльцу, которой осыпается бабочка» (Тынянов 1928: 23), при том, что все читатели этого поколения, вероятно, опознавали претекст — «Бабочку» К. Бальмонта: «Залетевшая в комнату бабочка бьется// О прозрачные стекла воздушными крыльями...» (Бальмонт 1990: 91).

В отвергнутом «Лирическом отступлении» Ахматова говорит скорее о Горячем поле за Невской заставой, а не о другом, у Московской заставы (Вербловская 2002: 25), но главное — о поэме Хлебникова *Прачка (Горячее поле)*, описывающей яростный бунт бродяг, живущих в гниющем, дымящемся конском навозе, откуда «с головней крадется злоба/ поджечь высоких замков надменную речь» (Хлебников 1931: 245), распевая гимн Воле:

Толп несите налет и нажим
С Горячего поля!
Жарко ждут ножи.
Они зеркало воли. <...>
Мы всё ломаем! <...>
Идем — Мамаем,
Поем — Мамаем!
Слушайте, люди Горячего поля -
Здесь ведь живет девушка Воля,
Наша красивая доля. <...>

(Хлебников 1931: 234, 242)

Вещий голос рассказчицы, провидящей в 1913 году разгул злобы спустя пятилетие, произносит слова тревожного знамения, предшествовавшего гибели Иерусалимского храма:

«...в праздник пятидесятницы, священники, как они уверяли, войдя ночью, по обычаю служения, во внутренний притвор, услышали сначала как бы суету и шум, после чего раздалось множество голосов: «давайте, уйдем отсюда!»» (Флавий 1900: 472–473) —

этот эпизод в 1918 году реминисцировался в ахматовском стихотворении «Когда в тоске самоубийства...».

Сцены восстания масс в *Прачке* напоминали Ахматовой ее послеоктябрьские впечатления: «В конце 1917 года А. А. ехала по стрелке Васильевского острова с Мандельштамом, видела коричневые глыбы замерзшего коньяка и чувствовала сильный коньячный запах. По распоряжению правительства были уничтожены винные склады» (Будыко 1995: 373). Ср. сцену винного погрома у Хлебникова:

Добрые, хорошие красавчики,
Сложим все винтовки,
Разобьем мерзавчики,
Белые головки.
На пустой бочонок,
Бочонок от вина,
Созовем девчонок
Целовать спьяна!
Ой, девчоночки, ухнем!
Ай, красоточки, ахнем!
Ой, молодушки, охнем!
Охала, ухала, ахала! -
Ходим мы и сохнем,
Да огнем всполохнем
По незримому врагу.
Эй, девчата, ни гу-гу!
Это уж четвертый погреб,
Мы, как рыбы, в винах тонем.

(Хлебников 1931: 257)

В приведенном фрагменте, как и во многих других частях поэмы (особенно, «частушечных») очевидно влияние *Двенадцати* Блока, давно отмеченное читателями (Бунин 1986: 126) и литературоведами (Тренин, Харджиев 1933: 150; Марков 1962: 175), в частности, мотив «злобы»:

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Поэтому должны перекликаться и ассоциативные мемуарные ореолы обеих поэм. Ср. запись разговора с Ахматовой в 1960-е: «Я спросил: Вам нравится “Двенадцать”?»

Поежилась:

— Похоже. Тогда было хуже, чем в тридцать седьмом году. Матросики ходили по квартирам и убивали» (Сергеев 1997: 376).

Можно предположить проекцию впечатлений от поэмы *Настоящее* (куда в переработанном виде вошла *Прачка*) на ахматовские воспоминания о февральской революции. У Хлебникова поэма строится на противостоянии Прачки и Великого Князя, который есть «самый верхний лист/ на дереве царей», которому «клич “царей долой”/ палит и жжет <...> совесть» и который восклицает: «Народ нас создал, возвеличил./ Что ж, приходи казнить, народ!» (Хлебников: 261–262). По предположению Владимира Маркова, прототипом этого персонажа мог быть лиричный поэт К. Р. (Markov 1962: 227), но Ахматова могла увидеть в линии этого носителя воспаленной сословной совести памятные ей реалии и видения 1917 года:

«Великие князья, по очереди, спешили засвидетельствовать свое почтение перед революцией. Командир Флотского Гвардейского Экипажа В. К. Кирилл Владимирович сам привел свой экипаж в Думу для присяги Временному Правительству. В. к. Николай Михайлович носился по городу в штатском платье и имел сияющий вид. Окончательно олиберализованные тем временем газеты беспощадно хлестали «лежачего», отрекшегося Царя, выливая на него и на его семью ушатy грязи, перетряхивая всю распутиновщину и сдабривая ее пикантною ложью. Иначе, как на “демократической республике” никто уже не хотел мириться.

“Великая” разыгралась вовсю. Запах крови, аромат пожарищ и падали убитых лошадей уже давал себя всюду чувствовать, вместе с плевками лукаемых бродячими солдатами семячек, в ожидании спасительного Учредительного Собрания» (Карабчевский 1921: 118).

Ср.: «В эти дни Февральской революции АА бродила по городу одна («убегала из дому»). Видела манифестации, пожар охранки, видела, как кн. Кирилл Владимирович водил присягать полк к Думе» (Лукницкий 1991: 96).

В личный мир императорского кузена, изменившего присяге, читатели газет были введены откровенным интервью:

«Кирилл Владимирович нервно ходит по мягкому красному ковру, курит папиросу за папиросой и бросает отрывистые фразы:

— Приезжай он немного раньше в Петроград, и он имел бы министерство, лучше которого нельзя и представить себе.

— Керенский ...молодой, но очень талантливый человек.

Виктория Федоровна [Виктория Мелита Саксен-Кобург-Готская, — дочь герцога Саксен-Кобург-Готского и Эдинбургского, и великой княжны Марии Александровны] разделяет радость мужа:

— Приятно говорить то, что думаешь.

Кирилл Владимирович доволен:

— Теперь-то я уж свободен и могу спокойно говорить по телефону. А раньше — прерывали каждую минуту. Мы ведь жили чуть ли не под гласным надзором полиции.

Сегодня Кирилл Владимирович — господин адмирал, свободный гражданин России.

Вчера — великий князь, но политически неблагонадежный и потому числящийся за охранным отделением.

Красный флаг развивается и над его дворцом» (Севский).

В либретто балета «1913 год» среди «оживших портретов» — «Велимир I» (С. 174) — «рисун<ки> Митурича» (С. 191) — называются опубликованные впервые в журнале *Русское искусство* (1923, № 2–3) рисунки Петра Митурича «Велимир в бессознании» и «Велимир на смертном одре», но, может быть, также и отвергнутый тогда издателем и возвращенный Н. Н. Пунину и у того хранившийся рисунок «Велимир в тулупчике у калитки школы» (опубл. впервые: Пунин 2000) — см. о них: Митурич: 281–282, 287–290. «Подписано: *Король времени Велимир I-ый*» — самоименование в хлебниковском манифесте «Труба марсиан» (Хлебников 1933: 153), который воспринимался как путеводный завет Н. Н. Пуниным, спутником жизни Ахматовой в 1920–30-е годы: «“Трубой марсиан” Хлебникова впервые набросано лицо нашего времени, такое, каким оно должно быть, каким оно будет, когда время уляжется в пространстве, как бут в землю»; «“Труба марсиан” была нашей последней встречей с футуризмом, в последний раз проголосовали мы «за изобретение» в честь Хлебникова. Хлебников — это ствол века, мы прорастали на нем ветвями»; «Время! Мы его чувствовали тогда хорошо. “Трубой марсиан” был наполнен наш шестнадцатый год»; «мы мыслили автономное от государства искусство, может быть даже диктатуру искусства над государством. К этой мысли приучила нас “Труба марсиан”, вообще хлебниковская концепция “государства времени”» (Пунин 2018: 39, 92, 102, 145). Тема «Хлебникова» проходила во взаимоотношениях Пунина и Ахматовой и зафиксирована в его торжественном письме к ней 1942 года: «В вагоне, когда я заболел, мне почему-то вспомнился Хлебников, и я воспринимал его, как самый чистый звук, самый чистый голос моего времени, и как синтез этого времени, по отношению к которому Маяковский что-то одностороннее, частный случай. Вы — не частный случай, но почему-то я не мог соотнести Вас с Хлебниковым, и это до сих пор мне не понятно» (Пунин 2000: 213).

О возможном присутствии Хлебникова в ассоциативных слоях *Поэмы* свидетельствует включение его имени среди «присутствующих отсутствующих» в (обширный, впрочем) список славных современников: «и пришедший, как в «Собаку» — Велимир I» (С. 207). Приходы Хлебникова в кабаре «Бродячая собака», по-видимому, несмотря на припоминание Виктора Шкловского — «я думаю, был два раза» (Шкловский 1990: 428) — случались чаще (Парнис, Тименчик 1985: 167–168; Соболев 2013: 217–240; Мейлах 2018: 457–466). «Собачье» выступление его в окарикатуренном виде изображено в романе 1916 года (Чулков 2017: 56).

Совместное пребывание двух поэтов в подвале запечатлелось в мемуарной формуле — «Здесь шептал стихи Хлебников. Во второй комнате, там, где нет камина, в черном платье сидела Анна Андреевна Ахматова. Все это очень точно ею описано: Все мы бражники здесь, блудницы...» (Шкловский

1940: 69), — и оно (на «Вечере лирики» 26 января 1914 г.) зафиксировано газетным очерком (не отраженном в: Парнис, Тименчик):

«Но вот всё стихло для того, чтобы послушать поэтессу. Анна Ахматова — мадонна акмеистов — декламировала свои стихи. Кажется, уже самой школы акмеистов не существует; она оказалась одной из тех выдумок-однодневок, которые рождаются на гнилых болотах петербургской литературщины и существуют только до выхода в свет новой книжки снобствующего журнала.

Но, спасибо акмеизму за то, что с ним, по какому-то капризу судьбы, связала свое имя такая даровитая поэтесса, как Анна Ахматова, в которой, конечно, нет ничего акмеистического — ибо нет в природе никакого акмеизма, — но очень много истинно-поэтического чувства и художественного дарования.

Стихи Ахматовой — прелестны и читает она их — красиво; выступление поэтессы было самым <большим событ>ием в подвале «Бродячей собаки».

Было уже шесть часов утра, когда кабарэ совсем почти опустело, и я очутился в обществе одних футуристов: Хлебникова, — превознесенного русским будущниками превыше самого Пушкина, Бенедикта Лившица и Василиска Гнедова. Последний мне дал свою визитную карточку, которую я храню, как некий раритет, — клочок лилового картона вроде входного билета в бани или цирк, и на нем начертано: Василиск Гнедов. Сама поэзия.

Потом мне говорили, что он — бывший шофер, а может быть и сейчас еще правит чьим-нибудь мотором. Тем не менее, его когда-то заметил сам Сологуб и проникся к нему уважением за то, что В. Гнедов возродил слово... «приземистые» в применении ко всем тем, кто лишен способности почувствовать восходящее солнце будущей поэзии.

Разговоры у футуристов всё больше домашнего, низменного свойства, а злоба дня этого маленького муравейника, — та, что Сологуб поссорился с Игорем Северяниным где-то в провинции на гастролях из-за каких-то пустых мелочей, и поэтому в третьем издании книги стихов Северянина «Громокипящий кубок», Сологуб уже запретил поместить свое известное рекомендательное предисловие, начинающееся словами: «Люблю грозу в начале мая».

Впрочем, из беседы с футуристами можно было извлечь несколько не лишенных интереса наблюдений, но об них как-нибудь в другой раз» (Саддукей <Кара-Мурза С. Г.>); другого раза, как представляется не последовало).

Напомним, что, по меньшей мере единожды, Хлебников посетил и «Цех поэтов» в том же январе 1914 г. (Тименчик 1973), и хотя в списке членов Цеха в записных книжках он не представлен (С. 447), он попал в вариант списка в воспоминаниях о Мандельштаме (Ахматова 2005: 106). Тогда же намечалась публикация хлебниковского стихотворения «Что ты робишь, печенеже...» в № 8 *Гиперборея* (Архив М. Л. Лозинского), но после появления подписанного Хлебниковым манифеста «Идите к черту» с выпадом против акмеистов публикация была отменена. Возможно, в одном из этих мест происходили разговоры Ахматовой с Хлебниковым: Владимир Вейдле, несколько раз встречавшийся с Ахматовой в 1924 году, вспоминал ее слова: «клинический сумасшедший, но бывал гениален в стихах,

в беседе» (Богомоллов 2005: 155); «Про этику, про моральное напряжение говорил мне когда-то Хлебников обо мне...вы подумайте: Хлебников обо мне!» (Чуковская 1997а: 205).

В ахматовской концепции творчества Хлебникова оно делилось на две разнокачественные части: «Маяковский до революции писал хорошо, а после плохо. А Хлебников наоборот» (Самойлов 1995: 383); 21 сентября 1959 г.: «А вообще Маяковский силен и велик только до революции. Божественный юноша, явившийся неизвестно откуда. С Хлебниковым же как раз наоборот: он писал плохо *до* и прекрасно — *после*» (Чуковская 1997b: 363); видимо, в беседе со Львом Озеровым шла речь об этом же противопоставлении, которое было неудобно оглашать в печати: «Говоря о Пушкине, Ахматова касается судьбы всей русской поэзии. <...> От Онегина постепенный переход к судьбе русской поэмы в XIX и XX веках, о раннем Маяковской, о позднем Хлебникове» (Озеров).

В 1936 году С. Б. Рудаков записал: «Ей нравится револ<юционный> Хлебников» (Рудаков 1997: 142); «Маяковский раскрылся еще до революции, даже до войны. Хлебникова мы узнали позже...» (Бабаев 1991: 411); «— Я очень люблю Хлебникова,— продолжала она, — но не во все периоды его. У него ведь много периодов, не то, что у Пастернака. Я терпеть не могу раннего Хлебникова, славянского. Вы Ремизова любите? Нет? Я тоже. Что за безвкусица, что за чепуха! Я как прочту “Лель” — так мне тошно станет. Какой Лель, откуда? Вот и у Хлебникова есть период Леля, который я не люблю» (Чуковская 1997а: 214–215). «Период Леля» — то, что Ахматова называла «Башенная» (т. е. навеянная проповедями и стилистикой Вячеслава Иванова) «Русь» — «языческая», один раз с опiskой «доязыческая». Здесь Ахматова корректировала давнее утверждение о своей литературной генеалогии (см.: Тименчик 2021), принадлежавшее Евгению Аничкову: «настоящее поэтическое ученичество проходили под руководством Вячеслава Иванова не только Мандельштам и Анна Ахматова, но еще и Хлебников» (Аничков 1923: 48):

«Языческая Русь
начала XX века
Н. Рерих.
Лядов. Стравинский.
С. Городецкий («Ярь»...)
Ал<ексей> Толстой («За синими реками»)
Вел<имир> Хлебников.
Я к этим игрищам опоздала». (С. 70)

«(“Башня” Вяч<еслава> Иванова). <...> Языческая Русь (Городецкий, Стравинский “Весна священная”, Толстой, ранний Хлебников)» (С. 87).

«Велимир I, Маяковский на мосту, видно, как Городецкий, Есенин, Клюев, Клычков пляшут “русскую”, там “башня” Вяч<еслава> Иванова» (С. 174).

«Тут можно дать так давно рвущуюся — царскосельскую античность и открытую мною доязыческую <sic!> Русь (в музыке, живописи — Рерих и поэзии — Хлебников, “Ярь” и т. д.)» (С. 175).

О близости Хлебникова и Городецкого см.: «В отличие от символистов, переносивших на русскую почву культуру западного символизма и вообще иностранной литературы, Хлебников обращается к национальным истокам. В своем обращении к “славянщизне”, фольклору и древним памятникам он во многом перекликается с теми символистами, которые, как Ремизов, Вяч. Иванов и Бальмонт, также ориентировались на эти источники.

С другой стороны, “примитивизм” Хлебникова встречается с “адамизмом” акмеистов, в особенности с “языческими” стихами С. Городецкого. Любопытно, что сам Хлебников на экземпляре 2-го “Садка Судей”, поднесенном Городецкому, написал: “Одно лето носивший за пазухой ‘Ярь’, любящий и благодарный Хлебников”» (Степанов 1928: 46). Сам Сергей Городецкий писал о роли Вячеслава Иванова для «новокрестьянской» поэзии:

«...пропасть между литературным и деревенским языком была засыпана именно книгами Вячеслава Иванова. <...> Работа пишущего эти строки началом своим примыкает именно к поэзии Вячеслава Иванова, и таким образом мои друзья из деревни, с севера, с Волги, с Рязани, Клюев, Есенин, Ширяевец, Клычков, Верхоустинский, которые пожали посеянное Вячеславом Ивановым, являются литературными внуками этого великого русского поэта» (Городецкий).

Как отметил В. Марков, «связь Хлебникова с Вяч. Ивановым заслуживает подробного обследования»; он сослался при этом на высказывание Мандельштама: «Вячеслав Иванов более народен и в будущем более доступен, чем все другие русские символисты. <...>. Ощущение прошлого как будущего роднит его с Хлебниковым», перечислял сходные замечания Ц. С. Вольпе, В. А. Гофмана, И. С. Поступальского (Markov 1962: 213–214; см. также: Парнис 1992: 39–45). О соседствующем Алексее Толстом см. наблюдение Н. И. Харджиева: «Стихи А. Н. Толстого, написанные в 1909–1910 гг. и вошедшие в его сборник *За синими реками* (М., 1911), перекликаются с ранними произведениями Хлебникова (фольклорный стиль, ономимические рифмы, образы «славянской» мифологии, национально-историческая тематика). См. особенно “Лешак”, “Лесная дева”, “Обры”, “Мавка”, “Фавн” и др.» (Хлебников 1940: 424)

В первых редакциях *Поэмы без героя* Хлебников присутствовал в эпиграфе двумя строчками из стихотворения 1915 года «Где волк воскликнул кровью...» (Баталов: 103–110), ценимыми Федором Сологубом (Адамович) и Ольгой Судейкиной и проиллюстрированными впоследствии параллельным монтажем в «Конце Санкт-Петербурга» В. Пудовкина. Вглядываясь в свое собственное творение, Ахматова сформулировала: «Моя поэма стоит между символистами <...> и футуристами — Хлебниковым и Маяковским с их “самовитым словом”» (Максимов: 152), и впоследствии искала

подтверждающих переключек, например, в предназначенных для *Поэмы* и толкующих о самой *Поэме* строчках:

Это бунт вещей.
 Это сам Кощей
 На расписанный сел сундук» (С. 88),

отсылающих, возможно, к «Журавлю» Хлебникова:

Злей не был и кощей,
 Чем будет, может быть, восстание вещей.
 Зачем же вещи мы балуем?

(Хлебников 1928: 78).

См. наши заметки «Кощей бессмертный» (Тименчик 208b: 209–210), «Это бунт вещей...» (Тименчик 2006: 460–461).

Число хлебниковских «мельканий» — «Как в толпе на заднем плане мелькают какие-то полужнакомые лица» (С. 144) — в *Поэме* можно без труда умножить, скажем, он один из прототипов персонажа, наряженного Иоканааном (С. 133, 186, 188): «всклоченная голова Иоанна Крестителя, в шкуре через плечо, — лицо блаженное и косматое» (Вечорка 1925: 21).

О возможных отражениях образа Хлебникова и мотивов его поэзии в «Подвале памяти» и *Поэме без героя* впервые см. Тименчик 1970: 42–45, Тименчик 1971: 278–280. О реакции Л. К. Чуковской на эти публикации см.: «Тема “Ахматова и Блок” — нечто органичное, естественное, подсказываемое самой поэзией. Ахматова и Хлебников — это в своем роде “Тургенев и тигры”. А. А. ценила и любила Хлебникова. Она взяла (временно) 2 эпиграфа из его стихов — один к “Поэме”, другой к “Подвалу памяти”. И от обоих постепенно отказалась. Ну и что? Ну и ничего. Не терплю наблюдений ради наблюдений» (Чуковская, Жирмунский 2016: 454–455).

См. также: Парнис 1989; Ильёв: 151. Lönnqvist: 110.

«Хлебниковские подтексты в творчестве Ахматовой довольно многочисленны» (Богомолов: 39). Иные отведены уже как случайные совпадения, напр., «Это Русь пошла на восток» в *Зангези* и «Россия <...> В это время шла на Восток» в эпилоге *Поэмы без героя* (Аникин 2011: 51). Некоторые еще нуждаются в обсуждении, например, «Пили допоздна водку» в «Царскосельской оде» (Ахматова 1963: 66) и «Царское Село»:

Где выходили цари,
 Чтоб выть зимой
 Над крышами дворцов,
 Подняв головы к звездам,
 И ползал царский полк, как волки,
 Вслед за венценосным вождем
 На четвереньках по площади —
 Любимый полк царя,
 Которому водка
 Не была лекарством от скуки.

(Хлебников 1933: 69)

«Любимым полком», возможно, назван Лейб-гвардии Его величества кирасирский полк — ср. в первом варианте финала «Царскосельской оды»:

Ворон криком прославил
Этот царственный мир,
И на розвальнях правил
Великан-кирасир.

(Ахматова 1996: 142),

где речь идет скорее всего об Александре III. Память об этом хлебниковском наброске с нагнетанием однокоренных слов «царское», «цари», «царский», «царя» видится в первом варианте ахматовской оды, забракованном поэтом и химиком (Рейн 1997: 68):

Пили царскую водку
Заеда кутьей.

(Ахматова 1996: 143)

Представляется, что из «революционного Хлебникова» Ахматова выделила еще поэму *Ночной обыск*, образы и мотивы которой отразились в «ночных видениях» поэмы *Путем вся земля*. Один пример опознания ею близкого семантического сгустка приводит Галина Козловская:

«Алексей Федорович [Козловский] любил порой огоршить Ахматову неведомой ей строкой, образом или стихом, и она, как гончая, вдруг насто-раживала ушки и переспрашивала: “Что? Что?” И хоть она не полюбила Хлебникова и не приняла, она иногда не могла побороть свое восхищение. Помню, как однажды Алексей Федорович вышел к нам с томиком Хлебникова в руках. И вдруг прочел, что на Кавказе орлы, парящие в небе, это “Лермонтова медленные брови”. Я просто задохнулась. Взглянув на Анну Андреевну, я увидела одно из ее выражений, которое я так любила. Почти по-детски поднялась верхняя губка, а глаза стали голубыми» (Козловская: 386–387, цитата — из стихотворения Хлебникова «На родине красивой смерти — Машуке...»: «...Когда полет орла напишет над утесом / Большие медленные брови. / С тех пор то небо серое — / Как темные глаза» Хлебников 1931: 182). Ср. ахматовские мотивы: «“Онегина” воздушная громада, / Как облако, стояла надо мной» (С. 154), о Кисловодске: «И расскажет ветер блаженный то, что Лермонтов не допел» (С. 559).

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович Георгий. «Хлебников». *Последние новости* 6 февраля 1936.
Аникин Александр. *Иннокентий Анненский и его отражения: Материалы. Статьи*. Москва: Языки Славянской культуры, 2011.
Аничков Евгений. *Новая русская поэзия*. Берлин: Издательство И. П. Ладыжникова, 1923.
Ахматова Анна. «Царскосельская ода (Девяностые годы)». *Новый мир* 1 (1963).
Ахматова Анна. а. *Десять лет*. Послесловие Р. Д. Тименчика, сост. и примеч. Р. Д. Тименчика и К. М. Поливанова. Москва: Изд-во МПИ, 1989.
Ахматова Анна. б. *Поэма без героя*. Вступ. ст. Р. Д. Тименчика; сост. и примеч. Р. Д. Тименчика при участ. В. Я. Мордерер. Москва: Изд-во МПИ, 1989.

- Ахматова Анна. *Записные книжки (1958–1966)*. Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. Москва — Torino: Einaudi, 1996.
- Ахматова Анна. *Победа над Судьбой*. В 2 т. Сост., подгот. текстов, предисл., примеч. Н. Крайневой. Т. 1: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. Москва: Русский путь, 2005.
- Ахматова Анна. «Я не такой тебя когда-то знала...» Анна Ахматова. *Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: Материалы к творческой истории*. Издание подготовила Н. И. Крайнева. Санкт-Петербург: Изд. дом «Миръ», 2009.
- Бабаев Эдуард «На улице Жуковской...». *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комм. А. В. Курт и К. М. Поливанова. Москва: Советский писатель, 1991.
- Бабаев Эдуард. «А. А. Ахматова в письмах к Н. И. Харджиеву (1930–1969)». *Ахматовские чтения*. Вып. 2. Тайны ремесла. Москва: Наследие, 1992.
- Бальмонт Константин. *Горящие здания. Лирика современной души*. Москва: Скорпион, 1900.
- Баран Хенрик. *Поэтика русской литературы начала XX в.* Авториз. пер. с англ. Предисл. Н. В. Котрелева. Москва: Прогресс-Универс, 1993.
- Баталов Дмитрий. «“Гастрономическая” метафора смерти в гиньольном сюжете “Поэмы без героя” Анны Ахматовой», *Вестник Удмуртского Университета. Серия История и филология* 26/ 6 (2016).
- Берлин Исайя. «Из воспоминаний “Встречи с русскими писателями”». *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комм. А. В. Курт и К. М. Поливанова. Москва: Советский писатель, 1991.
- Богомолов Николай. «Таким я вижу облик Ваш и взгляд». *Литературное обозрение* 5 (1989).
- Богомолов Николай. «Проект “Акмеизм”». Вст. ст., подгот. текста и комм. Н. А. Богомолова. *Новое литературное обозрение* 58 (2002).
- Будыко Михаил. *Заадки истории. Сборник эссе*. Санкт-Петербург: Наука, 1995.
- Бунин Иван. *Под серпом и молотом. Сборник рассказов и воспоминаний*: London — Ontario — Canada: Zaria Publ., 1986.
- Вербловская Ирэна. *Горькой любовью любимый: Петербург Анны Ахматовой*. Санкт-Петербург: Издательство «Журнал “Нева”», 2002.
- Вечорка Татьяна. *Воспоминания о Хлебникове. Записная книжка Велимира Хлебникова*. Собрал и снабдил примечаниями А. Крученых. Москва: Изд. Всерос. союза поэтов, 1925.
- Виленкин Виталий. *В сто первом зеркале*. Москва: Советский писатель, 1987.
- Воздушные пути*. Альманах III. Редактор-издатель Р. Н. Гринберг. Нью-Йорк. 1963.
- Глёткин Георгий. «Что мне дано было...». *Об Анне Ахматовой*. Москва: ИЦ «Азбуковник», 2015.
- Городецкий Сергей. «Поэты из деревни». *Кавказское слово* 29 сентября 1917.
- Гумилев Николай. «Письма о русской поэзии». *Аполлон* 5 (1911).
- Зернова Руфь. «Иная реальность». *Ахматовские чтения*. Вып. 3. Свою меж вас ещё оставив тень... Москва: Наследие, 1992.
- Иванов Вячеслав. «Беседы с Анной Ахматовой». *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комм. А. В. Курт и К. М. Поливанова. Москва: Советский писатель, 1991.
- Ильев Степан. «“Петербургские повести” Андрея Белого и Анны Ахматовой (“Петербург” — “Поэма без героя”». *Ахматовские чтения*. Вып. 1. Царственное слово. Москва: Наследие, 1992.
- Йованович Миливое. «Некоторые проблемы поэтики жанров в поэзии Хлебникова, его предшественников и его последователей (“прощальные стихи”». *Genologické studie* I. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 1991: 424–434.
- Каменский Василий. *Путь энтузиаста*. Москва: Федерация, 1931.
- Карабчевский Николай. *Что глаза мои видели*. Том II. Революция и Россия. Берлин: Ольга Дьякова. 1921.

- Козловская Галина. «Мангалочий дворик...». *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комм. А. В. Курт и К. М. Поливанова. Москва: Советский писатель, 1991.
- Литературное наследство*. Том 2. Москва: Жур.-газ. объединение, 1932.
- Лукницкий Павел. *Аcutiana. Встречи с Анной Ахматовой*. Т. 1. 1924–1925 годы. Париж: YMCA-Press, 1991.
- Лукницкий Павел. *Встречи с Анной Ахматовой*. Т. 2: 1926–1927. Париж: YMCA-Press; Москва: Русский путь, 1997.
- Максимов Дмитрий. «Несколько слов о “Поэме без героя”». *А. Блок и его окружение: Блоковский сборник*. VI. Тарту: Тартуский государственный университет, 1985.
- Маяковский Владимир [Маяковский-художник]*. Ред. В. Катаньян; вступ. статья О. М. Брик. Москва: Госиздат, [1932].
- Мейлах Михаил. «Ахматова — “турчанка обморока”. Пример ирано-славянской грамматической интерференции в поэтическом языке Хлебникова». Мейлах М. Б. *Поэзия и миф. Избранные статьи*. 2-е изд. Москва: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018.
- Митурич Сергей. «Новгородские рисунки Петра Митурича». *Велимир Хлебников и русский авангард*. Москва: Азбуковник, 2015.
- Найман Анатолий. *Рассказы о Анне Ахматовой*. Москва: Художественная литература, 1989.
- Налегач Наталья. «В. Хлебников и И. Анненский: Возможные точки соприкосновения в области поэтического слова». *Велимир Хлебников и русский авангард*. Москва: Азбуковник, 2015.
- Обухова Ольга. «Анна Ахматова о зауми». *Заумный футуризм и дадаизм. в русской культуре*. Под редакцией. Луиджи Магаротто, Марцио Марцадури, Даниелы Рицци. Bern [etc.]: Peter Lang, 1991.
- Озеров Лев. «Мелодика. Пластика. Мысль». *Литературная Россия* 21 августа 1964.
- Парнис Александр, Тименчик Роман. «Программы “Бродячей собаки”». *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983*. Ленинград: Наука, 1985.
- Парнис Александр. «Хлебников — протагонист “Поэмы без героя”». *Русская мысль* 23 июня 1989. (Литературное приложение. № 8.)
- Парнис Александр. «Вячеслав Иванов и Хлебников: К проблеме диалога и о нищевском подтексте “Зверинца”». *De visu* 0 (1992).
- Парнис Александр. «О метаморфозах мавы, оленя и воина. К проблеме диалога Хлебникова и Филонова». *Мир Велимира Хлебникова. Статьи. Исследования (1911–1998)*. Сост.: Вяч. Вс. Иванов, З. С. Паперный, А. Е. Парнис. Москва: Языки русской культуры, 2000.
- Пунин Николай. *Мир светел любовью. Дневники. Письма*. Сост., предисл. и коммент. Л. А. Зыкова. Москва: Артист. Режиссер. Театр, 2000.
- Пунин Николай. *В борьбе за новейшее искусство (Искусство и революция)*. Москва: Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2018.
- Пушкин Андрей. «Мирсконца» (Из архива А. Е. Кручёных: стихи, воспоминания, письма Б. Л. Пастернака). *Встречи с прошлым*. Вып. 7. Москва: Советская Россия, 1990.
- Рам Харша. «Одинокий лицедей». Пер. с англ. Н. Саникидзе. *Литературная Грузия* 1–6 (2002).
- Рейн Евгений. *Мне скучно без Довлатова. Новые сцены из жизни московской богемы. Поэмы и рассказы*. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 1997.
- Рудаков Сергей. «О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936)». Комм. Тоддеса Е. А., Меца А. Г., Ивановой Л. Н., Лекманова О. А. *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год*. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997.
- Саддукей <Кара-Мурза Сергей>. «Бродячая собака». *Московская газета* 3 февраля 1914.
- Самойлов Давид. *Памятные записки*. Москва: Международные отношения, 1995.
- Севский Виктор. [Краснушкин В. А.]. «У Кирилла Владимировича». *Русская воля* 8 марта 1917.
- Сергеев Андрей. *Отпibus. Роман, рассказы, воспоминания*. Москва: Новое литературное обозрение, 1997.

- Соболев Александр. *Летейская библиотека*. Т. II. Москва: Трутень, 2013.
- Степанов Николай. «Творчество Велимира Хлебникова». Хлебников Велимир, *Собрание произведений*. В 5 т. Т. 1. Поэмы. Под общей редакцией Ю. Тынянова и Н. Степанова. Предисловие Ю. Тынянова. Вступительная статья и примечания Н. Степанова, Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1928.
- Тименчик Роман. «К анализу “Поэмы без героя”. 2». *Материалы XXV науч. студ. конференции: Литературоведение. Лингвистика*. Тарту: Тартуский государственный университет, 1970.
- Тименчик Роман. «Несколько примечаний к статье Т. Цивьян». *Труды по знаковым системам*. 5. Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 284. Тарту: Тартуский государственный университет, 1971.
- Тименчик Роман. «Заметки об акмеизме». *Russian Literature* 7–8 (1973).
- Тименчик Роман. «К анализу “Поэмы без героя”. 3. “Это бунт вещей...”». *«Я всем прощение дарю...»*. Ахматовский сборник. Сост. Н. И. Крайнева; под общ. ред. Д. Макфадыена и Н. И. Крайневой. Москва — Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2006.
- Тименчик Роман. *Последний поэт: Ахматова в 60-е*. Изд. 2-е, исправленное и расширенное. В 2 т. Т. 2. Москва: Мосты культуры — Гешарим, 2014.
- Тименчик Роман. «Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой». *Slavica Revalensia* 5 (2018 а).
- Тименчик Роман. «Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой». *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 6 (2018b).
- Тименчик Роман. Вячеслав Иванов у Ахматовой: из Именного указателя к “Записным книжкам”. *Вяч. Иванов в контексте эпохи модернизма*. Под ред. Д. М. Сегала, Н. М. Сегал-Рудник, О. М. Левитан и др. Москва: Водолей, 2021.
- Тренин Владимир, Харджиев Николай. «Ретушированный Хлебников». *Литературный критик* 6 (1933).
- Тынянов Юрий. «О Хлебникове». Хлебников Велимир. *Собрание произведений*. В 5 т. Т. 1. Поэмы. Под общей редакцией Ю. Тынянова и Н. Степанова. Предисловие Ю. Тынянова. Вступительная статья и примечания Н. Степанова. Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1928.
- Фарино Ежи. «Как пророк Пушкина сделался лицедеем Хлебникова». *Studia Russica* XII (1988).
- Флавий Иосиф. *Иудейская война*. Перевод Я. Л. Чертка с введ. и примеч. Санкт-Петербург: Типография Ландау, 1900.
- Хлебников Велимир. *Собрание произведений*. В 5 т. Т. 1. Поэмы. Под общей редакцией Ю. Тынянова и Н. Степанова. Предисловие Ю. Тынянова. Вст. ст. и прим. Н. Степанова, Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1928.
- Хлебников Велимир. *Собрание произведений*. Т. III. Стихотворения 1917–1922. Редакция текста Н. Степанова. [Ленинград]: Издательство писателей в Ленинграде, 1931.
- Хлебников Велимир. *Собрание произведений*. Том V. Под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Стихи, проза, статьи, записная книжка, письма, дневник. Ред. текста Н. Степанова. [Ленинград]: Издательство писателей в Ленинграде, 1933.
- Хлебников Виктор. *Неизданные произведения. Поэмы и стихи*. Ред. и комм. Н. Харджиева. Проза. Ред. и комм. Т. Грица. Москва: ГИХЛ, 1940.
- Хлебников Велимир. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. Стихотворения 1917–1922. Сост., подгот. текста и примеч. Е. Р. Арензона и Р. В. Дуганова. Москва: ИМЛИ РАН — Наследие, 2001.
- Чуковская Лидия. а. *Записки об Анне Ахматовой*. Т. 1: 1938–1941. Москва: Согласие, 1997.
- Чуковская Лидия. б. *Записки об Анне Ахматовой*. Т. 2: 1952–1962. Москва: Согласие, 1997.
- Чуковская Лидия, Жирмунский Виктор. «Из переписки (1966–1970)». Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. Ж. О. Хавкиной. *«Я всем прощение дарю...»*: Ахматовский сборник. Сост. Н. И. Крайнева; под общ. ред. Д. Макфадыена и Н. И. Крайневой. Москва — Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2006.
- Чулков Георгий. *Метель. Роман*. Москва: Северные дни, 1917.
- Шатова Ирина. «Криптографический карнавал Велимира Хлебникова». *Велимир Хлебников и русский авангард*. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 17–19 октября 2013 г. Москва: Азбуковник, 2015.

- Шкловский Виктор. *О Маяковском*. Москва: Советский писатель, 1940.
- Шкловский Виктор. *Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933)*. Сост. А. Ю. Галушкина и А. П. Чудакова; предисл. А. П. Чудакова; коммент. и подгот. текста А. Ю. Галушкин. Москва: Советский писатель, 1990.
- Эренбург Илья. *Стихотворения и поэмы*. Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Б. Я. Фрезинского. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000.
- Lönnqvist Barbara. «Роль маски в русском модернизме: ряженные в “Поэме без героя” Ахматовой». *Studia Slavica Finlandensia* 15 (1998).
- Markov Vladimir. *The Longer Poems of Velimir Khlebnikov*. Berkeley & Los Angeles, 1962
- Vroon Ronald. *Velimir Khlebnikov's Krysa: a commentary*. Stanford Slavic Studies. Vol. 2. Stanford: Stanford University, 1989.

REFERENCES

- Adamovich Georgij. «Hlebnikov». *Poslednie novosti* 6 fevralya 1936.
- Ahmatova Anna. «Carskosel'skaya oda (Devyanostye gody)». *Novyj mir* 1 (1963).
- Ahmatova Anna. a. *Desyatye gody*. Posleslovie R. D. Timenchika, sost. i primech. R. D. Timenchika i K. M. Polivanova. Moskva: Izd-vo MPI, 1989.
- Ahmatova Anna. b. *Poema bez geroya*. Vstup. st. R. D. Timenchika; sost. i primech. R. D. Timenchika pri uchast. V. Ya. Morderer. Moskva: Izd-vo MPI, 1989.
- Ahmatova Anna. *Zapisnye knizhki (1958—1966)*. Sost. i podgot. teksta K. N. Suvorovoj; vstup. st. E. G. Gershtejn; nauch. konsul'tirovanie, vvodnye zametki k zapisnym knizhkam, ukazateli V. A. Chernyh. Moskva — Torino: Einaudi, 1996.
- Ahmatova Anna. *Pobeda nad Sud'boj*. V 2 t. Sost., podgot. tekstov, predisl., primech. N. Krajnevoj. T. 1: Avtobiograficheskaya i memuar'naya proza. Beg vremeni. Poemy. Moskva: Russkij put', 2005.
- Ahmatova Anna. «Ya ne takoj tebya kogda-to znala...» Anna Ahmatova. *Poema bez Geroya. Proza o Poeme. Nabroski baletnogo libretto: Materialy k tvorcheskoj istorii*. Izdanie podgotovila N. I. Krajneva. Sankt-Peterburg: Izd. dom «Mir'», 2009.
- Anichkov Evgenij. *Novaya russkaya poeziya*. Berlin: Izdatel'stvo I. P. Ladyzhnikova, 1923.
- Anikin Aleksandr. *Innokentij Annenskij i ego otrazheniya: Materialy. Stat'i*. Moskva: Yazyki Slavyanskoy kul'tury, 2011.
- Babaev Eduard. «Na ulice Zhukovskoj...». *Vospominaniya ob Anne Ahmatovoj*. Sost. V. Ya. Vilenkin i V. A. Chernyh. Komm. A. V. Kurt i K. M. Polivanova. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991.
- Babaev Eduard. «A. A. Ahmatova v pis'mah k N. I. Hardzhievu (1930—1969)». *Ahmatovskie chteniya*. Vyp. 2. Tajny remesla. Moskva: Nasledie, 1992.
- Bal'mont Konstantin. *Goryashchie zdaniya. Lirika sovremennoj dushi*. Moskva: Skorpion, 1900.
- Baran Henrik. *Poetika russkoj literatury nachala XX v.* Avtoriz. per. s angl. Predisl. N. V. Kotreleva. Moskva: Progress-Univers, 1993.
- Batalov Dmitrij. «“Gastronomicheskaya” metafora smerti v gin'ol'nom syuzhete “Poemy bez geroya” Anny Ahmatovoj». *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* 26/6 (2016).
- Berlin Isajya. «Iz vospominanij “Vstrechi s russkimi pisatelyami”». *Vospominaniya ob Anne Ahmatovoj*. Sost. V. Ya. Vilenkin i V. A. Chernyh. Komm. A. V. Kurt i K. M. Polivanova. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991.
- Bogomolov Nikolaj. «Takim ya vizhu oblik Vash i vzglyad». *Literaturnoe obozrenie* 5 (1989).
- Bogomolov Nikolaj. «Proekt “Akmeizm”». Vst. st., podgot. teksta i komm. N. A. Bogomolova. *Novoe literaturnoe obozrenie* 58 (2002).
- Budyko Mihail. *Zagadki istorii. Sbornik esse*. Sankt-Peterburg: Nauka, 1995.
- Bunin Ivan. *Pod serpom i molotom. Sbornik rasskazov i vospominanij*: London — Ontario — Canada: Zaria Publ., 1986.
- Chukovskaya Lidiya. a. *Zapiski ob Anne Ahmatovoj*. T. 1: 1938—1941. Moskva: Soglasie, 1997.
- Chukovskaya Lidiya. b. *Zapiski ob Anne Ahmatovoj*. T. 2: 1952—1962. Moskva: Soglasie, 1997.

- Chukovskaya Lidiya, Zhirmunskij Viktor. «Iz perepiski (1966–1970)». Vstup. zametka, podgot. teksta i primech. Zh. O. Havkinoj. «*Ya vsem proshchenie daruyu...*»: *Ahmatovskij sbornik*. Sost. N. I. Krajneva; pod obshch. red. D. Makfad'ena i N. I. Krajevnoj. Moskva — Sankt-Peterburg: Al'yans-Arheo, 2006.
- Chulkov Georgij. *Metel'. Roman*. Moskva: Severnye dni, 1917.
- Erenburg Il'ya. *Stihotvoreniya i poemy*. Vstup. stat'ya, sost., podgot. teksta i primech. B. YA. Frezinskogo. Sankt-Peterburg: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt», 2000.
- Farino Ezhi. «Kak prorok Pushkina sdelalsya licedeem Hlebnikova». *Studia Russica* XII (1988).
- Flavij Iosif. *Iudejskaya vojna*. Perevod Ya. L. Chertka s vveden. i primech. Sankt-Peterburg: Tipografiya Landau, 1900.
- Glyokin Georgij. «Chto mne dano bylo...». *Ob Anne Ahmatovoj*. Moskva: IC «Azbukovnik», 2015.
- Gorodeckij Sergej. «Poety iz derevni». *Kavkazskoe slovo* 29 sentyabrya 1917.
- Gumilev Nikolaj. «Pis'ma o russkoj poezii». *Apollon* 5 (1911).
- Hlebnikov Velimir. *Sobranie proizvedenij*. V 5 t. T. I. Poemy. Pod obshchej redakciej Yu. Tynyanova i N. Stepanova. Predisl. Yu. Tynyanova. Vstupit. stat'ya i primech. N. Stepanova, Leningrad: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1928.
- Hlebnikov Velimir. *Sobranie proizvedenij*. T. III. Stihotvoreniya 1917—1922. Redakciya teksta N. Stepanova. [Leningrad]: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1931.
- Hlebnikov Velimir. *Sobranie proizvedenij*. Tom V. Pod obshchej redakciej Yu. Tynyanova i N. Stepanova. Stih, proza, stat'i, zapisnaya knizhka, pis'ma, dnevnik. Redakciya teksta N. Stepanova. [Leningrad]: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1933.
- Hlebnikov Viktor. *Neizdannye proizvedeniya. Poemy i stih*. Red. i komm. N. Hardzhieva. Proza. Red. i komm. T. Grica. Moskva: GIHL, 1940.
- Hlebnikov Velimir. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 2. Stihotvoreniya 1917–1922. Sost., podgot. teksta i primech. E. R. Arenzona i R. V. Duganova. Moskva: IMLI RAN — Nasledie, 2001.
- Il'ev Stepan. «“Peterburgskie povesti” Andreya Belogo i Anny Ahmatovoj (“Peterburg” — “Poema bez geroya”)». *Ahmatovskie chteniya*. Vyp. 1. Carstvennoe slovo. Moskva: Nasledie, 1992.
- Ivanov Vyacheslav. «Besedy s Annoj Ahmatovoj». *Vospominaniya ob Anne Ahmatovoj*. Sost. V. Ya. Vilenkin i V. A. Chernyh. Komm. A. V. Kurt i K. M. Polivanova. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991.
- Jovanović Milivoje. «Nekotorye problemy poetiki zhanrov v poezii Hlebnikova, ego predshestvennikov i ego posledovatelej (“proshchal'nye stih”)». *Genologičke studie* I. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 1991.
- Kamenskij Vasilij. *Put' entuziasta*. Moskva: Federaciya, 1931.
- Karabchevskij Nikolaj. *Chto glaza moi videli*. Tom II. Revolyuciya i Rossiya. Berlin: Ol'ga D'yakova, 1921.
- Kozlovskaya Galina. «Mangalochij dvorik...». *Vospominaniya ob Anne Ahmatovoj*. Sost. V. Ya. Vilenkin i V. A. Chernyh. Komm. A. V. Kurt i K. M. Polivanova. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991.
- Literaturnoe nasledstvo*. Tom 2. Moskva: Zhur.-gaz. ob'edinenie, 1932.
- Lönnqvist Barbara. «Rol' maski v russkom modernizme: ryazhenye v “Poeme bez geroya” Ahmatovoj». *Studia Slavica Finlandensia* 15 (1998).
- Luknickij Pavel. *Acumiana. Vstrechi s Annoj Ahmatovoj*. T. I. 1924–1925 gody. Parizh: YMCA-Press, 1991.
- Luknickij Pavel. *Acumiana. Vstrechi s Annoj Ahmatovoj*. T. 2: 1926–1927. Parizh: YMCA-Press; Moskva: Russkij put', 1997.
- Maksimov Dmitrij. «Neskol'ko slov o “Poeme bez geroya”)». *A. Blok i ego okruzhenie: Blokovskij sbornik*. VI. Tartu: Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1985.
- Markov Vladimir. *The Longer Poems of Velimir Khlebnikov*. Berkeley & Los Angeles, 1962.
- Mayakovskij Vladimir [Mayakovskij-hudozhnik]*. Red. V. Katan'yan; vstup. stat'ya O. M. Brik. Moskva: Gosizdat, [1932].
- Mejlah Mihail. «Ahmatova — “turchanka obmoroka”. Primer irano-slavyanskoj grammaticheskoj interferencii v poeticheskom yazyke Hlebnikova». Mejlah M. B. *Poeziya i mif. Izbrannye stat'i*. 2-e izd. Moskva: Izdatel'skij Dom YASK: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2018.

- Miturich Sergej. «Novgorodskie risunki Petra Mituricha». *Velimir Hlebnikov i russkij avangard*. Moskva: Azbukovnik, 2015.
- Najman Anatolij. *Rasskazy o Anne Ahmatovoj*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1989.
- Nalegach Natal'ya. «V. Hlebnikov i I. Annenskij: Vozmozhnye tochki soprikosnoveniya v oblasti poeticheskogo slova». *Velimir Hlebnikov i russkij avangard*. Moskva: Azbukovnik, 2015.
- Obuhova Ol'ga. «Anna Ahmatova o zaumi». *Zaumnyj futurizm i dadaizm. v russkoj kul'ture*. Pod redakciej. Luidzhi Magarotto, Marcio Marcaduri, Daniely Ricci. Bern [etc.]: Peter Lang, 1991.
- Ozerov Lev. «Melodika. Plastika. Mysl'». *Literaturnaya Rossiya* 21 avgusta 1964.
- Parnis Aleksandr, Timenchik Roman. «Programmy "Brodyachej sobaki"». *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologiya. Ezhegodnik 1983*. Leningrad.: Nauka, 1985.
- Parnis Aleksandr. «Hlebnikov — protagonist "Poemy bez geroya"». *Russkaya mysl'* 23 iyunya 1989. (Literaturnoe prilozhenie. № 8.)
- Parnis Aleksandr. «Vyacheslav Ivanov i Hlebnikov: K probleme dialoga i o nicshevskom podtekste "Zverinca"». *De visu* 0 (1992).
- Parnis Aleksandr. «O metamorfozah mavy, olenya i voina. K probleme dialoga Hlebnikova i Filonova». *Mir Velimira Hlebnikova. Stat'i. Issledovaniya (1911—1998)*. Sost.: Vyach. Vs. Ivanov, Z. S. Papernyj, A. E. Parnis. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 2000.
- Punin Nikolaj. *Mir svetel lyubov'yu. Dnevnik. Pis'ma*. Sost., predisl. i komment. L. A. Zykova. Moskva: Artist. Rezhisser. Teatr, 2000.
- Punin Nikolaj. *V bor'be za novejshee iskusstvo (Iskusstvo i revolyuciya)*. Moskva: Global Ekspert end Servis Tim, 2018.
- Pushkin Andrej. «Mirskonca» (Iz arhiva A. E. Kruchonyh: stih, vospominaniya, pis'ma B. L. Pasternaka). *Vstrechi s proshlym*. Vyp.7. Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1990.
- Ram Harsha. «Odnokij licedej». Per. s angl. N. Sanikidze. *Literaturnaya Gruziya* 1–6 (2002).
- Rejn Evgenij. *Mne skuchno bez Dovlatova. Nove sceny iz zhizni moskovskoj bogemy. Poemy i rasskazy*. Sankt-Peterburg: Limbus Press, 1997.
- Rudakov Sergej. «O. E. Mandel'shtam v pis'mah S. B. Rudakova k zhene (1935–1936)». Komm. Toddesa E. A., Meca A. G., Ivanovoj L. N., Lekmanova O. A. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1993 god*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1997.
- Saddukej <Kara-Murza Sergej>. «Brodyachaya sobaka». *Moskovskaya gazeta* 3 fevralya 1914.
- Samojlov David. *Pamyatnye zapiski*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995.
- Sergeev Andrej. *Omnibus. Roman, rasskazy, vospominaniya*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997.
- Sevskij Viktor. [Krasnushkin V. A.]. «U Kirilla Vladimirovicha». *Russkaya volya* 8 marta 1917.
- Sobolev Aleksandr. *Letejskaya biblioteka*. T. II. Moskva: Truten', 2013.
- Stepanov Nikolaj. «Tvorchestvo Velimira Hlebnikova». Hlebnikov Velimir. *Sobranie proizvedenij*. V 5 t. T. I. Poemy. Pod obshchej redakciej Yu. Tynyanova i N. Stepanova. Predisl. Yu. Tynyanova. Vstupit. stat'ya i primech. N. Stepanova, Leningrad: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1928.
- Timenchik Roman. «K analizu "Poemy bez geroya". 2». *Materialy XXV nauch. stud. konferencii: Literaturovedenie. Lingvistika*. Tartu: Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1970.
- Timenchik Roman. «Neskol'ko primechanij k stat'e T. Civ'yan». *Trudy po znakovym sistemam*. 5. Uch. zap. Tart. un-ta. Vyp. 284. Tartu: Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1971.
- Timenchik Roman. «Zametki ob akmeizme». *Russian Literature* 7–8 (1973).
- Timenchik Roman. «K analizu "Poemy bez geroya". 3. "Eto bunt veshchej..."». «Ya vsem proshchenie daruyu...». *Ahmatovskij sbornik*. Sost. N. I. Krajneva ; pod obshch. red. D. Makfad'ena i N. I. Krajnevoj. Moskva — Sankt-Peterburg: Al'yans-Arheo, 2006.
- Timenchik Roman. *Poslednij poet: Ahmatova v 60-e*. Izd. 2-e, ispravlennoe i rasshirenoe. V 2 t. T. 2. Moskva: Mosty kul'tury — Gesharim, 2014.
- Timenchik Roman. «Iz Imennogo ukazatelya k "Zapisnym knizhкам" Ahmatovoj». *Slavica Revalensia* 5 (2018 a).
- Timenchik Roman. «Iz Imennogo ukazatelya k "Zapisnym knizhкам" Ahmatovoj». *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 6 (2018b).

- Timenchik Roman.» Vyacheslav Ivanov u Ahmatovoj: iz Imennogo ukazatelya k "Zapisnym knizhkam"». *Vyach. Ivanov v kontekste epoхи modernizma*. Pod red. D. M. Segala, N. M. Segal-Rudnik, O. M. Levitan i dr. Moskva: Vodolej, 2021.
- Trenin Vladimir, Hardzhiev Nikolaj. «Retushirovannyj Hlebnikov». *Literaturnyj kritik* 6 (1933).
- Tynyanov Yuurij. «O Hlebnikove». Hlebnikov Velimir. *Sobranie proizvedenij*. V 5 t. T. 1. Poemy. Pod obshej redakciej Yu. Tynyanova i N. Stepanova. Predisl. Yu. Tynyanova. Vstupit. stat'ya i primech. N. Stepanova. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1928.
- Shatova Irina. «Kriptograficheskiy karnaval Velimira Hlebnikova». *Velimir Hlebnikov i russkiy avangard*. Materialy nauchnoj konferencii. Velikij Novgorod, 17–19 oktyabrya 2013 g. Moskva: Azbukovnik, 2015.
- Shklovskij Viktor. *O Mayakovskom*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1940.
- Shklovskij Viktor. *Gamburgskij schet: Stat'i — vospominaniya — esse (1914–1933)*. Sost. A. Yu. Galushkina i A. P. CHudakova; predisl. A. P. CHudakova; komment. i podgot. teksta A. Yu. Galushkin. Moskva: Sovetskij pisatel', 1990.
- Vechorka Tat'yana. *Vospominaniya o Hlebnikove. Zapisnaya knizhka Velimira Hlebnikova*. Sobral i snabdil primechaniyami A. Kruchenyh. Moskva: Izd. Vseros. soyuza poetov, 1925.
- Verblovskaaya Irena. *Gor'koj lyubov'yu lyubimyj: Peterburg Anny Ahmatovoj*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Zhurnal "Neva"», 2002.
- Vilenkin Vitalij. *V sto pervom zerkale*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1987.
- Vozdushnye puti*. Al'manah III. Redaktor-izdatel' R. N. Grinberg. N'yu-Jork. 1963.
- Vroon Ronald. *Velimir Hlebnikov's Krysa: a commentary*. Stanford Slavic Studies. Vol. 2. Stanford: Stanford University, 1989.
- Zernova Ruf'. «Inaya real'nost'». *Ahmatovskie chteniya*. Vyp. 3. Svoyu mezh vas eshchyo ostaviv ten?... Moskva: Nasledie, 1992.

Роман Ти́менчик

ИЗ ИМЕНСКОГ РЕГИСТРА УЗ БЕЛЕЖНИЦЕ АНЕ АХМАТОВЕ
(ВЕЛИМИР I)

Резиме

Полазећи од помена Хлебњиковљевог имена у *Бележницама* Ахматове, ова белешла се бави реконструкцијом њиховог књижевног односа, скреће пажњу на могуће одјеке читања Хлебњикова у позним песмама Ахматове.

Кључне речи: Ахматова, Хлебњиков, Мајаковски, *Поема без јунака*, «Усамљени глу-мац», *Врело њоље*, ревоуција 1917.

КОНТЕКСТИ АНДРЕЈА ПЛАТОНОВА

Наталья Корниенко

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
nataalkornienko@yandex.ru

Nataliya Kornienko

A. M. Gorky Institute of World Literature Russian Academy of Sciences
nataalkornienko@yandex.ru

«СОЦИАЛЬНЫЙ РОМАН» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: КОНТЕКСТЫ ТВОРЧЕСТВА И ЭПОХИ

«SOCIAL NOVEL» BY ANDREY PLATONOV: CONTEXTS OF CREATIVITY AND EPOCH

Статья посвящена проблематике романного искусства Андрея Платонова в контекстах творчества писателя и литературной эпохи 1920–1930-х гг., когда роман становится ведущим прозаическим жанром в творчестве прозаиков как советской России, так и эмиграции. Анализируется история создания главного романа писателя — романа *Чевенгур* (1927–1929), а также история недописанных (*Технический роман*, *Счастливая Москва*) и ненаписанных романов (роман с условным названием *Стратилат* и *Путешествие из Ленинграда в Москву*).

Ключевые слова: Платонов, революция, контексты, биография, роман, редакции романа, письма, записные книжки.

The paper focuses on Platonov's novel in the context of the writer's work and the literary era of the 1920s–1930s, when it became a leading prose genre in the works of prose writers of both Soviet Russia and emigration. The author analyzes the history of the creation of the main novel of the writer — the novel *Chevengur* (1927–1929), as well as the history of unfinished (*Technical Novel*, *Happy Moscow*) and unwritten novels (the novel with the conditional title *Stratilat* and *Journey from Leningrad to Moscow*).

Keywords: Platonov, revolution, contexts, biography, novel, novel editions, letters, notebooks.

...одни честные натужения на действительно социальный роман (диалектика событий)...

А. Платонов. «Фабрика литературы» (1926)

Мое молодое, серьезное (смешное по форме) — остается главным по содержанию навсегда, надолго.

А. Платонов. Записная книжка (1932)

Предлагаемая статья является обобщением многолетней текстологической работы по подготовке первых публикаций рукописного наследия и научного Собрания сочинений А. П. Платонова.

О главном романе писателя — это, конечно, *Чевенгур* (1927–1929) — мы сегодня знаем значительно больше, чем еще десять лет назад. Реконструированы и описаны история автографа, который оказался разорванным между двумя городами (Москвой и Ленинградом)¹, а также история сводной рукописи романа, составленной Платоновым из рукописных и машинописных страниц (*Архив А. П. Платонова* 2019). Практически полностью (за исключением пяти страниц) восстановлена первая редакция романа (*Строители страны*) (Платонов 2021: 348–541), описана история текста и творческая история романа, составлен реальный комментарий (Платонов 2021: 545–705). Исследователи получили своды нового, ранее неизвестного архивного материала для изучения одного из самых загадочных русских романов XX в.

С переходом семейного архива писателя на государственное хранение (в ИМЛИ РАН) исследователям стали доступны оригиналы писем Платонова к невесте и жене Марии Кашинцевой², являющиеся важнейшим источником для изучения истории текста неоконченной повести «Однажды любившие», первой редакции романа *Чевенгур*, рассказов о любви 1936 г.³

О втором романе (с условным названием *Стратилат*), над которым Платонов работал в начале 1930-х гг., мы знаем только из записных книжек писателя (Платонов 2000: 68–80, 94–110). Материал записных книжек 1931–1932 гг. представляет богатейший и по-своему уникальный материал для изучения рефлексии писателя над темой, сюжетом, системой героев и главной идеей романа. Текст романа не сохранился.

История третьего романа (*Технический роман*, 1932–1933) имеет почти детективную историю. В 1933 г. машинопись первой части романа оказалась в секретно-политическом отделе ОГПУ⁴, где с нее была подготовлена методом монтажа новая машинопись, включившая политически крамольные фрагменты текста и вставки, представляющие краткий пересказ основной фабулы романа. Эта машинопись была положена в папку с надписью: «Неизданные произведения (изъяты при обыске) Андрея Платонова», хранящейся в Центральном архиве ФСБ. Именно по этому источнику *Технический роман* впервые был опубликован в 1991 г. (Платонов 1991). Красивое метафорическое представление романа в предисловии В. Шенталинского «Арестованное слово» — «строение с неубранными лесами, но и масштаб, и архитектура, и качество налицо» — сопровождалось концептуальным обоснованием новаторской монтажной формы. В качестве одного из источников текста романа назван ранний рассказ «Родина электричества»: «Зерно, из которого разрастается “Технический роман”, — ранний рассказ “Родина

¹ Впервые об истории автографа романа см. (Вьюгин 1995, Корниенко 2005).

² Впервые все сохранившиеся письма Платонова к жене опубл.: А. П. Платонов — М. А. Платоновой. 1921–1945 гг. (*Архив А. П. Платонова* 2009: 432–577).

³ Подробно об этом см. (Корниенко 2009: 377–397; Корниенко 2013: 7–70).

⁴ ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление, специальный орган государственной безопасности СССР.

электричества” (1926). Около трех страниц из пятидесяти почти совпадают — это вообще характерно для Платонова: вариативность темы, отпочкование сюжетных веток, клеточное деление образов, неопределенность исхода» (Платонов 1991: 3). Изданный огромным тиражом (90 000 экземпляров!) данный текст *Технического романа* и до сегодняшнего дня встречается в переизданиях Платонова, как и предложенная публикатором история текста романа. Так в первом популярном *Собрании сочинений* Платонова в комментарии к повести «Хлеб и чтение» можно прочитать: «Текст повести перекликается с написанным в то же время рассказом “Родина электричества” и “Техническим романом”. В двух последних встречаются сцены, целиком совпадающие с текстом повести. По всей вероятности, для написания всех трех произведений Платонов воспользовался материалом, имеющимся у него в архиве» (Платонов 2009: 556). Это написано в 2009 г. Скажем сразу, что никаких трех самостоятельных произведений нет, а речь идет об одном источнике. К этому времени в малотиражном научном издании «*Страна философов*» *Андрея Платонова: проблемы творчества* (тираж — 1000 экз.) были впервые представлены полный текст *Технического романа*, а также реальная, а не придуманная история текста нового романа (Платонов 2000). Находящийся в папке архива ФСБ «Неизданные произведения (изъятые при обыске) Андрея Платонова» текст *Технического романа* был умело смонтирован сотрудниками ОГПУ, которыми и были написаны вставки, заменившие страницы сокращенного текста. В архиве ФСБ находится фотокопия оригинальной машинописи *Технического романа*, с которой работали сотрудники ОГПУ, оставив в ней свои пометы. Представленная нам для работы фотокопия позволила разгадать природу сделанных в ней помет и описать историю текста, помещенного в папку «Неизданные произведения...» (Корниенко 2000: 741–742).

Тогда же в семейном архиве Платонова (сегодня фонд А. П. Платонова в Отделе рукописей ИМЛИ) была выявлена неполная машинопись текста, идентичная машинописи в архиве ФСБ, но с другим названием «Хлеб и чтение». В машинописи отсутствовали страницы, посвященные поездке Душина летом 1920 г. в деревню Верховку. Эти страницы были использованы Платоновым при написании рассказа «Родина электричества» (впервые опубликован в 1939 г. в журнале *Индустрия социализма*; составная рукопись рассказа с машинописными страницами из *Технического романа* находится в фонде Платонова ОР ИМЛИ). Машинопись семейного архива имеет еще одну примету: первая глава *Технического романа* («Хлеб и чтение») превращена в заглавие всего текста с новым жанровым обозначением «Повесть», а на последней странице зачеркнуто «Конец 1-й главы» и вписано «Конец». Но это исправление, как и подготовка на основе одной главы *Технического романа* рассказа «Родина электричества», более позднего времени, когда Платонов примет решение не продолжать работу над романом.

Итак, к 1933 г. была написана первая часть *Технического романа*, которая заканчивалась кульминационной сценой выступления главного героя

инженера Душина с главным собственным сочинением «о применении электричества для социализма» (Платонов 2009: 503) и пришедшей из Москвы вестью об историческом плане электрификации всей страны (ГОЭЛРО). Эта глубоко личная для Платонова тема (в 1921 г. выходит первая его небольшая книжка *Электрификация*, в 1923–1924 гг. он занимается вопросами электрификации Воронежской губернии). В 1931 г. отмечается 10-летие принятия грандиозного плана, на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности И. Сталин сформулировал один из главных лозунгов десятилетия «Техника в период реконструкции решает всё» (Сталин: 41), а одним из важнейших событий 1932 г. становится обсуждение плана второй пятилетки и важнейшей его части — второго плана электрификации всей страны. Обсуждению этого плана посвящена большая Всесоюзная конференция (май 1932), материалы которой печатаются во всех центральных газетах: «“Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны”, — сказал тов. Ленин, и в этих словах весь смысл, вся сущность настоящей конференции» (*Известия* 8.05.1932: 2); «Успешное завершение в первой пятилетке ленинского плана Гоэлро является непосредственной предпосылкой плана электрификации второй пятилетки, плана создания энергетической базы, которая по директиве XVII конференции ВКП(б) должен обеспечить стране в 1937 г. не менее 100 миллиардов киловатт-часов электроэнергии против 17 миллиардов в 1932 г.» (*Правда* 21.05.1932: 2) и др.

Листая центральные газеты этого времени, можно обнаружить самые разные переключки с текстом *Технического романа*. Так, даже к знаменитым стихам председателя сельсовета Верчовки про голод, засуху 1920 г. и покорение природы, например, к этим строкам: «Стоит как башня наша власть науки и этот вавилон из ящериц, засухи разрушен будет умною рукой. Не мы создали этот мир несчастный, но мы его устроим до конца. <...> Не дремлет разум коммуниста, и рук ему никто не отобьет. Напротив — он всю землю чисто в научное давление возьмет...» (Платонов 2009: 459) — можно найти документальный прообраз на страницах сообщений о втором плане электрификации страны. Вот как описывалась одна из важнейших задач второй пятилетки — «большевистское разрешение вопроса о борьбе с засухой»: «В 1931 г. несколько миллионов посевных площадей повреждено засухой. <...> Стихийные силы природы не могут внести потерянность в социалистические ряды, не могут отбросить назад наше хозяйство, ибо социалистическое хозяйство развивается на основе крупной промышленности и электрификации. <...> И большевики вступают в бой с климатом, переходят **от обороны к наступлению на засуху**» (*Известия* 24.05.1932: 1).

В июле 1933 г. Платонов подписал соглашение с ГИХЛом (Государственное издательство «Художественная литература») на издание *Технического романа* — размером 15 печатных листов. Роман включался в проекты издательского плана на 1934 г., однако в окончательных планах издатель-

ства 1934, а затем и 1935 г. появляется уже другой роман *Счастливая Москва*⁵. Как свидетельствует письмо Платонова в ГИХЛ от 6 декабря 1933 г.⁶, в 1933 г. на рабочем столе Платонова находились оба романа.

Отложив в сторону *Технический роман*, Платонов в 1933 г. приступает к написанию романа *Счастливая Москва*. Он планирует завершить роман к январю 1934 г. Важнейшим источником для изучения творческой лаборатории третьего романа являются записные книжки 1933–1934 гг. Работа над романом *Счастливая Москва* была приостановлена весной 1934 г.: с марта Платонов переключается на работу над азиатским циклом произведений, это: рассказ «Такыр», повести «Македонский офицер» (не окончена), «Джан», статьи. Записные книжки свидетельствуют, что, даже находясь в Туркмении (весной 1934 и зимой 1935 г.), Платонов напряженно размышляет о судьбе главной героини романа *Счастливая Москва*, однако, кажется, к рукописи романа он больше не возвращался. При этом вплоть до 1937 г. роман значился в планах издательств. В 1934 г. на основе написанных глав романа подготовлены два текста: рассказы «Любовь к дальнему» и «Московская скрипка». Первые шесть глав романа тогда же были переведены в машинопись (находится в фонде Платонова РГАЛИ). Именно этим источником исследователи располагали многие годы в своих суждениях о неоконченном романе. Автор статьи, опираясь на материал этих 6 глав романа, тоже выстроил, как ему казалось, убедительную гипотезу:

«Роман создавался как своеобразная альтернатива характеру умствующего герой произведений 20-х годов — повестей и романа “Чевенгур”: образ главной героини — девушки Москвы, сироты, обретающей свой путь в фантастической по своим деяниям современности, задавался в открытости всем ветрам природы и истории. Главы оставшегося незаконченным романа свидетельствуют о мощном сопротивлении романной поэтики Платонова новому типу героя. Роман фактически как бы разобьется на разные идейно-тематические центры, художественные решения которых Платонов даст в рассказах второй половины 30-х годов» (Корниенко 1990: 182).

Когда текст со статьей вышел в свет, я уже занималась подготовкой к первой публикации полного текста романа *Счастливая Москва* (опубликован в 1991 г. в журнале *Новый мир*, №9). Как таковой единой рукописи романа в семейном архиве не было. Текст романа составлялся из рукописных страниц, оказавшихся в разных папках. В рукописи нет не только привычной для последних страниц рукописей Платонова записи «Конец», но и не проведена авторская редподготовка текста: остались не выбранные варианты слов и предложений, незавершенные фразы и т. п. Вопрос о за-

⁵ РГАЛИ. Ф. 613 (ГИХЛ). Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 31, 46, 143, 204.

⁶ В письме в сектор современной художественной литературы ГИХЛ Платонов сообщал, что рукопись романа *Счастливая Москва* будет представлена в январе 1934 г., что ее задержка связана с болезнью и с тем «обстоятельством», что «по одному договору пишу не один роман, а два (“Сч. Москва” — второй, первый — “Техн. Роман”»)» (ОР ИМЛИ. Ф. 7. Оп. 3. Ед. хр. 41).

вершенности работы Платонова над текстом остается открытым. При этом очевидна эпическая завершенность текста, однако, это характерная примета вообще больших эпических форм Платонова — повести и романа, в которых каждая глава, как в циклах народных эпических жанров, обладает завершенностью.

В 1937 г. вместо романа выходит книга рассказов *Река Потудань*, в планах издательства появляется заявка на новый роман *Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году*. В феврале 1937 г., в дни Пушкинского пленума Союза писателей СССР (в 1937 г. широко отмечалось 100-летие смерти А. С. Пушкина) писатель совершает поездку по маршруту Радищева — из Ленинграда в Москву. От этой поездки осталась карта поездки Радищева с пометами Платонова, а также записная книжка, с радищевскими (*Путешествие из Петербурга в Москву*, 1790) и пушкинскими (неоконченная повесть «Путешествие из Москвы в Петербург», 1833–1835) сюжетами о встречах писателя в этой поездке, портретами детей и стариков, размышлениями об увиденном и т. д. (Платонов 2000: 191–208). Кроме записной книжки сохранились наброски «Предисловий» к роману, а также страница с эпиграфом из Радищева («Я взглянул окрест...»), вложенная в папку с первыми страницами романа. В качестве первых страниц нового романа взяты страницы из рукописи романа *Счастливая Москва*. Эта страница, где зачеркнуто название *Счастливая Москва*, а вместо него вписано «Путешествие из Л. в М.» и сделана помета «2 эпиграфа из Радищева», воспроизводится на обложках нашего издания «*Страна философов*» *Андрея Платонова*. Вплоть до 1941 г. роман *Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 г.* значился в планах писателя и издательств. Был ли роман написан/дописан остается неизвестным, существует легенда, что чемоданчик с рукописью романа был похищен у писателя в дороге в Уфу в 1941 г.

Такова краткая источниковедческая справка к заявленной теме статьи. Все дошедшие до нас тексты романов Платонова отличают автобиографизм, острая социальность сюжета и одновременная погруженность социального сюжета в философскую проблематику смысла истории, создания «нового мира» и нового человека. Рефлексия над этой проблематикой составляет основное содержание записных книжек, становится темой статей, посвященных собственно философским темам, которые выступают своеобразными авторским внетекстовым комментарием философских узлов романа. Этот статус для романа *Чевенгур* имеют статьи «О любви» и «Питомник нового человека» 1927 г., для *Технического романа* и *Счастливой Москвы* — философское эссе «О первой социалистической трагедии» (1934), для *Путешествия из Ленинграда в Москву* — статьи о Пушкине 1937 г.

Для всех романов Платонов планировал приблизительно один объем — 15 а. л. Тексты написанных частей двух заявленных романов — *Технического романа* и *Счастливой Москвы* — составляют приблизительно 5 авторских листов, т. е., представляют первую треть плана. Осуществлен этот план только в отношении романа *Чевенгур*.

* * *

Без преувеличения, именно революция 1917 г. сделала роман ведущим прозаическим жанром в русской литературе XX века и оставалась на десятилетия его главной темой. В 1920–1921 гг. (еще не окончилась Гражданская война!), выходят в свет первые русские романы о революции и Гражданской войне — все они вошли в золотой фонд русской классики: *Хождение по мукам* А. Толстого, *Голый год* Б. Пильняка, *Два мира* В. Зазубрина, *Хулио Хуренито* И. Эренбурга, *Революция и фронт* В. Шкловского. Романы предложили различные политические, исторические, философские и литературные контексты осмысления революции 1917 г. в русской и мировой истории и представили панораму жизни предреволюционной и революционной России, отодвинув экспозицию революционных событий сначала к Первой мировой войне, а затем — рубежу веков. «Новая литературная личность *сострадательна* с революцией, или соокаянна с ней, — писал А. Н. Толстой в 1922 г., резюмируя собственный опыт романного постижения революции и опыт своих современников. — На крови и бедствиях заложен фундамент, на котором строится новый храм трагедии. Фундамент трагедии — миф. Фундамент новой, русской трагедии — миф революции: ее роковая последовательность, ее противоречия, ее высоты и бездны, ее обольщения и непереносимый ужас, ее сложная, многоголосая, как fuga, сама себя уязвляющая, иступленно творческая, славянская душа. Ее неотделимое участие в совершающемся. <...> Они же, новые писатели, — дети полей войны. А на полях войны — нет прикрас: грязно, кроваво, честно и мужественно» (Толстой, 1922).

У каждого писателя была *своя* революция и собственный опыт ее переживания и осмысления. Автобиографизм — общая черта таких на первых взгляд разных (с точки зрения поэтики) романов как *Голый год* и *Два мира*, *Белая гвардия* и *Россия, кровью умытая*, *Чевенгур* и *Тихий Дон*. Этот пафос литературной эпохи первого советского десятилетия замечательно передан в позднем признании К. Паустовского: «Литература двадцатых годов была литературой эгоцентрической — 90 % литература занималась вопросом: как относится революция ко мне и как я отношусь к революции»⁷.

С окончанием Гражданской войны за роман «засели»⁸ практически все прозаики как советской России, так и русской эмиграции. Десятилетие революции отмечено новыми романами, каждый из которых представлял свой миф революции как главного события современной русской истории.

Платонов, в отличие от его современников, заявивших о себе, как и он, в революционные годы, после многообещающего яркого дебюта на стра-

⁷ Стенограмма обсуждения основных положений доклада К. Симонова на предстоящем 2-м съезде писателей. 20 сентября 1954 г. (РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 1. Ед. хр. 306. Л. 45).

⁸ См. письмо К. Федина М. Горькому от 28 августа 1922 г.: «Точно сговорившись, все мы засели за “романы”. <...> я — роман о войне и революции. <...> Очевидно, одно и то же можно сказать по-разному. А раз так — как идти, чтобы не сорваться в пропасть?» (*Серпионовы братья*: 40–42)

ницах воронежской и московской периодики 1918–1921 гг., совершает «уход из литературы»⁹ и только в 1927 г. — книгой *Епифанские шлюзы*, можно сказать, вступает во всесоюзную литературную жизнь.

О замысле первого романа — это роман о Пугачеве — мы знаем из его январских писем 1927 г. Тамбова, где он служит губернским мелиоратором: «Пугачева я буду писать долго и старательно, и мне нужно много материала к нему. Это роман, который я закончу к осени. <...> Я хочу работать в Пугачеве для себя, а не для рынка. Будь он проклят!» (Платонов 2013: 204). Как заметил Т. Лангерак, проанализировавший «историко-художественную прозу» Платонова 1926–1927 гг., «как и другие писатели его времени, Платонов искал в прошлом параллели с настоящим» (Лангерак 1995: 111). Однако от замысла романа о Пугачеве Платонов отказался. Трудно сказать о причинах этого решения. В 1925–1926 гг. отмечалось 150-летие казни Пугачева и материала о Пугачеве печаталось не мало. Платонов с ним знакомился и использовал его в рассказе «Иван Жох», своеобразном осколке от замысла романа.

В Тамбове Платонов в начале января 1927 г. завершает фантастическую повесть «Эфирный тракт», в феврале-марте пишет рассказ «Город Градов», превращая вскоре его в повесть. Вернувшись в Москву в марте 1927 г., он готовит первую книгу прозы к изданию, пишет сценарии, создает повесть «Сокровенный человек». Летом 1927 г. делает заявку на роман о революции. 3 июля 1927 г. в письме Марии Александровне в Крым, исполненном трагических признаний о жизни, творчестве и любви, Платонов сообщает: «Пишу о нашей любви. Это сверхъестественно тяжело. Я же просто отдираю корки с сердца и разглядываю его, чтобы записать, как оно мучается. Вообще, настоящий писатель это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается» (Платонов 2013: 228). 9 июля 1927 г. датируется запись на книге *Епифанские шлюзы*: «Марии, другу и любимой, — зреющей звезде моего разума, теплоте моего сердца»¹⁰. В письме жене (датируется 9–11 июля 1927 г.) мы находим сообщение о возможности подписать с издательством «Молодая гвардия» «договор на роман в 15 листов» (Платонов 2013: 232–233). Очевидно, в эти дни готовилась заявка на роман с условным названием *Зреющая звезда*, в которой указывается: «Размер романа — 15 авторских листов. Четыре части: в каждой части по пять глав». В заявке описан «краткий план романа» об истории становления мальчика, а затем юноши из рабочей слободы; план включает: детство мальчика; религиозные и политические искания ранней юности, первую любовь героя; историю «трех друзей» в годы революции и Гражданской войны; первый послевоенный год учебы и творче-

⁹ С осени 1921 г. Платонов занимается вопросами борьбы с засухой, вскоре переходит на постоянную службу в Губернское земельное управление, где занимается вопросами мелиорации и электрификации, становится губернским мелиоратором (Антонова 2016: 357–474).

¹⁰ Книга с дарственной хранится в фонде Платонова Отдела рукописей ИМЛИ (ОР ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 6).

ской работы, вновь настигшую героя любовь — «крутую, резкую, душную, граничащую с безумием»; большую инженерную работу, помогающую герою излечиться от любви; строительство новой страны, в описании которого появляется любимый Платоновым экскаватор.

Таков грандиозный сюжет романа, хронологические рамки которого охватывают период с 1906 г. до начала двадцатых годов. Платонов подчеркивает, что в представленном плане «не все понятно и последовательно», что в романе «все оправдывается», и заключает: «Вещи, о которых я буду писать, мне хорошо и опытно знакомы» (Платонов 2021: 345–347).

Заявленный план романа, в ходе его художественной реализации не раз существенно скорректированный, сохранит свою во многом автобиографическую основу, связанную с воронежским периодом жизни, творчества и философских исканий писателя, прежде всего — с 1919–1921 гг. Этими годами отмечены нашедшие отражение в романе важнейшие события и детали в жизни молодого Платонова: начало журналистской работы в местных изданиях; поездка в Новохоперск; учеба в железнодорожном политехникуме; тиф; круг чтения и друзей; голод; создание грандиозного проекта по борьбе с засухой и голодом («Земчека»); первая любовь, встреча с будущей женой Марией Кашинцевой и т. п.¹¹ Это было время активных публикаций и высказываний рабочего-философа Платонова, кажется, по всем возможным вопросам истории, современности, культуры, философии, составившими книгу статей *Думы коммуниста* (1921; не была опубликована). Актуальность философско-эстетических исканий Платонова начала 1920-х гг. подтверждают его статьи 1927 г., возвращающие в поле современного научного знания и культуры основной вопрос философии — о мире (материи) и познаваемости мира, абсолютном и относительном знании, религиозной вере и научном знании, истине в идеализме и материализме и т. п. (неоконченная статья «О любви» и статья «Питомник нового человека»).

Написанная в пору работы над романом статья «Питомник нового человека» своеобразно резюмирует революционные идеи и планетарные мечтания молодых «строителей страны» об «интеллектуальной революции», мировой «коммунистической революции», призванной «перешить» «неуклюжую Вселенную», о борьбе с природой и буржуазной культурой, о новом, «более высоком типе человека» и «новой истории» — радикальном преобразовании жизни России, природы, самого мироздания и человека. Как и ранние статьи, «Питомник нового человека» представляет образец мифотворчества и пролетарской философии, строй мысли которых отличаются атмосфера проективности и экспериментаторства¹².

Перефразируя одно из положений представленного плана будущего романа, можно сказать, что действительно, «вещи», о которых Платонову

¹¹ См.: «Летопись жизни и творчества А. Платонова 1899–1926 гг.» (Антонова 2016: 309–368; Ласунский 2007: 61–173).

¹² О прямых перекличках положений статьи с высказываниями героев *Строителей страны* см. примеч. к статье (Платонов 2016: 794–796); подробно о связях романа с ранней публицистикой также см.: Вьюгин 2004: 192–221; Яблоков 2001: 102–187.

предстояло писать роман, ему были «хорошо и опытно знакомы»; статьи, рассказы, стихи начала 1920-х гг. стали своеобразной записной книжкой уникальных материалов к первому роману писателя. Однако путь осуществления замысла о почти «фантастическом мире» оказался не таким простым, как это виделось летом 1927 г.

В работе над романом будут малые и большие остановки, связанные не только с уточнением, но и с радикальным изменением сюжета, системы образов и формул главных героев. История романа *Чевенгур* начиналась с текста, название которого *Строители страны* явно корреспондирует с планом романа в заявке *Зреющая звезда*. Первые главы выполнены в форме рассказа от первого лица. Этот тип повествования в теории литературы известен как «Я — форма», «Ich-Erzählung». Для этой формы повествования характерны презентация фигуры героя-рассказчика, подчеркнутый автобиографизм, пространные философские и психологические комментарии, резкое увеличение количества авторских отступлений от основной событийной канвы. Все эти признаки обнаруживаются в архитектонике первых двух глав *Строителей страны*, где выбрана форма рассказа от первого лица, а сам рассказчик, как и заложено в этой традиции повествования, является одним из персонажей описываемых событий. Платоновский рассказчик не простой участник событий 1919 г. в Новохоперске, он журналист (автобиографическая деталь в мотивации новохоперского сюжета) и «сочинитель», работающий над произведением — «сочинением о сне и целомудрии, как строителях будущего человека» (конец 2-й главы), отсылающем к рассказам Платонова начала 1920-х гг. С 3-й главы *Строителей страны* эта фигура рассказчика исчезает, а ее биографические реалии передаются некоему Дванову, о котором во 2-й главе рассказывает Геннадий.

К лету 1927 г. относится написанная на основании собственных писем из Тамбова неоконченная повесть о любви в письмах «Однажды любившие». След этой повествовательной формы присутствует и в *Строителях страны*, что нашло отражение в письмах героев к Софье Александровне с признанием в любви. Источником романного любовного эпистолярия послужили письма Платонова к Марии Александровне 1921 г., а в представленном любовном треугольнике *Строителей страны* нашла отражение история встречи Платонова и его воронежских друзей (Г. Малюченко и В. Келлера) с юной Марией Кашиной, будущей женой писателя. Превращение письма в текст потребовало минимальной правки, и письма Платонова к Марии Александровне превратились в письма Дванова к Софье Александровне¹³.

До *Строителей страны* любовный лирический сюжет оформляется у Платонова в стихах 1926–1927 г., в фантастическом «Эфирном тракте» (1926–1927) и в исторических «Епифанских шлюзах» (1927), но в обеих по-

¹³ Подробно см.: (Корниенко 2009: 377–390; Корниенко 2013).

вестях он не является сюжетообразующим. «Сокровенный человек», а затем и «Ямская слобода» и вовсе обходятся без любовного сюжета. В *Строителях страны* любовная коллизия сразу занимает наряду с современным сюжетом центральное место, как и в других уже написанных романах о революции (*Хождение по мукам* А. Толстого, *Города и годы* и *Братья* К. Федина, *Белая гвардия* М. Булгакова, *Барсуки* и *Вор* Л. Леонова). Отказавшись с 3-й главы от фигуры рассказчика «Ich-Erzählung», Платонов сохраняет центральность любовного сюжета (влюбленность трех друзей Гратова, Геннадия и Дванова в Софью Александровну Крашенину), что свидетельствует о том, что Платонов в 1927 г. после фантастической («Эфирный тракт»), исторической («Епифанские шлюзы»), современной («Сокровенный человек») повести осваивает *новый* (для него, как прозаика) тип повествования. Он не раз затем будет возвращаться к опыту (а может быть, и к рукописи) *Строителей страны* как к романному типу повествования (*Технический роман*, *Счастливая Москва*) и вновь от него отказываться (незавершенность работы над указанными текстами).

Автограф *Строителей страны* демонстрирует напряженный поиск формулы главной лирической героини. Платонов наделял героиню разными, порой прямо противоположными ролями. Софья Александровна ведет себя то как мудрая епифанская баба, то как вечная Беатриче, то как роковая Незнакомка, то как комсомолка Валя из романа Олеси (*Зависть*, 1927), то как Наталья Тарпова из одноименного романа С. Семенова (*Наталья Тарпова*, 1927). В «*Строителях страны*» Софье Александровне принадлежит особое место, она — лирический центр романа. Именно ей поручалось развязка любовной коллизии. Трех до болезненности влюбленных в Крашенину молодых людей (Дванова, Гратова и Геннадия) из сознания и жизни героини вытеснила фигура Копенкина, который и становится главной идеей ее жизни. Платоническая любовь к «дальнему» Копенкину определит отъезд Софьи Александровны из деревни и последующие этапы жизни героини повести: возвращение в губернский город; вступление в комсомол, учеба в губсовпартшколе, общественная работа. Последний раз Софья Александровна появляется в *Строителях страны* перед эпизодом партийного собрания — ее встреча с Двановым, вернувшимся в изменившийся с введением нэпа губернский город. (В свернутом виде сюжет любви Софьи Александровны к Копенкину предстанет в формуле организующей идеи героини романа *Счастливая Москва* Москвы Честновой, которая всех влюбленных в нее героев испытывает похожестью на человека с факелом, которого она видела в дни революции.)

К концу лета «первая треть» романа была написана, и представлена для обсуждения редактору Платонова Г. З. Литвину-Молотову. Дошедшее до нас письмо Литвина-Молотова Платонову о «*Строителях страны*» — первый значительный опыт анализа основных героев первой части будущего романа — Геннадия, Дванова, Гратова, Мрачинского, Копенкина, Софьи и комплекса идей, транслируемых ими. Редактор внимательно вчи-

тывается в платоновский текст, в диалоги героев, размышляет над впечатлениями, которые рождают у него как читателя сюжеты путешествия Дванова по разоренной Гражданской войной губернии, пытается сформулировать основную идею и пафос нового платоновского опыта в осмыслении революционной России:

«...глупые поиски, бредовые мысли, смешные (зло!) требования к сроку вырастить социализм, чтобы он пер прямо из травы»;

«...будничное революционное дело выставлено как попытка *в срок* построить социализм, и с такими комментариями от автора и от лица действующих героев, что в результате их создается лишь одно впечатление: люди беспомощно барахтаются в несбыточных идеях, мечтаниях и делах, в то время, когда надо бороться за человеческий образ жизни, что идея построения социализма — большая идея, что где-где, а в России социализм никогда не будет построен, ибо в такой отсталой стране и думать его построить его нельзя, — тому порукой примеры повести» (*Архив А. П. Платонова* 2019: 638).

Эти оценки позволяют редактору так резюмировать политический смысл произведения Платонова: «*Впечатление* таково, что будто бы автор задался целью в художественных образах и картинах *показать* несостоятельность идеи возможности построения социализма в одной стране. И это на другой день после осуждения партией оппозиции, выставившей это положение!» (Там же).

Смысл данного заключения, которое звучит серьезным политическим обвинением, обнажает и отражает контекст, в котором оно делается. Эпоха партийных дискуссий вокруг заявлений Л. Троцкого и возглавляемой им «левой» оппозиции (начало дискуссии — 1923 г.) закончилась в ходе подготовки празднования 10-й годовщины Октябрьской революции. Дискуссий на тему построения социализма в СССР больше не будет, а шло фронтальное осуждение «оппозиционеров-раскольников»: октябрьский объединенный пленум ЦК и ЦКК исключил Троцкого и Зиновьева из ЦК ВКП(б); 15 ноября все центральные газеты напечатали постановление ЦКК и ЦК ВКП(б) об исключении Троцкого и Зиновьева из ВКП(б) и т. п.

Это будет первая большая остановка в работе над романом, когда произойдет радикальное исправление замысла романа и всей системы героев. Переписывая финальную сцену *Строителей страны* (партийное собрание о введении нэпа), Платонов меняет формулу Саши Дванова (делает его сиротой), полностью отказывается от любовно-лирического сюжета, превращает Софью Александровну в сироту Соню, убирает из романа друзей Дванова. Во время этой остановки написан своеобразный пролог романа, которым экспозиция отодвигается к началу века и задается главная новая тема романа — крестьянского отхода (названия этой части романа — «Преходящие годы», «Путешествие с пустым сердцем», «Происхождение мастера»). В новой редакции партийного собрания появляется фигура Чепурного, который рассказывает Дванову о фантастическом городе Чевенгур, в котором уже построен коммунизм. Так начинается путь Дванова в город

Чевенгур, построенный в 1861 году (дата сохранилась в сокращенном фрагменте текста об истории города) первым большим потоком отходников губернии и уничтоженный их же потомками. Погруженная в романе в большой литературный и философский контекст (А. Пушкин, Ф. Достоевский, Г. Успенский, И. Бунин, А. Чехов, М. Горький, С. Есенин, О. Шпенглер) тема крестьянского отхода фактически готовит пространство будущего *Котлована* (1930), где будет представлена «диалектика событий» второй большевистской революции с ее радикальным решением главного социального и политического вопроса русской истории — крестьянского вопроса.

* * *

Выявленные в настоящее время материалы к истории создания Платоновым шести романов отличаются социальной заостренностью их тематики, включенность «идеи романа» в актуальный для времени их написания политический контекст, а также сохраняют мощную биографическую основу, связанную с воронежским периодом жизни и творчества писателя. Биографизм проявляет себя не только в реалиях воронежского периода жизни и деятельности Платонова. Используя определение М. Бахтина, можно говорить, что Платонов «прототипом образа идеи» в романе делает собственное мировоззрение, тот круг идей, что связан прежде всего и главным образом с революцией 1917 г.¹⁴

Каждый из романов является своеобразным организующим центром разных периодов творчества Платонова 1920–1930-х гг. В рамках периода главная идея романа разрабатывается в разных формах (повесть, рассказ, драма, киносценарий, статья). Причем, пространство работы над новым романом всегда задавало ситуацию возвращения к сюжетам прежнего периода-цикла, их новую интерпретацию в контексте обозначенной новой «идеи романа». Отсюда постоянное возвращение на новом этапе творчества и истории к первому роману (*Чевенгур*), его проблематике, сюжетам, мотивам, формулам героев.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Елена. *Воронежский период жизни и творчества А. П. Платонова: биография, текстология, поэтика*. Москва: ИМЛИ РАН, 2016.
- Архив А. П. Платонова*. Кн. 1. Отв. ред. Корниенко Наталья. Москва: ИМЛИ РАН, 2009.
- Архив А. П. Платонова*. Кн. 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. Отв. ред. Корниенко Наталья. Подг. текста Е. В. Антонова, Н. В. Корниенко, Е. А. Папкова. Москва: ИМЛИ РАН, 2019.
- Бахтин Михаил. *Собрание сочинений*: В 7 т. Т. 5. Москва: Русские словари, 1996.

¹⁴ См. записи М. М. Бахтина о жанре романа в русской и европейской литературе XX в.: «Превращение собственного мировоззрения в предмет художественного видения, т. е. в прототип образа идеи» (Бахтин 1996: 375).

- «Великий план электрификации СССР. На Всесоюзной конференции по электрификации СССР». *Известия* 8.05.1932: 2.
- Вьюгин Валерий. *Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля)*. Санкт-Петербург: РХГИ, 2004.
- Климовецкий Я. «Важнейшие вопросы эксплуатации электростанций». *Правда* 21.05.1932: 2.
- Корниенко Наталья. «“Заметки” Андрея Платонова (Комментарий к истории невышедших книг А. Платонова 1939 года)». *Русская литература* 3 (1990): 179–192.
- Корниенко Наталья. «От “Родины электричества” к “Техническому роману”, и обратно. Метаморфозы текста Платонова 1930-х гг.». *Страна философов* Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. Москва: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000: 885–936.
- Корниенко Наталья. «Между Москвой и Ленинградом: О датировке и авантексте романа “Чевенгур”». *Страна философов* Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 6. Москва: ИМЛИ РАН, 2005: 624–678.
- Корниенко Наталья. «“Письма о горе и любви”: Письмо и текст». *Архив А. П. Платонова*. Кн. 1. Москва: ИМЛИ РАН, 2009: 377–394.
- Корниенко Наталья. «Андрей Платонов по его письмам». Платонов Андрей. «...я прожил жизнь»: *Письма. 1920–1950 гг.* Сост., вступ. статья, коммент. Н. В. Корниенко и др. Москва: Астрель, 2013: 7–71.
- Лангерак Томас. *Андрей Платонов. Материалы для биографии 1899–1929 гг.* Амстердам: Издательство «Пегасус», 1995.
- Ласунский Олег. *Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова*. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007.
- Платонов Андрей. *Записные книжки. Материалы к биографии*. Публ. М. А. Платоновой. Сост., подг. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко. Москва: Наследие, 2000.
- Платонов Андрей. «Родина электричества». Публ. М. А. Платоновой. Подг. текста Н. В. Корниенко. *Страна философов* Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. Москва: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000: 745–759.
- Платонов Андрей. *Сочинения*. Т. 2. 1926–1927. Повести. Рассказы. Сценарии. Статьи. Гл. ред. Корниенко Наталья. Москва: ИМЛИ РАН, 2016.
- Платонов Андрей. *Сочинения*. Т. 3. Роман «Чевенгур». Гл. ред. Корниенко Наталья. Москва: ИМЛИ РАН, 2021.
- Платонов Андрей. «Счастливая Москва» Публикация М. А. Платоновой. Подг. текста и коммент. Н. В. Корниенко. Послесловие С. Залыгина. *Новый мир* 9 (1991): 9–76.
- Платонов Андрей. *Технический роман*. Предисловие, составление, публикация В. Шенталинского. Москва: Библиотека «Огонек», 1991.
- Платонов Андрей. «Технический роман». Публ. В. Гончарова и Н. Корниенко. *Страна философов* Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. Москва: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000: 885–936.
- Платонов Андрей. «Хлеб и чтение». Платонов Андрей. *Собрание. Эфирный тракт*. Ред. Малыгина Нина. Подг. Н. В. Корниенко, коммент. И. И. Матвеевой. Москва: Время, 2009.
- Платонов Андрей. «...я прожил жизнь»: *Письма. 1920–1950 гг.* Сост., вступ. статья, коммент. Н. В. Корниенко и др. Москва: Астрель, 2013.
- «Повесть А. Платонова “Строители страны”. К реконструкции произведения» Публ., вступит. ст. и коммент. В. Ю. Вьюгина). *Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов*. Санкт-Петербург: Наука, 1995: 309–390.
- «Серпионовы братья» в зеркалах переписки. Вступит. ст., сост., коммент. Е. Леминга. Москва: Аграф, 2004.
- Сталин Иосиф. «О задачах хозяйственников». Сталин Иосиф. *Сочинения*. Т. 13. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1951: 29–42.
- Толстой Алексей. «О новой литературе». *Накануне. Литературное приложение* 7 (62) (1922): 5–6.
- «Уничтожим засуху в Заволжье». *Известия* 24.05.1932: 1.
- Яблоков Евгений. *На берегу неба: Роман Андрея Платонова «Чевенгур»*. Санкт-Петербург: «Дмитрий Булавин», 2001.

REFERENCES

- Antonova Elena. *Voronezhskij period zhizni i tvorchestva A. P. Platonova: biografiya, tekstologiya, poetika*. Moskva: IMLI RAN, 2016.
- Arhiv A. P. Platonova*. Kn. 1. Otv. red. Kornienko Natal'ya. Moskva: IMLI RAN, 2009.
- Arhiv A. P. Platonova*. Kn. 2: Opisaniye rukopisi romana «CHEvengur». Dinamicheskaya transkripciya. Otv. red. Kornienko Natal'ya. Podg/ teksta E. V. Antonova, N. V. Kornienko, E. A. Papkova. Moskva: IMLI RAN, 2019.
- Bahtin Mihail. *Sobranie sochinenij*: V 7 t. T. 5. Moskva: Russkie slovari, 1996.
- «Velikij plan elektrifikacii SSSR. Na Vsesoyuznoj konferencii po elektrifikacii SSSR». *Izvestiya* 8.05.1932: 2.
- V'yugin Valerij. *Andrej Platonov: poetika zagadki (Ocherk stanovleniya i evolyucii stilya)*. Sankt-Peterburg: RHGI, 2004.
- Klimoveckij Ya. «Vazhnejšie voprosy eksploatacii elektrostancij». *Pravda* 21.05.1932: 2.
- Kornienko Natal'ya. «“Zametki” Andrey Platonova (Kommentarij k istorii nevshedshih knig A. Platonova 1939 goda)». *Russkaya literatura* 3 (1990): 179–192.
- Kornienko Natal'ya. «Ot “Rodiny elektrichestva” k “Tekhnicheskomu romanu”, i obratno. Metamorfozy teksta Platonova 1930-h gg.». «*Strana filosofov*» *Andrey Platonov: problemy tvorchestva*. Vyp. 4. YUbilejnyj. Moskva: IMLI RAN, «Nasledie», 2000: 885–936.
- Kornienko Natal'ya. «Mezhdru Moskvoy i Leningradom: O datirovke i avantekste romana “Chevengur”». «*Strana filosofov*» *Andrey Platonov: problemy tvorchestva*. Vyp. 6. Moskva: IMLI RAN, 2005: 624–678.
- Kornienko Natal'ya. «“Pis'ma o gore i lyubvi”: Pis'mo i tekst». *Arhiv A. P. Platonova*. Kn. 1. Moskva: IMLI RAN, 2009: 377–394.
- Kornienko Natal'ya. «Andrej Platonov po ego pis'mam». Platonov Andrej. «...ya prozhil zhizn': Pis'ma. 1920–1950 gg. Sost., vstup. stat'ya, komment. N. V. Kornienko i dr. Moskva: Astrel', 2013: 7–71.
- Langerak Tomas. *Andrej Platonov. Materialy dlya biografii 1899–1929 gg.* Amsterdam: Izdatel'stvo «Pegasus», 1995.
- Lasunskij Oleg. *Zhitel' rodnogo goroda. Voronezhskie gody Andrey Platonova*. Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdeniya CHernozemnogo kraya, 2007.
- Platonov Andrej. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii*. Publ. M. A. Platonovoj. Sost., podg. teksta, predisl. i primech. N. V. Kornienko. Moskva: Nasledie, 2000.
- Platonov Andrej. «Rodina elektrichestva». Publ. M. A. Platonovoj. Podgotovka teksta N. V. Kornienko. «*Strana filosofov*» *Andrey Platonov: problemy tvorchestva*. Vyp. 4. YUbilejnyj. Moskva: IMLI RAN, «Nasledie», 2000: 745–759.
- Platonov Andrej. *Sochineniya*. T. 2. 1926–1927. Povesti. Rasskazy. Scenarii. Stat'i. Gl. red. Kornienko Natal'ya. Moskva: IMLI RAN, 2016.
- Platonov Andrej. *Sochineniya*. T. 3. Roman «CHEvengur». Gl. red. Kornienko Natal'ya. Moskva: IMLI RAN, 2021.
- Platonov Andrej. «Schastlivaya Moskva» Publikaciya M. A. Platonovoj. Podg. teksta i komment. N. V. Kornienko. Poslesl. S. Zalygina. *Novyj mir* 9 (1991): 9–76.
- Platonov Andrej. *Tekhnicheskij roman*. Predisl., sostavl., publ. V. Shentalinskogo. Moskva: Biblioteka «Ogonek», 1991.
- Platonov Andrej. «Tekhnicheskij roman». Publ. V. Goncharova i N. Kornienko. «*Strana filosofov*» *Andrey Platonov: problemy tvorchestva*. Vyp. 4. Yubilejnyj. Moskva: IMLI RAN, «Nasledie», 2000: 885–936.
- Platonov Andrej. «Hleb i chtenie». Platonov Andrej. *Sobranie. Efirnyj trakt*. Red. Malygina Nina. Podg. teksta N. V. Kornienko, komment. I. I. Matveevoj. Moskva: Vremya, 2009.
- Platonov Andrej. «...ya prozhil zhizn': Pis'ma. 1920–1950 gg. Sost., vstup. stat'ya, komment. N. V. Kornienko i dr. Moskva: Astrel', 2013.
- «Povest' A. Platonova “Stroiteli strany”. K rekonstrukcii proizvedeniya» Publ., vstupit. st. i koment. V. Yu. V'yugina). *Iz tvorcheskogo naslediya russkih pisatelej XX veka*. M. Sholohov. A. Platonov. L. Leonov. Sankt-Peterburg: Nauka, 1995: 309–390.
- «*Serapionovy brat'ya*» v zerkalah perepiski. Vstupit. st., sost., komment. E. Leminga. Moskva: Agraf, 2004.

- Stalin Iosif. «O zadachah hozyajstvennikov». Stalin Iosif. *Sochineniya*. T. 13. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951: 29–42.
- Tolstoj Aleksej. «O novej literature». *Nakanune*. Literaturnoe prilozhenie 7(62) (1922): 5–6.
- «Unichtozhim zasuhu v Zavolzh'e». *Izvestiya* 24.05.1932: 1.
- Yablokov Evgenij. *Na beregu neba: Roman Andrey a Platonova «Chevengur»*. Sankt-Peterburg: «Dmitrij Bulavin», 2001.

Наталија Корнијенко

„СОЦИЈАЛНИ РОМАН“ АНДРЕЈА ПЛАТОНОВА:
 КОНТЕКСТ СТВАРАЛАШТВА И ЕПОХЕ

Резиме

Чланак је посвећен проблематици романескне уметности Андреја Платонова у контексту пишевог стваралаштва и књижевне епохе 1920-их и 1930-их година, када роман постаје водећи прозни жанр у стваралаштву прозаичара како у совјетској Русији, тако и у емиграцији. Анализира се историјат стварања кључног пишевог романа — романа *Чевенгур* (1927–1929), као и историјат незавршених (*Технички роман*, *Срећна Москва*) и ненаписаних романа (роман с радним називом *Стратилат* и *Путовање из Лењинграда у Москву*).

Кључне речи: Платонов, револуција, контекст, биографија, роман, редакције романа, писма, бележнице.

Луиджи Магаротто
Венецианский Университет «Ка Фоскари»
mf11@unive.it

Luigi Magarotto
Venice University "Ca' Foscari"
mf11@unive.it

ТРАГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В РОМАНЕ *ЧЕВЕНГУР*
АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

TRAGIC SOLUTIONS IN THE NOVEL *CHEVENGUR*
BY ANDREY PLATONOV

Автор анализирует основные темы, которые образуют структуру романа *Чевенгур* Андрея Платонова. Прежде всего он останавливается на перенасыщенной различными приемами и фрагментированной манере изложения писателя, которая приводит в замешательство читателя. Затем исследуется влияние теории о воскрешении мертвых, разработанной Николаем Федоровым. Далее автор показывает, что отсутствие женщин в Чевенгуре неизбежно приводит мужское население к проявлениям гомосексуальности. Коммунизм, созданный в Чевенгуре, кажется, руководствуется скорее не заветами Ленина, а идеями многочисленных мистико-религиозных сект, которые в изобилии встречаются в русской истории. Труд отменяется не как завоевание коммунизма, а поскольку есть солнце со своей мощью и теплом, которое дарит жителям бесконечной степи все необходимое для их существования. Трагической характеристикой чевенгурского коммунизма является истребление всех буржуев поселения во имя установления настоящего коммунистического строя. Более того, массовое убийство также определяется как второе пришествие или явление, в попытке таким образом провести параллель между коммунистическим обществом на земле и раем на небе: это, якобы, те два места, где живут праведники.

Ключевые слова: Чевенгур, Андрей Платонов, воскрешение мертвых, сексуальные отношения, справедливость, социал-коммунистическая работа, райское коммунистическое общество.

The author analyses the main themes underpinning the structure of Andrey Platonov's novel *Chevengur*. He starts by reflecting on the overloaded, fragmented and bewildering writing style adopted by Platonov. Then he investigates the influence of Nikolay Fyodorov's theory on the resuscitation of the dead on the novel. The author highlights that the absence of women in Chevengur inevitably leads male inhabitants to homosexuality. Rather than Leninist dictates, the communism practiced in the village seems to resemble the social project of one of the many mystical-religious sects that we encounter in Russian history. Work is abolished not as a conquest of communism, but because there is already

the sun, which, with its might and its warmth, provides the inhabitants of the boundless steppe with the products necessary for their subsistence. The tragic element of Chevengurian communism consists in the extermination of all the bourgeois of the village in the name of the establishment of a true and authentic communist system. Furthermore, the massacre will be termed second coming or parousia, thus seeking to establish a precise correspondence between communist society on earth and celestial Heaven as the two places where the righteous live.

Key words: *Chevengur*, Andrey Platonov, resuscitation of the dead, sexual relations, justice, social-communist work, heavenly communist society.

Жизнь происходит от «неустойчивых равновесий».
 Если бы равновесия везде были устойчивы, не было бы и жизни.
 Но неустойчивое равновесие — тревога, «неудобно мне», опасность.
 Мир вечно тревожен, и тем живет.
 Какая же чепуха эти *Солнечный город* и *Утопия*: суть коих
вечное счастье. Т. е. окончательное «устойчивое равновесие».
 Это не «будущее», а смерть.

Василий Розанов (Розанов 1970а: 102).

1. Читая роман *Чевенгур* (1927–1929) Андрея Платонова (1899–1951), мы сталкиваемся с переполненным, перенасыщенным текстом, кажется, как будто автор находится во власти неуправляемого потока сознания, так много идей, размышлений, суждений теснятся в романе, но они не всегда находят должное развитие и приводят читателя в состояние замешательства. Как заметил во свое время Иосиф Бродский, даже самая обычная фраза в его прозе может смутить читателя, достаточно необычного положения слова или особенной интонации, или всего лишь неожиданного эпитета, и читатель уже сомневается, правильно ли он понял (Brodskij 1987: 101).

Общепризнанным является мнение, что Платонов писал, используя новый язык советской эпохи, его фразеологию, стилистику, систему понятий, созданную основателями советского строя. Этот язык быстро «становится инструментом коммуникации и орудием формирования жителя идеального общества» (Геллер 1999: 272). И на самом деле, внешне якобы независимые мысли граждан оказываются часто лишь механическим повторением лозунгов, созданных властью.

Эта особенность мышления позволяет нам проникнуть в процесс формирования суждений героев *Чевенгура*, для большинства которых мыслительная деятельность является сложной задачей. Например, Федор Достоевский¹:

[...] медленно вбирал в себя слова Дванова и превращал их в видимые обстоятельства. Он не имел дара выдумывать истину, и мог ее понять, толь-

¹ Речь идет об уполномоченном вольеркома деревни Ханские Дворики который, будучи Игнатием Мошонковым, стал называть себя именем писателя, чтобы увековечить его славное имя. На самом деле подобное изменение имени напоминает нам второе крещение, которому подвергали себя члены некоторых сект в России, второе крещение символизировало рождение в новой вере. В новой действительности романа это было рождение в коммунистической вере.

ко обратив мысли в события своего района, но это шло в нем долго: он должен умственно представить порожнюю степь в знакомом месте, поименно представить на нее двory своего села и посмотреть, как оно получается (Платонов 2018а: 107).

А Копенкин, напротив:

— Говори безгранично, до вечера времени много, — сказал Копенкину председатель. Но Копенкин не мог плавно поговорить больше двух минут, потому что ему лезли в голову посторонние мысли и уродовали одна другую до невыразительности, так что он сам останавливал свое слово и с интересом прислушивался к шуму в голове (Платонов 2018а: 117).

Когда коммунисты из Чевенгура пытались думать, их голова превращалась в странную машину, которая пыхтела, громыхла и часто глохла, не произведя никакой мысли, а только один шум. Большевик Кирей, например, «стал слушать шум в своей голове и ожидать оттуда думы, пока у него от усердия и прилива крови не закипела сера в ушах» (Платонов 2018а: 230). Исследователь Евгений Яблоков отмечает:

Процесс ‘думания’ часто выглядит как нарочитый, писатель неоднократно фиксирует разрыв между отвлеченным ‘думанием’ и интуитивным, спонтанным делом. [...] В романе *Чевенгур* эта антиномия реализована почти пародийно: Чепурный ‘ощущает’, а Прокофий улавливает интуиции Чепурного и формулирует их словесно, заведомо искажая (Яблоков 1992: 232).

Подобным образом в *Котловане* (1929) рабочий Чиклин «думать мог с трудом и сильно тужил об этом — поневоле ему приходилось лишь чувствовать и безмолвно волноваться» (Платонов 2018б: 387).

В *Чевенгуре* многие персонажи описываются подобным образом в отношении процесса мышления, так как эта деятельность не требовалась и не была предусмотрена политическим строем, или же это была индивидуальная неспособность мыслить так называемых «чудаков», в любом случае, герои ограничиваются произнесением отдельных кратких фраз и не в силах ни аргументировать свою мысль, ни облечь свои мысли в более или менее связные речи.

Выражаясь на языке своего времени, времени построения нового мира, Платонов полностью отдает себе в этом отчет. На первый взгляд он лишь сообразуется с языком утопического общества, но в то же время разоблачает его «бездны» (Бродский 1973: 6), осмысляя и используя опыты русского авангарда по преодолению языковой инертности и утверждению самовитого слова как такового. И на самом деле этот трудный, в муках рождающийся язык, нагруженный словосочетаниями, который предлагает нам автор, не является языком утопии, но лишь пользуется различными приемами как, например, сдвиг. В живописи кубистов этот термин означал смещение объекта или его части в необычный план, создавая таким образом видение этого объекта (или его части) одновременно с нескольких точек зрения, с целью показать непривычные связи между объектами или связать

между собой несочетаемые элементы. Этот прием стал характерным для всего русского авангарда, не только в живописи, но и в литературе, где с его помощью слова обретали новые смыслы, перемещаясь из привычных контекстов в необычные (претерпевая семантические сдвиги), появилась даже новая дисциплина, основанная на приеме сдвига: сдвигология. Таким образом можно заметить, что в некоторых описаниях Платонов часто использует прием сдвига, в этой связи необходимо переосмыслить восприятие текста, обнаруживая, возможно, метафоры там, где ранее текст воспринимался как реалистическое повествование. Помимо приема сдвига в манере письма Платонова мы встречаем «стяжки», сокращения до нескольких слов сложных понятий, и избыточные слова (Дооге 2005: 410–417), которые дают читателю избыток информации, возможно вследствие литературного замысла. Встречаются в тексте также ассоциации, явления синестезии и различные тропы, при помощи которых автор рассеивает недоумение читателя из-за отсутствия аргументации или рассуждений, не высказанных тем или иным персонажем, и таким образом внося ясность. Все эти приемы² служат для создания языка, тяготеющего к вневременным категориям и конструкциям (Бродский 1973: 5), мы могли бы определить его как метафизический (Эпштейн 2006: 150). Поэтому выше мы говорили о перенасыщенной различными приемами и перегруженной возможными смыслами манере письма (Дооге 2007: 1–663).

2. Начало и финал романа отдают достойную дань философским размышлениям Николая Федорова (1829–1903), религиозного философа и оригинального русского мыслителя, о котором с глубоким уважением отзывались такие известные писатели и философы как Федор Достоевский, Лев Толстой и Владимир Соловьев. Ключевой темой его доктрины, представленной в *Философии общего дела*, является всеобщее воскрешение из мертвых, которое произойдет с помощью науки и техники. Николай Бердяев уточняет: «Проблема Федорова не *воскрешение* мертвых, в которое всегда верили христиане, а *воскрешение* мертвых» (Бердяев 1989: 287). По Федорову, «[...] это не только христианское чаяние или императив, выдвинутый в его учении, а объективный закон истории, нравственной природы человека» (Семенова 1995: 20). Он считает, что каждый человек живет за счет предков и должен отдать им должное:

У нас нет ничего своего, нами произведенного, а все даровое, точнее, долговое; [...] мы получили жизнь от своих отцов, кои в таком же долгу у своих родителей, и т. д.; рождение есть передача долга, а не уплата его. [...] Сознание, что этот долг не оплачен, есть сознание своей зависимости, рабства,

² Хотя в литературной критике разных лет много раз отмечалось присутствие в произведении Платонова приема остранения (описанного Виктором Шкловским), исследователь Ольга Меерсон, напротив, указывает, что в языке Платонова присутствует скорее неостранение, благодаря которому обнаруживается эсхатологическая аксиология писателя (Меерсон 2016: 37).

невольности, смертности — словом, небратства. В неоплаченном долге заключается наказание рабством, смертью. Оплаченный долг есть возвращение жизни своим родителям, т. е. долга своим кредиторам и через то — свободы себе (Федоров 1982: 162–163).

Реальному воскрешению мертвых отведено также центральное место в его проекте «регуляции» природы. В природу должны быть введены воля и разум, что ознаменует новый этап ее эволюции. Но тем не менее, для успешного воскрешения мертвых люди должны понять прежде всего причины, из-за которых в мире нет согласия, нет братского отношения между народами, группами людей, отдельными личностями и даже между родственниками и близкими. Как только человек достигнет понимания самого себя и других в духовном смысле, он перейдет в состояние «братства» и только тогда сможет успешно принять участие в общем деле воскрешения мертвых.

Необходимость перехода в общее состояние братства неизбежно отсылает нас к евангельскому учению: от милостивых, которые будут помилованы до необходимости примириться с братом (Мф. 3, 24).

Победа над смертью привела бы к неизбежному перенаселению земли и, вследствие этого, исчерпанию жизненных ресурсов, поэтому Федоров считает завоевание космоса человеком единственным путем спасения человеческого рода: «[...] порожденный крошечною землею, *зритель* безмерного пространства, зритель миров этого пространства, должен сделаться их обитателем и *правителем*» (Федоров 1995: 243). Жажда межзвездных путешествий усилится и еще более распространится в России в 20-х годах двадцатого столетия благодаря философии космоса Константина Циолковского (1857–1935), глубокого ценителя идей Федорова.

Чевенгур открывается фигурой Дмитрия Иваныча, рыбака с озера Мутово и отца главного героя романа Александра (Саши) Дванова. Дмитрий в отличие от других людей не боится перейти границу между жизнью и смертью. Из любопытства он решает утопиться в озере: «он хотел посмотреть — что там есть» (Платонов 2018а: 11), задержаться там ненадолго, затем вернуться к жизни и рассказать односельчанам, что он видел. Тайна смерти и угасание тела всегда возбуждали интерес, если не одержимость, человеческого разума, фантазии, духа, были причиной тревоги, любопытства, страха, образование религий было ответом на эту одержимость. Но в отличие от того, на что рассчитывал Дмитрий Иваныч, совершенное действие стало не «экскурсией в смерть», а окончательным выбором. Возвращения в мир, т. е. воскрешения не произошло, и через три дня односельчане вытаскивают тело утопленника из воды и погребают рядом с кладбищенской оградой. Во время похорон сын Дмитрия Иваныча Александр, тогда еще маленький мальчик, задает вопросы Захару Павловичу, местному чудаку-изобретателю, который, естественно, не верил в воскрешение мертвых и пытался отговорить отца Саши от самоубийства: «Нет там ничего особого: так что-нибудь тесное» (Платонов 2018а: 11), — предупре-

ждал он. В ответах на вопросы Александра Захар не одобряет действий его отца, считая их проявлением безумия («сдуру»). Следующее его замечание — «Не скоро ему рыбу ловить придется» (Платонов 2018а: 11) — может показаться обращением к идеям Федорова: вот он умер, но через некоторое время будет воскрешен и сможет снова ловить рыбу, но на самом деле в словах Захара лишь ироничная оценка глупости Дмитрия Иваныча, который искал и желал собственной смерти. Мы сразу же понимаем, что речь идет об иронии, из обращения Захара Павловича к Александру: «Попрошайся с отцом — он мертвый на веки веков» (Платонов 2018а: 12). Выражение «на/во веки веков» соответствует латинскому «in saecula saeculorum», и не оставляет сомнений: Дмитрий не будет воскрешен в скором времени, а воскреснет, как верят все христиане, в день Страшного Суда³.

Имея такое начало, роман завершается фигурой Александра Дванова, который, как уже было сказано, является главным действующим лицом романа. Александру удастся избежать ярости неизвестного казачьего войска, миссией которого было разрушение утопии Чевенгура и уничтожение его жителей. Покинув место столкновения с казаками, Александр через несколько дней пути, находит старую дорогу, по которой шел в детстве, проезжает через свою родную деревню и оказывается на берегу озера Мутево:

Он оглядел все неименное, смолкшее озеро и насторожился, ведь отец еще остался — его кости, его жившее вещество тела⁴, тлен его взмокавшей потом рубашки, — вся родина жизни и дружелюбия. И там есть тесное, неразлучное место Александру, где ожидают возвращения вечной дружбой той крови, которая однажды была разделена в теле отца для сына. Дванов понудил Пролетарскую Силу войти в воду по грудь и, не прощаясь с ней, продолжая свою жизнь, сам сошел с седла в воду — в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти, а Дванов шел в чувстве стыда жизни перед слабым, забытым телом, остатки которого истомились в могиле, потому что Александр был одно и то же с тем еще не уничтоженным, теплящимся следом существования отца (Платонов 2018а: 355).

Александр идет по следам отца и, как отец, утопает в озере, хотя автор и не говорит этого открыто. Следует ли он таким образом учению Федорова в поиске жизни в смерти? В процитированном отрывке мы видим, что Александр спускается в воду озера, чтобы пройти путь, проделанный когда-то отцом, но при этом «продолжая свою жизнь». Что означают эти слова? Уверенность в том, что можно уходить из жизни в смерть и наоборот? Не достаточно ли ему было опыта отца, своим примером доказавшего несостоятельность этой мысли? Или же он непоколебимо верил в воскреше-

³ Не очень понятна интерпретация Валерия Вьюгина (2004: 127), по мнению которого «на веки веков» могло бы означать «мертвый на очень долгое время, но все же не навсегда». Конечно, как любой другой человек, Дмитрий тоже воскреснет в день Страшного Суда, но не ранее, как предполагала теория Федорова.

⁴ Тело отца маленького Александра, как было сказано, вытащили из озера и через три дня погребли рядом с кладбищем, поэтому в озере не могли оставаться ни его кости, ни какие-либо другие останки.

ние мертвых? Как-то ночью Александру приснился один день из детства, и он снова с нежностью ощутил объятия отца на берегу озера Мутево, он тогда спросил себя, почему «та жизнь, обещанная навеки, теперь не возвращается», другими словами, почему его отец не был воскрешен (Платонов 2018а: 209). За несколько строк до этого уже его отец жалуется во сне, что воскрешения не происходит: «Не скучай, — сказал отец. — И мне тут, мальчик, скучно лежать. Делай что-нибудь в Чевенгуре: зачем же мы будем мертвыми лежать...» (Платонов 2018а: 210). Несмотря на то, что отец не был воскрешен, сын решает тем не менее закончить свою жизнь таким же образом. Возникает вопрос, действительно ли Александр верил в непереносимое воскрешение мертвых или же это был акт самоубийства? Можно также расценить погружение навсегда в воды озера как возвращение в лоно матери, покинувшей его так рано.

Повествователь в романе указывает на существование в человеке некоего особенного присутствия:

Но в человеке еще живет маленький зритель — он не участвует ни в поступках, ни в страдании — он всегда хладнокровен и одинаков. [...] Он существовал как бы мертвым братом человека: в нем все человеческое имелося налицо, но чего-то малого и главного не доставало. Человек никогда не помнит его, но всегда ему доверяется — так житель, уходя из дома и оставляя жену, никогда не ревнует к ней швейцара.

Это евнух души человека (Платонов 2018а: 90).

Мы присутствуем при очевидном раздвоении личности, из чего можно заключить, что каждый из нас хотел бы одновременно участвовать в событии и наблюдать его. Подобным образом хотели бы вести себя Александр и его отец, однако, как мы видели, они были лишь участниками, но не наблюдателями.

В *Котловане*, напротив, Воцев никем не контролируется, не претерпевает раздвоения личности, чтобы стать наблюдателем, но тем не менее:

И он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться. Как заочно живущий, Воцев гулял мимо людей, чувствуя нарастающую силу горящего ума и все более уединяясь в тесноте своей печали (Платонов 2018б: 365).

Без сомнения, каждый разумный персонаж считает очень ценным это место, скрытое в собственном теле, где ничего нет и где все может начаться, потому что, потеряв это особенное место человек потеряет свое лицо, станет одним из многих, безымянным гражданином в массе других.

В литературной критике, однако, образ «евнуха души» или «хранителя собственного я» (по определению Lane 2018: 49) был связан, в частности, с темой кастрации, отсутствия желания и сложного пуританского отношения к сексуальности не только Дванова, но и всех жителей Чевенгура, о которых мы сейчас будем говорить.

Помимо уже упомянутых случаев, проблески идей Федорова то тут, то там мелькают в тексте романа, а в одном отрывке проявляются наиболее ярко:

Направо от дороги Дванова, на размытом оползшем кургане, лежал деревенский погост. Верно стояли бедные кресты, обветшалые от действия ветра и вод. Они напоминали живым, бредущим мимо крестов, что мертвые прожили зря и хотят воскреснуть. Дванов поднял крестам свою руку, чтобы они передали его сочувствие мертвым в могилы (Платонов 2018a: 94).

3. И тем не менее, коммунизм, который строят в Чевенгуре, вступает в конфликт с некоторыми теориями Федорова, прежде всего с идеей о кровных связях (т. е. не признается наличие какого бы то ни было долга перед родителями) и, следовательно, с концепцией семьи вообще, а также с сексуальностью каждого из жителей. И на самом деле, коммунистам в Чевенгуре следовало стремиться к целомудрию: «У нас супруг нету: одни сподвижницы остались» (Платонов 2018a: 171), заявляет председатель Революционного комитета Чепурный с убежденностью, похожей на заявления скопцов из известной русской секты (Толстая-Сегал 1994: 70)⁵. К концу романа, однако, даже убежденные приверженцы исключительно мужского коммунизма вынуждены уступить перед необходимостью найти женщин для народа (Borenstein 2000: 237–242):

Яков Титыч увидел, как многие люди молча скрылись из Чевенгура, и тогда он явился к Прокофию. — Езжай за женами народу, — сказал Яков Титыч, — народ их захотел. Ты нас привел, веди теперь женщин, народ отдохнул — без них, говорит, дальше нетерпимо (Платонов 2018a: 284).

На самом деле, одна женщина в Чевенгуре все же оставалась: Клавдюша, «словно она была коммунисткой будущего», говорит про нее автор (Платонов 2018a: 182), естественно, она не соблюдала целомудрие, но была благосклонна только к любимому Прокофию. Несмотря на то, что женщины тоже боролись за установление нового порядка, как только что упомянутые сподвижницы, не говоря уже о Розе Люксембург, которую почитал Копенкин и в которую он был влюблен на расстоянии, большевики из Чевенгура воспринимают их как существ опасных для первоначального социализма:

Но Чепурный и сам не мог понять дальше, в чем состоит вредность женщины для первоначального социализма, раз женщина будет бедной и товарищем. Он только знал вообще, что всегда бывала в прошлой жизни любовь к женщине и размножение от нее, но это было чужое и природное дело, а не людское и коммунистическое; для людской чевенгурской жизни женщи-

⁵ Об отказе от брака и идее сохранения целомудрия см. в Евангелии от Матфея: «Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (19, 12). Напомним, что одна из наиболее значимых мистических русских сект, основанная в 18 веке, состояла из скопцов, т. е. из мужчин «сделавшихся евнухами».

на приемлема в более сухом и человеческом виде, а не в полной красоте, которая не составляет части коммунизма, потому что красота женской природы была и при капитализме, как были при нем и горы, и звезды, и прочие нечеловеческие события. Из таких предчувствий Чепурный готов был приветствовать в Чевенгуре всякую женщину, лицо которой омрачено грустью бедности и старостью труда, — тогда эта женщина пригодна лишь для товарищества и не составляет разницы внутри угнетенной массы, а стало быть, не привлекает разлагающей любознательности одиноких большевиков. Чепурный признавал пока что только классовую ласку, отнюдь не женскую (Платонов 2018а: 228–229).

Чепурный, таким образом, с убежденностью отвергает женские ласки, принимая мужские. Можно встретить по этому поводу отрывки в романе, которые допускают различные толкования:

Теперь Копенкин тоже равнодушен к Чевенгуру и хочет уехать к своей барышне — Розе Люксембург, а чевенгурцы не имеют барышни, и им придется остаться одним и утешаться между собой (Платонов 2018а: 262).

Сложно представить себе, что мужчины в Чевенгуре довольствовались случайными ласками, чтобы утешаться, т. е. удовлетворять свои сексуальные порывы, более правдоподобным кажется, что они прибегали к онанизму или к гомосексуальным действиям. Тот же Копенкин, в частности, не мог найти достаточного ответа своей сексуальности в поклонении «барышне Розе Люксембург», т. к. она была идеальная, далекая и уже покойная. Несмотря на преданность или скорее страсть к образу Люксембург, он поддерживал достаточно тесную дружбу с Александром Двановым: «Вечером Дванов и Копенкин поцеловались среди дороги, и обоим стало бессмысленно стыдно» (Платонов 2018а: 143). Испытывать стыд за невинный поцелуй другу, в стране, где все друг друга обнимают и целуют? Возможно, они стыдились сексуального желания, которое испытывали по отношению друг к другу.

Когда старый большевик Жеев подошел к фаязону и поцеловал Прокофия в засохшие губы, он тут же добавил в объяснение своего поступка: «Проша, не забудь и женщин отыскать, хоть бы нищенок. Они, брат, для нежности нам надобны, а то видишь — я тебя поцеловал» (Платонов 2018а: 228). Другими словами, товарищ Жеев напоминает Прокофию, что в отсутствие женщин жители Чевенгура будут вынуждены прибегать к гомосексуальным действиям.

Тем временем, дружба между Двановым и Копенкиным становится все более страстной:

Копенкин настиг Дванова сзади; он загляделся на Сашу с жадностью своей дружбы к нему и забыл слезть с коня. Пролетарская Сила первая заржала на Дванова, тогда и Копенкин сошел на землю. Дванов стоял с угрюмым лицом — он стыдился своего излишнего чувства к Копенкину и боялся его выразить и ошибиться. Копенкин тоже имел совесть для тайных отношений между товарищами, но его ободрил ржущий повеселевший конь.

— Саша, — сказал Копенкин. — Ты пришел теперь?.. Давай я тебя немного поцелую, чтоб поскорей не мучиться (Платонов 2018а: 279).

Поскольку при встрече присутствовал также третий человек, Чепурный, сложно представить, чтобы отношения могли перейти границы дружбы, однако, зададимся вопросом, что стоит за фразой: «Копенкин тоже имел совесть для тайных отношений между товарищами»? Кажется очевидным, что друзья испытывали сильное сексуальное влечение друг к другу и, вследствие этого, имели «тайные отношения», идет ли речь о непрактикуемой гомосексуальности, метафизической или о чем-то другом, это нам знать не дано (Парамонов 1987: 333–372)⁶. В защиту нашей гипотезы можно процитировать и некоторые другие фрагменты романа, например, нижеследующий, показательный своей ясностью:

Он [Копенкин] тратил свою скорбь на усердие труда, он незаметно хотел привлечь Дванова к красоте Розы Люксембург и сделать для него счастье, раз совестно сразу обнять и полюбить Дванова (Платонов 2018а: 301).

Со своей стороны, мы не утверждаем, что объятия между мужчинами, упоминание о которых часто встречается в тексте, всегда скрывают в себе определенные сексуальные порывы. Напротив, это случается только в нескольких эпизодах. Обычно объятия представляют собой рефлекторные действия, направленные на поиск тепла в соответствии с известным энтропическим принципом, гласящим, что между двумя телами всегда достигается термодинамическое равновесие. Вот тому яркий пример:

— Не пугайся, — сказал ему привалившийся человек. — Я озяб во сне, вижу, ты лежишь, — давай теперь обхватимся для тепла и будем спать (Платонов 2018а: 74).

4. Справедливость, которая вершится в населенном пункте, где строится коммунизм, обращена к так называемым «прочим», к тем, кто лишен всего, кроме собственного тела. Они строго отделяются от пролетариата, образуя экономически и культурно деградировавший класс, лишенный, по Марксу, классового сознания. Когда Прокофий сообщает, что привез в Чевенгур пролетариат и прочих, Чепурный спрашивает: «Какие прочие?». «Прочие и есть прочие — никто. Это еще хуже пролетариата», — отвечает Прокопий (Платонов 2018а: 245).

Таким образом, в Чевенгуре больше не преобладают отношения типа отец-сын, там воцаряется товарищество, в соответствии с заветными установлениями коммунизма и древнерусскими общинными традициями.

⁶ Исследователь Элиот Боренштейн, учитывая факт отсутствия женщин в Чевенгуре, полагает, что тесные отношения между мужчинами, в которых, однако, гомосексуальность отходит на второй план, обусловлены тем, что почти все жители в Чевенгуре выросли без отца и находились в поиске модели отцовства. Если принять версию, что гомосексуальность остается на втором плане, невозможно было бы объяснить только что процитированные нами отрывки романа (Borenstein 2000: 242–250).

На самом деле, здесь мы имеем дело скорее не с коммунизмом марксистского типа, принятым и насаждаемым Лениным и, впрочем, достаточно чуждым простецам из Чевенгура, а с воплощением одного из многих замыслов, которые веками лелеяли многочисленные мистико-пророческие русские секты, вдохновляемые идеей преображения существующего мира (Эткинд 2019: 5–642). Николай Бердяев пишет:

То, что называли у нас двоеверием, т. е. соединение православной веры с языческой мифологией и народной поэзией, объясняет многие противоречия в русском народе. [...] Известна склонность русского народа к разгулу и анархии при потере дисциплины. [...] Русские — бегуны и разбойники. И русские — странники, ищущие Божьей правды. Странники отказываются повиноваться властям. Путь земной представлялся русскому народу путем бегства и странничества. Россия всегда была полна мистико-пророческих сект. [...] В духовных стихах была высокая оценка нищенства и бедности. Излюбленная тема их — безвинное страдание. В духовных стихах есть очень большое чувство социальной неправды (Бердяев 2015: 10–11).

Эти странные персонажи с простой речью, мечтатели и странствующие мудрецы, которые наполняют роман, пользуются полным одобрением автора и могут рассматриваться как постреволюционная версия традиционных русских странников, ищущих Божью правду, или же как юродивые (Bethea 1989: 158).

В конце XIX века и в первые годы XX-го в России возникла консервативная группа «Богоискательство», членами которой среди прочих были также Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Василий Розанов. В поисках путей сближения между Церковью и интеллигенцией они пытались, при помощи организации религиозно-философских собраний и публикации книг и журналов, научить тому, как строить новые отношения между людьми, основанные на принципах христианства, единственного пути достижения истинного освобождения личности человека.

Практически в ответ богоискателям Анатолий Луначарский, Владимир Базаров, Максим Горький и другие представители интеллигенции основали в первом десятилетии XX века группу «Богостроительство», которая понимала религию в ее наиболее аутентичном смысле, ставя в центр не Бога, а человека в его социальности. Речь шла об обожании коллектива, работы, прогресса, любви к жизни, способном, по их мнению, объединить социалистические идеалы и повседневную реальность.

В годы революции на защиту социально-ориентированной религии становились такие известные деятели культуры, как Андрей Белый, Александр Блок, Сергей Есенин, Николай Клюев, которые, объединившись вокруг фигуры Иванова-Разумника, в 1917–1918 опубликовали два номера альманаха *Скифы*. В октябрьском восстании они усматривали великую силу, идущую с Востока, которая очистит общество от буржуазного шлама и духовно преобразит общество. В общем, мессианско-пророческие эле-

менты и склонность к анархии всегда характеризовали русскую историю, начиная с той массовости, с которой народ следовал за разного рода обманщиками, стремившимися захватить царский престол.

5. В социал-коммунистической доктрине работа всегда рассматривалась как основа нового общества, символ человеческого достоинства и источник благосостояния. Известна фраза Ленина, которую он повторял во многих трудах: «Кто не работает, тот да не ест» (Ленин 1974: 357), хотя это ни что иное, как вариант цитаты из Второго Послания апостола Павла Фессалоникийцам: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (3, 10). Это утверждение Ленина считалось таким важным, фундаментальным для социалистического общества, что было закреплено в статье 12 Конституции Советского Союза 1936 года: «Кто не работает, тот не ест». Маркс предвидел, что на более развитом этапе коммунистического общества, «когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни» (Маркс 1961: 20), это общество сможет начертать на своих знаменах еще одну не менее знаменитую фразу: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!» (Маркс 1961: 20), ставшую затем общеизвестной в несколько измененном варианте: «От каждого по способностям, каждому по потребностям!» В Чевенгуре, однако, отложив марксистское учение, странные жители, его населяющие, сразу же установили коммунизм. Можно усмотреть в этом пародию на революционный романтизм, провозглашенный Лениным (Seifrid 1992: 103). Естественно, они не проводили время за изучением трудов Маркса, им было достаточно услышать о них на митингах:

Копенкин не успел прочитать Карла Маркса и смутился перед образованностью Чепурного.

— А что? — спросил Копенкин. — У вас здесь обязательно читают Карла Маркса?

Чепурный прекратил беспокойство Копенкина:

— Да это я человека попугал. Я и сам его сроду не читал. Так, слышал кое-что на митингах — вот и агитирую (Платонов 2018a: 178).

Таким образом, первым делом они решили отменить труд:

Копенкин уже спрашивал Чепурного — что же делать в Чевенгуре? И тот ответил: ничего, у нас нет нужды и занятий — будешь себе внутренне жить! У нас в Чевенгуре хорошо — мы мобилизовали солнце на вечную работу, а общество распустили навсегда! (Платонов 2018a: 179).

Через несколько страниц будет дано более мотивированное объяснение отмены трудовой деятельности в Чевенгуре:

[...] Прокофий дал труду специальное толкование, где труд раз навсегда объявлялся пережитком жадности и эксплуатационно-животным сладострастием, потому что труд способствует происхождению имущества, а имущество — угнетению; но само солнце отпускает людям на жизнь вполне доста-

точные нормальные пайки, и всякое их увеличение — за счет нарочной людской работы — идет в костер классовой войны, ибо создаются лишние вредные предметы (Платонов 2018а: 187).

Хотя в Чевенгуре никогда не читали произведения Маркса, но сразу же перешли к реализации утопии раннего периода творчества немецкого философа, в соответствии с которой труд будет упразднен, когда общество достигнет высшей точки развития коммунизма. В работах более позднего периода, однако, Маркс скорректировал свои юношеские взгляды, повторяя неоднократно, что он не имел в виду резкой и окончательной отмены трудовой деятельности, но труда в том виде, в каком знало его человечество на протяжении веков, изменив основной способ производства на новый, не предусматривающий эксплуатацию.

Пока «жители отдыхали от веков угнетения» (Платонов 2018а: 188) или двигались неспеша, потому что «спешили одни буржуи, им жрать и угнетать надо было» (Платонов 2018а: 181), солнце работало «за всех и для каждого» (Платонов 2018а: 187) так усердно, что ему было присвоено в Чевенгуре звание «всемирного пролетария» (Платонов 2018а: 187). Солнце, которое «в двенадцать раз больше земли» (Платонов 2018а: 182), своей энергией и теплом дает жителям Чевенгура и необъятной степи необходимые продукты для существования, поэтому работать больше нет необходимости. Речь идет только о необходимом для поддержания существования, а не о жизни в изобилии. И даже в этом аскетическом отношении к повседневной жизни коммунисты Чевенгура, кажется, не столько следуют принципам коммунизма, сколько учениям, проповедуемым русскими сектами.

Лет за десять до написания *Чевенгура*, Василий Розанов опубликовал в виде небольших книжек-выпусков, посылаемых подписчикам, цикл блестящих размышлений под названием *Апокалипсис нашего времени*, в них он выразил некоторые соображения о солнце, эхо которых звучит в словах жителей Чевенгура, естественно, облеченных в революционные формы:

Но скажем: какого же солнце, которое неизреченным тьмам народа дает хлеба, — дает как «по службе», по «должности», почти «по пенсии». Дает и *может* дать. Дает и значит *хочет* дать?

У солнца — воля и ...*хотение*?

Но... тогда «ваал-солнце»? ваал-солнце — финикиян?

И тогда «поклонимся Ему»? Ему и его великой *мощи*? (Розанов 1970б: 458).

Во многих культурах, мифологиях, религиозных верованиях присутствует образ солнца: Ра-бог-солнце древних египтян, Гелиос-божество древних греков, Хорс-древнерусский бог солнца, знаменитая книга *Город солнца* Томмазо Кампанеллы и фантастический рассказ *Сон смешного человека* Достоевского, в котором повествователь посещает планету детей солнца. В начале XX века солнце завораживало русских символистов. В сборнике стихотворений 1903 года *Будем как Солнце*, Константин Баль-

монт признается: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце» (Бальмонт 1980: 120) и Вячеслав Ив. Иванов в своем произведении *Cor ardens* 1911 года слагает «Хвалу солнцу», поскольку оно «вожатый ангел Божий» (Иванов 1974: 230). И вот, в драме Леонида Андреева *К звездам* 1906 года мы слышим из уст тридцатилетнего пролетария Трейча характеристику солнца, близкую к той, что дают большевики из Чевенгура: «Товарищи, солнце ведь тоже рабочий!» (Андреев 1913: 216).

В отличие от символистов с их агрессивным, скандальным бунтарством, выступающим против любых институтов и отрицающих достижения прошлого, русские кубофутуристы в первое десятилетие XX века были увлечены солнцелюбием. После того, как Филиппо Томмазо Маринетти в своем манифесте «Убьем лунный свет!», несмотря на название выразил скорее свое презрение к солнцу, в Петербурге в 1913 году была создана монументальная постановка *Победа над солнцем* Алексея Крученых на музыку Михаила Матюшина с вступлением-манифестом Велимира Хлебникова и костюмами Казимира Малевича, в которой солнце было побеждено и взято в плен. В 1920 году Владимир Маяковский, певец совершившейся социал-коммунистической революции, возвращается к мотиву солнцелюбия, обвиняя солнце в тунеядстве и пустом времяпровождении в облаках: «Дармоед! / занежен в облака ты» (Маяковский 2013: 144).

Возвращаясь к Платонову, мы можем узнать из его статей, опубликованных в двадцатых годах, что он был достаточно технически осведомлен и интересовался использованием солнечной энергии в целях развития социалистической промышленности (Яблоков 2001: 227–232). Солнце присутствует в прозвище Чепурного, «Японец», т. к. на флаге Японии на самом деле изображено восходящее солнце (Catteau 1984: 39–50). Предположив существование некоего фольклорного подтекста, можно было бы связать псевдоним «Японец» с царством Опоньским, т. е. японским, в свою очередь имеющим отношение к распространенной легенде о Беловодье (Günther 1992: 214)⁷. В учении секты хлыстов солнце якобы напрямую общалось с силами Святого Духа (Кубо 1997: 71–78), в Чевенгуре, напротив, вдохновившись революционным словом, оно становится неутомимым рабочим, настоящим пролетарием, который трудится, помогая всем прежде угнетенным.

В своем *Weltanschauung* Платонов задумывается над построением мира и образом человека в соответствии с четырьмя стихиями греческой философии: земля, огонь, воздух и вода (Дмитровская 1998: 3–6). Мы встречаем в романе весьма показательный отрывок:

— Раз дождь идет, а потом солнце светит, то тезисы ты не жалея, — успокоительно сказал Копенкин [...]

— Как же так? Солнце тебе — раз тезис! Вода — два, а почва — три.

⁷ Согласно легенде, царство Беловодье — вожденная земля бегунов — о которых мы скажем чуть позже, располагалась на территории 70 островов, в море-океане, за китайской Страной. Острова были покрыты непроходимыми вековыми лесами, и зимы там были очень суровыми (Чистов 1967: 258).

— А ветер ты забыл?
 — С ветром — четыре. Вот и все (Платонов 2018а: 192).

Чепурный и Копенкин не выделяют среди стихий огонь, но упоминают солнце, добрый огонь, который не разрушает и является, как мы знаем, исключительным источником благоденствия. Саша Дванов даже слышит приятный шум горения: «воздух он ощутил тяжелым, как воду, солнце — шумящим от горения огня» (Платонов 2018а: 68). Это солнце почти наверняка продолжит освещать коммунистическое общество в течение всего года, изменяя естественную смену сезонов и снабжая жителей Чевенгура и окружающей степи пропитанием в изобилии:

Кроме того — неизвестно, настанет ли зима при коммунизме или всегда будет летнее тепло, поскольку солнце взошло в первый же день коммунизма и вся природа поэтому на стороне Чевенгура (Платонов 2018а: 261).

Неотвратимо приближающийся приход осени с дождями и первыми холодами совпадет с разрушением Чевенгура и истреблением его жителей.

6. Оседлость и однообразие жизни в Чевенгуре нравились не всем. Мишка Луй считал, что коммунизм должен быть в движении, в перемещении, потому что, как скажет Нур-Мухаммед в повести *Джан* (1934–1935): «Кто ходит — тому всегда легче» (Платонов 1988: 495).

Не зная букв и книг, Луй убедился, что коммунизм должен быть непрерывным движением людей в даль земли. Он сколько раз говорил Чепурному, чтобы тот объявил коммунизм странствием и снял Чевенгур с вечной оседлости.

— На кого похож человек — на коня или на дерево: объявите мне по сесте? — спрашивал он в ревкоме, тоскуя от коротких уличных дорог. [...] «Надо, чтобы человека ветром поливало, — убеждал Луй — иначе он тебе опять угнетением слабосильного займется, либо само собою все усохнет, затоскует — знаешь как? (Платонов 2018а: 188–189).

С победой коммунизма в Чевенгуре изменяется язык, но традиции остаются. На самом деле, самый значимый пример, которые мог иметь Луй, был пример русских странников. Небольшая группа монахов в Средние века положила начало явлению странничества, но со временем оно превратилось в социокультурное явление, которое вовлекало различные пласты общества. Несомненно, важный вклад в понятие движения, перемещения, скитания был внесен сектой бегунов, возникшей в конце 18 века в старообрядческой среде. Бегуны считали царя воплощением антихриста, и, соответственно, никонианская православная Церковь, все государственные законы, налоги и поборы, военная повинность, деньги, семья были в их глазах орудиями антихриста. Всегда гонимые за свои взгляды, они считали для себя единственным выходом порвать все социальные связи и бежать, т. е. проводить жизнь, скрываясь и постоянно меняя местонахождение, скитаясь, чтобы не попасть в руки прислужников власти (Чистов 1967: 241).

В романе мотив светского скитания — это своего рода болезнь, которая поражает не только незначительных персонажей, таких как Мишка Луй, но особенно, среди главных героев, Захара Павловича, Дванова и Копенкина. Двое последних всегда в движении, более того:

[...] обоим всадникам стало легче, когда они почувствовали дорогу, влекущую их вдаль из тесноты населения. У каждого, даже от суточной оседлости, в сердце скоплялась сила тоски; поэтому Дванов и Копенкин боялись потолков хат и стремились на дороги, которые отсасывали у них лишнюю кровь из сердца (Платонов 2018а: 111–112).

При этом, нужно заметить, Чевенгур совсем не был царством оседлости. И на самом деле, в целях достичь по заветам коммунизма (которые в этом случае совпадали с христианскими), сближения и знакомства с другими людьми «все постройки стояли не на месте, а на ходу» (Платонов 2018а: 190). Считалось, что граждане смогут легче воспринимать телесность друг друга и познакомиться поближе, если будут жить в смежных помещениях, поэтому строения и дворы постоянно перемещались, таким образом, что близость была не только идеальная, но и пространственная. Коммунизм объединил бы телесно жителей Чевенгура, как Иисус Христос объединяет верующих и, преодолевая их индивидуализм, разрушая все барьеры, превратил бы все множество тел в одно единое тело (Рм. 12, 4–8; Гл. 3, 28; Еф. 2, 11–18; Ин. 17, 20–23) (Дмитровская 1995: 94). Постоянные перемещения сделали улицы такими узкими и извилистыми, что лошадь «Пролетарская Сила⁸, привыкшая к прямым плавным дорогам, волновалась и потела от частых поворотов» (Платонов 2018а: 190).

7. Установление коммунизма должно было принести мир и социальное спокойствие в Чевенгур, можно было бы прийти к строительству настоящего коммунизма, уничтожив буржуазию, считавшуюся смертельным врагом пролетариата и о коварстве и злобе которой жители были прекрасно осведомлены. По вине буржуев отношения между людьми стали невыносимыми. Например, товарищ Пиюся, встречаясь по дороге с буржуями, не раз бросался на них с кулаками, поскольку:

Со дня своего назначения председателем чрезвычайки он не имел душевного покоя и все время раздражался: ведь ежедневно мелкая буржуазия ела советских хлеб, жила в его домах (Пиюся до этого работал двадцать лет каменным кладчиком) и находилась поперек революции тихой стервой (Платонов 2018а: 197).

И наконец, Чепурный решил покончить раз и навсегда с классовыми противоречиями, приказав Пиюсе очистить город от всех угнетающих элементов. Деятельность последнего по выполнению этого приказа приведет

⁸ Так звали лошадь Копенкина, чьи характеристики напоминают чудесных коней из русских сказок (Михеев 2015: 38–39).

к массовому убийству всех буржуев, что и было обозначено на предыдущих страницах романа как неизбежное второе пришествие. В литературной критике не раз отмечались многочисленные евангельские мотивы, которыми наполнено творчество Платонова, особенно роман *Чевенгур*, в котором появляется даже фигура Иисуса Христа (Livingstone 2003: 91–97):

По горизонту степи, как на горе, шел высокий дальний человек, все его туловище было окружено воздухом, только подошвы еле касались земной черты, и к нему неслись чевенгурские люди. Но человек шел, шел и начал скрываться по ту сторону видимости, а чевенгурцы промчались половину степи, потом начали возвращаться — опять одни (Платонов 2018а: 293).

В Евангелии Иисус не раз говорил о Своем втором пришествии или явлении в конце времен, чтобы передать царство Отцу (Мф. 24, 1–51; Мк. 13, 1–37), тогда восстанут мертвые и Сын Человеческий проявит Себя во всей силе и славе (Мф. 24, 30). Однако, перед вторым пришествием Христа, как напоминает апостол Павел, будет отступничество и появление антихриста (2 Ф. 2, 3), который принесет великую скорбь:

Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доньше, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни (Мф. 24, 21–22).

Бог, по Своему милосердию, сократит дни конца, иначе в ужасной борьбе избранных и злых, даже избранные подвергаются опасности прельститься.

Второе пришествие, о котором говорится в *Чевенгуре* это изображение того, что произойдет в конце времен. Избранные Чевенгура (большевики) вступают в смертельную схватку со злыми (буржуазией), убивая их дважды, чтобы воспрепятствовать воскресению их душ: «Буржуев в Чевенгуре перебили прочно, честно, и даже загробная жизнь их не могла порадовать, потому что после тела у них была расстреляна душа» (Платонов 2018а: 196). Таким образом они думали распахнуть двери райского коммунистического общества там, где заканчивается история, как считал Чепурный:

- У нас всему конец.
- Чему ж конец-то? — недоверчиво спрашивал Гопнер.
- Да всей всемирной истории — на что она нужна? (Платонов 2018а: 159).

Через несколько страниц тот же Чепурный ответит:

- Какая кооперация? Какой тебе путь, когда мы дошли? Что ты, дорогой гражданин! Это вы тут жили ради бога на рабочей дороге. Теперь, братец ты мой, путей нету — люди доехали.
- Куда? — покорно спросил Алексей Алексеевич, утрачивая кооперативную надежду в сердце.
- Как куда? — в коммунизм жизни. Читал Карла Маркса?
- Нет, товарищ Чепурный.
- А вот надо читать, дорогой товарищ: история уже кончилась, а ты не заметил (Платонов 2018а: 178).

Между коммунистическим обществом на земле и раем на небе устанавливается четкое соответствие: это те места, где живут праведники. Выражение «конец истории» будет подхвачено Двановым:

[...] и Дванов догадался, почему Чепурный и большевики-чевенгурцы так жаждут коммунизма: он есть конец истории, конец времени, время же идет только в природе, а в человеке стоит тоска (Платонов 2018а: 293).

Более того, кроме «конца истории» он поймет, что люди уже находят-ся при конце света, поскольку русская революция — это конец света:

Александр [...] верил, что революция — это конец света. В будущем же мире мгновенно уничтожится тревога Захара Павловича, а отец-рыбак найдет то, ради чего он своевольно утонул. В своем ясном чувстве Александр уже имел тот новый свет, но его можно лишь сделать, а не рассказать (Платонов 2018а: 56).

Подобно тому, как это происходит в раю, коммунистическое общество будет помогать и обогащать жизнь каждого, наполнит сердца всех граждан («Большевик должен иметь пустое сердце, чтобы туда все могло поместиться») [Платонов 2018а: 56]), и освободит всех, как кажется, даже от смерти. Бердяев так разъясняет суть русского социализма:

Вопрос о русском социализме — апокалиптический вопрос, обращенный к всеразрушающему концу истории. Русский революционный социализм никогда не мыслится, как относительное переходное состояние в социальном процессе, как временная форма экономического и политического устройства общества. Он мыслится всегда, как окончательное и абсолютное состояние, как решение судеб человечества, как наступление царства Божьего на земле (Бердяев 1923: 139).

Массовое убийство, таким образом, знаменует наступление коммунистического «царства» в Чевенгуре, но это кратковременная победа, поскольку внезапно появляется уже упоминавшийся отряд казаков, вполне возможно, направленный из главного управления коммунистической партии, который уничтожит всех жителей поселения.

После истребления буржуазии и полной победы коммунизма, смерть от болезни ребенка нищенки возбудило в Копенкине и некоторых других жителях Чевенгура сомнение, действительно ли был установлен коммунизм или это было всего лишь чистое социальное условие. Самого Чепурного мучает совесть, и он спрашивает себя, не умер ли ребенок именно из-за коммунизма. Тем не менее, ему удается найти множество оправданий в защиту своих действий по устройству нового коммунистического общества, и мать ребенка очень быстро понимает, с кем она имеет дело, как явствует из ее ответа: «— Нет, — сказала она, — тебе не мой ребенок дорог, тебе твоя дума нужна!» (Платонов 2018а: 271). Коммунистическая идея, в отличие от религиозной, которую она должна была заменить, не только не была в состоянии обещать чудеса, но даже и не была ясно понята жите-

лями Чевенгура, для которых коммунизм был просто «обоюдное чувство масс» (Платонов 2018а: 241). Копенкин тем не менее, чувствовал «тихий коммунизм теплым покоем по всему телу, но не как личную высшую идею, уединенную в маленьком тревожном месте груди» (Платонов 2018а: 260). Неимущим жителям Чевенгура более естественным казалось восприятие коммунизма не как великой идеи, но, следуя совету Копенкина, они спустили «себе коммунизм из идеи в тело» (Платонов 2018а: 185), и он таким образом обретал простую форму чувства и восприятия.

Роман завершается двумя массовыми убийствами и самоубийством Дванова. Другие писатели-современники Платонова, Михаил Булгаков и Борис Пастернак, видели в революции апокалипсис. В Чевенгуре, однако, мы попадаем во время сразу после революции, время становления коммунистического общества, которое и было целью революции. Тем не менее, новая, светлая утопия живет под знаком Смерти, обнаруживая таким образом истинный смысл слова «утопия»: οὐ «не» е τόπος «место», т. е. «не-место», которое заслуживает того, чтобы быть стертым со скрижалей истории более коммунистическими коммунистами, чем жители Чевенгура.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Леонид. «К звездам». Андреев Леонид. *Полное собрание сочинений*. Т. 3. Санкт-Петербург: Изд. Т-ва А. Ф. Маркс, 1913.
- Бальмонт Константин. «Будем как Солнце». Бальмонт Константин. *Избранное. Стихотворения, Переводы, Статьи*. Москва: Художественная литература, 1980.
- Бердяев Николай. *Миросозерцание Достоевского*. Прага: The Ymca Press Ltd., 1923.
- Бердяев Николай. «Религия воскрешения». Бердяев Николай. *Собрание сочинений*. Т. III. Париж: Ymca Press, 1989.
- Бердяев Николай. *Русская идея*. Санкт-Петербург: Азбука, 2015.
- Бродский Иосиф. «Предисловие». Платонов Андрей. *Котлован*. Анн-Арбор: Ardis, 1973.
- Вьюгин Валерий. *Андрей Платонов: поэтика загадки*. Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2004.
- Геллер Михаил. *Андрей Платонов в поисках счастья*. Москва: Изд-во «МИК», 1999.
- Дмитровская Мария. «Антропологическая доминанта в этике и гносеологии А. Платонова (конец 20-х — середина 30-х годов)». Корниенко Наталья (ред.-сост.). «*Страна философов*» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. Москва: Наследие, 1995.
- Дмитровская Мария. *Макрокосм и микрокосм в художественном мире А. Платонова*. Калининград: Изд-во КГУ, 1998.
- Доог Бен. «Мыслительные процессы и картины мира автора». Корниенко Наталья (ред.-сост.). «*Страна философов*» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 6. Москва: ИМЛИ РАН, 2005.
- Доог Бен. *Творческое преобразование языка и авторская концептуализация мира у А. П. Платонова. Опыт лингвопоэтического исследования языка романов Чевенгур и Счастливая Москва и повести Котлован*. Gent: Universiteit Gent, 2007.
- Иванов Вячеслав Ив. «Хвала солнцу». Иванов Вячеслав Ив. *Собрание сочинений*. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974.
- Кубо Хисако. «Сектантские мотивы в Чевенгуре Андрея Платонова». *Acta Slavica Iaponica* 15 (1997).
- Ленин Владимир. «О голоде. Письмо к питерским рабочим». Ленин Владимир. *Полное собрание сочинений*. Т. 36. Москва: Изд-во Полит. Литературы, 1974⁵.
- Маркс Карл. «Критика Готской программы. Замечания к программе германской рабочей партии». Маркс, Карл и Энгельс, Фридрих. *Сочинения*. Т. 19. Москва: Гос. Изд-во Политической Литературы, 1961².

- Маяковский Владимир. «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». Маяковский Владимир. *Полное собрание произведений*. Т. 1. Москва: Наука, 2013.
- Меерсон Ольга. *Апокалипсис в быту. Поэтика неостранения у Андрея Платонова*. Москва: Гранат, 2016.
- Михеев Михаил. *Андрей Платонов ... и другие. Языки русской литературы XX века*. Москва: Языки Славянской Культуры, 2015.
- Парамонов Борис. «Чевенгур и окрестности». *Континент* 54 (1987).
- Платонов Андрей. «Джан». Платонов Андрей. *Государственный житель. Проза, Ранние сочинения, Письма*. Москва: Советский писатель, 1988.
- Платонов Андрей. «Чевенгур». Платонов Андрей. *Малое собрание сочинений*. Санкт-Петербург: Азбука, 2018а.
- Платонов Андрей. «Котлован». Платонов Андрей. *Малое собрание сочинений*. Санкт-Петербург: Азбука, 2018б.
- Розанов Василий. «Опавшие листья. Короб первый». Розанов Василий. *Избранное*. Мюнхен: А. Нейманис, 1970а.
- Розанов Василий. «Апокалипсис нашего времени». Розанов Василий. *Избранное*. Мюнхен: А. Нейманис, 1970б.
- Семенова Светлана. «Философия воскрешения Н. Ф. Федорова». Федоров, Николай. *Собрание сочинений: В 4 т.* Т. 1. Москва: Издательская группа «Прогресс», 1995.
- Толстая-Сегал Елена. «Идеологические контексты Платонова». Корниенко Наталья, Шубина Елена (сост.). *Андрей Платонов: мир творчества*. Москва: Современный писатель, 1994.
- Федоров Николай. «Из первого тома “Философии общего дела”». Федоров Николай. *Сочинения*. Москва: Изд-во «Мысль», 1982.
- Федоров Николай. «Будущее астрономии». Федоров Николай. *Собрание сочинений: В 4 т.* Т. 2. Москва: Издательская группа «Прогресс», 1995.
- Чистов Кирилл. *Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.* Москва: Наука, 1967.
- Эпштейн Марк. «Язык бытия у Андрея Платонова». *Вопросы литературы* 3 (2006).
- Эткинд Александр. *Хлыст. Секты, литература и революция*. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.
- Яблоков Евгений. «О философской позиции А. Платонова (Проза середины 20-х — начала 30-х годов)». *Russian Literature XXXII/III* (1992).
- Яблоков Евгений. «Солнце». *На берегу неба (Роман Андрея Платонова Чевенгур)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001.
- Bethea David. *The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1989.
- Brodskij Iosif. “Catastrofi nell’aria”. *Il canto del pendolo*. Milano: Adelphi, 1987.
- Borenstein Eliot. *Men without Women. Masculinity and Revolution in Russian Fiction 1917–1929*. Durham [N.C.]: Duke University Press, 2000.
- Catteau Jacques. «De la métaphorique des utopies dans la littérature russe et de son traitement chez Andrej Platonov». *Revue des études slaves* 56/1 (1984).
- Günther Hans. «Чевенгур и ‘опоньское’ царство. К вопросу народного хилиазма в романе А. Платонова». *Russian Literature XXXII/III* (1992).
- Lane Tora. *Andrey Platonov. The Forgotten Dream of the Revolution*. Lanham [etc.]: Lexington Books, 2018.
- Livingstone Angela. «Half-Worlds and Horizons in Platonov’s Chevengur». *Slavonica* IX/2 (2003).
- Seifrid Thomas. *Andrei Platonov: Uncertainties of Spirit*. Cambridge [etc.]: Cambridge University Press, 1992.

LITERATURE

- Andreev Leonid. «К zvezdam». Andreev Leonid. *Polnoe sobranie sochinenij*. Т. 3. Sankt-Peterburg: Izd. T-va A. F. Marks, 1913.
- Bal’mont Konstantin. «Budem kak Solnce». Bal’mont Konstantin. *Izbrannoe. Stihotvoreniya, Perevody, Stat’i*. Moskva: Hudozhestvennaya Literatura, 1980.

- Berdyayev Nikolaj. *Mirosozercanie Dostoevskogo*. Praga: The Ymca Press Ltd., 1923.
- Berdyayev Nikolaj. «Religiya voskresheniya». Berdyayev Nikolaj. *Sobranie sochinenij*. T. III. Parizh: Ymca Press, 1989.
- Berdyayev Nikolaj. *Russkaya ideya*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2015.
- Bethea David. *The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1989.
- Brodskij Iosif. «Catastrofi nell'aria». Brodskij Iosif. *Il canto del pendolo*. Milano: Adelphi, 1987.
- Brodskij Iosif. «Predislovie». Platonov, Andrej. *Kotlovan*. Ann-Arbor: Ardis, 1973.
- Borenstein Eliot. *Men without Women. Masculinity and Revolution in Russian Fiction 1917–1929*. Durham [N.C.]: Duke University Press, 2000.
- Catteau Jacques. «De la métaphorique des utopies dans la littérature russe et de son traitement chez Andrej Platonov». *Revue des études slaves* 56/1 (1984).
- Chistov Kirill. *Russkie narodnye social'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* Moskva: Nauka, 1967.
- Dmitrovskaya Mariya. «Antropologicheskaya dominanta v etike i gnoseologii A. Platonova (konec 20-h — sredina 30-h godov)». Kornienko Natal'ya (red.-sost.). «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova: problemy tvorchestva*. Vyp. 2. Moskva: Nasledie, 1995.
- Dmitrovskaya Mariya. *Makrokosm i mikrokosm v hudozhestvennom mire A. Platonova*. Kalinigrad: Izd-vo KGU, 1998.
- Dooge Ben. «Myslitel'nye processy i kartiny mira avtora». Kornienko Natal'ya (red.-sost.). «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova: problemy tvorchestva*. Vyp. 6. Moskva: IMLI RAN, 2005.
- Dooge Ben. *Tvorcheskoe preobrazovanie yazyka i avtorskaya konceptualizaciya mira u A. P. Platonova. Opyt lingvopoeticheskogo issledovaniya yazyka romanov Chevengur i Schastlivaya Moskva i povesti Kotlovan*. Gent: Universiteit Gent, 2007.
- Epshtejn Mark. «Yazyk bytiya u Andreya Platonova». *Voprosy literatury* 3 (2006).
- Etkind Aleksandr. *Hlyst. Sekty, literatura i revolyuciya*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Fedorov Nikolaj. «Iz pervogo toma “Filosofii obshchego dela”». Fedorov Nikolaj. *Sochineniya*. Moskva: Izd-vo «Mysl'», 1982.
- Fedorov Nikolaj. «Budushchee astronomii». Fedorov Nikolaj. *Sobranie sochinenij*: V 4 t. T. 2. Moskva: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995.
- Geller Mihail. *Andrej Platonov v poiskah schast'ya*. Moskva: Izd-vo «MIK», 1999.
- Günther Hans. «Chevengur i 'opon'skoe' carstvo. K voprosy narodnogo hiliazma v romane A. Platonova». *Russian Literature XXXII/III* (1992).
- Ivanov Vyacheslav Iv. «Hvala solncu». Ivanov Vyacheslav Iv. *Sobranie sochinenij*. T. 2. Bryussel': Foyer Oriental Chrétien, 1974.
- Kubo Hisako. «Sektantskie motivy v Chevengure Andreya Platonova». *Acta Slavica Iaponica* 15 (1997).
- Lane Tora. *Andrey Platonov. The Forgotten Dream of the Revolution*. Lanham [etc.]: Lexington Books, 2018.
- Lenin Vladimir. «O golode. Pis'mo k piterskim rabochim». Lenin Vladimir. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 36. Moskva: Izd-vo Politicheskoy Literatury, 1974.
- Livingstone Angela. «Half-Worlds and Horizons in Platonov's Chevengur». *Slavonica* IX/2 (2003).
- Marks Karl. «Kritika Gotskoj programmy. Zamechaniya k programme germanskoj rabochej partii». Marks, Karl i Engel's, Fridrih. *Sochineniya*. T. 19. Moskva: Gos. Izd-vo Politicheskoy Literatury, 1961².
- Mayakovskij Vladimir. «Neobychajnoe prikluychenie, byvshee s Vladimirom Mayakovskim letom na dache». Mayakovskij Vladimir. *Polnoe sobranie proizvedenij*. T. 1. Moskva: Nauka, 2013.
- Meerson Ol'ga. *Apokalipsis v bytu. Poetika neostraneniya u Andreya Platonova*. Moskva: Granat, 2016.
- Miheev Mihail. *Andrej Platonov ... i drugie. Yazyki russkoj literatury XX veka*. Moskva: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2015.
- Paramonov Boris. «Chevengur i okrestnosti». *Kontinent* 54 (1987).
- Platonov Andrej. «Dzhan». Platonov Andrej. *Gosudarstvennyj zhitel'. Proza, Rannie sochineniya, Pis'ma*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1988.

- Platonov Andrej. «Chevengur». Platonov Andrej. *Maloe sobranie sochinenij*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2018a.
- Platonov Andrej. «Kotlovan». Platonov Andrej. *Maloe sobranie sochinenij*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2018b.
- Rozanov Vasilij. «Opavshie list'ya. Korob pervyj». Rozanov Vasilij. *Izbrannoe*. Myunhen: A. Neimanis, 1970a.
- Rozanov Vasilij. «Apokalipsis nashogo vremeni». Rozanov Vasilij. *Izbrannoe*. Myunhen: A. Neimanis, 1970b.
- Seifrid Thomas. *Andrei Platonov: Uncertainties of Spirit*. Cambridge [etc.]: Cambridge University Press, 1992.
- Semenova Svetlana. «Filosofiya voskresheniya N. F. Fedorova». Fedorov, Nikolaj. *Sobranie sochinenij*: V 4 t. T. 1. Moskva: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995.
- Tolstaya-Segal Elena. «Ideologicheskie konteksty Platonova». Kornienko Natal'ya, Shubina Elena (sost.). *Andrej Platonov: mir tvorchestva*. Moskva: Sovremennyy pisatel', 1994.
- V'yugin Valerij. *Andrej Platonov: poetika zagadki*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 2004.
- Yablokov Evgenij. «O filosofskoj pozicii A. Platonova (Proza serediny 20-h — nachala 30-h godov)». *Russian Literature*. XXXII/III (1992).
- Yablokov Evgenij. «Solnce». Yablokov Evgenij. *Na beregu neba (Roman Andreyta Platonova Chevengur)*. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2001.

Луиђи Магарото

ТРАГИЧКА РЕШЕЊА У РОМАНУ *ЧЕВЕНГУР* АНДРЕЈА ПЛАТОНОВА

Резиме

Аутор анализира главне теме које чине структуру романа *Чевенџур* Андреја Платонова. Пре свега, он се задржава на пишевом начину излагања, који збуњује читаоца прегазићеношћу различитим техникама и својом фрагментираношћу. Затим се испитује утицај теорије о васкрсењу мртвих, коју је развио Николај Фјодоров. У даљем раду аутор показује да одсуство жена у Чевенгуру неизоставно доводи мушку популацију до манифестација хомосексуалности. Чини се да комунизам створен у Чевенгуру није вођен Лењиним заповестима, већ идејама бројних мистично-религијских секти, које се у руској историји срећу у изобиљу. Рад се укида не због победе комунизма, већ зато што постоји сунце, које својом снагом и топлотом становницима бесконачне степе дарује све што им је потребно за живот. Трагичка одлика чевенгурског комунизма јесте истребљење свих буржуја, припадника насеобине, у име успостављања правог комунистичког система. Штавише, масовно убиство је такође дефинисано као други долазак, у покушају да се на овај начин повуче паралела између комунистичког друштва на земљи и раја на небу: то су, наводно, два места, где живе праведници.

Кључне речи: *Чевенџур*, Андреј Платонов, васкрсење мртвих, сексуални односи, праведност, социјал-комунистички рад, рајско комунистичко друштво.

Ханс Гюнтер
Университет Билефельда
hans.guenther@uni-bielefeld.de

Hans Günther
Universität Bielefeld
hans.guenther@uni-bielefeld.de

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ:
АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР

SPACE AND TIME:
ANDREY PLATONOV AND OSWALD SPENGLER

В русской литературе XX века вряд ли можно найти более тонкое чувство поэзии пространства, чем у Андрея Платонова. В то же время Платонов понимает, что безграничные просторы России представляют помеху на пути к развитию страны. В своих размышлениях об отношениях пространства и времени он находит близкие ему мысли в книге О. Шпенглера *Закат Европы*. Обоих авторов волнует представление о трагической необратимости времени. Главная мысль, которую Платонов развивает в своей статье «Симфония сознания» (1922) в соответствии с точкой зрения немецкого автора, это представление о пространстве как застывшем времени. В отличие от Шпенглера, Платонов, однако, делает акцент на революционном устремлении в будущее.

Ключевые слова: пространство, время, история, необратимость времени, революция, *Закат Европы* О. Шпенглера.

On the one hand Andrei Platonov has a deeper sense for the poetics of space than any other Russian author of the 20th century, on the other hand he understands that the endless Russian space is an obstacle to the development of his country. In his reflection on the relationship between space and time he finds some ideas in Oswald Spengler's book *The Decline of the West* which, as he felt, were rather close to him. Both authors are concerned with the tragic irreversibility of time. The main idea, though, which Platonov develops in his essay „The symphony of consciousness“ (1922) in accordance with the German author is the idea of space as „frozen“ time. Unlike Spengler, however, he puts the stress on the revolutionary set off for future.

Key words: space, time, history, irreversibility of time, revolution, O. Spengler's *The Decline of the West*.

Продолжающаяся до сих пор дискуссия о связи между шириной пространства и ходом русской истории началась около 1830 г. с философа Петра Чаадаева. Он задавал основной тон в этом вопросе и отмечал преобладание географического фактора, «который властно господствует над нашим

историческим движением, который красною нитью проходит через всю нашу историю» (Чаадаев 1989: 16). Согласно Чаадаеву, Россия живет «как бы вне времени» (Там же: 41), «без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя» (Там же: 43), вследствие чего Россия не знает последовательных процессов развития, как другие европейские страны. И в творчестве Андрея Платонова, который был хорошо знаком с безграничными просторами степей воронежской губернии, проблема пространства занимает выдающееся место. Благодаря его деятельности в качестве инженера и мелиоратора он знал проблему отсталости крестьянской страны по собственному опыту. Электрификацию и индустриализацию он считал предпосылкой для того, чтобы «победить и пространство, эту первую причину дикости, голода и душевной нищеты» (Платонов 2004, 1/2: 235).

В книге Освальда Шпенглера *Закат Европы* Платонов столкнулся с размышлениями о взаимоотношении пространства и истории, которые пересекались с его стремлением к преодолению косности пространства. Перевод шпенглеровской книги вышел в свет в 1923 г. и пользовался огромным успехом в России¹. В своей статье «Симфония сознания (Этюды о духовной культуре)»² Платонов подхватывает некоторые идеи Шпенглера о связи пространства и времени. Основная мысль, которая появляется в самых разных вариациях, гласит: «То, что будет, есть время, то, что было, есть пространство. Иначе: пространство есть прошлое замерзшее время [...]» (Платонов 2004, 1/2: 221).

Отрицательная оценка пространства у Платонова объясняется тем, что с ним связаны насущные проблемы, с которыми он непосредственно сталкивается в своей работе. Пространство определяется им как «тень истории, ее отбросы, экскременты», как «время, съеденное историей», как «мрачное тюремное ущелье, тихий просторный белый каземат» (Там же: 224). В сопоставлении жизни людей в пространстве природы с голодным в зимнем поле Платонов бесспорно намекает на катастрофический голод на Волге 1921–1922 гг.

В «Симфонии сознания» понятия пространство и природа употребляются Платоновым — как и Шпенглером — почти как синонимы. Они охарактеризованы застоём времени, что находит свое выражение в романе *Чевенгур* в фразе «как было, как есть теперь» (Там же). Однообразность течения рек и смена времен года выступают как символы фатальной длительности. Они говорят о том,

что ничего не изменяется к лучшему — какими были деревни и люди, такими и останутся. Ради сохранения равносильности в природе, беда для человека всегда повторяется. Был четыре года назад неурожай — мужики

¹ Скорее всего Платонов познакомился с содержанием книги Шпенглера через брошюру *Освальд Шпенглер и Закат Европы*, вышедшую в 1922 г. См. комментарий: (Платонов 2004, 1/2: 399).

² Статья была отвергнута газетой *Воронежская коммуна*. Рассказ «Эфирный тракт» (1927–1928), который содержит текст, во многом пересекающийся с «Симфонией сознания», также не был опубликован при жизни Платонова.

из деревни вышли в отход, а дети легли в ранние могилы, — но эта судьба не прошла навеки, а снова теперь возвратилась ради точности хода всеобщей жизни. (Платонов 2009, 3: 45)

Ощущение времени у Платонова обычно сопровождается скукой и тоской. Апокалиптическое чувство застоя времени охватывает и героя рассказа «Сокровенный человек»:

Время кругом его стояло, как светопреставление, где шевелилась людская живность и грузно ползли объемистые виды природы. А надо всем лежал чад смутного отчаяния и терпеливой грусти. (Платонов 2009, 2: 206)

И у Шпенглера история и природа относятся друг к другу «как *жизнь и смерть*, как *вечно становящееся время* и *вечно ставшее пространство*» (Шпенглер 2003: 203). Пространство как застывшее время пребывает «вне времени, будучи оторванным от него, а тем самым — и от жизни. В качестве признанного свойства вещей в нем господствует продолжительность, отрезок умершего времени» (Там же: 217). В отличие от этого история — «это современные события устремленности в будущее с оглядкой на прошлое. Природа находится по ту сторону всякого времени, имея в себе черту протяжения, однако без направления» (Там же: 204).

У обоих авторов человек стоит на пороге между временем и пространством. У Платонова эта позиция связана с революционной устремленностью в будущее. Творческий человек, как пишет Платонов,

стоит посреди — на зыбкой волнующейся грани времени и пространства и неумоимо, бесценно строит из жидкой пламенной лавы времени твердые холодные камни — пространство. (Платонов 2004, 1/2: 222)

Взгляд в даль³ устремлен на «неосуществленное пространство, т. е. будущее» (Платонов 2004, 1/2: 225), на сферу небывалого, «невозможного»⁴.

На судьбоносной дороге в неизвестное будущее человек сталкивается с тревожной проблемой необратимости времени, которая волнует и Шпенглера:

Это есть нечто неуловимое, превращающее будущее в прошлое, и это придает времени в противоположность пространству полную противоречий неоднозначность <...>. (Шпенглер 2003: 120)

В той же степени и для Платонова трагика времени связана с этой необратимостью. В *Чевенгуре* мы читаем:

Дванов почувствовал тоску по прошедшему времени: оно постоянно сбивается и исчезает, а человек остается на одном месте со своей надеждой на будущее. (Платонов 2009, 3: 335)

³ Шпенглер замечает: «У слова *даль* — красноречивый двойной смысл. В одном случае оно обозначает *будущее*, в другом — *пространственное расстояние*» (Шпенглер 2003: 142). У Платонова *даль* также обозначает и пространственный горизонт, и будущее.

⁴ *Любовь к невозможному* часто встречается в текстах Платонова 1920–1921 гг. Оно восходит к русскому символизму, в особенности к Вячеславу Иванову. См.: Günther 2020: 106–109.

В неодољивој обратимости лежить как для Шпенглера, так и для Платонова «загадка» и «тайна» времени (см. Дмитриовская 1997: 302–313). Герой романа *Ювенильное море* старается «постигнуть тайну и скуку исторического времени» (Платонов 2009, 2: 359), а нетерпеливый большевик Чепурный заканчивает «долготу истории срочным устройством коммунизма в Чевенгуре» (Платонов 2009, 3: 318), потому что он не выдерживает тайны времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриовская, Мария. «Загадка времени: А. Платонов и О. Шпенглер». *Логический анализ языка*. Т. 9: Язык и время. Москва: Индрик, 1997: 302–313.
 Платонов Андрей. *Сочинения*. Т. 1. Кн. 2. Москва: ИМЛИ РАН, 2004.
 Платонов Андрей. *Собрание*. Москва: Время, 2009.
 Чаадаев Петр. *Статьи и письма*. Москва: Современник, 1989.
 Шпенглер Освальд. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 1. Образ и действительность. Перевод И. И. Маханькова. Москва: Айрис Пресс, 2003.
 Günther Hans. *Revolution und Melancholie. Andrej Platonovs Prosa der 1920er Jahre*. Berlin: Frank&Timme, 2020.

REFERENCES

- Chaadaev Petr. *Stat' i i pis'ma*. Moskva: Sovremennik, 1989.
 Dmitrovskaya, Mariya. «Zagadka vremeni: A. Platonov i O. Shpengler». *Logicheskij analiz yazyka*. Т. 9: Yazyk i vremya. Moskva: Indrik, 1997: 302–313.
 Günther Hans. *Revolution und Melancholie. Andrej Platonovs Prosa der 1920er Jahre*. Berlin: Frank&Timme, 2020.
 Platonov Andrej. *Sochineniya*. Т. 1. Кн. 2. Moskva: IMLI RAN, 2004.
 Platonov Andrej. *Sobranie*. Moskva: Vremya, 2009.
 Shpengler Osval'd. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii*. Т. 1. Obraz i dejstvitel'nost'. Perevod I. I. Makhan'kova. Moskva: Airis Press, 2003.

Ханс Гинтер

ПРОСТОР И ВРЕМЕ: АНДРЕЈ ПЛАТОНОВ И ОСВАЛД ШПЕНГЛЕР

Резиме

У руској књижевности XX века тешко да се може наћи тананије осећање за поезију простора од оног које поседује Андреј Платонов. Истовремено Платонов схвата да бескрајни простори Русије представљају сметњу на путу развоја земље. У својим размишљањима о односу простора и времена он проналази њему блиске мисли у књизи О. Шпенглера *Пројаси Зайада*. Оба аутора дубоко потреса представа о трагичној иреверзибилности времена. Главна мисао, коју Платонов развија у свом чланку «Симфонија свести» (1922) у складу с тачком гледишта немачког аутора, јесте представа о простору као окамењеном времену. За разлику од Шпенглера, Платонов, међутим, ставља акценат на револуционарну окренутост ка будућности.

Кључне речи: простор, време, историја, иреверзибилност времена, револуција, *Пројаси Зайада* О. Шпенглера.

VERBUM IURO

Игорь Пильщиков

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Таллинский университет
pilshchikov@ucla.edu

Денис Иоффе

Брюссельский университет
Denis.Ioffe@ulb.be

Igor Pilshchikov

University of California, Los Angeles
Lomonosov Moscow State University
Tallinn University
pilshchikov@ucla.edu

Dennis Ioffe

Université libre de Bruxelles
Denis.Ioffe@ulb.be

РУССКИЙ МАТ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIAN “MAT”: YESTERDAY, TODAY, AND TOMORROW

Введение в «научно-матерный кластер» журнала *Зборник Майице српске за славистику* повествует об обстоятельствах появления этого уникального собрания статей, посвященных специфичному набору тем, до сих пор не становившихся предметом широкого научного обсуждения. Помимо экскурса в историю изучения русского мата здесь рассматриваются отдельные лингвистические и культурные казусы, по разным причинам не вошедшие в основные работы кластера. Статья содержит краткий обзор проблематики этих работ.

Ключевые слова: мат в русском языке, литературе и культуре, динамика социальных функций мата, прагматика, перформативность.

The introduction to the special “obscene cluster” of the *Matica Srpska Journal of Slavic Studies* recounts the circumstances of the emergence of our unique collection of articles, which treat a set of topics that have hitherto not been accepted for wide scholarly discussion. In addition to an excursus into the history of the study of Russian obscene language, we also point toward several specific linguistic and cultural questions, which for various reasons have not been included in this forum. The article also includes a brief overview of the topics discussed in our cluster.

Key words: obscenities (*mat*) in Russian language, literature and culture, dynamics of *mat*'s social functions, pragmatics, performativity.

Блок статей, публикуемый в юбилейном 100-м номере журнала *Зборник Матице српске за славистику* (*Славистический сборник Матицы сербской*), посвящен мату в русском языке, письменности литературе и культуре с древних времен до наших дней.

История появления нашего блока сама могла бы стать предметом отдельного социологического или культурологического исследования. Немного авантюрная и не без детективного уклона, она живейшим образом воплощает кардинальные перемены в «общественно-политическом» отношении к мату, произошедшие в России за последнее десятилетие. Нет, материться меньше не стали. Но добытое было после падения советской власти вольное право на использование мата в современном кино и художественной литературе, на воспроизведение мата в сочинениях и письмах писателей-классиков, в публикациях фольклорных текстов и бытовых документов недавнего и стародавнего прошлого — не говоря уже о научном исследовании мата лингвистами, антропологами, психологами и социологами, — это право вновь оказывается под большим вопросом и с каждым днем всё больше утрачивается.

Наша коллективная научная история началась года три назад, когда российско-американский филолог Александр Жолковский во время поездки в Санкт-Петербург встретился с российским музыкантом, поэтом и шоуменом Сергеем Шнуровым, которому пришла в голову небанальная идея издать сборник научных статей о мате в русской культуре вообще и своих произведениях в частности (см. об этом в статье А. К. Жолковского в настоящем томе). Антиматерные законы к тому времени были уже приняты (см. обзор введенных запретов в статье И. А. Пильщикова, открывающей наш блок), что, однако, нисколько не мешало самому Шнурову исполнять на концертах матерные песни и публиковать снятые на эти песни видеоклипы, привлекающие десятки миллионов зрителей и слушателей. Однако общественная атмосфера, усугубленная ковидом и национально-патриотической политической повесткой, неуклонно сгущалась, и собранный в соответствии с первоначальной задумкой сборник статей, принятый в солидное петербургское научное издательство и полностью отредактированный, так и не вышел в свет¹. Издательство, заключившее договор со всеми авторами и даже выплатившее часть гонораров, по какой-то причине отказалось его выпускать. Через некоторое время наш том был официально предложен другому солидному академическому издательству, на этот раз московскому, но и оттуда ревнители матерщины и матерной словесности не получили не только утешительных вестей, но даже элементарного ответа. Похоже, при соприкосновении с трансгрессивно-опасным русским матом древний ужас (*terror antiquus*) охватывает теперь даже самых политически защищен-

¹ На встрече в петербургской ресторации, где обсуждалась идея этого новаторского сборника, помимо Шнурова и Жолковского присутствовали также Андрей Аствацатуров и директор петербургского издательства, на тот момент очень заинтересованного в данном проекте.

ных и финансово самодостаточных хозяев и хозяек российской интеллектуальной жизни.

Изучение русского мата внезапно «перестало» интересовать и научное сообщество. Когда один из авторов этого предисловия попытался напечатать в узкоспециальном сборнике статью о матерной фразеологии, его тоже постигло фиаско. Даже не постигло, а настигло — дотянулось в последний момент и заключило в свои костлявые объятия. Хотя состав сборника, редакторы которого приняли к печати «матерную» работу, был утвержден ученым советом столичного академического института, сам сборник должен был выйти (и вышел) в университетском издательстве — чтобы не показывать пальцем, скажем только, что не в московском и не в петербургском. Реакция провинциальных издателей была еще более откровенной и непосредственной, чем у их коллег в метрополиях. Срочным междугородним звонком они потребовали у редакторов изъять из сборника «непристойную» статейку. Между тем менее четверти века назад в *Вестнике* того же самого университета была опубликована работа, входящая ныне во все базовые исследовательские библиографии по русскому мату. Кажется, «деятели науки, образования и культуры» забыли завет И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, который еще в 1875 году писал:

<...> неприличия исследователь языка не знает, и все слова для него одинаково приличны. Никакой кастрации и ханжества! Слова *бѣг*, *генерал* и т. п. так же хороши, как, например, *жѣна* и т. п. В этом отношении не следует брать пример ни с Даля, ни с Макарова, которые вследствие какой-то нелепой, монашеской или евнуховской, скромности, выбросили некоторые очень важные и интересные слова, о значении которых <...> читатель должен <...> судить по собственному разумению частным порядком. (Бодуэн-де-Куртенэ 1963: 143)

История российской науки XX века хорошо знакома с подобного рода казусом. Как известно, из русского научного перевода этимологического словаря Макса Фасмера были изъяты главные матерные слова:

Немецкое издание словаря Фасмера <...> включало в себя почти все основные непроизводные обценные лексемы. <...> [И]з первого русского издания были изъяты статьи на слова: «блядь», «ебать», «пизда» и «хуй», оставлены: «бздеть», «дристать», «дрочить», «жопа», «манда», «мудо», «пердеть», «срать», «сцать»> и добавлена статья на слово «елда». (Плуцер-Сарно 2005а: 202)

Кто же был виновником сокращения (или, по слову Бодуэна, «кастрации») фасмеровского словаря? Переводил и дополнял словарь О. Н. Трубачев, а редактором был назначен Б. А. Ларин. Из воспоминаний самого Трубачева (1978) как будто следует, что именно он «боролся за сохранение непристойной лексики, тогда как Ларин настаивал на ее исключении» (Успенский 1994: 54; ср. Плущер-Сарно 2005а: 202). По саркастическому замечанию Б. А. Успенского, это «едва ли не уникальный случай, когда лингвист настаивает на ограничении материала, исходя из внелингвистических сооб-

ражений» (Успенский 1994: 54). Однако прямого указания на «вину» Ларина в тексте трубачевских воспоминаний нет (Мокиенко 2003: 46–49). Мемуарист рассказывает, как он «предпринял усилия, чтобы убедить редакцию и дирекцию и не сокращать то, что в принципе дополнялось», и отдельно оговаривает, что заведующим редакцией, от имени которой было написано предисловие с оправданием купюр, был В. А. Звегинцев (Трубачев 1978: 21). Тем не менее задним числом мемуарист нашел аргументы в поддержку этого откровенно антинаучного решения. Трубачев усмотрел в борьбе с матерщиной «проявление целомудренности народа, его особой чувствительности к непристойностям в языковой сфере» (Успенский 1994: 54). По словам исследователя, такие слова «знаменуют, так сказать, антикультуру и особенно строго изгоняются из литературного языка и культурной жизни в эпоху массовой книжной продукции» (Трубачев 1978: 22).

Вековой запрет на публичный мат рухнул вместе с нерушимым Союзом, и в середине 1990-х казалось (теперь уже можно сказать — мерещилось), что общественное табу на мат ушло в небытие навсегда. Филологи и культурологи рассуждали о том, что этот архаичный запрет не имеет даже теоретических шансов на возвращение:

Таким образом, культурный вектор вполне определился. Возникает вопрос: что же теперь будет? Будет примерно следующее: легализация мата неизбежно должна привести к его превращению из особого языка в один из стилистических регистров русского литературного языка. (Зорин 1996: 136)

Казалось бы, к тому оно и шло. Были напечатаны без единой купюры самые высоконасыщенные матом произведения русской классики — *Девушка и игрушка* и *Тень Баркова* (Зорин, Панов 1992; Пильщиков, Шапир 2002). Полноценных научных изданий, наконец, удостоились «заветные сказки» и «заветные пословицы» (Афанасьев 1997), матерные эротические и политические частушки (Топорков 1995; Волков 1999). В печати появились исследования² и объемистые словари русской матерщины (см.: Баранов, Добровольский 2005 (первая публикация — 1995); Мокиенко, Никитина 2003 (более ранние варианты словаря — с 1995); Плущер-Сарно 2001, 2005б). Однако нет: два десятилетия спустя начался откат, и теперь ситуация с русским матом (хочется невесело пошутить: не «с матом», а «без мата») мало чем отличается от позднесоветской. О причинах такого отката историкам культуры еще предстоит размышлять. А символом восстановленного status quo стал диалог С. В. Шнурова и В. В. Путина на предновогодней президентской пресс-конференции 2020 года:

Окружающую нас действительность вполне возможно описать без мата. Об этом заявил на большой пресс-конференции президент России Владимир Путин, отвечая на вопрос представляющего телеканал RTVI Сергея Шнурова, поинтересовавшегося, как «простому русскому человеку» описать «эту

² См. прежде всего сборники «Анти-мир русской культуры» (Богомолов 1996) и «Злая лая матерная...» (Жельвис 2005).

жизнь, не используя ненормативную лексику». <...> «В принципе язык русский достаточно богатый для того, чтобы ясно и доходчиво выражать свои мысли, не прибегая к ненормативной лексике», — сказал Путин, поблагодарив Шнурова, известного активным использованием обсценной лексики на сцене и за ее пределы, за то, что он обошелся без мата на пресс-конференции. (Калюков 2020)

Из всего этого, конечно, никак не следует де-юре, что «ненормативную лексику» не нужно изучать. Но де-факто, как оказалось, следует. Через полгода последовал демарш, который поставил то ли точку, то ли многоточие в новейшей истории делегитимации мата в России. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» мат включен в число прямых угроз стабильному существованию страны:

Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обеспечивается путем <...> защит[ы] и поддержк[и] русского языка как государственного языка РФ, усилени[я] контроля за соблюдением норм современного русского литературного языка, пресечени[я] публичного исполнения, распространения через средства массовой информации продукции, в которой содержатся слова и выражения, не соответствующие указанным нормам (в том числе нецензурная лексика). (п. 93.12) (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=37>)

Остался один путь — опять публиковаться за границей. Действительно, нам не привыкать. *Русские заветные сказки* Афанасьева печатались в Женеве, цветы *Русской потаенной литературы* расцветали в Лондоне, *Тень Баркова* впервые вышла в Венеции, а *Николай Николаевич* и *Кенгуру* — в Энн Арборе. Тем более, что название приютившего нас журнала, выходящего под грифом «Матицы сербской», связано с проблемами матерщины отношениями паронимической и этимологической аттракции (ср. замечание А. К. Жолковского во второй части его статьи). Кстати, одна работа из нашего неосуществленного издания уже была опубликована именно здесь — в 98-м томе *Славистического сборника* (Россомахин, Замятина 2020). Так что и на точку, и на многоточие наш «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» (Тургенев 1982: 172) дает один ответ — «две точки с запятой» (Пушкин 1937: 296).

Внешне монолитный ряд метаязыковых обозначений мата: *мат*, *матерная ругань (брань)*, *матерщина* — *ругаться матом*, *крыть матом*, *материться*, *матюгаться* — *выражаться матерно*, *по-матерну*, *по матери* (Kauffman 1980: 274–275; Кожевников 2003: 339–340) — генетически гетерогенен. В нем представлены два этимона — *мат-* (базовое существительное — *мат*) и *матер-* (базовое существительное — *мать*). Связь «мата» и «матери» — опосредованная, этимологически они не родственны, однако ассоциируются друг с другом паронимически и семантически. *Мат* в современном языке — это ‘грубая брань’, но первоначально это слово обозначало ‘громкий голос, крик’; такое значение сохранилось в белорусском языке, в русских диалектах, а также в общерусской идиоматике — в выра-

жении «*кричать благим матом*» (ЭССЯ 1993, 18: 10–11; Вечеслова 2007: 91). Более глубокие этимологические связи *мата* (см. о них: Jakobson 1955: 613; ЭССЯ 1993, 18: 10–11; ср. ЭССЯ 1990, 17: 235–236) носителями русского языка не осознаются; при этом «в совр<еменном> языковом сознании слово *мат* ассоциируется с *мать, материться, матерный*» (Вечеслова 2007: 91). Синонимы *мата* — «*матерная брань*», «*материца*», а человек, использующий мат — «*материциник*». Но если по-русски *материца* — это ‘грубая (матерная) брань’, то по-чешски и по-словацки *materština* (чеш.), *materčina* (слов.) — это ‘материнская речь, родной язык’, а по-словенски *materščina* — это вообще ‘(всё) материнское’ (Там же: 99).

Семантическое развитие прилагательного *матерный1* ‘материнский’ → *матерный2* ‘грубый, оскорбительный’ (Там же: 98) стало возможным благодаря ассоциациям *мата* с *матерью*, которые имеют не только паронимический, но и метонимический характер: прагматико-семантическое ядро русского мата составляют выражения «*ёб твою мать*» и «*ебёна мать*». Эти формулы, забыв о своем языческом прошлом (см. Успенский 1994), тесно сплелись в речевом сознании, образовав Главное Русское Ругательство, «русский титул» (как называл его Пушкин) (Пушкин 1937, XIII: 126), долгое время остававшееся едва ли не единственным собственно бранным матерным выражением. Оно первым начало употребляться фигурально — в отличие от прочих матерных слов и словосочетаний, которые использовались преимущественно в прямом, материальном смысле.

Таким образом, «русский титул» открыл всей матерной лексике и фразеологии путь к расцвету — торную дорогу к бранной инвективности и ситуативной многозначности, столь характерной для современного мата. Вместе с тем некоторые матерные слова ушли из активного обихода (*елда́, шахна́, манда́* — сохранившаяся, впрочем, в составе слова *мандаво́шка*³), а многие словосочетания просто забылись и лишь теперь обнаруживаются в берестяных грамотах, вызывая любопытство и недоумение у лингвистов («*пеи пизда и съкыле*», «*гуска сологал гуска гозу юбае*») (Зализняк, Янин 2006: 8–12; Антропов 2021)⁴. Место же Главного Русского Ругательства в XX столетии заняло короткое, ёмкое и смачное слово *хуй*⁵. На заборах теперь пишут именно его, а не полузабытую «*ебёну мать*». Кроме того, матерная фразеология мультиплицировалась и обрела невиданное разнообразие — как словообразовательное, так и семантическое. В ряду лексико-семантических новообразований особое место занимает слово *муда́к* (подробнее о его происхождении см. в статье И. А. Пильщикова). Существенной социолингвистической характеристикой этого слова является быстрорастущая частота его употребления, сперва в единственном, а теперь и во множественном числе (ср. «*как заеба́ли все эти мудаки́*»).

³ См. о них экскурсы 1–3 в приложении к настоящей статье.

⁴ См. обсуждение этих и других примеров в статьях И. А. Пильщикова и Д. Иоффе в наст. изд.

⁵ Ср. тщательно и даже любовно написанную «народно-академическую» статью «Йух»: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/947877>

Все перечисленные проблемы активно обсуждаются в предлагаемом читательницам и читателям блоке статей.

В статье И. А. Пильщикова мат описывается с синхронической и диахронической точек зрения. В ней показано, как от века к веку эволюционировала семантика и прагматика русского мата, как менялся лексический и фразеологический состав матерного пула и как развивались новые продуктивные словообразовательные («матообразующие») модели. Лингвистическая история мата (XII–XXI вв.) дополняется его литературной историей (XVIII–XX вв.).

Статья А. К. Жолковского представляет собой расширенное переиздание его давней — уже можно сказать, классической — статьи об обценной паремии «Нам, татарам, всё равно...», которая проанализирована как мини-шедевр фольклорного искусства. Во второй части публикации изложена и прокомментирована причудливая история цензурирования, нецензурирования и частичного цензурирования матерной лексики в текстах автора за последние три десятилетия.

Мат перформативен и полисемантичен. Перформативен он уже в том смысле, что «произнося матерное слово или словосочетание, говорящий не только грубо выражается, но и поступает грубо (в смысле остиновской теории речевых актов)»⁶. Ситуативная многозначность и перформативная прагматика русского мата — предмет статьи Д. Иоффе, который описывает современный мат как радикально полисемантическую практику речевого «стёба», доводящую смысл почти каждого матерного высказывания до загадочной абсурдности.

Заключительные статьи посвящены перформативным и коммуникативным стратегиям двух современных мастеров матерного слова. Ю. Левинг разбирает словесные и визуальные тексты Сергея Шнурова и группировки «Ленинград», а В. С. Отяковский анализирует поэтику и литературный генезис экспериментального поэтического проекта группы авторов, укрывшихся за псевдонимом «Лейтенант Пидоренко В. П.». В соответствии с тенденциями эпохи создатели художественных текстов превращают себя в бренды, причем оба бренда — «Шнур» и «Пидоренко» — немислимы без мата.

Надеюсь, что публикуемый блок статей значительно расширит сферу фундаментального лингвистического и культурологического изучения русской обценной идиоматики и таким образом внесет вклад в развитие научной традиции, начатой в свое время А. Н. Афанасьевым, И. А. Бодуэном-де-Куртенэ, М. Р. Фасмером и продолженной Б. А. Успенским, Ю. И. Левиным, М. И. Шапиром и другими исследователями.

⁶ «Usually, mat is primarily performative: by pronouncing a *mat*-word or phrase, the speaker not only expresses something in a vulgar way, but also acts vulgarly (in the sense of Austin's speech acts)» (Doleschal, Schmid 2001: 275; ср. Левин 1986: 61–62). См. также относительно недавнюю работу о перформативной прагматике и речевых актах: Kissine 2013.

В качестве дополнения предлагаем три экскурса о матерных словах с сомнительной этимологией (по этой причине они не включены в обзор достоверных гипотез о происхождении русских матерных лексем, представленный в статье И. А. Пильщикова, публикуемой в нашем блоке).

Экскурс 1. *Манда, мандавошка*

Мандаво́шка или *мандово́шка* ('pediculus pubis') — это полонизм (из *mędowieszka / mądowieszka / mandawieszka* и др., см. SJP 1902: 933, 871), где первый корень *mąd-/męd-* — тот же, что в старопольском *mądo/mędo*, который соответствует восточнославянскому *мудо* < **mądo* ('testiculus'), так что «правильным русским, восточнославянским рефлексом этой праславянской формы было бы незасвидетельствованное **мудовошка* (ср. *мудé* 'testiculi')» (Трубачев 1965: 134, примеч. 15; ср. ЭССЯ 1994, 20: 126).

В русском языке при двойственном числе *муды́* появляется вторичное множественное *мудá* и *муды́* (подробнее см. в статье И. А. Пильщикова). В старопольском, при аналогичном дв. ч. *mądzie*, было две альтернативных формы единственного и множественного числа: форма среднего рода *mądo* (ед. ч.), *mąda* (мн. ч.) и форма женского рода *mąda* (ед. ч.), *mądy* (мн. ч.) (SJP 1902: 909–910, Długosz-Kurczabowa 2012). Можно предположить, что русское *мандá* 'cunnus' либо возникло в результате переосмысления слова *mąda* (жен. р.) как обозначения не мужских, а женских гениталий, либо представляет собой обратное образование от *мандаво́шка* с тем же переосмыслением значения первого корня. Если это так, интересно было бы найти другие примеры подобных гендерных сдвигов.

Всё это, конечно, довольно гипотетично, но другие этимологии *манды* еще менее убедительны.

М. Фасмер принял этимологию, предложенную А. Брюкнером — из деминутива *Manda* от имени *Magdalena* с чешскими параллелями: *paní manda* 'задница' и *manda* 'грешница; потаскуха' (Brückner 1914: 217; Фасмер 1967, II: 567; см. также Трубачев 1965: 134). Оба значения очевидным образом объясняются семантическими ассоциациями имени Марии Магдалины; в качестве параллели к чеш. *paní manda* Брюкнер приводит польск. *grzesznica, grzeszna pani* с тем же значением 'anus, podex'⁷. Однако у рус.

⁷ «Sogar Körperteile werden Personennamen bezeichnet, poln. *maciek* (Matthias) heißen Eingeweide; *dorotka* ist (16. Jahrhundert) der Blinddarm; *paní manda* (Magdalena) ist böhm. *podex* (poln. *stara pani* dass<elbe>, aus einer Verwechslung von *anus* und *anus*, sondern auf heimischem Boden entstanden, hieß früher *grzesznica, grzeszna pani* „Sünderin“), dieselben *dorotka* und *manda* werden auch für „Dirne, Metze“ verwendet; russ. *manda* ist cunnus. Willkür, Laune, Zufall herrschen hier unbeschränkt» (Brückner 1914: 217). С «*грешной пани*» ср. «*грешную дыру*» в стихотворении Пушкина «Ты и я»:

Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;
Я же *грешную дыру*
Не балую детской модой

манда ‘cunnus’ отсутствует содомическая семантика. (Не)возможность семантической трансформации ‘ānus’ > ‘cunnus’ Брюкнер не рассматривает, а параллельное образование здесь вряд ли возможно, поскольку в русском обиходе нет ни деминутива *Мáнда*, ни самого имени *Магдалена/Магдалина*.

Е. С. Отин видел в слове *манда́* эвфемизм базового матерного термина *пизда́*, образованный путем контаминации с корнем *-ман-*: «Его мотивирующим словом стал глагол *манити/манить* ‘привлекать чем-л., завлекать, заманивать’, т. е. *манда* — это то, что соблазняет, обольщает» (Отин 2002: 267). Эту этимологию упрощенно пересказал А. Ю. Плущер-Сарно в интервью журналу *Огонёк* (Плущер-Сарно 2002: 28) и в первой из «Заметок о русском мате» (Плущер-Сарно 2005а: 163), однако десятью страницами ниже в четвертой «Заметке» сам же назвал отинскую гипотезу «спорной» (Плущер-Сарно 2005а: 173).

С *мандой* ассоциативно-паронимически связан ее синоним *шмóндя* (см. о нем, в частности, Беликов 2004: 30) и нек. др. (их филиация — тема для отдельного исследования).

Экскурс 2. *Елда, елдак, подьелдыкивать*

Считается, что рус. *елда́* ‘mentula’ якобы восходит к перс. *یالدا́* (*yaldā*) ‘ночь накануне зимнего солнцестояния’ (Фасмер 1967, II: 13, дополнение О. Н. Трубачева). Эту весьма гипотетическую этимологию предложил востоковед В. Ф. Минорский: «*Yaldā* — символ долгой темной ночи. Саади сравнивает с ней фигуру высокого мавра (the stature of a tall negro). Такое уподобление объясняет непристойное использование этого заимствованного слова в русском языке» (Minorsky 1945: 571). С этимологией Минорского согласился Р. О. Якобсон (Jakobson 1952: 389), но его ученик Хорас Лант высказал по ее поводу обоснованные, хотя и сдержанные сомнения:

Предложенная Минорским <...> загадочная связь с персидским *yalda* ‘самая длинная зимняя ночь’ представляется мне довольно слабой. Однако Якобсон принимает ее; по его воспоминаниям, когда он обсуждал ее с Минорским, тот продемонстрировал устойчивую связь <елды в русском языке> с понятием длины <...>⁸. Омелян Прицак сообщил мне, что, по мнению одного персидского этимолога, слово *yalda* пришло в персидский язык из сирийского и обозначает конкретно ночь Рождества Христова, ср. семитское *yld/wld* ‘родить, произвести на свет’. Хотелось бы иметь более конкретные сведения об употреблении этого слова в иранском языке и его распространении в русском⁹.

И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

(Пушкин 1947, II.1: 130)

⁸ Минорский и Якобсон почему-то считали, что точное значение слова *елда* в русском языке — не просто ‘мужской половой член’, а ‘большой, длинный (и толстый?) мужской половой член’.

⁹ «The relationship cryptically suggested by Minorsky <...> to Persian *yalda* ‘longest night of winter’ seems rather tenuous to me. However, Jakobson accepts it, recalling that Minorsky

Ирано-семитская этимология, о которой пишет Лант, считается ныне общепринятой: для обозначения праздника Шáb-е Ялда, который приходится на 20-е числа декабря по европейскому календарю, персы начали использовать слово, которым их соседи-христиане называли Рождество (Krasnowolska 1999: 56; и др.). Если обсуждаемая славяно-иранская этимология, несмотря на ее неправдоподобие, всё же верна, то для диахронической семантической реконструкции бесполезны сведения об упомянутом семитском корне y-l-d , прямо связанном с деторождением. Помимо сир. ܝܠܕܐ (*yaldā*) ‘роды; рождество’, ивр. יָלַד (*yéled*) ‘сын, мальчик’ и יָלְדָה (*yaldá*) ‘дочь, девочка’ и т. п., этот корень входит, например, в состав имени главного гностического демиурга-архонта *Yaldabaoth*, которое травестирует имя *Sabaoth* и допускает различные толкования: либо ‘сын хаоса’, либо ‘(по)родитель Сил’; возможно также, что это акроним, обыгрывающий созвучие с корнем *y-l-d* (Dan 1998). Изображения Ялдабаота (Ялдаваофа), подобные изображению на гностической гемме, которая была впервые воспроизведена в собрании основателя современной археологии Бернара де Монфокона¹⁰, входят в ряд древних офиолатрических и фаллических символов:

При всем том, совершенно неясно, как семитский корень мог попасть на русскую почву и получить соответствующее семантическое развитие. Гипотетическое персидское посредничество ничего не объясняет и даже, скорее, мешает.

Что касается ивр. יָלַד (*yéled*), то, вероятно, к этому этимону восходят (через посредство идиш) польское и русское общеуголовное *jold / jolt / ёлд / ёлда* ‘1. человек, не принадлежащий к воровскому миру, не-вор, жертва вора; 2. начинающий преступник’ (Трахтенберг 1908: 13; Потапов 1927: 48; Ларин 1931: 122; Фридман 1931: 137; Stępniaк 1993: 203; *pace* Вершик 2003: 138, примеч. 3). Здесь возникает еще одна загадка — идишское *joldák*

discussed the latter with him and demonstrated a consistent connection with the notion of length [...]. Omeljan Pritsak informs me that a Persian etymologist believes *yalda* came into Persian from Syriac, and refers specifically to the night of Christ’s birth, cf. the Semitic *yld/wld* ‘give birth, beget’. One wishes for more specific information as to the use of the word in Iranian and its distribution in Russian» (Lunt 1977: 176, note 9).

¹⁰ Bernard de Montfaucon. *L’antiquité expliquée et représentée en figures*. Vols. 1–15. Paris, 1719–1724.

и гипотетическая возможность реконструкции той же этимологической цепочки с точностью «до наоборот». По мнению Эдварда Станкевича, идиш. *jold* не является трансформацией ивр. *yéled* (pace Weinreich 1973: 333), а представляет собой обратное образование от *joldák*, которое, в свою очередь, восходит к рус. *елда* через форму с расширением на *-к* (*елда́к*) в переносном значении ‘никчемный человек’. Станкевич делает ненужное предположение, что расширение русского *елда* славянским суффиксом *-(а)к* произошло уже на еврейской почве (по-видимому, русское слово *елда́к*, в отличие от *елда*, не было ему известно)¹¹. Впрочем, всё это больше похоже на досужие домыслы, чем на научную этимологию.

Существительное *елда́к* было столь же активно в языке XVIII — начала XIX века, как *елда*, но потом сошло на нет. А вот однокоренной глагол *подъялдыкивать* / *подъялдыкивать* (‘подшучивать, подтрунивать’, ср. *подъябывать* / *подъябывать*) так, наверное, и остался бы в закромах диалектных словарей (ср. ПОС 2020: 385), если бы, появившись в романе Ф. Панфёрова *Бруски*, не вызвал критику М. Горького («По поводу одной дискуссии», 1934):

Речевые капризы нашей страны весьма многообразны. Задача серьезного литератора сводится к тому, чтобы отсеять, отобрать из этого хаоса наиболее точные, емкие, звучные слова, а не увлекаться хламом вроде таких бессмысленных словечек, как «подъялдыкивать», «базынить», «скукоживаться» и т. д. (Горький 1937: 136)

В советское время редкий учебник или хрестоматия по истории литературного языка обходились без этой цитаты.

Экскурс 3. *Шахна*

В отличие от *манды*, *елды* и *елдака*, слово *шахна́* ‘pussy, vagina’ (Drummond, Perkins 1980: 72) не встречается ни в *Девичьей игрушке*, ни в «заветных» сказках и пословицах; нет его и в бодуэновских дополнениях к словарю Даля. Иначе говоря, эта лексема появилась в середине прошлого столетия и вышла из употребления к его концу. Происхождение рус. *шахна́* неизвестно. Один из авторов настоящего предисловия предполагает здесь влияние еврейского сакрального термина *ш^ехинá*, שַׁחִינָה отглагольное существительное от שָׁכַן [šakān] ‘пребывать’, обозначающего ‘божественное присутствие’. Также созвучно с *шахной* однокоренное ивритское слово שַׁחִנָּה (*шхенá*), которое означает ‘соседка, ближняя, пребывающая рядом женщина’. Известно присловье изучающих Тору «мы делаем всё ради *Шхины* (‘Вс-вышнего’), а не для *шхены* (‘ближней своей’))».

Любителям русской литературы *шахна* памятна по двум стихотворениям Иосифа Бродского, в первом из которых можно подозревать каламбур «*шахна* ~ *шхена*»: «Вдалеке воронье гнездо как шахна еврейки, / с которой

¹¹ «The noun *joldák* is, according to Weinreich, a Yiddish back-formation with the suffix *-ák* from the Hebrew plural *jeladim* → *jóld* (in place of the regular *jeled*). I am, however, inclined to believe that it is a derivative with *-k* from the Russ. root *eldá* ‘a useless fellow’, and that *jold* is a back-formation from *jeldák*» (Stankiewicz 1993: 224).

был в молодости знаком, /но, спасибо, расстались» («Резиденция», 1987) и «“Влез рукой в шахну, знакомясь”» («Представление», 1990). Единственный пример на слово *шахна* в Национальном корпусе русского языка: «Чтоб вас всех козлов на этом свете шахной накрыло!» (Василий Аксенов, цикл рассказов *Негатив положительного героя*, 1996).

Самое раннее из найденных нами словоупотреблений датируется 1957–1959 гг. — «Шахной накрылся отпуск летний» в пародийной песне студентов истфака ЛГУ, сообщенной К. Кузьминским В. Козловскому в письме от 01.12.1980 (Козловский 1982: 386, примеч. к тексту № 20 из раздела «Переименования популярных песен»). Это пародия на песню «Стальная эскадрилья» («Там где пехота не пройдет /И бронепоезд не промчится...»), ставшую популярной после исполнения ее главным героем комедии «Максим Перепелица» (1955). Приводим здесь эту малоизвестную пародию, опирающую студентов на военных сборах:

Так ты толкуй иль не толкуй,
Шахной накрылся отпуск летний.
Наш генерал — моржовый хуй
Сдурел на службе многолетней.

Ты, дорогая, не ревнуй,
Я занимаюсь онанизмом:
На здешних баб не встанет хуй
С любым подъемным механизмом.

Приведенная цитата дает *terminus ante quem* и для обценного фразеологизма «*пиздой накрыться*» ‘сломаться, прийти в негодность; не реализоваться; перестать существовать’ (см. примеры: Баранов, Добровольский 2005: 157–158; Плущер-Сарно 2005б: 141–145).

Позднее происхождение *шахны* позволяет подозревать в ней регионализм или социолектизм. Возможно, это слово мигрировало в общее употребление из криминального арго, в котором, кстати сказать, нередки еврейские (ивритские и идишские) элементы (Фридман 1931). Это объясняло бы его актуализацию в 1930-е — 1950-е годы, когда в сталинских лагерях произошло вынужденное сближение народных масс с криминальным миром¹². Однако слова *шахна* еще нет в словаре, составленного для внутреннего пользования НКВД (Потапов 1927); оно появляется в милицеском словаре почти полвека спустя (Воривода 1971: 23).

В современном языковом сознании полузабытая *шахна* связывается соотношением паронимической аттракции со словом *шахиня* (‘супруга шаха’); ср. также «народно-этимологическую» словообразовательную параллель «*князь : княжна*» ~ «*шах : шахна*» (вместо *шаховна*) на фоне «*князь : княгиня*» ~ «*шах : шахиня*». Возникающий здесь архетип хорошо знаком по сказочному образу «Царь-девицы» из афанасьевских сказок. Царь-Девушка в одноименном стихотворении Бальмонта (1909) «преподносит» лири-

¹² Ср. близкие примеры в статье И. А. Пильщикова в наст. изд.

ческому герою «могучий рог, изогнутый и полный», прозрачно-символически замещая огромную вагину. В современной матерной речи, наоборот, слово *пизда* может употребляться как синекдоха, замещая женщину¹³.

ЛИТЕРАТУРА

- Антропов Н. П. «Гуска сологая» в свете полногласных сочетаний модели **telt*». *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована*. М.; СПб.: Нестор-История, 2021: 413–431.
- Афанасьев А. Н. *Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым, 1857–1862*. Изд. подгот. О. Б. Алексеева, В. И. Еремина, Е. А. Костюхин, Л. В. Бессмертных. М.: Ладомир, 1997.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (сост.). Василий Буй. *Русская заветная идиоматика: Веселый словарь народных выражений*. Ред.: д. ф. н., проф. А. Н. Баранов и д. ф. н., проф. Д. О. Добровольский. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Альта-Принт, 2005.
- Беликов В. И. «Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии». *Русский язык сегодня 3: Проблемы русской лексикографии*. Отв. ред. д. ф. н., проф. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004: 23–38.
- Богомолов Н. А. (сост.) *Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература*. М.: Ладомир, 1996.
- Бодуэн-де-Куртенэ И. А. «Замечания о русско-польском словаре» [1875]. Перевела с польского А. М. Кузнецова. Предисловие А. А. Леонтьева. *Лексикографический сборник*. Вып. VI. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963: 139–147.
- Вершик Анна. «О русском языке евреев». *Welt der Slaven* 48.1 (2003): 135–148.
- Вечеслова Г. Л. «Мат (нецензурная ругань)»; «Материть»; «Матерный»; «Матерщина». *Этимологический словарь русского языка*. Под ред. А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. Вып. 10. М.: Издательство Московского университета, 2007: 91, 97, 98, 99.
- Волков А. Д. *Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова*. Изд. подгот. А. В. Кулагина. Т. 1–2. М.: Ладомир, 1999.
- Воривода И. П. *Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом*. Алма-Ата, 1971.
- Горький М. *О литературе: Статьи и речи, 1928–1936*. 3-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1937.
- Жельвис В. И. (ред.). «Злая лая матерная...». Сборник статей. М.: Ладомир, 2005.
- Зализняк А. А., Янин В. Л. «Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г.» *Вопросы языкознания* 3 (2006): 3–13.
- Зорин А. Л. «Легализация обсценной лексики и ее культурные последствия». *Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература*. Сост. Н. А. Богомолов. М.: Ладомир, 1996: 121–139.
- Зорин А. Л., Панов С. И. (ред.). *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова*. Изд. подгот. А. Зорин и Н. Сапов [С. И. Панов]. М.: Ладомир, 1992.
- Калюков Е. «Путин ответил на вопрос Шнурова о способах описания жизни без мата». *РБК: Общество*, 17.12.2020. <https://www.rbc.ru/society/17/12/2020/5fdb30b19a79477f94345257>
- Кожевников А. Ю. *Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник*. Т. 2. СПб.: Нева, 2003.
- Козловский Владимир (сост.). *Новая неподцензурная частушка*. New York: Russica Publishers, 1982.
- Ларин Б. А. «Западноевропейские элементы русского воровского арга». *Язык и литература*. Т. VII. Л.: Научно-исследовательский институт речевой культуры, 1931: 131–138.

¹³ О многозначности матерных слов см. специальную статью Д. Иоффе в наст. изд.

- Левин Ю. И. «Об обсценных выражениях русского языка». *Russian Linguistics* 10.1 (1986): 61–72.
- Мокиенко В. М. «Русская бранная лексика: Цензурное и нецензурное». В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. *Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы*. СПб.: Норинт, 2003: 10–61.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы*. СПб.: Норинт, 2003.
- Отин Е. С. «Из новых материалов к “Словарю русской субстандартной лексики”». *Восточно-украинский лингвистический сборник*. Вып. 8. Донецк: Донеччина, 2002: 257–272.
- Пильщиков И. А., Шапир М. И. *А. С. Пушкин. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы*. Изд. подгот. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Плущер-Сарно А. Ю. *Большой словарь мата*. Т. 1: *Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова «хуй»*. Материалы к словарю русского мата. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2001.
- Плущер-Сарно А. Ю. «3 этажа народной этики». *Огонёк* № 31 (4759), 5 августа (2002): 26–29.
- Плущер-Сарно А. Ю. «Заметки о русском мате». «Злая лая матерная...». Сборник статей под ред. В. И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005а: 162–205.
- Плущер-Сарно А. Ю. *Большой словарь мата*. Т. 2: *Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова «пизда»*. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2005б.
- ПОС = *Псковский областной словарь с историческими данными*. Под ред. Л. А. Ивашко, Е. Б. Кузьминой, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. Вып. 28. СПб.: Издательство СПбГУ, 2020.
- Потапов С. М. *Словарь жаргона преступников (блатная музыка)*. Составил по новейшим данным С. М. Потапов. М.: НКВД, 1927.
- Пушкин [А. С.] *Полное собрание сочинений*. Т. I–XVI. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949.
- Россомахин А., Замятина О. «Как сделана “Машина” Шнурова (К дешифровке эсхатологического восторга)». *Зборник Майице срѣске за славистику* 98 (2020): 128–143.
- Топорков А. Л. *Русский эротический фольклор*. Сост. и науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995.
- Трахтенберг В. Ф. *Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)*. Под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. СПб., 1908.
- Трубачев О. Н. «Этимологические мелочи». *Этимология* 1964. М.: Наука, 1965: 131–134.
- Трубачев О. Н. «Из работы над русским Фасмером: К вопросам теории и практики перевода». *Вопросы языкознания* 6 (1978): 15–24.
- Успенский Б. А. «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии». Б. А. Успенский. *Избранные труды*. Т. 2: *Язык и культура*. М.: Гнозис, 1994: 53–128.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Фридман М. М. «Еврейские элементы “блатной музыки”». *Язык и литература*. Т. VII. Л.: Научно-исследовательский институт речевой культуры, 1931: 131–138.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1990. Вып. 17; 1993. Вып. 18.
- Brückner A. “Miszellen”. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen* 46.3 (1914): 193–217.
- Dan Joseph. “Yaldabaoth and the Language of the Gnosis”. Joseph Dan. *Jewish Mysticism: Late Antiquity*. Vol. 1. Northvale, N. J.; Jerusalem: Jason Aronson, 1998: 311–321.
- Długosz-Kurczabowa Krystyna. “Mędrały i mendy”. *Poradnia Językowa PWN: etymologia*, 06.02.2012. <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/12829>
- Doleschal Ursula, Schmid Sonja. “Doing gender in Russian: Structure and perspective”. *Gender Across Languages: The linguistic representation of women and men*. Edited by Marlis Hellinger and Hadumod Bußmann. Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001: 253–282.
- Drummond D. A., Perkins G. *Dictionary of Russian Obscenities*. Second, revised edition. Berkeley, CA: Berkeley Slavic Specialties, 1980.

- Jakobson Roman. "New Slavic Etymological Dictionaries". *Word* 8.4 (1952): 387–394.
- Jakobson Roman. "While Reading Vasmer's Dictionary". *Word* 11.4 (1955): 611–617.
- Kauffman Charles A. "A Survey of Russian Obscenities and Invective Usage". *Maledicta* 4.2 (1980): 261–289.
- Kissine Mikhail. *From Utterances to Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Krasnowolska Anna. "Šab-e Čella". *Folia Orientalia* 35 (1999): 55–74.
- Lunt Horace G. "Slavic **ǰbgra* 'Dance, Game, Play'." *Papers in Slavic Philology* 1. In *Honor of James Ferrell*. Edited by Benjamin A. Stolz. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1977: 172–177.
- Minorsky V. "Khāqānī and Andronicus Comnenus". *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 11.3 (1945): 550–578.
- SJP = *Słownik języka polskiego*. Ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedoźwiedzkiego. T. II. Warszawa: Nakładem prenumeratorów i kasy im. Mianowskiego, 1902.
- Stankiewicz Edward. "The Slavic Determinant in Yiddish Morphology". *Jews & Slavs*. Vol. 1. Edited by Wolf Moskovich, Shmuel Shwarzband, Anatoly Alekseev. Jerusalem; St. Petersburg: Nauka, 1993: 218–230.
- Stępiak Klemens. *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Współpraca: Zbigniew Podgórzec. Londyn: Puls, 1993.
- Weinreich (וויינרײך) Max. מעטאָרן. פּאַקטן. באַגריפן. שפּראַך: דער ייִדישער שפּראַך. Vol. 4. New York, 1973.

LITERATURE

- Antropov N. P. "Guska sologaia' v svete polnoglasnykh sochetanii modeli **tel't*". *Slova, konstruktii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana*. M.; SPb.: Nestor-Istoriia, 2021: 413–431.
- Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki ne dlia pečati, zavetnye poslovitsy i pogovorki, sobrannye i obrabotannye A. N. Afanas'evym, 1857–1862*. Izd. podgot. O. B. Alekseeva, V. I. Eremina, E. A. Kostiukhin, L. V. Bessmertnykh. M.: Ladomir, 1997.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (eds.). Vasilii Bui. *Russkaia zavetnaia idiomatika: Veselyi slovar' narodnykh vyrazhenii*. Red.: d. f. n., prof. A. N. Baranov i d. f. n., prof. D. O. Dobrovol'skii. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Al'ta-Print, 2005.
- Baudouin-de-Courtenay I. A. "Zamechania o russko-pol'skom slovare" [1875]. Perevela s pol'skogo A. M. Kuznetsova. Predislovie A. A. Leont'eva. *Leksikograficheskii sbornik*. Vyp. VI. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1963: 139–147.
- Belikov V. I. "Sravnenie Peterburga s Moskvoi i drugie soobrazheniia po sotsial'noi leksikografii". *Russkii yazyk segodnia 3: Problemy russkoi leksikografii*. Otv. red. d. f. n., prof. L. P. Krysin. M.: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2004: 23–38.
- Bogomolov N. A. (ed.). *Anti-mir russkoi kul'tury: Yazyk. Fol'klor. Literatura*. M.: Ladomir, 1996.
- Brückner A. "Miszellen". *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen* 46.3 (1914): 193–217.
- Dan Joseph. "Yaldabaoth and the Language of the Gnosis". Joseph Dan. *Jewish Mysticism: Late Antiquity*. Vol. 1. Northvale, N.J.; Jerusalem: Jason Aronson, 1998: 311–321.
- Długosz-Kurczabowa Krystyna. "Mędrały i mendy". *Poradnia Językowa PWN: etymologia*, 06.02.2012. <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/12829>
- Doleschal Ursula, Schmid Sonja. "Doing gender in Russian: Structure and perspective". *Gender Across Languages: The linguistic representation of women and men*. Edited by Marlis Hellinger and Hadumod Bußmann. Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001: 253–282.
- Drummond D. A., Perkins G. *Dictionary of Russian Obscenities*. Second, revised edition. Berkeley, CA: Berkeley Slavic Specialties, 1980.
- ESSYa = *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov: Praslavianskii leksicheskii fond*. Pod red. chl.-korr. AN SSSR O. N. Trubacheva. M.: Nauka, 1990. Vyp. 17; 1993. Vyp. 18.
- Fridman M. M. "Evreiskie elementy 'blatnoi muzyki'." *Yazyk i literatura*. T. VII. L.: Nauchno-issledovatel'skii institut rechevoi kul'tury, 1931: 131–138.

- Gorky [Gor'kii] M. *O literature: Stat' i rechi, 1928–1936*. 3-e izd., dop. M.: Sov. pisatel', 1937.
- Jakobson Roman. "New Slavic Etymological Dictionaries". *Word* 8.4 (1952): 387–394.
- Jakobson Roman. "While Reading Vasmer's Dictionary". *Word* 11.4 (1955): 611–617.
- Kaliukov E. "Putin otvetil na vopros Shnurova o sposobakh opisaniia zhizni bez mata". *RBK: Obshchestvo*, 17.12.2020. <https://www.rbc.ru/society/17/12/2020/5fdb30b19a79477f94345257>
- Kauffman Charles A. "A Survey of Russian Obscenities and Invective Usage". *Maledicta* 4.2 (1980): 261–289.
- Kissine Mikhail. *From Utterances to Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Kozhevnikov A. Yu. *Bol'shoi sinonimicheskii slovar' russkogo yazyka. Rechevye ekvivalenty: prakticheskii spravochnik*. T. 2. SPb.: Neva, 2003.
- Kozlovskii Vladimir. *Novaiia nepodtsenzurnaia chastushka*. New York: Russica Publishers, 1982.
- Krasnowolska Anna. "Šab-e Ćella". *Folia Orientalia* 35 (1999): 55–74.
- Larin B. A. "Zapadnoevropeiskie elementy russkogo vorovskogo argo". *Yazyk i literatura*. T. VII. L.: Nauchno-issledovatel'skii institut rechevoi kul'tury, 1931: 113–130.
- Levin Yu. I. "Ob obstsennykh vyrazheniakh russkogo yazyka". *Russian Linguistics* 10.1 (1986): 61–72.
- Lunt Horace G. "Slavic *jьgra 'Dance, Game, Play'." *Papers in Slavic Philology* 1. In *Honor of James Ferrell*. Edited by Benjamin A. Stolz. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1977: 172–177.
- Minorsky V. "Khāqānī and Andronicus Comnenus". *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 11.3 (1945): 550–578.
- Mokienko V. M. "Russkaia brannaia leksika: Tsenzurnoe i netsenzurnoe". V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. *Slovar' russkoi brani: matizmy, obstsennyzy, evfemizmy*. SPb.: Norint, 2003: 10–61.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Slovar' russkoi brani: matizmy, obstsennyzy, evfemizmy*. SPb.: Norint, 2003.
- Otin E. S. "Iz novykh materialov k 'Slovari russkoi substandartnoi leksiki'." *Vostochnoukrainskii lingvističeskii sbornik*. Vyp. 8. Donetsk: Donechchina, 2002: 257–272.
- Pil'shchikov I. A., Shapir M. I. A. S. *Pushkin. Ten' Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy*. Izd. podgot. I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir. M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2002.
- POS = *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoričeskimi dannymi*. Pod red. L. A. Ivashko, E. B. Kuz'minovi, I. S. Lutovinovi, M. A. Tarasovi. Vyp. 28. SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2020.
- Potapov S. M. *Slovar' zhargona prestupnikov (blatnaia muzyka)*. Sostavil po noveishim dannym S. M. Potapov. M.: NKVD, 1927.
- Plutser-Sarno A. Yu. *Bol'shoi slovar' mata*. T. 1: *Opyt postroeniia spravocno-bibliograficheskoi bazy dannykh leksicheskikh i frazeologicheskikh znachenii slova «khuī»*. *Materialy k slovari russkogo mata*. SPb.; M.: Limbus Press, 2001.
- Plutser-Sarno A. Iu. "3 etazha narodnoi etiki". *Ogonek* № 31 (4759), 5 avgusta (2002): 26–29.
- Plutser-Sarno A. Yu. "Zametki o russkom mate". "Zlaia laia maternaia...". *Sbornik statei pod red. V. I. Zhel'visa*. M.: Lodomir, 2005a: 162–205.
- Plutser-Sarno A. Yu. *Bol'shoi slovar' mata*. T. 2: *Opyt postroeniia spravocno-bibliograficheskoi bazy dannykh leksicheskikh i frazeologicheskikh znachenii slova «pizda»*. SPb.; M.: Limbus Press, 2005b.
- Pushkin [A. S.] *Polnoe sobranie sochinenii*. T. I–XVI. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1949.
- Rossomakhin A., Zamiatina O. "Kak sdelana 'Mashina' Shnurova (K deshifrovke eskhatologičeskogo vostorga)". *Matica Srpska Journal of Slavic Studies* 98 (2020): 128–143.
- SJP = *Słownik języka polskiego*. Ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego. T. II. Warszawa: Nakładem prenumeratorów i kasy im. Mianowskiego, 1902.
- Stankiewicz Edward. "The Slavic Determinant in Yiddish Morphology". *Jews & Slavs*. Vol. 1. Edited by Wolf Moskovich, Shmuel Shwarzband, Anatoly Alekseev. Jerusalem; St. Petersburg: Nauka, 1993: 218–230.
- Stępnia Klemens. *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Współpraca: Zbigniew Podgórzec. Londyn: Puls, 1993.
- Toporkov A. L. *Russkii eroticheskii fol'klor*. Sost. i nauch. red. A. L. Toporkov. M.: Lodomir, 1995.

- Trakhtenberg V. F. *Blatnaia muzyka* ("Zhargon" tiur'my). Pod red. i s predisl. prof. I. A. Baudouin-de-Courtenay. SPb., 1908.
- Trubachev O. N. "Etimologicheskie melochi". *Etimologiya* 1964. M.: Nauka, 1965: 131–134.
- Trubachev O. N. "Iz raboty nad russkim Fasmerom: K voprosam teorii i praktiki perevoda". *Voprosy yazykoznaviia* 6 (1978): 15–24.
- Uspenskii B. A. "Mifologicheskii aspekt russkoi ekspressivnoi frazeologii". B. A. Uspenskii. *Izbrannye trudy*. T. 2: *Yazyk i kul'tura*. M.: Gnozis, 1994: 53–128.
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. T. I–IV. M., 1964–1973.
- Vecheslova G. L. "Mat (necenzurnaia rугan')"; "Materit"; "Maternyi"; "Matershchina". *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Pod red. A. F. Zhuravleva i N. M. Shanskogo. Vyp. 10. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007: 91, 97, 98, 99.
- Vershik Anna. "O russkom yazyke evreev". *Welt der Slaven* 48.1 (2003): 135–148.
- Volkov A. D. *Zavetnye chastushki iz sobraniia A. D. Volkova*. Izd. podgot. A. V. Kulagina. T. 1–2. M.: Ladomir, 1999.
- Vorivoda I. P. *Sbornik zhargonnykh slov i vyrazhenii, upotrebliaemykh v ustnoi i pis'mennoi rechi prestupnym elementom*. Alma-Ata, 1971.
- Weinreich, Max. *Geshikhte fun der yidisher shprakh: bagrifn, faktn, metodn*. Vol. 4. New York, 1973.
- Zalizniak A. A., Yanin V. L. "Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2005 g." *Voprosy yazykoznaviia* 3 (2006): 3–13.
- Zhel'vis V. I. (ed.). "Zlaia laia maternaia...". *Sbornik statei*. M.: Ladomir, 2005.
- Zorin A. L. "Legalizatsiia obshchenoi leksiki i ee kul'turnye posledstviia". *Anti-mir russkoi kul'tury: Yazyk. Fol'klor. Literatura*. Sost. N. A. Bogomolov. M.: Ladomir, 1996: 121–139.
- Zorin A. L., Panov S. I. *Devich'ia igrushka, ili Sochineniia gospodina Barkova*. Izd. podgot. A. Zorin i N. Sapov [S. I. Panov]. M.: Ladomir, 1992.

Игор Пилшчиков, Денис Иофе

РУСКЕ ПСОВКЕ: ЈУЧЕ, ДАНАС, СУТРА

Резиме

Увод у „научно-опсцену збирку радова“ часописа *Зборник Мајнице српске за славистику* говори о околностима настанка ове јединствене скупине чланака посвећених темама које још увек нису постале предмет широке научне расправе. Осим уводног дела који говори о историји проучавања руских псовки, овде се разматрају и одређени језички и културни случајеви, који из ових или оних разлога нису били укључени у главне радове збирке текстова. Чланак садржи кратак преглед проблематике ових радова.

Кључне речи: псовке у руском језику, књижевности и култури, динамика социјалне функције псовки, прагматика, перформативност.

Игорь Пильщикова

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Таллинский университет
pilshchikov@ucla.edu

Igor Pilshchikov

University of California, Los Angeles
Lomonosov Moscow State University
Tallinn University
pilshchikov@ucla.edu

РУССКИЙ МАТ: ЧТО МЫ О НЕМ ЗНАЕМ?
(О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ФУНКЦИЯХ
РУССКОЙ ОБСЦЕННОЙ ИДИОМАТИКИ)

RUSSIAN "MAT": WHAT DO WE KNOW ABOUT IT?
(ON THE ORIGIN AND FUNCTIONS
OF RUSSIAN OBSCENITIES)

В статье обсуждаются диахронические изменения в морфологии, акцентологии, семантике и стилистике, которые претерпела русская обценная идиоматика. Обнаружено, что вплоть до конца XIX века в фольклоре, неподцензурной литературе и бытовой речи матерные слова употреблялись преимущественно в прямом, т. е. материальном значении, а количество слов, образованных с помощью базовых обценных корней, было ограниченным. Главными механизмами матерных инноваций в XX–XXI вв. стали метафоризация (свободный перенос значений) и прономинализация (приобретение контекстных значений). Они привели к деривационному взрыву, когда появилась возможность образовывать сотни новых обценных слов от весьма ограниченного числа корней. Вместе с тем из современного употребления выпали некоторые слова старого матерного пула. Еще один важный механизм «матообразования» — последовательные и/или накладывающиеся друг на друга процессы дисфемизации и эвфемизации, отразившиеся в изменении лексико-семантических и акцентных парадигм некоторых матерных слов и их эвфемизмов. В то же время примеры анафорической редупликации, резко активизировавшейся в последние полвека, обнаруживаются уже в текстах первой половины XIX столетия. В статье также рассматривается эволюция функций мата в литературе XVIII–XX вв. и, в частности, употребление мата в произведениях Баркова, Пушкина и Бродского.

Ключевые слова: русская обценная идиоматика, диахронические изменения в морфологии, акцентологии, семантике и стилистике мата, механизмы инноваций, функции мата в литературе XVIII–XX вв.

This article analyzes diachronic morphological, accentual, semantic and stylistic changes in the Russian obscene vocabulary and phraseology (*mat*). Before the late nineteenth century, obscenities in folklore, uncensored literature and everyday speech were predominantly used in their direct, i. e. material meaning. The number of words derived from basic obscene roots was limited. Metaphorization (free change of meaning by association) and pronominalization (acquiring contextualized meanings) are the primary mechanisms of innovation in twentieth- and twenty-first-century *mat*. Both are accompanied by a derivational explosion when it became possible to create hundreds of new obscenities derived from a small number of roots. Meanwhile, several roots previously used to form obscenities became obsolete. The consecutive and/or overlapping processes of disphemization and euphemization were yet another important mechanism of innovation that shaped changes in both the semantic and accentual paradigms of some obscene words and their euphemisms. At the same time, traces of anaphoric reduplication, another phenomenon unusually active in contemporary *mat*, can be detected in the nineteenth century. The article also discusses the evolution of the functions of *mat* in literature from the eighteenth to the twentieth century and, in particular, the use of *mat* in the poetical works of Barkov, Pushkin and Brodsky.

Key words: Russian obscenities, diachronic morphological, accentual, semantic and stylistic changes, mechanisms of innovation, functions of “mat” in 18th-, 19th- and 20th-century Russian literature.

Лексикографъ не имѣеть права урѣзывать и кастрировать «живой языкъ». Разъ извѣстные слова существуютъ въ умахъ громаднаго большинства народа и безпрестанно выливаются наружу, лексикографъ обязанъ занести ихъ въ словарь, хотя бы противъ этого возставали и притворно негодовали всѣ лицомѣры и тартюфы...

(Бодуэн-де-Куртенэ 1909: VI)

1. Прагматика vs. семантика: брань vs. обценность

Начнем с определения. Мат — это обценная экспрессивная табуированная лексика и фразеология русского языка. Мат содержательно связан с сексуальной жизнью и ее обозначениями в языке («обценность»). Мат выражает сильные эмоции — именно это делает его необычайно мощным стилистическим средством («экспрессивность»). Наконец, мат запрещен к употреблению в целом ряде социальных контекстов («табуированность»).

Мы привыкли к словосочетанию «матерная брань»: многие думают, что мат — это брань, а брань — это мат. Но это не так: «Брань может быть не обценной (*пошел ты к черту!*), обценные выражения могут употребляться не в составе собственно ругательств (*хуй ты там зарабатываешь*)» (Левин 1986: 62). Иначе говоря, определение «обценный» относится к области значения слов (их семантики), а определение «бранный» — к области их предназначения (прагматики).

Это разделение очень важно. С одной стороны, не всякое употребление мата оскорбительно. С другой стороны, оскорбить можно вообще не используя никаких ругательств, а употребляя литературные, но обидные для конкретного человека слова. И напротив, грубые и вообще пейоративные

слова в надлежащем контексте могут выражать одобрение, нежность и другие позитивные чувства.

В каких контекстах использовать мат нельзя, а в каких можно? Иные скажут, что матерные слова нельзя употреблять никогда — это абсолютизация табу. Другие скажут, что есть контексты, в которых мат уместен, и есть такие, в которых он абсолютно неприемлем.

В течение долгого времени демаркационная линия проходила между текстами печатными и непечатными. Отсюда эвфемизмы «непечатные выражения», «выражаться непечатно» наряду с «нецензурные выражения», «выражаться нецензурно». Это сразу подсказывает нам, по какой оси проходит разделение: «официальное vs. неофициальное». Печатный текст имеет более высокий официальный статус. То, что распространяется в печатном виде, имеет более высокое социальное значение, чем то, что «просто» говорится. Поэтому не всё, что можно сказать, можно записать и тем более напечатать.

Далее, имеется гендерная дифференциация. Кто-то считает, что мат допустим, если он исходит из уст мужчины и недопустим, если он исходит от женщины: женщины вообще не должны употреблять мат. Другие полагают, что мат допустим при общении между мужчинами, а в присутствии женщины он уже не допустим. Кто-то позволяет женщинам матерное словоупотребление в общении друг с другом, но не в общении с мужчинами. Есть и возрастная дифференциация: считается, что взрослый человек может пользоваться матом, а ребенку употреблять мат не пристало.

Таким образом, единой системы социально приемлемых контекстов для употребления мата, по-видимому, не существует, хотя некоторая тенденция наблюдается: «право на мат» имеют доминирующие акторы, то есть лица с более «высоким» (с точки зрения данной социальной группы) общественным, гендерным и возрастным статусом (Жельвис 2001: 66).

2. Обсценность, скатология, блатфемия

Мат описывает преимущественно сексуальную сферу жизни. Более того, матерные корни в прямом их значении описывают **только** сексуальную сферу. При этом мы видим (точнее, слышим), что слова *хуй* и *пизда* звучат гораздо более грубо, чем слова *говно*, *срать*, *жопы* или какие-то другие слова, не связанные с сексуальностью. Похожие явления есть и в других языках. Но есть и отличия.

Во-первых, существует скатологическая лексика — слова, описывающие испражнения. Она очень активна в целом ряде языков — например, в германских (немецкий, английский) и романских (французский, итальянский): *shit*, *Scheiße*, *merde*, *merda* и т. д. По своей инвективной силе германская скатологическая лексика значительно превосходит романскую и соответствует русской обсценной (Timroth 1983: 109; Мокиенко 1994: 58–61; Жельвис 2001: 170, 237–241; Панасюк 2005). В тех же языках есть и грубая

сексуальная лексика (общеизвестный пример — английское *fuck*). Но в отличие от русского языка она не табуирована — это грубое просторечие, которое гораздо проще находит в себе путь в печатные тексты, кинофильмы и пр. Из славянских языков чешский, в наибольшей степени подвергшийся германскому влиянию, больше культивирует скатологическую лексику, чем, например, польский или русский. Мы знаем это по роману Ярослава Гашека о бравом солдате Швейке, где очень много скатологии, и звучит она для русского уха довольно необычно¹.

Во-вторых, имеется такое явление, как бласфемия — кощунство. В итальянском языке многочисленные кощунственные выражения (*bestemmia*) звучат намного грубее, чем обценные сексуальные: последние не столько оскорбительны, сколько грубо комичны. А бласфемия по своей экспрессивной табуированности приближается к русскому мату.

Итак, табуированность и экспрессивность могут быть связаны не с сексуальностью, а с кощунством или скатологией. Такие сферы экспрессивной табуированной лексики представляют собой особые семиотические системы, которые в каждой культуре устроены по-разному. Однако это разнообразие не бесконечно, поэтому встречаются повторения и сходства. Кроме того, культуры контактируют друг с другом и оказывают друг на друга взаимное влияние.

3. Мат, миф и ритуал

Достоверно ответить на вопрос о происхождении русского мата просто — не только потому, что в поисках ответа на этот вопрос мы уходим в глубокую древность, но и потому, что мы имеем дело с такой сферой языка, которая плохо закрепляется в письменной форме. Мат трудно зафиксировать, поскольку сами носители соответствующей фразеологии не готовы употреблять ее свободно в ситуации официального общения с опрашивающим (лингвистом или этнографом). Всё, что мы знаем о том, как она употребляется сейчас и как она употреблялась раньше — это обрывки информации, из которых приходится реконструировать общую картину.

Реконструкцию функций мата в древнерусскую эпоху предложил Б. А. Успенский, который на материале старых письменных источников (XVI–XVII веков) и записей фольклора, сделанных в XIX–XX веках, связал происхождение матерщины с ритуальным сквернословием (Успенский 1981; 1994). В данном случае речь идет о языческом земледельческом ритуале, а именно о ритуальном оплодотворении земли, которое выражалось через миметическое и вербальное совокупление с ней. Цель аграрного ритуала — утверждение перманентности жизнеобеспечивающего сельскохозяйственного процесса. С точки зрения носителей ритуальной культуры, ритуал нужен для того, чтобы процесс не останавливался, чтобы плодородие земли не иссякло.

¹ На русский язык роман Гашека перевел П. Г. Богатырёв.

Предполагается, что ритуальное употребление мата у самих его носителей должно было сопровождаться табу на употребление матерщины вне ритуала. Типологической параллелью к словесному описанию совокупления с землей является эхрология — античное ритуальное сквернословие (Успенский 1994: 71; ср. Пропп 1976: 194–196). Если это так, то неприятие табуированной лексики в русском языке можно связать с борьбой христианской церкви против двоеверия, очень распространенного в русской крестьянской среде вплоть до относительно недавнего времени.

Носители народной культуры находили новые обоснования для запрета матерного сквернословия, утрачивающего свою связь с ритуалом. Распространились поверья о том, что ругаясь неуместно, человек оскорбляет *мать*: и мать сыру землю, и богородицу, которая в ситуации двоеверия ассоциируется с матерью-землей, и свою собственную мать. Оскорбление чужой матери Б. А. Успенский реконструирует как следующую стадию использования мата — стадию перехода от ритуальной функции к инвективной (функции оскорбления). Таким образом, использование матерщины как оскорбительной брани имеет вторичный характер и представляет собой позднейшую стадию существования мата (Успенский 1994: 101).

Разумеется, реконструкция генезиса и культовых функций мата остается лишь гипотезой. Вполне вероятно, что в каких-то случаях мы имеем дело со вторичной мифологизацией мата или полемическим приписыванием ему функций, которых он в действительности не имел (Панченко 2005). Однако общий вывод Б. А. Успенского о процессе десакрализации и профанизации мата представляется убедительным.

Ритуальные тексты постепенно теряли связь с ритуалами и начинали функционировать самостоятельно, приобретая новые функции. По всей видимости, это происходило не только с матерной идиоматикой, но и с другими нарративами, предположительно отколовшимися от мифа и ритуала, — например, с «заветными» сказками (Успенский 1996) и волшебными сказками (Пропп 1946). Утратив связь с ритуалом, мат начал развивать свои экспрессивные и обсценные потенции.

4. «Свое» и «чужое». Генеалогия мата

Предложенная Б. А. Успенским модель объясняет парадокс русского мата: это, с одной стороны, что-то интимно свое, специфичное для нашей культуры, то, чем мы, носители русской культуры, пользуемся каждый день, а, с другой стороны, мат — это то, что запрещено, чего нельзя ни произнести, ни написать, то, за употребление чего можно подвергнуться преследованию и наказанию. Иначе говоря, мат, будучи «своим», воспринимается одновременно как нечто «чужое». В древнерусских источниках матерная речь описывается как «еллинская» (то есть языческая) и «жидовская»; Успенский сопоставил эти старинные представления с распространившимся в XX веке поверьем о «монголо-татарском» происхождении

мата: мат воспринимается как нечто чужое, привнесенное извне и поэтому якобы чуждое духу русского языка (Успенский 1994: 58–61).

В последние годы едва ли не любой разговор о мате в прессе начинается с вопроса: действительно ли мат принесли на Русь «татаро-монголы»? Когда обнаружались берестяные грамоты XII — начала XIII веков, в которых фигурируют матерные слова, журналисты первым делом сообщили публике, что этой находкой лингвисты наконец-то доказали «не монголо-татарское» происхождение мата, поскольку грамоты относятся к домонгольскому периоду (см., например: Ромашенкова, Усманов 2005).

В действительности лингвисты никогда не считали, что мат имеет монголо-татарское происхождение. Абсолютное большинство слов, составляющих или составлявших в разные периоды времени матерный «пул» (pool) русского языка, — это исконно славянская лексика, она есть не только в русском, но и (с вариациями) — в других славянских языках. Для нескольких матерных слов с той или иной степенью убедительности восстанавливаются и общеиндоевропейские праформы. Таким образом, русские матерные слова уходят своими корнями (и в метафорическом, и в сугубо лингвистическом смысле) в индоевропейскую древность.

Каковы основные матерные корни и какова их этимология?

Сегодняшнюю языковую ситуацию определил закон против публичного использования «нецензурной брани» № 101-ФЗ, инициированный группой депутатов во главе с председателем комитета Госдумы по культуре Станиславом Говорухиным и вступивший в силу 1 июля 2014 г.² Годом раньше был принят закон № 34-ФЗ, ограничивающий употребление «нецензурной брани» в СМИ, вступивший в силу 19 апреля 2013 г.³ Поскольку в указанных законах конкретное содержание понятия «нецензурная брань» не раскрывается, их применение основывается на специальном разъяснении Роскомнадзора⁴, процитированном в *Известиях* 25 декабря 2013 г., согласно которому к употреблению не допускаются следующие слова:

Нецензурное обозначение мужского полового органа, нецензурное обозначение женского полового органа, нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения, а также все образованные от этих слов языковые единицы. (Зыков, Кондратьев 2013)

Таким образом, запрещены слова *хуй, пизда, ебать, блядь* и все производные от них.

² Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 101-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка».

³ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

⁴ Полное название ведомства: «Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)».

Одной из первых жертв нового законодательства стала беседа о мате редактора отдела науки «Ленты.ру» с автором этих строк, опубликованная 2 апреля 2013 г. (Пильщиков, Коняев 2013)⁵. Она была удалена с сайта 8 июля того же года по требованию Роскомнадзора в соответствии с письмом № 05КМ-15586 от 05.06.2013⁶. И запрет научно-популярного интервью, удививший западноевропейских русистов (см. Ранн 2014: 584), и сама формулировка запрещения, использующая парафразы вместо прямого названия запретных слов, наглядно демонстрируют интереснейшую особенность функционирования мата, отмеченную Б. А. Успенским: «матерщина считается в принципе недопустимой для произнесения (или написания) — даже и в том случае, когда она воспроизводится от чужого имени, как чужая речь», поскольку матерное высказывание, в отличие от любых других высказываний на русском языке, никогда «не становится чистой цитатой» (Успенский 1981: 49; 1994: 57). Действительно, закон, в котором, по идее, должен быть приведен список слов и корней, запрещенных к публичному употреблению, невозможно сформулировать, поскольку публикация такого закона станет первым фактом его нарушения.

Но вернемся к вопросу об этимологии.

Необходимо разграничить два аспекта — этимологию и историю слов. Этимология изучает происхождение слова либо из общего праязыкового фонда (например, праиндоевропейского для индоевропейских языков), либо, в случае заимствования, устанавливает сам момент заимствования, перехода слова из одного языка в другой. История слова — это то, что происходит со словом, когда оно уже попало в язык. Некоторые лингвисты относят недавние заимствования не к собственно этимологии, а к истории слов. Эта история может быть довольно причудливой: слово может переосмысливаться, могут меняться его значение, фонетическая форма, стилистическая принадлежность. Вопросы этимологии занимается сравнительно-историческое языкознание, а историей слов — историческая лексикология, историческая стилистика и другие лингвистические дисциплины, изучающие историю конкретного языка.

Этимология — почти всегда реконструкция. Когда у группы родственных языков (например, у романских или славянских языков) обнаруживается или постулируется язык-родитель (в наших примерах: латынь для романских языков и праславянский язык — для славянских), то предполагается, что в идеальном случае, когда нет дополнительных возмущающих воздействий, те вариации, которые мы наблюдаем в современных родственных языках, отражают некоторый, когда-то существовавший инвариант. Аналогичным образом восстанавливается еще более древнее языковое состояние (например, для латыни, древнегреческого, санскрита, праславян-

⁵ Пользуюсь случаем сказать, что в интервью были некоторые фактические неточности, исправленные в настоящей статье.

⁶ «Роскомнадзор запретил три статьи “Ленты.ру”». <http://lenta.ru/news/2013/07/08/swearwords/>

ского и прагерманского — гипотетический праиндоевропейский язык). Иногда, с точки зрения невалифицированного наблюдателя, сходство между родственными словами совершенно неочевидно, потому что это не сходство звуков в их нынешнем состоянии, а установленное соответствие, проверенное на многих и многих парах и цепочках слов, установленные правила перехода, условия перехода одних звуков в другие. Звучать родственные слова в разных языках могут совершенно по-разному.

Надежная этимология слова *хуй*, предложенная еще в начале XX века датским языковедом Хольгером Педерсеном (Pedersen 1908)⁷, безоговорочно принята современными лингвистами. Она включена в *Этимологический словарь славянских языков* под редакцией О. Н. Трубачева (ЭССЯ 1981, 8: 114). Вошла она и в оригинальное немецкое издание этимологического словаря Макса Фасмера, вышедшее в 1950-е годы в Западной Германии (Vasmer 1958, III: 277). Однако из советского издания фасмеровского словаря, опубликованного в русском переводе О. Н. Трубачева с его же дополнениями и поправками (Фасмер 1964–1973), матерные слова были исключены по настоянию редакции, несмотря на то, что они «восходят еще к праславянскому периоду и имеют различные балтийские и некоторые другие индоевропейские соответствия», а «один глагол имеет несомненное праиндоевропейское происхождение» (Трубачев 1978: 21).

Слово *хуй* связано закономерным фонетическим и морфологическим чередованием со словом *хвоя* (**skoŭ-i-o* / **sku-oi-ā* > **xujь* / **xvoja*). Одно из этих слов мужского рода, другое женского, и возможность такого чередования подтверждена аналогичными языковыми явлениями. Базовое значение корня, по-видимому, — ‘шип, колючка’ (ср. ЭССЯ 1981, 8: 126). Слово *хуй* представлено и в некоторых других славянских языках, корень имеет индоевропейские параллели. «Хотя и косвенным, но, видимо, наиболее ранним свидетельством существования данной лексемы со значением фаллоса в славянских языках» (Живов 2006: 211 примеч. 4) могут быть примеры использования аугмента **-ть** в 3-м лице множественного числа имперфекта на **-ахоу** / **-ахоу** перед энклитическим местоимением **и** для эвфонического устранения обсценных звуко сочетаний **хоу-и**. В первой половине XII века в евангельских текстах, предназначенных для литургического чтения, звуко сочетание **хоу-и** последовательно заменяется на **хоу-ть-и** (см. Живов 2006).

Слово *пизда́* — безусловно, общеславянское — также, вероятно, восходит к праиндоевропейской древности (Vasmer 1955, II: 355). Его дальнюю этимологию предложил в 1968 году ведущий американский индоевропеист Эрик П. Хэмп (Hamp 1968). По Хэмпу, праславянская **pizda* и ее родственницы восходят к праиндоевропейскому **písdeh₂*. Это композит, состоящий

⁷ Статья была опубликована в сборнике к 70-летию основателя современной палеославистики Ватрослава Ягича.

из приставки **h₁epi* со значением ‘на’⁸ (от которой сохранился элемент **pi*) и корня со значением ‘сидеть’ (**s(e)d-*). Таким образом, обценное слово было первоначально эвфемизмом: «то, на чем сидят». Его образование, согласно этой гипотезе, находит аналог в образовании слова *гнездо*, в котором тому же корню предшествует приставка **ni* со значением ‘вниз’ (гнездо — «то, в чем сидят»)⁹. Примеры из берестяных грамот — с середины XII века¹⁰.

«Главный» матерный глагол — *ебать*, самый бесспорный, зафиксированный в древнеписьменных индоевропейских языках: *यभति* (*yábhati*) в санскрите, *οἶφω, οἶφέω* (*oiphō, oiphéō*) в древнегреческом (Vasmer 1953, I: 388; ЭССЯ 1981, 8: 188). У русского глагола было две неопределенных формы — *еми* (праслав. **jěbti*) и *ебати* (праслав. **jěbati*). Инфинитив *еми* (которому соответствует форма настоящего времени *ебу* и форма прошедшего времени *ёб*) представляет атематическое спряжение на **-bti*¹¹, тогда как основа инфинитива *ебати*, *ебать* (наст. вр. *ебаю*, прош. вр. *ебал*) распространена итеративным (т. е. обозначающим многократное действие) суффиксом *-a-*. Форма с *-a-* тоже древняя — ее презентная форма представлена уже в новгородской берестяной грамоте № 330, датируемой концом XIII века¹². Однако в XVIII–XIX веках инфинитив *ебать* был более редок, чем сейчас: например, у Пушкина и авторов его круга он не встречается вовсе.

В XIX–XX веках эти две парадигмы слились в одну: тематическая форма презенса *ебаю, ебают* оказалась утрачена — остались только *ебу, ебёт*, но соответствующий им инфинитив *еми* был вытеснен инфинитивом *ебать*. Наши современники уже не понимают, что *еми(ть) твою мать* — вовсе не более мягкое и приемлемое, как им кажется, выражение по срав-

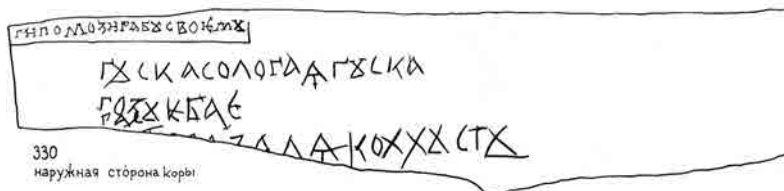
⁸ Ср. др.-греч. приставку *ἐπι-* ‘на(д)-’, знакомую нам по грецизмам *эпиграмма, эпиграф, эпидермис, эпителий* и др.

⁹ Обе этимологии и аналогия между ними приняты в *Этимологическом словаре славянских языков* (ЭССЯ 1979, 6: 172) — в статье «**gnězdo*» (до буквы Р словарь еще не дошел). О других этимологиях слова *пизда* см. Oguibénine 2016: 226–228.

¹⁰ См.: ДБГ, № Смол. 15, <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/smolensk/15/>; с опечаткой в транскрипции: Асташова, Зализняк 1998: 340–341. Другой пример см. в примеч. 19 ниже.

¹¹ У двух других глаголов такого типа — *грести* (наст. вр. *гребу*) и *скрести* (наст. вр. *скребу*) — инфинитив впоследствии получил аналогический исход *-сти* вместо исконного *-ти*; ср. диалектное и просторечное *ебсти*.

¹² Там написано: «гуска сологаа гуска голу кебае ... залако хусту», т. е. ‘гузка (задница?) сологая (прелюбодействующая?) ебет другую, задрвав одежду’. См. ДБГ, № 330, <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/330/>; Зализняк 2000: 99–100. В этой грамоте трудности для понимания создают все слова, кроме интересующего нас обценного глагола (Антропов 2021).

нению со своим нестяженным аналогом (Осипов 1991: 42–43). Кстати, удвоение суффикса (-*ти* + -*ть*) в форме *етить* — по-видимому, следствие непонимания говорящими формальных грамматических характеристик формы *ети*¹³: многие носители русского языка уже не опознают его как неопределенную форму глагола. Интересно, что у *еті* была девокализованная форма — *еть*. Не умея образовать от глагола *ехать* правильный императив *езжай*, многие наши современники безо всякого смущения произносят ошибочное *едь* (звучит как «еть»). Нынешние носители языка не понимают, что бастардная форма *едь* омофонична глаголу *еть*, то есть «ебать», — еще одно свидетельство постепенного ухода обсуждаемой формы из языка.

Форма *ѣб* сохраняется в современном языке преимущественно в составе выражения *ѣб твою мать* и часто не осознаётся как форма прошедшего времени, поскольку в качестве «стандартного» претерита используется форма *ебál* (Пушкин и его современники употребляли обе формы с равным удовольствием). Из атематических форм прошедшего времени наибольшую жизнеспособность проявили *еблáсь* и *еблѣсь*, широко циркулирующие наряду с тематическими *ебáлась* и *ебáлись*.

Некоторые префиксальные дериваты обсуждаемого глагола изменили свое значение. Так, в конце февраля 1828 г. Пушкин писал С. А. Соболевскому «о М-де Кернь, которую съ помощію божіей я на-дняхъ уебъ» (Пушкин 1908, II: 60). В современном языке атематическая форма отсутствует, а глагол *уебáть*, получивший новые переносные значения типа ‘ударить’ («уебáл ему по морде / в морду»; ср. *въебáл*) и ‘уйти’ («он куда-то уебáл»)¹⁴, больше не используется как глагол с семантикой копуляции, тогда как «старое» (то есть буквальное) значение передается другими приставочными образованиями — *отъебáть* и *выебáть* (Razvratnikov 1979: 202).

История слова *блядь* интересна тем, что оно пополнило собою матерный пул, куда первоначально не входило. В XVI–XVII веках это слово принадлежало литературному языку и даже относилось к высокому регистру. Этимология слова *блядь* совершенно прозрачна: в нем отразилась другая степень чередования корневого согласного по сравнению с родственным ему словом *блуд*, которое есть во всех славянских языках. Чередование выглядит следующим образом: **blǫdъ* (с *o* носовым, который в русском языке перешел в [u]) дает старославянское **блждъ** и русское *блудъ*; **blędъ* (с *e* носовым, который в русском языке перешел в [ʔa]) дает старославянское **бладь** и русское *блядь* (Vasmer 1953, I: 95–97; ЭССЯ 1975, 2: 114–115, 125–128). Слова с тем же корнем — *блудить*, *блуждать*, *заблуждаться*. Базовое значение корня — ‘ошибка’: пойти не туда (*блуждать*, *заблудиться*), сделать неверное умозаключение (*заблуждаться*).

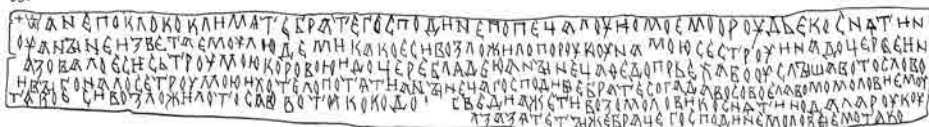
Другое значение, которое фиксируется и в старославянском языке, и в древнерусском, — это ‘распутство, разврат’. Не позднее конца XII — начала XIII века существительное *блядь* получает известное ныне значе-

¹³ Предположение С. Г. Болотова. К *етить* ср. эфемистический пароним *едрить*.

¹⁴ Ср. «Уебѣсь (‘уйди’) отсюда!»

ние: ‘блудница, распутная женщина’ и далее ‘продажная женщина, проститутка’. Вероятная филиация значений: ‘ошибка’ → ‘обман’ → ‘распутство’ и ‘обманщик; обманщица’ → ‘распутница’ (ср. Срезневский 1893, I: 173) — «название действия, с последующим переходом в разряд имен деятеля» (ЭССЯ 1975, 2: 115). В последнем значении оно употреблено в одной из грамот, относящихся к началу XIII века. Это грамота из Новгорода № 531, в которой сказано, что некто оскорбил женщину, назвав ее «ко[у]рвою и дочери бладею» (т. е. ее «курвою, а дочь блядью»)¹⁵:

531

Итак, на базе разошедшейся полисемии образовалась омонимия: *блядь* ‘ошибка; заблуждение; ложь’ vs. *блядь* ‘распутница’ (Аникин 2009: 277–278). В течение долгого времени два значения существовали параллельно, оказавшись в результате на противоположных стилистических полюсах. Если в конце XVII века слово *блядь* в значении ‘заблуждение’ было еще активно, то к середине XVIII века высокое слово полностью вышло из употребления и в ходу остался только его грубо-просторечный омоним (Словарь РЯ XVIII 1984, 2: 72). Позже, в середине XIX века, слово *блядь* становится табуированным, то есть матерным; во избежание ненужных ассоциаций церковнославянские слова с этим корнем могут изыматься из литургических текстов (Живов 1996: 508). До этого, в период примерно с 1740-х по 1830-е годы, оно было менее грубым, чем слова *хуй*, *пизда* и *ети*. Этим объясняется включение слова *блядь* в те словари, из которых уже изгнаны слова *хуй*, *пизда*, *ети* и их производные.

Слово *блядь* и его дериваты еще представлены в словаре современника Державина Ивана Нордстета и в словаре современника Пушкина Филиппа Рейфа (Нордстет 1780, I: 36–37; Рейф 1835, I: 35). Оно считается грубым и просторечным, но не обценным, что стилистически сопоставимо, например, со словом *жопа*, которое также включено в эти словари (Нордстет 1780, I: 199; Рейф 1835, I: 312). Обценных слов — таких, как *хуй* или *пизда* — у Нордстета и Рейфа уже нет. А в советском издании словаря Фасмера, из которого были исключены обценные лексемы, слово *блядь* отсутствует как бы наполовину: сама вокабула *блядь* изъята, но в соседних вокабулах *блуд* и *блядивый* (‘празднословный’) та же *блядь* закономерно осталась в качестве этимологически связанного слова (Фасмер 1964, I: 177, 180).

Родственное слову *блядь* существительное *вѣблядок* (‘незаконно-рожденный’), которое используется в качестве юридического термина в Соборном уложении 1649 года (гл. X, ст. 280), даже во второй половине

¹⁵ ДБГ, № 531, <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/531/>; Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 247–250. См. там же о былинной формуле *курва-блядь*.

XIX столетия воспринималось «без какого-либо оттенка непристойности» (Цявловский 2002: 226). Оно употребляется как нейтральное или по крайней мере приемлемо-грубоватое в дневниковой и эпистолярной прозе Пушкина, Тургенева и Льва Толстого и даже попадает в печать — не только в дореволюционных, но и в советских изданиях.

Матерный пул одновременно пополняется и оскудевает. Из современного употребления (по крайней мере, активного) выпали слова *хуеры́к* (вариант: *хуерик*, ‘гонорея’)¹⁶, *елда́* и *елда́к* (‘мужской половой орган’)¹⁷, *манда́* и *шахна́* (‘женский половой орган’)¹⁸, *секиль* (вариант: *сикель*, ‘1. вульва; 2. клитор’)¹⁹, *муде́* (‘тестикулы’) и некоторые другие.

Слово *хуеры́к* присутствует уже в рукописном учебнике XVII в. (Змеев 1895: 192)²⁰ и в Вейсмановом немецко-русско-латинском лексиконе 1731 г., где «гонорея (хуерыкъ болѣзнь)» служит аналогом нем. *Saamenfluß* и греко-лат. *gonorrhoea* (Вейсман 1731: 515; оба иностранных слова буквально означают ‘семяистечение’). В такой же форме (с твердым [р]) интересующее нас слово употребляется в *Девичьей игрушке* (корпус рукописной «барковщины» второй половины XVIII в.; см. Барков и др. 1992: 55, 58, 113–115 и др.). У Пушкина оно встречается только в варианте *хуерикъ* (Пушкин 1906, I: 11, 84, 259)²¹, который затем фиксируется в бодуэновском издании словаря Даля (Даль, Бодуэн-де-Куртенэ 1909, IV: 1244)²².

¹⁶ О его вероятном происхождении см. Киреев, Сапогов (в печати).

¹⁷ Возможно, единственное заимствование в старом матерном пуле (из перс. *yalda*, см. Minorsky 1945: 571; Jakobson 1952: 389; Фасмер 1967, II: 13, дополнение О. Н. Трубочева) — если, конечно, это действительно персидское заимствование, в чем высказывались обоснованные сомнения (Lunt 1977: 176, note 9; подробнее см. Пильщиков, Иоффе 2021: экскурс 2).

¹⁸ См. о них: Пильщиков, Иоффе 2021: экскурс 1 и 3.

¹⁹ В форме «сѣкыл<ь>» встречается уже в грамоте № 955 (вторая половина XII века), где выступает в составе обsceneго сочетания-гендиадиса «*тызда и сѣкыле*»; корень тот же, что в глаголах со значением мочеиспускания («*сѣцати, сѣкать*»). См.: ДБГ, № 955, <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/955/>; Зализняк, Янин 2006: 8, 11.

²⁰ Рукопись: ОР РГБ, ф. 310 (Собрание рукописных книг В. М. Ундольского), № 1023, л. 56. Электронная копия: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-1023#image-60>. В рукописи написание «хуярыкъ[ъ]»; ср. там же: «болѣзнь хуярычнаа».

²¹ Особенно примечательно сравнение в письме П. А. Вяземскому от 10 августа 1825 г.: «Какова наша текучая <т. е. ‘текущая’. — И. П.> словесность? настоящий хуерикъ!» (259).

²² В первых двух изданиях словаря Даля матерных слов не было, но когда этот словарь вышел в 1903–1909 годах под редакцией великого польско-русского лингвиста Яна Бодуэна-де-Куртенэ, то в своем издании Бодуэн добавил матерные слова (как и другие дополнения, в редакторских скобках) и в послесловии к последнему тому посвятил целую страницу красноречивому обоснованию этого решения (Бодуэн-де-Куртенэ 1909: VI). Сей-

Форма *мудé* (др.-рус. и ц.-сл. **мждѣ**) — это глубокая архаика: двойственное число (*dualis*) существительного *мудó* (Vasmer 1955, II: 169; Фасмер 1967, II: 669). В древнерусском языке такая форма употреблялась для обозначения двух предметов, а впоследствии утратилась (ее реликты наблюдаются в современном склонении существительных, обозначающих парные предметы). Множественное число того же существительного: *мудá*, *муды́*, *муды* и *муди* (всё это — вторичные диалектные варианты). Слово *мудо* (из **mōdo*, с *o* носовым) общеславянское, но поиски его индоевропейских параллелей затруднены (ЭССЯ 1994, 20: 123–125).

Хотя само обсуждаемое здесь слово вышло из употребления, сложные слова с корнем *муд-* (*мудозвон*, *мудоёб*) по-прежнему в ходу. Кроме того, широко циркулируют слова *мудáк* и *муди́ло* (*муди́ла*), по поводу которых в ответ на запрос главного редактора *Новой газеты* от 6 июля 2017 г. было получено специальное разъяснение главы Роскомнадзора А. А. Жарова (от 17 июля 2017 г.), что они «относятся к бранным, [но] не являются нецензурными» (Муратов 2017: 21)²³.

Здесь возникает вопрос: связано ли этимологически слово *мудак* с *муде*? По всей видимости, да, но, в отличие от *мудозвона* и *мудоёба*, не напрямую. В русском языке есть два омонима («*мудак1*» и «*мудак2*») с двумя исторически разными корнями²⁴. С одной стороны, в западнославянских языках сохранилось слово *mudak* с исходным **q* в корне и значением ‘животное с большой мошонкой’ (ЭССЯ 1994, 20: 122), и аналогичное слово *мудáк* в значении ‘баран-производитель’ засвидетельствовано в псковских говорах (ПОС 2008: 34). С другой стороны, имеется общеславянский корень **tud-* с исходным **u* и значением ‘медлительности’ (ст.-сл. и др.-рус. **моудити** ‘медлить’ и его производные — см. ЭССЯ 1994, 20: 167–170; Срезневский 1902, II: 185), впоследствии вытесненный в русском языке формой **тъд-(ь)л-* (ц.-сл. **мьд(ь)лити**, др.-рус. *мьдълити*, рус. *медлить*), связанной с ним закономерным чередованием гласных (ЭССЯ 1994, 20: 206–211; Фасмер 1967, II: 590). От старого и диалектного²⁵ глагола *мудить* (с исходным **u*, а не **q*) вполне допустимо образование отглагольных существительных на *-ило* / *-ила* (*муди́ло* / *муди́ла*) по модели «*чудить* → *чуди́ло* / *чуди́ла*; *дурить* ‘совершать глупости’ → *дурíло* / *дурíла*» и аналогическое образование на *-ак* (*мудáк*) по модели «*чудить* // *чудак*, *дурить* // *дурак*». Эту же семантику медленного, долго продолжающегося и неумелого действия имеет глагол того же корня *мудóхаться* и отглагольные существительные *мудóха*

час в магазинах продаются репринтные издания словаря Даля, сделанные и со второго, «безматерного» издания, и с третьего, «матерного».

²³ В сетевой версии газеты имеется подзаголовок: Переписка Дмитрия Муратова с Роскомнадзором по поводу слова «мудило». <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/07/20/73184-yavlenie-est-i-slovo-est>

²⁴ Гипотеза, высказанная А. В. Дыбо и Д. В. Сичиновой (дискуссия в Facebook, 01.10.2016, режим friends only). <https://www.facebook.com/igor.pilshchikov/posts/10154095910586028>

²⁵ См. ПОС 2008: 34–35.

и *мудóхала*: «Эта такóй ниизварóтливый чилавёк, мы явó завём мудóхай» (ПОС 2008: 35).

Таким образом, современные русские слова *мудак* и *мудило* возникли в результате контаминации. У них, если можно так выразиться, «бастардное» происхождение: частично матерное, частично не матерное, так как их связь с корнем, обозначающем тестикулы, представляет собой не научную, а «народную» этимологию (Volksetymologie)²⁶. Поскольку в результате пейоративным оказалось слово с «невинным» корнем **mud-*, а нейтральным — слово с обценным корнем **mōd-*, можно считать, что корень *-муд-* со значением ‘медлительности’ унаследовал пейоративную коннотацию от своего омонима²⁷.

По наблюдению Д. В. Сичиनावы, слова *мудак* и *мудило* (в отличие от *муде*) «неизвестны в источниках до революции <...> и, по-видимому, были достоянием немногих диалектов, а затем хлынули в город и получили там популярность»²⁸. Это наблюдение можно уточнить, указав, что первое из этих слов попало в общую речь не из регионального, а из социального диалекта. Слово *мудак* в значении ‘мужик’ включено в словарик из собрания В. И. Даля «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка» (Даль 1990: 134; Бондалетов 2004: 152, 160; Приёмышева 2009, I: 117; 2: 39, 425). Составлен он был, по-видимому, в 1842 году и переписан для Даля в начале 1850-х (Даль 1990: 133 [вступ. статья А. Л. Топоркова]; Бондалетов 2004: 145–147, 151; Приёмышева 2009, I: 116–129). К тому же источнику восходит словарь, переписанный в 1860-е годы для начальника сыскной полиции Санкт-Петербурга И. Д. Путилина и опубликованный в 1904 году в составе его *Записок*. В этой версии словаря петербургских «мазуриков» также зафиксировано слово *мудак* с тем же определением значения (Путилин 1904: 263). Был еще один условный язык, более архаичный и существенно повлиявший на все прочие, — офенский (арго коробейников XVIII–XIX веков). По данным офенских словарей, составленных А. А. Успенским (1820), И. И. Срезневским (1839) и Далем (1854), у офеней было другое слово для обозначения «мужика, крестьянина», — «*лох*» (Успенский 1820: 239–242; Бондалетов 2004: 282, 386; Приёмышева 2007: 339, 341, 349, 358)²⁹. То есть изначально «мудак» — это

²⁶ Явление, хорошо иллюстрируемое речью персонажей и сказового повествователя лесковского «Левши», которые говорят «мелкоскоп» вместо *микроскоп* и «верояция» вместо *вариация*.

²⁷ В примерах из *Псковского областного словаря* видно, что омоним с «техническим» значением («баран-производитель») никак семантически не коррелирует с бранным омонимом, и только бранный омоним синонимичен отглагольному существительному *мудила*.

²⁸ См. ссылку выше, в примеч. 24.

²⁹ Сводные данные по ряду словарей см. Приёмышева 2009, II: s. v. «лох», «крестьянин», «мужик», «человек». Пример офенской речи («лохи биряли колыги и гомза» и т. д.) см.: Даль 1852: 59 (перепечатано в первом томе «Толкового словаря»: Даль 1863, I: XLVIII). Ср. также: «*Лохъ пск<овское>* <...> розиня, шалапай (на офенскомъ: мужикъ, крестьянинъ вообще)» (Даль 1865, II: 870). К этимологии *лоха* см. ЭССЯ 1990, 16: 94.

то же, что и «лох»: «мужик», не принадлежащий миру «наших», объект криминальной или торговой манипуляции. Лексикон старых тайных языков был в значительной степени унаследован общеуголовным арго XX столетия (Грачев 2013: 67); в словаре «блатной музыки», изданном для внутреннего пользования НКВД в 1927 году, фигурируют оба слова: «**Лох** — <...> мужик, которого можно одурачить»; «**Мудак** — мужик; человек не бывавший в тюрьме, дурак» (Потапов 1927: 84, 94)³⁰. Вскоре слово *мудак* проникло в общерусское просторечие³¹. Произошло это после первой волны массового попадания разных слоев населения в лагеря и прямого контакта цивилизованных с уголовным миром — в конце 1930-х годов: «старшие известные нам письменные свидетельства существования этого слова есть в двух синхронных советских дневниках 1940 года»³². То же самое произошло со словом *лох*, но гораздо позже, в период резкой криминализации русского просторечия, пришедшейся на первое постсоветское десятилетие³³.

От собственно матерной лексики следует отличать также заимствованные обценные, но не табуированные слова (такие, как *путана*), вульгаризированные медицинские и прочие термины типа *гондон* (из *кондон*) или *пидорас* (из *педераст*) и вульгарно-просторечные (но тоже не табуированные, хотя и ограниченные к употреблению неформальными контекстами) слова и выражения типа *жопы*, *сукин сын* и т. п.

В вульгарной латыни и в новых романских языках *путана* — обценное слово, а *проститутка* — его нейтральный эвфемизм (Adams 1983: 344, 358)³⁴. В современном русском языке, скорее, *путана* — эвфемизм *проститутки* (ср. Горбачевич 1996: 320–321). Сегодняшние читатели удивятся, узнав, что слово *гондон* включено в советский нормативный словарь рус-

³⁰ Ср. здесь же «**Мудило** — бесполезный» [т. е. бесполезный, никчемный человек] (Потапов 1927: 94).

³¹ Процесс, захвативший и другие криминальные арготизмы (Приёмышева 2009, I: 394–397). Характерно при этом, что обычно «в просторечие переходит только та лексика, которая теряет свою употребительность и актуальность в воровской речи» (Там же: 394).

³² Д. В. Сичинава, email от 04.04.2021, где приведены и упомянутые примеры. Геолог Борис Вронский (1898–1980), запись 25 июля 1940 г.: «Коснемся немного филологии. Среди прочих ядовитых и метких словечек, которыми так богат русский язык, есть одно слово, в литературе не употребляемое, хотя по своей насыщенности и значимости оно вполне заслуживает этого. Слово это — “мудак”. В переводе на обычный житейский жаргон это нечто аналогичное слову “шляпа”, но только более подчеркнутое, вроде как-бы шляпы, надеваемой на нецензурное место. Так вот, сегодня я пришел к глубокому убеждению, что дядя Андрео <sic!> — типичнейший стопроцентный мудак» («*Прожито*». <https://prozhito.org/note/565193>). Журналист Лазарь Бронтман (1905–1953) в записи от 25 декабря 1940 г. цитирует свою реплику в разговоре этого дня с летчиком Владимиром Коккинакки (1904–1985) и ответ последнего: «Когда ты пишешь о своем первом полете, окончившемся аварией, читатель просто посмеется, т. к. он знает, кто ты сейчас. Но если ты напишешь аварию незнакомого читателю летчика, он, читатель, прочтет и скажет: чего таких мудаков пускают в авиацию? — А ведь ты прав. Я этого и не сообразил. Вообще мне много сейчас стало яснее» («*Прожито*». <https://prozhito.org/note/6037>).

³³ См. полезную статью Т. М. Веселовской «Кто такие лохи?» (2001), где, однако, отсутствуют сведения, которые можно почерпнуть из ЭССЯ и офенских словарей.

³⁴ Этимологически *puttana* означает ‘девка’ (от вульг. лат. *putta* ‘девушка’).

ского языка под редакцией Д. Н. Ушакова как допустимое «разг<оворное>» (Ушаков 1935, I: 595, 1435). «“Неприличие” — категория историческая», — заметил пушкинист М. А. Цявловский (2002: 226), комментируя сквернословие классика.

5. Матерились ли классики?

Читателей обычно интригует использование мата русскими классиками. Интересно, зачем; интересно, почему; интересно, что это для них значило.

Для Пушкина, особенно раннего, обращение к мату в литературе было связано с традицией XVIII века. Эстетическая система классицизма разделяла все литературные жанры на высокие, средние и низкие. В низких жанрах с языком позволялось делать то, что категорически запрещалось в высоких жанрах: в произведениях низких жанров можно было вводить просторечие и достаточно грубую, но не матерную брань. Кроме того, появилась рукописная литература, связанная с именем Ивана Баркова, которая пародировала жанры официальной литературы с помощью матерной лексики.

Механизм такой пародии, общий для русской и западноевропейской литературы, — это бурлескная травестия произведений высоких жанров. Классический бурлеск берет образцовый сюжет — например, Вергилиеву *Энеиду* — и пересказывает ее низким языком, вводя, кроме того, в текст комические мотивы, связанные с пьянством, драками и беспорядочными сексуальными связями. Первым такое произведение написал в середине XVII века Поль Скаррон. Оно озаглавлено *Травестированный [то есть переодетый] Вергилий (Virgile travesti)* или, полностью, *Вергилий, переодетый в бурлескные стихи (Virgile travesti en vers burlesques)*.

«Обычный» бурлеск может развиваться в бурлеск обценный, в котором место грубо-просторечных слов занимает вульгарное просторечие и вульгарная обценная лексика. Это не специфично русское явление; более того, оно заимствовано русской литературой из французской. Самым знаменитым произведением такого рода во французской литературе была «Ода Приапу» Алексиса Пирона, написанная в начале XVIII века и ставшая одним из жанровых образцов для Баркова и его последователей, которые пародировали все жанры русского классицизма: оды, трагедии, элегии, надписи, притчи и далее по списку (Шапир 2002). В конце XVIII века эти произведения были объединены в рукописный сборник, озаглавленный *Девичья игрушка* (см. Барков и др. 1992).

В России такая литературная игра получила еще большее значение, чем во Франции. Из-за употребления мата она стала полностью непечатной, но при этом хорошо укладывалась в сетку классицистских жанров, будучи их зеркальным отражением. Цель кривого зеркала — не высмеять того, кто в него смотрится, а просто повеселиться, насладившись искажением знакомого и любимого облика (Морозов 1960: 17–24; Пильщиков

2007). Обценный бурлеск в максимальной степени эксплуатирует главные свойства матерной лексики и фразеологии — ее вульгарность и экспрессивность. Впрочем, удельный вес собственно матерных слов в барковщине не так уж велик — всего 1,5–2%. Но на фоне высоких подлинников звучат они настолько «ударно», что текст воспринимается как чистое и беспримесное сквернословие.

Пушкин с удовольствием читал барковщину. Как известно, он сказал юному сыну своего друга князя Вяземского, что «первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание стихотворений Баркова» (ПВС 1998, II: 180) — что, собственно, и произошло в 1992 году. Барков стал символом русской поэтической похабщины. Тот же Пушкин писал старшему Вяземскому 10 июля 1826 г.: «Всѣ возмутительныя рукописи ходили подь моимъ именемъ какъ всѣ похабныя ходять подь именемъ Баркова» (Пушкин 1906, I: 358). Действительно, и в допушкинское, и в послепушкинское время переписчики приписывали Баркову все непристойные произведения, в том числе те, что были, несомненно, написаны во второй половине XIX века — например, поэму *Лука Мудищев* (Taranovsky 1982: 429–432; Шапир 1997: 89, 119).

Сам Пушкин написал в барковском духе раннюю обценно-порнографическую балладу «Тень Баркова», в которой пародировал стихи Жуковского и Батюшкова, подобно тому, как барковцы пародировали стихи Ломоносова и Сумарокова (Шапир 2000). Это произведение в такой степени насыщено матерной лексикой (матерных слов в нем в 2,5–3 раза больше, чем у самого Баркова)³⁵, что некоторые исследователи отказываются верить, что «Тень Баркова» принадлежит Пушкину, — на мой взгляд, безосновательно (Пильщиков, Шапир 2002; 2005; Pilshchikov 2012).

Пушкин легко употреблял матерную лексику и фразеологию в шуточных и пародийных стихотворениях, не предназначенных для печати. В первой четверти XIX века, помимо официальной поэзии, существовала и имела большое культурное значение поэзия домашних кружков и салонов, и она была гораздо свободнее в выборе тем и языка по сравнению с подцензурной литературой (Эйхенбаум 1929). К той же категории относились тексты написанные «в стол», «для себя» — граница между ними и текстами «для друзей» практически неразличима. Вот, например, стихотворение Пушкина «Сводня грустно за столом...» (1827):

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.
Смотрят барышни кругом,
Сводня им гадает.

Приходит гость:

Что? Хороший человек...
Сводня с ним знакома,

³⁵ Пильщиков, Шапир 2002: 309.

Он с блядьми целый век,
Он у них, как дома.

Хозяйка жалуется:

«Четверых гостей, гляжу,
Бог мне посылает.
Я блядей им вывожу,
Каждый выбирает.
Занимаются всю ночь,
Кончили, и что же?
Не платя, пошли все прочь,
Господи, мой боже!»

Гость ей:

«Право мне вас жаль.
Здравствуй, друг Анета,
[Что за шляпка!], что за шаль,
Подойди, Жанета.
А, Луиза, — поцалуй,
Выбрать, так обидишь;
Так на всех и встанет хуй,
Только вас увидишь».

Гость, однако, никого не выбрав, уходит:

Сводня карты вновь берет,
Молча вновь гадает,
Но никто, никто нейдет —
Сводня засыпает³⁶.

Стихотворение имеет реальную подоплеку. По-видимому, оно посвящено Софье Астафьевне (Евстафьевне) — содержательнице известного в то время петербургского борделя. Друзья поэта вспоминали «о прежних прогулках с Пушкиным-холостяком; как они, бывало, заходили к наипочтеннейшей Софье Евстафьевне провести остаток ночи с ее компаньонками» (Губер 1923: 31–34; Черейский 1989: 415). «Сводня» в этом и других текстах Пушкина имеет не то же самое значение, в котором мы употребляем это слово сегодня ('корыстная посредница между частными лицами, способствующая вступлению их в сексуальную связь'), — в пушкинское время термин «сводня» был более профессионально-техническим, обозначая содержательницу и распорядительницу публичного дома.

Поход в публичный дом — вполне обычное времяпрепровождение для холостого дворянина в XIX столетии. Лев Толстой устами героя «Крейцеровой сонаты» вспоминает об этом обычае с гневом и омерзением,

³⁶ Пушкин 1948, III.1: 77–79. Купюры академического издания восстановлены здесь по факсимиле автографа (ПД № 836, л. 26–26об.), воспроизведенному в кн.: Пушкин 1996. Сам факт купирования текстов в сугубо научном издании ставит большое академическое собрание Пушкина в один ряд социокультурных явлений с советским изданием словаря Фасмера (Зорин 1996: 129–130).

но Пушкин и его друзья, судя по всему, не находили это предосудительным. В сборнике «анекдотов» (примечательных событий), озаглавленном «Table-talk», Пушкин записал: «Дельви́г звал однажды Рылеева к девкам. “Я женат”, отвечал Рылеев. — “Так что же, сказал Дельви́г, разве ты не можешь отобедать в ресторации, потому только, что у тебя дома есть кухня?”» (Пушкин 1949, XI: 159).

Обитательницы борделя упоминаются в целом ряде непечатных стихотворений Пушкина — иногда со смехом, иногда с грустью, но всегда без осуждения. В послании к Дельви́гу («Друг Дельви́г, мой парнасский брат...», 1821) Пушкин сравнивает со сводней самого себя:

К неверной славе я хладею;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой.
Я позабыл ее обеты,
Одна свобода мой кумир,
Но все люблю, мои поэты,
Счастливый голос ваших лир.
Так точно, позабыв сегодня
Проказы младости своей,
Глядит с улыбкой ваша сводня
На шашни молодых блядей.

(Пушкин 2016: 23)

Поход в бордель описан в главном произведении родного дяди Пушкина Василия Львовича — ирои-комической поэме *Опасный сосед* (1811). Как и бурлеск, ирои-комика строится на несовпадении тематики и стилистики, но если бурлеск соединяет высокую тематику с низким стилем, то ирои-комика, наоборот, совмещает низкую тематику (бордель, пьянство, драка) и высокий стиль. Ирои-комика тоже травестирует высокую героическую поэзию, и низкие темы в ней не только дозволены, но и обязательны — для контраста с пародируемыми эпопеями. Пушкин любил дядино произведение и неоднократно цитировал его в стихах и в письмах, а главного героя *Опасного соседа* Буянова назвал в пятой главе *Евгения Онегина* своим двоюродным братом (как если бы «родителем» Буянова был сам Василий Львович). Четыре гостя, о которых сводня в стихотворении поэта-племянника рассказывает, что они «не платя, пошли все прочь», — это герои *Опасного соседа*: рассказчик, Буянов, купец и дьячок (Михайлова 2004: 198).

«Сводня...» тоже содержит в себе элемент травестии — Пушкин пародирует балладу Жуковского «Светлана», написанную тем же размером Х4343мжмж (разностопный хорей, в котором чередуются четырехстопные строки с мужским окончанием и трехстопные с женским):

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:

За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали <...>³⁷

Сам Пушкин не противопоставлял свои серьезные и шуточные произведения столь же строго, как того хотелось бы блюстителям пушкинской нравственности. Для написания «Сводни...» он отвлекся от работы над седьмой главой *Онегина* и записал шуточное стихотворение на тех же листах рабочей тетради, в которой работал над «романом в стихах» (Иезуитова 1991: 127). Три года спустя Пушкин добавил (нематерную) строфу к стихотворению Дениса Давыдова «Герою битв, биваков, трактиров и блядей», где также фигурируют *сводня* и *бордель*, а *бляди*, помимо заголовка, появляются в ударной рифменной позиции в заключительном стихе. Стихотворение это, наряду с другими сочинениями «лихого гусарского пошиба», было напечатано в сборнике стихов Давыдова 1832 года с заменой фривольных слов точками (Лернер 1923: 21–22; Пушкин 1949, III.2: 1288–1289).

Один из важнейших элементов стилистической программы Пушкина — повышение стилистического разнообразия. Поэт стремился максимально расширить экспрессивный диапазон литературного языка и даже считал возможным выходить за его пределы. В «народной трагедии» *Борис Годунов* сталкиваются языковые стихии, не совместимые с точки зрения эстетики классицизма, позволявшей смешение высокого и низкого только в комических жанрах. С одной стороны, это стихия высокой поэзии: торжественные церковнославянизмы, вкрапления старорусских летописных оборотов. С другой стороны, это низкая прозаическая стихия — бытовое просторечие и даже вульгарная лексика (Винокур 1959: 304–312). Пушкин писал друзьям: «Въ моемъ <<“>Борисѣ<“> бранятся по матерну на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго полу» (Пушкин 1906, I: 334). В *Годунове* и по-русски, и по-французски говорят очень грубо, причем в черновых вариантах грубее, чем в печатной редакции. В печатном тексте пьяный монах Варлаам говорит: «Отстаньте, пострѣлы!»; сейчас печатают по рукописи: «Отстаньте, сукины дѣти!» — но в первоначальном варианте у Пушкина было еще грубее: «Отстаньте, блядины дѣти» (Пушкин 1831: 43; 2009: 34, 282, 376, 380). Это выражение, неоднократно встречающееся, например, у протопопа Аввакума (см. Аввакум 1934: 216, 226, 234, 241, 251, 272, 313, 334, 355; ср. Гудзий 1934: 35–36; Юрганов 2000), по всей видимости, попало к Пушкину из летописной цитаты у Карамзина (Винокур 1935: 472).

Пушкин использовал грубую матерную лексику в письмах, но далеко не всегда. С некоторыми своими друзьями — например, с Вяземским и Соболевским — Пушкин употреблял матерные выражения достаточно регулярно, а в переписке с другими адресатами выбирал иные стилистические регистры. Иногда это объясняют каким-то особым цинизмом Соболевского и Вяземского, чьей манере Пушкин отчасти подражал в ответных письмах (Цявловский 2002: 232), но здесь, скорее, нужно обратить внимание

³⁷ См. Михайлова 2004: 200–201.

на другое. В общении со своими близкими Пушкин часто экспериментирует с языком, и грубые выражения употребляет не только в письмах к своим закадычным друзьям, но и к собственной жене — правда, в письмах к жене он использует выражения нарочито грубые, но не матерные.

Со своей невестой Natalie Гончаровой Пушкин переписывался исключительно по-французски (Паперно 1975: 152)³⁸, но когда она стала его женой, перешел в переписке на русский. Язык этой переписки намеренно сниженный. Пушкин моделирует ситуацию семьянина, главы дома, который говорит с женой простой русской речью. Ему нравятся слова типа *жён-ка*, *брюхата* (в значении ‘беременная’) и т. п. (Лотман 1981: 201–204). Огрубление речи до просторечия в письмах жене и огрубление речи до мата в письмах Соболевскому и Вяземскому — это явления одного стилистического ряда.

Пушкин экспериментировал с матом не только в домашней поэзии и в частной переписке. Помимо попыток огрубить текст *Бориса Годунова*, потрясающим примером пушкинского эксперимента с нарушением границы между табуированным и нетабуированным является стихотворение «Телега жизни» (1823). Это философская притча на традиционную тему об эпохах человеческой жизни (детство — средний возраст — старость). Вот две первые строфы:

Хоть тяжело подь часъ въ ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, сѣдое время,
Везеть, не слезеть съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошоль!

(Пушкин 1829: 180)

В пушкинском стихотворении, по словам компетентного историка русского литературного языка В. В. Виноградова, «остро врезаются в повествовательное построение простонародно-бытовые, далекие от стеснительных норм салонной вежливости грубые окрики путника на ямщика» и в результате «происходит резкое преобразование литературной <...> символики, связанной с образом времени» (Виноградов 1935: 441, 439).

«Ебёна мать» рано начинает употребляться как чистый эксхламатив с контекстуально обусловленным значением и в результате быстро приобретает многозначность. Этому явлению специально посвящено непечатное «Рондо на Ебену мать» — стихотворение конца XVIII века, примыкающее к более раннему основному корпусу *Девичьей игрушки*:

³⁸ Единственное исключение — письмо, посланное из Болдина около 29 октября 1830 г., которое начинается словами: «Милостивая государыня, Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте» (Пушкин 1986: 16).

Ебена мать ту тварь ебену означает,
Из бездны коея людей хуй извлекает.
Вот тесный смысл сих слов; но смысл пространный знать
Не может о себе сама ебена мать!

Ебена мать в своем лишь смысле не кладется,
А в образе чужом повсюду к стати гнется.
Под иероглиф сей все можно пригибать,
Синонима есть всем словам *ебена мать*.

<...>

Ебена мать кладут и в знак местоименья
К таким, которые у нас без уваженья:
Коль хочешь, например, ты имрака назвать,
Вот так его зови: *ей ты! ебена мать!!!*

Ебена мать уж ты! — значит к тебе презренье,
Уж я ебена мать — значит к себе почтенье,
Что за ебена мать? — есть недоумевать,
А храбрости есть знак: *кто нас! ебена мать!*³⁹

Но одно дело «знак храбрости» в нецензурной, а другое — в печатной словесности. Принято считать, что сквернословие в русской классической литературе «было жестко запрещено как безусловное нарушение конвенциональной этической и эстетической нормы. Поэтому узнать, что едва ли не все великие русские писатели были в быту изрядными матерщинниками, пытливый старшеклассник мог лишь из их дневников, писем, стихов на случай и для узкого круга посвященных, но никак не из текстов, предназначенных для печати» (Чупринин 2004: 148). Как видим, это не так или не совсем так. Нарушитель установленного порядка — Пушкин.

Печатая «Телегу жизни» в собрании своих стихотворений, Пушкин заменил отточием «русский титул» (как он сам назвал оборот *ебёна мать*, посылая это произведение Вяземскому 29 ноября 1824 г.)⁴⁰. Но поскольку *ебёна мать* находится в рифме, то продекламировать «Телегу жизни», не произнеся «русский титул», невозможно. Таким образом, Пушкин употребил мат в произведении не только предназначенном для печати, но и реально напечатанном. Этот пример можно считать образцовым применением мата в литературе: экспрессивная функция мата и его связь с разговорным народным началом использованы поэтом в полной мере. Полтора века спустя пушкинским приемом воспользовался Иосиф Бродский в стихотворении «Натюрморт» (1971), развивающем философскую тематику английской метафизической поэзии:

Вещь есть пространство, вне
коего вещи нет.

³⁹ Барков и др. 1992: 260. Заглавия в других списках — «Ебена мать» и «Рондо» (Там же: 396).

⁴⁰ В письме обсуждаемая строка читается «Кричимь: валяй, ебена мать!». «Можно напечатать, пропустив русский титуль», — заключает автор (Пушкин 1906, I: 151–152).

Вещь можно грохнуть, сжечь,
распотрошить, сломать.
Бросить. При этом вещь
не крикнет: «Ебёна мать!»

(Бродский 1977: 111)

Что же касается домашней, кружковой словесности, то такого рода литература «для своих», в том числе и грубо-сексуально-комическая, существовала и в послепушкинскую эпоху, в 50–60-е годы XIX века. Поэзия «не для дам», продолжающая обценную шутовскую поэзию пушкинского круга, практиковалась в кружке Лонгинова — Дружинина, куда входили Тургенев и Некрасов (Ранчин, Сапов 1994; Трунин 2017). Примечательно, что среди участников этого кружка было несколько литераторов из числа тех, кого принято называть «первыми пушкинистами»: М. Н. Лонгинов — один из первых русских библиографов и исследователей пушкинской эпохи, А. В. Дружинин — один из самых тонких критиков поэзии предыдущего поколения. Вполне возможно, что они ориентировались на «домашнюю» культуру предыдущей эпохи и тем самым выпадали из контекста новых десятилетий.

В конце XIX века интерес к обценной поэзии практически сошел на нет. Чисто эстетического удовольствия она уже не доставляла (никто не помнил и не угадывал объекты пародии), любители «клубнички» переклещивались на порнографию (расцвет которой пришелся на вторую половину XIX и начало XX века), а модернистская эротика развивалась по совсем другим законам (редким исключением стали *Занавешенные картинки* М. Кузмина, стилизованные под старину⁴¹).

Перечислим основные этапы развития «матерной» литературы в XVIII–XXI веках: барковщина в XVIII веке; использование ее механизмов для создания «домашней» литературы в начале XIX века; пушкинские эксперименты с вводом элементов матерной лексики и фразеологии в печатную литературу — очень смелые и не имеющие аналогов в литературе того времени; и, наконец, домашняя литература авторов послепушкинского периода, которая уже не находит продолжения у писателей второй половины XIX века. Вновь интерес к мату возникает в литературе и культуре второй половины XX столетия — от Александра Солженицына до Юза Алешковского, от Иосифа Бродского до Сергея Шнурова и от Алексея Германа до Кирилла Серебренникова.

Во второй половине XX века мат окончательно вырывается из-под спуда социальных запретов и занимает исключительное место в устной

⁴¹ См. в особенности два заключительных стихотворения цикла — «Размышления Луки» (1918) и «Начало повести» (1914). Последнее стихотворение, содержащее незавуалированный мат (*блядь, еблась, ебня*) имеет в автографе подзаголовок «(d'après Барков)», хотя стилизовано оно не под подлинного Баркова, а под псевдобарковщину XIX столетия, самым известным примером которой можно считать анонимную поэму *Лука Мудищев* (ср. Богомолов 1996: 738).

речи практических всех социальных групп современного русского общества⁴². Характерно, что у Бродского, который в высокой лирике шокировал читателя единичными обсценцизмами, в дружеских — первоначально не предназначавшихся для публикации — стихотворных посланиях к Виктору Голышеву (1971, 1974, 1977) вульгаризмы разливаются вольной стихией, не сдерживаемой никакими стилистическими ограничениями. Вот строки из послания, написанного одновременно с «Натюрмортом»:

...Но бздя, чтоб названное Зло,
в прекрасном с сотворенья света
рассеянное всюду, это
прекрасное переросло,

дает нам Время некий срок;
и к их ебальникам и к речи
привык я и расправил плечи.
«Бессмертья, может быть, залог».

А сам Дом Творчества — говно.
Похож на полусинагогу-
полуобщагу. Харч изжогу
обычно вызывает; но

харч в регулярные часы, —
и можно вкальвать не хуже,
чем дома. Вечером снаружи
транзисторы вопят и псы.

В сортире плавает гондон;
Но вообще-то дом пустует.
Одни вахтеры, и бюстует
среди холла с фикусом Антон

П. Чехов. Я перевожу
и сочиняю. Впрочем, редко.
Приняв снотворную таблетку,
я сплю, не слыша, как пержу.

Говно, конечно. И спустить,
конечно, некуда... И все же
всю эту поебень и рожи
я, кажется, готов простить

за то,
etc. etc. etc.

(Бродский 1996: 62–63)⁴³

⁴² По состоянию на 2000 год, «согласно данным ВЦИОМ, ежедневно пользуются грубыми ругательствами 25 % женского населения России, 44 % руководящего состава, 50 % рабочих и 54 % безработных», в целом же «матерятся 70 % россиян, причем ни образование, ни место жительства особой роли не играют» (Жельвис 2001: 44, 65).

⁴³ Несколько скромнее звучит позднейшее послание к тому же адресату (1995), которое было опубликовано в *Новой газете* (2000) без купюр, несмотря на обилие вульга-

6. Русский мат: вчера, сегодня, завтра

Итак, со временем способы и цели употребления мата меняются, поэтому нельзя сказать, что якобы «в XVI–XVII вв. он существовал в том самом виде, в каком существует сейчас» (Жельвис 2001: 14). Не только в Древней Руси он был **совсем не таким**, как сейчас, но и в пушкинское время он был **не совсем таким**, как сейчас. Главное отличие заключается в том, что вплоть до конца XIX века матерные слова употреблялись преимущественно в прямом значении, а количество слов, образованных с помощью базовых корней, было ограниченным. Сейчас дело обстоит совсем иначе (Пильщиков 2022).

Во-первых, матерные корни стали принимать почти любое переносное значение, то есть обозначать практически все, что угодно. Во-вторых, матерных слов и выражений стало много. Произошел «деривационный взрыв»: появилась возможность образовывать матерные окказионализмы (слова, образованные *hic et nunc* и понятные носителям языка, поскольку подчиняются усвоенным языковым правилам). Некоторые из этих слов стали общераспространенными, и в результате за относительно короткое время в языке появилось необычайно много новых матерных слов, образующих устойчивые и окказиональные сочетания. Эти явления были описаны в статье Ф. Дрейзина и Т. Пристли «Систематический подход к русскому obscene языку» (Dreizin, Priestly 1982) и в статье Ю. И. Левина «Об obscene выражениях русского языка» (Левин 1986).

Первое из упомянутых явлений лингвисты называли «прономинализацией»: матерные слова «*про*-номинализируются» и «*про*-вербализируются», то есть начинают вести себя как «местоимения» («PRO-nouns») и «место-глаголия» («PRO-verbs») (Dreizin, Priestly 1982: 234; Timroth 1983: 151–155; Левин 1986: 67–68). Значение слов типа *хуйня*, *хуеплёт*, *хуйнуть*, *хуячить*, *захуячить*, *расхуячить* и т. д. полностью определяется смысловым контекстом и синтаксическими связями (Dreizin, Priestly 1982: 239–240). Подобным же образом ведут себя местоимения: слово «*он*» обозначает разных людей в зависимости от того, к кому оно применяется. Поэтому можно говорить о местоименной (в широком смысле термина) функции матерных слов. Эту их особенность отметил еще анонимный автор «Рондо на Ебену мать» («*Ебена мать* кладут и в знак местоименья»). Можно также сказать, что такие слова теряют лексическую семантику, сохраняя лишь грамматическую, которая определяется значением префиксов и суффиксов. Например, слово *хуйнуть* имеет грамматическую семантику одноразового действия, а что оно конкретно означает — зависит от семантического и синтаксического контекста: можно «хуйнуть» (‘пойти, направиться’) куда-то», «хуйнуть» (‘бросить’) что-то куда-то», а можно «хуйнуть» (‘ударить’) кого-то

ризов (*мурло*, *дерьмо*, *помацать* и др.), эвфемизмов (*послать на «X»* — рифма: *мха*) и одного obscene (но всё же не матерного, согласно будущему закону) слова: «...переставляя буквы в ДУМЕ, /приятно получать МУДЕ» (Бродский 2000: 23).

чем-то или чем-то обо что-то». Ср. «захуячить (‘засунуть, затерять’) что-то куда-то», «захуячить (‘стукнуть’) кому-то чем-то» и т. д. Генетически прономинализация представляет собой конечную стадию метафоризации: обценные слова, которые первоначально употреблялись только в прямом (материальном, техническом) значении, начали употребляться в переносном смысле. Эта особенность также не ускользнула от внимания прозорливого автора «Рондо» («Синонима есть всем словам *ебена мать*»). Обе указанные особенности, свойственные мату XVIII–XIX веков лишь в зачаточной степени, в XX столетии широко распространились и многократно усилились.

Суть второго явления, которое я назвал здесь «деривационным взрывом», состоит в том, что новые матерные слова образуются по десяткам словообразовательных моделей⁴⁴. Один и тот же корень порождает десятки и даже сотни слов с самыми разнообразными буквальными и метафорическими значениями (как устойчивыми, так и окказиональными): *выебать, выебываться, доебать, доебаться, доёбываться, ебануть, ебануться, ёбнуть, ёбнуться, заебаться, избебнётся, наебать, наебнуть, наебнуться, объебать, подьебывать, подьебываться, подьебнётся, переебать, переебаться* («они там все переоблись»), *приебать, приебаться, приёбываться, съебать, съебаться, съёбываться, уебнуть, уебать, уебаться, уёбываться* и т. д. (ср. Raskin 1978: 321–325; Dreizin, Priestly 1982: 238; Мокиенко 1994: 61).

Ничего подобного в начале XIX века не было. А. Б. Пеньковский писал: «...тот язык, на котором думал, говорил, писал и творил Пушкин, — это язык, во многом близкий к современному, очень на него похожий, но в то же время *глубоко от него отличный*» (Пеньковский 2005: 6). Сказанное относится и к матерной идиоматике. В полном списке обценных слов из пушкинских текстов, составленном М. А. Цявловским (2002: 212–226), все матерные слова употреблены исключительно в прямом значении: «так на всех и встанет хуй» («Сводня грустно за столом...», 1827); «законная пизда род теплой шапки с ушами» (из письма П. А. Вяземскому от 22 мая 1826 г.) и т. п. Единственное метафорическое употребление, трактуемое Цявловским как галлицизм («а ты наебаешься нами» в письме в черновике письма Вяземскому от 4 ноября 1823 г.), сомнительно: черновик в этом месте читается лишь гипотетически (ср. Левичева 2001: 21; автограф: ПД № 834, л. 33). Конечно, многие высказывания небуквальны в том смысле, что не являются призывом к реальному действию: «отослать Толстого к хую» («Язвительный поэт, остряк замысловатый...», 1821, черновая редакция), «и мать его ети» («Веселого пути я Блудову желаю...», 1825) и прочее. Однако само матерное слово используется в этих выражениях в своем буквальном значении.

Пример из послания Пушкина Вяземскому: *отослать к хую* (рифма: *другую*)⁴⁵ — на месте привычного нам *послать на хуй*⁴⁶ свидетельствует

⁴⁴ Их список и анализ см.: Raskin 1978; Ermen 1993: 22–39.

⁴⁵ Пушкин 2016: 391.

⁴⁶ Ср. Василий Буй 2005: 81.

о том, что *хуй* достаточно рано начинает использоваться как дисфемизм⁴⁷ *чёрта*. Фразеология этих двух слов существенно пересекается. В *Пословицах русского народа*, собранных В. И. Далем, мы находим следующие фразеологизмы: «На чорта?», «На кой чорт?», «Чортъ ли въ немъ?», «А чортъ его знает!», «Чорта съ два!», «Убирайся къ чорту!» (Даль 1862: 13). Ср.: *на хуя* и *на кой хуй* ('зачем'), *хуй ли* (аллегроформа: *хули*), «*а хуй его знает!*», *хуя с два, отослать/убираться/пойти к хую*. Последний оборот встречается в афанасьевских «заветных» сказках наравне с посыланием «к чёрту»: «Какой, ебена мать, медвѣдь? Пошоль къ хую, не бредь!» (вариант: «поди къ хую, не бредь»); «Ну, братъ, слѣзай съ телеги долой да убирайся отъ грѣха къ хую» (Афанасьев 1865/1872: 11–12, 73; 1997: 32, 96) — и сохраняется в народной речи до середины XX века⁴⁸. Выражения «*какого чорта*» и «*какого хуя*» также употребляются в «заветных» сказках в как синонимические (Афанасьев 1865/1872: 165; 1997: 192, 432).

Позднейшее посылание *на...* (а не *к...*) могло бы объясняться эллипсисом: *идти/пойти (к чёрту) на хуй* (ср. *к чёрту на рога*). Однако, судя по всему, оно имеет более замысловатый генезис. В *Русских заветных пословицах и поговорках*, собранных В. И. Далем и переданных им А. Н. Афанасьеву, обстоятельство *на хуй* мотивировано каламбурной рифмой: «Убирайся к монаху — на хуй. (*Рифма.*)» (Афанасьев 1997: 505). К этой пословице Афанасьев или его сотрудник П. А. Ефремов добавили слышанный им эвфемистический безрифменный вариант: «Убирайся к мерину на пятую ногу» (Афанасьев 1997: 505; ср. Бессмертных 1997: 581). В тех случаях, когда слово *хуй* в «заветной» поговорке употребляется не в материальном значении, оно используется как дисфемизм к местоимению *что* (подробнее см. ниже, § 7): «Хорош зять, да не хуй взять» [*не хуй = нечего*]; «Не хуем петь, когда (коли) голосу нет» [*не хуем = незачем*] (Афанасьев 1997: 505, 497; о ритмической и эвфонической структуре поговорки про зятя см. Сагеев 1972: 97). Условность обценных инвектив, экспрессивная многозначность и дисфемизация в дальнейшем откроют путь к безграничной метафоризации матерной идиоматики.

Тотальная метафоризация мата — это, несомненно, более позднее явление, но к какому именно времени его следует отнести, пока неясно. Судя по всему, обсуждаемая тенденция проявилась во второй половине XIX столетия и стала доминантной в XX–XXI веках, когда одновременно с увеличением числа матерных слов и выражений сократилось количество матерных корней. В матерном пуле осталось всего четыре корня, но они образуют очень много слов — гораздо больше, чем раньше образовывали все старые корни, вместе взятые. Показательно, что слова, в XX веке выпавшие из ма-

⁴⁷ Функция, обратная по отношению к эвфемистической (замена приличного неприличным и/с. замена неприличного приличным). О дисфемизмах см. Жельвис 2001: 87–88; Ковшова 2007: 105–118; 2019: 40.

⁴⁸ Ср. слова крестьянина, записанные в дневнике М. М. Пришвина между 1 и 4 ноября 1928 г.: «Ночью стало морозить, на заре озеро замерзло и утки улетели к х<ую>» (Пришвин 2004: 303).

терного пула или ушедшие на его периферию (*елда, шахна* и др.), метафоризации не поддаются (Dreizin, Priestly 1982: 237).

Общеизвестен рассказ Достоевского (включенный в цикл *Маленькие картинки из Дневника писателя* за 1873 год) о том, как несколько «пьяных мастеровых» говорят языком, который «состоит из одного только слова, чрезвычайно удобно произносимого» — «одного нелексиконного существительного», «до крайности к тому же немногосложного», и на все вопросы они отвечают «тем же самым одним заповедным словом, тем же крайне односложным названием одного предмета», меняя лишь интонацию (Достоевский 1980: 108–109)⁴⁹. Анализ этого пассажа в классических работах Бахтина(?)–Волошинова (1930: 105–107) и Выготского (1934: 298–299), написанных шесть десятилетий спустя, подтверждает, что Достоевский описывает интонационное и, вероятно, фразеологическое варьирование одного и того же обценного слова (*хуй*), но вряд ли использование его лексических дериватов (вопреки Timroth 1983: 107; Kovalev 2014: 122–123). Однако еще через четыре десятилетия, то есть почти через сто лет после Достоевского выдающийся лингвист А. А. Зализняк засвидетельствовал исключительные словообразовательные возможности, демонстрируемые другим обценным корнем (*еб-*). Вот что, по воспоминаниям А. К. Жолковского, произошло в 1969 году:

Неловко разворачиваясь, Андрей [Зализняк] на своем маленьком «Москвиче» чуть не угодил под колеса огромного самосвала, шофер которого высунулся из кабины и заорал... Тут Андрей наигранно осекся и продолжал уже на сдавленном смехе своим характерным фальцетом, приберегаемым для подобных артистических эффектов:

— При дамах я не могу буквально повторить то, что он сказал. Поэтому я переведу его реплику на семантический язык или, лучше, на куртуазный язык «Тысячи и одной ночи»: *О неосторожный незнакомец! Пожалуй, следовало бы наказать тебя ударом по лицу... <...>*

— При этом, — продолжал Андрей, — все богатство значений, заданных элементами «неосторожный», «незнакомец», «наказать», «удар» и «лицо», было передано с помощью ровно трех полнозначных слов, образованных от одного и того же корня. Задача имеет одно решение, — торжественно закончил он. (Жолковский 2003: 206–207)⁵⁰

Наконец, фразеологическую versatility обценного слова прекрасно демонстрирует озорная частушка, известная в нескольких близких вариантах:

Полюбила парня я —
Оказался без хуя.

⁴⁹ Полностью цитату см. в наст. изд., с. 854 примеч. 12.

⁵⁰ «Единственность решения и, значит, разгадка, — комментирует лингвист-мемуарист, — определяется бедностью матерной синонимии в обозначениях “лица”, тогда как в передаче остальных ключевых сем веер возможностей гораздо шире» (Там же: 207). По устному сообщению А. К. Жолковского, решение задачи звучит как «*Эй ты, разъебай, ща как ёбну по ебальнику!*»

На хуя мне без хуя,
Когда с хуем до хуя.⁵¹

Помимо буквального, материального значения слова *хуй* в сочетаниях *без хуя* и *с хуем* (вариант: *с хуями*), в частушке фигурируют метафорические сочетания *на хуя* ('зачем') и *до хуя* ('много'). Этими идиомами далеко не исчерпывается все фразеологическое богатство современного русского обсценцизма: остались, например, неиспользованными фразеологизмы *ни хуя* ('совсем') и *по хуй* ('все равно'). Таким образом, метафоризация приводит к расширению матерной фразеологии. Согласно материалам к словарю современного русского мата, собранным А. Ю. Плущером-Сарно, число фразеологизмов со словом *хуй* достигает 500, со словом *пизда* — 800 (Плущер-Сарно 2001, I; 2005а, II).

Аналогичные процессы происходят не только с собственно матерными, но и с грубо-просторечными словами. «Старую» ситуацию наглядно иллюстрируют слова *жопа* и *жопный*, представленные в словаре Рейфа (1835, I: 312), где зафиксированы только буквальные значения существительного и прилагательного:

ЖОПА <...> *sf. pop. le derriere, le cul.*
Жопный, ая, ое, *adj. de derriere.*⁵²

В современном языке возможны общепонятные метафоры: «жопная ситуация», «мы в жопе».

«Новую» ситуацию описывают дополнения к словарю Даля, сделанные в начале XX века Бодуэном-де-Куртенэ⁵³, который едва ли не первым отметил и прономинализацию, и метафоризацию, и фразеологизацию слова *хуй*:

Хуй, род. **х у я́**, м., вульг. неприл., мужской дѣтородный члень. || Становится почти мѣстоименіемъ въ значеніи что, что-либо, какой, какой-нибудь. **Н и - х у я́ нѣтъ**, ровно ничего нѣтъ. *Ни-хуя не видно* или *не видать*, ничего не видно. (Даль, Бодуэн-де-Куртенэ 1909: 1244)

Бодуэн зафиксировал и прилагательное *хуев* в значении 'плохой':

Хуевъ. *Это, батюшка, хуево* (скверное) *дило*, н<о>в<г>ородское». (Там же)⁵⁴

Между тем в русских «заветных» сказках и пословицах прилагательное *хуев* употребляется только в значении 'относящийся к мужскому половому члену'. Ср. в сказках: «Дай-ко <...> поищу <...> своему хую работы: «<...> Вот вам хуева работа!»; в пословицах: «Молчи, хуева посудина! (т. е. баба)»; «Ах ты, хуева голова!» (т. е. glans penis); «Ах ты хуев пономарь» (т. е. оналист) (Афанасьев 1997: 123–124, 495, 487, 592)⁵⁵. Три последних (пословиц-

⁵¹ Кабронский 1978: 105. Ударения добавлены автором настоящей статьи.

⁵² Перевод французских соответствий: «задница, жопа»; «[относящийся] к заднице».

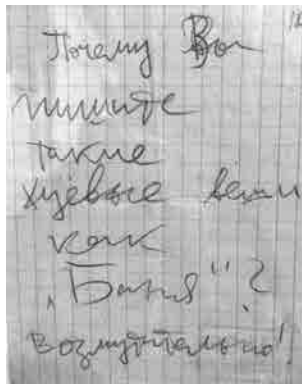
⁵³ Об этом издании см. выше, примеч. 22.

⁵⁴ *Дило* — севернорусский диалектизм (общерус. *дѣло*).

⁵⁵ Сочетание «хуева голова» в значении 'glans penis' встречается в скomorошине «Стать почитать, статью сказывать» из сборника Кириши Данилова, составленного во второй

ных) примера подсказывают, каким образом у обсуждаемого прилагательного могло развиваться переносное пейоративное значение: метафорическое значение сперва появляется в контексте инвективы у всего словосочетания, которое, в свою очередь, представляет собой перифразу, а затем «усваивается» прилагательным. На фоне этих перифраз (значение первой из них отметили сам собиратели — В. И. Даль, А. Н. Афанасьев или П. А. Ефремов), «хуево дело» также воспринимается как перифраза ‘соития’, подобная «хуевой работе».

Одно из первых документальных подтверждений циркулирования прилагательного *хуевый* в значении ‘плохой’ в полной, а не краткой форме — слова деревенских мужиков, процитированные в дневниковой записи М. М. Пришвина от 25 августа 1918 г.: «Про бедноту говорите, хуево дело, беднота — большевики, и в избу незачем входить, увидел пук удочек — большевик живет» (Пришвин 2008: 181). Другой пример мы находим в записке зрителя В. Маяковскому (1929 или 1930 года), экспонированной в 2018 году в Центре авангарда на Шаболовке⁵⁶: «Почему Вы пишете <sic!> такие хуёвые вещи<, > как “Баня”? Возмутительно!». Точки над ё, выставленные автором записки, показывают, что читать здесь следует *хуёвый*, а не **хуевый*:

Хотя в речи наших современников прилагательное *хуёвый* ‘плохой’ вполне обычно (Беликов 2006: 51), в краткой атрибутивной форме сохраняется закономерное ударение *ху́ев*: «писатель ху́ев»; «железяка ху́ева» из частушки «По реке плывет топор/Из села Чугу́ева» (Кабронский 1978: 108). Аналогичное акцентное соотношение полной и краткой формы характерно и для эвфемизмов: *херо́вый*/хэров, *хрено́вый*/хрэнов, *фиго́вый*/фíгов. Однако у краткого прилагательного в этих примерах прямое (притяжательное) значение уже утрачено. Кроме того, это прилагательное может находиться

половине XVIII века: «А и тот хоробер, да иной хоробер,/Толко нет хоробрея хуевы головы,/Он из пидзы в жопу татар загнал,/А все он, ебея мать, от сабак забежал» (Топорков 1995: 35). Подробнее об этом тексте см. Rice 1976.

⁵⁶ См.: <https://www.nashabolovke-gallery.com/universalnyj-otvet-zapisochnikam>

только в постпозиции: в отличие от предыдущего состояния, порядок слов в новой идиоме не свободный, а фиксированный (Буй 2005: 95–97). Такое превращение притяжательного прилагательного в качественное сродни «народной этимологии», только реинтерпретации в данном случае подвергаются не морфемы в слове, а слова в словосочетании.

7. Загадки матерной акцентологии

Бодуэн-де-Куртенэ предполагал, что в позднейшем (отсутствовавшем у Даля) выражении «*Ни черта́ не видно*», «может быть, ударение *ни черта́*, вм<ѣсто> *ни чорта*, подъ влияніемъ *ни хуя́*» (Даль, Бодуэн-де-Куртенэ 1909: 1360)⁵⁷. Сдвиг ударения отражает позднейший процесс эвфемизации (Левин 1989: 69), обратный по отношению к процессу дисфемизации, который был описан выше (§ 6). Это же явление привлекло внимание А. А. Зализняка, который искал решение для «следующей загадки русской акцентуации: почему *какого чѣрта*, *какого фі́га*, но *ни черта́*, *ни фіга́*?» (Зализняк 2014: 274). Использовать примеры «*какого фі́га*» и «*ни фіга́*» вместо «*какого ху́я*» и «*ни ху́я*» оказалось возможным, поскольку эвфемизмы *фиг*, *хрен* и *хер* «имеют в точности одинаковые семантические, синтаксические, морфологические и акцентные свойства», что и слово *хуй*, которое Зализняк, не называя прямо, именует главой этого ряда энклиноменов или, сокращенно, «главой ряда» (Там же). Семантические свойства ряда хорошо описываются в категориях прономинализации и синонимизации:

Весь этот ряд синонимичен: корни всех этих слов имеют одно и то же «глобально-местоименное» значение — практически то же, что у слова *что*, только с добавлением экспрессии и общего отрицательного отношения (осудительного, пренебрежительного, насмешливого и т. п.). Например, *ни фіга́* в отвлечении от этих коннотаций означает то же, что *ничего́*, *не фіга* — то же, что *нечего́*, *за фігом* — то же, что *зачѣм*, и т. д. (Зализняк 2014: 274)

Обратимся теперь к акцентным свойствам. Исследователь выделил «следующие типы словоформ и словосочетаний данного класса», специально оговорив, что «в современном употреблении они как правило имеют именно такие ударения»:

- а) корневое: *ху́я*, *какого ху́я*, *за каким ху́ем*;
- б) флективное: *ни хуя́*, *на хуя́*, *до хуя́*;
- в) предложное: *на хуй*, *нехуя*, *по хую*, *по хуй*, *за хуем*.

Ударение может передвигаться на предлог, поскольку слово *хуй* сохраняет древние черты энклиномена (безударного существительного), и может передвигаться на окончание, поскольку такой сдвиг используется в русском языке для выражения фамильярной экспрессивности (ср. Зализняк 2014: 275). Ввиду того, что «акцентные свойства всех членов ряда одинаковы»,

⁵⁷ Цитируемая запись взята в редакторские скобки, которые информируют читателя, что она добавлена Бодуэном.

эвфемизмы *фиг*, *хрен* и *хер* ведут себя точно так же: «они все акцентные свойства получили от главы ряда» и «у всех членов <указанного> ряда реализованы все эти модели» (Зализняк 2014: 275). Однако есть исключение — «у слова *чёрт* реализована только их часть». У этого слова только две позиции ударения:

- а) корневое: *чёрта*, *какого чёрта*, *за каким чёртом*;
- в) флексивное: *ни черта́*, *на черта́*, *до черта́*;
- б) предложное: не засвидетельствовано.

Таким образом, слово *чёрт* «к этому ряду примыкает (но включилось в него неполностью, то есть уподобилось не по всем признакам)» (Там же). Между тем *чёрт* по своим исконным акцентологическим свойствам, наоборот, был гораздо ближе к *хую*, чем позднейшие эвфемизмы (Там же). Отчего же *чёрт* проявил неожиданную строптивость? Почему эвфемизмы *хер*, *хрен* и *фиг* воспроизводят парадигму «главы ряда» обценных энклиноменов полностью, а слово *чёрт* только отчасти, и почему *хуй* в отдельных формах сохраняет корневое ударение (группа «а»)?

А. А. Зализняк интерпретировал все рассмотренные вторичные изменения как результаты процессов эвфемизации:

Структура этого ряда такова, что каждый следующий член в момент своего появления имел функцию эвфемизма по отношению к предыдущему члену. Первая эвфемистическая замена главы ряда — *хер*. Характер замены здесь совершенно такой же, как в нынешних *бэ*, *гэ*, *же*: слово заменяется алфавитным названием его первой буквы. Со временем эвфемизм сам начал ощущаться как нецензурный и стал заменяться (уже по модели нынешнего *блин* — с сохранением основных согласных корня) на *хрен* <...>. Но в дальнейшем и этот эвфемизм тоже начинает ощущаться как слишком грубый и заменяется на сравнительно слабое слово *фиг* (полученное морфологическим уподоблением слова *фига* ‘кукиш’ остальным словам данного ряда и с опорой на непристойный смысл данного жеста). (Зализняк 2014: 274)

Действительно, «в сфере русских нецензурных и полуцензурных выражений существует особый тип уподобления одних единиц другим по семантическим, синтаксическим, морфологическим и акцентным свойствам» (Там же), однако уподобление это является результатом двух одновременных и разнонаправленных процессов — не только эвфемизации, о которой писал А. А. Зализняк, но и дисфемизации. В данном случае именно обращение к хронологически организованному материалу позволяет «уяснить себе исторический процесс и усвоить правила игры аналогий» (Якобсон 1971: 154). Рассмотрим этот процесс подробнее.

- (1) «пойти к чёрту» → «пойти к хую»
- (2) «(а) бог (его) знает!» → «(а) чёрт (его) знает!» → «(а) хуй (его) знает!»

Как уже было сказано, весь ряд фразеологизмов *чёрта* из *Пословиц русского народа* не находит матерных параллелей в «заветных» пословицах

и сказках и не является, таким образом, серией эвфемизмов *хуя*. Современная фразеология *хуя* в этом сегменте сохраняет антропоморфную актантность *чёрта* (может ли «хуй» что-то «знать»? и можно ли «к нему» пойти?).

(3) «какого чёрта» → «какого хуя»

Ранняя дисфемизация, засвидетельствованная «заветными» сказками наравне с посыланием «к чёрту» и «к хую»: «какого ты чорта волькаешь?»; «Какого ж ты хуя делала, коли ничего не приготовила?» (Афанасьев 1865 / 1872: 165; 1997: 192, 432; Плущер-Сарно 2001, I: 205–206).

(4а) *ничего* → *ни чёрта*

(4б) *ничего* → *ни хуя* → *ни черта*

Первый этап процессов дисфемизации/эвфемизации («что → чёрт»). Первоначальное ударение — корневое, ср. в письмах Пушкина (1906, I: 68, 279): «туть утонешь самъ, а ни чорта не сыщешь» (П. А. Вяземскому, 6 февраля 1823 г.); «въ Войнѣ я ни чорта не понимаю» (Л. С. Пушкину, февраль 1825 г.). Похоже, что именно от «*ничего*» исходил первоначальный толчок в дисфемизации местоимения *что*, поскольку замена «*ничего*» на «*ни чёрта*» ясно семантически мотивирована в поговорке: «Нѣтъ ни чорта, ни дьявола (никого, ничего)»; ср. «нечертыхательную» параллель: «Нѣтъ ни вороху, ни пороху» (Даль 1862: 599).

Второй этап («что → хуй») проходил одновременно с первым или немногим позже. Хотя выражение *ни хуя* не встречается ни в текстах Пушкина, ни в заветных сказках, оно имеется в позднейших добавлениях к пословицам, сделанных Афанасьевым и Ефремовым: «Ни хуя хуящаго (*Приговорка*.)»; «Живешь — ебешь, помрешь — ни хуя не останется» (Афанасьев 1997: 498, 585) — а также в песне, находящейся в той же рукописи из собрания Даля: «Одну ночь он караулил — /Ничего не видал, /И другую караулил — Ни хуя не видал» (Там же: 525). Самое раннее литературное употребление *ни хуя* в значении 'ничего' засвидетельствовано в скабрёзной поэме «Лука Мудищев» (вторая половина XIX века):

Судьбою не был он балуем,
И про Луку сказал бы я:
Судьба его снабдила хуем,
Не давши больше ни хуя.

(*Вариант:*

Не дав в придачу ни хуя.)

(Сапов 1994: 257, 338)

Использованная талантливым анонимом каламбурная омонимия предсказывает аналогичный прием в цитированной выше частушке, однако 150 лет назад в распоряжении поэта было гораздо меньше обценных фразеологизмов, чем век спустя.

Третий этап («хуй → чёрт») описан Бодуэном как инновация (*ни черта́* по модели *ни хуя*).

(5а) *на что́* → *на чёрта*

(5б) *на что́* → *на хуя́* → *на черта́*

(5в) *на что́* → *на чёрта* → *на кой чёрт?* → *кой чёрт?* → (*на*) *кой хуй?*

И в *Заветных русских сказках*, и в *Девичьей игрушке* «*на что?*» в значении ‘зачем’ вполне обычно⁵⁸, тогда как сочетание «*на хуй*» используется только в чисто техническом смысле⁵⁹. Ни в «заветных» сказках, ни в *Девичьей игрушке* вопросительные конструкции с местоимениями *кой* и *какой* с существительным *хуй* не сочетаются.

Первый этап («*что* → *чёрт*»). Речение «*На чорта?*» включено в сборник Даля. Оборот «*на кой чорт?*» встречается в *Пословицах* Даля и в *Девичьей игрушке*: «Нет нужды в том, на кой чорт толковать» (Барков и др. 1992: 164). Ср. в письмах Пушкина (1906, I: 44, 202): «Своего портрета у меня нѣтъ — да на кой чортъ имѣтъ его» (Н. И. Гнедичу. 13 мая 1823 г.); с эллипсисом предлога *на*: «<...> готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Онѣгина (да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминають <...>)» (Л. С. Пушкину, апрель 1825 г.).

Второй этап («*что* → *хуй*»). В раннем корпусе примеры использования «*на хуя́*» отсутствуют. Бодуэну они также неизвестны, но должны хронологически предшествовать примерам третьего этапа 1920-х годов. Вероятная датировка второго этапа — 1900-е и 1910-е годы. Дисфемизм «*На кой хуй?*» также появляется в начале XX века; примеры — в обценной пародии на Грибоедова (нач. XX в.); в письме Есенина А. М. Сахарову от 1 июля 1922 г. из Дюссельдорфа⁶⁰.

Третий этап («*хуй* → *чёрт*»). Еще в 1920-е и 30-е годы конкурируют исходная форма *на чёрта* (В. Шершеневич, 1923; А. Штейнберг, 1931; М. Тарловский, 1935) и вторичная *на черта́* (В. Маяковский, 1921) — по модели «*на хуя́*» (НКРЯ).

⁵⁸ Афанасьев 1997: 162, 207, 305, 416; Барков и др. 1992: 128, 137, 239, 245, 292, 298, 308.

⁵⁹ Ср. в *Девичьей игрушке*: «[Черти] Боятся, чернецу чтоб на хуй не попасть» (Барков и др. 1992: 156); «И с трепетом тебя я на хуй ожидаю» (Там же: 265); «Но твой прехрабрый брат, презревши вонь сию / И приподняв рукой шматиницу свою, / Ударил ею в лоб злодея Хуестана / И на землю поверг едой <своей> тирана. / Потом поднял его и на хуй посадил / И по муде в него елдак свой вколотил» (Там же: 274; ударения во всех цитатах добавлены автором статьи). В сказках: «”Дай-ка я теперича залезу к нему на хуй”, — думает теща, взлезла и давай на хую покачиваться» (Афанасьев 1997: 82). Ср. также: «— Бел хуй вам под валёк, красныя девицы! — Черна пизда тебе на хуй, доброй мо́лодец!» (Там же: 458; ударения в источнике). Пословица «Либо рыбку съесть, либо на хуй сесть» (Там же: 494) знаменита, в том числе, благодаря Пушкину, который писал Вяземскому из Одессы в апреле 1824 года: «<...> или рыбку съѣсть, или на хуй сѣсть. Дамы принимаютъ эту пословицу въ обратномъ смыслѣ» (Пушкин 1906, I: 106).

⁶⁰ «Чацк ий. На кой же хуй меняться мне везде!» (Сапов 1994: 194); «Порой мне хочется послать все это к ебенейшей матери и наострить лыжи обратно. <...> Еб их проеби в распробу. Конечно, кой-где нас знают, кой-где есть стихи переведенные, <...> но на кой хуй все это, когда их никто не читает» (Есенин 1999: 140).

Четвертый этап. Для современной ситуации обычна синонимия *на кой хуй / на хуя / на хуй* в значении 'зачем' (Буй 2005: 39–40): у базового «*на хуя*» появляется аллегроформа *на хуй* со сдвигом ударения на предлог. Таким образом, «*на хуй*» в сочетании «*на хуй (это) нужно?*» и «*на хуй*» в сочетании «*иди на хуй*» имеют разное происхождение; соответственно, материальное значение слова *хуй* сохраняется во втором случае и утрачивается в первом. Старое «*на чёрта*» меняет ударение на «*на черта́*», однако форма **на черт* так и не появляется, потому что существительное *чёрт* (др.-рус. *чьръть*) полностью утратило свойства энклимена (ср. Зализняк 1985: 137 [§ 2.17]; 2019: 622; 2014: 275).

- (6а) *нэчего* → *нэ хуя* → *нэ хуй*
 (6б) *нэзачем* → *нэ хуем* → *нэ хуй*

Первый этап («*что* → *хуй*»). Ранняя и непосредственная дисфемизация «*что*»: «Хорош зять, да нэ хуй взять»; «Нэ хуем петь, когда (коли) голосу нет» (Афанасьев 1997: 505, 497; в обоих случаях ударение в источнике). Нередуцированные формы «*нэ хуя*», «*нэ хуем*» имеют устойчивое ударение, поскольку «здесь *не* из *нть* ('нет, не имеется'), которое было самоударным словом и в сочетании с другими словами ударения никогда не теряло» (Зализняк 2014: 275). В современном языке (второй этап) и «*нэ хуя*», и «*нэ хуем*» упрощаются в «*нэ хуй*».

- (7а) *зачем* → *за чёртом* → *за каким чёртом* → *за каким хуём*
 (7б) *зачем* → *за чёртом* → [**за хуем*] → *за хуем* → [**за чертом*]

Первичный дисфемизм датируется серединой XIX века, в литературе — с 1850-х годов. Самый ранний пример выражения «*за чёртом*» в значении 'зачем' найден у Ф. М. Решетникова («Где лучше?», 1868). С того же времени — более распространенное «*за каким чёртом*» (НКРЯ): у И. С. Никитина (*Дневник семинариста*, 1860), А. И. Левитова (*Погибшее, но милое создание*, 1862), В. В. Крестовского (*Петербургские трущобы*, 1864). В переводной литературе это выражение появляется чуть раньше (*Библиотека для чтения*, 1854; *Русский вестник*, прил., 1858). Вторичный дисфемизм «*за хуем*» появляется веком позже. Акцентные формы **за хуем* и **за чертом* не засвидетельствованы.

Итак, материал показывает, что исторически три серии дисфемизаций («*что* → *чёрт*», «*что* → *хуй*» и «*чёрт* → *хуй*») предшествовали двум сериям эвфемизаций («*хуй* → *чёрт*» и «*хуй* → *хер* → *хрен* → *фиг*»).

Корневое ударение в группе «а» (*чёрта*, *какого чёрта*, *за каким чёртом*, *к чёрту* и *хуя*, *какого хуя*, *за каким хуем*, *к хую*) отражает первичный процесс дисфемизации (*хуй* является дисфемизмом *чёрта*, их акцентные формы совпадают). Возможно, именно из-за влияния акцентно-морфологической модели «*какого чёрта*» слово *хуй* в сочетании «*какого хуя*» противится экспрессивному сдвигу ударения на флексию.

Сдвиг ударения на окончание в группе «б» (*ни хуя́, на хуя́, до хуя́* и *ни черта́, на черта́, до черта́*) отражает процесс позднейшей эвфемизации (*чёрт* становится эвфемизмом *хуя* и наследует его экспрессивное флективное ударение; ср. новое «*на черта́*» при старом «*на чёрта*»).

Отсутствующие у *чёрта* формы группы «в» с ударением на предлоге (**за́ чертом*) могли бы образоваться в процессе дальнейшей эвфемизации по аналогии с реально существующим «*за́ хуем*», однако существительное *чёрт* утратило свойства энклимена и такие формы у него не образуются. Напротив, «чистые» эвфемизмы *хер, хрен* и *фиг* такие свойства приобрели, и мы теперь посылаем всех *на хер, на хрен* и *на фиг* (Зализняк 2014: 275).

8. Русский мат в зеркале языковой игры

К числу «новых» особенностей русского мата следует отнести и отмеченные в статье Дрейзина и Пристли элементы особой грамматики, отличной от грамматики общенационального языка, но разделяемой матом с другими (нематерными) сферами инвективного словоупотребления. Прежде всего это обязательный в некоторых позициях детерминатив (*determinative adjective*), без которого матерное слово перестает быть своеобразным «местоимением» и возвращает себе первоначальное материальное значение (Dreizin, Priestly 1982: 236–237; Ermen 1993: 56–57). Например, можно сказать: «И тут подходит ко мне какой-то хуй...» или «Подходит ко мне как-то раз один хуй...», но нельзя сказать в том же смысле: «Подходит ко мне хуй», потому что это будет уже означать, что ко мне подходит персонализированный половой орган (такого рода абсурдно-комические олицетворения встречаются в матерных частушках, см. Топорков 1995: 472–476, 518–520). Аналогичным образом можно сказать: «...и эта пизда мне говорит: ...», но нельзя в том же смысле сказать: «...и говорит мне пизда: ...»⁶¹

Обычно роль детерминативов выполняют местоименное прилагательное *один (одна, одно)* в значении ‘какой-то’ (или само неопределенное местоимение *какой-то*) и указательное местоимение *этот (эта, это)*, то есть те слова, которые в других языках трансформировались в артикли — неопределенный (англ. *a(n)*, фр. *un(e)*, нем. *ein(e)(r/s)* и т. д.) и определенный (англ. *the*, фр. *le/la*, нем. *der/die/das* и т. д.). Неопределенные артикли этимологически восходят к прилагательному со значением ‘один’, определенные — к указательному местоимению со значением ‘(э)тот’.

Точно так же ведут себя и другие оскорбительные слова — просто грубые или используемые в таком качестве, например, инвективные зоо-

⁶¹ У процитированной выше частушки «Полюбила парня я...» есть вариант первой строки: «Полюбила я хуя...» (Кабронский 1978: 107), в которой существительное *хуй* без детерминатива употреблено в значении ‘некий человек’ (Ermen 1993: 51, примеч. 1). Однако, по-видимому, такое употребление нельзя признать «нормативным» и следует интерпретировать как эллипсис (ср. Буй 2005: 18): «Полюбила я [одного] хуя...» (вместо «[одного] хуя»: ударение тоже «ненормативно»). Зато в этом варианте частушки все четыре рифмующихся слова тавтологичны — ради этого стоило нарушить законы матерной грамматики!

нимы. Из формулировки «Подходит ко мне один козел (одна овца), и этот козел (эта овца) говорит мне...» ясно, что речь идет не о животном, а о человеке. А вот фразу «Подходит ко мне козел (овца)» невозможно проинтерпретировать как описание человека, а не животного. Отсутствие детерминатива возвращает зоониму исходное, буквальное значение. Значит, такая грамматика не является особым свойством матерных слов, а представляет собой следствие их тотальной метафоризации (свободного переноса значений), переходящей в прономинализацию (приобретение контекстных значений).

Наконец, еще одна любопытная черта «нового» русского мата памятна в литературе истекшего столетия по *Одному дню Ивана Денисовича*: это использование матерных корней для образования словесных пар типа «маслице-хуяслице» (Dreizin, Priestly 1982: 244–245; Беликов 1990). Из цензурных соображений автор заменил начальную букву *х* буквой *ф*: «На столике у них маслице да фуяслице, плащи на крючках покачиваются, чемоданчики в чехолках» (Солженицын 1962: 41). Есть в повести Солженицына и другие матерные слова-дубликаты: «Хорошо положили, а? За полдня. Без подъемника, без фуёмника» (Там же. С. 48).

Такой механизм окказионального словообразования известен издавна. Один из способов порождения новых слов в разного рода тайных языках — замена первого слога любого слова условным маскировочным слогом. Например, в офенском языке в качестве «криптопрефиксов» использовались элементы *ши-*, *шу-*, *ку-* и нек. др.: *шур* ‘вор’, *шуровать* ‘воровать’ и подобные (Лихачёв 1964: 339–340; Бондалетов 1980: 40–51; Приёмышева 2009, I: 228–229). Если в тайных и условных языках оригинал замещается дубликатом, то в других видах префиксальной и псевдопрефиксальной редупликации оба слова, отражаемое и отражающее, предъявляются в речи одновременно.

В русском языке и фольклоре широко распространен феномен «м-редупликации»: *гоголь-моголь*, *ёксель-моксель* и др. (Plähn 1987; Минлос 2005; Лотман 2017). Аналогичные явления обычны во многих других языках (Иванов 2004: 142–143). В ряде языков, прежде всего в тюркских, такая редупликация стилистически нейтральна, в остальных стилистически снижена (Минлос 2002; ср. Беликов 1990: 81, 84). Значение подобных слов содержит два компонента — дескриптивно-денотативный (значение «ассоциативной или репрезентативной множественности»: ‘*Хи/или* что-то подобное’) и экспрессивно-эмоциональный (несерьезное либо уничижительное отношение к предмету, обозначаемому редуплицируемым словом) (Минлос 2002). В классическом примере из Солженицына *хуяслице* «означает все <прочие> продукты питания, находящиеся на “столике” (своеобразное “etc.”)» (Плуцер-Сарно 2005б: 171).

По своей функции слова-дубликаты могут быть дисфемизмами. Пример такого использования матерного корня встречаем уже у Пушкина, который писал любимому брату Лёвшушке в феврале 1825 года:

Здѣсь письмо къ Изд.<ателю> или Пиздателю Н.<евскаго> А.<льманаха>. Прочитай его да доставь. Онъ каналья, жлетъ на меня въ афишкахъ да мнѣ присылаетъ свое вранье — добро!⁶²

Этот яркий пример малоизвестен, поскольку во всех публикациях писем Пушкина, кроме отдельного тиража издания 1906–1909 гг., напечатанного для членов Академии Наук в ограниченном числе экземпляров, пушкинское словцо урезано как непристойное. Не включено оно и в *Словарь языка Пушкина*.

Сегодня для создания шутивно-обценных «“паронимических производных” соответствующих необценных слов» (Левин 1986: 72) чаще используется форманта ху[ʃ]-. В последние годы эта манера широко распространилась в молодежной речи. Для забавы появилась даже специальная программа — «хуефикатор» письменных текстов, позволяющая мгновенно «хуефицировать» в них все слова (то есть заменить их матерными дублетами).

Матерная редупликация может иметь значение, отличное от «ассоциативной множественности». Слово-дубликат становится как бы словом-эхом: слова, содержащие матерный корень, подставляемый вместо другого корня или части слова, нередко используются дистантно — в ответе на фразу, содержащую исходное слово (Беликов 1990: 83, 85; Лотман 2017: 660). Например, я хочу «маслица», а мне отказывают в грубой форме, отвечая: «хуяслица!» (то есть «хуяслица тебе, а не маслица!»). Ю. И. Левин, комментируя иллокутивный класс «обценные выражения отказа», эксплицирует их семантику («я отказываю тебе в просимом, попутно желая оскорбить тебя») и попутно замечает: «Отказы не случайно строятся на основе корня хуй-, — что связано с наличием в семантическом спектре этого корня сильно выраженной семантемы отрицания» (Левин 1986: 64). Это семантическая инновация с архаичной генеалогией. В основе ее лежит издевательское предложение пассивной позиции в сексуальном акте или акте фелляции (ср. Кирилина 1998): «Хуя не хочешь ли, пердун эдакой!»; «Нет, — говорит, — не надуешь! Хуя не хочешь ли?»; «Не хочешь ли хуя с медом?»; «Не хочешь ли хер-ка (херка) слегка?»; «На-тка пососи, да вперед не проси! (*Говорят, показывая кукиш или на хуй.*)» (Афанасьев 1997: 102, 424, 497, 495). Ср. слова Петра I, цитированные Пушкиным в письме В. Ф. Одоевскому (конец 1836 г.): «А спросить у Нѣмца; а не хочеть-ли онъ хуя?» (Пушкин 1909, III: 398).

Между словами-дубликатами и окказионализмами есть сходство, поскольку окказионализмы тоже образуются путем замены корня или псевдокоренной части слова другим корнем. Берется слово типа *выска́зываться/высказаться*, и на его базе образуется дисфемизм либо нематерный (*выпéндриваться/выпендриться*), либо матерный (*выёбываться/выебнуться*), а матерный эквивалент может заменяться окказиональным эвфемизмом-

⁶² Пушкин 1906, I: 183. Автограф: ПД № 1261, л. 49об. Об этом эпизоде пушкинской литературной биографии см.: Балакин 2010.

паронимом (*выёбываться* → *выёживаться*). Так выявляется связь между «деривационным взрывом» и появлением «эхо-слов».

Всякая семиотическая система, в том числе естественный язык и какой-то отдельный его социолект, содержит в себе определенную картину мира, общую для ее носителей. Модель мира современного русского мата, создаваемая неологизмами типа *ёбнуться*, *наебнуться*, *объебать*, *пиздык*, *хуяк*, конечно, очень отличается от модели мира, создаваемой пушкинским матом. Это прекрасный новый мир, избилующий неожиданными действиями и неприятными результатами. *Хуяк*, например, — это отглагольное междометие от *хуячить* (Timroth 1983: 151; Ermen 1993: 36, 60). *Пиздык* — возможно, дисфемизм к распространенному *кирдык* (неизвестного происхождения). Ср. матерную частушку: «Как у елки на макушке / Соловей ебет кукушку. / Раздается наверху: / Хуяк-пиздык, чирик-ку-ку» (Кабронский 1978: 51) — и (возможно, исходный) вариант: «Раздается на суку: / Чик-чирик, кирдык-ку-ку». Обсуждаемые слова уже вошли в современную литературу, отчасти возрождающую традиции обценного бурлеска (Тимур Кибиров, «Послание Л. С. Рубинштейну», 1989):

Мрак да злак, да футы-нуты,
флаг-бардак, верстак-кабак,
ёлки-палки, нетто-брутто,
марш-бросок, пиздык-хуяк.

(Кибиров 1989а: 116; 1989б: 101)⁶³

Сюда же позднейшие примеры — стихотворение из цикла пародических эпитафий (Михаил Генделев, «Эпитафия Барду О. Шмакову» по мотивам стихотворения Некрасова «Памяти Добролюбова»): «Прохожий, подойдя впритык, / Не сцы на саркофаг Амбала. / Какой светильник разума пиздык! / Какое нас покинуло ебало!» (Генделев-Хермонский 1998: 103) или пастиш стихотворения Тарковского «Вот и лето прошло...» (Мирослав Немиров, 1994): «Вот и лето блядь вжик — / Как и не было его. / Вот и осень — хуяк-пиздык! — / Ох, вот оно все какво» (Немиров 1999: 23)⁶⁴.

Мир, моделируемый современным русским матом, очень точно определил Ю. И. Левин (1986: 71–72):

[Этo] мир, в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором «все расхищено, предано, продано», в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят — но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием, — и все кончается тем, что приходит *полный пиздец*.

⁶³ О поэзии московского концептуализма как «нео-бурлеске» см. Pilshchikov, Shapir 2011.

⁶⁴ У того же автора («Хуй и знает, друзья, что сказать...», декабрь 1990): «Оказывается, вот так, / А не по другому совсем: / Еблесь и пиздык, и хуяк, / И ничего, что затем» (Там же: 107).

Вместе с тем современный мат характеризуется не только негативными и депрессивными тенденциями, пределом осуществления которых становится его деградация до междомётного матерного бубнения (Беликов 2005). Матерщине, как и раньше, присущ разгульный задор и здоровый комизм. Мат по-прежнему несет в себе витальный и субверсивный заряд, еще способный остраниить и подорвать шельмоватое ханжество нынешнего официального дискурса. В этом сегодня заключается реанимационно-терапевтический и революционно-политический потенциал русского мата⁶⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Авакум. *Житие протопопа Авакума им самим написанное и другие его сочинения*. Ред., вступ. ст. и комментарий Н. К. Гудзия. [М.]: Academia, 1934.
- Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Антропов Н. П. «Гуска сологая» в свете полногласных сочетаний модели **telt*». *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована*. М.; СПб.: Нестор-История, 2021: 413–431.
- Асташова Н. И., Зализняк А. А. «Берестяные грамоты из раскопок в Заднепровье г. Смоленска». *Историческая археология. Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина*. Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли, 1998: 336–341.
- Афанасьев А. Н. *Русские заветные сказки*. Валаам [Женева]: Типографским художеством монашескую братии, Год мракобесия [между 1865 и 1872].
- Афанасьев А. Н. *Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым, 1857–1862*. Изд. подгот. О. Б. Алексеева, В. И. Еремина, Е. А. Костюхин, Л. В. Бессмертных. М.: Ладомир, 1997.
- Балакин А. Ю. «Пушкин и “Невский Альманах”»: заметки к теме». *Пермяковский сборник*. Ч. 2. М.: Новое издательство, 2010: 239–250.
- Барков И. и др. *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова*. Изд. подгот. А. Зорин и Н. Сапов [С. И. Панов]. М.: Ладомир, 1992.
- Беликов В. И. «Продуктивная модель повтора в русском языке». *Russian Linguistics* 14.1 (1990): 81–86.
- Беликов В. И. «Национальная идея и культура речи». *Отечественные записки* 23 (2005): 47–66.
- Беликов В. И. «Границы обценного в восприятии современной городской молодежи: типологизация идиолектов». *Изменения в языке и коммуникации: XXI век*. Сост. и отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: РГГУ, 2006: 33–72.
- Бессмертных Л. В. «О рукописях А. Н. Афанасьева “Народные русские сказки не для печати (из собрания В. И. Даля)” и “Русские заветные пословицы и поговорки (В. И. Даля)”, а также об издании В. И. Касаткиным в 1867 г. книги “Русские заветные сказки”». *Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым, 1857–1862*. М.: Ладомир, 1997: 558–660.
- Богомолов Н. А. «Примечания». М. Кузмин. *Стихотворения*. СПб.: Академический проект, 1996: 679–788.
- Бодуэн-де-Куртенэ И. А. «Послесловие к 3-му исправленному и дополненному изданию словаря Даля». *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля*. 3-е, испр. и значительно доп., изд. Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 4. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1909.

⁶⁵ Автор благодарит за ценные замечания и дополнения С. Г. Болотова, А. А. Добрицына, И. Г. Добродомова, А. В. Дыбо, А. К. Жолковского, К. Ичин, Н. И. Киреева, В. С. Отяковского, В. С. Полилову, А. А. Ромахина и — отдельно и особенно, хотя и в порядке общего алфавита, — Д. В. Сичинаву.

- Бондалетов В. Д. *Условные языки русских ремесленников и торговцев: Словопроизводство*. Рязань: Рязанский гос. пед. институт, 1980.
- Бондалетов В. Д. *В. И. Даль и тайные языки в России*. М.: Флинта; Наука, 2004.
- Бродский Иосиф. *Конец прекрасной эпохи*. Анн Арбор: Ардис, 1977.
- Бродский Иосиф. «Письма к Виктору Гольшеву». *Портфель: Литературный сборник*. Ред.-сост. Александр Сумеркин. Dana Point, CA: Ardis, 1996: 60–76.
- Бродский Иосиф. «8-е декабря 1995 г. В. П. Гольшеву». *Новая газета* 35 (2000), 22 мая: 23.
- Буй Василий. *Русская заветная идиоматика: Веселый словарь народных выражений*. Ред.: д. ф. н., проф. А. Н. Баранов и д. ф. н., проф. Д. О. Добровольский. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Альта-Принт, 2005.
- [Вейсман Э.] *Deutsch-Lateinisch- und Rußisches Lexikon, samt denen Umfangs-Gründen der Rußischen Sprache = Немецко-латинский и русский лежикон кунно с первыми началами рускаго языка*. [Пер. на рус. яз.: И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И. С. Горлицкий]. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1731.
- Веселовская Т. М. «Кто такие лохи?». *Русская речь* 1 (2001): 55–58.
- Виноградов В. В. *Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка*. М.; Л.: Academia, 1935.
- Винокур Г. О. «“Борис Годунов”»: [Комментарий]. А. С. Пушкин. *Полное собрание сочинений*. Т. VII («пробный»). Л.: Издательство АН СССР, 1935: 385–505.
- Винокур Г. О. «Язык “Бориса Годунова”». Г. О. Винокур. *Избранные работы по русскому языку*. М.: Учпедгиз РСФСР, 1959: 301–327.
- Волошинов В. Н. *Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке*. Изд. 2-е. Л.: Прибой, 1930.
- Выготский Л. С. *Мышление и речь: Психологические исследования*. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
- Генделев-Хермонский Михаил Самюэлевич. «Bella Tristia». *Солнечное сплетение*, № 1. Иерусалим, 1998: 101–103.
- Горбачевич К. С. *Русский синонимический словарь*. СПб.: ИЛИ РАН, 1996.
- Грачев М. А. «Социальные диалекты в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля». *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского* 6/2 (2013): 64–68.
- Губер П. К. *Дон-Жуанский список Пушкина*. Главы из биографии с 9-ю портретами. Пб.: Издательство «Петроград», 1923.
- Гудзий Н. К. «Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление». *Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*. [М.]: Academia, 1934: 7–59.
- Даль В. И. «[Рец. на кн.]: Опыт Областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской Академии Наук. 1852 г.» *Вестник Императорского Русского Географического Общества* 6.1 (1852), отд. IV: 1–72.
- Даль В. И. *Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.* М.: В Университетской типографии, 1862.
- Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Ч. I–IV. М.: В типографии А. Семена, 1863–1866.
- Даль В. И. «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка». Публикация и вступ. статья А. Л. Топоркова. *Вопросы языкознания* 1 (1990): 133–137.
- Даль В. И., Бодуэн-де-Куртенэ И. А. *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля*. 3-е, испр. и значительно доп., изд. Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I–IV. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1903–1909.
- ДБГ = *Древнерусские берестяные грамоты*. <http://gramoty.ru/birchbark/>
- Есенин С. А. *Полное собрание сочинений в семи томах*. Т. 6. М.: Наука; Голос, 1999.
- Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Т. 21. Л.: Наука, 1980.
- Жельвис В. И. *Поле брани: Сквернословие как социальная проблема*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001.
- Живов В. М. *Язык и культура в России XVIII века*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

- Живов В. М. «ХОУ-ть-И: Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов». В. М. Живов. *Восточнославянское правописание XI–XIII века*. М.: Языки славянской культуры, 2006: 200–224.
- Жолковский Александр. *Эросипед и другие виньетки*. М.: Водолей, 2003.
- Зализняк А. А. *От праславянской акцентуации к русской*. М.: Наука, 1985.
- Зализняк А. А. «Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот». В. Л. Янин, А. А. Зализняк. *Новгородские грамоты на бересте*. Т. 10: (из раскопок 1990–1996 гг.). М.: Русские словари, 2000: 82–122.
- Зализняк А. А. «К вопросу об акцентной эволюции энклитоменов в русском языке». *Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика*. СПб.: Алетейя, 2014: 269–276.
- Зализняк А. А. *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*. 2-е изд., расшир. и перераб. М.: ЯСК, 2019.
- Зализняк А. А., Янин В. Л. «Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г.» *Вопросы языкознания* 3 (2006): 3–13.
- Змеев Л. Ф. *Русские врачевники. Исследование в области нашей древней медицинской письменности*. (Памятники древней письменности СХП). СПб.: Типография В. Ф. Демакова, 1895.
- Зорин А. Л. «Легализация обсценной лексики и ее культурные последствия». *Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература*. Сост. Н. А. Богомолов. М.: Ладомир, 1996: 121–139.
- Зыков В., Кондратьев А. «Роскомнадзор накажет СМИ только за четыре матерных слова». *Известия* (2013), 25 декабря. <https://iz.ru/news/563178>
- Иванов Вяч. Вс. *Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Иезуитова Р. В. «Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836 (История заполнения)». *Пушкин: Исследования и материалы* 14 (1991): 121–147.
- Кабронский В. [Козловский Владимир]. *Неподцензурная русская частушка*. Подгот. текста, введение и примечания В. Кабронского. Предисловие проф. В. Раскина. New York: Russica Publishers, 1978.
- Кибиров Тимур. «Послание Л. С. Рубинштейну». *Синтаксис*, № 26. Париж, 1989а: 111–121.
- Кибиров Тимур. «Три послания: Отрывки из поэмы». *Время и мы*, № 197. Нью-Йорк, 1989б: 100–110.
- Киреев Н. И., Сапогов И. А. «О некоторых терминах наивной венерологии от Пушкина до Бодуэна». *Zeitschrift für slavische Philologie* (в печати).
- Кирилина А. В. Еще один аспект значения обсценной лексики. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки* 4 (1998): 13–16.
- Ковшова М. Л. *Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов*. М.: Гнозис, 2007.
- Ковшова М. Л. «Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология* 14 (2019): 35–48.
- Левин Ю. И. «Об обсценных выражениях русского языка». *Russian Linguistics* 10.1 (1986): 61–72.
- Левичева Т. И. *Письма А. С. Пушкина Южного периода (1820–1824)*. М.: Наука, 2001.
- Лернер Н. О. «Стихотворная складчина Пушкина и Дениса Давыдова (Новое четверостишие Пушкина)». *Пушкин и его современники* 36 (1923): 21–25.
- Лихачёв Д. С. «Арготические слова профессиональной речи». *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*. М.: Наука, 1964: 311–359.
- Лотман Михаил. «Ёксель-моксель, ёлки-палки, (h)uina-muina и прочие штучки-дрючки». *Зборник Матице српске за славистику* 92 (2017): 641–673.
- Лотман Ю. М. *Александр Сергеевич Пушкин*. Серия «Биография писателя». Л.: Просвещение, 1981.
- Минлос Ф. Р. «Неточная редупликация как средство выражения значения репрезентативной множественности». *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международного семинара «Диалог'2002» (Протвино, 6–11 июня 2002 г.)*. Т. 1. М.: РГГУ, 2002: 291–295.

- Минлос Ф. Р. «Рифмованные сочетания в русском фольклоре: Редупликация и парные слова». *Русский язык в научном освещении* 9 (2005): 96–115.
- Михайлова Н. И. «Сводня грустно за столом...» (К комментарию стихотворения А. С. Пушкина). *Временник Пушкинской комиссии* 29 (2004): 198–201.
- Мокиенко В. М. «Русская бранная лексика: Цензурное и нецензурное». *Rusistik = Русистика* 11/12 (1994): 50–73.
- Морозов А. А. «Русская стихотворная пародия». *Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.)*. (Библиотека поэта. Большая серия). Л.: Советский писатель, 1960: 5–88.
- Муратов Д. А. «Явление есть, и слово есть». *Новая газета* 78/2655 (2017), 21 июля: 21.
- Немиров Мирослав. *Некоторые стихотворения, расположенные по алфавиту*. Концепция и дизайн: Александр Флоренский. СПб.: Красный матрос, 1999.
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/>
- Нордстет Иван. *Российский, с немецким и французским переводами, словарь*. Ч. I–II. СПб.: И. К. Шнор, 1780–1782.
- Осипов Б. И. «Заметки по поводу отражения табуированной лексики в бодуновских изданиях “Толкового словаря живого великорусского языка” В. И. Даля». *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes Slavicae. Sectio linguistica* 22 (1991): 31–49.
- Панасюк И. Л. «Семантические и коммуникативные особенности феномена табу». «Злая лая матерная...». Сборник статей под ред. В. И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005: 54–68.
- Панченко А. А. «Матерная брань в религиозном контексте». «Злая лая матерная...». Сборник статей под ред. В. И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005: 138–161.
- Паперно И. А. «О двуязычной переписке пушкинской поры». *Ученые записки Тартуского государственного университета* 358 (1975): 148–156.
- Пеньковский А. Б. *Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики*. М.: Языки славянских культур, 2005.
- ПВС = Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. Т. 1–2. СПб.: Академический проект, 1998.
- Пильщиков И. А. «Пародия и сатира в контексте споров о языке (XVIII — начало XIX в.)». *Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007: 56–69.
- Пильщиков И. А. «Русская обценная идиоматика в XIX и XX столетиях». *Субстандарт в русском языке*. Под ред. А. К. Бириха и М. А. Кронгауза. Berlin: Peter Lang, 2022 (в печати).
- Пильщиков И., Иоффе Д. «Русский мат: вчера, сегодня, завтра». *Зборник Майице срѣске за славистику* 100 (2021): 691–707.
- Пильщиков И., Коняев А. «“Лента.ру” разобралась в происхождении русского мата». <http://lenta.ru/articles/2013/04/02/mat/> (страница недоступна с 8 июля 2013 г.)
- Пильщиков И. А., Шапир М. И. А. С. *Пушкин. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы*. Изд. подгот. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Пильщиков И. А., Шапир М. И. «Еще раз об авторстве баллады Пушкина “Тень Баркова”». *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка* 64.3 (2005): 41–52.
- Плущер-Сарно А. Ю. *Большой словарь мата*. Т. 1: Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова «хуй». Материалы к словарю русского мата. Т. 2: Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова «пизда». СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2001–2005а.
- Плущер-Сарно А. Ю. «Заметки о русском мате». «Злая лая матерная...». Сборник статей под ред. В. И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005б: 162–205.
- ПОС = Псковский областной словарь с историческими данными. Под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Луговиновой, М. А. Тарасовой. Вып. 19. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008.
- Потапов С. М. *Словарь жаргона преступников (блатная музыка)*. Составил по новейшим данным С. М. Потапов. М.: НКВД, 1927.
- Приёмывшева М. Н. «И. И. Срезневский об офенском языке («офенско-русский» и «русско-офенский» словари И. И. Срезневского 1839 г. Из собрания ПФА РАН)». *Acta*

- Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований* 3 (2007): 335–360.
- Приёмывшева М. Н. *Тайные и условные языки в России XIX в.* Ч. I–II. СПб.: Нестор-История, 2009.
- Пришвин М. М. *Дневники, 1928–1929.* М.: Русская книга, 2004.
- Пришвин М. М. *Дневники, 1918–1919.* М.: Русская книга, 2008.
- «Прожито» = Текстовый корпус личных дневников «Прожито». <https://prozhito.org/>
- Пропп В. Я. *Исторические корни волшебной сказки.* Л.: Издательство ЛГУ, 1946.
- Пропп В. Я. «Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне)». В. Я. Пропп. *Фольклор и действительность.* М.: Наука, 1976: 174–204.
- Путилин И. Д. «Условный язык Петербургских мошенников, известный под именем “Музыки” или “Байкового языка”». *Записки И. Д. Путилина.* Кн. 4. СПб.: Книгоиздание И. А. Сафонова, 1904: 261–267. Фототипический репринт в кн.: Собрание русских воровских словарей в четырех томах / Сост. и примеч. В. Козловского. Т. 1. New York: Chalidze Publications, 1983: 63–71.
- Пушкин А. С. *Стихотворения Александра Пушкина.* Ч. 1. СПб.: В Типографии Департамента народного просвещения, 1829.
- Пушкин А. С. *Борис Годунов.* СПб.: В Типографии Департамента народного просвещения, 1831.
- Пушкин А. С. *Сочинения: Переписка.* Т. I–III. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1906–1909.
- Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений.* Т. I–XVI. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949.
- Пушкин А. С. *Письма к жене.* Л.: Наука, 1986.
- Пушкин А. С. *Рабочие тетради.* Т. IV. СПб.; Лондон: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 1996.
- Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений в 20 томах.* Т. 7. СПб.: Наука, 2009.
- Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений в 20 томах.* Т. 2, кн. 2. СПб.: Наука, 2016.
- Ранчин А. М., Сапов Н. *Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века.* Изд. подгот. А. Ранчин и Н. Сапов [С. И. Панов]. М.: Ладомир, 1994.
- Рейф Филипп. *Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка.* Т. I–II. СПб.: В Типографии Н. Греча, 1835–1836.
- Ромащенко Т., Усманов З. «Мат городов русских». *Итоги* 39/485 (2005), 26 сентября. <http://www.itogi.ru/archive/2005/39/59573.html>
- Сапов Н. *Под именем Баркова: Эротическая поэзия XVIII — начала XX века.* Изд. подгот. Н. Сапов [С. И. Панов]. М.: Ладомир, 1994.
- Словарь РЯ XVIII = *Словарь русского языка XVIII века.* Вып. 2. Л.: Наука, 1984.
- Солженицын А. И. «Один день Ивана Денисовича». *Новый мир* 11 (1962): 8–74.
- Срезневский И. И. *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам.* Т. I–III. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893–1903.
- Топорков А. Л. *Русский эротический фольклор.* Сост. и науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995.
- Трубачев О. Н. «Из работы над русским Фасмером: К вопросам теории и практики перевода». *Вопросы языкознания* 6 (1978): 15–24.
- Трунин М. В. «Домашняя семантика в фельетонах А. В. Дружинина: Как понять “Чернокнижника”?». *Зборник Матице српске за славистику* 92 (2017): 383–411.
- Успенский А. А. «Реестр словам Офенского наречия». *Труды Общества любителей Русской словесности при Императорском Московском университете* 20 (1820): 239–242.
- Успенский Б. А. «Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии». *Структура текста — 81: Тезисы симпозиума.* М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1981: 49–53.
- Успенский Б. А. «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии». Б. А. Успенский. *Избранные труды.* Т. 2: *Язык и культура.* М.: Гнозис, 1994: 53–128.
- Успенский Б. А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева». *Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература.* Сост. Н. А. Богомолов. М.: Ладомир, 1996: 143–164.

- Ушаков Д. Н. *Толковый словарь русского языка*. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. I. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ, 1935.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Цявловский М. А. «Комментарии». *А. С. Пушкин. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Эскурсы*. Изд. подгот. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М.: Языки славянской культуры, 2002: 164–299.
- Черейский Л. А. *Пушкин и его окружение*. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1989.
- Чупринин С. И. «Жизнь по понятиям». *Знамя* 12 (2004): 140–155.
- Шапир М. И. «Феномен Батенькова и проблема мистификации (Лингвостиховедческий аспект. 1–2)». *Philologica* 4 (1997): 85–139.
- Шапир М. И. «К семантике “пародического балладного стиха” (“Тень Баркова” в контексте полемики о старом и новом слоге)». М. И. Шапир. *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. Кн. 1. М.: Языки русской культуры, 2000: 192–223.
- Шапир М. И. «Барков и Державин: Из истории русского бурлеска». *А. С. Пушкин. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Эскурсы*. Изд. подгот. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М.: Языки славянской культуры, 2002: 397–457.
- Эйхенбаум Б. М. «Литературная домашность». Б. Эйхенбаум. *Мой современник: Словесность, наука, критика, смесь*. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929: 82–86. Напечатано под загл. «Предисловие» в кн.: Аронсон М., Рейсер С. *Литературные кружки и салоны*. Ред. и предисловие Б. М. Эйхенбаума. Л.: Прибой, 1929: 3–7.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. Вып. 2; 1979. Вып. 6; 1981. Вып. 8; 1990. Вып. 16; 1994. Вып. 20.
- Юрганов А. Л. «Из истории табуированной лексики: Что такое “блядь” и кто такой “блядин сын” в культуре русского средневековья». *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, 2000: 194–206.
- Якобсон Р. О. «Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм)». Roman Jakobson. *Selected Writings*. Vol. II: *Word and Language*. The Hague; Paris: Mouton, 1971: 154–183.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте*. Т. 12: (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Adams J. N. “Words for ‘Prostitute’ in Latin”. *Rheinisches Museum für Philologie* 126.3/4 (1983): 321–358.
- Carey Claude. *Les proverbes érotiques russes: Études de proverbes recueillis et non-publiés par Dal’ et Simoni*. Slavistic Printings and Reprintings 88. The Hague; Paris: Mouton, 1972.
- Dreizin Felix, Priestly Tom. “A Systematic Approach to Russian Obscene Language”. *Russian Linguistics* 6.2 (1982): 233–249.
- Ermen Ilse. *Der obszöne Wortschatz im Russischen: Etymologie — Wortbildung — Semantik — Funktionen*. Specimina Philologiae Slavicae 98. München: O. Sagner, 1993.
- Hamp Eric P. “Albanian *pidh* : Slavic *peizd’ā*”. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 11 (1968): 25–26.
- Jakobson Roman. “New Slavic Etymological Dictionaries”. *Word* 8.4 (1952): 387–394.
- Kovalev Manuela. “From an unprintable to a printable language of literature? Russian obscene language in late and post-Soviet literary cultures”. *Russian Journal of Communication* 6.2 (2014): 113–126.
- Lunt Horace G. “Slavic **jbgra* ‘Dance, Game, Play.’” *Papers in Slavic Philology* 1. In *Honor of James Ferrell*. Edited by Benjamin A. Stolz. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1977: 172–177.
- Minorsky V. “Khāqānī and Andronicus Comnenus”. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 11.3 (1945): 550–578.
- Oguibénine Boris. *L’héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe: Compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de M. Vasmer*. Paris: Institut d’études slaves, 2016.
- Pedersen Holger. “Litauisch *skujà*”. *Jagić-Festschrift: Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1908: 218–219.

- Pilshchikov Igor. "‘If Only Pushkin Had Not Written This Filth’: *The Shade of Barkov* and Philological Cover-ups". *Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations*. Ed. by Alyssa Dinega Gillespie. Madison: University of Wisconsin Press, 2012: 159–184.
- Pilshchikov Igor, Shapir Maksim. "Avant-Gardism of the Classics and Classicity of the Avant-Garde: Communication Strategies of Moscow Conceptualism in the Context of the Evolution of Styles in Russian Poetry from the Eighteenth to the Twentieth Century". Translated by Joseph Peschio and Igor Pilshchikov. *Russian Literature* 69.2/4 (2011): 383–392.
- Plähn Jürgen. «Хуйня-муйня и тому подобное». *Russian Linguistics* 11.1 (1987): 37–41.
- Rann James. "Review of: *Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations*. Ed. by Alyssa Dinega Gillespie. Madison: University of Wisconsin Press, 2012 [etc.]". *Modern Language Review* 109.2 (2014): 584–586.
- Raskin Victor. "On Some Peculiarities of Russian Lexikon". *Papers from the Parasession on the Lexicon. Chicago Linguistic Society, April 14–15, 1978*. Ed. by Donka Farkas, Wesley M. Jacobsen, Karol W. Todrys. Chicago: Chicago Linguistic Society; University of Chicago, 1978: 312–325.
- Razvratnikov, Boris Sukitch. "Elementary Russian Obscenity". *Maledicta* 3.2 (1979): 197–204.
- Rice James L. A Russian Bawdy Song of the Eighteenth Century. *Slavic and East European Journal* 20.4 (1976): 353–370.
- Schruba Manfred. "Zur Spezifik der russischen obszönen Dichtungen des 18. Jahrhunderts (Barkoviana) vor dem Hintergrund der französischen Pornographie". *Zeitschrift für slavische Philologie* 59.1 (2000): 47–65.
- Taranovsky Kiril. "The Rhythmical Structure of the Notorious Russian Poem *Luka*". *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 25/26 (1982): 429–432.
- Timroth Wilhelm von. *Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat)*. Slavistische Beiträge 164. München: O. Sagner, 1983.
- Vasmer Max. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III. Heidelberg: C. Winter, 1953–1958.

LITERATURE

- Adams J. N. "Words for 'Prostitute' in Latin". *Rheinisches Museum für Philologie* 126.3/4 (1983): 321–358.
- Afanas'ev A. N. *Russkie zavetnye skazki*. Valaam [Geneva]: Tipografskim khudozhestvom monashestvuishchei bratii, God mrakobesiiia [mezhdou 1865 i 1872].
- Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki ne dlia pečati, zavetnye poslovitsy i pogovorki, sobrannye i obrabotannye A. N. Afanas'evym, 1857–1862*. Izd. podgot. O. B. Alekseeva, V. I. Eremina, E. A. Kostiukhin, L. V. Bessmertnykh. M.: Ladimir, 1997.
- Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'*. Vyp. 3. M.: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2009.
- Antropov N. P. "‘Guska sologaiia’ v svete polnoglasnykh sochetanii modeli *telt". *Slova, konstruktsii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana*. M.; SPb.: Nestor-Istoriia, 2021: 413–431.
- Astashova N. I., Zalizniak A. A. "Berestianye gramoty iz raskopok v Zadneprov'e g. Smolenska". *Istoricheskaiia arkheologiia. Traditsii i perspektivy: K 80-letiiu so dnia rozhdeniia D. A. Avdusina*. Otv. red. V. L. Yanin. M.: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1998: 336–341.
- Avvakum. *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia*. Red., vstup. st. i kommentarii N. K. Gudziia. [M.]: Academia, 1934.
- Balakin A. Yu. "Pushkin i 'Nevskii Al'manakh': zametki k teme". *Permiakovskii sbornik*. Ch. 2. M.: Novoe izdatel'stvo, 2010: 239–250.
- Barkov I. i dr. *Devich'ia igrushka, ili Sochineniia gospodina Barkova*. Izd. podgot. A. Zorin i N. Sapov [S. I. Panov]. M.: Ladimir, 1992.
- Baudouin-de-Courtenay I. A. "Posleslovie k 3-mu ispravlennomu i dopolnennomu izdaniuu slovaria Dalia". *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dalia*. 3-e, ispr. i znachitel'no dop., izd. Pod red. prof. I. A. Boduena-de-Kurtene. T. 4. SPb.; M.: M. O. Vol'f, 1909.

- Belikov V. I. "Produktivnaia model' povtora v russkomazyke". *Russian Linguistics* 14.1 (1990): 81–86.
- Belikov V. I. "Natsional'naia ideia i kul'tura rechi". *Otechestvennye zapiski* 23 (2005): 47–66.
- Belikov V. I. "Granitsy obstsennogo v vospriatii sovremennoi gorodskoi molodezhi: tipologizatsiia idiolektov". *Izmeneniia vazyke i kommunikatsii: XXI vek*. Sost. i otv. red. M. A. Krongauz. M.: RGGU, 2006: 33–72.
- Bessmertnykh L. V. "O rukopisiakh A. N. Afanas'eva 'Narodnyia russkiiia skazki ne dlia pechati (iz sobraniia V. I. Dalia)'" i "Russkiiia zavetnyia poslovitsy i pogovorki (V. I. Dalia)", a takzhe ob izdanii V. I. Kasatkinym v 1867 g. knigi "Russkiiia zavetnyia skazki". *Narodnye russkie skazki ne dlia pechati, zavetnye poslovitsy i pogovorki, sobrannye i obrabotannye A. N. Afanas'evym, 1857–1862*. M.: Ladomir, 1997: 558–660.
- Bogomolov N. A. "Primechaniia". M. Kuzmin. *Stikhotvoreniia*. SPb.: Akademicheskii proekt, 1996: 679–788.
- Bondaletov V. D. *Uslovnye yazyki russkikh remeslennikov i torgovtsev: Slovoпроизводство*. Riazan': Riazanskii gos. ped. institut, 1980.
- Bondaletov V. D. *V. I. Dal' i tainye yazyki v Rossii*. M.: Flinta; Nauka, 2004.
- Brodskii Iosif. *Konets prekrasnoi epokhi*. Ann Arbor: Ardis, 1977.
- Brodskii Iosif. "Pis'ma k Viktoru Golyshevu". *Portfel': Literaturnyi sbornik*. Red.-sost. Aleksandr Sumerkin. Dana Point, CA: Ardis, 1996: 60–76.
- Brodskii Iosif. "8-e dekabria 1995 g. V. P. Golyshevu". *Novaia gazeta* 35 (2000), 22 maia: 23.
- Bui Vasilii. *Russkaia zavetnaia idiomatika: Veselyi slovar' narodnykh vyrazhenii*. Red.: d. f. n., prof. A. N. Baranov i d. f. n., prof. D. O. Dobrovol'skii. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Al'ta-Print, 2005.
- Carey Claude. *Les proverbes érotiques russes: Études de proverbes recueillis et non-publiés par Dal' et Simoni*. Slavistic Printings and Reprintings 88. The Hague; Paris: Mouton, 1972.
- Chereiskii L. A. *Pushkin i ego okruzhenie*. 2-e izd., dop. i pererab. L.: Nauka, 1989.
- Chuprinin S. I. "Zhizn' po poniatiiam". *Znamia* 12 (2004): 140–155.
- Dahl V. I. "[Reveiew of]: Opyt Oblastnogo velikorusskogo slovaria, izdannyi Vtorem otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk. 1852 g." *Vestnik Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* 6.1 (1852), otd. IV: 1–72.
- Dahl V. I. "Uslovnyi yazyk peterburgskikh moshennikov, izvestnyi pod imenem muzyki ili baikovogo yazyka". Publikatsiia i vstup. stat'ia A. L. Toporkova. *Voprosy yazykoznaniiia* 1 (1990): 133–137.
- Dahl V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Ch. I–IV. M.: V tipografii A. Semena, 1863–1866.
- Dahl V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik poslovits, pogovorok, rechenii, prislovii, chistogovorok, pribautok, zagadok, poverii i proch.* M.: V Universitetskoi tipografii, 1862.
- Dahl V. I., Baudouin-de-Courtenay I. A. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dalia*. 3-e, ispr. i znachitel'no dop., izd. Pod red. prof. I. A. Boduena-de-Kurtene. T. I–IV. SPb.; M.: M. O. Vol'f, 1903–1909.
- DBG = *Drevnerusskie berestiane gramoty*. <http://gramoty.ru/birchbark/>
- Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh*. T. 21. L.: Nauka, 1980.
- Dreizel Felix, Priestly Tom. "A Systematic Approach to Russian Obscene Language". *Russian Linguistics* 6.2 (1982): 233–249.
- Eikhenbaum B. M. "Literaturnaia domashnost'". B. Eikhenbaum. *Moi vremennik: Slovesnost', nauka, kritika, smes'*. L.: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1929: 82–86. Also published as "Predislovie" in: Aronson M., Reiser S. *Literaturnye krushki i salony*. Red. i predislovie B. M. Eikhenbauma. L.: Priboi, 1929: 3–7.
- Ermen Ilse. *Der obszöne Wortschatz im Russischen: Etymologie — Wortbildung — Semantik — Funktionen*. Specimina Philologiae Slavicae 98. München: O. Sagner, 1993.
- Esenin S. A. *Polnoe sobranie sochinenii v semi tomakh*. T. 6. M.: Nauka; Golos, 1999.
- ESSYa = *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov: Praslavianskii leksicheskii fond*. Pod red. chl.-korr. AN SSSR O. N. Trubacheva. M.: Nauka, 1975. Vyp. 2; 1979. Vyp. 6; 1981. Vyp. 8; 1990. Vyp. 16; 1994. Vyp. 20.
- Gendelev-Khermonskii Mikhail Sam'uelevich. "Bella Tristia". *Solnechnoe spletenie*, № 1. Jerusalem, 1998: 101–103.

- Gorbachevich K. S. *Russkii sinonimicheskii slovar'*. SPb.: ILI RAN, 1996.
- Grachev M. A. "Sotsial'nye dialekty v 'Tolkovom slovare zhivogo velikorusskogo yazyka' V. I. Dalia". *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* 6/2 (2013): 64–68.
- Guber P. K. *Don-Zhuanskii spisok Pushkina. Glavy iz biografii s 9-iu portretami*. Pb.: Izdatel'stvo "Petrograd", 1923.
- Gudzii N. K. "Protopop Avvakum kak pisatel' i kak kul'turno-istoricheskoe yavlenie". *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia*. [M.]: Academia, 1934: 7–59.
- Hamp Eric P. "Albanian *pidh* : Slavic *peizd'ā'*". *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 11 (1968): 25–26.
- Iezuitova R. V. "Raboचाia tetrad' Pushkina PD, № 836 (Istoriiia zapolneniia)". *Pushkin: Issledovaniia i materialy* 14 (1991): 121–147.
- Ivanov Viach. Vs. *Lingvistika tret'ego tysiacheletii: Voprosy k budushchemu*. M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2004.
- Jakobson Roman. "New Slavic Etymological Dictionaries". *Word* 8.4 (1952): 387–394.
- Jakobson R. O. "Morfologicheskie nabliudeniia nad slavianskim skloneniem (sostav russkikh padezhnykh form)". Roman Jakobson. *Selected Writings*. Vol. II: *Word and Language*. The Hague; Paris: Mouton, 1971: 154–183.
- Kabronskii V. [Kozlovskii Vladimir]. *Nepodtsenzurnaia russkaia chastushka*. Podgot. teksta, vvedenie i primechaniia V. Kabronskogo. Predislovie prof. V. Raskina. New York: Russica Publishers, 1978.
- Kibirov Timur. "Poslanie L. S. Rubinshteinu". *Sintaksis*, № 26. Paris, 1989a: 111–121.
- Kibirov Timur. "Tri poslaniia: Otryvki iz poemy". *Vremia i my*, № 197. New York, 1989b: 100–110.
- Kireev N. I., Sapogov I. A. "O nekotorykh terminakh naivnoi venerologii ot Pushkina do Boduena". *Zeitschrift für slavische Philologie* (in print).
- Kirilina A. V. Eshche odin aspekt znacheniia obstsennoi leksiki. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* 4 (1998): 13–16.
- Kovalev Manuela. "From an unprintable to a printable language of literature? Russian obscene language in late and post-Soviet literary cultures". *Russian Journal of Communication* 6.2 (2014): 113–126.
- Kovshova M. L. *Semantika i pragmatika evfemizmov: Kratkii tematicheskii slovar' sovremennykh russkikh evfemizmov*. M.: Gnozis, 2007.
- Kovshova M. L. "Evfemizmy i frazeologizmy: ustoichivye struktury v aspekte evfemizatsii". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii: Russkaia filologiya* 14 (2019): 35–48.
- Lerner N. O. "Stikhotvornaia skladchina Pushkina i Denisa Davydova (Novoe chetverostishie Pushkina)". *Pushkin i ego sovremenniki* 36 (1923): 21–25.
- Levicheva T. I. *Pis'ma A. S. Pushkina Yuzhnogo perioda (1820–1824)*. M.: Nauka, 2001.
- Levin Yu. I. "Ob obstsennykh vyrazheniiakh russkogo yazyka". *Russian Linguistics* 10.1 (1986): 61–72.
- Likhachev D. S. "Argoticheskie slova professional'noi rechi". *Razvitie grammatiki i leksiki sovremennogo russkogo yazyka*. M.: Nauka, 1964: 311–359.
- Lotman Ju. M. *Aleksandr Sergeevich Pushkin*. Serii "Biografiia pisatel'ia". L.: Prosveshchenie, 1981.
- Lotman Mikhail. "Ėksel'-moksel', ėlki-palki, (h)uina-muina i prochie shtuchki-driuchki". *Matica Srpska Journal of Slavic Studies* 92 (2017): 641–673.
- Lunt Horace G. "Slavic *jъgra 'Dance, Game, Play'." *Papers in Slavic Philology* 1. In Honor of James Ferrell. Edited by Benjamin A. Stolz. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1977: 172–177.
- Mikhailova N. I. "'Svodnia grustno za stolom...' (K kommentariiu stikhotvoreniia A. S. Pushkina)". *Vremennik Pushkinskoi komissii* 29 (2004) 198–201.
- Minlos F. R. "Netochnaia reduplikatsiia kak sredstvo vyrazheniia znacheniia reprezentativnoi mnozhestvennosti". *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnogo seminar "Dialog'2002" (Protvino, 6–11 iunija 2002 g.)*. T. 1. M.: RGGU, 2002: 291–295.

- Minlos F. R. "Rifmovannye sochetaniia v russkom fol'klore: Reduplikatsiia i parnye slova". *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* 9 (2005): 96–115.
- Minorsky V. "Khāqānī and Andronicus Comnenus". *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 11.3 (1945): 550–578.
- Mokienko V. M. "Russkaia brannaia leksika: Tsenzurnoe i netsenzurnoe". *Rusistik = Rusistika* 11/12 (1994): 50–73.
- Morozov A. A. "Russkaia stikhotvornaia parodiia". *Russkaia stikhotvornaia parodiia (XVIII — nachalo XX v.)*. (Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia). L.: Sovetskii pisatel', 1960: 5–88.
- Muratov D. A. "Iavlenie est', i slovo est'." *Novaia gazeta* 78/2655 (2017), 21 iuliia: 21.
- Nemirov Miroslav. *Nekotorye stikhotvoreniia, raspolozhennye po alfavitu*. Kontseptsii i dizain: Aleksandr Florenskii. SPb.: Krasnyi matros, 1999.
- NKRYa = *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka*. <https://ruscorpora.ru/>
- Nordstet Ivan. *Rossiiskii, s nemetskimi i frantsuzskimi perevodami, slovar'*. Ch. I–II. SPb.: I. K. Shnor, 1780–1782.
- Oguibénine Boris. *L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe: Compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de M. Vasmer*. Paris: Institut d'études slaves, 2016.
- Osipov B. I. "Zametki po povodu otrazheniia tabuirovannoi leksiki v boduenovskikh izdaniiax "Tolkovogo slovaria zhivogo velikorusskogo yazyka" V. I. Dalia". *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes Slavicae. Sectio linguistica* 22 (1991): 31–49.
- Panasiuk I. L. "Semanticheskie i kommunikativnye osobennosti fenomena tabu". *"Zlaia laia maternaia..."*. Sbornik statei pod red. V. I. Zhel'visa. M.: Ladomir, 2005: 54–68.
- Panchenko A. A. "Maternaia bran' v religioznom kontekste". *"Zlaia laia maternaia..."*. Sbornik statei pod red. V. I. Zhel'visa. M.: Ladomir, 2005: 138–161.
- Paperno I. A. "O dvuiazыchnoi perepiske pushkinskoi pory". *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* 358 (1975): 148–156.
- Pedersen Holger. "Litauisch skujā". *Jagić-Festschrift: Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1908: 218–219.
- Pen'kovskii A. B. *Zagadki pushkinskogo teksta i slovaria: Opyt filologicheskoi germenевtiki*. M.: Yazyki slavianskikh kul'tur, 2005.
- Pil'shchikov I. A. "Parodiia i satira v kontekste sporov o yazyke (XVIII—nachalo XIX v.)". *Logicheskii analiz yazyka: Yazykovye mekhanizmy komizma*. Otv. red. N. D. Arutiunova. M.: Indrik, 2007: 56–69.
- Pilshchikov Igor. "If Only Pushkin Had Not Written This Filth?: The Shade of Barkov and Philological Cover-ups". *Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations*. Ed. by Alyssa Dinega Gillespie. Madison: University of Wisconsin Press, 2012: 159–184.
- Pilshchikov I. A. "Russkaia obstsennaia idiomatika v XIX i XX stoletiiakh". *Substandart v ruskom yazyke*. Pod red. A. K. Birikha i M. A. Krongauza. Berlin: Peter Lang, 2022 (forthcoming).
- Pilshchikov I., Ioffe D. "Russkii mat: vchera, segodnia, zavtra". *Matica Srpska Journal of Slavic Studies* 100 (2021): 691–707.
- Pil'shchikov I., Koniaev A. "Lenta.ru razobralas' v proiskhozhdenii russkogo mata". <http://lenta.ru/articles/2013/04/02/mat/>
- Pil'shchikov I. A., Shapir M. I. *A. S. Pushkin. Ten' Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy*. Izd. podgot. I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir. M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2002.
- Pil'shchikov I. A., Shapir M. I. "Eshche raz ob avtorstve ballady Pushkina 'Ten' Barkova'". *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* 64.3 (2005): 41–52.
- Pilshchikov Igor, Shapir Maksim. "Avant-Gardism of the Classics and Classicity of the Avant-Garde: Communication Strategies of Moscow Conceptualism in the Context of the Evolution of Styles in Russian Poetry from the Eighteenth to the Twentieth Century". Translated by Joseph Peschio and Igor Pilshchikov. *Russian Literature* 69.2/4 (2011): 383–392.
- Plähn Jürgen. "Khuinia-muinia i tomu podobnoe". *Russian Linguistics* 11.1 (1987): 37–41.
- Plutser-Sarno A. Yu. *Bol'shoi slovar' mata*. T. 1: *Opyt postroeniia spravocno-bibliograficheskoi bazy dannykh leksicheskikh i frazeologicheskikh znachenii slova «khu»*. *Materialy k slovariu russkogo mata*. T. 2: *Opyt postroeniia spravocno-bibliograficheskoi bazy dannykh*

- leksicheskikh i frazeologicheskikh znachenii slova «pizda»*. SPb.; M.: Limbus Press, 2001–2005a.
- Plutser-Sarno A. Yu. “Zametki o russkom mate”. *“Zlaia laia maternaia...”*. Sbornik statei pod red. V. I. Zhel’visa. M.: Ladomir, 2005b: 162–205.
- POS = *Pskovskii oblastnoi slovar’ s istoricheskimi dannymi*. Pod red. L. A. Ivashko, I. S. Lutovinovoi, M. A. Tarasovoi. Vyp. 19. SPb.: Izdatel’stvo SPbGU, 2008.
- Potapov S. M. *Slovar’ zhargona prestupnikov (blatnaia muzyka)*. Sostavil po noveishim dannym S. M. Potapov. M.: NKVD, 1927.
- Priemysheva M. N. “I. I. Sreznevskii ob ofenskom yazyke (‘ofensko-russkii’ i ‘russko-ofenskii’ slovari I. I. Sreznevskogo 1839 g. Iz sobraniia PFA RAN)”. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistichekikh issledovaniï* 3 (2007): 335–360.
- Priemysheva M. N. *Tainye i uslovnye yazyki v Rossii XIX v.* Ch. I–II. SPb.: Nestor-Istoriia, 2009.
- Prishvin M. M. *Dnevnik, 1928–1929*. M.: Russkaia kniga, 2004.
- Prishvin M. M. *Dnevnik, 1918–1919*. M.: Russkaia kniga, 2008.
- Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki*. L.: Izdatel’stvo LGU, 1946.
- Propp V. Ya. “Ritual’nyi smekh v fol’klore (Po povodu skazki o Nesmeiane)”. V. Ya. Propp. *Fol’klor i deistvitel’nost’*. M.: Nauka, 1976: 174–204.
- “Prozhito” = Tekstovyi korpus lichnykh dnevnikov “Prozhito”. <https://prozhito.org/>
- Pushkin A. S. *Stikhotvoreniia Aleksandra Pushkina*. Ch. 1. SPb.: V Tipografii Departamenta narodnogo prosveshcheniia, 1829.
- Pushkin A. S. *Boris Godunov*. SPb.: V Tipografii Departamenta narodnogo prosveshcheniia, 1831.
- Pushkin A. S. *Sochineniia: Perepiska*. T. I–III. SPb.: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1906–1909.
- Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. I–XVI. M.; L.: Izdatel’stvo AN SSSR, 1937–1949.
- Pushkin A. S. *Pis’ma k zhene*. L.: Nauka, 1986.
- Pushkin A. S. *Rabochie tetradi*. T. IV. SPb.; London: Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN, 1996.
- Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 20 tomakh*. T. 7. SPb.: Nauka, 2009.
- Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 20 tomakh*. T. 2, kn. 2. SPb.: Nauka, 2016.
- Putilin I. D. “Uslovnyi yazyk Peterburgskikh moshennikov, izvestnyi pod imenem ‘Muzyki’ ili ‘Baikovogo yazyka’.” *Zapiski I. D. Putilina*. Kn. 4. SPb.: Knigoizdanie I. A. Safonova, 1904: 261–267. Reprinted in: *Sobranie russkikh vorovskikh slovariï v chetyrekh tomakh / Sost. i primech. V. Kozlovskogo*. T. 1. New York: Chalidze Publications, 1983: 63–71.
- PVS = *Pushkin v vospominaniakh sovremennikov*. 3-e izd., dop. T. 1–2. SPb.: Akademicheskii proekt, 1998.
- Ranchin A. M., Sapov N. *Stikhi ne dlia dam: Russkaia netsenzurnaia poeziia vtoroi poloviny XIX veka*. Izd. podgot. A. Ranchin i N. Sapov [S. I. Panov]. M.: Ladomir, 1994.
- Rann James. “Review of: *Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations*. Ed. by Alyssa Dinega Gillespie. Madison: University of Wisconsin Press, 2012 [etc.].” *Modern Language Review* 109.2 (2014): 584–586.
- Raskin Victor. “On Some Peculiarities of Russian Lexikon”. *Papers from the Parasession on the Lexicon. Chicago Linguistic Society, April 14–15, 1978*. Ed. by Donka Farkas, Wesley M. Jacobsen, Karol W. Todrys. Chicago: Chicago Linguistic Society; University of Chicago, 1978: 312–325.
- Razvratnikov, Boris Sukitch. “Elementary Russian Obscenity”. *Maledicta* 3.2 (1979): 197–204.
- Reiff Ch. Ph. *Dictionnaire russe-français, dans lequel les mots russes sont classés par familles; ou Dictionnaire étymologique de la langue russe*. T. I–II. SPb.: V Tipografii N. Grecha, 1835–1836.
- Rice James L. A Russian Bawdy Song of the Eighteenth Century. *Slavic and East European Journal* 20.4 (1976): 353–370.
- Romashenkova T., Usmanov Z. “Mat gorodov russkikh”. *Itogi* 39/485 (2005), 26 sentiabria. <http://www.itogi.ru/archive/2005/39/59573.html>
- Sapov N. *Pod imenem Barkova: Eroticheskaia poeziia XVIII — nachala XX veka*. Izd. podgot. N. Sapov [S. I. Panov]. M.: Ladomir, 1994.
- Schruba Manfred. “Zur Spezifik der russischen obszönen Dichtungen des 18. Jahrhunderts (Barkoviana) vor dem Hintergrund der französischen Pornographie”. *Zeitschrift für slavische Philologie* 59.1 (2000): 47–65.

- Shapir M. I. "Fenomen Baten'kova i problema mistifikatsii (Lingvostikhovedcheskii aspekt. 1–2)". *Philologica* 4 (1997): 85–139.
- Shapir M. I. "K semantike 'parodicheskogo balladnogo stikha' ('Ten' Barkova' v kontekste polemiki o starom i novom sloge)". M. I. Shapir. *Universum versus: Yazyk — stikh — smysl v russkoi poezii XVIII–XX vekov*. Kn. 1. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000: 192–223.
- Shapir M. I. "Barkov i Derzhavin: Iz istorii russkogo burleska". A. S. Pushkin. *Ten' Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy*. Izd. podgot. I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir. M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2002: 397–457.
- Slovar' RYa XVIII = *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka*. Vyp. 2. L.: Nauka, 1984.
- Solzhenitsyn A. I. "Odin den' Ivana Denisovicha". *Novyi mir* 11 (1962): 8–74.
- Sreznevskii I. I. *Materialy dlia slovaria drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamiatnikam*. T. I–III. SPb.: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1893–1903.
- Taranovsky Kiril. "The Rhythmic Structure of the Notorious Russian Poem *Luka*". *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 25/26 (1982): 429–432.
- Timroth Wilhelm von. *Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat)*. Slavistische Beiträge 164. München: O. Sagner, 1983.
- Toporkov A. L. *Russkii eroticheskii fol'klor*. Sost. i nauch. red. A. L. Toporkov. M.: Ladomir, 1995.
- Trubachev O. N. "Iz raboty nad russkim Fasmerom: K voprosam teorii i praktiki perevoda". *Voprosy yazykoznanii* 6 (1978): 15–24.
- Trunin M. V. "Domashniaia semantika v fel'etonakh A. V. Druzhinina: Kak poniat' 'Chernoknizhnikova'?" *Matica Srpska Journal of Slavic Studies* 92 (2017): 383–411.
- Tsiavlovskii M. A. "Kommentarii". A. S. Pushkin. *Ten' Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy*. Izd. podgot. I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir. M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2002: 164–299.
- Ushakov D. N. *Tolkovyii slovar' russkogo yazyka*. Pod red. prof. D. N. Ushakova. T. I. M.: Gosudarstvennyi institut "Sovetskaia entsiklopediia"; OGIZ, 1935.
- Uspenskii A. A. "Reestr slovam Ofenskogo narechiia". *Trudy Obshchestva liubitelei Rossiiskoi slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete* 20 (1820): 239–242.
- Uspenskii B. A. "Religiozno-mifologicheskii aspekt russkoi ekspressivnoi frazeologii". *Struktura teksta — 81: Tezisy simpoziuma*. M.: Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR, 1981: 49–53.
- Uspenskii B. A. "Mifologicheskii aspekt russkoi ekspressivnoi frazeologii". B. A. Uspenskii. *Izbrannye trudy*. T. 2: *Yazyk i kul'tura*. M.: Gnozis, 1994: 53–128.
- Uspenskii B. A. "Zavetnye skazki" A. N. Afanas'eva". *Anti-mir russkoi kul'tury: Yazyk. Fol'klor. Literatura*. Sost. N. A. Bogomolov. M.: Ladomir, 1996: 143–164.
- Vasmer Max. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III. Heidelberg: C. Winter, 1953–1958.
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. T. I–IV. M.: Progress, 1964–1973.
- Veselovskaia T. M. "Kto takie lokhi?". *Russkaia rech' 1* (2001): 55–58.
- Vinogradov V. V. *Yazyk Pushkina: Pushkin i istoriia russkogo literaturnogo yazyka*. M.; L.: Academia, 1935.
- Vinokur G. O. "Boris Godunov": [Kommentarii]. A. S. Pushkin. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. VII ("probnyi"). L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1935: 385–505.
- Vinokur G. O. "Iazyk 'Borisa Godunova'". G. O. Vinokur. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku*. M.: Uchpedgiz RSFSR, 1959: 301–327.
- Voloshinov V. N. *Marksizm i filosofiia yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke*. Izd. 2-e. L.: Priboi, 1930.
- Vygotskii L. S. *Myshlenie i rech': Psikhologicheskie issledovaniia*. M.; L.: Sotsekgiz, 1934.
- [Weißman E.] *Deutsch-Lateinisch- und Rußisches Lexikon, samt denen Umfangs-Gründen der Rußischen Sprache = Nemetsko-latinskii i russkii lexikon kupno s pervymi nachalami ruskago yazyka*. [Trans.: I. I. Il'inskii, I. P. Satarov i I. S. Gorlitskii]. SPb.: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1731.
- Yanin V. L., Zalizniak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste*. T. 12: (iz raskopok 2001–2014 gg.). M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2015.
- Yurganov A. L. "Iz istorii tabuirovannoi leksiki: Chto takoe 'bliad' i kto takoi 'bliadin syn' v kul'ture russkogo srednevekov'ia". *Odisei. Chelovek v istorii*. M.: Nauka, 2000: 194–206.

- Zalizniak A. A. *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. M.: Nauka, 1985.
- Zalizniak A. A. "Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianskykh gramot". Yanin V. L., Zalizniak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste*. T. 10: (iz raskopok 1990–1996 gg.). M.: Russkie slovari, 2000: 82–122.
- Zalizniak A. A. "K voprosu ob aktsentnoi evolutsii enklinomenov v russkom yazyke". *Yazyk. Konstanty. Peremennye: Pamiati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. SPb.: Aleteia, 2014: 269–276.
- Zalizniak A. A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*. 2-e izd., rasshirennoe i pererab. M.: YaSK, 2019.
- Zalizniak A. A., Yanin V. L. "Berestiansye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2005 g." *Voprosy yazykoznanii* 3 (2006): 3–13.
- Zhel'vis V. I. *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naia problema*. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Ladimir, 2001.
- Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*. M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1996.
- Zhivov V. M. "KhOU-t'-I: Ob idiosinkraticeskikh faktorakh pri vybore morfologicheskikh variantov". V. M. Zhivov. *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka*. M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2006: 200–224.
- Zholkovskii Aleksandr. *Erosiped i drugie vin'etki*. M.: Vodolei, 2003.
- Zmeev L. F. *Russkie vrachebniki: Issledovanie v oblasti nashei drevnei vrachebnoi pis'mennosti*. (Pamiatniki drevnei pis'mennosti CXII). SPb.: Tipografiia V. F. Demakova, 1895.
- Zorin A. L. "Legalizatsiia obshchenoi leksiki i ee kul'turnye posledstviia". *Anti-mir russkoi kul'tury: Yazyk. Fol'klor. Literatura*. Sost. N. A. Bogomolov. M.: Ladimir, 1996: 121–139.
- Zykov V., Kondrat'ev A. "Roskomnadzor nakazhet SMI tol'ko za chetyre materynykh slova". *Izvestiia* (2013), 25 dekabria. <https://iz.ru/news/563178>

Игор Пилшчиков

РУСКЕ ПСОВКЕ: ШТА ЗНАМО О ЊИМА?
(О ПОРЕКЛУ И ФУНКЦИЈАМА РУСКИХ ОПСЦЕНИХ ИДИОМА)

Резиме

У чланку се расправља о дијахронијским променама у морфологији, акцентологији, семантици и стилистици кроз које су прошли руски опсцени идиоми. Утврђено је да су се до краја XIX века у фолклору, цензурираној књижевности и свакодневном говору опсцене речи користиле углавном у директном, односно материјалном значењу, а број речи насталих коришћењем основних опсцених коренова био је ограничен. Главни механизми опсцених иновација у XX–XXI веку постали су метафоризација (слободан пренос значења) и проминализација (стицање контекстуалних значења). Они су довели до деривационе експлозије, када је постало могуће формирати стотине нових опсцених речи из веома ограниченог броја коренова. У исто време, неке речи из старог опуса псовки испале су из савремене употребе. Други важан механизам "формирања псовки" јесу секвенцијални и/или преклапајући процеси дисфемизације и еуфемизације, који се огледају у промени лексичко-семантичке и акценатске парадигме неких опсцених речи и њихових еуфемизама. Истовремено, примери анафоричке редупликације, која се нагло појачала у последњих пола века, срећу се већ у текстовима прве половине XIX века. У чланку се такође испитује еволуција функција псовки у књижевности XVIII–XX века, а нарочито употреба псовки у делима Баркова, Пушкина и Бродског.

Кључне речи: руски опсцени идиоми, дијахронијске промене у морфологији, акцентологији, семантици и стилистици псовки, механизми иновација, функције псовки у књижевности XVIII–XX века.

Александр Жолковский
Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес
alikh@usc.edu

Alexander Zholkovsky
University of South California, Los Angeles
alikh@usc.edu

СЕКС В РАМКАХ — 2021

SEX FRAMED — 2021

Работа представляет собой комментированную републикацию статьи 1994 г., посвященной детальному — на грани пародии — структурному разбору obscene паремии «Нам, татарам, всё равно, что ебать подтаскивать, что ёбаных оттаскивать». Воспроизведенный без изменений текст дополнен «Приложением», в котором уточняются и развиваются некоторые пункты исходной статьи, а также документируется почти тридцатилетняя история употребления и издательского купирования obscene лексики в других текстах — виньетках — автора.

Ключевые слова: структура, паремия, лексика — татары, русские, секс, мат, obscene, табу, эзоповский, мемуарный, виньетка, Жолковский.

The paper is an annotated reprint of the author's 1994 essay, which offered a detailed — on the verge of parody — structural analysis of an off-color Russian paremia (proverbial saying): *lit.* "For us, Tatars, it's all the same, whether to fetch [drag in] those to be fucked or to remove [drag off] those [that have been] fucked." The original essay is accompanied with an "Appendix" that fine-tunes and develops some of the essay's points and also documents the author's almost thirty-year long experience of using obscene words in print and having to accept their partial expurgation in recent republications in Russia.

Key words: structure, paremia, vocabulary — Tatars, Russians, sex, obscenities, taboos, Aesopian, memoiristic, vignette, Zholkovsky.

I. Секс в рамках¹

Маленькие шедевры — увлекательная тема. Остроумную пословицу «Нам, татарам, всё равно, что ебать подтаскивать, что ёбаных оттаскивать», я узнал сравнительно поздно, отчего впечатление было особенно сильным.

¹ Первая публикация: Жолковский 1994а.

С тех пор загадка этой жемчужины современного фольклора занимала меня, и я, кажется, могу предложить ее решение.

Сразу же бросается в глаза контраст между физически насыщенным, эмоционально захватывающим содержанием миниатюры и той подчеркнутой отчужденностью, с которой оно излагается. Иными словами, в тематическом плане мы имеем дело с архетипической, в частности (пост)романтической, оппозицией страсти и бесстрастия, на службу которой поставлен контрапункт фабулы и сюжета, внутренней и обрамляющей новелл, излюбленный формалистами и широко разрабатывавшийся русскими классиками от Пушкина до Бунина.

С одной стороны, налицо образ эротической оргии, мощь которой педалирована целым рядом средств. Тут и безоговорочная фундаментальность самого описываемого процесса; и откровенность двойного удара матерным *verbum futuendi*; и телесная интенсивность обеих операций, *fututio* и *portatio*, эффектным контрастом к которой является поступающее на вход и выдаваемое на выходе первой пассивное состояние, как раз и требующее второй; и регулярность массового действия, которое обслуживается специальным вспомогательным персоналом и описание которого последовательно выдержано во множественном числе (*нам, татарам, ёбаных*) и несовершенном виде со значением многократности (*ебать, подтаскивать, оттаскивать*)²; и, наконец, энергичный ритм, сообщаемый происходящему тройными повторами (*что — что; ебать — ёбаных; подтаскивать — оттаскивать*). Из-за всего этого проступают то ли контуры какого-то ритуального действия в духе и масштабе сатурналий, то ли овеванная традицией метафора любовного акта как поля битвы с горами тел.

С другой стороны, озадачивает неопределенность сведений о самой сути событий. При всей прямоте дважды повторенного *verbum futuendi*, блистают своим отсутствием его актанты — как субъект, так и объект, не говоря уже о сирконстантах — обстоятельствах места, времени, и, главное, образа действия, от которых можно было бы ожидать какой-то конкретизации параметров происходящего. Все это обходится в тексте интригующим молчанием. Немаркированным (благодаря множественному числу) остается даже пол участников, хотя в одном случае упоминание о них принимает вид номинализованного причастия (*ёбаных*).

Правда, кое-какая информация все-таки просачивается, подсказываемая соседними предикатами *подтаскивать* и *оттаскивать*. Но и она, в соответствии с общей анестезирующей установкой текста, отмечена чертами безразличия, инертности, бездейственности — объекты центрального предиката предстают абсолютно безучастными к ходу процесса. Однако по сравнению с объектами, пусть пассивными и анонимными, но, по крайней мере, как-то фиксируемыми на пересечении двух операций, еще более

² Форма *ёбаных* двусмысленна: по форме это причастие несовершенного вида, а по значению — как совершенного, так и несовершенного.

поразительно полное отсутствие сведений о субъектах fututio, располагающихся в сердце структуры³.

Более того, сам центральный предикат futuendi представлен не личными формами, а инфинитивом и причастием (*ебать*, *ёбанных*), так что обозначаемое им действие дано не развертывающимся на глазах у читателя, а сначала ожидаемым, а затем законченным. До какой-то степени параличом «неактуализованности» поражены и предикаты следующего уровня — *подтаскивать* и *оттаскивать*. В них разыгрывается тот же конфликт между семантикой — физической конкретностью обозначаемых действий и грамматикой — ситуативной неопределенностью, составляющей важный элемент категории инфинитива.

Правда, в отличие от форм глагола *ебать*, управляющие ими предикаты *подтаскивать* и *оттаскивать* уже не столь абсолютно лишены актантов. Их объектами, как мы видели, являются участники fututio, не названные впрямую, но с точки зрения portatio косвенно уже охарактеризованные через эту свою причастность, хотя и сугубо пассивную. Особенно ясно их характеристика как именно «sex objects» видна во втором случае, где центральный предикат выступает в форме пассивного причастия (*ёбанных*), употребленного в роли окказионального nomen patientis — имени объекта действия. Но и в первом случае, на стыке двух инфинитивов, очевидно, что по отношению как к *подтаскивать*, так и к *ебать* неназванный общий член служит объектом (**подтаскивать [тех, кого] ебать*).

Что касается субъектов portatio, то они, в противоположность загадочным субъектам fututio, вполне конкретны. Это — *татары*, от лица которых ведется речь и чья субъектная роль синтаксически проецируется с предиката третьего уровня *всё равно* на подчиненные ему инфинитивы. К «татарам» мы вскоре вернемся.

Всё равно, располагающееся на самой внешней рамке текста, отличается относительной предикативной полноценностью. Это форма настоящего времени, и у нее насыщены обе синтаксические валентности (конструкцией с *что...*, *что...* и местоимением *нам*). В грамматическом плане это главное сказуемое всего текста, но по иронии, определяющей структуру фрагмента, семантически это — выражение полного «безразличия». Тем самым *всё равно* образует как бы негатив семантически центрального и активного, но до известной степени пораженного в грамматических правах, предиката futuendi.

³ В восприятии некоторых информантов множественность участников процесса, безучастность его объектов и неназванность субъектов складываются в образ «массового насилия над безгласными жертвами, совершаемого анонимными палачами и описываемого циничными исполнителями-соучастниками». В пользу такой интерпретации, помимо красноречивости «подтаскивания-оттаскивания», говорит также переносное значение глагола *ебать* — «причинять вред, ругать, обижать, обманывать» (ср. построенный на игре прямого и переносного смыслов анекдот о председателе колхоза, который, когда анализ его мочи показал беременность, говорит: «А что, в райкоме меня ебут, в обкоме меня ебут — может, где и подхватил»).

Обездоленность последнего, кстати, проявляется и в месте, занимаемом им в грамматической и повествовательной структуре текста. Центральность по смыслу и по положению внутри рамки достается ему ценой максимальной грамматической зависимости и безличности — это инфинитив и причастие, управляемые инфинитивом, зависящим от *всё равно*. К тому же, в обоих случаях он поставлен не под логический акцент текста (в «ремю»), а в зону уже известного («темы»): обсуждается и утверждается (= предидируется) «безразличие к деталям portatio», а не вопрос о том, имеет ли место fututio, каковое принимается за само собой разумеющееся данное.

Впрочем, пронизывающая весь текст установка на «неглагольность» (грамматический эквивалент анестезирующей темы «неопределенности, отчужденности») сказывается и на предикате рамки. *Всё равно* — не личный глагол, а безличное предикативное прилагательное, принадлежащее к так называемой категории состояния, и субъект выступает при нем не в роли подлежащего, а в косвенном (дательном) падеже; а грамматическим подлежащим при нем является не простой и наглядный субъект, а сложная синтаксическая конструкция (*что...*, *что* + инфинитивы).

Управляя инфинитивами, один из которых, в свою очередь, тоже вводит инфинитив, оборот *всё равно* открывает серию хиазмов — концентрических обрамлений. Подобные структуры, основательно изученные французскими структуралистами и постструктуралистами под названием «пропастных» (*mise en abime*)⁴, создают противоречивое впечатление неудержимо манящей бездны и в то же время глубоко эшелонированного отгораживания от нее.

Рамкой, непосредственно вложенной во *всё равно*, является конструкция *что...*, *что...*, придающая охваченным ею инфинитивам *подтаскивать* и *оттаскивать* модальный характер «альтернативности, гипотетичности». Концентрический эффект усиливается далее благодаря почти полному тождеству этих инфинитивов, образующих очередное обрамление, в частности — благодаря соотношению их приставок: первая из них как бы останавливает действие корня *таскать* перед следующей рамкой, а вторая — подхватывает его после нее. Эту последнюю, самую внутреннюю, рамку задает пара аналогичным образом сходных глагольных форм, *ебать* и *ёбанных*. Хотя по смыслу они, казалось бы, составляют сердцевину вставной фабулы, однако на самом деле, в силу своего грамматического оформления, тоже, как мы видели, лишь предваряют и замыкают эту сердцевину⁵. Сама

⁴ См., например, Dällenbach 1976.

⁵ В этой рамочной конструкции предпочтение отдано формальному параллелизму двух основных предикатов (сначала глагол fututio, затем глагол portatio) перед логикой временного следования и принципом концентрического обрамления (сначала «подтаскивание», потом fututio, затем «оттаскивание»). Следствием такого пролиписа формы *ебать* является усиление шокового эффекта, связанного с употреблением табуированного глагола. О еще одной важной функции этого пролиписа см. примеч. 16.

же сердцевина как бы вынута — за тройными рамками скрывается фигура умолчания, гипнотически влекущая пустота⁶.

Субъект обрамляющего всю картину предиката *всё равно* выступает в двойной форме: как местоимение первого лица множественного числа *нам* и как приложение к нему — существительное *татарам*. *Нам* сочетает непосредственность повествования от первого лица (чем коннотируется «вовлеченность») с абстрактностью (переменностью) категории местоимения и, главное, косвенностью падежа, отражающей периферийность роли, выполняемой этим перволичным рассказчиком в фабуле (чем коннотируется «невовлеченность»)⁷. Далее, существительное *татарам*, при всей своей референциальной специфичности («вовлеченность»), является родовым, собирательным понятием («невовлеченность»). Последнее, на первый взгляд, естественно вытекает из того, что поговорка, как всякий гномический текст, претендует на широту обобщений. Однако и здесь наша миниатюра отклоняется от нормы, верная своей установке на амбивалентность, загадочность, невовлеченность.

В поговорках на сходную тему — об «одинаковости отношения одной вещи к двум другим»⁸ — обобщение обычно строится одним из двух способов. Либо оно носит универсальный характер, прилагаясь к любым актантам: *Любишь кататься — люби и саночки возить*; *Кто любит собаку, любит и ее хозяина*, либо основывается на прямой связи между данным типом деятеля и рассматриваемой альтернативой: *Для обжоры что пир, что поминки — всё равно*; *Слепому всё равно как смотреть — через открытые или через закрытые двери*; и т. д. Случай с «татарами», которые более конкретны, чем «всякий, кто...», но менее специфичны по отношению к «тасканию», чем «слепой» к «смотрению» (тут нужны были бы «силачи», «слабаки», «безрукие», «многорукие» и т. п.), не укладывается ни в тот, ни в другой тип. Тем самым создается еще одна избыточность (почему бы не ограничиться универсальным утверждением об «одинаковости подтаскивания и оттаскивания...»?) и еще одна неопределенность (при чем здесь «татары?»).

Однако возложение роли равнодушных прислужников-наблюдателей именно на *татар* не совсем произвольно. Оно имплицитно мотивировано:

- их «восточностью», подразумевающей терпеливость, невозмутимость;
- тем подчиненным — «служебным» — местом, которое они долго занимали в российской социальной иерархии (работая дворниками, банщиками, официантами и т. п.);

⁶ О подобных обрамлениях, в частности, в «Станционном смотрителе», см. Жолковский 1994b: 104–107 (с опорой на Бочаров 1974: 157–174; O'Toole 1982: 106–110).

⁷ Важным элементом семантико-синтаксической функции русского датива является указание на спонтанность события, его неподотчетность актанту.

⁸ О них см. классическую работу Г. Л. Пермякова по паремииологии, где рассматривается Конструктивный тип II A 2, Группа 20, Подгруппа К, случай А: «Отношение одной вещи к двум другим, находящимся в определенной связи между собой <...>, одинаково: как она относится к первой <...>, так и ко второй» (Пермяков 1979: 180–182).

- вытекающей из этого «неприхотливостью», рабским согласием на все самое худшее⁹;
- и вообще некой «чуждостью» — посторонностью, непроницаемостью, «коммуникативной ущербностью» (часто проявляющейся в особом «татарском» акценте, не различающем родов и падежей)¹⁰.

Как известно, использование точки зрения неграмотного, непонимающего, социально низкого рассказчика — распространенный повествовательный прием, сродни сказу. Таким образом, и в выборе собирательного актанта рамки проявилась тема «(не)вовлеченности», причем даже дважды: как в логическом характере мотивировки — ее «неявности», так и в ее конкретном содержании — опоре на мифологему «татарского безразличия и неполноценности». Готовой манифестацией данной мифологемы является пословица *Нам, татарам, всё равно, что малина, что говно*, явственно слышащаяся за текстом нашей миниатюры в качестве одной из вариаций на ту же тему.

Кстати, сопоставление с этой вариацией, как и со всем классом сходных паремий об «одинаковости отношения...», помогает выявить существенный аспект рассматриваемого текста. В отличие от подлинного — ценностного — контраста между «малиной» и «говном», противопоставление «подтаскивания» и «оттаскивания» носит внешний, чисто геометрический характер. В результате, утверждение об индифферентности к направлению *portatio* предстает практически самоочевидным, почти тавтологичным (см. выше)¹¹. Этим достигается сразу несколько эффектов. Общая аура «безразличия, неактуальности и т. п.», окутывающая текст, еще больше сгущается; в образ татар как носителей «коммуникативной ущербности» вписывается дополнительный «глуповатый» штрих; а к комическим обертонам текста добавляется еще один.

Работает эта тавтология и на главную оппозицию «вовлеченности» и «невовлеченности», рамок и обрамляемой пустоты. Согласно Риффатер-

⁹ Свидетельством низкой оценки «татар» в русском провербиальном менталитете служат два, казалось бы, противоположные по смыслу варианта одной пословицы, но оба исходящие из пренебрежительного отношения к «татарам»: *Незванный гость хуже [лучше] татарина*. Использование «татарского» мотива как готового предмета для разработки темы «неприхотливого безразличия» лежит в основе все растущего жанра пословиц с зачином *Нам, татарам, всё равно...*, целый ряд которых приводится в статье.

¹⁰ Ср. один из вариантов рассматриваемой пословицы: *Нам, татарам, одна хуй, что ебать подтаскивать, что ёбанных оттаскивать*, засвидетельствованный, например, в повести Юза Алешковского *Николай Николаевич* (Алешковский 1980: 8). Кстати, здесь «грамматическая ущербность» работает на «невовлеченность» и непосредственно: нейтрализация рода самой «мужской» лексемы русского языка «согласованием» с ней женской формы *одна*, т. е., если угодно, символическая (авто)кастрация татар, служит дополнительной мотивировкой их «безразличия».

¹¹ Ср., напротив, вариант: *Нам, татарам, всё равно, что наступать бежать, что отступать бежать*, где направление действий четко выражает ценностное противопоставление, а также вариант *Нам, татарам, всё равно, что самогон, что пулемет, лишь бы с ног валило*, где ценностное противопоставление принимает масштабы оппозиции «жизнь/смерть».

ру, «неграмматичные», т. е. дефектные в том или ином отношении, участки художественного текста толкают воспринимающего на поиски более глубокого прочтения (см. Riffaterre 1978). Поэтому естественно, что за тривиальными, занимающими непропорционально много места рассуждениями о «подтаскивании» и «оттаскивании» (подобными капусте обрамлений) угадывается молчаливое соотнесение *portatio* с *fututio*, подспудно ставящее «татар» в один ряд с участниками оргии (молчаливое и, значит, опять-таки подобное обрамленному «зиянию»). Пунктирно намеченное таким образом отождествление двух групп субъектов, полярно разведенных, как мы помним, в парадигматике и синтагматике текста, соответствует общей установке на совмещение крайностей «невовлеченности» (равнодушные татары) и «вовлеченности» (неизвестные *fututor*'ы).

К этому центральному сюжетному тропу пословицы мы еще вернемся, а пока что обратимся к субъекту внешней рамки. Его расщепление на две ипостаси — местоимение *нам* и существительное *татарам* тоже способствует эффекту «отчуждения, невовлеченности». В содержательном плане самый факт расщепления создает дополнительный буфер (если угодно, очередную рамку), в конечном счете увеличивающий дистанцию между максимально конкретным (перволичным, привязанным к акту речи) *нам* и максимально неопределенными участниками оргии. В грамматическом плане этому соответствует осложнение структуры предложения новым, причем достаточно формальным, синтаксическим отношением — аппозитивным.

Вообще, речевой жест, угадывающийся за формулой *нам, татарам*, состоит прежде всего в подчеркивании некой коммуникативной пропасти между говорящими и слушателями, которым первые вынуждены формально представляться, объясняя, кто они такие. Этот отстраняющий жест остается в силе независимо от того, адресована ли речь к участникам оргии или к внешнему наблюдателю. В то же время говорящие («мы») пытаются отмежеваться и от самих себя в своей низкой ипостаси «татар-*portator*'ов». Этим их жест отличается от традиционного противопоставления повествователя особому отрицательному персонажу (*Им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни*; Горький) и близок духу саморазоблачительной исповеди раздираемого противоречиями современного героя (*И в моральном, говорю, моем облике / Есть тлетворное влияние Запада*; Галич¹²). Эта многоплановая рефлексия подрывает напускную «интеллектуальную ущербность» говорящих, и из-под «татарского» грима проглядывает цинично-амбивалентная физиономия российского человека, которому, собственно, и пристало быть глубинным героем русскоязычной пословицы.

¹² Впрочем, подобная двойственная самооценка — под давлением идеологизированной внешней точки зрения — представлена и в достаточно ранних текстах, ср. рассматриваемый Б. А. Успенским пример из онежской былины: «Тут **собака** Калин Царь говорил Илье да таковы слова: / Ай ты старья казак да Илья Муромец! / Да служи-тко ты **собаке** царю Калину» (Успенский 1970: 24).

В целом, автоописательная конструкция «*нам, татарам*», напоминает реплики масок итальянской комедии, обращенные «к рампе», т. е. произносимые лицом к залу и спиной к сцене («Я — бедный Пьеро, и мы сейчас разыграем для вас...»). Стилизованные *татары* одновременно и участвуют в действии (в качестве «слуг просцениума»), и повернувшись к нему задом, комментируют его для зрителя. Их скульптурную позу, с руками и корпусом, поглощенными «тасканием», и лицом, фронтально развернутым к рампе, можно считать квинтэссенцией всего анализируемого сюжета.

Как видим, микротекст длиной в десять слов обладает разветвленной структурой, объединяющей множество рамок, ракурсов, действующих лиц и речевых жестов единой темой — «вовлеченности» / «невовлеченности». Игра разнообразия и единства акцентируется обилием — в пределах столь краткого текста — словесных повторов: на десять словоупотреблений приходится всего семь разных лексем, почти половина которых (три) появляются дважды (*что, ебать, под/от-таскивать*).

Работа повторов не ограничивается лексическим слоем текста и организует другие его уровни. В синтаксическом плане, как было показано, центральная установка на «неактуализованность, отчужденность» прокладывает себе дорогу через многообразие примененных конструкций и категорий — безличной, инфинитивной, аппозитивной, номинализованного причастия, альтернативного оборота с «*что..., что...*», объединяемых общим свойством «нефинитности». А на таких сугубо формальных уровнях, как фонетический и ритмический, куда содержательная тема может проецироваться лишь в крайне обобщенном, т. е. обедненном, виде¹³, оппозиция «единство» / «разнообразие» становится манифестацией противопоставления между «фабульной вовлеченностью» и «рамочной невовлеченностью».

Фонетически «многообразие» представлено почти полным набором типов русских согласных, «единство» — повторением согласного Т и одних и тех же гласных (ударных *А, О* и безударного *и/ы*). Ритмически текст, производящий, на первый взгляд, впечатление свободной разговорной речи, оказывается подчинен довольно строгому рисунку: перед нами как бы три строки четырехстопного хорея с небольшими отклонениями — вольностями народного стиха («лишним» слогом в начале 3-й строки и безударными окончаниями во 2-й и 3-й строках).

На эффект стихотворности тонко работает также бегло упомянутая выше постановка форм глагола *futuendi* не в рему, т. е. не под логический акцент фразы. Под таким акцентом по смыслу и риторике пословицы должны бы находиться глаголы *portatio*, точнее, различающие их приставки. Однако, невозможность акцентировать приставки плюс инверсия глаголов *portatio* и *fututio* — вынос последних в обоих случаях вперед, приводят к тому, что на *ебать* и *ёбаных* падает дополнительное фразовое ударение. В результате, обе серии глаголов оказываются выделенными с одинаковой

¹³ Об обедненной проекции содержательных тем (тем «первого рода») на формальные уровни текста см.: Жолковский, Щеглов 1996: 307; Жолковский 1996.

силой. Но тем самым текст приобретает черты равномерно акцентированного, как бы скандируемого стиха, в котором, как и водится в стихе, ослабляется практический, буквальный смысл и активизируются вторичные смысловые признаки. Такое «уравнивание» акцентов особенно созвучно разрабатываемой в данной пословице теме «безразличия» и, в частности «приравниванию» *portatio* и *fututio* (о чем речь уже шла и еще пойдет).

Еще большую стиховую структурированность тексту придает взаимодействие фонетики и ритма. Первая «строка», соответствующая самой внешней рамке (*Нам, татарам, всё равно*) полноударна: в ней столько же ударений (четыре), сколько в двух остальных вместе взятых. В результате общее членение текста сдвигается от чисто количественной трехчастности, $1 + (1 + 1)$, к более уравновешенной ритмико-просодической четырехчастности $(1 + 1) + (1 + 1)$. Такое членение поддержано и рисунком ударных гласных: *A — A/O — O/A — A/O — A* (с типичной для стиха суммирующей переменной в концовке, сочетающей *O* и *A*). Получается своего рода четверостишие, в котором уже целых две «строки» отведены под главную рамку. В звуковом плане эта рамка отличается сонорно-носовой артикуляцией на *P, H, M*, создающей ауру одновременно «звучности», т. е. «активности», и «сонности». При этом максимально «сонное» *H* опоясывает двустороние (*НАМ... равНО*), образуя еще одну изящную мини-рамку¹⁴.

Вторая половина «стихотворения», располагающаяся вплотную к фабельному действию, оркестрована преимущественно взрывными и фрикативными согласными, среди которых выделяются *B/П* и *K/X*, — вдобавок к многочисленным *T*, проходящим через весь текст. Последние, кстати, не только представлены здесь во множестве (благодаря обилию инфинитивов), но и достигают своего рода кульминации, удваиваясь на стыках приставки и корня в двух очень сильных (предударных и симметричных) позициях: *паТТАскивать* и *аТТАскивать*.

Тем самым лишний раз акцентируется роль этой пары глаголов, занимающей промежуточное положение между предикативным, но безразличным *всё равно* и страстными, но обезличенными *ебать* и *ёбаных*. В результате, глаголы *portandi*, интенсивные семантически (по сути обозначаемых действий), морфологически (ввиду итеративного суффикса *-ива-*), просодически (в силу своей четырехсложности, затмевающей двух- и трехсложные *verba futuendi*) и фонетически (благодаря двойным *T*), попадают в самый фокус поэтической структуры. Этим, в соответствии с учением Тынянова о суггестивности стихового ряда, провоцируется оригинальный семантический эффект. В операции «подтаскивания-оттаскивания», с ее равномерным колебательным ритмом, одновременно по сходству и по смежности высвечивается, как бы набрасываясь игрой светотени, аналогичный рисунок центрального полового акта, названного, но не актуализованного, тут же рядом, в проеме многочисленных рамок.

¹⁴ Эта рамка в целом отмечена интенсивными повторами на уровне консонантизма: *н-м-т-т-р-м-ф-с-р-в-н*.

Эта мерцающая (в разных смыслах) метафора-метонимия¹⁵, резонирует с подразумеваемым приравнением татар-*portator*'ов анонимным *fututor*'ам, довершая их фигуральное слияние в единый образ исполненного невозмутимой силы мирового фаллического начала, способного одновременно участвовать в интенсивном половом процессе и отрешенно наблюдать за ним со стороны. Но татары, как мы помним, совершенно эксплицитно заявлены в качестве субъектов повествования (*нам*), с каковыми, в свою очередь, несмотря на их якобы «татарское» обличье, охотно — благодаря дискурсивной магии первого лица, особенно действенной в паремиях, — отождествляет себя всякий употребляющий данную поговорку русский. Так задается траектория неуклонного затягивания потребителей текста внутрь конструкции, ведущая — шаг за шагом, рамка за рамкой — в провал ее сердцевины.

* * *

Итак, в рассмотренном тексте удалось выявить концентрическую рамочную структуру с завораживающе зияющей, хотя номинально и заполненной, пустотой посередине¹⁶, — структуру, выражающую и в то же время

¹⁵ О глубинном родстве метафор и метонимий см. Пастернак 2004; Culler 1981.

Что касается вопроса об отождествлении двух групп субъектов и соответственно обоих основных предикатов поговорки, то он представляет интересную проблему, и я ограничусь здесь лишь контурами ее постановки. Как уже было сказано, уравнение «татары = *fututor*'ы» возникает на уровне не прямого, фабульного содержания поговорки, а ее переносного, поэтического смысла (риффатерровского *significance*), еще менее обязательного, чем любое возможное прочтение. В его пользу, вдобавок к риторической привлекательности совмещения двух главных противоположностей текста («невовлеченность, татары» / «вовлеченность, *fututio*») и к примененной в тексте поэтической технике соотношения глаголов *portandi* и *futuendi*, говорит следующее.

Кандидатура татар с самого начала выдвигается на роль *fututor*'ов благодаря пролипису глагола *ебать* (см. примеч. 5): первым — еще до появления глагола *подтаскивать* — возникает кадр, в котором *татары* и *ебать* естественно монтируются в пару «субъект — предикат».

Последующее вхождение в кадр инфинитива *подтаскивать* отчасти ослабляет очевидность такого осмысления, но не подрывает его целиком — ввиду как житейской вероятности «подтаскивания для себя», так и грамматической распространенности (особенно в устной речи) парных форм типа *сидеть читать; бегать прыгать*.

Дальнейшее развертывание фабулы более или менее окончательно (хотя и не для всех опрошенных информантов) опровергает эту интерпретацию отношений, но самый мотив оказывается отчетливо заданным.

При всей вопиющей несовместности *fututio* с «безразличием» (а может быть, именно в силу схождения крайностей — не только в поэтических произведениях, но и в языковой семантике и бытовой ментальности), одним из идиоматических значений основного русского *verbum futuendi* является как раз «безразличие, пренебрежение» (*Ебал я ваши именины; Ебал я эти щи; А я ебать хотел этот воскресник*; и т. п.; эвфемистическим синонимом этого значения служит глагол *плевать*). Таким образом, в полном соответствии с яacobсоновской идеей проекции парадигматики на синтагматику, поговорка открывается целой серией квази-синонимов, варьирующих сему «безразличие»: *татары — всё равно — ебать*.

¹⁶ Стоит сопоставить рассматриваемый текст с отчасти сходной структурой лимерика: *There was once a lady of Spain / Who said: "Let us do it again / And again and again / And*

комически подрывающую тему «эротической (не)вовлеченности». В определенном смысле разгадкой художественного секрета миниатюры оказалась, таким образом, тщательно разыгранная на всех ее уровнях загадочность.

На этом более или менее объективный виток анализа имеет смысл объявить законченным. Дальнейшие рассуждения могли бы пойти по пути углубления в психоаналитическую и дискурсивную суть многозначительно очерченной вагинальной воронки (в духе Лакана и его последователей); поднятия проблемы подсознательных фаллических страхов, плодящих образы любви-смерти (битвы с грудями тел; зияющей пустоты) и компенсируемых фантазиями о неисчерпаемо мощном в своем безличном хладнокровии половом акте (в духе классического фрейдизма); заострения внимания на культурологическом аспекте данной поговорки как образца циничной ментальности советской интеллигенции эпохи застоя; или, наконец, расширения темы до масштабов исторической памяти и коллективного бессознательного, что позволило бы интерпретировать текст с точки зрения двойственной мифологемы «татар» (былых завоевателей, в дальнейшем побежденных, но пропитавших собой всю культуру и даже, согласно народной этимологии, подаривших русскому языку его самый сокровенный глагол — все тот же *verbum futuendi*), какой она сложилась в русском национальном сознании, осциллирующем между полюсами кенозиса и ксенофобии, западничества и евразийства; и т. д., и т. п. Мне, однако, кажется предпочтительным удержаться, à la Якобсон, в границах констатированной структуры, не соскальзывая в ее сомнительные глубины, — остаться верным ее программной беспристрастности.

II. Приложение (март 2021 г.)

1. Этот игривый разбор (*далее сокр.* — СВР) возник под свежим впечатлением от максимы, впервые услышанной мной в достаточно почтенном возрасте (за пятьдесят), был доложен при большом стечении народа в Институте языкознания уже перестроечной РАН, появился в одном из ранних номеров недавно основанного НЛЮ (Жолковский 1994а) и принес мне всегда желанную дозу дешевой популярности (когда кто-нибудь из так называемой широкой публики заявляет, что, кажется, знаком с одной из моих статей, я легко догадываюсь, с какой.)

В дальнейшем я перепечатал СВР в книге Жолковский 2011а (с. 103–112, 495–498), а несколько лет тому назад предоставил для републикации в планировавшийся петербургской «Аркой» (под эгидой Сергея Шнурова, с которым по этому поводу мне летом 2017 года довелось познакомиться в знаменитом ресторане «КоКоКо», детище его тогдашней жены Матильды) сборник, посвященный мату в русской культуре. По ряду причин, в част-

again and again / And again and again and again”, где, однако, умолчание выдержано полностью (см. Жолковский 1996: 78–80).

ности из-за ужесточившегося гос-запрета на obscene лексикку, сборник развалился, но организаторы чрезвычайной акции по спасению его обломков пожелали включить обновленную редакцию СВР в блок материалов, который великодушно приютила *Матица српска*, уже своим названием невольно предрасположенная покровительствовать подобным начинаниям.

Редактура исходного текста СВР свелась к мелким поправкам, прежде всего, библиографическим (предпринятым еще для «Арки»), обновить же статью я решил данным «Приложением», состоящим из нескольких дополнительных соображений по существу и краткого обзора моих публикаций в России на тему о, как бы это выразиться, матчасти нашего бытия (термин «матлингвистика», к сожалению, давно занят).

2. Структура «зияния», в сердцевине которой помещается нечто сакральное, obscene, эротичное, табуированное, не подлежащее называнию, — распространенная конструкция, и поговорка «Нам татарам...» не составляет исключения. Отличается же она тем, что, формально держась этого принципа (сексуальная оргия как таковая в тексте не описывается), по сути дела текст вовсе не уклоняется от употребления матерных слов, называющих соответствующие действия. Он лишь переводит их для порядка из изъяснительного наклонения в менее актуальные грамматические категории (инфинитив *ебать* и причастие *ёбанных*), да и сами действия, происходящие на рамке, описывает в инфинитивах (*подтаскивать*, *оттаскивать*). В результате, декорум умолчания вроде бы обозначается, но тут же демонстративно подрывается.

Подобная двойная бухгалтерия охотно применяется в работе с obscene лексикой и тематикой. Таков, например, известный стишок:

На виноградниках Шабли
Два трубадура дам прельщали –
Стихи и прозу им читали,
А после всё-таки ебли.

Он хорош уже иконизацией эротической оттяжки в виде опоясывающей рифмовки (аВВа), а также табуированным (псевдо-)сокрытием ожидаемой непристойной рифмы к *Шабли* при помощи так наз. ловленной рифмовки (*Шабли / ебли читали*), но, главное, тем, что запретная рифма (и тем самым картинка), вроде бы выброшенная под давлением цензуры, все-таки (!) венчает текст: *Шабли /... /... / ебли*.¹⁷

А в более скромном масштабе такая контурная техника применена, например, в стихотворении Пастернака «Зимняя ночь», где фигуры любовников не даются напрямую, но проецируются — в духе пастернаковского метонимизма — на окружающее:

¹⁷ Кстати, этот структурно поучительный стишок я привел в недавней вignetке «Серенада», где букву *б* в ключевом слове пришлось все три раза заменить точкой: *е.ли* (см. Жолковский 2021).

На озаренный потолок
 Ложились тени,
 Скрещенья рук, скрещенья ног,
 Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
 Со стуком на пол,
 И воск слезами с ночника
 На платье капал.¹⁸

Сложные текстовые игры с названием/неназванием/полу-названием запретных предметов характерны не только для сферы сексуальных непристойностей, но и для сферы политических табу, где соответствующие приемы рассматриваются под рубрикой эзоповского письма. Далеко идущим аналогиям между этими двумя техниками обхода цензуры я посвятил специальную статью (Жолковский 2017b).

3. Несколько раз упомянутые выше инфинитивы играют в рассматриваемой поговорке важную виртуализирующую роль, о чем в тексте статьи сказано достаточно. Но замечу, что сделано это было задолго до того, как мне пришлось в голову вплотную заняться инфинитивной поэзией и в конце концов, после трех десятков статей, составить и издать соответствующую комментированную антологию (Жолковский 2020a).

При этом любопытна сравнительная густота инфинитивов на единицу текста: это три из десяти слов (включая служебные), причем в одном случае инфинитивы двухэтажные: инфинитив управляет инфинитивом (*ебать подтаскивать*).

4. При подготовке настоящей публикации И. А. Пильщиков в связи с Примечанием 12 обратил мое внимание на статью Якобсон 1966, не учтенную в Успенский 1970. Как показал Якобсон, *собака Калин* — это, скорее всего, дословный перевод на русский именованья *Ногай Калин*, в татаро-монгольском контексте не содержащий какого-либо самоуничижения. Однако, по мере того, как эта этимологическая мотивация забывалась, приложение *собака* начинало восприниматься в былинах как уничижительное, и либо изымалось — в ситуациях самоименования и обращения, либо нет, и в последнем случае, если противоречие в оценках осознавалось, то получался эффект, выделенный Успенским и походя отмеченный Якобсоном.

5. К обценной лексике и эротической тематике меня, как многих в нашем оттепельном поколении, тянуло смолodu (В следующем поколении это было уже вполне отрефлексировано — как «выстрел по Кремлю».)

Наверно, самым ранним печатным проявлением этого стала мемуарная виньетка «На словесном фронте», появившаяся шестью годами позже СВР¹⁹, которому таким образом следует отдать бесспорную пальму пер-

¹⁸ См. Жолковский 2020с.

¹⁹ В Жолковский 2000a, b.

венства в этом вопросе. Программная мета-обсценность этой виньетки была двойной: в печать протаскивалось вызывающее употребление героем-мемуаристом неуставной лексики (слова *мудак*) в ситуации публичного разбирательства на плацу военного лагеря, где студенты филфака МГУ проходили курсантскую практику (1957 г.). Виньетка в дальнейшем перепечатывалась, причем сначала без проблем, а затем в составе книги Жолковский 2015, обусловив, вкупе с рядом других вольностей, выход этого сборника в целлофане и под грифом «Содержит нецензурную брань» (на задней стороне обложки).

Не знаю, сколь запрещен этот полупристойный корень, фигурирующий и в заглавии виньетки «Мудак и зануда» (впервые — в *Стенгазете*, Жолковский 2006а). При недавней перепечатке в Жолковский 2020b проблем не встретилось.

Еще одним упражнением на обсценные темы была откровенно металингвистическая виньетка «Лингвистические задачи и тайны творчества»²⁰, ставшая довольно популярной благодаря фигурирующему в ней А. А. Зализняку, но там матерная лексика (три деривата от одного и того же «экзистенциального» корня) не приводилась, а загадывалась — в интерактивно-эзоповском расчете на довольно прозрачную разгадку. По сути, повествование следовало описанной выше эзоповской технике. Соответственно, проблем с позднейшим воспроизведением этого текста не возникало.

А виньетку «Не зря» (тоже образца 2000 года), в которой рассказывалось о моем совете великому Мельчуку не «писать о русском языке, непрерывно *сря* на него» (в связи с его толкованием смысла слова *стирка*: «Х при помощи жидкости чистит объект Y, тря...»), напечатанную вместе с другими мемуарными виньетками в *Звезде* (Жолковский 2000а, б), я перепечатал лишь однажды (в Жолковский 2003), и с тех пор не пробовал, а надо бы — кто знает, как с этим теперь. Вообще-то, *срать* пока вроде не воспрещается.

В том же 2000-м году (и там же) я напечатал виньетку, в заглавии которой мат подавался под безусловно джентльменским соусом: «Unfortunately, бля»; это шикарное макароническое блюдо было изготовлено не мной, а ее героем — Наумом Коржавиным. Эту виньетку я потом пару раз перепечатал без проблем, но при очередной републикации (Жолковский 2016), во избежание грифа с «БРАНЬЮ», вынужден был заменить *бля* на *мля* (так в добрые старые времена Солженицыну пришлось вместо *хуя* показать советскому истеблишменту *фуй*).

Демонстративное употребление этого матерного, но такого свойского, любимого народом и интеллигенцией, корня отразилось и в виньетке о вдове Эйзенштейна: «Сомнительное блядство» (впервые — в Жолковский 2000а). В заглавие его вынес опять-таки я, но лишь выловив его из рассказов героини о ее походах в высшие кинематографические инстанции.

²⁰ Впервые — в журнале «Неприкосновенный запас» (Жолковский 1999), а затем в книжке (Жолковский 2000а).

Это чужое, но такое родное, слово прозвучало и в обращенной ко мне речи добродушных работяг-вымогателей, похитивших у меня портфель с бумагами и документами:

Тогда мы стали твоим блядям звонить, а они, суки, не признаются.

— Каким блядям? О чем вы говорите?

— Ну как же? Вот, — он протянул мне мою записную книжку, — пожалуйста, черным по белому: машинки. И телефонов штук пять. А они все как одна отказываются, говорят, мы его не знаем.

Я заглянул в книжку. На букву «М», под беглым карандашным «Машки», значились телефоны машинисток...

Виньетка, вторая в цикле «Связи по смежности», так и называлась «Маш-ки», — в *Звезде* (Жолковский 2000а) и в книжке (Жолковский 2000с). Она перепечатывалась еще пару раз: в Жолковский 2003 в составе цикла, а в Жолковский 2015 (гриф, целлофан) — отдельно.

Самым, может быть, ярким, пусть цитатным, проблеском корня *бляд-* на моих страницах был, его четырехкратный повтор в виньетке «Армей, плейнбол, Жало», сначала в *Стенгазете* (Жолковский 2006с), а затем в книге (Жолковский 2008а):

Некоторое разнообразие вносили забредавшие во двор чужие ребята. Прибегал истеричный Шухат, то ли страдавший недержанием мочи, то ли шутовски его изображавший. Однажды кометой пронесся Коля Захаренко из Хилкова переулка, остервенело скандируя:

Бляди, бляди, бляди, бляди —
Оторвали хуй у дяди!

Перепечатывать «Армей...» я с тех пор не пытался.

Чтобы покончить с этим таким чужим, но родным, по-эдиповски матерным, словом, забегая вперед, скажу, что оно нашло себе законное место в разборе стихотворения Льва Лосева «Пушкинские места» и было пятикратно воспроизведено как в журнальном, так и последующем книжном варианте статьи (см. Жолковский 2008b).

Но обратимся к другим, не менее популярным матерным корням с непосредственно генитальным значением. Внимание к ним ознаменовал ряд виньеток, написанных вскоре после выхода первого сборника и вошедших в его расширенный вариант — Жолковский 2003.

В «Троянской войны не будет» престарелый генерал, заведующий университетской кафедрой «спецподготовки» (то есть, военной), заверял нас не слушать *хрущевской хуйни* о том, что войны будто бы не будет — будет война, будет!..

В «Деревенской прозе» мы со Щегловым, салаги-первокурсники, определенные грузчиками на колхозную полуторку, вслушиваясь в речи шофера дяди Миши, осознавали неожиданно тонкие семантические соотношения между *хуйнёй* и *хуёвиной*.

В «Постой паровоз...» цитировалась, среди прочих, заглавная строчка блатной песенки «Вот мчались мы на тройке, хуй догонишь...»

А виньетка «-жж-» была вдохновлена эффектной редупликацией согласного в слове, которым мужик, встретившийся мне около провинциальной чайной, лаконично указал на риск оставления лыж за ее дверями без присмотра — *спижжжут*.

Десятком лет позже все четыре винюетки были перепечатаны в Жолковский 2015, но уже под анестезирующим грифом о нецензурности и в целлофанном презервативе.

А одну винюетку, «Мат в четыре хода», специально посвященную перипетиям моего владения матом, то активного, то пассивного, то вновь активного, в какой-то период моей жизни под влиянием Лимонова, в частности *лица пизды* из рассказа «Дождь», я после *Эросипеда* таки и не перепечатывал. Включил было в шнуровский сборник, — *да хуй-то*, если воспользоваться приводимыми там словами Лимонова²¹. Но лимоновское *лицо пизды* нашло себе неожиданное применение еще и в винюетке «Собачья смерть» (в Жолковский 2008а), тоже в дальнейшем не перепечатывавшейся.

Чуть не забыл, но мимоходом *пизда* проходит и в высоколобых «Заметках феноменолога» — о моем раннем корнелльском опыте:

После лекции [Поля де Мана] я спросил Джорджа Гибиана, как он, для которого английский язык тоже не родной, обеспечивает фонетическое противопоставление *Kant/cunt* («Кант/*пизда*»). Он ответил: «I don't. I rub their noses right into it» («А никак. Я прямо сую их туда носом»).

Так это выглядело в Жолковский 2000а, 2003, 2008а, а вот в Жолковский 2016 было сильно купировано.

Возвращаясь к *membrum virile*, замечу, что он предстал во всем своем мужественном великолепии и в книжке Жолковский 2005, в одной из винюеток цикла *Фаллократическое воспитание*. Там рядовой Каширин, мой сосед по госпитальной койке в военном лагере зимой 1959 года, объяснял свою неженатость тем, что у него *хуй длинный*. При перепечатке в Жолковский 2016 слово *длинный* сохранилось, но *хуй* сжался до трех точек.

В винюетке «Ухо» приводился анекдот с модуляцией заглавного слова в тоже трехбуквенный, но табуированный пароним (работала и пара *оглохла/охуела*). Сначала винюетка появилась онлайн (*Стенгазета*, 04.05.2006), а затем и на бумаге — в журнале (Жолковский 2009а), с точечной кастрацией: *о.уела, уй*, а затем в книге (Жолковский 2010) — без купюр.

А в журнальном варианте винюетки «Такт макабр» (Жолковский 2009b), где среди прочего кратко пересказывался мой светский диалог с одной почтенной литературной дамой, ее коронный аргумент сохранил, напротив, лишь первую букву из трех (остальные две были заменены точками); в книжке (Жолковский 2010) я вернул магической триграмме ее целостность:

²¹ Добавлю, что еще до появления в Жолковский 2003 все пять были выложены в онлайн-оме «Русском журнале» (см. Жолковский 2002а, b), со стыдливими звездочками внутри табуированных слов (*х*й, х*йня, х*евина, п*зда, сп*жжжут*).

...внезапно перейдя от продолжительности жизни к другим ее параметрам, она напомнила мне, чем та отличается от хуя, — она жестче. Собрав последние запасы такта, я смолчал. Это было трудно, ибо асимметричный, выражаясь по-современному, ответ — типа, как давно она последний раз замеряла жесткость второго члена сравнения, — уже вертелся у меня на языке...

Последней упомяну историю с опять-таки «чужим» — и на этих страницах появляющимся впервые — корнем *хер-*, непристойным, но не запретным. В виньетке «Зоценко, Чехов и Херасков» речь заходит о рассказе Дениса Драгунского «Херовая фамилия» (см. Драгунский 2017), и это название было без проблем воспроизведено как в журнальном варианте виньетки (Жолковский 2017a), так и в книжном (см. Жолковский 2020b). Видимо, я, как бы это сказать, ни *хера* не смыслю в матерных табу. Забавно, что сама эта виньетка по-эзоповски перифрастична: при обсуждении прозрачных эвфемизмов *трам-тарарам* и *дахусин* их обценные соответствия не приводятся — в расчете на читательское понимание. Всё в рамках.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешковский Юз. *Николай Николаевич. Маскировка*. Ann Arbor: Ardis, 1980.
- Бочаров С. Г. *Поэтика Пушкина: Очерки*. М.: Наука, 1974.
- Драгунский Денис. «Пять очень разных рассказов». *Знамя* 9 (2017): 80–90.
- Жолковский А. К. «Секс в рамках (“Нам, татарам, все равно...”»». *Новое литературное обозрение* 6 (1994a): 15–24.
- Жолковский А. К. *Блуждающие сны и другие работы*. 2-е изд. М.: Наука (Восточная литература), 1994(b).
- Жолковский А. К. «How to show things with words (об иконической реализации тем средствами плана выражения)». А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. *Работы по поэтике выразительности. Инварианты — Тема — Приемы — Текст*. М.: Прогресс; Универс, 1996: 77–92.
- Жолковский А. К. «Из мемуарных заметок». *Неприкосновенный запас* 2 (1998): 79–82.
- Жолковский А. К. «Из мемуарных заметок». *Неприкосновенный запас* 3 (1999a): 77–81; 4 (1999b): 85–89; 5 (1999c): 91–94.
- Жолковский А. К. *Мемуарные виньетки и другие non-fictions*. СПб.; Нижний Новгород: URBI, 2000(a).
- Жолковский А. К. «Из мемуарных виньеток». *Звезда* 3 (2000b): 163–184; 4 (2000c): 190–209.
- Жолковский А. К. «Новые виньетки». *Русский журнал* <http://old.russ.ru/krug/noise/20020517_zholk.html>, 17.05.2002(a).
- Жолковский А. К. «Новые виньетки-4». *Русский журнал* <http://old.russ.ru/krug/noise/20020614_zholk.html>, 14.06.2002(b).
- Жолковский А. К. «Новые виньетки». *Звезда* 1 (2002c): 155–179.
- Жолковский А. К. *Эросипед и другие виньетки*. М.: Водолей, 2003.
- Жолковский А. К. «На фоне мегаформ». *Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского*. Отв. ред. В. А. Виноградов. М.: Языки славянской культуры, 2004: 517–528.
- Жолковский А. К. *НРЗБ. Allegro mafioso*. М.: ОГИ, 2005.
- Жолковский А. К. «Мудак и зануда». *Стенгазета* <<https://stengazeta.net/?p=10001154>>, 08.03.2006(a).
- Жолковский А. К. «Ухо». *Стенгазета*, 04.05.2006(b) (недоступна).
- Жолковский А. К. «Армей, плейнбол, Жало». *Стенгазета* <<https://stengazeta.net/?p=10002614>>, 28.12.2006(c).

- Жолковский А. К. *Звезды и немного нервно. Мемуарные виньетки*. М.: Время, 2008(a).
- Жолковский А. К. «“Пушкинские места” Льва Лосева и их окрестности». *Звезда* 2 (2008b): 215–228. Также в кн.: *Лифшиц / Лосев / Loseff: Сборник памяти Льва Владимировича Лосева*. Под ред. М. Гронаса и Б. Шерра. М.: Новое литературное обозрение, 2017: 242–271.
- Жолковский А. К. «Эффект бабочки: Виньетки». *Новый мир* 2 (2009a): 96–117.
- Жолковский А. К. «Двойная спираль: Виньетки». *Новый мир* 7 (2009b): 95–122.
- Жолковский А. К. *Осторожно, треножник!* М.: Время, 2010.
- Жолковский А. К. *Очные ставки с властителем: Статьи о русской литературе*. М.: РГГУ, 2011(a).
- Жолковский А. К. «Единый принцип и другие виньетки». *Новый мир* 10 (2011b): 99–120.
- Жолковский А. К. «Пицунда-57, далее везде: Виньетки». *Новый мир* 12 (2012): 8–27.
- Жолковский А. К. *Напрасные совершенства и другие виньетки*. М.: АСТ (Редакция Елены Шубиной), 2015.
- Жолковский А. К. *Выбранные места, или Сюжеты разных лет*. М.: Колibri, Азбука-Аттикус, 2016.
- Жолковский А. К. «“Кэзезуппе” и другие виньетки». *Звезда* 8 (2017a): 7–27.
- Жолковский А. К. «Позы, разы, перифразы: Заметки нарратолога». *Звезда* 11 (2017b): 248–260.
- Жолковский А. К. *Русская инфинитивная поэзия XVIII–XX веков: Антология*. М.: Новое литературное обозрение, 2020(a).
- Жолковский А. К. *Все свои: 60 виньеток и 2 рассказа*. М.: Новое литературное обозрение, 2020(b).
- Жолковский А. К. «Скрещенья рук, ног, тропов и других поэтических приемов в “Зимней ночи” Пастернака». *Новый мир* 2 (2020c): 180–194.
- Жолковский А. К. «“Серенада” и другие виньетки». *Звезда* 2 (2021): 8–20.
- Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. *Работы по поэтике выразительности. Инварианты — Тема — Приемы — Текст*. М.: Прогресс; Универс, 1996.
- Пастернак Б. Л. «Вассерманова реакция». Б. Л. Пастернак. *Полное собрание сочинений: В II томах*. Т. 5. М.: Слово/Slovo, 2004: 6–11.
- Пермяков Г. Л. *Пословицы и поговорки народов Востока*. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1979.
- Успенский Б. А. *Поэтика композиции*. М.: Искусство, 1970.
- Якобсон Р. О. «Собака Калин царь». Roman Jakobson. *Selected Writings*. Vol. IV: *Slavic Epic Studies*. The Hague and Paris: Mouton, 1966: 64–81.
- Culler Jonathan. “The Turns of the Metaphor”. Jonathan Culler. *Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1981: 188–209.
- Dällenbach Lucien. “Intertexte et autotexte”. *Poétique* 27 (1976): 282–296.
- O’Toole L. Michael. *Structure, Style and Interpretation in the Russian Short Story*. New Haven: Yale University Press, 1982.
- Riffaterre Michael. *Semiotics of Poetry*. Bloomington: Indiana University Press, 1978.

LITERATURE

- Aleshkovsky Yuz. *Nikolai Nikolaevich. Maskirovka*. Ann Arbor: Ardis, 1980.
- Bocharov S. G. *Poetika Pushkina: Ocherki*. М.: Nauka, 1974.
- Culler Jonathan. “The Turns of the Metaphor”. Jonathan Culler. *Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1981: 188–209.
- Dällenbach Lucien. “Intertexte et autotexte”. *Poétique* 27 (1976): 282–296.
- Dragunsky Denis. “Piat’ ochen’ raznykh rasskazov”. *Znamia* 9 (2017): 80–90.
- Jakobson R. O. “Sobaka Kalin tsar’.” Roman Jakobson. *Selected Writings*. Vol. IV: *Slavic Epic Studies*. The Hague and Paris: Mouton, 1966: 64–81.
- O’Toole L. Michael. *Structure, Style and Interpretation in the Russian Short Story*. New Haven: Yale University Press, 1982.
- Pasternak B. L. “Vassermanova reakttsiia”. B. L. Pasternak. *Polnoe sobranie sochinenii: V II tomakh*. Т. 5. М.: Slovo, 2004: 6–11.

- Permiakov G. L. *Poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka*. M.: Nauka (Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury), 1979.
- Riffaterre Michael. *Semiotics of Poetry*. Bloomington: Indiana University Press, 1978.
- Uspensky B. A. *Poetika kompozitsii*. M.: Iskusstvo, 1970.
- Zholkovsky A. K. "Seks v ramkakh («Nam, tataram, vse ravno...»)». *Novoe literaturnoe obozrenie* 6 (1994a): 15–24.
- Zholkovsky A. K. *Bluzhdaiushchie sny i drugie raboty*. 2-e izd. M.: Nauka (Vostochnaia literatura), 1994(b).
- Zholkovsky A. K. "How to show things with words (ob ikonicheskoi realizatsii tem sredstvami plana vyrazheniia)". A. K. Zholkovsky, Yu. K. Shcheglov. *Raboty po poetike vyrazitel'nosti. Invarianty — Tema — Priemy — Tekst*. M.: Progress; Univers, 1996: 77–92.
- Zholkovsky A. K. "Iz memuarnykh zametok". *Neprikosnovennyi zapas* 2 (1998): 79–82.
- Zholkovsky A. K. "Iz memuarnykh zametok". *Neprikosnovennyi zapas* 3 (1999a): 77–81; 4 (1999b): 85–89; 5 (1999c): 91–94.
- Zholkovsky A. K. *Memuarnye vin'etki i drugie non-fictions*. SPb.; Nizhnii Novgorod: URBI, 2000(a).
- Zholkovsky A. K. "Iz memuarnykh vin'etok". *Zvezda* 3 (2000b): 163–184; 4 (2000c): 190–209.
- Zholkovsky A. K. "Novye vin'etki". *Russkii zhurnal* <http://old.russ.ru/krug/noise/20020517_zholk.html>, 17.05.2002(a).
- Zholkovsky A. K. "Novye vin'etki-4". *Russkii zhurnal* <http://old.russ.ru/krug/noise/20020614_zholk.html>, 14.06.2002(b).
- Zholkovsky A. K. "Novye vin'etki". *Zvezda* 1 (2002c): 155–179.
- Zholkovsky A. K. *Erosiped i drugie vin'etki*. M.: Vodolei, 2003.
- Zholkovsky A. K. "Na fone megaform". *Semiotika. Lingvistika. Poetika: K stoletiiu so dnia rozhdeniia A. A. Reformatskogo*. Otv. red. V. A. Vinogradov. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004: 517–528.
- Zholkovsky A. K. *NRZB. Allegro mafioso*. M.: OGI, 2005.
- Zholkovsky A. K. "Mudak i zanuda". *Stengazeta* <<https://stengazeta.net/?p=10001154>>, 08.03.2006(a).
- Zholkovsky A. K. "Ukho". *Stengazeta*, 04.05.2006(b) (unavailable).
- Zholkovsky A. K. "Armei, pleinbol, Zhalo". *Stengazeta* <<https://stengazeta.net/?p=10002614>>, 28.12.2006(c).
- Zholkovsky A. K. *Zvezdy i nemnogo nervno. Memuarnye vin'etki*. M.: Vremia, 2008(a).
- Zholkovsky A. K. "«Pushkinskie mesta» L'va Loseva i ikh okrestnosti". *Zvezda* 2 (2008b): 215–228. Also in: *Lifshits / Losev / Loseff: Sbornik pamiati L'va Vladimirovicha Loseva*. Pod red. M. Gronasa i B. Scherra. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017: 242–271.
- Zholkovsky A. K. "Effekt babochki: Vin'etki". *Novyi mir* 2 (2009a): 96–117.
- Zholkovsky A. K. "Dvoinaia spiral': Vin'etki". *Novyi mir* 7 (2009b): 95–122.
- Zholkovsky A. K. *Ostorozhno, trenochnik!* M.: Vremia, 2010.
- Zholkovsky A. K. *Ochnye stavki s vlastitelem: Stat'i o russkoi literature*. M.: RGGU, 2011(a).
- Zholkovsky A. K. "Edinyi printsip i drugie vin'etki". *Novyi mir* 10 (2011b): 99–120.
- Zholkovsky A. K. "Pitsunda-57, dalee vezde: Vin'etki". *Novyi mir* 12 (2012): 8–27.
- Zholkovsky A. K. *Naprasnye sovershenstva i drugie vin'etki*. M.: AST (Redaktsiia Eleny Shubinoi), 2015.
- Zholkovsky A. K. *Vybrannye mesta, ili Siazhetny raznykh let*. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2016.
- Zholkovsky A. K. "«Kezezuppe» i drugie vin'etki". *Zvezda* 8 (2017a): 7–27.
- Zholkovsky A. K. "Pozy,razy, perifrazy: Zametki narratologa". *Zvezda* 11 (2017b): 248–260.
- Zholkovsky A. K. *Russkaia infinitivnaia poeziia XVIII–XX vekov: Antologiya*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020(a).
- Zholkovsky A. K. *Vse svoi: 60 vin'etok i 2 rasskaza*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020(b).
- Zholkovsky A. K. "Skreshchen'ia ruk, nog, tropov i drugih poeticheskikh priemov v «Zimnei nochi» Pasternaka". *Novyi mir* 2 (2020c): 180–194.
- Zholkovsky A. K. "«Serenada» i drugie vin'etki". *Zvezda* 2 (2021): 8–20.
- Zholkovsky A. K., Shcheglov Yu. K. *Raboty po poetike vyrazitel'nosti. Invarianty — Tema — Priemy — Tekst*. M.: Progress; Univers, 1996.

Резиме

Рад представља републикацију чланка из 1994. године са коментарима, посвећену детаљној (на ивици пародије) структуралној анализи опscene паремије „Нама, Татарима је свеједно — гузити јебане или јебати прцане“. Неизмењен репродуковани текст допуњен је „Прилогом“, у којем се прецизирају и обрађују неке од тачака изворног чланка, а такође се документује готово тридесетогодишња историја употребе и издавачке цензуре опscene лексике у другим текстовима — вињетама аутора.

Кључне речи: структура, паремија, лексика — Татари, Руси, секс, псовке, опсцени, табу, езоповски, мемоарни, вињета, Жолковски.

Денис Иоффе
Брюссельский университет
Denis.Ioffe@ulb.be

Dennis Ioffe
Université libre de Bruxelles
Denis.Ioffe@ulb.be

К ВОПРОСУ О ПЕРФОРМАТИВНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ РУССКОГО МАТА¹

DEBATING RUSSIAN OBSCENE PERFORMATIVITY AND POLYSEMY: THE CURIOUS CASE OF RUSSIAN MAT

В статье обсуждаются разноплановые случаи противоречивой перформативной многозначности русской obscene табуированной лексики, обычно именуемой «мат». Особое внимание уделяется радикальной карнавальной абсурдности (Бахтин) и прагматической поливалентности обсуждаемых идиоматических высказываний. В статье также уделено внимание различным ракурсам полисемии. Работа предварительно очерчивает контуры будущей теории obscene высказывания в связи с психоаналитической ризомой ее языкового функционирования.

Ключевые слова: теории высказывания, амфиболии, полисемия, прагматика, словесное безумие, полифония, русская obscene идиоматика, психоанализ.

The article focuses on discussing the vibrant multimodality cases of self-contradictory performative utterances of the Russian taboo idiomatic, usually referred to as 'mat'. Particular attention is paid to the carnivalesque Bakhtinian absurdity and pragmatic polyvalence of the discussed idiomatic expressions. Polysemy in its turn stays also in the center of the essay. The paper proposes a preliminary outline of the future theory of obscene utterances in connection with the psychoanalytical rhizome of its linguistic functioning.

Keywords: Russian obscenities, theories of utterance, polysemy, amphiboly, pragmatics, verbal madness, polyphony, Russian idiomatics, schizoanalysis.

1.

Известно, что языковая перформативность — это по преимуществу категория прагматики, а не семантики. «Перформативная многозначность» в нашем понимании — это контекстуальная, ситуативная многозначность,

¹ Автор искренне благодарит Алексея Юдина, Игоря Пильщикова, Михаила Клебанова и Андрея Россомехина за ценные замечания и разнообразную помощь в работе над текстом этой статьи.

какова, например, артикуляция значения матерной формулой в конкретной ситуации той или иной перформативной функции. В этом ракурсе можно рассмотреть связь некоторых контекстуальных значений и перформативных функций, связанных с матерными «словесными ситуациями». Существуют работы по лексической и словообразовательной полисемии, однако наши замечания должны влиться в область исследований полисемии *контекстуальной*, ситуативной, а также связанной с перформативной функцией экспрессивного проклятия или присяги — или подобных этому смыслов, возникающих в русской матерной идиоматике.

Как нам представляется, многозначность русского мата связана с комплексными вопросами полисемии, с рассмотрением интересных и уже плодотворно изучавшихся феноменов, когда *лингвистическая многовариантность* (семантики) предполагает наличие у слова как гнездово-словарной единицы языка² двух и более фиксированно-идиоматических значений, так или иначе исторически обусловленных или частично взаимосвязанных по своему смысло-происхождению. Полисемия в языке может также связываться с феноменом комплексной системы, существующей в художественной литературе и известной как сложносочлененная «полифония». Эта проблема была впервые полномасштабно обозначена М. М. Бахтиным на примере многих (и в чем-то *многозначных*) «голосов» речи³ у Достоевского, в значительной степени экземплифицировавшего этот процесс в русской и мировой литературе и культуре⁴.

Мы рассмотрим некоторые наиболее характерные примеры русской обценной экспрессивной лексики, связанные с комплексом проблем полисемии. Напомним кратко, о чем здесь может идти речь. Лексическая многозначность выступает как вариабильная способность того или иного слова служить для обозначения принципиально разных предметов и явлений видимой действительности⁵, ассоциативно перекликающихся между собой и образующих сложное семантическое диффузионное пространственное

² Есть гнездовое слово в словаре; соответственно, имеются гнездовой толковый или словообразовательный словари. Можно считать, что язык тоже устроен не только по принципам парадигматики и синтагматики, но также и по родственно-гнездовому принципу, актуализирующему деривационные и иные взаимоотношения между однокоренными словами.

³ Концепция Бахтина заключается в том, что у Достоевского по сути уравниваются голоса персонажей с авторским, который тоже становится одним из голосов в романе. Позиция говорящего речетворца-персонажа становится де факто независимой от позиции автора. При этом формально Бахтин говорит не об уровнях и аспектах языка, но скорее об уровнях порождаемых речевых жестов и смыслов.

⁴ При этом, согласно Бахтину, полифония — это не только своего рода речевой креативный процесс, но и также «структурная константа» определенного типа художественной прозы.

⁵ Упомянем еще, что полисемия чаще касается сферы стиля (*стили языка*) и стратификации социолектов (*крестьянская хата, на хате у кореша, пресс-хата...; закопал клад, я тебя закопаю!*) — или различия между конкретным и абстрактным, метафорически названным именно потому, что не поддается эмпирическому наблюдению и прямому называнию (*засеянное поле, электромагнитное поле, лексико-семантическое поле, поле новых идей*, и т. д.).

единство⁶. Лингвистическая полисемия представляется нам классическим диалектическим явлением присвоения и уточнения логоцентрических смыслов⁷, где никогда нельзя говорить о конечности значения⁸ или узуса, который всегда есть совокупность ситуаций использования языкового знака, реальное функционирование которого как бы противопоставлено парадигматической дескриптивной или прескриптивной «норме». Эта совокупность ситуаций по определению открыта и бесконечна, потому разговор у нас идет лишь о перманентном становлении, усложнении и синтетическом перерождении первичного ядра⁹ того или иного (в греческом смысле видимого как λόγος) Verbum.

Речь также идет о способности всякой лексической единицы приобретать более чем одно значение, притом что все возможные значения одного слова фактически сотворяют его семантическую смысловую структуру-улей¹⁰. Используя полисемию многозначности для *называния* нового понятия, язык приходит таким образом не к утверждению *совершенно нового слова*, но скорее к радикальному насыщению и расширению семантической структуры того или иного *уже существующего*. В силу изначальной лингво-экономии средств и в силу интенции обобщения происходит видоизменение семантической структуры слов, проявления в ней новых смыслов, тесно связанных с принципом «смыслового обобщения» как универсальным семио-способом передачи многопланового значения и его интуитивных производных. Прагматика полисемии оказывается, таким образом, следствием ее непосредственной узусной практики, а дальнейшая фиксация смыслов уже механически следует за ними¹¹.

Тема полисемии и многозначности напрямую увязывается с вопросами риторических техник амфиболии. Августин в своем знаменитом трактате «О Христианском учении» говорит (кн. 2, гл. XXIV):

⁶ См. Cuyckens 1997: 35–54; Kleiber 1999; Borowsky, Masson 1996: 63–85; Verspoor, Lowies 2003: 547–586; Jastrzembski 1981: 278–305.

⁷ Речь идет и о языковой концептуализации реальности, которая утверждается и усваивается вместе с усвоением всякого языка.

⁸ Напомним, что *значение* никогда не бывает окаменевшим и бесповоротно-окончательным, оно де факто постоянно изменяется во времени, но в данный момент, здесь и сейчас, в синхронном срезе системы и ее сиюминутном использовании оно бывает определенным и окончательным, потому что иначе не произойдет коммуникации.

⁹ Мы не будем здесь задаваться сложным вопросом о том, существует ли вообще «первичное ядро» слова. Вместе с тем почти всегда имеется мотивационная база при морфологической или семантической деривации (в синхронии) и также имеется этимон (с его «базовым» значением) в диахронии. Все это довольно произвольно принятые нами «точки отсчета», которые сами есть результаты исторического развития формы и значения, переосмысления, деривации. Язык системно ригиден в синхронии, чтобы гарантировать успешность коммуникации, и бесконечно текуч и изменчив в диахронии. Все «первичные ядра» так или иначе условны, как и «внутренняя форма слова», которой на русском материале плодотворно занимались А. А. Потебня и Г. Г. Шпет.

¹⁰ См. Tsunoda 1994: 4670–4677; Gibbs, Matlock 2001: 213–239; Nunberg 1995: 109–132; Klepousniotou 2007: 1–24; Rodd 2002: 245–266.

¹¹ См., в частности: Ravin, Leacock 2000; Hino, Pexman, Lupker 2006: 247–273; Klein, Murphy 2001: 259–282.

...к слову сказать, крестообразная форма буквы X, например, у греков значит одно, а у латинян — другое не по природе, но для выражения значения по предписанию и уговору <...>. И «бета» при одном и том же звучании у греков — название буквы, а у латинян — огородной зелени; и когда я произношу двусложное Lege, то грек понимает одно, а латинянин иное. [Но] все эти значения <...> [потому действуют], что люди согласились на них. Так же и знаки, с помощью которых устанавливается опасная связь с демонами, имеют вес в зависимости от благочестия каждого [человека]. (Августин 2001: 85)

«Амфиболия — это двусмысленность, возникающая от многозначности» (Гаспаров 2001: 30). Известно, что амфиболия призвана констатировать более или менее сознательную двусмысленность, возникающую из многозначности одного слова или сочетания слов. Сам термин происходит от греческого ἀμφιβολία: «двусмысленность — неясность выражения, возникающая в результате ряда причин стилистического порядка» (Квятковский 1966: 26). Амфиболичность, по нашему мнению, является одним из главных языковых прагматических свойств русского стёба, являющегося в свою очередь одним из частных случаев функционирования русской экспрессивной фразеологии, в том числе русского мата. Амфиболия нередка в русской поэзии. Ее причиной может явиться «структурная неясность в построении предложения, чаще всего двусмысленность, когда существительное в именительном падеже трудно отличимое от прямого дополнения в винительном падеже, т. е., проще говоря, неизвестно — “кто кого”», например: «Брега Арагвы и Куры/ Узрели русские шатры» (А. С. Пушкин) или: «В Сенеке строгий стоицизм/ Давно разрушил организм!» (А. Н. Майков), и т. п. (Квятковский 1966: 26).

О связи иронического и амфиболического дискурсов (текстуальной двусмысленности) написано немало (ср. Иоффе 2006: 123–124). Ирония, в силу своей суггестивной семиотичности, как бы демонстрирует болезненное несовпадение между видимым в реальности знаком и его обобщенно-идеальным значением, т. е. между планом идей и миром их актуального воплощения¹². Об этом ведет речь Кьеркегор в трактате о сократической иронии — «О понятии иронии с постоянным обращением к Сократу», опубликованном в 1841 году (ср. Иоффе 2006: 133–134). Ирония, думается, по своей природе есть некая особая ноуменальная субстанция особого дискурсивного рода. Она служит одним из способов *называть вещи условно-противоположными именами*. В узком смысле ирония — это *антифразис* (греч. ἀντίφρασις), т. е. намеренное употребление слов в смысле, противоположном их общепринятому словарному значению.

¹² В отличие от иронии, ее смысло-риторический кузен *сарказм* (образованный от глагола *σαρκάζω* «рвать плоть», в переносном значении — «прикусывать губу») принципиально более язвительен и ядовит, радикально увеличивая собственно сам градус наступательной иронии и результирующую степень контраста планов подразумеваемого и выражаемого. Сарказму свойственно также брутальное семиотическое обнажение непосредственно «подразумеваемого», которое в меньшей степени прикрывается туманностью тропов. В этом процессе момент негодования и даже ненависти оказывается более открыт и менее двусмыслен чем в *иронии per se*.

В более широком смысле греческий термин *ирония* (εἰρωνεία) обозначает, как известно, «насмешливое притворство», и обычно представляет собой некое высказывание, в котором утверждаемое противоположно по смыслу тому, что непосредственно произносится. Особый подвид чисто русской автохтонной иронии известен как «стёб», разговор о котором следовало бы вести отдельно. В понимании А. Ф. Лосева, ирония — это «когда я, желая сказать “нет”, говорю “да”», но при этом и «не скрываю своего “нет”»¹³. Слово «ирония» в античности связывали с базовым греческим глаголом εἶρω — ‘говорить’ (см. Лосев 1966: 55–57; Elleström 2002: 37), хотя у этой этимологии есть свои трудности (Chantraine 1968: 326). Лосев указывал также на то, что глагол εἶρω использовался, в том числе, для обозначения обряда заговора, а это, в свою очередь, могло привести к пониманию εἶρων — *ироника* как человека, сознательно и с умыслом вводящего в заблуждение других. У высоко ценимого Лосевым Платона ирония приобретает позитивное измерение, как бы исподволь служа опровержению *ложного знания и ложного пафоса*. Важно, что у Сократа ирония принципиально проистекает от своеобразно понимаемой *маевтической любви*¹⁴ к мудрости и ставит под сомнение всякую — и чужую, и собственную уверенность в обладании окончательной интерпретационной истиной. Напомним о словах самого Сократа, дошедших до нас через посредство внимавшего ему Платона, и цитируемых в латинских перифразах «scio me nihil scire» или «scio me nescire» («я знаю, что ничего не знаю»). Отзвук этого иронического афоризма мы далее находим у апостола Павла в Первом Послании к Коринфянам (8:2): «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать». О сократическом специфическом юморе в сравнении с христианской парадоксальной мыслью в этой связи проникновенно писал в свое время Владимир Соловьев (Соловьев 2017: 596).

Русский мат предоставляет поистине бескрайнее языковое поле для изучения гротескной полисемии, сложных двусмысленностей и разного рода абсурдной иронии в самых клинических ее вариантах. Ирония как бы всегда незримо сопутствует узусной жизни того или иного экспрессивно-идиоматического русского выражения, придавая русскому мату особые и неповторимые черты. Примечательной чертой русского мата является как раз его невероятная многозначность, радикальная полисемия. Процесс ее развития начинается с двусмысленностей, заложенных во многих об-

¹³ Ср.: «...ирония возникает тогда, когда я, желая сказать “нет”, говорю “да”, и в то же время это “да” я говорю исключительно для выражения и выявления моего искреннего “нет”. Представим себе, что тут есть только первое: я говорю “да”, а на самом деле думаю про себя “нет”. Естественно, это будет только обманом, ложью. Сущность же иронии заключается в том, что я, говоря “да”, не скрываю своего “нет”, а именно выявляю его. Мое “нет” не остается самостоятельным фактом, но оно зависит от выраженного “да”, нуждается в нем, утверждает себя в нем и без него не имеет никакого значения» (Лосев, Шестаков 1965: 326–327; ср. Лосев 1966: 79).

¹⁴ Прилагательное *μαευτικός*, которым у Платона описывается сократическое искусство, отсылает к повитухе, осторожно выпестовывающей телос мысли.

ценных словах и выражениях. Первоначальная «лексико-тематическая группировка» русской бранной лексики была предложена в ценной работе В. М. Мокиенко (1994). С тех пор появилось немало новых и уточняющих этот вопрос лингвокультурологических штудий¹⁵.

2.

Относительно простым и ясным примером пути семантического «одвусмысливания» является (просторечно-)частотное русское слово *блядь*. Древнерусский и церковнославянский глагол **бласти** (1 л. ед. ч. **бладж**, 3 л. ед. ч. **бладеть**), связанный с концептами «ошибки, заблуждения и лжи», имел значения ‘заблуждаться’, ‘пустословить’ (как ни соблазнительно было бы предположить обратное, но всем известное международное присловье «*blah-blah-blah*» связано с ним лишь паронимически)¹⁶, а также ‘лгать’, и ‘развратничать’¹⁷. Соответственно, у производного от него существительного **бладь**, имевшего значения ‘заблуждение’, ‘пустословие’ и ‘ложь’, параллельно развивалось значение ‘развратница’ (ЭССЯ 1975, 2: 114–115). «Выявленные значения слова “блядь” в языке русского средневековья» проанализировал А. Юрганов: «это сложная контаминация, структурные компоненты которой — “ложь” [блуд и ошибка — *Д. И.*], “ересь”, “распутная женщина”» (Юрганов 2000: 195–196). «Блядь» как языковой концепт, таким образом, началась как референция «лживой ошибки», но далее трансформировалась в развратницу, а затем и попросту в экспрессивное идиоматическое междометие *бля*.

Протопоп Аввакум в своем послании царевне Ирине Михайловне Романовой (1666–1667) говорит о никонианстве: «Преудобренная Невесто Христова, не лучши ли со Христом помиритца и взыскать старая вера, еже дед и отец твои держали, а новую блядь в гной спрятать» (Малышев 1958:

¹⁵ В. И. Жельвис обособляет 27 самостоятельных функций обценно-экспрессивной лексики (вне структурно-значимого разделения на первичные, вторичные или «дополнительные» функции); см. Жельвис 2001: 121 (ср. также Левин 1986). Ситуативная функциональность матерных выражений последовательно фиксируется в словаре А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (Буй 2005). Об обценном аспекте русской топонимии (где присутствует реальная российская деревня *Елда* (Угличский уезд) или местечко *Залупинцы* (Вяземский уезд), где существует деревенька *Поиблица*, местечко *Поиблой починок*, и где текут небольшие речки *Блядейка*, *Еботенка*, *Мудовка*, *Наебуха* и *Пиздюрка*) см., в частности, Назаров 1999.

¹⁶ «Idle, meaningless talk, probably imitative or echoic in origin» (Grillo 1989: 174). Как отмечает британская Би-би-си со ссылкой на *OED*: «The Oxford English Dictionary credits the first documented use of ‘blah’ to American journalist Howard Vincent O’Brien, in his 1918 memoir *Wine, Women & War* — “[He] pulled old blah about ‘service’...” Then three years later, the US magazine *Collier’s*: The National Weekly used a double blah — “Then a special announcer begin a long debate with himself which was mostly blah blah”» (Who, What, Why: When did we start saying ‘blah, blah, blah’? *BBC.com*, 07.05.2014. <http://www.bbc.com/news/blogs-magazine-monitor-27300184>).

¹⁷ Праславянский корень восходит к и.-е. **b^hlend^h*- (базовое значение — «смешивать»); для сравнения: потомки этого корня в современном английском — *blend* («смешивать; смесь») и *blind* («слепой»). См. Kroonen 2013: s. v.

417). В «Слове о рогатом клобуке» Аввакум сообщал городу и миру: «Я еще даст Бог прежд суда тово Христова взявше Никона разобью ему рыло. Блядин сын, собака, смутил нашу землю. Да и глаз те ему выколупаю, да и толкну ево взашей» (Мальшев 1958: 420). И было за что: «Яко блудница, так и римляне и греки с никонияны, Василия Великаго предание — клобук с себя скинув и здели рогатой: лице все свободно стало, расчесав власы не мешает за бляднями ходить, целоватцо» (Там же). В пятой челобитной царю Алексею Михайловичу (1669 года) Аввакум пишет: «Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы во Церковь, якож блядословят о нас никонияня, нарицают раскольниками и еретиками <...>?» (Аввакум 1960: 196). «Богородицу согнали со престола никонияне-еретики, воры, блядины дети», сетует протопоп в толкованиях на псалмы (Аввакум 1960: 152).

В Акафисте Богородице поется (Кондак 6, «Проповедницы Богоноснии быша волсви...»): «...оставиша Ирода яко блядива». По указанию митрополита московского Филарета в письме к обер-прокурору Священного Синода графу А. П. Толстому от 17 марта 1860 г. прилагательное «блядива» было заменено на «буесловяща» (Попов 1903: 92–93; Живов 1996: 508). «Слово сіе имѣеть нынѣ новое позорное значеніе», — аргументировал свое решение Филарет (Там же: 93; Филарет 1886: 510). Ср. преломление самой знаменитой анафемы начала XX столетия в стѣбной стилизации А. И. Куприна («Анафема», 1913): «Протодіаконство твое да благословить Господь Богъ нашъ, анаѣемствовати богохульника и отступника отъ вѣры Христовой, блядословно отвергающаго святяга тайны Господни боярина Льва Толстого. Во имя Отца, и Его Сына, и Святаго Духа» (Куприн 1920: 156).

Древние еврейско-христианские источники убеждают в том, что стремление избежать паразитических обценных ассоциаций, коим был подвигнут митрополит Филарет, возникало в истории христианства не раз. Даже Апостол Павел сменил свое изначальное имя, чтобы избавиться от ненужных профанных смыслов. При чтении «Деяний Апостолов» становится понятно, почему Савл (Шауль Тарсийский)¹⁸ отказался от своего природного еврейского семейного имени и приобрел римский номен «Павел». Как указывает Тимоти Дж. Лири, «слово σαῦλος, несмотря на свое еврейское происхождение, имело также общеизвестное в эллинистическом мире греческое узусное значение, мимо которого обычно проходят все комментаторы: слово это использовалось для описания расхлябанной и развратной походки проституток <...>. Верховный посланец Единственной Правильной Веры к грекам, он вряд ли мог рассчитывать на успешную религиозную миссию, нося имя “имеющий задницу блудницы”»¹⁹. Таким образом, отход

¹⁸ Апостол Павел (изначально Шауль; ивритское слово שׂוּלָם означает «взятый напрокат», но также «выпрошенный, вымоленный») — Саул из Тарса (Киликия), Савл Тарсянин, сформулировавший важнейшие канонические установки Церкви по вопросам сексуальности и телесности.

¹⁹ «...the word σαῦλος, despite its Hebrew origins, has also a Greek application well recognized in the Hellenistic world, albeit generally ignored by commentators, being used to describe

от имени «Савл» становится яснее: русским эквивалентом греческого «Савл» было бы что-то вроде «Блядожоп» — имя, ни в коей мере не подходящее для Отца Церкви и духовного подвижника.

Процесс смешения блядства как ереси-ошибки-заблуждения и телесного разврата происходил уже в самом начале бытования (древне)русского литературного языка. Так, один из основоположников юродиво-церковного стёба, уроженец Переяславля XII века, пришедший из Орды «с мешком зелия» и далее безжалостно сосланный баснословным основателем Москвы Юрием Долгоруким на Архангельское озеро Лача, Даниил Заточник²⁰ указывал: «Девица погубляет красу свою бляднею, а мужество татьбою [т. е. кражей]» (цит. по Романов 1966: 20). Голозадая блядь-развратница осмыслялась как забывшая или оставившая путь Истины, путь правильной божественной жизни, по сути, как и «блядословы-еретики».

Феликс Дрейзин и Томас Пристли в своей замечательной первопродходческой статье говорят о русском мате как о невероятно богатой (exceptionally rich) лингвистической функциональной системе особого рода (Dreizin, Priestly 1982: 233). Они же говорят об особой грамматике русского мата, а также, добавим мы, результирующей семантики и прагматики. Особая структура матерного прагма-узуса порождает своеобразную эстетику мата, связанную с привлечением нового способа понимания окружающей реальности²¹. Авторы создали крайне релевантную и по сей день таблицу основных опорных пунктов матерного узуса, служащую хорошим примером также и грамматически обусловленной полисемии.

Изучение вопросов исторической семантики и происхождения русского мата было в свое время положено Б. А. Успенским в классической работе «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии», тезисы которой были опубликованы в Москве в знаменитом сборнике *Структура текста — 81* (1981); в полном виде она появилась позднее в *Studia Slavica Hungarica*²². Успенский оправданно предлагал осмыслять феномен русского мата в аспекте *анти-поведения*, обуславливающего радикальное нарушение различных культурных запретов. Он также раскрыл соотнесенность

the loose and wanton gait of prostitutes. <...> [A]s chief emissary to the Greeks of the One True Faith, he could not hope for a successful ministry if he sported a name like 'slut-arsed'» (Leary 1992: 467). Отметим, что судя по всему апостол имел два разных имени: он не оставлял своего еврейского имени Савл (Шауль), но как римский гражданин имел при формальной записи рождения и латинское имя — это имя и было Павел: «Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святаго...» (Деяния 13:9). См. также важную работу гарвардского исследователя: Hagger 1940.

²⁰ Само примечательное слово «Заточник», возможно, было «особо заточенным» криминально-смысловым прозвищем, которое в теории могло означать наказанного — заключенного, сосланного в глухомань человека. Данилово «заточение» на Лаче-озере оказывается здесь релевантным, как и вся биография его как писателя и человека «заложившегося», т. е. по сути согласившегося на некую подневольную работу в качестве залога своей жизни.

²¹ См.: «...generates in mat an aesthetic function: namely, the 'acquisition of reality'» (Dreizin, Priestly 1982: 234).

²² Цитируем здесь по более доступной отечественной перепечатке Успенский 1994.

мата с языческим культом. В частности, некоторых славянских языках глагол, восходящий к праславянскому **jěbati*, «может выступать в значении ‘проклинать’», в чем исследователь усматривает «следы ритуального употребления матерщины» (Успенский 1994: 64; см. также Рождественский 1902). Согласно изысканиям Успенского, по своему первоначальному смыслу и предназначению матерная брань была не оскорблением, а заклятием и проклятием²³. Реконструируя субъект и уточняя объект главного матерного выражения «...*ёб твою мать*», исследователь приходит к выводу, что в основе его лежит образ осквернения матери-земли нечестивым псом, которая, в свою очередь, представляет собой травестию мифологического брака неба и земли (Успенский 1994: 86 и далее). Пес-осквернитель (экс-трикстер) продолжает жить в славянских идиомах — таких, как русское *сукин сын* или польское *psia krew* (собачья кровь, собачье отродье)²⁴.

Пес воспринимается как существо телесно нечистое и в пределе как средоточие inferнальных нечистот²⁵. В мусульманской традиции собак запрещено держать в человеческом жилище. Если в православный храм забегает собака, его, по правилам, полагается переосвятить как оскверненный. Примерно так же описывается четвероногий друг и в христианских мифологемах, где следует обратить особое внимание на блок сюжетов о псыглавцах как диких обитателях запредельных стран; киноцефалом представляли святого Христофора и соответственно изображали его на иконах²⁶. Пес репрезентирует бездуховное дикое язычество или иноверие, он может дать поведенческий ход любому неприемлемому с точки зрения канонической церковной жизни «непотребству». Отсюда возникает и идиоматика непотребной, запретной и двусмысленной «ебли по-собачьи», которая ретуширует грань между скотским и человеческим. Во многих христианских культурах (от средневековья до современности) регламентирован запрет на соответствующую позу. Первоначально она интерпретируется как языческая, а затем стигматизируемая как неестественная, свойственная не людям, а животным, и противопоставляется разрешенной для санкционированного секса «миссионерской позе».

²³ Отметим, что сам глагол в его буквальном значении с самого начала своего исторического узуса значил то же, что значит в русском и сейчас. Родственный ему глагол в том же значении и мало отличающийся по форме был уже в ведическом санскрите (*yábhati*).

²⁴ Вся эта ситуация по сути означает ритуальную формулу унижения, где метафорический пес олицетворяет говорящего человека: *я ёб твою мать*, т. е. я по факту твой Господин и Отец (или точнее — «я из поколения твоих отцов», тех, перед кем ты должен склониться), так что «молчи и повинуйся». Сексуальные коннотативные знаки всегда служили орудием brutального подчинения у приматов (например, у павианов). Как указывают исследователи, еще в древнеиндийском законодательном тексте «Архисастра» среди примеров наказуемых оскорблений присутствует дословно «я взойду на твою мать» — точный эквивалент русского выражения. (Сообщено в устной беседе Алексеем Юдиным и Леоном Куликовым). Поскольку собаки весьма похотливы, то именно они в народном сознании репрезентируются как фигуративные знаки «грязного секса-унижения».

²⁵ О чистых и нечистых животных см. фундаментальное исследование: Гура 1997. О собаках в русской литературной культуре см. нашу обзорную статью Ioffe 2016.

²⁶ Об отражении этих мотивов в авангардном русском искусстве см. Иоффе 2016.

Сам по себе концепт глагола *ебаться* и его экспрессивно-фразеологические производные выступают как ценный пример абсурдной многозначности всей корневой матерной системы русского языка. Глагол *ебать(ся)* и производное от него существительное *ебля* означают процесс коитуса. Однако слово *ёбнуть* в современном языке уже означает ‘больно ударить’. Пассивное причастие *ёбнутый* — буквально ‘ударенный’, pendant вульгарно-разговорному «чокнутый», содержит в семантическом анамнезе представление о человеке, активно кем-то «трахнутом»²⁷. Рефлексивная форма того же глагола (*ёбнуться*) может отсылать к целому ряду понятий. Сразу вспоминается характерный пассаж из Сергея Довлатова, передающий в литературном тексте разговорный эпизод, которому он был свидетелем:

Прислали к нам сержанта из Москвы. Весьма интеллигентного юношу, сына писателя. Желая показаться завзятым вохровцем, он без конца матерился. Раз он прикрикнул на какого-то зека:

— Ты что, ебнулся?! (Именно так поставив ударение).

Зек реагировал основательно:

— Гражданин сержант, вы не правы. Можно сказать — ёбнулся, ебанулся и наебнулся. А ебнулся — такого слова в русском литературном языке, уж извините, нет...

Сержант получил урок русского языка. (Довлатов 1999: 87).

Один и тот же корень реализуется во множестве лексем (самых разнообразных, но не любых: есть правильные и неправильные), которые приобретают множество значений (самых разнообразных, но не любых: есть употребительные и не употребляющиеся). Мат многозначен, но ситуативно полностью понятен. В этой связи на ум приходит давнишний «русско-матросский» каламбурный вопрос о том можно ли произнести на русском языке целую фразу, в которой все слова были бы с одним корнем? Да, можно. Что сказал русский боцман, когда увидел, что его баржу слишком перегрузили? — Он сказал дословно: «*Нахуя дохуя нахуярили? Расхуяривай нахуй!*». Эта фраза, эксплицирующая и экземплифицирующая многозначность русской экспрессивной идиоматики, могла бы стать эпиграфом к нашей статье²⁸.

Персонаж из довлатовского армейского фольклора не включил в дериивационный ряд специфичный глагол, образованный от стандартной формы *выебать* (‘вступить в активную половую связь’) — «*выебнуться*», означа-

²⁷ Существует, по по-видимому, общеевропейская семантическая модель обозначения ненормального, сумасшедшего как «ударенного». *Pété* во французском языке, *stuknęty* — в польском, *чокнутый* (собственно, ‘ударенный’, см. ЭССЯ 1977, 4: 141) и *прибитый* — в русском. Отметим также, что *péter* означает и ‘стучать’, и ‘пукать’, а в польском *pukać* означает ‘стучать’. Возникает метафорическая ассоциативная связь стучания и пукания (сходство по звуку) и стучания и ебли (сходство по характеру движения). При этом общепольский «пёрун» и славянский верховный бог грома Перун и полуобцененный русский глагол пердения-пердежа находятся уже в более «полисемантических» отношениях.

²⁸ Ср. в песне С. Шнурова «Машина» (2014): «Нахуя хуярим? — / Нихуя не ясно, / Охуевшим харям, / Дохуя опасным...». Разбор композиции см. в статье Россомахин, Замятина 2020.

ющий успешную (или не очень) попытку выделиться или прославиться²⁹. От этого же глагола образовано и важное стёбное существительное *выебон*³⁰. Родствен ему издевательский «*наебоз*» или «*наебон*» как особый вид обмана или опять же брутального стёба; оба существительных образованы от глагола *наебать* ('обмануть, провести')³¹.

Семантические вариации главного «футуерального» глагола этим не исчерпываются. Так, *подъебнуть* означает 'иронически уколоть'³², а *наебениться* — 'напиться' (ср. *напиться в зюю, в доску, в свинью, в жопу, в сраку*), т. е., выражаясь нематерно, «*нажраться*» или «*надраться*». *Драть* как эвфемизм к *ебать* позволяет выстроить ряд последовательной дисфемизации: *напиться* → *нажраться* → *надраться* → *наебениться*.

С глаголом *ебаться* и отглагольным существительным *ебля* связано и суффиксальное производное *еблище*, образованное грамматико-звуковым обманчивым способом по образцу существительных с суффиксом *-ищ-*, означающем, при добавлении к основе глагола, 'место, характеризующееся действием, которое названо мотивирующим глаголом' (собственно, *вместилище*, а также *токовище, толковище, бензинохранилище, седалище* и т. д.), а при добавлении к основе существительного — либо 'место, где находился или находится предмет, названный мотивирующим существительным' (*городище, пепелище, узилище, туловище*), либо 'предмет, обладающий некоторым свойством в превосходной степени (*арбузище, болотище, человечище, умище* и др.). При этом словом *еблище* обозначается женская вагина — *влагалище*, т. е. место, в которое можно *влагать* ('вставлять') уд; однако суффикс *-ищ-* одновременно намекает на якобы огромную величину описываемого предмета³³. Другим отглагольным существительным из того же гнезда, является *ебало*, которое означает не только 'рот' (паронимически, *хлебать // хлебало* → *ебать // ебало*), но и (метонимически) человеческое 'лицо' в целом (синекдоха: *pars pro toto*). Однако *начистить ебало* не означает *'помыть рот или лицо', но сообщает о брутальном «набитии морды лица» (ср. также *въебать / уебать* 'ударить').

Чем отличаются друг от друга следующие крайне двусмысленные слова-термины: *еблан, уебан, ебанат и ебанько*? Между ними имеется семан-

²⁹ Эти слова производятся по аналогии изменением нематерных экспрессивных форм типа *выпендриться / выпендриваться, выкаблучиваться, выделяваться*. Имеются словообразовательные модели с устойчивым грамматическим значением, и корневые вакансии в них заполняются матерными корнями; можно выстраивать параллельные списки таких выражений. Вышеприведенная фраза боцмана именно потому кристально ясна, что понятны приставочно-суффиксальные модели в ней.

³⁰ Ср. *Выпендрож* от *выпендриваться, выделявание* от *выделяваться*.

³¹ Ср. с разговорными *наколоть, надурить*. У глагола *обмануть* есть матерный эквивалент *объебать* (стой же приставкой *об-*). Мат выступает как словообразовательное зеркало обычной экспрессивной речи, что представляет из себя хороший сюжет для возможной «чисто-лингвистической» будущей более объемной работы.

³² Ср. *подколоть* ('подшутить над кем-л.').

³³ В этой словообразовательной модели суффикс может означать нечто большое и при этом негативно воспринимаемое или страшное: *чудовище, домище*. Ср. также слово *уёбище*, в котором уже нет семантики «величины», но имеется резко негативная коннотация.

тическая нюансировка границы; так, в частности, *еблан* означает просто глупого и неудачливого человека. Поэтому, скажем, псевдоним российского поп-певца Димы Билана (урожденного *Беланом*), рифмующийся с *ебланом* (а также с *бедламом*) трудно считать столь уж удачным. В это же время укажем, что «*уебан*»³⁴ — это просто лузер, родственный «*мудаку*»³⁵. *Ебанат*, как и его близкий семантический родич *ебанько*, выступает психически неадекватным или даже клинически нездоровым персонажем. Не совсем понятно, как в этом гнезде завелся императив «*ебанись!*», который является призывом не к тому, чтобы что-либо *сделать*, но как раз наоборот — остановиться и *не делать*³⁶.

Многосерийное и многослойное полисемическое создание матерных слов с помощью префиксации и суффиксации описано в статье Дрейзина и Пристли:

The concatenation of a basic *mat* verb with any of the listed prefixes [do-, is-/iz-/izo-, na-, nad-/nado-, nedo-, o-/ob-/obo-, ot-/oto-, pere-, pri-, pro-, po-, pod-/podo-, ras-/raz-, s-/so-, u-, v-/vo-, vy-, vs-/vz-, za-] produces a verbal form that can be used in a given relevant context <...>:

doebát', doebát'sja, dopízdit', dopízdit'sja, doxujnúť', doxujáci', doxujáciť'sja, iz''ebát', iz''ebát'sja, ispízdit', isxujnúť'sj', izobzdét'sja', nabzdét'sja', naebát'sja', naebnúť'sja', napízdykivat', naxujákát'sja', naxujnúť'sja', naxeráčivat'sja, naebát', nadobzdét'sja, nedoebát', nedoebát'sja, nedoperdét', nedoxujáciť', v''ebát', v''ebát'sja, vpízdit'sja, vpízdit', vxujáciť', vxujárivat'sja, vpízživat'sja, vozbdzét', vpízdykivat', vxujáknuť'sja', vxujnúť'sja, výbzdet', výebnut'sja, zaebát', zaebát'sja, zahujáciť', zahujáciť'sja, zapízdyčíť', zaebistósít', ... (Dreizin, Priestly 1982: 238, с исправлением печаток)

Матерные слова в тех или иных своих формах образуются «по цепи» значений своих различных ядер-этимонов. При этом неясно, как семантически соотносится слово *хуйня*, означающее ‘чушь, бессмыслицу, ахинею’, с вроде бы параллельным ему образованием *низдец*³⁷, означающим ‘полную

³⁴ Ср. также *уёбок*, *уебище* — более ранние образования, чем *уебан*. Сам же *уебан* обрел культурную значимость одноименного «индийского» трансгрессивного клипа Сергея Шнурова (2014): «...У него очки Ray-Ban / и штаны за-у-же-ны, / Он — за-ба-вный уе-бан, / в голо-ву конту-же-нный...». См. <https://www.youtube.com/watch?v=jUZ00zpHhOA>

³⁵ Этимология частотнейшего русского многозначного слова *мудак* до сих пор неясна вполне, о его происхождении см. с. 721–723 наст. изд. «*Мудак*» — хоть и недалек, и отчасти глуп (ср. салтыковский «органчик»), — может иметь начальственную силу и крайне высоко располагаться в людской иерархии. (По иронии межъязыковой игры, в современном иврите слово «мудак» с твердым конечным «к/г» означает ‘человека, крайне встревоженного своей непростой судьбой’). Вместе с тем *уёбок* — это низшая человеческая каста, это, по сути, «*неприкасаемый*», разновидность тюремного «*пентуха*» (возможно, с аналогичной мотивировкой снижения социальной роли).

³⁶ Ср. императивно-оценочное суждение-восклицание «*заебись!*», в реальной семантике которого никакого следа императивности не осталось.

³⁷ Эти слова, образуя четкую дуалистическую семантическую пару, при этом не являются противоположными по смыслу. То же относится и к рядам их эвфемизмов: *херня*, *хреновина*, *хреновень*... vs. *писец/песец*, *капец*, *звездец*, *пипец*. Слова, образованные по распространенным деривационным моделям путем подстановки матерного корня, сами потом становятся структурно-семантическими моделями для образования дальнейших эвфемиз-

всеобщую катастрофу' и неминуемый *конец*, по отношению к которому оно является паронимическим дисфемизмом³⁸. «Пиздец» (со своими слабо-маскировочными эвфемизмами «звездец», «тупец» и «трындец»)³⁹ выступает как нечто предельно многозначное, не поддающееся никакому логоцентрическому описанию или сравнению, из ряда вон выходящее, невероятное, исключительное по силе или степени гротескного проявления (ср. Левин 1986: 72). Примечателен дуально-амбивалентный характер «русского пиздеца» — это оценочная характеристика чего-либо как чего-то невероятно примечательного, превосходного, прекрасного («это просто пиздец как заботельски»), но также и чего-то очень плохого, тяжелого, непреодолимого («ну всё, пиздец тебе, уёбок»). При этом слово это также используется и для выражения *крайнего, предельного удивления* («смотри, какая жопа! пиздец!»).

«Пиздец» является очевидным дериватом *пизды*. В этом отношении очень любопытна возможная этимологическая связь между словами *пизда* и *пёс*, о которой писал в свое время Б. А. Успенский⁴⁰. В современном языке в качестве отсылки к этимону *пиздеца* вместо «злобучего» *пса* может использоваться пушной северный зверь *песец*. В литовском языке, как указывает Успенский, имеется слово *pisus* ('fututor' собственно, *ёбарь*, в современном языке — 'распутник'), а для более древнего состояния «восстанавливается также форма **pisus* со значением 'склонный к совокуплению', ср. дошедшие до нас формы с осложнением основы: *pisnius, pislius* 'распутник; тот, кто часто мочится'» (Успенский 1994: 98)⁴¹. Литовскому **pisus* может соответствовать слав. **pisŭ (ньсь)*. Таким же образом, по Успенскому, «объясняется и употребление слов *кобель* и *сука* в значении 'распутник' и 'распутница' в современном русском, которое отвечает значению слова *pizius* в современном литовском» (Там же)⁴². Узус этих слов иронично амбивалентен. Как представляется, богохульство русского мата неразрывно связано с его семантической радикальной амбивалентностью (что представляет уже отдельную тему для размышления, которую мы разовьем в отдельной работе).

Некоторые примеры двусмысленных абсурдностей русского мата можно найти уже в самых ранних берестяных грамотах. Так, например,

мов. Процессы эти начались не позднее XIX века: многие эвфемизмы с «хер» датируются временем до последней реформы алфавита, отсылая к старому названию буквы *Х*.

³⁸ Ср. также далеко отстоящее семантически, но всё же связанное с «пиздецом» паронимически выражение «лососнуть тунца», а также ряд отчасти абсурдных отглагольных обценно-экспрессивных форм: «Быдлани сосца, хуйло»; «Въеби говнеца»; «Бядлни ебарца» и т. д.

³⁹ В данном случае это эвфемизмы, сохраняющие финаль замещаемого слова. Не менее обычны эвфемизмы, сохраняющие начало ругательства с заменой, такие как *блин* или *бляха-муха*. Ср. во французском *piré* вместо *putain*, в польском *kuchnia/kurcza* вместо *kurwa*.

⁴⁰ Другая этимология увязывает слово *пизда* со словами *гнездо* и *седло* — как 'то, на чем или чем сидят' (ЭССЯ 1979, 6: 172).

⁴¹ Ср.: «**pisbda* — 'моченспускательный орган'» (Мокиенко 1994: 62).

⁴² См. также (старо)франц. *pisser* и его итальянский эквивалент.

новгородская грамота № 330 (XIII век), обнаруженная в конце 1950-х годов, представляет из себя рифмованную дразнилку, которая переводится так: 'гузка (задница?) ... ебет другую, задрав одежду'. Как указывает А. А. Зализняк, автор грамоты «использовал эффект непристойности», как бы зримо «помноженный на эффект клинического абсурда» (Зализняк 2000: 99–100).

В грамоте из Старой Руссы № 35 (XII век), в конце записки от некоего Радослава к некоему человеку с примечательным именем Хотеслав, после просьбы взять у торговца деньги, другим почерком приписано: «ажковебр-теебилежа» («Акове, брате, еби лежа!»). Возможный смысл этой пометки — 'Яков, брат, «не оригинальничай», «будь как все»'. Дальше по адресу Якова прибавлены еще два замысловатых ругательства: «ебехота», т. е. 'желающий совокупления (?)', и «аесова» — 'сователь яйца', причем эти оскорбительные слова, возможно, являются смеховой анаграммой имени *Хотеслав* (Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 117–118, 228–229).

Имеется также знаменитая грамота из Новгорода под № 955 (XII век) которая представляет из себя лично-интимное письмо от свахи Милуши к некоей Маренке (Марене) — новгородской знатной матроне (документ обнаружен в 2005 году). Сваха Милуша сообщает, что мол пора бы Великой ('старшей') Косе (возможно, дочери Марены) пойти наконец замуж за человека с интересным онейроидным именем «Сновид». Текст «пеи пизда и с'кыле» должен означать: 'пусть вульва и клитор пьют' (Зализняк, Янин 2006: 8–12). Напоение вульвы упоминается в различных «срамных» частушках, исполняемых во время свадьбы для усиления благоприятных семейных событий, где «сохраняет свой первоначальный сакральный и ритуальный характер» (Там же: 11). Мотив сохраняется в современных частушках:

Шла матаня из гостей,
У реки разделася.
Пей, пизда, холодну воду:
Колбасой объелася.

Через речку перешла,
На бережочек села.
Кунка, пей, пизденка, пей,
Колбасы поела.

(Топорков 1995: 483–484)

Необозримое поле русского народного мата, ныне отчасти доступное в книжных критических изданиях, предоставляет немалые возможности изучения границ языкового абсурда и разного рода парадигмальных обценных двусмысленностей:

У ворот девка стояла,
Кулаком в манду пехала,
Увидала ее мать
И давай ее ругать:

— Зачем, дура, зачем, блядь,
Кулаком в пизду пехать?
Продай шубку, купи хуй,
Кулаком в пизду не суй!

(Топорков 1995: 508)

Однако здесь элемент абсурда еще ограничен смысловой канвы прагматики и остается хотя бы относительно семантически прозрачным.

3.

Двусмысленная абсурдность радикального иронического эротизма русского мата видна во многих стихотворных текстах русской литературы классического периода — достаточно вспомнить Ивана Баркова и его последователей, чьи сочинения составили сборник *Девичья игрушка*, или поэмы Пушкина *Тень Баркова* и *Царь Никита*. Вот, например, масштабное прославление восхода и заката как гаргантюанского полового акта из порнографического бурлеска XVIII века. В бурлескной «Оде Пизде» Михаил Чулков (если это был он, ибо авторство текстов из *Девичьей игрушки* доподлинно неизвестно) крайне амбивалентно воспевает начало дня и его конец:

От утренних спокойных вод —
Заря на алой колеснице
Являет Фебов нам восход,
Держа его муде в деснице,
И тянет за хуй Феба в понт,
Чтоб он светил наш горизонт. <...>

Скончав теченье, Аполлон
С Ефира вниз себя покотит,
К Фетиде в лоно светит он —
Пизда лучи его проглотит,
И блеск его тогда минет,
Когда богиня подъебнет,
К мудам свою пизду отклячит,
Сокроется от нас день прочь,
Ебливая наступит ночь,
Коль Феб в богиню запендрячит.

<...> Когда из волосистых туч
Блеснул на Феба пиздий луч,
То он сияние оставил,
Забыл по должности езд
И сунулся тотчас в пизду,
Чем славы он твоей прибавил.⁴³

⁴³ Цит. по: Шапир 2015: 67. Ср. Барков и др. 1992: 45–50.

Важно еще раз подчеркнуть, что русский мат переполнен необычными идиоматическими конструкциями, стимулирующими некую семасиологическую туманность конечного смысла. В XX веке гнездовой концепт «пизда» в полной мере реализует эту потенцию. В ряду разнообразных идиоматизмов (идио-матизмов) чрезвычайно любопытна идиома «без пизды». Мы встречаемся с этим выражением в сверхпопулярной современной иронико-стёбной песне Сергея Шнурова «Экспонат» (2016)⁴⁴. Согласно сервису YouTube, за пять с половиной лет эта песня-клип была просмотрена 175 миллионов раз. Там имеется такой куплет:

...Мы с Генкой и Маринкой
 Ходили в «Мариинку»
 Послушать чиста Глинку,
 Партер, туды-сюды.
 Там сразу без заминки
 В партере «Мариинки»
 Все поняли блондинки —
 Я прима, без пизды!

Речь, понятно, не идет о том, что у главной героини — той, что гуляет в «окухительных штанах», нету вовсе ни вагины, ни клитора. Согласно материалам А. Ю. Плущера-Сарно, выражение «без пизды» «употребляется как вводное словосочетание со значением клятвы, заверения в правдивости слов: ‘честное слово, клянусь’»; примеры: «Не нужно мне кроватей и диванов: / Я, без пизды, с тобой навек останусь <...>» (Мякишев, Чернолузский. Без пизды); «— Ладно, будешь ты моей невестой. / — Правда? — Без пизды! (Сектор Газа. Кашей Бессмертный)» (Плущер-Сарно 2005: 151). *Без пизды говорю* (ср. в блатном аргю аналогичный перформатив: *зуб даю*), *без пизды* (= не вру, ей-богу, чистая правда) — имеется в виду подтверждение достоверности, истинности каких-либо высказываний (Там же).

Но почему бытование *без пизды* оказывается гарантией правдивости высказывания? Почему отсутствие вагины и сопутствующих ей органов (медико-обсценный термин *пизда* означает влагалище, половые губы плюс находящийся по соседству клитор)⁴⁵ должно сообщать о какой-то особой

⁴⁴ См. видеоклип: <https://www.youtube.com/watch?v=et281UHN0OU>

⁴⁵ Семантический и стилистический аналог русской *пизды*, английское слово *cunt* (возможно, родственное латинскому *cunnius* с тем же значением) восходит к прагерманскому **kuntō*. Ближайшие параллели к английскому слову имеются во всех других германских языках (древненорв., исл. и шв. *kunta*, соврем. норв. и дат. *kunte*, ср.-н.-нем. *kunte*, ср.-в.-нем. *kunt*, и т. д.). Индоевропейские истоки прагерм. **kuntō*, как и лат. *cunnius*, неясны. Одна, более убедительная, этимология ведет к и.-е. **g^wen-* (базовое значение ‘женщина’; корень, к которому восходят, в том числе, греч. γυνή, праслав. **žena* > рус. *жена* и прагерм. **kwenō* // **kwēniz* > англ. *quean/queen*), другая, менее убедительная, — через возможное родство с лат. *cutis* (‘кожа’) — к и.-е. **(s)kewH-* (‘покрывать’). Известна английская поговорка, зафиксированная уже в анонимном сочинении XIV века «Притчи Хендинга»: «Geue þi cunte to cunnig and craue affetir wedding» ‘give thy cunt cunningly and make demands [crave] after [your] wedding’, ‘дай прихотливо пизду и требуй что хочешь после свадьбы’ (OED 1989: 130; Rees 2013: 18). Примечательно что английское слово *cunt* широко употребляется

жизненной правде? Что вообще плохого в пизде и ее наличии? Или, противоположным образом, что хорошего в ее отсутствии? Очевидно, выражение «без пизды», означающее ‘без вранья, без пустословия’, заимствовало свою семантику у глагола *пиздѣть* ‘1. пустословить, говорить без умолку; 2. лгать’. Возможно реконструировать деривационную цепочку: *пиздѣть* → *пиздѣж* → *без пиздежа* → *без пизды*.

Таким образом, словосочетание «без пизды» функционирует как экспрессивная идиома, снимающая изначальное семантическое значение ‘женского полового органа’. Точно так же ведут себя выражения «дать/получить пизды». В аналогичной цепочке *отпиздить* → *дать пиздолей* → *дать пизды* каждое звено означает ‘побить’. Соответственно, «получить пизды» вовсе не значит получить ее в свое пользование, — наоборот, это значит получить болезненные удары и тумачи, тяжелые удары судьбы. Как пел рок-поэт Егор Летов, подчеркивая иномирную кармическую семантику получателя пизды: «Я устал получать пизды, / Я рыдаю от ваших речей, / Я желаю стать стаей грачей / Я хочу умереть молодым» (1984; цит. по: Андреева 2012: 345). В обоих случаях слово *пизда* получает новое значение от вторичных, образованных о нее слов, и полностью утрачивает исходное материальное значение.

в технических терминах разных отраслей профессиональной деятельности и активно использовалась уже в раннем английском средневековье (Baker, Holt 2001; см. также: Grose 1788: s. v. “C**t”: “a nasty name for a nasty thing”). В английском морском деле используется понятие *cunt splice* (‘пиздячий плесень’); это один из видов сращивания (*splice* ‘сращивание, средостение, плесень, сrostок’) веревки, использующийся для коррекции неправильного присоединения двух линий на кораблях (Falconer 1780: s. v. “Splice”), где *cunt* в современном употреблении заменяется для благозвучия на *cut* ‘отрезанный’. В в типографской печати с литых форм использовался специальный термин *cunt lead* (‘пиздячий шпон’), где *lead* (шпон) — это свинцовая пластина. У американских военных имеется мягкая шляпа, у которой есть складка: *cunt cap*. В современном русском этот шляпный концепт известен как мягкая «пилотка». Здесь напрашивается известная армейская идиома «сними пизду, надень пилотку», связанная с табу на ношение пилотки с по-женски раздвинутым, приоткрытым верхом (так делают только молодые, неопытные солдаты — на солдатском жаргоне «чмыри» и «уёбки»). С другой стороны, здесь же приходит на ум *пелотка* в интернет-жаргоне как обозначение «девушки-пизды». Известно также выражение «*cunt hair*» ‘пиздоволосая’ (иногда более специфично для английских дам с веснушчатой кожей — «*red cunt hair*» ‘пиздорыжеволосая’, которое используется по меньшей мере с конца 1950-х годов, см. Lacombe 1994: 27). Существует выражение *cunt-eyed* (‘пиздоглазый’), которое используется по отношению к человеку, имеющему некие странные проблемы со зрением. Семантическая параллель к этому — русское *залупоглазый* — человек у которого вместо глаз кругляшки полуслепой фаллической *залупы*. Известно, что *залупой* обозначают оголенную (без крайней плоти) головку полового члена (*glans penis*), также известную как «*залупень*»; это отглагольные формы от *залупить* (по альтернативному мнению, матерная *залупа* — это также сама по себе ‘крайняя плоть’). Примечательно что «Залупа» — это также историческое прозвище русского князя и воеводы, друга Андрея Курбского — Ивана Петровича Охлябинина (вторая половина XVI века). См. биографическую заметку о нем: «Охлябинин, Иван Петрович, Князь Залупа». *Русский биографический словарь: В 25 т.* Т. 12: Обезьянинов — Очко. СПб., 1902. С. 476. В абсурдном узусе русского мата *залупа* имеет свое неотъемлемое присутствие: обценное выражение «*суп из конских залуп*» есть ироничное замечание о чем-либо крайне несуразном и глупом. Известно также: «*Химия, химия, вся залупа синяя*»; или более натуралистичное: «*Ясно, отчего залупа красна*».

Характерно, что исходное существительное *пизда* получает новое значение от производного от нее глагола. О лексической (грамматически обусловленной) способности русского глагольного мата одновременно «значить много чего вообще» размышляли в свое время Дрейзин и Пристли. Согласно их выводам, матерный глагол может означать любое активное действие из некоего общего набора действий. Специфическое значение этот глагол приобретает в соответствии с этим общим набором и морфологической моделью, а также контекстуальным паттерном глагольных дополнений, лексическими единицами, выражающими эти дополнения, но также и в связи со всем контекстом высказывания⁴⁶.

Глагол *спиздить* означает ‘украсть’, что, кажется, более «логично», поскольку пизда воспринимается как пещера или (г)рот, то место, куда нечто входит или влагается и где можно что-то складировать втайне от посторонних глаз. Что тоже отчасти объяснимо схожестью пизды и уст, а в кошмарах — рта с зубами, как *vagina dentata*⁴⁷, субъект и актер своего денотата, которая тоже может говорить, как в тексте известного рассказа Виктора Ерофеева «Персидская сирень»⁴⁸.

Примечательно, что слово *пиздатый* означает нечто хорошее, тогда как слово *хуёвый* означает, напротив, нечто плохое. Притом идиоматически «получить пизды» (или «пиздюлей») означает пострадать в драке. А «получить хуй» означает почему-то не получить совсем ничего, в буквальном смысле пустотного «ничего» ничевоков. «Я получил хуй» (или «ни хуя не получил») означает ‘я не получил ничего’⁴⁹. Но наречия *охуенно* и *пиздато* (как и соответствующие прилагательные) при этом оказываются сущностными синонимами, как свидетельствует соответствующая поговорка: «Быть мужиком — охуенно, а быть женщиной — пиздато».

Недавно обнаружена концертная записка, посланная Владимиру Маяковскому, — она свидетельствует о том, что в середине двадцатых годов уже активно использовалось прилагательное *хуёвый* в значении ‘очень плохой’. Поэт хранил записки своих слушателей, большой корпус этих арте-

⁴⁶ «...A *mat* verb may mean any intensive action from the total set of actions, and will acquire a specific meaning from this total set according to its morphological pattern and according to the contextual pattern of verbal complements, the lexical items occurring in these complements, and the whole context» (Dreizin, Priestly 1982: 241).

⁴⁷ *Vagina dentata* («вагина с зубами»): о влагалищах с мощными членовредительными зубами имеется немало мифов в культуре индейских племен, а также в фантастических народных сказках Японии. В современной литературе этот мотив также присутствует в изобилии (например, у Берроуза или Пелевина).

⁴⁸ В этом тексте, как известно, «Кант был посрамлен», поскольку не смог доподлинно прознать конечный смысл наличия или отсутствия бытия божьего; но также не вполне ясно, какой это был Кант — *cunt* ли (говорящий губами вагины), или все-таки философ Immanuel Kant.

⁴⁹ В современном иврите имеется схожее грамматически отчасти абсурдное выражение, крайне часто употребляющееся, которое звучит «ло кибальти клум» или «ло клум», что дословно означает «я не получил [не] ничего», используемое в значении «полное ничего и ничто». Также часто обценно говорится «кибальти зайн!» — в том же значении — не получил ничего (= «получил хуй»).

фактов был показан на московской выставке «Маяковский. Универсальный ответ записочникам»⁵⁰. «Почему вы пишете <sic!> такие хуёвые вещи как “Баня”? Возмутительно!» — написали Маяковскому возмущенные слушатели (см. фотографию: Александров 2018, а также репродукцию на с. 738 наст. изд.).

Когда фиксируется первое употребление **антонима** слова *хуёвый* — прилагательного «*пиздатый*», пока не установлено, на эту тему необходимо собрать много лингво-корпусных свидетельств. Важнейший труд А. Плущера-Сарно, первопроходческий в сфере лингвистики мата, посвященный подробному анализу исторической идиоматики гнездового слова «пизда», об этом, увы, умалчивает. О том, почему *хуёвый* — это нечто очень плохое, а *пиздатый*, наоборот, очень хорошее, можно лишь догадываться. Может быть, потому, что пизда — мягкое вместилище любого достойного объекта, может оставаться всегда позитивным объектом речи? Тогда как бессмысленный хуй, наоборот, будет жестким и эрегированным, ригидным и злым? Неужели в надзорно-народном сознании образ эрегирующего полового члена не соотносится с понятиями абсолютного добра и гуманистической радости?

Из классической работы М. И. Шапира (2015; впервые — в сборнике *Анти-мир русской культуры*, 1996) известно, что Маяковский с удовольствием работал с матерным субстратом. В частности, опубликована «Советская азбука», которую Маяковский составлял вместе с Романом Якобсоном в 1919 году. Шапир констатировал связь «Советской азбуки» с ее непечатными аналогами (связь, ранее прямо указанную самим Якобсоном, и завуалировано — самим Маяковским)⁵¹. Вот примеры площадного порнографического претекста этой хрестоматийной авангардистской азбуки — двустишия на буквы «А», «Ж» и «П»:

Арбуз на солнце любит греться,
Армяшка в жопу любит еться;

Жирафы в Африке пасутся,
Жиды по пятницам ебутся;

Пи-эр в квадрате — площадь круга,
Пизда утешит лучше друга.⁵²

⁵⁰ Выставка состоялась в «Галерее на Шаболовке» (23 апреля — 12 августа 2018 года), подробнее см. официальный сайт: <https://www.nashabolovke-gallery.com/universalnyj-otvet-zapisochnikam>

⁵¹ Во время выступления в Доме комсомола Красной Пресни на вечере, посвященном двадцатилетию деятельности 25 марта 1930 г. Маяковский рассказывал: «Она была написана как пародия на старую, была такая порнографическая азбука. <...> Она была написана для армейского употребления. Там были такие остроты, которые для салонов не очень годятся, но которые для окопов шли очень хорошо. <...> Эту книгу <...> я принес печатать в Центропечать. Там сидела не вычищенная еще машинистка одна, которая с большой злобой мне сказала: “Лучше я потеряю всякую работу, но эту гадость я переписывать не буду”» (Маяковский 1959: 428–429).

⁵² Шапир 2015: 93, ср. 71.

Сама по себе *пизда* оказывается источником многих абсурдных конструкций русской амбивалентной нарративной идиоматики. Одно из таких — примечательно-странное выражение «Иметь стеснение в пизде», где возникает апокрифическая сцена в (одесском?) борделе в начале двадцатого века, которую приводит словарь А. Плущера-Сарно (2005: 92) — мадам хозайка борделя обращается к клиенту:

— А вот как кстати, молоденькая девашечка, из французских, осьмнадцать годков, беленькая, нежненькая, персик настоящий, пизденочка узенькая — ну никак в самый раз для вас, открывать будете.

Помолчал купец, водки выпил еще, бороду погладил, и говорит:

— Видать по всему, никого-то я сегодня ебать и не буду.

— Да что ж случилось, батюшка?!

— Да не пристало мне, купцу первой гильдии, поставщику Их Императорского Двора Еремею Феофановичу Почечуеву — в пизде стеснение иметь!

Здесь, как можно увидеть, обценный абсурд нарастает в сторону некоторой смысловой деструкции в аспекте общей прагматики. Узкий орган никак не может считаться чем-то нежелательным, ибо в своей девственной нетронутой природной узкости несет очевидную половую ценность, в том числе и коммерческую (которую презревает персонаж-«купец»). Деструктивный подход к подобного рода практическому узусу характерен и для некоторых других текстов, связанных с этой идиоматикой. Например, в песне одного из рок-кумиров: «...Партизан спалил *в пизду* родную хату / Завязался в узел ремешок!»⁵³. Как можно что-либо «спалить в пизду», если воспринимать это выражение буквально? В данном случае двусмысленная экспрессивная идиома «*в пизду*» соотносится с другими дисфемизмами типа «*в хлам*» (*в зюю*, *в стельку*, *вдрызг*, (*не*) *в дугу*, *в жопу*, *в говно*) — то есть, исходно, *вдребезги*.

Идти в пизду связано также с глаголом *пиздовать* и его императивом *пиздуй* (в значении ‘быстро, немедленно иди прочь, иди <к черту!>’). Семантический диссонанс между *пиздѣть* и *пиздовѣть* привносит в дискуссию русское экспрессивное существительное *пиздюк* (отчасти синонимичное с «*пиздуном*»). *Пиздюк* несомненно связано с «*говнюк*»⁵⁴, а также связано с целым рядом пейоративных форм на *-юк*, в том числе *байстрюк* и *мандюк* (от *манда* ‘*vulva*’: *пизда*//*пиздюк* ↔ *манда*//*мандюк*). Ключ к разгадке и историческим глубинам здесь может являться интересное (уже литературное!) слово *фетюк* (Добродомов 1995а). Гоголь в *Мертвых душах* замечает, что слово *фетюк* многими почитается неприличным, поскольку якобы напоминает букву *Ф* и то, на что она похожа («...Фетюкъ слово обидное для

⁵³ Из песни Егора Летова «Свобода 99» (цит. по: Плущера-Сарно 2005: 156).

⁵⁴ Стоит указать, что *-ук/-юк* — довольно редкий суффикс; см., например, *бирюк* или *каюк*, в которых морфемная структура неясна. Ср. также с «*хуюк*», или, наоборот «*пиздык*» — экламмационными инвективными формы без четкого семантического наполнения (о последнем феномене см., в частности, Plähn 1987).

мужчины, происходить отъ Θ, буквы, почитаемой нѣкоторыми неприличною»). За старым «ветюк», возможно, уже стоит «пиздюк» — поскольку буква Θ (фита) неприлично похожа на *пизду*, подобно тому как (яркая типологическая параллель) ивритская буква ך (зайн) похожа на *хуй*, отчего в современном иврите так и обозначается половой член. При этом гоголевская «этимология» — явно «народная» (Volksetymologie), ибо это слово, как и синонимичное ему *фатюй*, по всей видимости, следует возводить к венгерскому *fattyú* (мн. ч. *fattyúk*) ‘внебрачный ребенок, выблядок, ублюдок’ (Добродомов 1995a; 1995b: 264). Возможно, кстати, что *тюфяк* — это эвфемистическая анаграмма к неприличному слову *фетюк*.

4.

Важным этапом и примечательной научной вехой в изучении парадоксальной семантики русского мата стала статья Александра Жолковского «Секс в рамках», впервые опубликованная в журнале *Новое литературное обозрение* (Жолковский 1994)⁵⁵. Она посвящена детальному структуралистскому анализу абсурдной и амбивалентной матерной поговорки «*Нам, татарам, все равно, что ебать подтаскивать, что ёбанных оттаскивать*». Когнитивный вопрос здесь вызывает изначальная темная двусмысленность — почему «*ебать подтаскивать*» равно «*ёбанных оттаскивать*»? Это два принципиально разных действия, требующих принципиально разной активности и умственной интенции. Эти два действия в своем пределе соотносятся как (самому активно кого-то) «*ебать*» versus пассивно и страдательно «*быть кем-либо ебимым*». Это два принципиально разно-нагруженных действия, которые невозможно уравнивать в плане отношении к ним. «*Ебать подтаскивать*» и «*ёбанных оттаскивать*» семантически коррелируют с такими поговорками, как «*что в лоб что по лбу*» (с инвариантным значением ‘да и какая, собственно, разница?’), хотя смысл этих действий принципиально и сущностно иной.

Связанные с этим матерные двусмысленности как бы культивируются в самой знаковой структуре русской экспрессивной идиоматики. Один из примеров — обценная дефиниция необценного термина «*нюанс*» в известном матерном анекдоте.

Посланный учиться в Академию Генштаба Петька (концептуализированный Пелевиным как «Петр Пустота») возвращается к Чапаеву с жалобой на то, что он не понимает многих слов на занятиях. Одно из них — сложный термин «нюанс». Василий Иванович кряхтя признает, что на словах объяснить значение термина «нюанс» он не в силах, но «зато может показать» что это такое. Далее Василий Иванович просит Петра снять штаны и стать раком. Петька снимает и становится. Василий Иванович достает хуй и резко сует Петьке в жопу. Далее Чапаев уже вербально вслух поясняет смысл происходящего: «Вот смотри Петька — у тебя хуй в жопе! ...и у меня хуй в жопе. Но есть нюанс!..»

⁵⁵ См. ее автокомментированную републикацию в нашем блоке.

Работая в поле сходной идиоматики, Жолковский говорит о пронизывающей весь текст анализируемого им высказывания абсурдной установке на «неглагольность» «неопределенности и отчужденности». Согласно Жолковскому, «*всё равно*» — это безличное предикативное прилагательное, принадлежащее к так называемой категории состояния, грамматико-семантически противопоставленное личным формам глагола. Субъект при категории состояния выступает не в роли подлежащего, а в косвенном (дательном) падеже. Управляя инфинитивами, один из которых, в свою очередь, тоже вводит инфинитив, оборот «*всё равно*» открывает серию концентрических обрамлений — хиазмов.

Известны и другие присловья, сходные с изучавшимся Жолковским (некоторые из них он приводит в своей статье): «*Мы, татары, такие!*» (не такие, как русские, например); «*Нам, татарам, всё равно, что повидло, что говно*»; «*Нам, татарам, одна хуй: что война, что сабантуй*»; «*Нам, татарам, что водка, что пулемет — лишь бы с ног валило*»; «*Нам, татарам, всё равно — что бежать-наступать, что бежать-отступать*» (всё равно бежать); «*Нам, татарам, всё до фени*» = «*Нам, татарам, параллельно*» = «*Нам, татарам, адекватно*» = «*Нам, татарам, конгруэнтно*»; «*Нам, татарам, лишь бы даром*»; «*Нам, татарам, всё задаром*»⁵⁶.

Работа Жолковского стала одним из важных этапов в структурном изучении многих сходных экспонатов двусмысленной абсурдности русского матерного универсума. Подмеченный им абсурдный пласт поговорки-присловья может быть рассмотрен на примерах некоторых однотипных выражений, культивирующих двусмысленность речевой дее-прагматики русского стёба. Укажем, например, такие⁵⁷:

- *Меня один подъябывал, а я его поябывал!* (Непонятна линейно-деятельная связь *подъяёбки* (издевательства) и собственно копуляции).
- *На хуя мне без хуя, коль с хуями до хуя?* (Загадочно-дзенская мудрость, перекликающаяся с джигурдинским «всем давно понятья пора, на земле ликуя: нету хуя без добра и добра без хуя»).
- *Нет хуя шире пизды.* (Непонятно о какой ширине фаллоса по сравнению с вагиной вообще может идти речь).
- *А вы, друзья, как ни садитесь, но только в жопу не ебитесь!* (Непонятно чего ожидается от группы друзей, что им необходимо собственно делать).
- *А какие это шутки — с босым хуем около голой пизды?!* (Как член может быть бос и какие шутки могли бы возникнуть рядом с ним).
- *Без огня дым, да и хуй с ним! Без пиздюлей, как без пряников!* (Непонятно почему без ударов-пиздюлей — это как без сладких пряников).

⁵⁶ Ср. отдаленные смысловые корреляты этих формул: «*Не ебут — не подмахивай*»; «*хуем груши околачивать*»; «*хуй валять и к стенке приставлять*».

⁵⁷ Нижеследующее взято из сетевых анонимных источников, «сетевого фольклора». На эту тему см. также: Kauffman 1980; Косцинский 1980.

- *Безрукий клеть обокрал, голопузому за пазуху наклал: слепой подглядывал, глухой подслушивал, немой караул закричал, а безногий нахуй пошел.* (Описание тотального сюрреалистического абсурда, не поддающегося обычному пониманию).
- *В пиздах — всяки ароматы, бриты есть и есть лохматы.* (Корреляции запахов и побритости неочевидны, хотя и не невозможны).
- *Бляха-муха, и тебе хуй в ухо!* (Помимо извечной неясности привлечения сюда «мухи»⁵⁸ также неясно о чем здесь вообще может конкретно идти речь).
- *Два хуя сметаны да на палец творогу, — чего бы продать?* (Как могут быть два хуя сметаны?)
- *В пизде на верхней полке, где ебутся волки!* (Какая может быть там полка и главное, почему там волки).
- *Ёбаный толченый пеликан! Заткни пизду, и не греми костями!* (Как пеликан может быть еще и толчен? Вторая часть формулы также не оказывается чем-то простым и внятным).
- *Захуй нам бросаться на хуй, если можно подождать?!* (Странная игра слов без конкретного прагматического смысла, — но кажется с универсальной квази-дзенской интенцией *неделания*).
- *Пиздюлина от часов.* (Какое отношение часы имеют к вагине, неясно).
- *Пошел нахуй! — Кусай захуй! Коли черная дыра, так дворянин.* (В чем смысл укуса захуй и как связана черная дыра с дворянином?).
- *Где была правда — там хуй вырос.* (Как связан хуй с правдой, непонятно; и неужели хуй — растение?).
- *Коль в пизде у бабы склизко, она уже не феминистка.* (Смысл выражения в плане идиоматики и прагматики отнюдь не полностью прозрачен; поговорка явно недавняя).
- *Короче хуй — длиннее руки. Кости грызть — не хуй сосать!*⁵⁹ (Связь грызения костей и fellatio также не вполне ясна и понятна, как и их контрастирование).
- *Ладушки, ладушки, вырос хуй у бабушки!* (Как и почему может у бабушки вырасти мужской орган? И причем тут «ладушки» — знак согласия? мифо-аспект мы здесь выносим за скобки).

⁵⁸ *Бляха-муха* — выражение крайнего удивления, досады-раздражения или иной сильной эмоции. Сходно с междометиями и восклицаниями, в том числе с другими эвфемизмами восклицания «блядь!» — такими, как *блин, блин блинский*; с эвфемизмами восклицания «ёб...» и «ёбаный...» (с любым продолжением) — такими, как *ёлки-палки, ёшкин кот, ёкарный бабай, японский городовой*; а также с фразеологией «чёрта: *чёрт возьми/побери* и т. д.

⁵⁹ Важно артикулировать семантическое отличие выражения в раздельно пишущихся словах «не хуй... (не палец, не залупу)» (сопрягаемого с глаголами: *слюнявить, сосать, драть, ебать, держать, мочить, лизать, колупать, залупать, отряхивать, тереть* или *оттягивать*); и слитно пишущегося наречия «нехуй» в значении «не надо», «нельзя», «лучше бы не», «запрещено», или в выражении «нехуй делать» — «легко и просто», «как два пальца обсосать».

- *Лишний хуй в жопе не помеха* или *Лучше синица в руке, чем хуй в жопе*. (Примеры псевдозагадочных обценных речений, представляющих собой контаминацию матерной идиомы с гораздо более благопристойными паремиями)⁶⁰.

Можно привести и многие другие подобные отчасти абсурдные когнитивно-диссонансные выражения.

Русский мат подчас принимает крипто-черты полноценного «ботания по фене», создавая свой собственный особый кодовый семио-язык экстремальной обценной многозначности. Каждое «человеческое» действие как будто обретает свой «параллельный» половой к(л)инический эквивалент, сохраняющий между тем денотат реальности, в интенции подлежащий четкому семиотическому расшифровыванию. Дрейзин и Пристли иллюстрируют (и вновь демонстрируют) этот уникальный языковой феномен русского мата на примере краткой характерной «национальной» сценки в советском едущем автобусе, педантично приводя матерный, «нормальный» и «переводной» речевые варианты (Dreizin, Priestly 1982: 247):

Xujáčitsja èta pizdovina – vot-vot naebnëtsja: vsjåkoj pizdovani nevroëb. I vot odin nedoëbok (ebålo na odnom sikele xeráčitsja) vpizčivaetsja kak pizdanutyj, až vsë oxuëli. Proëbsja skvoz' vsju xuebråtiju i – pizdyk! – vxujáčilsja v edinstvennoe prožop'e: vy, mol, stårye pròbljadi, pizdujte vstojåk, pokå vam pizda ne prixujáčit.

Non-mat version:

Idët ètot avtobus – čut' ne pádaet, tak mnógo passažirov. I vot odin molodój čelovek (golová éle déržitsja bog znáet na čëm) vtískivaetsja, kak sumasšëdsij, vsë až rot razinúli. Protisnulsja skvoz' passažirov i xlop! – zånjal edinstvennoe svobodnoe mésto: vy, mol, starúxi, ezzájte stója, pokå vam konéc ne pridët.

English translation:

The bus was going along, and almost falling over, there were so many passengers. And then one young man (his head held up on God knows what) pushed his way on, like a madman, so that everyone gaped. He pushed through the passengers and with a thump took the only vacant seat, as much as to say: you, old women, can travel standing up till your end comes (till you're finished).

О сходных с этим компаративных моментах многозначности русского мата говорят различные словари, исследования и антологии⁶¹. Подлинным кладезем абсурдного мата и стёбной полисемии являются многие тексты песен Сергея Шнурова, лидера группировки «Ленинград».

⁶⁰ Такого рода паремиологические контаминации любил Маяковский: «Не плюй в колодец — вылетит, не поймаешь» (Квятковский 1966: 138; Февральский 1971: 49). Возможно, среди них были и матерные.

⁶¹ См. Буй 2005 (первая публикация — 1995); Манаков 1997; Волков 1999; Жельвис 2001; и др.

Укажем на один из наиболее примечательных в этом плане текстов; его название также абсурдно и никак не связано с содержанием или с визуальным рядом видеоклипа — эта песня почему-то называется «Скоро в школу» (2014):

Ноги как утюги, / кругом одни враги.
 Ты меня послала нахуй, / на пальто надев рубаху!
 Нахуй не иду, а иду в пизду. / Нахуй не иду, а иду в пизду.
 Руки как клешни краба — / штырит меня не слабо.
 Как в кино про Росомаху — / ты меня послала нахуй.
 Но... Нахуй не иду, а иду в пизду. / Нахуй не иду, а иду в пизду.
 Белый как порошок, — / водка на портвешок.
 И нет любви и нет страха, / ты меня послала нахуй.
 Нахуй не иду, а иду в пизду...⁶²

Важно указать что *нахуй* здесь грамматически оказывается наречием, как «домой», «назад», или в одесском варианте «туда-сюдой» и т. д. «Пойти в пизду», как *пойти в народ*, означает отчасти сгинуть, раствориться в вязкой материи гибельно-засасывающего пахучего и мохнатого болота (или легендарной приговской «махроти»). В плане слитного правописания этот вопрос в свое время апокрифически исчерпал ведущий советский грамматист Д. Э. Розенталь. По легенде, однажды любознательный советский студент спросил у Дитмара Эльяшевича Розенталя «Скажите пожалуйста, как пишется русское выражение “похуй” — слитно или раздельно?» На что он получил ответ: «Если это характеристика моего отношения к Вам, молодой человек, — невозмутимо ответил Розенталь, — то слитно. А если обозначение глубины великой еврейской реки Иордан, то раздельно». Великому лингвисту И. А. Бодуэну-де-Куртенэ наречие «*похуй*» еще не было известно, но наречие «*на-хуй*» он писал через дефис (см. с. 737 наст. изд.).

В контексте же песни группировки «Ленинград» важно понять, чем семантически отличается *поход на хуй* (*на-хуй*, *нахуй*) от похода *в пизду*, крайне трудно, и, видимо, в этом и состоит идиостилистический провокативно-амбивалентный мессидж Сергея Шнурова. Возможный мессидж здесь, вероятно, состоит в том, чтобы остановиться на краткий миг и задуматься о царящем вокруг когнитивном диссонансе. Возможно также, разница заключается в том, что *не важно куда, но важно как*. «Пойти в пизду», оказывается, почему-то лучше, чем идти «нахуй».

Укажем в данной связи, что в XIX веке в России посылали не *на хуй*, но *к хую* или *к херу* — как к некоему субъекту запредельного, недостижимого, инфернально-обсценного адреса, дальше чем *к чёрту*⁶³. В этом контексте «*на хуй не иду, но иду в пизду*» может означать как бессельную, закольцо-

⁶² См. видеоклип: <https://www.youtube.com/watch?v=ValUpS0Eiag>.

⁶³ Не является ли это выражение заклинательным рудиментом древнеславянского (фаллическо-языческого) культа? Эва Кёльз в своей знаменитой монографии обозначила это явление на материале классической античности как *The Reign of the Phallus* — Царствие Большого Фаллоса (Keuls 1993).

ванную коаном похуистического стёба ходьбу на месте, так и ритуальную формулу нежелания следовать пагубной тропой. Главное действующее лицо видеоклипа — начинающий горе-коммивояжер, который, в частности, пытается продать фаллоимитаторы. В один момент он чуть не становится жертвой гея, который, пропустив его в квартиру, вкрадчивым жестом предлагает ему сесть «рядом» — т. е. по сути, «и рыбку съесть» (продав свой товар и получив прибыль) «и на хуй сесть», что главный герой с негодованием отвергает, ибо «*на хуй не иду!*» В таком герменевтическом ракурсе припев-рефрен клипа должен указывать на горделивое утверждение гетеросексуальной природы героя. При этом едва ли не самый очевидный семантический пласт поверхности клипа вероятно состоит в передаче сообщения о том, что некая скрытая от наших глаз девушка отставила главного героя. Что ж, подумал он, — «*иду к другой*».

Дополнительной возможной интерпретацией этого криптографического нарратива может быть самурайское предпочтение более приемлемого способа заведомо *неизбежной и неминуемой гибели всерьез*. Подбирая в этом смысловом прагма-контексте русский народный эквивалент, можно подумать о выражении «*помирать — так с музыкой*». В данном случае, в России здесь и сейчас, — с музыкой группировки «Ленинград».

ЛИТЕРАТУРА

- Аввакум. *Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*. Под ред. Н. К. Гудзия. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960.
- Августин. «О христианском учении» [фрагменты]. Пер. С. Неретиной. *Антология средневековой мысли в 2 томах*. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001: 66–112.
- Александров Д. «В музее показали записки, которые передавали из зала Маяковскому. Комментарии были такими злыми и 100 лет назад». *Medialeaks*, 24.04.2018. <https://medialeaks.ru/2404dalex-yt-srach-v-kamentah/>
- Андреева Екатерина. *Угол несоответствия. Школы нонконформизма: Москва — Ленинград, 1946–1991*. М.: Искусство — XXI век, 2012.
- Барков И. и др. *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова*. Изд. подгот. А. Зорин и Н. Сапов [С. И. Панов]. М.: Ладомир, 1992.
- Буй Василий. *Русская заветная идиоматика: Веселый словарь народных выражений*. Ред.: д. ф. н., проф. А. Н. Баранов и д. ф. н., проф. Д. О. Добровольский. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Альта-Принт, 2005.
- Волков А. Д. *Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова*. Изд. подгот. А. В. Кулагина. Т. 1–2. М.: Ладомир, 1999.
- Гаспаров М. Л. «Амфиболия». *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Гл. ред. и сост. ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001: 30.
- Гура А. В. *Символика животных в славянской народной традиции*. М.: Индрик, 1997.
- Добродомов И. Г. «Ноздревское слово *фетюк*». *Русский язык в школе* 3 (1995а): 75–78.
- Добродомов И. Г. «Венгерское ругательство в эпистолярной Батюшкова». *Philologica* 2 (1995b): 263–265.
- Довлатов С. *Собрание сочинений*. Т. 2. СПб.: Азбука, 1999.
- Жельвис В. И. *Поле брани: Сквернословие как социальная проблема*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001.
- Живов В. М. *Язык и культура в России XVIII века*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Жолковский А. К. «Секс в рамках (“Нам, татарам, все равно...”)». *Новое литературное обозрение* 6 (1994): 15–24.

- Зализняк А. А. «Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот». В. Л. Янин, А. А. Зализняк. *Новгородские грамоты на бересте*. Т. 10: (из раскопок 1990–1996 гг.). М.: Русские словари, 2000: 82–122.
- Зализняк А. А., Янин В. Л. «Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г.». *Вопросы языкознания* 3 (2006): 3–13.
- Иоффе Д. Г. (ред.). *Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: Эпоха модернизма*. Сборник научных статей под ред. Д. Г. Иоффе. М.: Ладомир, 2008.
- Иоффе Д. Г. «Велимир Хлебников, ЧК и амфиболический дискурс. К вопросу риторико-лингвистической критики поэтического текста». *Критика и семиотика* 10 (2006): 113–141.
- Иоффе Д. Г. «К вопросу о радикальной эстетике Второго русского авангарда». *Новое литературное обозрение* 140 (2016): 287–314.
- Квятковский А. П. *Поэтический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Косцинский К. «Ненормативная лексика и словари (К постановке вопроса)». *Russian Linguistics* 4.4 (1980): 383–396.
- Куприн А. *Звезда Соломона*. Гельсингфорс: Библион, 1920.
- Левин Ю. И. «Об обценных выражениях русского языка». *Russian Linguistics* 10.1 (1986): 61–72.
- Лосев А. Ф. «Ирония античная и романтическая». *Эстетика и искусство. Из истории домарксистской эстетической мысли*. Сост. и ред. П. С. Трофимов. М.: Наука, 1966: 54–84.
- Лосев А. Ф., Шестаков В. П. *История эстетических категорий*. М.: Искусство, 1965.
- Малышев В. И. «Два неизвестных письма протопопа Аввакума». *Труды Отдела древнерусской литературы* 14 (1958): 413–420.
- Манаков А. *Блуд на Руси: Свидетельские показания и литературные версии*. М.: Колос-пресс, 1997.
- Маяковский В. В. *Полное собрание сочинений: В 13 томах*. Т. 12. М.: Художественная литература, 1959.
- Мокиенко В. М. «Русская бранная лексика: Цензурное и нецензурное». *Rusistik/Rусистика* 11/12 (1994): 50–73.
- Назаров В. Д. «“Срамословие” в топонимике России XV–XVI вв.» *«А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX в.)*. Ред. Н. Л. Пушкарева. М.: Ладомир, 1999: 551–563.
- Плущер-Сарно А. Ю. *Большой словарь мата*. Т. 2: *Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова «пизда»*. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2005.
- Попов Алексей. *Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода: История их происхождения и цензуры, особенности содержания и построения*. Казань: Типо-литография Имп. Казанского университета, 1903.
- Ранкур-Лаферьер Д. «К постановке проблемы семиотики пениса». *Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: Эпоха модернизма*. Сборник научных статей под ред. Д. Г. Иоффе. М.: Ладомир, 2008: 53–114.
- Рождественский Р. В. «К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в.» *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Императорском Московском университете* 2 (1902): 30–37.
- Романов Б. А. *Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII веков*. М.; Л.: Наука, 1966.
- Россомыхин А., Замятина О. «Как сделана “Машина” Шнурова (К дешифровке эсхатологического восторга)». *Зборник Майице срѣске за славистику* 98 (2020): 128–143.
- Соловьев В. С. «Жизненная драма Платона». В. С. Соловьев. *Сочинения в 2 томах*. Т. 2 (Философское наследие 105). М.: Мысль, 1988: 582–625.
- Топорков А. Л. *Русский эротический фольклор*. Сост. и науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995.
- Успенский Б. А. «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии». Б. А. Успенский. *Избранные труды*. Т. 2: *Язык и культура*. М.: Гнозис, 1994: 53–128.
- Февральский А. В. *Встречи с Маяковским*. М.: Советская Россия, 1971.

- Филарет. *Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита московского и коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам*. Т. 4. М.: В Синодальной типографии, 1886.
- Шапир М. И. «К семантике “пародического балладного стиха” (“Солнце” Маяковского в тени Баркова)». М. И. Шапир. *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2015: 62–99.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. Вып. 2; 1977. Вып. 4; 1979. Вып. 6.
- Юрганов А. Л. «Из истории табуированной лексики: Что такое “блядь” и кто такой “блядин сын” в культуре русского средневековья». *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, 2000: 194–206.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте*. Т. 11: (из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004.
- Baker N., Holt R. “Towards a Geography of Sexual Encounter: Prostitution in English Medieval Towns”, *Indecent Exposure: Sexuality, Society and the Archaeological Record*. Ed. by Lynne Bevan. Glasgow: Cruithne Press, 2001: 187–198.
- Borowsky Ron, Masson Michael E. J. “Semantic Ambiguity Effects in Word Identification”. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition* 22 (1996): 63–85.
- Chantraine, Pierre. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Vol. 1. Paris: Klincksieck, 1968.
- Cuyckens Hubert, Sandra Dominiek, Rice Sally. “Towards an empirical lexical semantics”. *Human Contact through Language and Linguistics*. Eds. S. Birgit, T. Mieke. Frankfurt am Main [etc.]: Peter Lang, 1997: 35–54.
- Dreizin Felix, Priestly Tom. “A Systematic Approach to Russian Obscene Language”. *Russian Linguistics* 6.2 (1982): 233–249.
- Elleström Lars. *Divine Madness: On Interpreting Literature, Music, and Visual Arts Ironically*. Lewisburg: Bucknell University Press, 2002.
- Falconer William. *An Universal Dictionary of the Marine; or, A copious explanation of the technical terms and phrases employed in the construction, equipment, furniture, machinery, movements, and military operations of a ship*. London: T. Cadell, 1780.
- Gibbs Raymond W., Matlock Teenie. “Psycholinguistic Perspectives on Polysemy”. *Polysemy in Cognitive Linguistics: Selected papers from the International Cognitive Linguistics Conference, Amsterdam, 1997*. Ed. by Hubert Cuyckens and Britta E. Zawada. (Current Issues in Linguistic Theory 177). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001: 213–239.
- Grillo R. D. *Dominant Languages: Language and Hierarchy in Britain and France*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Grose Francis. *A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue*. 2nd ed. London: S. Hooper, 1788.
- Harrer G. A. “Saul Who Also Is Called Paul”. *The Harvard Theological Review* 33.1 (1940): 19–33.
- Hino Yasushi, Pexman Penny M., Lupker Stephen J. “Ambiguity and Relatedness Effects in Semantic Tasks: Are they Due to Semantic Coding?”. *Journal of Memory and Language* 55.2 (2006): 247–273.
- Ioffe Dennis. “Review of: Henrietta Mondry. Political Animals: Representing Dogs in Modern Russian Culture. Amsterdam: Brill — Rodopi, 2015”. *Australian Slavonic and East European Studies* 30.1–2 (2016): 189–194.
- Jastrzebski James E. “Multiple Meanings, Number of Related Meanings, Frequency of Occurrence, and the Lexicon”. *Cognitive Psychology* 13.2 (1981): 278–305.
- Kauffman Charles A. “A Survey of Russian Obscenities and Invective Usage”. *Maledicta* 4.2 (1980): 261–289.
- Keuls Eva C. *The Reign of the Phallus: Sexual Politics in Ancient Athens*. Berkeley, CA: University of California Press, 1993.
- Kleiber Georges. *Problèmes de sémantique: la polysémie en questions*. Villeneuve d’Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 1999.
- Klein Deborah E., Murphy Gregory L. “The Representation of Polysemous Words”. *Journal of Memory and Language* 45.2 (2001): 259–282.

- Klepousniotou Ekaterini, Baum Shari R. "Disambiguating the Ambiguity Advantage Effect in Word Recognition: An advantage for Polysemous but not Homonymous Words". *Journal of Neurolinguistics* 20.1 (2007): 1–24.
- Kroonen Guus. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary 11). Leiden: Brill, 2013.
- Lacombe Dany. *Blue Politics: Pornography and the Law in the Age of Feminism*. Toronto: University of Toronto Press, 1994.
- Leary T. J. "Paul's Improper Name". *New Testament Studies* 38 (1992): 467–469.
- Nunberg Geoffrey. "Transfers of Meaning". *Journal of Semantics* 12.2 (1995): 109–132.
- OED = The Oxford English Dictionary*. 2nd ed. Vol. 4. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Plähn Jürgen. «Хуйня-муйня и тому подобное». *Russian Linguistics* 11.1 (1987): 37–41.
- Ravin Yael, Leacock Claudia (eds.). *Polysemy: Theoretical and Computational Approaches*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Rees Emma L. E. *The Vagina: A Literary and Cultural History*. New York, London [etc.], 2013.
- Rodd Jennifer, Gaskell Gareth, Marslen-Wilson William. "Making Sense of Semantic Ambiguity: Semantic Competition in Lexical Access". *Journal of Memory and Language* 46.2 (2002): 245–266.
- Tsunoda T. "Transitivity". *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Eds. R. E. Asher, J. M. Y. Simpson. Vol. 9. Oxford; New York: Pergamon Press, 1994: 4670–4677.
- Verspoor Marjolijn, Lowies Wander. "Making Sense of Polysemous Words". *Language Learning* 53.3 (2003): 547–586.

LITERATURE

- Aleksandrov D. "V muzee pokazali zapiski, kotorye peredavali iz zala Maiakovskomu. Kommenty byli takimi zlymi i 100 let nazad". *Medialeaks*, 24.04.2018. <https://medialeaks.ru/2404dalexyt-srach-v-kamentah/>
- Andreeva Ekaterina. *Ugol nesootvetstviia. Shkoly nonkonformizma: Moskva — Leningrad, 1946–1991*. M.: Iskusstvo — XXI vek, 2012.
- Augustinus. "O khristianskom uchenii" [fragmenty]. Per. S. Neretinoi. *Antologiya srednevekovoi mysli v 2 tomakh*. T. 1. SPb.: RKhGI, 2001: 66–112.
- Avvakum. *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia*. Pod red. N. K. Gudziia. M.: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1960.
- Baker N., Holt R. "Towards a Geography of Sexual Encounter: Prostitution in English Medieval Towns", *Indecent Exposure: Sexuality, Society and the Archaeological Record*. Ed. by Lynne Bevan. Glasgow: Cruithne Press, 2001: 187–198.
- Barkov I. i dr. *Devich'ia igrushka, ili Sochineniia gospodina Barkova*. Izd. podgot. A. Zorin i N. Sapov [S. I. Panov]. M.: Ladomir, 1992.
- Borowsky Ron, Masson Michael E. J. "Semantic Ambiguity Effects in Word Identification". *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition* 22 (1996): 63–85.
- Bui Vasilii. *Russkaia zavetnaia idiomatika: Veselyi slovar' narodnykh vyrazhenii*. Red.: d. f. n., prof. A. N. Baranov i d. f. n., prof. D. O. Dobrovol'skii. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Al'ta-Print, 2005.
- Chantraine, Pierre. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Vol. 1. Paris: Klincksieck, 1968.
- Cuyckens Hubert, Sandra Dominiek, Rice Sally. "Towards an empirical lexical semantics". *Human Contact through Language and Linguistics*. Eds. S. Birgit, T. Mieke. Frankfurt am Main [etc.]: Peter Lang, 1997: 35–54.
- Dobrodomov I. G. "Nozdrevskoe slovo fetiuk". *Russkii iazyk v shkole* 3 (1995a): 75–78.
- Dobrodomov I. G. "Vengerskoe rugatel'stvo v epistolarii Batiushkova". *Philologica* 2 (1995b): 263–265.
- Dovlatov S. *Sobranie sochinenii*. T. 2. SPb.: Azbuka, 1999.
- Dreizin Felix, Priestly Tom. "A Systematic Approach to Russian Obscene Language". *Russian Linguistics* 6.2 (1982): 233–249.
- Elleström Lars. *Divine Madness: On Interpreting Literature, Music, and Visual Arts Ironically*. Lewisburg: Bucknell University Press, 2002.

- ESSYa = *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov: Praslavianskii leksicheskii fond*. Pod red. chl.-korr. AN SSSR O. N. Trubacheva. M.: Nauka, 1975. Vyp. 2; 1977. Vyp. 4; 1979. Vyp. 6.
- Falconer William. *An Universal Dictionary of the Marine; or, A copious explanation of the technical terms and phrases employed in the construction, equipment, furniture, machinery, movements, and military operations of a ship*. London: T. Cadell, 1780.
- Fevral'skii A. V. *Vstrechi s Maiakovskim*. M.: Sovetskaia Rossiia, 1971.
- Filaret. *Sobranie mnenii i otzyvov Filareta, mitropolita moskovskogo i kolomenskogo, po uchebnym i tserkovno-gosudarstvennym voprosam*. T. 4. M.: V Sinodal'noi tipografii, 1886.
- Gasparov M. L. "Amfiboliia". *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii*. Gl. red. i sost. red. A. N. Nikoliukin. M.: Intelvak, 2001: 30.
- Gibbs Raymond W., Matlock Teenie. "Psycholinguistic Perspectives on Polysemy". *Polysemy in Cognitive Linguistics: Selected papers from the International Cognitive Linguistics Conference, Amsterdam, 1997*. Ed. by Hubert Cuyckens and Britta E. Zawada. (Current Issues in Linguistic Theory 177). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001: 213–239.
- Grillo R. D. *Dominant Languages: Language and Hierarchy in Britain and France*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Grose Francis. *A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue*. 2nd ed. London: S. Hooper, 1788.
- Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii*. M.: Indrik, 1997.
- Harrer G. A. "Saul Who Also Is Called Paul". *The Harvard Theological Review* 33.1 (1940): 19–33.
- Hino Yasushi, Pexman Penny M., Lupker Stephen J. "Ambiguity and Relatedness Effects in Semantic Tasks: Are they Due to Semantic Coding?". *Journal of Memory and Language* 55.2 (2006): 247–273.
- Ioffe D. G. (red.). *Diskursy telesnosti i erotizma v literature i kul'ture: Epokha modernizma*. Sbornik nauchnykh statei pod red. D. G. Ioffe. M.: Lodomir, 2008.
- Ioffe D. G. "K voprosu o radikal'noi estetike Vtorogo russkogo avangarda". *Novoe literaturnoe obozrenie* 140 (2016): 287–314.
- Ioffe D. G. "Velimir Khlebnikov, ChK i amfibolicheskii diskurs. K voprosu ritoriko-lingvisticheskoi kritiki poeticheskogo teksta". *Kritika i semiotika* 10 (2006): 113–141.
- Ioffe Dennis. "Review of: Henrietta Mondry. *Political Animals: Representing Dogs in Modern Russian Culture*. Amsterdam: Brill — Rodopi, 2015". *Australian Slavonic and East European Studies* 30.1–2 (2016): 189–194.
- Jastrzembski James E. "Multiple Meanings, Number of Related Meanings, Frequency of Occurrence, and the Lexicon". *Cognitive Psychology* 13.2 (1981): 278–305.
- Kauffman Charles A. "A Survey of Russian Obscenities and Invective Usage". *Maledicta* 4.2 (1980): 261–289.
- Keuls Eva C. *The Reign of the Phallus: Sexual Politics in Ancient Athens*. Berkeley, CA: University of California Press, 1993.
- Kleiber Georges. *Problèmes de sémantique: la polysémie en questions*. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 1999.
- Klein Deborah E., Murphy Gregory L. "The Representation of Polysemous Words". *Journal of Memory and Language* 45.2 (2001): 259–282.
- Klepousniotou Ekaterini, Baum Shari R. "Disambiguating the Ambiguity Advantage Effect in Word Recognition: An advantage for Polysemous but not Homonymous Words". *Journal of Neurolinguistics* 20.1 (2007): 1–24.
- Kostsinskii K. "Nenormativnaia leksika i slovari (K postanovke voprosa)". *Russian Linguistics* 4.4 (1980): 383–396.
- Kroonen Guus. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary 11). Leiden: Brill, 2013.
- Kuprin A. *Zvezda Solomona*. Helsingfors: Biblion, 1920.
- Kviatkovskii A. P. *Poeticheskii slovar'*. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1966.
- Lacombe Dany. *Blue Politics: Pornography and the Law in the Age of Feminism*. Toronto: University of Toronto Press, 1994.
- Leary T. J. "Paul's Improper Name". *New Testament Studies* 38 (1992): 467–469.
- Levin Yu. I. "Ob obstsennykh vyrazheniiakh russkogo yazyka". *Russian Linguistics* 10.1 (1986): 61–72.

- Lovev A. F. "Ironiia antichnaia i romanticheskaia". *Estetika i iskusstvo. Iz istorii domarksistskoi esteticheskoi mysli*. Sost. i red. P. S. Trofimov. M.: Nauka, 1966: 54–84.
- Lovev A. F., Shestakov V. P. *Istoriia esteticheskikh kategorii*. M.: Iskusstvo, 1965.
- Maiakovskii V. V. *Polnoe sobranie sochinenii: V 13 tomakh*. T. 12. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1959.
- Malyshev V. I. "Dva neizvestnykh pis'ma protopopa Avvakuma". *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* 14 (1958): 413–420.
- Manakov A. *Blud na Rusi: Svidetel'skie pokazaniia i literaturnye versii*. M.: Kolokol-press, 1997.
- Mokienko V. M. "Russkaia brannaia leksika: Tsenzurnoe i netsenzurnoe". *Rusistik = Rusistika* 11/12 (1994): 50–73.
- Nazarov V. D. "'Sramoslovie' v toponimike Rossii XV–XVI vv. 'A se grekhi zlye, smertnye...': *Liubov', erotika i seksual'naia etika v doindustrial'noi Rossii (X — pervaiia polovina XIX v.)*. Red. N. L. Pushkareva. M.: Ladomir, 1999: 551–563.
- Nunberg Geoffrey. "Transfers of Meaning". *Journal of Semantics* 12.2 (1995): 109–132.
- OED = The Oxford English Dictionary*. 2nd ed. Vol. 4. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Plähn Jürgen. "Khuinia-muinia i tomu podobnoe". *Russian Linguistics* 11.1 (1987): 37–41.
- Plutser-Sarno A. Yu. *Bol'shoi slovar' mata*. T. 2: *Opyt postroeniia spravocno-bibliograficheskoi bazy dannykh leksicheskikh i frazeologicheskikh znachenii slova «pizda»*. SPb.; M.: Limbus Press, 2005.
- Popov Aleksei. *Pravoslavnye russkie akafisty, izdannye s blagosloveniiia Sviateishego Sinoda: Istoriia ikh proiskhozhdeniia i tsenzury, osobennosti sodержaniia i postroeniia*. Kazan: Tipografiiia Imp. Kazanskogo universiteta, 1903.
- Rancour-Laferriere Daniel. "K postanovke problemy semiotiki penisa". *Diskursy telesnosti i erotizma v literature i kul'ture: Epokha modernizma*. Sbornik nauchnykh statei pod red. D. G. Ioffe. M.: Ladomir, 2008: 53–114.
- Ravin Yael, Leacock Claudia (eds.). *Polysemy: Theoretical and Computational Approaches*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Rees Emma L. E. *The Vagina: A Literary and Cultural History*. New York, London [etc.], 2013.
- Rodd Jennifer, Gaskell Gareth, Marslen-Wilson William. "Making Sense of Semantic Ambiguity: Semantic Competition in Lexical Access". *Journal of Memory and Language* 46.2 (2002): 245–266.
- Romanov B. A. *Liudi i nrvy Drevnei Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vekov*. M.; L.: Nauka, 1966.
- Rossomakhin A., Zamiatina O. "Kak sdelana 'Mashina' Shnurova (K deshifrovke eskhatologicheskogo vostorga)". *Matica Srpska Journal of Slavic Studies* 98 (2020): 128–143.
- Rozhdestvenskii R. V. "K istorii bor'by s tserkovnymi besporiadkami, otgoloskami yazychestva i porokami v russkom bytu XVII v." *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnosti rossiiiskikh pri Imperatorskom Moskovskom universitete* 2 (1902): 30–37.
- Shapir M. I. "K semantike 'parodicheskogo balladnogo stikha' ('Solntse' Maiakovskogo v teni Barkova)". M. I. Shapir. *Universum versus: Yazyk — stikh — smysl v russkoi poezii XVIII–XX vekov*. Kn. 2. M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2015: 62–99.
- Solov'ev V. S. "Zhiznennaia drama Platona". V. S. Solov'ev. *Sochineniia v 2 tomakh*. T. 2 (Filosofskoe nasledie 105). M.: Mysl', 1988: 582–625.
- Toporkov A. L. *Russkii eroticheskii fol'klor*. Sost. i nauch. red. A. L. Toporkov. M.: Ladomir, 1995.
- Tsunoda T. "Transitivity". *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Eds. R. E. Asher, J. M. Y. Simpson. Vol. 9. Oxford; New York: Pergamon Press, 1994: 4670–4677.
- Uspenskii B. A. "Mifologicheskii aspekt russkoi ekspressivnoi frazeologii". B. A. Uspenskii. *Izbrannye trudy*. T. 2: *Yazyk i kul'tura*. M.: Gnozis, 1994: 53–128.
- Verspoor Marjolijn, Lowies Wander. "Making Sense of Polysemous Words". *Language Learning* 53.3 (2003): 547–586.
- Volkov A. D. *Zavetnye chastushki iz sobraniia A. D. Volkova*. Izd. podgot. A. V. Kulagina. T. 1–2. M.: Ladomir, 1999.
- Yanin V. L., Zalizniak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste*. T. 11: (iz raskopok 1997–2000 gg.). M.: Russkie slovari, 2004.
- Yurganov A. L. "Iz istorii tabuirovannoi leksiki: Chto takoe 'bliid' i kto takoi 'bliidin syn' v kul'ture russkogo srednevekov'ia". *Odyssey. Chelovek v istorii*. M.: Nauka, 2000: 194–206.

- Zalizniak A. A. "Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianykh gramot". Yanin V. L., Zalizniak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste*. T. 10: (iz raskopok 1990–1996 gg.). M.: Russkie slovari, 2000: 82–122.
- Zalizniak A. A., Yanin V. L. "Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2005 g." *Voprosy yazykoznanii* 3 (2006): 3–13.
- Zhel'vis V. I. *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naia problema*. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Ladomir, 2001.
- Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*. M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1996.
- Zholkovsky A. K. "Seks v ramkakh ('Nam, tataram, vse ravno...')." *Novoe literaturnoe obozrenie* 6 (1994): 15–24.

Денис Иофе

ПОВОДОМ ПЕРФОРМАТИВНЕ ВИШЕЗНАЧНОСТИ РУСКИХ ПСОВКИ

Резиме

У чланку се разматрају различити случајеви контрадикторне перформативне дво-смислености руског опсценог табу-лексикона, који се обично назива „псовкама“. Посебна пажња посвећена је радикалном карневалском апсурду (Бахтин) и прагматичној поливалентности идиоматских исказа, о којима се расправља. Чланак се такође фокусира на различите углове полисемије. Рад прелиминарно оцртава контуре будуће теорије опсценог исказивања у вези са шизоаналитичким ризомом њеног језичког функционисања.

Кључне речи: теорија исказивања, амфиболије, полисемија, прагматика, говорно безумље, полифонија, руски опсцени идиоми, шизоанализа.

Юрий Левинг
Университет Дальхаузи
yleving@gmail.com

Yuri Leving
Dalhousie University
yleving@gmail.com

ПОРТРЕТ ГЕРОЯ В ИНСТАГРАМЕ: #ЭТО НЕ ОН
PORTRAIT OF A HERO IN A DIGITAL INTERIOR:
‘# THIS IS NOT IT’

В статье рассматриваются стратегии, которыми популярный музыкант и блогер Сергей Шнуров (группировка «Ленинград») пользуется в целях капитализации собственного бренда, для самовыражения немusическими средствами, формирования собственного публичного образа и обратной связи с фан-базой. Будет предложен анализ принципов взаимодействия автора блога с многочисленными подписчиками канала, логики отбора Шнуровым освещаемых событий из частной и публичной жизни, а также языка его коммуникации — как в сугубо лингвистическом, так и визуальном аспектах.

Ключевые слова: Сергей Шнуров, Инстаграм, социальные сети, социальная интеракция, язык лингвистической и визуальной коммуникации, теория селебритизации.

The article examines various strategies employed by the popular musician and blogger Sergei Shnurov (punk rock band “Leningrad”) in order to capitalize his own brand; these strategies include Shnurov’s self-expression with non-musical means, forming his own public image and receiving feedback from the fan base. Leving also offers analysis of the principles of interaction between the author and numerous subscribers of Shnurov’s blog, scrutinizes the logic of coverage of events from the musician’s private and public life, as well as the language of his communication, in both its verbal and visual aspects.

Key words: Sergei Shnurov, Instagram, social networks, social interaction, linguistic and visual communication, celebrification theory.

Творчество, я уже неоднократно говорил,
творяют телочки в инстаграме.

*С. В. Шнуров*¹

В начале было слово (или картинка?)

В 2004 году, на заре существования Фейсбука, Марк Цукерберг попытался убедить будущего основателя Instagram² Кевина Систрома бросить

¹ В интервью с К. Собчак (Собчак, Шнуров 2017).

² Далее в русской транслитерации как Инстаграм. Предупреждение лингвистическое (и неизбежное): в виду неустоявшихся словарных норм при описании сферы новейших

учебу в Стэнфордском университете и перейти на работу в его компанию. Систром не поддался уговорам — и не прогадал. Спустя несколько лет, в апреле 2012 года, Фейсбук приобрел Инстаграм (вместе со всеми его двенадцатью сотрудниками) за один миллиард долларов наличными и акциями. В чем секрет успеха идеи?

Инстаграм — приложение для социальных сетей, доступное в мобильных системах, созданное для обмена фотографиями и короткими видео в Интернете. Сервис позволяет подписчикам не только делать снимки, но и моментально редактировать их при помощи набора профессиональных фильтров и немедленно распространять среди других пользователей. Программа, чье название является неологизмом (от слов *instant camera + telegram*), дебютировала 6 октября 2010 года, и в первый же день к ее услугам обратились 25 тысяч человек. По состоянию на сентябрь 2017 года в социальной сети было зарегистрировано более 800 миллионов активных пользователей. Инстаграм является одним из наиболее востребованных мобильных социальных приложений в мире среди подростков (основные конкуренты — Facebook, Twitter, Flickr и Tumblr), уступая по популярности только сервису Snapchat.

Инстаграм позиционирует свои услуги в качестве площадки, предоставляющей участникам возможность делиться с друзьями историями из личной жизни посредством фотографий, которые последовательно складываются в биографический нарратив. Как показывают исследования, социальная интеракция является одним из главных мотивационных факторов для пользователей соцсетей (Kim, Seely, Jung 2017: 536). При этом из существующих на рынке популярных мобильных приложений Инстаграм чаще всего используется в целях саморекламы (*self-promotion*) и гораздо меньше для прямых сообщений между конкретными пользователями (Marcus 2015). Кроме того, в Инстаграме процветает электронная коммерция — реклама продуктов и услуг, однако в маркетинг вовлечены не только корпорации, но и знаменитости (*celebrities*), использующие потенциал Инстаграма для капитализации своего образа (*селф-брендинг*).

По данным журнала *The Economist*, за один рекламный пост³ блогер с тремя миллионами подписчиков в канале Инстаграм получает от спонсора в среднем 75 000 долларов. Впрочем, автор песен и вдохновитель группировки «Ленинград» соцсеть рассматривает не столько как способ заработать, сколько как эффективный канал связи с поклонниками. Аудитория Сергея Шнурова в Инстаграме⁴ увеличивается уверенными темпами и вес-

технологий в современном русском языке, в этой работе нам придется использовать английские кальки — то есть сознательно не прибегать к неловким переводам на русский язык международных терминов вроде «лайк», «аккаунт», «фолловер», «селфи», «селебрити», и т. д., как бы ни резали они слух просвещенного читателя.

³ Под *постом* здесь и далее в тексте подразумевается разовое размещение владельца аккаунта изображения любого содержания (фотографии или видео) с минимальным сопроводительным текстом.

⁴ Блог расположен по ссылке: <https://www.instagram.com/shnurov/>

ной 2018 года насчитывала 3 миллиона 400 тысяч подписчиков-фолловеров⁵. С помощью Инстаграма Шнуров минует громоздкие конструкции в виде посредников, медиаменеджеров, частных радиостанций и государственных ТВ-частот, что сравнимо с ноу-хау президента США Дональда Трампа, превратившего персональный Твиттер-аккаунт в теневую пресс-службу Белого дома. Еще в середине 2017-го количество подписчиков Шнурова в соцсети измерялось 2,4 миллионами, но к концу января 2018 года выросло до 3,1 миллиона, продемонстрировав стремительный прирост в 700 тысяч пользователей за шесть месяцев. По сравнению с западными звездами из мира шоу-бизнеса и спорта цифры эти можно назвать скромными, но ведь и аудитория Шнурова ограничена исключительно русскоязычными слушателями⁶.

Историю аккаунта Шнурова следует поделить на два периода — с момента начала ведения фотографического блога и до его «обнуления», которое, в свою очередь, совпало с разводом музыканта (и, по-видимому, напрямую с ним было связано) со светской львицей и рестораторшей Матильдой Шнуровой летом 2018 года, и продолжение дневника в менее регулярном формате по настоящее время⁷. В этой главе мы рассматриваем исключительно первый временной отрезок⁸.

Пики прироста аудитории Шнурова последних лет совпадали с датами релизов клипов группы (новый гибридный жанр, освоенный «Ленинградом»). Мини-фильмы с креативными сюжетами набирают рекордные цифры просмотра, и таким образом можно проследить зависимость меж-

⁵ Замер от 9 мая 2018 года. Следует оговориться, что фактическая аудитория пользователей, не являющихся подписчиками, но нерегулярно читающих блог Шнурова — значительно шире. Сам он являлся на тот момент фолловером 722 других пользователей этого социального сервиса.

⁶ По состоянию на январь 2018 года наибольшее количество последователей в Инстаграме по всему миру имела актриса и поп-певица Селена Гомес (132,5 миллиона); за ней — португальский футболист Кристиано Роналду (119), певица Бейонсе (110), светская львица Ким Кардашьян (106), etc.

⁷ В самом конце 2020 года, по существу, возглавив программную дирекцию телеканала RTVi, Шнуров охарактеризовал себя в интервью информационному агентству ТАСС, как «бывшего инстаграмщика, который крайне редко и без охоты использует площадку для выкладывания нехитрых стихшков». Там же он выдвигает версию того, почему «в 2018 году решил уничтожить свой Instagram. Не какие-то отдельные посты, а все подряд. Фотографии, где я на берегу Невы, стихи про любовь, о Петербурге... Ничего не пожалел... Тогда Бэнкси самоуничтожил картину “Девочка с шаром”, и я, следуя его примеру и настроению, стер свои посты. И начал вести страницу в Instagram заново. С тех пор ничего на ней не редактировал. <...> сейчас делаю это гораздо реже, могу по две недели ничего не выкладывать, а раньше дня не пропускал. Пишу о том, что зацепило» (Шнуров 2020).

⁸ Несмотря на полное удаление контента, подписчиков у Шнурова в Инстаграме только прибавилось: на конец 2018 года, с полусотней опубликованных постов, их насчитывалось 4.1 миллиона; к декабрю 2019 при 232 постах — 5.1 миллиона. В связи с пандемией (положившей конец концертной деятельности с весны 2020 г.) и плавным переключением автора на политическую и продюсерскую деятельность музыкант стал вести свой блог реже. Как следствие, замедлились и темпы прироста подписчиков — к ноябрю 2020-го в его Инстаграме насчитывалось 5.8 миллионов фолловеров и всего 369 постов с момента полного обновления аккаунта.

ду популярностью ударных хитов «Ленинграда» на канале YouTube с одной стороны, и притоком новых пользователей к личному аккаунту Шнурова в Инстаграме с другой стороны. Как уже было замечено, инновационный формат соцсетей позволяет ему напрямую апеллировать к значительной по охвату целевой группе с помощью технически простого средства, в рамках которого исполнитель лично контролирует и формирует свой публичный образ вне сцены, помимо видеоклипов и многочисленных интервью.

Данная статья посвящена исследованию стратегий, которыми С. Шнуров пользуется для реализации поставленных им задач, сформулировать которые можно в виде четырех векторов деятельности: капитализация собственного популярного бренда; самовыражение внемузыкальными средствами (вербальными и визуальными, конструирующими своеобразный фото- и видео нарратив); социальная интеракция; и, наконец, поддержание обратной связи с фан-базой (совокупность поклонников музыканта, напоминающая общность фанатов отдельно взятого спортивного клуба). Ниже будут рассмотрены принципы взаимодействия автора блога⁹ с многочисленными подписчиками канала, в том числе логика отбора Шнуровым освещаемых событий из частной и публичной жизни, а также язык его коммуникации — как в сугубо лингвистическом, так и визуальном аспектах.

Новые технологии стимулируют эксперименты со словотворчеством, и Инстаграм выступает удобным пространством виртуального карнавала, где под маской юзерпика и неverified именовым / псевдонимом участники платформы оперируют альтернативным языком, освобожденным от вериг словарного диктата (что, в частности, выражается в использовании табуированной в печати обсценной лексики, сленга, графических символов *эмодзи* — идеограмм в виде смайликов, предполагающих публичную демонстрацию эмоциональной реакции, градирующей от умиления до гнева). В Фейсбук ежедневно закачивают 300 миллионов фотографий и еще около 80 миллионов распространяется в Инстаграме¹⁰. Трудность навигации по этому виртуальному архиву заключается в том, что визуальные параметры поиска в соцсетях технически устроены иначе, чем в классической структуре страниц Интернета. С января 2011 года Инстаграм ввел для удобства пользователей значок «#», с помощью которого можно создавать хештеги и обеспечивать поисковику возможность категоризации картинок по словам-описаниям. Наличие хештега в начале или в конце поста (иногда он вообще заменяет текст к фото) предполагает со стороны автора способность к обобщению или тематизации содержания поста, а также свидетельствует о некотором творческом усилии по концептуализации послания — в случае со Шнуровым вполне осознанном¹¹ (ср. его шутку: «Отра-

⁹ Терминологическое пояснение: *блог* представляет собой онлайн-дневник пользователя и Инстаграм-аккаунт, по сути, является его разновидностью, только повествованием в картинках.

¹⁰ По данным 2016 г.; на сегодняшний день цифры эти существенно выше.

¹¹ «Я слежу за языком, как он реагирует, и одно событие на язык не может сильно повлиять. Оно может родить хештег, но не более того. Но хештег умирает довольно быстро.

зять свою бессмертную душу можно и в Instagram»¹²). Благодаря метаданным, любые фраза, слово или комбинация-неологизм, использованные как хештег, дают возможность категоризировать маркированные посты (к примеру, под хештегами #мутныйум и #думысбодуна Шнуров публикует размышления псевдофилософского характера; правда, поисковик Инстаграма не совершенен и не может еще дифференцировать посты по авторам, смешивая разных пользователей с аналогичными метками). Как видно на примере излюбленного Шнуровым хештега #мутныйум, функция метки не ограничивается экрфрасисом, облегчающим поиск по изображению на картинке, описанному словами. Хештег перестал быть исключительно вербальным эквивалентом изображения, со временем приобретая черты метакоммуникации — им пользователи подчеркивают суть послания, выражают критику, призывают к каким-либо действиям¹³.

Илл. 1. Половозрастная структура российской аудитории Инстаграм¹⁴

А явления большие отражаются в языке, я вот за этим слежу и на это реагирую. Это не про Путина, не про лабутены, это большое движение больших культурных пластов» (см. интервью с ним: Собчак, Шнуров 2017).

¹² Цит. по сообщению информационного агентства ТАСС от 6 июня 2017. <http://tass.ru/kultura/4318196>

¹³ Giannoulakis, Tsapatsoulis 2016: 115. Из удачных находок Шнурова упомянем #ленинградость.

¹⁴ Источник: <https://smmplanner.com/blog/2017/02/09/samoe-polnoe-issledovanie-instagram-v-rossii-skvoz-prizmu-vkontakte/>

Сергей Шнуров завел аккаунт в Инстаграме 8 июля 2013 года и поначалу им почти не пользовался (пост, следующий за дебютным, датирован 7 марта 2014), а в первое время продолжал заметно сомневаться в практическом смысле своей новой затеи¹⁵. Однако, спустя восемь месяцев после открытия канала, он стал обновлять его почти ежедневно и за четыре года активного пользования опубликовал 2195 постов¹⁶. В среднем Шнуров размещал по 43,3 поста в месяц, зачастую сразу по несколько публикаций в день. Количество лайков¹⁷ под его индивидуальными постами колебалось от нескольких сотен и полутора тысяч в начале 2014 года до десятков тысяч весной 2018-го. Пост под названием «К юбилею легендарного артиста» от 11 мая 2018 года, анонсирующий передачу в ночном эфире Первого канала, набрал 512 039 просмотров менее чем за сутки с момента публикации. На основании этой статистики можно сделать вывод, что каждый шестой подписчик Инстаграма Шнурова является его активным фолловером и регулярно следит за обновлениями ленты, подтверждая тем самым «легендарный» ореол блогера (в контексте пародийного снижения любой пафосной стилистики и тотального отрицания иерархий самим Шнуровым — титул глубоко ироничный¹⁸). В действительности, видевишие анонс подписчики Инстаграма не могли знать, что невышедший на тот момент в эфир документальный фильм будет носить вполне нейтральное название — «Сергей Шнуров. Экспонат» (режиссер К. Смилга, автор сценария К. Звягин). В пантеоне героев и в официальном дискурсе России десятых годов статус легенды, как правило, зарезервирован за ветеранами, спортсменами, космонавтами и лояльными режиму артистами, обслуживающими правящую партийную и окологремлевскую элиту — но тот факт, что главный государственный канал страны отвел в сетке вечернего вещания лидеру «Ленинграда» часовой слот, подчеркивает исключительное положение сорокапятилетнего исполнителя в культурном ландшафте современной России.

Биограф музыканта упоминает его энтузиазм по поводу открытия для себя соцсети Инстаграм именно в связи с потенциалом, предполагающим экспоненциальный рост популярности за счет количества участников, во-

¹⁵ Ср. в посте, датированном 11 декабря 2014 года: «Все чаще задаюсь вопросом — зачем? Вопросаю себя и духов виртуального пространства, этих невидимых и незнакомых мне, о существовании которых я сужу только по буквам и изображениям которые они оставляют. С кем я веду беседу? Кому я отвечаю или не отвечаю. Кто это? Зачем? Призраки и тени собственных жизней, мы — виртуальные следы на электронном песке, состоящие из бинарного кода — нулей и единиц. Нулей и единиц. Спиритический сеанс одновременной игры с predeterminedным проигрышем. Что я хочу услышать от этих невидимых существ? Что я хочу им сказать?».

¹⁶ Данные по состоянию на 18 мая 2018 года.

¹⁷ Индивидуальная реакция пользователя соцсети на пост в Инстаграме, выражаемая прикосновением на экране смартфона к графическому символу в виде сердечка.

¹⁸ И придуманный Шнуровым, по-видимому, в силу явной аллитерации («л-г-н-д»), отсылающей к названию возглавляемой им группы.

Илл. 2, 3, 4. Контрастные образы:

- а) Рафинированный буржуа десятилетиями нового столетия — воплощение элиты новой России, подсевшей на нефтяную иглу; б) Провинциальный «гопник» (люмпен-тракторист) в спортивном костюме; в) Актёр в историческом костюме из репертуара Мариинского театра. Все три образа суть маски из богатого арсенала Инстаграм-персонажей харизматичного Шнурова, избегающего рамок и не поддающегося определениям.

влеченных в коммуникативный процесс: «Сам Шнуров освоил Инстаграм, предпочтя его Фейсбуку (сердца против лайков), на первых порах смешно им хвастался: вот скажи, Семеляк, сколько у тебя подписчиков в Фейсбуке? Нисколько, говорю, у меня отключена функция подписки. Ну а френдов сколько? Ну три с чем-то тысячи. Вот! — ликовал Шнуров. — А у меня — только за месяц — уже сто тысяч!»¹⁹. Дело не в тайном тщеславии: у перформансиста с двадцатилетней сценической карьерой, собирающего полные концертные залы, — это, скорее, вопрос спортивного азарта. Для любимца публики Инстаграм выполняет функцию зеркала в двери гардероба, откуда можно брать для примерки эксцентричные медийные образы (от гопника в майке до нувориша в шубе), смотреть на себя со стороны, и запечатлеть на память (Илл. 2, 3, 4).

Рост количества подписчиков Шнурова совпал с бумом распространения мобильного приложения в обществе, где поколение миллениалов (родившихся на рубеже тысячелетий) склонно доверять не консервативным в идеологическом отношении СМИ, а независимым от опеки Роскомнадзора сетевым информантам. Как показывают исследования российского сегмента пользователей сервиса, по общему количеству аккаунтов в Инстаграме предсказуемо лидируют города-миллионники — Москва и Санкт-Петербург: 2,4 и 1,2 миллиона пользователей соответственно. Если принять во внимание соотношение количества аккаунтов к общему населению ре-

¹⁹ Семеляк 2017: 262. Ср. в посте Шнурова: «Население Адыгейской Республики — 426 тысяч человек. Столько же людей подписано на мой инстаграм» (16 марта 2015).

гиона, то по плотности аудитории с существенным отрывом в 35 % лидирует Казань, за ней следуют Екатеринбург (23,95 %), Санкт-Петербург (23,89%) и Самара (23,74%); столица занимает восьмое место с 20,32%²⁰ (частотность гастрольных концертов «Ленинграда», проводимых в центре и провинции, тенденции эти отражает).

По гендерному признаку среди пользователей Инстаграма в России лидируют женщины, они составляют 62 % общей аудитории. 71 % пользователей Инстаграма — в возрасте от 18 до 34 лет, что типично для социальных сетей вообще (Фейсбук, ВКонтакте, и др.)²¹. Прагматичное отношение Сергея Шнурова к Инстаграму выражается в постоянном удовлетворении ожиданий поклонников (для этого, как в любом новостном бизнесе, ему необходимо регулярно обновлять ленту новыми сюжетами), а также в обкатке мемов и модулей для будущих музыкальных композиций (об этом чуть позже). Приложение также дает Шнурову возможность манипулировать аудиторией. Будучи пользователем сервиса с двухлетним стажем, он признал этот факт в интервью, данном в ноябре 2016 года. В ответ на предположение, что в современной культуре происходит идеологическое упрощение за счет технологического усложнения, Шнуров высказал мысль, что новое поколение будет все больше ориентироваться на видеообращения, а не на вербальные высказывания. И чем банальнее будет метод воздействия, тем эффективнее результат, ибо в массовой культуре, полагает Шнуров, «нужно нажимать те кнопки, которые не предполагают наличия культурного багажа вообще, или слой должен быть минимальным, ну вот как Ван Гог: говоришь Ван Гог и понимаешь, что 99 процентов людей — они знают, что этот порядок букв означает вот это. А вот “Улисс” говорить нельзя» (Семеляк 2017: 287). На уточняющий вопрос М. Семеляка, каким образом Шнуров пришел к такому выводу, визави ответил:

— Да потому что я сам ставил эти эксперименты в рамках Инстаграма! И вот Ван Гог работает, а например слово «биеннале» — не работает, потому что до хуя людей не знает, что это такое. Это слово употреблять не стоит! И слово «метафизика» у многих вызовет сомнения. В этом смысле великое слово «хуй» — его и нужно держать. (Семеляк 2017: 287)

Как автор постов знает, что именно в Инстаграме «работает», а что нет? В первую очередь, он судит об этом по реакции подписчиков, измеряемой количеством лайков; во-вторых, по содержанию комментариев, часть которых Шнуровым, судя по ответным репликам, прочитывается. Насколь-

²⁰ Информация собрана на основании исследований, проведенных компанией «Perceptinja», опубликованных редакцией портала «vc.ru»: «В российском Instagram 62 % женщин, а Казань лидирует по плотности аудитории» (10 февраля 2017; <https://vc.ru/21889-instagram-users-analysis>). Я благодарю И. Кукулина за указание на этот источник, а также за обсуждение со мной проблематики Инстаграма в России.

²¹ Данные о пользователях по половому и возрастному признакам в России практически совпадают с аналогичными выкладками относительно аудитории Инстаграма в США, где доминируют пользователи в возрасте до 35 лет. См. на сайте: <https://www.statista.com/statistics/>

ко репрезентативно лайки и комментарии отражают многообразную аудиторию читателей аккаунта, а не узкий срез наиболее активных участников, методологически установить трудно. (Как аттестовал активистов сам Шнуров, это те, у кого «времени много и от собственного жопастого времяпрепровождения отвлечься как-то нужно, вот они и плодят комментарии, указывая другим путь к тому местоположению в котором они уже оказались»²²). С другой стороны, можно предположить, что профиль энергичного комментатора Шнурова совпадает с тем типом поклонника творчества группировки, который, подобно маховику в машине, помогает приводить в движение индустрию по производству «эсхатологического восторга», обеспечивая финансовое благополучие бренда под названием «Ленинград». Шнуров использует как врожденную природную интуицию, так и опыт ведущего Инстаграма с четырехлетним стажем для того, чтобы трафить своим подписчикам или, напротив, сознательно раздражать их²³, либо вызывать интенсивное сопереживание в случае с семейным кризисом²⁴. В одном из постов официального Инстаграм-канала группировки «Ленинград» (май 2018) можно видеть, как Шнуров детально инструктирует одного из членов коллектива, как и что именно снимать во время концерта на сцене, советуя при этом делать, «как у меня в Инстаграме».

Теория «селебрификации» и модели поведения в Инстаграме

Своеобразие блога (и личности) Шнурова состоит в том, что он исподволь *воспитывает* своего читателя, слушателя, зрителя — имеющий уши и глаза (а, особенно, способность к критическому осмыслению) услышит и увидит гораздо больше, чем выражено на поверхности текста или картинки (обсценная лексика в текстах и обилие фотографий в жанре селфи

²² Пост от 21 июня 2016 года. Там же: «Многие мне указывают на то, что мол я здесь не прислушиваюсь к мнению слушателей! Да это так. Здесь не прислушиваюсь. Но слушателей, я надеюсь, чуть больше, чем комментариев и они тактичнее. <...> По-большинству, дармовые советы и мнения по любому поводу раздают люди незанятые собственным делом из той самой смысловой жопы».

²³ Ср. эпатажное высказывание (14 октября 2017), в котором Шнуров прямо признает, что следит не только за количеством комментариев к своим постам, но и за градусом эмоционального накала в их содержании: «Оживил я комментарии, опубликовав фото практически пустого зала в Торонто, которое я сделал уже далеко после концерта. Но не так все хорошо, как могло бы показаться. В Торонто мы собрали 1200 человек при стоимости билетов от 200 \$. Как несложно посчитать это примерно 240 000 \$. Я конечно понимаю, что для многих здесь присутствующих это смешные деньги, но мы привыкли радоваться даже таким мелочам. Продолжая борьбу с нищетой».

²⁴ Пост с неожиданным объявлением о разводе звездной пары (26 мая 2018) собрал рекордное количество комментариев от взволнованных пользователей — почти 9 тысяч за сутки, во многом благодаря стилистике сообщения, которая резко контрастировала с устоявшимися до тех пор в блоге конвенциями: на фоне ярких цветных постов черно-белая фотография пары в ее более счастливые дни прочитывалась почти как траурная и сопровождалась кратким обращением Шнурова к поклонникам и СМИ с просьбой «не нарушать наше личное пространство». Как при этом цинично заметил пользователь **akmars18**: «Уже более 6,5 тыс. комментариев. У Шнура даже на разводе ХАИП... интересно сколько тысяч комментов перевалит?»).

выполняют в высказываниях автора функцию белого шума). Как пишут в типовых инструкциях по созданию энергичной фан-базы, «завоевать большую аудиторию в соцсети — только 50% успеха, потому что важнее ее качество. Настоящий успех заключается в создании сообщества, увлеченного вашим брендом, продуктом или идеей — вот ключ к освоению существующих рынков и созданию новых!»²⁵. О своих экспериментальных методах Шнуров говорит с обезоруживающей прямолинейностью:

Я всех предупреждал, еще в далеком 2005 году, опубликовав «Манифест брэндреализма» и проведя серию выставок. Все эти «Сумки», «Лабутены» и «Феррари» были программно заявлены тогда. Двигаясь в русле означенного я стал производить не только визуальные, но и звуковые полотна. В этом контексте все, что так или иначе мелькает в моих текстах и не текстах стоит рассматривать как брэнд. Водка, Бог, баба, хипстеры, Ван Гог, дача, демократия, хуй, Путин, бутик, Обама, патриотизм, лабутены и так далее, все есть товарные знаки, ведущие гибридные войны за рыночные площади сознания. (Пост от 18 февраля 2016).

Датские исследователи Инстаграма Энн Йерслев и Метт Мортенсен, рассматривающие феномен селфи как разновидность фотографического жанра у знаменитостей, вводят понятия «селебрификации» и фатической коммуникативной функции²⁶ в эпоху цифровой революции. С помощью селфи звезды в Инстаграме приглашают наблюдателя погрузиться в свой интимный мир — но, в отличие от фотографий, сделанных папарацци, в случае с (авто)портретами, размещаемыми селебритами, решение *как, когда* и *где* они позируют, принадлежит им самим, а значит наделяет их абсолютным контролем над качеством и сценографией публично циркулируемых образов (Jerslev, Mortensen 2016: 249). *Селебрификация* — это процесс постоянного производства и воспроизводства селебрита. Постановка и распространение селфи помогает известным блогерам поддерживать свой звездный капитал и регулярно проецировать поклонникам посредством постов в ленте атрибуты успешной карьеры, завидные социальные связи (как правило, с такими же известными личностями²⁷), здоровое и ухожен-

²⁵ См.: “7 Social Media Engagement Metrics for Tracking Followers and Growing Community”. <https://blog.bufferapp.com/measure-social-media-engagement#ratio>

Метрические характеристики: размер аудитории, темп ее роста, количество лайков, соотношение между лайками и комментариями к постам — все эти параметры позволяют отслеживать и измерять динамику интереса аудитории к блогу, понимать, какие именно посты лучше резонируют с подписчиками, и соответственно влиять на контент индивидуальной ленты.

²⁶ Фатическая функция выражает установку на поддержание контакта между участниками коммуникативного акта (см. Якобсон 1975: 201–203).

²⁷ Шнуров не исключение из правил и регулярно выкладывает в Инстаграме фотографии с раскрученными в медийном пространстве коллегами — альтистом Ю. Башметом, ведущими А. Невзоровым и А. Венедиктовым, спортивным комментатором В. Уткиным, режиссером Т. Бекмамбетовым и актером К. Хабенским, музыкантами Г. Сукачевым и В. Сюткиным, голливудским актером Джеком Блэком, и т. п. В одном из постов Шнуров копирует сообщение прессы с рейтингом «самых влиятельных деятелей культуры Петербурга в 2017 году» (12 декабря 2017). Список возглавил глава Эрмитажа М. Пиотровский,

ное тело (если это светские львицы, актрисы, и т. д.); они часто демонстрируют стиль жизни, прочно связанный с культурой потребления (в свою очередь, ассоциируемой с модной одеждой, дорогими автомобилями, экзотическими путешествиями), а также сцены тихого досуга в кругу семьи/друзей — фатический жест, направленный на укрепление вертикальных связей с подписчиками, которые удостаиваются возможности понаблюдать за жизнью звезды в ее естественном хабитате и в хронологическом развитии (Jerslev, Mortensen 2016: 250). Таким образом, фотографии звезд в соцсети можно изучать на трех структурных уровнях — *культурном* (селебритизация как процесс в обществе), *коммуникативном* (фатическая функция фотографий) и *содержательном* (перформативность изображения). Селебрити конструируют собственный образ для публичного потребления: личный бренд — это их товар, иллюзия аутентичности наблюдаемого — гарантия успеха.

Можно с уверенностью предположить, что среди более чем трех миллионов подписчиков Инстаграма Шнурова мы найдем людей совершенно разных профессий, возрастов, интересов, социального статуса, материальных ресурсов и интеллектуальных способностей. Возникновение ситуации, при которой представители таких непохожих групп вместе одновременно делят одну виртуальную площадку (в нашем случае — «в гостях у Шнурова»), исследователи культуры социальных сетей называют *контекстным коллапсом* (Khamis, Ang, Welling 2017: 195). Ведущий блога с многомиллионной аудиторией не может не учитывать все разнообразие своих адресатов при написании поста, а значит должен лавировать между смыслами и потенциально обращаться сразу к нескольким этажам современной культуры с тем, чтобы донести одно на всех сообщение и сделать это наиболее эффективным способом. Желательно, чтобы его истории (а любой успешный блог, напомним, это разновидность *storytelling* — развертывания повествования, за которым подписчик в идеале должен с увлечением следить и ждать продолжения) «вдохновляли, наставляли, развлекали, просвещали — и все это, вдобавок, в легкой и доступной форме» (Khamis, Ang, Welling 2017: 196). Д. Коллиандер добавляет также, что в условиях контекстного коллапса в процессе коммуникации в социальных сетях микро-селебрити (блогеры со 100 тысячами подписчиков и выше) начинают практиковать режимы *самоцензуры* и *уравновешивания*. Самоцензура, по его мнению, необходима для того, чтобы контролировать содержание постов на предмет соответствия горизонту ожидания большинства подписчиков (в противном случае, начнет сокращаться аудитория, а пропорционально ей — экономические и социальные выгоды, извлекае-

кроме него в Топ-10 вошли директор Мариинского театра В. Гергиев, директор МДТ — Театра Европы Л. Додин, историк Л. Лурье, худрук БДТ А. Могучий и режиссер А. Сокуров. Закрывает этот почетный список лидер группировки «Ленинград». (См.: Рейтинг влиятельности Санкт-Петербурга // *Фонтанка*. 2018. 12 декабря <<https://www.fontanka.ru/longreads/rating2017>>).

мые владельцем аккаунта). Уравновешивание же выражается в искусном дозировании публичной и приватной персоны блогера в ленте (примерно о том же писал еще Эрвин Гоффман в своей известной книге «The Presentation of the Self in Everyday Life» (1956), где была сформулирована теория саморепрезентации, до сих пор широко применяемая при изучении социальной психологии и внутренней мотивации блогеров в цифровую эпоху — поскольку очевидно, что изменились технологии, но не принципы нашего поведения; Гоффман прибег к драматургической метафоре, сравнив стратегии саморепрезентации на публичных форумах и в частной жизни с поведением актера на сцене и за кулисами) [Colliander, Marder, Falkman, Madestam, Modig, Sagfossen 2017: 278].

Эмпирически можно было бы заключить, что индивиды, предрасположенные к нарциссизму, более активны в соцсетях, и особенно это поведение выражается в частом размещении постов с их собственными изображениями. Исследования показывают, что почти половину публикуемого в Инстаграме фотоматериала можно отнести к категории селфи (24,2 %) или к снимкам, сделанным пользователями в окружении друзей (22,4 %). Д. Мун и его коллеги выдвинули гипотезу, согласно которой проявления нарциссизма можно увязать с частотностью публикаций селфи в сети, а также с импульсивной заменой автопортрета в профиле пользователя (т. н. «аватарки», от санскр. *avatāra* — «инкарнация») [Moon, Lee, Lee, Choi, Sung 2016: 22–23]. Что касается Шнурова, то портреты и автопортреты действительно составляют значительную долю среди фотографических постов в его блоге, однако за пять лет в Инстаграме аватарку он не менял ни разу, то есть к нарциссизму в клинико-психологической дефиниции данная активность отношения не имеет. Более того, кажется, Шнуров относится к своей внешности с достаточной иронией и даже не прибегает к ретушированию, в то время как известно, что пользователи, придающие значение внешним аспектам саморепрезентации, усердно манипулируют фильтрами для улучшения качества изображений и преподнесения себя в более выгодном свете (Kim, Seely, Jung 2017: 536). Разместив в своем блоге автопортрет Рембрандта (*Илл. 5*), Шнуров как бы вписывает свой казус в высокую традицию автопортретуры западноевропейской классической живописи, но при этом пародийно снижает любые подозрения в пафосе живописным центоном — смесью собственного портрета с образами Ван Гога и Мусоргского (*Илл. 6*): «Очень интересную нашел работу. Ван Гог, силой искусства совмещенный со Шнуром, стал чем-то напоминать портрет Мусоргского, знаменитого не только своим пьянством, но и циклом “Картинки с выставки”, в котором озвученные <sic> экспонаты оживали и с помощью музыки выходили за пределы изображения» (26 февраля 2016).

В рамках спецпроекта на протяжении пяти лет группа нью-йоркских исследователей проанализировала около 16 миллионов фотографий в Инстаграме и обнаружила, что обычные пользователи выбирают сюжеты из своей жизни, подсознательно репродуцируя знакомый им устойчивый

Илл. 5, 6.

жанр семейной портретуры в центре интерьера или пейзажа. С тем отличием, что если ранее фотографическая техника и печать были довольно дорогим и трудоемким процессом (и, следовательно, культура диктовала щепетильный выбор объектов для меморизации), то сейчас набор тем расширился в силу возможности щелкать цифровым затвором, не задумываясь. Правда, отмечает Л. Манович, «можно фотографировать чашки с кофе, свои ботинки, собачку, но все равно есть какие-то конвенции», и существование семейной фотографии не зависит от количества лайков²⁸. Инстаграм Шнурова также тяготеет к стилистике «семейности», стимулируя у зрителя/читателя блога эффекты присутствия, разворачивая мизансцены из частной жизни — от ласкания любимой кошки и выпивания на домашней кухне до рутинной поездки по городу в такси — пунктиром через все это проходят ернические посты с участием сконструированных Шнуровым (и им же исполняемых) персонажей, в которых он убедительно перевоплощается по ходу пьесы, выступая вдобавок ко всему режиссером и менеджером по связям с общественностью²⁹.

Структурный и тематический анализ

Для исследования динамики в блоге Сергея Шнурова нами применялись методы количественного и качественного анализа.

В целях репрезентативного замера был выбран период длительностью год — 18 февраля 2017 / 18 февраля 2018. Наиболее частыми постами в лен-

²⁸ Ср.: «В этих снимках главное — содержание, которое интересно вашим знакомым, коллегам, родственникам. Конечно, сказать, что эти люди полностью отрицают эстетику, не совсем верно. Некоторые из этих фотографий более сконструированы, но с точки зрения профессионалов — это «плохая» фотография. <...> А есть другой тип: кафе, хипстеры, минимализм, серое на сером <...> поколение Instagram более внимательно. Они не боятся использовать уникальные возможности. Я в шутку это направление называю инстаграмизм. Тут тоже бывают пейзажи, но человек виден со спины, потому что делать селфи — это как-то пошло, мейнстрим» (Симакова 2017).

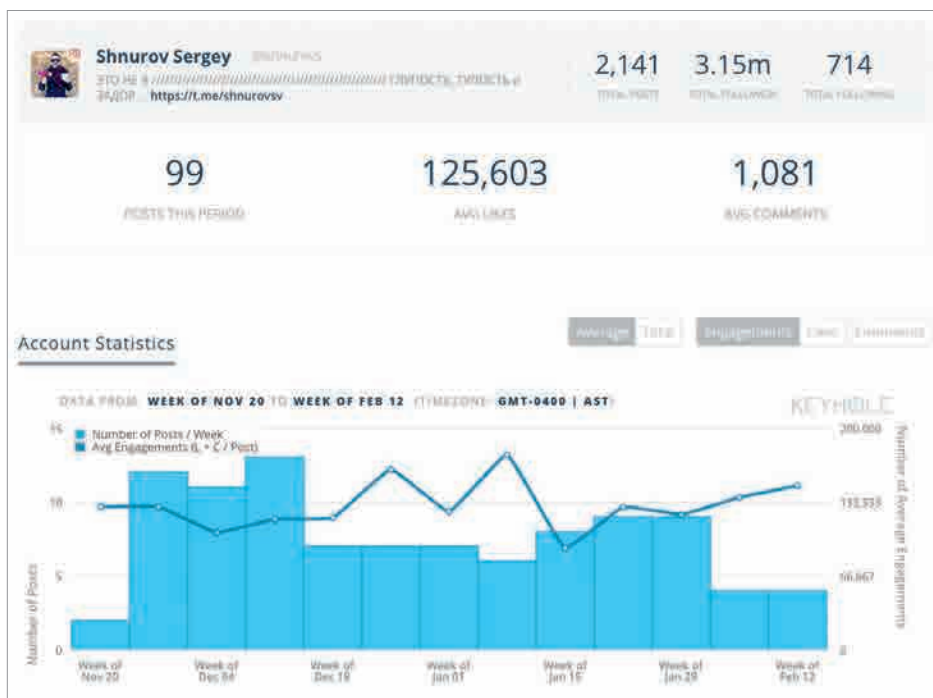
²⁹ В соцсетях Шнуров продолжает развивать навыки, отточенные еще в первой половине 1990-х, когда он работал на петербургской радиостанции «Модерн», где отвечал за PR стратегии компании.

Илл. 7. Анализ Инстаграма С. Шнурова за период февраль 2017/февраль 2018. (Инфографика генерирована с помощью программы Keyhole)

те музыканта за указанный отрезок времени были статические фотоизображения (61%), тогда как на долю видеофайлов пришлось 39% публикаций. Шнуров предпочитал не прибегать к помощи фильтров, искусственно улучшающих картинку: 88% выложенных им в сеть постов — необработанные изображения, сделанные при помощи мобильного смартфона фирмы Apple. В случаях, когда Шнуров редактировал качество изображения, то предпочтение чаще отдавалось фильтру Clarendon (правда, учитывая расположение кнопки этого фильтра — ближайшая справа от Normal — не ясно, обязан ли его выбор простому удобству или является результатом эстетического выбора). Затем, в порядке убывания по частоте употребления, для обработки небольшого количества фотографий Шнуров пробовал фильтры Ludwig, Dogpatch, Crema (см. илл. 7).

Географически подписчики Шнурова в Инстаграме проживают, главным образом, на территории бывших славянских республик Советского Союза: 57% располагаются в Российской Федерации, по 14% — на Украине и в Беларуси; оставшиеся 15% приходятся на долю пользователей, живущих в США и странах Европы (Германии, Англии и др.), а также в государствах с русскоязычной диаспорой, например, в Израиле. Что еще известно об аудитории лидера группы «Ленинград»? Чуть более 40% его фолловеров имеют от 100 до 999 друзей в собственных аккаунтах в Инстаграме;

Илл. 8. Анализ Инстаграма С. Шнурова. (Инфографика генерирована с помощью программы Keyhole)

у 53 % социальный круг насчитывает от одной до десяти тысяч владельцев мобильного приложения; известно к тому же, что чаще всего Инстаграм Шнурова посещают в середине недели (105 000 запросов приходится на среды и лишь около 80 000 — на пятницы).

В результате статистической обработки аккаунта С. Шнурова можно узнать любопытные вещи и о самом его владельце. Для макроанализа сфокусируемся на произвольном отрезке, который охватывает 100 постов, опубликованных подряд в течение трех осенне-зимних месяцев (2017–2018). За 13 недель активности в соцсети (с 20 ноября по 12 февраля) Шнуров опубликовал в общей сложности 99 постов, каждый из которых набрал в среднем по 125 603 откликов в виде лайков и по 1081 комментарий разной степени развернутости. В пропорциональном отношении из этого следует, что комментарий к посту оставляют менее одного процента подписчиков из числа тех, кто отметили одобрительное отношение в виде лайка. Наибольшая активность пользователей в Инстаграме Шнурова пришлось на первую половину декабря; затем (вероятно, в связи с новогодними праздниками) происходит спад интенсивности в сети, но с середины января вновь наблюдается тенденция к росту количества откликов читателей (см. илл. 8).

В топе хештегов, которыми помечены посты, вызвавшие максимальный респонс у шнуровских фанов (от ста тысяч и выше) в указанный период,

следующие: #followmeto, #чпх, #мутныйум, #вечернийургант, #ебумечту. Перечисленные хештеги, позволяющие маркировать и структурировать метаданные, используются не только Шнуровым, но именно ему принадлежит авторство аббревиатуры «Ч.П.Х.» (название одноименной песни 2017 года). Сочетание, которое расшифровывается как «чисто питерская хуйня», Шнуров ввел в обиходный словарь еще в 2008-м, описывая в интервью изданию «Собака.ру» явления, присущие Северной столице — например, рыбу корюшку.

Оптимальное количество знаков в постах Шнурова, собирающих в среднем выше ста тысяч просмотров, колеблется от 280 до 500 (примерно соответствуя короткому поэтическому тексту Шнурова в формате Инстаграма).

За историю существования частного аккаунта Сергея Шнурова рекордным по количеству просмотров постом (на момент написания статьи) оказался ролик от 31 декабря 2017 года, снятый в питерской квартире музыканта. В новогоднюю ночь на фоне украшенной гирляндами елки Шнуров под фонограмму песни «Вояж» в собственном исполнении дефилирует из угла в угол, воздевая руки в ломаном ритме Буратино; на заднем плане Матильда Шнурова в тапочках отплясывает с веселым Александром Невзоровым, силой праздничных обстоятельств выбитым из привычно транслируемого им образа желчного всезнающего сфинкса (3 968 651 просмотр; 294 672 лайков).

Далее по шкале популярности следует ролик дуэта Шнурова с актрисой Александрой Бортич, опубликованный за два дня до премьеры в России 8 марта 2018 года комедийного фильма «Я худею» (режиссер А. Нужный), в котором Шнуров и Бортич исполнили соответственно эпизодическую и главную роли. Пост был просмотрен 3 337 470 раз (и получил 122 470 лайков).

На третьем месте по популярности — пост с видео, запечатлевшим как в мужской раздевалке празднующие победу на Олимпиаде члены российской национальной сборной по хоккею поливают друг друга шампанским под незатейливый лирический припев звучащего трека «Ленинграда» («Просто светят звезды, / Просто во вселенной. / Как охуенно просто, / И просто охуенно!...»). Шнуров сделал перепост ролика 25 февраля 2018 года — в этот день в финале международного турнира в южнокорейском Пхенчхане россияне обыграли немцев со счетом 4:3. На волне патриотического энтузиазма публикация собрала 2 609 392 просмотров. Пост с героиней комедии посмотрели на семьсот тысяч человек больше, но показатель лайков (319 386) существенно выше у «хоккейного» ролика, что ожидаемо, когда спортивная тема усилена хорошо известным хитом, которым «Ленинград» торжественно заканчивает концертные программы последних лет.

Симптоматично, что в топе Инстаграма Шнурова три разных сюжета, в целом дающих рецепт по содержанию образцового блога: 1) пост с участием медиа-персоны Невзорова; 2) пост с красивой молодой актрисой;

3) наконец, пост с российскими спортсменами, воплощающий коллективную волю к победе и мемы вроде «вставания с колен». Тот факт, что все перечисленные коллизии ситуативно происходят за кулисами (на квартире у Шнурова, на репетиционной точке, в раздевалке), дают подписчикам Инстаграма основание убедиться, что их кумиры «такие же как и все люди» — они слушают ту же музыку, пьют шампанское, и точно так же искренне радуются, когда для того есть повод.

Статичные изображения в Инстаграме Шнурова собирают меньше просмотров, чем видео, но и среди фотографий также есть свои рекордсмены³⁰ — здесь пальму первенства держит снимок, на котором исполнитель позирует около трактора в заснеженном белорусском совхозе в образе небритого алкаша, наряженного в спортивный костюм и красную шапочку-петушок. Разгадка происхождения очередного шнуровского ампула была обнародована вместе с клипом на песню «8 марта» на белорусском языке. В выпущенном специально к международному женскому дню ролике лидер «Ленинграда» сыграл роль автомеханика, выпивающего с компанией в машинном цеху. Каким образом пост от 26 февраля 2018 года набрал 345 782 лайка, отчасти станет понятным из комментариев к публикации — приведем самые типичные из более чем четырех тысяч отзывов³¹:

metcigr: Правильно! Трактор это хорошо! Гламур заебал!

wild_music_lab_kg: Вот как [должен] выглядеть настоящий Рокстар.

aniskvorcova2233: Молодец ближе к народу!

tranknsk: Первый парень на деревне.

nuyro4ka_g: Больше таких фото! очень колоритно! настоящий работяга!!

anagudyma: У нас на даче есть такой персонаж Витя Косой, просто копия, только в валенках...

rolkoff: Чествуют спортсменов да ученых, вояк да политиков, а про простых работяг ни кто уже не вспоминает, ведь это хлеб для нас!

belmax26: Бомбезно, а то Бали, Тайланды... :)

Не обошлось без критических замечаний: пользователь **jagesfiya** резонно заподозрил: «Для клипа походу так оделся», тогда как подписчица **reginaslepchina** посетовала на недостаточную аутентичность образа: «Не плохо. Но штаны должны быть с вытянутыми коленками или хотя бы потертые или замазанные, а ботиночки поношенными»; **alexandr_smk** тоже разглядел, что Шнуров позирует в собственных туфлях: «И обувь стóит больше, чем трактор».

Второе место по востребованности среди фотографических постов завоевало изображение, на котором Шнуров, улыбаясь в объектив камеры,

³⁰ Речь может идти только о моментной абсолютной величине (т. е. цифре, показывающей уровень изучаемого явления или процесса на определенный момент времени или дату), и поскольку миллион новых (с 2016 г.) подписчиков не выставляет ретроактивные лайки постам двух- или трехлетней давности, то полученные данные заведомо не отражают картины со всей полнотой.

³¹ Здесь и далее стилистика и особенности написания постов (включая лексику и пунктуацию) сохраняют оригинальные версии.

Илл. 9. Пост из Инстаграма Шнурова от 10 марта 2014

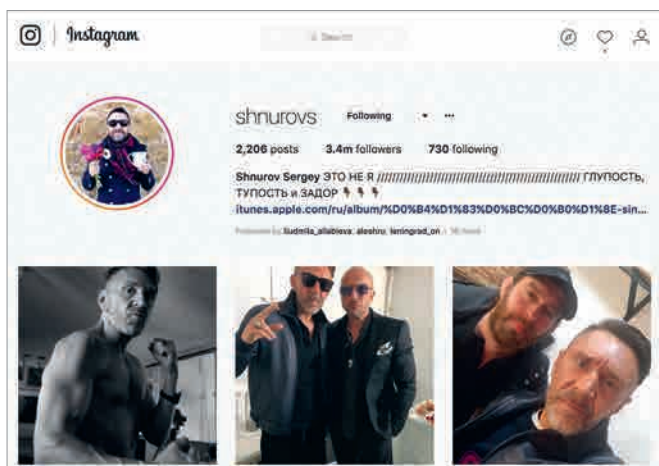
предлагает воображаемым читательницам своего блога букет алых роз (27 сентября 2017; 305 077 лайков). Пост сопровождался стихотворением, начинавшимся строками: «Во избежание душевных ран / И всяческой семейной хуеты, / Водите бабу чаще в ресторан / И иногда дарите ей цветы! / Хотя бы раз в неделю или боле, / Скажите комплимент, — “Как хороша!” / И попиздите с ней не о футболе, / У баб структурно тонкая душа <...>»³². Памятуя о приведенной во введении к этому исследованию статистике, постулирующей преобладание среди аудитории Инстаграма женщин, можно считать количество лайков выражением поддержки педагогическому призыву Сергея Шнурова, уловившему имплицитную неудовлетворенность прекрасной половины российского общества³³, которая, в свою очередь, отвечает певцу впечатляющей солидарностью с его высказываниями в соцсети³⁴.

Как и любой аккаунт в Инстаграме, шнуровский представляет собой постоянно обновляемую событийную ленту в хронологическом порядке (этот принцип был несколько скомпрометирован самим ведущим блога на ретроспективной выставке брендреализма, где одним из экспонатов служил арт-объект: дисплей с изображением фразы «Бегущая строка» — она

³² Две первые строфы с изменением одного слова позже войдут в текст песни «Эстетика» (сингл «Всякое», 2018), в которой среди дописанных кусков есть такой совет: «Послушай, если не сработал лайк под ее фото / И в коментах смайл положение не исправил...».

³³ В 2017 году Шнуров особо отметил женский день 8 марта в Инстаграме постом «За милых дамочек» с эмодзи в виде алых губ (на фотографии улыбающийся артист в качестве поздравления протягивает цветок тюльпана и поднимает рюмку).

³⁴ Подтверждением тому в многочисленных комментариях к посту, оставленных, судя по женским именам, преобладающим образом, подписчицами блога Шнурова, ср.: «**queen_of_gips**: Факт; **masya0308**: Красава!!!!; **larisa82s** Правда жизни!!!; **ellen8924**: Золотые слова!; **otmandaria@_lat**: согласна!; **elena_moskalenko**: Все, подписалась))))); **nadezh-dasigushina**: Идеальный стих; **tanya_epifanya** Все верно :)), и т. д.

Илл. 10. Скриншот Инстаграма Шнурова от 5 июня 2018

же название инсталляции³⁵ — при этом строка, наперекор логике и ожиданию зрителей, никуда не *бежала*, а *стояла* на месте).

Инстаграм Шнурова культивирует у подписчиков ощущение беспрепятственного праздника жизни — мотив, заявленный непосредственно на аватарке, украшающей главную страницу блога. В кружок помещен жизнерадостный фотопортрет Шнурова в темных очках и с букетом цветов (фото было опубликовано 10 марта 2014 года и с тех пор изображение не менялось, хотя это — всего лишь семнадцатый по счету пост в его архиве; см. ил. 9). Кредо владельца аккаунта выражено прописными буквами: «ЭТО НЕ Я /// ГЛУПОСТЬ, ТУПОСТЬ и ЗАДОР». До середины 2017 года функцию речевки выполнял другой девиз с внутренними рифмами: «#ЯХуярю-НаГитареВОхуительномКостюме», с лета 2018 года — сокращен до одного единственного слова: «Песенник». После «обнуления» аккаунта (когда Шнуров удалил все посты из своей предыдущей женатой жизни) появился новый-старый слоган, обыгрывающий довлатовскую фразу, давно ставший мемом русского Инета в девичьих профилях в соцсетях: «Меня трудно найти. Легко потерять. И невозможно забыть». Слоган на данный момент звучит так: «Плюй на все и торжествуй!»

Периодически Шнуров выступает на концертах в майке с надписью «Это не я» — что отнюдь не провокация, а состояние метафизического солипсизма, которое исповедует артист. Этим слоганом Шнуров как бы констатирует, что для него нет никакой реальности, кроме реальности его собственных ментальных состояний, и Инстаграм — всего лишь еще одно измерение в игровом пространстве без четких правил.

³⁵ Оммаж знаменитой картине сюрреалиста Рене Магритта «Вероломство образов» (1928–1929), на которой изображена курительная трубка, под которой рукописно выведена надпись «Это не трубка» (фр. *Ceci n'est pas une pipe*).

Методология анализа. Для исследования содержания нами были классифицированы все учетные записи Сергея Шнурова — от самого раннего (лето 2013) до февраля 2018-го, общим количеством 2137 сообщений. Посты были разделены на те, которые содержат видео или фотографии; в отдельную категорию выбраны сообщения, в которых доминирует слово (стих), а визуальный ряд функционирует как вторичный элемент. Далее посты были сгруппированы по тематическим гнездам:

1. Видео

- 1.1 Песни — исполненные только (пример: в номере отеля)
- 1.2 Песни — исполненные на сцене во время концерта
- 1.3 Частная жизнь (дом)
- 1.4 Отдых (отпуск)
- 1.5 Уличные сцены
- 1.6 Дорожные сцены (гастроли, путешествия)
- 1.7 С женой Матильдой
- 1.8 Видео поклонников
- 1.9 Непосредственное обращение к аудитории (типы апелляций варьируются)

2. Фотографии

- 2.1 Селфи
- 2.2 Селфи + (автопортрет, включающий членов-исполнителей группы «Ленинград», друзей, других знаменитостей, и т. д.)
- 2.3 Частная жизнь (дом)
- 2.4 Отдых (отпуск)
- 2.5 Уличные сцены
- 2.6 Дорожные (гастроли, путешествия)
- 2.7 С женой Матильдой
- 2.8 Изображения поклонников
- 2.9 Мода (сюда включались не только образчики Шнурова, одетого чрезмерно или подчеркнуто дендиобразно, но и, наоборот, когда он позировал почти голым; обращалось внимание на то, какие бренды он носит — Adidas, Louis Vuitton, и пр.)
- 2.10 Искусство
- 2.11 Кошки (или другие животные)
- 2.12 Посты с алкогольными напитками (бутылка водки как часть антуража) или едой (домашний стол, ресторан, общепит)
- 2.13 Прямая или скрытая реклама товаров или услуг

3. «Тексты»

Дескриптивные или художественные (в том числе зарифмованные сообщения), которые определялись по жанру сообщений:

- 3.1 Сатира
- 3.2 Текст песни
- 3.3 Политическое высказывание
- 3.4 Социальный или культурный эпатаж (скандальное вызывание)

Среди постов в блоге Шнурова, как и следовало ожидать, преобладают его собственные изображения (около 40%). Конвенциональные фотографические портреты (т. е. выполненные третьим лицом, в случае со Шнуровым никогда по имени специально не указываемым) доминируют над жан-

ром «селфиинстаняшек»³⁶; на 15 % снимков он позирует с одним или более сопровождающими, из которых 4,5 % снимков приходится на Матильду Шнурову. Около 2 % от общей массы фотографических постов можно отнести к демонстрирующим частную жизнь ведущего Инстаграма; сцен, так или иначе манифестирующих идею отдыха, — в два раза больше (4 % снимков). На раннем этапе ведения Инстаграма Шнуров чаще выставлял черно-белые фотографии из семейного архива; впоследствии он это практикует все реже. Корреляция между количеством лайков и увеличением/сокращением числа постов на определенную тематику в продолжительной перспективе свидетельствует о том, что Шнуров отслеживает предпочтения аудитории и соответствующим образом выстраивает свою информационную сетку. Скажем, изображение тарелки с объедками (октябрь 2014) набирает в два раза меньше лайков, чем непосредственно идущий за этим пост Шнурова с котиком на руках; как следствие, через неделю появляются сразу два снимка котиков и только одно фото обеденного стола со следами недавнего пиршества (позже кошачья тема и вовсе почти вытеснит кулинарную, за исключением кадров из петербургского ресторана «Сососо», в котором у Шнурова до недавнего времени было долевое участие). Другой пример — (де)сексуализация образа ведущего Инстаграма: фото прижавшегося к стволу дерева голого Шнурова сопровождалось подписью, направленной против увлечения пластиковой хирургией (9 января 2015). Пост набрал аномальную для своего времени сумму лайков (47 800 — при среднем в указанный период количестве 27 000). Спустя семь недель (27 февраля 2015) наблюдается повторный всплеск публичного одобрения, связанный с новым эксгибиционистским жестом: на этот раз аудитория откликается на фотографию голого Шнурова, сидящего на корточках в домашней ванне с мобильным телефоном в руках. Количество лайков приблизилось к предыдущему рекорду (42 970, что на десять тысяч больше, чем у предыдущего поста, и на двадцать две тысячи лайков больше, чем у немедленно за ним следующего). Парадоксальным образом, однако, то, что можно определить как фаллоцентричность дискурса, постепенно уходит из фотографического дневника на второй план. Символические и буквальные изображения эрегированного пениса или скабрзные намеки со временем начинают занимать в шнуровском аккаунте пропорционально все меньше места. Как это ни покажется странным, последнее обстоятельство объясняется именно ростом популярности Инстаграма Шнурова — блог ему уже не нужен в качестве нехитрого визуального раздражителя и, набрав критическую массу подписчиков, он модифицирует

³⁶ Определение самого Шнурова под фотографией, на которой он держит в руках раскрытую книгу Алексея Иванова — роман «Ненастье» (пост 17 июля 2015); в уменьшительно-ласкательной форме, происходящей от названия мобильного приложения, также упакована отсылка к молодежному сленгу, на котором «няшка» имеет значение милашки, симпатяги. Другой его силлогизм, обыгрывающий одновременно название медиума и питейные реквизиты — «#ИнСТОграммчики» (в посте от 16 марта 2014 года с изображением Шнурова, делающим собственное селфи с друзьями).

его в функциональное и многоцелевое пространство для диалога с фолловерами. Здесь находится место и скетчам-импровизациям под гитару, и отрывкам из выступлений на многотысячных концертах (5% от общего числа видеороликов), и уличным сценкам (2,1%), и дневнику путешествий (2,6%) (география которых, по понятным причинам, крайне обширна; ср. типичные анонсы в Инстаграме: «Вчера из Мурманска, сегодня во Владивосток»; «Полетели. Петербург — Дубай — Мальдивы (Мале) — гидроплан до острова Нуну — Мале — Сингапур...»). Впрочем, сам Шнуров, проделав однажды нехитрую арифметику с суммарным временем просмотров клипов «Ленинграда»³⁷, к строгому математическому анализу своих медийных каналов относится, скорее, с иронией.

«Осторожно, реклама!»

В Инстаграме музыканта прямой рекламы немного, что лишь подтверждает тезис о том, что главным брендом канала Сергей Владимирович Шнуров рассматривает себя самого³⁸, а извлечение добавочной прибыли из часто посещаемой поклонниками персональной страницы в соцсети не является его определяющей интенцией. На раннем этапе ведения фотоблога Шнуров разместил изображение рукописного объявления: «КАК ЗАРАБОТАТЬ 10 000 \$ в Инстаграме?» (28 августа 2014) и тут же, в подписи к посту, упредил вопросы и пригласил делиться мыслями: «Ответ в комментариях...»³⁹. Спустя четыре года Шнурову уже не нужно спрашивать, как ему при желании заработать десять тысяч долларов — перейдя в категорию «трехмиллионника» по числу подписчиков, теоретически он может просить до 75 000 долларов за заказной пост (The Data Team 2016).

Ведущим брендом класса люкс с более чем 25 миллионами подписчиков на платформе Инстаграма является французский модный дом *Chanel*,

³⁷ Ср. его пост от 18 марта 2015 года: «Сто шестнадцать миллионов просмотров у ютьюб канала “Ленинграда”. В среднем, клип длится не больше двух с половиной минут. 290 000 000 минут общего времени просмотров. Это примерно — 4 833 333 часов. 201 388 дней. Пятьсот пятьдесят один год человеческого времени суммарно. Это пять с половиной веков». В ответ на выкладки один из фолловеров возразил, что «большинство случайно заходит», а другая пользовательница флегматично добавила: «При средней продолжительности жизни 65 лет — это жизни девяти человек».

³⁸ Ср.: «Эпатаж — это ярлык, который заставляет не думать, — сказал Шнуров. — В моих работах есть и серьезность, ведь Сергей Шнуров — это тоже бренд. Бренд, который манипулирует брендами» (цит. по сообщению информационного агентства ТАСС от 6 июня 2017. <http://tass.ru/kultura/4318196>).

³⁹ Советы фолловеров были в меру остроумны и немногословны, например: «Удалить инстаграм» (**rodiongolovanov**). Пользователь под ником **lenamsq** предложила С. Шнурову организовать «фонд помощи исконно русскому классическому матерному слову» и с жалостливым призывом объявить о сборе денежных средств на восстановление исторической замысловатой и забористой матерной ругани «...» просить всех неравнодушных откликнуться и помочь, ибо заебал. Думаю, 10 000 \$ не ограничится...». Из других советов: «**mari_violin**: Наверное нужно быть популярным!); **dmitry_ostrovsky**: прикатывая в Ярославль с концертом!!! Очень жд!!!; **dmitrii_alexandrovich**: Развести кого нить; **roman-paley**: наебка какая-то; **mr_farion**: Никак!».

Followers	YouTube	facebook	Instagram
100k - 500k	\$12,500	\$6,250	\$5,000
500k - 1m	\$25,000	\$12,500	\$10,000
1m - 3m	\$125,000	\$62,500	\$50,000
3m - 7m	\$187,500	\$93,750	\$75,000
over 7m	\$300,000	\$187,500	\$150,000

Илл. 11. Таблица подготовлена журналом *The Economist* (2016)

за ним следуют *Louis Vuitton*, *Gucci* и *Christian Dior* (данные на февраль 2017). Пародией на эту рекламную функцию социальных сетей стал пост Шнурова от 23 сентября 2014 года (22 946 лайков): на фото он позирует в вызывающем наряде на фоне нарочито обыденной стены, а подпись имитирует пояснения из глянцевого журнала, которыми обычно сопровождают модельные снимки: «Шляпа *Lanvin*. Пальто *Fendi*. Сапоги *Marsel*. Галифе *Snurovs*. Свитер *Benetton*. Вот и написал я свой самый интересный и содержательный пост. Есть над чем подумать, поразмышлять. Да и без мата прекрасно все выразил. *#царьинстаграма*, *#серьедни*».

Скептическое отношение Шнурова к вещам дорогих брендов не помешало ему испытать рекламные возможности Инстаграма. Из нескольких его опытов по рекламированию в соцсети достоин упоминания казус с маринованными огурцами марки «6 соток». В преддверии нового 2017 года он разместил пост, который при 624 659 просмотрах собрал «всего лишь» 40 239 лайков (22 декабря 2016). Видео под пародийным названием «Новогоднее обращение к россиянам Сергея Владимировича Шнурова», в котором певец аппетитно вынимает пальцами содержимое прямо из банки, сопровождалось признанием: «Без рекламы, а для справки — огурцы реально охуенные». Реакция пользователей оказалась неоднозначной: кого-то возмутил сам факт открытой рекламы в шнуровском Инстаграме, другие не согласились со вкусовыми качествами предложенного продукта⁴⁰.

Год спустя пост с трейлером фильма «О чем говорят мужчины. Продолжение» Шнуров предваряет объявлением: «Осторожно, реклама!»⁴¹.

⁴⁰ Примеры типичных респонсов: **zhanna_o**: Попробовали эти огурцы полный отстой!!! не хрустят и кисляк, вообще отстой!; **stanislavmazin**: Как Шлюха, проданся и ты... не ожидал; **raketa_07**: По 150?; **pachache**: не соглашусь, уксуса много, приезжайте к моей теще); **knn_56**: Огурцы реально зачетные похожи по вкусу как моя мама делает; **mikhailkazakov85**: после просмотра повелся пошел купил огурчики хуйня не хрустящие нет вкуса только разочаровался Серега не наёбываю народ 6 соток; **mikhailkazakov85@aleksey5791**: тоже повелся; **anastasijaroyce** очень вкусные огурцы, не так много уксуса; **trudn0**: попробовал, огурцы хуевые; **dinaudio.ru**: Пропаганда водяры. Жрите идиоты; **0_zuvs**: Огурцы шляпа полная!!!; **bopbibob**: Огурцы говно. Серега».

⁴¹ Дата публикации Шнурова — 24 февраля 2018 года (два дня спустя после официальной премьеры фильма в России) — была согласована с отделом маркетинга киностудии.

Комедию режиссера Ф. Фархшатовой в кинотеатрах посмотрели 1,43 миллиона зрителей и кассовые сборы картины в России составили 7 028 200 долларов. Учитывая, что реклама в Инстаграме Шнурова собрала 61 889 лайков при 731 732 просмотрах, не будет преувеличением предположить, что часть билетов оказалась распроданной благодаря появлению ролика в шнуровском блоге; следовательно, существует связь между размещением рекламного поста в блоге популярного музыканта и коммерческим успехом фильма у определенного сегмента российских кинозрителей.

И все же прикладная сила рекламы в хорошо смазанном механизме Инстаграма работает по-настоящему только в одном направлении — для промоутирования собственного имиджа Шнурова и его музыкального материала. Выше отмечалось, что блог используется им для обкатки мемов (вроде «сейчас я причиню вам радость!») и модулей будущих композиций «Ленинграда». Не каждый новый стих, появляющийся в Инстаграме, непременно зазвучит как песня, но при ретроспективном чтении ленты в некоторых постах легко разглядеть эскизы и наброски для коммерческих релизов месяцы спустя. Покажем, как это работает на примере одного поста от 17 октября 2017 года. В амстердамском аэропорту «Схипхол» Шнуров ставит пост в жанре селфи — зажав в зубах прикуренную сигарету, автор меланхолично смотрит в камеру, склонившись к бокалу с красным вином. Пост сопровождается коротким стихотворением, которое ровно через полгода оказывается включенным (с модификациями, отмеченными ниже в квадратных скобках) в качестве отдельного трека в сингл под названием «Всякое»⁴². И если в момент дебютной публикации стихотворение получило одобрительную реакцию в виде 170 950 лайков, то снабженный припевом и положенный на мелодию, этот же текст становится доступным аудитории на несколько порядков большей (на одном только официальном YouTube-канале группы зарегистрировано 700 тысяч просмотров-прослушиваний песни):

Путина, конечно, жалко.
 Столько лет одно и то же.
 Нет, табако или алко
 Он себе позволить может,
 Но немного. В кабинете
 Только, чтоб никто не видел.
 Выкурит по сигарете,
 С кем-нибудь, кто служит в МИДе.

⁴² Только за пять дней видео с премьерой песни на концерте «Ленинграда» (31 марта 2018) посмотрели 1,7 миллиона человек; как писало — с понятным злорадством — украинское издание «Факты»: «В свойственной им манере музыканты знатно потроллили Путина» (см. <http://fakty.ua/263308-putina-konechno-zhalko-gruppa-leningrad-vypustila-novyy-clip-18>). Дата релиза сингла «Всякое» — 12 апреля 2018 года — совпала в России с периодом повышенной политизации общества, поставленного перед фактом перевыборов президента В. В. Путина.

[добавлен припев:

*Невозможно сложная
У Путина стезя:
Вроде бы, ему все можно,
Вроде бы, ему все можно,
Вроде бы, ему все можно, — но нельзя!]*

Или выпьет по-писят,
Но без русского размаха.
Камеры везде висят,
Палево повсюду, нахуй!
В личной жизни он степенен.
Ну а как? Когда? И с кем?
Не гулять ему ж, как Ленин.
В **женском**, сука, парике.

[исправлено на: «В **лысом**, сука, парике»]

Все не так, как у людей.
Мимо рта и по усам.
Ну не в Кремль **же** блядей

[исправлено на: «Ну не в Кремль **ж** ему блядей»]

Вызывать, подумай сам.
Вот и ездит он по встречам.
То охота, то рыбалка.
То Шойгу зайдет, то Сечин.
Путина, конечно, жалко.

*[Невозможно сложная
У Путина стезя:
Вроде бы, ему все можно,
Вроде бы, ему все можно,
Вроде бы, ему все можно, —
Но по факту ничего нельзя!]*

Как видим, исправления касаются исключительно эквиритмики (версификаторской задачи уложить строку в стихотворный размер), а также устранения семантической небрежности оригинала в отношении парика революционера-бунтаря. Политизированный оттенок — и даже фронда — стихотворения в песенной версии остаются неизменными не в последнюю очередь благодаря изучению автором активности пользователей, оставивших в ленте Инстаграма одобрительные комментарии по следам осеннего поста⁴³.

⁴³ Репрезентативные краткие отклики («**mironenko7421A**: вот мне не жалко его, но стих клевый; **veselovskayaliza**: 5 баллов) а главное в точку») стоит дополнить развернутым геополитическим аргументом пропутинской слушательницы под ником **aygulechka1974**, отвечающей на реплику одной из предыдущих участниц дискуссии: «я не больная если Ты не разбираешься в политике сиди и сопн во все дыры тыкает она мне полстраны спилось пенсионерам на лекарства не хватает она об Америке и третьей мировой войне думает Америка боиться на Россию рыпнуться какая нахрен третья мировая? По оборонке он молодец базара нет но о народе не думает!»).

Но и сами пользователи более чем внимательно относятся к постам своего героя в Инстаграме; упомянем здесь попытку вычислить месторасположение его петербургского дома по экстерьерам или видам из окон, время от времени попадающим в кадр. Представители молодого поколения, обитающие в семиэтажном доходном доме Р. Г. Веге (постройка 1912–1914 годов в стиле неоклассицизма; точный адрес опустим), знают, что соседи их — Сергей и Матильда Шнуровы: «Они не особо скрывают, что живут здесь. *Постоянно в инстаграм выкладывают фото.* Дом приметный, Шнурова все знают — сопоставить одно с другим несложно. Еще у него тут на набережной какое-то время стояла ретромашина — кажется, красно-белый кадиллак. А один раз я возвращалась домой с ночной смены в четыре утра и видела Шнурова, который сидел на поребрике с дворником — оба пьяные. Они мне сказали: “Здравствуйте!” И я им сказала: “Здравствуйте!” *Однажды видела, как они с Матильдой под дождем на балконе снимали видео в инстаграм*»⁴⁴. Разумеется, соседка не могла знать с достоверностью, фотографируются ли супруги на память, или действительно позируют для того, чтобы выложить снимок в Инстаграм, между тем показательна здесь презумпция публичности (и даже прозрачности) существования пары, когда каждый шаг ее соседями истолковывается как направленный на поддержание медийного образа.

Искусство цифрового протеста

Начав с протеста против пафосного ореола перестроечной рок-музыки в России, Шнуров последовательно деконструирует режимы власти и романтизируемых борцов с ней. Как пишет современный философ Йозеф Реев, на определенном этапе романтизм прогрессивен, однако, когда искусство «обретает возможность стать действенным механизмом изменения действительности, эта прогрессивность превращается в реакционность» (Реев 2014: 156). Само существование своего первого музыкального коллектива «Ухо Ван Гога» Шнуров сравнил с писсуаром Марселя Дюшана, водруженным на пирамиде из традиционных «ценностей русского рока»⁴⁵.

7 мая 2018 года, в день инаугурации на четвертый (фактически, пятый) срок президента России, Шнуров опубликовал в Инстаграме пост «Вова, как основа»:

Вы не видели где Вова?
Вышел? Нет, как раз пришел!

⁴⁴ См. интервью с 22-летней Сашей Королевой (Галкина 2017). Курсив мой. — Ю. Л.

⁴⁵ В содержательной статье А. Островского, опубликованной по-английски, ср.: «Свою первую группу он назвал “Ухо Ван Гога”... “Это было похоже на писсуар Дюшана. Мы восставали против всех этих ‘ценностей русского рока’, против ‘исповедей’ и ‘протестов’, потому что нет на Руси ничего более коммерциализированного, чем само понятие протеста...” <...> Шнуров держится в стороне как от противников режима, так и от тех, кто его представляет. “...Я пытался разрушить этот гребаный романтизм, как устаревший жанр...”» (Ostrovsky 2017). Перевод мой. — Ю. Л.

Вова к нам вернулся снова,
 Чтобы было хорошо!
 Без него никак не можно!
 Это факты, а не лесть!
 Вкус теряется пирожных,
 Если без него их съесть.
 Всех изданий заголовки,
 Затрубят на зависть Басте, —
 «Если где-то нету Вовки,
 Там случается несчастье!»
 Посмотрел на нас всех строго.
 вспыхнул свет паникадил.
 Он вернулся! Слава Богу!
 А точнее — не уходил.

На фотографии к посту Шнуров стоит спиной к картине с надписью «Володя, где ты?» с левой стороны и предполагаемым ответом на вопрос справа: «Я здесь». В подписи к публикации отсутствуют какие-либо пояснения, поэтому подписчикам пришлось самим восстанавливать контекст; между тем, автор блога соединяет два контекста — сатирический текст-реакцию на политическую ситуацию России 2000-х и образчик эстетического протеста предшествующего поколения советских художников-концептуалистов конца 1970-х — начала 1980-х годов. Картина⁴⁶, на фоне которой позирует Шнуров, — часть выставки Эмили и Ильи Кабаковых, открывшейся в Главном штабе Государственного Эрмитажа в апреле 2018 года (для внимательных фолловеров у Шнурова спрятана подсказка: в одном из предшествующих постов в Инстаграме он выложил селфи с М. Пиотровским в кабинете директора музея). Название выставки «В будущее возьмут не всех» глубоко символично для Шнурова, высекающего новые смыслы из актуальных реди-мейдов. В цифровом пространстве границы протеста и высокого искусства смазываются: политическое сопротивление переходит в область акционизма и, как следствие, любой жест в силу своего интенционального сдвига может неожиданно прочитываться с идеологизированным оттенком. К примеру, брат Алексея Навального Олег, отбывающий срок в колонии по «делу “Ив Роше”» (Европейский суд признал дело сфабрикованным), завел Инстаграм-аккаунт с тюремными рисунками, из которых был сверстан календарь на продажу в целях сбора денег для «борьбы с жуликами и ворами». В дни президентских выборов 2018 года Алексей Навальный обратился к своим сторонникам с призывом «Шопимся за Навального»⁴⁷. Таким образом происходит микширование коммер-

⁴⁶ Илья Кабаков. Зубная щетка. 1972. Бумага, графитный карандаш, тушь. Частное собрание.

⁴⁷ См.: «Наш фандрейзинговый магазин снова расширяет свой ассортимент. В продажу поступили крафтовые календари, сделанные по эскизам Олега Навального. Это настоящий эксклюзив от самого медийного политзэка России. А унести его домой можно в одной из моднейших сумок, скидка на которые уже превысила 50%» (<https://2018.navalny.com/shop/>, ссылка недоступна).

ции, искусства и политической активности⁴⁸. Поскольку политическая кампания опирается на значительные ресурсы, то команда Навального пытается диверсифицировать источники финансирования протестного движения, чтобы не зависеть исключительно от краудфандинговых возможностей. Парадоксальным образом и Навальный, и Шнуров параллельно борются за расширение поля высказывания в контексте жесткой системы путем активного ангажирования лояльной им публики. Вряд ли от продажи параферналии ожидается существенная прибыль, но сам процесс становится оригинальным способом не столько заработать, сколько брендировать идею (Шнуров делал предпринимательские попытки наладить продажу собственной линейки одежды и обуви под хитрым названием «Шнурок»). Для эффективности воплощения своих проектов Шнуров и Навальный последовательно изучают целевую аудиторию и ее среду — которая, в принципе, более или менее у них совпадает: клерки и «менеджеры среднего звена» (герои одноименной песни и клипов «В Питере — пить!» и «Никола»), гламурные барышни (амплуа Ксении Собчак и девушек из клипов-блокбастеров «Сумка», «На Лабутенах», «Париж»), водители грузовых фур и жертвы телевизионных массовок (амплуа соратника Шнурова по «Ленинграду» А. А. Попова по прозвищу «Пузо») — то есть самые что ни на есть архетипические «маленькие человеки» русской литературы, которых в упор не желает разглядеть государство-Левиафан.

О политике в России Шнуров говорит, не стесняясь, правда последовательно в ироническом ключе и смещая дискуссию в плоскость протестного искусства (территориальные претензии к соседу суммируя хештегами *#марснаш* и *#русскийкосмизм*⁴⁹). Шнуров критикует не только схематичную риторику власти⁵⁰, но и выработанные на нее в обществе рефлексy; в позиции над схваткой он предпочитает глаголом *жечь* сердца одинаково как патриотов, так и либералов:

⁴⁸ Шнуров даже в Инстаграме может увидеть перспективы для бизнеса: после того, как подписчик **strannik93** оставил комментарий к одному из его постов («Я искренне люблю ваше творчество и даже покупал футболки в интернет магазине. Обидно, что компания с которой вы работаете использует для печати футболки второго (или даже третьего) сорта. <...> не подумайте что напрашиваюсь в бизнес, но если нужна надежная фабрика в Турции — могу помочь. Работал с ними с 2000 года и ребята на удивление ответственные и вменяемые»), Шнуров ответил кратко и по делу: «Нужны. Киньте контакт ваш в личку».

⁴⁹ В марте 2014 года Крымский полуостров стал объектом территориальных разногласий между Россией и Украиной, породивших победный неологизм «Крымнаш»; в посте от 2 октября Шнуров, даже не упоминая слова Крым, отзывается стихом-пародией на имперскую политику Кремля: «Меркли огни в Алма-Ате, Улан-Баторе. Космодесант набирал высоту. Звезды мелькали в иллюминаторе. Курсом прямым мы летим на Мечту. МАРС НАШ! Красной планеты бури суровые, Инопланетные твари нас ждут. Во имя Разума подвиги новые, В бой роковой нас с тобою введут. МАРС НАШ! Славу оружия русского, мощного, Мы по галактике распространим. Наша судьба это лишь многоточия звезд и планет мы летим уже к ним. МАРС НАШ! P. S. Очень люблю фильм “Звездный десант”. Смотрел его раз сто. *#русскийкосмизм*, *#имперскийстиль*, *#лучихуйни*, *#марснаш*» (в оригинале сплошной текст, не поделенный на строки и строфы. — Ю. Л.).

⁵⁰ Например, одна из инсталляций на выставке брендреализма Шнурова представляла собой отлитый во внушительного размера объемные буквы мем — ставшая крылатой

Вчера приснился сон прекрасный —
 Москва сгорела целиком.
 Пожар на площади на Красной,
 И тлеет бывший Избирком.

Никто не выжил — все сгорели,
 Все Pussy, Путин и Собчак,
 И у стены кремлевской ели
 Горели охуенно так.

Сгорел Медведев и Навальный,
 И будущий и бывший мэр;
 Лужков приехал как специально,
 Но не успел принять он мер.

Горели люди на Болотной,
 ОМОН сгорел и все менты,
 А с неба дождик шел кислотный,
 Еще для большей красоты...

(«Москва, почему звонят твои колокола?», 2012)

Для иллюстрации тезиса про отношение Шнурова к искусству протеста обратимся к его посту в Инстаграме (5 мая 2015): «Странно то, что никому сегодня в голову не приходит простая мыслишка, что мораль и духовность далеко не одно и то же. Или специально смешивают понятия? Говорят “духовность” на самом деле имея ввиду мораль. Духовность тем временем может быть аморальной, а мораль бездуховной. Василия Блаженного вряд ли можно назвать человеком морали. Голым по Москве разгуливал, сквернословил и много чего еще. “Какой вы пример подаете детям, Василий? Как вам не стыдно? Взрослый человек же! Совести у вас нет!” #мореморали, #худдух». Фраза «голым по Москве» в контексте современного политического искусства в России не может не навести читателя на ассоциации с известным перформансом, который 10 ноября 2013 года провел на Красной площади Петр Павленский. Художник-акционист прибил гвоздем к кремлевской брусчатке свою мошонку, позже объяснив, что этот жест следует рассматривать как метафору апатии, политической индифферентности и фатализма современного российского общества (акция получила название «Фиксация»). Ранее в мае 2013 года Павленский провел не менее шокирующую акцию протеста «Туша» в Петербурге, направленную против репрессивной политики властей. Обмотав себя колючей проволокой, он лег перед зданием городского Законодательного собрания («Человече-

фраза премьер-министра России Дмитрия Медведева «Денег нет, но вы держитесь», сказанная им на встрече с крымскими пенсионерами. Шнуров вновь использует этот мем в предновогоднем поэтическом посте в Инстаграме: «...Дед Мороз опять простужен — / “Снега нет, но вы держитесь!” <...> Из воды не слепишь ком. / Умоляем, — дайте снега, / Как Навальный Избирком. / Регистрации хотел он? / Но Панфилову не зли. / “Занялись уже бы делом! / Нам бы снега привезли!”» (28 декабря 2017); за три дня до публикации поста Центральная избирательная комиссия России под председательством Э. А. Памфиловой отказалась допустить политика А. Навального до выборов президента.

ское тело голое, как туша, на нем ничего нет, вокруг него проволока, избретенная для охраны домашнего скота»⁵¹).

По следам протестных мартовских митингов 2017 года, инспирированных расследованием «Он вам не Димон» активистов ФБК (оппозиционного Фонда борьбы с коррупцией), бывшая вокалистка «Ленинграда» Алиса Вокс выпустила песню «Малыш» про школьников-«марионеток», которые ходят на митинги вместо того, чтобы «не лезть в политику» и «учить матчасть». В клипе Вокс изображает сексапильную учительницу, а на школьной доске за ней возникает изображение мелом подростков, забравшихся во время акции в Москве на фонарный столб. В посте от 16 мая 2017 года Шнуров отреагировал на заказуху с присущей ему едкостью:

Матчасть? Та часть что с матерком?
 Тут каждый школьник с ней знаком.
 Ты ХУЙ на стенке напиши,
 Прочтут все, даже малыши.
 Под смех и шум, под смелый гам,
 Прочтут, пусть даже по слогам.
 По языку родному тест
 Пройдут.
Хуй — тоже ведь протест.
 Против пизды и пиздеца,
 Против ханжи и подлеца,
 Против унылой вялой скуки,
 Что под искусством эти суки,
 Нам втюхать сильно так хотят.
 Всем лайкать, блядь, теперь котят?
 Живите, дети, мол не шибко,
 В свободе кроется ошибка.
 Нет, малыши не дураки,
 Хуйню не станут есть с руки.

Выделенная курсивом в стихотворном послании выше чеканная фраза «Хуй — тоже ведь протест» заряжена особым смыслом. Как и в случае с «голым по Москве», Шнуров, чуткий к подобного рода фигурам речи, вызывающим в культурном словаре повседневности конкретные реминисценции, отсылает, помимо прочего, к знаменитой акции арт-группы «Война», совершенной в ночь на 14 июня 2010 года, в день рождения Че Гевары, в Петербурге. В ту ночь в течение 23 секунд акционисты нарисовали флюоресцентной краской 65-метровый фаллос на Литейном мосту: при разведении моста рисунок поднялся ввысь, издевательски оказавшись напротив здания ФСБ. Акция получила название «Хуй в плену у ФСБ» и вскоре была отмечена премией «Инновация» в номинации «Произведение визуального искусства».

Как выразился Петр Павленский (в статье «Бюрократическая судорога и новая экономика политического искусства»), искусство — это работа

51 Из интервью П. Павленского (Волчек 2013).

со смыслами и формой выражения этих смыслов: «Смысл несет в себе предназначение. А это область непосредственного понимания» (Павленский 2016: 125). Шнуров не столько артикулирует свои политические взгляды, сколько последовательно демонстрирует сложные комбинации конформизма и анархизма⁵² в обществе спектакля, где Олимпийские игры в Сочи, танец Pussy Riot на амвоне, поджог дверей ФСБ Павленским, война на Украине и бомбежки в Сирии прочитываются как события одного порядка — а именно эстетически сконструированные медийные перформансы, предназначенные для максимально большой по охвату аудитории. За каждой медийной историей стоит сценарий, режиссер и актеры-исполнители (будь то спортсмены, музыканты, летчики, охранники, следователи, и т. д.), и сама акция не сводится к «одноразовому исполнению, или сингулярному событию — она предполагает реакцию властей, специальных “органов”, зрительскую аудиторию» (Erofeev 2018: 267). Инстаграм Шнурова — еще одна площадка в постмодернистской по исполнению, но архаичной по происхождению и предназначению театрально-массовой постановке.

ЛИТЕРАТУРА

- Волчек Дмитрий. «Культурный дневник: В Страстную пятницу». *Радио Свобода*, 08.05.2013. <https://www.svoboda.org/a/24978110.html>
- Галкина Юлия. «Я живу в доме ультрамаринового короля» (Петербург). *The Village*, 19.04.2017. <http://www.the-village.ru/village/city/where/262804-ultramarine-king>
- Павленский Петр. *Петр Павленский о русском акционизме*. М.: АСТ, 2016.
- Регев Йозель. «“Реляции с поля битвы”»: искусство и конфликт». *Транслит* 15–16 (2014): 153–156.
- Семеляк Максим. *Ленинград. Невероятная и правдивая история группы*. М.: Эксмо, 2017.
- Симакова Евгения. «Лев Манович о революции в культуре в эпоху Instagram». *Собака.ru*, 23.11.2017. <http://www.sobaka.ru/city/society/64992>
- Собчак Ксения, Шнуров Сергей. «Шнуров в интервью Собчак для Forbes: “С точки зрения денег мне надо идти во власть, это кратчайший путь”». *Forbes* 8 (2017), 24.07.2017. <https://www.forbes.ru/biznes/348283>
- Шнуров Сергей. «Сергей Шнуров: да, я циник!» [Интервью Андрея Ванденко с С. Шнуровым]. *ТАСС: Первые лица*, 20.12.2020. <https://tass.ru/top-officials/10250547>
- Якобсон Роман. «Лингвистика и поэтика». Пер. с англ. И. А. Мельчука. *Структурализм «за» и «против»*. М.: Прогресс, 1975: 193–230.
- Colliander J., Marder B., Falkman L. L., Madestam J., Modig E., Sagfossen S. “The social media balancing act: Testing the use of a balanced self-presentation strategy for politicians using twitter”. *Computers in Human Behavior* 74 (2017): 277–285.
- Erofeev Andrei. “Radical art actionism”. *Russia — Art Resistance and the Conservative-Authoritarian Zeitgeist*. Edited by Lena Jonson and Andrei Erofeev. London; New York: Routledge, 2018: 264–270.

⁵² Ср.: «...Несистемность давно уж система./Беспринципность единственный принцип/И в фейсбуке мусолится тема —/ ‘Нам БГ предложил всем напиться!’/Распадается смыслов поленица./И шатается пьяный медведь./Если Боря решил наебениться./Значит я уже буду трезветь» (22 июля 2017). Это — прямой ответ Борису Гребенщикову, опубликованному 19 июля 2017 года на YouTube видеоклип на новую песню с политическим подтекстом «Время наебениться», чей припев звучит так: «Время умирать и время рождаться./Время обнимать и время уклоняться./Время бить челом и время ерепениться/И вот оно — время наебениться».

- Giannoulakis S., Tsapatsoulis N. "Evaluating the descriptive power of Instagram hashtags". *Journal of Innovation in Digital Ecosystems* 3.2 (2016): 114–129.
- Jerslev A., Mortensen M. "What is the self in the celebrity selfie? Celebrification, phatic communication and performativity". *Celebrity Studies* 7.2 (2016): 249–263.
- Khamis S., Ang L., Welling R. "Self-branding, 'micro-celebrity' and the rise of Social Media Influencers". *Celebrity Studies* 8.2 (2017): 191–208.
- Kim D. H., Seely N. K., Jung J.-H. "Do you prefer, Pinterest or Instagram? The role of image-sharing SNSs and self-monitoring in enhancing ad effectiveness". *Computers in Human Behavior* 70 (2017): 535–543.
- Marcus Sarah-Rose. "'Picturing' ourselves into being: Assessing identity, sociality and visuality on Instagram". Paper presented at the 65th Annual International Communication Association Convention, San Juan, Puerto Rico, May 21–25, 2015.
- Moon J. H., Lee E., Lee J.-A., Choi T. R., Sung Y. "The role of narcissism in self-promotion on Instagram". *Personality and Individual Differences* 101 (2016): 22–25.
- Ostrovsky Arkady. "Rocking the Kremlin". *The Economist*, 09.08.2017. <https://www.economist.com/1843/2017/08/09/rocking-the-kremlin>
- The Data Team. "Celebrities' endorsement earnings on social media". *The Economist*, 17.10.2016. <https://www.economist.com/graphic-detail/2016/10/17/celebrities-endorsement-earnings-on-social-media>

LITERATURE

- Colliander J., Marder B., Falkman L. L., Madestam J., Modig E., Sagfossen S. "The social media balancing act: Testing the use of a balanced self-presentation strategy for politicians using twitter". *Computers in Human Behavior* 74 (2017): 277–285.
- Erofeev Andrei. "Radical art actionism". *Russia — Art Resistance and the Conservative-Authoritarian Zeitgeist*. Edited by Lena Jonson and Andrei Erofeev. London; New York: Routledge, 2018: 264–270.
- Galkina Yuliia. "'Ya zhivu v dome ul'tramarinovogo korolia' (Peterburg)". *The Village*, 19.04.2017. <http://www.the-village.ru/village/city/where/262804-ultramarine-king>
- Giannoulakis S., Tsapatsoulis N. "Evaluating the descriptive power of Instagram hashtags". *Journal of Innovation in Digital Ecosystems* 3.2 (2016): 114–129.
- Jakobson Roman. "Lingvistika i poetika". Transl. by I. A. Mel'chuk. *Strukturalizm "za" i "pro-tiv"*. M.: Progress, 1975: 193–230.
- Jerslev A., Mortensen M. "What is the self in the celebrity selfie? Celebrification, phatic communication and performativity". *Celebrity Studies* 7.2 (2016): 249–263.
- Khamis S., Ang L., Welling R. "Self-branding, 'micro-celebrity' and the rise of Social Media Influencers". *Celebrity Studies* 8.2 (2017): 191–208.
- Kim D. H., Seely N. K., Jung J.-H. "Do you prefer, Pinterest or Instagram? The role of image-sharing SNSs and self-monitoring in enhancing ad effectiveness". *Computers in Human Behavior* 70 (2017): 535–543.
- Marcus Sarah-Rose. "'Picturing' ourselves into being: Assessing identity, sociality and visuality on Instagram". Paper presented at the 65th Annual International Communication Association Convention, San Juan, Puerto Rico, May 21–25, 2015.
- Moon J. H., Lee E., Lee J.-A., Choi T. R., Sung Y. "The role of narcissism in self-promotion on Instagram". *Personality and Individual Differences* 101 (2016): 22–25.
- Ostrovsky Arkady. "Rocking the Kremlin". *The Economist*, 09.08.2017. <https://www.economist.com/1843/2017/08/09/rocking-the-kremlin>
- Pavlenskii Petr. *Petr Pavlenskii o russkom aktsionizme*. M.: AST, 2016.
- Regev Yoel. "'Reliatsii s polia bitvy': iskusstvo i konflikt". *Translit* 15–16 (2014): 153–156.
- Semeliak Maksim. *Leningrad. Neveroiatnaia i pravdivaia istoriia gruppy*. M.: Eksmo, 2017.
- Shurov Sergei. "Sergei Shurov: da, ia tsinik!" [S. Shurov interviewed by Andrei Vandenko]. *TASS: Pervye litsa*, 20.12.2020. <https://tass.ru/top-officials/10250547>
- Simakova Evgeniia. "Lev Manovich o revoliutsii v kul'ture v epokhu Instagram". *Sobaka.ru*, 23.11.2017. <http://www.sobaka.ru/city/society/64992>

- Sobchak Kseniia, Shnurov Sergei. "Shnurov v interv'iu Sobchak dlia Forbes: "S tochki zreniia deneg mne nado idti vo vlast', eto kratchaishii put'." *Forbes* 8 (2017), 24.07.2017. <https://www.forbes.ru/biznes/348283>
- The Data Team. "Celebrities' endorsement earnings on social media". *The Economist*, 17.10.2016. <https://www.economist.com/graphic-detail/2016/10/17/celebrities-endorsement-earnings-on-social-media>
- Volchek Dmitrii. "Kul'turnyi dnevnik: V Strastnuiu piatnitsu". *Radio Svoboda*, 08.05.2013. <https://www.svoboda.org/a/24978110.html>

Јуриј Левинг

ПОРТРЕТ ЈУНАКА НА ИНСТАГРАМУ: #ТО НИЈЕ ОН

Резиме

У чланку се разматрају стратегије које популарни музичар и блогер Сергеј Шнуров (група "Лењинград") користи за капитализацију сопственог брэнда, за самоизражавање помоћу немусичких средстава, формирање сопственог имица у јавности и повратне везе са обожаваоцима. Предлаже се анализа принципа интеракције између аутора блога и бројних претплатника канала, логике Шнуровог одабира приказаних догађаја из приватног и јавног живота, као и језика његове комуникације, како у чисто лингвистичком, тако и у визуелним аспектима.

Кључне речи: Сергеј Шнуров, Инстаграм, друштвене мреже, социјална интеракција, језик лингвистичке и визуелне комуникације, теорија селебрификације.

Валерий Отяковский
Тартуский университет
valerii.otiakovskii@ut.ee

Valerii Otiakovskii
University of Tartu
valerii.otiakovskii@ut.ee

БАРКОВ, ПРУТКОВ И ПРОЧИЕ:
О «СТИХАХ ПОЭЗИИ» ЛЕЙТЕНАНТА ПИДОРЕНКО В. П.
BARKOV, PRUTKOV AND OTHERS: ON THE “VERSES OF
POETRY” BY LIEUTENANT PIDORENKO V. P.

В статье изучаются творческие стратегии и литературные источники поэтического проекта «Лейтенант Пидоренко В. П.» Начавшись как эксперимент по осмыслению новостной ленты через призму obscene лексикой, он развился в узнаваемого персонажа — матерного трикстера, не раз появлявшегося в отечественной словесности. Его пример позволяет увидеть линию преемственности в русской матерной поэзии, пунктирно проявляющейся и исчезающей в поле (политически) допустимого.

Ключевые слова: Пидоренко В. П., Telegram, И. Барков, Козьма Прутков, Д. А. Пригов, М. М. Немиров, матерная поэзия.

This paper analyzes the literary sources and creative strategies of the poetic project “Lieutenant Pidorenko V. P.” Initially started as a reflection of the news field in the mirror of obscenities, it has evolved in a recognizable character-trickster armed with swear words. This example demonstrates a long line of succession in the development of Russian obscene poetry, which constantly disappears and reappears in the field of the (politically) permissible.

Key words: Pidorenko V. P., Telegram, Ivan Barkov, Kozma Prutkov, Dmitry A. Prigov, Miroslav Nemirov, Russian obscene poetry.

Моя статья нуждается в некотором предуведомлении. Первый ее вариант был написан в 2018 году, родившись из размышлений о том, какие условия ставят новейшей русской поэзии новые медиа. Бесконечная лента публикаций в мессенджере *Telegram* как будто обуславливает серийный, потоковый характер анализируемого творческого проекта, а законодательный запрет мессенджера подталкивает к концентрации запрещенной лексики. Прошедшие три года, казалось бы, разрушили концепцию: *Telegram*

«разбанили», а проект *Лейтенант Пидоренко В. П.* перестал быть эксклюзивом платформы. Тем не менее, общие его черты остаются неизменными на протяжении вот уже четырех лет — обновления происходят почти ежедневно, стиль анонимного автора сохраняет свою цельность. Потоковость, нецензурность и псевдографоманская несуразность продолжают быть отличительными чертами Лейтенанта, а значит, сохраняет свою адекватность и ход моей рефлексии. Более того, возникший *gap* между написанием и публикацией текста позволил расширить эмпирический материал, демонстрирующий цельность описываемого феномена — практически к каждому мотиву Лейтенанта удалось подобрать пример как трехлетней давности, так и совсем недавний. Метаморфозам проекта посвящены выводы, которые, в духе Вяземского, скорее стоило бы назвать «припиской»¹.

Традиционный синоним матерной лексики «нецензурщина» наглядно показывает политическую оппозиционность этого явления. Понятие цензуры прочно связано с проблемами власти и государства, первоочередной задачей которых, в свою очередь, является нормирование социальной жизни через запреты отдельных явлений. Табуирование распространяется практически на все социальные сферы — так государство утверждает себя, и его запретительная работа в области языка заставляет пристальнее всмотреться в запрещаемое.

Первая отличительная черта нецензурной лексики — обширность ее синонимии. Огромно разнообразие контекстов, в которых она способна работать и тех функций, которые может выполнять в речевом потоке. В каком-то смысле мат является зеркальным отражением божественного языка (Pl. Crat. 391d), в котором называние имени вещи приравнивается к сотворению этой вещи. Если божественный язык утверждает максимуму «*the medium is the message*» на самом высоком уровне, то нецензурщина, напротив, максимально оторвана от своего содержания, ее референтность в значительной мере носит контекстуальный характер², а первоначальное значение регулярно выносится за скобки (подобное неприменимо к порнографическим текстам, но они не будут рассматриваться в этой статье, речь идет о «бытовом» употреблении мата). Функцией такой лексики обычно считают повышение экспрессии, а не приращение смыслов, поэтому необязательно даже конкретное словесное воплощение — достаточно простого указания на то, что в данном фрагменте текста мат присутствует. Пожалуй, можно говорить об особой, антиадамической функции обценной лексики, в задачи мата входит предельное размывание связи между знаком и реаль-

¹ Автор статьи глубоко благодарен И. А. Пильщикову и А. А. Россомехину, которые прочитали рукопись и сделали ряд существенных замечаний.

² См. в наст. изд.: «произошла метафоризация и “проминализация” русского мата: матерные корни стали принимать почти любое переносное значение, то есть обозначать практически все, что угодно» (И. А. Пильщиков); «примечательной чертой русского мата является как раз его невероятная многозначность, радикальная полисемия» (Д. Г. Иоффе).

ностью, и в этом смысле неувидителен повышенный интерес к нецензурщине в мире постмодерна³. Один из ключевых литературных текстов этого направления в России — *Москва — Петушки* Венедикта Ерофеева (1969–1970) — прямо ставит вопрос о природе собственного языка. Автор пишет в предисловии:

Я получал с тех пор много нареканий за главу *Серп и Молот — Карачарово*, и совершенно напрасно. Во вступлении к Первому изданию я предупредил всех девушек, что главу *Серп и Молот — Карачарово* следует пропустить, не читая, поскольку за фразой «И немедленно выпил» следуют полторы страницы чистейшего мата, что во всей этой главе нет ни единого цензурного слова, за исключением фразы «И немедленно выпил». Добросовестным уведомлением этим я добился только того, что все читатели, в особенности девушки, сразу хватались за главу *Серп и Молот — Карачарово*, даже не читая предыдущих глав, даже не прочитав фразы «И немедленно выпил». (Ерофеев 1989: 15)

Сокращая несуществующую главу до одной фразы, писатель не теряет убедительности — поток матерной речи, выступающий как пустой знак, не нуждается в воспроизведении, а описание фрагмента приравнивается к его непосредственному воплощению, напоминая о тыняновском «эквиваленте текста»⁴.

Как заметил Юрий Левин, «ругательства близки перформативам: высказывание является одновременно и поступком, действием» (Левин 1984: 61). Можно привести целый ряд примеров художественных произведений, в которых конфликт двух персонажей завершается победой того из них, кто владеет нецензурной лексикой. Типологическим претекстом таких опусов можно считать эпиграмму, входящую в корпус барковианы:

Лишь только рифмачи в беседе где сойдутся,
То молвив слова два, взлетают на Парнас,
О преимуществе кричать они соймутся.
Так споря, вот один вознес к другому глас:
— Ну если ты пиит, скажи мне рифму к нёбу
Другой ответствовал: я мать твою ёбу⁵.

³ Упомянутые в статье тексты относятся, скорее, к highbrow-литературе. Тезис о пространности мата в поп-культуре вряд ли нуждается в доказательствах, но рефлексия над обсценной лексикой — явление сравнительно нечастое. В этой связи хотелось бы упомянуть Мирона Федорова, рэп-исполнителя, выступающего под псевдонимом Oxxхuтiгoп. При его участии в 2015 году прошел один из самых просматриваемых рэп-баттлов в мире, свое выступление в котором он начинает с зарифмованного потока нецензурщины, демонстрирующего превосходство над соперником (VERSUS #1). На сегодняшний день в YouTube у этого рэп-баттла 53 миллиона просмотров. В соревновании 2017 года, собравшем 49 миллионов просмотров, Oxxхuтiгoп декларативно отказывается от мата, считая своего соперника недостойным «жемчужины великого русского языка» (VERSUS X #SLOVOSPБ).

⁴ В этом контексте важно упомянуть и давно известный прием «оцензурирования» знакомого читателю матерного претекста с тем, чтобы легализовать его в печати (см. *Девичья игрушка* 1992: 354, Шапир 2015, особенно Шапир 2002).

⁵ В самом авторитетном издании барковианы последние две строки указанного текста публикуются в следующем виде: «— Но если ты пиит, скажи мне рифму к Ниобу. /

Стоит отметить уникальное употребление формы «ёбу»: в ситуации конфликта грамотное использование нецензурной лексики — принципиально важное условие, ведь только оно подключает омонимическое поле бесконечных значений. О серьезности отношения к табуированной лексике в среде «табуированных» людей пишет Сергей Довлатов:

Прислали к нам сержанта из Москвы. Весьма интеллигентного юношу, сына писателя. Желая показаться завзятым вохровцем, он без конца матерился. Раз он прикрикнул на какого-то зека:

— Ты что, ебнулся?! (Именно так поставив ударение).

Зек реагировал основательно:

— Гражданин сержант, вы не правы. Можно сказать — ёбнулся, ебанулся и наебнулся. А ебнулся — такого слова в русском литературном языке, уж извините, нет...

Сержант получил урок русского языка. (Довлатов 1999: 87).

Все эти рассуждения приводят нас к очевидному выводу: имманентная политическая оппозиционность нецензурной лексики несет в себе значительный художественный потенциал, особенно в сфере сатиры, которая обладает способностью распылять репрессивный пафос.

Распространение не(под)цензурных сочинений носит разнообразный характер в зависимости от видов медиа и эволюции цензурных ведомств: от устного распространения к спискам и подпольной печати, а оттуда — к самиздату и тамиздату. Цифровая революция в информационной сфере дарит новые возможности распространения текстов, а мутация государственных органов надзора позволяет (ис)следователю все большее количество произведений назвать неподцензурными. Частным, но принципиальным случаем в этом смысле является распространение текстов в мессенджере *Telegram*.

Законодательный запрет этой платформы⁶ носил специфичный характер, так как технически он не был реализован в полной мере: существует

Другой ответствовал: — Я мать твою ебу» (Девичья игрушка 1992: 182), но эта конъектура вызвала справедливую критику (Шапир 2000: 222–223). В издании «Библиотеки поэта» предлагается вариант «ну естли ты пиит скажи мне рифму к небу / другой ответствовал: я мать твою ёбу» (Барков 2005: 344), и к этому чтению применима все та же критика — «диграф ю по-разному прочитан в рифмующихся стихах». Во всех трех списках, хранящихся в РНБ (среди которых — один из самых авторитетных) рифмуется «ниобу» — «юбу» (РО РНБ. НСРК. Ф. 735; РО РНБ. ОСРК. Q. XIV. 14; РО РНБ. ОСРК. Q. XIV. 109), что подтверждает идею Максима Шапира о совпадении этой рифмы с поговоркой из собрания «заветных» пословиц и поговорок В. И. Даля, переданных им А. Н. Афанасьеву: «Рифма к небу — мать твою ёбу» (Афанасьев, Даль 1997: 501). Такая форма матерного слова за пределами указанной рифменной связки нигде не фиксируется, что, возможно, и вызвало разницу толкований у текстологов.

⁶ Доменное имя web.telegram.org было внесено в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru>). Основанием для внесения ресурса в реестр стала статья 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (<https://eais.rkn.gov.ru/docs/149.pdf>). 18 июня 2020 года Роскомнадзор объявил о снятии этих ограничений.

масса инструментов его обхода. Более того, целый ряд публичных персон государственного истеблишмента — от Рамзана Кадырова до Маргариты Симоньян — и в период запрета продолжали открыто пользоваться мессенджером. Его «запрещенность» в какой-то мере условна и нередко определяется лишь установкой самого пользователя, а не техническими условиями, — отказ от чтения распространяемых в *Telegram* текстов носит характер самоцензуры. Можно сказать, что пользователи этой платформы от традиционного «распространения в списках» перешли к «распространению в ссылках».

Существует целый ряд *Telegram*-каналов, посвященных поэзии — в том числе поэзии, которая пишется с расчетом на публикацию именно в этом медиа. Среди них заслуживает внимания проект *Лейтенант Пидоренко В. П.*⁷ (t.me/pidorenko, далее цитаты приводятся без ссылки, но с указанием даты публикации в квадратных скобках), своеобразный Козьма Прутков нашего времени⁸. Речевой персонаж этих текстов — носитель примитивного сознания, обрамляющий в традиционные поэтические формы имена и события из новостной ленты, уплотняя тесноту стихового ряда потоком мата. При этом, что характерно, попадающая в его творчество информационная повестка говорит об интересующемся актуальным искусством интеллектуале, который следит за политикой, но Лейтенант подвергает фундаментальному сомнению культурную ценность наблюдаемых им феноменов:

Я читал и Дерриду
Я читал и Левинаса
Даже Кристеву-монду
Даже Барта-пидораса [19.08.2018]

Квентину Мейясу
Очень скоро, Мейясу
Рот твой блядский обоссу [11.03.2021]

Лейтенант — персонаж, производный от преизбытка информационной среды, его сатира на интеллектуалов напоминает о Псое Короленко, а сама идея остраненного описания новостной ленты носит характерный отпечаток проекта Валерия Нугатова *Дед Хоссан*⁹. Интернет позволяет мак-

⁷ В 2018 году оригинальное название канала сопровождалось тремя emoji-символами, воспроизводящими флаг России, радужный флаг ЛГБТ-сообщества и флаг Украины. К 2021-му их сменили бело-красно-белый флаг, ставший символом белорусского протеста летом 2020 года, затем американский, затем российский и украинский флаги, а затем значки, носящие неофициальные названия «злой чертенок» и «рокерский жест».

⁸ В предисловии к поэме московского поэта Эдуарда Лукоянова *Отпуск* Никита Сунгатов отмечает, что Пидоренко — один из гетеронимов Лукоянова (Лукоянов 2020). Скорее всего, проект носит коллективный характер. От более тщательных поисков автора(-ов) я воздержусь, поскольку в настоящем очерке меня интересует не биографический сюжет, а имманентное проявление традиции русской матерной поэзии у, пусть анонимного, автора XXI века.

⁹ О нем см. Кобрин 2017. У Лейтенанта встречаются непосредственные цитаты из Хоссана, например, использование слова-маркера «едодой»: «Филистер, жри свою бо-

симизировать принцип «днем в газете — вечером в куплете», и Лейтенант в считанные часы откликается на события из медийного поля:

Гол забил фронцуз красивый
Дал хорват пиздатый пас
Я болею за Россию
Все кто против — пидорас [15.07.2018]

По поводу опрометчивого заявления Борака Байдена

Байден, это было зря
Хуй ты проще говоря [18.03.2021]

Часто таким событием становится смерть той или иной знаменитости: оперативно были написаны тексты «Памяти Шарля Озновура» [1.10.2018], «О достоинствах Кобзона» [30.08.2018], «Монсеррат Кабалье...» [6.10.2018] и целый ряд других¹⁰. Почти одинаковые по форме и по сути, они не стремятся подчеркнуть индивидуальность того или иного деятеля культуры, но лишь демонстрируют шаблонность обывательских мемориальных практик в сетевой реальности. Принцип, положенный в основу этих эпитафий напоминает знаменитый цикл Дмитрия Александровича Пригова *Некрологи*. Пригов — один из главных поэтических предшественников Лейтенанта, причем это влияние очевидно сразу в нескольких аспектах.

Во-первых, концептуалист предоставил целый инструментарий для деконструкции чужого дискурса через его имитацию, и Лейтенант постоянно играет на этом поле, создавая тотальную пародию, высмеивающую одновременно способ вещания своего персонажа и те феномены, которые попадают в реальность его стихов. Множественность дискурсов Пригова, широта охвата его деятельности, принесены в жертву единому методу говорения, бесконечной серийности высказываний Лейтенанта. Его стихи автоматизируют до предела читательское восприятие, и — можно предположить — процесс создания самих текстов.

Гигобайты хуеты
Сочиняет Пидоренко
Скоро прыгнешь блядь и ты
К лейтенанту на коленки [17.02.2018]

Я лежать ебать вальдшнепа
Сочинять стихи стихи

ланду/Протри еблище бородой/Я практикую не кимбанду/Я практикую едой» [5.01.2021].

¹⁰ Из более поздних примеров см. «Памяти Бориса Грочевского» [14.01.2021], «На смерть режиссера Ким Ки Дуга, погибшего на чужбине в холодных горах Латвии» [11.12.2021], «На смерть Шёна Коннери» [31.10.2021]. Стоит добавить, что в последнее время нередким жанром Лейтенанта стал псевдонекролог, посвященный ныне здравствующим персонам: «На ужасную смерть пророка Санбоа, сгоревшего заживо в своем доме» [23.12.2021], «На смерть Джареда Лето из ебучего “фильма” “Господин Нихто”» [11.11.2021] и т. п.

Ищет птица небо неба¹¹
Я сожрать ведро ухи [24.01.2021]

Во-вторых, Пригов успешно реализовал практику осознанной графомании, создавая каждый день несколько поэтических текстов и имея в виду некий глобальный проект написания двадцати четырех тысяч стихотворений (Пригов 2014; Жолковский 1994). Лейтенант не декларирует подобных задач, но явно подразумевает тотальность своего творчества — практически каждый день в *Telegram*-канале появляется несколько текстов. Другим подобным примером могут служить разве что «Окна РОСТА» Владимира Маяковского, исходящие из подобного принципа — сатирическая обработка реальности путем отбора и художественной трансформации отдельных явлений информационного поля.

Наконец, отсылка к Пригову читается в названии проекта — по сути, в стихах Лейтенанта дается слово самому известному из многочисленных героев московского концептуалиста, Милицанеру. Стоит, впрочем, оговориться, что Милицанер чаще всего изображался во время работы, на посту, и интересовала Пригова именно социальная роль этого героя, даже социальная эмблематичность. Лейтенант, в свою очередь, заявляет о необязательности, досуговости своих стихов — в самой первой своей публикации он пишет: «завожу данный канал с целью в свободное от оперативно-розыскных мероприятий время делиться своими мыслями, идеями и впечатлениями» [16.08.2017]. Если для Милицанера единственно возможной локацией является Москва, то Лейтенант отправляется на отпуск в «Онапу», о чем рассказывает в стихах. По сути, он деконструирует приговскую идею о том, что Милицанер — «государственности есть пример» (Пригов 2016: 247), показывая частную сторону этого образа. Псевдоиндивидуальность Лейтенанта собирается из новостных клише и универсального языкового клише — мата.

Вновь пиздую я в Онапу
В данный блядский городок
Отыщу свою там шляпу
Шошлыка отведав впрок [22.09.2018]

Дяденька крыса

<...>
Я ебался и в Онапе
С крысой дяденькой в кустах
Горький дождик мелко капал
На золы угасший прах
<...> [3.03.2020]

Эта попытка показать вымышленную жизнь вымышленного поэта напоминает о другом предшественнике Лейтенанта — капитане Лебядкине,

¹¹ Стоит отметить изысканную рифму к «небу», что связывает этот небольшой текст с упомянутой выше барковинской эпиграммой.

что звание пародируется в звании Лейтенанта. Владислав Ходасевич писал о Лебядкине: «во имя этой независимости духа создал он как бы лучшее воображение о самом себе, второе невидимое свое лицо» (Ходасевич 1991: 246) — и, в каком-то смысле, Лейтенант есть такое второе — только, пожалуй, худшее, усредненное — лицо приговского Милицанера. Отсылка к вымышленному графоману отнюдь не произвольна — называя своих предшественников в поэзии, Лейтенант, среди Третьяковского, Державина, Багрицкого и Есенина, особенно выделяет именно Достоевского [14.09.2017]¹².

Впрочем, эти две поэтические стратегии не столь избыточны цензурщиной. Хотя у Пригова можно найти многие примеры остроумного применения мата¹³, они не являются конструктивным приемом его творчества. Скорее для формирования поэтики Лейтенанта прецедентом служит

¹² В Достоевском можно увидеть одного из провозвестников матерного искусства, вспомнив его миниатюру, демонстрирующую «радикальную полисемию мата»: «Однажды в воскресенье, уже к ночи, мне пришлось пройти шагов с пятнадцать рядом с толпой шестерых пьяных мастеровых, и я вдруг убедился, что можно выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием этого существительного, до крайности к тому же немногосложного. Вот один парень резко и энергически произносит это существительное, чтобы выразить об чем-то, об чем раньше у них общая речь шла, свое самое презрительное отрицание. Другой в ответ ему повторяет это же самое существительное, но совсем уже в другом тоне и смысле — именно в смысле полного сомнения в правдивости отрицания первого парня. Третий вдруг приходит в негодование против первого парня, резко и азартно ввязывается в разговор и кричит ему то же самое существительное, но в смысле уже брани и ругательства. Тут ввязывается опять второй парень в негодовании на третьего, на обидчика, и останавливает его в таком смысле, что, дескать, что ж ты так, парень, влетел? мы рассуждали спокойно, а ты откуда взялся — лезешь Фильку ругать! И вот всю эту мысль он проговорил тем же самым одним заповедным словом, тем же крайне односложным названием одного предмета, разве только что поднял руку и взял третьего парня за плечо. Но вот вдруг четвертый парень, самый молодой из всей партии, доселе молчавший, должно быть вдруг отыскав разрешение первоначального затруднения, из-за которого вышел спор, в восторге приподымая руку кричит... Эврика, вы думаете? Нашел, нашел? Нет, совсем не эврика и не нашел; он повторяет лишь то же самое нелекксиконное существительное, одно только слово, всего одно слово, но только с восторгом, с визгом упоения, и, кажется, слишком уж сильным, потому что шестому, угрюмому и самому старшему парню это не “показалось”, и он мигом осаживает молокососный восторг паренька, обращая к нему и повторяя угрюмым и назидательным басом... да всё то же самое запрещенное при дамах существительное, что, впрочем, ясно и точно обозначало: “Чего орешь, глотку дерешь!” Итак, не проговоря ни единого другого слова, они повторили это одно только излюбленное ими словечко шесть раз кряду, один за другим, и поняли друг друга вполне» (Достоевский 1980: 108–109).

¹³ В связи с уже приведенными примерами из литературы хотелось бы вспомнить, в первую очередь, диалог Рабочего и Интеллигента, заключающий цикл «Вирши на каждый день» и воспроизводящий смысловую структуру псевдобарковской эпиграммы, а также поэму (или цикл) «Махроть вся Руси». Антигуманная, обезличенная и деструктивная речь заглавной сущности передана так: «Что, блядь, сука/Пидер гнойный/Говно недокушенное/ Вынь хуй изо рта/А то картавишь что-то», и тут же приведен комментарий: «Тут необходимо авторское пояснение, что весь мат, объявляющийся на пределах текста не житейско-повседневного, представляет собой как бы язык сакральный, ныне исчезнувший, изношенный в своей сакральности и обнаруживающийся как всплески неких чувств, неуправляемых обычным житейским жизнепроявлением, неразрешимых простым словоопределением, но и не складываемым, по причине давней утраченности, затемненности первоиснов, его породивших, в систему метафизической осмысленности...» (Пригов 2017: 290).

творчество Мирослава Немирова. В основе оптики обоих поэтов — беспре-
станное остранение, мир видится ими как будто впервые, и это экспрессив-
но выражается через мат. Но если у Лейтенанта это удивление, в основном,
носит негативный характер и связано с новостной повесткой, то у немиров-
ского героя доминирует мифологическое мироощущение, где смены вре-
мен года и даже суток несут конфликтный характер, каждый раз удиви-
тельны: «В небе вечер, в душе темно, ветер — дает пизды.../И, хоть он так,
ты идешь гулять, —/А то ведь совсем ебанешься, блять» (Немиров 2017: 27).

Принцип, который заимствует у этого поэта Лейтенант, лучше всего
осмыслен Германом Лукомниковым, который писал, что «у Немирова мат
звучал как-то по-новому, особенно органично и разнообразно и без обя-
зательного оттенка чрезвычайности или маргинальности. Именно так,
как в народной речи, нередко просто “для связки слов”» (Боровиков
2016) — с той лишь разницей, что немировский ритм сложен и прихотлив
для большего уподобления устной речи, в то время как стихи Лейтенанта
сделаны элементарно, причем именно поток мата ритмизирует речь и дарит
ей рифмы.

Журналу Тронслит

Де Дюв? Сломаю клюв

Мейясу? В глаза насу

Реза Негарестани? На растерзание

Регев Йоэл? Совсем охуел?

Куртов Миша? Почему еще дышишь?

Бодрийяр, Бернстин, Лукоянов

Уничтожить дебильных смутьянов

Сунгатов, Арсеньев, Лакан

Не знает пощады лейтенанта ноган [27.11.2017]

Шарль Моррас —

Пидорас [24.01.2021]

Мигель Серрано —

Говно [24.01.2021]

Из-за специфичной синонимии мата сложно говорить о прямых цитатах
из Немирова в стихах Лейтенанта¹⁴, но можно смело утверждать, что со-
здатель проекта — знаток творчества старшего поэта. Их интересы со-
падают не только на поле матерной поэзии, но и в области рок-музыки,
Немиров — одна из центральных фигур сибирского панка, к которому
регулярно обращается Лейтенант. Так, например, стихотворение *О тяго-
тах жизни* построено на осмыслении строк Егора Летова «Целеустрем-
ленно набивать карманы/Мертвыми мышатами, живыми хуями...» (Летов
2011: 248):

¹⁴ Хотя, некоторые поэты создают окказиональные образования, как «хуйтитель-
ный» у Немирова или устойчивое сочетание «срал-ебал» у Лейтенанта, выступающее как
жесткий акт агрессии по отношению к кому-либо.

Я карманы наполняю
Мертвой мыши естеством
И хуями набиваю
Угол в шкафе угловом

Жизнь суровая настала
Хуй и мышь — мои друзья
Поплетусь домой устало
Нету дома ни хуя¹⁵ [2.10.2017]

Прямой аллюзией на стихи Мирослава Немирова, пожалуй, можно считать огромный цикл стихов Лейтенанта о литературных премиях — «Нобелевскому комитету» [3.10.2017], «Премии Пятигорского» [4.07.2018], «Премии Нонконформист 2018» [7.06.2017], «Дайте премию Просветитель...» [16.06.2020]¹⁶, «На вручение премии “Оскар”» [10.02.2020] и многие другие. Он воспроизводит сюжет о высокомерных издателях, распределяющих книжный капитал между конформистскими игроками рынка, но не обращающих внимания на поэта-матерщинника:

Писателю В. Сорокину в связи с получением им кубка премии «НОС»
Статуэтку получил ты
Калоед-постмодернист
С бородой холеной дылда
Очень помыслом нечист¹⁷

Лучше премии награду
Пидоренке передай
Ты ужаснее вомбата¹⁸
Из России улетай [5.09.2018]

¹⁵ Другой претекст стихотворения — «Звезда» Андрея Вознесенского («Подвезут домой друзья / от аэродрома. / Дома нету ни копыя. / Да и нету дома»).

¹⁶ Ср. «Я не выдумал бы Конституции» и другие примеры ненормативной редукции *-и- в -ь-* в стихах Д. А. Пригова.

¹⁷ Ср. рифму *«постмодернист: нечист»* с *«экспрессионист: нечист»* в стихотворении Бориса Слуцкого «Послевоенные выставки».

¹⁸ Схожая конструкция встречается в стихотворении «О демократии»: «Охренели демократы, / развалили коммунизм. / Вы ужасны, как вомбаты, / как в деревне онанизм. // Проклинаю вас, уроды, / смерти вам я так хочу, / словно баба хочет роды / и бежит тогда к врачу» [14.09.2017] (сопровождается комментарием: «И вот еще поэзии немного гражданской. Писано в октябре 1993 года от чистого сердца и без вранья при обороне Белого дома и других домов»). Это заставляет заподозрить в «вомбате» журналиста и писателя Д. Л. Быкова, который открыто ассоциирует себя с этим животным (Быков 2019), тем более, что инвективы в его сторону не раз встречаются в творчестве Лейтенанта: «Быков жирный и манерный...» [04.11.2018] (в этот день опубликовано сразу два текста с таким зачином), «Дмитрию Быкову» [07.05.2020], «Зочем ты делаешь говно / Писатель мерзкий Дмитрий Быков / Съебал бы в США давно / В целях продажи самотыков» [19.08.2018] и др. Особенно стоит отметить прозаическую миниатюру без названия: «Позвонил Дмитрий Львович Быков, долго просил об интервью, после чего я вежливо, но резко его прервал: — Извините, но мне не о чем разговаривать с такой жирной вечно пьяной русофобской свиньей, как Вы. — С уважением, — добавил я и бросил трубку, лязгнувшую медным звоном в гробовой тишине моего кабинета» [11.12.2020]. Впрочем, пидоренковский вомбат может и не иметь связи с литератором: «Милый нежный сурикат, / Ты держись там на Урале. /

Вручателям премий стихов поэзии

Сблев мочи, тела-аффекты
 Всплески ритма и пучки
 Блядским премиям совет мой
 Протереть свои очки

Гений ходит рядом с вами
 Свет вам дарит неземной
 Вы же, пиздрики в панаме
 Душ своих плодите гной [26.10.2020]

Этому же был когда-то посвящен и ряд стихов Немирова, например, «Письмо в журнал “Итоги”» и «Начальнику отдела поэзии журнала “Знамя”»¹⁹.

И Немиров, и Лейтенант наделяют статусом самостоятельного художественного высказывания конструкт обывательской речи. В этом смысле их предшественники — русские футуристы, первыми радикально поставившие проблему «корчей улицы безъязыкой». В стихах Лейтенанта регулярно всплывают отсылки к русскому авангарду («Подражание Маяковскому» [30.06.2018], цитата из «А вы могли бы?» в стихотворении «Бывшей возлюбленной» [13.05.2018], двустишие «Кто не любит ВХУТЕМАС/Тот ебучий пидорас» [26.08.2018]). Однако в том, что касается «лексики телесного низа», русские футуристы чаще апеллировали к ее эротическому аспекту, не освобождая эти слова от значений, а возвращая им предметность — это касается и *Стихетт* Нины Хабиас (М., 1922), и теоретизирований Алексея Крученых об анальной эротике русской поэзии из *Малохолли в капоте* (Тифлис, 1918)²⁰.

Наконец, рассуждая о матерной традиции русской поэзии нельзя обойти доселе упомянутую вскользь фигуру Ивана Баркова (своеобразная пидоренковщина видна уже в том, что фамилия поэта в прижизненных документах нередко писалась как «Борков») (*Девичья игрушка* 1998: 18). Помимо идеи наполнять тексты нецензурщиной, — этим полны и народные частушки, и «заветные сказки» — Лейтенанта с ним роднит стремление превратить мат в метод культурной рефлексии: старший поэт осмысляет современную ему классицистическую литературу, а младший — реальность, формируемую в медиа.

Потому что твой вомбат/Дрочит хуй в янтарном зале» [11.02.2020], особенно текст «Вомбатофашисты»: «Ультраправые вомбаты/через степь идут стеной./Кровь за кровь и брат за брата,/кенгуру же все — домой!» [05.01.2018].

¹⁹ Стоит отметить также поэтические инвективы Всеволода Емелина, регулярно появлявшиеся в 2000-е годы, например: «Плач по поводу неприглашения меня, Вс. Емелина, на Третий Международный фестиваль “Биеннале поэтов в Москве–2003”», «Плач по поводу не включения меня (Вс. Емелина) в статью “Современные русские поэты” свободной энциклопедии “Википедия”», «Открытое письмо мэру Москвы Ю. М. Лужкову по вопросу неприглашения меня (Вс. Емелина) на V Московский международный фестиваль “Биеннале поэтов”».

²⁰ См. также Шапир 2015.

Я хочу, чтобы «Офиша»²¹
 Перестала всраотой быть
 Чтобы карточки «Медузы»
 Научили меня жить

Чтоб «Царьград-ТВ» прекрасный
 Ежечасно процветал
 И еще чтоб блядский «Горький»
 Мне вниманье уделял [19.01.2018]

Я б печатал на «Снобе»
 Хуету ни бе, ни ме
 Жалко сайт для пидорасов —
 В унитаза из унитаза [04.12.2020]

Размышляя о способности барковианы детально воспроизводить жанровую структуру поэзии своей эпохи, М. Шапир замечает: «Подобному переписыванию — с использованием обценной лексики и фразеологии — подлежали даже произведения с эротической семантикой, решенные в комическом ключе (что, кстати, недвусмысленно свидетельствует о том, что для «Девичьей игрушки» главное — не содержание, а форма, не сексуальная тематика сама по себе, а ее языковое воплощение)» (Шапир 2002: 404). Успешность такого метода осмысления литературной реальности демонстрирует появляющийся вокруг каждого автора корпус подражаний — барковиана не нуждается в представлении, а поклонники Лейтенанта с *Telegram*-каналов *PhilosophyToday* и *bookhate* создают первые тексты **пидорковианы** «Подражание лейтенанту Пидоренке» [*PhilosophyToday*, 27.09.2018] и «Диалог Пидоренки с Мусоренкой. Драма в стихах в одном действии» [*bookhate*, 7.10.2018]²². (Последний из них воспроизводит структуру процитированной выше барковианской эпиграммы, но в этом тексте нецензурщиной обладают оба собеседника, что устанавливает между ними блаженный нейтралитет). Для словесности ломоносовских времен принципиально важна была иерархичность мира, устанавливаемая высокими жанрами, а современная поэзия буквально зациклена на проблемах корреляции между реальностью и медиа. И Барков, и Лейтенант смело вторгаются в это поле, реагируя на ключевые проблемы современной литературы, учиняют на этом поле торжество карнавальной культуры, подключаясь тем самым к какой-то параллельной, подземной традиции русской поэзии.

В качестве послесловия стоит добавить, что в конце 2018 года проект *Лейтенант Пидоренко В. П.* обрел и материальную форму, выраженную в виде книги *Стихотворения*, которая стилизована под академическую

²¹ Ср. рефрен «Я хочу» в стихотворении Маяковского «Домой!».

²² В популяризации творчества Лейтенанта принимают участие активные деятели интеллектуальной жизни современной России. Так, создатель канала *bookhate* Александр Филиппов-Чехов — основатель издательства *libra*. На *Telegram*-канале онлайн-журнала КРОТ опубликовано критическое эссе литературного критика Игоря Гулина «Пидоренко В. П. — гений литературы» [КРОТ, 4.09.2018].

серию «Литературные памятники» (Пидоренко 2018)²³. За ней последовала *Гора трупов*, аннотация к которой содержит избыточную ссылку на законодательство, подчеркивающую нецензурность этой книги даже вне породившего ее нецензурного мессенджера (см. Пидоренко 2019; меж тем, полицейское звание автора не упоминается в названиях его книг)²⁴. В 2020 году был издан «Пульс Хронителя Дверей Лабиринта Червярия Карлика Волков Одина» (Пидоренко 2020) с дизайном обложки, отсылающим к фэнтези-литературе, что намекает на широту аудитории — она должна включать не только профессиональное гуманитарное сообщество, но и т. наз. «широкого читателя». Помимо выпуска бумажных книг, Лейтенант осваивает необходимые для современного литератора формы сетевой жизни, не забывая их травестировать. К Международному Дню Кошки он опубликовал подборку стихотворений на сайте о домашних животных (Пидоренко 2021a)²⁵, а после III Всероссийского поэтического слэма написал заметку с отчетом о мероприятии (Пидоренко 2021b). В начале 2021 года он дал сразу три интервью, одно из которых опубликовано в онлайн-журнале *Нож* и написано с нетипичным для поэта соблюдением норм орфографии, в нем он пародирует стереотипы литературного сознания шестидесятников, кумиры Лейтенанта здесь — Ахмадулина, Вознесенский, Асадов (Коркин 2021). Два других, в свою очередь, опубликованы в *Telegram*: «Опиум для народа!» [17.03.2021], «PhilosophyToday» [20.03.2021] — и гораздо ближе к привычному стилю Лейтенанта. Его ответы абсурдны, непредсказуемы, совершенно хаотичны, но как минимум в одном случае — весьма близки к истине. Услышав вопрос «Как вы можете охарактеризовать тот жанр, в котором работаете?», Лейтенант отвечает: «Стихи поэзии». Прибавить к этому, пожалуй, нечего.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев А. Н., Даль В. И. «Русские заветные пословицы и поговорки (В. И. Даля)». *Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым, 1857–1862*. Изд. подгот. О. Б. Алексеева, В. И. Еремина, Е. А. Костюхин, Л. В. Бессмертных. М.: Ладомир, 1997: 483–519.

²³ Тираж книги указан 6 000 000 экземпляров. Стоит отметить непоследовательность стилизации, выраженную, например, в предпочтении построчных примечаний перед привычным для «Литературных памятников» переносом научного аппарата в конец книги. См. рецензии на книгу: Лесин 2019, Давыдов 2018, а также отзывы на книгу разных каналов в *Telegram*. В первом из указанных текстов высказана плодотворная идея о творческих переключках Лейтенанта и Михаила Армалинского.

²⁴ Аннотация гласит: «В новый сборник стихотворений поэзии старшего лейтенанта Пидоренко В. П. вошли новые сочинения, уже успевшие снискать успеху широкой читающей публики в силу того, что робкая муза гения литературы крепнет день ото дня к поприщу врагов и во славу Отечества. Рекомендуются ценителям поэтической речи всех возрастов с учетом ограничений, накладываемых Федеральным законом “О государственном языке Российской Федерации” от 01.06.2005 № 53-ФЗ и внесенными в него поздние поправкими и дополнениями».

²⁵ В этих стихах автор вовсе не употребляет нецензурную лексику — надо думать, такова цена за выход *Telegram*’ных рамок.

- Барков И. *Полное собрание стихотворений*. Сост. и примеч. В. Н. Сажина. (Серия «Новая библиотека поэта»). СПб.: Академический проект, 2005.
- Боровиков А. «Его отторгли бы любое общество, любое время и любой народ»: Памяти Мирослава Немирова (1961–2016)». *Colta.ru*, 10.05.2016. <https://www.colta.ru/articles/literature/11004>
- Быков Д. Л. *Я — вомбат*. М.: Альпина паблишер, 2019.
- Давыдов Д. М. «Все без ума от Пидоренко». *Горький*, 18.12.2018. <https://gorky.media/reviews/vse-bez-uma-ot-pidorenko>
- Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова*. Изд. подгот. А. Зорин и Н. Сапов. М.: Ладомир, 1992.
- Довлатов С. *Собрание сочинений*. Т. 2. СПб.: Азбука, 1999.
- Достоевский Ф. М. «Маленькие картинки». Ф. М. Достоевский. *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Т. 21. Л.: Наука, 1980: 105–117.
- Ерофеев В. В. *Москва — Петушки*. М.: Прометей, 1989.
- Жолковский А. К. «Графоманство как прием (Лебядкин, Хлебников, Лимонов и другие)». А. К. Жолковский. *Блуждающие сны и другие работы*. М.: Наука, 1994: 54–68.
- Кобрин К. Р. Вместо предисловия [Дед Хоссан. Есброноэ хвейзпучьноэ моррозмезмэ дедужкеннэй муйдрэзте ззо 2017 гэд е друйгоэ гойдэ ув ойброднэм пойрэдхэ!]. *Post(non)fiction*. 2017. <http://postnonfiction.org/projects/hossa>.
- Коркин П. «Я познакомился с Ахмадулиной ночью на кладбище»: Эксклюзивное интервью со старшим лейтенантом Пидоренко В. П., гением литературы». *Нож*, 21.03.2021. <https://knife.media/pidorenko-the-great>
- Левин Ю. И. «Об обценных выражениях русского языка». *Russian Linguistics* 10.1 (1986): 61–72.
- Лесин Е. Э. «Ленин следует за Богородицей». *НГ Exlibris. Интернет-версия*, 31.01.2019. https://nvo.ng.ru/ng_exlibris/2019-01-31/13_1008_monument.html
- Летов Е. *Стихи*. М.: Выргород, 2011.
- Лукоянов Э. «Отпуск». Предисл. Н. Сунгатов. *Греза*, 07.07.2020. <https://greza.space/otpusk>
- Немиров М. М. *168 или где-то около того*. Б. м.: Подснежник, 2017.
- Пидоренко В. П. *Стихотворения*. М.: Common place, 2018.
- Пидоренко В. П. *Гора трупов*. М.: Common place, 2019.
- Пидоренко В. П. *Пульс Хронителя Дверей Лобиринта Червярия Карлика Волков Одина*. М.: Common place, 2020.
- Пидоренко В. П. «Стихи поэзии звучащей». *Нож*, 22.02.2021(a). <https://knife.media/club/slam>
- Пидоренко В. П. «Веди меня, пушистый мой Вергилий». *Проект rrrrrrr*, 01.03.2021(b). <https://rrrrrrr.ru/happy-cats-day>
- Пригов Д. А. «“Единственное, что я могу преподавать, — это тип существования в литературе”». Беседа с Геннадием Кацовым. *Литература*, 3.11.2014. <http://literatura.org/non-fiction/615-dmitriy-prigov-edinstvennoe-chto-ya-mogu-prepodat-eto-tip-suschestvovaniya-v-literature.html>
- Пригов Д. А. *Москва*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Пригов Д. А. *Монстры*. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Ходасевич В. Ф. «Поэзия Игната Лебядкина». В. Ф. Ходасевич. *Колблемый треножник: Избранное*. М.: Советский писатель, 1991: 244–249.
- Шапир М. И. «К семантике “пародического балладного стиха” (“Тень Баркова” в контексте полемики о старом и новом слоге)». М. И. Шапир. *Univsum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. Кн. 1. М.: Языки русской культуры, 2000: 192–223.
- Шапир М. И. «Барков и Державин: Из истории русского бурлеска». А. С. Пушкин. *Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы*. Изд. подгот. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М.: Языки славянской культуры, 2002: 397–457.
- Шапир М. И. «К семантике “пародического балладного стиха” (“Солнце” Маяковского в тени Баркова)». М. И. Шапир. *Univsum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2015: 62–99.
- VERSUS #1 (сезон III): Oxxxymiron vs Johnyboy. <https://www.youtube.com/watch?v=MYouMFKmael>
- VERSUS X #SLOVOSPB: Oxxxymiron vs Слава КПСС (Гнойный). <https://www.youtube.com/watch?v=v4rvTMBCJD0>

LITERATURE

- Afanas'ev A. N., V. I. Dahl. "Russkie zavetnye posloviitsy i pogovorki (V. I. Dalia)". *Narodnye russkie skazki ne dlia pechati, zavetnye posloviitsy i pogovorki, sobrannye i obrabotannye A. N. Afanas'evym, 1857–1862*. Izd. podgot. O. B. Alekseeva, V. I. Eremina, E. A. Kostiu-khin, L. V. Bessmertnykh. M.: Ladomir, 1997: 483–519.
- Barkov I. *Polnoe sobranie stikhotvorenii*. Sost. i primech. V. N. Sazhina. (Serii "Novaia biblioteka pojeta"). SPb.: Akademicheskii proekt, 2005.
- Borovikov A. " 'Ego ottorgli by liuboe obshchestvo, liuboe vremia i liuboi narod': Pamiati Miroslava Nemirova (1961–2016)". *Colta.ru*, 10.05.2016. <https://www.colta.ru/articles/literature/11004>
- Bykov D. L. *Ya — vombat*. M.: Al'pina publisher, 2019.
- Davydov D. M. "Vse bez uma ot Pidorenko". *Gorky*, 18.12.2018. <https://gorky.media/reviews/vse-bez-uma-ot-pidorenko>
- Devich'ia igrushka, ili Sochineniia gospodina Barkova*. Izd. podgot. A. Zorin i N. Sapov. M.: Ladomir, 1992.
- Dovlatov S. *Sobranie sochinenii*. T. 2. SPb.: Azbuka, 1999.
- Dostoevskii F. M. "Malen'kie kartinki". F. M. Dostoevskii *Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh*. T. 21. L.: Nauka, 1980: 105–117.
- Erofeev V. V. *Moskva — Petushki*. M.: Prometei, 1989.
- Khodasevich V. F. "Poezii Ignata Lebiadkina". V. F. Khodasevich. *Koleblemyi trenozhnik: Izbrannoe*. M.: Sovetskii pisatel', 1991: 244–249.
- Kobrin K. R. "Vместo predisloviia [Ded Khossan. Esbroneo khveizpuch'noe morrozmezme deduzhkennei muidrezte zzo 2017 ged e druigoe goide uv oibrodnem poiredkhe!]". *Post(non)fiction*, 2017. <http://postnonfiction.org/projects/hossa>
- Korkin P. "Ya poznakomilsia s Akhmadulinoi noch'iu na kladbishche": Ekskliuzivnoe interv'iu so starshim leitenantom Pidorenko V. P., geniem literatury". *Nozh*, 21.03.2021. <https://knife.media/pidorenko-the-great>
- Levin Yu. I. "Ob obstsennykh vyrazheniiakh russkogo yazyka". *Russian Linguistics* 10.1 (1986): 61–72.
- Lesin E. E. "Lenin sleduet za Bogoroditsej". *NG Exlibris. Internet-versiia*, 31.01.2019. https://nvo.ng.ru/ng_exlibris/2019-01-31/13_1008_monument.html
- Letov E. *Stikhi*. M.: Vyrgorod, 2011.
- Lukoianov E. "Otpusk". Predisl. N. Sungatova. *Greza*, 07.07.2020. <https://greza.space/otpusk>
- Nemirov M. M. *168 ili gde-to okolo togo*. S. l.: Podsnzhnik, 2017.
- Pidorenko V. P. *Stikhotvoreniiia*. M.: Common place, 2018.
- Pidorenko V. P. *Gora trupov*. M.: Common place, 2019.
- Pidorenko V. P. *Pul's Khronitelia Dverei Lobirinta Cherviariia Karlika Volkov Odina*. M.: Common place, 2020.
- Pidorenko V. P. "Stikhi poezii zvuchashchei". *Nozh*, 22.02.2021(a). <https://knife.media/club/slam>
- Pidorenko V. P. "Vedi menia, pushisty i moi Vergilii". *Proekt rrrrrrr*, 01.03.2021(b). <https://rrrrrr.ru/happy-cats-day>
- Prigov D. A. " 'Edinstvennoe, chto ia mogu prepodat', — eto tip sushchestvovaniia v literature". Beseda s Gennadiem Katsovm. *LiTERRatura*, 3.11.2014. <http://literatura.org/non-fiction/615-dmitriy-prigov-edinstvennoe-cto-ya-mogu-prepodat-eto-tip-suschestvovaniya-v-literature.html>
- Prigov D. A. *Moskva*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
- Prigov D. A. *Monstry*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- Shapir M. I. "K semantike 'parodicheskogo balladnogo stikha' ('Ten' Barkova' v kontekste polemiki o starom i novom sloge)". M. I. Shapir. *Universum versus: Yazyk — stikh — smysl v russkoi poezii XVIII–XX vekov*. Kn. 1. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000: 192–223.
- Shapir M. I. "Barkov i Derzhavin: Iz istorii russkogo burleska". A. S. Pushkin. *Ten' Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy*. Izd. podgot. I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir. M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2002: 397–457.
- Shapir M. I. "K semantike 'parodicheskogo balladnogo stikha' ('Solntse' Maiakovskogo v teni Barkova)". M. I. Shapir. *Universum versus: Yazyk — stikh — smysl v russkoi poezii XVIII–XX vekov*. Kn. 2. M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2015: 62–99.

- VERSUS #1 (season III): Oxxxymiron vs Johnyboy. <https://www.youtube.com/watch?v=MVouMFKmael>
- VERSUS X #SLOVOSPB: Oxxxymiron vs Slava KPSS (Gnoinyi). <https://www.youtube.com/watch?v=v4rvTMBCJD0>
- Zholkovsky A. K. "Grafomanstvo kak priem (Lebiadkin, Khlebnikov, Limonov i drugie)". A. K. Zholkovsky. *Bluzhdaiushchie sny i drugie raboty*. M.: Nauka, 1994: 54–68.

Валериј Отјаковски

БАРКОВ, ПРУТКОВ И ОСТАЛИ:
О „СТИХОВИМА ПОЕЗИЈЕ“ ПОРУЧНИКА ПИДОРЕНКА В. П.

Резиме

Чланак проучава креативне стратегије и књижевне изворе песничког пројекта „Поручник В. Пидоренко“. Започевши као експеримент за осмишљавање извора вести кроз призму опсцене лексике, развио се у препознатљивог лика — опсценог трикстера који се више пута појављивао у домаћој књижевности. Његов пример нам омогућава да уочимо линију континуитета у руској опсценој поезији, која се непрекидано појављује и нестаје у пољу (политички) дозвољеног.

Кључне речи: Пидоренко В. П., Telegram, И. Барков, Козма Прутков, Д. А. Пригов, М. М. Немиров, опсцена поезија.

ИЗ УСПОМЕНА СЛАВИСТА

Zuzanna Topolińska
 Macedońska Akademia Nauk i Umiejętności /
 Македонска академија на науките и уметностите
 zuzana@manu.edu.mk

Zuzanna Topolińska
 Macedonian Academy of Sciences and Arts
 zuzana@manu.edu.mk

Z PAMIĘTNIKA JĘZYKOZNAWCY

JUGO-OLA

Kiedy w latach pięćdziesiątych minionego wieku zaczęłam się poważnie zastanawiać nad kierunkiem mojej dalszej specjalizacji zawodowej, obszar zachodnio-słowiański był już solidnie przebadany, a koledzy z odpowiednich centrów językoznawczych wyraźnie nie byli zainteresowani tym, żeby ktoś ‘z zewnątrz’ zajmował się badaniem ich dialektów. — Obszar wschodniosłowiański był przedmiotem ogólnego zainteresowania w Polsce i poza Polską, były to lata socjalizmu, i nie miałam najmniejszej ochoty włączać się w grono entuzjastów. Pozostawało słowiańskie południe — w Polsce wówczas — poza wybitnym bułgarystą, prof. Franciszkiem Sławskim — nie mieliśmy wielu specjalistów. Ostatecznie o tym, żeby skierować się na południe, przekonało mnie zaproszenie od chorwackiego językoznawcy, prof. dr Josipa Hamma, do udziału w jugosłowiańskim letnim seminarium dla sławistów z zagranicy, które w owym 1957 roku miało się odbyć w Zagrzebiu i Splicie.

Pracowałam wówczas w II-iej Pracowni Dialektologicznej PAN, kierowanej przez mego polskiego mentora, prof. dr Zdzisława Stiebera. Zadaniem Pracowni było opracowanie *Atlasu językowego kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich*. Obok pracy nad *Atlasem* jednym z moich zadań było towarzyszenie językoznawcom — gościom z zagranicy w czasie ich pobytu w Polsce. Jednym z takich gości był wspomniany prof. Hamm, a zaproszenie na seminarium w Jugosławii było wyrazem wdzięczności za oprowadzanie Profesora po Polsce.

Orientując się niezłe w problematyce obszaru zachodniej Słowiańszczyzny, świadoma, że językowo najbliższy jest mu język słoweński, wyobrażałam sobie, że od tego języka powinnam zacząć moje kontakty ze słowiańskim południem.

Jednak sprawy potoczyły się inaczej. Kiedy po męczącej podróży dotarłam do Zagrzebia, okazało się, że Seminarium już się przeniósło do Splitu. Dojechałam do Splitu wieczorem z ambicją, żeby nadrobić choć częściowo moje opóźnienie. Moim sąsiadem przy kolacji okazał się Blaže Koneski, genialny poeta macedoński, człowiek z ogromną intuicją językową, który doprowadził do standardyzacji języka macedońskiego i przygotował pierwszą, ‘autorską’, oryginalną, odbiegającą znacznie od klasycznego, wzorowanego na łacinie, modelu, gramatykę macedońską. — Od pierwszego kontaktu przy stole praktycznie nie rozstawaliśmy się z Koneskim przez tych parę dni jego pobytu w Splicie, dokąd był zaproszony, aby wygłosić parę wykładów o języku macedońskim. Ja byłam dla niego interesująca jako jedyny seminarzystka zza żelaznej kurtyny, on otworzył przede mną nowy świat najmłodszego standardowego języka Słowian. Koneski w czasie swego niedawnego oficjalnego pobytu w Polsce jako rektor uniwersytetu w Skopiu opanował nieźle podstawy polszczyzny — talent do języków miał niezwykle — a poza tym wspólnym językiem był dla nas francuski, którym ja skolei władałam lepiej od niego. — Spotkanie z Koneskim i to, czego nauczyłam się od niego o języku macedońskim, tak bardzo różnym strukturalnie od polszczyzny, a tak bliskim wielkim językom zachodnio-europejskim, było niewątpliwie najważniejszym moim przeżyciem na Seminarium w Splicie. — Przy okazji opanowałam też podstawy języków serbskiego i chorwackiego, wówczas uznawanych za jeden język.

Kolejną profesjonalną platformą, która znacznie rozszerzyła moje kontakty z językoznawcami jugosłowiańskimi, był wielki międzynarodowy projekt slawistyczny zainicjowany przez językoznawców polskich, a zrealizowany głównie z pomocą językoznawców rosyjskich (stąd rosyjski skrót OLA) — Ogólnosłowiański atlas językowy. Praca nad projektem rozpoczęła się po podjęciu decyzji o jego realizacji na kongresie zorganizowanym w roku 1958 w Moskwie przez Międzynarodowy Komitet Slawistów.

Jako członek polskiej delegacji powołanej do pracy nad projektem miałam okazję poznać elitę językoznawców jugosłowiańskich. Była to niewątpliwie najbliższa mi grupa wśród uczestników projektu. — Wcześniej zrozumiałam, że dialektologia jako przedmiot studiów ma znacznie wyższą rangę na słowiańskim południu niż na słowiańskiej północy. Świadczą o tym m.in. programy uniwersyteckie. My — poloniści w Polsce — poznawaliśmy charakterystyczne cechy dialektów polskich w ramach kursu gramatyki historycznej języka polskiego, którego celem było śledzenie konsolidacji dialektów, które zaowocowało narodzinami literatury pięknej w języku polskim, a tym samym języka literackiego¹. Nasi koledzy w Jugosławii studiowali gramatykę i leksykę dialektów swoich języków jako podstawowy kurs uniwersytecki, a przedmiotu ‘gramatyka historyczna’ nigdy w programie nie mieli i do dziś nie mają.

Jugosłowiańska delegacja uczestnicząca w pracach nad OLA to byli przede wszystkim dialektolodzy i historycy języka. Jako generacja byli mi znacznie

¹ W tamtych latach syntagma ‘język literacki’ była znacznie powszechniej używana niż synonimiczna z nią syntagma ‘język standardowy’.

bliżsi niż moi profesorowie w Polsce, a także niż szefowie delegacji języków północno-słowiańskich w OLA. — Dwa razy w roku spotykaliśmy się na roboczych konferencjach OLA i od pierwszych dyskusji nad formą aparatu teoretycznego, który powinien być w pracach nad atlasem przyjęty, znalazłam się na wspólnej barykadzie z Jugosłowianami; rozumieliśmy się idealnie i wkrótce z radością i dumą stałam się członkiem grupy roboczej, którą ochrzciliśmy dźwięcznym imieniem: JUGO-OLA.

Szczególnie miło mi było, że jestem członkiem JUGO-OLA na roboczym posiedzeniu Międzynarodowej komisji OLA, kiedy dyskutowaliśmy potrzebę podawania w legendach do map Atlasu standardowych literackich nazw mapowanego obiektu we wszystkich językach słowiańskich. Bułgarzy wówczas oświadczyli, że nie uznają istnienia macedońskiego języka standardowego; wówczas rosyjski szef Komisji OLA, Ruben Awaniesow, zarządził ogólne głosowanie, które pokazało, że jedynie Bułgarzy negują istnienie macedońskiego standardu. W rezultacie Komisja bułgarska wycofała się na szereg lat z prac nad OLA.

Później, kiedy jesienią 1983 definitywnie przeniosłam się z Warszawy do Skopja, obok prac nad innymi projektami MANU do moich obowiązków należała systematyczna współpraca z członkami JUGO-OLA nad pierwszymi tomami Atlasu.

Pierwszy opublikowany tom poświęcony był prasłowiańskiemu fonemowi ě, który w terminologii lingwistycznej nosi nazwę ‘jat’; wykorzystując paralełę z nazwą jugosłowiańskich linii lotniczych JAT (Jugoslovenski Aero-Transport), które przenosiły JUGO-OLA z Belgradu do Moskwy ukuliśmy slogan ‘JAT nas połączył!’

Mimo różnicy temperamentów, mimo wszystkich aktualnych i zadawnionych konfliktów między przedstawicielami słowiańskich narodów i języków Jugosławii, mimo różnicy zdań w wielu szczegółowych kwestiach naukowych, na styku nauki i polityki członkowie JUGO-OLA byli zawsze niezmiennie solidarni.

Macedońska rewelacja

W połowie lat pięćdziesiątych minionego wieku mój polski szef i mentor, prof. dr Zdzisław Stieber spędził parę tygodni w ramach oficjalnej wizyty w Macedonii. Za towarzysza i przewodnika wyznaczono mu docenta Bożydara Widoeskiego. Zachwycony inteligencją i profesjonalną ambicją młodego docenta Stieber wystarał się dla niego o roczne stypendium naukowe w Polsce, a mnie wyznaczył na jego towarzyszkę i przewodnika po polskim środowisku językoznawczym. I tak latem 1957 Stieber i ja wspólnie doczekaliśmy Widoeskiego w Warszawie.

Jednym z zadań macedońskiego gościa było wygłoszenie na Uniwersytecie Warszawskim cyklu wykładów o języku macedońskim. Ja wówczas byłam już zdecydowana, że będę się zajmować językami słowiańskiego południa i miałam za sobą parotygodniowy pobyt w Jugosławii na letnim Seminarium dla slawistów

z zagranicy. Największym moim przeżyciem na tym Seminarium było spotkanie z Błażem Koneskim, genialnym poetą macedońskim i głównym kodyfikatorem języka macedońskiego. — Kiedy wysłuchałam cyklu wykładów Widoeskiego, nie miałam już wątpliwości, że głównym przedmiotem moich przyszłych badań będzie właśnie język macedoński.

Z domu obok polskiego jako drugi język wyniosłam francuski. Matka mojego ojca była Szwajcarką z Genewy, ojciec jako dziecko często odwiedzał szwajcarską rodzinę, a później studiował w Genewie i w Paryżu; zależało mu na tym, żebym poznała francuski i od najmłodszych moich lat często zwracał się do mnie po francusku, po francusku pisywał do mnie listy, itp. — Kiedy słuchałam wykładów Widoeskiego, zaskoczyło mnie podobieństwo struktury gramatycznej macedońskiej do francuskiej. — Na strukturę gramatyczną danego języka składają się wykładniki formalne informacji najważniejszych dla szczęśliwego przebiegu komunikacji językowej, myślimy o nich jako o kategoriach gramatycznych takich jak osoba, liczba, przypadek, tryb, czas... itd. Otóż w macedońskim, podobnie jak we francuskim i innych językach romańskich, a także i w angielskim, informacje zgramatyzalizowane, tj. gramatyczne w systemie nominalnym przenoszone są najczęściej nie przez końcówki osobowe, przypadkowe itp. tak jak w polszczyźnie i w innych językach północno-słowiańskich, ale przez specjalne prepozytywne wykładniki funkcji gramatycznych; w systemie nominalnym jest to klasa konstrukcji znanych nam jako przyimki, podczas gdy w systemie werbalnym pojawiają się konstrukcje, które określam jako partykuły werbalne — informują nas one, z jakim trybem / czasem werbalnym mamy do czynienia.

Gramatyka historyczna uczy nas, że z prajęzyka indoeuropejskiego odziedziczyliśmy system gramatyczny typu polskiego, a więc system typu macedońskiego czy francuskiego musiał rozwinąć się wtórnie w wyniku szczególnych warunków rozwoju tych języków w epoce przed standardyzacją.

Po wysłuchaniu wykładów Widoeskiego niemal wszystkie moje prace badawcze będą poświęcone próbom wyjaśniania, dlaczego i jak to się stało. Lingwistyczna literatura bałkanistyczna nauczyła mnie, że wszystkie języki bałkańskie mają system gramatyczny typu macedońskiego, co znaczy, że w słowiańskim świecie językowym taki system poza macedońskim ma również bułgarski i część południowo-wschodnich dialektów serbskich. — Odpowiedź na centralne nurtujące mnie pytanie, jak doszło do zmiany systemu i do przerzutu markerów gramatycznych z postpozycji w prepozycję, widzę dziś w fakcie, że wielkie języki zachodnio-europejskie, podobnie jak języki bałkańskie, w okresie poprzedzającym ich standardyzację rozwijały się w środowisku wielojęzycznym, a użytkownicy tych języków często nie znali dobrze języka swoich rozmówców. Stąd potrzeba jasnych, transparentnych sygnałów na początku, a nie na końcu danej konstrukcji. — Język — jako system zdolny do adaptacji (t.zw. *complex adaptive system*) — przystosował się do tych wymagań.

Rzadko zdajemy sobie sprawę z tego, że polszczyzna — jako jeden z nie tak wielu języków europejskich — rozwijała się w środowisku *par excellence* monolingwalnym.

Macedońska terminologia karciana

Mój dzień pracy twórczej kończy się mniej więcej o jedenastej przed południem. Do jedenastej pracuję bardzo intensywnie, później mogę już tylko wybierać różne formy mniej lub bardziej atrakcyjnego spędzenia czasu. Jedną z nich, którą jako formę odpoczynku odziedziczyłam po ojcu, jest zabawa kartami, konkretnie: otwieranie pasjansów. Znam ich ponad 20 i skutecznie wypełniają mi czas.

Po przesiedleniu z Warszawy do Skopja szybko zapoznałam się z macedońską terminologią karcianą. Pochodzi ona, jak i polska, z Francji, jednak formy ‘udomowienia’ tej terminologii były w obu krajach zasadniczo różne i rzucają charakterystyczne światło na mentalność tych, którzy tę francuską terminologię przyswajali.

Zacznijmy od nazw ‘kolorów’. W Polsce dokonaliśmy jedynie fono-morfologicznej adaptacji nazw francuskich. *Kiery, kara, trefle, piki* to odpowiednio adaptacje francuskich nazw *coeur, caro, trefle, pique...* Na gruncie macedońskim proces adaptacji wyglądał inaczej; *coeur* i *trefle* zostały przełożone jako *srce* i *detelina*, *piki* zostały przejęte jako zapożyczenie, a *caro* na zasadzie asocjacji formy znaku z formą popularnego ciastka otrzymało jego nazwę: *baklava*; skądinąd i nazwa i samo ciastko to ‘zapożyczenia tureckie’.

Jeszcze ciekawsze są losy nazw figur karcianych. Nazwę żeńskiej figury oba języki przejęły jako zapożyczenie, odpowiednio pol. *dama*, mac. *dama*. Nazwę władcy Polacy przetłumaczyli: *król*, natomiast w Macedonii obok *kral* można, nie rzadko, spotkać i nazwę *pop(ot)* — znamienne nawiązanie do faktu, że najwyższą ‘swoją’ władzę ujarzmionego przez Turków narodu była władza kościelna. — Najciekawsza jest niewątpliwie forma adaptacji francuskiego *valet* — Polacy przy braku pełnego odpowiednika semantycznego (*sluga? kamerdyнар? ordynans?*) po prostu zapożyczyli nazwę francuską, podczas gdy w Macedonii, która do lat dziewięćdziesiątych minionego wieku nie znała władzy państwowej opartej na lokalnym języku i obyczaju, pojawiła się nazwa wszechobecnego przedstawiciela władzy świeckiej: *žandar* ‘żandarm’.

Macedońska terminologia karciana bezbłędnie wpisuje się w formułę stwierdzającą, że język to zapis historii i kultury.

Сусуму Нонака
Сайтамский университет
nonakasusumu1967@gmail.com

Susumu Nonaka
Saitama University
nonakasusumu1967@gmail.com

БЕСЕДЫ С Б. Ф. ЕГОРОВЫМ О СМЕХЕ И ИСТИНЕ¹

CONVERSATIONS WITH B. F. EGOROV
ABOUT LAUGHTER AND TRUTH

Заметка посвящена памяти Б. Ф. Егорова, вспоминается сотрудничество японских славистов с Б. Ф. Егоровым, разговор с Б. Ф. Егоровым о *Ревизоре* Гоголя и поэзии Горация.

Ключевые слова: Б. Ф. Егоров, Рёхей Ясуи, *Ревизор*, Гораций.

The note is dedicated to the memory of B. F. Yegorov; the cooperation of Japanese Slavists with B. F. Yegorov is mentioned, conversation with B. F. Yegorov about Gogol's *The Government Inspector* and Horace's poetry.

Keywords: B. F. Yegorov, Ryohei Yasui, *The Government Inspector*, Horace.

Сегодня нам хотелось бы рассказать о трех вещах: во-первых, о дружбе Бориса Федоровича с японским русистом Рёхей Ясуи, во-вторых, о помощи Бориса Федоровича восточно-азиатским исследователям, и наконец, о моей беседе с ним по поводу *Ревизора* Николая Гоголя.

Мы с Борисом Федоровичем познакомились в Крыму в 2013 году. Но, разумеется, я и до этого читал его работы и имел общее представление о его личности, потому что японский русист Рёхей Ясуи (1935–2020), один из моих учителей, много лет дружил с ним. Ясуи-сан часто говорил, что Егоров-сан имел замечательную библиотеку и добрейший характер. Познакомившись лично с Борисом Федоровичем, я узнал, что Ясуи-сан был прав.

¹ Настоящая заметка была прочитана на международной конференции «К 95-летию Бориса Федоровича Егорова: Проблемы русской литературы, культуры и общественной мысли XIX–XX веков» (Санкт-Петербургский Институт истории и Институт русской литературы РАН, 31 мая–1 июня 2021 г.).

Коротко расскажем о Ясуи-сан как о типичном японском русисте, питавшем сердечную любовь к русской литературе и русским людям. Он с давних пор занимался исследованием славянофильства. Как вы знаете, это была сложная тема в советское время. Он пишет, что чувствовал себя одиноким в кругу японских русистов, среди которых преобладала тема революционных демократов, таких как Белинский и Чернышевский. Поэтому он весьма обрадовался, когда в 1969 году в журнале *Вопросы литературы* проходила дискуссия о славянофильстве, в которой участвовали одиннадцать ученых, в том числе и Борис Федорович (Егоров 1969: 128–135). Когда Ясуи-сан стажировался в СССР в 1973–1974 годах, он познакомился с участниками данной дискуссии. Больше всего он подружился с Вадимом Кожиновым и Борисом Федоровичем. Он пишет в своих воспоминаниях:

Впервые я встретился с Борисом Федоровичем в мае 1974 года. Без какой-либо рекомендации я однажды зашел на кафедру русской литературы Ленинградского педагогического института. Там Б. Ф. не было, но ему сразу же любезно позвонили. Он тепло меня принял и даже пригласил к себе. В то время вообще очень боялись входить в контакт с иностранцами. Я был так тронут его редчайшей смелостью и любезностью (Ясуи 2016: 127–128).

Так как Ясуи-сан не пользовался компьютером, они переписывались по обычной почте и звонили друг другу в памятные дни, такие как Новый год и день рождения Бориса Федоровича. После того как ему исполнилось 80 лет, Ясуи-сан стал жаловаться на здоровье, но он радостно рассказывал: «Егоров-сан меня ободряет, говоря, мол, вы живите до 90 лет, а я доживу до 100!».

Получив известие о кончине Бориса Федоровича 3-го октября прошлого года, я сразу позвонил Ясуи-сан. Но мне ответил незнакомый голос (как оказалось, это был его сын) и сказал, что Ясуи-сан также скончался 3-го. Какое совпадение! Я об этом написал русским знакомым, которые хорошо знают о их дружбе, как Татьяна Борисовна, Андрей Дмитриев, Дмитрий Бадалян и Валерий Фатеев. Они разделили мое удивление и умиление. Как бы наивно это ни звучало, мне хотелось бы передать Борису Федоровичу и Ясуи-сан, что они оставили нас в один и тот же день.

В январе 2014 года Борис Федорович посетил Японию во второй раз. Он читал лекции в университетах и участвовал в семинаре, который организовали японские и корейские русисты. Он любезно делал замечания, давал советы молодым докладчикам и подарил нам с Кимом Су Кваном значки в память легендарного тартуского семинара. Это мне очень польстило.

Когда мы опубликовали русско-англоязычный сборник *Дальний Восток, близкая Россия: эволюция русской культуры — взгляд из Восточной Азии* на основании материалов данного семинара, Борис Федорович написал благословляющее предисловие, которое он заключил следующими словами:

Взаимоотношения в нашем научном мире могут служить как бы моделью для конструирования прочных, надежных взаимосвязей в любых социумах. Да будет мир-покой в наших научных и человеческих контактах и да будет процветать наука и творчество. Мой университетский учитель профессор П. Н. Берков любил цитировать лозунг средневековых ученых: *Vivat scientia, pereat sus!* То есть да здравствует наука и будь проклята свинья (которая в данном случае символизирует весь враждебный науке круг людей). (Егоров 2015: 8)

Хотелось бы добавить, что мы продолжаем проект *Дальний Восток, близкая Россия* как серию научных сборников. Теперь мы редактируем четвертый выпуск, в котором участвуют не только корейские и японские, но и русские, украинские, тайваньские и монгольские коллеги. Мы верим, что выше процитированные слова Бориса Федоровича о значении науки учат нас идее свободной, открытой русистики, которую он сам олицетворял.

В сентябре 2019 года я был на квартире Бориса Федоровича. Это, как оказалось, была последняя встреча с ним. У меня был один вопрос, который я давно хотел ему задать. Вопрос касался известного выражения в *Ревизоре* Гоголя: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!..». Как известно, в справочном словаре М. Михельсона *Русская мысль и речь: Свое и чужое* существует замечание по поводу аллюзии, или сходства выражений у Гоголя и Горация. В статье о гоголевском выражении дана ссылка на стихи римского поэта: «*Quid rides? Mutato nomine de te fabula narratur*» с русским переводом: «Чему смеешься? Переменивши имя, о тебе Басня повествует» (Михельсон 1997: 497). Меня занимало это сходство, которому, между прочим, уделяют мало внимания. Например, в двух полных собраниях сочинениях Н. Гоголя, вышедших в этом веке, в комментариях к *Ревизору* нет упоминания о вышеуказанных словах Горация (Гоголь 2003; Гоголь 2009).

В самом деле, Борис Федорович также, по-видимому, не обращал внимания на это сходство и одобрил мое желание заняться этой темой. А я ему объяснил следующее: слова Горация и Гоголя выделяют момент «самообращенности смеха», или направленность смеха к смеющемуся, которая заставляет его познать истину о самом себе. Можно сказать, что этот момент самопознания придает данным выражениям особенное место в истории смеха, открывая существенное значение смеха для познания человеком самого себя.

Для нас особенно интересно то, что слова Горация и Гоголя, возможно, сыграли важную роль в литературе Восточной Азии Нового времени, когда стали обращать внимание на саморефлексивность человеческого сознания или субъекта как на основной момент мышления Нового времени. Я намеревался коснуться по этому поводу творчества японского писателя Сосэки Нацумэ (1867–1916) и китайского Лу Синя (1881–1936), которые оба цитируют вышеуказанные слова Горация и Гоголя в своих сочинениях.

Борис Федорович одобрил мое намерение, и мы расстались. Когда моя статья была опубликована в научном журнале Полтавского педагогиче-

ского университета (Нонака 2019: 15–19), я сразу послал ему pdf-файл. Как вы помните, он отвечал на почту весьма быстро. И на этот раз я тут же получил его теплый отзыв: «Статья Ваша очень хороша. Со всем соглашаешься. Конечно же, Гоголь знал фразу Горация! И очень хорошо Вы расширили смысл фразы Городничего до философии, до истины» (Электронная почта Б. Ф. от 6 ноября, 2019).

Стоит ли говорить о празднике в моей душе? Честно говоря, меня немножко беспокоило то, как отнесутся русские ученые к версии о том, что гоголевское бессмертное выражение основано на стихах римского поэта (что, разумеется, несколько не кощунственно, если вспомнить подобный пример Пушкина, также использовавшего стих Горация).

Борис Федорович же дал понять напрасность моего беспокойства, снова показав открытость и всемирность русистики. Мы надеемся, что такая «борфедская» русистика, какую мы любим и уважаем, будет еще развиваться во многих странах и поколениях. Может быть, это будет самый хороший способ почтить добрую память Бориса Федоровича.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоголь Николай. *Полное собрание сочинений и писем*. В 23 т. Т. 4. Москва: Наука, 2003.
- Гоголь Николай. *Полное собрание сочинений и писем*. В 17 т. Т. 3–4. Москва — Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009.
- Егоров Борис. «Проблема, которую необходимо решить». *Вопросы литературы* 5 (1969): 128–135.
- Егоров Борис. «К международным симпозиумам о русской культуре, состоявшимся в Токио и Сеуле». Гречко Валерий, Ким Сукван, Нонака Сусуму (ред.). *Дальний Восток, близкая Россия: эволюция русской культуры — взгляд из Восточной Азии*. Белград — Сеул — Сайтама: Логос, 2015. Можно читать текст онлайн: <https://philhist.spbu.ru/images/books/Far%20East%20Close%20Russia%202015.pdf>
- Михельсон Мориц. *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний*. В 2 т. Москва: Терра, 1997. Т. 2.
- Нонака Сусуму. «Once Again “Чему смеетесь? Над собою смеетесь!...” — в контексте мировой литературы». *Філологічні науки* 30 (2019): 15–19. Можно читать текст онлайн: <http://philstudies.pnpu.edu.ua/article/view/188730/188137>
- Ясуи Р. «Сорок лет нашей дружбы с Б. Ф. Егоровым». Дмитриев Андрей и Глушаков Павел (ред.). *Острова любви БорФеда: Сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова*. Санкт-Петербург: Росток, 2016.
- Электронная почта Б. Ф. от 6 ноября, 2019.

REFERENCES

- Gogol' Nikolaj. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*. V 23 t. T. 4. Moskva: Nauka, 2003.
- Gogol' Nikolaj. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*. V 17 t. T. 3–4. Moskva — Kiev: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarhii, 2009.
- Egorov Boris. «Problema, kotoruyu neobhodimo reshit'». *Voprosy literatury* 5 (1969): 128–135.
- Egorov Boris. «K mezhdunarodnym simpoziumam o russkoj kul'ture, sostoyavshimsya v Tokio i Seule». Grechko Valerij, Kim Sukvan, Nonaka Susumu (red.). *Dal'nij Vostok, blizkaya Rossiya: evolyuciya russkoj kul'tury — vzglyad iz Vostochnoj Azii*. Belgrad — Seul — Sajtama: Logos, 2015. Mozhno chitat' tekst onlajn: <https://philhist.spbu.ru/images/books/Far%20East%20Close%20Russia%202015.pdf>

- Mihel'son Moric. *Russkaya mysl' i rech': Svoe i chuzhoe: Opyt russoj frazeologii: Sbornik obraznyh slov i inoskazaniy*. V 2 t. Moskva: Terra, 1997. T. 2.
- Nonaka Susumu. «Once Again “Chemu smeeetes’? Nad soboyu smeeetes’!..” — v kontekste mirovoj literatury». *Filologichni nauki* 30 (2019): 15–19. Mozhno chitat' tekst onlajn: <http://philstudies.pnpu.edu.ua/article/view/188730/188137>
- Yasui R. «Sorok let nashej družby s B. F. Egorovym». Dmitriev Andrej i Glushakov Pavel (red.). *Ostrova lyubvi BorFed: Sbornik k 90-letiyu Borisa Fedorovicha Egorova*. Sankt-Peterburg: Rostok, 2016.
- Elektronnaya pochta B. F. ot 6 noyabrya, 2019.

Сусуму Нонака

РАЗГОВОРИ С Б. Ф. ЕГОРОВОМ О СМЕХУ И ИСТИНИ

Резиме

Ова забелешка је посвећена успомени на Б. Ф. Јегорова, излаже се сећање на сарадњу јапанских слависта с Б. Ф. Јегоровом, на разговор с Б. Ф. Јегоровом о *Ревизору* Гогоља и о поезији Хорација.

Кључне речи: Б. Ф. Јегоров, Рјохеј Јасуи, *Ревизор*, Хорације.

Моника Спивак

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук (ИМЛИ РАН);
Государственный музей А. С. Пушкина
monika_spivak@mail.ru

Monika Spivak

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Science;
A. S. Pushkin State Museum
monika_spivak@mail.ru

«ПРИВЕТ ИЗ МОСКВЫ!»: МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «АНДРЕЙ БЕЛЫЙ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ:
К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ»
(26–29 ОКТЯБРЯ 2020)

«GREETINGS FROM MOSCOW!»: INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE «ANDREY BELY IN A CHANGING WORLD:
TO THE 140TH ANNIVERSARY OF THE WRITER'S BIRTH»
(OCTOBER 26–29, 2020)

Публикация представляет собой подробный обзор международной научной конференции «Андрей Белый в изменяющемся мире» (к 140-летию писателя), проходившей 26–29 октября 2020 г. в Мемориальной квартире Андрея Белого и ИМЛИ РАН. В работе конференции приняли участие более 50 ученых из России, Европы, Америки, Японии, Южной Кореи, Израиля. Доклады были посвящены новым архивным материалам, открывающим новые перспективы изучения жизни и творчества писателя, анализу текстов Андрея Белого, его диалогу с современниками и месту в культуре Серебряного века. В ходе конференции прошла серия книжных презентаций. Конференция завершилась круглым столом, на котором обсуждались итоги и перспективы развития этой отрасли литературоведения, и посещением выставки «Андрей Белый: из Москвы Серебряного века в Москву советскую».

Это была четвертая юбилейная конференция, посвященная Андрею Белому (прежние — в 2005, 2010, 2015 гг.). Она проходила в эпоху ковида, радикально изменившего мир, и большая часть заседаний прошла в формате ZOOM.

Ключевые слова: Андрей Белый, литературоведение, Серебряный век, символизм, мистика, литературный контекст, биографический контекст, рецепция творчества.

This is a detailed review of the international scientific conference «Andrey Bely in a Changing World: to the 140th anniversary of the writer» (October 26–29, 2020), held in the Andrey Bely Memorial Apartment and IMLI RAS. More than 50 scholars from Rus-

sia, Europe, America, Japan, South Korea, and Israel took part in the conference. Their reports were devoted to new archival materials, opening new prospects of studying life and work of the writer, analysis of Andrey Bely's texts, his dialog with his contemporaries and his place in Silver Age culture. In the course of the conference a series of book presentations took place. The conference ended with a round table, where the results and prospects of this branch of literary study were discussed, and a visit to the exhibition "Andrey Bely: from Silver Age Moscow to Soviet Moscow".

It was the fourth anniversary conference dedicated to Andrey Bely (previous ones were in 2005, 2010, 2015). It took place in the era of the covid that radically changed the world, and most of the sessions were in the ZOOM format.

Keywords: Andrey Bely, literary studies, Silver Age, Symbolism, mysticism, literary context, bibliographical context, reception of creativity.

Конференции «Андрей Белый в изменяющемся мире» организуются раз в пять лет и приурочены к юбилейным датам. Первой, состоявшейся в 2005 году, отмечалось 125-летие со дня рождения писателя (26 октября 1880 — 8 января 1934). Это была вообще первая конференция в России, посвященная Белому, одной из ключевых и самых загадочных фигур в русской литературе XX века. Далее последовали конференции 2010 и 2015 годов¹. И вот, в октябре 2020 года, в день рождения писателя начала работу конференция к его 140-летию. Она длилась 4 дня (с 26 по 29 октября) и традиционно проходила на базе Мемориальной квартиры Андрея Белого (отдел Государственного музея А. С. Пушкина). Опять-таки традиционно музей при организации конференций кооперируется с ведущими научными и культурными центрами. В прошлые юбилеи это было и отделение славистики Белградского университета²; в этот раз основным партнером выступал Институт мировой литературы Российской академии наук (но также Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева»).

От множества других литературоведческих конференций эту отличает определенная музейная специфика — предполагаются экскурсии, юбилейные выставки, музейные альбомы, представляющие фонды и новые поступления в коллекцию. Формат нашей конференции предполагает и элементы книжной ярмарки — презентации новых изданий, посвященных Белому, его современникам и эпохе. Юбилейные даты (круглые и некруглые) — лишь предлог для того, чтобы собраться. Истинная причина и цель проведения конференций — подвести итоги пятилетнему изучению жизни и творчества Белого в мировой славистике, познакомиться с достижениями и направлениями исследовательской мысли, определить дальнейшие перспективы работы в этой области.

Название проекта — «Андрей Белый в изменяющемся мире» — было придумано еще в 2005 году и сохранилось до настоящего времени, так как показалось в меру универсальным, не стесняющим свободу ученых в вы-

¹ См. материалы этих конференций в сб.: *Андрей Белый в изменяющемся мире* 2008; *Миры Андрея Белого* 2011; *Арабески Андрея Белого* 2017.

² Наша благодарность Белградскому университету и лично проф. Корнелии Ичин за помощь в издании двух последних сборников не слабеет с годами. Совместная работа была вдохновляющей.

боре тем для выступлений. Однако никто тогда не мог предположить, что в 2020 году болезненно актуальным в старом названии станет не столько Андрей Белый (его как изучали, так и будут изучать еще долго), сколько «изменяющийся», а точнее — радикально и не к лучшему изменившийся мир. Пандемия ковида сделала невозможным не только приезд зарубежных и иногородних участников, но затруднила и встречи москвичей. Летом и даже в сентябре казалось, что вся конференция под угрозой — ведь разговоры в кулуарах, совместные походы и поездки, обсуждение насущных литературоведческих проблем в неформальной обстановке не только давало съезду филологов эмоциональное очарование, но и имело немалый научный смысл. Изменившийся мир диктовал свои условия в виде формата ZOOM, хоть и не позволявшего участникам встречи обняться и пожать друг другу руки, но вполне пригодного для обмена научными знаниями дистанционно и без затрат на билеты и проживание. В общем, ZOOM оказался той палочкой-выручалочкой, благодаря которой конференция состоялась и, как кажется, прошла успешно и весьма увлекательно, с сохранением основных параметров и структурных составляющих.

Представление новых архивных и биографических материалов — обязательная часть беловских конференций и одновременно их украшение. Они позволяют, а порой и вынуждают скорректировать прежние представления о писателе и открывают новые пажити для будущих исследований. В этом плане важнейшим событием последней конференции стала презентация выпущенного ИМЛИ РАН первого полного издания историософского трактата «История становления самосознающей души» (Серия «Литературное наследство». Т. 112. В 2-х кн. М.: ИМЛИ РАН, 2020 — составление, подготовка издания М. П. Одесского, М. Л. Спивак, Х. Шталь), в котором Белый выступил как выдающийся мыслитель и культуролог, проследивший основные вехи в развитии культуры, начиная с зарождения христианства и до появления символизма. Примечательно, что Белый, работавший над трактатом с 1926-го по 1931-й год, даже не стремился напечатать свой труд при жизни: антропософское и религиозное содержание противоречило советской идеологии и материалистическому взгляду на мир. Но он надеялся, что после смерти книга будет доступна «для всех», что она будет нужна и важна «для будущего». Об этом Белый писал В. Э. Мейерхольду 5 марта 1927 года:

«Ведь работать во весь голос с людьми мне нельзя (сами знают!). И стало быть: надо работать без людей, но для людей: для будущего. “История самос<ознающей> души” — для всех <...>. Я ее пишу себе в письменный стол; она будет в двух-трех экземплярах; но она вынырнет, когда нас с Вами уже не будет на этом свете.

Она — должна быть».

Автограф «Истории становления самосознающей души» (1926–1931) долгое время считался утраченным (текст знали немногие во фрагментах и по недостоверным спискам), но был обнаружен в неописанной части фон-

да писателя в Отделе рукописей РГБ. Над подготовкой издания, сопровождаемого обстоятельным комментарием, пояснительными статьями, множеством иллюстраций, более пятнадцати лет работал коллектив авторов из России и Германии и вот, наконец, результаты длительного труда увидели свет. «Будущее», о котором мечтал автор «Истории становления самосознающей души», настало.

Суть историсофской концепции Белого была изложена в докладе Михаила Одесского (РГГУ, Москва)³. Он показал, как писатель в 1926 году выстроил так называемую «Кривую истории», наглядную схему, являющуюся ключом к пониманию всего трактата. Докладчик продемонстрировал различные варианты подобных схем, отражающие развитие и трансформацию замысла книги. О рисунках Белого, отражающих его культурфилософские идеи, говорила также Ангелика Шмитт (Университет г. Трир, Германия)⁴. В обсуждении примали участие научный руководитель ИМЛИ РАН, председатель редколлегии серии «Литературное наследство» Александр Куделин, директор ИМЛИ Вадим Полонский, рецензент книги Андрей Топорков, научный консультант Сергей Казачков и многие другие.

«Историей становления самосознающей души» архивная часть конференции не ограничилась. Маргарита Павлова (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург)⁵ познакомила с материалами книги, которая должна выйти в ближайшее время — письма-дневники Татьяны Гиппиус 1906–1908 годов, подготовленные по автографам архива Мережковских, хранящегося в Центре русской культуры Амхерста (Amherst Center of Russian Culture). Этот эпистолярно-дневниковый комплекс содержит обширный «беловский пласт», раскрывающий роль Белого в общине Мережковских и позволяющий в новом свете увидеть историю его взаимоотношений с четой Блоков в период превращения братской дружбы поэтов во вражду, в период возникновения и распада «любовного треугольника» (А. А. Блок — «Прекрасная дама» Л. Д. Менделеева-Блок — Андрей Белый).

Неизданный киносценарий Белого, написанный в 1920-е годы по роману *Петербург*, был представлен Клаудией Кривеллер (Университет Падуи, Италия)⁶. Всем хорошо известно, что роман выпускался в нескольких редакциях и что Белый переделал его в пьесу, поставленную в 1925 году МХТ-2 с Михаилом Чеховым в роли сенатора Аблеухова. Однако о работе Белого для кино мало кто знал, и уж совсем мало людей догадывалось, что сценарий (законченный и к тому же богато иллюстрированный) сохранил-

³ Михаил Павлович Одесский (РГГУ, Москва). «Кривая истории» как ключ к пониманию *Истории становления самосознающей души*. Здесь и далее даются полные имена и точные названия докладов.

⁴ Ангелика Шмитт (Университет г. Трир, Германия). Генезис культурфилософских идей Андрея Белого на основе изобразительных материалов.

⁵ Маргарита Михайловна Павлова (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург). Андрей Белый в готовящихся к изданию «дневниках» Татьяны Гиппиус.

⁶ Клаудия Кривеллер (Университет Падуи, Италия). Киносценарий по роману Андрея Белого *Петербург*. Попытка анализа.

ся. Фильм по этому сценарию не был снят, но его текст представляет собой невероятный интерес с точки зрения освоения Белым семиотического кода киноискусства. В докладе знаменитый романист показан как начинающий кинодраматург, пытающийся в соответствии с законами нового жанра сократить диалоги, усилить динамику повествования, иными средствами охарактеризовать героев (работа над их внешностью, мимикой и пластикой, жестами, одеждой, походкой и пр.).

Олег Марченко (РГГУ, МГК им. П. И. Чайковского, Москва)⁷ ввел в научный оборот новые материалы о пребывании Белого на Сицилии на рубеже 1910–1911 годов. Эти материалы были взяты не в архивах, но добыты личным опытом. Вслед за Белым и Асей Тургеневой он поехал в Монреаль, где выявил неизвестное доселе место их проживания, подробно описанное в *Путевых заметках* — неприметный отель «Ristorante Savoia» напротив знаменитого своими мозаиками Монреальского собора XII века. Ошеломившие Белого монреальские мозаики обусловили своеобразное богословие света в *Путевых заметках*, отсылающее к Плотину и учению о цвете Гете. Марченко предложил увлекательную фотоэкскурсию по городу, по собору и по зданию бывшего отеля, в том числе и по тем комнатам на втором этаже, которые занимали Белый и его спутница.

Доклад Елены Глуховой (ИМЛИ РАН, Москва)⁸ был посвящен малоизученной теме — неудавшемуся сотрудничеству писателя с одной из любопытных советских институций, с Социалистической Академией общественных наук, организованной в 1918 году и сыгравшей решающую роль в формировании философской базы советского государственного строя (с 1924 года — Коммунистическая академия, потом — Академия наук СССР). К работе в Академии Белого пытался привлечь Евгений Лундберг, но его план сорвался. Политическая (а точнее — внеполитическая) позиция Белого, обусловившая его отказ от сотрудничества, реконструируется по сохранившимся и впервые вводимым в научный оборот письмам 1918 года к руководителям Академии М. А. Рейснеру и М. Н. Покровскому.

Томас Байер (Вермонт, США)⁹ показал и проанализировал редкие печатные и рукописные материалы, связанные с пребыванием в Германии Андрея Белого, А. М. Ремизова и вообще русской диаспоры. Особенный интерес вызвал поздравительный адрес к 60-летию Герхарта Гауптмана, которое бурно отмечалось в Берлине в 1922 году. Текст приветствия от имени всех русских писателей Белый сочинил на русском и на немецком языках, а Ремизов, используя свой каллиграфический талант, создал четыре версии: на современном русском, на современном немецком, глаголицей и старым немецким шрифтом. Целый ряд знаменитостей поставили свои

⁷ Олег Викторович Марченко (РГГУ, МГК им. П. И. Чайковского, Москва). Андрей Белый в Монреале: некоторые замечания.

⁸ Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва). Проекты первых лет Советской власти: о несостоявшемся сотрудничестве Андрея Белого с «Социалистической Академией».

⁹ Томас Байер (Вермонт, США). Андрей Белый и Алексей Ремизов в Берлине: неизданные документы.

подписи (в двух вариантах — кириллицей и латиницей) под этим адресом: Максим Горький, Илья Эренбург, Борис Зайцев, Виктор Шкловский и др.

Архивные материалы особого свойства стали отправной точкой для Елены Наседкиной (ГМП, Москва)¹⁰. Это некогда принадлежавшие Белому, а сейчас хранящиеся в его «Мемориальной квартире» репродукции работ Микеланджело («Пьета» из Ватикана, Пророки и Сивиллы из Сикстинской капеллы). Некоторые из сохранившихся репродукций висели на стенах его рабочего кабинета, то есть были особенно значимы. Белый не только любил творчество Микеланджело, но чувствовал в нем родственную душу и даже на протяжении некоторого времени считал себя реинкарнацией великого мастера эпохи Возрождения. Раздумья о Микеланджело отразились в трактате *История становления самосознающей души* и в романе *Москва*: в профессоре Коробкине проявляются черты микеланджеловского «Моисея»; пройдя мученическим путем и пережив душевную болезнь, герой романа под воздействием жизнетворческих образов Микеланджело возрождается к новой духовной жизни.

А. В. Лавров (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург)¹¹ обратился к последним страницам биографии Белого и проанализировал два предисловия, написанные Л. Б. Каменевым в 1933 году для издания в ГИХЛе воспоминаний *Начало века* и исследования *Мастерство Гоголя*. Негативистскую установку Каменева, особенно ярко выраженную в предисловии к мемуарам, Белый закономерным образом воспринял как смертный приговор своему литературному будущему. Однако в докладе эти предисловия рассматривались не как личный выпад политика против писателя, а как характерная особенность многих советских книг 1920-х — 1930-х годов: идеологические предисловия, принадлежавшие перу ответственных представителей номенклатуры, которые прилагались к книгам, в той или иной мере чужеродным тоталитарным установкам власти, выступали в роли «щита», позволяющего издательствам эти книги все же выпустить (с подобными предисловиями выходили воспоминания А. А. Мгеброва и П. П. Перцова, исследование Иванова-Разумника о Салтыкове-Щедрине и др.).

*

Многие докладчики пытались ответить на вопрос, как и из чего построен текст Белого и его художественный мир.

Нина Барковская (УрГУ, Екатеринбург)¹² анализировала автоэпиграмму 1917 года «Своему двойнику (Леониду Лебяному)», привлекая в каче-

¹⁰ Елена Викторовна Наседкина (Государственный музей А. С. Пушкина/Мемориальная квартира Андрея Белого, Москва). «Пишучи “Москву” ... вспоминал “Микель-Анджело”»: образ Микеланджело в *Масках* и *Истории становления самосознающей души* Андрея Белого.

¹¹ Александр Васильевич Лавров (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург). Андрей Белый под советским щитом.

¹² Нина Владимировна Барковская (УрГУ, Екатеринбург). Автоэпиграмма «Своему двойнику (Леониду Лебяному)» Андрея Белого в контексте 1917 года.

стве ключа-дешифратора детали биографии писателя, который не вписался ни в жизнь антропософской общины Дорнаха (там он был воспринят как «вахтер», годный лишь для охраны здания Гетеанума), ни в реальность революционной России (где хоть и получил признание как писатель, но из-за чрезмерной социальной активности — публичные выступления, проходные статьи и пр. — не мог в полной мере реализовать свой творческий порыв). Белый публично пытался дистанцироваться от Леонида Ледяного, доказывая, что это лишь персонаж, но не автобиографический герой. Однако докладчик уличил автора в лукавстве, проследив истоки этого образа в творчестве Белого периода *Пепла и Петербурга*.

Валерий Петров (Иститут философии РАН, Москва)¹³ пытался разобраться в фантазмагории тех глав повести «Записки чудака», которые посвящены впечатлениям от Лондона, через который писатель в августе 1916 года, в разгар Первой мировой войны, возвращался из Дорнаха в Россию. Он показал, что образы, посредством которых Белый изображает безумную атмосферу столицы капиталистического мира, являются не плодом болезненной фантазии автора (как казалось многим современникам), а заимствованы из специальных и популярных книг по физике Уильяма Томсона, Оливера Лоджа, Николая Алексеевича Умова и др. Среди непосредственных источников особо отмечена статья «Эволюция атома» Н. А. Умова (1905), на которую опирался Белый, создавая картину хаотично снующих по улицам большого города людей: этот образ использовал Умов для иллюстрации процессов возрастания и убывания энтропии (меры беспорядка в системе). Также в докладе ставился вопрос о протитипе преследующего русских путешественников мистического «джентельмена в котелке», производящего впечатление «шпика» и «черта».

Если Валерий Петров искал объяснение непонятных образов Белого в знакомых писателю естественно-научных сочинениях, то Илона Светликова (ВШЭ, Санкт-Петербург)¹⁴ — в трудах по психологии. Декларируемая Белым установка на сложное, избыточное деталями высказывание соотносится с работами Анри Бергсона (*Творческая эволюция*), Уильяма Джеймса (*Психология*), Сергея Трубецкого (его трактовка Геркалита). Обращение к этим источникам позволяет, по мнению докладчика, прояснить ряд «темных» фрагментов в основополагающей статье Белого по теории слова «Жезл Аарона», а также в романе *Петербург* и исследовании *Мастерство Гоголя*.

С совершенно иной стороны к истокам (и источникам) *Мастерства Гоголя*, а точнее — к трактовке повести «Страшная месть» и образа колдуна-«отщепенца», подходит Михаил Вайскопф (Иерусалим, Израиль)¹⁵. Ряд

¹³ Валерий Валентинович Петров (Иститут философии РАН, Москва). Вихревой Лондон в «Я. Эпопее» Андрея Белого.

¹⁴ Илона Юрьевна Светликова (ВШЭ, Санкт-Петербург). «Пляска теней»: об одном источнике «Жезла Аарона».

¹⁵ Михаил Яковлевич Вайскопф (Иерусалим, Израиль). Концептуальные предпосылки книги Андрея Белого *Мастерство Гоголя*.

мотивных, а порой и прямых текстуальных совпадений позволило докладчику поставить и саму логику рассуждений Белого, и его лексику, и его стилистику в тесную связь с «советскими политическими актуальностями конца 1920-х — начала 1930-х годов — такими, как внутрипартийные чистки, аресты антропософов, раскулачивание, Шахтинский процесс и дело Промпартии». Отождествление колдуна со зловредным Западом, показанное у Гоголя глазами «примитивного казацкого коллектива», восходит у Белого, как показано Вайскопфом, к советской антикапиталистической изоляционистской риторике того времени.

Разобраться в хитросплетениях пространственных и временных игр у Белого пытались сразу несколько исследователей. Чيان Чиех Хан (Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань)¹⁶ показал, как в повести *Котик Летаев* трансформация форм телесного бытия (расширение, сжатие, воплощение и перевоплощение) работает на создание мифа о зарождении сознания героя, как младенческое (отличное от взрослого) восприятие пространственно-временного континуума связано с процессом самопознания, самой важной категории для Белого-антропософа. Диана Чанг (Университет Сон Мун, Сеул, Южная Корея)¹⁷ обнаружила, что в своих крупнейших романах (*Серебряный голубь*, *Петербург*, *Москва*) писатель использует математические, геометрические, физические модели (известные ему, в частности, и по учебе на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета). Трансформация пространственной структуры в художественном мире Белого служит маркером перехода героя из статичного двух-трехмерного мира, оцениваемого негативно, в иное измерение (четвертое или многомерное), символизирует процесс его духовного роста и духовной эволюции. Аурелия Кожокару (Беркли, США)¹⁸ сконцентрировалась на «геометрии» романа *Петербург*, проанализировала метафоры, выражающие идею пространственного расширения, и контраст между плоскими и объемными изображениями. Истоки такого мировидения («мозговой игры») она нашла теории символизма как метода, сформулированной в статьях Белого 1900-х годов. Все три докладчика выявили в стремлении писателя экстраполировать процессы микромира на макромир следы пережитого мистического опыта, оказавшего влияние на образную структуру его прозы.

Влияние оккультного опыта на художественную ткань произведения заинтересовало и Наталью Шарапенкову (ПетрГУ, Петрозаводск)¹⁹. Она

¹⁶ Чيان Чиех Хан (Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань). Тело и его воплощения в повести Андрея Белого *Котик Летаев*.

¹⁷ Диана Чанг (Университет Сон Мун, Сеул, Южная Корея). Математическое видение мира Андрея Белого на примере романов *Серебряный голубь*, *Петербург* и *Москва*.

¹⁸ Аурелия Кожокару (Беркли, США). «Символизм, как метод»: новый взгляд на геометрию *Петербурга*.

¹⁹ Наталья Геннадьевна Шарапенкова (ПетрГУ, Петрозаводск). Иван Коробкин и Атанасиус Пернат как «герои пути» (на материале романов Андрея Белого *Москва* и Густава Майринка *Голем*).

провела типологические параллели между романом Белого *Москва* и романом Г. Майринка *Голем*. Оба автора апеллируют к подсознанию, ставят в центр произведений «героя пути», стремящегося сотворить в себе высшее «Я», и наделяют особой функцией (символической, мистической, посвятительной) введенные в сюжет сновидения. Сопоставление *Москвы* с *Мелким бесом* Ф. Сологуба и *Обрывом* А. И. Гончарова было сделано Ириной Маршаловой (Историко-мемориальный центр-музей И. А. Гончарова, Ульяновск)²⁰ по линии... доминирующих запахов. Поэтизация и депоэтизация ведущих героев и всего художественного пространства достигается, как показано в докладе, за счет введения ароматов разных сортов, например, маскирующих (духи, одеколоны, сигаретный дым) или разоблачающих (увядание цветов, разложение и гниение плоти или мусора), нередко превращающихся в «визитную карточку» персонажа и символ среды его обитания.

Близость художественных миров Андрея Белого и Виктора Борисова-Мусатова — тема доклада Ирины Похазниковой (Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева/отдел «Усадьба В. Э. Борисова-Мусатова»; СНИГУ, Саратов)²¹. Вывод об общности эстетических доминант и идейных установок двух символистов был сделан на основе сопоставления стихов из сборника *Золото в лазури* (1904) с полотнами 1900–1905 годов. Сравнивалось также эссе Белого о Борисове-Мусатове «Розовые гирлянды» (1906) с черновыми записями и письмами художника. Образ неба, столь актуальный для обоих, опять-таки вывел на размышления об условности и диффузности временно-пространственных категорий в живописи и лирике.

Визуальность была в центре внимания и Натальи Тарумовой (МГУ, Москва)²², рассказавшей о концепции *Словаря цвета поэзии Андрея Белого*. Работа над ним была начата еще К. Н. Бугаевой, вдовой писателя, но, увы, не завершена. Тарумова опиралась на ее подготовительные материалы (в рукописных отделах Российской государственной библиотеки в Москве и Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранятся сотни листов и карточек с выписками), но также использовала и собственную «рабочую выборку из прижизненных поэтических сборников» Белого. Этот проект можно считать очень актуальным и перспективным, ведь до сих пор словарь языка Белого, несмотря на многочисленные исследования, выявляющие уникальность его словотворчества и словоупотребления, не подготовлен. Будем надеяться, что из этого доклада в обозримом буду-

²⁰ Ирина Олеговна Маршалова (Историко-мемориальный центр-музей И. А. Гончарова Ульяновск). Функции одоропоэтических мотивов в романах *Обрыв* Ивана Гончарова, *Мелкий бес* Фёдора Сологуба, *Москва* Андрея Белого.

²¹ Ирина Сергеевна Похазникова (Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева/отдел «Усадьба В. Э. Борисова-Мусатова»; СНИГУ, Саратов). «Все творчество его — заревые гирлянды». Андрей Белый и Виктор Борисов-Мусатов.

²² Наталья Тимофеевна Тарумова (МГУ, Москва). О концепции «Словаря цвета поэзии Андрея Белого» — подходы, проблемы и решения.

щем вырастет и справочное издание, с помощью которого станет проще понять цветовую палитру поэтической вселенной Белого.

В совместном исследовании Зои Петровой и Натальи Фатеевой (Институт русского языка РАН, Москва)²³ ставилась задача проанализировать стихотворный язык писателя с точки зрения образной картины мира, отраженной в системе его метафор и сравнений со значением персонификации. Владимир Фещенко (Институт языкознания РАН, Москва)²⁴ провозгласил Белого «лингвокреативщиком». Он сконцентрировался на выявлении неологизмов в текстах разных жанров (стихотворных, художественно-прозаических, теоретико-эссеистических, философских) и пришел к выводу о том, что для художественного дискурса Белого более активным является уровень фонетический и ритмический, а для теоретических дискурсов (трактаты, эссе) более актуальной оказывается креативность понятийная (эвристическая), тяготеющая к терминотворчеству. Словотворчество для Белого, как было показано в докладе, — это переходная стадия между образной выразительностью и понятийным познанием.

В парадоксальном по постановке проблемы докладе Юрия Орлицкого (РГГУ, Москва)²⁵ — «Ритм и метр в работах Белого о ритме и метре» — речь шла о том, как поэт-теоретик сознательно реализовывал выдвинутый им принцип «“Проза” — тончайшая, полнозвучнейшая из поэзий» в собственной практике, причем не в художественной и мемуарной, а именно в теоретико-литературной. Для анализа была выбрана принципиально важная статья «О художественной прозе» (1919) и «поэма о звуке» *Глоссолалия* (1922). Илья Старовойтов (МГУ, Москва)²⁶ рассмотрел книгу статей Белого *Арабески* как метатекст.

*

Белый в диалоге с современниками, а порой и в ожесточенном споре с ними — тема, объединяющая многих исследователей. Два доклада были посвящены Белому и Флоренскому. Ирина Едошина (КГУ, Кострома)²⁷ проследила параллели в их юношеских биографиях, выявив элементы сходства, обусловившие их будущее сближение (влияние родителей, образование и пр.). В докладе указывалось, что именно Белый ввел Флоренского в круг писателей-символистов и оказал влияние на поэтику его стихотвор-

²³ Зоя Юрьевна Петрова, Наталья Александровна Фатеева (Институт русского языка РАН, Москва). Метафоры и сравнения со значением персонификации в поэзии Андрея Белого.

²⁴ Владимир Валентинович Фещенко (Институт языкознания РАН, Москва). Языковое новаторство Андрея Белого: между художественностью и научностью.

²⁵ Юрий Борисович Орлицкий (РГГУ, Москва). Ритм и метр в статьях Белого о ритме и метре.

²⁶ Илья Дмитриевич Старовойтов (МГУ, Москва). Книга статей Андрея Белого *Арабески* как метатекст.

²⁷ Ирина Анатольевна Едошина (КГУ, Кострома). Андрей Белый в становлении литературных взглядов Павла Флоренского.

ных сборников (строфика и ритмика). Особенно подчеркивалось, что собственное обоим восприятие бытия в мистическом ракурсе возникло у них под влиянием личности и трудов Владимира Соловьева. Анна Резниченко (РГГУ, Москва)²⁸, напротив, сфокусировалась на том, что Белого и Флоренского не объединяло, но друг от друга отдаляло. Здесь ключевой фигурой для обоих мыслителей оказывается Кант, равно для них важный, но по-разному понимаемый (или — непонимаемый), с разных позиций критикуемый и преодолеваемый.

Анна Сергеева-Клятис (МГУ, Москва)²⁹ поставила вопрос о значении Андрея Белого в жизни Коммиссаржевской (о роли Коммиссаржеской в жизни и творчестве Белого писалось много, но здесь оригинальная постановка проблемы). Анастасия Гачева (ИМЛИ РАН, Москва)³⁰, с опорой на архивные материалы, рассказала об том, как трактовал прозу Белого-мистика интереснейший философ-космист Александр Горский. В истории вражды Белого и влиятельного критика Юрия Айхенвальда, крайне нелицеприятно отзывавшихся друг о друге, попыталась разобраться Елена Тахо-Годи (МГУ, ИМЛИ РАН, Москва)³¹. Елена Кнорре (ПСТГУ, Москва)³² проанализировала, как преломляется столь популярный в культуре начала XX века образ «Невидимого града» у Белого и М. М. Пришвина, тоже, кстати, Белого недолюбливавшего. Вообще, оппоненты Белого интересовали участников конференции больше, чем его единомышленники и поклонники. Таковым неожиданным образом оказался Владимир Жаботинский. Именно ему Леонид Кацис (РГГУ, Москва)³³ путем сложной системы доказательств атрибутировал анонимный критический обзор доклада Андрея Белого «Искусство будущего» в основном выпуске газеты *Русь* за 17(30) января 1908 года, а также несколько других антибеловских статей в приложении к *Руси* («Русь-понеделник»), в *Елисаветградских новостях* и *Киевской мысли*.

Александр Строев (Нувель Сорбонна-3, Франция)³⁴ поставил вопрос о рецепции Белого во Франции. Ученый собрал и проанализировал отклики на его творчество во французской прессе почти за тридцать лет, начиная с первого упоминания в 1906 году, и заканчивая некрологами 1934 года.

²⁸ Анна Игоревна Резниченко (РГГУ, Москва). Андрей Белый, Павел Флоренский и Иммануил Кант: истоки непонимания и/или родства (заметки к теме).

²⁹ Анна Юрьевна Сергеева-Клятис (МГУ, Москва). «Я вам подношу моего младенца»: Андрей Белый в жизни Коммиссаржевской.

³⁰ Анастасия Георгиевна Гачева (ИМЛИ РАН, Москва). Проза Андрея Белого в трактовке философа, поэта, эстетика Александра Горского.

³¹ Елена Аркадьевна Тахо-Годи (МГУ, ИМЛИ РАН, Москва). Андрей Белый и Ю. И. Айхенвальд.

³² Елена Юрьевна Кнорре (ПСТГУ, Москва) Путь в «Невидимый град»: социальный идеал в творчестве Михаила Пришвина и Андрея Белого.

³³ Леонид Фридович Кацис (РГГУ, Москва). Андрей Белый и Владимир Жаботинский.

³⁴ Александр Федорович Строев (Нувель Сорбонна-3, Франция). Андрей Белый в откликах французской прессы (1906–1934).

Как следует из доклада, наиболее часто о Белом писали в самом авторитетном французском литературном журнале *Меркюр де Франс*, а также в левой прессе, в журнале *Кларте* и газете *Юманите*. Обычно его имя появляется в обзорных статьях, посвященных русским символистам и поэтам-мистикам, принявшим революцию, зачастую рядом с Александром Блоком. Наиболее интересны статьи издателя Якова Поволоцкого, журналиста Виктора Сержа (Кибальчича), переводчика Жана Шюзвиля, журналиста и переводчика Мориса Парижанина, которые хорошо знали Белого.

Рецепция Белого в России, творческое освоение его наследия младшими современниками — тема докладов Светланы Федотовой, Олега Клинга, Павла Успенского. Светлана Федотова (ИМЛИ РАН, Москва)³⁵, опираясь на газетные публикации, письма и дневники К. И. Чуковского, выявила своего рода беловский метатекст в его литературно-критических, некроеведческих работах, а также в сказках и «Заповедях для детских поэтов» (*От двух до пяти*). Олег Клинг (МГУ, Москва)³⁶ показал, что с полным правом можно говорить о специфическом влиянии русского символизма и особенно Белого на эстетические взгляды Михаила Бахтина. Павел Успенский (ВШЭ, Москва)³⁷ посвятил доклад стихам Евгения Кропивницкого 1930-х — 1940-х годов, находящихся в прямой генетической зависимости от поэзии Андрея Белого, прежде всего от опыта поэтической антропологии сборника *Пенел*.

Заслуги одного из пионеров изучения наследия Белого в СССР Леонида Константиновича Долгополова (1928–1995), подготовившего научное издание романа *Петербург* в серии «Литературные памятники» (Москва: Наука, 1981)³⁸, были очерчены Василием Молодяковым (Университет Такусёку, Токио, Япония)³⁹. История «проекта» началась с подачи (при поддержке Д. С. Лихачева) в 1967 году заявки на трехтомник мемуаров Белого, но председатель редколлегии серии «Литературные памятники» Н. И. Конрад порекомендовал сначала сделать «Петербург», самое прославленное произведение писателя-символиста. Работа растянулась на 14 лет и завершилась в 1981 году выпуском книги, ставшей мировым бестселлером. Итоговая монография Долгополова *Андрей Белый и его роман «Петербург»* (1988) была представлена как один из краеугольных камней современного беловедения.

И, наконец, — два доклада, в которых «проблематизировались» и подвергались сомнению мифы о Белом, закрепленные в мемуарах и эпистолярной современников.

³⁵ Светлана Владимировна Федотова (ИМЛИ РАН, Москва). «...я робел до безъязычия»: Корней Чуковский и Андрей Белый.

³⁶ Олег Алексеевич Клинг (МГУ, Москва). Андрей Белый и абсурдизм.

³⁷ Павел Федорович Успенский (ВШЭ, Москва). Евгений Кропивницкий и Андрей Белый.

³⁸ Вступительное слово Д. С. Лихачева; подготовка текста и статья Л. К. Долгополова; примечания С. С. Гречишкина, Л. К. Долгополова, А. В. Лаврова.

³⁹ Василий Элинархович Молодяков (Университет Такусёку, Токио, Япония). Леонид Долгополов — исследователь Андрея Белого.

Олег Лекманов (ВШЭ, Москва)⁴⁰, выпустивший недавно комментированное издание мемуаров Ирины Одоевцевой *На берегах Невы*, решил проверить, насколько правдив созданный ею образ Белого и ответить на вопрос, действительно ли у мемуаристки уникальная память или она сконструировала образ поэта из доступных ей печатных источников (например, из мемуаров В. Ф. Ходасевича и самого Белого). С этой точки зрения докладчика интересовала безумная речь Белого перед Одоевцевой в Летнем саду в 1921 году о роли гусей в египетском мифе о сотворении мира: «Помните? В начале был только остров в океане. На острове четыре лягушки. И четыре змеи. И яйцо. — Белый привстает, простирает руки вперед, на мгновение он застывает, кажется, что он висит в воздухе. Лицо его вдруг перекашивается. Он почти кричит: — Яйцо лопнуло! Лопнуло! Из яйца вылупился большой гусь. Гусь полетел прямо в небо и... — Он весь съезживается, прижимает руки к груди. — Гусь стал солнцем! Солнцем! — Он с минуту молчит, закрыв глаза, будто ослепленный гусем-солнцем». Для этого была выявлена доступная Белому литература по теме и прослежен маршрут Белого-путешественника, посещавшего в 1911 году археологический музей в Каире. Вероятность того, что Белый все это действительно говорил, весьма высока, хотя доля сомнения в правдивости Одоевцевой тем не менее остается.

Елена Толстая (Иерусалим, Израиль)⁴¹ подвергла жесткой деконструкции знаменитый анекдот из мемуаров Ильи Эренбурга про провальную дебют Алексея Толстого на «Башне» Вяч. Иванова в 1908 году, где он во время разговора о теософии и Штейнере вызвал смех всех присутствующих («сел в лужу»), заявив, что в Берлине ему «говорили, будто теперь египтяне перевоплощаются...». В докладе аргументированно опровергается версия М. А. Волошина о том, что поведал Толстому о перевоплощениях египтян Андрей Белый (он и в Берлине тогда не был, и к антропоософии еще не приобщился), но доказывается, что корявый пересказ Толстым лекции Штейнера о египетских мистериях восходит к его беседам с Маргаритой Сабашниковой. Лукавство Волошина, «подставившего» Белого и выгородившего свою жену, объяснено в докладе мотивами личного характера.

Помимо собственно докладов в рамках конференции прошел Круглый стол «Андрей Белый: издательские планы, итоги и проблемы изучения». Выступающих было много — Ольга Кук (США), Владимир Емельянов (Санкт-Петербург) и др. О готовящихся переводах Белого на итальянский язык *Второй симфонии* и его эссе «Одна из обителей царства теней» рассказали Джузеппина Джулиано и Анта Фризон. Научный итог работы всей конференции в своем заключительном слове подвел Дмитрий Сегал (Иерусалим, Израиль).

⁴⁰ Олег Андершанович Лекманов (ВШЭ, Москва). Первая встреча с Андреем Белым в книге Ирины Одоевцевой *На берегах Невы*.

⁴¹ Елена Дмитриевна Толстая (Иерусалим, Израиль). Алексей Толстой и Андрей Белый — персонажи Волошина.

О книгах, недавно изданных и только готовящихся к изданию, говорили не только при открытии, но на протяжении всей конференции — и на Круглом столе, и в выступлениях докладчиков, и на специальных презентациях, которыми доклады перемежались. Светлана Корниенко (НГПУ, Новосибирск)⁴² поделилась проблемами комментирования *Одной из обителей царства теней*, Томас Байер (Вермонт, США) рассказал о том, как обнаружил в Дорнахе, в архиве Гетеанума, любовную переписку Андрея Белого с Наташей Тургеневоной, сестрой его жены Аси, и получил разрешение на ее публикацию (*Андрей Белый и Наташа Тургенева* 2020) — обе книги к настоящему моменту уже вышли.

Специальное заседание было посвящено долгожданной новинке — сборнику статей *Символизм и поэтика пространства в творчестве Андрея Белого* (ред.-сост. Дж. Джулиано, К. Кривеллер, М. Спивак, А. Фризон; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020), составленному по материалам международной научной конференции 2016 года, проходившей в Монреале и Палермо. В первой части сборника анализируется путешествие Белого в Италию, отраженное в его *Путевых заметках*, во второй — пространство романа *Петербург*, в третьей — поэтика пространства в мистерии *Антихрист*, повести *Котик Летаев*, трактате *История становления самосознающей души* и других произведениях.

Наряду с научными изданиями было представлено и художественное — сборник *Солнца контур старинный* со стихами Белого разных лет, посвященными соляной тематике, и уникальными иллюстрациями Софьи Каре (Москва). О книге рассказывали основатель и редактор иерусалимского издательства «Филобиблон» Леонид Юниверг и автор предисловия Иоанна Делекторская (ГМП, Москва).

Презентация книги-альбома *«Золотому блеску верил...»: Книги, рукописи, изобразительные материалы из собрания Мемориальной квартиры Андрея Белого* (2020)⁴³, выпущенной Государственным музеем А. С. Пушкина к юбилею писателя, прошла в последний день конференции и — в очном режиме.

Вообще очно удалось провести весь последний день — 29 октября⁴⁴. Он начался возложением цветов на могилу Андрея Белого на Новодевичьем кладбище⁴⁵, а завершился открытием выставки «Андрей Белый: из Москвы

⁴² Светлана Юрьевна Корниенко (НГПУ, Новосибирск). «Одна из обителей царства теней» Андрея Белого: проблемы комментария и прочтений. См.: Белый 2020.

⁴³ Составители Е. В. Наседкина и М. Л. Спивак.

⁴⁴ К сожалению, от очных экскурсий и поездок пришлось отказаться. Их заменила виртуальная экскурсия по Римскому архиву Вяч. Иванова, организованная Андреем Шишкиным (Рим, Италия) и уже упоминавшееся ранее путешествие по Сицилии — вслед за Андреем Белым и Олегом Марченко.

⁴⁵ Посетили заодно и могилу его отца Николая Васильевича Бугаева; визит этот имел и научную ценность — участники конференции установили, что мать писателя погребена

Серебряного века в Москву советскую». На ней экспонировались редкие материалы из собрания музея и уникальные открытки с видами Москвы из коллекции известного архитектора и коллекционера С. Б. Ткаченко. Выбор открытки в качестве ключа к пониманию визуального облика города, воспетого и мифологизированного Белым, был неслучаен. Это самое массовое, демократичное искусство, проникшее в бытовую жизнь и обывателей, и богемы. Именно открытка детально запечатлела городские достопримечательности, архитектурные шедевры, памятники, а также главные общественные события конца XIX — первой трети XX века. Акцент экспозиционеры сделали на открытках с изображением мест, упомянутых в московских произведениях Белого и важных для понимания биографии их автора. Особое место заняли на выставке открытки-коллажи популярного жанра — с надписями «Привет из Москвы!». Можно сказать, что таким «приветом из Москвы» мировому литературоведческому сообществу в эпоху эпидемии ковида стала и сама международная научная конференция «Андрей Белый в изменяющемся мире».

ЛИТЕРАТУРА

- Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения.* Отв. ред. М. Л. Спивак; сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. Москва: Наука, 2008.
- Андрей Белый и Наташа Тургенева: Роман в письмах.* Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Т. Байера и М. Спивак. Москва: Рутения, 2020.
- Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика.* Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак; ред. И. Волкова, И. Делекторская, Е. Наседкина. Белград; Москва: Издательство филологического факультета в Белграде, 2017.
- Белый Андрей. *Одна из обителей царства теней.* Подгот. текста М. В. Праско; коммент. С. Ю. Корниенко. Новосибирск: Открытая кафедра, 2020.
- Мирь Андрея Белого.* Ред.-сост. К. Ичин и М. Спивак; сост. И. Делекторская и Е. Наседкина. Белград; Москва: Издательство филологического факультета в Белграде, 2011;

REFERENCES

- Andrej Belyj v izmenyayushchemsya mire: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya.* Otv. red. M. L. Spivak; sost. M. L. Spivak, E. V. Nasedkina, I. B. Delektorskaya. Moskva: Nauka, 2008.
- Andrej Belyj i Natasha Turgeneva: Roman v pis'mah.* Sost., vstup. st., podgot. teksta i primech. T. Bajera i M. Spivak. Moskva: Ruteniya, 2020.
- Arabeski Andrey Belogo: Zhiznennyj put'. Duhovnye iskanija. Poetika.* Red.-sost. K. Ichin, M. Spivak; red. I. Volkova, I. Delektorskaya, E. Nasedkina. Belgrad; Moskva: Izdatel'stvo filologicheskogo fakul'teta v Belgrade, 2017.
- Belyj Andrej. *Odna iz obitelej carstva tenej.* Podgot. teksta M. V. Prasko; komment. S. Yu. Kornienko. Novosibirsk: Otkrytaya kafedra, 2020.
- Miry Andrey Belogo.* Red.-sost. K. Ichin i M. Spivak; sost. I. Delektorskaya i E. Nasedkina. Belgrad; Moskva: Izdatel'stvo filologicheskogo fakul'teta v Belgrade, 2011;

там же, хотя плиты с ее именем нет и, возможно, никогда и не существовало. Она скончалась в 1922 году, когда писатель был в эмиграции в Германии, и могила была неизвестна.

Моника Спивак

«ПОЗДРАВ ИЗ МОСКВЕ!»: МЕЂУНАРОДНА НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЈА
«АНДРЕЈ БЕЛИ У ПРОМЕНЉИВОМ СВЕТУ: ПОВОДОМ 140. ГОДИШЊИЦЕ
ОД РОЂЕЊА ПИСЦА» (26–29. ОКТОБАР 2020)

Резиме

Текст даје подробни преглед међународне научне конференције «Андреј Бели у променљивом свету» (поводом 140. годишњице од рођења писца), која се одвијала у периоду од 26. до 29. октобра 2020 г. у Меморијалном стану Андреја Белог и Институту за свеску књижевност РАН. У раду конференције је учествовало више од 50 научника из Русије, Европе, Америке, Јапана, Јужне Кореје, Израела. Реферати су били посвећени непознатим архивским материјалима, који откривају нове перспективе у поручавању живота и стваралаштва писца: за анализу текстова Андреја Белог, за његов дијалог са савременицима, за место у култури Сребрног доба. Током конференције су биле организоване и презентације књига. Конференција је завршена округлим столом, на којем се дискутовало о закључцима и перспективама развоја ове гране науке о књижевности, и изложбом „Андреј Бели: из Москве Сребрног доба у Москву совјетску“.

Ово је била четврта јубиларна конференција, посвећена Андреју Белом (раније су биле одржане 2005, 2010, 2015. године). Одвијала се у време ковида, који је радикално изменио свет, и већи део заседања је прошао преко ZOOM платформе.

Кључне речи: Андреј Бели, наука о књижевности, Сребрни век, симболизам, мистика, књижевни контекст, биографски контекст, рецепција стваралаштва.

„ЗА СУШТИНЕ, КОЈЕ СУ СТАЛНЕ, ВРЕМЕ НЕ ПОСТОЈИ“
(Кроз призму свједочанства о једној изузетној личности)¹

In memoriam: Академик Предраг Пипер
(20. август 1950 — 10. септембар 2021)

*„И друго [зрно] њаде на земљу добру; и даваше
род који најредоваше и расијаше и доношаше
њо њридесеи и њо џездесеи и њо сѝо“*

(Јев. Мк. 4, 8).

„Не теряјте Пасхалную радость!...“

(Старец Николай (Гурьянов),
свяtitель Нектарий Русский).

„Не пропустите встречу с Богом!“

(Августин (Анисимов), епископ
Городецкий и Ветлужский).

„Ако нас толико притискају бриге данашњег дана, како је морало бити тешко пророцима, који су знали и муке које неизбежно долазе. Немам дар прорицања, мада, када се на то погледа лингвистички, кад год говоримо у футуру, ми на изванестан начин проричемо, јер објављујемо ствари за које верујемо да ће се десити или да се неће

¹ Када ми је главни уредник *Зборника Мајице српске за славистику*, проф. др Корнелија Ичин, љубазно предложила да напишем некролог за почившег академика Предрага Пипера, са молбом да покушам да то урадим у неком скором догледном року, био сам потпуно неспреман јер сам због раније преузетих обавеза био у «раскораку» са временом, а и емотивно ми је било тешко да такав предлог прихватим (тада сам још увијек био под неким мрачним, депримирајућим утиском изненадне смрти Професора, који ми је био не само колега и добрим дијелом учитељ, с којим сам читав низ година имао одличну сарадњу, већ и близак (заправо најближи) пријатељ, с којим сам се лако споразумијевао, а приликом повремених сусрета могли смо да дијелимо и наше мисли и преокупације везане за струку, као и различита искушења и радости духовне природе). Међутим, таква, света дужност се не одбија, тако да упркос дубоком емотивном проживљавању и крајњој клонулости духом сада пишем текст посвећен успомени на нашег врхунског научника и најугледнијег представника српске лингвистике и славистике у XXI вијеку.

десети. Време се мери променама. Испољава се разликама унутар истог. За суштине, које су сталне, време не постоји. Постоји један безвременни стални свет суштина, и постоји његово појединачно делимично, ограничено доживљавање од стране ограничених појединаца. Време је доказ и мера наше ограничености. По мери приближавања свету суштина, приближавамо се свету апсолутне безвремене тишине, где су тренутност и вечност исто”

(Предраг Пипер — у књ.: Милош Јевтић.

Трагом речи: разговори с Предрагом Пипером.

0. Заробљена тишина: Врбас — Нови Сад — Београд — [Ваљево].

Чинило се да ни такав топао, сунчан дан, какав је био у петак, 10. септембра, не може да промијени било шта у устаљеној колотечни свакодневице премда ме је још од раног јутра пратила нека нејасна узнемиреност и осјећај као да сам нешто битно пропустио да урадим или заборавио да се некоме на вријеме јавим, чему ја упорно нисам желио да придајем нарочит значај. Међутим, када је нешто последије 12.00 часова зазвонио телефон, чији је продоран звук изненада разбио заробљену, апсолутну тишину која је у то вријеме владала у стану, предосјетио сам да то није обичан позив. Тако је и било. Назвала ме је колегиница проф. др Душанка Мирић, и прво што је узбуђеним и забринутим гласом изговорила било је „чудно“ питање: „Да ли знаш да је Мишо умро?“ Нисам одмах одговорио јер ми је кроз главу прострујала мисао о томе да је ријеч о њеном брату Миодрагу (Миши) који се упокојио у јануару ове годне, као и да сам тада поводом тога трагичног догађаја изразио саучешће њој и њеној породици. Пренуо сам се и у магновењу схватио да она заправо говори о академику Предрагу Пиперу, којег је она (као и ужи круг пријатеља) још од студентских дана звала такође Мишом. То сазнање пресјекло ме је. Сав сам се дубоко у себи, у души до сржи потресао. Осјетио сам се тако беспомоћно, безнадежно, празно (исти осјећај властите беспомоћности, очаја и бескрајног незнања сам доживио и сада релативно већ далеке 1978. године, када ми је отац на рукама издахнуо, а ја сам хтио да га некако вратим у живот, што је било немогуће, јер човјек нема ту моћ — да људе подиже из мртвих, да их васкрсава). Настао је тајац. Завладао је громогласни мук (накратко сам потпуно зајемлио). Само сам нешто несувисло промуцао, из чега су се вјероватно могле разабрати само пригушени, једва чујни узвици: „О Боже! Ужас!“ Кад сам мало дошао себи (иако је повратак у реалност трајао можда свега неколико секунди, за мене је вријеме било потпуно „стало“) приупитао сам са притајеном надом: „Да то случајно није можда нека грешка?“ са зебњом очекујући (као кад се утопљеник хвата чак и за сламку) неки „бољи“ одговор који бих могао да прихватим. „И ја нисам могла да повјерујем одмах да се то стварно десило, али професорка Вера Васић је ту информацију коју

ми је прије неколико минута саопштила добила од колегинице Рајне Драгићевић, која је сигурно најбоље упућена у дату ситуацију, тако да је то, нажалост, ипак истина“, одговорила је колегиница Мирић тихим, сухим треперавим, готово промуклим гласом. За сваки случај назвао сам одмах колегиницу Јулкицу Ђукић (дугогодињег техничког сарадника уредништва *Зборника Мајишце српске за славистику*) претпостављајући да би она могла да има неке детаљније информације о том немилом догађају, али она још ништа није знала о свему томе. Међутим, одмах након мога позива она је добила потврдну информацију о смрти академика Предрага Пипера од проф. др Рајне Драгићевић, као и од проф. др Срете Танасића, којег сам и ја замолио да ми каже све што зна о тој трагедији. Тог дана, као и наредних неколико дана, само сам о томе са колегама (проф. др Људмилом Поповић и другим колегама из Београда, као и са члановима моје матичне катедре из Новог Сада те са колегама из Никшића, Русије, Аустрије, Италије и др. мјеста) могао да разговарам телефоном или да се дописујем са њима. Сви они су, као и ја, били затечени и збуњени тим изненадним трагичним догађајем. За све нас — колеге, пријатеље и ученике сада покојног академика Предрага Пипера — његов изненадни и прерани одлазак представља огроман, запањујући шок, прави ужас. Наравно, тај шок и бол не може да се упореди са оним с чиме се суочила његова породица — супруга Љиља те ћерке Даница и Милица, као и сестра Нена. Могу да замислим какав је то страشان ударац (таква изненадна смрт) био за супругу са којом је Предраг непосредно пред своју смрт разговарао телефоном (када је изгледало да је најгоре прошло и да се он, како се у том тренутку чинило, осјећа боље, што је и сам потврдио (како ми је пренио колега Срето Танасић), али, нажалост, то је било само тренутно, привидно побољшање), а коју су одмах након тога обавијестили из болнице (у Ваљеву, гдје је био хитно хоспитализован) да је он преминуо. Тугу и бол породице за изгубљеним вољеним супругом, оцем и братом ништа не може затомити. Међутим, не треба се предавати очају нити губити наду јер и сам професор Предраг Пипер је био човјек истинске, доказане храбрости, човјек снажне, непоколебљиве вјере, велике наде и бескрајне љубави, као и ријетко виђене интелигенције и мудрости, што је залог да и ми вјерујемо, баш као што је и он вјеровао, у обећану (онострану) бољу будућност, која је приправљена за све праведнике. А свима нама, као нека сасвим мала утјеха, остаје трајно молитвено сјећање на свијетли лик, благодарност за искрено, људско срце и многобројна сатворена добра дјела, као и дубоки пијетет према преминулом великану српске лингвистике и славистике — академику Предрагу Пиперу.

Нека ми буде допуштено, а не буде превише замјерено, да овом приликом истакнем неколико личних утисака везаних за поједине сусрете са академиком Предрагом Пипером јер бих и на тај начин хтио да укажем на одређене његове особине, посебно оне људске, које су га несумњиво красиле и биле неодвојив дио његове јединствене и комплексне личности у најбољем смислу те ријечи.

1. Нови Сад. Непосредно послје одслужења војног рока у септембру 1982. године, а након уписаних постдипломских студија на Филозофском факултету у Загребу, упознао сам проф. др Веру Николић са Филолошког факултета у Београду, која је те године почела да као гостујући професор изводи цикличку наставу из језичких предмета на Одсеку за руски језик и књижевност на Филозофском факултету у Задру, гдје сам био запослен као асистент. Она ми је тада скренула посебну пажњу на једног младог русисту, који је сасвим недавно више него успјешно одбранио бриљантно написану докторску дисертацију на Филозофском факултету у Новом Саду. Радило се о Предрагу Пиперу, којег је она тадашњем шефу нашег Одсека проф. Олги Острогорски-Јакшић и мени „аргументовано“ и врло убједљиво представила у најбољем могућем свјетлу, због чега сам ја ускоро почео да размишљам о томе како да се упознам с тим колегом, који се, како сам из „казивања“ проф. В. Николић могао да закључим, бави управо оним што је и мене тада интересовало.

За то сам прву прилику која ми се пружила искористио већ почетком наредне (1983) године. Ишло ми је на руку и то што сам већ имао више позива мога одличног другара из војске Мирослава (Мише) Кајона, правника из Новог Сада, да му дођем у посјету. И тако, послје једне од „сесија“ (циклуса наставе) на постдипломским студијама у Загребу, одлучим да „скокнем“ до Новог Сада. По доласку у Нови Сад (почетком фебруара 1983. године) прво што сам замолио другара Мишу било је да ме одвезе до Филозофског факултета. Факултет је био тада (због испитног рока) готово празан. Успио сам некако да се кроз „лабиринт“ (каквом ми се при тој првој посјети учинила унутрашњост Факултета) „пробијем“ до Одсека за славистику. Покуцао сам на врата кабинета шефа Одсека (бр. 71 на 2. спрату). Из кабинета се зачуо дубок глас (како сам тада оцијенио — баритон): „Даа!... Напред!“ Отворио сам врата — за столом је сједио млад, наочит човјек, озбиљног, али пријатног израза лица, у елегантном одијелу са краватом. Обратио сам му се ријечима „Тражим професора Предрага Пипера“ и погледао га упитно. Енергично је устао и са полуосмјехом рекао: „Ја сам. Изволите!“, а затим се у два корака обрео испред мене (и тек тада сам примијетио да је веома висок, крупан, прави „богатир“). Представио сам се („Дојчил Војводић са Филозофског факултета у Задру“), после чега смо пружили руке један другоме. Стисак је био срдачан, јак. Разговором с проф. Пипером, као и свиме што сам тада видио и доживио на Одсеку за славистику у Новом Саду, био сам одушевљен (посебан, додатан утисак оставила је и савремено уређена семинарска славистичка библиотека, као и професионална посвећеност и вискреност библиотекара Славице Несторовић-Петровски), тако да сам у шали рекао да ћу морати да поново навратим како бих се још боље упознао са Одсеком, што се послје више година, стицајем различитих околности, заиста и десило (што се тада „ни у сну“ није могло претпоставити), а у чему је управо професор Пипер најнепосредније учествовао.

2. Љубљана. Наш тадашњи Одсјек у Задру добио је од проф. др Александре Дерганц позив за учешће на „V Интеркатедарском сусрету југословенских слависта (нејугослависта)“, који се одржавао у Љубљани крајем априла 1987. године. Због заузетости на изради и завршавању магистарског рада ја се нисам намјераво пријавити. Међутим, када сам сазнао да ће на Скуп доћи и проф. др Предраг Пипер (који је већ тада био на Катедри за славистику Филолошког факултета у Београду), одлучио сам и ја да напишем (мој први) реферат и тамо одем, с готово јединим циљем (заправо задатком с обзиром на то да је то био договор између мене и шефа Одсека проф. Олге Острогорски-Јакшић) — да и лично замолим професора Пипера да од наредне шк. године држи предавања које је раније држала проф. др Вера Николић (иако је начелни договор о томе био већ постигнут путем писмене комуникације, тј. кореспонденције). Договорено — учињено. Наравно, било је посебно задовољство поново се видјети и поразговарати са професором Пипером, чиме се наше познанство додатно учврстило, а што се огледало и у, на први поглед, малим (али за мене значајним) поступцима, нпр. када је свесрдно и на логички веома утемељен и конструктиван начин подржао мој (први) наступ на том научном скупу, што ми је улило додатно самопоуздање и увјерење да сам на „правом“ путу када је ријеч о аспектолошким испитивањима (укључујући и управо завршени, а још увијек неодбрањени магистарски рад) којима сам се тада (као почетник) бавио.

3. Задар. Професоровим редовним доласцима (у својству гостујућег универзитетског наставника) на Филозофски факултет у Задру крајем 80-их и почетком 90-их година прошлога вијека наша сарадња и дружење су се још више продубили. Међутим, ти доласци су већ од почетка 1991. године носили и одређену врсту ризика за њега, тако да је то и код многих колега (посебно Хрвата) са Факултета изазивало чуђење. Питали су се да ли је могуће (с обзиром на полуратно стање којим је већ тада био захваћен велики простор бивше СФРЈ, посебно СР Хрватске) да професор Пипер још увијек долази из Београда у Задар. Додајмо у вези с тим још и то да је он био и свједок катастрофалних последица „Задарске кристалне ноћи“, односно масовног „Прогона задарских Срба 1991“ (приликом којег је неколико хиљада хрватских шовиниста у свом невиђеном рушилачком походу за свега два-три сата уништило и опљачкало неколико стотина приватних објеката (локала, радњи, кућа и викендица) у власништву задарских Срба, као и фирми из СР Србије), који се десио у вечерњим часовима 2. маја 1991. године, тј. непосредно пред његов долазак у Задар на посљедња предавања. Поред тога, на улицама су се могли срести (већ од јануара те године) и наоружана (са „дугим цијевима“) неунформисана лица (најчешће чланови Туђманове (странке) Хрватске демократске заједнице, како се испоставило), што је код готово свих пролазника изазивало страх, непријатност, или, у најмању руку, зазор и опрез (због чега се последије заласка сунца мало ко усуђивао да излази без преке потребе из стана). Упркос томе, он је, поред тога што је

био увјерен (као и ја) да до рата или тежих облика конфликтних ситуација не може доћи, у себи носио велику „дозу“ оптимизма, али, прије свега, личне храбрости и професионалне одговорности. Јер да није тога било, не би ни он (и то једини) долазио из већ тада, може се слободно рећи, „омраженог“ (у највећем дијелу хрватске елите и друштва уопште) Београда. Он је успио не само да одржи сву наставу (чак је и пребацио норму) те шк. 1990/1991. године него и да организује испите, које је одржао 30. јуна 1991. године, када се за Београд вратио буквално посљедњим, вечерњим авионом (јер управо послѣје тога датума сви летови на линији Београд — Задар — Београд били су обустављени).

4. Задар — Љубљана — Београд — Никшић. Пошто сам за вријеме грађанског рата у Хрватској (1991–1995) остао „заглављен“ у Задру (све до септембра 1993. године) јер нисам налазио начина нити имао могућности да и ја (као што су то успјели да ураде и многи други Срби, па и Хрвати) избјегнем на неки „слободан териториј“, тражио сам одређена рјешења углавном кроз телефонске разговоре и повремена писма са колегама (нпр. с тадашњим асистентом Ксенијом Кончаревић са Филолошког факултета у Београду, или са проф. др Бранком Тошовићем, који је успио да се из тада ратом захваћеног Сарајева са породицом евакуише у Москву, гдје је добио посао на Московском државном универзитету), као и са родбином ван ратом захваћене Хрватске, али првенствено у интензивним контактима са професором Предрагом Пипером (то су најчешће била подужа писма, која смо са „закамуфлираним“ (полушифрираним) садржајем и обично на руском језику (пошто смо имали сазнања да обавјештајне службе Хрватске не само да прислушкују телефонске разговоре него и често отварају и провјеравају приватна писма и пошиљке) редовно размјењивали) јер је он непрестано и будно „пратио општу ситуацију“ и пружао мени и мојој породици моралну подршку, упућивао ријечи охрабрења, а и помагао и предлагао да изнађем могућа конкретна рјешења; искристалисале су се двије могуће опције: (а) да са породицом преселим у Русију (гдје ми је био понуђен посао) или (б) да се преселим и нађем посао у СР Југославији. Кад су се стекли услови за излазак (најприје је супруга са дјецом успјела да отпутује преко Загреба на сигурно мјесто — у Русију код родбине, у чему је, поред Руске амбасаде, посебну помоћ пружио проф. др Миленко Поповић са супругом канд. филол. наука Раисом Ивановном Тростинском), могао сам да јавим професору Пиперу да сам и ја спреман за „евакуацију“ из Задра. Приликом те „евакуације“ изведена је, могло би се рећи, читава једна „операција“, чије је конце у својим рукама држао управо професор Пипер (јер је он због укинутих телефонских веза између Хрватске и Србије, организовао „резервни“ комуникациони „канал“ преко Љубљане, гдје нам је као посредник била при руци проф. др Александра Дерганц, шеф Одсека за славистику, а на Факултету у Никшићу покренуо (у договору са тамошњим Одсјеком за руски језик и књижевност, а посебно са доађеном црногорске русистике

проф. др Олгом Брајичић) расписивање конкурса за радно мјесто асистента, на које сам се потом пријавио, с тим да је све неопходне документе предао (прослиједио) управо професор Пипер). Мојим пресељењем у Црну Гору, стан породице Пипер (Предрага и Љиље, као и њихових ћерки Данице и Милице) у Вучедолској постао је у једном периоду својеврсно „одморниште“ за мене и моју породицу, посебно када смо (кроз Београд) путовали у Русију, или се враћали отуд. Њихов дом је увијек био веома гостопримљив и истински дружељубив. Сваком сусрету с Предрагом, као и са осталим члановима његове породице, ја и моји домочадци смо се радовали, тим више што је наше познанство имало своју „историју“, почев од Новог Сада, преко Љубљане, а посебно од времена дружења са Професором приликом његових боравака на Одсјеку за руски језик и књижевност у Задру, па до мога преласка у Црну Гору, а потом и у Нови Сад.

5. Никшић — Београд — Нови Сад. Посебну улогу у пријави и писању моје докторске дисертације имао је управо професор Предраг Пипер. Током његових долазака у Задар имали смо прилику да дотакнемо и продискутујемо и тај, за мене посебно важан, сегмент научних интересовања — да се моја идеја о контрастивном и функционално-семантичком испитивању категорије футуралности осмисли, а тема на одговарајући начин формулише и ваљано образложи. Резултат тих „задарских шетњи“ и „угодних вечерњих разговора“ у слободно вријеме (од наставе) била је пријава дисертације на Филолошком факултету у Београду 1990. године под менторством проф. др Предрага Пипера, након чега сам наставио да се још интензивније бавим изабраном темом. Треба истаћи да ми је професор Пипер прије пријаве дисертације предложио и омогућио да се упознам (на јануарским славистичким скуповима, чији сам био редован учесник) са у то вријеме најпознатијим лингвистима, који би могли да ми дају додатне корисне савјете везане за израду будуће тезе (што је био јасан знак да он нимало не пати од неке суревњивости, као ни да љубоморно жели да „сачува информације само за себе“, што је мени тада веома импоновало, а и могао сам да на врло опуштеном начину приступам проблематици која је чекала своју разраду). Било је то познанство са акад. Милком Ивић, која ме је додатно охрабрила да наставим истраживање у „зацртаном“ правцу, али и пружила неколико савјета за побољшање тезе, као и са акад. Зузаном Тополињском, која је била врло конструктивна у својим предлозима. Међутим, ратни услови у којима сам се нашао почетком 90-их година прошлога вијека нису ми ишли на руку ни у том погледу (због чега сам сву „науку“ морао да оставим по страни пуне три године). Ипак, преласком на „слободни териториј“, односно ангажовањем на Филозофском факултету у Никшићу, све се потпуно покренуло са „мртве тачке“, тако да је (уз редовне консултације са професором Пипером) настављено писање тезе, чији су завршетак и одбрана били (оквирно) зацртани за 1995. годину. Управо те године прешао сам да радим на Филозофски факултет у Новом Саду, у чему је непосредно

учествоваo и професор Пипер. Прелазак је реализован 1. марта те године, када смо се и нас двојица договорили да се нађемо у Београду поводом консултација око завршетка дисертације, као и да се опростимо на нешто дужи период јер је Професор већ сутрадан имао лет за Јужну Кореју, гдје је (према државном договору) требало да преузме наставу из српског језика на Ханкук универзитету за стране студије у Сеулу. Током садржајног разговора, професор Пипер је оцијенио да је теза практички завршена и да треба само да до јуна обликујем коначну верзију и пошаљем електронском поштом њему на преглед, након чега би требало да се пријави одбрана за јесен те године (најбоље за вријеме његовог допушта). Сложио сам се, али сам и додао да бих желио да мало дубље истражим поједина периферна средства изражавања футуралности, што би ипак требало да буде завршено (како сам тада процијенио) у назначеним договореним роковима. Међутим, моје истраживање тог „малог“ и вјероватно не толико за дисертацију неопходног сегмента (а и других периферних подтема) растегло се на читавих 12 година, а професор Пипер је стрпљиво, са пуно разумијевања и толеранције, чекао да се та моја „научна одисеја“ заврши (упркос оправданим притисцима старијих колега на мом Одсеку — проф. др Јелке Матијашевић, проф. др Душанке Мирић и мр Мирјане Бошков — које су се већ озбиљно биле забринуле због нестабилне кадровске ситуације, посебно усљед очекиване нове акредитације студијског програма) јер он је умио не само да пажљиво саслуша колеге са којима је сарађивао укључујући и докторанде већ и да испоштује вољу аутора и да му нипошто не намеће тијесне „прокрустовске“ моделе и оквире у које би требало да се он (тај аутор) укалупи. Тај риједак дар који је несумњиво посједовао професор Пипер — да се кандидат непримјетно, уз несебичну подршку ментора, али без намећања његове (менторске) воље, рокова и облика рјешења проблема, мотивише и да крене у добром правцу током истраживања — својствен је врло малом броју научника, а нарочито научних руководилаца. То се посебно огледало и у реализацији важних „колективних“ пројеката којима је руководио академик Предраг Пипер, а у којима је учествовао велики број истраживача са различитим научним интересовањима, теоријско-методолошким концепцијама и апликативним моделима, поткрепљеним индивидуалним емпиријским рјешењима сличних и тематски међусобно повезаних заједничких питања и проблема (као конкретан примјер можемо да наведемо најмање два таква, дугогодишња пројекта: „Синтакса савременог српског језика: проста реченица“ и „Синтакса сложене реченице у савременом српском језику“), што је он врло вјешто ускладио и објединио обликујући при томе довољно компактне, зокружене цјелине без обзира на сву наглашену индивидуално-ауторску оријентацију и концепцијски разнородну природу истраживане проблематике.

То је био само најнеопходнији избор и кратак пресјек неких — за мене од посебне животне важности — значајних догађаја у којима је професор Предраг Пипер одиграо кључну улогу и који се не би могли реализовати

без његове здружне подршке и несебичне помоћи, а који, иако сасвим селективно, недвосмислено указују на његову људску величину представљајући уједно свједочанство о Човјеку и његовој суштини у сложеним, мутним и суровим временима оптерећеним сумњивим политичким интересима, дубоким међуетничким и међурелигијским подјелама, ратним сукобима и разарањима, који неизбежно доводе у питање очување биолошког опстанка, националног идентитета те духовног и културног наслеђа појединца, породице и шире заједнице и — због свега тога — пуним различитих искушења у свим слојевима друштва (уп. Војводић, Војводић 2010).

6. Помен. С обзиром на то да никако нисам могао да будем на сахрани професора Пипера, претпоставио сам да неће бити могуће присуствовати ни на парастосима који се буду давали на девети и четрдесети дан у Београду. Због тога сам замолио нашег свештеника, протопрезвитера Далибора Купусовића, архијерејског намесника врбашког, да се одрже помени, односно парастоси на те дане, као и да се свих наредних четрдесет дана на свакој служби помиње почивши академик Предраг Пипер, што је он одмах и врло усрдно прихватио, а у разговору управо послје оба одржана парастоса, изразио је велико жаљење што није успио (а планирао је) да професора Пипера позове у име СПЦ у Врбасу да одржи бар неко предавање јер он је одавно био упознат са његовим појединим издањима, новинским написима и интервјуима, а додатно и из казивања пок. акад. Владете Јеротића и акад. Матије Бећковића који су дуги низ година били редовни гости (како са јавним наступима и бесједама тако и организованим књижевним вечерима) овдашње црквене општине.

7. Научни и педагошки допринос академика Предрага Пипера (кратки пресјек).² Истакнути српски слависта и лингвиста др Предраг Пипер био је редовни професор Филолошког факултета Универзитета у Београду, редовни члан САНУ и инострани члан МАНУ. Рођен је у Београду, гдје је започео основно школовање, које је завршио у Сремској Каменици, а гимназију у Новом Саду (1969), гдје је дипломирао (1973) на Филозофском факултету Универзитета у Новом Саду (група за руски језик и књижевност; упоредо је студирао и на групи за српски језик и књижевност), на којем је 1974. започео своју академску каријеру као асистент да би 1983. био изабран за доцента, а на Филолошком факултету у Београду 1989. за ванредног и 1991. за редовног професора. Магистрирао је 1975. г. на Филолошком факултету у Београду (с темом *Обележавање ѝросѝорних односа*

² У састављању и обликовању овог дијела текста ослањамо се првенствено на податке представљене у електронској верзији библиографије акад. Предрага Пипера постављене на сајту Филолошког факултета у Београду (Пипер 2017), као и у библиографском прилогу Ане Голубовић (2015) те у уредничком предговору *Зборника научних радова ѝоводом 65 ѝодина живоѝа академика Предраѝа Пипера* (Поповић, Војводић, Номаћи 2015); в. такође: Војводић 1998; Танасић 2021.

йредлошко-йадежним консирукцијама у савременом руском и савременом срискохрвайском књижевном језику), а докторирао 1981. г. на Филозофском факултету у Новом Саду (с темом *Заменички йрилози у руском, йољском и срискохрвайском језику*). Био је шеф Катедре за руски језик и књижевност Филозофског факултета у Новом Саду, управник Катедре за славистику Филолошког факултета у Београду и управник Центра за научноистраживачки рад и издавачку делатност тог факултета.

Бавио се проучавањем граматичке и лексичке семантике у српском, руском, пољском, словеначком, македонском, чешком, лужичкосрпском и другим словенским језицима, питањима опште лингвистике, историје словенске филологије и другим славистичким и лингвистичким питањима. Предавао је на универзитетима у Москви, Петрограду, Вороњежу, Иванову, Задру, Сеулу, Сапору, Нишу, Љубљани и Скопљу. Учествовао је на међународним славистичким конгресима у Загребу (1978), Будимпешти (1986), Софији (1988), Москви (1990), Љубљани (2003), Минску (2013), као и на многим другим југословенским и иностраним научним скуповима.

Као универзитетски наставник држао је предавања из руског, српског, словеначког и македонског језика, упоредне граматике јужнословенских језика, контрастивне анализе руског и српског језика, опште лингвистике, југословенске лингвистике, лингвистичке русистике и других предмета. Иницирао је увођење нових предмета на појединим универзитетима и предавао те предмете: Функционална граматика руског језика (на Универзитету у Новом Саду), Увод у славистику, Методологија лингвистичких истраживања, Историја и теорија проучавања словенских језика (на Универзитету у Београду), Словеначки језик, Македонски језик (на Ханкук универзитету у Сеулу).

Био је дугогодишњи главни уредник едиције *Библиографије* у Матици српској и едиције *Сйудије о Србима* (Нови Сад — Београд), као и најугледнијег српског часописа из области филологије *Јужнословенски филолоџ* (2008–2018) те најзначајнијег српског славистичког часописа *Зборника Мајице сриске за славистику* (1998–2012), затим члан уредништава часописа *Анали Филолошкоџ факултетиа* (Београд), *Зборник радова Инсиийиуиа за сиране језике и књижевности* (Нови Сад), *Живи језици* (Београд), *Библиотекар* (Београд), *Славистиика* (Београд), као и члан уредништава и научних савета славистичких часописа који се издају и ван Србије: *Русистика* (Берлин), *Русский язык за рубежом* (Москва), *Материалы по русско-славянскому языкознанию* (Воронеж), *Сйосйавийелно езикознание* (Софија), *Восточно-европейское обозрение* (Олштин), *Studia Linguistica Polono-Meridianslavica* (Скопље), *Славистички сйудиуи* (Скопље), *Journal of Balkan and Slavic Studies* (Сеул), *Studia Kognitywne* (Варшава), *Studia z filologii polskiej i slawianskiej* (Варшава) и *Slavia Meridionalis* (Варшава).

Био је председник Управног одбора Института за српски језик САНУ и Одбора за српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија, управник Центра за научни рад Филолошког факултета, председник Кате-

дре за језик Коларчеве задужбине, члан Научног већа Института за српски језик САНУ, члан Савета Међународног славистичког центра Филолошког факултета, секретар Лексикографског одељења Матице српске, члан Програмског савета Завода за уџбенике, члан Националног просветног савета Србије, члан матичне комисије за оснивање Одсјека за руски језик и књижевност Филозофског факултета у Никшићу.

Од 1985. године Предраг Пипер био је члан, а од 2009. до 2013. председник Комисије за проучавање граматичке структуре словенских језика Међународног славистичког комитета. Био је потпредседник Међународне асоцијације професора руског језика и књижевности (1986–1990). Био је члан више српских научних и стручних друштава и организација (стални члан Матице српске (као и њеног Одељења за књижевност и језик, гдје је водио више значајних пројеката), у којој је био члан Управног одбора и Лексикографског одељења, уредништва едиције *Библиографије*, члан уредништва едиције *Студије о Србима*, члан Одбора за додељивање награде за неговање ћирилице и члан Чешко-српског одбора те потпредседник Уређивачког одбора *Српске енциклопедије*). На Филолошком факултету био је председник Савета Центра за српски као страни језик. Био је члан Славистичког друштва Србије (чији је био и председник у два мандата, а у чијој је и управи био с мањим прекидом од 1986. до 2007. године), а у оквиру њега и члан Одбора за додељивање награде „Павле и Милка Ивић“, а такође и члан жирија Вукове задужбине за награде у области науке. Био је члан Одбора за стандардизацију српског језика и Комисије за хитна питања тог одбора, као и председник његове Комисије за синтаксу (до 2015).

У САНУ је био секретар Одељења језика и књижевности (2013–2018), као и члан њеног Председништва. У Академији је био члан, односно председник више одбора (члан Издавачког одбора, Управног одбора Фонда за научна истраживања те Одбора за српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија Одељења језика и књижевности, затим председник Одбора за српски језик и књижевност у поређењу са другим језицима и књижевностима, као и Управног одбора Фонда „Ђорђе Зечевић“ за заштиту и унапређивање ћирилице). Био је и члан Комисије САНУ за стратегију научног рада.

За дописног члана САНУ изабран је 30.10.2003, а за редовног члана САНУ 1.11.2012. У САНУ је иницирао оснивање два одбора (Српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија и Српски језик у поређењу са другим језицима) и био уредник и коуредник седам публикација тих одбора. Учествовао је на више научних скупова у САНУ, од којих је неке и организовао.

За свој рад професор Предраг Пипер је 1988. г. добио плакету почасног члана Бугарског русистичког друштва, 1990. г. на предлог Међународне асоцијације професора руског језика и књижевности одликован је руским Орденом пријатељства међу народима, 1993. г. добио је плакету Завода за издавање уџбеника у Београду, 2005. године добио је награду „Павле Ивић“

Славистичког друштва Србије (заједно са коауторима *Синџаке савременога српског језика: њосџа реченица*), 2007. добио је повељу почасног члана Славистичког друштва Србије, а 2014. је, заједно са академиком Иваном Клајном, добио (по други пут) награду „Павле Ивић“ за заједничку књигу *Нормативна граматика српског језика*. Први је добитник повеље „Радован Кошутић“ Славистичког друштва Србије (11. фебруара 2016) и награде „Златна књига“ Библиотеке Матице српске (24. априла 2016, када је одржан округли сто „Лингвистика и славистика у делу Предрага Пипера“ поводом додјелјивања награде „Златна књига“ 15. новембра 2016). 22. новембра 2015. године уручена му је плакета Коларчеве задужбине за дугогодишњу успешну сарадњу са том угледном установом.

Треба истаћи да је академик Предраг Пипер не само као научник већ и као педагог дао огроман допринос у области лингвистике, посебно русистике и србистике, али и укупне славистике, те да је изводећи наставу на свим нивоима студија на Филолошком факултету у Београду — основним, мастерским и докторским — успио да се, уз основне наставничке обавезе, посвети, посебно у својству ментора, и формирању и развоју научног подмлатка (наведимо само податак да је био ментор у изради око 20-ак докторских дисертација и 15-ак магистарских радова, као и низа мастерских радова, те да је био и члан комисија за одбрану многобројних (преко 40) дисертационих истраживања на магистарским и докторским студијама). Томе можемо додати и да је написао огроман број рецензија монографија и уџбеника за различите издавачке куће у земљи и иностранству те да је пратећи научни развој и напредовање млађих колега не само у Београду већ и у другим универзитетским центрима — Новом Саду, Никшићу, Косовској Митровици и Крагујевцу — написао као предсједник комисија укупно преко 100 реферата (за 50-ак кандидата) за (ре)избор у универзитетска наставничка звања, односно у научна звања.

Поред тога, његово интензивно ангажовање у оквиру двије наше најзначајније научне институције — Српске академије наука и уметности и Матице српске — резултирало је реализацијом различитих научних пројеката од посебног значаја за српску науку о језику. С тим ангажовањем повезано је и његово дугогодише учешће у организацији научних конференција и конгреса националног и међународног значаја. Само као председник организационог одбора организовао је неколико међународних симпозијума: Београд (1989), Нови Сад (2005), Нови Сад — Београд (2010), Сапоро (2011).

Треба подсетити да се академик Предраг Пипер читаве четири и по деценије предано и веома успјешно бавио истраживачким радом у многим областима лингвистике, постигавши при томе изванредне, могло би се рећи, невјероватне резултате од круцијалне важности за укупну науку о језику, који су имали посебан одјек не само у домаћој, српској лингвистичкој јавности већ и у ширим лингвистичким круговима ван матичње земље, нарочито у словенском свијету јер су његова теоријска и емпиријска проучавања граматичке и лексичке семантике, синтаксе српског и других сло-

венских језика, као и она из области лингвокултурологије и нормативистике, опште лингвистике или историје словенске филологије, па и из друге славистичке и лингвистичке проблематике, обухватала, поред српског и руског језика, све словенске језике, гдје су посебно долазили до изражаја његови провјерени поступци и постулати везани за контрастивно-типолошка испитивања.

Конкретни резултати — у виду објављених радова — заиста су импозантни јер његову библиографију чини готово 200 посебних издања, од чега су 32 монографије, универзитетски приручници, библиографије и приређена издања, 2 преведене књиге, 165 издања уџбеника и приручника за основну и средњу школу (више од педесет наслова), док преко 400 библиографских јединица представљају студије, чланке, приказе и сл.

Питањима семантике простора и просторне метафоре у језику Предраг Пипер је посветио значајан дио свога пребогатог научног опуса — било у оквиру монографија, као што су *Zamenički prilozi: gramatički status i semantički tipovi* (Нови Сад, 1983), *Zamенички прилози у српскохрватском, руском и пољском језику: семантичка студија* (Београд, 1988) и *Jezik i prostor* (Београд, 1997), било у оквиру релативно новијих издања (која обрађују и друга, не мање важна питања која су аутора интересовала), као што су *Лингвистичка русистика: студије и чланци* (Београд, 2012) и *Лингвистичка славистика: студије и чланци* (Београд, 2014), било у оквиру многобројних студија, расправа и чланака објављених како у домаћим тако и у страним реномираним часописима и зборницима, како на српском, руском и другим словенским језицима тако и на несловенским (енглеском, немачком, француском) језицима.

Чињеница да су многи његови радови како из ове тако и из других области објављени у иностранству (у Холандији, Њемачкој, Русији, Пољској, Чешкој, Бугарској, Македонији, Мађарској, Јужној Кореји, Јапану) даје довољно основа да се претпостави да велики број посленика српске лингвистичке науке није био у могућности да се упозна у довољној мјери са лингвистичком проблематиком којом се овај цијењени лингвиста и слависта веома озбиљно и студиозно бавио више од четири деценије.

Послије изласка из штампе данас најцитираније књиге професора Пипера *Jezik i prostor* (која је доживјела и 2. допуњено издање 2001. године) његова аутентична теорија семантичких локализација којој је дата књига и посвећена успјешно се примјењује како у граматичким (посебно синтаксичким) тако и у лексиколошким испитивањима. У вези с тим треба додати да је аутор, поред осталог, у својим „локалистички“ конципираним радовима развио тезу о подударности и сличности у испољавању различитих семантичких категорија (посебно простора и времена) на формалном језичком плану, што представља одраз заједничког когнитивног принципа наткласификационе локализације, за који се може рећи да, у ужем смислу ријечи, чини основ просторне, језичке денотиране иконичности, а у ширем смислу — „прасуштину“ просторно детерминисане стварности. На тај начин

дати модел теорије семантичких локализација допустио је аутору да га схвата и примјењује као средство интерпретације језичке стварности и стварности уопште, коју човјек спознаје и (пре)осмишљава, што индиректно упућује на могућност њеног прерастања у ширу, епистемолошку теорију.

Треба додати да је теорија коју нам је у својим радовима представио Предраг Пипер, с обиром на њен универзални карактер, комплементарна не само са локалистички конципираним теоријама већ и са многим другим лингвистичким теоријама и испитивањима, односно аспектима и идејама, укључујући посебно теорију бинарних опозиција, теорију дискурса (прије свега са основама когнитивне лингвистике), лингвистику текста, теорију говорних чинова, трансформациону граматику, семантичка истраживања европских и појединих српских лингвиста (првенствено акад. Милке Ивић), а нарочито теорију функционално-семантичких поља А В. Бондарка, као и друге теорије и погледе на језик и језичку дјелатност.

Неће бити нимало сувишно ако се каже да је академик Предраг Пипер не само продубио темеље научно-теоријске заснованости представљене теорије већ и да је проширио и њене интерпретацијске и експланаторне могућности те својим сјајним и често веома исцрпним анализама конкретног језичког материјала показао сву оправданост примјене предложене локалистичке концепције као универзалног („наткатегоријалног“) лингвистичког и језичког модела. Ваља истаћи да су из пера овог врсног лингвисте редовно излазили радови (не само из ове области којој је он посветио посебну пажњу у свом научном раду) са високом научном вредношћу и емпиријски веома добро утемељени, уз подробну провјеру теоријских премиса на разноврсној језичкој грађи са увијек консеквентним и валидним рјешењима, објашњењима и закључцима, што је, треба нагласити, посебно допринијело и кохерентности и заокружености теорије семантичких локализација, коју нам је, на систематичан и експлицитан те веома језгровит и оригиналан начин, са одмјереним сцијентистичким укусом и акрибијом, компетентно презентовао академик Предраг Пипер у својим монографијама и студијама.³

И два већ споменута издања, *Лингвистичка русистика* и *Лингвистичка славистика* (у којима су представљене многобројне студије, расправе и чланци који су раније објављивани, као и прилози који се први пут објављују, како у домаћим тако и у страним реномираним часописима и зборницима, и који су, на први поглед, тематски разноврсни, а које је аутор успио да проблемски, теоријски и методолошки на врло подесан начин повеже, односно да их разврста према тематском садржају), чији (заједнички) обим прелази 1.000 (588 + 476) страница великог формата, добрим дијелом обухватају обраду спацијално денотираних категорија. Дати аспект посебно је наглашен у *Лингвистичкој славистици*, гдје је детаљније разрађен у 2. глави

³ Више о „рецензентској“ презентацији и оцјени теорије семантичких локализација акад. Предрага Пипера в. у Војводић 1998; уп. такође Поповић, Војводић, Номаћи 2015: 18–19.

посвећеној „теоријским питањима проучавања словенских језика“, а конкретније — у студијама о „говорном догађају у свјетлу теолингвистике“, о „граматици границе“ и о „пјесничкој филологији“ (као правцу чији је оснивач у српској науци управо акад. Предраг Пипер), за које се може уопштено рећи да директно или индиректно (поред студија у 4. глави под насловом „Поређења“ посвећеној претежно просторним односима у српском и другим словенским језицима — о „уводним дијалозима“, „реципрочности и рефлексивности“, „ексцесивности“, „ексцептивности“ и „унутрашњој одређеној референцијалности“) представљају наставак ауторових научних интересовања за семантичке категорије простора и времена, чији се трагови као једна пропратна вертикална нит која се провлачи кроз читаву књигу могу, уз мало пажње, лако уочити. Те теме повезане су са „унутрашњим“ међуодносима, а са епилогом о „последњем исказу“ на крају књиге такође се врло тијесно испреплићу, чинећи, заправо, једну, за читаоца условно заокружену цјелину (прерађени фрагмент из нашег реферата изложеног приликом промоције књиге *Лингвистичка славистика* акад. Предрага Пипера одржане у Огранку САНУ у Новом Саду 22. априла 2015).

Овдје ваља истаћи да је „у сваком од објављених прилога у ове две књиге уочљива потпуна посвећеност теми, удубљеност у истраживани проблем, које по устаљеном обичају редовно прати и акрибичност. То додатно говори и о високом професионалном односу аутора како према сваком свом појединачном тексту тако и према научноистраживачком раду уопште. Нећемо бити далеко од истине ако за тај развијени комуникативни однос између писца и његовог дела кратко кажемо да се у њему осећа и препознаје дух посебног поштовања, озбиљности и можда чак неке врсте занесености или заљубљености у стваралачки процес, односно посао који аутор деценијама тако здушно обавља, јер течно, логично излагање грађе подсећа на неку врсту „разговора угодног“ блиских, најбољих пријатеља“ (Поповић, Војводић, Нوماћи 2015: 20). С обзиром на то да је већина радова из ових књига због своје расутости по читавом славистичком евроазијском простору, наравно, укључујући ту, и прије свега, српски славистички простор, теже доступна, можемо претпоставити да ће овако обједињени и презентовани поновити онај успјех који је имала и књига *Jezik i prostor*.

Посебан допринос дао је академик Предраг Пипер у области изучавања српског језика. Наведимо само краћи списак монографија и студија посвећених различитим аспектима дате области, посебно теоријским аспектима језичке политике: *Српски између великих и малих језика* (Београд, 2003, 2004, 2010), *О сјвршијеји језичке ђолијике у Рејублици Србији* (Београд, 2014), *Српски у крују словенских језика: ѓрамајичка и лексичка ђоређења* (Београд, 2015), *Прилози исјорији српске лингвистичке славистике. Друђа ђоловина ХХ века* (Београд, 2018) и др. У оквиру датих студија, али и у претходно наведеним издањима, као, на примјер, у *Лингвистичкој славистичкој*, примјетна је посебна брига о судбини, будућности и перспективама развоја савременог српског језика, а нарочито наглашена „борба“ за државни (национални) статус српског језика и његовог основног писма —

ћирилице, као основних чинилаца српског националног и културног идентитета (в. такође Пипер 2013). Ту бригу аутор је подијелио и са неколико писаца (Лазом Костићем, Мешом Селимовићем, Скендером Куленовићем и Миром Вуксановићем) у 6. глави наведене књиге под тематским (под) насловом „Писци и језик“, разговарајући с њима на њиховом, поетском језику, али и на њему својствен начин — интерпретативним поступком врхунског лингвисте истраживача, увијек са дистанцом као једним од услова научних постулата којима се истраживач руководи.

Важно је истаћи да је несумњиво један од најзначајних доприноса академика Предрага Пипера било дугогодишње учешће у пројектима посвећеним изучавању српског језика, као што је пројекат *Опис и стандардизација савременог српског језика* Института за српски језик САНУ, а унутар њега два синтаксичка потпројекта којима је непосредно руководио. Резултати пројекта (потпројеката) биле су колективне монографије (у којима је професор Пипер коаутор, а у једној и уредник) *Синтакса савременог српског језика: прости реченица* (Београд — Нови Сад, 2005; у ред. акад. М. Ивић) и *Синтакса сложене реченице у савременом српском језику* (Београд — Нови Сад, 2018; у ред. акад. П. Пипера), чија појава има огроман стратешки значај за развој србистике, као и њено мјесто у славистици и уопште у словенском свијету, па и у ширим лингвистичким размјерима. Исто тако, од посебног значаја је још један пројекатски подухват, који је такође реализован тимским радом, а везан је за нормирање српског језика, тј. за област којој се дуже вријеме није поклањала већа пажња у српској лингвистици. Резултат тога пројекта била је толико неопходна (и дугоочекивана) *Нормативна грамајика српског језика* (Београд, 2013), која је објављена у коауторству са акад. Иваном Клајном, уз напомену да је већ доживјела три издања — два екавска (2013, 2014) и једно ијекавско (2015).

Овом кратком прегледу научних прегнућа академика Предрага Пипера треба додати и његове скрупuloзне и врло темељите анализе у области типолошких истраживања словенских језика, у које се свакако могу убројити контрастивне граматике *Оглед српске морфосинтаксе: у поређењу са македонском* (Сеул, 1997), *Предавања о јужнословенским језицима* (Сеул, 1997), *Грамајика руског језика: у поређењу са српском* (Београд, 2005), као и колективна монографија (у коауторству са Вјаром Малцијевом, Зузаном Тополињском и Мајом Ђукановић) у његовој редакцији *Јужнословенски језици: грамајичке структуре и функције* (Београд 2009).

Огроман допринос академика Предрага Пипера реализован је и кроз публикације везане за његов савјестан, одговоран и предан професорски рад, међу којима се могу издвојити поједине књиге и универзитетски издаци, нпр.: *Увод у славистику* (1991, 1995, 1998, 2008), *Поглавља из науке о српском језику* (1996), *Српскохрватски језик: основни курс* (1996), *Методологија лингвистичких истраживања: преглед и хрестоматија* (2000), *Руски језик: изговор, грамајика, конверзација, вежбе* (2002; у коауторству са Милом Стојнић). Та издања намијењена су студентима основних (на којима је дужи низ година Професор држао наставу из Увода у славистику 1 и 2, Руског

језика 7 и 8 /Синтакса/), мастерских (гдје је предавао Методологију лингвистичких истраживања и Лингвистичку русистику) и докторских студија (на којима је предавао Историју и теорију проучавања словенских језика), али и широј научној јавности. Ту се могу прибројити и уџбеници руског језика за основну и средњу школу, односно за гимназије (чији је први аутор професор Предраг Пипер), који су годинама (вишекратно) издавани, а захваљујући којима ученици у Србији имају прилику да стекну основна знања из руског језика, која им могу бити од користи током даљег школовања.

Ширина и разноврсност лингвистичких истраживања којима се академик Предраг Пипер бавио измиче људском уму и не може се у довољној мјери представити у оквиру „малих“ форми научног текста какав је овај посвећен сажетом опису његовог лика и дјела. Жељели бисмо да подсјетимо да је ипак један дио тог огромног научног опуса био освијетљен поводом његовог јубилеја, када су захвални ученици и сарадници објавили два сљедећа колективна издања, у којима су представљени радови еминентних лингвиста и слависта како из Србије тако и из многобројних словенских и несловенских земаља (са укупним обимом од готово 1.000 страница текста): *Упросјору лингвистичке славистике: зборник научних радова поводом 65 година животоа академика Предрага Пипера* (Београд, 2015) и *Лингвистика и славистика у делу Предрага Пипера* (Нови Сад, 2016).

Резимирајући овај кратки преглед научног и педагошког доприноса академика Предрага Пипера, можемо констатовати да је ријеч о научнику и универзитетском професору који поодавно има своје видно, веома истакнуто мјесто у историји српске и свјетске науке, посебно науке о језику, тим више што његово добро име и надаре признато дјело које га представља у најбољем свјетлу, разумије се, прије свега у научном, свуда, гдје год да се нађете у лингвистичком свијету, било на неком значајном скупу, било на некој славистичкој катедри или сличном мјесту, увијек иде испред вас.

8. Портрет академика Предрага Пипера (кратка скица). Навешћу само основне црте (или да кажем термином научне апаратуре — кључне ријечи) које представљају тек одраз чисто људске личности, а којима би се, захваљујући искуству формираном на основу дугогодишњег дружења и сарадње са професором Предрагом Пипером, он могао представити. Другим ријечима, он је био препознатљив међу пријатељима и колегама, као и у свијету науке уопште, посебно лингвистике и славистике, по неким особинама, за које се може рећи да су га красиле, а то су, поред научне радозналости и развијеног талента, ерудиција, креативност, изразита индивидуалност и оригиналност, акрибија, преданост и посвећеност науци и професији, неисцрпна радна енергија, пожртвовност, предусретљивост (рус. „отзывчивость“), отвореност, поузданост, пунктуелност, проницљивост, организованост, конструктивност, иницијатива, необична способност окупљања сарадника, као и подстицања на реализацију заједничких научних подухвата и пројеката, широка информисаност, компетентност у науци

и струци првога, највишега реда, научна антиципација, дар врхунског истраживача, смисао за стратешки развој науке и струке итд., итд. Само ово што је насумице набројано довољно је да наведе на размишљање да се ради о неколико људи, или, можда, што је ближе и одређеније — да је ријеч о својеврсној институцији, али у оном правом, истинском људском, најпозитивнијем смислу те ријечи, јер ако сте случајно или намјерно за њим кренули, није се требало бојати, нисте погрешили нити залутали — он вас је увијек могао довести на право мјесто. Управо тако би се, чини ми се, најкраће могао и представити академик Предраг Пипер, без обзира на то што њему баш и није било својствено и што он није имао, нити осјећао било какву потребу да размишља о себи у наведеним категоријама, а, уосталом, ни времена за то није имао, јер он је свакако знао куда, којим просторима, треба да иде, шта и зашто треба да ради и како најбоље да ствара, унаточ томе што је често „сањао“ зелене, непрегледне и неистражене просторе, слично као и јунак Милоша Црњанског Вук Исакович у роману *Сеобе*: „Видећи, по широким, празним пољанама, до реке, и, иза ње, до брда у плаветнилу, осети и то, у тој даљини, да није ни он рођен за сву ту неизрециво отужну досаду и празнину у којој се нашао. (...) Одселити се треба зато, отићи некуда, смирити се негде на нечем чистом, бистром, глатком као површина дубоких, горских језера, мишљаше (...). Русија му се чињаше као једна велика, непрегледна, зелена пољана, по којој ће јахати.“ (Црњански 2021) (уп. Поповић, Војводић, Номаћи 2015: 22).

Судбина рода свога — не само српског него и најширег словенског — била је необично важна брига и преокупација овог достојног наследица-настављача мисије највећих словенских учитеља — солунске браће Ћирила и Методија — у савременим условима, о чему је у више наврата не само писао него и јавно говорио, као, на примјер, у свом посљедњем предавању „Словенство и савремени свет“ одржаном поводом Дана словенске писмености, 24. маја 2021. године, чија се интегрална и проширена верзија објављује на првим страницама актуелне јубиларне књиге *Зборника Мајице српске за славистику*. Повезујући словенски идентитет (Словенство) са националним идентитетом кроз призму духовног јединства Предраг Пипер закључује: „Национални идентитет, као саставни део личног идентитета сваког појединца, свакако је важан, али је за верујуће људе изнад њега по важности верски идентитет, што је за највећи део Словена хришћански идентитет. Уколико је јачи истински хришћански идентитет (јер једно је бити крштен, а друго је бити хришћанин укупним начином живота, односно тежити томе), утолико су мање важне националне и личне специфичности, које не треба одбацивати, него их треба на најбољи начин унапређивати и афирмисати. Кратко речено, духовно јединство словенских и других народа важније је од државног, политичког, економског итд.“ (Пипер 2021б).

Ако човјек жели да у својој борби за вјеру, језик, национални идентитет, а посебно за саборно, духовно јединство, изађе као побједник, онда мора да се придржава одређених принципа и досљедности, али да то чини мудро

и достојанствено, или како то боље образлаже сам Предраг Пипер: „Да би човек знао правилно да се постави, мора да схвати шта се дешава с њим и око њега, да се наоружа знањем, тачном дијагнозом и терапијом, да се отргне од конформистичке ослабљености и хедонизма, од летаргије и апатије, од страха и панике (страхови обичних људи су главно оруђе власти), мора да пробуди осећање одговорности за своје најближе, спремност да поднесе и велике непријатности, спремност на жртву. Не смеју се имати илузије, али се морају имати идеали. Њима су се водили највећи међу прецима данашњих Словена“ (Пипер 2021б; уп. Пипер 2020).⁴

Расељени Срби из Крајине (Хрватске), Босне и Херцеговине те Косова и Метохије, а посебно они који су остали на тој измученој и распетој, крвљу јуначких предака натопљеној земљи, гдје гробови заједно са преосталим манастирима и храмовима још увијек бране своје потомке и њихово — невиђеним у историји страдањем српског народа — стечено наслеђе од оних који желе да га преотму, били су за професора Пипера болна рана која не зацјелује, тако да је њихову неизвјесну судбину дубоко проживљавао, осјећао се исто тако распето као света косовскометохијска земља, али није се либио нити посустајао да је одлучно брани и јавно чак и од својих сународника са највишим могућим звањима и државним привилегијама, посебно од оних који не виде смисао даље борбе за Косово и Метохију и који су овај најсветији дио српске земље и у свом срцу и свом уму давно „отписали“, што би се у народу рекло — „пустили низ воду“: „Срби су онолико Срби колико поштују свој неокрњени идентитет већински православног народа с великим традицијама, у чијем је средишту и косовски завет. Без тога Срби би били само шодер за попуњавање рупа на путевима злочиначких цивилизација“ (Пипер 2021а). Стога, како је недавно закључио и наш највећи савремени пјесник акад. Матија Бећковић, „ако Косово није наше, наше није ништа“ (Бећковић 2021), што је у потпуном сагласју са косовским завјетом, односно са изнесеним на више мјеста аргументованим ставовима академика Предрага Пипера (уп. такође: Рељић 2021; Димитријевић 2021; Поповић, Нوماћи 2021).

Сада бих се кратко вратио на неке од ранијих сусрета са професором Пипером, као што су били они приликом његових (радних) долазака у Задар. Још тада сам запазио да он воли да посјећује храм Св. пророка Илије у Задру (једини православни храм у граду, са богатом ризницом непроцјењивог црквеног умјетничког блага, старих богослужбених издања, као и српских и грчких рукописних књига), гдје се упознао са мени и мојој породици блиским свештенослужитељима Ђуром Скочићем и Милованом

⁴ Важно је додати да су се њима водили и најбољи потомци тих славних словенских предака, а један од таквих великих потомака, који се својим преданим и пожртвованим интелектуалним и стваралачким радом, као и огромним постигнућима на пољу струке и науке, а уз то скромним земаљским, али богатим духовним животом, виноу у готово недостижне висине, био је свакако и академик Предраг Пипер, који је своју мисију и обавезу наслијеђену од предака словенских на најбољи могући начин реализовао држећи се првенствено духовних принципа које рађа Промисао.

Миодраговићем те са комуникативним и елоквентним Жарком Аничићем (с којим је имао могућност да чешће (готово приликом сваког доласка у Задар) и присније контактира), који усљед готово свакодневних психичких малтретирања и учесталих физичких напада од стране хрватских екстремиста нису могли да врше службу у храму (који је убрзо био и девастиран и опљачкан без обзира на то што се налазио у центру града и то на чувеном Римском форуму (капитолију) окружен чак са неколико активних католичких храмова, као и других институција дате конфесије), због чега су, као и највећи дио задарских Срба, доживјели судбину прогнанника већ у јулу и августу 1991. године (о. Ђуро и о. Жарко су избјегли у Београд, а о. Милован у Нови Сад, гдје су могли да обављају службу у различитим храмовима). И њихова судбина је веома интересовала професора Пипера, па кад смо сазнали (тек средином 90-их година прошлога вијека) да су сва тројица жива и да редовно обављају своју службу, он се искрено радовао (посебно стога што је раније имао информацију о јавном малтретирању и физичким нападима на њих, као и о незавидној и потпуно неизвјесној перспективи њиховог преживљавања у Задру).

Овдје се присјећам и испраћаја руских грађана приликом њихове евакуације у јуну 1999. године испред Руске школе у Новом Београду, коју је организовала Влада Руске Федерације (аутобусом до Будимпеште, а одатле војним авионом до Москве). Мене и породицу, с којом је требало да се растанем на неодређени период, дирнула је Предрагова пажња и брига јер се он опет својим доласком — с намјером да се видимо и поразговарамо „живо“ у донекле неформалној атмосфери (јер то раније није било могуће због безобзирног вишемјесечног бомбардовања НАТО пакта), као и да се опрости од мојих укућана (супруге Љубов и двоје дјеце — Дарје и Давида), за које се тада још није знало колико ће дуго остати у Русији — изложио ризику због могућег обнављања бомбардовања, које је најинтензивније било управо у Београду. Тај гест храбрости и пријатељске оданости и подршке се не заборавља (!!!) (без обзира на то што он томе, за разлику од мене, навјероватније није ни придао неки посебан значај јер је тај поступак за њега било нешто што је уобичајено, свакодневно, а то значи и најнормалнија, готово (њему) „урођена“ ствар). Да, то је личило на њега. То је Пипер!

Желио бих такође да додам да су пријатељи и колеге професора Пипера имали један посебан, најпозитивнији, пијететски однос према њему, чак се може рећи да је то често био однос „пун љубави и поштовања“. Та се љубав и врло искрен, људски однос према Професору изражавала и кроз посебну бригу, нарочито у ситуацијама опасним по његово здравље (на које он није имао обичај да се жали, али које је несумњиво било нарушено добрим дијелом и усљед исцрпљујућег ритма рада током читавог радног вијека), нпр. када је проф. др Ксенија Кончаревић разаслала свим славистичким катедрама алармантно саопштење и молбу да се држе молитве на дужи период у храмовима (што је и учињено у више градова укључујући посебно Београд и Врбас) за здравље проф. Пипера почетком августа 2016. године,

када је он био хитно хоспитализован (са забрињавајућом дијагнозом и незахвалном прогнозом љекара о непредвидивом могућем исходу по његово здравље) на Војномедицинској академији у Београду, гдје је провео неколико недјеља, после чега се, на радост његове породице и свих нас — пријатеља и колега, успјешно опоравио и убрзо вратио својим редовним обавезама, којих је, то треба признати и истаћи, увијек било много више од оног што би обичан људски организам могао да поднесе. Био је неуморан трудбеник, што га је понекад избацивало из колосијека, али је увијек могао све то да истрпи, није се предавао, а навикао је да све држи у себи.

Додајмо још, као неку врсту резимеа о портрету овог великог научника и Човјека, да су свој суд о академику Предрагу Пиперу давали и најкомпетентнији научници, односно истакнуте личности непосредно повезане са његовом дјелатношћу, а које су њему биле веома блиски и драги људи. Тако, на примјер, у предговору („Реч унапред“) књигама Милоша Јевтића *Из славистичке ризнице* и *Трагом речи* (у којима су објављени разговори (интервјуи) са акад. Предрагом Пипером) акад. Милка Ивић даје кратку карактеристику (оцјену) научних постигнућа професора Пипера: „Кад год би се Павлу Ивићу и мени за то указивала прилика, ми смо с највећим одушевљењем помињали нашег некадашњег студента, данас одавно већ уваженог универзитетског професора са завидним стручним угледом — Предрага Пипера. А колико смо нас двоје били у праву износећи тако високе похвале, сведоче, на свој начин, и сви одговори прозваног који следе на постављена му мудро изазовна питања Милоша Јевтића. Упечатљиво промишљени, достојанствено одмерени, они одсликавају собом интелектуално-карактерна својства свог аутора. С друге стране, сви упућени у Пиперове досадашње научне послове већ одавно нам дају за право својим меродавним оценама тих послова. С изузетним задовољством пратим стални успон угледа свога ученика у стручним срединама других словенских земаља; имала сам, вала, кога и учити!“ (Јевтић 2009: 5).

9. „Благо оном ко довијека живи, имао се рашта и родити“. Мислим да није нимало необично, осим можда тек на први поглед, што је академик Предраг Пипер на самом крају једне своје књиге (*Лингвистичка славистика*) додао и обимнији текст (под називом „Говорник као смртник и самртник“, први пут објављен у *Гласу САНУ* 2009. године) о лингвистичкој, поетској и филозофској анализи вјечних, универзалних питања, проведеној брижљиво и са необичном дозом акрибичности на примјерима познатих предсмртних исказа (порука), који као ријетко који дискурс могу да послуже као прототип артикулисаног поимања суштине и смисла људског живота и уопште егзистенције, као и потребе трагања за коначном, апсолутном истином⁵. Он тако вјешто барата техником и средствима изражавања

⁵ Дати, поетски структуриран текст композиционо је повезан са „прологом“ књиге, односно са 1. главом која носи назив „Почеци“ (о првим словенским учитељима — Тирилу

савремене књижевне поетике, иако у оквиру и у најбољем духу традиционалног научноистраживачког рада, уз досљедну граматичку, семантичку и прагматичку анализу, да му језик с времена на вријеме подсећа на, рекао бих, и нећу у томе нимало погријешити, стил познатих књижевних ставара лаца попут (већ споменутих) Иве Андрића и Меше Селимовића, или пак Милоша Црњанског. Можемо, дакле, да закључимо, па макар непосредно само и на основу тог мањег фрагмента књиге, да би професор Пипер — да се којим случајем није толико посветио науци — могао, по свој прилици, само да је пожелио да обрати додатну пажњу на свој несумњиви природни реторски и списатељски дар, да и на пољу поетског израза достигне вриједне посебног поштовања висине које је достигао и на научном пољу. Сви услови за то су, чини се, постојали, али потенцијално „поетско вријеме“ ипак није могло наћи свој, макар и узан, пут и плодним искуством стечен и обогаћен нови израз јер је наш велики прегалац и иноватор у науци о језику прекинут у свом икаровском лету. Наравно, остаје жал за таквом, неоствареном поетском могућношћу, посебно ако знамо да академик Предраг Пипер и у науци није ишао утабаним стазама, већ је сам проналазио слабо видљиве, често завијане пртине и путељке, које је не тако ријетко и сам крчио, равноа и широко трасирао, такође с циљем да би дошао до истине, у датом случају научне истине, која свима може да свијетли, јер се она тако лако више не може „сакрити под суд“.

Иза талентованих људи-стваралаца (који своје „таланте“ нису закопали у земљу, већ су их умножили и преумножили и другима подарили) дубоко и искрено посвећених своје животном позиву и дјелу — а такав је управо био и професор Пипер — остају да живе њихова дјела и они не могу да буду заборављени, тако да чувена реченица (изрека) највећег српског пјесника и мислиоца (а уз то и владике и владара Црне Горе) Петра II Петровића Његоша (у спјеву *Горски вијенац*) наведена у (под)наслову овога пасуса потпуно одговара великану и витезу савремене српске научне мисли (посебно у области лингвистике и славистике) — академику Предрагу Пиперу.

и Методију, о родоначелнику династије Немањића — (Стефану) Немањи и сл.), што значи да „Додатак“ (о говорнику као смртнику и самртнику), који формално не улази у структуру основног (нумерисаног) садржаја, може да се назове и „епилогом“ јер у одређеној мјери подсећа на неке епипоге из познатих књижевних дјела, као што је онај из Андрићеве *Проклетје авлије*: „И ту је крај. Нема више ничег. (...) Нема више ни приче ни причања. (...) Ничег нема. Само снег и проста чињеница да се умире и одлази под земљу“ (Андрић 1963: 133). И тај (Андрићев) је као и овај композиционо повезан са „прологом“, а све друго што треба да се деси (у овом случају сав остали садржај књиге) испричано је, условно речено, „у једном даху“ између ова два тренутка — између „почетка“ и „краја“, „пролога“ и „епилога“. Исто тако, сваки човјек реализује током живота низ различитих говорних ситуација/догађаја, али само двије од њих имају „функцију“ границе (људског живота) — прва (као „пролог“) и посљедња (као „епилог“). О том аспекту симетрије антонимске везе (*први — њосљедњи*) сликовито говори и сам Предраг Пипер у уводном поглављу свога текста: „Људски живот је и омеђен говорним ситуацијама, почев од јединствене говорне ситуације када прве речи новорођеноме упуту мајка или бабица (изузети су ретки) до на друкчији начин јединствене говорне ситуације на исходу земног живота, када се самртник посљедњи пут обраћа онима који остају иза њега и/или они њему“ (Пипер 2014: 457).

Оно што треба посебно истаћи јесте то да Предраг Пипер, упркос не-виђеној преданости науци и струци, којима је посветио све своје најбоље године и енергију која се немилице трошила на активност у тој сфери његовог живота, није никад заборављао да, ако не често, а оно барем у посебним приликама, нађе и одвоји колико-толико слободног времена у свом препуњеном обавезама свакодневном распореду и за неку врсту одмора, нпр. да послуша и ужива у доброј, бираној музици, као и у одабраној поезији (уосталом, то га је посебно привлачило још у студентским данима, па и касније, када је могао да на својој гитари свира омиљене композиције и пјева пјесме које су биле мелем за уши и душу). Међутим, најважније му је у том погледу било његово стремљење ка (православном) духовном узрастању — да кроз религиозно, литургијско надахнуће, а захваљујући свом меком, благодарном и благородном срцу (чиме се он посебно одликовао и у обичном, свакодневном животу), али и непрестаној унутарњој духовној борби, кроз неминовна искушења и смирење, доживи искуство просвјетљења, да задобије Царство Небеско, да и он буде онај који је Небом изабран, „јер су многи звани, али је мало изабраних“ (Јев. Мт. 22, 14), без обзира на то што, како нас пјесник „тјеша“, „в гости к Богу не бивае опозданий“ (Высоцкий 1981: 161). С тим аспектом духовности и боготражења (а уједно и самопроналажења) несумњиво се могу повезати (премда не и искључиво и примарно) и његова „путешствија“ по Русији, нарочито у првој деценији овога вијека, када је себи, као шеф Катедре, ставио у задатак да склопи уговоре о сарадњи (првенствено о размјени студената и наставника) са неколико универзитета, што је имало и другу, неофицијелну страну — посјећивање значајних светиња Русије, као и упознавање са живим носиоцима савремене руске духовне и религијске мисли и праксе (најтјешње односе успоставио је са надареним и образованим проповједником игуманом Августиним (Аносимовим) из Иванова, с којим је остао у присним односима). Наравно, он се није зауставио само на руским светињама већ је смјело кренуо и у виšekратне посјете и походе најприје косовскометохијским светињама (укључујући посебно и оне које су биле уништене или девастиране), као и Србима који су се усудили да остану и опстану на својим огњиштима и поред грובה својих предака, а уз које је тада (а тако је практички и данас) било углавном само монашко братство и сестринство. Његова потреба да одлази на ходочашћа на Свету Гору (у манастир Хиландар), као и у Јерусалим (који је посјећивао заједно са члановима своје породице), имала је за њега посебан духовно-религијски значај јер су хаџилуци такве врсте били за њега не само катализатори него и нека врста показатеља личног духовног раста. Отуд се увијек враћао као препорођен, оснажен, што је свакако био резултат његовог духовног подвизавања, усавршавања и уздицања. Он је био примјер сталног духовног узрастања, плодно тле на којем бачено сјеме Небеског Сијача доноси само здрав и обилан, најбољи род.

Посљедњих година са Предрагом сам био у контакту углавном преко електронске поште (наравно, осим у случајевима када смо разговарали

и могли да се видимо на конференцијамa или на састанцима везаним за пројекте). Посљедње „лично“ писмо (не рачунајући она „циркуларна“, која је упућивао одређеном броју колега укључујући и мене) добио сам од њега поводом Васкрса, 2. маја о.г., када ми је послао „знаковиту“, али и помало загонетну честитку, која почиње кратким, „звучним“ (мени познатим) цитатима-насловима (наведеним и у епиграфима на почетку рада) без указивања на њихове ауторе, али зато истакнутим масним, црвеним словима. Први цитат („*Не теряйте Пасхальную радость!*“) припадао је чувеном старцу Николају (Гурјанову)⁶, а други („*Не пропустите встречу с Богом!*“) — игуману Августину (Анисимову)⁷, којег је он лично познавао. Уз цитате је била и црно-бијела фотографија старца Николаја (без указивања на његов идентитет) са најпознатијим кратким списком његових поука. Наиме, како сам тада схватио, он је желио да са мном подијели радост Васкресења Господњег, али не само као празника који славимо сваке године већ као истинског, живоносног Празника над празницима, који припада правој, истинској реалности, у којој и ми живимо. Узвратио сам му такође честитком у којој сам послао пјесму-молитву старца Николаја (јер он је био и пјесник), као и линк са снимљеним документарним филмом о њему. Међутим, последице ове трагедије, која се за све пријатеље и познанике професора Пипера десила изненада и потпуно неочекивано, схватио сам да је он већ тада предосјећао да се његово вријеме претвара у вјечност, због чега је и била послата таква честитика, заправо важна, најозбиљнија духовна порука, без обзира на то што је она била оптимистички „интонирана“.

Сада се присјећам да ми је колегиница Јулкица Ђукић крајем августа саопштила да је сасвим недавно телефоном разговарала са професором Пипером и да му је она успут рекла да се спремам за одлазак у пензију од 1. октобра, на што је он одговорио да ће ме кроз који дан назвати јер би хтио да поразговарамо (претпостављам да је желио да ми пружи подршку

6 **Старац Николај Гурјанов (1909–2002)**, протојереј и један од најпоштованијих старца Руске православне цркве крајем XX и почетком XXI вијека. Године 2009. канонизован као Светитељ Нектарије Руски. Он је прототип старца Анатолија из познатог филма „Острво“ (снимљеног 2006. год. у режији Павла Лунгина). Посљедње завјетне ријечи батјушке старца Николаја „Не теряйте Пасхальную радость! Христос Воскресе!“ — везане су за његове чувене (често кратко, али језгровито формулисне) поуке (в. Схимонахия Николая (Гроян), Лавриненко 2009).

7 *Не пропустите встречу с Богом!* (наслов књиге са одржаним проповиједима и бесједама **игумана Августина (Анисимова)** (од 2012. год. епископа Городецког и Ветлушког у оквиру Нижегородске митрополије) са парохијанима храма Преображења Господњег у Иванову 1998–2002. год., с којим је академик Предраг Пипер (још од своје прве посјете Иванову (2004), када је као гостујући професор одржао неколико предавања по позиву на Ивановском државном универзитету, а у својству шефа Катедре за славистику склопио уговор о размјени наставника и студената Филолошког факултета у Београду и овог универзитета) често контактирао и развијао посебан, присан духовно-пријатељски однос. Наведену (треба додати — врло вриједну и поучну) књигу са благословом и посветом аутора (насловљеном мени и мојој породици) донио ми је као дар приликом датог путовања у Русију управо професор Предраг Пипер. Исто тако, и он сам је увијек имао шта да пошаље — било као дар, било као уздраје — мудро и богољубиво игуману оцу Августину обично када би моја породица одлазила у Русију (у Иваново).

због одласка у „мировину“, као и да ми да понеки савјет у вези с тиме, а вјерујем и да је имао још нешто много озбиљније и важније да ми каже, али...); он није успио да ме назове, а мени је остао неизрецив жал што ја нисам њега „предухитрио“ и назвао га прије Трагедије (а имао сам такву намјеру).

Академик Предраг Пипер био је најистакнутија личност (не само као врхунски научник, лингвиста, слависта, србиста, русиста, филолог, библиограф, већ и, прије свега, као Човјек са великим словом) коју сам лично и тако добро и дуго познавао, с којом сам био веома близак и као колега, и као пријатељ. Свуда је био поштован и прихванат, а могу слободно рећи, и искрено вољен. Чинио је људима само добро. Српска (и не само српска) лингвистика и славистика изгубили су вансеријског и по много чему јединственог, могло би се рећи, незамјенљивог представника. Његов допринос науци, посебно у области русистике, србистике и широко схваћене славистике и лингвистике, немјерљив је. Њепроцјењиво наслеђе као личности и научника које је оставио иза себе наставиће да све нас — његове пријатеље, колеге и ученике — и даље обједињује. Ово је заиста ненадокнадив губитак за све нас. Међутим, „чак и ако бисмо били последњи људи у последњим временима (а надамо се да није тако), то нас не осуђује на клонност, него нас обавезује на прегнућа“ (Пипер 2021б).

Свијетла успомена на академика Предрага Пипера заувјек ће остати у нашим срцима. Нама остаје да се искрено помолимо и молимо за спас и покој душе његове.

Нека му је вјечна слава и хвала!

И да му драги Господ Бог подари Царство Небеско!

Вјечнаја памјат!

Амин!

ЛИТЕРАТУРА

- Андрић Иво. *Проклећа Авлија* / Сабрана дела Иве Андрића, књ. четврта. Београд: Просвета; Загреб: Младост; Сарајево: Свјетлост; Љубљана: Државна zaloжба Словеније, 1963.
- Бећковић Матија. „Ако Косово није наше, наше није ништа“ [Интервју уреднице Радија Спутњик Дејане Вуковић са акад. Матијом Бећковићем]. *Радио Сјубиник — Орбита културе* (23.11.2021) <<https://www.youtube.com/watch?v=i0eGRpF9nek>> (23.11.2021)
- Војводић Дарја, Војводић Дојчил. „Боље да пропадне село него у селу обичај“ (нека запажања о етнокултурном и духовном наслеђу потомака ‘Пилипенде’ и ‘Кљаке’)“. Шијаковић Богољуб (ур.). *Српска теологија данас 2009*, књ. 1 / Зборник радова првог годишњег симпозиона (Београд, Православни богословски факултет, 29–30. маја 2009). Београд: Институт за теолошка истраживања ПБФ, 2010: 474–492.
- Војводић Дојчил. „Теорија семантичких локализација као универзални лингвистички модел (Предраг Пипер, Језик и простор, Београд, Чигоја штампа <Библиотека XX век, 91>, 1997)“. *Јужнословенски филолог LIV* (1998): 204–213.
- Высоцкий Владимир. „Кони привередливые“. Высоцкий В. *Нерв: стихи* [сост., авт. вступ. ст. Роберт Рождественский]. Москва: Современник, 1981: 161 (Новинки „Современника“).
- Голубовић Ана. „Библиографија академика Предрага Пипера“. Поповић Љ., Војводић Д., Номаћи М. (ур.). *У проширу лингвистичке славистике* / Зборник научних радова

- поводом 65 година живота академика Предрага Пипера. Београд: Филолошки факултет, 2015: 47–90.
- Димитријевић Владимир. „Предраг Пипер (1950–2021) — Завештања Предрага Пипера (Сећање)“. *Печат — Листи слободне Србије* 683 (01.10.2021) <<https://www.pecat.co.rs/2021/10/predrag-piper-1950-2021-zavestanja-predraga-pipera/>> (30.11.2021).
- Игумен Августин (Анисимов). *Не пропустите встречу с Богом*. Нижний Новгород: Изд. Ю. А. Николаев, 2004.
- Јевтић Милош. *Трагом речи : разговори с Предрагом Пипером*. Београд: Београдска књига; Нови Сад: Будућност, 2009.
- Пипер Предраг. *Лингвистичка русистика: сјудије и чланци*. Београд: Филолошки факултет, 2012.
- Пипер Предраг. „Симболичка вредност српске ћирилице и савремено стање српске културе“. Ковачевић Милош (ур.). *У одбрану српске ћирилице: хрестоматија*. Пале: Српско просвјетно и културно друштво „Просвјета“, 2013: 211–225 (в. такође скраћену верзију датог рада под истим насловом на порталу *Пројекат Расико: Библиотека српске културе на Инјернеју* (02.02.2008) <<https://www.rastko.rs/filologija/delo/12144>> (25.10.2021).
- Пипер Предраг. *Лингвистичка славистика: сјудије и чланци*. Београд: Славистичко друштво Србије, 2014.
- Пипер Предраг. *Предраг Пипер, редовни члан САНУ* [Персонална библиографија] (2017) <<http://www.fil.bg.ac.rs/wp-content/uploads/zaposleni/slavistika/ruski/PredragPiper.pdf>> (25.10.2021).
- Пипер Предраг. „О корономанији“. *Борба за веру* (четвртак, 19. новембар 2020) <<http://borbazaveru.info/content/view/13595/1/>> (11.10.2021).
- Пипер Предраг. [„Поводом изјаве председника САНУ о статусу Косова и Метохије — Срби би без косовског завета били само шодер за попуњавање рупа на путевима злочиначких цивилизација“]. *Нова српска јолиничка мисао — Часопис за јолиничку теорију и друштвена исцртавања* (среда, 27. јануар 2021а) <<http://www.nspm.rs/kosovo-i-metohija/>> (21.10.2021).
- Пипер Предраг. „Словенство и савремени свет“. *Зборник Мајнице српске за славистику* 100 (2021б): 15–39.
- Поповић Људмила, Војводић Дојчил, Номаћи Мотоки. „У потрази за обећаним простором“. Поповић Љ., Војводић Д., Номаћи М. (ур.). *У простору лингвистичке славистике/Зборник научних радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера*. Београд: Филолошки факултет, 2015: 13–23.
- Поповић Људмила, Номаћи Мотоки. „Језик као пут ка добром: у спомен на академика Предрага Пипера (1950–2021)“. *Slavistična revija* 69/4 (2021) (у штампи).
- Релић Митра. „Предраг Пипер: Живот ослоњен на добро“. *Покрет за одбрану Косова и Метохије* [Портал] (14.09.2021) <<https://pokretzaodbranukosovaimetohije.rs/>> (30.11.2021).
- Схимонахиња Николаја (Гроян), Лавриненко Дмитрий. *Не теряйте Пасхальную Радость!*.. [Документални филм] / Блаженој памяти любвеобильного отца, хранителя Святого Православия Царской Руси, старца Николая (Гурьянова), смиренного епископа-исповедника в схиме Нектария: К столетию со дня рождения Святителя Нектария Русского. Москва: Общество Светлой Памяти Праведного Старца Николая Псково-езерского, 2009: [продолжительность] 25:00 мин. <<https://dmitri-obi.livejournal.com/10229870.html>> (24.05.2021).
- Танасић Срето. „In memoriam — Борац за српски језик и ћирилицу: Академик Предраг Пипер (1950–2021)“. *Новости* (14.09.2021) <<https://www.novosti.rs/c/kultura/vesti/1036031/memoriam-borac-srpski-jezik-cirilicu-akademik-predrag-piper-1950-2021>> (30.09.2021).
- Црњански Милош. *Сеобе* <http://biblioteka-np.org.rs/wp-content/uploads/2020/04/SEOBE_Milos_Crnjanski.pdf> (20.11.2021).
- Piper Predrag. *Jezik i prostor*. Beograd: Čigoja štampa, 1997 (Biblioteka XX vek, 91) (2. dop. izd., 2001).

REFERENCES

- Andrić Ivo. *Prokleta Avlija / Sabrana dela Ive Andrića*, knj. četvrta. Beograd: Prosveta; Zagreb: Mladost; Sarajevo: Svetlost; Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1963.
- Bečković Matija. „Ako Kosovo nije naše, naše nije ništa“ [Intervju urednice Radija Sputnjik Dejana Vuković sa akad. Matijom Bečkovićem]. *Radio Sputnjik — Orbita kulture* (23.11.2021) <<https://www.youtube.com/watch?v=i0eGRpF9nek>> (23.11.2021)
- Crnjanski Miloš. *Seobe* <http://biblioteka-np.org.rs/wp-content/uploads/2020/04/SEOBE_Milos_Crnjanski.pdf> (20.11.2021).
- Dimitrijević Vladimir. „Predrag Piper (1950–2021) — Zaveštanja Predraga Pipera (Sećanje)“. *Pečat – List slobodne Srbije* 683 (01.10.2021) <<https://www.pecat.co.rs/2021/10/predrag-piper-1950-2021-zaveštanja-predraga-pipera/>> (30.11.2021).
- Golubović Ana. „Bibliografija akademika Predraga Pipera“. Popović LJ., Vojvodić D., Nomaći M. (ur.). *U prostoru lingvističke slavistike / Zbornik naučnih radova povodom 65 godina života akademika Predraga Pipera*. Beograd: Filološki fakultet, 2015: 47–90.
- Igumen Avgustin (Anisimov). *Ne propustite vstrechu s Bogom*. Nizhnij Novgorod: Izd. Yu. A. Nikolaev, 2004.
- Jevtić Miloš. *Tragom reči : razgovori s Predragom Piperom*. Beograd: Beogradska knjiga; Novi Sad: Budućnost, 2009.
- Piper Predrag. *Jezik i prostor*. Beograd: Čigoja štampa, 1997 (Biblioteka XX vek, 91) (2. dop. izd., 2001).
- Piper Predrag. *Lingvistička rusistika: studije i članci*. Beograd: Filološki fakultet, 2012.
- Piper Predrag. „Simbolička vrednost srpske ćirilice i savremeno stanje srpske kulture“. Kovačević Miloš (ur.). *U odbranu srpske ćirilice: hrestomtija*. Pale: Srpsko prosvjetno i kulturno društvo „Prosvjeta“, 2013: 211–225 (v. takođe skraćenu verziju datog rada pod istim naslovom na portalu *Projekat Rastko: Biblioteka srpske kulture na Internetu* (02.02.2008) <<https://www.rastko.rs/filologija/delo/12144>> (25.10.2021)
- Piper Predrag. *Lingvistička slavistika: studije i članci*. Beograd: Slavističko društvo Srbije, 2014.
- Piper Predrag. *Predrag Piper, redovni član SANU* [Personalna biobibliografija] (2017) <<http://www.fil.bg.ac.rs/wp-content/uploads/zaposleni/slavistika/ruski/PredragPiper.pdf>> (25.10.2021).
- Piper Predrag. „O koronamaniji“. *Borba za veru* (četvrtak, 19. novembar 2020) <<http://borbazaveru.info/content/view/13595/1/>> (11.10.2021).
- Piper Predrag. [„Povodom izjave predsednika SANU o statusu Kosova i Metohije — Srbi bi bez kosovskog zaveta bili samo šoder za popunjavanje rupa na putevima zločinačkih civilizacija“]. *Nova srpska politička misao* – Časopis za političku teoriju i društvena istraživanja (sreda, 27. januar 2021a) <<http://www.nspm.rs/kosovo-i-metohija/>> (21.10.2021).
- Piper Predrag. „Slovenstvo i savremeni svet“. *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 100 (2021b): 15–39.
- Popović Ljudmila, Vojvodić Dojčil, Nomaći Motoki. „U potrazi za obećanim prostorom“. Popović Lj., Vojvodić D., Nomaći M. (ur.). *U prostoru lingvističke slavistike / Zbornik naučnih radova povodom 65 godina života akademika Predraga Pipera*. Beograd: Filološki fakultet, 2015: 13–23.
- Popović Ljudmila, Nomaći Motoki. „Jezik kao put ka dobrom: u spomen na akademika Predraga Pipera (1950–2021)“. *Slavistična revija* 69/4 (2021) (u štampi).
- Reljić Mitra. „Predrag Piper: Život oslonjen na dobro“. *Pokret za odbranu Kosova i Metohije* [Portal] (14.09.2021) <<https://pokretzaodbranukosovaimetohije.rs/>> (30.11.2021).
- Shimonahinya Nikolaya (Groyan), Lavrinenko Dmitriy. *Ne teryajte Pashal'nyuyu Radost'!*. [Dokumental'nyj fil'm] / Blazhennoj pamyati lyubveobil'nogo oca, hranitelja Svyatogo Pravoslaviya Carskoj Rusi, starca Nikolaya (Gur'yanova), smirenno episkopa-ispovednika v shime Nektariya: K stoletiyu so dnya rozhdeniya Svyatitelya Nektariya Russkogo. Moskva: Obshchestvo Svetloj Pamyati Pravednogo Starca Nikolaya Pskovoezerskogo, 2009: [prodolzhitel'nost'] 25:00 min. <<https://dmitri-obi.livejournal.com/10229870.html>> (24.05.2021).

- Tanasić Sreto. „In memoriam – Borac za srpski jezik i ćirilicu: Akademik Predrag Piper (1950–2021)“: *Novosti* (14.09.2021) <<https://www.novosti.rs/c/kultura/vesti/1036031/memoriamborac-srpski-jezik-cirilicu-akademik-predrag-piper-1950-2021>> (30.09.2021).
- Vojvodić Darja, Vojvodić Dojčil. „Bolje da propadne selo nego u selu običaj“ (neka zapažanja o etnokulturnom i duhovnom nasljeđu potomaka ‘Pilipende’ i ‘Kljake’): Šijaković Bogoljub (ur.). *Srpska teologija danas 2009*, knj. 1 / Zbornik radova prvog godišnjeg simposiona (Beograd, Pravoslavni bogoslovski fakultet, 29–30. maja 2009). Beograd: Institut za teološka istraživanja PBF, 2010: 474–492.
- Vojvodić Dojčil. „Teorija semantičkih lokalizacija kao univerzalni lingvistički model (Predrag Piper, Jezik i prostor, Beograd, Čigoja štampa <Biblioteka XX vek, 91>, 1997)“: *Južno-slovenski filolog* LIV (1998): 204–213.
- Vysockij Vladimir. „Koni priveredlivye“: Vysockij V. *Nerv: stihi* [sost., avt. vstup. st. Robert Rozhdestvenskij]. Moskva: Sovremennik, 1981: 161 (Novinki „Sovremennika“).

Дојчил П. Војводић
 Универзитет у Новом Саду
 Филозофски факултет
 vojvodicd@ff.uns.ac.rs

РЕГИСТАР КЉУЧНИХ РЕЧИ

А

авантуриста 339
авантюрист 305
Агасфер 485
азбучне стихире 92
азбучные стихиры 85
акцентологии 709
акцентологији 760
амфиболии 781
амфиболије 812
антиглобализам 15
антиглобализм 39
Певзнер Антон 556
антропологија 542
антропологија исхране 168
антропология 527
антропология питания 157
АРГО 556
Ардис 449, 453
артефакта 556
Ахашверош 505
Ахматова 623, 644

Б

бајке 134
Барков И. 847, 862
бележнице 662
Бели Андреј 892
Белински Висарион Григорјевич 134
Белинский Виссарион Григорьевич 119
Белый Андрей 877
биографија 662
биографический контекст 877
биография 647
биографски контекст 892
Блок Александар 556
број 203
будала 339
будућност 15
будушее 39

В

васкрсење мртвих 684
Введенский А. 427
Веденски А. 447
верлибр 403
вода и смрт 622
вор 305
воскрешение мертвых 663
Врело њоље 644
време 447, 688
время 427, 685
врсте речи 229
второе южнославянское влияние 61

Г

Габо Наум 556
Гейне 485
геометријски модели 203
геометрические модели 187
глаголи надања 77
глаголске позајмљенице 261
глаголски придеви 218
глагольные заимствования 247
глад 614
глад у сливу реке Волге 614
глобализам 15
глобализм 39
говорно безумље 812
„Голод“ 614
Гораций 871
Горјунова Нона 556
Горячее поле 623
Гофман Э. Т. А. 371
граматички род 246
грамматический род 231
Грин 485, 505
губитак јерова 76

Д

две домовине 369
две родины 353
девербативни придев 218

дети 135
 диалект 118
 диалектная лексикография 157
 диахронические изменения
 в морфологии 709
 дијалектичка лексикографија 168
 дијахронијске промене у
 морфологији 760
 динамика социальных функций мата 691
 динамика социјалне функције псовки 707
 Достоевский 353
 Достојевски 369
 други јужнословенски утицај 76
 друштвене мреже 845
 дурак 305

Е

Европа 353, 369
 Егоров Б. Ф. 871
 етимологија 59
 етимолошко гнездо 59

З

Закат Европы О. Шпенглера 685
 записные книжки 647
 „земља светих чудеса“ 369
 Знанствена књижница у Задру 93
 зона сумрака 556

И

идентитет 15
 идентичность 39
 издавачка делатност 484
 издательская деятельность 469
 илирский язык 108
 илирски језик 93
 именице заједночког рода 246
 Инстаграм 813, 845
 Институт Строганова за декоративну
 и примењену уметност 556
 интертекстуалност 388
 интертекстуальность 371
 Инфанте Франциско 556
 ирреверзибилност времена 688
 историја 688
 историјска лексикологија 77
 история 685
 история о воскрешении Лазаря 371

Ј

Јакобсон Р. О. 595
 Јасуи Рјохеј 875
 Јегоров Б. Ф. 875
 јединственост 467
 језик 15
 језик лингвистичке и визуелне
 комуникације 845

језички експеримент 425
 јуродиви 339

К

карнавал 297
 карневал 304
 Кафка 485, 505
 кинеска поезија 526
 кинески стил 526
Книга Еноха 449
Књиџа Еноха 453
 књижевна класика 484
 књижевни контекст 892
 књижевности и култури 707
 Козлов Дмитриј 614
 коммуникативные формулы 293
 комуникативне формуле 263
 Константин Филозоф 92
 Константин Философ 85
 контекст 662
 контексты 647
 конфликт 559, 595
 концепт бесконачности 556
 концепт нуле 556
 космизм 527
 кочевая еда 157
 криза 15
 кризис 39
 критика силлогизма 427
 критика силогизма 447
 култура 15
 култура, совјетска 484
 култура 39

Л

лексика 43, 59, 761, 780
 лексическая типология 43
 лексичка јединица 229
 лексичка типологија 59
 лексичко извођење 218
 Ленау 485, 505
 Летећи Холанђанин 505
 Летучий Голландец 485
 лингвистика стиха 403
 лингвокреативност 425
 лингвокреативность 405
 литературе и культуре 691
 литературная классика 469
 литературная критика 119
 литературный контекст 877
 литературоведение 877
 ловац 505
 лопов 339
 луда 339
 лупеж 339

Ль

љубав и смрт 622

М

Мајаковски 595, 644
 Маљевич 556
 Марков Владимир 526
 Маркс 485, 505
 мат в русском языке 691
 матерная поэзия 847
 Маяковский 559, 623
 механизми иновација 760
 механизмы инноваций 709
 мимезис 304
 мимесис 297
 Миняя праздничная 85
 мировоззрение 39
 мистика 877, 892
 Митурич П. В. 559, 595
 мифологические персонажи 135
 модернизам 526
 мореплавателъ 485
 морфологија 203
 морфология 187
 Муратов П. П. 455, 467

Н

Набоков Владимир 449, 453
 Народна библиотека Србије 92
 натповест *Занџези* 595
 наука о књижевности 892
 Научная библиотека в Задаре 108
 научни дискурс 425
 научный дискурс 405
 Национальная библиотека Србији 85
Некоторое количество разговоров 427
 немецкая поэзия 403
 Немиров М. М. 847, 862
 необратимость времени 685
 непонимание 427
 неразумевање 447
 ничевоки 559, 595
 нови човек 542
 новый человек 527
 номадска храна 168

О

Образы Италии 455
 «Одинокий лицедей» 623
Одређена количина разговора 447
 опсцена поезија 862
 Отворено писмо 595
 Открытое письмо 559
 охотник 485

П

падеж 187, 203
 парабола о талентима 388
 паремија 780
 паремия 761
 пародија 304
 пародия 297
 Певзнер Антон 556
 перформативност 707
 перформативность 691
 Пидоренко В. П. 847, 862
 писма 662
 письма 647
 Платонов 662
 Платонов Андрей 663
 Платонов Андрей 684
 плут 305
 повеље и писма 77
 погибшая коллекция 85
 поглед на свет 15
 Поема без јунака 644
 полисемија 812
 полисемия 781
 полифонија 812
 полифония 781
 польская поэзия 403
 поморац 505
Поэма без героя 623
 праведност 684
 прагматика 691, 707, 781, 812
 прагматикализација 263
 прагматикализација 293
 прагматическая парадигма 293
 прагматичка парадигма 263
 празнични Минеј 92
 праславјански језик 43
 прасловенски језик 59
 предлог 186
 предлошка јединица 186
 предлошка компонента 186
 предлошки профил 186
 предлошко-просторна семантика 186
 приглаголка позиција 186
 Пригов Д. А. 847, 862
 придјеслівна позиција 169
 пријменник 169
 пријменникова одиница 169
 пријменникови профил 169
 пријменниково-просторова семантика 169
 припријменникови компонент 169
 притча о талантах 371
 прича о Лазаревом васкрсењу 388
 промена именица 203

Пройасиј Зайада О. Шпенглера 688
 простор 688
 просторне метафоре 388
 пространственные метафоры 371
 пространство 685
 Прутков Козма 862
 Прутков Козьма 847
 псовке у руском језику 707
 пути развития 353
 Пушкин 353, 369

Р

развитие стихотворной формы 403
 развојни путеви 369
 райское коммунистическое общество 663
 рајско комунистичко друштво 684
 рат и смрт 622
Ревизор 871, 875
 револуција 662, 688
 революция 647, 685
 революция 1917 года 623
 ревоуција 1917 644
 редакции романа 647
 редакције романа 662
 ред речи 229
 резјански дијалекат 261
 резьянский диалект 247
 рецепција стваралаштва 892
 рецепция творчества 877
 реченнeвиј спецификатор 169
 рифмованъиј стих 403
 род 187, 203
 Розанов Василиј 449
 Розанов Василиј 453
 Јакобсон Р. О. 595
 роман 647, 662
 роман *Ада* 449, 453
 Россия 353
 „Ротшилдова виолина“ 388
 рукопис бр. 261 93
 рукописи 559, 595
 рукопись 119
 рукопись №261 108
 Русија 369
 руска авангарда 425
 руска Ренесанса 467
 руска уметност 542
 руски језик 203
 руски књижевни језик 76
 руски опсцени идиоми 760, 812
 русская obscene идиоматика 709, 781
 русская поэзия 403
 русский авангард 405
 русский литературный язык 61

русский Ренессанс 455
 русский язык 187
 русское искусство 527

С

„Саветник Креспел“ 388
 савремени пољски језик 229
 садашњост 15
 самозванац 339
 самозванец 305
 Сахаров Иван Петрович 119, 134
 свeрхповесть *Зангези* 559
 сексуални односи 684
 сексуальные отношения 663
 семантика 43, 59
 семантике и стилистике мата 709
 семантици и стилистички псовки 760
 семантичка реконструкција 43, 109
 семантичка реконструкција 59
 семантичке промене 114
 сербска поезија 403
 сербски и хорватски језици 247
 сербски језик 293
 Серебряный век 877
 симболизам 892
 символизм 877
 синологија 526
 синонимија 59
 синонимия 43
 синтакса 229
 синтаксические фразеологизмы
 (фраземы) 293
 синтаксички фразеологизми
 (фраземе) 263
 синтаксичко извођење 218
 система ценностей 39
 систем вредности 15
 сказки 119
 «Скрипка Ротшильда» 371
 славянская этимология 109
 славянские языки 43
 славянский язык 108
 славянство 39
 слагање 246
Сликe Итјалије 467
 словенска етимологија 114
 словенски језик 93
 словенски језици 59
 словенство 15
 словесное безумие 781
 словоизменение имени 187
 словообразование 109
 смех 297, 304
 смрт 622
 снег као уметнички медијум 556

«Советник Креспель» 371
 советская культура 469
 современный мир 39
 согласование 231
 социал-коммунистическая работа 663
 социальная интеракция 813
 социальные сети 813
 социјал-комунистички рад 684
 социјална интеракција 845
 соцреализам 484
 соцреализм 469
 спецификатор реченице 186
 справедливость 663
 Сребрни век 892
 српски и хрватски језик 261
 српски језик 263
 старосрпски 77
 «страна святых чудес» 353
 страх 135
 структура 761, 780
 суфикс *-inat* 261
 суфикс *-isati* 261
 суффикс *-inat* 247
 суффикс *-isati* 247
 существительное 118
 существительные общего рода 231

Т

таблице 203
 творба речи 114
 текстологија 614
 теории высказывания 781
 теорија исказивања 812
 теорија селебрификације 845
 теория селебрификации 813
 традиционалне представе о исхрани 168
 традиционные представления о питании 157
 трикстер 297, 304, 305, 339
 „Три обода“ 614

У

уметнички дискурс 425
 уникальность 455
 уништена збирка 92
 «Усамљени глумац» 644
 утрата еров 61

Ф

Федоров Н. 527
 феминитив 231, 246
 финал 559
 финале 595
 Фјодоров Н. 542
 фолклор 134

фолклор 119
 функции мата в литературе XVIII–XX вв. 709
 функције псовки у књижевности XVIII–XX века 760

Х

Хајне 505
 Хермон 449, 453
 Хлебников 559, 623
 Хлебњиков 595, 644
 Хлебњиков Велимир 614, 622
 Хорације 875
 хорватски језик 118
 Хофман Е. Т. А. 388
 художественный дискурс 405

Ц

церковное пение 61
 церковнославянский язык 61, 108
 цивилизацијски спор 369
 цивилизационный спор 353
 црквено појање 76
 црквенословенски језик 76, 93

Ч

Чаадаев 353
 Чадајев 369
Чевенгур 663, 684
 Чекригин В. 542
 Чекрыгин В. 527
 Чехов А. П. 371, 388
 число 187

Ш

шизоанализ 781
 шизоанализа 812
 Шнуров Сергей 813
 Шнуров Сергеј 845
 шут 305

Э

этимологическое гнездо 43
 этимология 43, 118

Ю

юродивый 305

Я

язык 39
 язык лингвистической и визуальной коммуникации 813
 языковой эксперимент 405
 Якобсон Р. О. 559
 Ясуи Рёхей 871

A

abc stichera 85
 accentual 710
 adventurer 305
 agreement 231
 Ahasuerus 486
 Akhmatova 623
 amphiboly 781
 anthropology 527
 anti-globalism 16
 anthropology of food 157
 Ardis 449
 ARGO 543
 Artefactds 543
 artistic discourse 406

B

Barkov Ivan 847
 Belinsky Vissarion Grigoryevich 119
 Bely Andrey 878
 biographical context 878
 biography 647
 Blok Aleksandr 543

C

carneval 297
 case 187
 celebrification theory 813
Certain Quantity of Conversations 427
 Chaadaev 354
 charters and letters 77, 84
 Chekhov A. P. 372
 Chekrygin V. 527
Chevangur 664
 children 135, 155
 Chinese poetry 507
 chinoiserie 507
 Church singing 61
 Church Slavonic 61
 Church Slavonic language 93
 common gender nouns 231
 communicative (speech) formulae 263
 concept of infinity 543
 concept of zero 543
 conflict 559
 contemporary Polish language 219
 contexts 647
 controversy about civilisations 354
 cosmism 527
 "Councilor Krespel" 372
 crisis 16
 critique of syllogisms 427
 Croatian language 115, 248
 culture 16
 części mowy 219

D

death 615
 derivace lexikální 205
 derivace syntaktická 205
 deverbative adjectives 205
 deverbativní adjektivum 205
 diachronic morphological 710
 dialect 115
 dialectal lexicography 157
 Dostoevsky 354
 dynamics of mat's social functions 691

E

enemy 341, 352
 Erlösung 485, 486, 505
 etimologija 115
 etymology 43, 115
 Europe 354

F

fairy tales 119
 famine 597
 fear 135, 155
 feminitive 231
 festive Minea 85
 finale 559
 Flying Dutchman 486
 folklore 119
 food's traditional representations 157
 fool 305
 formal verse 389
 free verse 389
 Fyodorov N. 527
 functions of "mat" in 18th-, 19th- and 20th-
 century Russian literature 710
 future 16

G

Gabo Naum 543
 gender 187
 geometric models 187
 German poetry 389
 globalism 16
 "Golod" 597
 Goriunova Nonna 543
 grammatical gender 231
 Grin 486

H

heavenly communist society 664
 Heine 486
 Hermon 449
 historical lexicology 77, 84
 history 685
 Hoffmann E. T. A. 372

holy fool 305
 Horace 871
Hot field 623
 hrvatski jezik 115
 hunter 486

I

identity 16
 Illyrian language 93
 imenica 115
 impostor 305
 Infante Frantsisko 543
 Instagram 813
 intertextuality 372
 irreversibility of time 685

J

Jakobson R. O. 559
 jednostka leksykalna 219
 jester 305
 justice 664

K

Kafka 486
 Khlebnikov 559, 623
 Khlebnikov Velimir 597, 615
 kitaevdenie 507
 Konstantin the Philosopher 85
 Kozlov Dmitrii 597

L

language 16
 language experiment 406
 laugh 297
 Lenau 486
 letters 647
 lexical derivation 205
 lexical typology 43
 lexical unit 219
 lexicology 135, 155
 linguistic and visual communication 813
 linguistic creativity 406
 lingvistika stiha 389
 literary context 878
 literary criticism 119
 literary studies 878
 literature and culture 691
 literature classics 469
 “Lonely licedei” 623
 loss of the *jers* 61
 lost collection 85
 love and death 615

M

Malevich 543
 manuscript 119

manuscript no. 261 93
 manuscripts 559
 mariner 486
 Markov Vladimir 507
 Marx 486
 Mayakovsky 559, 623
 mechanisms of innovation 710
 mimesis 297
 mir 341
 misconstruction 427
 Miturich P. V. 559
 modernism 507
 morphology 187
 Muratov P. P. 455
 mysticism 878
 mythological characters 135, 155

N

Nabokov Vladimir 449
 narječje 115
 National Library of Serbia 85
 Nemirov Miroslav 847
 neprijatelj 341
 new man 527
 nichevoki 559
 njemačka poezija 389
 nomadic food 157
 nominal inflection 187
 notebooks 647
 noun 115
 novel 647
 novel editions 647
 number 187

O

Obrazy Italii 455
 obscenities (mat) in Russian language 691
 Old Serbian 77, 84
 open letter 559
 Orthodox war ethics 341, 352
 O. Spengler’s *The Decline of the West* 685

P

paremia 761
 parodia sacra 297, 304
 parody 297
 participles 205
 parts of speech 219
 peace 341, 352
 performativity 691
 Pevsner Anton 543
 picaro 305
 Pidorenko V. P. 847
 Platonov 647
 Platonov Andrey 664

pobednik 341
Poem without a Hero 623
 Polish poetry 389
 polska poezija 389
 polyphony 781
 polysemy 781
 pragmaticalization 263
 pragmatic paradigm 263
 pragmatics 691, 781
 pravoslavna etika rata 341
 preposition 170
 prepositional component 170
 prepositional profile 170
 prepositional-spatial semantics 170
 prepositional unit 170
 present 16
 preverb position 170
 Prigov Dmitry A. 847
 přičestí 205
 Proto-Slavic language 43
 Prutkov Kozma 847
 publishing 469
 Pushkin 354

R

rat 341
 razvoj stihovne forme 389
 reception of creativity 878
 Resian dialect 248
 resuscitation of the dead 664
 revolution 647, 685
 Rozanov Vasily 449
 “Rothschild’s Fiddle” 372
 ruska poezija 389
 Russia 354
 Russian 187
 Russian art 527
 Russian idiomatics 781
 Russian literary language 61
 Russian obscene poetry 847
 Russian obscenities 710, 781
 Russian poetry 389
 ‘Russian Renaissance’ 455

S

Sakharov Ivan Petrovich 119
 schizoanalysis 781
 scientific discourse 406
 Second South Slavic influence 61
 semantic and stylistic changes 710
 semantic reconstruction 43, 109
 semantics 43
 Serbian language 248, 263
 Serbian poetry 389
 sexual relations 664

Shnurov Sergei 813
 Silver Age 878
 sinology 507
 skladnia 219
 Slavic etymology 109
 Slavic folk culture 135, 155
 Slavic language 93
 Slavs 16
 slobodni stih 389
 snow as artistic medium 543
 social-communist work 664
 social interaction 813
 socialist realism 469
 social networks 813
 Soviet culture 469
 space 685
 spatial metaphors 372
 speech specifier 170
 srpska poezija 389
 Stroganov Institute of Decorative and Applied Arts 543
 structure 761
 suffix *-inat* 248
 suffix *-isati* 248
 super-story *Zangezi* 559
 Symbolism 878
 synonymic series 43
 synonymy 43
 syntactic derivation 205
 syntactic phaseologisms (phrasemes) 263
 syntax 219
 szyk 219

T

tables 187
 Telegram 847, 862
 textual criticism 597
The Book of Enoch 449
 «the country of holy wonders» 354
The Government Inspector 871
 The novel *Ada* 449
 theories of utterance 781
 the parable of the talents 372
 the Russian avant-garde 406
 The Russian Revolution of 1917 623
 the story of the raising of Lazarus 372
 thief 305
 time 427, 685
 trickster 297, 305
 “Tri obeda” 597
 twilight zone 543
 two motherlands 354

U

uniqueness 455

V

value system 16
Vvedensky A. 427
verbal loanwords 248
verbal madness 781
verbs of hoping 77, 84
verse form development 389
verse linguistic 389
vezani stih 389
victor 341, 352
vocabulary 43, 761
Volga River Basin Famine 597

W

war 341, 352
war and death 615

water and death 615
ways of development 354
word-formation 109
word order 219
worldview 16
współczesny język polski 219

Y

Yasui Ryohei 871
Yegorov B. F. 871

Z

Zadar Scientific Library 93
zulo/zjulo 115

Сарадници у 100. свесци *Зборника Мајице српске за славистику*

др Розана Бенакио
Универзитет у Падови

др Јекатерина Бобринска
Државни институт за уметност
Москва

др Петар Бојанић
Универзитет у Београду,
Уралски федерални универзитет
Јекатеринбург

др Џон Болт
Универзитет Јужне Калифорније
Лос Анђелес

др Вјеслав Бориш
Јагелонски универзитет
Краков

др Михаил Вајскопф
Јеврејски универзитет
Јерусалим

др Жана Варбот
Институт за руски језик „В. В. Виноградов“ РАН
Москва

др Вилем Вестстејн
Амстердамски универзитет

др Роналд Врон
Калифорнијски универзитет
Лос Анђелес

др Леонид Гелер
Универзитет у Лозани

др Ханс Гинтер
Универзитет у Билефелду

др Валериј Гречко
Токијски универзитет

академик Јасмина Грковић Мејџор
Универзитет у Новом Саду

др Маћеј Гроховски
Институт за пољски језик ПАН
Варшава

др Персида Лазаревић Ди Ђакомо
Универзитет „Г. д’Анунцио“
Кјети-Пескара

др Рита Ђулијани
Римски универзитет „Сапијенца“

др Александар Жолковски
Универзитет Јужне Калифорније
Лос Анђелес

академик Анатолиј Захнитко
Доњецки национални универзитет „Васиљ Стус“,
Украјински језичко-информациони фонд
Националне академије наука Украјине
Кијев

др Денис Иофе
Универзитет у Бриселу

др Корнелија Ичин
Универзитет у Београду

др Галина *Кабакова*
Универзитет „Сорбона“ – IV
Париз

академик Наталија Корнијенко
Институт за светску књижевност „А. М. Горки“ РАН
Москва

др Јефим Курганов
Универзитет у Хелсинкију

др Јуриј Левинг
Универзитет Делхаузи
Халифакс

др Марк Липовецки
Колумбијски универзитет
Њујорк

академик Луиђи Магарото
Венецијански универзитет „Ка Фоскари“

др Николета Мислер
Напуљски универзитет „Оријентале“

др Сусуму Нонака
Универзитет у Сајтами

др Борис Норман
Белоруски државни универзитет
Минск

др Валериј Отјаковски
Тартуски универзитет

др Јармила Паневевова
Карлов универзитет
Праг

др Александр Парнис
Институт за светску књижевност РАН
Москва

др Игор Пиљшчиков
Калифорнијски универзитет – Лос Анђелес,
Московски државни универзитет „М. В. Ломоносов“,
Универзитет у Талину

академик Предраг Пипер
Српска академија наука и уметности
Београд

академик Владимир Плунгјан
Институт за руски језик „В. В. Виноградов“ РАН
Москва

др Људмила Поповић
Универзитет у Београду

академик Љубинко Раденковић
Српска академија наука и уметности
Београд

др Људмила Сараскина
Државни институт за уметност
Москва

др Игор Смирнов
Универзитет у Констанцу

др Моника Спивак
Институт за светску књижевност „А. М. Горки“ РАН
Москва

др Роман Тименчик
Јеврејски универзитет
Јерусалим

академик Светлана Толстој
Институт за славистику РАН
Москва

академик Зузана Тополињска
Македонска академија наука и уметности
Скопље

академик Андреј Топорков
Институт за светску књижевност „А. М. Горки“ РАН
Москва

академик Анатолиј Турилов
Институт за славистику РАН
Москва

академик Борис Успенски
Напуљски универзитет „Оријентале“,
Национални истраживачки универзитет
„Висока школа економије“
Москва

др Владимир Фещенко
Институт за лингвистику РАН
Москва

др Цереми Хауард
Универзитет Сент Ендрјуз
Фајф

академик Роберт Ходел
Универзитет у Хамбургу

Рецензенти који су рецензирали радове приспеле за св. 100
Зборника Матице српске за славистику

др Марта Бјелетић
др Дојчил Војводић
др Зоран Ђерић
др Корнелија Ичин
др Александра Корда Петровић
др Људмила Поповић
академик Љубинко Раденковић

УПУТСТВО ЗА ПРИПРЕМУ РУКОПИСА ЗА ШТАМПУ

Часопис *Зборник Маџице српске за славистику* објављује оригиналне научне радове о словенским језицима, књижевностима и културама. *Зборник Маџице српске за славистику* објављује студије и расправе, прилоге и грађу, научну критику, приказе, хронику и библиографију. Радови који су већ објављени или понуђени за објављивање некој другој публикацији не могу бити објављени у *Зборнику Маџице српске за славистику*. Ако је рад био изложен на научном скупу, податак о томе треба да буде наведен у напомени на дну прве странице чланка.

Радови се објављују на свим словенским језицима, енглеском, немачком, француском и италијанском. За радове на српском језику примењује се *Правопис српскога језика* М. Пешикана, Ј. Јерковића и М. Пижурце (Нови Сад: Матица српска, 2010).

Радови обима до 16 страница (32.000 словних места) шаљу се електронски у Word формату и, уколико је неопходно, у PDF-у на адресу: milena.kulic@maticasrpska.org.rs или kornelijaicin@gmail.com. Радове рецензирају два компетентна рецензента. Рецензирање је анонимно у оба смера. Аутори ће бити обавештени о томе да ли је рад прихваћен за објављивање у року од два месеца од пријема рукописа.

Елементи рада по редоследу:

а) име и презиме аутора, установа у којој је запослен, електронска адреса (у приказима се наводе испод текста) на језику текста и на енглеском језику;

б) наслов рада верзалом (назив и број пројекта у оквиру којег је настао чланак навести у белешци на дну странице, везаној звездицом за наслов рада) на језику текста и на енглеском језику;

в) сажетак (до 10 редака) на језику текста и на енглеском језику;

г) кључне речи (до 5) на језику текста и на енглеском језику;

д) основни текст;

ђ) литература (одвојено ћирилична и латинична; за рад написан ћирилицом прво дати литературу на ћирилици по азбучном реду презимена аутора, а затим литературу на латиници по абecedном реду презимена аутора; за рад написан латиницом редослед је обрнут; дела истог аутора навести хронолошки; дела истог аутора објављена у истој години навести по азбучном/абecedном реду наслова; ако извор доноси само иницијале, а не пуно име аутора, у литератури могу остати иницијали); ћириличну литературу посебно транслитеровати латиницом;

е) резиме: име и презиме аутора, наслов рада (испод наслова написати Резиме), текст резимеа, кључне речи; уколико је рад на српском језику, резиме може бити на енглеском, руском, немачком, француском или италијанском

језику; уколико је рад на страном језику, резиме је на српском (страним ауторима Уредништво обезбеђује превод).

ж) прилози (фотографије, слике, табеле, факсимили и сл.): означити их бројем, а у основном тексту назначити место прилога (прилог 1, прилог 2 итд.).

Приликом припреме рукописа треба поштовати следеће:

а) наслови засебних публикација (сабраних дела, романа, драма, збирки или циклуса поезије и приповедака, монографија, зборника, часописа, новина, речника, енциклопедија и сл.) у раду се пишу курзивом;

б) наслови појединачних публикација (песама, приповедака, чланака, написа и сл.), а такође називи појединачних уметничких дела (слика, скулптура, композиција, опера, балета, позоришних комада, филмова) у раду се дају под знацима навода;

в) у раду на српском језику страна имена пишу се транскрибовано према правилима *Правописа српскога језика*, а када се страно име први пут наведе, у загради се даје изворно писање, осим ако је име широко познато (нпр. Ноам Чомски) или се изворно пише као у српском (нпр. Владимир Топоров); у парантезама се презиме аутора наводи у изворном облику (Белић 1941), (Barthes 1953), (Якобсон 1987);

г) у раду на српском језику цитати се дају у наводима („...“), а цитат унутар цитата у полунаводима („...“); у радовима на другим језицима приликом цитирања се поштује одговарајући правопис.

Цитирање референци у тексту:

а) упућивање на монографију у целини (Gurianova 2012) или студију у целини (Bowl 2012);

б) упућивање на одређену страницу или више суседних и несуседних страница (Лотман 2012: 139, 143–144), (Strada 1985: 96, 101);

в) упућивање на студије истог аутора из исте године (Эткинд 1982а), (Эткинд 1982б); упућивање на студије истог аутора из различитих година — хронолошким редом (Lachmann 1994; 2002);

г) упућивање на студију два аутора (Гамкрелидзе — Иванов 1984: 320–364); при упућивању на студију више аутора наводи се само презиме првог уз употребу скраћенице и др./et al. (Жолковский и др. 1984: 101), (Hennig et al. 2006: 7–15); упућивање на радове два или више аутора (Зализняк 2008; Иванов 1983; Chyzhevsky 1971; Moskvich 1990);

д) ако је из контекста јасно који је аутор цитиран или парафразиран, у текстуалној библиографској напмени није потребно наводити презиме аутора, нпр.: „Према Марфијевом истраживању (1974: 207), први сачувани трактат из те области срочио је бенедиктинац Алберик из Монте Касина у другој половини XI века“;

ђ) рукописи се цитирају према фолијацији (нпр. 2а–3б), а не према пагинацији, осим ако је рукопис пагиниран.

Цитирана литература се даје у засебном одељку насловљеном ЛИТЕРАТУРА.

Литература се наводи на следећи начин:

а) књига (један аутор):

Белић Александар. *О језичкој природи и језичком развиту: лингвистичка испитивања*. Т. 1. — 2. изд. Београд: Нолит, 1958.

Достоевский Федор. *Записки из подполья*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. Т. 5. Ленинград: Наука, 1973.

- Маклюэн Маршалл. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003.
- Чајкановић Веселин. *Сабрана дела из српске религије и митологије*. Т. 2. Београд: Српска књижевна задруга — БИГЗ — Партедон М. А. М., 1994.
- б) књига (више аутора):
Лотман Юрий, Цивьян Юрий. *Диалог с екраном*. Таллинн: Александра, 1994.
Etkind Efim, Nivat Georges, Serman Ilya, Strada Vittorio. *Histoire de la littérature russe. Le XX siècle*. Т. 1. L'Age d'argent. Paris: Fayard, 1987.
- в) зборник радова:
Flier Michael, Hughes Robert (ed.). *For SK: In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky*. Oakland, Calif.: Berkeley Slavic Specialties, 1994.
- г) рад у часопису:
Krupiński Piotr. "About the Revolutions of 'Planet Auschwitz'. Marian Pankowski's lecture on anti-martyrological literature". *Russian literature* LXX/IV (2011): 553–571.
- д) рад у зборнику радова:
Зубова Людмила. «Глагольная валентность в поэтическом познании мира». Фатеева Наталья (ред.). *Язык как медиатор между знанием и искусством*. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2009: 39–55.
- ђ) публикација у новинама:
Кљакић Слободан. „Черчиллов рат звезда против Хитлера“. *Политика* 21.12.2004: 5.
- е) речник:
ESJS: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* (red. Eva Havlová). Т. 1–. Praha: Academia, 1989–.
- ж) фототипско издање:
Соларић Павле. *Поминак књижески*. Венеција, 1810. Инђија: Народна библиотека „Др Ђорђе Натошевић“, 2003.
- з) рукописна грађа:
Николић Јован. *Песмарица*. Темишвар, 1780–1783: Архив САНУ у Београду, сигн. 8552/264/5.
- и) публикација доступна on-line:
Veltman K. H. *Augmented Books, Knowledge and Culture*. <<http://www.isoc.org/inet2000/cdproceedings/6d/6d.>> 02.02.2002.

Уредништво Зборника Матице српске за славистику

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал *Славистический сборник Матицы сербской* публикует научные работы о славянских языках, литературах и культурах. *Славистический сборник Матицы сербской* печатает статьи и исследования, материалы и сообщения, рецензии, хронику научной жизни и библиографии. Публиковавшиеся ранее работы не могут быть напечатаны в *Славистическом сборнике Матицы сербской*. Если работа была прочитана на научной конференции, данные о конференции необходимо указать в сноске внизу первой страницы.

Работы публикуются на всех славянских, а также на английском, немецком, французском и итальянском языках.

Работы объемом до 16 страниц (32.000 знаков) принимаются в формате Word и, если это необходимо, в формате PDF по электронному адресу: milena.kulic@maticasrpska.org.rs или kornelijaicin@gmail.com. Работы рецензируются двумя компетентными рецензентами. Рецензенты и авторы статей в процессе рецензирования анонимны. В течение двух месяцев с момента получения текста авторам будет сообщено, принята ли их работа к публикации.

Порядок элементов статьи:

а) имя и фамилия автора; учреждение, в котором автор работает; электронный адрес (в рецензиях они помещаются под текстом) на языке работы и на английском языке;

б) название работы прописными буквами (при необходимости в сноске внизу страницы указывается название и номер проекта, в рамках которого осуществлено исследование. Данная сноска оформляется звездочкой) на языке работы и на английском языке;

в) аннотация (до 10 строк) на языке работы и на английском языке;

г) ключевые слова (до 5) на языке работы и на английском языке;

д) текст работы;

е) литература (отдельно на кириллице и на латинице; для работы, написанной кириллицей сначала указать литературу на кириллице, упорядоченную по фамилиям авторов, а потом литературу, написанную латинскими буквами, также упорядоченную по фамилиям авторов; для работы, написанной латинскими буквами, соблюдается противоположный принцип; работы одного автора приводятся в хронологическом порядке; работы одного автора, опубликованные в том же году, приводятся в алфавитном порядке; если источник, наряду с фамилией, сообщает лишь инициалы, в литературе могут оставаться инициалы); провести отдельно транслитерацию литературы с кириллицы на латиницу; провести отдельно транслитерацию литературы с кириллицы на латиницу;

ж) резюме: имя и фамилия автора, название работы (под заглавием написать Резюме), текст резюме, ключевые слова; если работа написана на сербском языке,

резюме может быть на английском, русском, немецком, французском или итальянском языках; если работа написана на иностранном языке, резюме должно быть на сербском языке (для иностранных авторов Редакция обеспечивает перевод);

з) приложения (фотографии, картины, таблицы, факсимиле и пр.): необходимо пронумеровать, а в тексте статьи обозначить их место (приложение 1, приложение 2 и т. д.).

При оформлении рукописи необходимо соблюдать следующее:

а) названия публикаций (собрания сочинений, романа, пьесы, сборника или цикла стихотворений и рассказов, монографии, сборника, журнала, газеты, словаря, энциклопедии и т. п.) пишутся курсивом;

б) названия выборочных публикаций (стихотворения, рассказа, статьи, заметки и т. п.), а также отдельных художественных произведений (картин, скульптур, композиций, опер, балета, спектаклей, фильмов) приводятся в кавычках;

в) фамилия автора в скобках приводится на языке источника (Белић 1941), (Barthes 1953), (Якобсон 1987);

г) цитаты даются в кавычках-«елочках» («...»), цитаты в цитатах — в кавычках-“лапках” (“...”).

Правила оформления при цитировании библиографических источников в тексте:

а) ссылка на монографию (Gurianova 2012) или статью (Bowl 2012);

б) ссылка на определенную страницу или несколько соседних и не соседних страниц (Лотман 2012: 139, 143–144), (Strada 1985: 96, 101);

в) ссылка на статьи одного автора того же года (Эткинд 1982а), (Эткинд 1982б); ссылка на статьи одного автора разных годов — в хронологическом порядке (Lachmann 1994; 2002);

г) ссылка на статью двух авторов (Гамкрелидзе — Иванов 1984: 320–364); в ссылке на статью более двух авторов приводится фамилия лишь первого автора при использовании сокращения и др./et al. (Жолковский и др. 1984: 101), (Hennig et al. 2006: 7–15); ссылка на статьи двух или нескольких авторов (Зализняк 2008; Иванов 1983; Chyzyhevsky 1971; Moskovich 1990);

д) если из контекста понятно, какой автор цитируется или парафразируется, в скобках (parenтезах) можно опустить фамилию автора, напр.: «Согласно исследованию Марфи (1974: 207), первый сохранившийся трактат из данной области написал бенедиктинец Алберик из Монте Касино во второй половине XI века»;

е) при цитировании рукописей применяется фолиация (нпр. 2а–3б), а не пагинация, за исключением тех случаев, когда рукопись пагинирована.

Цитируемая литература приводится в отдельном списке под названием ЛИТЕРАТУРА следующим образом:

а) книга или монография (один автор):

Белић Александар. *О језичкој њрироди и језичком развјику: лингвистичка ис-ишћивања*. Т. 1.–2. изд. Београд: Нолит, 1958.

Достоевский Федор. *Записки из подполья*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. Т. 5. Ленинград: Наука, 1973.

Маклюэн Маршалл. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003.

Чајкановић Веселин. *Сабрана дела из српске религије и митологије*. Т. 2. Београд: Српска књижевна задруга — БИГЗ — Партедон М. А. М., 1994.

б) монография (несколько авторов):

Лотман Юрий, Цивьян Юрий. *Диалог с экраном*. Таллинн: Александра, 1994.

Etkind Efim, Nivat Georges, Serman Ilya, Strada Vittorio. *Histoire de la littérature russe. Le XX siècle*. Т. 1. L'Age d'argent. Paris: Fayard, 1987.

в) сборник работ:

Flier Michael, Hughes Robert (ed.). *For SK: In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky*. Oakland, Calif.: Berkeley Slavic Specialties, 1994.

г) статья в журнале:

Krupiński Piotr. "About the Revolutions of 'Planet Auschwitz'. Marian Panowski's lecture on anti-martyrological literature". *Russian literature LXX/IV* (2011): 553–571.

д) статья в сборнике работ:

Зубова Людмила. «Глагольная валентность в поэтическом познании мира». Фатеева Наталья (ред.). *Язык как медиатор между знанием и искусством*. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2009: 39–55.

е) статья в газете:

Кљакић Слободан. „Черчиллов рат звезда против Хитлера“. *Полиџика* 21.12.2004: 5.

ж) словарь:

ESJS: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* (red. Eva Havlová). Т. 1–. Praha: Academia, 1989–.

з) фототипное издание:

Соларић Павле. *Поминак књижески. Венеција, 1810*. Инђија: Народна библиотека „Др Ђорђе Натошевић“, 2003.

и) рукописный материал:

Ходасевич Владислав. *Записная книжка 1904–1908 гг.* Российский государственный архив литературы и искусства. Москва. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 17.

к) интернет-ресурсы:

Veltman K. H. *Augmented Books, Knowledge and Culture*. <<http://www.isoc.org/inet2000/cdproceedings/6d/6d.>> 02.02.2002.

Редколлегия *Славистического сборника Матицы сербской*

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The journal *Annual Review of Matica Srpska for Slavistics* publishes original scientific papers on Slavic languages, literatures and cultures. *The Annual Review of Matica Srpska for Slavistics* publishes studies and treatises, contributions and materials, scientific criticism, reviews, chronicles and bibliographies. The papers that have already been published elsewhere or sent for publication to another journal or proceedings cannot be published in *The Annual Review of Matica Srpska for Slavistics*. If the paper was presented at a scientific conference, this information should be stipulated in the footnote at the bottom of the first page of the article.

The papers are published in all Slavic languages as well as in English, German, French and Italian. The papers written in Serbian should follow the rules of the *Pravopis srpskoga jezika [Orthography of the Serbian Language]* by M. Pešikan, J. Jerković and M. Pižurica (Novi Sad: Matica srpska, 2010).

The papers should be 16 pages long (32,000 characters) and should be sent electronically in the .doc and, if necessary, .pdf format to the following addresses: milena.kulic@maticasrpska.org.rs or komeliiacin@gmail.com. The papers are reviewed by two competent reviewers. The review process is double blind. The authors will be notified if the paper was accepted for publication within two months after the submission of the paper.

The paper should contain the following elements in this order:

a) the author's name and surname, institution in which the author works, email address (in reviews this is listed after the text) in the language in which the paper is written and in English;

b) the title of the paper in block capitals (name and number of the project which the paper is part of should be listed in the footnote at the bottom of the first page and linked with an asterisk) in the language in which the paper is written and in English;

c) a summary (up to 10 lines) in the language in which the paper is written and in English;

d) key words (up to 5) in the language in which the paper is written and in English;

e) the text of the paper;

f) references (separate references written in Cyrillic and Latin alphabets; for the paper written in the Cyrillic alphabet first list references in Cyrillic alphabetically and then references written in the Latin alphabet alphabetically; for the paper written in the Latin alphabet, the reverse should be done; the works of the same author should be listed chronologically in an alphabetical order of the titles; if the source uses the author's initials, not their full name, then references may include initials); references in Cyrillic alphabetic should be transliterated in Latin;

g) a summary: author's name and surname, title of the paper ('Summary' should be written below the title), the text of the summary, key words; if the paper is written

in Serbian, the summary can be in English, Russian, German, French or Italian; if the paper is written in a foreign language, the summary should be written in Serbian (the publisher will provide a translation of the summary for foreign authors);

h) appendices (photographs, images, tables, facsimiles, etc.); they should be numerically indexed and the basic text should contain their position in the appendix (Appendix 1, Appendix 2, etc.).

When the paper is prepared for publication, the following rules should be followed:

a) titles of separate publications (collected works, novels, dramas, collections or cycles of poetry and stories, monographs, proceedings, journals, newspapers, dictionaries, encyclopedias, etc.) should be written in italics;

b) titles of individual publications (poems, stories, articles, inscriptions, etc.) as well as the titles of works of art (paintings, sculptures, compositions, operas, ballets, theater plays, films) should be written within quotation marks;

c) in the papers written in Serbian the names of foreign authors are transcribed following the rules listed in the *Pravopis srpskoga jezika* [*Orthography of the Serbian Language*]; when the foreign name is mentioned for the first time, the original spelling is put in the parentheses unless the name is generally known (e.g. Noam Čomski — Noam Chomsky) or unless the original spelling is the same as the Serbian transcription (e.g. Vladimir Toporov); the original names of authors are listed in the parentheses, e.g. (Belle 1941), (Barthes 1953), (Якобсон 1987);

d) in the papers written in Serbian the quotations are marked with double quotation marks („...“), and quotations within quotations with single quotation marks (‘...’); in the papers written in other languages the quotations are marked according to the rules of orthography of that language.

Quoting references in the text:

a) referring to a monograph as a whole (Gurianova 2012) or a study as a whole (Bowl 2012);

b) referring to a certain page or more adjacent or non-adjacent pages (Lotman 2012: 139, 143–144), (Strada 1985: 96,101);

c) referring to the works of the same author from the same year (Etkind 1982a), (Etkind 1982b); referring to the works of the same author from different years — chronologically (Lachmann 1994; 2002);

d) referring to a work by two authors (Gamkrelidze — Ivanov 1984: 320–364); when referring to a work by multiple authors, only the surname of the first author is listed followed by the abbreviation *i dr./et al.* (Жолковский и др. 1984: 101), (Hennig et al. 2006: 7–15); referring to the works of two or more authors (Зализняк 2008; Иванов 1983; Chyzhevsky 1971; Moskovich 1990);

e) if it is clear from the context which author was quoted or paraphrased, the textual bibliographical note need not list the surname of the author, e.g.: “According to Murphy’s research (1974: 207), the first preserved tractate from that field was written by Benedictine Alberic from Monte Cassino in the second half of the 11th century”;

f) the manuscripts are quoted by folios (e.g. 2a–3b), not by pagination, unless the manuscript is paginated.

The works cited are listed in a separate section entitled REFERENCES.

They are listed in the following way:

a) a book by a single author:

Белић Александар. *О језичкој природи и језичком развоју: лингвистичка испитивања*. Т. 1.–2. изд. Београд: Нолит, 1958.

Достоевский Федор. *Записки из подполья*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. Т. 5. Ленинград: Наука, 1973.

Маклюэн Маршалл. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003.

Чажкановић Веселин. *Сабрана дела из српске религије и митологије*. Т. 2. Београд: Српска књижевна задруга — БИГЗ — Партедон М. А. М., 1994.

b) a book by more authors:

Лотман Юрий, Цивьян Юрий. *Диалог с экраном*. Таллинн: Александра, 1994.

Etkind Efim, Nivat Georges, Serman Ilya, Strada Vittorio. *Histoire de la littérature russe. Le XXsiècle*. Т. 1. L'Age d'argent. Paris: Fayard, 1987.

c) a collection of papers:

Flier Michael, Hughes Robert (ed.). *For SK: In Celebration of the Life and Career of Simon Karl insky*. Oakland, Calif.: Berkeley Slavic Specialties, 1994.

d) a paper in a journal:

Krupinski Piotr. "About the Revolutions of 'Planet Auschwitz'. Marian Pankowski's lecture on anti-martyrological literature". *Russian literature* LXX/IV (2011): 553–571.

e) a paper in a book of proceedings:

Зубова Людмила. «Глагольная валентность в поэтическом познании мира». Фатеева Наталья (ред.). *Язык как медиатор между знанием и искусством*. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2009: 39–55.

f) an article in a newspaper:

Кљакић Слободан. „Черчилов рат звезда против Хитлера“. *Политика* 21.12.2004: 5.

g) a dictionary:

ESJS: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* (red. Eva Havlová). Т. 1–. Praha: Academia, 1989-.

h) a phototype edition:

Соларић Павле. *Поминак књижески*. Венеција, 1810. Инђија: Народна библиотека „Др Ђорђе Натошевић“, 2003.

i) a manuscript:

Николић Јован. *Песмарица*. Темишвар, 1780–1783: Архив САНУ у Београду, сигн. 8552/264/5.

j) an online publication:

Veltman K. H. *Augmented Books, Knowledge and Culture*. <<http://www.isoc.org/inet2000/cdproceedings/6d/6d>> 02.02.2002.

Editorial board of *the Review of Matica Srpska for Slavistics*

Зборник Матице српске за славистику
Илази двапут годишње
Издавач Матица српска

Славистически сборник
Полугодовой выпуск
Издательство Матица сербская

Review of Slavic Studies
Published semi-annually
Published by Matica Srpska

Уредништво и администрација
Редакција и администрација
Editorial Board and Office:
21000 Нови Сад, Улица Матице српске 1
Телефон — Phone
(021) 420-199, 6622-726
e-mail: milena.kulic@maticasrpska.org.rs
e-mail: kornelijaicin@gmail.com
<http://www.maticasrpska.org.rs>

Зборник Матице српске за славистику, св. 100
закључен је новембра 2021.

За издавача
Проф. др ДРАГАН СТАНИЋ,
председник Матице српске

Технички сарадник Уредништва
МИЛЕНА КУЛИЋ

Технички уредник
ВУКИЦА ТУЦАКОВ

Слова на корицама
ИВАН БОЛДИЖАР

Компјутерски слог
Владимир Ватић, ГРАФИТ, Петроварадин

Штампа
САЈНОС, Нови Сад

Штампање завршено децембра 2021.

CIP — Каталогизација у публикацији
Библиотека Матице српске, Нови Сад
821.16+811.16(082)

ЗБОРНИК Матице српске за славистику = Славистический сборник = Review of Slavic Studies / главни и одговорни уредник Корнелија Ичин. — 1984, 26- . — Нови Сад : Матица српска, 1984- . — 24 cm

Годишње два броја. — Наставак публикације: Зборник за славистику (1970–1983)

ISSN 0352-5007

COBISS.SR-ID 4152578

Штампање овог Зборника омогућило је
Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије